

Б.Й. Желицки, Ч.Б. Желицки

Венгерские
эмиграционные
волны
и
эмигранты

середина XIX –
конец 50-х годов
XX века

Российская академия наук
Институт славяноведения

Б.И. Желтцын, Ч.Б. Желтцын

Венгерские
эмиграционные
волны
и
эмигранты

середина XIX –
конец 50-х годов
XX века

Москва «ИНДРИК» 2012

УДК 94(439)
ББК 63.3(0)5/6
Ж 51

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект №12-01-16036)

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, проф. Г.Ф. Матвеев
кандидат исторических наук Т.А. Покивайлова

Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б.

Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX – конец 50-х годов XX века). М.: «Индрик», 2012. — 600 с.

ISBN 978-5-91674-205-3

В монографии рассматриваются массовые эмиграционные процессы, имевшие место в Венгрии на разных этапах истории начиная с 1849 г. по 1957 г. включительно. В ней впервые в отечественной и зарубежной историографии научному анализу подвергается большой комплекс материалов по экономической (трудовой) и политической эмиграции, позволяющий получить цельное представление об этих сложных процессах. Прослеживаются три крупные эмиграционные волны, исходившие из страны, раскрыты причины и обстоятельства их возникновения, прохождения крупных эмигрантских потоков в восточном и западном направлении, показана география размещения трудовых и политических эмигрантов в разных странах мира, включая Россию (СССР), США и Канаду, ряд государств Европы и Южной Америки, а также Австралию.

В работе особое внимание уделено характеристике политических эмиграций, возникших вследствие исторических катаклизмов (мировых войн и революций). Анализ этих сюжетов охватывает эмиграцию участников венгерской национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., политических революций 1918–1919 гг., беженцев-эмигрантов Второй мировой войны и революции 1956 года. Авторы характеризуют основные и наиболее существенные отряды и группы политэмиграции разной идейно-политической ориентации, представляют их основные организации и центры (Москва, Вена, Берлин, Прага, Париж, Нью-Йорк), а также биографии или политические портреты наиболее видных представителей и руководящих деятелей.

© Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б., текст, 2012

© Институт славяноведения РАН, 2012

© Издательство «Индрик», оформление, 2012

ISBN 978-5-91674-205-3

ВВЕДЕНИЕ

В истории человечества, начиная с великого переселения народов, времена происходили как большие массовые, так и малые миграционные процессы, в ходе которых отдельные группы населения одной страны перемещались на территорию других стран. Эмиграционные процессы нового и новейшего времени были вызваны уже более известными и вполне объяснимыми причинами, хотя они далеко не всегда нашли должное отражение в национальной истории отдельных народов и стран. Такие перемещения людей имели место почти в каждом из государств Европы и именовались эмиграцией. Сама *эмиграция* как явление или процесс в энциклопедической формулировке, в основном, определяется как выезд граждан из своей страны в другую на постоянное жительство либо на более или менее длительный срок по политическим, экономическим и другим причинам. Людей, вовлечённых в этот процесс, называют *эмигрантами*, которые, в свою очередь, добровольно или по вынужденным обстоятельствам оставляют свою страну, гражданами которой являются, и селятся в другом государстве. Известно, что в XIX–XX веках Европа стала важным источником заселения других континентов и, прежде всего, американского, куда отправлялись значительные массы европейцев. Иными словами, регионы Европы на отдельных этапах истории по разным причинам становились донорами и оказались втянутыми в групповые или массовые перемещения людей. Эти сдвиги иногда выливались в весьма существенные массовые процессы, исходившие отдельными *эмиграционными волнами и потоками* из разных стран Европы. Эмиграция, таким образом, также предстаёт в качестве одного из характерных явлений европейской истории, и она особенно отчётливо давала о себе знать в последние два века в форме индивидуального, группового и массового перемещения людей. Миграция рабочей силы по экономическим причинам и вынужденное переселение людей в другие страны и на другие континенты по политическим мотивам, по сути, также стали одной из специфических черт проявления общности судеб европейских народов. Правда, массовой эмиграцией не все страны и народы Европы были охвачены одинаково.

Эмиграционные процессы, национальные эмиграции и эмигранты как темы специальных научных разработок долгое время не числились в планах

исторических исследований в качестве приоритетных. Сказывался подход правящих кругов к эмигрантам, которых часто считали ненужной, отброшенной частью общества, выкинутой из национальной истории. В результате научному изучению подлинной истории эмиграционных процессов, жизни ведущих эмигрантов и эмигрантских центров не уделялось должного внимания. Связанные с этими проблемами вопросы в угоду актуальным политическим интересам часто замалчивались, оставаясь в лучшем случае на периферии исследовательского интереса отдельных учёных. Трудности изучения названных проблем, помимо явного нежелания правящих политических элит допускать историков к анализу этих деликатных и явно неудобных для себя вопросов, часто связаны также с недоступностью базовых источников, кстати, также «разбросанных» по всему миру, как и сами эмигранты. Ведь эмиграция так или иначе связана с «отторженной», хотя иногда весьма ценной частью общества, которая по ряду причин оказывается вытесненной из социального организма, из политической и культурной жизни той или другой страны. Бывало, как и в случае с исследуемой венгерской эмиграцией, что эмигрантами становились не только отдельные, со временем преданные забвению исторические личности, но и довольно значительные пласты самых различных слоёв населения. В этой связи небезразлично выяснить реальные причины и обстоятельства возникновения массовых эмиграционных волн и потоков, проследить основные направления их продвижения и места последующей концентрации трудовых мигрантов и политических беженцев, представлявших собой источник будущих политэмиграций. Не менее важно исследовать процессы размещения эмигрантов по странам мира, показать возникновение важнейших эмигрантских центров, раскрыть деятельность разных отрядов национальной эмиграции.

В изменившихся на рубеже 80–90-х годов XX века исторических условиях, когда сковывавшие историков идеологические оковы были сброшены и многие европейские страны бывшего лагеря «реального социализма», став членами Евросоюза, снова столкнулись с проблемами миграции части населения (правда, в её несколько видоизменённых формах), когда появился живой интерес к историческому опыту *национальных эмиграций*, а на родину начали возвращаться (или уже вернулись) многие эмигранты прежних десятилетий, изучение указанных проблем и процессов прошлого стало особенно актуальным.

Обращаясь к историческому опыту венгерских эмиграций, к характеристике массовых эмиграционных волн и потоков, нельзя хотя бы на уровне констатации не отметить, что подобными процессами в Новое время была охвачена не только Венгрия, но и целые регионы Европы, начиная с её западной части и кончая восточной. Впрочем, в характере и содержании основных цивилизационных, культурно-исторических и модернизационных процессов всей Европы также проявилось много общего. Начавшись на Западе, они с неболь-

шими интервалами охватывали затем всё европейское пространство. Здесь достаточно сослаться на принятие христианства, отмену крепостничества или промышленный переворот, за которым последовал стремительный экономический подъём, начался рост городского и индустриального населения. К сожалению, такими же общими для судеб большинства европейских народов стали и последующие политические и социальные потрясения глобального масштаба, вызванные в XX веке двумя мировыми войнами и рядом революций, которые охватили европейские регионы. Все они сопровождались *массовыми перемещениями* значительной части населения одних стран в другие и особенно за океан. В своей основе это были *вынужденные миграционные процессы*, приведшие к появлению громадного числа беженцев и эмигрантов, оставившие глубокий след в судьбе и историческом сознании народов Европы.

Массовые потоки эмигрантов за океан в XIX веке стали общеевропейским явлением. По имеющимся подсчётам, они только до Первой мировой войны унесли из Европы порядка 50 млн. человек, которые большей частью поселились в Америке. Основной страной, куда в своей массе устремились мощные потоки европейской эмиграции, стали Соединенные Штаты Америки. Большинство европейцев (35 млн. человек) направлялось именно в эту североамериканскую страну. В результате население США, которое в конце XVIII века насчитывало около 4 млн. человек, стремительно выросло. До 1880 г. туда уезжали в основном эмигранты из северных и западных стран Европы, а затем из Италии, Австро-Венгрии и России. В новом потоке переселенцев и эмигрантов, оказавшихся в 1880–1914 гг. на территории США, число выходцев из *венгерской части* Австро-Венгрии составило порядка 2 миллионов человек¹.

Трудовая миграция (экономическая эмиграция) с территории Венгерского Королевства в составе двуединой монархии к концу XIX века стала таким же *массовым явлением*, как для других стран и народов Центральной и Восточной Европы с преобладающим сельским населением. Эти регионы, следуя по т. н. прусскому пути капиталистического развития, имея значительные излишки свободных (незанятых) рабочих рук, вслед за Западной и Северной Европой стали основными поставщиками рабочей силы за океан. Запоздалое промышленное развитие, относительно медленный рост городов и избыток аграрного населения в них приводили к стремительному росту эмиграции. Правительства стран этих регионов, среди них Венгрии, практически не ставили препятствий перед устремившимися на заработки за океан трудовыми мигрантами. Власти не считали их окончательно потерянными для страны, полагая, что присылаемые или привозимые ими на родину денежные средства станут важным материальным подспорьем для содержания семей безземельных и малоземельных крестьян и для экономического развития страны в целом. В результате на рубеже XIX–XX веков миллионам уроженцев многонациональной Венгрии пришлось испытать нелёгкую судьбу экономического эми-

гранта именно за океаном. Многие из трудовых мигрантов, вернувшись на родину, тратили накопленные средства на приобретение участка земли, улучшение материального положения и быта своих семей. Но немало людей, направившихся в Америку в поисках лучшей доли, в итоге переселились туда целыми семьями. По имеющимся подсчётам, на родину вернулось не более 40% эмигрировавших², остальные же со временем становились гражданами тех стран, куда выезжали на заработки, нередко создавая там небольшие поселения или кварталы в городах. На рубеже веков из отдельных стран Европы в Америку выехало столько людей (при массовых эмиграционных потоках до 10–12% взрослого населения!)³, что грозило даже самому существованию отдельных этносов.

Массовая эмиграция в XIX–XX веках охватила страны Европы в разной степени, но на Венгрии, если считать и беженцев, покинувших страну по политическим причинам, она отразилась особенно сильно. Для неё эмиграционные волны и потоки были тесно связаны с весьма серьёзными политическими и социально-экономическими причинами либо прямо вызваны ими. Так, поражение венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. привело к *первой массовой эмиграции* части венгерских борцов за свободу и независимость. Тогда, во главе с Лайошем Кошутом (1802–1894) политическими беженцами стали до 6 тыс. бывших воинов-защитников родины (хонведов), многие из которых впоследствии остались в эмиграции. Несколько позже, уже после австро-венгерского соглашения (1867 г.), территорию Венгерского Королевства охватила нарастающая вплоть до начала Первой мировой войны трудовая эмиграция, вызванная *социально-экономическими причинами*. Правящие круги страны не могли всех обеспечить работой, поэтому даже способствовали отправке «лишних» людей за океан на заработки. Правда, тогда такова была не только венгерская, но и общеевропейская практика миграции больших масс населения.

Эмиграционные потоки, исходившие до начала Первой мировой войны с территории исторической Венгрии, являлись *многонациональными* по составу, как и сама страна. На том этапе стихийная эмиграция охватила преимущественно сельское, крестьянское население королевства. В гораздо меньшем объёме с начала XX века в эмиграцию стали отправляться и промышленные рабочие, пополняя ряды трудовых мигрантов. Представители этих беднейших социальных слоёв населения в своей массе отправлялись за пределы Венгрии с решимостью заработать средства и вернуться на родину, но их благим намерениям помешала мировая война. Она заставила многих европейцев, включая венгров, остаться в эмиграции преимущественно в США и Канаде. Меньшая часть иммигрантов «застряла» в странах Южной Америки. Судьба новых поселенцев и многочисленных эмигрантов с территории королевской Венгрии, оставшихся на чужбине до Первой мировой войны, ещё не стала предметом специальных исторических исследований.

В XX веке резко изменился характер самих исходивших из страны эмиграционных процессов. Наступивший век был полон исторических потрясений и катаклизмов, крутых общественно-политических поворотов, перемен и системных преобразований, вызванных двумя мировыми войнами, социальными и политическими революциями. После Первой мировой войны и последовавших за ней революций коренным образом изменилась судьба народов Венгрии. Страна лишилась значительной части своих исторических земель, основных промышленных регионов, причём не только национальных окраин, но и значительных территорий компактного проживания венгров. Это, естественно, повлекло за собой изменение национально-этнического состава эмиграции, который становился почти однородным, а в социальном отношении более разнообразным, охватывая самые разные слои венгерского общества. На смену экономической эмиграции пришли *новые эмиграционные потоки*, носившие уже преимущественно *политический характер*. Политические повороты и системные сдвиги XX века способствовали превращению самых разных групп населения в беженцев и политэмигрантов, заставляя их поочерёдно оставлять пределы венгерского государства.

Политэмигрант с послевоенных лет стал такой же характерной знаковой фигурой эмиграционных процессов нового столетия, каким был трудовой (экономический) эмигрант для последней трети XIX – начала XX века. Политэмиграция имела место в разных странах Центральной Европы, но далеко не везде и не столь часто набирала такие масштабы и массовость, как в Венгрии. И хотя первые группы и отряды политических беженцев и эмигрантов оставили её пределы ещё в 1918 и 1919 гг., находя приют сначала в близлежащих странах Центральной Европы и в Советской России, в дальнейшем *основным направлением* их массового исхода из страны, как и в случае экономической эмиграции, стали государства Западной Европы и Америки. Не находя взаимопонимания с очередной утвердившейся в Венгрии властью по ключевым политическим, идейным и мировоззренческим вопросам, они уезжали из страны. Своё вынужденное пребывание за рубежом беженцы и политэмигранты, как правило, считали временным, надеясь на возможность скорого возвращения. Политэмигранты вдали от Венгрии дожидались перемен либо сами прилагали усилия к тому, чтобы изменить ситуацию на родине, хотя им это удавалось редко. Отношение властей к политэмигрантам было иным, чем к трудовым мигрантам. Официальные круги, как правило, если не враждебно, то весьма настороженно относились к политическим беженцам и эмигрантам, получившим убежище в других странах, не без основания считая их своими непримиримыми противниками.

Хотя политэмиграция наиболее характерна для Венгрии именно в XX столетии, страну и в прежние века покидали по политическим причинам и скитались на чужбине отдельные политические деятели. В качестве примера здесь достаточно назвать имя такой исторической личности, как Ференц Рако-

ци II (1676–1735), руководитель венгерской освободительной борьбы 1703–1711 гг., поражение которой сделало его эмигрантом в Польше и царской России, во Франции и Турции, где он скончался. Самым широко известным венгерским эмигрантом являлся, однако, уже упоминавшийся лидер венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Лайош Кошут, который вместе с соратниками также вынужден был искать убежище в Турции, чтобы затем пытаться организовать сопротивление австрийским Габсбургам, не прекращая борьбы за независимость Венгрии. Кошутовская эмиграция стала предшественницей, дальней прелюдией всех последующих политэмиграций, исходивших из Венгрии в XX веке. Хотя история этой эмиграции больше других затрагивалась исследователями, российскому читателю она осталась малоизвестной, поэтому её общую характеристику авторы посчитали целесообразным кратко представить в настоящей монографии.

Двадцатый век существенно преумножил число *массовых эмиграционных процессов*, как и ряды покинувших Венгрию известных политэмигрантов. Эти вопросы до сих пор мало или вовсе не изучались историками и поэтому российскому читателю практически остаются неизвестны. Надеемся, что настоящим трудом этот пробел, хотя бы частично, может быть устранён. Взвзвись за освещение основных аспектов исходивших из Венгрии массовых эмиграционных волн и потоков экономического и политического характера широкого исторического периода (1849–1957 гг.), авторы посчитали необходимым дать также краткие биографические характеристики или политические портреты наиболее видных представителей политэмиграции прошлого, начиная от Кошута и его соратников и заканчивая эмигрантами венгерской революции 1956 года.

Череда последовавших друг за другом в XX веке крупных эмиграционных волн и потоков, возникших под влиянием серьёзных экономических и политических факторов, превратила многие сотни тысяч граждан Венгрии в трудовых (экономических) мигрантов и политических беженцев (политэмигрантов), привела к формированию больших и многочисленных малых эмигрантских групп, а также ряда центров венгерской эмиграции в разных странах мира. Освещая этих процессы в их хронологической последовательности и характеризуя события в связи с политической историей венгерского государства, авторы выделяют ключевые даты, с которыми так или иначе связаны отдельные исторические события, а также массовый исход из страны тех или других эмиграционных потоков. Такими ключевыми датами являются 1849, 1918 и 1919, 1945 и 1947 гг., а также 1956 г., с которыми связано начало тех или других наиболее значимых политических эмиграций. Эти вехи, по сути, обозначают как коренные переломы в жизни страны (частые смены политических режимов и даже общественно-политических систем), социальные и политические последствия которых почувствовали миллионы венгерских граждан, так и начало эмиграционных процессов, ставших предметом анализа в настоящей работе.

Рассмотрение эмиграционных процессов показывает, что судьбу политэмигранта пришлось испытать как плеяде сошедших с политической сцены государственных и партийно-политических деятелей Венгрии, так и их соратникам, не признавшим и не принявшим последующие режимы власти. Эмиграцию политического характера в XX веке первыми испытали на себе представители бывших властных структур двух первых в венгерской истории республик – буржуазно-демократической Народной (1918) и Венгерской Советской республики (1919) – после их поражения. Оставив вместе с единомышленниками пределы государства, они провели десятилетия в качестве политэмигрантов в странах Центральной и Восточной Европы. Группы и отряды этих эмиграций (буржуазно-демократической; социал-демократической; буржуазной леворадикальной) прошли разные пути становления и развития. Эмигранты этих отрядов обосновались в основном в Австрии, Германии, Советской России и отчасти в Чехословакии. Наряду с ними существовала ещё и выросшая на базе бывших военнопленных австро-венгерской армии коммунистическая эмиграция из уроженцев Венгрии в России, представлявшая собой отдельную ветвь политэмиграции. Она впоследствии пополнялась свежими силами. Разных в идейно-политическом и организационном отношении представителей этих эмиграций объединяли только ненависть и стремление к скорейшему свержению утвердившегося в Венгрии контрреволюционного, а по сути консервативного политического режима во главе с регентом (правителем страны) Миклошем Хорти (1868–1957).

Отмеченные ветви политических эмиграций 1918–1919 гг., их идейно-политическая платформа, характеристика основных эмигрантских отрядов и групп, взаимоотношения между ними, а также представление ведущих эмигрантов и характеристика их деятельности, позиций и взглядов стали предметом анализа и освещения в монографии. Рассматривая эти вопросы на конкретном историческом материале, авторы уделили особое внимание раскрытию обстоятельств зарождения, процесса становления и развития как коммунистической эмиграции в Советской России (СССР), так и буржуазно-демократической и социал-демократической, которые обосновались и создали свои центры в Вене, Праге и Берлине. Деятельность московского и остальных эмигрантских центров прослеживается в работе вплоть до начала 1940-х годов и содержит анализ попыток налаживания контактов и сотрудничества между разными группами этих *революционных политэмиграций*. Здесь, как и в случае всех последующих эмиграционных потоков и значимых отрядов, авторы считали необходимым попытаться выявить примерную численность охваченных ими эмигрантов и по возможности определить также их основные социально-структурные и профессиональные параметры.

Излагая устремления, организационные и идейно-политические характеристики основных формирований венгерской политэмиграции XX века, оценивая их реальные шансы и возможности, авторы стремились раскрыть их

действия в тесной взаимосвязи с историческим контекстом. С этой целью в монографии при необходимости приведены также краткие исторические справки, позволяющие разобраться в сложной внешней и внутренней обстановке и понять конкретные причины возникновения и долговременного функционирования режима М. Хорти, столь ненавистного левым силам политэмиграции. Такого же принципа и подхода придерживались при описании предпосылок и проблем, связанных с последующими эмиграционными волнами и потоками (1945, 1947 и 1956 гг.). При освещении эмиграционных потоков 1918 и 1919 гг. представлялось целесообразным и важным раскрыть также те идейные и организационные причины, которые между двумя мировыми войнами помешали руководящим кругам разных ветвей политэмиграции объединить свои усилия в борьбе с режимом Хорти, позволив функционировать ему на протяжении четверти века. Используя заявления и оценки ведущих представителей политэмиграций, авторы книги стремились показать, что, вопреки попыткам сближения, между разными группами эмиграции с самого начала существовали непреодолимые идейно-политические разногласия, ставшие преградой к их возможному сотрудничеству, не говоря уже о такой универсальной болезни, как фракционная борьба.

Наряду с центральноевропейским и восточным направлением венгерской *политэмиграции* в монографии важное место уделено также её *западному направлению*, которое в дальнейшем стало главным и определяющим. После Первой мировой войны возобновились потоки трудовой эмиграции в направлении Западной Европы и Америки, где ранее уже существовали поселения выходцев из Венгрии. В межвоенные годы, по ряду показанных в книге причин, их охотно принимали Канада и страны Южной Америки. Тогда лишь отдельным политэмигрантам удавалось переехать и обосноваться в США, где основными местами их размещения стали Нью-Йорк и его окраины. Правда, части политэмигрантов из Венгрии непосредственно накануне Второй мировой войны, а затем после её окончания удалось поселиться в этой стране. Соединённые Штаты стали главным местом базирования венгерской политэмиграции лишь с конца 1940-х и в 1950-е годы, не раз получая при этом приток свежих сил.

Западная политэмиграция в те десятилетия выросла до небывалых масштабов и достигла значительной массовости. Это обстоятельство заставило авторов отвести ей два специальных раздела, в которых анализируются отдельные и разные по характеру эмиграционные процессы, с одной стороны, вызванные последствиями Второй мировой войны, а с другой, связанные с поражением венгерской революции 1956 г. В разделах особое место уделено базовым источникам становления этих массовых эмиграционных процессов – показано накопление и содержание беженцев войны и упомянутой революции в соответствующих лагерях, их последующее распределение и отправка по странам уже в качестве политэмигрантов. Вызванные разными причинами

массовые потоки венгерских вынужденных беженцев и будущих политэмигрантов, отправившихся на Запад, подвергаются в исследовании тщательному анализу. Рассматриваются причины и обстоятельства эмиграции, показан процесс их стихийной и массовой концентрации сначала в сопредельных с Венгрией странах, а затем в местах их окончательного размещения, анализируются состав, пути и этапы их превращения в политэмигрантов. В соответствующих разделах характеризуются важнейшие аспекты организационной и политической деятельности основных эмигрантских центров, отрядов и других структур. При всём этом, как и в случае с прежними потоками эмиграции, применительно к крупным эмигрантским группам и формированиям определяются их примерная численность, социальный и профессиональный состав, а также прочие характеристики. Это в равной мере касается эмигрантов и 1945, и 1956 гг. Разделы монографии дают читателям возможность ближе ознакомиться как с действовавшими в стране, так и с оказавшимися в эмиграции венгерскими политиками эпохи. Они содержат редкие сведения о наиболее видных представителях национальной политэмиграции, об эмигрантских центрах на Западе, об их устремлениях и деятельности.

Приведённая общая характеристика основных черт и содержания западного направления венгерской политэмиграции была бы неполной без некоторых важных дополнений. Следует учитывать, что в 40–50-е годы прошлого века на Запад по политическим причинам отправилось гораздо больше вынужденных эмигрантов, чем после Первой мировой войны, в том числе известные представители политической, общественной и культурной жизни Венгрии. И это, безусловно, касается также политэмигрантов периода венгерской народной демократии (1945–1948 гг.). Часть из них, особенно, если они занимали активную позицию в жизни эмиграции, широко представлена в монографии. Разумеется, далеко не все беженцы, покинувшие страну по политическим причинам, стали активными политэмигрантами. Естественно и то, что структуры, созданные разными потоками эмиграции, в идейно-политическом отношении сумели сохранить своё многообразие, что, однако, не всегда располагало к сотрудничеству между ними. Нельзя не отметить и то, что политэмигранты 1945 г. априори представляли собой силы правого и центристского политического спектра, являясь в своей массе выходцами из правящих кругов межвоенной Венгрии и их ближайшего окружения. Правда, наряду с ними в эмигрантской среде оказались и рядовые представители буржуазных и мелкобуржуазных слоёв. Это были напуганные приближением линии фронта и «красной опасностью» люди, которые в своё время стихийно примкнули к потокам беженцев. Оказавшись на Западе, они дожидались благоприятных для себя перемен, чтобы вернуться на родину. В западной эмиграции присутствовала и небольшая часть крайне правых сил, представители которых ранее тесно сотрудничали с гитлеровскими оккупантами, участвовали в отстранении Хорти от руля управления страной и узурпировали власть в 1944 г. Малочисленные крайне

правые и ультралевые группировки в организационные структуры венгерской политэмиграции на Западе не допускались. При анализе сюжетов, связанных с эмиграцией после Второй мировой войны, приходилось учитывать все эти факторы, а также то, что среди венгерских беженцев войны и эмигрантов насчитывалось немало бывших соотечественников, родные места которых после войны вновь оказались за пределами новых границ венгерского государства. В отдельных случаях это требовало соответствующих оговорок или кратких справок.

Западная венгерская эмиграция после мировой войны получила свежее пополнение не только за счёт названных слоёв. В 1947–1949 г. она обогатилась ещё одним источником, правда, не столь многочисленным, но весьма существенным для её судеб. Речь идёт о силах послевоенной народной демократии, привнесённых новым эмиграционным потоком тех лет. Данное пополнение с его активностью и возможностями создало в политическом отношении качественно новую ситуацию во всей венгерской эмиграции, принципиально изменив её характер. В монографии на конкретном материале показано, что определяющими личностями данного пополнения стали бывшие государственные и партийно-политические деятели *венгерской народной демократии* (1945–1948). Эта свежая и активная сила эмиграции образовалась не на массовой, а на индивидуальной и групповой основе из числа ведущих представителей демократических партий Венгрии, по сути изгнанных из страны коммунистами. Названное пополнение не только существенно обогатило политическую палитру послевоенной венгерской эмиграции на Западе, но и стало ядром формирования её организационной структуры. В этом потоке вынужденной эмиграции оказалась целая плеяда известных венгерских политиков, которые до того представляли собой основной контингент правящей демократической коалиции Венгрии. За годы совместного правления страной и сотрудничества с коммунистами они успели приобрести ценный опыт политических компромиссов, но отстаивать демократию им так и не удалось. Став в итоге главной преградой на путях утверждения в Венгрии тоталитарного режима, эти силы подверглись давлению, и им пришлось покинуть пределы государства. Отправляясь в вынужденную эмиграцию, они надеялись при помощи Запада защитить демократию в Венгрии. В эмиграции именно они стали той силой, которая (в отличие от эмигрантов 1945 г.) встретила сочувствие и понимание в политических кругах западной демократии, однако, как показано в работе, в тех исторических условиях западные страны не решались, или же не могли предпринять действенных мер для защиты венгерской демократии. Вместе с тем предоставление венгерской демократической эмиграции (прежде всего, со стороны США) реальных возможностей для ведения активных организующих и политических действий на Западе позволило её ведущим деятелям взяться за сплочение рядов и мобилизацию сил политэмигрантов во всём западном мире. Проявив инициативу, они в последующие годы усердно

работали над созданием главного организационного центра и единой структуры национальной политэмиграции.

Учитывая определяющую роль и значение этих сил в организации и руководстве всей эмиграцией в послевоенные десятилетия, в работе отведено соответствующее место и уделено особое внимание всестороннему анализу причин и обстоятельств появления эмиграционного потока 1947–1949 гг., раскрытию действий и освещению вклада руководителей демократической эмиграции в развитие всего эмиграционного движения. Монография содержит характеристику основных представителей данного потока политэмиграции, бывших политических деятелей страны и дипломатов, покинувших свой пост в знак протеста против свёртывания демократии в Венгрии. Все они приняли самое активное участие в сплочении рядов эмиграции в западном мире. Освещение этих аспектов занимает весьма важную часть настоящего исследования.

Последующее масштабное пополнение рядов эмиграции на Западе произошло за счёт беженцев, покинувших Венгрию после подавления венгерской революции 1956 г. советскими войсками. Участники этой новой мощной эмиграционной волны самим фактом своего бегства из страны протестовали как против внешнего силового вмешательства, так и действий, направленных на возвращение Венгрии к старым, отвергнутым революцией порядкам. Нет сомнения, что малоизученный процесс этой массовой эмиграции нуждается во всестороннем исследовании историками. Обратившись к *эмиграционным аспектам* венгерской революции, до сих пор даже не затронутым в российской историографии, авторы выделили для их освещения самостоятельный раздел в монографии. Они попытались на доступном им литературном и документальном материале охарактеризовать реальные причины и мотивы массового бегства людей из страны, проследить пути и этапы этого процесса, включая их пребывание в австрийских и югославских лагерях для политических беженцев, а также размещение их по странам как политэмигрантов. Для анализа этого комплекса проблем авторы, наряду со специальной литературой и архивными материалами, привлекли даже такой нетрадиционный источник, как результаты двух социологических опросов, проведённых по свежим следам событий американскими учёными среди венгерских эмигрантов. Освещение этих вопросов, а также взглядов и позиций оказавшихся на Западе венгерских эмигрантов 1956 г., определение их численности и структуры – далеко не полный перечень заслуживающих внимания проблем, которые затрагиваются в работе. В равной мере касается это также взаимоотношения эмигрантов разных лет между собой и проблем их адаптации к условиям западной жизни.

Обозначив основные контуры и общезначимые черты массовых эмиграционных процессов, исходивших из Венгрии с середины XIX века до конца 50-х годов XX века, следует обратить внимание на их импульсивное, волнообразное развитие. За рассматриваемый в монографии период пределы венгерского государства отдельными волнами и потоками оставили разного рода

и политического содержания эмиграции. В составе *трёх мощных эмиграционных волн* насчитывалось несколько потоков. Последовательность их исхода из страны стала определяющей при определении макро- и микроструктуры настоящего исследования. Нельзя не заметить также, что всплески эмиграционных волн и потоков прямо или косвенно связаны с конкретными историческими обстоятельствами, либо являются их непосредственными последствиями.

Первая эмиграционная волна, ставшая массовой на рубеже веков, стартовала в качестве потоков экономической (трудовой) миграции, развитие которой в 1914 г. прервала Первая мировая война. К концу войны её завершающим аккордом стали разнородные потоки политической эмиграции. В главах первого и второго раздела книги они вместе предстают в качестве одной *массовой эмиграционной волны*. При этом раскрыты конкретные причины возникновения и нарастания трудовой и политической эмиграции, показан рост числа *трудовых мигрантов*, прослеживается их продвижение к местам поселения, анализируются условия труда и жизни на чужбине. В работе на конкретном материале показано, что экономическая эмиграция, считавшаяся долгое время частным делом и «добровольным» выбором отдельных граждан, на самом деле для многих безземельных крестьян и безработных рабочих стала формой выживания, т. е. социально-экономической необходимостью. Трудовая эмиграция из многонациональной исторической Венгрии унесла за океан огромную массу людей, большинство из которых уже не вернулось на родину. По данным, обнародованным в 1984 г. генеральным секретарём Всемирного Союза венгров Я. Гостони, только из венгерской части Австро-Венгерской монархии в поисках работы и в качестве переселенцев с 1880 по 1913 гг. в Америку прибыло в общей сложности 2 млн. 39 тыс. 223 венгерских гражданина (считая совершивших трудовую миграцию повторно)⁴. Следует учесть, однако, что среди них венгры по национальности, по оценочным данным, составляли порядка 30-40%. После Первой мировой войны экономическая эмиграция хотя и возобновилась, уже не набирала прежнего масштаба и интенсивности.

На завершающем этапе мировой войны первая эмиграционная волна вылилась в потоки политической эмиграции, из которых и сформировались самостоятельные отряды политэмигрантов *разного идейно-политического характера*, действовавшие впоследствии в сопредельных с Венгрией странах и в Советской России. Характеристика этих ветвей политэмиграции, анализ их деятельности составляют основное содержание глав соответствующих разделов книги. В них раскрыта деятельность важнейших центров и ведущих представителей политэмиграций в Вене, Берлине, Москве, Праге и отчасти в Париже, характеризуются позиции и планы их руководителей, а также взаимоотношения между ними.

В связи с формированием *восточной ветви* политэмиграции здесь целесообразно отметить, что она выросла на базе оставшихся в революционной

России бывших военнопленных австро-венгерской армии, представители которых были привлечены в своё время российскими большевиками к их движению. Активная часть этой эмиграции выросла из рядов интернационалистов и, став коммунистами, представляла собой зародыш будущей *компартии Венгрии* и *коммунистической политэмиграции*, которая сформировалась из уроженцев Венгрии и действовала на территории Советской России и СССР. Весной 1919 г. часть этих сил играла определяющую роль в провозглашении Венгерской Советской республики и руководила ею на протяжении 133 дней. После её поражения их основные силы вернулись на советскую землю, откуда вели непримиримую борьбу с хоргистским режимом. Легальное возвращение в Венгрию им было заказано. Четверть века они оставались политэмигрантами в СССР. Важнейшим аспектам коммунистической эмиграции между двумя мировыми войнами в монографии отведены самостоятельные главы.

Последующие крупные, исходившие из Венгрии волны массовой эмиграции уже были результатом очередных исторических потрясений и испытаний, которые затронули страну и выпали на долю венгерского народа в XX веке. *Вторая мощная миграционная волна*, которая началась с конца Второй мировой войны, находит отражение в третьем разделе монографии и связана с такими вехами в истории страны, как 1945 и 1947 гг. Анализ этой волны содержит характеристику общего воздействия мировой войны на миграционный процесс, освещение массового потока беженцев, проблем их размещения и проживания в лагерях с определением социального состава и политической принадлежности, показом важнейших аспектов их отправки в эмиграцию по странам мира. В том же разделе раскрыты основные вопросы *коммунистической реэмиграции* и роли её ведущих представителей в преднамеренном создании в послевоенной Венгрии обстановки, которая с 1947 г. привела к появлению нового потока венгерской политэмиграции, к изгнанию или вынужденному удалению из страны основных деятелей главных демократических партий периода народной демократии.

Начавшись на завершающем этапе последней мировой войны, вторая массовая волна эмиграции выросла на базе весьма значительного числа гражданских беженцев, которые с приближением линии фронта стихийно либо осознанно покидали пределы Венгрии вместе с гражданами, эвакуированными и насильно угнанными из страны. Они, опережая остатки отступавших венгерских войск, двигались в западном направлении. Образовавшийся мощный поток гражданских беженцев, вместе с остатками венгерской армии, по имеющимся подсчётам, составлял около *одного миллиона* человек, большинство из которых после окончания боевых действий вернулось в страну. Невозвращенцы, а также часть военнопленных после временного пребывания в лагерях на территории Австрии и Германии становились эмигрантами. Они представляли собой весьма разнородную послевоенную *венгерскую эмиграцию 1945 г.*, в своей основе правого и правоцентристского политического толка.

Продвижение потока беженцев, обстоятельства проживания последних в лагерях и их превращение в эмигрантов, процесс последующего размещения по странам тоже нашли освещение в монографии. Предпринята нами и попытка определения примерной численности и структуры эмиграции 1945 г. В поисках ответа на эти и другие вопросы авторам пришлось столкнуться с отсутствием необходимых сводных официальных статистических данных о реальной численности как беженцев войны, так и оставшихся в западной эмиграции. Это обстоятельство сделало необходимым воспользоваться оценочными материалами и приблизительными подсчётами (включая отдельные сведения Института демографии Оксфордского университета, обнаруженные в 1980-е годы одним из представителей Всемирного союза венгров), согласно которым в 1930-е годы и в конце Второй мировой войны только с нынешней территории Венгрии на Запад эмигрировали в общей сложности порядка 550 тыс. венгров⁵.

Ряды политэмигрантов *второй эмиграционной волны* на этапе 1947–1949 гг. пополнились хотя и не столь многочисленными, но весьма активными и важными для судеб всей венгерской эмиграции представителями. Среди них были ведущие деятели основных демократических партий страны, а также немало их сторонников. Произошло это в результате целенаправленных действий со стороны лидеров коммунистической реэмиграции, утвердившихся во власти в Венгрии и ставших на путь создания однопартийной диктатуры. Учитывая, что представители нового пополнения в 1950-е годы играли определяющую роль в жизни и деятельности всей венгерской эмиграции на Западе, им в работе уделено пристальное внимание. Выясняются причины и обстоятельства их изгнания из страны, анализируются основные пути становления *демократической эмиграции*, даются характеристики её видных деятелей, выполнявших до этого важные государственные и партийно-политические функции в народно-демократической Венгрии. Для освещения названного круга проблем потребовалось раскрыть в работе и реальные обстоятельства возвращения на родину определяющей группы представителей венгерской компартии из московской эмиграции, определить их место и роль во власти в послевоенных условиях. Необходимо было показать цели и устремления ведущих реэмигрантов, их конкретные приёмы и методы, характерные действия, с помощью которых они добивались удаления из власти и фактического изгнания из страны основных представителей демократических партий, включая собственные коалиционных партнёров, вынуждая их эмигрировать. В книге прослеживается процесс эмиграции в западные страны наиболее известных и авторитетных общественных и политических деятелей Венгрии. При этом авторы считали целесообразным составить также соответствующие биографические справки или краткие политические портреты основных представителей как коммунистической реэмиграции, так и *демократической эмиграции*.

При анализе планов и реальных поступков ведущих деятелей демократической эмиграции 1947–1949 гг. на Западе центральное место занимают их мобилизационные и организационные действия, направленные на сплочение сил и создание единой структуры эмигрантских организаций, объединявшей всех венгерских политэмигрантов в странах западного мира, за исключением ориентированных на крайние политические программы. Эта цель со временем была достигнута. В монографии показано, что кроме представителей демократической эмиграции и не могло быть другой мобилизующей силы, способной взять на себя организационное объединение политэмигрантов на Западе. Авторы раскрывают процесс образования единого главенствующего органа – *Венгерского Национального Комитета* – с характеристикой его роли, значения и деятельности в 40–50-е годы XX века. В этом высшем органе западной венгерской эмиграции ключевые позиции занимали оказавшиеся в изгнании бывшие государственные и политические деятели, лидеры демократических партий Венгрии, бывшие полномочные послы и дипломаты, покинувшие свои посты в знак протеста против коммунистического наступления на парламентскую демократию и утверждавшегося на родине тоталитаризма. Национальный Комитет, считавшийся своего рода *эмигрантским правительством*, хотя и имел своих представителей в ранге послов во многих странах Запада, на самом деле не являлся таковым. Важнейшие аспекты деятельности этого органа и ведущих политэмигрантов представлены авторами в главах третьего раздела книги. Они посчитали важным дополнить эти основные сюжеты описанием реакции западных венгров на подавление венгерской революции 1956 г., а также некоторыми сведениями, подтверждающими стремление участников вооружённого сопротивления создать на Западе собственную независимую эмигрантскую организацию. В работе анализируется воздействие такого начинания на существовавшие эмигрантские структуры, включая Национальный Комитет, подвергшийся в итоге реорганизации.

Третьей волне массовой эмиграции (по венгерской терминологии – *массового диссидентства*), вызванной поражением революции 1956 г., в книге отведён самостоятельный раздел. (В Венгрии применительно к беженцам и эмигрантам 1956 г. утвердился и повсеместно используется понятие «диссиденты» с содержанием, практически идентичным русскому «эмигранты»). Эмиграционная волна 1956 г. с момента второго советского вооружённого вмешательства (4 ноября), направленного на подавление революции и ликвидацию её завоеваний, сразу же стала политической реальностью. В середине ноября, когда ещё шли оборонительные арьергардные бои, но поражение революционных сил стало очевидным, из Венгрии потянулись на Запад массы беженцев. Констатируя этот факт, нельзя не отметить, что упомянутым событиям предшествовали попытки партийных реформаторов несколько скорректировать, видоизменить утверждённый в стране образец общественно-политического строя, но они встретили ярое сопротивление со стороны ортодоксальных

сил и не привели к ожидаемым результатам. Рост массового общественного недовольства режимом 23 октября 1956 г. привёл к стихийной революционной вспышке, повлекшей за собой первое советское вооружённое вмешательство, но к концу месяца казалось, что достигнут компромисс и силы революции одержали победу. Новая власть приступила к реализации мер по частичной демократизации общественно-политического строя, к утверждению свобод и достижению национального суверенитета. Однако 4 ноября 1956 г. было развёрнуто новое фронтальное вооружённое наступление, направленное на свержение революционной власти и реставрацию прежних порядков. Перед лицом этих действий Венгрию в ноябре–декабре 1956 г. покинула весьма внушительная масса беженцев, общей численностью свыше 210 тыс. человек. Участники вооружённого сопротивления и значительный молодёжный контингент, большинство которого участвовало в уличных стычках, опасаясь преследований и спасая свою жизнь, оставили страну и направились на Запад, где получали *статус политических беженцев*. Там их встречали как борцов за свободу и независимость Венгрии. После временного пребывания в лагерях беженцев они поневоле стали *эмигрантами (диссидентами)* в разных странах мира.

Нарастание и прохождение этой волны эмиграции, приём беженцев, их размещение и пребывание во временных лагерях, обустроенных на территории Австрии и Югославии под покровительством организаций ООН, последующие сюжеты, связанные с распределением политэмигрантов по странам и началом их жизни за границей стали предметом анализа в четвёртом разделе монографии. Наряду с освещением этих аспектов эмиграции 1956 г. авторы посчитали целесообразным привести в работе также основные сведения, касающиеся структуры беженцев. В результате был выявлен её преобладающий молодёжный состав. Молодёжь вместе с остальными эмигрантами также «проголосовала ногами» против восстановления в Венгрии прежних порядков. Казалось не менее важным дополнить содержание раздела сведениями, почерпнутыми из отчётов о социологических опросах, проведённых американскими учёными среди беженцев-эмигрантов в 1956 г. На наш взгляд, они интересны тем, что объясняют конкретные причины эмиграции, отражают настроения, позиции и взгляды беженцев, содержат их оценку социальной и политической ситуации на родине. В разделе освещены также важнейшие проблемы адаптации эмигрантов к условиям жизни на Западе, характеризуются взаимоотношения между представителями разных эмиграционных потоков и поколений венгров, живущих на Западе. Уделено внимание и некоторым аспектам, которые касаются подрастающего поколения венгерской национальной диаспоры, особенно связанным с сохранением родного языка, национальной культуры, обычаев и традиций.

Обращаясь к этим, в российской историографии ещё совершенно не затронутым вопросам, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что практически

все исходившие из Венгрии массовые эмиграционные волны и потоки были вызваны либо тесно связаны с кризисными явлениями, социальными и политическими потрясениями. Взглянув за освещение основных эмиграционных процессов XIX и XX столетия, авторы осознавали встающую перед ними трудность, которые требовали учёта территориальных переделов в Европе, частных изменений государственных границ Венгрии, а также её государственно-политического строя и смены общественно-политических систем, чем и мотивировано введение в монографию кратких исторических справок или разъяснений. При работе над трудом возникали и другого рода сложности, связанные как с недостаточной разработанностью проблем, так и с обширной географией самой венгерской эмиграции, следовательно, практической недостижимостью первоисточников, также сильно «рассеянных» по странам и континентам, как и сами эмигранты.

Доступная документальная и литературная база, послужившая основой для написания настоящей монографии, довольно скромна. Поэтому, используя и дополняя её некоторыми новыми документами и материалами, авторы стремились обогатить источниковую базу исследования.

В связи с *научной литературой* по теме монографии мы вынуждены констатировать её малочисленность, отметив при этом, что это касается даже книг популярного и публицистического характера. Особенно скудна и ограничена литературная база эмиграционных процессов XX столетия, а говорить о *специальных исторических исследованиях* с освещением широкой панорамы массовых эмиграций двух веков вообще не приходится. На этом фоне закономерным исключением предстаёт такая ключевая проблема XIX века, как эмиграция во главе с Л. Кошутом. К отдельным этапам и аспектам этой политической эмиграции из венгерских историков первыми обратились И. Хайнал и Д. Яноши, выступив составителями тематических сборников документов (соответственно «Кошутовская эмиграция в Турции» и «Венгерская эмиграция в Англии и Америке, 1851–1852»), а также авторами объёмных вступительных статей к ним. Затем серьёзное исследование под названием «Кошутовская эмиграция в Италии» опубликовал Е. Колгаи-Кастнер⁶. *Единственной* научной монографической разработкой, посвящённой вопросам *трудовой (экономической) эмиграции* из Венгрии в США в 1880–1940 гг., является работа историка Ю. Пушкаш⁷. В этом труде на богатой статистической основе с цифровыми выкладками, диаграммами и таблицами прослеживается рост трудовой миграции из Венгрии в США.

В отношении исторических исследований, связанных с эмиграционными потоками XX века, следует отметить, что они направлены почти исключительно на изучение периода 1918–1922 гг., и в них освещены прежде всего вопросы эмиграции левых политических сил (коммунистов и социал-демократов) и их руководителей после Первой мировой войны. При этом больше всего повзело такой сторонней теме, на первый взгляд, казалось бы, не имеющей пря-

мого отношения к эмиграции, как движение венгерских интернационалистов в Советской России. На самом деле этот аспект истории косвенно также связан с революционной эмиграцией 1919 г., со становлением *восточной*, а точнее *коммунистической эмиграции* в СССР. В 60–70-е годы прошлого века это движение активно изучалось историками. Результаты их изысканий (хотя они прямо не направлены на исследование эмиграции как таковой) оказались весьма полезными для выяснения исторических предпосылок зарождения в Советской России (СССР) коммунистического ядра политэмиграции, его формирования из уроженцев Венгрии в конце и после Первой мировой войны. Сборники документов по этим проблемам составили тогда венгерские историки А. Йожа, Д. Милеи, К. Петрак и другие. Они, а также их работы об участии венгерских интернационалистов в революции и гражданской войне в России⁸, вместе с недавно изданной в Венгрии книгой К. Петрак «Венгры в Советском Союзе, 1922–1945»⁹, стали важным подспорьем, позволившим получить объективное представление об исторических обстоятельствах начального этапа становления коммунистической политэмиграции в СССР.

Остальные эмиграционные потоки 1918–1919 гг. из Венгрии направились тогда в ближайшие страны Центральной Европы. В политическом отношении они представляли собой, главным образом, *радикальную левобуржуазную и социал-демократическую эмиграции*. О ведущих представителях этих отрядов политэмиграции, об их деятельности довольно полезный материал удалось почерпнуть из работ венгерских историков Т. Хайду, П. Шоша, Л. Варги, А. Сабо, Т. Эрени и Р. Кёвеш¹⁰. Это в основном отдельные научные статьи и предисловия к изданию сборников речей и публицистических статей наиболее известных представителей эмиграции, деятелей соответствующих политических партий. Они содержат ценный биографический материал, позволявший охарактеризовать наиболее видных и авторитетных личностей венгерской социал-демократии начала XX века, оказавшихся в эмиграции. Часть таких сборников оснащена богатым документальным приложением, содержащим их выступления в печати. Эти тексты позволяют определить взгляды и позиции эмигранта по ряду актуальных вопросов, дополнить характеристику их деятельности в условиях политэмиграции. Список специальной исторической литературы, имеющей отношение к проблеме революционной эмиграции 1918–1919 гг., собственно исчерпывается названным кругом малочисленных работ. Однако вместе с привлечённой документальной базой, дополнительными сведениями из воспоминаний и материалов переписки руководящих деятелей эмиграции, он позволил составить цельную историческую картину о политэмиграции и политэмигрантах, о деятельности зарубежных эмигрантских центров в межвоенные годы.

Венгерские эмиграционные процессы, вызванные Второй мировой войной и её последствиями, революцией 1956 г., не имеют даже такой скудной историографической базы, как предшествовавшие им волны эмиграции. Они ещё

не стали предметом серьёзных научных исследований. Вся литература, имеющая какое-либо отношение к проблемам эмиграции периода 1945–1957 гг., написана не историками, и представляет собой в основном сочинения популярного жанра и носит информационный или публицистический характер. Она лишь за редким исключением заслуживает внимания. Таким исключением, безусловно, является научно-популярная книга литературоведа и публициста Д. Борбанди *«Биография венгерской эмиграции, 1945–1985»*¹¹, а в некоторой степени также работа журналиста К. Надя *«Утерянная конституция»*¹² с подзаголовком *«Венгерская политическая эмиграция 1945–1975»*. Авторы этих трудов, не приняв в своё время утверждение в стране коммунистического режима, покинули Венгрию, и долгие годы провели вдали от родины, принимая активное участие в жизни западной венгерской политэмиграции, хорошо изучив её изнутри. Им, как очевидцам и участникам эмиграционного процесса, удалось в своих книгах с глубоким знанием предмета проанализировать проблемы, волновавшие политэмигрантов послевоенного периода. В этом, а также в собранном ими богатом фактическом материале состоит подлинная ценность их произведений. При соответствующем к ним отношении они дают историкам весьма полезную, незаменимую информацию, расширяющую наше представление о проблемах и внутренней жизни венгерской политэмиграции 40–50-х годов прошлого века.

Окончивший в 1942 г. юридический факультет Будапештского университета Д. Борбанди ещё в юности воспринял идеи венгерских народных писателей, получивших распространение в 1930-е годы, и стал их выразителем с позиции левого народно-национального движения. В 1949 г. он эмигрировал в Швейцарию, а с 1951 г. жил в Мюнхене, где вместе с единомышленниками участвовал в основании наиболее авторитетного литературного журнала венгерской эмиграции «Латохатар» («Горизонт»), в котором публиковались также статьи общественно-политического характера. Работая одним из его редакторов, Борбанди впоследствии написал ряд серьёзных литературоведческих трудов и статей на актуальные темы. С 1958 г. он – ответственный редактор обновлённого после венгерской революции журнала. Досконально изучив жизнь эмиграции, он в своей книге весьма достоверно, со знанием дела описал этапы и пути её развития. Тем не менее в 1985 г. в предисловии к мюнхенскому изданию книги, сославшись на отсутствие должной временной дистанции и на незавершённость освещаемых им процессов, он скромно назвал своё описание не историей, а лишь «биографией» венгерской эмиграции. На деле им была создана довольно цельная картина послевоенного эмиграционного развития, в основу которой легли собранные им за 35 лет на Западе первоисточники (в книге они, к сожалению, не всегда обозначены). Его книга – настоящий клад полезной и ценной, и что особенно важно, достоверной информации об эмигрантских организациях, структурах и их ведущих деятелях. Борбанди с далеко не всегда свойствен-

ной политэмигрантам большой политической трезвостью показал в ней реальное положение дел самой эмиграции 40–50-х годов XX века, создал весьма реалистическое описание событий, лишённое упрощённых толкований и утверждений, предвзятых оценок. В результате его работа, насыщенная фактическим материалом, по праву принадлежит к такой специальной, хотя не сугубо научной литературе, которой нельзя пренебрегать исследователям послевоенной венгерской политэмиграции.

Автор другой книги, бывший социал-демократ К. Надя, в 1945 г. – генеральный секретарь городского Национального комитета Будапешта, который в конце 1948 г. после далеко не добровольного слияния партии социал-демократов с компартией эмигрировал в Австралию, где провёл 20 лет. В Сиднее им была основана и под его редакцией выходила газета австралийской венгерской эмиграции. Книга Надя, изданная впервые в 1974 г. в Мюнхене, а в 1984 г. опубликованная в Венгрии, достаточно информативна. Однако она не так глубока и, безусловно, принадлежит к жанру описательной публицистики. К тому же, её автору не удалось избежать традиционного увлечения журналистскими приёмами. В книге дан общий обзор становления послевоенной политэмиграции, который рассматривается на фоне мировой политики, «холодной войны» и с некоторым налётом политизации. Работа, однако, интересна тем, что содержит информацию о некоторых деятелях политэмиграции, а также объёмные выдержки из отдельных документов и разных газет западной венгерской эмиграции. Эти сведения К. Надя собрал, находясь в Австралии и работая затем с 1968 г. в Англии, в лондонской редакции британского радио перед возвращением на родину в конце 1981 г.

Материалы, содержащиеся в книгах Д. Борбанди и К. Надя, несомненно, представляют определённую ценность для исследователей проблем послевоенной венгерской эмиграции. Они позволяют ознакомиться с малоизвестными фактами, отдельными высказываниями и позициями лидеров венгерской эмиграции на Западе, воспользоваться приведёнными в них выдержками из редких, недоступных нынешнему исследователю документов. Имеющиеся в этих книгах данные об эмигрантах, покинувших Венгрию в 1945–1949 гг., приведённые факты и личные наблюдения авторов помогают разобраться в сложных взаимоотношениях между представителями разных политических группировок венгерской эмиграции.

Завершая историографический анализ существующих работ об эмиграции, следует назвать ещё книгу бывшего эмигранта М. Санто *«Венгры в большом мире»*¹³. Это сугубо публицистическая работа, изданная в 1970 г. в Будапеште, представляет собой краткий популярный обзор венгерских эмиграций прошлого. В ней на уровне перечисления и краткой констатации, без какого-либо стремления к анализу или детализации приведены не лишённые идеологических пристрастий произвольно подобранные сведения об отдельных

группах эмигрантов. С другой стороны, нельзя не отметить, что некоторые журнальные статьи этого же автора содержат полезные сведения о демографической структуре эмиграционных потоков 1940-х и 1950-х годов. Книга М. Санто представляет интерес преимущественно сведениями о численности венгров в мире и о контактах будапештского Всемирного союза венгров с отдельными представителями национальной диаспоры и эмигрантами в странах мира, покинувших Венгрию ещё до 1945 г.

Названными и охарактеризованными выше работами фактически исчерпывается перечень существующей венгерской литературы, в которой затронуты те или другие аспекты, имеющие отношение к проблемам эмиграции рассматриваемого нами исторического периода. Разумеется, это не исключает, что в местах бывшего базирования тех или других групп венгерских политэмигрантов и представителей национальной диаспоры могут быть и другие, недоступные нам публикации, использование которых было бы полезным и для нашей монографии.

Для написания настоящего труда, наряду с названной литературой, потребовалось привлечение самых разнообразных дополнительных материалов и документов. Часть из них удалось найти в венгерских архивах, в частности, в *Архиве Института политической истории* и *Новом Венгерском центральном архиве* (ещё до слияния его фондов с *Венгерским Национальным архивом*), а другую, – в *Государственном архиве РФ* и в *Российском государственном архиве социально-политической истории*. Конечно, далеко не все из этих документов имеют прямое отношение к главным сюжетам книги, но они послужили ценным дополнением к ним. Для написания труда были использованы соответствующие материалы разных тематических сборников, отдельные документы, опубликованные в научной и периодической печати и другого рода источники, а также данные статистики и демографические подсчёты, сведения из материалов конкретных социологических исследований, в частности, проведённых среди венгерских беженцев и эмигрантов 1956 года. Не менее полезными оказались извлечённые из разных источников биографические сведения ведущих деятелей разных политэмиграций, нередко по крупицам собранные авторами. Это же относится к выдержкам из эмигрантской печати, которые содержат информацию о позициях и взглядах лидеров эмиграции или цитаты из их выступлений, которые позволили составить их краткие политические портреты. Такую же цель – расширение информационной базы исследования о руководителях отдельных эмигрантских групп и центров – преследовало привлечение для написания труда и таких традиционных источников, как имеющие документальное значение мемуары и книги бывших политических и партийных деятелей, оказавшихся в эмиграции. Использование их статей, опубликованных в периодической печати, материалов их личной переписки, по которым прослеживаются их связи с современниками, выполняло такую же функцию.

Представленный в кратком историографическом обзоре круг литературы по исследуемой теме вместе с другими дополнительно привлечёнными для написания монографии документальными источниками и материалами позволили авторам создать настоящее монографическое исследование, посвящённое ключевым вопросам трудовых и политических эмиграций Венгрии, вызванных массовыми эмиграционными волнами двух столетий. В монографии исследованы основные направления и содержание важнейших массовых эмиграционных процессов, исходивших из Венгрии отдельными волнами и потоками в XIX и XX веках. Таким образом, авторы стремились не к детальному рассмотрению истории каждой отдельной эмиграции за обозначенный период, а к системному и аналитическому освещению в рамках одного цельного труда определяющих аспектов и наиболее характерных этапов венгерских массовых эмиграционных процессов. Написание подробной истории каждой отдельной эмиграции – это задача, требующая усилий большого коллектива исследователей, предполагающая кропотливое собирание недостающих документов по многим странам мира. Во всяком случае, она не под силу двум историкам с весьма скромными и ограниченными возможностями. В центре нашего исследования, тем не менее, стоит сложный комплекс ещё не до конца изученных, в исторической литературе почти не затронутых проблем трёх, следовавших друг за другом мощных волн венгерской массовой эмиграции, в которых преобладали политические мотивы. Не претендуя на оригинальность, авторы на базе доступных им архивных и опубликованных источников, а также довольно ограниченного круга существующей по части проблем литературы, материалов периодической печати взялись за создание широкой исторической панорамы эмиграционных процессов с 1849 по 1957 гг., которые исходили из Венгрии по разным направлениям. В работе анализу подвергаются крупные эмиграционные волны и потоки восточного, центрально-европейского и западного (преимущественно заокеанского) направления. В ней авторы стремились изложить богатый объём информации об определяющем характере и содержании разных венгерских эмиграционных процессов, которые возникли под воздействием конкретных исторических обстоятельств. При этом считали важным выявить и показать как причины возникновения, так и маршруты и этапы прохождения эмиграционных волн и отдельных наиболее значительных потоков, определить основные цели и устремления каждого из крупных формирований политэмиграции по идейно-политическим признакам. Особое внимание уделяют освещению деятельности важнейших организаций и центров венгерской политэмиграции, характеристике их ведущих представителей. Авторы в меру своих возможностей затронули также наиболее характерные проблемы вхождения и адаптации эмигрантов в общественную жизнь тех стран, которые их принимали и где они пребывали.

* * *

Настоящая монография, наряду с её вводной и заключительной частью, состоит из четырёх основных разделов. В *Разделе I*, подготовленном научным сотрудником Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, кандидатом исторических наук **Ч. Б. Желицки**, изложены важнейшие процессы двух эмиграций, исходивших из Венгрии в XIX и начале XX века вплоть до Первой мировой войны. Это, прежде всего, характеристика эмиграционного потока, который образовался из числа деятелей и участников венгерской национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., которые после её поражения покинули пределы Венгрии во главе с Л. Кошутом. Это также анализ процесса экономической (трудовой) миграции, стремительно нараставшего на рубеже веков, с которым из многонационального Венгерского Королевства выехало значительное число трудовых мигрантов, направлявшихся преимущественно за океан. Автором раздела выявлены основные направления экономической эмиграции, рассматриваются её важнейшие причины и динамика роста вовлечённой в этот процесс массы рабочей силы, прослеживаются состав и структура миграционных потоков, представлены основанные трудовыми мигрантами поселения в Америке, характеризуются основные аспекты адаптации эмигрантов к жизни на чужбине.

Последующие три раздела монографии, а также её вводная и заключительная часть, написаны ведущим научным сотрудником Отдела современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, доктором исторических наук **Б. Й. Желицки**. Они посвящены, в основном, многочисленным потокам и двум крупным волнам массовых *политических* эмиграций, которые исходили из Венгрии в XX веке. В *Разделе II* представлены эмиграционные потоки, вызванные последствиями Первой мировой войны и двух венгерских революций (1918 и 1919 гг.). В нём раскрыты вопросы становления и развития, а также функционирования политических эмиграций разного идейно-политического содержания, представители которых в период между двумя мировыми войнами обосновались в Советской России (СССР) и странах Центральной Европы. В *Разделе III* анализируется комплекс вопросов, связанный с западной венгерской политэмиграцией, возникшей на базе беженцев Второй мировой войны. Уделено внимание также важнейшим аспектам коммунистической реэмиграции и связанному с ней новому пополнению рядов политэмигрантов на Западе. Произошло это за счёт представителей демократических сил, вытесненных из власти и изгнанных из страны в 1947–1949 гг., т. е. вынужденных политических беженцев во главе с бывшими государственными и партийно-политическими деятелями венгерских демократических партий страны, а также дипломатов коалиционного периода народной демократии. В разделе уде-

лено особое внимание именно проблемам этой категории политэмигрантов, характеристике их наиболее видных представителей, как и освещению роли этих сил в сплочении всей венгерской эмиграции в странах Запада, а также возникновению и деятельности эмигрантских центров в 40-50-х годах прошлого века. *Раздел IV* целиком посвящен беженцам и эмигрантам 1956 г., – характеристике процесса самого массового бегства людей из страны вследствие подавления венгерской революции, – анализу их численности и структуры, проблемам пребывания в лагерях и размещения по странам, вопросам их вхождения в жизнь западного общества. Следует учитывать, что все сюжеты и проблемы, поднятые и освещённые в главах и разделах настоящей монографии, впервые стали предметом рассмотрения в российской историографии.

Создавая первую в российской историографии широкую панораму венгерских массовых эмиграций XIX и XX веков и предоставляя её читателям, авторы надеются, что она вызовет живой читательский интерес, прежде всего, в современной России. И это объясняется не только тесными историческими связями Венгрии и России, но и непосредственным и частым переплетением венгерских и российских (советских) общественно-политических процессов двух последних столетий (события 1849 г., 1918–1919 гг., Вторая мировая война, годы народной демократии и социалистического строительства, революция 1956 г.). Монография при всём этом предоставляет также уникальную возможность ознакомиться – в рамках одного комплексного исторического исследования – с содержанием и важнейшими сюжетами всех основных эмиграционных процессов, исходивших из Венгрии за более чем столетний период. Она позволяет разобраться в идейно-политическом характере отдельных эмиграционных формирований, ориентироваться в их центрах, разбросанных по всему свету, прикоснуться к тайнам ведущих деятелей эмиграции разных эпох, а вместе с тем вникнуть в разные аспекты политической истории Венгрии.

* * *

Авторы выражают искреннюю признательность сотрудникам Института славяноведения РАН, принявшим участие в обсуждении рукописи книги, а также рецензентам — доктору исторических наук Г.Ф. Матвееву и кандидату исторических наук Т.А. Покивайловой, взявшим на себя труд изучить и оценить нашу работу.

Примечания

¹ Magyar kivándorlás az Egyesült Államokban. Daniss Győző beszélgetése Puskás Julianna történelmisszel. // *Élet és Tudomány*, 1983., 42. sz., 1318. o.

² *Ibidem*, 1318–1319. o.

³ *Санто, Миклош*. Венгерские переселенцы и эмигранты // Этюды о Венгрии. Том III. Будапешт, 1968, С.72.

⁴ Magyarok a nagyvilágban. Jósfalusi János beszélgetése dr. Gosztonyi Jánossal, a Magyarok Világszövetsége titkárával // *Látóhatár*, 1984. május–június, 330. o.

⁵ *Ibidem*, 331. o.

⁶ A Kossuth-emigráció Törökországban, I–II. köt. Bp., 1927; Magyar-emigráció Angliában és Amerikában 1851–1852. I–II. köt. Bp., 1940; *Koltay-Kastner Jenő*. A Kossuth-emigráció Olaszországban. Bp., 1960.

⁷ *Puskás Julianna*. Kivándorló magyarok az Egyesült Államokban 1880–1940. Bp., 1982.

⁸ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. М., 1968; *Йожа А., Милей Д.* Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977; *Józsa Antal, Milei György*. A rendíthetetlen százezer. Magyarok a Nagy Októberi forradalomban és a polgárháborúban. Bp., 1968; Tanúságtevők. III. köt., 1917–1921. Visszaemlékezések a magyarországi munkásmozgalom történetéből. Bp., 1977.

⁹ *Petrák Katalin*. Magyarok a Szovjetunióban 1922–1945. Bp., 2000.

¹⁰ *Köves Rózsa, Erényi Tibor*. Kunfi Zsigmond életútja. Bp., 1974; *Varga Lajos, Szabó Ágnes*. Garbai Sándor, a forradalom Kormányzótanácsának elnöke. Bp., 1987; *Kunfi Zsigmond* Válogatott írásai. Bp., 1984.

¹¹ *Borbándi Gyula*. A magyar emigráció életrajza 1945–1985. I. köt. Bp., 1989.

¹² *Nagy Kázmér*. Elveszett alkotmány. Bp., 1984.

¹³ *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban. Bp., 1970.

Раздел I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ВОЛНЫ ИЗ ВЕНГРИИ (середина XIX – начало XX века)

Глава 1

Беженцы и эмигранты венгерской национально-освободительной борьбы 1849 года

Революционные события, потрясшие европейский континент на исходе зимы – в начале весны 1848 г., не обошли стороной и Венгрию, являвшуюся составной частью Австрийской империи. В марте–апреле 1848 г. венгерская революция сумела реализовать свои антифеодалные, антиабсолютистские цели. Были провозглашены гражданское равноправие, демократические свободы, более 600 тыс. крестьянских семей стали собственниками обрабатываемых ими наделов. Венгрия получила собственное правительство, ответственное перед парламентом, избираемым на основе принципа народного представительства. Вскоре, однако, завоевания революции потребовалось защищать против регулярных частей австрийской армии. Вооруженное столкновение с придворными кругами и поддерживаемыми ими силами, которые стремились к восстановлению старых порядков, с политическими элитами других народов Венгерского Королевства, боровшихся за реализацию собственных национальных программ, привели к тому, что оборонительная борьба переросла, по сути, в войну за независимость Венгрии.

Созданная в спешном порядке – на начальном этапе практически добровольческая – венгерская армия хонведов («защитников отечества») не только сумела избежать разгрома, но приобретя необходимый боевой опыт, весной 1849 г. перешла в наступление и к концу апреля освободила почти всю территорию страны. К тому времени в её рядах сражалось немало иностранцев: поляков, итальянцев, немцев, которые после подавления революционных выступлений в собственных странах единственную возможность для продолжения борьбы с общим врагом – Австрийской империей – видели в участии в освободительной борьбе венгров. По инициативе лидера венгерской революции и освободительной борьбы 1848–1849 гг. *Лайоша Кошута* (1802–1894) в Дебрецене 14 апреля 1849 г. была обнародована «Декларация независимости Вен-

грии», объявлено о низложении Габсбургов с венгерского престола. Однако, исход освободительной борьбы венгерского народа в военном отношении был предрешен, когда Франц Иосиф, поняв, что австрийские силы не в состоянии справиться самостоятельно, обратился за военной помощью к русскому царю Николаю I.

После сокрушительного поражения от императорских войск при Темешваре (ныне Тимишоара, Румыния) правитель-президент Венгрии Кошут, готовясь покинуть страну, 11 августа 1849 г. наделил всей полнотой политической и военной власти командующего венгерской армии, генерала Артура Гёргеи. Тем самым он признал, что «более нет надежды на то, что оборонительную борьбу против объединённых сил австрийской и российской державы мы сможем продолжить с надеждой на успех»¹. Не видя иного выхода в борьбе с объединенными силами противника, Гёргеи 13 августа 1849 г. у Вилагоша (ныне Ширия, Румыния) сложил оружие перед русскими войсками. Отдельные гарнизоны и военные формирования ещё продолжили сопротивление, но борьба за свободу и независимость Венгрии была уже проиграна.

После поражения революции и освободительной войны 1848–1849 гг. главнокомандующий австрийских войск Юлиус Хайнау, наделенный Францем Иосифом всеми необходимыми полномочиями, взялся за усмирение Венгрии, чтобы «отбить у венгров охоту к новым мятежам» как минимум на сто лет. Венгрия утратила самостоятельность и то конституционное устройство, которое имела до революции 1848 г. Осенью 1849 г. в рамках курса на превращение Венгерского Королевства в одну из многочисленных провинций империи Габсбургов от него были отделены Трансильвания и Хорватия, на юге страны образована новая самостоятельная административная единица под названием «Сербская Воеводина и Темешский Банат», а оставшаяся территория Венгрии поделена на пять административных округов, причем таким образом, чтобы мадьяры ни в одном из них не составляли большинства населения. Органы местного самоуправления были упразднены.

По стране прокатилась волна репрессий. Полиция разыскивала скрывающихся хонведов и подозреваемых в связях с эмигрантами. Последовали массовые аресты. Так, 6 октября 1849 г. в Араде были казнены 13 военачальников венгерской армии (генералы Л. Аулих, граф К. Вечей, Я. Дамьянич, А. Дежёфи, Э. Кишш, К. Кнежич, граф К. Лайнинген-Вестербург, Д. Ланер, Й. Надь-Шандор, Э. Пёльтенберг, И. Тёрёк, Й. Швайдель и полковник В. Лазар), а в Пеште – премьер-министр Венгрии Л. Батяни. В 1849–1850 гг. в Венгрии только официально было приведено в исполнение около 120 смертных приговоров. Командующий венгерскими войсками Гёргеи, капитулировавший перед русской армией И. Ф. Паскевича, смог избежать смертной казни только благодаря российскому заступничеству. В январе 1850 г. в Пеште символически, заочно была приведена в исполнение смертная казнь через повешение в отношении 35 деятелей независимой Венгрии, к тому времени политэмигрантов, более

1200 чел. приговорено к длительным срокам заключения. Впоследствии под давлением международной общественности реальные сроки заключения были сокращены. Многим приговоренным к смертной казни в начале 1850 г. приговор заменили 20 годами тюремного заточения, но через 1–2 года выпустили. Политические заключённые провели в тюрьмах до 10 лет. Порядка 40–50 тыс. хонведов были зачислены рядовыми в императорскую армию и направлены отбывать военную службу в другие части Австрийской империи: Чехию, Ломбардию, Венецианскую область.

1. Эмиграция защитников Комарома. Беженцы освободительной борьбы на территории Османской империи (Видин–Шумла–Кютахья–Константинополь)

Многие участники событий 1848–1849 гг. эмигрировали из страны, стремясь избежать подобной участи. Большинство беженцев, будущих эмигрантов – сражавшиеся на исходе национально-освободительной борьбы в Трансильвании солдаты и офицеры венгерской армии, гражданские лица, польские и итальянские легионеры – покинули Венгрию в южном направлении, перейдя в августе 1849 г. на территорию Османской империи. Другие, в частности военные, находившиеся в 1848–1849 гг. на службе в итальянских провинциях монархии, бежали из действующей австрийской армии и переходили на сторону Пьемонта, а впоследствии пополнили ряды венгерских эмигрантов. Часть бывших хонведов скрывалась в самой Венгрии, пока им не удавалось поодиночке либо небольшими группами через наследственные земли Габсбургов нелегально попасть в европейские страны. Участники же обороны крепости Комаром по условиям капитуляции получили право беспрепятственно покинуть пределы Венгрии. Комаромской гарнизон под командованием генерала *Дёрдя Кланки* (1820–1892) продержался дольше всех остальных венгерских крепостей. После капитуляции основных сил венгерской армии перед русскими войсками Хайнау был заинтересован в том, чтобы продолжавшие сопротивление вооруженные силы венгров капитулировали именно перед австрийцами. В ходе начавшихся в сентябре переговоров о сдаче Комарома военный совет крепости выдвинул следующие условия: всеобщая амнистия для участников революции и освободительной борьбы 1848–1849 гг., сохранение свободы и имущества сдающихся. Однако австрийское командование не приняло выдвинутых политических требований, и защитники Комарома 2–5 октября 1849 г. передали крепость австрийским войскам на условиях, гарантировавших им беспрепятственный отход и право выезда из страны тем защитникам, кто в течение 30 дней после капитуляции обратится к властям за паспортом на выезд.

Таким образом, несколько сотен «комаромских капитулянтов» стали единственными участниками освободительной борьбы 1848–1849 гг., кто покинул страну легально. Их первым временным пристанищем стал германский *Гамбург*, откуда согласно проездным документам они должны были проследовать в Англию и Америку, а также Австралию и Африку, так как австрийские власти постарались отправить бывших участников революции, особенно их руководящий состав подальше от Европы, где они представляли бы постоянную потенциальную угрозу для имперской власти. Но эмигранты в надежде на скорое возобновление борьбы за независимость Венгрии не хотели уезжать далеко, да зачастую и не располагали необходимыми средствами для дальнейшей поездки.

В числе первых «комаромских капитулянтов» в Гамбург прибыл бывший военачальник венгерской армии Клапка. Весна 1848 г. застала его на Военной границе, где он служил в императорско-королевской армии в звании старшего лейтенанта. По поручению революционного правительства Клапка занимался организацией сил самообороны секеев (этническая группа венгров) в Трансильвании, укреплением крепостей Комарома и Пожони (ныне Братислава, Словакия). В 1849 г. во главе армейских формирований в Северной Венгрии он одержал ряд побед. После кратковременного пребывания на посту военного министра Клапка был назначен начальником гарнизона крепости Комаром, уже в звании генерала, и одновременно командующим войсками хонведов. Во главе 16–20-тысячного войска он освободил от австрийских войск значительную территорию страны, включая г. Дьёр, а затем удерживал крепость Комаром и после того, как армия Гёргеи сложила оружие под Вилагошем².

Вслед за Клапкой в Гамбург прибыли и другие защитники Комарома, в частности полковники армии хонведов граф Пал Эстерхази, Отто Зичи и главный редактор изданий «*Pressburger Zeitung*» («Пресбургер Цайтунг») и «*Pannónia*» («Паннония») Янош Бандя, армейский инженер Лайош Костка, а также полковой музыкант и композитор Эде Ремени (Хоффман) и пианист Эде Зердахеи, которых позднее приютил в Веймаре композитор Ференц Лист. Эмигранты в Гамбурге еще не имели определенных планов на будущее, но были рады уже тому, что избежали судьбы многих своих товарищей, которых военный трибунал приговорил к смертной казни или длительному тюремному заключению. Местные демократы, имевшие представительство в городском магистрате, устроили им пышный приём и организовали сбор средств для эмигрантов. Большинство венгров не владело английским языком, но немецкому в той или иной степени были обучены многие, поэтому не торопились покидать этот гостеприимный германский портовый город, где чувствовали себя в безопасности, тем более, что в Англии и США их ожидала полная неизвестность, и кроме того, Гамбург был гораздо ближе к Венгрии. Основную массу скопившихся там эмигрантов составляли военные, которые при благоприятном стечении обстоятельств надеялись вскоре вернуться на родину. Клапка, свято веря в то, что с иностранной помощью можно будет освободить

Венгрию от власти Габсбургов, был готов встать во главе экспедиционного корпуса и искал для этого предприятия союзников среди европейских демократов и социалистов³. Бывший комиссар правительства в Комароме *Ласло Уйхазу* (1795–1870), появившийся в Гамбурге 18 октября 1849 г. с женой и детьми, включая сыновей-хонведов, во главе группы из 50 офицеров, не разделял его оптимизм. Помещик Уйхазу уже в 1830-е годы стал сторонником либеральной оппозиции, подвергался судебному преследованию, а весной 1848 г. новыми властями был назначен фёйшпаном (главой администрации) комитата Шарош. Позднее, с началом вооруженной борьбы он во главе добровольческого отряда участвовал в зимнем походе Гёргеи. В 1849 г. получил новое назначение, и в Комароме уже в качестве комиссара правительства подписал от лица гражданских властей акт о капитуляции. Уйхазу не верил в возможность скорого освобождения страны и потому хотел переселиться в Америку, чтобы там, «обретя новую родину», заняться фермерством.

К концу осени–началу зимы 1849 г. собственные средства эмигрантов закончились, рассчитывать на новые пожертвования не приходилось, поэтому гамбургские эмигранты вынуждены были заняться поиском средств существования. Низшим чинам, выходцам из торгово-ремесленных слоев, было проще найти работу на месте, хотя бы временную. Основной же массе офицеров, обученных лишь военному ремеслу, найти применение своим способностям было трудно. Часть офицеров прусские демократы завербовали для участия в очередном военном походе за Шлезвиг-Гольштейн, принадлежность которого оставалась предметом спора с датчанами, но большинство уехало в Англию или же последовало за Уйхазу в США.

Основной поток беженцев из числа хонведов и гражданских лиц, отеснённый наступавшими частями австрийской и русской армии на юг страны, включая как военных и гражданских руководителей независимой Венгрии, так и рядовых граждан, нашел убежище на территории *Османской империи*. Туда бежал Л. Кошут, премьер-министр независимой Венгрии *Берталан Семере* (1812–1869), министр иностранных дел граф *Казмер Баттяни* (1807–1854), военачальники генералы *Лазар Месарош* (1796–1858), *Юзеф Бем* (1794–1850), *Хенрик Дембинский* (1791–1864) и др. После капитуляции венгерских войск при Вилагоше на территории Османской империи укрылось в общей сложности порядка 5–6 тыс. человек. Из них около 3,5–4 тыс. составляли венгры, остальные – воевавшие на венгерской стороне поляки, итальянцы, немцы и др. Главным образом это были военные, которые перешли на валахскую или сербскую территорию. В общем потоке присутствовали и гражданские лица, занимавшие в революционной Венгрии ответственные посты, и поэтому им также пришлось спасать свою жизнь и свободу. Среди беженцев находились и люди, лично ни в чём предосудительном с точки зрения австрийских властей не замешанные, которые, однако, в ситуации общей нестабильности и неопределённости предпочли покинуть страну.

В болгарском *Видине* оказался и актер пештского Национального театра *Габор Эгрешши* (Галамбош) (1808–1866). В марте 1848 г. он принимал участие в пештских событиях, вступил в Национальную гвардию, а в октябре в качестве комиссара правительства был направлен в Сегед для организации хонведских войск, участвовал в освобождении Буды. В июле 1849 г. Эгрешши, откликнувшись на приглашение своего друга, поэта Шандора Петёфи, присоединился к частям генерала Бема, поляка, воевавшего на стороне венгров, и в общем потоке бежал на территорию Османской империи. В своём дневнике, изданном в 1850 г., он так характеризовал видинских эмигрантов: «Наша эмиграция, воистину, – Венгрия в миниатюре. И даже пропорции соблюдены. Есть здесь венгры, немцы, словаки, поляки, чехи, сербы, румыны, французы, англичане, итальянцы, греки, армяне, евреи, цыгане; имеются всякого рода и звания военные и гражданские лица; есть президент, предприниматели, депутаты, вице-ишпаны, уездные начальники, священники, врачи, купцы, парикмахеры, аптекари, стряпчие, ремесленники, зажиточные крестьяне; имеются среди нас поэты, музыканты, художники, певцы, журналисты; есть абсолютисты, монархисты, республиканцы, социалисты, коммунисты, аристократы и демократы всякого рода; имеются представители высокой культуры и грубого бескультурья; есть герцоги, графы, виконты, маркизы, бароны; судейские-крючкотворы, педанты-бюргеры, лихие вербовщики голосов на выборах; есть представители всех сословий; и наконец, приросший к земле бедный люд»⁴. Именно крестьяне, мелкие производители, городские низы, студенты составляли основную массу армии хонведов и, соответственно, того потока беженцев, который в августе–сентябре 1849 г. устремился на территорию Османской империи. В основном это были мужчины в возрасте до 40 лет. Кошут был самым старшим среди гражданских руководителей Венгрии, которым в то время было в среднем по 35–40 лет. Среди эмигрировавших военачальников глубокими стариками считались генералы Месарош, Бем и Дембиньский. Женщины и дети составляли весьма незначительную долю общей массы эмигрантов. По некоторым данным, в Видине насчитывалось около 60 женщин⁵, в основном сопровождавшие обоз маркитантки и члены семей эмигрантов, в том числе приблизительно 10 дам благородного сословия. Известно, что некий вахмистр прибыл в Видин с женой и двумя дочерьми. К. Баттяни уехал из страны вместе с супругой, а к Кошуту жена присоединилась лишь в начале 1850 г. после того, как ей удалось нелегально покинуть Венгрию. Так же, по чужим документам выбралась из страны несколько ранее и Терезия Пульски, жена представителя венгерского правительства в Лондоне *Ференца Пульски* (1814–1897). Детей Кошута власти выпустили за границу лишь в 1850 г. под давлением общественного мнения западноевропейских стран.

Беженцев турецкие власти сначала конвоировали в болгарский Видин вблизи сербской границы. Гражданских и военных руководителей революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 г., их иностранных

соратников из числа военачальников (Кошута, Баттяни, братьев Мора и Миклоша Перцелов, Месароша, Дёрдя Кмети, Бема, Ричарда Гюйона, Максимилиана Штейна, Дембиньского, Владислава Замојского, Юзефа Высоцкого, Алессандро Монти) местный паша разместил с восточным комфортом в видинской крепости. Позднее, в Шумле для главных эмигрантов турки обустроили жильё на европейский манер. Командующий турецкими войсками в Валахии Омер-паша прислал из Бухареста привычную для европейцев мебель: кровати, кресла, металлические печи для обогрева комнат. Рядовые же эмигранты расположились в Видине в палаточном лагере на берегу Дуная по пять человек в палатку, старших офицеров размещали по двое, а семейным парам выделяли отдельные палатки. Попытки платежеспособных беженцев поселиться в городе поначалу пресекались. Но их наплыв был таким, что вновь прибывавшим вскоре пришлось ночевать в поле под открытым небом. Военным полагался ежедневный паёк и фураж для лошадей, хотя нормативы для рядового состава стали весьма скудными⁶. На гражданских лиц заботы турецких властей не распространялись, им приходилось заботиться о себе самим. Наступившие холода, недоедание, антисанитария и сопутствующие этому болезни привели к тому, что в октябре счёт умерших беженцев шёл уже на сотни.

Защитников венгерской свободы ждала эмиграция, и они полагали, что Османская империя будет лишь кратковременной остановкой на их пути в Западную Европу. Большинству эмигрантов, однако, пришлось задержаться там на несколько месяцев, другим – на два года или даже на более длительный срок. Некоторым удалось бежать, подкупив или обманув охрану. Так, бежал из Видина командир гусарского полка Гергей Бетлен и врач Шёпф с семьёй, а также воспользовавшийся документами на чужое имя Б. Семере, который через какое-то время он объявился в Париже.⁷

Ближайшее будущее беженцев и эмигрантов, находившихся в Османской империи, зависело от решения великих держав. Австрия и Россия уже в конце августа 1849 г. потребовали выдачи своих граждан – венгров и поляков, укрывшихся на османской территории. Порта отказала в выдаче, ссылаясь на гуманитарные соображения, изъявив готовность лишь взять их под стражу или выслать из страны. Франц Иосиф и Николай I настаивали на выдаче, угрожая тем, что побег даже одного человека будет рассматриваться как *casus belli*. При этом английский и французское правительства советовали туркам не уступать. Власти Османской империи колебались. Выдача эмигрантов могла привести к отставке правительства Решид-паши, а отказ грозил войной, к которой Турция не была готова. Министры предлагали представителю Кошута в Стамбуле графу Дюле Андраши (1823–1890) и К. Чайка-Чайковскому, доверенному лицу главы аристократическо-консервативного крыла польской эмиграции князя А. Чарторьского такое решение: если эмигранты примут ислам и турецкое подданство, то Порта их не выдаст.

В условиях, когда выдача беженцев австрийским и российским властям казалась неминуемой, часть эмигрантов приняла ислам. К этому их подтолкнуло письмо Андраши, который в середине сентября сообщал Кошуту, что выдачу бывших офицеров и солдат императорской армии можно считать делом практически решённым, и единственным способом избежать этой участи остаётся принятие ислама и турецкого подданства⁸. Известия, содержащиеся в письме Андраши, произвели шокирующее воздействие на видинских эмигрантов и поставили их перед нравственным выбором⁹. Перед угрозой депортации значительное число венгров и поляков выразили готовность принять ислам. Одним из первых на этот шаг решился генерал Бем, объясняя свой поступок тем, что так он сможет продолжить вооруженную борьбу против заклятого врага Польши – России, и лично участвовать в назревающей русско-турецкой войне. Примеру имевшего огромный авторитет среди хонведов Бема (принявшему турецкое имя Мурат-паши) в течение несколько дней последовали порядка 300 чел., в основном военных. Часть из них поступила на службу в турецкую армию, но веру не меняла. В общей сложности на службу к туркам перешли тогда 4 генерала, 4 полковника, 10 майоров, 27 капитанов, 26 лейтенантов, 250 хонведов и 8 гражданских лиц, в том числе полковник Йозеф Колман (Фейзи-паша), генералы Р. Гюйон (Хуршид-паша), Д. Кмети (Исмаил-паша) и М. Штейн (Ферхад-паша)¹⁰.

Кошут был противником принятия ислама и старался отговорить своих товарищей от этого шага. Он призывал их подождать хотя бы до предоставления Портой гарантий невыдачи¹¹. Абсолютное большинство беженцев сочло принятие ислама совершенно невыносимым для себя шагом. Для них это означало бы предательство не только веры, но и родины, своего народа, а переход на службу деспотическому, угнетавшему другие народы государству они считали недопустимым, хотя при этом были благодарны ему за предоставленное убежище и заботу. Кроме того, беженцам тогда казалось, что это навсегда лишило бы их возможности возвращения на родину. Когда вопрос о выдаче уже был снят, многие «ренегаты» сожалели о своем поступке. Желающих поступить на службу в турецкую армию осталось немного, как правило, на этот шаг люди решались, лишь реально столкнувшись с угрозой нищеты.

Среди офицеров, сделавших выбор в пользу турецкой армии, были врачи и военные специалисты (инженеры, артиллеристы), которые могли рассчитывать на почёт, уважение и достойную оплату своего труда. Как отмечал в своём донесении в Петербург от 4 (16) октября 1849 г. российский посол в Константинополе Титов, турецкая армия, нуждавшаяся в офицерском и командном составе, надеялась использовать военный опыт венгерских эмигрантов¹². «Ренегаты» впоследствии сохраняли связи с венгерской эмиграцией, оказывая значительную материальную помощь венграм в Турции. Тех, кто принял ислам, в основном направили служить на Ближний Восток (Алеппо, Дамаск, Багдад) и в Стамбул. По настоянию России и Австрии, Бем был отправлен по-

далее от Балкан, в Алеппо. Там он незадолго до своей смерти в 1850 г. вместе с Гюйоном, назначенным командующим в Дамаск, участвовал в подавлении восстания друзов (арабов-шиитов) против сирийских христиан. Кмети до 1851 г. также находился в Алеппо, затем уехал в Англию, но с началом Крымской войны вернулся и в 1855 г. руководил обороной Карса против российских войск.

Осенью 1849 г. в турецкую армию вступили военные врачи Густав Гал (Вели-бег), Янош Робай (Ахмед-паша), Антал Шнайдер (Хусейн-бег), несколько позднее – Карой Хаммершмидт (Абдулла-эфенди) и Янош Муштарди (Юсуф-эфенди), которые сыграли заметную роль в организации военно-медицинской службы Османской империи по европейскому образцу¹³. Так, Гал в мае 1850 г. был назначен врачом-терапевтом стамбульской Медицинской академии, но затем из-за протеста австрийского посла с сохранением звания переведён в Сирию к Кмети. Во время Крымской войны Гал руководил полевым госпиталем в Карсе. Офицер-артиллерист Силард Блана после нескольких месяцев, проведенных в лишениях в Константинополе, также поступил на службу в турецкую армию, где обучал военных обращению с орудиями Конгрива¹⁴.

Ближайшее будущее венгерских эмигрантов в Турции определилось лишь после того, как к концу октября 1849 г. Россия и Австрия отказались от требования их выдачи, согласившись на их высылку или интернирование в глубь турецкой территории. Было принято решение, что поляки – российские подданные – будут высланы из Турции во Францию, а венгров и австрийских поляков интернируют в Малую Азию. Местом пребывания интернированных была определена Кютахья, небольшой городок в 40 часах езды от Бруссы.

По достигнутой с Портой договоренности, представителю австрийского командования генералу Францу фон Хауслабу было дозволено посетить Видин и увезти с собой желающих вернуться в монархию Габсбургов. Согласно обнародованной Хауслабом прокламации об амнистии, хонведы в звании до вахмистра зачислялись рядовыми в регулярные части австрийской армии на неопределенный срок, а бывшие офицеры императорской армии должны были предстать перед военным трибуналом. О гражданских лицах в прокламации не упоминалось. В итоге, вняв призыву Хауслаба, 21 октября 1849 г. видинский лагерь беженцев покинули более 3 тыс. чел. По предложенной амнистии в Венгрию в общей сложности вернулись практически все низшие военные чины, от рядовых до вахмистра. Большинство «возвращенцев» составляли секеи, но были среди них также поляки и итальянцы. По договоренности турецких властей с сардинским правительством члены итальянского легиона Монти в октябре также покинули Видин.

После отъезда большинства беженцев был урегулирован вопрос о денежном содержании оставшихся лиц. Султан определил им ежемесячное пособие в соответствии с должностью и званием. Если пособия высших офицеров

и приравненных к ним гражданских лиц оказались вполне достойными, то средства, выделяемые низшим военным чинам (до капитана включительно), были весьма скудными. Эмигранты поэтому организовали общественную кассу, куда старшие офицеры и высшие чины перечисляли на добровольных началах около 25% своего денежного содержания. К. Батяни вообще отказался от пособия и всю сумму передал в общую кассу вместе с подаренными ему видинским пашой 75 тыс. пиастров. Эти деньги пошли на дополнительное содержание низших категорий, а также на приобретение зимней одежды для нуждающихся¹⁵.

Зиму 1849–1850 гг. эмигранты провели в *Шумле*. Военных в звании ниже капитана разместили в казармах, а старшие офицеры и гражданские лица поселились в городе. К тому времени на болгарской земле оставалось примерно 500 венгров, включая 50 женщин и 4 детей, а также около 1000 поляков. Если в Видине эмигранты были практически полностью отрезаны от внешнего мира, то в Шумле до них – хоть и с задержкой на пару-тройку недель – все же доходили европейские газеты. Это были отдельные номера французской «*La Presse*» («*Ля Пресс*»), немецкой «*Augsburger Allgemeine Zeitung*» («*Аугсбургер Аллгемайне Цайтунг*») и др., из которых они узнавали новости, в том числе о собственном будущем. Часть из них, поняв, что в Османской империи придется задержаться на неопределенное время, начала изучать турецкий язык, а «рenegаты» в Шумле стали выпускать газету на венгерском языке.

Кошут за время пребывания в Шумле безуспешно пытался добиться изменения решения об интернировании в Малую Азию. Туда предполагалось отправить от 10–12 до 30–35 человек из числа руководителей и военачальников. Австрийские власти требовали интернировать Кошута на 15 лет. Отдавая себе отчет в том, что пока эмигранты находятся вместе, они представляют собой потенциальную силу, главный венгерский эмигрант стремился избежать разъединения венгров на отдельные группы. В надежде на скорое возобновление освободительной борьбы он добивался, чтобы всех венгров оставили на европейской территории – в Филиппополисе, Адрианополе или Галлиполи, а когда это не получилось, просил у турецких властей разрешения последовать с группой интернируемых как можно большему числу эмигрантов, но Порта проявила непреклонность. Готовых последовать в добровольную ссылку набралось около 300 человек¹⁶, Кошуту, однако, удалось добиться лишь некоторого увеличения квоты сопровождающих лиц.

В итоге из Шумлы в *Кютахью* в середине февраля 1850 г. отбыло в общей сложности 40–45 венгров, включая самих интернированных (в том числе Кошут, Батяни, Месарош, братья Перцел, главный редактор официального печатного органа правительства независимой Венгрии „*Közlöny*”/«*Кёзлёнь*» Адольф Дюрман), членов их семей, прислугу и сотрудников. При этом Кошута сопровождали более 20 человек, тогда как Батяни и Месарошу было позволено взять с собой лишь по одному сопровождающему. Интернированные

прибыли в Кютахью 12 апреля 1850 г. Со временем венгеро-польская колония в Кютахье увеличилась до ста с лишним человек.

В Шумле же в середине февраля 1850 г. ещё оставалось более 300 эмигрантов, в том числе около 180 офицеров, включая «ренегатов», которых вскоре перевели в Алеппо¹⁷. (Российских поляков отправили на Мальту, откуда они проследовали во Францию.) Турецкие власти предложили эмигрантам поступить на службу в армию, выбрать гражданскую специальность или же покинуть страну. Предоставленные самим себе (Порта с июля 1850 г. прекратила выделять для них средства), эмигранты чаще выбирали последнее. Службу в турецкой армии выбирали штабные офицеры, некоторые эмигранты отправились в Валахию, надеясь получить там разрешение вернуться на родину, основная же часть (старшие офицеры и солдаты) – в Константинополь, чтобы оттуда перебраться в западноевропейские страны или Америку.

Летом 1850 г. Кошут обратился с письмом к эмигрантам-соотечественникам, призывая их не поступать на турецкую службу, и советовал им перебраться в Сербию или уехать в Америку. Желających переселиться в Сербию не нашлось, а что касается Соединенных Штатов, то в Шумле было создано общество желающих уехать за океан и основать там новое «венгерское отечество». Прошёл слух, что в Америке каждому переселенцу будет выделён приличный земельный участок, и скоро в проливе Босфор пароход «Филадельфия» примет на борт всех желающих (таковых набралось свыше ста чел.). Когда же венгры обратились за разъяснениями к послу США Дж. П. Маршу, тот заявил, что не получал никаких указаний относительно венгров и не располагает сведениями о пароходе «Филадельфия», но для тех, кто готов оплатить поездку, он найдёт судно, которое отвезёт их в Америку. В итоге около 60 шумлинских венгров во главе с офицером Йожефом Приком всё же отправились в Америку, чтобы присоединиться к поселенцам Уйhazi. До Айовы они, однако, так и не добрались. Группа Прика, выросшая до 120 с лишним человек, застряла в Чикаго, так как у них кончились деньги. Потом они рассеялись по американскому континенту¹⁸.

Кошут по-прежнему стремился удержать венгерских эмигрантов вместе. Он вынашивал идею создания венгерской колонии (поселения) на европейской части Османской империи, откуда было бы проще поддерживать контакты с тайными организациями в Венгрии. В начале 1851 г. казалось, что идея Кошута начнёт воплощаться в жизнь. При посредничестве Ч. Ф. Хеннингсена, корреспондента лондонской «Daily News» («Дейли Ньюс»), Кошут договорился с английским гвардейским офицером Э. Мессингбёрдом, который, выделив 1 тыс. фунтов стерлингов, приобрёл под Смирной участок земли для венгерского поселения и начал строительство. Там намеревались возвести жилые дома, закупить сельскохозяйственную технику и инвентарь, инструменты для ремесленников. Предполагалось поселить приблизительно 150 колонистов, которые, пройдя обучение под руководством английских инструкторов, состави-

ли бы егерскую роту. Учитывая, что к тому времени большинство оставшихся в Турции эмигрантов было предоставлено самим себе и многие прозябали в нищете, желающие, вероятно, нашлись бы. Однако уполномоченный Кошута, прибывший в Стамбул для набора колонистов, развесил по городу плакаты и поднял шумиху вокруг этой акции, после чего Австрия и Россия заявили туркам протест по дипломатической линии, и от идеи пришлось отказаться¹⁹.

Оказавшись в крайне бедственном положении, многие эмигранты из-за отсутствия средств на дорогу задержались в Константинополе надолго. Часть из них устроилась в качестве прислуги или нашла работу в ремесленных мастерских. Эмигранты учредили *Венгерское общество по оказанию помощи нуждающимся соотечественникам* (больным и безработным). В начале января 1851 г. сотрудники Кошута, венгерские офицеры из своего жалованья собрали 800 пиастров и обещали ежемесячно пересылать такую же сумму в Стамбул для нуждающихся, Кошут от себя выделял по 100 пиастров.

В мае 1851 г. после того, как США изъявили готовность принять венгерских эмигрантов, интернированные, за исключением 8 главных лиц, смогли покинуть Турцию. Кошут, Перцелы, Батяни, Высоцкий, А. Дюрман, Ш. Ашбот, Э. Люллеи и сопровождавшие их лица остались в Кютахье до сентября 1851 г. Австрийские власти, несмотря на поданные туркам протесты, не смогли предотвратить их освобождение. Австрийский премьер Ф. Шварценберг добился лишь обещания от Порты, что венгерским эмигрантам будет запрещено возвращение на территорию Османской империи.

После того, как в сентябре 1851 г. последние интернированные в Кютахье также покинули пределы Османской империи, Стамбул утратил для них свое значение. Кошут, правда, и в дальнейшем рассчитывал на оставшихся там соотечественников в случае предполагаемого возобновления вооруженной борьбы. Некоторое оживление в столице Османской империи наступило в 1853 г., когда с началом Крымской войны появилась призрачная надежда, что Венгрия вновь сможет обрести независимость. Тогда Клапка, полковник Иштван Тюрр и генерал Янош Цец прибыли в Стамбул, чтобы предложить свои услуги турецкому султану. Военный министр их принял, но переговоры не получили реального продолжения. Клапка какое-то время провел в столице Османской империи, надеясь на то, что в случае вступления Австрии в войну он сможет во главе дунайской армии турок начать военный поход в Венгрию, но в итоге ни с чем вернулся в Швейцарию.²⁰ В Крымской войне всё же участвовало немало бывших венгерских хонведов из числа перешедших на службу в турецкую армию. При обороне Карса было задействовано в целом более десяти венгерских (во главе с Кмети и Гюйоном) и примерно столько же польских офицеров²¹. Некоторые оставшиеся в Османской империи венгерские эмигранты, овладевшие к тому времени турецким языком, используя знание европейских языков, во время осады Севастополя работали в Крыму переводчиками по контракту при английской армии. Другие, используя вы-

годную конъюнктуру, как частные лица участвовали в снабжении войск союзников²².

К концу 50-х годов XIX века численность венгров в Константинополе оставалась ещё значительной. Существовала протестантская церковная община, которая в 1857 г. планировала открытие школы для детей эмигрантов и вела сбор пожертвований для нуждающихся. Упомянутое венгерское общество помощи соотечественникам в Константинополе тогда возглавлял капитан хонведов Карой Велич, который в 1849 г. сражался в войсках Бема, затем долгое время скрывался в Венгрии, бежал в Белград, оттуда в Стамбул, где вступил в турецкую армию. Выйдя в отставку, он открыл в Константинополе аптеку, которая оказалась весьма доходным предприятием²³.

2. Венгерские политэмигранты в Западной Европе

Османская империя для большинства венгерских беженцев и эмигрантов всё же была временным пристанищем, откуда они при первой возможности уезжали в европейские страны или Америку. В Европе они обосновались в основном в Англии и Франции, а также в Швейцарии, Бельгии и некоторых германских и итальянских городах. В 50-е годы XIX века общая численность венгерских эмигрантов составляла приблизительно 1200–1500 человек²⁴, постепенно сокращаясь по мере их ухода из жизни и возвращения на родину. При этом ряды эмигрантов практически не пополнились новыми членами, за исключением военных перебежчиков во время франко-итало-австрийской войны 1859 г. и австро-прусской войны 1866 г. Тогда на сторону Пьемонта (Италии) и Пруссии перешли несколько сот венгров, служивших в австрийской армии, чтобы, сражаясь в составе «венгерского легиона», содействовать освобождению родины.

Из всех западноевропейских столиц эмигрантов привлекал больше всего *Лондон*, ставший одним из центров венгерской эмиграции. Англия в середине XIX века была одной из немногих европейских стран, где соблюдались гражданские права и политические свободы, а иностранцы могли чувствовать себя в безопасности. Кроме того, столица Британской империи была крупнейшим мегаполисом Европы того времени, где эмигранты могли зарабатывать и интеллектуальным трудом, а ведь после поражения революций 1848 г. многие политики из разных европейских стран вынуждены были эмигрировать.

Значительные группы венгров стали прибывать в Лондон с начала 1850 г. При этом среди них преобладали бывшие госслужащие среднего и низшего звена власти, журналисты, офицеры и рядовые армии хонведов, которым было непросто найти работу. Находившийся в то время в Англии Ференц Пульски, бывший представитель венгерского революционного правительства, направленный в Лондон ещё в 1848 г., вместе с графом *Ласло Телеки* (1811–1861), также представлявшим интересы властей революционной Венгрии в Париже,

считал своим долгом оказание помощи прибывавшим соотечественникам. Используя свои связи в кругах аристократии и либеральных политиков парламента, поддерживая в печати интерес к освободительной борьбе венгров и судьбе ее участников, Пульски искал финансовые источники, чтобы доставить венгерских эмигрантов из Гамбурга и Стамбула в Англию. Первоочередной задачей стало их размещение и трудоустройство, а также организация для них языковых курсов. Созданный в Лондоне *Комитет помощи венгерским беженцам* под председательством либерального политика лорда Дадли Стюарта начал сбор средств, однако вскоре выяснилось, что англичане готовы оказать единовременную помощь, но в длительной перспективе нельзя рассчитывать на постоянную материальную поддержку с их стороны²⁵. И всё же финансовые средства для перевозки соотечественников в Лондон были найдены. Часть венгерских эмигрантов разместили в предместье Лондона на оружейном заводе, несколько человек Клапке удалось устроить на фабрику по производству шёток. Предложили работу бывшим соотечественникам и два меховщика, эмигрировавших из Венгрии задолго до революции 1848 г. На средства, собранные Комитетом помощи, открыли столовую для беженцев, которая просуществовала до марта 1852 г., когда большинство неимущих эмигрантов уехало в Америку. До осени 1851 г. на средства британского правительства были отправлены в США 158 человек. В марте 1852 г. англичане профинансировали проезд за океан 83 лиц, однако в мае Кошут всё ещё просил полковника Миклоша Кишша, своего доверенного лица в Лондоне, о скорейшей отправке в США остававшихся в Англии бывших хонведов²⁶.

В итоге там остались лишь те венгры, кто сумел трудоустроиться или располагал какими-то сбережениями. Так, Л. Месарошу во время интернирования из средств, выделенных турецкими властями, удалось сэкономить сумму, на которую он потом жил 2 года во Франции и Англии, обосновавшись на острове Джерси²⁷. В 1853 г. генерал уехал в США, где после неудачной попытки фермерства несколько лет работал домашним учителем. В 1858 г., получив американское гражданство, Месарош направился в Швейцарию, чтобы занять предложенную ему должность в типографии Миклоша Пуки, но в пути заболел и последние дни провёл в английском Эйвуде, где и умер 16 ноября 1858 г.²⁸ Петер Дука, адъютант Гёргеи, какое-то время также жил за счёт сбережений, а затем нашёл работу в Ост-индской компании. Полковник Мор Мереи, бывшие госслужащие Нандор (Фердинанд) Эбер и Михай Хори зарабатывали на жизнь уроками музыки и иностранных языков. Эбер позднее стал корреспондентом газеты «Times» («Таймс»), в 1854–1855 гг. писал сообщения из Крыма и даже вступил на время в турецкую армию. Комиссар правительства Яцинт Ронаи (Лейцингер) устроился гувернёром в семью депутата Д. Б. Смита и параллельно писал статьи для венгерской газеты «Pesti Napló» («Пешти Напло») ²⁹.

В эмиграции работу по специальности смогли найти лишь врачи и инженеры, отчасти военные. Значительная часть остальных эмигрантов, имевших образование, зарабатывала на жизнь пером: сотрудничали с различными периодическими изданиями, писали мемуары, описывали венгерские события 1848–1849 гг., формируя тем самым общественное мнение на Западе, пробуждая симпатии к освободительной борьбе венгерского народа, разъясняя её цели и задачи. Журналисты Эбер, Пульски, Лайош Чернатони служили «общему делу» в английской печати, Миклош Йошика, Эде Хорн, Даниэл Ирани, Янош Людвиг, Фридеш Сарвади, Игнац Хелфи – на континенте в германской, датской, бельгийской, французской, испанской, итальянской прессе.

Следует отметить при этом, что как оставшиеся в Европе, так и уехавшие в Америку эмигранты проявляли заметную географическую мобильность. Как правило, они не раз меняли место жительства, что было связано с поисками средств к существованию и с готовностью в любой момент взять в руки оружие ради возобновления освободительной борьбы. В своих воспоминаниях А. И. Герцен, общавшийся в Лондоне с представителями различных демократических эмиграций, в том числе с венграми, отмечал, что эмигранты 1849 г. «не верили ещё в продолжительность победы своих врагов... Они твердо верили, что их поражение – минутная неудача, и не перекладывали платья из чемодана в комод»³⁰. На протяжении пятидесятих годов XIX века венгерская эмиграция по сути жила ожиданием новой европейской войны с участием Австрии, что позволило бы ей с опорой на иностранную помощь и конспиративные организации на родине начать восстание с целью завоевания независимости Венгрии. Так, в преддверии и в начале Крымской войны в Европу потянулись уехавшие в Америку хонведы, и Кошуту даже пришлось обратиться с письмом к своим соотечественникам, предостерегая их от преждевременных действий, которые могли бы лишь навредить общему делу.

Кошут по возвращении в 1852 г. из полугодовой поездки по США, куда он отправился, получив свободу передвижения, также осел в Лондоне. Как лидер венгерской эмиграции, он поддерживал контакты с эмигрантскими организациями других народов, вёл обширную переписку со своими представителями в различных городах мира и сторонниками на родине, готовил силы и средства для нового вооруженного выступления. Будучи превосходным оратором, часто выступал с лекциями в Англии и Шотландии. В начале 1860-х годов он переселился в Италию и остался там до самой кончины в 1894 г.

Соратник Кошута, Ференц Пульски в Лондоне зарабатывал на жизнь писательством, публикуясь в английских изданиях, писал статьи для немецкой газеты «Kölnische Zeitung» («Кёльнише Цайтунг»), эссе по истории Венгрии, исторические романы. Его жена Терезия, дочь венского банкира Вальтера, переводила произведения мужа на английский и немецкий язык, написала воспоминания о своей жизни в Венгрии в 1845–1849 гг. Её мемуары, дополненные статьями мужа, были изданы на английском и немецком языках в 1850 г.

Семья Пульски сопровождала Кошута в поездке по США и по возвращении в Лондон опубликовала очерки о жизни американского общества. По поручению Кошута в 1860 г. Пульски в качестве корреспондента «Daily News» («Дейли Ньюс») переехал в Турин для поддержания связей с премьер-министром К. Б. Кавуром, но вскоре, порвав с Кошутом из-за возникших политических разногласий, обосновался во Флоренции и занялся археологическими изысканиями. В 1866 г. он вернулся в Венгрию, где получил амнистию. На родине поначалу избегал участия в политической жизни, но после заключения австро-венгерского соглашения был избран депутатом Государственного собрания Венгрии, а в 1869 г. занял должность директора Национального музея.

Наряду с Лондоном, где образовалась весьма многочисленная венгерская община, в начале 1850-х годов существовала небольшая колония венгерских эмигрантов на острове Джерси (Мор Перцел, граф Шандор Телеки, Л. Месарош, Эдён Бёти, Балаж Орбан, Жигмонд Тали). Часто наведывался к ним из Лондона Яцинт Ронаи, а в 1853 г. из Америки приехал и Миклош Перцел. Возглавляемые Виктором Гюго французские и итальянские эмигранты издавали там же газету «L' Homme» («Ль' Ом»), для которой писал статьи и Ш. Телеки, разделявший республиканские идеи. Когда это издание опубликовало статью, содержащую выпады против английской королевы, местные власти выдворили с острова выступивших в поддержку газеты эмигрантов, и тогда за Гюго на остров Гернси последовал и Телеки.³¹

Вторым важным центром венгерской эмиграции стал *Париж*, где обосновались граф Ласло Телеки (1811–1861), Бергалан Семере (1812–18), граф Казмер Баттяни (1807–1854), Иштван Горове (1819–1881), бывший депутат Даниэл Ирани (Хальбшу) (1822–1892) и др. На два дома – в Париже и Лондоне – жил граф Пал Эстерхази. Ирани работал гувернёром, занимался журналистикой, писал статьи для французских и итальянских газет. Бывший министр иностранных дел Венгрии К. Баттяни поселился в скромной парижской квартире на третьем этаже, где жил на доходы от поместья жены. По словам Семере, «Баттяни, который на родине ежегодно мог тратить по 500 тыс. франков, теперь довольствуется 12 тысячами... По легкомыслию ли, или из-за собственной гордости он не спас ничего из своего состояния, но потерю 20 млн. франков переносит безропотно»³². Сам Семере поначалу не испытывал финансовых затруднений, но позднее вынужден был отказаться от привычного образа жизни. Занявшись виноторговлей, он продвигал на западном рынке токайские вина.

Ласло Телеки, с сентября 1848 г. находившийся в Париже в качестве представителя венгерского правительства, возглавил венгерскую эмиграцию во Франции. Через него Кошут поддерживал связи с эмигрантами в Брюсселе и Швейцарии (Цюрих, Женева). Граф Телеки имел также постоянные контакты с дворянско-аристократическим руководством венгерского сопротивления на родине.

В Европе оставались и другие известные венгерские политические деятели. Бывший спикер нижней палаты парламента *Пал Алмаши* (1818–1882), в апреле 1849 г. объявивший о низложении дома Габсбургов с венгерского престола, в эмиграции жил в Женеве, Брюсселе и Париже. Получив амнистию, он вернулся на родину, где участвовал в создании конспиративной организации, готовившей вооруженное восстание. Клапка после кратковременного пребывания в Лондоне отправился в Геную, чтобы потом поселиться в Швейцарии, где в 1855 г. получил швейцарское гражданство. В Лейпциге он опубликовал свои мемуары (1850) и историю войны 1848–1849 гг. (1851). Генерал являлся инициатором многих военных акций, готовившихся эмиграцией. Он имел собственные коммерческие интересы в Константинополе и Генуе, которые сохранил и после возвращения на родину в 1867 г.

Правовед, публицист *Ласло Салаи* (1813–1864), первый дипломатический представитель венгерского правительства в Англии, полномочия которого, однако, не были признаны британцами, покинув Лондон, осел в Швейцарии. В Цюрихе и Роршахе работал над написанием многотомной «Истории Венгрии», первые 4 тома которой были опубликованы в Лейпциге в 1851–1854 гг., а остальные увидели свет уже после возвращения Салаи на родину в 1855 г., где он был избран депутатом Государственного собрания в 1861 г. от партии Деака. В Венгерской академии наук тогда же занял пост генерального секретаря.

Историк, чанадский епископ *Михай Хорват* (1809–1878), в правительстве Семере занимавший пост министра образования и культов, в 1849 г. скрывался в Венгрии, затем через Лейпциг, Брюссель, Париж, Геную, Ниццу, Флоренцию добрался до Женевы. Благодаря финансовой поддержке вдовы Л. Баттjани на Боденском озере смог заняться изучением истории Венгрии. Свои труды «Двадцать пять лет из истории Венгрии» и «Историю борьбы за независимость Венгрии» в трех томах он издал в 1864 и 1865 гг. Они вышли в женевской типографии, которую открыл другой венгерский эмигрант, бывший вице-испан (заместитель главы администрации, первый выборный чиновник) комитата Хевеш, Миклош Пуки (1806–1887)³³. Хорват в 1856 г. переехал в Брюссель, где в королевском архиве собирал документы по средневековой истории Венгрии и опубликовал их в 1857–1859 гг. под псевдонимом Хатвани в Пеште. Вернувшись на родину в 1867 г., он занял пост первого заместителя председателя Венгерского исторического общества.

Писатель барон *Миклош Йошика* (1794–1865), в середине 1830-х годов снискавший славу в качестве автора романа «Абафи», осенью 1848 г. был избран в состав Комитета Защиты Отечества и после провозглашения независимости Венгрии стал членом суда по помилованиям. После поражения освободительной борьбы бежал за границу. Йошика, заочно приговоренный к смертной казни, сначала поселился в Брюсселе, затем переехал в Дрезден, где жил до самой кончины. В эмиграции написал множество романов и новелл, публи-

ковал статьи в английской, французской, немецкой и венгерской прессе. Жена Йошики, урождённая баронесса Юлия Подманицки, в Брюсселе занялась торговлей кружевом, что позволило семье купить небольшой дом в Дрездене.

Будущий премьер-министр Венгрии и будущий министр иностранных дел Австро-Венгрии *Дюла Андраши* (1823–1890), назначенный в 1848 г. венгерским правительством ишпаном Земплена, с началом вооружённой борьбы участвовал в сражениях, в 1849 г. служил адъютантом Гёргеи. Капитуляция венгерских войск застала его в Константинополе, куда он был направлен в качестве официального представителя венгерского правительства. В эмиграции Андраши жил в Париже и Лондоне, а в 1858 г. по амнистии вернулся на родину, где позднее принял деятельное участие в подготовке австро-венгерского соглашения 1867 г.

Если большинство гражданских лиц, в вынужденной эмиграции приняло свою судьбу, устраивало свою жизнь на чужбине и терпеливо ожидало того момента, когда сложится благоприятная ситуация для возвращения на родину в результате перемен в стране или изменения международной обстановки, то многие военные горели жаждой немедленных действий в интересах освобождения Венгрии. Своё затянувшееся пребывание в Османской империи, последующую гражданскую жизнь в Европе и Америке военные воспринимали как вынужденное бездействие и поэтому хватались за любую, порой призрачную возможность приблизить момент освобождения своей родины. Именно стремлением действовать объясняется активность Клапки по поиску союзников в деле формирования добровольческого войска и отправки его в Венгрию. Сначала он с таким предложением обращался к представителям эмиграций других народов, потом стал искать союзников среди великих держав. Поступить на службу в турецкую армию венгерских военных помимо нужды побуждала вера в то, что в назревавшей русско-турецкой войне Габсбурги, обязанные сохранением своего престола России, поддержат её, и это позволит венгерским патриотам при поддержке турецких войск начать военную кампанию в Венгрии.

Подобными мотивами руководствовались и те, кто связывал решение «венгерского вопроса» с обретением единства Италии, ведь Австрийская империя была препятствием как на пути к объединению населённых итальянцами территорий, так и завоевания независимости Венгрии. В 1859 г., на пороге новой европейской войны с участием Австрии, руководители венгерской эмиграции пришли к выводу, что после 10 лет затишья, наконец, настало время действий. В ходе подготовки к выступлению был сформирован венгерский легион, однако после заключения перемирия в Виллафранке, когда необходимость в нём отпала, его распустили. Правда, часть легионеров из числа эмигрантов 1849 г., в частности, полковники Даниэл Ихас, Иштван Тюрр, Гергей Бетлен, Йожеф Кривачи, Карой Купа, майоры Йожеф Кишш, Лайош Тюкёри, Карл Эберхардт поступили на службу в армию Пьемонта и Средней Италии.

Венгры принимали участие и в сицилийском походе Джузеппе Гарибальди. Иштван Тюрр, Лайош Тюкёри вместе с «тысячей» гарибальдийцев высадился в Марсале. Позднее их ряды пополнили и другие венгерские эмигранты (Эбер, М. Чудаффи, Ф. Фиделмеш, Ш.Телеки, И. Дунёв и др.), а 16 июля 1860 г. Гарибальди подписал приказ о создании венгерского легиона под командованием майора Адольфа Модьороди. Если в начале августа 1860 г. в легионе насчитывалось 79 солдат и 10 офицеров, то уже через три месяца, когда он был переподчинен армии Пьемонта, его численность увеличилась до 335 чел., а к маю 1862 г. – до 1150 чел.³⁴. Столь значительный приток венгерских добровольцев из Трансильвании и солдат-перебежчиков из австрийской армии означал дополнительную финансовую нагрузку для итальянского правительства и создавал определённые проблемы и для эмиграции³⁵. Число офицеров в легионе заметно превысило разумные пределы, поэтому Турин запретил принимать на офицерские должности новых добровольцев. Желавшие же пополнить ряды легионеров продолжали одолевать представителей венгерской эмиграции просьбами оплатить им проезд³⁶. Кошут в письме М. Кишшу от 31 января 1861 г., осуждая подобное поведение соотечественников, выразил недовольство таким своеобразным проявлением патриотизма. Ведь создание легиона было направлено не на то, чтобы вывести из Венгрии вооруженных борцов, а на то, «чтобы собрать воедино те силы, которые рассеяны за границей... и иначе не могли бы участвовать в освободительной борьбе, по крайней мере на начальном этапе... А тех, кто на родине, мы нашли бы и дома, и притом бесплатно»³⁷.

3. Американская эмиграция участников национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг.

Первые группы венгерских эмигрантов (около 50 чел.) начали прибывать в США поздней осенью и в начале зимы 1849 г. В Нью-Йорке 16 декабря 1849 г. восторженная публика встречала группу защитников комаромской крепости во главе с Уйhazi, прибывших в Америку, «чтобы жить в свободной стране свободными людьми так, как они не могли бы жить нигде в Европе»³⁸. Американские власти проявили по отношению к борцам за независимость Венгрии большое гостеприимство, разместив их в гостинице за счёт города. Уйhazi был представлен Д. Уэбстеру, сенатору от штата Массачусетс, а в Вашингтоне его принял госсекретарь Клейтон и пообещал содействовать освобождению интернированного в Турции Кошута. Используя интерес широкой общественности к венгерским эмигрантам, Уйhazi удалось заручиться поддержкой влиятельных американских политиков. Сенатор от штата Миссисипи Г. С. Фут предложил направить к турецким берегам военный корабль США, который доставил бы в Америку Кошута и его товарищей, если они захотят приехать в Соединенные Штаты. Конгресс принял это предложение с поправ-

кой, что судно может быть отправлено при условии, что Кошут и сопровождающие его лица пожелают «переселиться в США». Несмотря на протесты австрийского посла И. фон Хюлземанна, предупреждавшего, что Кошут не намеревается поселиться в Америке, а хочет только вести агитацию в интересах нового мятежа в Европе, занявший пост госсекретаря Уэбстер предпринял действия, чтобы выхлопотать перед Портой освобождение Кошута³⁹.

В бостонском порту 9 декабря 1849 г. с борта парусника «Европа» на берег сошли полковник Янош Прагаи и майор Корнел Форнет, которым также был оказан торжественный приём. Прагаи по прибытии в США вплотную занялся описанием истории венгерской революции, и в феврале 1850 г. его работа была издана в Нью-Йорке на английском языке⁴⁰. Он изложил хронологию событий, цели и причины вооруженной борьбы 1848–1849 гг., пробуждая тем самым симпатии и интерес общественных кругов США к борьбе за независимость Венгрии. Публикация книги в то же время обеспечила финансовую самостоятельность полковника.

Прагаи пропагандировал переселение эмигрантов в Техас и создание там колонии Кошутфалва⁴¹, но его идея не получила поддержки, так как большинство венгров не хотело ехать на рабовладельческий юг. Какое-то время Прагаи провел в Нью-Йорке, затем в 1850 г. в Мексике участвовал в походе войск губернатора Соноры против индейцев-апачей⁴². Вернувшись в Новый Орлеан, снова отправился воевать и нашел свою смерть на Кубе в экспедиции Н. Лопеса. Форнет же впоследствии приобрёл ферму в штате Нью-Йорк и бесплатно снабжал мукой приют для венгерских эмигрантов в Нью-Йорке. Какое-то время работал инженером, затем перебрался в Калифорнию, где с венгерскими эмигрантами Шаму Вашшем, Густавом Молитором и Яношем Юошем с разрешения американских властей наладил чеканку монет⁴³. Участвовал в гражданской войне, был ранен, а после заключения австро-венгерского соглашения вернулся на родину.

В 1850–1852 гг. в Америку прибыло ещё несколько групп венгерских эмигрантов по 40–50 чел. Однако, к тому времени в США тема освободительной борьбы венгров сошла с первых полос газет, поэтому им уже не оказали столь пышного приёма. Капитан хонведов Лайош Данч впоследствии следующим образом описывал свои первые впечатления об Америке: «Прибыв на землю обетованную, мы не знали, радоваться ли нам или горевать? Многие из нас тогда ни слова не знали по-английски. В наших карманах денег было совсем мало, я имел всего-то одну золотую монету в 10 франков, и то лишь благодаря великодушию султана... Нас никто не спрашивал, кто мы, куда направляемся и за счёт каких средств собираемся жить. Нам самим пришлось позаботиться обо всём. И мы пошли искать работу...»⁴⁴. Данч сначала 11 месяцев был чернорабочим на заводе по производству свинцовых белил в Филадельфии, затем в 1853 г. вместе с полковником Миклошем Катоной устроился на ферму к Л. Месарошу, который купил в Нью-Джерси 24 хольда земли, какое-то вре-

мя работал наборщиком в типографии Корниша, позднее стал учителем фехтования в Нью-Хевене.

Уйhazi отправился в США, будучи убеждённым в том, что всем венгерским эмигрантам следует поселиться в Америке, где вместе им будет легче получить помощь от США и где при необходимости их проще мобилизовать для освободительной борьбы. При этом он считал, что венграм, привычным к сельскохозяйственным работам, лучше всего заняться фермерством, поэтому просил конгресс выделить для эмигрантов необрабатываемые государственные земли в западных штатах. По американским законам, такие земли можно было взять в пользование, пока они не выставлены на продажу, но даже в этом случае обрабатывающие землю лица имели преимущественное право её покупки.

Кшут разделял мнение Уйhazi, что по образу жизни венгр скорее сельский житель, чем городской, но не был в восторге от самого проекта. Он считал более предпочтительным, чтобы венгерские эмигранты оставались вблизи границ Венгрии (на Балканах или на азиатской территории Османской империи), чтобы в нужный момент их можно было поднять на борьбу. Кроме того, он полагал, что в Османской империи венгры, обладая более глубокими – по сравнению с местным населением – аграрными знаниями, были бы более конкурентоспособны на рынке, чем в США с их развитым сельским хозяйством.

Для венгерской колонии Уйhazi нашёл подходящие территории в Айове, в графстве Декатур. Основанное им в нескольких милях от реки Томпсон обширное поместье получило название *Нью-Буда*. Впоследствии Уйhazi стал там почтмейстером (ближайшая почтовая станция располагалась в 20 милях в Принстоне). По соседству с его поместьем взяли в пользование земельные участки: его секретарь Дёрдь Помуц, поэт Фридеш Керени, капитан Лайош Фаркаш, дёрский депутат Шандор Лукач, журналист, бывший судья военного трибунала Иштван Бирани (Шульц)⁴⁵. Летом 1850 г. первые венгерские поселенцы поставили палатки и пригнали купленный в Сент-Луисе скот. Позднее к ним присоединились бывший судья из Шарошпатака Михай Кюкемезеи, лейтенант Хуго Хохгольцер, национальный гвардеец Габор Катона, бывший директор железных рудников и оружейного завода Теодор Ромбауэр, испан комитата Бараня и комиссар правительства Игнац Хайнер и др. Поселенцы первую зиму провели в Сент-Луисе, за исключением Помуца и Уйhazi, которые зимовали в палатках.

В 1851 г. ряды колонистов пополнили бывшие начальник полиции Ласло Мадарас, вице-испан Торонтала Ференц Варга, шомодьский испан Йозеф Майтени и Эрнё Драхош. В соседнем графстве Скотт, в Дэвенпорте поселились врач Игнац Лангер, бывший комиссар правительства Бодог Шпелетич, бывший служащий правительства Ференц Амон и лейтенант Иштван Раднич. Численность венгерских поселенцев в Айове в начале 1850-х годов достигала 75 чел.⁴⁶

Венгры надеялись получить свои участки в собственность, тем более, что подобный прецедент имел место после наполеоновских войн, когда в США переселилось немало французских офицеров. Уйхазы заручился поддержкой сенаторов У. Г. Сьюарда, Л. М. Кэсса, Г. С. Фута. В конгресс был внесён соответствующий законопроект⁴⁷, но реальных шансов быть включенным в повестку дня для обсуждения у него не было. В ответ на ходатайства Уйхазы, а затем и Кошута лишь министр внутренних дел отдал распоряжение о приостановке распродажи государственных земель на занятых венграми площадях. Конгресс только в 1858 г. принял решение о продаже земель по льготной цене, но к тому времени численность венгерских поселенцев, непривычных к тяжелому физическому труду, в Айове заметно сократилась. Хайнер занял кафедру иностранных языков Миссурийского университета. Уйхазы, имевший некогда в Венгрии большие виноградники, хотел развивать в Америке виноградную культуру, но вскоре понял, что для этого потребуются переселиться на юг⁴⁸. Основатель Нью-Буды в 1853 г. перебрался в Техас, где недалеко от Сан-Антонио приобрёл новое поместье. Когда в США началась гражданская война, Уйхазы был вынужден покинуть и эти места. В Вашингтоне ему предложили пост консула США в Анконе, на итальянском побережье Адриатики. В середине 60-х годов XIX века он вернулся в США в свое поместье, где и закончил свои дни в 1870 г. Остальные поселенцы Нью-Буды также постепенно рассеялись. Дольше продержались дэвенпортские колонисты. Помещик из комитата Хонт Миклош Фехервари прожил здесь до самой смерти в 1895 г.

В целом, большинство венгерских эмигрантов в Америке поначалу перебивалось случайными заработками, жило на пожертвования американцев. Как правило, не владевшие английским языком, не имевшие гражданских профессий, они столкнулись с проблемой элементарного выживания. Многие связывали свои надежды с Кошутом, веря в то, что когда он придет в Америку, каким-то образом решит их финансовые проблемы. Однако Кошут ясно дал понять, что всем придётся самим зарабатывать на жизнь, а те средства, которые он надеялся получить в США, пойдут на финансирование освободительной борьбы, но не на поддержку эмигрантов⁴⁹. В то же время лидер венгерской революции 1848 г. понимал, что необходимо чем-то помочь соотечественникам, и по мере возможности старался содействовать их трудоустройству. Учитывая, что в основном это были имевшие боевой опыт военные, одно время он даже вёл переговоры о создании на территории Сан-Доминго «американо-венгерского легиона». Американцы, имевшие на острове шахты и леса, нуждались в защите своей собственности, поэтому предложили наделить венгерских эмигрантов землей по периметру своих владений, чтобы те в обмен охраняли их собственность, но из-за финансовых разногласий из этой затеи ничего не получилось⁵⁰.

Кошут посетил Америку в декабре 1851 – июне 1852 г., практически сразу после того, как обрёл свободу передвижения, сделав всего лишь краткую оста-

новку в Англии. В ходе своей поездки он побывал более чем в 40 городах США (Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимор, Вашингтон, Харрисбург, Питтсбург, Кливленд, Цинциннати, Индианаполис, Луисвилль, Новый Орлеан, Бостон и др.), где произнёс несколько сот речей. О популярности борца за независимость Венгрии свидетельствуют более 50 населенных пунктов, названных тогда в его честь⁵¹. Лидер венгерской революции 1848–1849 гг. был приглашён в обе палаты конгресса, в палате представителей даже выступил с речью. Однако, несмотря на проявление симпатий, одной из основных целей поездки в США – получить политическую поддержку американских властей – Кошуту достичь не удалось. Президент США М. Филлмор изъявил готовность его принять лишь при условии, что это будет простой визит вежливости и что лидер венгерской эмиграции воздержится от политических заявлений.

Что касается второй, также немаловажной цели американской поездки – сбора средств на подготовку нового выступления, – Кошуту в этом удалось преуспеть больше. Ещё до его приезда в США владелец нью-йоркской шляпной фабрики Генин пожертвовал 1 тысячу долларов, выразив надежду, что у него найдутся последователи, и эта сумма к приезду Кошута превратится в 100 тысяч. Заводские рабочие перечислили свой недельный заработок в венгерский фонд⁵². Однако, если в Нью-Йорке публика встречала Кошуту с восторгом, то в южных штатах его популярность и, соответственно, сумма пожертвований были значительно ниже. Так, в Сент-Луисе приветствовать лидера венгерской революции пришли только представители немецкой общины и эмигрантских организаций. В итоге Кошуту удалось собрать солидную сумму, хотя она и оказалась значительно меньше 300 тыс. долларов, на которые он рассчитывал⁵³. По данным Пала Хайника, который вёл бухгалтерию лидера венгерской эмиграции, Кошуту в Америке удалось получить около 85 тыс. долларов. Из них почти 65 тыс. были потрачены на покупку оружия (в том числе 15 тыс. ружей) и 10 тыс. на помощь венгерским эмигрантам. Купленные у Г. Сакки, доверенного лица Дж. Мадзини 7,5 тыс. ружей ждали отправки в Европу на складе в Бруклине. Позднее были приобретены ещё 6 тыс. ружей, а также переносная типография⁵⁴. Кошуту обеспечил временной работой около 300 эмигрантов в Морнингвилле под Нью-Йорком, где Шандор Ашбот (1811–1868) организовал производство пороха, патронов и картечи⁵⁵. Кроме того, на ферме Т. Дембиньского в марте 1852 г. силами венгерских эмигрантов начали изготавливать патронташи и ремни, и к началу июля 1852 г. было произведено более 365 тыс. патронов в 130 бочках и 10 ящиков деталей ремней⁵⁶.

Венгерские военные все же могли найти применение своим способностям в латиноамериканских странах с нестабильным политическим режимом. Венгерские эмигранты принимали участие в военных акциях на Кубе, в Мексике и других странах Центральной Америки, выступая в поддержку местных революционных сил и сторонников независимости, что не только соответство-

вало их убеждениям, но и давало заработок. Широкую известность получило участие венгерских офицеров в третьей экспедиции руководителя кубинских эмигрантов генерала Нарсисо Лопеса, венесуэльца по рождению. Один из несостоявшихся участников кубинской экспедиции, Мартон Коста говорил, что «не видит разницы, что здесь в Америке умереть с голоду, что там [на Кубе – Ж. Ч.] от пули»⁵⁷. Известны имена более 20 венгерских участников этого похода, преимущественно из числа защитников Комарома, хотя общая их численность была, видимо, больше. При этом как военным с боевым опытом им отводилась заметная роль в командном составе экспедиции. Так, убежденный республиканец, полковник Янош Прагаи возглавил генштаб Лопеса, капитан Имре Раднич, лейтенанты Андор Севольд и Тибор Рекендорф, майор Лайош Шлезингер и полковник Янош Блументаль вошли в состав генштаба⁵⁸. Кроме того, созданный в рамках экспедиционного корпуса венгерский полк должен был пополниться за счёт кубинских добровольцев. Плохо подготовленные, авантюрное предприятие Лопеса закончилось полным провалом. Высадившиеся на Кубе в августе 1851 г. отряды, не получив народной поддержки, были разбиты колониальными войсками. Большинство венгерских участников этой экспедиции с Кубы не вернулось, в том числе и Прагаи. Трое венгров были казнены в Гаване, девятерых же испанские власти отправили на каторжные работы в свинцовые рудники североафриканской Сеуты.⁵⁹

В самих Соединенных Штатах часть эмигрантов занялась предпринимательством. Капитан Матяш Нюйто открыл ресторан в Нью-Йорке, Лайош Тёррёк – бар, личный секретарь Кошута Вилмош Вайгли – сигарный салон в Нью-Йорке, майор Янош Майерхоффер занялся производством сигар. Майоры Карой Кёльбль и граф Теодор Дембинский также вели торговлю сигарами, капитаны Иштван Кинижи и Янош Непомук Калапса содержали школу верховой езды в Бостоне, капитан Янош Раднич зарабатывал на жизнь резьбой по дереву, капитан Карой Подхрадски – фотографией. Бывший уездный начальник Антал Серени стал губернёром во Флушинге, капитан Йозеф Ремени получил должность врача.⁶⁰ Обладавшие инженерными знаниями Янош Фиала устроился чертёжником, затем картографом в железнодорожную компанию «Пасифик», лейтенант Дёрдь Грехенек и Карой Ласло проектировали систему водоканалов штата Нью-Йорк. Последний стал затем инженером на железной дороге Сиракьюз–Бирмингем, а после получения в 1853 г. гражданства США служил в топографическом отделе федерального министерства в Вашингтоне и участвовал в составлении топографической карты мексикано-американской границы. Позднее вместе с майором Бодогом (Феликсом) Немеди владел фирмой по торговле красным деревом. Реформатский пастор Гедеон Ач, пройдя вместе с эмигрантами через Видин, Шумлу и Кютахью, стал пастором первой венгерской церковной общины в Америке⁶¹.

Один из бывших интернированных, журналист Адольф Дюрман писал статьи на английском языке, был редактором издаваемой в Нью-Йорке немец-

кой газеты „*Demokratischer Völkerbund*” («*Демократишер Фёлькербунд*»). Бывший комиссар правительства и председатель военного трибунала в Сегеде Карой Корниш в 1853 г. начал издавать газету венгерских эмигрантов („*Magyar Száműzöttek Lapja*” – «*Мадьяр Самюзёттек Лапья*»), но вышло всего шесть номеров. Ввиду низкой платежеспособности эмигрантов предприятие оказалось убыточным, и он был вынужден прекратить её выпуск. В 1854 г. Корниш и один из основателей Нью-Буды И. Бирани перебрались в Рио-де-Жанейро, где вместе с Ласло Алвинци открыли фотосалон. После смерти партнёров Корниш вернулся к профессии юриста, и в 1856 г. являлся уже одним из наиболее востребованных бразильских адвокатов. В 1862 г. вернулся на родину, где вскоре умер от чахотки⁶².

В 1856 г. под влиянием проводимых правительством Мексики либеральных реформ в эту страну стали прибывать венгры для работы по контракту, а также в качестве торговцев и путешественников. Немеди нашёл применение своим знаниям при строительстве железной дороги в Тэуантепек.⁶³ Габбор Напхеда, бывший председатель Венгерского общества в Нью-Йорке, создал систему городского освещения в Веракрусе, затем в 1856 г. был назначен уполномоченным мексиканского правительства по иммиграции в США. Фотограф, путешественник Пал Рошти объездил Кубу, Мексику, Венесуэлу, издал путевые заметки с фотографиями.

Некоторые венгерские эмигранты уехали в Аргентину, Уругвай, Парагвай и другие латиноамериканские страны, причём в основном перебирались туда из США. Бывший адъютант Месароша, затем начальник штаба войск при Беме генерал *Янош Цец* (1822–1904), относился к тем немногим, кто приехал в Аргентину непосредственно из Европы. В эмиграции он жил сначала в Париже, потом в Стамбуле, позже работал в Швейцарии на строительстве железной дороги. В 1859 г. принимал активное участие в формировании венгерского легиона в Италии, а в 1860 г. с женой-аргентинкой уехал к ней на родину. Обосновавшись в Буэнос-Айресе, Цец, инженер по образованию, составил топографическую карту пограничной с Бразилией и Парагваем местности, спроектировал железную дорогу Санта-Фе–Эсперанса–Сан-Гермино и установил телеграфное сообщение между городами Росарио–Санта-Фе–Парана–Консепсьон-дель-Уругвай. В 1870 г. создал первое в Аргентине Военное училище и стал его директором, в 1875 г. возглавил Институт картографии, в 1884 г. основал Военно-инженерную высшую школу. В 1865 г., когда Аргентина, Уругвай и Бразилия объявили войну Парагваю, Цец служил в аргентинской армии военным инженером. В то же время другой венгерский эмигрант, полковник Ференц Визнер (более известный в Латинской Америке как Франсиско Визнер де Моргенштерн) в качестве руководителя инженерной службы парагвайской армии приложил все силы для защиты своего второго отечества⁶⁴. При этом посредническую миссию по примирению вовлечённых в военный конфликт государств в 1866 г. США доверили *Шандору*

Ашботу (известному в Америке как Александр Эшбот), который в 1849 г. руководил военным департаментом президентской администрации Кошута и закончил войну в звании подполковника. В Турции он был флигель-адъютантом Кошута. В 1851 г. Ашбот прибыл в США, где работал инженером сначала в Сиракьюзе, затем в Нью-Йорке. С началом гражданской войны предложил свои услуги генералу Джону Фримонту и, возглавив бригаду, сражался против южан в Миссури и Арканзасе, был неоднократно ранен. В 1862 г. одержал победу при Пи-Ридже, после чего конгресс утвердил его в звании бригадного генерала. В 1863 г. стал командующим военным округом в Западной Флориде, а в 1866 г. получил назначение в Аргентину и Уругвай в качестве посла США.

Активное участие в гражданской войне в США принимал не только Ашбот, но и многие другие венгерские эмигранты, обосновавшиеся в этой североамериканской стране. Однако точные данные об этом отсутствуют. По оценке венгерского историка Т. Ача, на территории США в начале 1860-х годов насчитывалось как минимум 5 тыс. закалённых в боях, готовых к вооружённому выступлению венгерских эмигрантов, в то время как Е. Пивани оценивал численность венгерских участников гражданской войны 1861–1865 гг. в 800 чел.⁶⁵ Упомянутые Ачем 5 тыс., однако, скорее относятся к общей численности венгерских иммигрантов в США⁶⁶, среди которых далеко не все были военными с боевым опытом. Во всяком случае, из числа венгров, служивших в армии северян, поименно известны более 100 офицеров, являвшихся выходцами из Венгрии и имевшими звание капитана и выше. В их числе *капитаны* Дёрдь Грехенек, Густав Ковач, Йозеф Макк, Матяш Рожафи (Рузичка), Родерик Ромбауэр, Ференц Такач, Антал Уташши, Карой Хохлейтнер, *майоры* Антал Векеи, Эндре Галфи (Галлик), Дюла Куне, Имре Месарош, Йозеф Немет, Геза Харастаи, Калман Шемшеи, *подполковники* Антал Покорни, Янош Фиала, *полковники* Ласло Жулавски, Карой Загони, Миклош Перцел, Роберт Ромбауэр, *генералы* Фридеш Кнефлер, Енё Козлаи, Карой Манди и др. Все они в 1848–1849 гг. служили в армии хонведов либо были подростками сыновьями последних.

Половину личного состава «Гвардии Гарибальди», на основе которой был создан 39-й нью-йоркский добровольческий полк, составляли венгры, в том числе полковник Фридеш Дёрдь Уташши, лейтенант Эде Зердахейи, Лайош Теннер, Виктор Шандори и др. В Чикаго значительное число венгров вступило в 1861 г. в ряды «Линкольнских стрелков». Этот отряд, получивший своё название с согласия президента США, был сформирован офицером Гезой Михалоци из венгерских, чешских и немецких эмигрантов, впоследствии вошёл в состав 24-го иллинойского добровольческого пехотного полка и вёл бои против южан в Кентукки, Теннесси, Алабаме⁶⁷. Бывший лейтенант хонведов Дюла Штахель (Самвальд) (1825–1912), работавший в США журналистом в англо-немецкоязычных изданиях, в мае 1861 г. сформировал из добровольцев полк

пехоты, затем артиллерийский полк, участвовал во многих сражениях, командовал корпусом, который особенно отличился в боях в Виргинии в 1864 г. Закончил войну в звании бригадного генерала и был удостоен высшей награды США – Медали почёта. После серьёзного ранения его перевели в Балтимор, где он возглавил военный трибунал. Штабель после войны состоял на дипломатической службе США в Йогогаме и Шанхае, а после кончины был похоронен на арлингтонском военном кладбище в Нью-Йорке⁶⁸.

Капитан хонведов, защитник Комарома и один из поселенцев Нью-Буды *Дёрдь (Георгий) Помуц* (1828–1882) осенью 1861 г. также сформировал добровольческий полк, который прошёл всю гражданскую войну и отличился в боях. К концу войны Помуц уже в звании полковника командовал полком, из 37 офицеров которого в строю остались лишь трое, а из 1113 солдат в живых осталось 207 человек. После окончания гражданской войны православный Помуц стал консулом, позднее генеральным консулом США в Санкт-Петербурге (1866–1878). По истечении срока своих полномочий он остался в России, где жил до самой смерти в 1882 г.⁶⁹.

Историкам известно лишь несколько случаев участия венгерских эмигрантов в гражданской войне на стороне южан⁷⁰, причём, как правило, они покидали армию конфедератов при первой возможности. Из них офицерское звание имел старший лейтенант Мадяри и полковник кавалерии Бела Эштван, который, оставив армию южан, перешёл линию фронта и вскоре объявился в Лондоне, где издал книгу очерков о гражданской войне в США, посвятив её генералу Мак-Клееллану. По возвращении в Вену был арестован австрийскими властями⁷¹.

4. Политическая деятельность венгерской эмиграции

Готовя к изданию документы из своего архива, Л. Кошут на склоне жизни писал, что предназначение венгерской эмиграции он видел в том, чтобы являть «живой протест перед Богом и миром против попрания государственности венгерского отечества», сохранять венгерский вопрос на повестке дня мировой истории, нести миру «веру в независимое будущее нации», а свою собственную задачу в том, чтобы всеми силами способствовать возвращению государственной независимости Венгрии⁷².

В 50-е годы XIX века в условиях неабсолютизма практически все общественно-политические круги Венгрии выступали за восстановление конституционного устройства страны. При этом аристократическо-консервативные силы (графы Эмиль Дежёфи, Дёрдь Аппони, Антал Сечен) стремились к восстановлению (пусть с некоторыми изменениями) сословной конституции, существовавшей в Венгрии до революции 1848 г. Провозгласивший же политику пассивного сопротивления Ференц Деак ратовал за восстановление конституции 1848 г., которая предполагала внутреннюю самостоятельность

(самоуправление) Венгрии в рамках монархии Габсбургов. Кошут же вместе с поддерживавшей его частью венгерского общества своим ориентиром избрал независимую Венгрию образца 1849 г. и в эмиграции боролся за её восстановление.

Эту цель – освобождение Венгрии из-под власти Габсбургов – отражало письмо, которое Кошут написал в Видине 12 сентября 1849 г. Адресованное его представителям в европейских странах, оно было предназначено для информирования правительств зарубежных стран и воздействия на европейское общественное мнение. Кошут выражал в письме убежденность, что капитуляция под Вилагошем стала результатом предательства Гёргеи, но эта была лишь временная военная неудача. По его мнению, все силы незамедлительно следовало направить на создание условий для возобновления освободительной борьбы, в первую очередь на завоевание дипломатической поддержки западных держав и достижение межнационального мира.

Венгерское правительство в интересах международного признания Венгрии ещё во время освободительной борьбы 1848–1849 гг. направило в столицы европейских великих держав и США своих дипломатических представителей в расчёте на то, что демократические государства Западной Европы окажут содействие в предотвращении интервенции Российской империи. В этом оно рассчитывало, прежде всего, на поддержку Англии, которой были обещаны преференции в торговле. Прибывший в Лондон в конце февраля 1849 г. представитель венгерских властей *Ференц Пульски* во главу угла поставил задачу завоевания общественного мнения Англии, чтобы через него воздействовать на правящие круги и побудить их оказать помощь Венгрии. Однако министр иностранных дел Великобритании Г. Д. Т. Пальмерстон, принявший его неофициально, ясно дал понять, что английские власти считают Австрию неотъемлемой частью европейского баланса сил и не могут поощрять развал монархии Габсбургов. Пальмерстон предлагал венграм поскорее примириться с Веной, подчеркивая, что «сохранение Венгрии вместе с наследственными землями под властью одного монарха любым английским правительством будет признаваться европейской необходимостью»⁷³.

Во Франции ситуация также складывалась не слишком благоприятно для венгров. Направленный в Париж *Ласло Телеки* установил контакты с различными политическими силами Франции. Однако, трезво оценивая сложившуюся ситуацию с точки зрения перспектив Венгрии, он 7 марта 1849 г. в письме Кошуту вынужден был констатировать, что «будет трудно добиться от французских и английских властей необходимых для нас действий»⁷⁴. От Франции Кошут ждал хотя бы моральной поддержки⁷⁵, но венгерская революция и освободительная борьба нашла сочувствие только у республиканской партии. Безразличие французских властей венгерские политики объясняли монархическими устремлениями Л. Н. Бонапарта, поэтому с удовлетворением воспринимали известия об усилении влияния республиканцев. В мае 1849 г.

Телеки ожидал реальной помощи для Венгрии от прихода к власти парижских радикалов во главе с А. О. Ледрю-Ролленом⁷⁶, однако после провала их выступления в июне 1849 г. во французской политической жизни вопрос поддержки Венгрии полностью утратил актуальность.

Несмотря на постигшие неудачи, венгерские политики продолжали верить в то, что европейские державы вскоре убедятся в том, что монархия Габсбургов не в состоянии выполнять отведённую ей роль по поддержанию баланса сил в Европе, и сделают выбор в пользу Венгрии. Начатая Пульски новая кампания в английской печати, волна митингов в поддержку освободительной борьбы венгров, имевшая целью оказание морального давления на правящие круги Запада ради изменения официальной точки зрения, однако, не принесла желаемого результата.

После капитуляции венгерских войск и в последующие годы позиция великих держав не претерпела существенных изменений. Англия и Франция поддержали Порту в её намерении не выдавать Австрии и России венгерских и польских эмигрантов. Это объяснялось их нежеланием допустить дальнейшее усиление влияния России и окончательное ослабление Османской империи, а также гуманитарными соображениями, т. к. в западноевропейском обществе возросло сочувствие к поверженным борцам за свободу, которым в случае выдачи грозила смертная казнь. США и Англия помогли освободить интернированных в Турции венгров и доставить их в Америку, но ни Лондон, ни Вашингтон, ни Париж не воспринимали лишённых власти венгерских эмигрантов как политических партнёров. Уверенность великих держав в необходимости сохранения Австрийской империи как баланса европейского равновесия не могли поколебать ни выступавшие в западной печати венгерские эмигранты, ни Кошут. Он после обретения свободы передвижения в 1851 г. развернул в Англии и США широкомасштабную кампанию под лозунгом «Вмешательство ради невмешательства». Её целью было убедить западноевропейские державы не допустить вмешательства третьих стран, прежде всего Российской империи в случае возобновления венгерской освободительной борьбы. Выступления Кошута в Саутгемптоне, Винчестере, Бирмингеме, Манчестере и других английских городах собирали многотысячные аудитории, но политической поддержки он так и не получил ни в Великобритании, ни в Соединённых Штатах.

Венгерские эмигранты, включая Клапку, Телеки и Кошута, параллельно поиску союзников во властных структурах великих держав установили контакты и с представителями эмигрантских республиканско-демократических кругов. Так, Дж. Мадзини предложил Кошуту с целью координации действий по подготовке новой революции присоединиться к созданному в июле 1850 г. Центральному комитету европейской демократии, в состав которого от французов входил Ледрю-Роллен, от поляков – В. Дараш, от немцев – А. Руге. Итальянский революционер, делая упор на общность целей народов, заинтересо-

ванных в освобождении из-под власти Габсбургов, хотел получить поддержку Кошута, имя которого стало символом венгерской революции. Обращаясь 7 августа 1850 г. в письме к Кошуту, он указывал на абсолютистский режим Габсбургов как на общего врага итальянского и венгерского освободительного движения. Он отмечал: «Буда и Рим, Пешт и Милан могут обрести свободу только в Вене. Наши отчины должны протянуть друг другу руки через Адриатику... Мы стремимся к свободному союзу, в который – не боясь друг друга – могут вступить итальянцы, славяне и венгры»⁷⁷. Лидер венгерской эмиграции, однако, хотя и разделял мнение Мадзини о необходимости совместного выступления итальянцев и венгров против Австрии, долгое время колебался, прежде чем дать ответ. Кошут не хотел преждевременно связывать себя обязательствами с какой-либо партией, чтобы это не ограничивало его свободу действий. В то время он надеялся на более предпочтительный союз с правящими кругами Сардинского королевства, и лишь убедившись в тщетности своих ожиданий, выразил готовность к сотрудничеству с республиканцем Мадзини, подчеркивая, что нужны не громкие заявления в печати, а тихая организационная работа по подготовке восстания.

Необходимой предпосылкой для успешного вооруженного восстания явилось достижение компромисса с народами Венгерского королевства, ведь в 1848–1849 гг. революционное правительство Венгрии столкнулось с вооружёнными выступлениями других народов страны. В вопросе примирения с национальными меньшинствами Л. Телеки и Д. Клапка были готовы пойти на значительные уступки, вплоть до федерализации Венгрии по этническому признаку и предоставления территориальной автономии. Наиболее последовательным сторонником идеи федерации оказался Телеки. Он уже в 1849 г. в Париже тесно контактировал с представителями эмиграций соседних народов (в частности, с консервативным крылом польской эмиграции во главе с А. Чарторыским, валашскими либералами А. Голеску, Н. Бэлческу, И. Гикой, И. Бэлэчану) и воспринял от них идею создания конфедерации Венгрии, Сербии, Валахии, Молдовы, Чехии и Польши. Предварительным шагом для образования подобного союза народов должно было стать решение национального вопроса в Венгрии. Телеки, умоляя Кошута пойти на уступки «национальностям», весной 1849 г. писал, что «мертва не только Австрия, но и Венгрия Св. Иштвана»⁷⁸. В письме к Кошуту от 7 марта 1849 г. он подчёркивал: «Нам надобно договориться не столько с австрийцами, сколько с сербами, хорватами и румынами... Если иначе нельзя победить Австрию, Венгрию следует преобразовать на конфедеративной основе»⁷⁹. 14 мая 1849 г. он еще более настоятельно предлагал примириться с сербами, разрешить созыв скупщины и признать Воеводину, предоставить румынам внутреннее самоуправление, самые широкие муниципальные гарантии, считая, что это лишь усилит Венгрию, повысит её привлекательность как центра будущей Дунайской конфедерации. Однако в целом для политического руководства Венгрии подобная

позиция была неприемлемой. Принятый на заключительном этапе освободительной борьбы, в июле 1849 г. закон о национальном равноправии предполагал удовлетворить требования невенгерских народов на основе личных, индивидуальных прав гражданина, без предоставления им территориальной автономии.

Заложенные в этом законе принципы нашли отражение в проекте будущего конституционного устройства страны, разработанного Кошутом в Кютахе в апреле 1851 г., исходя из необходимости достижения соглашения с этническими меньшинствами Венгрии⁸⁰. Его конституционный проект предусматривал введение всеобщего избирательного права, широких демократических свобод, суда присяжных, единственным источником права провозглашал народ «без каких бы то ни было расовых, языковых и религиозных различий». В качестве средства обеспечения национального равноправия в Венгрии Кошут предлагал систему самоуправления, которая помогла бы предотвратить возможные злоупотребления центральной власти. На местах и в комитатах следовало использовать в качестве официального языка, на котором говорило большинство населения данной территории; при этом гарантировались бы и права меньшинства. В сфере школьного образования Кошут также предлагал последовательно осуществлять принцип самоуправления. Выбор языка обучения предоставлялся местным органам власти, при этом за народами, составлявшими меньшинство на данной территории, сохранялось право получения образования на родном языке. Кроме того, народы страны, согласно проекту конституции, получали право на создание национальных объединений в масштабах всей страны с выборным главой по образцу церковных организаций. Таким образом, в эмиграции Кошут предлагал совместить требования о гарантии национальных прав этнических меньшинств Венгрии с принципом территориальной целостности государства.

Если в отношении Хорватии в соответствии с историческим правом он признавал право отделения от Венгрии⁸¹, то в отношении трансильванских румын территориальных уступок не предполагалось. Трансильвания, по его мнению, не могла рассчитывать на внутреннюю автономию и тем более равноправный с Венгрией статус «ввиду отсутствия трансильванской нации». Кошут отказывал сербам в праве на создание Сербской Воеводины на территории Бачки и Баната, мотивируя это отсутствием как исторических, так и этнических оснований, т. е. на данной территории сербы не составляли даже относительного большинства населения. Предложения Кошута, однако, вряд ли могли удовлетворить лидеров национальностей Венгрии и руководство сопредельных стран, ведь они как минимум рассчитывали на предоставление территориальной автономии.

Воодушевлённый разветвлённой конспиративной сетью мадзинистов, Кошут 25 июня 1851 г. поручил создание тайной организации в Венгрии полковнику артиллерии Йозефу Макку, участнику обороны Комарома. Позднее

руководство подготовкой восстания взяли на себя сестра Кошута, Жужанна Месленине и преподаватель Карой Юбал, а в Трансильвании организацию возглавил преподаватель Янош Тёрёк. Предполагалось, что итальянские заговорщики начнут выступление в Венеции и Ломбардии, а затем через Далмацию, Хорватию, Трансильванию оно распространится на Венгрию. Рассчитывавший на поддержку французских республиканцев-демократов Мадзини ввиду угрозы бонапартистского переворота торопил венгров, желая начать восстание без промедления, самое позднее – в начале 1852 г., но Кошут отказался взять на себя подобные обязательства и просил дождаться благоприятного для вооруженного выступления момента. Австрийской тайной полиции, однако, стало известно о планах конспираторов ещё до того, как организация начала действовать. Арест эмиссара Кошута, Михая Патаки (Пирингера), направленного в конце 1851 г. для агитации среди венгерских военнослужащих, расквартированных в Гольштейне в составе австрийских войск, провал организации в Венгрии в начале 1852 г., неудачное миланское восстание в феврале 1853 г. и последовавшие казни привели к тому, что Кошут отказался от использования тактики заговоров, приводившей к бессмысленным жертвам. По мнению Кошута, тщательно подготовленное выступление следовало приурочить к обострению международной обстановки. Но надежды эмигрантов, связанные с разразившейся в 1853 г. русско-турецкой войной, не оправдались: Австрия не выступила на стороне России. Сохранив нейтралитет, она лишила возможности венгерскую эмиграцию начать при опоре на западные державы военную кампанию по освобождению Венгрии.

Венгерская эмиграция получила шанс для возобновления вооружённой борьбы лишь в 1859 г., когда на международной арене сложился антиавстрийский союз двух европейских государств – Франции и Сардинского королевства, заинтересованных в ослаблении Австрийской империи и вытеснении её с Аппенинского полуострова. Премьер-министр Пьемонта К. Б. Кавур, прилагавший немало политических усилий для объединения под скипетром сардинского короля раздробленных итальянских территорий, был убеждён в необходимости скоординированных с венграми действий, с учётом опыта 1848–1849 гг. В эмигрантах и поддерживающих их в Венгрии силах он видел естественных союзников, которые боролись против общего врага – Габсбургов. Кавур был не прочь воспользоваться благоприятными возможностями, которые сулил этот союз. Французский император Наполеон III, стремящийся путем войны укрепить свою власть и предотвратить образование единой Италии революционным путём, жаждал прослыть освободителем Италии от иноземного господства и увеличить свои владения приращением новых территорий. В его планах венгерским эмигрантам отводилась роль дополнительного средства давления на Габсбургов. Французский император намеревался использовать венгров как фактор, способный дестабилизировать обстановку в тылу врага, что в итоге приблизило бы заключение мира на выгодных для Франции усло-

виях. Готовясь к войне против Австрии, Кавур и французский принц Жером Бонапарт предложили венгерским эмигрантам оружие и деньги для организации венгерского легиона и последующего вооружённого выступления на территории Венгрии.

Кошут в своих статьях, публиковавшихся в мадзинистских изданиях, в лекциях, прочитанных в Глазго, Плимуте и др. британских городах в 1858 г., с республиканско-демократических позиций клеймил французского императора как диктатора, тирана и угнетателя. В то же время лидер венгерской эмиграции не исключал для себя возможности использования поддержки великих держав в интересах завоевания независимости Венгрии. На протяжении 50-х годов XIX века он неоднократно отмечал, что ради освобождения родины «готов вступить в союз хоть с самим дьяволом»⁸², имея в виду в том числе и французского монарха, но поступившее предложение поначалу воспринял без оптимизма. В письме от 16 января 1859 г., адресованном журналисту Фридешу Сарвади, он скептически оценивал перспективы предстоящей войны для эмиграции. Кошут подчёркивал, что Пьемонт может рассчитывать на получение одной только Ломбардии, но не Венецианской области, так как этого не потерпели бы заинтересованные в сохранении европейского равновесия сил Великобритания и Россия. Он отмечал, что Франция и Пьемонт венгров хотят «использовать для диверсий», чтобы «тем самым вызвать смятение в рядах неприятеля»⁸³.

Клапка, однако, считал, что настал час решительных действий, и выразил готовность создать венгерский легион в Пьемонте, чтобы тот с началом военных действий при французской поддержке высадился в Далмации и начал наступление в глубь венгерской территории, а в Трансильвании и Банате венгерские патриоты одновременно подняли бы восстание. Позднее генерал согласился на проведение самостоятельной (т. е. без французской военной поддержки) вооружённой акции в Трансильвании. Получив согласие правящих кругов Франции и Пьемонта, Клапка отправился на Балканы договариваться с сербами и румынами. В Белграде ему удалось лишь подготовить почву для дальнейших переговоров представителей правящей династии Обреновичей с Кошутом. В Яссах 29 марта 1859 г. он подписал соглашение с господарем Молдавии и Валахии А. И. Кузой об использовании территории Дунайских княжеств в качестве плацдарма для наступления и создании там венгерских складов оружия. Он пообещал национальные права румынскому меньшинству в Венгрии и проведение плебисцита о статусе Трансильвании, а также поддержку планов Кузы на присоединение Буковины⁸⁴. В то же время Клапка понимал, что без Кошута будет трудно организовать восстание в Венгрии, так как сам не имел постоянных контактов с руководителями тайных организаций на родине. Кошут же, в отличие от Клапки, полагал целесообразным антиавстрийское вооружённое восстание только при условии, что независимая Венгрия станет реальной целью великих держав в предстоящей вой-

не. Успех балканской деятельности Клапки и опасения, что неподготовленное выступление обернётся бессмысленной авантюрой, которая может привести нацию к гибели, заставили, однако, Кошута изменить позицию в вопросе союза с Наполеоном. В Париже 4–5 мая 1859 г. он обговорил с Жеромом Бонапартом и французским монархом условия участия венгерских эмигрантов в кампании. Среди них значилось, в частности, что восстание в Венгрии начнётся только по сигналу Кошута и не раньше, чем сколь-нибудь значительные французские силы реально вступят на её территорию⁸⁵. Наполеон III, правда, не дал обещания относительно военной поддержки венгерского восстания, но эмигрантам хотелось верить, что тот не просто стремится нанести военное поражение империи Габсбургов, но готов поддержать и восстановление независимости Венгрии.

Венгерской эмиграции удалось преодолеть – по крайней мере, на время – политические и личные разногласия, и объединиться вокруг созданного 6 мая 1859 г. *Венгерского Национального Комитета* (ВНК), который стал своего рода прообразом будущего правительства. Возглавил его Л. Кошут, а Л. Телеки и Д. Клапка вошли в него в качестве заместителей председателя. Предполагалось, что в будущем состав ВНК дополнится представителями Хорватии и Трансильвании. После первого заседания комитета Кошут сразу же отбыл в Англию, чтобы развернуть там пропагандистскую кампанию, целью которой было обеспечение нейтралитета Великобритании в войне, а Телеки и Клапка занялись организационной работой в Генуе.

На заседании ВНК было принято решение о формировании *венгерского легиона* в составе двух пехотных (под командованием М. Кишша и Д. Ихаса) и одной кавалерийской (Г. Бетлен) бригады. Предполагалась доставка в Пьемонт нескольких сотен венгерских эмигрантов из Америки⁸⁶. На начальном этапе, несмотря на воззвания руководителей эмиграции, численность легионеров была невелика (ок. 120 чел.). Отчасти это объяснялось тем, что венгерские эмигранты не хотели присягать Виктору Эммануилу и становиться под его знамёна, ведь легион формировался в рамках вооружённых сил Пьемонта. Лишь спустя время было получено согласие Кавура на использование венгерского знамени. Венгерские офицеры-эмигранты с неудовольствием воспринимали и само неофициальное наименование «легион», т. к. они считали себя не наемниками, а борцами за свободу своей страны, которые взяли в руки оружие по убеждению⁸⁷. После того, как представители ВНК получили разрешение вести вербовку среди военнопленных, численность «Венгерской армии в Италии» стала стремительно расти. В начале июля 1859 г. в легионе насчитывалось уже более 3100 чел. Под воздействием военных успехов союзников всё больше солдат австрийской армии переходили на сторону Пьемонта, порой целыми подразделениями. Легионерам, однако, так и не довелось участвовать в боях. Заключённое 11 июля французским и австрийским императором перемирие в Виллафранке перечеркнуло надежды эмиграции. Единственным уте-

шением для Кошута могло служить то, что благодаря перемирию, подписанному за спиной Кавура и венгров, удалось избежать лишних жертв, которые были бы неизбежны в случае, если бы в Венгрии успели поднять вооружённое восстание.

После виллафранкского перемирия венгерский легион не был расформирован сразу, так как Кошут и Кавур ещё какое-то время строили планы по организации военных действий в интересах освобождения Венгрии и Венецианской области, но уже без участия французов. Занятия военной подготовкой без оружия не способствовали поднятию морального духа легионеров, дисциплина в их рядах падала, участились случаи бегства солдат из легиона в лагерь для военнопленных в надежде, что оттуда они смогут вернуться на родину, избежав серьёзного наказания. ВНК, отдавая себе отчёт в том, что не сможет обеспечить существование легионеров в эмиграции, стремился отправить их на родину на достойных условиях. Кошут и Клапка неоднократно ходатайствовали за легионеров перед Наполеоном с тем, чтобы на мирных переговорах с австрийцами добиться для них полной амнистии. В итоге австрийский министр иностранных дел И. Б. Рехберг пообещал французскому императору, что военнослужащие венгерского легиона получат прощение и будут освобождены от дальнейшей военной службы. 15–18 сентября 1859 г. почти весь рядовой состав и унтер-офицеры были отправлены на родину. Более десяти бывших унтер-офицеров австрийской армии, которые в легионе получили звание лейтенантов, тут же предстали перед судом и оказались в штрафных ротах. Остальных, после изъятия полученных в Пьемонте в качестве жалованья денег, которые, по мнению австрийских военных властей, «возможно, предназначались для революционной пропаганды», отпустили по домам. Часть молодых военнослужащих, однако, вскоре вновь были призваны на военную службу⁸⁸. Командир первой бригады «Венгерской армии в Италии» Д. Ихас 19 сентября 1859 г. докладывал Кошуту, что из числа оставшихся в эмиграции бывших легионеров 18 старших офицеров, а также 32 солдата и унтер-офицера, в том числе 20 гусар, поступили на службу в армию Модены, 4 офицера, включая самого Ихаса, были зачислены в вооружённые силы Сардинского королевства, а 24 чел. изъявили желание уехать в Америку, 27 – в Валахию, и кроме того, 4 ремесленника пожелали остаться на итальянской земле⁸⁹.

Лидер венгерской эмиграции, преодолев постигшее его разочарование, с оптимизмом смотрел в будущее. Информаторы сообщали Кошуту, что в Венгрии обстановка накалена до предела и народ ждёт только его сигнала, чтобы поднять восстание. Приезжавшие в европейские страны соотечественники также подтверждали, что на родине всё население без классовых, религиозных и национальных различий ненавидит абсолютистский режим, что «языковые дразги позабыты, хорват и серб стали друзьями венгра, потому что только он сможет их избавить от немца», что сербы и румыны вне всяких сомнений поддержат венгров в случае восстания⁹⁰. В действительности деятели

эмиграции не могли рассчитывать на всеобщую поддержку. Об этом писал из Венгрии и возглавивший организацию сторонников восстановления независимости Венгрии Дёрдь Комароми. 5 июня 1860 г., характеризуя политическую обстановку на родине, он докладывал Кошуту, что безоговорочно идеи эмиграции поддерживает лишь молодёжь и простой народ, определяющие же общественно-политические фигуры признают «революцию» (восстание) только как крайнее средство. Комароми отмечал, что движение на родине «не революционное, а исключительно конституционно-оппозиционное во всех своих проявлениях», и оно «дезаурировало 1849 г. как основу»⁹¹.

Под влиянием финансово-экономического кризиса, поражения в войне 1859 г., участившихся проявлений политического недовольства в разных частях империи Вена была вынуждена пойти на некоторые уступки: от отмены «протестантского патента», фактически ликвидировавшего автономию протестантских церквей, до включения в состав расширенного рейхсрата представителей консервативной аристократии, а 20 октября 1860 г. Франц Иосиф обнародовал т. н. «октябрьский диплом» в качестве своеобразной обновлённой конституции империи. Документ восстанавливал Венгерскую и Трансильванскую придворные канцелярии, Наместнический совет, а также сословное Государственное и комитатские собрания, т. е. органы власти, существовавшие до 1848 г. Правда, Государственному собранию не возвращалась его прежняя основная прерогатива – вотирование налогов и утверждение рекрутского набора, и таким образом его усечённые полномочия сводились к выбору делегатов рейхсрата. Подобные уступки могли удовлетворить лишь консерваторов, представители которых заняли посты в новой администрации, но благодаря диплому и последующим распоряжениям появились форумы для политической деятельности в виде комитатских собраний и других органов самоуправления. В конце 1860 – начале 1861 гг. членами выборных муниципальных и комитатских органов власти был избран ряд деятелей эмиграции (в частности, Кошут, Клапка, Перцел, Пульски, Тюрр, Уйхази⁹²) и даже Гарибальди, Кавур, Жером Бонапарт, что являлось выражением протестных настроений общества. Любое мало-мальски значимое общественное событие в Венгрии становилось поводом для патриотических демонстраций.

Успехи Гарибальди на юге Италии в 1860 г., участие в его походе значительного числа венгров служили основанием для объединения в венгерском общественном сознании имён Кошута, Клапки с Гарибальди. В народе бытовало представление, что венгерский и итальянский вождь, протянув друг другу руки, во главе общего войска придут освобождать Венгрию⁹³.

В действительности Кошут, отдавая должное заслугам Гарибальди, достаточно спокойно относился к тому, что происходило в Палермо или Неаполе, и не поощрял участия венгерских эмигрантов в этих событиях. С точки зрения венгерской независимости для него представляло интерес только то, что непосредственно могло быть связано с антиавстрийской войной. Поскольку

Венецианская область по условиям заключённого мирного договора осталась владением Габсбургов, то основания для дальнейшего венгеро-итальянского сотрудничества сохранялись, и более предпочтительным союзником эмиграции в этом деле мог быть не революционер, генерал Гарибальди, а вновь занявший пост премьера Кавур, который разработал новый план войны против Австрии.

ВНК и правительство Пьемонта 11 сентября 1860 г. заключили соглашение, по которому война включала бы в себя завоевание независимости Венгрии. Военные действия предполагалось начать с высадки в Далмации итальянских войск и одновременного проникновения подготовленных в Дунайских княжествах сил в Трансильванию, чтобы подняв восстание, поставить там под ружьё ок. 200 тыс. чел. Стороны обязались не подписывать сепаратного мира с Австрией, а бороться до достижения общих целей. Пьемонт брал на себя финансирование и реорганизацию венгерского легиона, покупку и доставку оружия на Балканы. Однако, если в 1859 г. при поддержке французского императора Куза был готов к сотрудничеству, то в 1860 г. показал свою ненадёжность как союзник. Две партии оружия, предназначавшиеся для венгров, были арестованы в Галаце, остальные – конфискованы ещё в Турции по настоянию английского и французского правительства. Вообще в ходе подготовительной кампании неудачи преследовали венгерскую эмиграцию по многим направлениям. Сербский князь Михаил Обренович и вовсе не принял эмиссара ВНК Яноша Людвига, направленного в Белград для переговоров. На Кошута, начавшего на итальянские средства печатать в Англии венгерские бумажные деньги, Австрия подала в суд, который своим приговором предписал сжечь все банкноты в печах Английского национального банка.

Осенью 1860 г. Кошут обнадёживал соратников возможностью восстания весной 1861 г. и, обращаясь к соотечественникам, в качестве основной цели провозглашал завоевание независимости и демократическое переустройство Венгрии. Однако в начале 1861 г. он уже высказывался в том духе, что в ближайшее время вряд ли можно рассчитывать на начало освободительной войны из-за отсутствия благоприятных внешнеполитических условий, поэтому рекомендовал своим сторонникам использовать программу 1848 г. как средство для предотвращения заключения соглашения с династией и для подготовки восстания. Таким образом, требование восстановления законов 1848 г. стало лозунгом легальной деятельности приверженцев независимости Венгрии, но в отличие от сторонников Ф. Деака их программа этим не ограничивалась.

В ходе предвыборной кампании в Государственное собрание Л. Телеки, вернувшийся в Венгрию не по своей воле, подчеркивал, что платформа 1848 г. является всего лишь исходной точкой, требующей развития как в государственно-правовом отношении, так и в плане демократического равноправия. «Нам

нужны большие гарантии, чем в '48-ом году, а именно такие, которые навсегда исключают возможность восстановления абсолютизма», – подчеркивал он 26 марта 1861 г. в своей предвыборной речи в Абоне⁹⁴. В конце 1860 г. приехавшего в Дрезден с частным визитом эмигранта Телеки саксонская полиция арестовала и выдала Австрии. Франц Иосиф помиловал венгерского графа, потребовав воздержаться от участия в политике. После получения приглашения от монарха на заседание верхней палаты Государственного собрания Венгрии Телеки счёл, что запрет на политическую деятельность снят, выставил свою кандидатуру на выборах в нижнюю палату и был избран депутатом.

В соответствии с линией коштуовской эмиграции основной задачей Телеки считал недопущение соглашения с династией на условиях, исключающих право Венгрии на самоопределение⁹⁵. Объединившимся вокруг него политическим силам недавний эмигрант предлагал выдвинуть заведомо неприемлемые для Габсбургов требования, включающие помимо необходимости восстановления «апрельских законов 1848 г.» и право Венгрии на самостоятельную внешнюю политику, и переподчинение армии венгерскому парламенту, после чего, по его мнению, Государственному собранию следовало самораспуститься⁹⁶. Однако Телеки даже в своей партии оказался в меньшинстве. Его предложения, не в последнюю очередь касающиеся расширения демократических прав и примирения с национальными меньшинствами, руководство партии сочло слишком радикальными, и в качестве основных принципов, которые следовало отстаивать на сессии Государственного собрания, приняло предложения, лишь незначительно отличающиеся от формулировок Деака.

В подобном исходе внутривластной борьбы сыграло определенную роль письмо Кошута от 17 марта 1861 г. В нём лидер эмиграции уже однозначно заявлял, что по крайней мере до конца года не следует ждать начала итаलो-австрийской войны. Он считал, что решение о восстании должно принять само движение сопротивления на родине, и просил покончить с бегством в Валахию и Италию добровольцев, желавших вступить в ряды венгерского легиона⁹⁷. В сложившихся условиях, когда развеялись надежды, связанные с иностранной помощью, все больше сторонников независимой Венгрии стало склоняться к возможности достижения соглашения с династией на основе конституции 1848 г., сближаясь, по сути, с Деаком, который рассматривал «апрельские законы» в качестве базы, которая в дальнейшем может быть изменена в соответствии с обязательствами, вытекающими из Прагматической санкции 1723 г.

В Государственном собрании различия позиций двух основных политических сил фактически свелись к тому, что в какой форме – петиции на высочайшее имя или резолюции – следовало отказаться от участия в работе общеимперского парламента (рейхсрата) и выразить приверженность законам 1848 г. Телеки, который не нашёл последователей для реализации своей программы, накануне дебатов по основному вопросу сессии покончил собой. В итоге

несмотря на то, что «партия резолюции» имела большинство в палате, при голосовании одержали верх сторонники «партии петиции», что, однако, не мешало Францу Иосифу распустить собрание и вернуться к абсолютистским методам управления страной.

Со смертью Кавура в 1861 г. практически пришлось похоронить идею совместной венгеро-итальянской военной акции, т. к. его преемники на посту премьер-министра, опасаясь внешнеполитических осложнений, не хотели связывать себя обязательствами с венгерскими эмигрантами.

Возможности эмиграции влиять на политическую жизнь в Венгрии в целом были ограниченными, в том числе из-за отсутствия постоянных каналов связи. Контакты поддерживались путём нерегулярной переписки, устных сообщений через курьеров, а также крайне редких личных встреч, что затрудняло своевременное получение информации сторонами на родине и за границей. Кроме того, письма Кошута (от собственного имени или от лица ВНК) даже венгерские политики – сторонники независимости – не воспринимали как руководство к действию, а в лучшем случае как совет, которому можно следовать, а можно и проигнорировать. Начиная с 1861 г. даже эти скромные возможности стали сужаться, так как к тому времени организации сопротивления уже больше существовали на бумаге, а их дворянско-аристократическое руководство, не очень-то стремясь к вооружённой борьбе, проявляло пассивность, склоняясь к примирению с династией. Принципиальные разногласия между Кошутом и поддерживавшей с ним контакты «партией резолюции» (это закрепившееся название сохранилось за ней и после роспуска Государственного собрания) в полной мере проявились на рубеже 1861–1862 гг. в связи с широким обсуждением в обществе «проблемы национальностей»⁹⁸.

Кошут и Клапка выступали за создание Дунайской конфедерации – союза равноправных демократических государств (Венгрии, Сербии, Румынии и Хорватии), который должен был заменить на политической карте Европы империю Габсбургов и стать опорой европейского равновесия. В самой Венгрии урегулирование межнациональных отношений предполагалось на принципах, изложенных лидером венгерской эмиграции в конституционном проекте 1851 г., а именно через развитие демократических институтов и органов самоуправления, которые для пёстрых в этническом отношении районов представлялись Кошуту более справедливым решением, чем крупные территориальные автономии, где доминировал бы какой-либо один этнос. Пересмотрев свои прежние позиции, Кошут в конце 1861 г. признал право Трансильвании не только на автономию в составе Венгрии, но и на то, чтобы стать полноправным самостоятельным членом конфедерации. Он также соглашался на отделение от Венгрии и присоединение к Хорватии междуречья Муры и Дравы. По его мнению, решение по этому вопросу следовало принять путём плебисцита. Обращаясь к своим сторонникам на родине, Кошут настоятельно рекомендовал им вступить в переговоры с руководством национальных движений

венгерских народов. Но «партия резолюции», не говоря уже о дворянско-аристократической политической элите Венгрии в целом, вовсе не стремилась делиться властью с элитами других народов Венгерского королевства, а ведь предложенное Кошутом расширение избирательных прав, развитие демократии привели бы к более широкому участию их представителей в политической жизни страны. Обещания политического руководства партии, авторитет которой в широких слоях населения во многом был обязан поддерживаемым с эмиграцией связям, практически не выходили за рамки того, что предлагали национальным меньшинствам сторонники Деака: гражданское равноправие, языковые права на местах (в церкви, сфере образования и культуры). Взгляды Кошута разделяла фактически лишь небольшая группа крайне левого крыла «партии резолюции» во главе с В. Силади.

План Дунайской конфедерации Кошута, ставший в мае 1862 г. достоянием широкой общественности в результате обнародования его на страницах издававшейся в Милане газеты «Alleanza» («Аллеанца»), не только не нашёл поддержки в самой Венгрии, но вызвал всеобщее неприятие. «Партия резолюции» поспешила дистанцироваться от Кошута и вскоре практически прекратила с ним всякие контакты, переориентировавшись на Клапку и Тюрра⁹⁹. Политики на родине единодушно увидели в этом предложении предательство национальных интересов, добровольный отказ от исторических прав Венгерского Королевства, который таил в себе опасность полного распада страны. Венгерская политическая элита, ужаснувшись перспективе растворения в славянском окружении, всё более склонялась к примирению с династией. Как впоследствии отмечал один из видных деятелей «партии резолюции» барон Фридеш Подманички, при выборе между Дунайской конфедерацией и Габсбургами «лучше уж пойти в Вену к немцам, чем в Белград к сербам»¹⁰⁰. Для господствующего класса Венгрии монархия Габсбургов являлась более надёжным гарантом безопасности, чем Дунайская конфедерация. Её создание представлялось весьма затруднительным как из-за отсутствия международных предпосылок, так и из-за сложности согласования национальных интересов её будущих членов, не говоря уже о позиции представителей национальных меньшинств, которые сочли предложенные Кошутом уступки слишком незначительными, чтобы ими удовлетвориться.

Практически одновременно с обнародованием кошутковского плана прекратил своё существование и Венгерский Национальный Комитет. Первым серьёзным ударом для него был арест Телеки и его последующее самоубийство. А в мае 1862 г. Клапка заявил о своём выходе из состава ВНК, отметив, что вернётся к политической деятельности только в том случае, если его попросят об этом патриотические силы на родине¹⁰¹. Таким образом, ВНК, являвшийся политическим объединением венгерских эмигрантов, по сути, распался, а вместе с ним исчезло и то организационное единство, которое сложилось в конце 50-х годов XIX века.

В отличие от ВНК, венгерский легион в составе итальянских вооруженных сил просуществовал ещё несколько лет, вплоть до 1867 г., хотя его значение как «символа союза венгерской и итальянской нации» и единства их интересов постепенно сходило на нет. Внутренние распри, борьба амбиций внутри легиона и вокруг него, смена военных кадров стали постоянным явлением, а надежды на реальное участие в освобождении страны – всё призрачнее. При этом итальянские власти привлекали легионеров для выполнения функций, далёких от провозглашённых целей. Так, в 1861–1862 и 1865 гг. венгерский легион участвовал в борьбе против итальянских бандитов (бриганты), т. е. фактически в полицейской акции на итальянской территории. Среди легионеров всё заметнее стали настроения недовольства и уныния. Как вспоминал впоследствии один из участников венгерского легиона, бывший хонвед Шандор Вереш, «там, где много офицеров и мало солдат, где мало пространства для реализации честолюбивых замыслов, энтузиазм превращается в нетерпение, честолюбие в зависть, надежда в уныние; в таких коллективах недисциплинированность, подозрительность, бунты и ссоры становятся повседневным явлением... Мы ссорились, выясняя, кто из нас больший патриот, хотя все это было вызвано тем, что мы не были заняты делом, на которое мог бы претендовать каждый из нас, исходя из своих интеллектуальных способностей и образования. И особенно из-за того, что мы не могли сделать ничего для нашего общего дела, ради самого отечества, а желание получить избавление от этих страданий через возвращение в Венгрию расценивалось как измена родине»¹⁰². Хотя эти слова не относились непосредственно к венгерским легионерам 60-х годов XIX века, они в полной мере характеризуют и атмосферу того времени, и в целом жизнь венгерских эмигрантов.

Ведущие деятели эмиграции (Кошут, Тюрр и др.) всё делали для того, чтобы сохранить легион в расчёте на то, что раньше или позже он послужит общему делу. Последний заметный эпизод в истории венгерского легиона связан с войной 1866 г., в которой Италия и Пруссия выступили против Австрии. Италия надеялась получить Венецию, а Пруссия хотела вытеснить Австрию из Германского союза, и в этом им весьма могли пригодиться венгерские эмигранты. Тогда и была реанимирована идея венгерского легиона. В ответ на инициативу венгерских политэмигрантов итальянское правительство предложило Клапке начать вторжение на территорию Венгрии на северном театре военных действий, т. е. со стороны Пруссии. Прусский канцлер Отто фон Бисмарк сначала сопротивлялся, затем дал своё согласие при условии, что деятельность Кошута не будет распространяться на прусскую территорию. Кошут, действительно, подключился к организационной работе в Италии, сочинял прокламации, итальянское правительство даже пообещало ему 28-тысячное войско под командованием Гарибальди, но правящие круги великих держав фактически не брали его в расчёт, предпочитая общаться непосредственно

с военными (Тюрром, Клапкой, Чаки, Комароми). Неудачи итальянской армии и флота перечеркнули планы по вторжению в Венгрию с юга. Только Клапка во главе 1,5-тысячного легиона уже после никольсбургского перемирия, 3 августа 1866 г. при попустительстве прусских властей, на свой страх и риск совершил вылазку на венгерскую территорию. Он надеялся на то, что в случае успеха его предприятия вопрос восстановления прав Венгрии будет включён в повестку дня мирных переговоров. Эта авантюрная военная акция, однако, не получила реального продолжения. Словацкое население приграничной территории не оказало легионерам того приёма, на который они рассчитывали, и Клапке пришлось спешно покинуть Венгрию.

После того, как Италия по условиям мирного договора получила Венецианскую область, дальнейшее сохранение легиона потеряло всякий смысл, и он был распущен королевским указом 23 января 1867 г., когда в Вене близились к завершению переговоры о преобразовании монархии Габсбургов в дуалистическое государство. Поражение в войне подтолкнуло Вену к ускорению переговоров с делегацией вновь созданного венгерского Государственного собрания, и 17 февраля 1867 г. Франц Иосиф назначил Д. Андраши премьер-министром Венгрии.

С заключением Австро-венгерского соглашения Венгрия и наследственные земли Габсбургов (т. е. другая половина монархии) получили собственные парламенты и ответственные перед ними правительства, полную самостоятельность во внутренних делах, были закреплены также гражданские права и свободы. Однако это не было восстановлением конституции 1848 г. в полном объёме, не было той персональной унии двух государств, которую провозглашали в качестве основного требования в 50-е – начале 60-х годов XIX века венгерские политики. Стороны пошли на значительные уступки, признав наличие «общих дел» двух половин монархии, к которым были отнесены иностранные дела, вопросы обороны и финансы, необходимые для обеспечения этих общих расходов. Соответствующие «общие министерства» были подконтрольны монарху, а их бюджет утверждался делегациями парламентов двух частей Австро-Венгрии. Заключаемые экономические соглашения, регулировавшие вопросы таможенного союза, торговли, транспорта, квоты участия в общих расходах, стороны заключали на 10 лет, после чего они должны были обновляться. Соглашение законсервировало прерогативы короля-императора во многих вопросах и сохраняло в Венгрии политическую власть традиционной элиты.

Большинство эмигрантов приняло соглашение, пусть и не как безоговорочное осуществление тех идеалов, за которые они некогда боролись, а как политическую реальность. Лишь небольшая часть венгерских эмигрантов 1849 г., не удовлетворившись достигнутым компромиссом, выразила свой протест. В Америке Уйhazi высказал свое неприятие соглашения, но наиболее громко против него выступил Кошут. В открытом письме от 22 мая 1867 г. он

указывал, что нация добровольно отказалась от права на независимость, связав судьбу отечества с империей, обреченной на гибель, и обвинял Деака в том, что тот ведет страну по пути, лишаящем её права «распоряжаться своей судьбой». Критикуя соглашение, венгерский эмигрант заявлял, что видит в этом «гибель нации», так как «Венгрия становится средством политики, которая превращает наших соседей в наших врагов, делает невозможным удовлетворительное решение вопроса национальностей...»¹⁰³. Однако со своим протестом он остался, по сути, в одиночестве. «Туринский отшельник» продолжал следить из-за границы за изменениями политической ситуации в Венгрии, но реальных возможностей влиять на принимаемые там решения у него не было.

Подводя итог своей деятельности в эмиграции, Кошут в третьем томе своих «Документов» с полным основанием отмечал, что «венгерская эмиграция и не пополнялась, и не вымирала, и идеи её не были осуществлены, но она растрепалась, испарилась без следа, словно камфора»¹⁰⁴. К концу жизни Кошуту пришлось пережить ещё и утрату венгерского гражданства. В 1879 г. был принят закон, по которому венгерские граждане, более 10 лет живущие за границей, утрачивали его. Для сохранения гражданства требовалось обратиться с прошением в дипломатическое представительство Австро-Венгрии и принести присягу. Кошут, разумеется, такую процедуру счёл для себя неприемлемой и в 1889 г. утратил гражданство. До конца своих дней Кошут жил в Турине, отказываясь признать себя подданным Франца Иосифа.

* * *

В заключение следует остановиться на факторе, который касается любой эмиграции – возвращении на родину. Процесс *репатриации* начался практически ещё в Видине, когда основная масса беженцев уехала в Австрийскую империю с Хауслабом. Правда, нередко были и случаи, когда бывшие хонведы, зачисленные рядовыми в австрийскую армию, впоследствии снова бежали за границу, жалуясь на невыносимые условия службы и плохое обращение с ними офицеров. После завершения интернирования в Османской империи часть эмигрантов обратилась к австрийским властям за разрешением вернуться на родину, но имели место случаи и нелегального возвращения, явки с повинной, причём офицерам и гражданским лицам грозило судебное разбирательство и несколько лет лишения свободы. Тоска по родине, разлука с родными и близкими, неопределённость существования, трудности адаптации к непривычной среде подталкивали эмигрантов к возвращению на родину, невзирая на возможные последствия. После Крымской войны, не оправдавшей связанных с ней надежд, в их кругу усилились пессимистические настроения относительно будущего. С 1857–1858 гг. число эмигрантов, вернувшихся домой по персональной амнистии, стало возрастать. В начале 1860-х

годов – когда в самой Венгрии наметилась тенденция примирения общества с династией, а в эмигрантской среде исчезала вера в возможность восстановления независимости страны с помощью великих держав – многие стали задумываться о возвращении. Осознанием бесперспективности возобновления вооруженной борьбы с опорой на иностранные государства был продиктован, в частности, и политический разрыв Пульски с Кошутом. Объясняя мотивы своего поступка, Пульски, по сути, выразил настроения значительной части эмигрантов. Он писал Кошуту, что для эмигрантов остаётся выбор между Гарибальди и Деаком, т. е. между присоединением к армии итальянского революционера, чтобы вместе с ним начать поход за освобождение Венгрии, и линией, которую представлял на родине Ференц Деак, призывавший нацию к терпению, пока Габсбурги не проявят готовность к восстановлению конституции 1848 г.¹⁰⁵ Когда же правящая династия и венгерская политическая элита в 1867 г. заключили соглашение, политических и юридических препятствий для возвращения на родину уже не оставалось.

Эмигрантам 1849 г. распоряжением Франца Иосифа от 9 июня 1867 г. была дарована всеобщая полная амнистия¹⁰⁶, которой воспользовалось большинство остававшихся за границей эмигрантов. Были отменены приговоры и прекращены все дела по политическим обвинениям, а конфискованная ранее собственность подлежала возвращению. Свободное возвращение в Венгрию обуславливалось, однако, принесением присяги верности королю. Если в пятидесятые годы репатриантам приходилось сталкиваться с определёнными ограничениями в профессиональной, общественно-политической сфере, то при дуалистической системе многие представители военно-политической элиты Венгрии 1848–1849 гг. по возвращении из эмиграции заняли государственные посты на общенациональном и комитатском уровнях. Не вернулись в Венгрию лишь те, кто пустил глубокие корни на новом месте и не хотел снова начинать жизнь с нуля (ведь большинство эмигрантов покинули Венгрию двадцатилетними и спустя 20 лет практически утратили личные связи на родине) или принципиально отказывался принять австро-венгерское соглашение. Ш. Вереш в своих воспоминаниях с горечью писал, что когда в 1867 г. более не было оснований оставаться за границей, эмигранты «после 18 лет скитаний и борьбы за выживание, состарившиеся, сломленные, пренебрегая своими материальными интересами, могли вернуться на родину... умирать!»¹⁰⁷. Сам он остался жить в Румынии, где работал инженером на строительстве железных дорог.

Главный венгерский политэмигрант Кошут вернулся на родину только после смерти, в 1894 г. Премьер-министр Венгрии хотел похоронить его за государственный счёт, но Франц Иосиф на это не согласился. Проводить Кошута в последний путь пришли десятки тысяч людей, официальные же лица на похороны, устроенные в итоге столичным муниципалитетом, не явились.

Глава 2

Экономическая эмиграция с территории Венгерского королевства

1. Направления эмиграционных потоков.

Трудовые мигранты: численность и этносоциальная структура

В эпоху дуализма (1867–1918) на территории Венгерского Королевства под влиянием промышленной революции и бурного развития транспорта усилилась географическая мобильность населения. Сельские жители наряду с перемещением в города, где серьезно возросла потребность в рабочей силе, и на сезонные заработки в другие части страны всё чаще находили работу за рубежом. Заметная доля трудовых мигрантов направлялась в европейские страны – Германию, Бельгию, Сербию, Боснию-Герцеговину, Румынию. Поиск рабочего места, источника заработка для незанятой или частично занятой рабочей силы, несомненно, стимулировал миграционные процессы во второй половине XIX века.

Жителей Западного Задунавья и Верхней Венгрии (территории нынешней Словакии) привлекала возможность трудоустройства, в первую очередь, в других частях монархии Габсбургов. По имеющимся данным, в 1857 г. было зарегистрировано 50, в 1869 г. – 167, а в 1890 г. – 213 тыс. постоянно проживавших в наследственных землях Габсбургов (Цислейтании) венгерских граждан, в основном, торговцев и мелких товаропроизводителей. Они жили преимущественно в Вене и районах, прилегающих к венгерской границе (от Моравии до Буковины), а также в восточной части Истрии и Граце¹⁰⁸. Балканское направление трудовой миграции было весьма популярным среди жителей южных областей (меде) Венгерского королевства. Так, из южно-венгерского меде Темеш только в 1880–1890-е годы несколько сот семей сербских и болгарских крестьян переселились в Сербию и Болгарию, откликнувшись на поселенческие акции правительств этих стран.¹⁰⁹ В целом, на территории Сербии в 1900–1910 гг. проживало 28 тыс., в Боснии–Герцеговине около 10 тыс. венгерских граждан, главным образом, сербы-сельхозпроизводители из Бачки и Баната.¹¹⁰

Жители Трансильвании, особенно её южных приграничных районов, населённых румынами и секеями, задолго до заключения австро-венгерского соглашения 1867 г. ходили на отхожие промыслы в Валахию, но уже во второй половине XIX века, наряду с сезонной миграцией всё чаще направлялись в Румынию с целью окончательного переселения. Венгерская региональная Торгово-промышленная палата в г. Брашшо (ныне Брашов, Румыния) в своём отчёте за 1875 г. отмечала, что наряду с традиционной сезонной миграцией трансильванских пастухов, характерной для отгонного пастбищного скотоводства, набирает силу новый вид трудовой миграции. «В наши дни тран-

ильванские секеи и румыны сотнями, тысячами отправляются со своими плугами, скотом и инвентарем в Румынию на более или менее длительное время... Домашняя прислуга и постоянные рабочие набираются в хозяйства из числа секеев. Они все более значительными группами уходят туда, где их труд лучше оплачивается... Эти рабочие-мигранты из Трансильвании, численностью около 20–30 тыс. человек, не собираются навсегда оставаться в Румынии... Но среди ремесленников и интеллигентов многие уже решаются принять румынское гражданство... В последнее время их ежегодная численность оценивается... в 500 чел.», – отмечалось в отчёте¹¹¹. Экономист, депутат Государственного собрания, впоследствии министр финансов Венгрии Лорант Хегедюш, занимавшийся изучением проблем эмиграции рубежа XIX–XX века, в своей книге приводил жалобы помещиков на то, что «батраки в ответ на всякую оплеуху предпочитают бежать в Румынию», а румынские землевладельцы вербуют на сезонные сельскохозяйственные работы жителей Трансильвании целыми сёлами¹¹².

Выходцев из Венгрии можно было встретить в Бухаресте, Плоешти, Брэиле, Галаце, Крайове, Джурджу и других городах Румынии, где они работали в качестве домашней прислуги (няни, повара, горничные) или открывали собственное дело (торговцы, аптекари, трактирщики). Среди них было немало ремесленников, мелких производителей, кузнецов, каменщиков, тесальщиков. В 1849 г. венгерские политэмигранты, нашедшие приют на территории Османской империи, встретили там соотечественников-мастеровых, которые вместе с семьями не один год жили в Бухаресте, но в 1849 г., будучи заподозренными в том, что являются хонведами-беженцами и агентами Кошута, столкнулись с угрозой депортации на родину. Это заставило их сняться с насиженных мест и на болгарской земле, в Рушуке (Русе) и Никополе дожидаться разрешения турецких властей следовать дальше в Константинополь.¹¹³

В то же время некоторая часть представителей румынской и сербской интеллигенции – уроженцев земель венгерской короны – переселялась в Сербию и Дунайские княжества. Из Трансильвании, напр., только в 1850–1860-е гг. в Валахию или Молдавию перебрались историк Ф. Аарон, литератор и педагог Г. Асаки, писатель Й. Славич, политики И. Аксенте-Север, С. Барнуциу, А. Папиу-Илариан, К. Телл и др. Эмиграция преподавателей, врачей, писателей, журналистов, политиков лишь усилилась с образованием румынского государства. В 1860 г. в Бухаресте проживало 12 тыс. выходцев из Венгрии, а в конце 70-х годов румынские власти зафиксировали на территории всей страны в общей сложности 40 тыс. выходцев из Венгрии. За 1880–1890-е годы в Румынию выехало около 70 тыс. венгерских граждан, причём треть из них составляли секеи, остальные румыны¹¹⁴. С начала XX века до Первой мировой войны в Румынию эмигрировали ещё 80 тыс. человек. Накануне войны численность уроженцев венгерских территорий в Бухаресте достигла 30 тыс., а по всей Румынии – 200 тыс. чел.¹¹⁵. Приведённые данные свидетельствуют

о том, что граждане Венгрии искали и находили возможности для трудоустройства в сопредельных странах. В дальнейшем, однако, с нарастанием эмиграционного потока основная часть эмигрантов направлялась уже за океан.

Трудовая миграция как явление была тесно связана с социально-экономическими, демографическими факторами, сопровождавшими развитие капитализма в Венгрии. Скачкообразный рост народонаселения, связанный с резким, опережающим снижением смертности по отношению к рождаемости, пришёлся в Венгрии на первые десятилетия дуалистической эпохи, которые были отмечены улучшением ситуации в области здравоохранения, ростом производства продуктов питания, преодолением голода. Резкий рост численности населения привёл к тому, что к 1890–1900 гг. значительная часть достигшей трудоспособного возраста молодёжи не могла найти работу на родине.

Развивающаяся промышленность Венгерского Королевства нуждалась в рабочих руках, но города не могли дать работу всему избыточному аграрному населению. Капиталистическая модернизация охватила западные и центральные районы страны, однако вследствие неравномерности индустриального развития в окраинных горных районах преобладала традиционная экономика. В 80–90-е годы XIX века на северо-востоке Венгерского королевства, на севере и в центре Трансильвании развивалась в основном лесная промышленность. В горняцких районах Верхней Венгрии истощились прежние запасы руд, процветанию винодельческих регионов положила конец гибель виноградников от филлоксеры, а оказавшиеся в стороне от железнодорожных путей прежние центры торговли пришли в упадок. Застойные явления в экономике, относительная перенаселённость этих регионов, переизбыток свободной рабочей силы заставляли жителей искать работы в бурно развивающихся зерновых и промышленных районах королевства либо за границей¹¹⁶.

В сельском хозяйстве развитие капиталистического аграрного производства происходило на базе латифундий и крупных помещичьих хозяйств. Мелкие и средние крестьянские хозяйства находились в состоянии растущего дробления, а карликовые наделы зачастую не обеспечивали даже элементарного выживания семей. Пауперизация привела к формированию огромного слоя батраков, всецело зависящих от помещика-капиталиста. При этом наёмные сельскохозяйственные рабочие, сохраняя крестьянский менталитет, не желали расставаться с традиционным укладом жизни, поэтому земля для аграрного населения (как поденщиков, батраков, так и едва сводивших концы с концами крестьян-собственников) оставалась основной ценностью, воплощением богатства. Часто безработные сельские жители ради приобретения небольшого участка земли, обеспечивающего выживание семьи, отправлялись на заработки в дальние края. Многим психологически было проще поработать несколько лет за границей ради того, чтобы стать владельцем маленького земельного участка, чем окончательно переселиться в чуждый крестьянину город.

С вовлечением аграрного населения в эмиграционные потоки большинство трудовых мигрантов в конце XIX – начале XX века устремлялось уже не в соседние или другие европейские страны, а через Атлантику, на американский континент. В 1880 г. в несколько раз возросло число венгерских граждан, эмигрировавших в Америку. С того времени поток эмигрантов за океан стал стремительно расти, причём основная масса покидавших родину людей направлялась в США, значительно меньше – в Канаду, а часть эмигрантов будущим местом жительства выбирала Латинскую Америку, Африку, Австралию и даже Полинезию. Однако миграция в европейские страны также оставалась значительной. Для сравнения отметим, что если в 60–70-е годы XIX века трансатлантическая эмиграция не составляла серьёзной величины (туда ежегодно направлялись лишь от нескольких сот до двух тысяч граждан), то в 80-е годы она приобрела заметные масштабы, особенно в северных и северо-восточных районах Венгрии. По подсчётам венгерского статистика и демографа Густава Тирринга, с 1871 по 1901 г. только через германские порты Европу покинули почти 446 тыс. граждан Венгрии. Из них в США отбыли около 442 тыс., в Канаду – 1,5 тыс., в Бразилию – 1,2 тыс., Аргентину – более 200, в Африку – 274 человека.¹¹⁷

К концу XIX века отток рабочей силы из Венгрии стал настолько заметным явлением, что на него обратил внимание и генеральный консул Российской империи в Будапеште, князь В. Львов, который в 1899 г. в своём донесении в Санкт-Петербург указывал на усиленный рост охватившей королевство эмиграции: «Число венгерских эмигрантов с 1872 года, когда их было всего 1518, до 1892 года, когда насчитывалось уже 32683, ежегодно увеличивалось. На 100000 человек прежде эмигрировало 10; в настоящее же время – 187»¹¹⁸. При этом он также подчёркивал, что основным и определяющим направлением венгерской экономической эмиграции являлась Америка.

Трудовая миграция из Венгрии стала частью охватившего весь европейский континент процесса, который заметно поменял демографическую карту его отдельных регионов. Если в первой половине XIX века большинство европейских эмигрантов, отправлявшихся в Америку, являлись выходцами из Англии и Ирландии, то в середине столетия эстафету от них приняла Германия, а в 60-е годы в этот процесс оказались вовлечёнными и скандинавские страны. В 1880-х годах волна трансатлантической эмиграции из западноевропейских стран пошла на спад, но в этот период началась массовая эмиграция из стран Южной, Центральной и Восточной Европы, в первую очередь, из Италии и восточной части Австро-Венгрии, а также из России. И хотя в монархии Габсбургов удельный вес эмигрантов в общей массе населения не приобрёл таких масштабов, как в Ирландии, Италии или скандинавских странах, но всё же только в 1880–1890 гг. Венгрию покинули более 200 тыс. чел.¹¹⁹

Трансатлантическая миграция достигла своего пика в предшествующее Первой мировой войне десятилетие. В 1903–1913 гг. из Европы за океан в об-

щей сложности перекочевало 10 млн. человек, две трети которых были выходцами из Центральной и Восточной Европы при том, что в 1870 г. уроженцы этой части европейского континента составляли 3%, а в 1880 г. едва превышали 10% всех въезжающих в США. В начале же XX века на долю только одной Австро-Венгрии приходилось 25–27% всех иммигрирующих в США¹²⁰. Для Венгрии эмиграция за океан превратилась в мощное движение к началу XX века и достигла максимума в 1905–1907 гг., когда число уехавших в Америку превысило 550 тыс. чел. После существенного спада, вызванного экономическим кризисом в США (1907–1908), эмиграция вновь усилилась и, хотя и не достигла наивысшего показателя 1907 г., оставалась весьма интенсивной вплоть до Первой мировой войны.

В предвоенные годы эмиграция из Венгрии на Балканы резко пошла на убыль, уменьшилась она и в направлении Америки. В 1912 г. правительство наложило запрет на эмиграцию военнообязанных мужчин, прекратив одновременно выдачу паспортов военным. С началом Первой мировой войны прекратилась и трансатлантическая миграция населения. Прервались связи эмигрантов с родиной: письма, посылки, деньги редко доходили до адресата. Находившиеся в США венгерские иммигранты оказались в весьма непростой ситуации. После того, как Соединённые Штаты в 1917 г. вступили в войну на стороне Антанты, по отношению к выходцам из Венгрии там стали проявлять недоверие, подозревали в неблагодёжности. С другой стороны, венгерское правительство объявило всех своих граждан, занятых на предприятиях военно-промышленного комплекса США, преступниками, действующими против военных интересов Венгрии, что, в свою очередь, грозило длительным тюремным заключением (до 20 лет), а при отягчающих обстоятельствах и смертной казнью. Война практически закрыла для большинства эмигрантов возможность возвращения на родину, включая даже тех, кто не трудился на военных заводах, что также требовалось доказать. Опубликованное и в американской венгерской печати правительственное распоряжение подтолкнуло многих венгерских эмигрантов обратиться за получением американского гражданства. Из числа получивших его около 30 тыс. чел. в 1917–1918 гг. были призваны на службу в армию США¹²¹.

По оценкам историков, общие потери Венгрии от эмиграции за период австро-венгерского дуализма составили примерно 1,2 млн. (вместе с Хорватией – 1,4 млн.) человек. Точных статистических данных о численности трудовых эмигрантов за последнюю треть XIX – начало XX века не имеется. Конкретизировать масштабы американской эмиграции из Венгрии за указанный период можно на основе сравнения показателей венгерской и американской статистики, а также сведений европейских портов, откуда отправлялись корабли в Америку. Венгерская статистическая служба в общегосударственном масштабе лишь с 1899 г. начала вести учёт эмигрирующих граждан. В отдельных регионах и областях страны, где отток населения был наиболее значи-

тельным, местные власти составляли собственные сводки и раньше, фиксируя число уехавших за рубеж на постоянное место жительства, но эти данные фрагментарны и не всегда достоверны.

По официальным статистическим данным, в 1899–1913 гг. из Венгерского Королевства выехало свыше 1390 тыс. чел., из которых более 1190 тыс. (86%) направлялись в США¹²². Эти данные, однако, нельзя считать исчерпывающими, ведь органы власти учитывали лишь легальных эмигрантов – обладателей загранпаспортов, тогда как многие покидали страну, не имея разрешительных документов¹²³. В свою очередь, европейскими портами на Северном море в 1900–1913 гг. были зарегистрированы почти 1605 тыс. эмигрантов из Венгрии, а американская иммиграционная служба за те же годы зафиксировала немногим более 1463 тыс. прибывших в США венгерских граждан¹²⁴. В целом за период 1871–1913 гг. из североморских портов отбыло за океан свыше 2038 тыс. и, соответственно, прибыло в США 1815 тыс. венгерских мигрантов. Расхождения в показателях американской статистики и европейских портов объясняются тем, что последние учитывали всех, кто отправлялся через Атлантику, в том числе в Канаду и страны Латинской Америки, а иммиграционная служба США – только прибывших в эту страну. Следует, правда, учитывать, что общая величина пассажиропотока превышала реальную численность эмигрантов, ведь, по данным американских властей, около 23% въезжающих в США пересекали Атлантический океан не впервые¹²⁵. Кроме того, за океан отправлялись корабли не только из североморских, но и из итальянских, французских портов на Средиземном море, и их пункт назначения не всегда находился на территории США. Так, в 1881–1900 гг. из одной только Генуи выехало в латиноамериканские страны (в основном в Бразилию) свыше 10 тыс. граждан Венгрии¹²⁶.

Приведенные сведения, таким образом, не могут считаться полными и исчерпывающими, они скорее свидетельствуют о масштабах явления. По оценке венгерской исследовательницы Ю. Пушкаш, в 1871–1913 гг. в Америку выехало максимум 1,2 млн. граждан Венгрии, тогда как американский историк венгерского происхождения Б. Варди называет цифру 1,7 млн.¹²⁷ В то же время И. Рац оценивает общее число эмигрантов из Венгрии в 2–2,5 млн., а П. Ханак пишет о 1,8–2 млн. эмигрантах, уехавших в Америку, и о 300–400 тыс. выехавших в европейские страны, оценивая при этом общие эмиграционные потери страны за те же годы в 1,4 млн. человек¹²⁸.

В отношении половозрастного состава трудовых мигрантов рассматриваемого периода следует отметить, что среди них наиболее многочисленную группу составляли мужчины трудоспособного возраста. На пике эмиграционной волны, в 1905–1907 гг. молодёжь до 20 лет составляла 23,3%, 20-летние – 35,9%, а лица 30–39 лет – 25,6% от общего числа эмигрантов. В предвоенные же годы заметно вырос удельный вес эмигрантов старше 40 лет. Если в 1905–1907 гг. доля последней группы едва превышала 15%, то в 1911–1913 гг. тако-

вых насчитывалось уже 27%¹²⁹. Это было связано с тем, что выехавшая ранее молодёжь, решив окончательно поселиться на новом месте, перевозила к себе старших родственников. По данным статистики, в 1878–1879 гг. женщины составляли более 40% эмигрантов, но с началом массовой эмиграции произошло смещение в сторону дальнейшего преобладания мужчин, удельный вес которых с наступлением XX века достиг 66,1%¹³⁰. Лишь в последние несколько предвоенных лет был достигнут баланс между полами эмигрантов, а в 1913 г. из страны выехало даже больше женщин, чем мужчин¹³¹. Причём если до 90-х годов XIX века среди эмигрировавших в Америку женщин преобладали замужние¹³², то с наступлением XX века за океан отправлялось все больше самостоятельных незамужних молодых женщин, которые устраивались домашней прислугой или находили работу на фабриках.

Рассматривая трудовую эмиграцию, нельзя не отметить, что в полиэтничной Венгрии в эмиграционный процесс оказались вовлеченными практически все народы страны, но включились они в него не одновременно. По официальным данным за 1899–1913 гг., самую многочисленную группу в массе трудовых эмигрантов на землях венгерской короны составляли мадьяры. Удельный вес венгров среди всех эмигрантов (в скобках – без учёта Хорватии) составлял 28,9 (33)%, за ними следовали словаки с 21,6 (25)%, значительно меньше было немцев – 16,7 (18)% и румын – 13,3 (15)%, хорватов – 9,9% (менее 1%), а на русин и сербов приходилось соответственно всего 3,9 (4,5)% и 4,6 (2,6)%¹³³. При этом, по переписи населения 1900 г., венгры составляли 45,4 (51,4)%, немцы – 11,1 (11,9)%, словаки – 10,5 (11,9)%, румыны – 14,5 (16,6)%, хорваты – 8,7 (1,1)%, сербы – 5,5 (2,6)%, русины – 2,2 (2,5)% всего населения Венгерского Королевства.¹³⁴ Сравнение этнического состава эмигрантов и всего населения Венгрии позволяет определить, что и в численном выражении, и по удельному весу в рядах эмигрантов в наибольшей мере были представлены именно мадьяры, однако эмиграционные процессы сильнее и больше затронули другие этносы. В целом за указанный период эмиграционные потери мадьяр составили 6–7% всей этнической популяции, тогда как относительные потери, напр., словаков или русин были намного выше (25% и 10% от этнической популяции).¹³⁵

По сведениям американской иммиграционной службы за тот же период (1899–1913 гг.), этнический состав прибывших в США подданных Венгерского Королевства (вместе с Хорватией) был таким: первое место занимали словаки (26,5%), им немного уступали венгры (26,2%), затем следовали хорваты (16,4%), немцы (14,9%), румыны (6,7%), евреи (3,7%), русины (2,9%) и замыкали список сербы (2,4%)¹³⁶. Несколько меньший удельный вес мадьяр в американской статистике, по сравнению с венгерской, объясняется тем, что представители других народов чаще выезжали нелегально, в обход официальных инстанций. Характерно, что среди народов Венгрии словаки первыми «открыли Америку» и их эмиграция к концу XIX века набрала силу, остава-

ясь, как и мадьярская, устойчиво высокой вплоть до Первой мировой войны. Немцы и хорваты также были представлены среди эмигрантов выше их удельного веса в составе населения страны, хотя и не в такой мере, как словаки. На юге и востоке Венгрии наиболее многочисленную категорию эмигрантов составляли немцы и русины. Так, в меде Темеш в 1900–1906 гг. из почти 16 тыс. эмигрировавших граждан 72,8% были немцами¹³⁷, а из покинувших меде Марамарош 61,9% – русинами¹³⁸. Скромный показатель трансильванских румын среди американских иммигрантов объясняется тем, что они уезжали в основном в Румынию и относительно поздно переориентировались на трансатлантическое направление. Их эмиграция в США стала массовой только с 1911 г., а доля эмигрировавших в США румын лишь в два предвоенных года приблизилась к показателю их удельного веса в составе населения Венгрии.

В показателях уровня грамотности эмигрантов разных национальностей наблюдались большие различия. По данным иммиграционной службы США за период 1901–1910 гг., 27,5% всех взрослых иммигрантов (старше 14 лет) были неграмотными. Это ведомство выявило, что среди выходцев из Венгрии наивысший процент владевших элементарной грамотой (умение читать и писать) был среди немцев (93%), за ними следовали венгры (88,6%), словаки (76%) и румыны (65%), а самый низкий показатель имели русины (46,6%), среди которых грамотных было меньше, чем неграмотных¹³⁹. При этом в самом королевстве в 1903 г. умели читать и писать 86,7% немцев, 81,0% венгров, 71,2% словаков, 29,0% румын, 14,4% русин¹⁴⁰. Приведённые данные позволяют определить, что далеко не самые безграмотные представители отдельных народов оставляли пределы Венгрии и становились эмигрантами, причём уровень грамотности румынских и русинских эмигрантов серьёзно превышал средний уровень грамотности этих этносов.

Представители разных народов исторической Венгрии по-разному относились к эмиграции, в связи с чем вице-ишпан Торонтала Агошт Янко, наблюдая за жителями своей области, вывёл некую поведенческую типологию представителей различных этносов. Он отмечал, что немцы, проявляя упорство, не возвращаются из эмиграции до тех пор, пока не заработают определенную сумму, мадьяры повторно не хотят ехать в Америку, сербы говорят «дома лучше», а румыны, за редким исключением, остаются на родине. Исследовавший проблему эмиграции в соседней области Темеш М. Лендваи в 1909 г. пришёл к выводу, что венгры и румыны, заработав первые крупные деньги, возвращаются домой, швабы же выезжают семьями и остаются там на более долгий срок¹⁴¹. Разумеется, подобные выводы основывались на наблюдениях за теми группами трудовых мигрантов, которые возвращались в родные места, тогда как большинство всё же окончательно осталось на американском континенте.

В отношении профессиональной и социальной структуры эмиграции последней четверти XIX – начала XX века следует учитывать, что первыми отправились за океан мелкие торговцы, ремесленники, кустари-одиночки

(кожевенники, кузнецы, ткачи и пр.), не выдержавшие конкуренцию с растущим капиталистическим производством и оказавшиеся на грани разорения. В 1870-е годы эмигрировали зажиточные немецкие бюргеры (саксонцы) из Трансильвании и Задунавья, горняки из северных районов Венгрии, которые с закрытием шахт на родине направлялись на заработки в Галицию, где агенты вербовали рабочую силу для отправки в Америку. В 1880-е годы ряды эмигрантов всё чаще стали пополняться выходцами из других социальных слоёв, хотя среди них городской пролетариат и беднейшие слои крестьянства не составляли значительной величины. Последние потянулись за океан позднее, когда билеты на трансатлантические рейсы заметно подешевели и уехавшие ранее более состоятельные земляки или родственники предлагали им авансировать деньги на дорожные расходы. В дальнейшем, – когда предприимчивые агенты различных компаний, в том числе пароходных, увидев золотую жилу в организации перевозки рабочей силы, стали обещать потенциальным эмигрантам гарантированное трудоустройство в Америке, – смогли воспользоваться возможностями трудоустройства за океаном и подёнщики, батраки и другие категории неквалифицированных рабочих. С ними агенты-посредники часто ещё в Венгрии подписывали трудовой договор и оплачивали дорогу. Вскоре развернулась целая сеть кредитования желающих выехать на заработки или переселиться за океан, в результате чего трудовая эмиграция приобрела большой размах, особенно в северных и северо-восточных районах страны.

Эмиграционное движение стремительно набирало силу, увлекая с собой всё больше подёнщиков, подмастерьев, сельскохозяйственных рабочих и крестьян-собственников. А. Янко в связи с этим, в частности, сообщал, что с вверенной ему территории, где уже ранее началась массовая эмиграция, в 1904 г. в Америку выехало 6 тыс., в 1905 г. – 10 тыс., в 1906 г. – 14,6 тыс., в 1907 г. – 25 тыс. человек. Причём первыми эмигрантами в этих местах стали не самые бедные жители, а более образованные немцы, а за ними последовали уже венгры, сербы, словаки и румыны. Уезжали сначала представители кустарных производств, потом сельскохозяйственные рабочие, крестьяне-арендаторы и мелкие собственники, купившие в кредит землю, причём мало кто из них уехал окончательно. По данным Янко, около 10% всех эмигрантов направлялись в Бразилию, 15% в Канаду, остальные в США. Из заработанных в Америке денег они выплачивали кредит на землю и отчасти приобретали земельные участки¹⁴².

Преобладание аграрного пролетариата среди эмигрантов в начале XX века было уже таким, что оно превосходило удельный вес этой категории в составе населения страны. Именно сельскохозяйственный вспомогательный персонал составлял в 1905–1907 (54,8%) и 1911–1913 гг. (52,2%) наиболее многочисленную группу эмигрантов. За ней с большим отрывом в те же годы следовали промышленный вспомогательный персонал (11,8% и 8,3%), подёнщики (11,1% и 11,8%), самостоятельные сельхозпроизводители (10,6% и 14,3%) и домаш-

няя прислуга (5,9% и 5,8%). Совсем невелик был процент самостоятельных промышленных производителей (2,3% и 3,2%), шахтеров (1,4% и 1,1%), интеллигенции (0,5% и 0,6%), самостоятельных торговцев (0,3% и 0,5%).¹⁴³ Таким образом, примерно две трети эмигрантов составляло аграрное население, хотя стремительно росла доля и промышленных рабочих, особенно когда эмиграционная волна достигла своего максимума. На аграрный характер эмиграции указывала и её сезонная цикличность. Поток эмигрантов, как правило, возрастал осенью, по окончании сельскохозяйственных работ и сохранялся на высоком уровне зимой, тогда как в мае–июне интенсивность эмиграции была низкой.¹⁴⁴

С начала XX века возрос отток квалифицированной и высококвалифицированной рабочей силы. Характеризуя эмиграцию тех лет, инженер Бела Герштер, который в 1870–1880-е годы и сам работал за границей (проектировал и строил каналы, железные дороги в Латинской Америке и Греции), отмечал, что уезжают представители не только беднейших слоёв населения, но и молодые обученные рабочие, и представители интеллигенции. «Выпускники техникумов, торговых академий, получив образование в Венгрии, направляются в Австрию, Германию, Францию, Америку и, что самое печальное, устраивают там свою жизнь и не возвращаются»¹⁴⁵, – говорил Герштер. Ференц Сентивани, описывая ситуацию в родном Торонтале, приводил конкретные данные о том, что только из этой области Венгрии в начале века эмигрировали 7 инженеров (в основном в Германию), 3 священника (в США), 2 юриста (в США и Сербию), 14 журналистов (половина – в Сербию), 4 бывших госслужащих¹⁴⁶. В 1907 г. глава Статистического управления венгерской столицы Г. Тирринг обращал внимание на то, что крупные венгерские города также стали поставщиками значительного контингента для эмиграции, и отмечал, что только из Будапешта уехало в Америку уже около 3 тыс. человек¹⁴⁷.

Характерно, что отправлявшиеся за океан эмигранты брали с собой самую малую сумму денег, практически не превышавшую необходимый минимум для предъявления при въезде в США. По данным иммиграционных властей этой страны, в 1899–1902 гг. на одного выходца из Венгрии, включая малолетних детей, в среднем приходилось 11,7 доллара, что было несколько больше, чем брали с собой итальянцы (8,7 долл.) или россияне (7,0 долл.). Однако по этому показателю эмигранты из Венгрии серьёзно уступали немцам (38,3) и французам (35,6 долл.)¹⁴⁸.

Оценивая масштабы эмиграции, нельзя обойти вопрос, сколько же эмигрантов в итоге осело за границей и сколько возвратилось на родину. К сожалению, имеющиеся статистические данные весьма разнятся и не позволяют дать однозначного ответа. Согласно официальной венгерской статистике, в 1899–1913 гг. вернулись на родину 24,3% от эмигрировавших в Америку в этот период. По американским же источникам, в 1908–1913 гг. из Америки возвратились 37,9% от венгерских иммигрантов того же периода¹⁴⁹. Так или

иначе, репатриация была крайне неравномерной по годам. В целом наблюдалась тенденция роста числа возвращавшихся «гастарбайтеров». Имевшие место скачки в репатриации были связаны, как правило, с колебаниями конъюнктуры на американском рынке. В 1908 г., например, массовое возвращение мигрантов на родину было вызвано экономическим кризисом в США. Тогда эмигрантов, потерявших или не нашедших работу на американском рынке труда, а это было «огромное число сельскохозяйственных и промышленных подёнщиков, доставляли обратно на родину... в основном за государственный счет»¹⁵⁰. Масштабы репатриации «гастарбайтеров» были наиболее значительны в тех районах страны, где трудовая эмиграция набрала обороты сравнительно рано. В таких местах порой преображались целые сёла. На заработанные эмигрантами деньги возводились новые каменные дома, давал о себе знать рост материального благосостояния населения, заново отстраивались церкви, часовни. Правда, в местах, затронутых массовой эмиграцией, не менее типичным явлением были и обезлюдевшие, брошенные жителями села.

Трудовые мигранты, уезжая из страны, изначально, как правило, не преследовали цели окончательного переселения за границу. Они направлялись на заработки с намерением вернуться на родину, руководствуясь при этом вполне конкретными соображениями: стремились выплатить кредит, накопить денег на приобретение участка земли, строительство дома, покупку сельхозинвентаря, открытие своего дела и т. п. Свое будущее в длительной перспективе большинство связывало с родиной. Тем не менее определённая часть трудовых мигрантов задерживалась за океаном на длительный срок. Прежде чем принять окончательное решение о том, остаться или вернуться (а это происходило, как правило, лишь спустя время, когда эмигрант уже устроился и адаптировался к новой среде), трудовые мигранты зачастую сначала навещали оставшихся в Венгрии родственников. Другие, лишь убедившись в том, что на родине не находят себе применения, приходили к решению об окончательной эмиграции. Некоторые же ради заработка неоднократно проделывали путь за океан и обратно.

2. Основные регионы-«поставщики» эмигрантов.

Причины и мотивы экономической эмиграции.

Миграционная политика венгерских властей

На территории Венгрии сложилось несколько регионов, которые стали основными поставщиками рабочей силы за океан. Самый крупный, охваченный массовой эмиграцией регион располагался на севере и северо-востоке Венгерского королевства (области Шарош, Сепеш, Земплен, Абауй, Берег, Боршод, Гёмёр-Кишхонт, Унг). Проживающие на этой территории словаки составили первые группы трудовых мигрантов, затем процесс распространился

на венгров и русин. В начале XX века на долю выходцев из этих областей приходилось около 30% всех эмигрантов. Собственно, массовый исход населения в Америку начался именно в этих северо-восточных районах страны, которые вместе с соседней Галицией составили наиболее крупный эмиграционный «очаг» на территории Австро-Венгрии. Наряду с ним сформировались и другие регионы-«поставщики» эмигрантов, правда, не такие крупные: на юге страны это были меде Торонтал и хорватские жупы Загреб и Модрус-Фиуме; в Трансильвании – Кишкюкюллё, Надкюкюллё, Алшо-Фехер; на северо-востоке – Сатмар и Саболч; в Задунавье – Веспрем. С началом массовой эмиграции в этих расположенных вдали от промышленных центров, в экономическом отношении менее развитых районах страны с преобладанием невенгерского населения пришли в запустение целые сёла. Как уже отмечалось, в Трансильвании и на юге Венгрии первыми двинулись в путь за океан немцы (саксонцы, швабы), за ними последовали мадьяры и румыны, в Хорватии же эмиграция затронула сначала Далмацию, а затем распространилась на хорватов и словенцев Славонии и на внутренние хорватские территории с центром в Загребе. В целом, за период 1899–1913 гг. из Верхней Венгрии уехали почти 500 тыс., с Большой венгерской низменности 350 тыс., из Трансильвании 225 тыс., из Хорватии 195 тыс., из Задунавья 135 тыс. чел.¹⁵¹.

Процессом эмиграции даже в пределах областей (меде) страны крайне неравномерно были затронуты отдельные районы и населенные пункты. В меде Темеш, по данным вице-ишпана Шандора Ференци, из трёх районов с наиболее плодородными землями и более зажиточным населением в 1904–1908 гг. уехало за границу в полтора раза больше людей, чем из остальных восьми, вместе взятых (12760 против 7998 чел.)¹⁵². В меде Хевеш массовая эмиграция в 1905–1906 гг. наиболее сильно затронула отсталые в промышленном отношении северные и восточные районы, где и природные условия были неблагоприятны для земледелия. При этом она не охватила сёла с плодородными почвами и местности, где велись горные разработки¹⁵³. К эмиграции людей зачастую подталкивали неурожаи и стихийные бедствия. Так, например, в 1870-е годы в Темеше в результате плохих урожаев, наводнений наступил голод, и сельскохозяйственные рабочие были вынуждены искать работу в сопредельных с Венгрией странах. В 1880-е годы гибель виноградников от филлоксеры стала причиной эмиграции многих владельцев виноградников и занятых там рабочих. Развитие сети железных дорог заставило занятых извозом на гужевом транспорте устремиться в Америку. Использование машин в сельском хозяйстве постепенно вытесняло ручной труд, в результате чего подёнщики теряли источник доходов и были вынуждены искать работу в дальних краях.

С 1890-х годов в мотивации к отъезду из страны определенную роль стала играть борьба трудящихся за свои права. Уволенные рабочие, не добившись удовлетворения своих требований, искали выход в эмиграции, уезжали в США или западные страны, где могли рассчитывать на более высокие зарплаты

и соблюдение политических прав. Среди причин, вызвавших эмиграцию части молодёжи, было стремление избежать службы в армии. В отдельных местях до 60% лиц призывного возраста, не прошедших военную службу, уезжали в Америку¹⁵⁴. Так, в одной из северных областей Венгрии в 1907 г. из 4833 подлежащих призыву юношей на сборные пункты явилось 1752 чел., остальные большей частью нелегально покинули страну¹⁵⁵. «Если это будет продолжаться подобным образом ещё пару лет, деятельность призывной комиссии станет излишней... все уезжают в Америку, если не получают паспорта, бегут без оного» – докладывал вышестоящему руководству вице-ишпан задунайского меде Шомодь¹⁵⁶. В связи с этим Г. Тирринг был вынужден признать, что «воздействие эмиграции сказывается уже на обороноспособности нации»¹⁵⁷.

Стимулировали эмиграционный процесс и финансово-экономические факторы (погашение кредитов, задолженностей и др.). Иллюстрацией к этому может служить случай с поселенцами двух темешских сёл (Йожеффалва и Гизеллафалва), учрежденных властями на казённых землях. Немецкие колонисты оказались не в состоянии выплатить кредит на приобретение этой земли и были вынуждены отправиться в Америку, чтобы заработать на выплату ипотечного долга. В 1904–1908 гг. из этих сёл эмигрировали в Америку 602 и вернулись 107 человек. Четверть жителей этих двух поселений постоянно мигрировала между Америкой и Венгрией¹⁵⁸.

В целом, наиболее распространенным побудительным мотивом к отъезду за границу на заработки было желание купить по ипотеке землю или расплатиться за неё, чтобы стать её полновластным собственником. В южно-трансильванском Кюкюллё крестьяне, купившие у помещика земельные участки, дружно отправились в Америку, чтобы заработать средства на погашение кредита, хотя раньше в окрестных сёлах трудовая эмиграция не была распространена¹⁵⁹. Подобных примеров по всей Венгрии было множество.

Согласно оценкам депутата Государственного собрания, одного из основателей и секретаря Венгерского социологического объединения (ВСО) Пала Фаркаша, базирующимся на сведениях, полученных от представителей местных властей Сепеша и Зойома, основной целью эмиграции в Америку были освобождение земли от обременений и покупка земельных участков¹⁶⁰. Важной причиной возросшей эмиграции венгерских граждан за океан в начале века фёйшпан области Берег считал «существенную задолженность крестьянских хозяйств». В своём донесении в высшие инстанции от 15 апреля 1904 г. он отмечал, что «большинство эмигрантов отправляется в Америку с целью накопления там необходимого капитала для оплаты на родине своих долгов». По его мнению, серьёзной проблемой является «не отсутствие земли, а то, как её сохранить, как освободить от налогового бремени», поскольку именно это обстоятельство вынуждает людей эмигрировать в Америку. Подобно некоторым другим руководителям областного уровня, он высказывал мысль, что «эмиграция с экономической точки зрения не приносит вреда», более того,

ссылаясь на «вполне однозначные заявления сельских старост и священников» утверждал, что она «существенно улучшает положение» затронутых эмиграцией семей. Фёйшпан не опасался того, что трудовые мигранты из его области навсегда останутся в Америке, мотивируя это тем, что уже не раз убеждался в том, что «большинство эмигрантов сохраняют любовь к родной земле и к родине»¹⁶¹.

На высокие налоги как одну из причин эмиграции обращал внимание ещё в начале 1880-х годов граф Имре Сечени, предпринявший поездку в США с целью изучения американского опыта в сфере сельского хозяйства. Во время своего вояжа в сопровождении двух венгерских аристократов и немецкого аграрного социалиста Р. Г. Мейера, он встретил в Эллинвуде (штат Канзас) соотечественников – работавших на железной дороге словацких эмигрантов из областей Абауй, Шарош и Сепеш. Те, отвечая на расспросы о причинах, побудивших их покинуть родные места, пожаловались, что в родном отечестве «заработок не хватает на выживание, ведь дома забирают даже то, что остаётся на жизнь». Они, конечно, хотели бы жить на родине, потому что в Америке «зарплаты хотя и выше, но и жизнь дороже, да и английский язык трудно даётся». При этом один из словаков, собиравшийся приобрести земельный участок в Америке, сказал: «Здесь хотя бы то, что я зарабатываю, остаётся мне, а на родине треть заработка забирает государство. Дома я за год смог скопить всего 10 форинтов»¹⁶². На эту проблему обращали внимание и многие участники проводившихся в Венгрии совещаний, посвящённых выяснению причин массовой эмиграции. Они указывали на несовершенство венгерской налоговой системы и рекомендовали властям отменить наиболее одиозные налоги, в первую очередь, налог с заработка для определенных категорий рабочих и сельскохозяйственных поденщиков, а также уменьшить косвенные налоги и ввести прогрессивную шкалу налогообложения.

Глава северо-восточной области Абауй-Торна 1 июня 1904 г. в своей докладной записке министру внутренних дел обращал внимание на разницу в уровне зарплат в Венгрии и США: «Существенно уменьшить эмиграцию в моей области практически невозможно... Кто удержит рабочего, дневной заработок которого в сезон составляет максимум 2–3 кроны, но чаще всего одну крону, когда он хорошо понимает, что в Америке может получить 5, а то и 10–12 крон... и за 2–3 года накопить 1000–1500 крон капитала?»¹⁶³.

Официальные лица из местных администраций обращали внимание и на некоторые положительные стороны трудовой эмиграции. Так, фёсолгабиро (начальник уезда) Хомонна из меде Земплен в своём донесении от 18 мая 1904 г. указывал на «цивилизующее воздействие» пребывания в Америке крестьян, рабочих и ремесленников. По возвращении на родину они больше не хотят жить в прежних условиях, «начинают сносить свои уродливые домишки и повсеместно возводят каменные или кирпичные дома с большими окнами, что полезно для здоровья, так как такое жильё уже можно проветривать». Вер-

нувшиеся из Америки местные жители «рассказывают о тамошних условиях жизни, через них просачиваются идеи равноправия, которые, в свою очередь, подталкивают рабочих и ремесленный класс к эмиграции». Этот чиновник обращал внимание вышестоящих лиц на то, что неблагоприятные экономические условия, рост цен и «непомерно тяжёлые для крестьян налоги, их перегрузка поборами» как со стороны государства и муниципалитетов, так и церкви также вынуждают людей эмигрировать. Но главной причиной эмиграции он считал безденежье населения. Свой анализ чиновник завершил словами: «По-моему, не следует полностью пресекать поток эмиграции в Америку, не следует возводить препятствия перед свободным выездом граждан, ибо именно благодаря присланным эмигрантами или привезёнными ими домой немалым деньгам народ становится довольным и счастливым, к тому же это способствует и общему обогащению страны»¹⁶⁴.

Таким образом, сведения местных чиновников подтверждают, что к трудовой эмиграции людей подталкивали такие факторы реальной жизни, как безземелье, безденежье, отсутствие постоянной работы, большая разница в уровне заработной платы на родине и в Америке, непомерное налоговое бремя и естественное желание крестьян приобрести и сохранить свои земельные наделы, рассчитаться с долгами, улучшить бытовые и жилищные условия, повысить благосостояние семьи и т. п.

В 1908 г. редакция кливлендской венгерской газеты „Szabadság” («Сабадшаг») обратилась к читателям с просьбой написать, что побудило их эмигрировать в Америку. На призыв откликнулись свыше тысячи эмигрантов, и газета в январе–марте 1909 г. на своих страницах опубликовала многие письма. Габор Шоймош из пенсильванского Ллойделла писал: «Я приехал в Америку, потому что три года провёл, повинуюсь командам Франца Иосифа, и три года батрачил на его высококордие господина Борбея, денно и ночью шагая рядом с четырьмя волами по колено в грязи, но не было ко мне уважения. В Америку меня пригнала бедность...». Янош Рапач из Уайтспорта (штат Нью-Джерси) причиной своего приезда в Америку называл высокие налоги: «На исторической родине было мало денег. А из них бедняк едва ли видит больше, чем нужно отдать в качестве налогов, а во многих случаях и того меньше...». Йозеф Ижо из Нью-Брунсвика (штат Нью-Джерси) с горечью замечал, что «венгерская земля хоть и даёт жизнь венгру, но содержать его не в состоянии. А это больно отзывается в моем сердце, поэтому я приехал в Америку». Многие читатели в своих письмах указывали на униженное, бесправное положение бедняка в Венгрии, что и заставило их искать уважения и равноправия в Америке. «Хотя я сначала жил в лишениях, да и сейчас не катаюсь как сыр в масле, но чувствую, на родине я лишь догадывался, что я свободный, независимый человек. И этому научила меня Америка» – указывал Джон Сабо из Чикаго, а Луи Тейхнер из Нью-Йорка написал: «Я хотел немного насладиться свободой, независимостью, о которых столько слышал. Здесь меня не спрашивали,

из какой я семьи, но доброжелательно встретили и предоставили возможность нормально существовать... На родине нам определяют много обязанностей и не дают к ним прав, а ведь оттуда, где я не имею прав, а только одни обязанности, я уйду туда, где права и обязанности отменяют поровну...»¹⁶⁵.

Экономическая эмиграция в том или ином конкретном месте начиналась, как правило, с отъезда одного-двух человек, а через какое-то время, при благоприятном стечении обстоятельств, эти люди в письмах рассказывали о своей жизни в Америке, присылали домой заработанные средства. «Уговорами никоим образом не удержать желающих эмигрировать, ведь их сосед, дядя, брат предоставит им более достоверную информацию, поэтому любые искусственные препоны пригодны лишь для того, чтобы сеять недоверие... Тот, кто знает, что в Америке сможет заработать, улучшить свое материальное положение, он уедет, как его ни удерживай»¹⁶⁶, – констатировал П. Фаркаш, обращая внимание властей на бесплодность попыток бороться с эмиграцией методами угроз и ограничений. «Возросшая склонность населения к эмиграции вовсе не является результатом деятельности тайных агентов, во всяком случае не в моей области, – извещал начальство 22 марта 1905 г. фёйшпан задунайского меде Веспрем. – Причину бедствия следует искать не в этом. Эмиграционное движение само себя подогревает: эмигранты пишут домой письма, сообщают хорошие новости, которые затем словно пожар распространяются по всей округе, а присланные домой накопления повышают благосостояние семей, причём в немалой степени»¹⁶⁷.

Вице-ишпан меде Хевеш в 1901 г. провёл специальное расследование для выяснения причин стремительного роста эмиграции из области и пришёл к выводу, что не «эмиграционные агенты» сыграли основную роль в её развитии. Результаты расследования он изложил так: «Несколько лет назад отдельные жители из сёл Речк, Матрадеречке, Сайла, Терпеш, Фелдебрё, Демьен и Кереченд эмигрировали в Америку, где упорным трудом приобрели значительное состояние. Красочным описанием своей американской жизни они убедили оставшихся дома знакомых и родственников последовать за ними для преумножения своего имущества. Проверенный факт, что многие эмигранты ежегодно присылали своим семьям крупные суммы денег и информировали оставшихся дома родственников, что в Америке земледелец даже зимой зарабатывает в среднем за день 8 крон, а летом 12–14 крон, что колоссально отличается от наших условий»¹⁶⁸.

Начальник эгерского уезда Калман Херинг после того, как в 1902 г. за несколько дней из 9 населенных пунктов этого района поступило более 70 заявлений с просьбой о выдаче загранпаспорта, в ответ на запрос вице-ишпана области Хевеш докладывал: «Несколько лет назад две личности авантюрного склада, Йозеф Дерей и Ференц Эрберлинг... были первыми, кто из этих мест отплыл пароходом в Новый Свет... В Америке они очень удачно устроились, и спустя полгода их семьи получили довольно крупные суммы денег, а в пись-

мах, адресованных родным и знакомым, они описывали Америку как настоящее Эльдorado... Эрберлинг после годичного отсутствия вернулся... навестить семью, и тогда население округа роем окружило его, чтобы из первых рук получить информацию об американской жизни. Эти контакты имели печальные последствия, потому что когда спустя полтора месяца... Эрберлинг снова уехал, он взял с собой около 6 человек... Это была первая значительная группа, покинувшая эти места... Эмиграция, которой раньше не знали, стала постоянным явлением. ...Во всех сёлах ссылаются на пример Эрберлинга и Дерей, первый из которых за год скопил и прислал домой 1200 фт., а последний даже за меньший срок – 850 фт. при том, что сам все время питался мясом и пил пиво..., потому как же нет смысла в эмиграции, когда здесь даже картошки и фасоли нет вдоволь, и не только денег скопить не могут, но и долги преумножают»¹⁶⁹.

Известия о разбогатевших в Америке родственниках, соседях и друзьях стимулировали односельчан отправляться на заработки в Америку. Зачастую сами эмигранты предлагали своим знакомым на родине профинансировать их переезд через Атлантику. Характерно, что в начале XX века более половины всех венгерских эмигрантов билет на пароход покупали не сами, дорогу им оплачивали преимущественно уехавшие ранее родственники¹⁷⁰.

Наблюдая за нараставшим потоком экономической эмиграции, официальные лица областного, уездного уровня подмечали как положительные, так и отрицательные стороны этого процесса. В своих донесениях они оспаривали утверждение, что массовая эмиграция вызвана якобы одной лишь пропагандой тайных агентов-вербовщиков рабочей силы. Донесения представителей официальных кругов, руководителей местных властей указывают на причины трудовой эмиграции начала XX века и подтверждают, что она приобрела значительные масштабы. Тем не менее отдельные чиновники считали эмиграцию благом, исходя из того, что она приносила семьям и региону недостающие финансовые средства, в итоге менявшие быт и образ жизни людей к лучшему.

По мере нарастания численности уезжавшей за рубеж рабочей силы рос и общественный интерес к этому явлению. Начиная с 1879 г., тема эмиграции постоянно звучала на заседаниях венгерского парламента – Государственного собрания. С конца XIX века проблему часто обсуждали в различных общественных организациях, на профессиональных форумах, в научных сообществах, в том числе в органе представительства интересов помещиков-землевладельцев – *Всевенгерском объединении хозяйств* (ВОХ), объединявшем промышленников *Общациональном союзе венгерских заводчиков* (ОСВЗ), *Венгерском социологическом объединении* (ВСО) и др. организациях. Были сделаны попытки определить причины массовой эмиграции и выработать рекомендации по их устранению. Выступавшие обращали внимание на самые разные факторы, в основном экономического характера: низкие зарплаты, непосильный налоговый гнёт, карликовые крестьянские хозяйства, неспособные обе-

спечить элементарное выживание, «жажду земли», чрезмерное присутствие в структуре землевладения изъятых из свободного оборота земель, грубость государственных служащих по отношению к бедным слоям населения, недостаток патриотизма и даже «непостижимые тайны народной души», преклонение перед Америкой.

Комиссар правительства по эмиграции барон Лайош Леваи, назначенный на этот пост в 1903 г., утверждал, что главной причиной эмиграции является «жажда земли», указывая на то, что «недовольные уезжали, поскольку не могли её приобрести». Одни участники обсуждений предлагали удовлетворить крестьянскую «жажду земли» за счёт раздела изъятых из свободного оборота земель, осушения заболоченных мест¹⁷¹. Другие, как, например, аграрный политик и публицист, депутат Государственного собрания Венгрии Барна Будаи в 1911 г., напротив, призывали прекратить практику размежевания крупных землевладений, считая, что это лишь умножает число нежизнеспособных карликовых хозяйств, но не может привести к значительному сокращению эмиграции¹⁷².

С начала XX века в обсуждении проблемы доминировал, однако, мотив нависшей над страной смертельной опасности. В выступлениях политиков и промышленников обращалось внимание на губительные демографические последствия эмиграции. Дебреценская торгово-промышленная палата в докладе за 1905 г. предупреждала, что в результате эмиграции «мы можем истечь кровью»¹⁷³. Депутаты Государственного собрания в 1911 г. квалифицировали эмиграцию как «национальное бедствие»¹⁷⁴. Другие полагали, что страна таким образом избавляется от излишков рабочей силы, и обращали внимание на то, что эмиграция служит своеобразным клапаном, через который выпускается пар народного недовольства¹⁷⁵.

Представители центральных властей в начале развития эмиграционного процесса не придавали ему особого значения, но довольно быстро осознали связанные с этим опасности. Известно, что премьер-министр Калман Тиса в своем выступлении в парламенте 4 мая 1880 г., обращаясь к религиозным деятелям всех конфессий, призывал их воздействовать на паству, чтобы народ не прельщался обещаниями агентов пароходных компаний, перевозивших эмигрантов за океан¹⁷⁶. Власти же на местах уже на рубеже 1870–1880-х годов забили тревогу. Первые сигналы бедствия подали чиновники Шароша, Земплена и населённых секеями районов Трансильвании, т. е. тех мест, где эмиграция была наиболее интенсивной. По данным областных властей, только в 1879 г. из Шароша эмигрировали 2283, а из Земплена в 1879–1883 гг. – 10474 человека¹⁷⁷. Центральные власти не ставили под сомнение право граждан на свободу передвижения, выезда из страны, но когда эмиграция стала приобретать невиданные ранее темпы и масштабы, они попытались ограничить её и поставить под контроль государства. Наиболее ёмко выразил отношение властей к проблеме эмиграции Агошт Янко, вице-ишпан меде Торон-

тал в своем выступлении на заседании ВСО: «Запретить эмиграцию нельзя, но нельзя и поощрять, значит, её нужно регулировать»¹⁷⁸.

Правительство, которое долго считало эмиграцию результатом деятельности агентов компаний-перевозчиков, вербовщиков, щедрыми обещаниями завлекавших доверчивых граждан в свои сети, поначалу направляло административные меры не на ограничение эмиграции как таковой, а на ограничение деятельности агентов. В 1885 г. правительственным циркуляром запрещалась пересылка открытых почтовых отправок из-за рубежа, содержащих рекламные материалы, побуждавшие к эмиграции. В 1890 г. почтовые и телеграфные ведомства получили предписание, обязывающее их в случае прихода писем или посылок, в отношении которых имеются обоснованные подозрения относительно содержания в них эмиграционных объявлений или паспортов, сообщать об этом компетентным органам¹⁷⁹. В 1891 г. подобное распоряжение было отдано и относительно писем с денежными вложениями.

Законодательно регулировать процесс эмиграции центральные власти попытались в 1881 г. Принятый закон свидетельствовал о том, что власти считали рост эмиграции результатом деятельности агентов-вербовщиков, подстрекавших население к выезду из страны на заработки. Закон был направлен на ограничение деятельности агентов иностранных компаний-перевозчиков путём её лицензирования, запрета заниматься подобной деятельностью иностранным гражданам, ограничения оборота рекламных и пропагандистских материалов, побуждавших к эмиграции. В 1903 г. законом «Об эмиграции» впервые было дано юридическое определение (*трудового*) *эмигранта*. Им считалось лицо, «выезжающее за границу на неопределенное время с целью постоянного заработка». Законы 1903 г. и 1909 г. ужесточали наказание за нарушение закона, упорядочили деятельность агентов, содержали ограничения на эмиграцию неимущих и не отбывших военную службу военнообязанных лиц, т. е. молодых мужчин, составлявших основную массу уезжавших. Законодательные ограничения весьма серьёзно затрудняли возможность легального выезда из страны. Законом 1903 г. был учреждён также *Эмиграционный фонд* (в размере 80 тыс. крон) для финансирования расходов на репатриацию неимущих соотечественников, на открытие за рубежом приютов для венгерских эмигрантов, а также для «заботы об удовлетворении их религиозных и духовных потребностей». *Совет по эмиграции* при министре внутренних дел осуществлял экспертную оценку причин, выработку рекомендаций и способов ограничения эмиграции. В соответствии с законом 1903 г. был учреждён пост комиссара правительства по эмиграции, которому поручалось следить за исполнением закона. Правительство Иштвана Тисы, встревоженное масштабами эмиграции, в 1904 г. обратилось к руководителям регионов, предложив им доложить сложившуюся обстановку, осветить причины эмиграции на вверенной им территории и высказать свои предложения по решению проблемы.

Государство, стремясь обеспечить эффективность эмиграционного законодательства, не отказывалось от применения вооруженной силы для противодействия нелегальной эмиграции. Комиссар правительства по эмиграции барон Лайош Леваи в 1907 г. отмечал, что число граждан, эмигрирующих без паспортов, несмотря на строгий контроль со стороны властей, все увеличивается, особенно в регионах, близко расположенных к государственной границе¹⁸⁰. В 1912 г. министерство внутренних дел было настолько обеспокоено проблемой эмиграции, что обещало по 8 крон вознаграждения за каждого потенциального эмигранта тому, кто донесёт на готовившихся к нелегальной эмиграции¹⁸¹. Власти на местах привлекали жандармерию, чтобы пресечь попытки нелегального ухода из страны. Так, в мае 1912 г. газета «Унг» сообщала, что на пограничной станции жандармы задержали 53 нелегальных эмигрантов, пытавшихся через Галицию выехать в США¹⁸². В 1913 г. только в областях Марамарош и Унг было вынесено соответственно 797 и 984 судебных приговора по делам, связанным с правонарушениями в сфере эмиграционного законодательства¹⁸³. Штрафы и аресты несколько ограничили рост эмиграции, но остановить её не могли.

Правительство в целях контроля над эмиграционными потоками определило маршрут следования трудовых мигрантов в Америку, а именно через единственный морской порт страны Фиуме (ныне Риека, Хорватия). Заключив договор с британской компанией «Кьюнард-лайн», оно предоставило этому судовладельцу эксклюзивные права на перевозку венгерских эмигрантов в Нью-Йорк на 10 лет, получая взамен ежегодно весьма крупный доход, измеряемый сотнями тысяч крон. На территории страны официально могли вести продажу билетов на свои рейсы только уполномоченные этой компании. Иностранцы, в первую очередь германские судовладельцы не собирались, однако, отказываться от весьма прибыльного бизнеса, более того, вследствие усиления конкурентной борьбы число «тайных» агентов стремительно увеличилось. Требования закона не соблюдала даже компания «Кьюнард-лайн», которая развешивала свою рекламу повсюду, порой даже в зданиях местных управ¹⁸⁴. Представитель будапештской торгово-промышленной палаты Антал Секач обращал внимание на то, что если до принятия закона народ лишь тайно мог вести переговоры с агентами об эмиграции, то теперь вправе иметь дело с уполномоченными поставленной государством в привилегированное положение компании-перевозчика¹⁸⁵.

Несмотря на то, что заокеанский маршрут через Фиуме позволял несколько сократить дорожные расходы, основные потоки миграции по-прежнему направлялись в Новый Свет через порты на Северном море. По официальным данным, пароходы «Кьюнард-лайн» в 1905 г. доставили за океан свыше 36 тыс. эмигрантов, в то же время через северные европейские порты (Гамбург, Бремен, Гавр, Антверпен, Роттердам) суда других компаний вывезли туда же более 130 тыс. венгерских граждан¹⁸⁶. Таким образом, британская компания не

справилась с возложенной на неё задачей переориентировать пассажиропоток через Фиуме. Венгерское правительство это фактически признало, официально разрешив в 1911 г. перевозку мигрантов в Северную Америку 5 крупнейшими компаниями, входящими в «Континентальный пул».

Общественные и политические деятели по-разному, порой противоположным образом оценивали эмиграционную политику государства. Одни считали нужным поощрять переселение крестьян в Южную Америку (Бразилию, Аргентину и Уругвай)¹⁸⁷, Боснию-Герцеговину¹⁸⁸ в расчете на создание там крупных венгерских колоний. Другие пропагандировали (получившую широкое распространение в Италии) сезонную миграцию сельскохозяйственных рабочих в южное полушарие, в Южную Америку, которая могла бы обеспечить занятость аграрного населения круглый год¹⁸⁹. Большинство же, наоборот, высказывалось в пользу эмиграции в США, считая, что крестьяне привезут на родину заработанные там деньги, тогда как, уехав в Мексику, Канаду или Южную Америку, они купят землю и останутся там. «Куда бы мы ни отправляли наших венгров, кроме североамериканских Соединенных Штатов, там их поселят, привяжут к земле и они навсегда будут потеряны для Венгрии. Ведь венгру нужна земля! Где бы он ни приобрёл её на чужбине, там скорее будет чувствовать себя лучше... Поэтому правительству Венгрии следует запретить эмиграцию в направлении Канады, Мексики, Южной Америки и Австралии, а надо направлять её в США», – отмечал, в частности, эмигрировавший в конце XIX века в США Бела Перени в лекции на заседании ВОХ в 1904 г.¹⁹⁰ Венгерские власти в целом тогда уже не поощряли эмиграцию населения в Южную Америку. Более того, указывая на крайне неблагоприятные условия труда и невыносимый для европейцев климат в этом регионе, используя методы контрпропаганды в печати и в личных беседах с принявшими решение уехать гражданами, стремились сократить численность переселенцев¹⁹¹. Подобные меры в сочетании с реальным ограничением деятельности агентов компаний, ведших агитацию в пользу эмиграции, в частности, в Бразилию, принесли свои плоды. Если в 1880–1890-е годы, по оценке Г. Тирринга, в Бразилию эмигрировало порядка десяти тысяч венгерских граждан, абсолютное большинство которых являлись сельскохозяйственными переселенцами, то в 1908–1914 гг. бразильское министерство сельского хозяйства зарегистрировало прибытие в страну лишь 1722 венгерских переселенцев¹⁹². Североамериканское направление, действительно, оставалось главным для венгерских эмигрантов вплоть до Первой мировой войны.

В самих Соединенных Штатах власти в XIX– начале XX века в целом поощряли иммиграцию, ведь США объективно были заинтересованы в притоке рабочей силы. Именно иммигранты обеспечивали необходимые для осуществления индустриального развития страны трудовые ресурсы, однако часть американского общества (нативисты, профсоюзы и др.) видела в них конкурентов, сбивавших цены на рынке труда, и нежелательных элементов, являв-

шихся потенциальной обузой для общества. Профсоюзы, начиная с 1880-х годов, периодически обращались к конгрессу с требованием ограничить иммиграцию. В 1882 г. в значительной степени под их давлением был принят закон, запретивший заключение трудовых контрактов до прибытия иммигрантов в Америку. Принятый в 1891 г. закон, значительно расширивший полномочия комиссара по иммиграции, предусматривал возможность высылки в течение года из страны иностранцев, проникших на территорию США с нарушением закона.

Американская общественность требовала от властей сокращения иммиграции. Особенно усилились эти настроения в начале XX века, когда в страну в среднем за год стало прибывать более полумиллиона трудовых мигрантов. Законодательные нормы 1903 г. и 1907 г. несколько ужесточили правила въезда в страну. Сумма пошлины с каждого иммигранта была увеличена с 50 центов до 2 и соответственно 4 долларов. Компании-перевозчики обязаны были возвращать нежелательных лиц в пункт их отправления и платить за таких пассажиров штраф по 100 долларов. Американская иммиграционная служба, комиссар по иммиграции уже перед мировой войной стали проявлять всё большую строгость в этом вопросе. Участились случаи возвращения иммигрантов из Америки на родину, всё громче звучали требования об определении годовых квот иммигрантов для одной страны.¹⁹³

3. Трудоустройство и места проживания мигрантов в Северной Америке. Формы организации их общественной жизни

Трудовых мигрантов в США по прибытии в Нью-Йорк встречали на острове Эллис, где иммиграционные власти проводили досмотр въезжающих. По описанию Лоранта Хегедюша, автора изданной в 1899 г. книги о венгерской эмиграции, эта процедура протекала следующим образом: «С корабля людей доставляли на берег шлюпками, все пассажиры II-го и III-го класса подлежали досмотру... После врачебного осмотра людей дотошно опрашивают, и пока они ставят на пол свои узлы и старательно достают спрятанные деньги, составляется протокол. По итогам процедуры пассажиров сортируют. В отдельную категорию выделяют тех, кого должны встретить отец или брат. Туда же направляют детей, на груди которых висят картонные таблички с указанием места их доставки. Самостоятельную группу образуют те, кто билет оплачивал не самостоятельно или у кого с собой в наличии менее 30 долларов. После этого иммигранты предстают перед двумя чиновниками, которые задают им единственный вопрос: имеется ли у въезжающего трудовой контракт или нет. Того, у кого находят такой контракт, высылают обратно.»¹⁹⁴.

После нескольких дней, проведённых в Нью-Йорке в специальных центрах для иммигрантов, их «отправляют по месту назначения т. н. эмигрант-

скими поездами, билеты на которые приобретаются за треть обычной цены. Примерно 30% всех эмигрантов и не ведают, куда хочет попасть в Америке... Их потом в массовом порядке отправляют в пенсильванские угольные шахты и на железные рудники. К сожалению, за редким исключением к таковому относятся и наши соотечественники, число которых год от года растёт. Они большими группами прибывают без единого гроша и, кроме словацкого и венгерского языка, не знают ни единого слова [по-английски – Ж.Ч.], – делился впечатлениями от увиденного в Нью-Йорке Имре Сечени¹⁹⁵.

Занятость первым группам эмигрантов из Венгрии обеспечивали каменно-угольные шахты в районе пенсильванского Хэзлтона. Значительная часть прибывавших в Америку венгров и словаков, начиная с 1880-х годов, селилась в окрестностях Питсбурга, где они работали на угледобывающих и металлургических предприятиях. В целом, в США пенсильванский угледобывающий регион оставался до Первой мировой войны крупнейшим рынком сбыта дешевой рабочей силы из Австро-Венгрии. Сначала сюда привозили рабочих, заранее заключив с ними трудовые контракты, оплачивали их проезд, и поэтому они обязаны были работать там, куда их направляли. Из шахты иммигранты могли уволиться лишь при условии, что найдут себе замену. Несмотря на крайне тяжелые условия труда, они соглашались на такую работу, ведь в США за день можно было заработать сумму, за которую на родине приходилось трудиться целую неделю.

По данным американских переписей населения, в 1870 г. в США насчитывалось 3 737, в 1880 г. – 11 526, в 1890 г. – 62 435, в 1900 г. – 145 717 (вместе с потомками 227 606), в 1910 г. – 495 609 (710 895) лиц, родившихся на территории Венгрии¹⁹⁶, однако несмотря на то, что большинство эмигрантов из Венгрии принадлежали к аграрному населению, в Америке они крайне неохотно связывали свою жизнь с сельским хозяйством. По данным переписи 1920 г., по всей территории США насчитывалось всего 7122 фермера венгерского происхождения и занятых на фермах работника, хотя только в четырёх штатах (Пенсильвания, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Огайо) проживало 245 тыс. венгерских иммигрантов и их потомков¹⁹⁷. Известно лишь одно относительно крупное венгерское сельскохозяйственное поселение в Луизиане, недалеко от Нового Орлеана, в котором в 1910–1920-е годы проживало около 200 венгерских семей. Жители Арпадхона специализировались на выращивании земляники, зимой работали на соседней лесопилке, имели свою большую кассу и даже издавали газету на венгерском языке. Малочисленные небольшие сельскохозяйственные поселения (в частности, Буда в Джорджии, Токай и Нитра в Виргинии), основанные выходцами из Венгрии, как правило, оказывались недолговечными. Со временем их жители чаще всего перебирались в города или уезжали в другие края в поисках более плодородной земли.

Большинство выходцев из земель венгерской короны по прибытии в США трудоустроивалось на шахтах и в промышленности. Это было связано, в пер-

вую очередь, с тем, что потребность в ввозе рабочей силы ощущали особенно остро именно промышленные предприятия Америки, да и сами эмигранты приезжали с целью заработать, а труд на шахте или заводе оплачивался значительно лучше, чем в сельском хозяйстве. При этом нельзя не считать с тем фактором, что основную массу венгерских иммигрантов составлял аграрный пролетариат, не располагавший необходимым капиталом для покупки земли и ведения собственного хозяйства. Кроме того, если эмигранту удавалось накопить деньги, то он стремился приобрести земельный участок на родине. Правда, со временем цены на землю выросли и в Венгрии, и гастарбайтеры, скопившие небольшой капитал за границей, по возвращении на родину часто были лишены возможности осуществить свою мечту, поэтому они нередко распродавали своё имущество и окончательно перебрались в США, Канаду или Латинскую Америку.

Учитывая, что в США к моменту массового притока эмигрантов из Венгрии свободной бесплатной плодородной земли уже практически не было, часть эмигрантов, решив окончательно переселиться за океан, переезжала в Канаду, чему способствовала и деятельность канадского правительства, проводившего политику поощрения иммиграции. С 1880-х годов его агенты в промышленных центрах США вербовали переселенцев, предлагая приобретение на весьма льготных условиях земельных участков на юге Канады. Любой желающий мог получить в Манитобе, Саскачеване земельный надел в 160 акров, который через 5 лет – при обработке хотя бы части участка – переходил в его собственность. Первые венгерские поселенцы прибыли в Канаду именно из США. К началу XX века в 250 милях к западу от озера Виннипег насчитывалось 11 венгерских поселений, в том числе: Эстерхаза со смешанным венгеро-словацким населением; населённые венграми Матяшфёльд, Капошвар, Тага; основанный уроженцем Дебрецена, реформатским пастором Яношем Ковачем Оттхон; а также Зичидорф и Бетленхаза, основанные швабами из Баната¹⁹⁸. «Таким поселенцам канадские власти предоставляют учителя, венгерского священника, строят для них школу и оказывают помощь в приобретении сельскохозяйственных машин», – сообщал Л. Леваи, ссылаясь на слова канадского министра финансов Филдинга, с горечью констатируя, что от «направляющихся в Канаду с намерением приобрести землю нам не следует ожидать возвращения на родину»¹⁹⁹. Однако многие из венгерских поселенцев, сочтя канадские природные условия слишком суровыми, неблагоприятными для ведения сельского хозяйства, вернулись в США. В целом, эмиграция в Канаду до первой мировой войны имела относительно скромные масштабы. Привлекательность этой страны для эмигрантов возросла уже в двадцатые годы XX века, после введения США квот на ввоз рабочей силы.

В США же за два десятилетия (1890–1910) численность венгерских иммигрантов только в Пенсильвании увеличилась с 24,9 тыс. до 123,5 тыс. чел., т. е. почти в 5 раз. Однако, как только предоставлялась возможность, и тем более

решив окончательно обосноваться в США, венгерские рабочие старались покинуть шахты, искали другое место работы там же, в Пенсильвании, либо переселялись в другие районы США. Как правило, они не уезжали далеко, а оседали в северо-восточных штатах, так как переезд сюда требовал меньших материальных затрат, да и найти постоянную работу было легче в развитых промышленных регионах. Наряду с Пенсильванией самая большая численность иммигрантов из Венгрии была в штатах Нью-Йорк, Огайо, Нью-Джерси, Иллинойс²⁰⁰. Около 85% таких иммигрантов проживало именно в этих штатах, но были они и в Коннектикуте, Индиане, Западной Виргинии, Висконсине, Калифорнии. В Америке вчерашнее население венгерских сёл попадало преимущественно в расположенные за пределами крупных городов рабочие посёлки или небольшие городки в провинции, формирующиеся вокруг промышленных предприятий. Так, в Дейтоне (штат Огайо) рабочий посёлок венгров возник в конце 1890-х годов, когда на местный чугунолитейный завод вместе с мастером-литейщиком Яношем Лисаком перебралось более 100 венгерских иммигрантов из Бриджпорта (Коннектикут) и Толедо (Огайо). Затем эмигранты стали прибывать непосредственно из Венгрии. Их селили в домах, принадлежащих заводу, в квартале, получившем название «Колония им. Кошута». Жители не могли свободно покидать охраняемый посёлок, а товары могли покупать только в магазинах, принадлежащих компании²⁰¹.

Эмигрант Бела Перени, «гражданин свободной Америки, но любящий сын родного отечества», в 1904 г. в своей лекции, прочитанной в ВОХ, отмечал, что в Кливленде «на заводе нашего соотечественника Тивадара Кундца» трудится около 1200 венгров²⁰². Сепешский немец Тивадар (Теодор) Кундц (1852–1937) переселился в Америку в 1873 г., столярничал, затем приобрёл мастерскую, где наладил производство деревянных деталей швейных машин. К концу века из небольшого производства вырос целый завод, а Кундц стал крупным промышленником²⁰³. В Бриджпорте, Паттерсоне, Пэссейке тысячи выходцев из Венгрии были заняты на шелкоткацких и ленточных фабриках, в Элизабетпорте на фабрике швейных машин Зингера работали 1000, в Нью-Брунсвике на бумажной фабрике – около 300 мужчин и женщин. Среди венгерских промышленных рабочих были и металлурги-литейщики, и квалифицированные шахтёры, зарабатывавшие в месяц по 120–180 долларов, но основная масса эмигрантов представляла собой малограмотную, неквалифицированную рабочую силу, которая могла быть использована только на подсобных работах.

К началу XX столетия одним из крупнейших центров венгерской эмиграции в США стал Кливленд. Венгерские торговцы, мелкие производители селились в Кливленде с 1850-х годов. В 1880-е годы там появились небольшие группы трудовых мигрантов из меде Абауй. Работу они находили на шинном и литейных заводах, ткацкой фабрике. Новые поселенцы, как это в 1901 г. отмечала кливлендская газета „Szabadság” («Сабадшаг» – «Свобода»), значи-

тельно изменили облик города²⁰⁴. Он преобразился, стремительно вырос, а эмигранты стали именовать его «венгерским Дебреценом» или даже «маленькой Венгрией». Отчасти это объяснялось тем, что попавшие в пенсильванский, западно-виргинские шахты иммигранты и их дети со временем переселялись именно в Кливленд. Австро-венгерский вице-консул Геза Хоффманн так характеризовал Кливленд рубежа 1900–1910-х годов: «По численности это второй, по характеру – первый венгерский город, американский Дебрецен. Протяжённый венгерский квартал, Ист-сайд действительно чисто венгерский. Иную речь там едва можно услышать; почти нельзя увидеть магазины чужаков. Венгерские институты, церкви, школы, общества расположены там компактно. Венгерские обычаи сохраняются дольше всего именно здесь. Женщины не считают зазорным появиться на улице в платках, а летом даже босиком... Дома принадлежат венграм, на улице слышны венгерские песни, торгующие газетами мальчишки рекламируют свой товар по-венгерски»²⁰⁵. В Ист-сайте сформировались более закрытые, замкнутые общины выходцев из венгерских сёл, которые пополнили ряды неквалифицированных рабочих крупных промышленных предприятий, но сохранили крестьянский менталитет, в западной же части города – Вест-сайте – вперемежку с чехами, немцами селились, не образуя этнически замкнутых общин, квалифицированные рабочие, которые и в Венгрии трудились на заводах. В целом, венгерские иммигранты ни в одном крупном американском городе в силу своей относительной малочисленности по сравнению с представителями других этносов не составляли большинства. Даже в Кливленде в 1910-х годах их численность не превышала 10% всего населения города.

Наряду с Кливлендом наиболее крупные общины выходцев из Венгрии сложились в Нью-Йорке (в 1900 г. там проживало 82 тыс. венгерских граждан)²⁰⁶ и Чикаго, где по переписи 1910 г. их насчитывалось порядка 29 тыс. В этих двух городах, в отличие от более однородной в социальном отношении венгерской общины Кливленда, не говоря уже о рабочих посёлках и маленьких городках Америки, социальный состав выходцев из Венгрии был более дифференцированным. По сравнению с другими местами проживания венгерских иммигрантов, здесь было представлено значительно больше торговцев, мелких предпринимателей, квалифицированных рабочих, представителей интеллигенции. Характеризуя нью-йоркцев венгерского происхождения, Геза Хоффманн, в частности, отмечал: «Исключительно венгерский квартал или улица – как в некоторых других городах или у других народов – в Нью-Йорке не встретить... Здесь много венгерских евреев, относительно мало заводских рабочих и меньше всего простых подёнщиков, которые из земледельцев вынужденно превратились на несколько лет в современных заводских рабочих и которые, труднее приспособляясь к новой среде, больше всех остальных стремятся сохранить венгерский характер. По сравнению с другими городами, в Нью-Йорке больше мелких производителей и занятых у них работников,

домашней прислуги, парикмахеров, официантов. Венгерский буржуазный элемент представлен наиболее сильно в Нью-Йорке»²⁰⁷.

Выходцы из Венгрии в условиях массовой эмиграции довольно быстро занялись самоорганизацией. Потребность в общественных организациях, особенно в кассах взаимопомощи, разного рода религиозных, культурных и образовательных обществах ощущалась и осознавалась практически сразу по приезду на новое место. Выходцы из одной местности Венгрии старались и за границей держаться вместе, образуя на первом этапе компактные этнические группы, а часто и закрытые сообщества, что было связано с незнанием языка, не всегда дружелюбным отношением американцев к чужакам. Как только возникало относительно многочисленное поселение иммигрантов, они объединялись в церковный приход, на заработанные деньги покупали земельный участок, строили храм и содержали священника на собственные средства.

Первыми возникли католические и лютеранские церковные общины словаков, которые на начальном этапе при отсутствии словацкого священника обходились чешским или польским. Наиболее многочисленные словацкие католические общины оформились в Скрентоне, Нью-Хевене, Сент-Луисе, Янгстауне, Кливленде. По сравнению с католиками, словаки-лютеране испытывали большую нехватку пасторских кадров, поэтому организовали их подготовку в спрингфилдской евангелической семинарии. На рубеже 1900–1910-х годов в США насчитывалось уже порядка 130 католических и 15 евангелических общин словаков²⁰⁸.

Число церковных общин мадьяр – при приблизительно одинаковой численности венгров и словаков в американской эмиграции – было значительно скромнее, что объяснялось их более поздним включением в эмиграционный поток. В начале XX века на территории США действовало 11 римско-католических и более 20 протестантских (в основном реформатских) общин венгров при том, что число венгров католического вероисповедания в несколько раз превосходило численность представителей реформатской веры²⁰⁹. Реформатам, однако, материальную поддержку оказывала германская реформатская миссия, тогда как венгры-католики могли опираться лишь на собственные финансовые источники. Формирование венгерских реформатских общин (первая возникла в 1890 г. в Кливленде) протекало сначала в рамках реформатской церкви выходцев из Германии, затем в середине 90-х годов XIX века большая часть общин (в т. ч. в Янгстауне, Нью-Брунсвике, Перт-Амбое и Шероне) перешла под юрисдикцию более мощной и влиятельной американской пресвитерианской церкви, которая по принципу своей организации и роли светских элементов в церковном управлении более соответствовала устройству венгерской реформатской церкви. Однако в 1904 г. реформатская церковь Венгрии основала свою епархию на территории США, что привело к росту числа общин, правда, в основном за счет дробления существующих. В 1911 г. на терри-

тории США насчитывалось в общей сложности уже 95 церковных общин венгров, при этом только 32 из них были католическими²¹⁰.

Первый католический приход венгров был создан в Кливленде священником Кароём Бёмом. Когда же вопрос о строительстве церкви для прихожан венгров встал на повестку дня в Нью-Йорке, местный епископ поначалу никак не мог взять в толк, зачем нужен отдельный храм для венгров, когда уже есть церковь, построенная словаками. Нью-йоркские венгры-католики вначале посещали храм, построенный словаками, но спустя какое-то время их вытеснили оттуда, и они были вынуждены совершать богослужения в подвале польского костёла. Не имея достаточных средств для строительства собственного храма, в 1904 г. община обращалась к венгерскому правительству с просьбой предоставить беспроцентный кредит на покупку участка под церковь²¹¹. Высший клир американской католической церкви явно не был подготовлен к приёму новой паствы из Центральной Европы, о чем свидетельствовал и следующий курьезный случай. В 1884 г. подкарпатские русины, создав свою первую греко-католическую церковную общину (организационно униатская церковь входила в структуру католической церкви и признавала главенство папы римского), пригласили униатского священника. Архиепископ филадельфийский, узнав, что тот прибыл в Америку вместе с супругой, пришёл в ужас, сочтя наличие жены вопиющим нарушением обета безбрачия, и отлучил пастыря от церкви²¹².

В целом, церковные общины и организации наряду с чисто религиозными функциями играли важную роль в сохранении языка, культуры и национальной идентичности эмигрантов. При церквях нередко функционировали воскресные школы, где дети эмигрантов учились читать и писать на родном языке.

По данным вице-консула Г. Хоффманна, в 1911 г. в США насчитывалось 1339 различных венгерских общественных организаций (религиозных, культурно-просветительских обществ, касс взаимопомощи и пр.). Из них 382 являлись церковными, 957 – светскими²¹³. Первые организации венгров в Америке были основаны ещё политэмигрантами 1849 г., но существовали они недолго. С притоком в Америку относительно больших групп трудовых мигрантов необходимость самоорганизации, защиты собственных интересов подталкивала их к объединению. В 1882 г. в Ньюарке возникло *Первое венгерское общество помощи больным*, в 1884 г. во Фриленде, в 1886 г. в Скрентоне, в 1887 г. в Кливленде венграми также были основаны различные венгерские общества и союзы. Наряду с оказанием материальной помощи и большого страхования эти организации выполняли функции представительства интересов своих членов перед местной властью, при необходимости нанимали адвокатов, вели переговоры во время забастовок. Учитывая, что трудовые мигранты, как правило, не являлись членами профсоюза, роль этих обществ в защите их интересов была весьма значительной.

Большинство эмигрантов из Венгрии, будучи сельскими жителями, на родине не состоявшими в общественных организациях, попав в Америку, быстро становились членами тех или иных обществ, союзов как форм организации общественной жизни. Уже в 1885 г. в Сент-Луисе возникла идея сплочения всех венгерских обществ в единую организацию, а в последующие годы предпринимались локальные попытки их объединения. В 1892 г. в Филадельфии на базе 22 обществ был создан *Венгерский братский союз*, а в 1906 г. в Кливленде уже функционировал *Американский союз венгров*. Эти объединения оказались, однако, недолговечными. Наиболее массовым членством и солидным капиталом располагали 4 объединения: *Американский Венгерский союз помощи*, *Общество помощи им. Верховаи*, *Американское Венгерское реформатское объединение* и *Бриджпортское общество им. Ракоци*. Так, например, *Общество помощи им. Верховаи*, основанное в 1886 г. в Хэзлтоне 13 горнорабочими с мизерным капиталом, к середине 1920-х годов насчитывало уже 15 тыс. членов в 255 филиалах, а его имущество оценивалось в 1636 тыс. долларов²¹⁴.

Словаки в американской эмиграции располагали более развитой по сравнению с венграми сетью общественных организаций. В 1904 г. у них действовало свыше 1800 касс взаимопомощи и страховых кооперативов, а также несколько сот прочих обществ, причём абсолютное большинство из них являлись приверженцами словацкой национальной идеи, что сыграло заметную роль на завершающем этапе Первой мировой войны.

Примечания

¹ Kossuth Lajos összes munkái. XV. k. Bp., 1955. 846. o.

² Magyarország hadtörténete. (Főszerk. Liptai Ervin) I. k. Bp., 1985. 548. o.

³ Jánossy Dénes. Bevezetés // Magyar emigráció Angliában és Amerikában 1851–1852. I. k. Bp., 1940. 54–55. o.

⁴ Egressy Gábor törökországi naplója 1849–1850. Pest, 1850. 64. o.

⁵ Imrefi [Makay Sándor–Vahot Imre]. A magyar menekültek Törökországban. Ismeretlen adatok az 1849-ki emigráció történetéhez. Pest, 1850. 39. o.

⁶ Egressy Gábor törökországi naplója. 23., 27. o.; Pap János – Szalczér Sándor. A magyar emigránsok Törökországban 1849–1861. Pécs, 1893. 16. o.

⁷ Jánossy Dénes. Op. cit. 68. o.; Egressy Gábor törökországi naplója. 39. o.

⁸ A Kossuth-emigráció Törökországban. (Vál. Hajnal István). I. k. Bp., 1927. 468–470. o.

⁹ Egressy Gábor törökországi naplója. 46–47. o.

¹⁰ Horváth Mihály. Magyarország függetlenségi harcának története. I–II. k. Genf, 1867. 593. o.; Pap János – Szalczér Sándor. Op. cit. 24–25. o.

¹¹ László Károly. Katonai életemből. Napló, 1848. szept. 25-e és 1851. szept. 10-e között. (S. a. rend. Pordán Ildikó) Bp., 2001. 59. o.

¹² Авербух Р.А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935. С. 239.

¹³ Veress Sándor. A magyar emigráció Keleten. I. k. Bp., 1878. 34. o.

- ¹⁴ *Blana Szilárd*. Egy magyar emigráns törökországi élményei (A világosi fegyverletétel után) // Pesti Hírlap, 1882. 148., 235. sz.
- ¹⁵ *Tóth Lőrincz*. Gróf Batthyány Kázmér és emlékiratai // Budapesti Szemle. 1893. 198. sz. 347. o.; *László Károly*. Katonai életemből. 63. o.; Egressy Gábor törökországi naplója. 27. o.
- ¹⁶ Egressy Gábor törökországi naplója. 147. o.;
- ¹⁷ *Ibidem*. 147. o.; *Veress Sándor*. Op. cit. I. k. 124. o.
- ¹⁸ *Veress Sándor*. Op. cit. I. k. 133. o.; *Jánossy Dénes*. Op. cit. 227., 338. o.
- ¹⁹ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 5. o.
- ²⁰ *Klapka György*. Emlékeimből. Bp., 1886. 261. o.
- ²¹ *Pap János–Szalczer Sándor*. Op. cit. 278–279. o.
- ²² *Veress Sándor*. Op. cit. II. k. 11–26. o.; *Pap János–Szalczer Sándor*. Op. cit. 349–350. o.
- ²³ *Lászlófalvi Velics Károly*. Jegyzetek az 1849-iki eseményekről // 1848–49. Történelmi Lapok. 1894. 1–2. sz.
- ²⁴ Magyarország hadtörténete. 548. o.
- ²⁵ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 62–63. o.
- ²⁶ Kossuth Lajos levelei Nemeskéri Kiss Miklóshoz (Közli Kun József–Böhm Jakab) // Hadtörténelmi Közlemények, 1957. 3–4. sz. 344–345. o. (*Далее*: Kossuth—Nemeskéri)
- ²⁷ Mészáros Lázár törökországi naplója (1849–1850). (Gond. és a bev. írta Ács Tibor). Bp., 1999. 129. o.
- ²⁸ *Ibidem*. 11. o.
- ²⁹ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 78–79. o.
- ³⁰ *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 4–5. М., 1983. С. 297.
- ³¹ *Perczel Miklós*. Naplóm az emigrációból (Bev. Závodszy Géza). Bp., 1977. 14. o.
- ³² *Tóth Lőrincz*. Op. cit. 350. o.
- ³³ Mészáros Lázár törökországi naplója 17. o.
- ³⁴ *Koltay-Kastner Jenő*. A Kossuth-emigráció Olaszországban. Bp., 1960. 202. o.; Magyarország hadtörténete. 570. o.
- ³⁵ *Veress Sándor*. Op. cit. II. k. 223. o.
- ³⁶ *Kossuth Lajos*. Irataim az emigrációból. (S. a. rend. Helfy Ignác) III. k. Bp., 1882. 578. o. (*Далее*: Kossuth Lajos. Irataim)
- ³⁷ Kossuth—Nemeskéri. 1958. 1–2. sz. 232. o.
- ³⁸ *Kászonyi, Dániel*. Ungarn's vier Zeitalter. Bd. III. Leipzig, 1868. S.4.
- ³⁹ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 198–199. o.
- ⁴⁰ *Anderle Ádám*. Narciso López kubai expedíciója // Századok, 1973. 3. sz. 701. o.
- ⁴¹ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 196–197. o.
- ⁴² *Torbágyi Péter*. Magyar kivándorlás Latin-Amerikába az első világháború előtt. Szeged, 2009. 33–34. o.
- ⁴³ *Halász Imre*. Magyarok az amerikai szabadságharcban // Nyugat. 1914. 12. sz.
- ⁴⁴ *Dancs Lajos*. Töredékek tíz éves emigrationalis élményeimből. Nagy-Szóllós, 1890. 26. o.
- ⁴⁵ *Vardy Béla*. Magyarok az Újvilágban. Az észak-amerikai magyarság rendhagyó története. Bp., 2000. 58–62. o.
- ⁴⁶ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 197–198. o.; о жизни пионеров-поселенцев см. рассказ Ласло Арвай в: *Juhász László*. Magyarok az Újvilágban. München, 1979. 27–41. o.
- ⁴⁷ *Márki Sándor*. Az iowai magyarok // Huszadik Század, 1914. 6. sz. 463. o.
- ⁴⁸ *Ibidem*. 463., 467. o.
- ⁴⁹ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 225. o.
- ⁵⁰ Magyar emigráció Angliában és Amerikában 1851–1852. (Bev. tanulmány Jánossy Dénes). I–II. k. Bp., 1940. 458–460., 934., 1002–1005. o.
- ⁵¹ *Löwy Dániel*. Kossuth falu Amerikában // Amerikai Magyar Népszava Szabadság. 2007. március 4.
- ⁵² *Vajda Emil*. Kossuth Lajos élet- és jellemrajz. Bp., 1892. 68. o.

- ⁵³ László Károly beszámolója Kossuth amerikai útjáról. (S. a. rend. Pordán Ildikó). Pécs, 1996. 66. o.
- ⁵⁴ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 449. o.; Adalékok a kényuralom ellenes mozgalmak történetéhez. 1849–1866. Az Asbóth-család irataiból. Bp., 1888. 61., 67. o.
- ⁵⁵ *Kuné Gyula*. Egy szabadságharcos emlékiratai. Chicago, 1913. 79–80. o.
- ⁵⁶ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 12., 448. o.
- ⁵⁷ *Anderle Ádám*. Op. cit. 698. o.
- ⁵⁸ *Ibidem*. 695. o.
- ⁵⁹ Magyar emigráció Angliában és Amerikában... I. k. 339., 811–813. o.
- ⁶⁰ *Jánossy Dénes*. Op. cit. 196–197. o.
- ⁶¹ László Károly beszámolója... 66. o.
- ⁶² *Torbágyi Péter*. Op. cit. 54–55. o.
- ⁶³ *Ibidem*. 39–40. o.
- ⁶⁴ *Ibidem*. 52. o.
- ⁶⁵ *Ács Tivadar*. Magyarok az észak-amerikai polgárháborúban 1861–1865. Bp., [1964]. 22–23. o.; *Pivány, Eugene*. Hungarians in the American Civil War. Cleveland, 1913. P. 8; *Pivány Jenő*. Magyarok Észak-Amerikában. Bp., 1944. 9. o.
- ⁶⁶ Согласно переписи населения 1870 г., в США проживало ок. 3800 выходцев из Венгрии (См.: *Vardy Béla*. Op. cit. 135. o.).
- ⁶⁷ *Kuné Gyula*. Op. cit. 105–106. o.; *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban. Bp., 1970. 32. o.
- ⁶⁸ Magyarország hadtörténete. 576–577. o.; *Halász Imre*. Magyarok az amerikai szabadságharcban // Nyugat. 1914. 12. sz.
- ⁶⁹ Magyarország hadtörténete. 578. o.
- ⁷⁰ *Vida István Kornél*. „A régóta elnyomottak barátai”. Magyar katonák az észak-amerikai polgárháború néger ezredeiben // *Aetas*, 2008. 2. sz. 69. o.; *Vardy Béla*. Op. cit. 135. o.
- ⁷¹ *Vida István Kornél*. Magyar katonák a Konföderáció hadseregében: István Béla szélhámos pályafutása // *Gyarmatokból Impérium: Magyar kutatók tanulmányai az amerikai történelemről*. Szerk. Frank Tibor. Bp., 2007. 72–87. o.; *Halász Imre*. Op. cit.
- ⁷² *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. Bp., 1880. IX. o.
- ⁷³ *Pulszky Ferencz*. Életem és korom. A forradalom alatt. Bp., 1880. 274. o.
- ⁷⁴ Цит. по: *Waldapfel Eszter*. A független magyar külpolitika 1848–1849. Bp., 1962. 133. o.
- ⁷⁵ *Pulszky Ferencz*. Op. cit. 299. o.
- ⁷⁶ *Ibidem*. 300–302. o.
- ⁷⁷ *Koltay-Kastner Jenő*. Op. cit. 25. o.
- ⁷⁸ Magyarország története. 6. k. Bp., 1979. 409–411. o.
- ⁷⁹ Teleki László válogatott munkái. II. k. Bp., 1961. 19. o.
- ⁸⁰ См.: *Желицки Ч. Б.* Взгляды венгерских политических деятелей на решение национального вопроса в Венгрии в 50–60-е годы XIX в. (Идеи, подходы и проекты) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995. С. 190–193.
- ⁸¹ *Kossuth—Nemeskéri*. 1957, 3–4. sz. 346. o.
- ⁸² См. в частности: *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. 65., 237. o.; *Kossuth Lajos* iratai. IV. k. Bp., 1894. 265., 369. o.; *Kossuth—Nemeskéri* 1957, 3–4. sz. 345. o.
- ⁸³ *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. 118–119. o.
- ⁸⁴ *Koltay-Kastner Jenő*. Op. cit. 85. o.
- ⁸⁵ *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. 223–236. o.
- ⁸⁶ *Ibidem*. 239–240. o.
- ⁸⁷ *Véress Sándor*. Op. cit. II. k. 402. o.; Magyarország hadtörténete. 561. o.
- ⁸⁸ *Koltay-Kastner Jenő*. Op. cit. 178. o.; *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. 504. o.
- ⁸⁹ *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. 508–509. o.
- ⁹⁰ *Ibidem*. I. k. 467., 497. o.; *Koltay-Kastner Jenő*. Op. cit. 180. o.

- ⁹¹ *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. 475. o.
- ⁹² *Ibidem*. III. k. 582. o.
- ⁹³ Magyarország hadtörténete. 565. o.
- ⁹⁴ *Somogyi Éva*. Abszolutizmus és kiegyezés 1849–1867. Bp., 1981. 143. o.
- ⁹⁵ Magyarország története. 6. k. 679–681. o.
- ⁹⁶ 19. századi magyar történelem 1790–1918. (Szerk. Gergely András) Bp., 1998. 332. o.
- ⁹⁷ *Kossuth Lajos*. Irataim. III. k. 596–601. o.
- ⁹⁸ См.: *Farkas Katalin*. A Magyar Nemzeti Igazgatóság magyarországi kapcsolatai (1859–1861) // Századok, 2006. 3 sz. 660–670. o.
- ⁹⁹ *Ibidem*. 666–668. o.; Magyarország története. 6. k. 705–719. o.
- ¹⁰⁰ Podmaniczky Frigyes. Naplótöredékek 1844–1887. III. k. Bp., 1888. 143–144. o.
- ¹⁰¹ См.: *Borsi-Kálmán Béla*. Nemzetfogalom és nemzetstratégiák. A Kossuth-emigráció és a román nemzeti törekvések kapcsolatának történetéhez. Bp., 1993. 129–131. o.; *Lukács Lajos*. A magyar garibaldisták útja. Bp., 1971. 150. o.; *Kossuth Lajos*. Irataim. I. k. 723–728. o.
- ¹⁰² *Veress Sándor*. Op. cit. I. k. 65. o., II. k. 419. o.
- ¹⁰³ *Kossuth Lajos* válogatott munkái. (Összeáll. Kossuth Ferencz) Bp., [é.n.] 107–112. o.
- ¹⁰⁴ *Kossuth Lajos*. Irataim. III. k. 315. o.
- ¹⁰⁵ *Pulszky Ferencz*. Életem és korom. Számkivetés alatt Olaszországban.. Bp., [é.n.] 28. o.
- ¹⁰⁶ Legfelsőbb elhatározás 1867. június 9-től, a politikai vádak vagy sajtóvétségek folytán hozott ítéletek s elrendelt vizsgálatok megszüntetése; az elkobzott javak visszaadása; a külföldön tartózkodók büntetlen hazatérése tárgyában // Magyarországi Törvények és Rendeletek Tára, 1867. Pest, 1868. 161. o.
- ¹⁰⁷ *Veress Sándor*. Op. cit. II. k., 236. o.
- ¹⁰⁸ Magyarország története. 6. k. 1132. o.; *Thirring Gusztáv*. A magyarországi kivándorlás és a külföldi magyarság. Bp., 1904. 49., 52. o.
- ¹⁰⁹ *Lendvai Miklós*. A temesmegyei kivándorlás // Magyar Társadalomtudományi Szemle (*далее сокр.название журнала*: MTSZ), Bp., 1909. 6. sz. 572. o.; *Пейковска П.* Миграция из Австро-Венгрии в Болгарию в конце XIX – начале XX в. По данным переписей населения Болгарии // *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Сер. Балканика. Вып. 2. Екатеринбург, 2010. С. 53, 62, 70.
- ¹¹⁰ *Szentiványi Ferencz*. Torontál vármegye vándorlási mozgalmáról // MTSZ. Bp., 1911. 4–5. sz. 313–314. o.; *Thirring Gusztáv*. Op. cit. (1904). 54., 61. o.
- ¹¹¹ Цит. по: *Kozma Ferencz*. A Székelyföld közgazdasági és közmívelődési állapota. Bp., 1879. 126–127. o.
- ¹¹² *Hegedüs Lóránt*. A székelyek kivándorlása Romániába. Bp., 1902. 10. o.
- ¹¹³ *Egressy Gábor* törökországi naplója. 161–162. o.
- ¹¹⁴ *Hegedüs Lóránt*. Op. cit. 65. o.
- ¹¹⁵ Erdély története. III. k. Bp., 1986. 1567–1568. o.
- ¹¹⁶ Magyarország története. 7. k. Bp., 1978. 1003. o.
- ¹¹⁷ *Thirring Gusztáv*. A magyarországi kivándorlás // *Földrajzi Közlemények*. Bp., 1902. 421. o.
- ¹¹⁸ Сборник консульских донесений. Годъ второй. Спб., 1899. С. 298–299.
- ¹¹⁹ Magyarország története. 6. k. 1133. o.
- ¹²⁰ *Puskás Julianna*. Kivándorló magyarok az Egyesült Államokban 1880–1940. Bp., 1982. 25., 66–67. o.
- ¹²¹ *Szántó Miklós*. Op. cit. 84–85. o.
- ¹²² A Magyar Szent Korona országainak kivándorlása és visszavándorlása 1899–1913 // *Magyar Statisztikai Közlemények*, Új sorozat. 67. k. Bp., 1918. (*далее*: MSK), 42. t., 50–51. o.
- ¹²³ В частности, глава области Абауй-Торна 1 июня 1904 г. обращал внимание правительства на то, что «очень многие уезжают без паспортов» и при этом «сам факт бегства скрывается от властей». См.: *Tezla, Albert*. A magyarországi kivándorlás okai – 1914 előtt // *Valóság*. Bp., 1984. XXVII. évf. I. sz. 91. o.

- ¹²⁴ MSK. 67. k. 36. t., 47. o.; 46. t., 56. o.
- ¹²⁵ *Puskás Julianna*. Op. cit. 62. o.
- ¹²⁶ *Thirring Gusztáv*. Op. cit. (1904). 68. o.
- ¹²⁷ *Puskás Julianna*. Op. cit. 63. o.; *Várdy Béla*. Op. cit. 200. o.
- ¹²⁸ *Rác István*. A kivándorlás és a magyar uralkodó osztály (1849–1914) // Kossuth Lajos Tudományegyetem Történelmi Intézetének Évkönyve. 1962. I. kötet. Debrecen, 1962, 86. o.; Magyarország története 1849–1918. Az abszolutizmus és dualizmus kora. Bp., 1972, 360. o.
- ¹²⁹ *Puskás Julianna*. Op. cit. 83. o.
- ¹³⁰ *Rác István*. Op. cit. 86. o.; *Szentiványi Ferencz*. Op. cit. 361–362. o.
- ¹³¹ *Puskás Julianna*. Op. cit. 83. o.
- ¹³² *Széchenyi Imre*. Amerikai levelek. Bp., 1883. 32. o.; Lendvai Miklós. Op. cit. 576. o.
- ¹³³ Magyarország története. 7. k. 412. o.; Magyarok a Kárpát-medencében. Bp., 1988. 198. o.
- ¹³⁴ СМ.: *Dávid Zoltán*. A magyar nemzetiségi statisztika múltja és jelene // Valóság, Bp., 1980. 8. sz. 90. o.
- ¹³⁵ Magyarország története. 7. k. 413. o.
- ¹³⁶ MSK. 46. t., 56. o.
- ¹³⁷ *Lendvai Miklós*. Op. cit. 577. o.
- ¹³⁸ *Fejős Zoltán*. A chicagói magyarok két nemzedéke 1890–1940. Bp., 1993. 69. o.
- ¹³⁹ *Puskás Julianna*. Op. cit. 86. o.
- ¹⁴⁰ СМ.: *Sigmond Andor*. Magyarország nemzetiségei és közművelődése // MTSZ. Bp., 1909. 9. sz. 818. o.
- ¹⁴¹ Vita a kivándorlás és visszavándorlás fölött // MTSZ. Bp., 1908. 3. sz.. (*далее*: MTE-vita) 279. o.; Lendvai Miklós. Op. cit. 576. o.
- ¹⁴² MTE-vita. 278. o.
- ¹⁴³ MSK. 19. t., 35. o. Cp.: *Hoffmann Gézané, Lukács Paula*. Az amerikai bevándorlás 1910–11-ben // Huszadik Század, Bp., 1912. 6. sz. 750. o.
- ¹⁴⁴ MTE-vita. 278. o.
- ¹⁴⁵ Ibidem. 273. o.; о рабочих см. также: *Gerster Béla*. A kivándorlásról // Földrajzi Közlemények. Bp., 1901. 153. o.
- ¹⁴⁶ *Szentiványi Ferencz*. Op. cit. 370. o.
- ¹⁴⁷ A kivándorlás. A Magyar Gyáriparosok Országos Szövetsége által tartott országos ankét tárgyalásai. Bp., 1907. (*далее*: MGYOSZ-ankét) 49. o.
- ¹⁴⁸ *Thirring Gusztáv*. Op. cit. (1904). 178. o.
- ¹⁴⁹ *Puskás Julianna*. Op. cit. 69. o.
- ¹⁵⁰ *Szentiványi Ferencz*. Op. cit. 379–340. o.
- ¹⁵¹ *Borbándi Gyula*. A magyar népi mozgalom. Bp., 1989. 15. o.
- ¹⁵² *Lendvai Miklós*. Op. cit. 577–580. o.
- ¹⁵³ *Csesznokné Kukucska Katalin*. Az Amerikába vándorlás, különös tekintettel Heves vármegyére 1882–1910 között // "Emberek és eszmék..." Tanulmánykötet Vadász Sándor születésnapjára. Eger, 2001. 232. o.
- ¹⁵⁴ A Magyar Társadalomtudományi Egyesület emlékirata az amerikai kivándorlás és visszavándorlás tárgyában // MTSZ. Bp., 1908. 4. sz. (*далее*: MTE-emlékirat) 376. o.
- ¹⁵⁵ MGYOSZ-ankét 101–102. o.
- ¹⁵⁶ Цит. по: *Rác István*. Op. cit. 94. o.
- ¹⁵⁷ MGYOSZ-ankét. 51. o.
- ¹⁵⁸ *Lendvai Miklós*. Op. cit. 572–573. o.
- ¹⁵⁹ MGYOSZ-ankét. 91. o.
- ¹⁶⁰ *Farkas Pál*. Kivándorlás és visszavándorlás. A Magyar Társadalomtudományi Egyesülettől összehívott szaktanácskozmányon 1908. januárius hó 25-én tartott előadás // MTSZ. Bp., 1908. 2. sz. 153. o.
- ¹⁶¹ *Tezla, Albert*. Op. cit. 94. o.
- ¹⁶² *Széchenyi Imre*. Op. cit. 31–32. o.

- ¹⁶³ *Tezla, Albert*. Op. cit. 91. o.
¹⁶⁴ *Ibidem*. 91–95. o.
¹⁶⁵ *Ibidem*. 96–98. o.
¹⁶⁶ *Farkas Pál*. Op. cit. 158–159. o.
¹⁶⁷ *Tezla, Albert*. Op. cit. 104. o.
¹⁶⁸ Heves vármegye alispánjának jelentése a megye 1901. évi állapotáról. Eger, 1902. 43. o.
¹⁶⁹ Цит. по: *Csesznokné Kukucska Katalin*. Op. cit. 221. o.
¹⁷⁰ *Hoffmann Gézané, Lukács Paula*. Op. cit. 751. o.
¹⁷¹ MTE-vita. 126–128. o.
¹⁷² *Buday Barna*. Kivándorlás, munkáskereset és birtokpolitika // MTSZ. Bp., 1911. 8. sz. 612., 616. o.
¹⁷³ A Debreceni Kereskedelmi és Iparkamara évkönyve. 1905. Debrecen, 1906. 98. o.
¹⁷⁴ Az 1910. évi június hó 21-ére hírdetett országgyűlés képviselőházának naplója. VII. k. Bp., 1911. 47. o.
¹⁷⁵ A Debreceni Kereskedelmi és Iparkamara évkönyve. 1906. 22. o.
¹⁷⁶ Az 1878. évi október 17-re hírdetett országgyűlés képviselőházának naplója. XIII. k. Bp., 1880. 226. o.
¹⁷⁷ *Rácz István*. Op. cit. 89–90. o.
¹⁷⁸ MTE-vita. 280. o.
¹⁷⁹ *Csesznokné Kukucska Katalin*. Op. cit. 226–227. o.
¹⁸⁰ MGYOSZ-ankét. 119. o.
¹⁸¹ *Rácz István*. Op. cit. 102. o.
¹⁸² *Mandrik Iván*. Akik szülőföldjükön feleslegesek voltak // Kalendárium, 1979. 32. o.
¹⁸³ *Braun László*. Kivándorlás vidékünkéről a XIX-XX. század fordulóján//Acta Beregsiensiens. A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola tudományos évkönyve. V. évf., 2. k. Beregszász, 2006. 133. o.
¹⁸⁴ MGYOSZ-ankét. 14–16. o.
¹⁸⁵ *Ibidem*. 108. o.
¹⁸⁶ *Ibidem*. 79. o.
¹⁸⁷ *Hey Frigyes*. Kivándorlási ügyünk és sérelmei. Wien, [é.n.] 11–12. o.
¹⁸⁸ *Thirring Gusztáv*. Op. cit. (1904) 53. o.
¹⁸⁹ См., в частности, выступление 27 апреля 1911 г. в палате представителей депутата Гезы Бошняка от Партии независимости и 48 года: Az 1910. évi június hó 21-ére hírdetett országgyűlés képviselőházának naplója. VII. k. Bp., 1911. 50. o.
¹⁹⁰ *Perényi Béla*. A kivándorlás irányítása és hasznosítása. A visszavándorlás kérdése. Bp., 1904. 12–13. o.
¹⁹¹ Так, в печати публиковались письма соотечественников, в которых те рассказывали свои злоключения, в частности, в Бразилии, Панаме, Аргентине. В вышедшем 9 мая 1905 г. номере издания «Кивándorlási Értesítő» («Кивандорлаши Эртешитё»), например, один из венгерских рабочих, отправившихся на строительство Панамского канала, «предостерегал всех белых людей от того, чтобы пытаться здесь счастья, потому что тут их ожидают только страдания и погибель».
¹⁹² *Thirring Gusztáv*. Op. cit. (1904). 88. o.; *Torbágyi Péter*. Op. cit. 97. o.
¹⁹³ *Pivány Jenő*. Az amerikai Egyesült Államok bevándorlási politikája // MTSZ. Bp., 1914. 3. sz. 184–206. o.
¹⁹⁴ *Hegedűs Lóránt*. A magyarok kivándorlása Amerikába. Bp., 1899. 11. o.
¹⁹⁵ *Széchényi Imre*. Op. cit. 3. o.
¹⁹⁶ *Sós Péter János*. Amerikaiak, magyarok //Valóság, 1973. 5. sz. 81. o.
¹⁹⁷ *Puskás Julianna*. Op. cit. 196–197. o.
¹⁹⁸ См.: *Perényi Béla*. Op. cit. 7–9. o.; *Farkas Pál*. Op.cit. 160. o.; *Szentiványi Ferencz*. Op. cit. 317–318., 559–560. o.

¹⁹⁹ MGYOSZ-ankét. 282. o.

²⁰⁰ *Hoffmann Gézáné, Lukács Paula*. Op. cit. 750. o.; *Puskás Julianna*. Op. cit. 188–195. o. (Переписи населения 1890 г. и 1910 г. зарегистрировали в штате Нью-Йорк 15,6 и 96,8 тыс., в Огайо 5,5 и 85,9 тыс., в Нью-Джерси 3,5 и 47,6 тыс., в Иллинойсе 3,1 и 39,9 тыс. выходцев из Венгрии и их потомков.)

²⁰¹ *Puskás Julianna*. Op. cit. 192–193. o.

²⁰² *Perényi Béla*. Op. cit. 16. o.

²⁰³ *Vardy Béla*. Op. cit. 203–204. o.

²⁰⁴ Szabadság, 1901.10., jub. sz. 18. o.

²⁰⁵ *Hoffmann Géza*. Csonka munkásosztály. Az amerikai magyarság. Bp., 1911. 36. o.

²⁰⁶ *Perényi Béla*. Op. cit. 16. o.

²⁰⁷ *Hoffmann Géza*. Op. cit. 36. o.

²⁰⁸ *Pechány Adolf*. A magyarországi tótok. Miskolc, 2000. В электронном варианте см.: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszag_i_kisebbsgek/A_magyarorszag_i_totok/index.htm (22.03.2010)

²⁰⁹ *Perényi Béla*. Op. cit. 21. o.

²¹⁰ *Hoffmann Géza*. Op. cit. 198. o.

²¹¹ *Perényi Béla*. Op. cit. 22–23. o.

²¹² Отметим, что подобные канонического характера недоразумения дали толчок к возвращению части русин-униатов в лоно православия. В 1891 г. в Миннеаполисе греко-католический приход священника Алексия Товта (Тота) перешёл под юрисдикцию Русской православной церкви, а к 1910 г. уже около 29 тыс. американских русин относили себя к РПЦ.

²¹³ *Hoffmann Géza*. Op. cit. 139. o.

²¹⁴ *Szántó Miklós*. Op. cit. 69. o.

Раздел II

ВЕНГЕРСКИЕ ЭМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ XX ВЕКА. ЭМИГРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Глава 1

Общая характеристика венгерских эмиграционных волн и потоков XX века. Эмиграция трудовая и политическая

1. Возобновление экономической эмиграции за океан после Первой мировой войны

Первая мировая война затормозила, а для некоторых стран Центральной и Восточной Европы (включая Венгрию и Россию) на время практически прервала довоенный мощный процесс исходившей миграции рабочей силы с основным её направлением на Запад. Впрочем, не только мировая война и её последствия – революционные потрясения, распад империй, существенная перекройка политической карты Европы и появление на ней новых национальных государств, – но и целый комплекс других сложных экономических, социальных и политических факторов привели к некоторому сокращению трудовой миграции из стран Европы за океан. После мировой войны, наряду с появлением политической эмиграции, в 1920–1930-х годах имел место последний всплеск *трудовой (экономической) эмиграции* из этих европейских регионов на Запад при сохранении её прежнего направления и меньшей интенсивности потоков, особенно в США.

Трудовая миграция, начиная с 70–80-х годов XIX века, по своей привлекательности стала явлением массовым, уносившим из страны немалую часть населения самого трудоспособного возраста, и только с 1907 г. пошла на спад. Возобновление эмиграции, которая была прервана войной, наткнулось на серьёзные препятствия юридического и политического характера, особенно в направлении США. Стремление к возобновлению эмиграционных процессов из Венгрии было вызвано прежними причинами, но его нарастанию на сей раз мешали внешние обстоятельства, точнее позиция правящих кругов этой страны, их решимость ограничить приём мигрантов как из Венгрии, так и из стран восточного и центрально-европейского региона в целом. Серьёзных внутрен-

них социально-экономических причин для резкого спада трудовой эмиграции, по сути, не было. Земельная проблема так и не нашла своего кардинального решения, не произошёл и скачкообразный рост трудовой занятости в промышленности и городах, которые могли бы в массовом порядке принять свободную рабочую силу или хотя бы мотивировать резкое сокращение числа людей, желавших эмигрировать за океан. Неизбежное сокращение трудовой миграции в США после войны было связано, прежде всего, с политикой самих Соединённых Штатов в отношении стран указанных регионов. В этом же направлении действовал разразившийся мировой экономический кризис, который вызвал там же т. н. *Великую депрессию* с её возросшей безработицей и переориентировал направление эмиграционных потоков на другие страны мира, в том числе на страны Южной Америки и Советский Союз. Отмеченные факторы приводили к искусственному торможению иммиграции и строгой регламентации приёма эмигрантов. Так или иначе, основным тормозом для возобновления массовой эмиграции из Венгрии стали те страны, куда ранее в массовом масштабе направлялись эмиграционные потоки (Западная Европа, США).

Если до войны, в условиях экстенсивного экономического роста, основная масса венгерских трудовых мигрантов направлялась в США, то с начала 1920-х годов, а затем в условиях наметившегося спада конъюнктуры власти этой страны резко сократили приём иностранной рабочей силы. Кризис, сокращение темпов экономического роста, дестабилизация привычного уклада жизни не только в Северной Америке, но и в Западной Европе, а также прочие обстоятельства мирового хозяйственного и политического развития так или иначе приводили к *ограничениям свободного передвижения рабочей силы* в международном масштабе, тормозили рост потребности в иностранной рабочей силе.

Ограничение приёма эмигрантов Соединёнными Штатами началось несколько раньше Великой депрессии. Кризису предшествовал ещё один важный, во многом даже определяющий фактор, который вызвал резкий спад притока иммигрантов в США, причём именно из стран Восточной и Центральной Европы. После мировой войны и проявившихся в этих регионах революций и коммунистических экспериментов в политических кругах Америки возросла настороженность, появились опасения и желание оградить страну от возможного проникновения революционных идей, что и привело к резкому ограничению приёма рабочей силы из проблемных зон Европы. Правительство США разработало и приняло законы, которые строго регламентировали допустимую численность мигрантов из европейских стран. С изменением иммиграционной политики венгры, как и представители славянских народов Европы, с конца мировой войны попали в категорию «нежелательных» для въезда в эту страну. Их допуск был резко сокращен и строго лимитирован.

Соответствующие предписания, ограничившие свободный въезд в США, были установлены, как известно, американским законодательством уже в 1921 г.

(„Quota Act”), а затем подтверждена актом 1924 г. („Immigration Restriction Act”) при новом существенном ограничении квот. Новые законодательные акты определили численность набора иммигрантов из Европы. Власти мотивировали ограничения в основном требованиями профсоюзов защитить американских рабочих от притока иммигрантов, готовых трудиться за более низкую зарплату, чем американцы. Однако иммиграционные органы США в то же время лишь переориентировались на приём иммигрантов из стран Юго-Восточной Азии. Принятые законы впоследствии существенно повлияли и на формирование этнической структуры населения США.

Небезынтересно отметить, что в начале XX века около 65% всех эмигрантов, прибывавших в США, являлись выходцами из России, Австро-Венгрии и Италии¹. Эмигранты из Венгрии тогда направлялись туда преимущественно на заработки, либо для реализации в этой быстро развивающейся стране своих планов и намерений. Случалось, что отдельным эмигрантам удавалось осуществить свою «американскую мечту». К их числу принадлежал, в частности, уроженец венгерского городка Мако, инженер Йозеф Галамб (1881–1955). Он в 15 лет потерял отца, но всё же сумел окончить Венгерскую королевскую высшую промышленную школу. Полученное в Будапеште добротное техническое образование позволило ему добиться успеха в профессии. Отслужив в вооружённых силах, Галамб некоторое время работал на автозаводе в германском Франкфурте. В 1903 г. вместе с друзьями он поехал на промышленную выставку в США, где остался работать чертёжником за 7 долларов в неделю, а затем устроился на заводе Г. Форда в Детройте, получая уже 80 долларов. На его профессионально выполненные чертежи там обратил внимание хозяин предприятия и поручил ему как инженеру разработать новую модель автомобиля. Созданный по его проекту автомобиль «Т-Форд» в 1908 г. стала победителем авторалли Нью-Йорк–Сиэтл протяжённостью 6500 км (впоследствии было выпущено 15 млн. автомашин легендарной модели). Эмигрант Галамб, ставший в 1915 г. в свои 34 года главным инженером автозавода, проработал в этой должности до 1944 г. Он сумел завоевать авторитет и всеобщее признание, реализовал свою мечту. Годовая зарплата Галамба на посту главного инженера завода составляла 75 тыс. долларов, что равнялось оплате труда президента США! Недаром экс-президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт, побывавший впоследствии на родине этого инженера из Детройта, выражая свою благодарность Венгрии как родине видного уроженца страны, весьма высоко оценил вклад Галамба в развитие мирового машиностроения. Он отметил, что «за прошлое этого человека весь цивилизованный мир в долгу перед Венгрией»². Подобных случаев реализации эмигрантами своей «американской мечты» не так много, но они, несомненно, становились притягательной силой, которая оказывала стимулирующее воздействие на других венгров, стремившихся к эмиграции в США. Другой вопрос, что в 20–30-е годы доступ в эту страну был значительно ограничен.

Законом США 1921 г. для венгерских иммигрантов была определена ежегодная максимальная квота в 5747 человек, которая строго контролировалась американской иммиграционной службой. Принятый в 1924 г. новый закон снизил квоту до 473 чел., после чего только в 1927 г. она была повышена до 869 человек³. В 1930 г. президент Соединённых Штатов Г. К. Гувер, однако, сократил квоту на 10% по сравнению с 1924 г. Строгие ограничения на въезд в США сохранились и в 30-е годы. Собственно, по этой основной причине эмиграция из Венгрии в США оставалась на довольно низком уровне.

Таким образом, на сокращение притока венгерских эмигрантов в США после Первой мировой войны в первую очередь повлиял внешний фактор. Довольно резкий спад венгерского эмиграционного потока в эту страну был результатом именно американских ограничений, а не внутреннего социально-экономического развития Венгрии. Сельское население Венгрии по-прежнему остро нуждалось в земле. Правда, в 20-е годы по инициативе министра земледелия Иштвана Надатади-Сабо была начата земельная реформа, но она, как и индустриальное развитие страны, затянулась и оказалась не столь эффективной, чтобы обеспечить землёй всех желающих. Промышленное развитие страны, которое могло бы обеспечить занятость свободной рабочей силы, после войны стало ещё более проблематичным, ведь Венгрия лишилась значительной части своих территорий вместе с её традиционными индустриальными окраинами. К тому же с отделённых от неё земель, где оставалось более трети венгерского этноса, в страну прибывало немало беженцев-соотечественников, которых Венгрия принимала, но трудоустроить не всегда могла.

Структура занятости населения послевоенной Венгрии по ряду причин менялась медленно. Так, если в довоенном 1910 г. в сельском хозяйстве было занято 57,4% населения, то в 1920 г. – 56%, а в 1930 г. – всё ещё 52 %⁴. Об аграрной перенаселённости Венгрии свидетельствовал и такой показатель, как удельный вес сельского населения. В 1930 г. оно составляло 63,7 % и даже в 1941 г. оставалось на уровне 49%⁵. При этом в начале 20-х годов на меньшей части обрабатываемых земель трудились 4 млн. крестьян, из которых лишь 3 млн. имели свои мелкие хозяйства (причём 1,5 млн. хозяйств являлись карликовыми наделами до 5 хольдов), тогда как 1,6 млн. сельскохозяйственных рабочих и челяди вообще не имели ни пяди земли⁶. Все остальные угодья находились в руках земельных магнатов, римско-католической церкви и помещиков. Земельная реформа 20-х годов лишь несколько смягчила, но не решила проблему земельного голода на селе. С учётом такого положения, при низком уровне внутренней миграции и социальной мобильности населения проблему «лишних рук» могла бы решить только эмиграция. Но и она в результате экономического кризиса 1929–1933 гг. тормозилась, усугубляя и без того тяжёлое социальное положение беднейших слоёв населения. По данным официальной статистики, 60% мелких крестьянских хозяйств (т. е. около 600000 крестьян, собственно каждый третий крестьянин) в условиях кризиса

оказались должниками банков и иных кредиторов, что толкало их на эмиграцию. В трудном положении очутились и промышленные рабочие, ведь производство уже в 1929 г. сократилось на 24%, и для рабочих, занятых в сфере тяжелой индустрии, сложилась катастрофическая ситуация⁷, заставлявшая искать работу за границей. Чтобы выжить, рассчитаться с долгами и выплатить кредит, им приходилось отправляться на заработки. Многие традиционно направлялись за океан.

Для лучшего понимания ситуации, сложившейся в условиях мирового экономического кризиса, для понимания мотивов и причин, заставивших представителей беднейших слоёв венгерского крестьянства искать работу на чужбине, обратимся к отдельным конкретным случаям, приводя несколько выдержек из документов тех лет. Реформатский священник Енё Панцел от имени жителей с. Офехерто 8 февраля 1928 г. был вынужден обратиться с письмом к министру земледелия Венгрии, в котором, в частности, писал: «Народ этого села очень беден. Земли у него нет, купить её он не в состоянии, а из крупных земельных наделов тоже не получит. Других же здесь нет. Слава Богу, есть рост народонаселения. В поместье мало возможностей для заработка, даже подёнщиком. В таких условиях, *с учётом того, что в Америку народ поехать не может* (здесь и ниже курсив в цитатах из документов наш – Б. Ж.), было бы жизненно важно дать ему немного земли. *Земельный голод в 1919 г. однажды уже привел к революционным беспорядкам*, и есть опасность, что если недовольство сохранится, то могут быть тяжелые последствия»⁸. Безработный землекоп Иштван Керекеш из посёлка Калоча 17 марта 1930 г. составил письмо министру земледелия, которое подписали 79 его коллег. Они «с нижайшим уважением» просили министра «проявить доброжелательность и сделать для нас возможным *выезд в пострадавшие от наводнения районы Южной Франции*, чтобы там поработать... и на заработанные деньги содержать остающихся дома членов наших семей. Лишения и нищета уже больше невыносимы. На схожие причины указывали в своем обращении к министру 31 марта 1930 г. и 30 безработных мужчин из села Кёмлё, готовые «работать в чужих краях». Они просили включить их «в список для *выезда во Францию*, чтобы там заработать на хлеб для семьи и обеспечить им существование»⁹. Министерство ответило на эти письма через свое информационное агентство, отмечая, что на землеройных работах во Франции заняты французские рабочие, а «трудоустройство венгерских рабочих во Франции будет зависеть от результатов начатых переговоров». «Больше ждать мы не можем, в долгом ожидании потратили все средства, к тому же дома постоянно сталкиваемся со многими злоупотреблениями в отношении рабочих», – писала 20 мая 1930 г. группа безработных из посёлка Бекеш в письме министру земледелия Яношу Майёру. В составленном Имре Мучи от имени 227 землекопов письме указывалось на то, что безработных в посёлке около одной тысячи и они готовы на любые, даже подённые работы. Требуя срочного ответа, они подчёркивали, что если

не найдётся работы, *«то пустите нас куда-нибудь в другие страны! Отправьте нас куда угодно, мы готовы работать, чтобы не умереть с голоду»*¹⁰.

Эти выдержки из писем и обращений безработных отражали реальное состояние экономики и проблемы масс в условиях кризиса. Они лишний раз подтверждают, что в стране по-прежнему сохранились предпосылки и факторы, заставлявшие людей искать выход в эмиграции. При этом, как свидетельствуют обращения безработных к министру, они были готовы отправиться в любом направлении, в любые страны. В условиях мирового экономического кризиса причины эмиграции были внутренние, а факторы, сдерживавшие процесс эмиграции из страны, являлись внешними.

В определённой степени на сокращение эмиграционного потока, несомненно, повлияли последствия Первой мировой войны. Являясь частью Австро-Венгерской монархии, Венгрия участвовала в войне на стороне центральных держав и понесла существенные людские потери. По имеющимся сведениям, монархия в целом потеряла на войне 1 млн. человек убитыми, а число раненых достигло 2 млн. Кроме того, по подсчётам историков, более 2 млн. солдат и офицеров австро-венгерской армии оказались в плену, преимущественно на территории России. Примерно половина пленных, т. е. около 1 млн., являлись уроженцами Венгерского Королевства¹¹. Венгров по национальности среди них было около 500 тысяч, основная часть (2/3) которых состояла из представителей сельской бедноты и середняков. Часть пленных венгерских граждан, вовлечённых в военную, политическую и экономическую деятельность в Советской России, довольно долго пребывала в статусе «бывших военнопленных». Немало было и таких, кто по ряду обстоятельств вообще не возвратился, либо не мог вернуться на родину. По имеющимся данным, до конца октября 1918 г. из упомянутого 1 млн. военнопленных – уроженцев Венгерского Королевства, на родину вернулось около 700 тыс. (среди них 300 тыс. венгров), а примерно 100 тыс. остались в России, где в годы гражданской войны воевали на стороне большевиков¹².

Приведённые данные показывают, что такой косвенный фактор, как мировая война, вместе с её отмеченными последствиями, не мог не подействовать на сокращение в дальнейшем числа потенциальных эмигрантов. На новые потоки трудовой эмиграции повлияли и принятые в США ограничения, которые существенно снизили интенсивность этого процесса. Тем не менее они не мешали возобновлению потоков эмиграции, которые в 20–30-е годы продолжались, хотя и с меньшей интенсивностью. Кроме названных, после войны к ним прибавились и другие причины. Венгрия из исторически сложившегося многонационального государственного образования превратилось в мононациональное, за пределами которого осталась третья часть всего этнического венгерского населения. Многие венгры, оказавшиеся за рубежами страны, не желая оставаться на положении бесправного национального меньшинства, становились переселенцами и эмигрантами, направляясь к своим соотече-

стенникам или за океан. Другой вопрос, что эмигрировавшие из этих мест венгры, – ввиду особенностей статистического учёта иммигрантов не по национальному признаку, а по принадлежности места их рождения к новому государству, – часто автоматически причислялись уже к представителям соответствующих титульных наций. Так, например, американская иммиграционная статистика уже считала их румынами, сербами, хорватами, чехами и словаками и пр. Как ни парадоксально, но иммиграционная статистика США и Канады венгров, родившихся в трансильванской части довоенной Венгрии и эмигрировавших до Первой мировой войны, учитывала как венгров, но если они прибывали туда в 20–30-е годы XX века, то уже как румын. Данное обстоятельство, как и последующие территориальные изменения в регионе, безусловно, создают определенные сложности при попытке определить реальное число венгров, оказавшихся в американской эмиграции. Касаясь этой особенности заокеанской регистрации иммигрантов, определяя национальную принадлежность осевших в американской эмиграции венгров, мы намечались лишь обратить внимание на существующие в данном вопросе сложности и проблемы, вызванные территориальными изменениями и расхождениями в методике составления и статистического учёта мигрантов.

Анализируя послевоенную эмиграцию из Венгрии, необходимо считаться с этими трудностями, а также с коррекцией направления эмиграционных потоков за океан. Венгерские эмигранты, не имея возможности попасть в США, часто направлялись в Канаду и страны Южной Америки. При анализе конкретной динамики послевоенной трудовой эмиграции венгров за океан отмеченные особенности статистического учёта создают определённые трудности, которые не всегда преодолимы для исследователя и поэтому не исключают определённых погрешностей. В прошлом для их устранения специалисты использовали разные методики и подсчёты, однако в эмиграционной статистике их усилия приводили только к приблизительным (схожим с оценочными) результатам. Вместе с тем даже такого рода подсчёты охватывают не всех эмигрантов, часто касаются лишь отдельных групп, этапов или аспектов определения национально-этнического состава эмиграции. Пользуясь этими материалами, можно определить, например, что из общего числа 70 тыс. венгров, эмигрировавших в 1922–1927 гг. за океан, лишь 40 тыс. являлись выходцами с нынешней территории Венгрии. Остальные 30 тыс. этнических венгров эмигрировали уже с территорий сопредельных государств¹³.

По статистическим данным США, в 1920–1928 гг. в портовые города этой страны прибыло в общей сложности 28 454 венгерских иммигрантов, выходцев с территории Венгрии в её новых послевоенных границах. Конкретная динамика их потока по годам была следующей: 1920 г. – 84 чел., 1921 г. – 7702, 1922 г. – 5756, 1923 г. – 5914, 1924 г. – 5806, 1925 г. – 616, 1926 г. – 906, 1927 г. – 813, 1928 г. – 857 чел. По американской статистике все они, естественно, считались венграми. Тем не менее, подробное выявление национальной принад-

лежности прибывших в США в 1920–1924 гг. позволило определить, что из учтённых иммиграционной службой за эти годы 25 262 чел. этническими венграми были всего лишь 18 028 человек. Разницу составляли представители других национальностей. Конкретный анализ при этом выявил также, что за те же годы в США из сопредельных с Венгрией государств (Румынии, Чехословакии, Югославии) эмигрировало ещё 10 122 венгра, хотя их официально уже регистрировали как румын, чехов и сербов. Исследованиями специалистов было выявлено, что при другой методике регистрации (учёт родного языка иммигранта) за те же 1920–1928 гг. в США прибыло не 28 454, а гораздо больше венгров¹⁴. Разницу в данном случае, естественно, составляли именно этнические венгры из сопредельных с Венгрией стран. Отмеченные факторы и несоответствия статистики позволяют согласиться с утверждениями тех исследователей проблем венгерской эмиграции 20-х годов, которые считают, что среди иммигрантов венгров по национальности было гораздо больше, чем показала официальная статистика в США.

При анализе эмиграции 20–30-х годов, кроме всего прочего, следует учитывать также, что ограничения на въезд в Соединённые Штаты (система квот) заставляли многих эмигрантов искать и находить обходные пути для проникновения в эту страну через Канаду, Кубу, Мексику. Правда, в подобных случаях они уже не всегда попадали в портовую статистику США. Небезразлично отметить также, что большинство (4/5) венгерских эмигрантов 20–30-х годов прибыли в эту страну ещё до вступления в силу закона 1924 г. Великая депрессия привела к сокращению притока европейских эмигрантов в США. В 30-е годы имел место не просто существенный спад эмиграции в эту страну (в 1935 г. из Венгрии туда эмигрировали всего 130 чел.), но и возвращение на родину части находившихся там эмигрантов, несколько даже превышавшее въезд туда новых. Сложность и противоречивость ситуации состояла в том, что в Венгрии по-прежнему существовал избыток рабочей силы (безработица только среди промышленных рабочих выросла с 10% в 1928 г. до 35% в 1932 г.)¹⁵. В тех условиях одним из основных направлений венгерской эмиграции стали Канада и страны Южной Америки. Правда, масштаб экономической миграции в целом резко сократился, ежегодная численность отправлявшихся за океан венгров исчислялась уже не в тысячах, а лишь в сотнях.

Второй страной, куда с конца XIX века отправлялись венгерские эмигранты, стала Канада, поощрявшая заселение своих территорий, преимущественно крестьянским населением из Европы. В результате только за 1897–1912 гг. численность её населения выросла на 2 млн. 250 тыс., а до 1921 г. – ещё на 1 млн. 750 тыс. человек. И хотя Канада позднее по американскому образцу ввела ограничения на въезд, приток иммигрантов продолжался вплоть до 1929 года¹⁶. В Канаде, таким образом, к 1920-м годам уже имелись переселенцы – этнические венгры, главным образом из восточных и северо-восточных районов Венгрии (комитатов Саболч, Сагмар, Хевеш и др.). В начале века из США пе-

ребралась в Канаду часть венгерских сельскохозяйственных рабочих, занятых до этого в шахтах Пенсильвании и на металлургических предприятиях в районе американского Питсбурга (т. н. ступенчатая эмиграция). Другие эмигранты размещались в создаваемых при поддержке канадского правительства фермерских хозяйствах.

Более масштабная эмиграция в Канаду из Венгрии наступила, однако, в начале 20-х годов XX века, когда США уже ввели строгие ограничения на приток рабочей силы из Европы. Канада, а также страны Южной Америки (особенно Аргентина и Бразилия) некоторое время ещё нуждались в ней для развития аграрной сферы, строительства шоссе и железных дорог. В Венгрии вербовали рабочую силу и перевозили в Канаду, размещали в западных сельскохозяйственных регионах – в шахтах, на фермах, лесозаготовках и строительстве. К началу 1920-х годов общая численность эмигрантов, считавших своим родным языком венгерский, в Канаде составляла 50 тыс. человек, которые уже адаптировались к местным условиям. Согласно венгерским источникам, из Венгрии в Канаду с 1924 по 1930 г. эмигрировало 25 470 чел., тогда как канадские иммиграционные власти зафиксировали за это же время приезд 29 370 венгров¹⁷. В условиях мирового экономического кризиса, роста безработицы положение эмигрантов было нелегким, и они потянулись в восточные, более развитые в промышленном отношении регионы страны, чтобы можно было сочетать работу в сельском хозяйстве с зимней занятостью на промышленных предприятиях и строительстве. Наряду с сельскохозяйственными центрами венгерской эмиграции в штате Онтарио (на юге штата располагались наиболее значительные табачные плантации), стали возникать подобные и в других регионах Канады. Венгерские эмигранты селились также в уже относительно плотно населённых промышленных районах Гамильтона, Виндзора, Торонто и Веллингтона.

Трудовых мигрантов из Венгрии в 20–30-е годы XX века принимали также страны Центральной и Южной Америки, где по имеющимся данным уже в начале 20-х годов проживало около 65 тыс. венгров. Это были, в частности, Аргентина (15 тыс.), Бразилия (40 тыс.), Куба (5 тыс.), Мексика (400 чел.)¹⁸ и другие. Характерно, что венгерские эмигранты, прибывшие в Бразилию в начале XX века и позднее – в 1920-е годы (тогда многие из них уже с чехословацкими, румынскими и югославскими паспортами), основали свои поселения с венгерскими названиями. В частности, под Сан-Паулу возник посёлок Сентиштанкирайфалва, в джунглях была основана Арпадфалва, а венгерские этнические группы секеев и чанго (из Трансильвании) основали поселение Болдогассоньфалва и т. п., но немало венгров поселилось и в Сан-Паулу¹⁹.

В качестве любопытного случая здесь уместно отметить, что среди венгерских эмигрантов в Аргентине оказался и Ласло Биро, изобретением которого, а именно шариковой ручкой (BIC – Biro saumon) и сегодня пользуется весь мир. Его ручка впервые была зарегистрирована 25 апреля 1938 г. в Венгрии,

затем её улучшенная модель повторно уже во Франции в 1939 г., непосредственно перед эмиграцией изобретателя из Парижа в Аргентину. Окончательный же, усовершенствованный вариант современной шариковой ручки Биро был запатентован в Южной Америке в 1943 г., где он и получил на неё авторский патент. Характерно, что день рождения Л. Биро, 29 сентября, в Аргентине отмечается как день изобретателя²⁰.

Хотя американский континент и стал основным направлением венгерской трудовой эмиграции в 20–30-е годы XX века, граждане Венгрии по-прежнему трудились и в ряде стран Европы, правда, их было гораздо меньше, чем в США или Канаде. Так, по данным официальной статистики, трудовые мигранты из Венгрии по состоянию на 1920–1921 гг. присутствовали также в Англии (10 тыс. чел.), Греции (около 500 чел.), Дании (150 чел.), Италии (2 тыс. 118 чел.), Испании (96 чел.), Люксембурге (76 чел.), Норвегии (57 чел.), Франции (630 чел., а в 1926 г. уже 10 833 чел.), Швеции (90 чел.). Кроме того, они встречались также в Болгарии (1000 чел.) и Польше (200 чел.)²¹.

В годы мирового экономического кризиса жизнь эмигрантов в Западной Европе усложнилась, затронув и трудовых мигрантов из Венгрии. Многие из них отправлялись дальше в повторную эмиграцию в поисках работы за океан, а также в Турцию и Советский Союз. Кризисные явления рубежа 20–30-х годов вызвали, таким образом, хотя и не очень продолжительный, но всё же заметный новый всплеск экономической эмиграции. В результате именно тогда часть венгерских безработных (включая квалифицированных рабочих, специалистов разного профиля) нашла работу в не затронутом кризисом СССР. При этом они прибывали не только из самой Венгрии, но и из других стран, включая западноевропейские. Характерно, что специалисты разного профиля с многолетним опытом работы, особенно имевшие левую политическую ориентацию, ехали даже из США и Франции. В те годы их направляли на возведение объектов советской индустрии. Правда, в кризисный период венгерские горняки ценились и пользовались спросом также в Англии, Бельгии и Франции.

Таким образом, хотя после Первой мировой войны и возобновились исходившие из Венгрии эмиграционные потоки, но темпы и масштаб трудовой эмиграции всё же заметно сократились. При этом рабочая сила, как отмечалось, по-прежнему направлялась преимущественно на американский континент, но США, хотя и оставались желанной целевой страной для эмигрантов, по указанным причинам перестали принимать их в массовом масштабе, резко сократив приём трудовых мигрантов, которые поэтому на новом этапе ехали в другие страны Америки.

Характеристику возобновления заокеанской трудовой эмиграции, обозначение её основных проблем и направлений в 20–30-х годах XX века следует завершить кратким упоминанием о том, что в экономических и политических кругах Венгрии тогда обсуждался вопрос о возможности возвращения на родину хотя бы части тех трудовых мигрантов, которые не смогли этого сделать

из-за войны. Идея казалась особенно актуальной и частично осуществимой. После войны не только «застрявшие» в Америке эмигранты считали возможным вернуться домой, но сама власть в Венгрии находила важным подготовить «политическую и социальную программу» для её реализации. Созданный с этой целью Венгерский эмиграционный совет рассчитывал на то, что в результате только из США вернутся на родину порядка 35–40 тыс. венгров. В специально подготовленном анализе, однако, не без основания отмечалось: «Если мы можем дать им работу, землю... они останутся, в противном случае будут горько разочарованы и даже ценою материальных затрат снова эмигрируют, что будет означать окончательную потерю этих людей для нас»²². Проблема вышла и на страницы печати. В 1921 г. в газете «*Külföldi Magyarok*» («*Кюльфёлди мадяршаг*» – «*Зарубежные венгры*») один из побывавших тогда в США венгерских историков выразил мнение, что из *почти одного миллиона венгерских трудовых эмигрантов* Америки на родину можно вернуть не 100 тыс. человек. При этом отмечалось, что «изначально никто из них и не думал окончательно остаться там, ведь они всегда преследовали цель: собрать средства и вернуться домой». По его мнению, именно этим объясняется бережливость и экономный образ жизни эмигрантов. Для их возвращения на родину он считал важным создать в Венгрии соответствующие условия (провести земельную реформу, расширить политические свободы и права на приобретение собственности), считая это необходимой предпосылкой успешной репатриации в будущем. В 1922–1923 гг. началось возвращение на родину эмигрантов из штатов Пенсильвания, Огайо и Нью-Йорк. Процесс охватил в общей сложности 7–8 тыс. человек, которые в своём большинстве хотели пробрести на родине земельную собственность, остальные преследовали цель благоустроиться и жить в крупных венгерских городах. Необходимо, однако, отметить, что инициаторы массовой репатриации так и не смогли успешно реализовать свою программу. В августе 1922 г. уполномоченный венгерского правительства по эмиграционным делам Йозеф Сас с полной ответственностью констатировал, что «наши эмигранты медленно, но возвращаются, однако часть из них спустя каких-то пару недель снова отбывает в Соединённые Штаты»²³.

В августе 1929 г. на первом Всемирном конгрессе венгров в Будапеште прозвучал доклад руководителя венгерского Института социологии Шандора Кристича. По его данным, к тому времени венгерская эмиграция и диаспора в мире насчитывала в общей сложности уже 1 млн. 341 тыс. 918 человек. Из них в США проживало 1 млн. 110 тыс., в Канаде – 90 000, в Бразилии – 60 000, Аргентине – 40 000, Уругвае – 10 000, на Кубе – 8 000 венгров.²⁴ При этом среди тех, кто на длительное время был вынужден обосноваться на чужбине, были не только представители трудовой эмиграции (они в своё время эмигрировали, чтобы выжить, и по ряду причин не смогли вернуться на родину), но и те, кто покинул пределы Венгрии по политическим мотивам.

2. Влияние исторических факторов на изменение характера эмиграции. Политэмиграция и политэмигранты

На эмиграционные потоки, исходившие из Венгрии на завершающем этапе Первой мировой войны, определяющее влияние оказали факторы и обстоятельства международной политики, так или иначе связанные с глобальными событиями, изменившими не только внутривнутриполитическую ситуацию, но и характер самих эмиграционных процессов. На новом историческом этапе уже не столько внутренние социально-экономические причины, сколько военные и политические события, вызвавшие катастрофические для Венгрии территориальный передел, политические революции и кардинальные смены правящих режимов, стали решающими и определяющими факторами для формирования последовавших друг за другом эмиграционных потоков, которые сами приобрели политический характер. Именно комплексом названных причин и факторов стимулировалось периодическое «выталкивание» из Венгрии представителей и групп того или иного политического класса. Война и её последствия с неизбежными кризисами, политическими и социальными потрясениями способствовали их *вынужденной эмиграции* из страны, превращая их в *политических эмигрантов*.

Довоенную волну трудовой эмиграции из Венгрии, прерванную мировой войной, к концу последней сменила *волна революционная*, которая привела к смене не только политических режимов, но и форм государственно-политического устройства и даже общественно-политической системы. Эти факторы, формировавшие в новых условиях разные потоки эмиграции, здесь целесообразно хотя бы кратко обозначить в интересах лучшего понимания последующих эмиграционных процессов, носивших уже не экономический, а ярко выраженный политический характер. Венгрия, будучи составной частью Австро-Венгерской монархии, участвовала в Первой мировой войне, а затем пережила развал этого крупного двуединого центральноевропейского государства. К концу войны в Венгрии произошли две революции, приведшие к образованию республик разного характера, а затем восторжествовала контрреволюция, утвердившая политический режим консервативного склада. Уже в октябре 1918 г. прогремела буржуазно-демократическая («революция астры»), а весной 1919 г. – пролетарская революция. В результате были провозглашены и некоторое время существовали такие государственные образования, как Венгерская (народная) республика и Венгерская Советская республика. Революционные события довольно резко и скоротечно меняли форму и характер государственно-политического устройства Венгрии, вызывая смену политических режимов разного идейно-политического содержания. Вслед за двумя революциями и кардинальной сменой общественно-политического устройства в стране утвердилось и четверть века (1920–1944) существовало государ-

ственное правление во главе с бывшим контр-адмиралом австро-венгерского флота Миклошом Хорти (1868–1957). После поражения двух республик он в качестве регента восстановил в стране форму королевского правления (правда, без короля) и утвердил довоенные порядки в их новом, правоконсервативном издании. После установления в Венгрии политического режима Хорти в эмиграцию отправились политические элиты и правящие круги двух прежних республик, вместе с их основными партийными структурами и сторонниками. Новая власть, по сути, оказалась контрреволюционной и консервативной. Вынужденные эмигрировать из страны политические силы (коммунисты и социал-демократы) в период между мировыми войнами были активными противниками утвердившегося режима и в эмиграции вели против него борьбу. Позиции и действия этих политических сил в эмиграции, их характеристики станут предметом анализа в соответствующих главах настоящего труда.

Эти и последующие, пережитые Венгрией острые кризисные ситуации XX века, политические конфликты и потрясения, сопровождавшиеся военными действиями, крутыми сменами политических режимов, социальной нестабильностью, вызывали неизбежные для таких ситуаций индивидуальные и групповые перемещения не только политиков, но и простых людей, их уход в эмиграцию. К такому шагу их подталкивало изменение государственных границ. Версальская система мирных договоров, закрепившая итоги мировой войны, одновременно заложила множество «мин замедленного действия» под отношения стран и народов Европы. Венгрии же была нанесена неизлечимая травма: она лишилась почти 70% своей прежней территории и 60% населения, но что особенно болезненно отразилось на ней – *каждый третий венгр*, оставаясь на земле своих предков, оказался отделённым от основного национально-этнического массива венгров и стал гражданином другого государства на положении национального меньшинства. Данное обстоятельство впоследствии не раз вызывало естественное стремление представителей правящих кругов Венгрии добиваться мирного возвращения этой более чем третьей части венгров в лоно своей национальной общности, искусственно отделённой от неё и включённой в состав сопредельных национальных государств. Венгрия впоследствии добивалась изменения такого положения дипломатическими средствами и методами, ходатайствуя о возвращении отделённых от неё территорий, компактно населённых этническими венграми. При этом политики ссылались на целесообразность более справедливого территориально-политического переустройства в регионе и добивались хотя бы улучшения положения венгерского национального меньшинства и обеспечения его прав пользования родным языком в сопредельных странах (что и поныне не утратило своей актуальности). Нельзя не отметить, что именно безучастность великих держав и неудавшиеся попытки решения проблемы мирными средствами подтолкнули в своё время хортистское политическое руководство к сближению, а затем к союзу с гитлеровской Германией. Нерешенность проблемы помогла последней скло-

нить Венгрию к участию и в антисоветской кампании, поскольку её руководство не могло себе позволить отставать от своих соседей (Румынии и Словакии), уже вовлечённых в войну против СССР. В таких условиях, как тогда считала хортистская политическая элита, ссылаясь на национальные интересы страны, Венгрия не имела права остаться в стороне.

Венгрия, вовлеченная летом 1941 г. в антисоветскую войну на стороне Германии, весной 1944 г. *была оккупирована гитлеровскими войсками*, а осенью политическое руководство рейха прибегло к шантажу и активному воздействию на пожилого правителя страны М. Хорти, заставив его уступить власть Ференцу Салаши (1897–1946). Тот объявил себя «вождём нации» и пытался утвердить в западном регионе страны профашистские порядки. Этим путем, который осенью 1944 г. привёл к захвату нилашистами государственной власти, закончилось хортистское правление Венгрии, и установилась диктатура Ф. Салаши как ставленника фюрера. Хорти стал пленником гитлеровцев и был насильно вывезен в Германию²⁵. Освобождённый американскими войсками бывший правитель страны, как и многие его сторонники, после войны разделил судьбу политэмигрантов на Западе. В эмиграции престарелый М. Хорти активной политической деятельностью не занимался, отклонив на сей счёт все предложения. Он доживал свой век в Португалии, где и скончался 9 февраля 1957 г. Бывшие же представители хортистской политической элиты и управленческого персонала в конце 1944 г. также покинули пределы Венгрии, чтобы затем, рассеявшись по разным странам, пополнить ряды западной венгерской *политэмиграции правого и правоцентристского* крыла.

Кратковременное (октябрь 1944 – апрель 1945), ничем не ограниченное господство Салаши над западной частью Венгрии закончилось весной 1945 г., когда советские войска окончательно изгнали гитлеровских оккупантов и их приспешников из страны. Салаши и узкая группа представителей его режима оказались в плену союзников на Западе. Он сам был задержан и выдан новым властям послевоенной Венгрии, где его казнили как военного преступника. Малочисленные бывшие сторонники его режима, включая узкий круг силовиков, нашли убежище в отдалённых странах мира. Характерно, что в эмиграции они не нашли поддержку среди основной массы венгерских эмигрантов, даже представителей правых политических сил. Эмигранты-салашисты представляли собой мелкие *изолированные группы ультраправых элементов* со своими особыми представлениями.

Бурные события 1944–1945 гг. внесли существенные коррективы в расстановку политических сил в Венгрии, куда из восточной эмиграции возвратились *коммунисты-репатрианты*, которые вместе со всеми антифашистскими демократическими силами утвердили новую власть в стране. Произошла полная смена политического строя и руководства на демократической основе. При новой системе власти Венгрия стала республикой, базировавшейся на многопартийной парламентской системе, которая функционировала на коали-

ционной основе и именовалась *народной демократией* (декабрь 1944 – лето 1948 г.). В созданную на демократических принципах новую власть вошли довоенные антифашистские и демократические силы (основными представителями которых являлись социал-демократы и крестьянские партии, пользовавшиеся широкой поддержкой в народе), а также компартия, представленная её основными лидерами, которые после длительного отсутствия в стране вернулись из советской политэмиграции. Руководящие деятели компартии, претендующей на то, чтобы стать определяющей политической силой страны, вначале по ряду причин воздерживались от попыток прямого повторения «социалистического эксперимента» 1919 г. и соблюдали правила парламентского многопартийного демократического правления страной.

Укрепив свои позиции во власти, лидеры коммунистов с 1947 г. развернули активные наступательные действия против ведущих представителей наиболее влиятельных демократических партий страны, своих же союзниц по правящей коалиции. Они всё чаще прибегали к далеко не парламентским средствам и методам, к незаконным приёмам удаления, силового «выталкивания» последних из власти и практически вынуждали их эмигрировать. В результате новый, искусственно вызванный *эмиграционный поток* охватил основное ядро всех остальных политических партий страны, включая традиционных социал-демократов, которых в 1948 г. объединили с компартией. Массированное наступление коммунистов на многопартийную демократию вскоре привело к ликвидации самой демократической системы в Венгрии и завершилось повторным установлением диктатуры от имени пролетариата, а, по сути, утверждением тоталитарной системы.

Ведущие деятели демократических партий Венгрии и их сторонники с 1947 г. были искусственно поставлены в положение, когда им не оставалось иного выбора, кроме *вынужденной эмиграции*, находясь в которой, они пытались найти защиту для венгерской демократии. Оказавшись на Западе, бывшие ведущие партийные и политические деятели Венгрии, представлявшие собой беженцев ещё не успевшей укрепить *народно-демократической системы*, стали там первой, пользовавшейся доверием Запада эмиграционной силой. Представители этой послевоенной *венгерской демократической эмиграции* по праву рассчитывали на признание и поддержку со стороны западной общественности. Именно покинувшие страну или изгнанные из неё в 1947–1949 гг. бывшие ведущие венгерские политики, партийные и государственные деятели, журналисты и дипломаты периода народной демократии стали той организующей и определяющей силой, которая создала *единую организационную структуру всей западной венгерской эмиграции* и в последующие годы руководила ею.

Последующую самостоятельную главу в историю венгерской эмиграции вписали диссиденты 1956 г. *Массовое диссидентство* возникло тогда по следам подавленной советскими войсками венгерской революции и освободи-

тельной борьбы в октябре–ноябре 1956 года. Оно явилось выражением бурного недовольства венгров стремлением коммунистической реакции насильно вернуть страну на дореволюционную орбиту, на путь прежнего, неприемлемого для народа режима жёсткой диктатуры. Это было выражением повсеместного протеста против восстановления тех порядков, средств и методов общественно-политического управления страной, которые существовали с 1948 г. В 1956–1957 гг. в знак протеста страну покинула громадная масса беженцев, пополнившая ряды венгерских эмигрантов на Западе.

Этот краткий обзор исторических обстоятельств возникновения основных венгерских массовых эмиграционных процессов XX века показывает, что почти все они были вызваны катаклизмами и политическими потрясениями глобального характера – двумя мировыми войнами и их последствиями, которые повлекли за собой революционное брожение и череду изменений общественно-политического устройства страны. Смена политических режимов и даже системных сдвигов подвергли тяжёлым испытаниям население страны и вызвали массовые эмиграционные волны и потоки. Они преодолевались частью населения именно вынужденным уходом в трудовую и политическую эмиграцию. В этой связи достаточно отметить, что венгерскому народу в XX веке только до 1957 г. пришлось пережить, испытать на себе как минимум семь сменявших друг друга различных политических режимов (монархический в условиях Австро-Венгрии; республиканский буржуазно-демократический при Народной республике 1918 г.; коммунистический при «пролетарской» диктатуре Венгерской Советской республики 1919 г.; правоконсервативный хортистский, а по форме королевский в 1920–1944 гг.; кратковременный профашистский при Салаши в конце 1944 г.; послевоенный народно-демократический в 1945–1948 гг. и последующий – новое издание «пролетарской диктатуры» или же ракошистский коммунистический режим в 1948–1956 гг.). Все они поочередно «создавали» свои потоки беженцев, отправляя их в политэмиграцию. Эмиграция ведущих деятелей каждого из них, а вместе с ними и их политических сторонников («политической гарнитурь»), приводили к образованию разного идейно-политического толка эмигрантских групп и отрядов. Небезразлично отметить, что при стабильных общественно-политических условиях, при мирном эволюционном развитии политического процесса многие из них вряд ли стали бы эмигрантскими образованиями.

Массовые политические эмиграции из Венгрии в XX веке исходили *прежде всего* основными эмиграционными волнами, которые на разных этапах исторического развития уносили эмигрантов в самые разные регионы мира и приводили к образованию временных или постоянных (традиционных) центров национальной эмиграции. Они собирали эмигрантов разной идейно-политической ориентации. В большинстве случаев политические *беженцы* на первом этапе чаще всего находили временное убежище в сопредельных странах, а затем уже как *политэмигранты* обосновались в тех странах, которые были готовы

предоставить им возможность для политической деятельности, направленной против того режима на родине, который заставил их эмигрировать. Беженцы, как правило, получив *статус политэмигранта*, приобретали защиту данного государства в его пределах. Историческая практика показала, что многим видным политэмигрантам редко удавалось при жизни дожидаться бескомпромиссного возвращения на родину при сохранении там режима, заставившего их эмигрировать. Поэтому некоторая часть политэмигрантов со временем нередко принимала гражданство того государства, которое их приютило (такой вариант приводил, однако, к потере статуса политэмигранта). Поэтому при классическом подходе к проблеме наиболее видные представители венгерской политэмиграции старались до конца сохранить статус политэмигранта и не принимали гражданства другого государства (правда, в XX веке данного принципа придерживались не всюду). Отдельные из них, даже при появлении легальных возможностей вернуться на родину посредством компромисса, оставались за рубежом, пока существовал ненавистный им политический режим.

Разного характера политические эмиграции из Венгрии в XX веке выросли на базе беженцев мировых войн и подавленных революций. Политэмигрантами становились не только отдельные экс-политики и малые группы людей, занятые в прошлом партийно-политической деятельностью. Вслед за ними потянулись в эмиграцию и граждане, не принимавшие тот или другой политический режим на родине. Политэмигрантами из Венгрии, особенно вследствие двух мировых войн, становились даже бывшие военнопленные. В XX веке политическая эмиграция, в отличие от экономической (трудо­вой) эмиграции, под воздействием политических событий исходила из страны отдельными импульсами, волнами, которые генерировались конкретными историческими событиями. Если постепенно нарастающая волна экономической миграции только за первые 13 лет XX века, т. е. до начала Первой мировой войны, сделала трудовыми мигрантами 1,3 млн. венгерских граждан²⁶, то потоки первых политэмиграций после поражения двух венгерских революций (1918 и 1919 гг.), конечно, были меньше, но и они, набирая массовость, также нанесли определённый урон если не трудовому, то интеллектуальному потенциалу страны. Надо учесть, что вслед за *потоками политэмиграции* 1918 и 1919 гг. подобный *исход политических беженцев* из Венгрии только в 40-х годах повторился дважды – в 1945 г. и в 1947–1949 гг. (причём в первый раз со значительным числом людей, вовлечённых в этот процесс). То есть правомерно считать, что политэмиграция также набрала относительную массовость, не говоря уже об исходе из страны в 1956 г. одновременно свыше 200 тыс. политических беженцев-эмигрантов.

Рассматривая эти общие характерные черты венгерских эмиграционных волн XX века, даже без предварительного анализа их содержания можно определить, что ядро политэмиграции 1920–1940-х годов почти исключительно состояло из представителей сошедших с политической сцены Венгрии

бывших правящих элит, а также близких к ним кругов (выборные партийные деятели, функционеры разного уровня и ранга, а также журналисты, представители культуры, которые выражали их взгляды, идеологию и политические устремления). Лишённые власти или вытесненные из неё, они становились политэмигрантами.

Венгерская политэмиграция, которая формировалась в разных исторических условиях и на разной идейно-политической основе, ни после Первой, ни после Второй мировой войны не могла быть и не была единой. Это обстоятельство часто затрудняло общение и достижение согласия между её разными отрядами. Оно сказалось на эмиграционных потоках с самого начала межвоенных лет. Их объединяло *общее стремление* к подрыву доверия населения самой Венгрии и международной общественности к политическому режиму, от которого им пришлось бежать из страны. Ради отстранения от власти утвердившегося, ненавистного эмигрантам режима политические организации эмиграции заручались негласной поддержкой внешних сил, проводили его дискредитацию, вели против него политическую, организационную и пропагандистскую деятельность в целях возможного ускорения своего возвращения на родину. У каждой политэмиграции, как правило, возникали свои постоянные или временные центры. Такими основными эмиграционными центрами, куда впоследствии из Венгрии прибывало и некоторое новое пополнение, в межвоенные и послевоенные годы являлись Вена, Берлин, Москва, Прага, Париж, а после Второй мировой войны – Нью-Йорк, Цюрих, Мюнхен и Лондон.

Затрагивая эти общие и принципиальные проблемы, необходимые для понимания венгерских эмиграционных процессов XX века и учитывая при этом череду военных и пережитых венгерским народом революционных и системных потрясений, следует отметить следующее. Недовольство представителей всех потоков политэмиграции (леворадикальной буржуазной, социал-демократической и коммунистической) в 1920–1944 гг. в равной мере было направлено против контрреволюционного консервативного политического режима М. Хорти, который левыми силами эмиграции именовался не иначе, как «фашистский». Все последующие политические эмиграции, имевшие место в период после Второй мировой войны (правые и правоконсервативные политические силы, а затем также эмигранты народной демократии и 1956 г.) одинаково направляли острей критику и своего недовольства против установившегося в Венгрии однопартийного коммунистического, тоталитарного по своему характеру режима.

Мы отметили *преобладающий политический характер* венгерских эмиграционных процессов XX века. Прежде чем перейти к конкретному анализу основополагающих проблем политэмиграции, – к выяснению влияния тех или других исторических событий столетия на массовый исход из Венгрии разных эмиграционных отрядов, к определению их характера и идейно-политического

содержания, к освещению обстоятельств, которые пришлось преодолеть политическим беженцам до приобретения ими статуса политэмигранта, к вопросам их размещения и обоснования в странах мира, к представлению основных эмиграционных центров и их руководящих деятелей, к освещению их целей и задач, – целесообразно обозначить и некоторые другие общие аспекты венгерского эмиграционного процесса в XX веке. На наш взгляд, они также важны для понимания и призваны помочь сориентироваться в особенностях, хронологической последовательности прохождения весьма разных по характеру и в идейно-политическом отношении крупных эмиграционных волн и потоков.

3. Важнейшие эмиграционные потоки 1918–1957 гг.

Их последовательность, политическая структура и определяющие личности.

Выделив общезначимые черты венгерских эмиграционных процессов XX века, представляется целесообразным дать краткий обзор отдельных этапов его развития, которые отражают последовательность исходивших из Венгрии основных эмиграционных потоков и волн, содержат характеристику унесённых ими из страны разных политических сил. Беженцами и политэмигрантами поочерёдно становились, в первую очередь, бывшие государственные деятели и политики, удалённые из общественно-политической жизни и вынужденные эмигрировать из страны. За ними последовало их окружение вместе с приверженцами соответствующих партийно-политических и идеологических течений, организаций. Обращаясь к основным факторам образования отдельных эмигрантских групп и отрядов, представлявших разные политические силы венгерской эмиграции XX века, приведём краткую характеристику процесса их становления в качестве самостоятельных эмиграционных формирований. В ней определены их содержание и политическая окраска, представлены важнейшие сведения о руководящих деятелях, определявших характер и деятельность эмигрантских организаций. При этом мы, естественно, не могли пройти мимо существования проблем во взаимоотношениях между ведущими политэмигрантами и эмигрантскими группами разной идейной направленности.

Из Венгрии, как отмечалось, в конце Первой мировой войны вслед за поражением двух революций (1918 и 1919 гг.) вынужденными эмигрантами стали представители самых разных социальных и политических сил – эмигрировали аристократы, левые буржуазные радикалы и либералы, социал-демократы и лишь недавно появившиеся на политической сцене страны коммунисты, уже успевшие побывать во власти. Все они, образуя разные группы беженцев-эмигрантов, на первом этапе, как правило, находили убежище на территории близлежащих стран Центральной Европы, преимущественно в Австрии, но вскоре немало беженцев оказалось и в Германии, и в Советской России. Отдельные

бывшие главные действующие лица революционного процесса, в частности, деятель буржуазно-демократической революции Михай Каройи, нашли временный приют в только что образованной Чехословакии, а самый известный представитель «венгерской коммуны» 1919 г. Бела Кун скрывался в Австрии. Австрийские власти давали политическое убежище в принципе всем беженцам, которые не представляли опасности для существовавшего там государственного строя. Поэтому неудивительно, что подавляющее большинство политэмигрантов из Венгрии в 1918–1920 гг. устремились именно в эту соседнюю страну и оставались там, пока не рассредоточилось по другим странам Центральной и Восточной Европы. Бежавшие из Венгрии буржуазные демократы и социал-демократы чувствовали себя на территории Австрии и Германии в относительной безопасности. Австрийские власти направляли в лагеря для интернированных лишь тех, кого подозревали в антигосударственной деятельности, а затем выдворяли их из страны. К числу последних принадлежали отдельные представители коммунистического движения, которые после интернирования выехали в Советскую Россию, где влились в ряды коммунистических организаций, сформированных из уроженцев Венгрии, а впоследствии действовали в рамках партии российских большевиков.

Первая волна венгерской массовой эмиграции своим заключительным аккордом имела три основных потока политэмигрантов 1918 и 1919 гг.:

а) *Эмиграция буржуазных левых и радикалов.* С конца Первой мировой войны главным направлением венгерских эмиграционных потоков политического характера стало *центральноевропейское*. Военно-политическая ситуация, стремительно и часто менявшаяся вокруг самой Венгрии в результате политики Антанты и боевых действий, уже весной 1919 г. заставила ведущих деятелей венгерской Народной республики 1918 г., в том числе президента страны графа *Михая Каройи* (1875–1955), сложить свои полномочия, а затем летом эмигрировать. До этого Каройи, оставаясь в Венгерской Советской республике (ВСР), ещё с некоторой надеждой наблюдал за происходившими событиями, полагая, что вооружённым силам новой республики, её деятелям удастся отстоять целостность страны. Однако 5 июля 1919 г. граф нелегально пересек австрийскую границу с намерением повлиять на политические круги Антанты и убедить их отказаться от жёстких ультимативных требований в адрес Венгрии. Он надеялся, используя свой авторитет, добиться уступок в отношении будущих границ страны, но из этой затеи ничего не вышло. Графу, хотя и не рассчитывал долго оставаться за пределами страны, пришлось провести долгих 27 лет вдали от родины. Политэмиграция Каройи продолжилась вплоть до 1946 г., а затем – после некоторого перерыва – стала пожизненной.

Михай Каройи, подобно многим другим политэмигрантам, сначала оказался в Вене. Но затем, учитывая, что в условиях нестабильности, революционного развала, неопределённости дальнейшего развития политических процессов и военных событий, последующего разгрома ВСР австрийскую столицу

заполнили самые разные эмигранты и она практически превратилась в центр социалистической эмиграции, граф как политик и буржуазный демократ, желавший сохранить своё присутствие в тайне, предпочёл покинуть Австрию. Правда, именно в Вене, в газете «Arbeiter Zeitung» («Арбайтер цайтунг») он опубликовал 25 июня 1919 г. статью под названием «История моей отставки», в которой высказал своё отношение к этому вопросу и некоторые позиции по проблемам политики. Каройи чётко обозначил, что «намерен воздержаться от критики большевизма», но при этом подчеркнул, что лично не имеет отношений с коммунистами и непричастен к провозглашению Советской республики. В то же время он заявил, что ликвидацию капитализма считает столь же актуальной задачей, как утверждение социалистических производственных отношений²⁷.

Эмиграция Каройи как таковая практически началась в Чехословакии. Граф некоторое время провёл в Праге²⁸, затем жил в других населённых пунктах Чехии, дожидаясь возможных благоприятных для себя перемен в самой Венгрии. При этом он добивался возможности выезда в Англию, чтобы попытаться наладить контакты с политиками и соратниками, оказавшимися там в эмиграции. Между тем в мировоззрении Каройи, начиная с революции, всё более определяющими становились социалистические идеи. Поэтому неудивительно, что в Чехии его всё чаще посещали представители различных кругов политэмиграции, включая коммунистов. Он с полным правом мог претендовать на роль *лидера всей венгерской политэмиграции*, мог стать связующим звеном между её группами разного идейно-политического характера. Каройи сначала выжидал, не проявляя политической активности, но при этом более тесно контактировал с представителями левых и леворадикальных буржуазных партий, а также с отдельными группами левоцентристского крыла Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ). В то же время, считая именно коммунистов самими активными борцами с контрреволюцией, он сближался и с ними.

В начале эмиграции Каройи надеялся, что политические круги Австрии и таких новых государств, как Чехословакия и Югославия, окажут ему поддержку и содействие в том, чтобы мог скорее вернуться в политическую жизнь Венгрии и заняться утверждением умеренных буржуазно-демократических порядков. Эти иллюзии, однако, со временем развеялись, как и его ожидания в отношении политиков стран Антанты, да и Запада в целом. Менялась ситуация и в самой Венгрии, где правитель страны Миклош Хорти сумел упрочить своё положение и утвердить правоконсервативный политический режим. Самому графу вскоре пришлось покинуть Чехословакию и искать пристанище в других государствах.

Несмотря на принадлежность к высшим кругам венгерской аристократии, М. Каройи давно подтверждал свои прогрессивные и относительно радикальные, хотя не лишённые популизма, взгляды: выступал с осуждением войны,

возглавил революцию 1918 г., стал президентом первой буржуазно-демократической «народной» республики, инициировал демократические реформы, которые демонстрировал посредством раздачи крестьянам своих земельных наделов. Тем не менее, Каройи по ряду обстоятельств так и не стал личностью, сумевшей объединить вокруг себя все потоки и ветви венгерской политэмиграции. Он, конечно, в гораздо меньшей степени представлял интересы крупной буржуазии и высшего дворянства, чем левых демократических кругов Венгрии. В этой связи достаточно напомнить, что Каройи в самом начале своей эмиграции открыто называл себя *социалистом*. Произошло это, когда «венгерская коммуна» 1919 г. (диктаторские методы которой он не разделял, но публично и не осуждал) уже терпела поражение, когда его однопартийцы уже отвернулись от любых левых сил, когда даже многие *левые социал-демократы* стали отрекаться от своих прежних взглядов и убеждений. Неудивительно, что за свои позиции Каройи тогда с полным правом заслужил звание «*красного графа*», а также немало порицаний со стороны многих прежних соратников, не говоря уже о родственниках. Другой вопрос, что называя себя социалистом, граф так и не уточнил, к какой партии или к какому лагерю социалистов он себя причислял. Учитывая, однако, что в дни ВСР в идейном и мировоззренческом отношении его симпатии были близки к центристам и левым социал-демократам, правомерно предположить, что он имел в виду именно эти идейные направления социалистического движения. При этом следует, однако, отметить, что некоторые практические соображения явно отделяли его и от левых социал-демократов, и от коммунистов, поскольку их методы управления страной Каройи не принимал, а подходы к решению аграрного вопроса и способы коллективизации без раздела земли просто отвергал. В эмиграции граф остался на своих прежних позициях и был открыт к сотрудничеству со *всеми* левыми политическими силами, включая коммунистов, с которыми начал сближаться.

В вопросах общественного переустройства Каройи, особенно после того, как он на своём опыте испытал кризис буржуазных порядков, склонялся к принятию революционного пути преобразований и был близок к признанию социализма в перспективе, правда, без уже имевшей место в Венгрии диктатуры (1919 г.). Во всяком случае, его позиция существенно отличалась от последовательных антикоммунистических взглядов буржуазных радикалов, готовых признать исключительно лишь «свободный социализм». Такой подход к вопросам общественного развития при соотвествующих обстоятельствах действительно позволил бы Каройи стать своеобразным связующим звеном между сторонниками т. н. пролетарского социализма и буржуазными радикалами в эмиграции. Последние, правда, не разделяли некоторые левые позиции графа, что, по сути, и мешало исполнению им *предполагаемой роли лидера* всей разнородной политэмиграции 1918–1919 гг. При этом нельзя не отметить, что граф, уходя в эмиграцию, ещё весьма критически оценивал методы

коммунистической диктатуры. Он тогда не желал «республики Советов», но оставался сторонником парламентской «народной республики», в которой наравне с другими партиями существовала бы и компартия. Это означало, что граф не исключал коммунистов из политической жизни страны. С другой стороны, Каройи не без основания опасался и надвигавшейся контрреволюции, которая, в свою очередь, толкала его к сближению со всеми левыми силами. Отметим, что политические симпатии графа уже с весны 1918 г. были на стороне левых социал-демократов, а позже, – в условиях политэмиграции 1920-х годов, – он всё больше склонялся к сближению и сотрудничеству даже с коммунистами. Впрочем, от левых сил граф ожидал революционного решения проблем страны и в 1919 г.

Отмечая эволюцию взглядов этого венгерского буржуазного демократа, выходца из высшей аристократии, – взгляды которого весьма стремительно эволюционировали влево, особенно в условиях эмиграции, когда он выразил готовность к сотрудничеству с политическими силами самого широкого левого спектра, – необходимо отметить, что несмотря на такой существенный диапазон возможных идейно-политических союзников, граф на практике так и не приобрел много истинных сторонников в эмиграции. Более того, он долгое время оставался одинокой фигурой на небосклоне венгерской политической эмиграции. При более благоприятных исторических условиях Каройи имел бы шансы возглавить всю *революционную политэмиграцию*. Но этого не произошло. Среди прочих, причиной тому реально явились идейно-политические разногласия, характер взаимоотношений между различными политическими силами эмиграции. В этой связи достаточно отметить, что высшие круги венгерской земельной аристократии и буржуазии практически исключили Каройи из своих рядов, игнорировали его. Поддержку он получал только со стороны демократической части буржуазных интеллигентов центристского и леворадикального политического толка, которые в эмиграции стали его не столь уж многочисленной опорой. Каройи, конечно, мог рассчитывать также на определённую часть социал-демократов, но те, в свою очередь, далеко не всегда принимали и разделяли его устремления, направленные на сближение с коммунистами. В результате граф, несмотря на широкую известность, так и не имел массовой социально-политической базы в эмигрантской среде.

В условиях кратковременного (1919–1920 гг.) негласного пребывания в Праге Каройи, хотя и считался ведущим политэмигрантом, сумел добиться немногого. Он был занят в основном пассивным наблюдением за переменами на родине, дожидаясь достоверной информации из Будапешта и Вены о складывавшейся там ситуации. Граф был связан с относительно узким кругом наиболее близких ему соратников и единомышленников, которых оставалось всё меньше. В конце октября 1919 г. в письме к одному из малочисленных приверженцев, оценивая события 1918–1919 г. и уточняя свои представления о социализме, он, в частности, писал: «По моему твёрдому убеждению, новый мир

можно построить только на основе принципов социалистической экономики, но и это ничего не даст без подлинного морального наполнения... Социалисты тоже ошибаются, когда считают всю эту проблему чисто экономической. В их догмах имеются также моральные составляющие, однако они присутствуют в них только в качестве пятого колеса телеги». Эту проблему, которая тогда явно занимала графа, он затронул также в письме к своей сестре. «Самым большим недостатком современного социализма является то, что он всегда направлен на поиск всего лишь новой экономической формы и не придаёт значения созданию новой морали», – писал он, завершая рассуждение ободряющей фразой: «Но это ещё впереди»²⁹. Приведённые выдержки из писем Каройи – убедительное свидетельство того, какое влияние оказали на него судьбоносные революционные события 1918 и 1919 гг., явно повлиявшие на формирование его взглядов и поступков в дальнейшем.

В начале своей эмиграции М. Каройи ещё полагал, что социал-демократы и коммунисты совместными усилиями сумеют защитить интересы Венгрии, оказавшейся в кольце вражеских войск Антанты и их приспешников. Сторонники же Каройи тогда ещё были полны надежд и ждали от него конкретных действий во время его пребывания в Чехословакии. Но он на самом деле выжидал и медлил в этом отношении. Активных действий с его стороны не было, не произошло и ожидаемого поражения консервативных сил в самой Венгрии. Графу же так и не удалось стать личностью, которая объединила и сплотила бы ряды всей венгерской политэмиграции.

С конца 1920 г. Каройи пришлось убедиться, что чехословацкое политическое руководство, которое предоставило ему политическое убежище, на поддержку которого он рассчитывал и в дальнейшем, уже перестало видеть в нем союзника в борьбе против М. Хорти и вскоре посчитало его пребывание в стране нежелательным. Для Каройи и его единомышленников, которые всё ещё надеялись на возможные перемены на родине, было важно, однако, оставаться вблизи Венгрии. Поскольку прежние попытки его соратников отправить графа в Англию или США с целью попытаться воздействовать на политиков Антанты не увенчались успехом, они считали целесообразным, чтобы Каройи как потенциальный лидер эмиграции оставался в Европе. Последние дни 1920-го и начало 1921 года граф уже провёл в Италии, 1921–1923 гг. – в Югославии, писал воспоминания и пытался поколебать доверие стран Запада к режиму М. Хорти.

Во второй половине 20-х годов Каройи, находясь уже в эмиграции в Париже, ещё больше стал считаться с коммунистами и возрождавшейся компартией Венгрии (КПВ) как потенциальной союзницей. В эмиграции граф прямо или косвенно поддерживал связи с такими представителями этой партии, как Бела Кун, Енё Ландлер и Дёрдь Лукач (с двумя последними он находил всё больше взаимопонимания). Именно коммунисты оказали содействие в опубликовании и распространении в Венгрии книги «красного графа» о земель-

ной реформе, о наделении им крестьян землей в дни «народной республики». Другой вопрос, что его сотрудничество с коммунистами на рубеже 20–30-х годов ввиду сектантских устремлений в руководстве КПВ оказалось далеко не безоблачным. Однако отметим, что в 30-е годы, уже в условиях антифашистской борьбы, М. Каройи побывал и в СССР.

Второй ключевой фигурой венгерской *буржуазной лево-радикальной эмиграции*, – как и прежде, в условиях октябрьской буржуазно-демократической революции 1918 г., – был главный редактор журнала «Huszadik Század» («Хусадик сазад» – «Двадцатый век»), известный политический деятель венгерской Народной республики, бывший министр в правительстве М. Каройи, теоретик венгерского буржуазного радикализма, председатель *Радикальной партии Венгрии Оскар Яси* (1875–1957). Этот популярный в те годы политик, философ и историк известен как автор ряда книг об Австро-Венгерской монархии и исключительно осведомленный специалист по проблеме национальных отношений. Яси был одним из тех интеллектуалов, которые признавали социализм как таковой, но при этом не принимали марксизма, а тем более большевистскую идеологию и политическую практику коммунистов. К коммунистам он вообще относился с явным и нескрываемым недоверием. В отличие от М. Каройи и ряда руководящих деятелей СДПВ, он не шёл на сближение с ними. Будучи сознательным противником большевизма, он последовательно придерживался этой линии и в эмиграции.

Яси эмигрировал раньше Каройи, вскоре после установления в Венгрии режима пролетарской диктатуры, провозглашения Венгрии Советской республикой (ВСР) 21 марта 1919 г. Он на дух не переносил прибывшего из Москвы в Венгрию Белы Куна, лидера компартии Венгрии, деятеля Коминтерна, ставшего народным комиссаром по иностранным и военным делам. Он абсолютно не принимал режим диктатуры и осуждал левых социал-демократов за их союз с коммунистами, а объединение СДПВ и КПВ, т. е. слияние двух левых партий, как и образование ими коалиционного правительства, считал результатом вымогательства и «силового шантажа» со стороны последних. Вслед за Яси, который с 1 мая 1919 г. находился в Вене, спустя три месяца по иронии судьбы туда прибыл после поражения ВСР и Б. Кун. В австрийской эмиграции Яси, оставаясь верным своим антибольшевистским убеждениям, принципиально не искал и не шёл с коммунистами на контакт, хотя интересы эмигрантов были едины в свержении установившегося в Венгрии контрреволюционного режима.

В венской эмиграции вся деятельность Яси и его соратников была направлена на то, чтобы помешать утверждению в Венгрии хортистской системы. Однако после признания этого режима великими державами, он, подобно многим политэмигрантам, стремился выехать из Австрии в Америку, хотя сделать это в постреволюционных условиях было далеко не просто. В США, как отмечалось, существовали весьма строгие правила приёма иммигрантов,

особенно из стран Восточной и Центральной Европы. Кроме того, американские власти опасались экспорта идей революций и особенно коммунистических взглядов, которым США намеревались поставить надёжный заслон. Яси осознал, – а вскоре мог убедиться в этом и на собственном опыте, – что в Америке «всех, кто имел какое-либо отношение к европейским революциям, подозревали в коммунизме»³⁰.

Тем не менее Яси упорно добивался выезда именно в США, хотя на это у него ушло 5 лет. В 1921 г. американская виза уже была на руках, и он вместе со священником Яношем Хоком сел на корабль в Неаполе, но в последний момент его по указанию посольства США сняли с корабля. Такое решение явилось результатом не совсем компетентной информации о данной политике. Главный американский уполномоченный, сэр Грант-Смит, представил его в роли «злого гения Каройи», который направляется в США якобы для ведения большевистской пропаганды³¹. В 1923 г. Яси снова попытался выехать для чтения лекций в университете, но тогда этому помешало венгерское посольство в Вене. Это произошло несмотря на старания самого О. Яси, использовавшего накануне все возможности для публичной демонстрации неприятия им коммунизма. Будучи убеждённым антикоммунистом, он при этом довольно терпимо относился к умеренным идеям социал-демократов и других рабочих партий, правда, не столь воинственных, как большевики.

Буржуазному радикалу О. Яси в 1925 г., наконец, всё же удалось выехать в Америку и устроиться там преподавателем в колледж провинциального города Оберлейн³². При этом он полностью отошёл от политической деятельности, прервав связи с друзьями в Европе, чтобы затем до конца жизни вести преподавательскую работу в Колумбийском университете Нью-Йорка. (Там в библиотеке сохранился его личный архив, проливающий свет на исторические события 20-х годов XX века). В 1929 г. в США в издательстве Чикагского университета О. Яси опубликовал свою книгу «*Распад Габсбургской монархии*», в которой проанализировал причины её распада. Свою книгу он назвал «искренней попыткой освещения проблемы, которая до сих пор оказывает сильное влияние на будущее Европы и всего человечества», явно имея в виду нерешённость национальной проблемы в этом регионе. В предисловии к книге есть такие строки: «Меня больше никакой личный интерес не связывает с Дунайским краем, кроме моих идей»³³. А эти идеи им были изложены в качестве предлагаемого варианта решения национального вопроса.

Возвращаясь к периоду европейской эмиграции венгерских *буржуазных левых политиков*, включая Яси и его коллег, левых радикалов, следует отметить, что, оказавшись на положении политэмигрантов, эти политические силы довольно быстро утратили влияние на интеллектуальную и политическую жизнь в самой Венгрии. Произошло это потому, что почти вся интеллектуальная элита буржуазных партий, по сути, эмигрировала, покинув пределы страны. Представители этих кругов венгерской буржуазной демократии, особенно

М. Каройи, судя по его личной переписке времён эмиграции, считали, что после событий 1919 г., – несмотря на успешную стабилизацию в стране власти М. Хорти, – не только следовало, но и необходимо было вступать в союз со всеми левыми силами. Граф вообще считал, что дальнейшая судьба Венгрии может и даже должна быть связана не столько с буржуазной демократией, сколько исключительно с её социалистической перспективой. Он приходил к выводу, что левый буржуазный радикализм якобы уже «выполнил свою историческую миссию» и поэтому самой партии радикалов необходимо отказаться от своей самостоятельности как в идейном, так и в организационном плане. Каройи фактически предлагал им присоединиться к социалистическому движению³⁴. Правда, такое мнение главного буржуазного демократа категорически не разделял ни О. Яси, ни другие представители буржуазных радикалов в эмиграции.

Венгерская политическая реальность начала 20-х годов подтвердила правоту Яси. Ведь с ростом влияния СССР в мире в буржуазных и мелкобуржуазных кругах страны лишь возросли опасения, связанные с возможным повторением диктатуры 1919 г., очередного «социалистического эксперимента». Для тогдашней ситуации характерным стало, что даже богатые буржуа еврейского происхождения, ранее симпатизировавшие радикальным левым силам, теперь повернулись лицом к либерализму. Данное явление объяснялось явными успехами политического и стабилизационного курса премьер-министра Венгрии 20-х годов, графа Иштвана Бетлена (1874–1946), который достиг значительных успехов в деле определённой модернизации всей хортистской системы. Это и убедило оставшихся в стране левых социал-демократов и профсоюзы, а вслед за ними и часть левых сил политэмиграции (но не коммунистов) в том, что новая венгерская политическая система поддаётся либерализации. Она получила признание, и ей стали оказывать содействие на Западе, чего собственно и добивались либералы, надеясь оградить себя от угрозы большевизма, предпочитая вариант многопартийного парламентаризма западного типа. Венгерские либералы, в отличие от М. Каройи, в период между двумя мировыми войнами не видели иного выхода для страны, кроме буржуазной демократии.

Идейно-политические расхождения двух прежних друзей и соратников – М. Каройи и О. Яси – в условиях эмиграции привели к тому, что взаимоотношения между ними постепенно начали портиться. Яси и буржуазные радикалы не могли себе позволить следовать по стопам Каройи, да по сути они и не допускали мысли об этом. Если «красный граф» был готов сотрудничать с коммунистами и выражал свою симпатию к ним и СССР, то левые буржуазные радикалы такое принять не могли. Более того, в политэмиграции настал конец и реально существовавшему союзу левых буржуазных радикалов с социал-демократами. Левое крыло буржуазной эмиграции к началу 30-х годов вовсе утратило связи и прежние позиции на родине, а сфера его воздействия на политическую жизнь страны стала совсем незначительной. Несколько иной, бо-

лее ощутимой оказалось влияние на ситуацию в стране эмигрантов, представлявших *Социал-демократическую партию Венгрии* (СДПВ).

б) *Социал-демократическая эмиграция*. Пределы Венгрии почти одновременно с буржуазными левыми, видными политическими и государственными деятелями Народной республики 1918 г., покинуло немало руководителей и функционеров СДПВ. Они, подобно представителям других политических партий, своим основным местом базирования в эмиграции избрали именно столицу Австрии Вену. Её близость к Венгрии предоставляла им хорошую возможность следить за событиями на родине, поддерживать контакты с оставшимися там товарищами, влиять на них. Отметим, что именно поток социал-демократической эмиграции оказался в 1918–1919 гг. самым многочисленным и репрезентативным, учитывая, что в нем присутствовали как умеренные центристские, так и более радикальные левые силы руководства партии и партийных рядов.

В политэмиграции от СДПВ были представлены немало видных и авторитетных деятелей её руководства. Эмигрантами стали такие известные *умеренные* и *центристские* лидеры партии, как *Эрнэ Гарам* (1876–1935) и *Мано Бухингер* (1875–1953), *Жигмонд Кунфи* (1879–1929), *Вильмош Бём* (1888–1949) и другие, с позициями которых считались, а они сами высоко ценились в партии. Характерно, что все они по-разному воспринимали как провозглашение, так и поражение Венгерской Советской республики 1919 г., да и в эмиграции занимали несколько отличавшиеся друг от друга позиции.

Эрнэ Гарам (1876–1935) – первый редактор газеты СДПВ «*Népszava*» («Непсава») и руководитель профсоюзов, автор программы партии 1903 года, один из наиболее авторитетных и влиятельных партийных деятелей, ключевая фигура буржуазно-демократической революции 1918 г., пользовавшийся широким международным признанием. В марте 1919 г. он по принципиальным соображениям возразил против союза социал-демократов с коммунистами и, тем более, не хотел слияния с ними в единую партию. У Гарам были на сей счёт свои весомые аргументы, уже не говоря о таком важном факторе, как существенное *численное преимущество* социал-демократов над коммунистами. Компартия же, как таковая, в венгерских условиях была весьма малочисленной и находилась в стадии становления в условиях подполья. Достаточно отметить, что число членов компартии даже во второй половине 1920-х годов колебалось от 200 до 700 чел. В этом отношении она не выдерживала никакого сравнения с исторически сложившейся на венгерской почве многочисленной СДПВ, в рядах которой насчитывалось свыше 100 000 человек³⁵. Тем не менее, в тех сложных исторических условиях левое крыло и часть центристских сил в СДПВ пошли на заключение союза с коммунистами. Их слияние произошло под знаком установления «единства рабочего класса», навеянной тогда лидерами коммунистов (прибывших в Венгрию накануне из Советской России и находившихся в заключении) «спасительной» для страны идеи

утверждения диктатуры пролетариата, якобы способной отстоять целостность венгерского государства, на которую покушались силы Антанты. Эрнэ Гарамии являлся одним из главных противников объединения двух партий и всячески возражал против государственности в форме «пролетарской диктатуры», но помышлять этому не сумел.

Отказался дать свое согласие на начатый 21 марта 1919 г. «коммунистический эксперимент» и другой известный член руководства СДПВ *Мано Бухингер* (1875–1953). Этот уроженец г. Нитры, вошедший в руководство венгерских профсоюзов в самом конце XIX века, по своим взглядам был близок к Гарамии. Он также являлся сторонником самоопределения национальностей, но территориальные проблемы считал важным решать посредством референдума. Не желая иметь ничего общего с провозглашением ВСР, он в июле 1919 г. эмигрировал в Вену, где в начале 1920-го года включился в работу группы «Jövő» («Евэ» – «Будущее»), созданной Гарамии. Осенью 1929 г. после 10 лет эмиграции Бухингер вместе с Гарамии вернулся в Венгрию (хотя его родные места уже вошли в состав Чехословакии) и стал членом руководства СДПВ. В 1930-е годы Бухингер избирался депутатом парламента от рабочих Будапешта. В марте 1944 г. был арестован гестапо и оказался в Маутхаузене. Вернувшись в Будапешт, он с мая 1945 г. до своей кончины являлся бессменным депутатом Госсобрания ВНР.

Правые и центристские силы венгерской социал-демократической эмиграции в Центральной Европе впоследствии по-разному оценивали период диктатуры 1919 года, установленной от имени пролетариата. Эта тема стала одной из главных, которую обсуждала вся политэмиграция. Коммунистический режим оказался неприемлем не только для правых и части правоцентристских сил СДПВ, но подвергался критической оценке даже теми руководящими деятелями партии, которые ранее сами содействовали установлению диктатуры или участвовали в руководстве ВСР. Наряду с названными выше деятелями венской эмиграции, которые стояли на последовательных позициях неприятия диктатуры, пересмотрели свои позиции на объединение двух партий и на диктатуру и другие представители руководства СДПВ. Среди них Ж. Кунфи и бывший нарком ВСР по военным делам, главком Красной Армии В. Бём. После поражения ВСР они явно эволюционировали вправо, хотя прежде не только приветствовали, но и лично участвовали в объединении или, как тогда говорили, в «фузии» двух партий. Этот акт привёл к установлению коммунистической диктатуры, которую они в меру своих сил защищали, а затем после поражения ВСР сами тоже эмигрировали в Австрию. Разумеется, не только упомянутые, но и многие другие бывшие участники создания ВСР тогда начали признавать собственные ошибки. Большинство известных лидеров социал-демократии (особенно не принадлежавшие к левому крылу) за левацкие перегибы и провал республики обвиняло, прежде всего, коммунистов.

В лагере социал-демократической эмиграции (наиболее многочисленной и организационно наиболее оформленной и сплочённой), как то вытекает из изложенного, тем не менее, не было единства. Более того, существовавший раскол со временем даже углубился, имея на то свои причины. Социал-демократию раздирали фракционная борьба – главный бич всех эмиграций. Одна из наиболее крупных фракций СДПВ оформилась и действовала под руководством *Ж. Кунфи*, теоретика, центристского политика партии, которого многие по праву считали всегда готовым к соглашательству. Его сторонники в эмиграции объединились вокруг журнала «*Világosság*» («*Вилагошишэг*» – «*Свет*»). Фракция считала необходимым вернуться к позициям, которые партия занимала в период буржуазно-демократической революции (1918 г.), но при этом вначале принимала также платформу Венгерской Советской республики (1919 г.) и была готова к сотрудничеству с коммунистами. Другая фракция во главе с умеренным, но последовательным противником большевизма, центристом Э. Гарамии, автором программы СДПВ 1903 г., наоборот, считала участие партии в ВСР недопустимой ошибкой и осуждала за это левое крыло партии. Она отвергала любое сотрудничество с коммунистами. При этом сторонники Гарамии не принимали также «соглашательскую политику» оставшегося на родине руководства правого крыла СДПВ во главе с известным социал-демократом Кароем Пейером (1881–1956). Будучи одновременно также секретарем Совета профсоюзов в период между мировыми войнами, он оставался в стране и пошёл на сотрудничество с хортистским правительством (он стал вынужденным эмигрантом только после 1948 г.). Но Гарамии, в отличие от Кунфи, не называл К. Пейера «контрреволюционным социал-демократом»³⁶. Отметим также, – поскольку это ярко характеризует общее состояние дел в СДПВ между мировыми войнами, – что эмигрант Ж. Кунфи самого Э. Гарамии считал «соглашателем» за его склонность к сотрудничеству с буржуазно-демократической оппозицией.

Такие наиболее умеренные ключевые фигуры руководства СДПВ, как Э. Гарамии и М. Бухингер ещё в начале 1930-х годов, т. е. спустя более десяти лет пребывания в эмиграции решили вернуться на родину. Они при этом даже в самых тяжёлых условиях экономического кризиса по-прежнему отказывались от сотрудничества как с коммунистами, так и с уже утвердившимся консервативным режимом Хорти, оставаясь в отношении к ним в оппозиции. Вернувшись на родину и пополнив ряды легальной СДПВ, они были избраны депутатами парламента и активно участвовали в политической борьбе. Гарамии, в частности, находил надёжные политические силы, которые становились партнёрами СДПВ в парламенте. Оставаясь верным своим умеренным позициям, он склонялся к сотрудничеству именно с левой демократической частью буржуазной оппозиции. По справедливой оценке одного из нынешних венгерских историков, «на коммунистов он не рассчитывал, поскольку в них видел врагов, не просто равнозначных хортистам, но даже более опасных»³⁷.

Оценивая в целом венгерскую социал-демократическую эмиграцию 20-х и начала 30-х годов XX века в Центральной Европе и на Западе, следует отметить следующее. В её рядах одновременно присутствовала как вера в ортодоксальный марксизм (однако допускавший вариант мирного вращения в социализм), так и в возможность построить в Венгрии демократическую парламентскую систему на многопартийной основе (т.е. вариант, близкий к левому буржуазно-демократическому пути развития), посредством которой в перспективе можно будет прийти к социализму. Первый подход был в большей степени характерен именно для базировавшейся в Вене эмиграции (Э. Гарамы, М. Бухингер, Д. Пейдл). Его сторонники считали важным вернуться к принципам программы СДПВ 1903 г., в соответствии с которой были бы сохранены ценности марксизма, II-го Интернационала и перспективные цели социализма. Добиться этого полагали в союзе с традиционными либералами и консервативными силами. Эта концепция, которую в основном представлял Э. Гарамы, уже к концу 1919 г. потерпела поражение. Сторонники второго, более реального подхода, исходили как в эмиграции, так и на родине из необходимости создать условия для нормальной деятельности партии и профсоюзов, возродившихся после ВСР. Собственно, этой линии следовали оставшиеся на родине деятели СДПВ (К. Пейер и др.), считавшие возможным участие в парламентской работе и даже в правительстве. В итоге последняя концепция приобрела больше сторонников, хотя и подвергалась критике, особенно после того, как в конце 1924 г. стало известно о некоторых договорённостях, направленных на сотрудничество лидеров СДПВ с правительством («пакт Бетлена-Пейера»).

Нельзя не отметить, что все эти перемены в социал-демократии происходили на фоне новых революционных устремлений руководства компартии Венгрии, которое в начале 1920-х годов в ожидании новой общеевропейской революционной ситуации поставило на повестку дня призыв «За вторую венгерскую Советскую республику!». Этот лозунг фактически стал программным положением КПВ вплоть до середины 30-х годов. Он был принят даже частью левых социал-демократов, формально представлявших в рядах СДПВ оппозицию (на деле коммунистов в партии). К таким силам принадлежали, в первую очередь, деятели левого революционного крыла партии в лице Дюлы Алпари, Енё Ласло, Белы Ваго, Ласло Рудаши, Енё Варги, Белы Санто и др., а также члены т. н. «новой оппозиции» в СДПВ – Енё Ландлер, Енё Гамбургер, частные служащие Йозеф Келен, Дюла Хевеши и др., ставшие впоследствии коммунистами либо уже являвшиеся ими в рядах социал-демократов. В отличие от буржуазных демократов, потерявших влияние в Венгрии, СДПВ и профсоюзное движение на родине чувствовали на себе постоянное воздействие эмиграции. Они интересовались и реагировали на замечания эмигрантов, воспринимали критические замечания своих товарищей извне. Правда, касалось это, в основном, оценок и высказываний таких политэмигрантов, как Гарамы

и Кунфи, пристально следивших в 20-е годы из Вены за деятельностью партии на родине и отвергавших далеко не рациональные цели, выдвинутые тогда компартией.

В связи с этими позициями, а также отношением СДПВ к призыву КПВ развернуть борьбу «за вторую Советскую республику», которые в 1920-е годы живо обсуждались в руководящих кругах политэмиграции (к анализу их практических последствий ещё вернёмся), нельзя не считаться со следующими обстоятельствами: а) лидеры СДПВ в эмиграции, в отличие от буржуазных левых, всё же сохранили своё влияние на партийную среду на родине; б) эмигрантские центры КПВ, хотя и готовили в Москве, Вене и Берлине свои кадры для грядущих революций и направляли их в страны, в 1920–1930-е годы не были настолько оторваны от реальности, чтобы развернуть в Венгрии какие-то конкретные вооруженные акции (покушения, освобождение заключенных, путч). И в этом выразилась определённая трезвость левых сил политэмиграции.

в) Коммунистическая эмиграция в Восточной и Центральной Европе. Параллельно с центрально-европейским направлением, почти одновременно (1918–1919 гг.) возникла *восточная политэмиграция* уроженцев Венгрии, образовавшись на базе бывших военнопленных Первой мировой войны, оставшихся в Советской России. Она объединяла политэмигрантов *левой политической ориентации* (коммунистов и левых социал-демократов) и по сути стала впоследствии *коммунистической политэмиграцией* в СССР. Она появилась несколько отличающимся от классического варианта способом и в своеобразных исторических условиях, получая впоследствии в межвоенные годы пополнение свежих сил.

Эта эмиграция изначально возникла и оформилась, как и само коммунистическое движение Венгрии, в два этапа и в двух разных географических, но в политическом отношении в чём-то схожих революционных условиях. Первый этап формирования *коммунистической эмиграции из уроженцев Венгрии* начался на завершающем этапе Первой мировой войны на просторах бывшей Российской империи. Базой для её возникновения стали военнопленные австро-венгерской армии, приобщенные российскими большевиками к коммунистическому движению, к *движению интернационалистов* и утверждению советской власти на местах. Коммунистические ячейки и группы, созданные из интернационалистов в сложных исторических условиях, стали ядром для образования будущей компартии Венгрии и коммунистической эмиграции в Советской России. Так или иначе, зачатки *коммунистического движения и коммунистической эмиграции* из уроженцев Венгрии появились и развились на заре советской власти и на российской почве, т. е. в конкретных исторических условиях.

Кадры коммунистов, подготовленные в Советской России из числа военнопленных, выходцев из Венгрии, вернувшись после войны на родину, принесли с собой не только соответствующие идеи, но и завершили там организа-

ционное оформление самостоятельной *Коммунистической партии Венгрии* (КПВ). В сложных военных и революционных условиях, критических для этой страны её ведущие деятели вместе с социал-демократами утвердили диктатуру от имени пролетариата, провозгласили образование Венгерской Советской республики (ВСР).

Второй этап формирования венгерской коммунистической эмиграции в Советской России начался непосредственно после поражения ВСР и всё больше приобретал черты классической политэмиграции. Тогда образовался новый поток беженцев-эмигрантов, уже непосредственно исходивший с территории Венгрии, в составе которого оказались руководящие деятели ВСР как основные носители коммунистической идеи, а также их союзники из числа левых социал-демократов, активно участвовавших в утверждении диктатуры пролетариата. Часть из них временно задержалась в Австрии и в некоторых других странах Центральной Европы, однако *основным и определяющим, наиболее надёжным направлением данного эмиграционного потока стало именно восточное*. Для большей части коммунистов-эмигрантов эта эмиграция, по сути, означала возвращение в Советскую Россию, в места их прежнего пребывания. Вскоре ряды коммунистической эмиграции стали пополняться свежими силами за счёт арестованных в Венгрии и приговорённых к различным срокам заключения «коммунаров» 1919 г., в основном наркомов и членов их семей, которых советское правительство обменяло на военнопленных венгерских офицеров. Вся эта когорта коммунистической эмиграции в последующие десятилетия пополнялась новыми кадрами, находя приют и возможности для активной политической деятельности в СССР.

Коммунистическое движение и *восточная политэмиграция* уроженцев Венгрии в равной мере начали формироваться в условиях революции и гражданской войны в России на базе бывших военнопленных и имели общие корни, идентичную идейно-политическую окраску. Процесс становления и сама история венгерской коммунистической эмиграции на советской земле занимают продолжительный период (1918–1945). Будущим коммунистам-политэмигрантам, выходцам из Венгрии пришлось пройти долгий путь от простых военнопленных, воспринявших идеи большевизма в России, через участие в работе венгерских и интернациональных групп РКП(б) до становления коммунистов-интернационалистов, принимавших участие в сражениях за утверждение и защиту советской власти. Наиболее выделявшиеся из них, став одновременно основателями, функционерами и членами компартии Венгрии, в 1919 г. утверждали пролетарскую диктатуру и защищали ВСР на родине. После постигшей их неудачи многие вернулись в Советскую Россию (СССР), где окончательно оформились и действовали основные структуры венгерской коммунистической эмиграции. Как это происходило, что представляла собой и какие кадры вырастила, какие цели преследовала, какие задачи решала, какие трудности переживала в указанный период венгерская *коммунистическая*

эмиграция на советской земле, – эти вопросы станут предметом особого рассмотрения в отдельных главах исследования.

Одним из наиболее активных инициаторов и организаторов коммунистического движения среди бывших венгерских военнопленных в Советской России, руководящих деятелей КПВ и коммунистической эмиграции в СССР в 20–30-е годы XX века, одним из определяющих личностей компартии, безусловно, являлся *Бела Кун* (1886–1938). Он с юных лет, подобно многим другим выходцам из еврейских семей левой политической ориентации, в условиях Венгерского Королевства имел возможность рано ознакомиться с социалистическими идеями и примкнуть к венгерскому социал-демократическому движению в Трансильвании. Родился Кун в селе Силадьчех (ныне Чеху Сильваней, Румыния), где жил и работал сельским писарем его отец, уроженец Галиции, тогда одной из австрийских провинций монархии. До 1906 г. Б. Кун носил имя и фамилию *Береле Кохн* и учился в Зилахе, а затем в гимназии г. Коложвар (ныне Клуж), где и получил среднее образование. Директор гимназии, вручая Б. Куну аттестат, согласно воспоминаниям отца, счёл своим долгом предупредить его о целесообразности удерживать молодого сына от бунтарских идей. При этом он сказал: «Может статься, ваш сын станет великим человеком, но может быть, что кончит жизнь на виселице»³⁸. Удержать сына от бунтарских идей отцу так и не удалось. Кун уже в годы учёбы, познакомившись с левыми социал-демократами из Будапешта, в 16 лет вступил в СДПВ. Начав учёбу на юридическом факультете Коложварского университета, он заинтересовался журналистикой, в результате чего на втором году обучения бросил университет. (Забегая вперёд, отметим, что сам Б. Кун летом 1921 г. в одном из собственноручно заполненных им документов – в его «Личном листке» – для екатеринбургской парторганизации РКП(б) записал, что родился в *мелкобуржуазной семье, является мадьяром, литератором, партийно-профсоюзным работником, а по профессии юристом*)³⁹.

В 1906 г., сменив своё имя и фамилию, Кун начал писать острые публицистические статьи на политические темы, печатать листовки с призывом к забастовкам. В результате в 1907 г. предстал перед судом и был приговорён к тюремному заключению сроком на 6 месяцев, которые провёл в известной тюрьме «Чиллаг» для политических заключённых в г. Сегед. После освобождения Кун некоторое время работал секретарём Страховой кассы рабочих в Коложваре, участвовал в работе профсоюзов, а в 1913 г. в возрасте 27 лет избирался делегатом XX съезда СДПВ, где с позиции классовой борьбы подверг резкой критике умеренное руководство партии.

В условиях Первой мировой войны прапорщик Б. Кун в 1916 г. попал в российский плен и оказался в Томском лагере для военнопленных. Там познакомился с большевиками, их идеями и даже с некоторыми близкими соратниками В.И. Ленина. В Томске вместе с группой военнопленных (Ференц Мюнних, Карой Райнер, Йозеф Рабинович, Эрнэ Зайдлер и др.) перестал подчиняться

своим офицерам и лагерной дисциплине, развернул активную агитационно-пропагандистскую работу среди пленных. Он не только принял идеи большевизма, но ещё в период Февральской революции вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), став затем членом РКП(б). При поддержке большевиков Кун наладил выпуск газет на венгерском языке и распространял их среди военнопленных. В конце 1917 г. он был приглашён в Петроград, где некоторое время работал в Наркомате иностранных дел и лично познакомился с Лениным, что оказало определяющее влияние на его дальнейшую судьбу.

В феврале 1918 г., когда в Брест-Литовске прервались мирные переговоры, Кун во главе особого вооруженного отряда прибыл на фронт останавливать наступление немцев на Петроград, а весной сыграл важную роль в формировании коммунистических групп венгерских военнопленных, избравших его своим руководителем. После переезда советского правительства в Москву, 24 марта 1918 г. по его инициативе была создана венгерская коммунистическая группа РКП(б), а затем и Федерация иностранных групп при большевистской партии, которые также избрали его своим председателем. Летом 1918 г., когда в Москве вспыхнуло восстание эсеров, советское правительство поручило Куну вооружить и поднять московскую группу возглавляемой им школы иностранных пропагандистов (их готовили для отправки в Венгрию) и совместно с латышскими стрелками взять штурмом здание Главного почтамта. Задание было успешно выполнено⁴⁰.

В 1918–1922 гг. Кун продолжил свою организационную работу по мобилизации бывших военнопленных на защиту советской власти, возглавил движение интернационалистов, ставших впоследствии, как отмечалось, ядром будущей политэмиграции уроженцев Венгрии. В промежутке Б. Кун побывал и в Венгрии, где с ноября 1918 г. до начала августа 1919 г. осуществлял первый на венгерской земле «социалистический эксперимент». Для его проведения он уже после победы венгерской буржуазно-демократической революции 1918 г. выехал из Москвы во главе группы коммунистов и 17 ноября прибыл в Будапешт. Имея приобретённый в России опыт, Кун взялся за реализацию намеченных целей, направленных на завершение организационного оформления компартии и осуществление перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В этом он уже мог опереться на группы, вернувшихся на родину бывших военнопленных и интернационалистов, подготовленных в России в военном и пропагандистском отношении.

Описание деятельности Куна и сил, осуществлявших в Венгрии «социалистический переворот», не предмет нашего исследования, к тому же эта тема уже достаточно известна. Однако факт, что прибывшим из Москвы в Венгрию коммунистам под его руководством, – имея поддержку части рабочих и урбанистской интеллигенции Будапешта, – удалось в сложнейших условиях завершающего этапа мировой войны при содействии части социал-демократов

провозгласить 21 марта 1919 г. Венгрию советской республикой, в которой утвердили диктатуру от имени пролетариата. Затем на протяжении 133 дней они, удерживая государственную власть, переносили на венгерскую почву советский опыт. Безусловно, ключевой фигурой, определявшей политический курс ВСР, как впоследствии и коммунистической эмиграции в СССР, являлся Б. Кун. Он и его соратники в дни ВСР, да и после её поражения, были убеждены, что пламя социалистических революций вскоре охватит все остальные страны Европы. Для этого предпринимались соответствующие действия, совершались попытки ускорения революционного процесса (в частности, в Австрии и Германии). Недаром нарком ВСР Енё Гамбургер, выступая 7 апреля 1919 г. на митинге в г. Капошваре, с полной уверенностью говорил: «Мы глубоко убеждены, что за считанные недели вся Европа будет объята пламенем и везде будет править пролетарская диктатура»⁴¹.

Революционная волна, однако, не достигла масштабов, на которые рассчитывали коммунисты, и уделом для них остались долгие годы политэмиграции. Причины поражения ВСР, проанализированные Куном и другими участниками революционного процесса, а также Коминтерном, довольно известны. Здесь целесообразно ограничиться малоизвестным суммарным высказыванием Куна, произнесённым 1 августа 1919 г. на последнем заседании Будапештского Совета рабочих и солдатских депутатов, поскольку оно содержит оценки, выводы и признания, соответствовавшие тогдашним политическим реалиям. Кун, прежде чем спецпоездом отправиться в Вену (она стала местом его вынужденного временного пребывания до возвращения во вторую советскую эмиграцию), весьма откровенно произнёс: «Здесь, товарищи мои, управлять больше никто не сможет. *Пролетариат*, который *недоволен нашим правлением* (курсив в цитате наш – Б. Ж.), который уже громко кричит на заводах что „Долой пролетарскую диктатуру!“ ещё больше будет недоволен буржуазной диктатурой, как и любым переходным правлением... Назревает постоянная и очень печальная *революционная ситуация*. Я, товарищи, в этой стране часто говорил, что извне, логическим путём нельзя научиться строительству социализма, пролетариат должен учиться социализму сам, соприкасаясь в ходе его строительства с объективной реальностью. Я теперь вижу, что наша попытка сделать пролетарские массы этой страны сознательными революционерами, оказалась тщетной. Для этого пролетариата, товарищи, чтобы он стал революционным, нужна самая безжалостная, самая жесточайшая диктатура»⁴². В этот день на заседании Правительственного Совета Куна, кстати, поддержал нарком Е. Варга. Он заявил, что «не будем бороться до последнего, ведь новый режим по истечении нескольких месяцев всё равно рухнет»⁴³. Убеждённость в близости такого развала, хотя и оказалась иллюзорной, была характерной для всей коммунистической эмиграции последующих лет.

Признания Куна в том, что в итоге венгерский пролетариат не воспринимал положительно «свою собственную» диктатуру и что экспорт революции

и попытки внедрить чужие общественные модели несостоятельны, безусловно, заслуживают внимания и справедливы. Прогнозы же относительно новой близкой европейской революционной бури оказались иллюзорными. Они тешили необоснованными надеждами оказавшихся на советской земле политэмигрантов из Венгрии. Коммунисты надеялись, что установившийся в Венгрии хортистский режим окажется той «жесточайшей диктатурой», которую ждал и скорое падение которой прогнозировал Кун, считая, что такая диктатура должна возмутить и толкнуть венгерский пролетариат к новой революции. Но этого так и не произошло. Видимо, режим М. Хорти, вопреки ожиданиям, всем утверждениям политэмигрантов 20-30-х годов, на практике оказался недостаточно жёстким для того, чтобы вызвать предсказанную Куном революционную реакцию венгерских рабочих.

В постреволюционный период бывали, конечно, краткие моменты всплеска насилия, но если быть объективным, они ведь имели место как со стороны левых, так и оказавшихся у власти правых политических сил и именовались «красным» и «белым» террором, от которого и спасались в других странах политические беженцы, разные потоки эмигрантов в западном и восточном направлении. В восточную эмиграцию уходили коммунисты и часть левых социал-демократов, активные участники «венгерской коммуны» 1919 г. Беженцы и политэмигранты в своем большинстве оказывались сначала в одной из сопредельных с Венгрией стран (в Австрии, Чехословакии), чтобы остаться или со временем продолжить путь в эмиграцию на восток. Коммунисты рассчитывали, как правило, на Вену и Берлин, но главным образом на Москву. Наиболее надёжный и продолжительный приют на долгие годы предоставлял политэмигрантам Советский Союз. Не успевшие покинуть территорию страны коммунисты и левые социал-демократы, участники ВСР, были арестованы контрреволюционными властями и предстали перед судом. Многих впоследствии спасло советское правительство, обменяв их на пленных венгерских офицеров.

Некоторые эмигранты из Венгрии, принявшие советское гражданство, направлялись на работу в зарубежные страны, где выполняли различные ответственные поручения и задачи. Наиболее способные и теоретически подкованные специалисты по заданию Коминтерна или советских организаций работали в самых разных странах мира. К примеру, бывшие наркомы ВСР учёный-экономист Енё Варга некоторое время трудился в Берлине, Дёрдь Лукач в Вене, журналист Лайош Мадьяр в Китае по линии РОСТА, а Йозеф Погань от Коминтерна в США. Отдельные именитые политэмигранты, независимо от того, находились ли они в столицах стран Центральной Европы или Москве, на определенных этапах выражали и представляли ультралевые взгляды, иногда неприемлемые даже для Коминтерна. К ним в начале 20-х годов относился, в частности, бывший нарком ВСР, будущий философ Д. Лукач, что не помешало ему, однако, написать в 1922 г. в Вене книгу «История и классовое созна-

ние»⁴⁴, в которой он сумел донести до сознания европейской молодежи опыт революционных лет, оставаясь на позициях ортодоксального марксизма.

Основная часть коммунистов-политэмигрантов, покинувшая Венгрию после поражения ВСР, обосновалась и преимущественно оставалась, однако, в Советском Союзе. Москва надолго стала главным местом базирования и деятельности руководящего состава политэмиграции, ряд членов которого был занят в Коминтерне.

Таким образом, сформировавшись из уроженцев многонациональной Венгрии в условиях России, восточное направление политэмиграции по своему характеру с самого начала стало коммунистическим и организованным под руководством КПВ. Но параллельно с ним в самых отдалённых от Москвы уголках бывшей Российской империи долгое время сохранялись осколки никем организационно не оформленной, следовательно «затерянной» и поныне вовсе не изученной, другой, некоммунистической венгерской эмиграции из бывших военнопленных. Она возникла и представляла собой бывших военнопленных, до которых предположительно не доходила официальная информация о возможных вариантах возвращения на родину. Многие из них создали семьи, которые не могли увезти с собой, а расстаться с ними не желали, другие по разным причинам в 30-е годы оказались в исправительно-трудовых и другого рода сталинских лагерях. Это были в основном «эмигранты поневоле», застрявшие на советских просторах и часто не связанные между собой. Общая численность этой неучтённой эмиграции, конкретные места обитания её бывших представителей практически ещё не выявлены, если не считать тех, кто оказался в 30-е годы в многочисленных трудовых лагерях, на которых лишь недавно обратили внимание отдельные исследователи.

Ряды организованной коммунистической политэмиграции в 30-е годы и первой половине 40-х годов пополнялись новыми эмигрантами, направленными коммунистическим подпольем из Венгрии и других стран на обучение в СССР. В Москве обосновались и долгими десятилетиями работали в составе руководящей когорты все наиболее известные деятели КПВ.

Политэмигранты, если им удалось пережить «сталинские чистки» в трудные 30-е годы, оставались в советской эмиграции до 1945 г. Они вместе с советскими гражданами участвовали в борьбе против фашизма, в изгнании гитлеровцев из Венгрии. Многим выжившим довелось вернуться в Венгрию, где с конца 40-х годов XX века они привлекались к повторному утверждению в Венгрии коммунистических порядков. Правда, в своей массе это были представители не первого, а последующего поколения коммунистов-политэмигрантов с опытом, приобретённым в условиях СССР, достаточным для детального копирования советского образца общественно-политического переустройства страны.

Во главе венгерской коммунистической эмиграции в Москве с самого начала и почти до конца 30-х годов XX века стоял Бела Кун, лидер КПВ и один

из ведущих деятелей Коминтерна⁴⁵. В отличие от некоторых других известных представителей политэмиграции, ему, однако, не было суждено вернуться на родину. К тому же его родные места в Трансильвании оказались в составе Румынии. Кун стал жертвой сталинских репрессий. Ему на смену к руководству КПВ и коммунистической эмиграцией в СССР пришёл представитель второго эшелона партийной иерархии, коминтерновец *Матяши Ракоши* (1892–1971). Этот бывший нарком ВСР, урожденный *Матюас Розенфельд*, нелегально вернулся в Венгрию для подпольной коммунистической деятельности, где не раз был арестован венгерской полицией. Ракоши в 1925 г. предстал перед венгерским судом в качестве члена Центрального Руководства подпольной КПВ и оказался в тюремном заключении сроком на восемь с половиной лет. Затем на повторном процессе его приговорили к пожизненному заключению. В 1940 г. в результате вмешательства советского правительства Ракоши был освобождён и выехал в СССР, где возглавил венгерскую коммунистическую эмиграцию. Работая в Коминтерне, он стал новым руководителем КПВ, сменившей после войны своё название на *Венгерскую коммунистическую партию* (ВКП).

Вернувшись в Венгрию после её освобождения, М. Ракоши пользовался широкой советской поддержкой. После краткого этапа коалиционного правления (1944–1948) он вместе со своими соратниками по политэмиграции возглавил процесс повторного утверждения в стране пролетарской диктатуры. До 1948 г. Ракоши являлся генеральным секретарём ВКП, а после объединения с ней СДПВ – *Венгерской партии трудящихся* (ВПТ). С ноября 1945 г. он одновременно занимал также пост государственного министра и заместителя председателя Совета министров, а с августа 1952 г. по 4 июля 1953 г. являлся премьер-министром Венгрии. В июне 1953 г. был понижен в звании до первого секретаря этой партии. В июле 1956 г. он был вынужден уйти с поста лидера партии и податься в повторную советскую эмиграцию, где и скончался в 1971 г. Между тем за участие в противозаконных действиях Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП) в августе 1962 г. исключила его из своих рядов.

Ракоши и его ближайшее окружение в 1948 г. создали в Венгрии политический режим, который во всех его проявлениях копировал на венгерской почве всю сталинскую практику тоталитарного партийно-государственного управления, используя идентичные методы и средства социалистического строительства⁴⁶. Начатый ими с 1947 г. процесс свёртывания многопартийной парламентской демократии и утверждения в Венгрии тоталитарного режима (он именуется историками ракошистским) вызвал новый поток политэмиграции, но уже демократических сил, а позднее привёл к стихийной вспышке народного недовольства и к революции 1956 г.

Возвращению коммунистической эмиграции в Венгрию в 1945 г. предшествовали, однако, события, произошедшие до и в годы Второй мировой войны, которые также сопровождались массовой волной беженцев и политэмигрантов, направившихся на Запад.

2. Вторая волна массовой эмиграции (середина и вторая половина 40-х годов)

а) Эмиграция политических и общественных деятелей хортистского периода (1920–1944 гг.)

Возникла эта новая волна в результате Второй мировой войны, подняв с мест проживания громадную массу мирного населения страны, которая по политическим и мировоззренческим причинам, осознанно либо стихийно, самостоятельно или под давлением обстоятельств уходила, спасалась от приближавшейся линии фронта и передвигалась в западном направлении. В её составе были представлены самые разные социальные группы населения Венгрии. Беженцев пугали приближавшаяся опасность и неизвестность перед будущим. В этот мощный людской поток были вовлечены, прежде всего, представители бывших правящих и действующих политических сил, начиная с политической и управленческой элиты хортистской эпохи и кончая ставленниками гитлеровской Германии, нилашистами, пришедшими ей на смену осенью 1944 г. в результате путча.

Эта волна эмиграции унесла из страны чиновников высших политических и административно-управленческих кругов, служащих госаппарата разного уровня, включая представителей таких структур, как правительство и парламент, политические партии, силовые ведомства, инженерно-административный персонал предприятий и члены их семей, которые уже за пару недель перед надвигавшейся линией фронта начали эвакуироваться в западном направлении. Часть этих сил, особенно из действующих органов исполнительной власти, опасалась привлечения к ответственности, но было немало представителей и ни в чём неповинного, чаще всего зажиточного городского гражданского населения, гонимого просто страхом неизвестности или присоединившемся к потоку беженцев войны под давлением пропаганды.

Вряд ли следует удивляться тому, что в тех условиях почти половина населения таких городов, как Сегед, Ниредьхаза, Дебрецен и др., бросила места своего жительства. Часть спасалась у родственников на селе, чтобы пережить там прохождение линии фронта, другие, передвигаясь в западном направлении, уходили из страны перед отступавшими войсками. Последние после окончания войны и пребывания в лагерях для беженцев на территории Австрии и Германииполнили ряды западной венгерской эмиграции. Среди эмигрантов этой волны преобладающую часть в политическом отношении, безусловно, составляли представители правых буржуазных и мелкобуржуазных кругов; гораздо меньшим удельным весом были представлены также выходцы из ультраправых сил. Массовые потоки беженцев, заведомо нацеленных на эмиграцию, стали обычным явлением после Второй мировой войны, которую с неизбежностью сопровождали значительные социально-политические изменения, преобразования.

Выделить в многолюдном потоке беженцев и эмигрантов, оказавшихся за пределами Венгрии после 1945 г., какого-то ведущего деятеля, на кого ориентировалась бы впоследствии основная часть эмигрантов, затруднительно, а с учётом весьма разнородного социального и политического состава всей этой массы практически невозможно. Дело в том, что политическая обстановка в стране, непосредственно предшествовавшая массовому бегству и эмиграции части населения, была довольно сложной. Сам глава государства, адмирал М. Хорти, с именем которого левые политические силы чаще всего отождествляли весь политический режим между двумя мировыми войнами, оказался пленником гитлеровцев. Он был вывезен в Германию, где находился под усиленной охраной. После освобождения из плена американскими войсками М. Хорти, выступивший на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля, по ряду причин не мог, да и не хотел возглавить эмиграцию своих бывших сторонников. Он жил довольно уединенно в своем португальском убежище и не претендовал на роль главного политэмигранта, да и по возрасту не подходил для этой роли. Другого реального претендента на лидерство в эмиграции 1945 года не нашлось.

Для понимания политической ситуации и роли в ней Хорти (как и тех перемен, которые сопровождали его правление и, безусловно, повлияли на эмиграционные процессы), следует здесь хотя бы кратко обозначить принципиальные моменты эпохи его правления страной. Они проливают свет на положение и реальные возможности этого государственного деятеля, на его отношение к эмиграции между двумя мировыми войнами (1920–1944 гг.). Эти обстоятельства позволяют понять, например, почему М. Хорти, оказавшись на Западе, в отличие от графа Каройи, даже не претендовал на роль потенциального руководителя всей венгерской эмиграции. Во-первых, пришедшие во главе с ним к власти консервативные контрреволюционные политические силы, мешали вернуться на родину в 1920–1930-е годы представителям даже радикальных левобуржуазных кругов венгерской политэмиграции. Во-вторых, хортистская Венгрия, – подобно Советской России в Брест-Литовске, – оказалась вынужденной принять действительно грабительские условия мира, продиктованные ей миротворцами в 1920 г. в трианонском дворце Версаля. В результате Венгрия потеряла не только национальные окраины (что в принципе не задевало венгров), но была вынуждена согласиться с потерей *третьей части* всего автохтонного венгерского населения, веками проживавшего почти компактным этническим массивом, отделённым от нее новыми государственными границами, что весьма болезненно отразилось на национальном сознании всего венгерского народа. Иными словами, новые границы страны были проведены тогда так, что отмеченная часть венгерского этноса довоенной Венгрии оказалась за её пределами, в рамках сопредельных с ней государств, в основном, в искусственно созданных так называемых новых национальных государствах. И это притом, что эти новообразования (Чехословакия и Югославия), а также

Румыния, на деле с самого момента их создания являлись не национальными, а такими же многонациональными государствами, как сама разделённая на части Австро-Венгерская монархия. Не удивительно, что подписанный 4 июня 1920 г. Трианонский мирный договор воспринимался венграми в качестве нежизнеспособной национальной травмы, несправедливого диктата великих держав-победительниц, осуществивших передел в этом регионе Европы якобы по этническому принципу. Характерно, что договор в равной степени не принимался самими разными политическими силами Венгрии (консерваторы, буржуазные демократы и либералы, социал-демократы и коммунисты), несмотря на существенные расхождения между ними по многим проблемам. Все они одинаково отрицательно отнеслись к этому договору, находились ли они в стране или в эмиграции. Другой вопрос, что данный фактор особенно ощутимо детерминировал возможности действий именно Хорти как главы государства и что ему приходилось считаться с ним, даже будучи эмигрантом.

Восстановленное при нём королевство оказалось существенно меньше прежнего. Его территория в новых границах сократилась с 282 тыс. до 93 тыс. кв. км, т. е. до 32,7% прежнего размера, а население – с 18,2 млн. до 7,9 млн. человек⁴⁷. В результате передела за новыми границами Венгрии остались 3,5 миллиона этнических венгров. И это при том, что 350 тыс.⁴⁸ отделённых от неё территорий сразу же «репатриировались» в хортистскую Венгрию, не желая оставаться в «национальных» государствах на положении бесправного меньшинства. Такое положение дел, с другой стороны, становилось фактором, вызвавшим *дополнительные потоки эмиграции* в Западную Европу и за океан. Наиболее крупные этнические массивы венгров остались в Румынии, Чехословакии, Югославии, несколько меньше в Австрии. Это заставило трудовых мигрантов с отделённых территорий не возвращаться из-за океана в родные места, оставаясь поселенцами в США и Канаде.

Отмеченные факторы и обстоятельства, естественно, продолжали беспокоить политическое руководство Венгрии, толкали его на пересмотр трианонских решений. В канун Второй мировой войны эти устремления частично были реализованы дипломатическими средствами, что привело к определённой коррекции границ страны. Но нельзя здесь игнорировать и то, что подобные устремления привели руководство страны к сближению, а в итоге к вынужденному союзу с гитлеровской Германией. В годы Второй мировой войны Венгрия, вплоть до её оккупации гитлеровцами, продолжала оставаться островком относительного спокойствия в Европе, чему не помешало даже то, что летом 1941 г. она оказалась втянутой в антисоветскую войну. В хортистской Венгрии находили убежище и приют многочисленные беженцы-антифашисты, французские, английские и другие офицеры и солдаты, кому удавалось сбежать из гитлеровского плена или концлагерей. Немало было поляков, которых вместе с семьями размещали и содержали в лагерях для беженцев в районе Балатона.

Гитлеровская оккупация Венгрии в середине марта 1944 г., последующее упомянутое отстранение Хорти от руководства страной, переход власти к гитлеровскому ставленнику Ференцу Салаши коренным образом изменили общественно-политическую обстановку и всю ситуацию в Венгрии. В стране крепло антифашистское сопротивление, но последующее приближение линии фронта вызвало нарастающую волну беженцев и эмигрантов гражданского населения, унесшую на Запад значительные массы, что и анализируется в соответствующих главах настоящего труда.

б) *Эмиграционный поток ведущих представителей народно-демократических сил (1947–1949)*. Новый всплеск второй эмиграционной волны, начавшейся в конце Второй мировой войны, произошёл уже в условиях мирного строительства послевоенной демократической жизни Венгрии. Раскрытие причин появления и прохождения этого потока эмиграции также заставляет кратко обратиться к некоторым аспектам внутривнутриполитической ситуации, ведь новый исход политэмигрантов произошёл на историческом этапе, который принято называть народно-демократическим. Начался он сразу после освобождения Венгрии от гитлеровской оккупации и продолжался до лета 1948 года. Тогда казалось, что уже прошла мощная волна эмиграции 1945 г., и страна очистилась от всех реакционных и правоконсервативных политических сил, что оставшимися антифашистскими и демократическими партиями общими усилиями будет успешно осуществлён процесс окончательной демократизации всей страны, в первую очередь, общественно-политической жизни.

Основными участниками этого процесса стали как возвратившиеся в страну из советской эмиграции деятели компартии Венгрии, так и демократические силы исторических партий, оставшиеся на родине в годы войны и в меру своих сил и возможностей боровшиеся против фашизма. Вернувшиеся из московской эмиграции вместе с советскими войсками (или вслед за ними) лидеры компартии во главе с Матяшем Ракоши, Эрнё Герё, Михаем Фаркашем, Йожефом Реваи, Золтаном Вашем, Имре Надем и др., провели объединение сил с действовавшими в подполье коммунистами, во главе которых стояли Янош Кадар и Ласло Райк. Они тем самым стали одним из определяющих факторов послевоенного развития. Компартия Венгрии вместе с другими антифашистскими и демократическими силами и партиями взялась за восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Её руководящие деятели пользовались практически полной поддержкой советских оккупационных властей, что позволяло им завоевать соответствующее влияние в стране, помогало инициировать и реализовать многообещающие проекты. Хотя компартия вначале была весьма малочисленной (около 30 тыс. чел.), её ряды стремительно росли (до конца 1945 г. 150 тыс. членов)⁴⁹, и она сумела занять важное место в послевоенной жизни страны, в осуществлении коренных общественных преобразований. Тогда ещё казалось, что руководство ВКП не намерено снова браться за немедленное претворение в жизнь лозунга «За вторую Со-

ветскую республику!»), что означало бы некое повторение попытки утверждения в стране пролетарской диктатуры. ВКП провозгласила курс на мирное эволюционное вращение в социализм в условиях многопартийной парламентской системы, и эта программа встретила всеобщее одобрение и поддержку со стороны всех демократических сил Венгрии.

Другую важную силу на левом фланге партийно-политической жизни страны в 1945–1948 гг. представляла *Социал-демократическая партия Венгрии*, насчитывавшая в своих рядах около 400 тыс. членов. После ухода в вынужденную эмиграцию её консервативного лидера Кароя Пейера, возглавлявшего СДПВ в межвоенный период, новым генеральным секретарём партии стал Арпад Сакашич. В состав руководства партии вошли левые социал-демократы Дёрдь Марошан и Шандор Ронаи, а также центристы Анна Кетли, Антал Бан, Имре Селиг, Ференц Седер и др. Последние вскоре также стали известными представителями послевоенной социал-демократической политэмиграции.

В качестве леворадикальной политической силы на послевоенном этапе предстала *Национальная крестьянская партия (НКП)*, насчитывавшая в своих рядах свыше 170 тыс. членов. В её руководстве находились такие известные стране писатели-народники (почти аналог российских писателей-почвенников), как Петер Вереш (председатель партии), Имре Ковач, Ференц Эрдеи, Дюла Ййеш, Йожеф Дарваш и др.

Самой крупной и влиятельной демократической партией послевоенной Венгрии, которая пользовалась широким доверием масс уже между мировыми войнами, стала реорганизованная *Независимая партия мелких хозяев (НПМХ)*. В годы Второй мировой войны во главе партии стоял Эндре Байчи-Жилински, один из активных защитников интересов крестьянства, руководитель венгерского антифашистского движения, арестованный гестапо и казнённый нацистами. НПМХ насчитывала в своих рядах свыше 900 тыс. членов. После войны её возглавил сельский реформатский священник Золтан Тилди. При наличии в руководстве партии выразителей интересов, как левых сил (Иштван Доби, Лайош Диньеш, Арпад Сабо, Дюла Ортутаи, Янош Дёндёши и др.), так и зажиточных слоёв общества (Пал Ауэр, Золтан Пффейфер, Дежё Шуйок и др.), самую серьёзную и наиболее организованную силу представляли центристы и их ядро в лице Ференца Надя, Бельи Ковача, Бельи Варги. Именно последние определяли облик и характер партии в целом.

Разумеется, на правом фланге политических сил венгерской народной демократии существовали и другие группы, но их роль и влияние были малозначительными. Основными гарантами демократического развития страны в послевоенные годы являлись именно названные политические партии, заключившие между собой союз демократических сил. Лидеры этих партий уже в условиях войны выразили острое неприятие фашизма, стали активными сторонниками демократизации жизни в Венгрии и пошли на образование правящей демократической коалиции. Со временем, однако, лидеры ВКП развернули против сво-

их союзников и, прежде всего, руководящих деятелей НПМХ наступательные действия, поочерёдно подвергая их остракизму и преднамеренной дискредитации, прибегая при этом к фальшивым, сфабрикованным обвинениям. Необъявленной целью этих действий явилось стремление обезглавить самую сильную демократическую партию, вытеснить её из политической жизни, утвердить в стране коммунистический режим. В результате практически все определяющие лицо партии руководители были вынуждены покинуть пределы Венгрии, эмигрировать на Запад, пытаясь найти там поддержку венгерской демократии.

Для сложившейся в Венгрии ситуации с самого начала характерным стало то, что уже первые свободные парламентские выборы, проведённые в начале октября 1945 г. и не подтвердившие ожидания коммунистов, показали, что народные массы отдавали предпочтение партии мелких хозяев. Выборы привели к внушительной победе НПМХ (50,54%), которая получила право самостоятельно сформировать правительство. Лидеры победившей партии в новый кабинет, который возглавил З. Тилди, пригласили в качестве коалиционных партнёров также представителей ВКП, СДПВ и НКП, которые приняли к реализации программные предложения коммунистов.

Венгрия с 1 февраля 1946 г. снова стала республикой с народно-демократической формой правления. Избранный главой государства премьер-министр З. Тилди уступил свой пост соратнику по партии Ф. Надю. Однако важные ключевые посты в правительстве республики (руководство министерствами обороны и внутренних дел, политической полицией, впоследствии – Управлением госбезопасности) с самого начала заняли представители коммунистов. Возглавив силовые ведомства, они оказались обладателями важных секретных сведений, воспользовавшись которыми, – как и прочими средствами контроля и воздействия на массы, – получили широкую возможность преследовать не только реальных, но и мнимых врагов республики, оказывать давление на лидеров других политических партий с целью их преднамеренной дискредитации и последующего вытеснения из власти. Руководители ВКП почти одновременно начали советизацию страны и планомерное утверждение своей диктатуры. Узкая группа деятелей компартии во главе с М. Ракоши при помощи силовиков искусственно создавала в стране ситуацию, при которой самым авторитетным деятелям союзнических партий (прежде всего из НПМХ) не оставалось другого выбора, кроме эмиграции. Необоснованные обвинения и угрозы арестов, сфабрикованные судебные разбирательства с 1947 г. заставили эмигрировать на Запад ряд ведущих венгерских политиков, партийных и общественных деятелей коалиционного периода. Происходило это в условиях прогрессирующего свёртывания компартией демократии и фронтального наступления на демократическую многопартийность. К рассмотрению этих аспектов и конкретных действий ещё вернёмся в последующих главах, так как они становились существенным фактором, вызвавшим рост политэмиграции из страны уже в послевоенных условиях.

В 1947–1949 гг. от необоснованных преследований и угрозы ареста именно в эмиграции находили спасение далеко не только представители правых политических, но и демократических партий страны. Так, руководители такой рабочей партии, как СДПВ, Дюла Пейдл или Карой Пейер, также стали эмигрантами. Кстаги, между двумя мировыми войнами именно они представляли в парламенте *реальную рабочую оппозицию* существовавшей власти, но после войны обвинялись коммунистами в соглашательстве с хортистским режимом, в предательстве интересов рабочего класса и были вынуждены эмигрировать. Ложные обвинения, преднамеренная дискредитация и угрозы ареста заставили тогда многих представителей и других демократических партий страны оставить пределы Венгрии на долгие десятилетия. Среди них были видные государственные и политические деятели правящих коалиционных партий эпохи народной демократии. С использованием надуманных обвинений изгнали в эмиграцию целый ряд видных представителей главной правящей демократической партии страны, НПМХ. Среди них оказался и действующий премьер-министр Венгрии 1946–1947 гг. *Ференц Надь* (1903–1979), а за ним в эмиграцию последовали и другие политики этой партии. Эмигрировал член руководства НПМХ и председатель Национального собрания (парламента) Венгрии *Бела Варга* (1903–1995), генеральный секретарь Национально-крестьянской партии и один из участников организации антифашистского Венгерского национального восстания в годы войны, писатель и журналист *Имре Ковач* (1913–1980) и многие другие. Всем им пришлось покинуть пределы Венгрии. Забегая вперед, отметим, что эти и некоторые другие авторитетные личности стали впоследствии ключевыми фигурами всей западной венгерской политэмиграции.

Вслед за ними ряды политэмигрантов пополнили тысячи венгров самой разной идейно-политической ориентации или просто беспартийные интеллигенты, представители науки, культуры, литературы и искусства, которые стали вынужденными беженцами, спасаясь от угроз и опасностей либо просто не принимая переход к тоталитарному режиму. Оказавшись в Западной Европе или в США, многие из них искали внешней поддержки для защиты венгерской демократии. Другой вопрос, что ожидаемой ими эффективной помощи со стороны западных политиков и демократической общественности они так и не дождались. Запад в тех конкретных исторических условиях не был готов к решительным поступкам и действиям. Политэмигранты 1947–1949 гг., хотя и получали немало обещаний и даже некоторую реальную помощь, в своей неравной борьбе с утвердившимся на родине тоталитарным режимом реально могли рассчитывать только на собственные силы и дожидаться перемен, издали наблюдая за развитием событий в Венгрии. Некоторую надежду придавали им в этом отношении политические события 1953 г., удаление М. Ракоши с поста лидера *Венгерской партии трудящихся* (ВПТ) и революционная вспышка 1956 года.

3. Третья массовая эмиграционная волна

Эмиграция участников революции и вооружённой борьбы 1956 г.

Завершающую волну крупных массовых эмиграций, исходивших из Венгрии в XX веке, несомненно, представляли многочисленные беженцы «диссиденты» 1956 года. Эта мощная эмиграционная волна возникла, как следствие или реакция на подавление советскими вооружёнными силами осенью 1956 г. уже, казалось бы, победившей венгерской демократической революции, стихийно вспыхнувшей на базе возросшего общественно-политического недовольства масс. Она унесла из страны свыше 210 тысяч беженцев, покинувших Венгрию в основном по политическим причинам.

Подавленной революции в Венгрии предшествовали острые кризисные явления, которые назревали годами, но не находили удовлетворительного решения со стороны партийно-политического руководства страны. Рост общественного недовольства установившимся в стране тоталитарным режимом требовал неизбежных перемен и реформ как в сфере экономических отношений, так и хотя бы частичной демократизации общественно-политической жизни. Предпринятый и приемлемый для существовавшего режима такой вариант решения проблем, как смена партийного лидера, оказался далеко не достаточным для изменения ситуации в стране к лучшему. В результате напряжённость в венгерском обществе достигла своего предела в последней трети октября 1956 г., но партийно-политическое руководство и тогда не нашло иного выхода, как ещё больше накалить обстановку, которая по ряду конкретных обстоятельств привела к началу вооружённой борьбы. После этого единственным путём реального решения назревших проблем стала революция, которая уже начала находить пути выхода из кризиса.

Венгерская революция 1956 г. была, однако, подавлена превосходящими силами советских войск, а её завоевания уничтожены. Силовое вмешательство извне, пресечение попытки даже частичной модернизации режима, дабы не допустить отхода от общепринятых в сталинской системе стандартов, – уже не говоря о возникшей в условиях революции острой потребности в укреплении суверенитета страны, – вызвали неприятие со стороны венгерского общества. Оно не желало возврата к старым дореволюционным порядкам. Особо недовольные и не верившие в возможность что-либо изменить в стране после уничтожения завоеваний революции, а также те, кто считал важным увидеть мир за пределами социалистического лагеря, стали эмигрантами. В новую мощную волну массовой эмиграции были вовлечены самые разные слои венгерского населения. Многочисленные диссиденты своим бегством из страны протестовали против повторного восстановления режима диктатуры. В этом массовом потоке беженцев-эмигрантов, покинувших Венгрию по политическим мотивам, не было какого-то одного авторитетного лидера, который возглавил, сплотил и осознанно организовал бы ряды этой новой эмиграции (если только не считать такими попытку, предпринятую Анной Кетли

и Бела Кирайем во имя спасения дела революции; их роль показана в главах труда). Других именитых лидеров этой эмиграции не было. Премьер-министр революционной Венгрии Имре Надь, который на завершающем этапе революционных действий решил представлять интересы повстанцев и борцов за венгерскую свободу и независимость, и тем самым, навсегда вписал своё имя в историю революции, не мог предстать в этой роли. Он в условиях наступления реакции оставался в изолированном узком пространстве территории Посольства Югославии в Будапеште и стал ключевым политическим беженцем (реально можно считать, что даже пленником) и потому не мог быть и руководителем эмиграции 1956 г., как говорится, по определению. Более того, спустя два года после подавления революции Надь был казнён.

* * *

Приведённая выше обзорная характеристика массовых эмиграционных процессов, их исторического фона призвана помочь сориентироваться в последовательности и в сложных обстоятельствах имевших место кризисных событий, вызвавших те или другие эмиграционные волны в Венгрии в XX веке. Они дают представление о причинах, характере и последовательности развернувшихся эмиграционных волн и потоков, возникших и исходивших из страны под влиянием двух мировых войн, ряда политических революций, кризисов и других общественно-политических потрясений.

В заключение ещё раз отметим, что эмиграционные процессы, исходившие из Венгрии в XX веке, в преобладающем большинстве были вызваны политическими причинами глобального и внутривенгерского характера, мотивация которых и потребовала включения в работу приведённых выше основополагающих сведений о фоне, содержании и последовательности проявления соответствующих исторических событий.

Глава 2

Уроженцы Венгрии в Советской России: от военнопленных до формирования восточной политэмиграции (1917–1922 гг.)

Восточная эмиграция выходцев из Венгрии возникла и развивалась под влиянием конкретных исторических событий, сопряжённых с Первой мировой войной, военными и революционными событиями на просторах бывшей Российской империи. Основной социальной и политической базой для её формирования здесь стали, как отмечалось, попавшие в российский плен солдаты австро-венгерской армии. Из них политэмигрантами стали, прежде всего,

представители тех социальных групп многонационального Венгерского Королевства, которые традиционно придерживались левой политической ориентации ещё на родине и прошли определённую идейно-политическую выучку в социал-демократическом движении страны. Являясь наиболее восприимчивыми к идеям социализма и, оказавшись в российской революционной среде, некоторые из них уже в лагерях для военнопленных попали под влияние большевиков. Восприняв идеи последних, они вступили в ряды РКП(б), образуя в них свои национальные группы, одновременно распространяя среди соотечественников большевистские взгляды и убеждения, вовлекая их в своё движение, да и к участию в утверждении власти Советов в России. В результате определённая часть бывших военнопленных стала коммунистами-интернационалистами и привлекалась также к защите советского общественно-политического строя на бывших просторах распавшейся империи. Оставшись по ряду обстоятельств в Советской России, они и стали основой для *формирования восточной (советской) эмиграции из уроженцев Венгрии*. Таким образом, именно бывшие военнопленные и особенно выделившиеся из их рядов воины-интернационалисты представляли собой тот контингент, на котором выросла будущая, преимущественно *политического характера, восточная эмиграция выходцев из Венгрии*.

В 1918–1919 гг. часть этих специально подготовленных в идейно-политическом и военном отношении кадров в составе возвращавшихся на родину военнопленных, либо отдельными группами была направлена, как известно, в Венгрию для претворения в жизнь идей большевизма. Они состояли, в основном, из коммунистов-интернационалистов и активно участвовали в совершении «пролетарской революции», в провозглашении и установлении Венгерской Советской республики (ВСР) 1919 г. Однако, «венгерская коммуна» после 133 дней своего существования потерпела поражение, что и вызвало поток беженцев, возвращавшихся в Советскую Россию коммунистов и левых социал-демократов, участников ВСР. Они вместе с другими деятелями республики, не успевшими покинуть пределы страны (арестованные народные комиссары ВСР и их заместители, а также члены их семей, молодые перспективные коммунисты), но спасёнными затем советским правительством в рамках обмена их на пленных венгерских офицеров, стали ещё одним *новым источником формирования восточной венгерской эмиграции*. Их приём в Советской России являлся уже *классическим вариантом* пополнения рядов политэмиграции.

Дальнейший рост числа коммунистов-политэмигрантов за счёт уроженцев Венгрии в СССР, – как и некоммунистической, трудовой эмиграции в годы мирового экономического кризиса в 1929–1933 гг. или Второй мировой войны, – происходил разными путями и под воздействием различных факторов.

Об интернациональном составе австро-венгерских войск, попавших в российский плен во время Первой мировой войны, о деятельности венгерских интернационалистов, участвовавших в боях гражданской войны в России на стороне советской власти, о созданных ими коммунистических группах в рамках РКП(б), об овеянных легендами и мифами отдельных личностях того периода на протяжении десятилетий было написано немало разных сочинений. Но наиболее важным и значительным из них является в этом отношении труд А. Йожжи и Д. Милеи⁵⁰, в котором анализируется примерно стотысячный отряд венгерских участников борьбы за власть Советов в России. Их работа – наиболее серьёзный научный вклад в изучение данной проблемы. Исследователями затрагивались также некоторые аспекты деятельности основных коммунистических групп в Москве и в некоторых других городах России, однако вопросы формирования венгерской коммунистической, а, тем более, некоммунистической эмиграции на просторах бывшей Российской империи (СССР) оставались практически незатронутыми. Совершенно забытой оказалась проблема бывших военнопленных, не включённых в списки лиц, подлежащих обмену между Венгрией и Россией. Они фактически затерялись на тех же просторах, по разным причинам стали «застрявшими» невозвращенцами, часть из которых явно можно квалифицировать как добровольных или вынужденных эмигрантов. Определение их приблизительной численности, выявление мест их обитания – задача для современного исследователя весьма сложная. К освещению некоторых аспектов проблемы лишь в последние годы подходят отдельные венгерские историки. Это, в частности, Каталин Петрак, обратившаяся к сюжетам такого рода в своей книге «Венгры в Советском Союзе (1922–1945)»⁵¹, а также Ева Мария Варга, которая опубликовала монографию «Венгерские военнопленные в Советском Союзе (1941–1956) в зеркале российских архивных источников»⁵². Эти исследования, наряду с прочими документальными источниками и разного рода материалами, позволяют составить хотя и не полную, но достаточно цельную характеристику важнейших сторон возникновения, становления и деятельности восточной венгерской коммунистической эмиграции, а также обозначить некоторые аспекты некоммунистической эмиграции в Советской России (СССР).

1. Исторические предпосылки и пути формирования коммунистической эмиграции на базе венгерских военнопленных. Численность, структура и территориальное размещение бывших пленных и эмигрантов

Определение точного числа венгерских военнопленных, оставшихся на территории Советской России и других республик тогда ещё будущей Советской державы, равно как и интернационалистов, – на базе которых впослед-

ствии, как отмечалось, происходило формирование политэмиграции из уроженцев Венгрии, – по ряду объективных причин представляется задачей, почти не поддающейся решению. Весьма затруднительно проведение полноценного описания даже самой коммунистической политэмиграции из граждан Венгрии в СССР, о которой уже ранее были собраны относительно достоверные сведения. Такое состояние дел объясняется отсутствием сводных статистических, да и региональных данных, бурными событиями гражданской войны на просторах России, которые также вызывали частые перемещения контингента венгерских военнопленных и интернационалистов по территории всей бывшей империи. В те годы они частично были вовлечены в состав различных советских и интернациональных вооружённых отрядов и объединений как на территории Советской России, так и за её пределами на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале, в Средней Азии, на Украине и в других местах. Все эти обстоятельства и особенно передвижения этих сил по стране осложняют выявление их точной численности. В тех условиях, по понятным причинам секретности, не сохранилось конкретных данных или необходимой документальной базы даже о всех коммунистах и интернационалистах, специально подготовленных в эмиграции, а затем отправленных на родину в составе возвращавшихся из плена военнопленных. А они, находясь уже в Венгрии, были призваны участвовать в решении задач, поставленных коммунистами, – способствовать перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую (1918–1919 гг.). Сославшись на эти обстоятельства, следует считаться также с чередой имевших место в России стремительных и бурных политических перемен, начиная с февральского демократического и октябрьского большевистского перелома 1917 г., продолжая гражданской войной и процессами восстановления разрушенного народного хозяйства, НЭПом и последующим переустройством экономики на социалистический лад.

Все эти и другие исторические обстоятельства далеко не располагали к систематическому сбору необходимых для нас сегодня сведений, к созданию соответствующей статистической базы. Современный исследователь поэтому вынужден обращаться к материалам разного рода, к публикациям, которые позволяют определить хотя бы приблизительное число бывших венгерских военнопленных и интернационалистов, которые, как отмечалось, являлись основными источниками формирования из уроженцев Венгрии на советской земле первых коммунистических групп и основной прослойки эмиграции.

В сложившейся ситуации целесообразно начать с наиболее достоверных сводных сведений австро-венгерской статистики о численности попавших в российский плен солдат и офицеров в годы Первой мировой войны. Они могут служить отправной точкой для подхода к рассмотрению нашей проблемы. Это, прежде всего, конкретные данные о попавших в плен к осени 1917 г. военнослужащих: их оказалось немногим более 2 млн. солдат и 54 тыс. офицеров

с территории всей Австро-Венгерской монархии. Из них почти 1 млн. пленных являлись выходцами из многонационального Венгерского Королевства. Согласно подсчётам венгерского историка Д. Милеи, из всей массы попавших в плен венгерских граждан порядка 500–600 тыс. составляли венгры, остальные – словаки, сербы, хорваты, румыны. При этом две трети рядового состава венгерских военнопленных в России являлись выходцами из сельских пролетариев, безземельных и малоземельных крестьян, 10% составляли промышленные рабочие, а остальные представляли городскую и мелкобуржуазную среду. Следует отметить, что именно выходцы из последних двух социальных групп были гораздо больше остальных подвержены влиянию социалистических идей. Пребывание в российских революционных условиях сделало их восприимчивыми к большевистским идеям, и впоследствии именно представители этих кругов сформировали ядро будущей коммунистической эмиграции. Офицерский состав венгерских военнопленных в структурном отношении, по определению историков, на 20% состоял из кадровых армейских офицеров. При этом они являлись преимущественно выходцами из рядов джентри и семей, владевших значительными земельными угодьями. Остальные 80% составляли офицеры и младшие офицеры запаса с высшим и средним образованием. Характерно, что среди самых последних также встречались отдельные представители, подверженные социалистическим идеям. Почти все пленные из Венгрии принадлежали к возрастной группе 18–40-летних мужчин. Их продолжительное отсутствие на родине считалось большой потерей для экономики страны, особенно, если учесть, что именно они представляли собой самую продуктивную и трудоспособную часть населения страны, в которых остро нуждались их семьи⁵³.

Попав в российский плен, австро-венгерские солдаты прошли соответствующую сортировку по воинскому званию и национальной принадлежности, в основном, в Дарнице под Киевом. Офицеров отделили от рядового состава. Австрийцев, венгров и немцев, – в отличие от представителей других национальностей, – царские власти вначале размещали вдали от центральных регионов России, в малонаселённых районах Урала, Сибири и Туркестана, содержали в лагерях для военнопленных. Их в итоге насчитывалось около 400. Несколько позже, с учётом производственной необходимости, пленных стали привлекать к активной трудовой деятельности. По сведениям Генштаба российской армии от 1 августа 1917 г., в секторе материального производства уже в апреле было занято 1 648 317 австро-венгерских военнопленных, из которых около 25% составляли венгры (несколько сот тысяч человек). Многие из них тогда трудились в угольных шахтах, на рудниках и металлургических предприятиях Донецкого бассейна, Урала и Западной Сибири, на предприятиях Москвы, на строительстве линий Мурманской и Казанско-Екатеринбургской железной дороги. Кроме них порядка 400 тыс. венгерских военнопленных работали в сельском хозяйстве⁵⁴.

Та часть венгерских военнопленных, которая ещё на родине ознакомилась с социал-демократическими идеями и в российских революционных условиях (находясь в лагерях или на производстве среди российских рабочих) соприкасалась с большевиками и попала под их влияние, также начала создавать комитеты военнопленных и группы социалистов. Идеино-политическое воздействие большевиков на венгерских военнопленных с 1917 года оказалось наиболее существенным в сретенском, красноярском, читинском, оренбургском, ташкентском, самаркандском, серпуховском, иваново-вознесенском, саратовском, ростовском и других лагерях. Среди принявших эти идеи особую активность проявляла группа социалистов во главе с Белой Куном в Томском лагере.

Российские большевики в лагерях вели не только агитационную деятельность, они выступали также в защиту военнопленных, добываясь облегчения их положения, что вызывало к ним интерес и внимание. Большевики после взятия власти всё чаще вовлекали бывших пленников, особенно социалистов в свою работу, в результате чего отдельные из них становились даже членами большевистских парторганизаций. Известно, что членами *Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)* — РСДРП(б) — уже с 1917 г. стали некоторые выходцы из Венгрии. Именно из их числа формировалось основное ядро *венгерских интернационалистов*, а впоследствии они стали и *первыми политэмигрантами среди уроженцев Венгрии* в Советской России. Это были, прежде всего, Бела Кун, Йозеф Рабинович, Дюла Бошкович, Эрнё Зайдлер, Лайош Гавро, Фридеш Карикаш, Карой Лигети, Шандор Холлендер, Эрнё Пор, Карой Райнер, Эндре Руднянски, Рудольф Фекете, Тибор Самуэли и ряд других активных представителей уже из числа *бывших военнопленных*. Они являлись первыми, кто не только воспринял большевистские идеи, но и взялся за создание собственных групп в составе *Российской коммунистической партии (большевиков)* — РКП(б). Названные выходцы из Венгрии, занявшие вскоре ведущее положение среди всей массы военнопленных, несмотря на предостережения своих бывших командиров, развернули активную пропаганду большевистских взглядов среди своих соотечественников, вовлекая их в созданные ими организации, включая группы в рамках РКП(б). Впоследствии, когда это потребовалось, они же взялись за создание интернациональных боевых отрядов, участвовавших в утверждении и защите власти Советов. Упомянутые главные инициаторы и представители зародившегося в России *коммунистического движения венгерских граждан* действовали среди военнопленных в самых разных регионах распавшейся российской империи, становясь со временем также организаторами движения интернационалистов, *основателями и руководителями коммунистической политэмиграции*.

Важным инструментом воздействия на своих соотечественников эти деятели с полным правом считали выпускаемые ими газеты для военнопленных. Одним из первых таких печатных органов на венгерском языке стала газета

«*Forradalom*» («*Форрадалом*» – «*Революция*»), которую начал выпускать Карой Лигети в Томске. В московском военном округе Ференц Янчик и Фридеш Карикаш создали комитет военнопленных и руководили его работой (позже их заменил Тибор Самуэли). Самую большую и успешную организационную работу с военнопленными проводил Бела Кун. Находясь в сибирском лагере под Томском, он уже привлекался большевиками к работе в своей местной парт-организации, более того, стал членом Томского горсовета и горисполкома. В конце декабря 1917 г. его пригласили в Петроград, где вместе с группой товарищей уже при Наркомате Иностранных дел республики с января 1918 г. выпускал газету для военнопленных под названием «*Nemzetközi Szocialista*» («*Немзеткёзи социалиста*» – «*Социалист-интернационалист*»). Газета публиковала статьи о социалистической революции, о мире, о земле и декретах советской власти, печатала материалы об актуальных проблемах того времени и распространялась среди военнопленных по всей стране.

Являясь одним из наиболее активных организаторов иностранных коммунистических групп на базе бывших военнопленных, Б. Кун в марте 1918 г. уже находился в Москве, куда вскоре переехало и советское правительство. В Москве он выполнял задание по созданию венгерской группы при ЦК РКП(б), став её руководителем. Вскоре по его же инициативе и участии были созданы подобные группы из представителей разных национальностей, объединённых затем в *Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б)*, которая также избрала его своим председателем. Как известно, В.И. Ленин высоко оценил эту работу Куна, назвав Федерацию «основой для образования Коммунистического Интернационала»⁵⁵. Венгерская группа при РКП(б), созданная 23 марта, уже к октябрю 1918 г. только на европейской части России насчитывала в своих рядах около 600 членов⁵⁶.

На путях формирования будущей коммунистической политэмиграции из бывших венгерских военнопленных существенным этапом стало образование уже упоминавшихся интернациональных отрядов. В их создании, как и последующей мобилизации для защиты советской власти, значительную роль играл Кун и отмеченные национальные группы при РКП(б). Часть бойцов этих отрядов, именуемые впоследствии интернационалистами, стала основой будущей коммунистической эмиграции венгерских граждан в Советской России (затем СССР). Нельзя не отметить, что в массовом вовлечении венгерских военнопленных в эти боевые отряды большую роль сыграли обещания, данные им большевиками, в соответствии с которыми они получат возможность скорее, в числе первых вернуться на родину. В результате в создаваемые советские и многонациональные отряды на юге России, в Сибири и Туркестане вступали не только коммунисты-интернационалисты, но и тысячи других венгров, которые мечтали поскорее вернуться домой. Кстати, в одном лишь Туркестане среди находившихся там в 1918 году 32 тыс. австро-венгерских военнопленных, по имеющимся подсчётам, было около 11–12 тыс. граждан

Венгрии, из которых примерно 7–8 тыс. исключительно по этой причине согласились вступить в ряды тех, кто с оружием в руках содействовал утверждению власти Советов в этом среднеазиатском регионе⁵⁷.

В мае 1918 г., когда Б. Кун издал брошюру «Чего хотят коммунисты?». Её содержание свидетельствовало о том, что в большевистском движении наметились как непосредственные, так и перспективные задачи, сделавшие актуальным образование самостоятельных национальных коммунистических партий. Применительно к Венгрии в брошюре Куна была очерчена программа действий в следующей формулировке: «Вооруженное восстание, международная социальная революция, диктатура пролетариата, закладка фундамента социализма»⁵⁸. При этом ставилась задача «немедленно приступить к её реализации» в указанной последовательности. Тогда же, параллельно с этим, при поддержке Федерации иностранных групп ЦК РКП(б) был определён курс на подготовку интернациональных отрядов, основным предназначением которых стали не просто защита советской власти в России, но и осуществление новых грядущих революционных свершений на родине.

В русле намеченных устремлений группа ведущих большевиков из числа уроженцев Венгрии уже 4 ноября 1918 г. в московской гостинице «Дрезден» (позже «Берлин») приняла решение об учреждении *Коммунистической партии Венгрии (КПВ)* и о подготовке коммунистов к предстоящему возвращению на родину. Участники совещания образовали Временный ЦК КПВ во главе с Б. Куном (официальное же объявление о создании компартии произошло 24 ноября уже в Будапеште). Мотивируя необходимость образования самостоятельной КПВ, Кун тогда говорил: «Я не думаю, что власть уже завтра окажется в наших руках, но несомненно, что венгерский пролетариат, в конце концов, добьётся власти. И к этому надо готовиться, готовиться к революционной борьбе, к вооружённому восстанию, время для которого назрело»⁵⁹.

Констатируя эти организационные действия и конкретные шаги ведущих представителей венгерских коммунистов в московской эмиграции, направленных на образование и последующее оформление КПВ, следует учитывать, что в Будапеште уже в октябре 1918 г. победила *буржуазно-демократическая революция*. Поэтому Кун и его товарищи в расчёте на дальнейшее развитие революционного процесса и ради успешной реализации поставленных задач, несомненно, осознавали необходимость и важность иметь свой революционный штаб в виде политической партии. Он ещё в гостинице «Дрезден» не без основания подчёркивал, что коммунисты «должны иметь единую организацию, в которой будут представлены все населяющие Венгрию национальности». Следуя образцу российской партии большевиков, он тогда, естественно, ещё рассчитывал на многонациональную Венгрию и такую же компартию, не предвидя трианонского расчленения страны.

После московского совещания в центре внимания членов венгерской группы РКП(б) и особенно тех её руководящих кадров, которые готовились выехать

в революционную Венгрию, на первом месте стояли вопросы партийного строительства и подготовки к грядущим действиям уже в самой стране, с использованием российского опыта. Для коммунистов, направившихся в Венгрию, задачей особой важности становилось также обеспечение перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Характерно, что при этих приоритетах оставшихся в России венгерских красноармейцев и интернационалистов, функция защиты советской власти не утрачивала своего значения.

Таким образом, группа ведущих организаторов коммунистического движения Венгрии ещё в российских условиях ставила и одновременно решала двудейную задачу. Она, с одной стороны, уже накануне провела отбор и подготовку кадров, которые были размещены среди военнопленных, планомерно возвращавшихся домой в Венгрию по обмену на российских пленных. Это были заранее подготовленные и наиболее надёжные кадры, на которых коммунисты могли рассчитывать в венгерских условиях при реализации намеченных целей. С другой стороны, оставшимся в России бывшим военнопленным, готовым встать в ряды Красной Армии и участвовать в утверждении и защите советской власти, давались уже отмеченные обещания на возможность скорого возвращения на родину. Набор на эту службу также проходил под контролем венгерской группы РКП(б), члены которой проводили соответствующую организационную и пропагандистскую работу среди военнопленных. В результате, по справедливому замечанию одного из венгерских исследователей, «военнопленные начали понимать, что если они возьмутся за оружие и выступают на стороне советской власти, то тем самым не только помогут рабочим и крестьянам России, но и сохраняют себе жизнь и смогут вернуться на родину»⁶⁰. Проведённая ими работа принесла свои плоды. Многие бывшие военнопленные, чтобы ускорить процесс возвращения домой, соглашались на временную службу в рядах Красной Армии. Само вступление требовало, однако, выполнения некоторых формальностей и обязательств. Как вспоминал впоследствии уроженец Восточной Венгрии, житель г. Унгвара (ныне Ужгород в Украине) адвокат Мозеш Габор (Юдкевич), венгры имели огромное желание поскорее вернуться домой. Он сам в своё время стал заместителем комиссара Первого Саратовского интернационального полка, одним из участников провозглашения весной 1918 г. *Поволжской Немецкой социалистической республики*. «Добровольно вступившим в ряды Красной Армии в качестве борцов-интернационалистов приходилось подписывать личное заявление, – писал он впоследствии, – давать клятвенное обязательство строго выполнять все обязанности красноармейца и оставаться на службе сроком хотя бы три или шесть месяцев»⁶¹.

Можно бы привести немало конкретных примеров эффективного воздействия представителей венгерской группы большевиков на своих соотечественников, на простых солдат, которые не по своей воле оказались вдали от родных

мест и записывались в Красную Армию, чтобы ускорить процесс возвращения на родину. Здесь, однако, ради иллюстрации ситуации сошлёмся лишь на одного такого бывшего военнопленного, приводя выдержку из его письма родным в Венгрии. Она довольно чётко отражает и метко характеризует общую ситуацию того времени, позволяет понять причины, по которым многие венгры становились на время красноармейцами, оценить воздействие пропаганды на пленных. В солдатском письме, отправленном красноармейцем Шандором Крашко своим родителям из уральского г. Троицка 15 мая 1918 г. в венгерский Надькёвешд, есть такие строки: «У меня всё в порядке, я вступил в интернациональную, т. е. Красную Армию. За месяц службы я получаю 150 рублей, но не думайте, дорогая мама, что их дают просто так. Вы, очевидно, уже слышали, что наши русские братья завоевали свою свободу в борьбе с казаками. Мы тоже помогали российским солдатам в подавлении казаков. За меня не беспокойтесь, ... я не одинок, вместе с нами воюют все пролетарии и рабочие, здесь не делают различий, не считают с тем, венгерец ли ты или германец, русский или поляк. Я пишу вам только о том, что же заставило нас, военнопленных в России, снова взяться за оружие. Это – только состояние отчаяния. Многие из нас уже четвертый год находятся здесь. Мы все долгое время ждали заключения мира, чтобы вернуться домой. Господа мир заключили, однако для нас, пролетариев, от этого никакого толку... И это огорчило солдат, особенно в крупных городах, где они десятками тысяч встают под красные знамёна с оружием в руках... Это венгры, немцы, румыны... Мы вскоре поднимемся и пойдем на Венгрию, чтобы освободить рабочий люд от господского гнёта»⁶².

Многие бывшие военнопленные, среди них венгры, российскими большевиками привлекались также к борьбе против белочехов и иностранных интервентов в составе советских и интернациональных вооружённых формирований. Интернациональные отряды весной и летом 1918 г. воевали на берегах Волги и Байкала, а в июле-августе вместе с советскими частями на Забайкальском фронте, на Дальнем Востоке под Усурийском. По подсчётам венгерского исследователя А. Жилака, в сентябре 1918 г. только на европейской части России в составе Красной Армии насчитывалось 50 тыс. бывших военнопленных. При этом, если весной в интернациональных отрядах, к примеру, на Забайкальском фронте удельный вес венгров составлял 80–85%, а летом среди воинов-интернационалистов этот показатель колебался от 40 до 60%, то позже, по причине их отправки в Венгрию, он существенно снизился⁶³. Бывшие венгерские интернационалисты Дюля Варга и Ласло Гавро собрали поимённые сведения о венгерских гражданах, состоявших какое-то время в рядах советской Красной Армии. Составленная ими картотека, которая хранится в Военно-историческом институте венгерской армии, содержит сведения о венгерских участниках защиты советской власти на территории СССР, которых по их подсчётам насчитывалось порядка 100 тыс. человек⁶⁴. К сожалению, с подобной точностью

пока ещё никем не выявлена конкретная численность представителей всей восточной венгерской классической политэмиграции, включая коммунистическую. Уже не говоря о явно никем не учтённых и впоследствии бесследно затерявшихся на широких советских просторах «вынужденных эмигрантах» – одиночках из числа бывших венгерских военнопленных.

По имеющимся достоверным статистическим данным, до конца октября 1918 г. на территорию бывшего Венгерского Королевства в рамках официального обмена военнопленными возвратилось свыше 300 тыс. человек, а на всю территорию Австро-Венгерской монархии в целом – 700 тысяч⁶⁵. Они ехали на родину, в основном, из европейской части России. В других регионах страны оставалось ещё немало венгерских военнопленных. Будучи свидетелями российских революционных событий или даже сражаясь за власть Советов в качестве красноармейцев, они после возвращения домой, – как на то и рассчитывали лидеры коммунистов, – уже были хотя бы подготовлены к восприятию, а часть из них даже к участию в грядущих переменах на родине. Следует учесть, что в составе эшелонов, увозивших с ноября 1918 по март 1919 г. в Венгрию военнопленных, по имеющимся сведениям, находилось свыше 300 членов упоминавшейся венгерской коммунистической группы⁶⁶. Они были призваны стать активными пропагандистами и организаторами политических батальонов, участниками проведения в жизнь соответствующих преобразований на венгерской земле по российскому образцу. С той же целью, но другими путями и вместе с Б. Куном, в ноябре 1918 г. только из московской венгерской группы РКП(б) в Венгрию уехало свыше 100 коммунистов и около 80 агитаторов, прошедших специальные курсы подготовки в т. н. кремлевской школе Куна. Эта школа агитаторов и пропагандистов работала с мая 1918 г. Её слушатели группами по 18–20 человек усваивали на месячных курсах основы марксизма-ленинизма, опыт октябрьского переворота 1917 г., изучали приёмы предстоящей борьбы и революционного переустройства общества на социалистический лад⁶⁷. Оценку их подготовки в марте 1919 г., как известно, на VIII съезде РКП(б) дал В. И. Ленин. Он, в частности, отмечал: «Велась пропаганда и агитация среди находившихся в России иностранцев, и был образован целый ряд иностранных групп... Сотни тысяч военных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинулись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком»⁶⁸. Подготовленные в России кадры венгерских коммунистов, оказавшись в Венгрии, развернули соответствующую работу в массах и, если судить по её результатам, то благодаря дипломатическому и силовому воздействию стран Антанты на Венгрию она оказалась даже весьма существенной. Ими было завершено формирование компартии Венгрии, а 21 марта 1919 г. страна стала Советской республикой.

Таким образом, из Советской России в Венгрию выехала лишь часть коммунистов-интернационалистов, возвратилась значительная часть военно-

пленных, но на её просторах всё ещё оставались бывшие военнопленные венгры, и развернувшийся ранее процесс обмена не завершился. В тех условиях последних обнадёживали лишь упоминавшиеся контракты по вступлению в ряды Красной Армии. Другой вопрос, что известия о революционных событиях 1918–1919 гг. в Венгрии, как то подтвердил и упоминавшийся М. Габор, лишь обострили желание многих бывших пленных венгров поскорее вернуться домой. «Мы узнали из российской печати, что в Венгрии под руководством Б. Куна создана КПВ, которая вела политическую борьбу за перерастание буржуазной „революции астры” в пролетарскую, в социалистическую революцию. Основателями партии были, в основном, наши же прибывшие из России красноармейцы, а также бывшие военнопленные, – вспоминал он впоследствии. – Впрочем, и для нас тогда уже давно истекли те шесть месяцев, на которые мы согласились служить в Красной Армии при вступлении в неё ... И лишь тогда, когда уже по понятным причинам настроение наших бойцов стало перерастать в сопротивление, командование армии издало приказ о расформировании нас, и наших солдат демобилизовали»⁶⁹.

Это уже было время, когда уехавшие в Венгрию коммунисты во главе с Б. Куном и в союзе с левыми социал-демократами утвердили в стране пролетарскую диктатуру. В тех условиях Б. Кун, став народным комиссаром *Венгерской Советской республики* (ВСР), в апреле 1919 г. счёл необходимым обратиться к оставшимся в России бывшим венгерским военным и интернационалистам, назвав Советскую Россию и Венгерскую Советскую республику «единым телом» революции. Он призвал венгерских красных бойцов не торопиться с возвращением на родину и «не покидать поле боя»⁷⁰. Его призыв был услышан, и многие из красногвардейцев, находившихся в составе разных вооружённых формирований, в мае-июле 1919 г. были готовы с боями пробиваться на соединение войск двух советских республик. Однако, ухудшение общевойсковой ситуации и осложнение обстановки на юге Украины не позволили реализовать «карпатский прорыв» на соединение революционных армий.

Анализируя ситуацию в России с венгерскими военнопленными и интернационалистами, представлявшими собой вначале лишь потенциальный источник, а затем, в возросшей мере, уже реальную базу, на которой выросла и сформировалась венгерская политэмиграция восточного направления, очевидно, следует провести (хотя бы на уровне краткой констатации и ради сравнения) некоторые параллели с *российскими военнопленными*, оказавшимися в Венгрии в ходе Первой мировой войны. Прежде всего, отметим, что россияне в условиях австро-венгерского плена – подобно венгерским пленным в России, – также стали участниками венгерских революционных событий 1918–1919 гг. Многие из них встали на защиту революционных завоеваний. На территории Австро-Венгерской монархии в 32 постоянных лагерях для российских военнопленных, по данным Международного Красного Креста, содержались 5 тыс. царских офицеров и 1 млн. 365 тыс. солдат. Из них примерно половина

приходилась на территорию Венгерского Королевства в 20 лагерях, часть которых, – как и в России, – нередко использовалась в качестве недостающей на производстве рабочей силы. По состоянию на январь 1918 г., т. е. вскоре после победы буржуазно-демократической революции, из 908 тыс. российских военнопленных, находившихся на учёте в Венгрии, 797 тыс. привлекались к работе в промышленности и сельском хозяйстве (в том числе, 291 597 на селе, а 54 157 на промышленных объектах гражданского, а 61 963 военного назначения, кроме того 27 505 пленных трудились на разных государственных предприятиях, включая будапештские заводы)⁷¹.

Среди российских военнопленных в Венгрии группа большевиков также вела активную агитационную и организационную работу. Она собиралась на квартире эмигранта из России, большевика, электрика по специальности В. Б. Юстуса (1879–1930), который с 1912 г. жил в Будапеште, где из российских военнопленных сформировал русскую группу в составе КПВ (аналог венгерской в России). После провозглашения ВСР группа переименовала себя в Будапештскую группу РКП(б) и вела активную работу среди российских военнопленных, вовлекая их в ряды венгерской Красной Армии. Для поддержки ВСР Юстус создал из них интернациональный отряд, заняв в нём пост политкомиссара. По имеющимся сведениям, в вооруженной защите «венгерской коммуны» в общей сложности участвовало порядка 1500 российских интернационалистов⁷².

Возвращение российских военнопленных на родину из Венгрии началось в марте 1918 г., после подписания Брестского мира. Подавляющее большинство пленных покинуло территорию бывшей Австро-Венгрии ещё в первой половине ноября 1918 года. Их массовое возвращение на родину зафиксировали также советские пограничники и контрольно-распределительные пункты, которые только с 10 по 22 ноября 1918 г. зарегистрировали около 150 тыс. вернувшихся на территорию России бывших российских военнопленных⁷³. О завершении процесса их возвращения венгерское правительство заявило 22 сентября 1922 г.

2. Пополнение рядов эмиграции в Советской России. Коммунистическая политэмиграция после поражения «венгерской коммуны» 1919 г.

Вскоре после того, как в начале августа 1919 г. Венгерская Советская республика потерпела поражение, многие из её бывших руководителей, спасаясь от арестов и преследований, были вынуждены покинуть пределы страны. Большинство из них находило временное убежище в сопредельных государствах, главным образом в Австрии, но впоследствии продолжило свой путь в Советскую Россию, став политическими эмигрантами уже в классическом понимании этого слова. Российская Советская Федеративная Социалистиче-

ская Республика, а впоследствии Советский Союз, стали основным местом и главным направлением венгерской коммунистической политэмиграции на длительный период. В московском центре эмиграции со временем собралась вся руководящая часть компартии Венгрии, за возрождение которой после поражения «венгерской коммуны» взялись оставшиеся на свободе в сопредельных с Венгрией странах представители этого движения. В итоге основная часть деятелей компартии, среди них и сам Бела Кун (будучи интернированным, он на некоторое время «застрял» в Австрии), так или иначе, направились в советскую эмиграцию. Летом 1920 г. при активном содействии советского правительства, вместе с другими товарищами по партии, из австрийских лагерей для интернированных были освобождены также Бела Ваго, Эрнё Пор, Ласло Рудаш, Бела Санто, которые также обосновались в советской столице. Часть членов бывшего руководства компартии нередко под чужими именами оставалась в Австрии или Чехословакии для ведения нелегальной работы, занимаясь на первом этапе возрождением ВКП. Б. Кун и Е. Варга, вернувшись в Россию, активно включились в работу как компартии, так и эмиграции, одновременно участвуя и в работе Коммунистического Интернационала (Коминтерн – Ки).

Следует отметить, что хотя охарактеризованные выше признаки и обстоятельства уже ранее указывали на развитие процесса формирования в Советской России из граждан Венгрии эмигрантских групп коммунистического толка, на самом деле только возвращение в Москву главных организаторов и вершителей первого «венгерского коммунистического эксперимента» 1919 г. привело к окончательному оформлению уже классической *коммунистической политэмиграции*. Она, как отмечалось, выросла на базе бывших венгерских военнопленных и её ряды в дальнейшем не раз пополнялись свежими силами. Её с самого начала можно считать эмиграцией коммунистической, поскольку она была создана выходцами из Венгрии, воспринявшими большевистскую идею и реализовавшими такие цели. В российских революционных условиях вряд ли следует считать случайным, что после поражения ВСР число членов венгерской секции РКП(б) особенно стремительно возросло, и ко времени её расформирования в сентябре 1921 г. составило уже порядка 4000 человек⁷⁴, которые и стали ядром коммунистической эмиграции.

Параллельно с этими процессами на территории Австрии, явно не без согласия московского центра, также развернулась организационная работа, направленная на возрождение КПВ в условиях эмиграции. Впоследствии представители обоих центров венгерской коммунистической эмиграции совместными усилиями взялись за подготовку к новым революционным свершениям по всей Европе. Динамика роста партийных рядов была наиболее существенной, однако, в России. Только в Сибири, судя по материалам проведённого в Омске в мае 1920 г. партийного совещания, в венгерских коммунистических организациях насчитывалось 1019 членов и 2050 кандидатов в члены венгер-

ской секции РКП(б)⁷⁵. В целом же, в сентябре 1920 г. делегаты второго Всероссийского совещания венгерских секций уже представляли 2240 членов и 1152 кандидата в партию⁷⁶. Отмеченные сведения сами по себе – свидетельство наличия в Советской России довольно значительной прослойки коммунистической эмиграции из уроженцев Венгрии. Пути легального возвращения им на родину были закрыты. Приводя эти цифры, конечно, следует учитывать определённые колебания численности коммунистов в эмиграции вследствие их перерегистрации, отправки на работу в другие компартии, выхода из партии и пр. Да немало венгров-красноармейцев, привлечённых ранее большевиками в ряды партии, после демобилизации оставили её ряды⁷⁷.

Послереволюционные события в Венгрии привели к образованию ещё одного источника восточной, т. е. коммунистической эмиграции, дали ей дополнительные силы, окончательно утвердив её статус в качестве *политической*. Дело в том, что из Венгрии в Россию тогда начали прибывать и дополнять существовавший контингент политэмигрантов качественно новые силы. Это пополнение состояло из коммунистов и левых социал-демократов – активных участников и функционеров власти в дни пролетарской диктатуры, которые не успели покинуть страну. Будучи арестованными контрреволюционной властью, им грозила реальная опасность. Среди них оказалось 10 народных комиссаров, а также немало функционеров низшего звена ВСР. Их, приговорённых венгерским судом к смертной казни или к продолжительному тюремному заключению, освободило российское советское правительство. В ответ на действия венгерских властей, оно тогда по поимённому списку объявило заложниками группу венгерских офицеров высокого ранга с известными аристократическими фамилиями, которые всё ещё оставались в плену. В результате в январе 1921 г., когда в Ревеле (Таллинн, Эстония) между правительственными представителями двух стран начались переговоры об обмене, советская сторона предложила обменять 10 наркомов на группу этих венгерских офицеров-заложников⁷⁸.

В ходе переговоров официальных представителей правительства Советской России и Венгрии в данном вопросе было достигнуто согласие. Они 28 июля 1921 г. подписали соглашение⁷⁹ об обмене 400 венгерских политических заключённых, коммунистов и левых социал-демократов, арестованных в Венгрии и находившихся в тюремном заключении (впоследствии список расширили до 416 чел.), на объявленных заложниками 362 военнопленных венгерских офицеров. Межправительственным соглашением предусматривались освобождение названных политзаключённых и их выезд в Советскую Россию вместе с членами их семей. Забегая вперёд, отметим, что начавшийся в октябре 1921 г. процесс обмена проходил поэтапно и завершился окончательно лишь в 1925 г.

Выезд из Венгрии в Советскую Россию бывших политзаключённых, – *по сути будущих политэмигрантов*, – происходил отдельными партиями. Транс-

порт с *первой группой* (60 чел.) прибыл в Москву 2 ноября 1921 г., где их ожидала торжественная встреча и соответствующее размещение. Спасённых таким образом 10 народных комиссаров ВСР, которым в Венгрии угрожало длительные тюремные заключения или же был вынесен смертный приговор, вывозили из страны поэтапно, в составе отдельных эшелонов. Их полная эвакуация завершилась, однако, только в феврале 1922 года. Транспорт же с венгерскими офицерами-заложниками (203 чел.), – который в Венгрии считали последней партией в рамках соглашения, – из Москвы в Будапешт отправился только в конце декабря 1922 г. В этой связи венгерская сторона уже накануне, 24 сентября 1922 г., посчитала проблему закрытой и назвала процесс обмена в рамках соглашения завершённым.

При этом, учитывая, что к осени 1922 г. 80 000 венгерских военнопленных уже возвратились на территорию трианонской Венгрии, правительство страны тогда же заявило о том, что *больше не считает пленными оставшихся в Советском Союзе своих граждан*. Оно определило их в качестве *«венгерских эмигрантов, осевших за рубежом»*, правда, с оговоркой, что если там их *«насилно не задерживают»*⁸⁰. На деле это означало, что наряду с преднамеренно оставшимися в советской эмиграции коммунистами и интернационалистами, сократились возможности возвращения на родину, даже для тех бывших военнопленных, которые просто «затерялись» в отдалённых и труднодоступных местах, как и получения ими разного рода венгерской помощи, поскольку до них не доходила информация о необходимости просить содействия венгерского посольства по возвращению в Венгрию.

На самом деле ни процесс обмена по соглашению, ни проблема возвращения военнопленных на родину не получили реального завершения. Дело в том, что уже в феврале 1922 г. венгерские власти раскрыли деятельность подпольной коммунистической группы в стране, в составе которой находились деятели возрождавшейся КПВ, ранее участвовавшие в коммунистическом движении в России. Советское руководство их также решило спасти, обменяв на часть ещё остававшихся в СССР венгерских военнопленных. В результате появился новый дополнительный список для обмена. Новые договорённости привели к тому, что из Венгрии в Советский Союз в ноябре 1924 г. прибыла группа политэмигрантов – 130 спасённых советским правительством политзаключённых, среди них 49 коммунистов и члены их семей, – которых на сей раз обменяли ещё на 150 венгерских военнопленных офицеров. Практически все лица, прибывшие в советскую эмиграцию этим эшелонем, сначала были отправлены на отдых и лечение, а затем трудоустроены. При этом одни становились политэмигрантами, а другим сразу же предоставлялось советское гражданство, но они так или иначе пополнили ряды компартии на территории СССР.

Излагая эти ключевые моменты становления и пополнения венгерской коммунистической политэмиграции в Советской России, необходимо отме-

тить, что спасённые советским правительством бывшие наркомы ВСР, да и их бывшие заместители, благодаря ходатайству Б. Куна и поддержке В. И. Ленина, получили исключительное право «с самого начала жить не как эмигранты». Если они принимали советское гражданство, сразу же могли «включиться в здешнюю продуктивную партийную и трудовую жизнь»⁸¹. Для благоустройства семей прибывших, для налаживания их быта и жизненных условий при ЦК РКП(б) и Коминтерне была образована специальная *Комиссия по устройству венгерских коммунистов-эмигрантов*. Её возглавил уполномоченный ЦК РКП(б) и ЦК КПВ, интернационалист Рудольф Гарашин (1895–1969), в прошлом печатник, член СДПВ с 1909 г., адъютант 1-го интернационального кавалерийского полка, который в 1919 г. направлялся в сторону Карпат для оказания помощи ВСР (в 1920 г. командовал советским полком). В задачу возглавляемой им комиссии, наряду с восстановлением здоровья бывших политзаключённых, входило также обучение их русскому языку, ознакомление с жизнью СССР, трудоустройство в советские учреждения и на предприятия.

Вывезенных из Венгрии бывших политзаключённых, освобождённых советским правительством, как отдельную категорию в составе восточной венгерской политэмиграции, а также коммунистов-интернационалистов, которые ещё до этого стали в российских условиях деятелями коммунистического движения, затем утверждали советскую власть в Венгрии, а после поражения ВСР возвратились в Советскую Россию, мы вполне обоснованно можем считать политэмигрантами. К ним тесно примыкал также руководящий состав бойцов-интернационалистов, даже если его представители и не покидали пределов советских республик (СССР). Учитывая, что легальный путь для их возвращения на родину также был закрыт, и они длительное время проводили в советской эмиграции, их тоже правомерно считать таковыми. Другой вопрос, если они получили (временное или постоянное) советское гражданство и встали на путь полного интегрирования в советское общество, то тогда по классическим канонам перестали быть даже простыми эмигрантами. Правда, как показала практика, в советских условиях с подобного рода критериями и формальностями не всегда считались.

Хотя основные силы прибывших из Венгрии политзаключённых стали важной составной частью контингента венгерской коммунистической политэмиграции в России, её исходным «строительным материалом» или фундаментом по-прежнему оставались некогда подготовленные российскими большевиками силы, вовлечённые в РКП(б), а также мобилизованные ими участники движения интернационалистов. Ведь именно их совместными усилиями была создана компартия Венгрии (КПВ), затем уже на родине провозглашена пролетарская диктатура и образована ВСР. Поражение последней привело к возвращению на в Москву основной массы коммунистов вместе со свежим пополнением политических беженцев, а, следовательно, политэмигрантов.

Среди оставшихся в Советском Союзе бывших венгерских военнопленных, не выезжавших в Венгрию для утверждения власти Советов, наиболее организованную силу представляли *интернационалисты*. Судя по имеющимся данным, общая численность интернационалистов в 1922–1923 гг. составляла порядка 30–35 тыс. человек⁸². Не решаясь вернуться на родину, многие из них часто оставались в местах своей прежней воинской дислокации, там, где их застал конец гражданской войны. Они, в основном, легко находили своё место в формировавшемся советском обществе, постепенно вписались в окружающую их среду. Будучи коммунистами, многие из них стали партийными работниками на местах, директорами фабрик и заводов, строительных и торговых фирм. Хотя все они, как, впрочем, и оставшиеся на советской земле рядовые бойцы-интернационалисты, на пути становления эмигрантом в большинстве своём не прошли промежуточную стадию политического беженца, тем не менее становились базовой силой развития эмиграции.

Выделяя все эти важнейшие структурные компоненты сформировавшейся в России восточной политэмиграции уроженцев Венгрии, хотя бы на уровне констатации следует напомнить, что наряду с её активно действовавшей и организованной коммунистической частью на бескрайних советских просторах оставались также неорганизованные и разрозненные остатки никем не учтённых бывших венгерских военнопленных, численность которых сегодня неопределима. Они далеко не по своей воле «застряли» на свободных поселениях сразу после гражданской войны, не зная и не ведая о путях и возможностях возвращения на родину, а впоследствии некоторые из них оказались в разных советских лагерях, которых в 30-е годы появилось множество на территории всей страны. Их обитателей вполне обоснованно можно считать своеобразными «вынужденными эмигрантами». В составе этих разрозненных и неорганизованных сил, наряду с бывшими военнопленными, присутствовали представители и других категорий уроженцев Венгрии.

Для определения примерной численности оставшихся после гражданской войны в Советской России бывших венгерских военнопленных (независимо от причин их невозвращения на родину) обратимся к имеющимся территориальным показателям, позволяющим сравнить данные о них на отдельных этапах пребывания вдали от Венгрии. Изучавшие данную проблему венгерские историки определили, что уже после всех (российских и венгерских) революций в начале 1920-х годов только в томском, красноярском, иркутском лагерях и в группе восточносибирских лагерей осталось ещё 118 646, в Туркестане 18 000, на Дону и Кавказе 10 000, то есть всего 146 646 венгерских военнопленных⁸³. В начале же 1930-х годов МИД Венгрии, отвечая на запрос военного отдела Управления делами главы венгерского государства, определило примерное число венгерских военнопленных, оставшихся к тому времени в СССР. Это было сделано в специальной докладной записке под названием «*Венгерские военнопленные в России*» (документ хранится в Венгерском на-

циональном архиве, обнаружен историком К. Петрак). В ней, в частности, отмечалось, что «после прекращения 31 декабря 1922 г. процесса возвращения на родину военнопленных, судя по собранному до 31 апреля 1931 г. данным, в разных частях России ещё остаётся 6000–7000 венгерских военнопленных»⁸⁴. При этом упоминалось также, что они «в большинстве являются выходцами из венгерских крестьянских семей, которые там тоже заняты в сельском хозяйстве, причём значительная часть из них уже завела новые семьи». В записке приводились приблизительные данные о территориальном размещении названного числа военнопленных: в Восточной Сибири оставалось соответственно 2 500, в азиатской части России – 500, в районе Москвы и Ленинграда – 1 500, в Донбассе – 800 венгерских граждан; кроме того, указывалось на то, что в лагерях для интернированных также насчитывалось тогда 1 200 венгров, а среди приговорённых к принудительному труду было от 500 до 1000 бывших венгерских военнопленных. Источник информации в документе не был назван, однако, содержащиеся в нём сведения оказались не точными. Их вскоре оспорил венгерский этнограф К. Кориш, который изучая прародину венгров, провёл несколько лет в Советском Союзе, побывал в разных местах и собрал соответствующие данные. В статье, опубликованной им 27 ноября 1937 г. на страницах газеты «*Pesti Napló*» («*Пестуми напло*»), он, определяя число находившихся в СССР венгров по состоянию на 1934 г., оперировал цифрой в 70 000 человек. Характерно, что опубликованные в газете оценочные данные этнографа впоследствии приняли и венгерские историки, среди них К. Петрак, отмечая их большую достоверность⁸⁵.

Возможными ориентирами для подсчёта приблизительной общей численности *политэмигрантов*, выехавших из Венгрии в Советскую Россию, могут служить уже приведенные нами материалы. Если обратиться к покинувшим страну в 1918–1919 гг. трём основным потокам политических беженцев (буржуазные демократы, коммунисты и левые социал-демократы), которые разошлись по разным направлениям и регионам Европы – один из советских историков оценивал их численностью в 100 тыс. человек⁸⁶, – то в итоге примерно их третья часть (около 33 тыс.) пополнила ряды политэмигрантов в России. Вместе со спасенными советским правительством бывшими венгерскими политзаключёнными, – коммунистами и левыми социал-демократами, членами их семей (1200–1600 чел.), – они составили, таким образом, около 35 тыс. человек, которые обосновались и жили в СССР. Если к ним прибавить уже упоминавшихся 30–35 тыс. интернационалистов, то в целом по состоянию на первую половину 1920-х годов, действительно, можно с полным правом говорить о 65–70-тысячной эмиграции уроженцев Венгрии в Советском Союзе. Правда, эти расчёты весьма приблизительны и приведённые цифры могут считаться лишь относительным ориентиром для определения восточной ветви венгерского эмиграционного процесса. Полностью достоверных сведений нет. Как соотносятся приведённые данные этих подсчётов (о политэмигрантах, быв-

ших интернационалистах и внепартийных эмигрантах) с ещё менее определённым числом «затерявшихся» бывших военнопленных и не пересекаются ли они друг с другом должны стать предметом специальных изысканий, требующих выявления, сбора и анализа региональных архивных материалов и документов лагерей советской эпохи. А в этом направлении сделаны лишь первые шаги.

К приведённым выше общим структурным характеристикам состава эмиграции 1919 г. следует добавить, что после поражения «венгерской коммуны» вместе с коммунистической частью беженцев прибыла в СССР также часть бывших членов СДПВ, участников событий, деятелей ВСР. Эта была относительно немногочисленная эмиграция левых социал-демократов, представители которой не создали, однако, свою самостоятельную секцию, а со временем практически влились в ряды коммунистов. Точная численность этих социал-демократов не выяснена, но известно, что они находились также среди спящих советским правительством венгерских политзаключённых. В их среде московской эмиграции выделались, прежде всего, уже упоминавшийся Енё Варга и некоторые другие, также известные в прошлом личности из числа деятелей СДПВ. Так, следует отметить бывшего каменщика, социал-демократа с хорошими ораторскими способностями, члена центрального руководства партии, одного из комиссаров ВСР Дежё Бокани (1871–1940). Приговорённый к смертной казни, он также был освобождён советским правительством вместе с коммунистами. После прибытия в СССР в 1922 г. он остался в советской эмиграции, занимал ответственные посты в народном хозяйстве, занимался журналистикой. Левые социал-демократы в условиях советской эмиграции быстро сблизились с коммунистами, влились в их ряды.

Наряду с социал-демократами некоммунистическую часть эмигрантов представляли беспартийные. Она состояла, в основном, из уже упомянутых категорий бывших военнопленных, которых коммунисты не привлекли в свои организации, а также члены семей самих коммунистов и левых социал-демократов. Эта, по сути, малоорганизованная часть эмиграции впоследствии пополнилась за счёт трудовых мигрантов, прибывавших в СССР для участия в восстановлении народного хозяйства, а затем на заработки в условиях мирового экономического кризиса. Последние приезжали в СССР по различным каналам и в годы индустриализации представляли собой, в основном, специалистов разных профессий, в которых остро нуждалась страна (особенно инженеров и опытных специалистов со знанием иностранных языков). Часть из них приглашали специально, другие, гонимые растущей безработицей, нанимались сами. Большинство эмигрантов принимало активное участие в восстановлении советской экономики, налаживании хозяйственной и культурной жизни страны.

Все оказавшиеся в советской эмиграции уроженцы исторической Венгрии в возрастном, социальном, профессиональном и национальном отношении были весьма разнородны, хотя, особенно на начальном этапе, в их структуре

преобладали бывшие военнопленные и она лишь с 1919 г. стала существенно меняться в результате значительного прибавления представителей интеллектуальных профессий. В структурном плане можно, правда, говорить об относительной однородности эмиграции, ведь в ней преобладали мужчины 30–40-лет. Возрастная структура эмигрантов, выходцев из рядов бывших военнопленных, естественно, соответствовала составу и социальной структуре самих войск австро-венгерской армии. А в ней служило значительное число малоземельных и безземельных крестьян, промышленных (металлообработывающей, кожевенной и обувной отраслей) и типографских рабочих (наборщики, переплетчики и пр.). Но было также немало выходцев из мелкобуржуазной среды со средним и неоконченным высшим образованием. Характерно, что с дополнительным прибытием в ряды политэмиграции представителей образованных кругов, последние две категории стали занимать в эмигрантской среде уже второе место по своему удельному весу.

Несколько позже, на рубеже 20–30-х годов XX века, с приходом в эмиграцию представителей более старшего поколения, а также семей с детьми, состав эмиграции стал ещё более разнородным. Для той ситуации характерно было, что трудовые эмигранты венгерского происхождения начали прибывать в СССР на работу даже из других стран, совершая т. н. ступенчатую эмиграцию. Эмигрировав в своё время из Венгрии или из сопредельных с ней государств в страны Запада, где прошли соответствующую профессиональную подготовку, приобрели навыки и квалификацию, они затем в качестве наёмных рабочих или специалистов (особенно в условиях мирового экономического кризиса) по трудовому договору выезжали на работу в Советский Союз. Даже их временное вхождение в состав эмиграции несколько меняло её почти сугубо коммунистический характер. Среди квалифицированных рабочих-эмигрантов, выходцев из довоенной Венгрии были металлисты (слесари, токари, кузнецы и пр.), представители строительных профессий, работники сферы обслуживания (пекари, повара, парикмахеры и др.). Конечно, определённую часть эмигрантов составляли люди творческих профессий, интеллектуального труда – учителя, преподаватели, адвокаты, врачи, торговые и банковские работники, аграрные специалисты, журналисты, инженеры, художники⁸⁷.

Приводя эти дополнительные общие сведения о структуре эмиграции из Венгрии, нельзя пройти мимо и её национальных составляющих. В этой связи, прежде всего, следует сослаться на многонациональный состав населения и армии довоенной Венгрии, а также военнопленных этой страны в Советской России. Поэтому, употребив выражение «венгерские эмигранты» и особенно «венгерские интернационалисты», необходимо учитывать, что они, наряду с этническими венграми, включают в себе также словаков, румын, сербов и хорватов, а также венгерских евреев, которые составляли преобладающую часть венгерской политэмиграции в Советской России (СССР). Причём последние во многом играли определяющую роль в организации и деятельности

коммунистического движения Венгрии на советских просторах. Именно представители последних проводили агитационную и политико-просветительскую работу среди военнопленных, организовали движение интернационалистов, создали восточную венгерскую политэмиграцию. Данное обстоятельство даёт основание и делает целесообразным прибегнуть к использованию в отношении этой эмиграции более объёмного и точного термина, именовать её *эмиграцией уроженцев Венгрии* в СССР. Большевистское ядро этой эмиграции формировалось далеко не на мононациональной венгерской, а на многонациональной, интернациональной основе. Эта линия нашла выражение и в названии самой Коммунистической партии Венгрии (КПВ), также инициированной и созданной теми же силами эмиграции, которая сохранила свой полиэтнический характер.

Суммируя изложенное о *восточной эмиграции уроженцев Венгрии*, можно констатировать, что возникла и формировалась она в Советской России на базе бывших военнопленных австро-венгерской армии. Российским большевикам удалось привлечь к своему движению отдельных, наиболее восприимчивых к социалистическим идеям, представителей военнопленных и способствовать образованию ими собственных коммунистических групп. Создав сначала в рамках РКП(б) свои организационные структуры, руководящие деятели последних сумели мобилизовать не только коммунистов, но и часть венгерских военнопленных на активное участие в защите советской власти в России. В организованное ими движение было вовлечено значительное число бывших военнопленных в качестве интернационалистов и борцов советской Красной Армии, воевавших за власть советов. Оставшимся же в России после завершения массового обмена, и ставшими в российских революционных условиях руководящими деятелями коммунистических групп и интернационалистов, путь к легальному возвращению в Венгрию был опасен, а, по сути, закрыт. Оставаясь в Советской России, они стали той силой, на основе которой оформилась и выросла коммунистическая политэмиграция из уроженцев Венгрии. Вскоре наиболее активные деятели этого коммунистического движения во главе с Б. Куном в 1918 г. в Москве учредили по образцу РКП(б), а затем, нелегально переехав в Венгрию, в тамошних революционных условиях заявили об образовании Коммунистической партии Венгрии (КПВ), призванной реализовать в стране идею «социалистического эксперимента». Его проведение в 1919 г., последующее поражение диктатуры, установленной коммунистами вместе с социал-демократами, их последующее возвращение в Россию в качестве политических беженцев, а затем и пополнение их рядов за счёт бывших политзаключённых из Венгрии, которых спасло вмешательство советского правительства, привели к приобретению восточной венгерской эмиграцией своего окончательного и классического вида. Она в итоге и стала коммунистической политэмиграцией выходцев из Венгрии.

В 20–30-е годы XX века эта политэмиграция, руководимая КПВ, свою основную задачу видела в подготовке кадров для будущей социалистической

революции, и в ожидании её скорого наступления стремилась к повторному утверждению пролетарской диктатуры в Венгрии. В Советском Союзе численность политэмигрантов из Венгрии при этом никогда не была величиной постоянной, а тем более статичной, впрочем, как и самой компартии в эмиграции. Ряд факторов затрудняет определение точного числа как тех, так и других. Ведь состав и структура эмиграции тоже менялись, её ряды пополнялись, имея в те годы тенденцию к росту. Поэтому в отношении к численности КПВ и коммунистической эмиграции в те годы историками часто использовались такие обтекаемые формулировки, как «несколько десятков тысяч человек», «многие из них приняли советское гражданство» или же «те, кто навсегда остались в СССР»⁸⁸. В самом деле, на положении «невозвращенцев» (в основном, эмигрантов) на территории СССР ещё десятилетиями продолжали оставаться эти «несколько десятков тысяч» выходцев из Венгрии, имея разный статус своего пребывания в стране. Одни оставались бывшими военнопленными, другие гордо назывались интернационалистами, третьи – беженцами, получившими статус политэмигранта, а некоторые стали советскими гражданами. Так или иначе, советская страна становилась для многих эмигрантов местом долговременного пребывания или второй родиной. Все оставшиеся или обособившиеся в СССР уроженцы Венгрии со временем в той или иной степени адаптировались к новой социально-политической среде и, в конечном счёте, интегрировались в жизнь советского общества, вместе с ним переживали успехи и испытания, выпавшие на долю страны и народа. Другой, заслуживающий специального исследования вопрос, насколько советская среда 1920–1930-х годов повлияла на оставшихся в эмиграции выходцев из Венгрии, как изменилась их самоидентификация после долгих лет пребывания вдали от родины, какие сохранились у них привязанности детства.

Нет сомнения, путь, пройденный от венгерского военнопленного до сознательного (или вынужденного) борца интернациональных отрядов или коммуниста-политэмигранта, а также советского гражданина, был для большинства из них далеко не простым. Если и не вся, то основная часть побывавших в эмиграции людей, так или иначе, по-своему прошла свой нелёгкий путь. Но он представляется наиболее тернистым и мучительным для тех простых бывших венгерских военнопленных, которые, не имея подобного официального статуса, бесследно затерялись в неизвестности или лагерях.

3. Роль компартии Венгрии в руководстве политэмиграцией в советских условиях

В Советском Союзе основной и определяющей силой для политэмигрантов из Венгрии с самого начала была и до конца оставалась КПВ, пользовавшаяся всемерной поддержанной со стороны советских и партийных органов.

Руководящие кадры компартии были убеждены и неизменно надеялись на то, что их пребывание за пределами Венгрии будет кратким. Поэтому в сфере партийно-политической деятельности ими сразу же была начата работа, направленная на подготовку к возвращению в страну. Возродив партию и продолжая рассчитывать на стремительное нарастание новой европейской революционной волны, организаторы коммунистического движения в 20–30-е годы XX века постоянно готовились к будущим революционным свершениям. С этой целью они развернули соответствующую пропагандистскую и организаторскую деятельность как в самой эмиграции (в СССР и Центральной Европе), так и в условиях венгерского подполья на родине.

Следует отметить, что по существовавшей практике члены национальных компартий в эмиграции вставали на партийный учёт в компартиях тех стран, где они находились. Такая перерегистрация была необходима и в Советском Союзе. В российско-советских условиях руководство КПВ с этой целью создало специальную комиссию (в составе Пал Хайду, Ференц Мюнних, Режё Санто, Шандор Сабадош), призванную заняться установлением степени готовности членов КПВ к перерегистрации в ряды РКП(б), а впоследствии в ВКП(б). За перерегистрацией необходимо было обращаться индивидуально, после чего названная комиссия обсуждала и рекомендовала их кандидатуры соответствующему горкому партии. Эта процедура вплоть до конца 20-х годов омрачала жизнь некоторых членов КПВ, так как далеко не все удостоились сразу допуска к приёму в состав РКП(б). Впрочем, подобная проверка касалась и членов СДПВ, вступавших в ряды компартии. Характерно, что члены КПВ, не прошедшие перерегистрацию официально не могли считаться политическими, а только экономическими эмигрантами, что в свою очередь несколько затрудняло им доступ к лучшему жилью и соответствующей работе. Правда, следует заметить, что в перерегистрации комиссия отказывала, в основном, коммунистам, прибывшим в СССР по необычным каналам⁸⁹, а индивидуально и через другие страны (главным образом для участия в восстановлении советского народного хозяйства, особенно в условиях мирового экономического кризиса).

Руководящие деятели возрожденной КПВ, вернувшись в СССР, первым делом взялись за активизацию работы Заграничного бюро и Венгерской группы при ЦК РКП(б). Кроме того, в Москве ими был создан новый орган, подобный правительству в изгнании под названием *Революционный комитет Венгрии*. В состав Ревкома вошли, в частности, такие видные представители руководства КПВ, а по сути заграничные члены венгерского советского правительства, как Бела Кун, Фаркаш Лебович, Эрнё Поор, Эндре Руднянски, Эрнё Липшиц и др. Ревком считал себя правительством ВСР за границей и ставил перед собой задачу восстановления советской власти в Венгрии⁹⁰. Это «эмигрантское правительство» проводило активные действия в этом направлении вплоть до прекращения своей деятельности весной 1920 г.

Совместная деятельность вышеуказанных органов предусматривала реализацию ряда актуальных задач, среди которых, – с учётом «приближавшейся» европейской революционной волны, – особое значение уделялось проведению масштабной агитационно-пропагандистской работы среди оставшихся в России бывших венгерских военнопленных, а также подготовке кадров для подпольной работы на родине. В Венгрии коммунисты на начальном этапе стремились к самостоятельным действиям, но после ряда разоблачений и провалов убедились в необходимости налаживания деятельности в легальных социал-демократических организациях. И это уже соответствовало решениям Исполкома Коминтерна (ИККИ).

Ожидание новой революционной волны мотивировалось нарастанием мирового экономического кризиса. В этой связи венгерский историк Д. Боршани справедливо отмечал: «Мировая революция, как универсальное лекарство от кризиса, имела большую притягательную силу, особенно, среди интеллигентов. Даже сознательные защитники капиталистической системы считались с ней, как с реальной опасностью»⁹¹. Поэтому не удивительно, что руководство КПВ и московская коммунистическая эмиграция ожидали наступления момента, надеялись воспользоваться такой ситуацией. В сентябре 1919 г. снова открылась Московская школа агитаторов и в ней КПВ развернула подготовку пропагандистов и будущих красных командиров из числа интернационалистов. С этой целью воинские части советской Красной Армии начали посещать коммунисты для выявления среди служивших там венгерских солдат наиболее способных и одарённых кадров, набора их для подготовки в качестве будущих красных командиров. После обучения предполагалось переправить их в Венгрию для ведения пропагандистской работы и совершения будущих революционных действий. Подобные школы и курсы открылись также в Баку и в Туркестане, в местах базирования части венгерских интернационалистов. При подборе и подготовке претендентов учитывалось, что «попавшим на эти командные курсы предстоит не только служба в местных интернациональных частях, но особенно то, чтобы из них можно было создать ядро красных офицеров для будущей пролетарской революции в Венгрии»⁹². Отбор слушателей курсов в сентябре 1920 г. проводился на основании решения Центрального бюро венгерских отделов агитпропа при РКП(б). Подготовка красных командиров приобрела особую важность весной 1921 г., когда руководство коммунистической эмиграции уже прогнозировало наступление времени активных действий.

Эти же цели преследовало проведение в советской столице в марте 1920 г. первой Всероссийской конференции венгерских секций агитпропа при РКП(б), где для руководства текущей работой было избрано Центральное бюро в составе Э. Руднянского, Е. Варги, П. Маркуша, Я. Перени и Н. Рааба. Впоследствии было проведено ещё несколько подобных конференций. Сохранившиеся сведения о делегатах этих форумов позволяют определить, что в начале 1920-

х годов среди уроженцев довоенной Венгрии в Московской и в 14 других губернских секциях РКП(б) на территории РСФСР на партийном учёте состоял в общей сложности 3761 член и кандидат в члены партии⁹³. Если учесть, что вместе с этими коммунистами в эмиграции находились также члены их семей, то можно определить, что коммунистическим влиянием лишь по семейным каналам было охвачено в среднем, как минимум, примерно в 2–3 раза больше людей, чем число самих членов и кандидатов в члены партии только по Российской Федерации, т. е. порядка 7–10 тыс. эмигрантов из Венгрии. Примечательно, однако, что среди делегатов названных конференций почти не было делегатов от крестьян⁹⁴, а это косвенно проливает свет, как на социальный, так и на национальный состав коммунистического контингента данной части политэмиграции.

На первой конференции главные докладчики проанализировали деятельность КПВ в эмиграции и наметили задачи партии на будущее – «Наша деятельность на территории РСФСР» (П. Маркуш) и «Наши задачи в Венгрии» (Э. Рудянский). Коммунисты и кандидаты в члены партии в условиях эмиграции были ориентированы, в первую очередь, на активизацию политико-просветительской работы среди самых разных групп эмигрантов и бывших военнопленных. Для коммунистов подполья в Венгрии, первоочередной задачей ставилась разъяснительная и просветительская работа в массах и подготовка к будущей революции. Последующие конференции решали схожие задачи, отмечая важность всемерного использования российского революционного опыта, укрепления связей между РКП(б) и КПВ в интересах «мировой и венгерской революции»⁹⁵. Именно такая задача ставилась тогда как перед компартией, так и эмиграцией.

В 1921 г., когда по определению руководства КПВ революционная обстановка уже назрела, обучение пропагандистов приобрела особую значимость. Тогда из рядов советской Красной Армии демобилизовали немало интернационалистов, для подготовки к отправке на работу в Венгрию. С февраля по июль 1921 г. только через одну Московскую школу агитаторов и пропагандистов туда было направлено 4600 подготовленных кадров⁹⁶. Учитывая, что подобную работу с кадрами агитаторов осуществляли и другие школы, эта акция явно сопровождалась дальнейшим сокращением числа остававшихся в советской эмиграции венгерских граждан. Правда, при этом имел место и относительно небольшой обратный приток – в эмиграцию приезжали кадры, которых присылали из Венгрии на учёбу. В Москве они проходили подготовку в Высшей партийной школе им. Б. Куна и в Школе Центрального бюро венгерских секций агитпропа при РКП(б).

Результаты мобилизации и отправки части интернационалистов на учёбу и нелегальную работу в Венгрию показали, что только в эшелонах, возвращавшихся на родину до апреля 1921 г., среди 6 тыс. венгерских военнопленных насчитывалось 964 коммуниста и 1114 потенциальных «красных команди-

ров», демобилизованных из рядов Красной Армии и прошедших отмеченную подготовку. В Венгрию накануне отправилось также несколько членов Центрального бюро агитпропа партии (Надор Орос, Эрнё Мюллер и ещё 15 чел.). По имеющимся данным, за 1921 г. в Венгрию в общей сложности было перебросено 2400, а по другим источникам – до 3000 коммунистов⁹⁷, которым предстояла соответствующая работа в массах. Решение о такой масштабной отправке коммунистов на родину в составе возвращавшихся домой военнопленных в июле 1921 г. было принято Центральным бюро агитпропа в составе Бела Куна, Енё Ландлера, Эрнё Руднянски и Дёрдя Лукача. Оно мотивировалось предполагаемым назреванием революционной обстановки в Венгрии. Поэтому вслед за группой Н. Ороса в страну вскоре выехали также члены руководства КПВ Матяш Ракоши, Золтан Санто, Йожеф Реваи и др. Немногочисленные коммунисты-подпольщики в самой стране встречали и принимали их как посланцев Москвы и Коминтерна. В краткий период их пребывания у коммунистов-подпольщиков они были окружены ореолом настоящих революционеров и «среди подпольщиков имели особый статус»⁹⁸.

Однако, в оценке текущего момента и общей ситуации в Венгрии представители московского руководства компартии Венгрии на сей раз ошиблись. Даже отмеченный масштабный «десант» коммунистов и будущих «красных командиров» в реальных условиях не мог обеспечить ожидавшийся ими революционный взрыв. Более того, просчитались они и с масштабным экспортом «будущих революционеров», который вызвал серию полицейских арестов, нанесших ощутимый удар по коммунистическому подполью. Поскольку это не привело к прекращению дальнейшей отправки в Венгрию новых подготовленных кадров, их всё чаще выявляли и арестовывали. В сентябре 1925 г. всего за три дня венгерская полиция арестовала около 50 активистов и членов руководства КПВ. Среди них оказался и такой известный впоследствии партийный деятель, как Матяш Ракоши, которому пришлось провести долгие годы в Сегедской тюрьме «Чиллаг». Вместо них в 1929 г. московский центр эмиграции прислал в Венгрию новых руководителей (Шандора Фюрста, Имре Шаллаи, Дёрдя Киллиана, Фридеша Карикаша и др.) для коммунистического подполья, но большинство из деятелей этой группы вскоре также оказалось в заключении (причём Фюрст и Шаллаи были казнены). Приводя эти сведения и расчёты, нельзя не отметить отдельные удачные коммунистической тактики, которые исходили, однако, от обитавших в самой Венгрии представителей партии. Как ни парадоксально, но им в середине 1920-х годов удавалось благодаря переименованию компартии в открыто действовавшую *Социалистическую рабочую партию Венгрии* (её нередко называли тогда просто «Партией Иштвана Ваги») стать на время легальной партией. Это легальное прикрытие позволило ей почти два года подряд свободно функционировать при контрреволюционном хортистском режиме. Явным успехом компартии можно считать также внедрение и действия части своих членов в рядах левого крыла легаль-

ной оппозиционной СДПВ, которая имела своё представительство в парламенте страны. При этом эмигрантскому руководству КПВ, ожидавшему рост новой европейской революционной волны, в 1920–1930-е годы так и не удалось повторить опыт 1919 г., что, конечно, не означало принципиального отказа от намеченной цели.

В 20–30-е годы XX века КПВ, как главной организующей силе выходцев из Венгрии в советской эмиграции, уже приходилось считаться с фактором разнородности эмиграционной среды, учитывать структурные различия её состава. Хотя основная масса этих политэмигрантов и примыкающих к ним групп эмиграции на рубеже 1910–1920 гг. ещё не теряла оптимизма и веры в возможность переустройства общества на коммунистический лад, ситуация с самого начала требовала ведения постоянной идейно-воспитательной работы среди эмигрантов. Со временем это всё больше осознавали и в руководящих кругах эмиграции. В этой связи сошлёмся на определение одного из венгерских историков-исследователей, который, в частности, отмечал: «Не все венгерские эмигранты смогли быстро освоиться с новыми условиями жизни в незнакомой стране. Руководители компартии Венгрии не без основания полагали, что среди эмигрантов имеются и не проявляющие симпатию к советскому строю и они будут стараться скорее уехать на Запад. Практика впоследствии подтвердила и другое предположение партруководства. Некоторые из приехавших венгров, увидев вызванное войной и интервенцией тяжелое политическое и экономическое положение страны, впали в отчаяние»⁹⁹. Учитывая такую ситуацию, нельзя удивляться тому, что руководство КПВ с самого начала придавало особое значение проведению воспитательной работы среди своих эмигрантов. Для этого организовались разного рода мероприятия и встречи. В Москве, например, в *Доме эмигрантов* на Воронцовом поле часто читались для них лекции, устраивались встречи с представителями высшего советского руководства (в том числе с Председателем ВЦИК, «всесоюзным старостой» М. И. Калининым) и московского горкома РКП(б)¹⁰⁰.

Для эмигрантов в начале ноября 1921 г. в присутствии представителей ЦК РКП(б) и Исполкома Коминтерна в Москве был открыт *Венгерский клуб*, где организовали курсы по изучению русского языка, регулярно проводились политические семинары, читали газеты «Правда» и «Известия» с переводом на венгерский язык. К чтению лекций и проведению семинаров привлекались такие известные ораторы и пропагандисты, которые ещё в Венгрии получили хорошую марксистскую подготовку и имели ораторские способности: Дежё Бокани, Дюла Хевеши, Режё Санто, Йожеф Погань, Эрнё Ландлер, Дёрдь Нистор, Енё Гамбургер, Имре Шаллаи и др. В 1923–1924 гг. тематику лекций составляли, прежде всего, такие актуальные политические темы, как влияние Октября на венгерское рабочее движение, перспективы мировой революции, Конституция РСФСР, социальные завоевания советской власти, новая экономическая политика и пр. Перед эмигрантами выступали также Б. Кун, Е. Варга,

М. Ракоши и др. Центры образования и просвещения для эмигрантов, подобные московскому клубу, были открыты также в Киеве, Ленинграде, Баку, Одессе, Ташкенте и других городах¹⁰¹.

В условиях политэмиграции большое значение придавалось марксистско-ленинской подготовке кадров. Наиболее способные коммунисты-эмигранты направлялись руководством КПВ на учебу в *Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, в Институт красной профессуры*, а с конца 20-х годов, уже после открытия *Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского* – и в это учебное заведение. При Венгерском клубе в Москве работала также партийная школа с преподаванием на венгерском языке. Вся эта деятельность руководства эмиграции была направлена на идейно-политическое воспитание и подготовку подкованных кадров для будущих революционных свершений. В СССР и в некоторых других странах, где осели эмигранты из Венгрии, ЦК КПВ в целях расширения своего влияния на эмигрантскую среду большое значение придавал распространению печатной пропаганды. В этом отношении особое место принадлежало издававшемуся в Москве журналу на венгерском языке «*Sarló és Kalapács*» («*Шарло эш калапач*» – «*Серп и Молот*»). Он выпускался с декабря 1929 г. по ноябрь 1937 г. Журнал вносил весомый вклад в дело просвещения и коммунистического воспитания, в организацию и мобилизацию всех сил эмиграции. Он знакомил читателей с положением в мировом коммунистическом движении, достижениями СССР в социалистическом строительстве, публиковал статьи о Венгерской Советской республике, информировал о положении в Венгрии, освещал жизнь самой эмиграции¹⁰². С начала 1930-х годов в распоряжении коммунистов-политэмигрантов из Венгрии как, прочем, и коммунистов из других стран мира, оказалась и крупнейшая на том этапе в мире радиовещательная станция Коминтерна. Она давала возможность организовать и вести на волнах Москвы радиопередачи на языках.

Подводя некоторые важнейшие итоги характеристики эмиграции уроженцев Венгрии на советской земле, прежде всего, следует отметить, что её численность, – несмотря на то, что не поддаётся точному определению, – была довольно значительной. Она представляла собой силы левой политической ориентации, преимущественно, коммунистической. Её основной организующей силой с самого начала стали коммунисты и созданная ими компартия. Эта эмиграция в идейно-политическом и организационном отношении выросла на базе большевизма, окрепла в российских революционных условиях и завершила своё оформление в Венгрии. Приведённые факты о возникновении и развитии восточной венгерской коммунистической эмиграции в России вместе с тем подтверждают, что её численность не была и не оставалась статичной. Политэмиграция в численном отношении, хотя и не существенно, но постоянно менялась, поэтому трудно поддаётся чёткому определению даже на ключевых этапах её развития. Причиной тому является отсутствие полной

и достоверной статистики, а также периодические отправки подготовленных коммунистами кадров на подпольную работу в Венгрию или в другие страны.

Больше определённости существует в отношении географии и регионального рассредоточения эмигрантов из Венгрии по территории России и всего Советского Союза. Их эмигрантские центры, как и коммунистические ячейки и организации, возникли и развились, как отмечалось, в местах концентрации бывших австро-венгерских военнопленных и интернационалистов, которые затем пополнились представителями уже классической политэмиграции. Основными центрами эмиграции выходцев из Венгрии, наряду с Москвой, стали города и регионы, где сформировались и действовали организации КПВ. Это, прежде всего, Ленинград, Казань, регионы Сибири, Дальнего Востока, Туркестана и Кавказа. В этих местах после окончания гражданской войны ещё долго оставался существенный контингент бывших военнопленных и венгерских интернационалистов, составивших основу коммунистической эмиграции. Их группы впоследствии были размещены в более чем 30 городах СССР. На европейской части страны это были: Москва, Ленинград, Горький, Казань, Воронеж, Калуга, Тула, Одесса, Ростов-на-Дону, Краснодар, Саратов, Днепропетровск, Харьков и др. На Кавказе представители эмиграции присутствовали в Грозном, Баку и Тбилиси, в Сибири – в Иркутске, Новосибирске, Челябинске и центре Алтайского края Барнауле; в Киргизии – во Фрунзе.

Политэмиграция, оформившаяся на базе части бывших венгерских военнопленных на советской территории, по своему составу была далеко не однородной, хотя так или иначе состояла из людей левых политических взглядов и убеждений. Основное ядро её с самого начала составляли бывшие венгерские граждане, ставшие коммунистами в российских революционных условиях. Остальные были привлечены ими к интернационалистскому движению и затем остались в местах своих сражений эмигрантами или гражданами страны Советов. Третью категорию, группу классических политэмигрантов, представляли бывшие политзаключённые, освобождённые из венгерских тюрем советским правительством. Их ряды впоследствии пополнились разными группами эмигрантов, прибывшими в СССР для участия в развернувшемся процессе социалистической индустриализации.

В партийно-политической структуре эмиграции уроженцев Венгрии, которая больше всего ассоциируется с именем Б. Куна, – инициатора коммунистического движения страны, её определяющей личности, с самого начала и вплоть до конца 30-х возглавлявшего КПВ, – доминирующей силой являлись коммунисты-интернационалисты. Меньшую часть эмигрантов составляли левые социал-демократы и беспартийные. При этом следует согласиться с определением К. Немета, одного из руководителей ВСРП, который в 1986 г. в предисловии к московскому изданию книги о Б. Куне, в частности, подчёркивал: «Кун в конце 20-х – начале 30-х годов руководил довольно многочисленной венгерской эмиграцией, которая состояла из оставшихся в Советском

Союзе бывших венгерских военнопленных, а также из коммунистов, вырванных из тюрем хортизма и прибывших в СССР после работы в глубоком подполье»¹⁰³. Эмиграция в профессиональном и образовательном отношении также была разной. Основная организованная часть эмигрантов имела среднее, меньшая – незаконченное высшее или высшее образование. Многие из эмигрантов, обосновавшихся в Советском Союзе, приобретали знания и профессиональное образование уже в советских вузах и других учреждениях, становились специалистами. Часть из них проходила обучение в специально созданных коммунистами школах по подготовке кадров. На курсах «красных командиров» получали военную профессию, а в системе партийного обучения – высшую партийно-политическую подготовку (т. н. Ленинская школа, впоследствии ВПШ) проходили будущие партийные работники.

Глава 3

Эмиграция буржуазных радикалов и левых политических сил в Центральной Европе. Основные эмиграционные центры в 20–30-е годы

Общая характеристика основных отрядов и центров политэмиграции в центрально-европейском регионе

После поражения двух венгерских революций начала XX века – буржуазно-демократической (1918 г.) и пролетарской (1919 г.) – в Центральной Европе постепенно образовались разного идейно-политического толка группы и отряды политэмигрантов, покинувших тогда Венгрию. Главными местами их сосредоточения и базирования, наряду с уже отмеченной Советской Россией, были прежде всего столицы сопредельных с Венгрией государств. На первом этапе самым значительным эмиграционным центром закономерно стала и надолго оставалась столица Австрии Вена. Основная масса эмигрантов пробиралась туда разными путями, в подавляющем большинстве нелегально. Леворадикальные и буржуазные демократы, как и социал-демократы, предпочли обосноваться именно в австрийской столице и преимущественно лишь коммунисты стремились продолжить свой путь в советскую или германскую эмиграцию. Для эмигрантов близость австрийской столицы к Венгрии, Будапешту облегчала коммуникационные связи, сделала Вену весьма удобным местом для наблюдения за происходившими в Венгрии политическими событиями и переменами.

Австрийские власти предоставили возможность для пребывания в Вене, как представителям бывших правящих элит, так и лидерам основных оппози-

ционных политических партий, т. е. группам политэмигрантов с разной идейно-политической ориентацией. Большинство из них было вынуждено покинуть пределы Венгрии и искать хотя бы кратковременное (как то и предполагало большинство беженцев) убежище и приют в этой сопредельной стране. Эмигранты надеялись, что установившийся на родине контрреволюционный режим во главе с контр-адмиралом М. Хорти долго не продержится, и они вскоре получат возможность вернуться в страну.

В венской и вообще в центральноевропейской венгерской политэмиграции 20-30-х годов XX века, по подсчётам историков, насчитывалось в общей сложности порядка 300 тысяч беженцев-эмигрантов. Тогда именно там развёртывалось формирование трёх основных, отличавшихся друг от друга и даже соперничавших между собой, идейно-политических течений и группировок венгерской политэмиграции. Эта разнородная по своему характеру эмиграция с самого начала сгруппировалась и формировалась из трёх таких основных венгерских политических сил той эпохи, как умеренные центристы и леворадикальные буржуазные демократы, социал-демократы, а также коммунистические группы. Они не сразу, но со временем дополнили полноценным спектром идейно-политическую гамму эмигрантских формирований. На начальном этапе эмиграции они считались весьма близкими левому крылу социал-демократов, однако на самом деле всё же стояли особняком от него, как и от всех прочих эмигрантских групп и отрядов. Вместе с тем со временем несколько расширилась и сама география эмиграции в центральноевропейском регионе. Важными эмиграционными центрами для левых политических сил становились также Берлин и Прага, а несколько западнее и Париж. При всём этом Вена так и не утратила свою центральную и определяющую роль для всех политэмиграций, она продолжала оставаться главным местом деятельности самых разных эмиграционных групп, покинувших Венгрию.

В Вене характерным образом уже накануне распада Австро-Венгерской монархии, да и в условиях венгерской буржуазно-демократической революции начали собираться силы, которые отказывались или не были готовы принять политические устремления, провозглашённые буржуазными демократами, уже не говоря о тех переменах, которые осуществлялись в стране вслед за ними коммунистами вместе левыми социал-демократами.

Уже первые группы эмигрантов, покинувшие Венгрию и прибывшие в Австрию во главе с буржуазно-либеральным политиком, адвокатом Вилмошом Важони, с ноября 1918 г. взялись за формирование в Вене *умеренного крыла венгерской эмиграции*. Этот процесс значительно продвинулся после того, как к ним присоединился ряд других известных политиков центристского толка (включая социал-демократов Дюлу Пейдла, Мартона Ловаси, Лайоша Хатвани, а затем и Мано Бухингера). Следует отметить, что на первом этапе, т. е. вскоре после поражения названных двух венгерских революций, представите-

ли этих политических кругов эмиграции ещё предпринимали попытку найти общий язык с установившейся в Венгрии новой контрреволюционной властью, но она оказалась безуспешной.

С умеренными силами политэмиграции после прибытия в Вену в марте 1919 г. возобновил контакты и такой широко известный, видный левый политический деятель, как Эрнё Гараме. Он до Венгерской Советской республики (ВСР) 1919 г. считался одним из наиболее авторитетных представителей венгерской социал-демократии, а затем стал главным противником объединения СДПВ с партией коммунистов. Вместе с ним такой же линии придерживались и некоторые другие представители социал-демократии, направившиеся в венскую эмиграцию. Умеренные круги этих политэмигрантов в начале 1920-х годов в столице Австрии наладили выпуск венгерской газеты «*Jövő*» («*Эвэ*» – «*Будущее*»), которая усердно и безжалостно бичевала утвердившийся на родине после подавления «венгерской коммуны» контрреволюционный режим Миклоша Хорти, подвергая также острой критике радикальное крыло всей эмиграции. В целом следует отметить, что умеренные силы в условиях эмиграции тоже не пользовались особой популярностью, хотя при этом на Западе, да и на родине с ними вплоть до полной консолидации хортистского режима считались как с возможной правящей и перспективной политической силой Венгрии.

Вслед за умеренными в венскую эмиграцию подались леворадикальные буржуазные демократы, покинувшие Венгрию уже после утверждения в стране коммунистической диктатуры. Обосновавшись в основном также в Вене, они являли собой самостоятельное крыло венгерской политэмиграции. Представители этой эмиграции создали одну из наиболее влиятельных групп эмигрантов ещё до окончательного поражения Венгерской Советской республики в начале августа 1919 г. Их главным представителем, теоретиком и организатором стал бывший министр по делам национальностей в правительстве М. Каройи, председатель Радикальной партии *Оскар Яси* (1875–1957), урождённый *Якубович*, который уже в начале мая 1919 г. прибыл в австрийскую столицу. Вслед за ним туда же последовали многие ведущие буржуазные радикалы, в частности, бывший министр финансов того же правительства, адвокат Пал Сенде, а также Карой Полани вместе с другими членами такой известной в Венгрии в начале века организации обществоведов, как *Товарищество общественных наук*. В 1900–1919 гг. их усилиями редактировался и выпускался весьма авторитетный ежемесячный журнал «*Huszadik Század*» («*Хусадик század*» – «*Двадцатый век*»), который, среди прочих, популяризировал идею буржуазного радикализма. Нельзя не отметить, что к этим кругам примкнул также ряд членов *Кружка Галилея*, включая журналиста Йозефа Маджара. Кружок был создан частью университетской молодёжи в 1908 г. и разделял те же идеи, пользовался поддержкой вольных каменщиков. В руководстве кружка, установившего связи с левыми социал-демократами, важную роль играл

К. Полани. В годы войны кружок выделялся антимилитаристскими позициями, участвовал в создании компартии Венгрии и установлении органов власти ВСР 1919 г.

Буржуазные радикалы во главе с О. Яси и П. Сенде имели хорошие связи в правящих кругах чехословацких и югославских политиков. Учитывая, что их интересы совпали, они в условиях эмиграции могли рассчитывать на помощь и поддержку последних в своей борьбе против хортистской власти в Венгрии. Вместе с другими политэмигрантами левые буржуазные радикалы добивались свержения М. Хорти, а политические лидеры сопредельных с Венгрией новых государств, опасаясь реванша и ирредентистских устремлений со стороны правящих хортистских кругов, были готовы оказывать политэмигрантам соответствующее содействие, хотя и делали это далеко не публично.

Для реализации своих намерений эмигранты этого буржуазного радикального лагеря считали важным иметь своего лидера, способного возглавить силы всех политэмигрантов. На этот пост они искали такую ключевую политическую фигуру, которая пользовалась бы довольно широким авторитетом и доверием в массах на родине, а также в эмиграции. Представители этих кругов при этом осознавали, что после мировой войны и двух революций в венгерском обществе не осталось доверия к политическим партиям и их руководящим деятелям. С учётом этого они делали ставку на такую широко известную и в какой то мере стоявшую как бы над партиями личность, каким был или считался экс-президент Венгерской Республики 1918 г. в эмиграции М. Каройи. Поэтому именно его пытались привлечь на свою сторону. Левые буржуазные радикалы, как и другие группы эмигрантов, в начале своей эмиграции были уверены, что контрреволюционный строй в Венгрии долго не устоит, вызовет всенародное недовольство и рухнет. Исходя из этого, они считали важным и возможным с помощью графа Каройи объединить вокруг себя разные силы эмиграции, а в самой стране надеялись заручиться поддержкой основной части населения.

Характерно, что в сложившихся условиях М. Каройи также считал реально возможным сплотить вокруг себя разные политические силы всей послевоенной венгерской эмиграции, поэтому дал своё принципиальное согласие. Однако переговоры, которые начали буржуазные левые радикалы с представителями разных групп эмиграции, выявили существенные расхождения в позициях и взглядах лидеров отдельных эмигрантских групп и помешали объединению их усилий. Граф подтвердил свою готовность возглавить объединённые силы всей эмиграции, но с оговоркой, что будут представлены в них *все политические силы* страны, включая коммунистов. Сотрудничать же с коммунистами отказывались представители многих эмигрантских групп, включая самого О. Яси и его сторонников. Это в итоге и помешало осуществлению намеченных планов. Вскоре и самому Каройи пришлось убедиться в нереальности выдвинутых инициатив, хотя, в сущности, некоторое время он ещё не терял надеж-

ды объединить все политические силы эмиграции под своим руководством. Выяснилось, однако, что не только социал-демократ, традиционалист Э. Гарамы и другие умеренные силы социал-демократической эмиграции, но даже те бывшие левые и центристские силы СДПВ, которые ранее активно сотрудничали с коммунистами и участвовали в провозглашении ВСР, в утверждениях диктатуры от имени пролетариата, после поражения республики посчитали своим долгом пересмотреть прежние взгляды и позиции и отмежевалась от них.

Покинувшая Венгрию *социал-демократическая политэмиграция* в Вене оформилась не сразу и, как это вытекает из изложенного материала, она состояла не только из одних умеренных политических сил. Ряды умеренных социал-демократов пополнили сначала такие известные деятели СДПВ, как Вилмош Бём (бывший посол Венгрии в Австрии, оставшийся в Вене после поражения республики) и его сторонники, а также бывшие наркомы ВСР Жигмонд Кунфи, Шандор Гарбаи, Золтан Ронаи и др. Им удалось избежать ареста и выехать в австрийскую столицу, где, получив политическое убежище, они стали политэмигрантами. При всём этом следует отметить, что названные деятели и некоторые другие представители левых и умеренных социал-демократов так и не нашли возможностей для сотрудничества между собой в рамках Второго Интернационала и представляли разные направления и отряды социал-демократического движения Венгрии в условиях эмиграции.

Отношения М. Каройи и левой части руководства СДПВ оказались натянутыми с момента установления диктатуры от имени пролетариата в Венгрии, поскольку граф считал, что лидеры левых политических сил 21 марта 1919 г. без его ведома и за его спиной сговорились с коммунистами. В дальнейшем, уже в условиях венской эмиграции, отношения левых социал-демократов с экс-президентом несколько улучшились, хотя прежние расхождения не прошли бесследно и оказали противоречивое влияние на развитие их взаимоотношений. Кроме того, если представители левых деятелей СДПВ во главе с Ж. Кунфи в Вене уже пересмотрели свои прежние взгляды и позиции, старались откеститься от недавнего прошлого, то М. Каройи, наоборот, постепенно начал сближаться и был готов на далеко идущее сотрудничество с коммунистами. И всё же, для графа, – который первое время своей эмиграции провёл на территории нового, только что учреждённого чехословацкого государства, – основной и самой надёжной опорой были лидеры буржуазных радикалов О. Яси и П. Сенде. С ними у Каройи сложились довольно тесные отношения и сотрудничество. При всём этом, однако, увлечённость графа коммунистами нарушила их прежнее полное взаимопонимание.

Коммунистическая политэмиграция уроженцев Венгрии, хотя её главным центром и основным местом базирования по-прежнему оставалась Москва, определёнными силами была представлена также в Вене и Берлине, а частично и в Париже и Праге. В начале августа 1919 г., уже после поражения ВСР,

в австрийской столице, где компартия не была под запретом, коммунисты работали на постоянной основе под прикрытием либо легально. (Схожей была ситуация и в Берлине, в период Веймарской республики). Полноценной деятельности представителей венгерской коммунистической политэмиграции в Австрии в постреволюционных условиях в некоторой степени мешали, однако, такие обстоятельства, как интернирование Б. Куна, его последующая высылка в Советскую Россию, полицейский надзор, да и сама фракционная борьба, охватившая компартию, а впоследствии и повторный арест Б. Куна в 1928 г. в Вене.

Краткая характеристика, приведённая здесь для общей ориентации в вопросах становления разных отрядов венгерской политэмиграции в Центральной Европе, позволяет перейти к конкретному анализу эмиграционных процессов и деятельности эмигрантских формирований в регионе, включая рассмотрения основных аспектов их организационной и идейно-политической деятельности.

2. Прага–Вена: буржуазные левые и социал-демократы в поисках сплочения сил эмиграции (1919–1920)

Одной из сопредельных стран, куда из Венгрии направилась часть вынужденных политэмигрантов, была Чехословакия. Среди этой, не столь многочисленной части венгерских эмигрантов, находился экс-президент Народной республики 1918 г. Михай Каройи (1875–1955). Чехословацкий период его эмиграции оказался тихим, сокрытым от глаз широкой общественности как Венгрии, так и Чехословакии. О пребывании графа в этой новой центрально-европейской стране мало кому было известно, но именно там прошел начальный этап его эмигрантской жизни. Негласное нахождение в Чехословакии позволило Каройи выждать, присмотреться к происходящим на родине событиям, взвесить свои силы и возможности в отношении всей будущей венгерской политической эмиграции 1918 и 1919 гг. Вместе с тем, проведённое там время оказалось для него достаточно сложным и неоднозначным, хотя и деятельным. Вначале он дождался обнадёживавших для себя перемен на родине, надеясь на возможное скорое возвращение в страну. Граф взвешивал итоги пройденного им пути в политике, обдумывал и решал, с какими силами быть ему в дальнейшем, взвешивал, на какие внешние силы, какие эмигрантские отряды ему следует опереться в условиях вынужденной эмиграции, выявлял перспективные возможности. Спустя некоторое время уединение Каройи было нарушено. Вокруг него, – как это часто случается с ведущими политиками, потерявшими власть и оказавшимися на положении политэмигрантов, – начали собираться его бывшие соратники, единомышленники и предполагаемые потенциальные союзники, которые видели в нём своего возможного

лидера, способного сплотить силы разных групп эмиграции, мобилизовать их на борьбу с режимом, сделавшим их изгоями.

Ведущие представители разных эмигрантских групп, основные силы которых сосредоточились на территории Австрии и Германии, искали с М. Каройи встречи, обсуждали предложения и планы на ближайшее будущее. Касались они возможных вариантов объединения усилий, заключения союзов и соглашений в рамках разнородной эмиграции, обсуждались возможности формирования оппозиции на родине. Для реализации своих устремлений часть политэмиграции искала также внешнюю поддержку и помощь, опору во влиятельных кругах сопредельных государств, заинтересованных в ослаблении и даже в свержении установившегося в Венгрии политического строя. Основной целью эмиграции оставался поиск возможностей для скорейшего возвращения эмигрантов на родину.

Граф М. Каройи до самого конца 1919 г. оставался в Праге и вначале лишь довольно пассивно наблюдал за событиями, дожидаясь их исхода, решения судьбы Венгрии. В своё время ему, ещё находясь у власти, пришлось горько разочароваться в Антанте. Он ей прежде очень доверял, надеялся на неё и рассчитывал. Здесь стоит отметить, что граф, – ещё будучи президентом и пацифистом, желая доказать великим державам своё миролюбие, – совершил довольно наивный, недопустимый для политика и главы государства шаг. В самый проблемный момент, в роковой для страны период (к концу мировой войны) он необдуманно пошёл на разоружение венгерских солдат, возвращавшихся с фронтов, чем существенно ослабил вооружённые силы страны, которая оказались незащищённой перед надвигавшимися вражескими силами Антанты и её приспешников. Эту ошибку впоследствии пытались, но по ряду причин уже не сумели исправить деятели Венгерской Советской республики 1919 г. Силы Антанты сами решали судьбу Венгрии, вовсе не считаясь с мнением её народа и президента, осуществив свой диктат в отношении к послевоенной Венгрии. При этом характерно, что Каройи в начале своей эмиграции ещё доверял отдельным странам Антанты и как демократ всё ещё надеялся на исправление ими допущенных в отношении Венгрии «недоразумений». Он также ожидал, что, будучи демократом и пацифистом, сам будет востребован великими державами как глава будущей Венгрии. Нет необходимости описывать, что эти ожидания графа не оправдались. Лишь после того, как он убедился в том, что страны Запада также поддержали в Венгрии консервативный поворот во главе с М. Хорти, граф вместе с семьей удалился из Праги в одно из курортных местечек Чехословакии, заняв выжидательную позицию.

Михаю Каройи ещё до этого удалось установить связи с некоторыми близкими друзьями и малочисленными единомышленниками в эмиграции. Он наладил также отношения с ведущими чехословацкими политическими лидерами – президентом республики Т. Г. Масариком (1850–1937), министром

иностранных дел Э. Бенешем (1884–1948), госсекретарём М. Годжей и др. С этими политиками он был лично знаком, и они обеспечили ему временное убежище на территории своей республики. В Вене же обосновались его наиболее близкие соратники Оскар Яси, Пал Сенде, Янош Хок, Генри Шимони и Йозеф Динер-Денеш, а также социал-демократы Вильмош Бём и Ференц Гёндёр, которые время от времени информировали Каройи о реальной ситуации и политических переменах в Венгрии, о положении дел во всей венской венгерской эмиграции.

Самому М. Каройи пришлось, однако, убедиться и в том, что политические партии Венгрии, которые после военных и революционных катаклизмов (включая поражение «венгерской коммуны») возродились и возобновили свою деятельность в стране, практически отвернулись от него. Это на деле означало, что в Венгрии для него не осталось политической опоры, что в дальнейшем он вряд ли может рассчитывать на их поддержку, как, впрочем, и на западных демократов, ведь политические круги Запада фактически признали консервативные силы страны во главе с М.Хорти. Более того, настало время, когда к графу изменилось отношение самих чехословацких руководителей и лидеров политических партий. Если они ранее считались с М. Каройи как с потенциальным союзником во главе венгерского государства и, естественно, рассчитывали на него в своей борьбе против хортистского правления, опасаясь ирредентистских устремлений последнего, то вскоре ситуация существенно изменилась. Чехословацкие руководители со временем стали ему деликатно намекать, а затем при личных встречах с графом всё чаще и определённое высказываться о том, что в случае отстранения Хорти от власти либо интервенции против Венгрии, они предпочли бы видеть во главе страны такого умеренного политика, которого принимает Запад, и личность которого не вызывает возражений также со стороны венгерских буржуазных политиков и аристократов. Эмигрант Каройи со временем всё меньше стал соответствовать критериям потенциального претендента. В итоге даже госсекретарь Чехии М. Годжа, занимавший одновременно пост чехословацкого посла в Венгрии, через которого ранее передавались письма Каройи его друзьям на родине, вскоре не раз давал экс-президенту почувствовать, что он всего лишь эмигрант¹⁰⁴.

В 1919–1921 гг. в условиях эмиграции Каройи и его немногочисленные сторонники явно не представляли собой такой внушительной силы, которая могла бы решительно повлиять на изменение международного положения Венгрии, а тем более сменить установившийся в стране консервативный политический режим. Но эмигранты добивались именно этого. Поэтому, наряду с опорой на собственные силы и возможности, с попыткой мобилизовать всю эмиграцию, что также требовало соответствующей организации и сплочения сил, сторонники графа явно нуждались и во внешней поддержке. А такой поддержкой они пытались заручиться, прежде всего, в лице правящих политиче-

ских элит тех государств, в которых обосновались в качестве политэмигрантов. Объединение и мобилизация сил всей политэмиграции, впрочем, как и поиск эффективной внешней поддержки, оказались задачей не из лёгких. Как одно, так и другое по вполне объективным политическим причинам стало не только проблематичными, но со временем даже иллюзорным.

Находясь в чехословацкой эмиграции, М. Каройи скорее, чем О. Яси осознал безнадежность получения какой-либо помощи от Англии и США, на которые они рассчитывали. Тем не менее, они оба продолжали надеяться и добивались посреднических действий чешских политиков, считавшихся демократами. Они ожидали от них активного содействия в организации их выезда сначала в США, а затем в Англию с тем, чтобы убедить правящие силы этих ведущих стран мира изменить своё отношение к Венгрии и добиться её внутреннего переустройства. Впрочем, министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш обещал им такое содействие, но по вполне понятным причинам, так и не исполнил обещанного.

В середине октября 1919 г. из Вены в Прагу к Каройи приехал О. Яси. Оставаясь там до середины ноября, он старался использовать время своего пребывания в чехословацкой столице для того, чтобы убедить политическое руководство республики в необходимости официально признать М. Каройи главным представителем и выразителем венгерской демократии. Он добивался также поддержки его внешних и внутривнутриполитических устремлений, а, следовательно, и признания необходимости возвращения графа в политическую жизнь Венгрии. Представители высшего чехословацкого политического руководства, со своей стороны, принимали М. Каройи, обещали ходатайствовать перед западными политиками в реализации его планов, однако, вскоре сами разуверились в возможностях их исполнения. Возвращение графа к активной политической деятельности в Венгрии становилось нереальным. Президент Т. Г. Масарик и министр иностранных дел Э. Бенеш, которые больше доверяли Яси, чем самому Каройи, сочли возможным попытаться с помощью этого буржуазного радикала сформировать общий антигабсбургский и антихортистский блок с привлечением венгерских политэмигрантов и представителей умеренных политических кругов из самой Венгрии. Характерно, что при этом они не намеревались привлекать к созданию такого фронта скомпрометировавших себя в дни Венгерской Советской республики «бывших большевиков», каковыми считали, в частности, социал-демократов Ж. Кунфи и В. Бёма, а в какой-то мере даже самого М. Каройи.

Во время своего пребывания в Праге О. Яси (он сам не претендовал на ключевую роль в руководстве политэмиграцией и настаивал на том, чтобы венгерскую демократию представлял именно граф Каройи) вместе с адвокатом Палом Сенде (1879–1935), одним из ведущих буржуазных радикалов, бывшим министром финансов в правительстве Народной республики 1918 г., написал меморандум и подал его чехословацкому правительству. В нём пред-

лагались меры по разоружению и пацификации Венгрии, указывалось на необходимость создания в стране правительства, одна треть которого состояла бы из социал-демократов, вторая треть – из христианских социалистов, а остальные – из представителей крестьянства и либеральной буржуазии. Авторы меморандума считали, что вслед за формированием такого правительства Венгрии следует сначала дождаться консолидации власти и лишь потом провести парламентские выборы. (Небезразлично отметить, что текстом данного меморандума на Парижской мирной конференции (1920 г.) против Венгрии попытались воспользоваться Э. Бенеш и канцлер Австрии Карл Реннер, заявив при этом, что они готовы даже материально поддержать такое правительство, однако представители великих держав, вершившие судьбы малых стран Европы, тогда отклонили их предложение)¹⁰⁵.

Другая группа политэмигрантов из Венгрии, во главе которой стояли левоцентристы из СДПВ (Кунфи, Ронаи, Бём), в конце января 1920 г. в Вене подготовила и передала послу Чехословакии свой меморандум. В нём авторы, обращаясь к Праге, предлагали посредством австро-чехословацкой интервенции отстранить от власти правящий в Венгрии режим. Каройи был информирован об этом проекте группы социал-демократов, но не заинтересовался им, так как к тому времени уже распрощался с иллюзиями на сей счёт. С весны 1919 г. граф, попутно с формированием собственных социалистических убеждений, уже вынашивал планы о тесном сотрудничестве народов всего Дунайского бассейна, в которых предлагал конфедеративное переустройство региона. Такого рода представления о союзном государстве с охватом целого региона, однако, никак не вписывались в планы великих держав и тем более противоречили устремлениям чешских политических лидеров, нацеленных на создание своего национального государства.

Своё пребывание в Чехословакии, где М. Каройи находился под постоянным присмотром, а его переписка подвергалась проверке, он сам считал временным. И, тем не менее, завершение чешской эмиграции стало для него неожиданностью. В начале января 1920 г. Э. Бенеш, встречаясь с графом, вместо выполнения прежних обещаний помощи и заверений добиться для него поездки в Америку, убеждал его отказаться от этой идеи. Глава чехословацкого МИДа, сославшись на законодательное ограничение въезда в США из-за опасности проникновения туда идей большевизма, предлагал ему выехать в Италию. Каройи же вместе с семьёй 20 января переехал из горного курорта, где он до этого находился, ближе к Праге, в Лазне Шлаг (вблизи Либереца), где у него предстояли частые встречи с представителями венгерской и германской компартии.

В середине января 1920 г. Каройи получил от Яси проект «нового меморандума» с предложениями по демократизации Венгрии. С проектом его автор намеревался обратиться к «прогрессивной общественности Антанты». О. Яси тем самым полагал объявить о начале масштабного венгерского демократиче-

ского движения, которое, по его замыслу, должно было развернуться под руководством Каройи. Предполагалось, что документ от некоммунистической части венгерской эмиграции подпишут М. Каройи, О. Яси, П. Сенде, Я. Хок и бывший глава т. н. профсоюзного правительства Венгрии Дюла Пейдл (его кабинет просуществовал всего несколько дней в начале августа 1919 г.). Первым отказался подписать проект независимый и широко известный своей бескорыстностью популярный в политэмиграции священник Янош Хок, с помощью которого Яси как раз и рассчитывал привлечь к движению даже независимых и религиозных демократов из самой Венгрии. Я. Хок, хотя и не принимал внутреннюю политику регента Хорти, в тех сложных для страны внешнеполитических условиях (на Венгрию тогда оказывалось сильное давление на Парижской мирной конференции) посчитал недостойным ещё больше осложнить положение страны. Хок мотивировал свой отказ подписать меморандум в письме к Яси так: «И всё же, моё впечатление такое, что это ни нам, ни нашему делу не принесёт пользы, более того, определенно помешает... Идет заключение мира, ведутся переговоры. Ни один венгр сегодня не должен затруднять внешнее положение правительства страны. На родине это вызвало бы только возмущение. Вся страна (по причине трианонской травмы – Б. Ж.) в трауре, а мы будем пинать её ногами в дни скорби!»¹⁰⁶. Привлечением к движению правого социал-демократа Д. Пейдла организаторы во главе с Яси намеревались компенсировать отсутствие такого авторитетного деятеля правых социал-демократов, как Эрнё Гарамы, который отверг сотрудничество с «красным графом».

Характерно, что Каройи также оказался недоволен текстом меморандума, правда, по причине антикоммунистической направленности документа. Своё возражение Каройи мотивировал тем, что если он сам даже в 1919 г. воздержался от открытой критики коммунистической диктатуры и от осуждения красного террора (на деле он пытался оказать воздействие на политику руководителей республики), то сейчас ему тем более не следует этого делать. При этом он сослался на то, что стремится объединить *все силы эмиграции*. Трудно, правда, достоверно определить, верил ли сам Каройи в возможность их реального сплочения, при его явном намерении считаться также с коммунистами или хотя бы некоторыми представителями компартии, которым лично доверял. Граф не без основания полагал, что в перспективе роль Советской России в мире будет возрастать и она может стать потенциальным противником империалистической политике, противостоять явному произволу великих держав, которые по своему усмотрению расправились с Венгрией. Впрочем, вскоре и сам Яси убедился в невозможности принятия своего меморандума.

С предложением о сотрудничестве к Каройи вскоре обратилась и другая эмигрантская группа, также заинтересованная в отстранении от власти Хорти. Она сформировалась в Вене вокруг журнала «Вилагошшаг» во главе

с Ж. Кунфи. Однако договориться последнему с Каройи не удалось так же, как и с О. Яси. Дело в том, что Кунфи, которого знали как человека, всегда готового к соглашательству, к тому времени уже изменил свои прежние позиции по отношению к коммунистам. Из бывшего союзника коммунистов он превратился в их самого ярого противника. В условиях эмиграции Кунфи уже считал не достоинством, а скорее своей грубейшей ошибкой бывшее сотрудничество с ними, включая своё участие в руководстве ВСР 1919 г. Как бывший нарком республики он был полон решимости больше никогда не сотрудничать с коммунистами и называл их уже просто «путчистами». Каройи же, наоборот, рассчитывал на будущее сотрудничество с ними. «Красный граф» утверждал, что готов дать личное согласие возглавить эмигрантское движение лишь в случае, если в нём примут участие «все революционные силы», включая коммунистов.

Когда в конце апреля 1920 г. Ж. Кунфи прибыл в Прагу на переговоры с целью любым способом сколотить союз против хортистского режима, он рассчитывал на графа Каройи. Встретившись предварительно с Масариком и Бенешем, он надеялся договориться с ними о всесторонней поддержке, а затем Кунфи имел беседу также с Каройи. Он добивался участия графа в предполагаемом вооруженном выступлении против хортистской Венгрии, которое планировалось осуществить с юга при содействии югославских и чехословацких сил. Однако, учитывая принципиальные различия в позициях лидеров пражской буржуазной и венской социал-демократической венгерской эмиграции, вряд ли можно было надеяться на то, что они о чём-либо договорятся. Супруга М. Каройи в своих воспоминаниях впоследствии подтвердила, что Кунфи на той встрече пытался убедить её мужа принять участие в этой группировке, готовившей вооружённое вторжение и захват власти, а также создание теневого кабинета на юге Венгрии. При этом она вполне определённо отмечала также, что Кунфи и Яси, в отличие от Каройи, действительно отказывались от любого сотрудничества с коммунистами¹⁰⁷. Данное обстоятельство, естественно, далеко не благоприятствовало объединению всех сил политэмигрантов, несмотря на то, что все они в равной степени были заинтересованы в отстранении от власти М. Хорти.

В этой связи стоит обратить внимание на содержание одного из сохранившихся документов, проливающих свет на готовившееся вторжение в Венгрию с юга. Лидер КПВ Б. Кун, в своём письме от 4 мая 1920 г. информировал В. И. Ленина о намеченной вооруженной акции эмигрантов против Венгрии с привлечением иностранных отрядов из сопредельных с ней новых государств. В этой связи Кун, в частности, писал: «Социалисты призвали Михая Каройи организовать вместе с ними (группами Кунфи–Бёма и Гарамы) совместное выступление против хортистского правительства. Поддержка со стороны чехов (Масарик–Тусар) якобы гарантирована. Теневое правительство должно разместиться в одном из городов (Печ), захваченных югославами.

Масарик, как утверждают, пообещал деньги и оружие. Ко мне они теперь обращались для того, чтобы заручиться нейтралитетом со стороны коммунистов»¹⁰⁸. Небезразлично отметить, что для поддержки намеченного вооруженного вторжения в страну и его пропагандистского обеспечения против хоргистского режима вообще эмигрантские круги получали финансовую поддержку. В конечном счёте, она была использована ими для выпуска на венгерском языке журналов и газет в Вене, причём эти средства предоставлялись то чешскими, то румынскими или югославскими кругами¹⁰⁹.

Тем временем, Каройи снова сменил место своего пребывания в Чехии на более тихий и уютный среднечешский городок Подебрады, где и состоялась его встреча с прибывшим из Вены Ж. Кунфи. Экс-президент венгерской республики, как это вытекает из изложенного, по сути, не был настроен на серьёзное сотрудничество с последним и его единомышленниками, которые базировались в австрийской столице, но всё же принял его. Хотя Каройи уважительно относился к Кунфи, ценил его интеллект и знания, видел и его явные недостатки и ошибки. Граф не мог простить ему позицию, занятую им в последний день существования Народной республики, как и его участие в провозглашении «пролетарской диктатуры» 21 марта 1919 г., и продолжал считать его большевиком. «Как бы он ни старался умыть руки, – заключал он в своём письме к О. Яси от 12 ноября 1922 г., после состоявшейся с ним встречи, – Кунфи и его товарищи остаются большевиками». Вместе с тем граф характеризовал его как «разочарованного человека, потерявшего веру не только в большевизм, но и в социализм»¹¹⁰. И хотя в рассуждениях Каройи просматривается определенное противоречие между его отношением к коммунистам, с одной стороны, и к Кунфи, как «большевику», с другой, граф не шёл с ним на сотрудничество. Он понимал, что Кунфи, вопреки стараниям оправдать себя в глазах широкой общественности за свои прошлые просчёты, «по-прежнему остается большевиком», несмотря на то, что представители Коминтерна считают его предателем¹¹¹.

С другой стороны, Каройи не мог согласиться и с позицией О. Яси, который изъявлял готовность организовать и мобилизовать силы эмиграции, но исключительно лишь в «западном направлении». Это означало, что без участия восточных эмигрантов, т. е. коммунистов, а у графа, наоборот, с ними наметилось сближение. «Красный граф» (этот «почётный» эпитет, полученный Каройи после встречи с Кунфи, стал широко известным в политических кругах как в Венгрии, так и в эмиграции) так или иначе считал необходимым строить планы на будущее с учётом восточного фактора. В оправдание своей позиции он констатировал: «Рабочий класс по всему миру обращает свои взоры на Восток... Нынешний Восток – это позитив, поскольку с ним должна считаться даже капиталистическая Антанта. Если министру иностранных дел Бенешу русские нужны, то мне, желающему с ними сотрудничать, тоже»¹¹². Каройи, однако, так и не удалось убедить в своей правоте эмигрантов разной

идейно-политической направленности. В итоге ситуация отразилась на судьбе всей политэмиграции из Венгрии. Характерно, что весной 1920 г. О. Яси призвал Каройи выбрать, наконец, между ориентацией на демократов и на коммунистов. В одном из писем к графу он отмечал: «Такая влиятельная личность, как Ты, не может долго молиться двум богам, Ты должен выбрать между Диктатурой или Демократией»¹¹³. Каройи, однако, выбрать не смог, продолжая поддерживать связи с коммунистами не только в Праге, но и с работавшими в Вене деятелями КПВ. Его более тесное сближение с коммунистами при этом несколько затрудняла позиция Б. Куна, которая отличалась от более умеренных взглядов и позиций другого известного представителя компартии Енё Ландлера, долгое время действовавшего в Центральной Европе.

Небезынтересно отметить также, что в упомянутом письме Куна к Ленину от 4 мая 1920 г. речь шла не только о планах и готовившейся военной акции, но также о Каройи, проявлявшем интерес к компартии. Руководитель КПВ писал, что граф «обращался ко мне и заявил о своей готовности участвовать в выступлении лишь за рабоче-крестьянскую диктатуру и, что готов с нами сотрудничать». Кун не скрывал, что «большинство товарищей» готово вести с графом переговоры по этому вопросу, затем добавил: «Несмотря на его личную честность, нельзя пускать Каройи в партию. Он не имеет собственной организации, хотя его имя хорошо звучит на селе. С ним можно бы сотрудничать в случае наступления крестьянской революции». Лидер коммунистов сообщил Ленину о желании графа посетить Россию и о том, что граф предлагал партии материальную поддержку, которую он, однако, тут же отклонил¹¹⁴.

Основной преградой, ставшей на путях полного сближения Каройи с третьей силой эмиграции – с КПВ – оставалась persona самого Б. Куна. «Красный граф» не желал иметь с ним отношений, хотя в то же время занимал выжидательную позицию и надеялся, что в руководстве КПВ произойдут такие позитивные сдвиги, которые им были подмечены весной 1920 г. во время личного общения с Енё Ландлером. Следует отметить, что фракция последнего в руководстве КПВ состояла из более умеренных коммунистов, к которым уважительно относились и в рядах социал-демократии. Каройи знал Ландлера как сторонника разделения земель между крестьянами, а не коллективизации села, и эта линия казалась ему более близкой и привлекательной, чем практика ВСР 1919 г.

Для сплочения сил и координации действий всей «западной венгерской эмиграции» О. Яси советовал Каройи приобрести известный и влиятельный печатный орган, каким являлась выходившая с 1919 г. в австрийской столице на венгерском языке газета «*Bécsi Magyar Újság*» («*Венская венгерская газета*»). И хотя Каройи при существовавших в эмиграции идейно-политических разногласиях счёл это бессмысленной затеей, летом 1921 г. всё же приобрёл эту газету. Под редакцией таких успешных журналистов и писателей, как Дёрдь Белёни, Карой Полани, Аладар Комлош, Йозеф Маджар, Андор

Немет, Тибор Дэри и др., она стала весьма значительным литературно-публицистическим органом эмиграции и сыграла важную роль в её жизни. Однако в 1923 г. ввиду финансовых затруднений выпуск газеты пришлось прекратить. Одновременно развеялись надежды и самого Каройи на предполагаемые демократические перемены в руководстве КПВ.

Следует отметить, что все попытки создать единую организационную структуру эмиграции, объединить её разрозненные группы под руководством М. Каройи так и не увенчались успехом. Впрочем, большинство предпринятых в данном направлении начинаний фактически не выходило за пределы планов и проектов. В то же время новое консервативное государственно-политическое устройство в Венгрии утверждалось реально и получило международное признание. Видимо, Э. Бенеш по этой причине уже осенью 1920 г. с полным основанием сообщал федеральному канцлеру Австрии, одному из лидеров Социалистической партии этой страны Карлу Реннеру, что после нескольких бесед с Каройи о ходе подготовки конкретных действий эмигрантских групп против хортистского режима он лично пришёл к заключению, что силы, вовлечённые в реализацию этих планов, беспомощны, и недостаточно реально оценивают ситуацию¹¹⁵. А сложившиеся реальные обстоятельства действительно убедили политиков сопредельных с Венгрией стран в том, что им больше не стоит питать иллюзий и в отношении самого Каройи и его товарищей. Бенеш при этом обратил внимание Реннера на то, что Хорти достаточно удачлив и его режим оказался куда более прочным, чем того полагают в мире. Глава чехословацкого МИДа поэтому сделал уверенный вывод о том, что большевизм в Венгрию больше не вернётся. Вслед за этим Прага, хотя по-прежнему оставалась заинтересованной в свержении режима Хорти, почти перестала принимать главного венгерского политэмигранта М. Каройи. Судя по просочившимся в печать сведениям, М. Каройи при этом всё чаще встречался с руководителями чехословацких социал-демократов и коммунистов (включая Б. Шмерала), а это вызвало растущее беспокойство в некоторых кругах Праги, особенно среди действовавших политиков.

На этом фоне более активный О. Яси, который всё ещё надеялся на возможность отстранения Хорти от власти при поддержке внешних сил, действовавших в оккупированных югославскими войсками южных районах Венгрии, в сентябре 1920 г. пытался вести переговоры о создании там же теневого кабинета, хотя все эти попытки уже были обречены. Вскоре О. Яси, находясь в Вене, из газет узнал, что пребывание Каройи в Чехословакии стало известно широкой общественности, что экс-президент Венгрии якобы вмешивается в политическую жизнь этой страны. Он поэтому тут же направил ему письмо, предупреждая графа о возможных последствиях его поступка. А затем, когда в конце сентября газета «*Prager Tageblatt*» («*Прагер Тагеблатт*») напечатала сообщение о том, что МВД Чехословакии впредь «лишь с большим трудом может гарантировать безопасность графа», Яси тут же поспешил к своему

другу на выручку. Не получив удовлетворительных разъяснений от чехословацкого посла в Вене, Яси поехал в Прагу. Встретившись там с Масариком и Бенешем, он заверил их лично, что граф в течение двух ближайших недель покинет пределы Чехословакии. Он сам занялся срочной подготовкой его выезда в Италию. При этом Э. Бенеш, который 13 декабря 1920 г. в последний раз принял в своей резиденции Каройи, пообещал ему активное содействие. Вечером следующего дня граф, снабженный необходимыми документами чехословацкого МИДа, вместе с членами семьи выехал с пражского вокзала «Вильсон» триестским экспрессом и 16 декабря уже прибыл в Италию. В этот же день чехословацкое телеграфное агентство ЧТК обнародовало сообщение, согласно которому граф Каройи, бывший глава венгерского правительства, в четверг вечером покинул территорию страны.

Так, без особых успехов закончился краткий чехословацкий период эмиграции венгерского экс-президента графа М. Каройи. В 1919–1920 гг., находясь на территории Чехословацкой республики, он ожидал, но так и не дожидаясь столь желанного политического поворота в Венгрии, который позволил бы ему и его товарищам вернуться к политической жизни на родине. Граф вместе с руководителями разных групп эмигрантов взвешивал возможности, вынашивал планы воздействия на политическую ситуацию в стране. Он со своими сторонниками в эмиграции рассчитывал на то, что контрреволюционный хортистский режим не получит международного признания и рухнет, что они получат возможность вернуться к политической жизни и продолжать процесс демократизации Венгрии, который был прерван действиями стран Антанты и её приспешников. Этого, однако, не произошло.

Идейные и политические расхождения между руководителями отдельных групп эмигрантов не позволили Каройи объединить и сплотить силы разнородной эмиграции, а это отразилось на возможностях реализации его намеченных планов. Произошло это вопреки тому, что ведущие представители основных отрядов эмиграции именно в нём видели своего лидера. Все они, как и сам Каройи и его соратники, пытались, но так и не смогли добиться взаимопонимания разных идейно-политических течений и организаций в лагере политэмигрантов, обосновавшихся на том этапе преимущественно в Вене. Сложившаяся в эмиграции ситуация предрешила неуспех их начинаний. Надежды ведущих деятелей политэмиграции, которые рассчитывали на поддержку правящих кругов великих западных держав, развеялись также быстро, а вслед за ними начали иссякать и те резервы помощи, которые предоставляли им политические круги заинтересованных стран малой Антанты. Чехословацкое политическое руководство хотя и деликатно, но избавилось от главного и, поэтому самого неудобного для себя венгерского эмигранта, в конце 1920 г. покинувшего территорию этой новой европейской страны.

Вряд ли можно считать удачными и последующие годы эмиграции графа М. Каройи. Ведь международная обстановка не благоприятствовала успеху

его инициатив и начинаний, а попытки наладить отношения с демократическими кругами стран Запада и с советским руководством также не привели к существенному прорыву для его сторонников. Переехав в Италию, он не проявлял большой политической активности. Тем не менее, вскоре обвинённый в финансировании тосканских коммунистов, уже весной 1921 г. был выслан из страны. После нескольких недель неопределённости Каройи обосновался в Далмации, где опять-таки О. Яси и П. Сенде поспешили ему на помощь. Они убедили его некоторое время воздержаться от политических контактов и, оставаясь номинальным лидером всей венгерской эмиграции, завершить работу над своими воспоминаниями. Именно этим объясняется то, что граф, находясь в Югославии, так и не развил свои связи с по тем временам довольно сильной компартией этой страны. По мнению его верных друзей из буржуазных радикалов, он именно поэтому сумел снова завоевать благосклонность чехословацких и югославских правящих кругов.

Как отмечалось, Каройи в начале своей чехословацкой эмиграции стремился выехать в Англию или в США, возлагая особые надежды на поддержку демократических сил этих государств, но осуществить такую поездку тогда ему не удалось. Летом 1923 г. он, наконец, прибыл в Англию, где задержался до 1925 г. В Лондоне у него не было возможности развернуть политическую деятельность, более того, ему пришлось разочароваться в первом лейбористском правительстве, которое не поддержало его устремлений, направленные на демократизацию внутренней жизни Венгрии. Правда, в августе 1924 г. *Лига прав человека* избрала его своим почётным председателем и пригласила в Париж. Граф надеялся, что ему удастся использовать эту авторитетную международную организацию также для сплочения всех отрядов венгерской демократической эмиграции. Поэтому, совершив в 1925 г. поездку по США, Каройи надолго решил обосноваться в Париже, который к тому же уже стал одним из центров венгерской политической и трудовой эмиграции. Следует отметить, однако, что и данная попытка графа объединить все *демократические силы венгерской эмиграции* в единое движение под своим руководством тоже не увенчалась успехом. Во французской столице ему удалось, однако, установить тесные связи с венгерскими группами коммунистической эмиграции, которые создали в рядах компартии Франции свою «венгерскую подсекцию» (её секретарем тогда являлся ещё молодой Эрнё Герё, впоследствии один из известных деятелей КПВ), и активно сотрудничал с ними. Каройи возобновил связи и с венским центром компартии Венгрии, деятельность которого существенно ослабла после кончины Енё Ландлера (1928 г.). Кроме того, в 1931 г. граф совершил даже негласную поездку в СССР.

Каройи лишь в годы Второй мировой войны, т. е. спустя четверть века его проживания в Западной Европе, удалось заручиться поддержкой почти всех групп венгерской зарубежной эмиграции при создании им антифашистского движения «*За демократическую Венгрию*». Характерно, что граф М. Ка-

ройи уже в годы Второй мировой войны, находясь в Лондоне и будучи председателем лондонского Венгерского Комитета, имел встречу с советским послом И. М. Майским (1943 г.). Во время беседы граф выразил советскому дипломату готовность сразу же взяться за формирование из венгерских военнопленных в СССР отдельной венгерской антифашистской армии, которая под его руководством вместе с советскими войсками приняла бы участие в освобождении Венгрии¹¹⁶. Инициатива Каройи не встретила, однако, должного понимания в Москве и не вызвала ожидаемого им интереса. Поэтому предложение графа осталось без ответа со стороны советских официальных кругов. О причинах молчания можно лишь догадываться, хотя среди них явно просматривается рука Э. Бенеша.

После освобождения Венгрии политэмигрант М. Каройи стал добиваться возвращения на родину. Для этого он связывался с новыми руководящими деятелями страны и, прежде всего, добивался предварительной отмены принятого венгерским парламентом в 1923 г. решения, в соответствии с которым был обвинён в предательстве родины¹¹⁷. Затем он пытался (но сразу не смог) определиться и выбрать для себя подходящее место в общественно-политической жизни послевоенной Венгрии. Все эти факторы и обстоятельства в 1945 г., – как и в начале его эмиграции в 1919–1920 гг., – заставляли графа некоторое время издали наблюдать за происходившими на родине событиями. Небезразлично отметить также, что Каройи, находясь в лондонской эмиграции, 28 февраля 1945 г. отправил письмо тогда всё ещё весьма уважаемому им чехословацкому политику Э. Бенешу. В нём он откровенно, и для политика даже несколько наивно, делился с ним своими самыми сокровенными мыслями. (Граф тогда ещё не знал о решительных намерениях этого чехословацкого политического деятеля, считавшегося великим европейским демократом, выселить значительные массы венгерского населения с многовековых мест их обитания, которые опять вошли в состав восстановленного чехословацкого государства; массовые выселения венгров, переселение и обмен населением были затеяны чехословацкими политиками ради реализации идеи превращения послевоенной Чехословакии в «чистое национальное государство» с якобы единой чехословацкой нацией, без присутствия в нём каких-либо национальных меньшинств)¹¹⁸. Граф Каройи в своём письме президенту Э. Бенешу, в частности, писал: «Я ещё не знаю, вернусь ли домой. Это зависит, прежде всего, от венгерского народа, а во-вторых, от союзников. Тем не менее, завещаю Вас, что пока я жив, будь это дома или за рубежом, и в дальнейшем буду бороться за прочный и продолжительный союз между Чехословакией, титовской Югославией и Венгрией. Чехословакию считаю мостом, связывающим нас с Советской Россией»¹¹⁹.

Летом 1945 г. Каройи ещё взвешивал свои шансы и возможности, прикидывая, какой пост он мог бы занять в послевоенной Венгрии. Вопрос становился актуальным, поскольку его имя в некоторых политических кругах чис-

лилось среди возможных претендентов на пост президента страны (правда, вскоре выяснилось, что это нереально). Каройи так или иначе занял выжидательную позицию. Со временем, однако, пришёл к выводу, что служить интересам Венгрии он лучше всего мог бы на посту её полномочного посла в какой-нибудь европейской стране. О размышлениях такого рода со стороны «красного графа» свидетельствует письмо, написанное одному из его прежних сотрудников по эмиграции, публицисту Д. Бёлёни, который раньше него вернулся в послевоенную Венгрию. Этот журналист, уроженец трансильванского городка Зилах, принадлежал к левому крылу буржуазных радикалов и в 1923–1945 гг. находился при Каройи в Париже, писал статьи в венгерскую эмигрантскую печать, в т. ч. в московскую «Уй ханг». Услышав по радио, что избран депутатом Временного национального собрания, он поспешил в Будапешт, где сначала добивался избрания графа президентом Венгрии, а затем вступил в ряды ВКП и с августа 1948 по июль 1951 г. работал послом страны в Голландии. В своём письме к Бёлёни от 21 сентября 1945 г. Каройи рассуждал о своей готовности выполнять официальные поручения венгерского правительства за рубежом. Он отмечал также, что с учётом 27 лет, проведённых вдали от родины, ему необходимо сначала вернуться в Будапешт и изучить обстановку, поскольку реальную «венгерскую жизнь уже почти не знает»¹²⁰. Граф считал, что они оба могли бы принести больше пользы для Венгрии, работая на страну за границей. Нельзя не отметить, что с конца 1945 г. такие известные деятели КПВ и СДПВ, как М. Ракоши и А. Сакашич, официально добивались от правительства возвращения Каройи на родину.

В июне 1945 г. М. Каройи лично обратился к М. Ракоши, предлагая свою кандидатуру на пост посла Венгрии в Лондоне. В ответ ему, однако, сначала предложили Прагу, а после того как граф 8 мая 1946 г. вернулся на родину из эмиграции, ему дали назначение в Париж. В 1947–1949 гг. он представлял интересы Венгрии в качестве её посланника во Франции, откуда периодически навещался в Будапешт. Когда бенешевское руководство Чехословакии в 1946 г. приступило к массовому выселению венгров из Словакии, к переселению части словацких венгров в Моравию и обмену населением с Венгрией¹²¹, эти действия вызвали беспокойство не только в Венгрии, но и за рубежом. Они затронули и бывших соратников Каройи по эмиграции, включая О. Яси. Последний, хотя и сам был знаком с Бенешем, находясь в Америке, счёл необходимым просить Каройи срочно вмешаться, и лично ещё накануне своего возвращения на родину по пути захватить к Бенешу в Прагу и убедить президента в необходимости остановить эту «варварскую и антигуманную акцию» по массовому выселению венгров из страны. Но ожидания двух ведущих эмигрантов так и не оправдались. Ни встреча Каройи с Бенешем, ни его последующая попытка Парижской мирной конференции, где он присутствовал уже в качестве советника венгерской делегации, не дали положительных результатов.

Вернувшись в Венгрию из эмиграции, М. Каройи характерным образом полностью признал за компартией право на ведущую роль в политической жизни послевоенной Венгрии¹²², хотя и не вступил в её ряды. Коммунисты же не особенно доверяли графу, несмотря на то, что он практически не отреагировал на изгнание из страны ряда видных руководящих представителей демократических партий (НПМХ и СДПВ), оказавшихся в вынужденной эмиграции. Руководитель компартии М. Ракоши и его окружение целенаправленно шли на установление в стране своей диктатуры от имени пролетариата и с лета 1948 г. утвердили её. Они вслед за разложением НПМХ и последующим «поглощением» СДПВ сменили название партии на *Венгерскую партию трудящихся* (ВПТ). Демократ Каройи лишь после появления повсеместной слежки политической полиции за венгерскими гражданами, с началом массовых репрессий и нарушений законности, развернувшейся чистки в рядах самой компартии, – всё это сделало невозможным его дальнейшее молчание, – как и в 1919 г. по-своему, с опозданием, но отреагировал на подобные явления. В итоге именно эти события венгерской политической жизни заставили графа снова удалиться в свою повторную политическую эмиграцию. Последним толчком для принятия им такого решения послужил арест и инсценированный ракошистским руководством в 1949 г. судебный процесс, начатый по сфабрикованному «делу» коммуниста Ласло Райка, который был призван подтвердить в венгерских условиях сталинский тезис о проникновении врагов в партию и продемонстрировать нарастание классово-борьбы в новых условиях. Каройи тогда попытался, но так и не смог помешать проведению этого целиком инсценированного судебного разбирательства. По сути, именно становление в стране тоталитарного режима, искоренение всякого инакомыслия, заставили Каройи в сентябре 1949 г. начать свою вторую, пожизненную эмиграцию. Он снова, и на сей раз уже вплоть до своей кончины в 1955 г., оставался венгерским эмигрантом во Франции, причём от участия в политической жизни эмиграции уже воздержался.

Судьба верного друга и соратника графа Каройи, бывшего лидера венгерской *Радикальной партии* О. Яси сложилась несколько иначе. Оказавшись в венской эмиграции, он работал над книгой *«Венгерская Голгофа и венгерское Воскресение. О смысле и уроках двух революций»*¹²³. Рукопись работы была им завершена в августе 1920 г., а в ноябре книга уже вышла из печати. В ней автор подверг анализу причины и опыт двух венгерских революций начала XX века, составив весьма компетентную и широкую панораму исторических событий тех лет. Коснувшись проблем капиталистического и аграрного развития в Австро-Венгерской монархии, её революционного распада, эмигрант Яси сумел убедительно показать, что в 1918 г. при более благоприятных внешних условиях, – т. е. при непредвзятом взвешенном подходе стран Запада к самостоятельной Венгрии, – демократические силы (буржуазные радикалы, социал-демократы и сторонники независимости) сумели бы во главе

с М. Каройи осуществить её демократическое обновление. Этому, однако, как справедливо утверждал автор, помешал «империализм Антанты».

Касаясь революции и Советской республики 1919 г., радикал О. Яси в названной книге пришёл к выводу, что уставшие от войны народные массы тогда действительно желали не только мира, но и «социализации» страны, поэтому оказали коммунистам временную поддержку. Характерно, что Яси и Каройи вначале тоже считали провозглашение ВСР допустимым, или же приемлемым «социалистическим экспериментом», полагая, что социал-демократы вместе с коммунистами утвердят действительно какую-то «демократическую власть рабочих и крестьян», но не ожидали от них диктатуры, какой она оказалась в итоге. Они считали, что новая власть лишь постепенно будет эволюционировать в сторону *демократического социализма*. А с таким, предполагаемым ими ходом развития они заранее соглашались. Но демократам Каройи и Яси пришлось убедиться в своих просчётах. Их представления и ожидания в тех исторических условиях оказались нереальными, тем более, что не только силы Антанты, но и массы на улицах, среди которых пребывало немало бывших военнопленных и агитаторов, подготовленных коммунистами в Советской России, требовали срочных и радикальных перемен. Характерно, однако, что к осознанию отмеченных реальностей граф и Яси пришли несколько позже, уже в вынужденной эмиграции.

Названные ведущие представители венгерской буржуазной демократии впоследствии были склонны считать, что если бы им удалось ликвидировать систему крупных землевладений, решить аграрную проблему для крестьянства и национальный вопрос в многонациональной стране, то крестьянские массы, безусловно, поддержали бы их, в результате чего Венгрия стала бы привлекательной не только для венгров, но и для представителей других национальностей. В эмиграции Яси и Каройи продолжали считать, что их бывшие союзники в лице социал-демократов, которые затем, в марте 1919 г., заключили союз с коммунистами, не должны были допустить установления коммунистической диктатуры, однако те не помешали этому.

Эмигрант Яси, анализируя уроки венгерских революций, весьма самокритично рассуждал также об основных недостатках октябрьской буржуазной революции 1918 г., отмечая при этом неорганизованность демократических сил, что и привело, по его словам, к катастрофе. Впрочем, этот тезис вполне применим и к поведению всей политической эмиграции 1918–1919 гг. в целом и, особенно, к её буржуазно-демократическому крылу. Анализируя вопросы неудач демократических сил в революции, Яси возложил ответственность за них, прежде всего, на партию социал-демократов. При этом он конкретно указал на позицию Эрнё Гарамы, который, по его мнению, в своё время тормозил образование Национального Совета, и это привело к потере времени при решении неотложных вопросов. «На протяжении нескольких недель он препятствовал привлечению социалистов [под этим он подразумевал также социа-

листов-марксистов во главе с Палом Сенде – Б. Ж.] в состав этого высшего органа революции, хотя Жигмонд Кунфи настаивал на союзе с ними; на самом деле именно Гарамы представлял оппортунистов в рядах социалистической партии, а Кунфи – её радикальное крыло»¹²⁴, – писал Яси. Впрочем, характеризуя ситуацию периода буржуазно-демократической революции в связи с позицией СДПВ, он справедливо отмечал, что «значительное большинство руководства этой партии» никогда не сделало бы революцию, если бы не было неожиданного выступления части солдатских масс, студентов и рабочих, которые и поставили их во главе революции.

Рассуждения буржуазного политика О. Яси о поведении остальных партий, в т. ч. весьма близкой к нему *Партии Кароиди*, не менее критичны. По его мнению, эта партия, за исключением самого графа, представляла собой образование, которое не могло стать прочной базой демократического радикализма. Характерно, что Яси собственную *Буржуазную радикальную партию* также назвал в книге довольно слабой. При этом тогда наиболее организованной политической силой на этом фоне, вопреки сказанному выше, он считал именно СДПВ. Меткий взгляд политэмигранта Яси не прошёл мимо и такой целеустремлённой политической силы, каковой становилась на том этапе компартия. В связи с ней он не без основания отметил, что в Венгрию именно через коммунистическую печать, раненных солдат и эмигрантов проникло «учение русского коммунизма, которое оказало громадное воздействие, главным образом, на нищенствующих и измученных войной интеллектуалов». Характеризуя разные силы, вовлеченные в революционный процесс, Яси тем не менее, и далеко не без основания подчёркивал, что «большевистская фракция сначала была неорганизованной и окрепла, лишь когда Бела Кун и его товарищи приехали из России с большими деньгами и заранее заготовленными пропагандистскими штампами»¹²⁵.

В ходе анализа позиций и поведения Б. Куна, его большевистского штаба в условиях ВСР 1919 г. Яси характерным образом всё больше утверждался в своих антибольшевистских взглядах. Этот видный буржуазный эмигрант критиковал лидера компартии за пренебрежение моралью «ради пролетарской диктатуры». В своей книге он цитировал отрывки из речи Б. Куна, произнесённой 3 мая 1919 г.: «Я не знаю ничего морального или аморального, я знаю лишь то, что приносит пользу или вредит пролетариату». Затем, приводя его призыв к пролетариям Будапешта встать на баррикады, он подчёркивал, что сам Кун впоследствии «не преминул воспользоваться спешпоездом» и уехал в Вену, оставив тем же пролетариям «Голгофу неистового белого террора». Продолжая анализ большевизма, он на базе своих личных наблюдений выделил три его разновидности, но постарался создать и обобщающий образ большевика как человеческого типа. Большевизму Яси дал в своей книге следующее беспощадное и уничтожающее определение: «В интеллектуальном отношении это догматическая вера в неизбежный и катастрофический крах совре-

менного миропорядка, в *нравственном* отношении – отрицание любых моральных запретов как неких мелкобуржуазных предрассудков, в *политическом* отношении – слепая вера в насилие, в террор и в организованное насилие. Вот это и составляет самую суть большевистской души. Этот человеческий тип я осмелился бы охарактеризовать в качестве исключительно городского продукта, потерявшего все контакты с землей и природой. Этот тип не только никогда не знал села, т. е. по меньшей мере три четверти венгерского общества, но инстинктивно ненавидел этот мир, считая его чуждым для себя, глупым и отсталым. Крестьянин для него является олицетворением глупости и реакции... Каким низменным и задавленным должен быть этот человеческий тип [крестьянин – Б. Ж.], который традиционно религиозен и национален, грубое сознание которого не желает открыться единственно спасительным истинам марксизма и мистериям фрейдизма (идола коммунистической молодёжи!)»¹²⁶. По мнению Яси, в определенной степени именно «этот общий коммунистический тип дает ответ на вопрос, почему по меньшей мере 95% коммунистического главного командования составляют выходцы из евреев»¹²⁷.

На основе анализа двух венгерских революций (1918 и 1919 гг.), проведенного О. Яси в эмиграции, можно установить, что этот лидер буржуазных радикалов для себя четко определил те принципиальные грани возможного сотрудничества с разными политическими силами, – как слева, так и справа, – за пределы которых он не был готов выходить. И это касалось даже столь близкого ему соратника, как М. Каройи. Очерченных им ориентиров он четко придерживался, причём не только будучи действующим политиком, но и в годы политэмиграции. Во всяком случае, Яси определенно отвергал как левацкие приёмы и методы, которыми пользовались коммунисты в условиях ВСР, так и правоконсервативный политический курс, который установился в Венгрии с 1920 г. Он довольно беспощадно осуждал при этом как «красную революцию», так и «белую контрреволюцию» с их крайностями. Впрочем, констатация этих фактов и обстоятельств не нова, на неё уже обратили внимание отдельные исследователи, изучавшие принципиальные основы взглядов этого буржуазного радикала, отмечая, что он был противником любой диктатуры как формы государственного управления¹²⁸.

Здесь небезразлично сослаться и на то, что сохранившиеся материалы переписки О. Яси периода эмиграции весьма убедительно подтверждают тезис о его твёрдой привязанности к уже отмеченным нами принципам и идеям. Находясь уже в американской эмиграции, лишенный политических амбиций, этот венгерский буржуазный радикал поначалу практически свернул все свои контакты с политэмигрантами в Европе. Спустя некоторое время, однако, его первые письма были направлены в Вену, в этот самый существенный на том этапе эмиграционный центр левых демократических сил, прибывших туда из Венгрии, среди которых по-прежнему оставалось немало его друзей. И хотя лично Яси уже практически отказался от идеи когда-либо вернуться на роди-

ну, он возобновил свои старые связи, но поддерживал их лишь с отдельными наиболее близкими единомышленниками. Он делился с ними мыслями, своим видением прошлого и ситуации в мире.

Среди таких партнёров О. Яси по переписке числился его соратник Пал Сенде (1879–1935), которого он высоко ценил уже накануне буржуазной революции 1918 г. как бывшего «лидера социалистов-марксистов, не вошедших в СДПВ по тактическим и моральным причинам». Сенде стал другом О. Яси, впоследствии министром финансов в правительстве М. Каройи и одним из руководителей буржуазных радикалов. Они вместе пытались «революционизировать буржуазию» или же создавать необходимые предпосылки постепенного перехода Венгрии к социализму¹²⁹. Переписка между ними участилась в условиях разразившегося мирового экономического кризиса на рубеже 20–30-х годов XX века. Она также проливает свет на позиции Яси по многим вопросам.

В начале мая 1932 г., когда в условиях эмиграции П. Сенде всё же прикнуд к социал-демократам, Яси написал ему письмо, в котором затронул проблему европейских революций и изложил причины, по которым они «задерживаются». Яси исходил из того, что Европа снова стоит перед неизбежной революцией, и она – в отличие от прежних революций – уже должна стать по своему характеру подлинно социалистической. Сложившуюся к тому времени политическую ситуацию Яси оценивал так: «Революция задерживается потому, что социал-демократия не желает революционизировать массы... Ведь если сегодня социалисты вместе с коммунистами были бы заодно, то капиталистическая система в Германии и в ряде других государств развалилась бы. Второй Интернационал на это не пойдет, поскольку опасается, что вслед за победой пролетариата наступит страшная контрреволюционная диктатура, ну, а в случае, если в Западной и Центральной Европе использовать русские методы, то – даже страшная голодная смерть»¹³⁰. Яси в письме к Сенде подчёркивал: «То, что отделяет меня от большевизма, это не просто какие-то оппортунистические соображения, схожие с вашими, а морально-мировоззренческий пафос. В соответствии с ним недопустимо ни для каких целей совершать такие низменные поступки, которые часто делают большевики»¹³¹. Собственно, это было кредо Яси, которое он в такой формулировке мог выразить лишь в письме достаточно близкому человеку.

Небезынтересно отметить, что позицию Яси в отношении большевиков и революции оспаривал в переписке с ним и другой, также довольно близкий ему человек – его шурин, некогда бывший единомышленник, известный публицист и врач Йозеф Маджар (1876–1944). Он ещё, будучи одним из руководителей легальной СДПВ, писал Яси в США о том, что в Венгрии в обозримом будущем нельзя рассчитывать на новую революцию, ибо она не имеет шансов. Впрочем, сам Маджар проделал долгий путь от буржуазного радикала к социал-демократии, а от неё – к компартии и в итоге в 1935 г. эмигрировал в Советский Союз.

С середины 30-х годов в условиях роста угрозы фашизма в Европе О. Яси пристально следил за европейскими событиями. А когда в Центральной Европе последним оплотом и местом базирования левых сил, особенно коммунистов, оставалась уже только Прага, Яси в своих письмах из США не раз предупреждал друзей о приближении новой мировой войны. Он предсказал, что война начнётся летом 1938 г. и определил, что «прежде всего будет угрожать Советскому Союзу». В тех условиях Яси сделал шаг навстречу М. Каройи, возобновив контакты с ним. Дело в том, что свои прежние дружеские отношения с «красным графом» он прервал уже ранее, причём именно по причине сближения того с коммунистами (их связи прервались после поездки графа в США в 1930 г., а затем в 1934–1939 гг. вовсе прекратились)¹³². Несмотря на это, Яси в годы Второй мировой войны возобновил связи с ним. Когда Каройи 15 марта 1944 г. в Лондоне создал и возглавил организацию венгерских эмигрантов-антифашистов «Венгерский Совет в Англии» и на этой базе развернулось европейское движение зарубежных венгров за независимость Венгрии, он присоединился к движению, и они вместе добивались сплочения всех сил венгерской демократической эмиграции.

После Второй мировой войны политэмигрант О. Яси, в отличие от Каройи, не пытался вернуться на родину, да и сама власть послевоенной Венгрии, провозгласившая себя народно-демократической, судя по всему, реально не рассчитывала на этого бывшего радикального демократа. Свидетельством тому является хотя бы то, что Временное Национальное собрание Венгрии, – в котором определяющая роль с самого начала принадлежала вернувшимся из московской эмиграции коммунистам, – таких бывших «октябристов», деятелей революции 1918 г., как Михай Каройи и даже буржуазного левого радикала, юриста Рустема Вамбери (1872–1950), избрало почётными членами, однако, совершенно забыв об Оскаре Яси. Хотя, с другой стороны, это вполне понятно и объяснимо. Ведь коммунисты, так или иначе, не отказавшиеся от повторного утверждения в стране пролетарской диктатуры, в его лице явно видели своего закоренелого соперника, если не противника. Правда, Яси в 1947 г. благодаря посредничеству Каройи получил возможность для кратковременного посещения Венгрии и Чехословакии. После поездки Яси пришёл к выводу, что и в новых исторических условиях практически не будет шансов для расцвета демократии в Венгрии. Впоследствии он лишь удивлялся тому, почему сами венгерские демократы второй половины 40-х годов XX века не замечали этого. Они до 1947 г. на сей счёт ещё продолжали питать иллюзии, хотя, по мнению Яси, уже с 1917 г. могли бы учесть соответствующие уроки и последствия. С другой стороны, как показала историческая практика, определённая наивность и иллюзии оставались как у Каройи, так и у Яси, причём далеко не только в ключевых вопросах демократии, но и в такой её части, как национальная проблема. Решить же эту проблему, как известно, в своё время наме-

ревались и они сами, ориентируясь на создание конфедерации малых народов Центральной Европы. Но именно в этом, особенно важном для венгров вопросе (в нём Яси считался компетентным специалистом), удар был нанесён таким известным центральноевропейским буржуазным демократом, как Э. Бенеш, которого они искренне уважали и, наряду с другими, ранее считали «образцовым демократом». Здесь, однако, следует отметить, что после предпринятых этим ведущим чехословацким политиком отнюдь не демократических действий в отношении венгерского национального меньшинства в 1946–1948 гг. Яси на страницах американских газет публично осудил национальную политику Бенеша в Чехословакии, выразив своё компетентное мнение. Это произошло вопреки тому, что их связывала с Э. Бенешем многолетняя дружба. Яси, находясь эмиграции, уже ранее стал замечать за своим чехословацким другом отдельные недостатки и действия, заслуживающие осуждения, однако, тогда он о них публично не говорил.

Позицию венгерской демократической эмиграции по национальному вопросу Яси ещё в 1920 г. выразил на страницах эмигрантской газеты «*Vécsi Magyar Újság*» («*Бечи Мадьяр Уйшаг*» – «*Венская венгерская газета*») в следующей формулировке: «Венгерская демократия готова отказаться от реванша, но никогда не откажется от того, чтобы потребовать для своих братьев по крови [венгров, живущих на территориях, отделённых от Венгрии по Трианонскому мирному договору – Б. Ж.] те же права и свободы, которые она сама добивалась для национальных меньшинств Венгрии во времена венгерской гегемонии». Сам Яси уже с середины 1920-х годов стал замечать некоторые расхождения между словами и конкретными действиями чехословацких буржуазных политиков в национальном вопросе, что его сильно огорчало. Несмотря на это, в письме к М. Каройи от 30 августа 1927 г. он ещё гордился своим участием в одной из дискуссий в Политическом институте в г. Виллстон (США), где ему удалось в присутствии хортистского дипломата «в пух и прах разгромить» политическую систему Хорти. При этом он поделился с ним также о сокровенном – признался, что ему было «мучительно больно выступать на таком собрании, где многие сильно лгут, утверждая, что в *новых государствах* Европы создана образцовая демократия». В этой связи Яси, несомненно, имел в виду, прежде всего, чешскую демократию, но будучи ещё солидарным с Бенешем, он тогда не стал выступать с опровержением услышанных там в его адрес похвал и утверждений. Политэмигранты Яси и Каройи оставались заинтересованными в демократическом решении национального вопроса в Европе. Граф, целиком разделявший концепцию Оскара Яси, считал верными его подходы к этой особенно сложной для центральноевропейского региона проблеме. Он лишь кратко отреагировал на предложенный вариант проекта Конфедерации придунайских государств. Зная его позицию, граф обеспокоился. В одном из писем, которые Каройи направил своему другу

в 1943 г. в связи с его проектом, он выразил единственное желание – просьбу о том, чтобы будущая конфедерация не была направлена «против Советов [т. е. СССР – Б. Ж.] и основывалась на полном взаимопонимании с ними»¹³³. Как отнеслось бы советское руководство в 1943–1944 гг. к конфедеративному проекту Яси, можно лишь догадываться, однако, оценка и озабоченность М. Каройи, вполне отчётливо выражены в этих строках его письма.

Возвращаясь к вопросу об изменении отношения эмигранта О. Яси к Э. Бенешу в связи с его реальной антидемократической национальной политикой и конкретными действиями в этом направлении после Второй мировой войны, то это он вполне определенно выразил в письме к своей бывшей жене, писательнице Анне Леснай, которая не поехала вместе с ним в США. Яси 19 мая 1945 г., в частности, писал ей: «Как ты права! Национальная политика Бенеша действительно бесчеловечна. Она – одно из последствий проявления всеобщего краха духовности. Я как человек, посвятивший всю свою жизнь противоположной цели, хотел бы протестовать против неё»¹³⁴. Политэмигрант О. Яси во время массового выселения и переселения венгров из Чехословакии занял активную позицию в этом вопросе. В личном письме к президенту Чехословакии Э. Бенешу он выразил свой протест против «антидемократических методов привлечения народов к коллективной ответственности». А вслед за этим на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс» появилось также его упомянутые выступления с публичным осуждением совершавшихся чехословацким политическим руководством актов насилия. В письме к А. Леснай, возвратившись к сюжетам упомянутой конференции, Яси признавал: «Я участвовал в том хоре, который хвалил наших чехов выше их заслуг, ведь я видел в них своих союзников по демократии и национальным автономиям. Мы сильно ошибались, но уже поздно»¹³⁵. Это явилось выражением полного разочарования Яси, как леворадикального венгерского буржуазного демократа, который увидел в действиях бенешевской администрации крах всех своих надежд. Характерно, что к протесту против такой национальной политики Бенеша присоединился и граф Каройи. Правда, нашёлся и такой буржуазный радикал, который в печати, наоборот, попытался объяснить и оправдать антигуманную национальную политику чехословацкой администрации. Это был путешественник, ориенталист Рустем Вамбери.

Политэмигранту и мыслителю, известному специалисту по национальному вопросу О. Яси с его явными непримиримыми антибольшевистскими позициями пришлось разочароваться не только в Бенеше, но и в графе М. Каройи. Он повторно прервал с ним не только дальнейшие контакты, но и многолетнюю личную дружбу, поскольку тот, возвратившись из эмиграции в Венгрию, пошёл служить ракошистскому режиму. В январе 1949 г. Яси направил Каройи письмо, обвинив его в сотрудничестве с коммунистами и в том, что граф смотрит на будущее Венгрии «через призму коммунизма». В нём он снова выразил свою известную принципиальную позицию, противопоставив её

взглядам «красного графа». При этом Яси особо подчёркивал, что, в отличие от Каройи, он лично «отрицает возможность реализации демократии и человеческой свободы на базе большевистских целей и большевистской морали»¹³⁶. Характерно, что это письмо, в отличие от всех прежних, направленных им графу, уже было без привычной концовки – без слов «твой друг до гроба».

Прожитая в эмиграции годы принесли О. Яси, таким образом, немало разочарований. После распада двуединой и многонациональной Австро-Венгерской монархии в 1918 г. у него ещё некоторое время оставалась надежда на демократизацию самостоятельной Венгрии как «народной республики», однако, сложные внутренние и внешние обстоятельства не дали ей реализоваться. Тогда и возникла перед ним та картина разочарования, которую впоследствии он сам описывал таким образом: «Я шёл теми же путями, что и Масарик и к тем же целям. Наше мировоззрение и охват проблем были тогда родственны. А результат? На одной стороне основание государства и полная, блестяще прожитая жизнь. На другой – разваленная страна и беспокойная жизнь»¹³⁷. Повторное разочарование, постигшее этого видного радикального демократа уже в эмиграции, ближе к концу жизни, состояло в том, что ему пришлось стать свидетелем извращения смысла таких двух основных опор его мировоззрения, как социализм и либерализм. Таковой оказалась судьба практически всех буржуазных демократов Венгрии, ведь преследуемые ими идеалы, – принципы свободы и равенства, – так и не реализовались: социализм нашёл извращённое выражение в диктатуре, а затем современный либерализм, по сути, привёл к дальнейшему росту неравенства граждан, правда, не только в Венгрии.

3. Центристы и левые социал-демократы в эмиграции (Вена – Париж)

С августа 1919 г. в Вену постоянно прибывали политэмигранты из Венгрии. Австрийская столица, как отмечалось, привлекала их своим близким расположением, удобным для наблюдения за происходившими на родине событиями. Кроме того, следует учитывать также, что в Австрии у власти находились левые политические силы в лице социал-демократов, которые пошли навстречу своим товарищам из Венгрии, оказавшимся в трудном положении. Данное обстоятельство придавало дополнительную привлекательность Вене, которая притягивала к себе разные революционные силы левой политической ориентации, тех, которым пришлось покинуть пределы постреволюционной Венгрии. Среди политических беженцев, нашедших в Австрии приют и убежище, было немало известных и влиятельных деятелей руководства Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ). Столица этого сопредельного государства постепенно становилась важным *эмиграционным центром* как для буржуазных радикалов, так и для социал-демократической и коммунистиче-

ской политэмиграции из Венгрии. Именно там, в самом сердце Центральной Европы, могли чувствовать себя наиболее свободно представители названных политических сил, оказавшихся в эмиграции в 20-е – первой половине 30-х годов XX века. Большинство из них имело возможность открыто вести оживлённую и активную деятельность. В Вене в те десятилетия собрались представители практически всех идейно-политических течений левого спектра политэмиграции не только из Венгрии, но почти из всех стран Восточной и Центральной Европы.

К началу 1920-х годов там обосновались и организационно оформились три разные группы политэмигрантов из Венгрии, причём на относительно длительный период. Это были: а) дореволюционные *традиционные* социал-демократы, группировавшиеся вокруг Эрнё Гарамы, приверженцы той политической практики, которой следовала СДПВ до 1918 г.; б) *центристские* силы СДПВ, имевшие левое и правое крыло, объединённые вокруг Жигмонда Кунфи и соответственно Вильмоша Бёма; в) *коммунисты* и левые социал-демократы (также ставшие впоследствии коммунистами), которых на определенном этапе организовал и объединял Енё Ландлер.

Одной из ключевых фигур левоцентристского крыла СДПВ как в начале XX века, так и в условиях венской эмиграции, являлся *Жигмонд Кунфи* (1875–1928), журналист и один из теоретиков партии¹³⁸. Для понимания пройденного им жизненного пути, места и роли, которые он занимал в СДПВ, следует учитывать ряд обстоятельств. Родился он в г. Надъканижа в Задунайском крае Венгрии в семье служащего таможи. Окончив гимназию с отличием, он продолжил учёбу в Коложварском университете (ныне г. Клуж-Напока в трансильванской части Румынии), где в 1904 г. получил диплом преподавателя венгерского и немецкого языка.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, Кунфи вместе с такими руководящими деятелями социал-демократического движения Венгрии, как Петер Агоштон, Мано Бухингер, Енё Варга, Якаб Вельтнер, Эрнё Гарамы, Йожеф Погань, Золтан Ронаи, а также буржуазным левым радикалом Оскаром Яси, выпускал в венгерской столице популярный теоретический журнал партии «*Szocializmus*» («*Социализмуш*»), издававшийся с 1906 по 1948 гг. В условиях октябрьской буржуазно-демократической революции 1918 г. («революция астры» или «осенней розы») Кунфи занял в правительстве М. Каройи пост министра труда и народного благосостояния. В революционных условиях, одинаково сложных для партии и страны, в СДПВ не было единства по ряду актуальных политических вопросов (как и позже, в эмиграции). Тогда Кунфи характерным образом выступил против предложения таких известных членов руководства партии, как Шандор Гарбаи и Йожеф Погань, предлагавших расторгнуть союз с буржуазными демократами и создать своё «чисто социал-демократическое правительство». В итоге СДПВ вошла в правительство графа Каройи, став его коалиционным партнёром. Отметим важность этого обстоя-

тельства в связи с его позициями в дальнейшем. Ведь несколько позже, во время политического кризиса в январе 1919 г. тот же Кунфи ещё настаивал на сохранении коалиции (при условии обеспечения в ней преобладающего большинства деятеля партии Э. Гарамии выйти из состава буржуазно-демократического правительства. Однако, спустя два месяца, в марте 1919 г. когда политический кризис в стране ещё больше обострился, Ж. Кунфи, несмотря на то, что сам далеко не разделял все ленинские принципы, посчитал единственным вариантом выхода из него заключение союза с коммунистами. В отличие от Э. Гарамии, он счёл необходимым осуществить также организационное объединение с ними. Более того, Кунфи был в числе тех представителей руководства СДПВ, которые подписали с коммунистами во главе с Бела Куном соглашение о слиянии СДПВ и КПВ в единую Социалистическую партию Венгрии (с июня 1919 г. – Партия социалистических и коммунистических рабочих Венгрии). Он лично участвовал также в провозглашении и утверждении пролетарской диктатуры в стране.

В Правительственном Совете Венгерской Советской республики Кунфи занял пост наркома народного образования. Б. Кун тогда в письме В. И. Ленину не без основания представлял его в качестве «венгерского Луначарского»¹³⁹. Правда, доверие Кунфи к коммунистам, как и его вера в ВСР под воздействием проводимой коммунистами политики быстро поколебались. Уже в мае 1919 г. он сильно сомневался в правильности и правомерности использования коммунистических методов и средств диктатуры в венгерских условиях, а в июне выступил с открытой критикой политики коммунистов в широкой печати. В его статье, в частности, подчёркивалось, что коммунисты недостаточно считаются с реалиями Венгрии, а диктуемые ими темпы социально-экономических преобразований приводят к перегибам, которые лишь ослабляют социальный базис новой власти. Учитывая это, Кунфи с конца июня 1919 г., хотя и был избран в состав центральных органов руководства ВСР, в работе последних уже практически не участвовал. В свою очередь, это давало коммунистам основание расценивать его как оппортуниста и соглашателя.

Известие о поражении ВСР в начале августа 1919 г. застало Кунфи по пути проездом из Вены в Будапешт, но он не сошёл с поезда и успешно добрался до Будапешта. Правда, в конце лета в целях безопасности ему пришлось искать убежище. Переплыв на лодке Дунай, он вскоре оказался в Братиславе, где был задержан чехословацкой полицией и опознан. Как одному из руководителей ВСР, ему угрожала выдача контрреволюционным властям Венгрии, но чехословацкие социал-демократы добились его освобождения, и он вскоре выехал в Австрию, где и провел последующие десять лет в качестве политэмигранта. Кунфи жил и работал в Вене, занимаясь журналистикой и организацией рядов эмиграции, пытаясь мобилизовать силы на борьбу с режимом М. Хорти.

Годы венской эмиграции (1919–1929) оказались для Кунфи относительно благополучными по двум основным причинам, которые помогли ему избежать трудностей и испытаний, характерных для обычной эмигрантской жизни. Во-первых, в Вене в лице видного представителя местной социал-демократии и 2-го Интернационала, идеолога австромарксизма *Отто Бауэра* (1882–1938) он нашел надёжного и весьма влиятельного опекуна, позиции и взгляды которого он полностью разделял. Во-вторых, в Вене с 1919 г. жили его старшая сестра и младший брат с матерью, а вскоре приехала и жена, Эржебет Ронаи, и ему не приходилось ютиться, где попало, и жить вдали от семьи. В таких условиях Ж. Кунфи имел возможность сразу же продолжить привычную деятельность журналиста и политика. Он, по сути, плавно и безболезненно вошёл в жизнь австрийской столицы, да и Социал-демократической партии Австрии (СДПА), в работе которой принимал довольно деятельное участие в годы эмиграции.

В Вене, где собралось много политических беженцев из Венгрии, Кунфи занялся журналистикой и помогал новым эмигрантам. Он уже в 1919 г. стал штатным сотрудником австрийской социал-демократической рабочей газеты «*Arbeiter Zeitung*» («*Арбайтер Цайтунг*» – «*Рабочая газета*»), где вёл внешнеполитическую рубрику. Кроме того, с 1921 г. Кунфи активно сотрудничал также с австрийским теоретическим журналом «*Der Kampf*» («*Дер Кампф*» – «*Борьба*»), которым руководил другой не менее известный деятель СДПА *Фридрих Адлер* (1879–1960). Кунфи часто публиковался также в венгерской эмигрантской газете «*Ember*» («*Эмбер*» – «*Человек*»), которую в Вене выпускал эмигрант Ференц Гёндёр. Он выступал также на страницах другого венгерского еженедельника австрийской столицы «*Bécsi Magyar Újság*» («*Бечи Мадьяр Уйшаг*» – «*Венская венгерская газета*»). Со временем Кунфи основал свой еженедельник «*Világosság*» («*Вилагошшаг*» – «*Свет*»), который выпускался непосредственно под его редакцией. Нет необходимости подчёркивать, что при этом статьи Кунфи и его ситуационные анализы отражали взгляды, весьма близкие к австромарксизму¹⁴⁰.

В Вене оказался и другой руководящий деятель СДПВ, представитель левоцентристского крыла партии *Шандор Гарбаи* (1879–1947). Чтобы получить представление о позициях и взглядах этого партийного политика и эмигранта, обратимся к краткому экскурсу его жизненного пути до эмиграции. Весной 1919 г. он, как известно, возглавил Революционный Правительственный Совет ВСР, став фактически формальным президентом республики. Это, как ни парадоксально, объяснялось, по словам О. Яси, именно «малой значительностью» его личности. В эмиграции Гарбаи примкнул к группе Кунфи, поскольку его взгляды, базировавшиеся на классовых позициях, были ему понятны, наиболее близки и привлекательны. Гарбаи до начала венской эмиграции уже прошёл немалый путь в партийно-политической жизни. Это также сближало его с Кунфи, которого «красный граф»

Каройи по-прежнему продолжал считать большевиком, хотя и весьма своеобразным.

Гарбаи, в отличие от Гарамии или Кунфи, не обладал высоким уровнем знаний и идейно-теоретической подготовкой, но его сложный жизненный путь также был тесно связан с историей самой СДПВ. Он с самого начала XX века входил в состав центральных руководящих органов партии, представляя в них интересы строительных рабочих. Среди своих соратников Гарбаи особенно высоко ценил и уважал *Дежё Бокани* (1871–1940) за его ораторское искусство. В нём Гарбаи видел образцового народного трибуна, основателя профсоюза строительных рабочих, члена руководства СДПВ в 1894 – 1919 гг. В дни «коммуны» Бокани стал наркомом труда и народного благосостояния. Его, как многих других народных комиссаров, после революции арестовали, и он предстал перед судом, был приговорён к смертной казни, но в 1922 г. по обмену на венгерских военнопленных офицеров смог выехать в СССР, где работал на различных хозяйственных постах и занимался журналистикой. О Гарбаи следует отметить также, что он всегда считался с мнением таких деятелей СДПВ, как *Вильмош Бём* (1880–1949) и Эрнё Гарамии. Наркома ВСР по социализации, затем по военным делам В. Бёма, а впоследствии главкома венгерской Красной Армии и посланника ВСР в Вене, Ш. Гарбаи ценил за его организаторские способности. Э. Гарамии он уважал за его глубокое знание марксизма и теоретическую обоснованность своих позиций, за умение вести дискуссию и, не в последнюю очередь, за его вклад в редактирование партийно-профсоюзной газеты «*Népszava*» («*Ненсав*» – «*Голос народа*»). В первые два десятилетия XX века Ш. Гарбаи, наряду с такими известными деятелями СДПВ, как Э. Гарамии, Ж. Кунфи, Е. Ландлер, Я. Вельтнер, М. Бухингер представлял высшее руководство СДПВ и практически вместе с ними уходил в эмиграцию.

Представляя и сравнивая позиции этих видных руководящих деятелей СДПВ, оказавшихся в венской политэмиграции, следует отметить, что бурные события венгерской истории XX века не раз ставили их, включая Ш. Гарбаи, перед выбором и принятием судьбоносных решений, имевших значение не только для партии, но и для страны. В условиях октябрьской буржуазно-демократической революции 1918 г. они стояли перед неотложным выбором вхождения во власть, а в условиях её кризиса решали вопрос сохранения коалиции буржуазных демократов и социал-демократов, искали альтернативу в образовании социал-демократического правительства. В принятии этих ответственных решений участвовали как Ж. Кунфи, так и Ш. Гарбаи, что сближало и связывало их. Поддержав вхождение СДПВ в правительство Каройи, Гарбаи занял тогда в Национальном Совете республики пост министра жилищных и социальных проблем. Последующий правительственный кризис Гарбаи уже хотел решать «российскими методами», ошибочно полагая, что в России власть взяли подобные им же социал-демократы. Поэтому в тех условиях, как политик, он и предложил создать «чисто социал-демократическое

правительство». Его предложение было, однако, подвергнуто острой критике более умеренным и образованным Э. Гарамии. Тот назвал его подход чисто коммунистическим, отметив, что предлагаемые Гарбаи методы взятия власти могут вызвать только ухудшение положения страны. Кунфи же тогда поддержал Гарамии, заявив, что предложение Гарбаи может привести только к катастрофе, и высказался в пользу промежуточного решения. В результате руководство СДПВ настояло тогда лишь на увеличении числа социал-демократов в кабинете Каройи.

С Бела Куном, ставшим в Советской России коммунистом, Ш. Гарбаи был лично знаком давно. Он ценил его политическое чутьё и организаторские способности. Поэтому не удивительно, что после возвращения Куна в Венгрию попал под его идейное влияние и стал агитировать за «восстановление единства рабочего класса». Гарбаи, несмотря на предостережения опытного Э. Гарамии, что компартия на самом деле не партнёр, не союзник для партии социал-демократов, а её соперник, уже не слушал его. И хотя тогда ещё не стоял вопрос о слиянии двух партий, вскоре ультиматум Антанты («кнота Викаса»), предъявленный венгерскому правительству, коренным образом изменил политическую обстановку в Венгрии. Он и заставил часть социал-демократов, включая Гарбаи и Кунфи, 21 марта 1919 г. на заседании руководства СДПВ высказаться за необходимость заключения союза с лидерами коммунистов, находившихся тогда в тюрьме. Фактически тогда и там же решался вопрос о совместном овладении ими политической властью, от которой Каройи, по сути, отказался. Это предполагало также одновременно признания деятелями СДПВ неизбежности объединения двух партий и установления диктатуры. Вечером того же дня на заседании Рабочего Совета Гарбаи заявил: «Нет другого пути для преодоления кризиса, кроме как принять разновидность диктатуры, пролетарскую диктатуру... Суть нового направления в следующем: то что мы не получили от Запада, – справедливый мир, – мы можем получить от Востока»¹⁴¹. В созданном тогда же Революционном Правительственном Совете ВСР Ш. Гарбаи занял и до конца сохранил за собой пост председателя этого нового высшего органа государственной власти. Правда, при этом долгое время никто не сомневался в определяющей роли в правительстве ВСР Б. Куна как более опытного представителя пролетарской диктатуры.

Характерно, что социал-демократ Ш. Гарбаи, занимавший высокие посты в руководстве СДПВ и в правящих органах двух совершенно разных республик с прямым противоположным государственно-политическим устройством, прежде чем отправиться в эмиграцию, принял участие также в третьем переходном, т. н. профсоюзном правительстве Дюлы Пейдла (с 1 по 6 августа 1919 г.). Программа последнего кабинета предусматривала возврат к истокам буржуазно-демократической республики. В нём он удостоился портфеля министра народного образования. Примечательно, что первые же распоряжения этого кабинета были направлены на прекращение действий законо-

дательных актов ВСР, на которых стояли, кстати, собственноручные подписи того же Ш. Гарбаи. Сославшись на это, нельзя не отметить, что в тех условиях он пытался помешать преследованию оставшихся в стране коммунистов.

Вскоре пришло время, когда и сам Ш. Гарбаи был вынужден покинуть не только Будапешт, но и Венгрию. Когда контр-адмирал М. Хорти во главе своих войск на белом коне въехал в Будапешт, Гарбаи уже скрывался в Трансильвании. Но первые дни 1920 г. он уже встречал в Чехословакии, откуда в феврале вместе с женой уехал в Вену, где их приютил находившийся там В. Бём. «Мы покинули родину, бежали и скрывались с той блаженной верой, что через год вернёмся и на вокзале нас будут встречать, приветствовать миллионы рабочих, – писал он впоследствии. – Если бы кто-то тогда сказал мне, что придётся 27 лет провести в эмиграции, я посчитал бы его сумасшедшим, опасным для общества»¹⁴².

Жизнь в эмиграции для Гарбаи и остальных политических беженцев налаживалась постепенно и складывалась по-разному. В Вене венгерские беженцы-эмигранты обычно собирались в кафе на Маргаретплатц, которое принадлежало *Венгерскому рабочему союзу «Testvériség»* («Братство»), где по воскресеньям в ожидании «грядущей» революции часто обсуждались политические вопросы¹⁴³. Там Гарбаи не раз делился своим богатым опытом и личными впечатлениями, излагал собственное видение социализма и демократии. В одном из своих докладов, под названием «Какие уроки я извлёк из истории пролетарской диктатуры?» он анализировал венгерский опыт взаимодействия диктатуры и демократии. Не отвергая целесообразность социалистической революции и продолжая считать её актуальной для Венгрии с 1919 г., он отмечал, что наряду с социальной политикой, строительством новой системы общественно-политических и экономических отношений, СДПВ должна обращать внимание также на развитие демократии. Он указывал также на необходимость компенсации бывших собственников, ссылаясь на то, что «достижение социализма как конечной цели возможно лишь по законам эволюции и демократизации»¹⁴⁴. Находясь в эмиграции, этот деятель СДПВ (подобно Кунфи и Бёму), хотя и оставался в принципе верен идее пролетарской революции, в итоге всё же отверг её коммунистическое толкование и ленинские методы её осуществления. Гарбаи полагал, что в принципе не только возможно, но и необходимо строить *социализм демократический*. Его доклад на заседании Рабочего союза эмигрантов фактически стал ответом на выступления по этим проблемам бывшего народного комиссара ВСР Енё Ландлера, который также находился в венской эмиграции. Хотя Гарбаи и считал его «человеком, достойным уважения и любви», не мог согласиться с его позициями, которые тот столь «часто подкреплял ленинскими цитатами»¹⁴⁵.

Дискуссии, которые проводились в Рабочем союзе «Братство», в итоге привели к расхождениям взглядов и расколу в рядах самой социал-демо-

кратической эмиграции в Вене. Уже весной 1920 г. из союза выделилась примерно треть его состава (145 чел.), образовав свою самостоятельную эмигрантскую группу «*Világosság*» («*Вилагошшаг*» – «*Свет*»). При её создании присутствовал и Ж. Кунфи, который затем весьма активно работал именно в ней вплоть до середины 1920-х годов, став редактором одноимённой еженедельной газеты. Правда, затем по причине ухудшения здоровья и обострившейся фракционной борьбы в рядах социал-демократической эмиграции Кунфи несколько снизил прежнюю активность.

Эмигрантская группа «Вилагошшаг», образованная из рабочих и интеллигентов, начала свою деятельность явно не без влияния Кунфи и, конечно, в духе австромарксизма на базе программных принципов австрийской социал-демократии. Приверженцем этого направления в эмиграции стал также Ш. Гарбаи, избранный председателем этой новой группы, а её секретарем – В. Бём. Со временем число членов группы «Вилагошшаг» достигло 300 человек, и она стала жить своей самостоятельной партийной жизнью – заслушивала и обсуждала доклады, проводила заседания, семинары и культурно-просветительские мероприятия. После того, как с 1 июня 1920 г. группа наладила издание своего еженедельника, на его страницах часто выступали такие известные представители социал-демократической эмиграции, как Ж. Кунфи, З. Ронаи, П. Сенде, Е. Прагер и проводивший организационную работу В. Бём.

Взгляды Ш. Гарбаи и некоторых других представителей группы центристов венской социал-демократической эмиграции далеко не всегда совпадали с позициями австромарксистов. В частности, они не разделяли их подходы к решению аграрного вопроса для Венгрии. Это объяснялось, прежде всего, тем, что венгерские эмигранты в крестьянском вопросе ещё в условиях революции приобрели практический опыт и убедились в малой эффективности коллективного хозяйствования, навязанного коммунистами в ВСР. Поэтому они оставались сторонниками безусловного разделения земли среди крестьян. В аграрном вопросе они придерживались подхода, частично уже испытанного в период венгерской буржуазно-демократической революции 1918 г., и имели основание осуждать аграрную политику «коммуны» 1919 года, базировавшейся на коллективной собственности. Члены этой группы исходили из того, что коммунисты, отказавшись от раздела земли, тем самым лишили себя поддержки крестьянства, и дали шанс для победы контрреволюции в Венгрии.

В 20-е годы XX века, когда компартии многих стран, а также левые социал-демократы жили предвкушением приближающейся новой европейской революции, центристские силы социал-демократов в феврале 1921 г. провели в Вене международную конференцию. На ней Ж. Кунфи и его единомышленники (В. Бём, Ш. Гарбаи, З. Ронаи и др.) выступили с изложением своего видения ситуации, выразили собственные взгляды и оценки уроков пролетарской диктатуры в Венгрии. В составленном ими меморандуме – далеко не без попытки самооправдания за былое участие в «венгерской коммуне» – они из-

ложили целый набор обвинений в адрес коммунистов за их действия в период ВСР. Своё согласие на утверждение тогда диктатуры пролетариата в этом документе они назвали «отчаянной попыткой большинства руководителей социал-демократии доказать, что не являются противниками рабочего класса». Коммунисты же были обвинены в том, что слишком усердно и «услужливо копируют методы русской революции и пользовались этими методами»¹⁴⁶.

В номере еженедельника «Вилагошшаг» от 20 июля 1920 г. анализировались причины поражения ВСР. В них указывалось на то, что социал-демократы в 1919 г. доверились коммунистам, поскольку считали, что те со знанием российского опыта «должны были лучше знать, как следует претворять в жизнь идеи социализма», однако, венгерская практика диктатуры показала обратное. Летом 1920 г. Ж. Кунфи выступил с лекцией в Халленской партийной школе Австрийской социал-демократической партии, где подверг критике политику коммунистов. При этом один из слушателей отметил, что в руководстве ВСР находились не одни коммунисты, но и социал-демократы, и поэтому за допущенные ошибки и поражение республики ответственность должны нести сообща. Кунфи объяснил ситуацию так: «Чтобы доказать свою правоту, мы не могли выступить против воли пролетариата ... Мы не хотели стрелять в рабочих, не желали замарать революцию их кровью»¹⁴⁷. Утверждение Кунфи о том, что в конце лета 1919 г. у руководства ВСР не было другого выхода, как принять требование рабочих масс и покончить с диктатурой, и что такое решение («ни при каких обстоятельствах не выступать, не воевать против пролетариата») было вполне обоснованным, он повторил и позже, в феврале 1921 г. по случаю образования в Вене 2 ½ Интернационала (его полное название: Международное рабочее объединение социалистических партий, а впоследствии – Социнтерн). В целом же, левые центристы СДПВ в эмиграции во главе с Кунфи решающими причинами поражения ВСР считали политику Антанты и использование большевистских методов в повседневной практике Советской республики. Кунфи лично полагал, что без этих причин не было бы и контрреволюции. Нельзя не отметить, что на названных форумах он призывал делегатов не допускать при грядущих революциях использования большевистских методов в странах Запада и Центральной Европы¹⁴⁸. Здесь нет необходимости раскрывать, какую реакцию вызвала такая позиция со стороны коммунистов.

С анализом венгерского опыта 1919 г. эмигрант Кунфи в первой половине 1920-х годов часто выступал и в открытой печати, подвергая критике не только политику и диктаторские методы управления Венгерской Советской республикой, но и её экономическую политику, ускоренные темпы социально-экономических преобразований. В центре внимания его критики оказались также политики и политика великих держав в Центральной и Восточной Европе, включая трианонский диктат и аспекты Брест-Литовского мира. Ана-

лизовал он и социально-экономические проблемы, особенно аграрный вопрос. Среди затронутого им в эмиграции комплекса проблем важное место занимал анализ расхождений между социал-демократами и буржуазными радикалами, хотя при этом он сам по-прежнему старался не прерывать связи с Каройи и его окружением.

Во второй половине 1920-х годов в Австрии начали усиливаться правые политические тенденции, которые таили в себе угрозу рабочему движению, а, следовательно, оказывали далеко не благоприятное воздействие на деятельность левых политических сил, включая эмигрантов. Как результат, из Вены начался отток венгерских политэмигрантов в другие европейские столицы, в частности, в Прагу и Париж. В тех условиях в эмиграции участились расхождения по самым разным, но особенно по политическим вопросам, происходили острые дискуссии.

В конце 1927 г. из группы «Вилагошшаг» выделился и в сопровождении своих малочисленных сторонников ушёл Ш. Гарбаи, создав новую группу венгерских политэмигрантов под названием *Bécsi Magyar Emigráns Munkások Művelődési Köre* (Культурно-образовательный кружок венгерских рабочих-эмигрантов в Вене). Группа пользовалась также кратким названием «*Előre*» («Элёре» – «Вперёд», в австрийском варианте – «Vorwärts»), а с мая 1929 года начала выпуск газеты с идентичным названием. Группа занималась в основном марксистским просвещением рабочих в эмиграции. Делала это в духе программных установок, разработанных Отто Бауэром, которые были приняты в австрийской социал-демократии с 1926 г. Учитывая, что «Вилагошшаг» обвинила сторонников Гарбаи в симпатиях к коммунистическим идеям, руководство последних в первом же номере газеты «*Előre*» 1 мая 1929 г. сочло необходимым опровергнуть это утверждение. Оно заявило, что не имеет ничего общего с инкриминированными идеями, и вообще, отвергает диктатуру пролетариата. Небезразлично отметить, однако, что газета, тем не менее, положительно оценивала экономические и культурные достижения Советской России. В её передовой статье была выражена характерная центристская позиция социал-демократов, суть которой заключалась в следующем: изменить советскую систему без ущерба для российского пролетариата вряд ли возможно, но её опыт полезен для дела социализма, вопреки тому, что реально советский социализм является лишь своего рода приближением к подлинному социализму как таковому. Это было реальным признанием группой Гарбаи того, что для Венгрии социализм вообще-то нужен, но далеко не такого рода, который утвердился в СССР.

Приводя эти позиции и оценки, нельзя не сослаться на одну из программных статей газеты «Элёре» под названием «Чего мы хотим?». В ней нашли отражение основные ориентиры данной группы венгерских социал-демократов в австрийской эмиграции. Статья Ш. Гарбаи позволяет судить о взглядах автора, об идейной направленности газеты и группы. Она свидетельство предан-

ности и верности идеям революции и социализму, как конечной цели. В статью намечались основные задачи, стоявшие перед этой эмигрантской группой социал-демократов¹⁴⁹. Гарбаи явно исходил из того, что Венгрия в 1919 г. уже прошла первую фазу «венгерской социалистической революции», т. е. приближения к социализму, поэтому после контрреволюции непременно должна перейти к её третьей, наиболее совершенной фазе, через «*демократический социализм*», который и станет второй фазой социалистического развития. Согласно его конструкции, достижение второй фазы не возможно без свержения в Венгрии существующего строя. Гарбаи намеревался превратить свой рабоче-крестьянский союз в важный инструмент реализации демократического социализма, в котором не будет места коммунистам, не признающим принципы демократии. Для претворения в жизнь своего проекта Гарбаи в конце 1920-х годов намечал и структурные компоненты будущего Союза социал-демократических партий. В нём предполагалось объединить рабочие и земельно-крестьянские партии, партию мелких хозяев, а также интеллигентов, промышленных и торговых работников. В предполагаемом союзе ведущую роль, по мнению Гарбаи, была призвана играть хорошо организованная рабочая партия¹⁵⁰.

Подводя некоторые общие итоги эмиграции левых некоммунистических групп, покинувших Венгрию после двух политических революций начала XX века и обосновавшихся в странах Центральной Европы (преимущественно в Австрии), следует учитывать то, что между ними также сохранились принципиальные идейно-политические расхождения, которые со временем даже усилились. Вопреки имевшим место попыткам поиска возможностей сближения, эти различия не позволили им объединить свои усилия в интересах реализации поставленных целей. Основными силами политэмиграции тех лет в Центральной Европе стали представители двух эмигрантских организационных и политических течений – *левых буржуазных демократов* и *социал-демократов*. Идейно-политические разногласия между ними в эмиграции сохранились и сами по себе мотивировали невозможность объединения их усилий против утвердившегося в Венгрии политического строя, который, безусловно, имел контрреволюционный и консервативный характер. Изначально существовавшие между названными потоками и даже отдельными родственными группами политэмигрантов идейно-политические различия приводили не к слиянию, а, наоборот, к дальнейшему организационному дроблению сил, которые возглавлялись наиболее активными представителями соответствующих групп. Социал-демократ Ж. Кунфи и его группа «Вилагошшаг», сотрудничавшие до эмиграции с коммунистами, после поражения «коммуны» стремились отмежеваться от представителей КПВ и всё чаще обращались к анализу уроков революций 1918–1919 гг., к критике политики коммунистов. Последние же обосновались преимущественно в Москве, где и проводили свою деятельность, но отдельные группы, подчиняясь московскому центру,

действовали также в Вене и Берлине, во главе с Б. Куном, Е. Ландлером. В составе групп находился Д. Лукач и другие.

Бывший социал-демократ, в условиях эмиграции левоцентрист Ж. Кунфи и его сторонники из группы «Вилагошшаг» не находили взаимопонимания и согласия не только с буржуазными либералами и радикалами, но и с эмигрантской группой умеренных социал-демократов во главе с Эрнё Гараме. Выход Ш. Гарбаи из состава группы «Вилагошшаг» был воспринят сторонниками Ж. Кунфи весьма болезненно, как преднамеренная акция раскола. Если вначале эмиграции все эти силы ещё проявляли некоторые признаки сближения и имели стремление к сотрудничеству (особенно между группами Ж. Кунфи и М. Каройи), то со временем их контакты практически прекратились. Основными целями этих попыток по сближению и активизации деятельности эмигрантских формирований являлось стремление к координации действий, объединению усилий и образованию какого-то общего эмигрантского руководства или комитета во главе с графом Каройи, а также налаживание сотрудничества с политическими кругами Чехословакии в интересах концентрации усилий против режима Хорти. Все эти планы и попытки лидеров эмигрантских групп по ряду причин так и не увенчались успехом. Они от начала и до конца оставались лишь на уровне представлений, нереализованных проектов и попыток.

Исходя из изложенного, следует считать вполне обоснованным вывод венгерских историков Ф. Мучи и А. Сабо, которые во вступительной статье к изданию «Избранных произведений Жигмонда Кунфи» состоянию левых политических сил венгерской эмиграции 20-х годов XX века в Центральной Европе дали такую меткую характеристику: «Противоречия между отдельными группами оказались настолько острыми, что исключали любое сотрудничество между ними, сделали его бесперспективным. Если даже социал-демократы еле-еле находили между собой общий язык, то с коммунистами они ни при каких условиях больше не соглашались на сотрудничество. Каройи же проявлял доверие и симпатию к коммунистам. Именно из-за этих различий во взглядах потрели крах и сближение между Каройи и Кунфи»¹⁵¹.

Эмигрантская группа социал-демократов «Вилагошшаг» во главе с Ж. Кунфи, а также коммунисты стали самими строгими критиками как утвердившегося в Венгрии политического режима, так и оставшихся на родине представителей СДПВ. Последние пошли на подписание негласного соглашения и на сотрудничество с консервативной хортистской политической властью, правда, оставаясь при этом парламентской оппозиционной партией. Власть же во главе с Хорти благодаря стараниям премьер-министра Иштвана Бетлена (1874–1946) приобретала свои окончательные черты, успешно стабилизировалась и, вопреки ожиданиям и стараниям сил политэмигрантов, получила международное признание. В 1920–1930-е годы позиция руководства СДПВ в самой Венгрии характеризовалась стремлением добиваться скорейшего возвращения

партии к истокам, к политическому курсу периода буржуазной демократии, что во многом совпадало с мнением и позицией умеренных социал-демократов в эмиграции. Кунфи же не только в своих статьях, опубликованных на страницах разных изданий, регулярно и по-прежнему усердно бичевал окрепший в Венгрии режим, но осуждал и руководство СДПВ в стране. В январе 1925 г. он вместе с Вилмошем Бёмом, Шандором Гарбаи, Золтаном Ронаи и Палом Сенде (который, вопреки предупреждениям О. Яси, примкнул к этой венской группе социал-демократов) при посредничестве К. Каутского добился направления в Венгрию специальной комиссии Социалистического Интернационала. Она должна была расследовать обстоятельства заключения соглашения руководства СДПВ («пакта» Пейера – Бетлена) о сотрудничестве с венгерскими властями.

Здесь следует обратить внимание на одно важное обстоятельство. Венская эмиграция представителей СДПВ, в отличие от эмиграции буржуазных демократов, не утратила связи с коллегами на родине и сохранила определенное влияние на социал-демократическое движение в стране. С мнением умеренного крыла эмиграции СДПВ на родине считались, прислушивались даже к критике Кунфи. Однако уход Ш. Гарбаи из группы «Вилагошшаг» привёл к существенному ослаблению в ней позиций центристской базы. Условия эмиграции со временем отразились, однако, на состоянии и Ж. Кунфи, главного лидера левоцентристской социал-демократической эмиграции в Вене. Болезнь подорвала его здоровье, да к тому же со временем он сам стал недоволен проводимым курсом и достигнутыми результатами. Состояние здоровья и растущее недовольство делами вызвали у его сильное разочарование, что не замедлило отразиться также на его активности. Кунфи из деятельного и влиятельного члена руководства партии, наиболее видного представителя венской левоцентристской социал-демократической эмиграции, – а по меткому выражению Ш. Гарбаи «самого беспощадного противника венгерской контрреволюции»¹⁵², – превратился в человека, всё больше разочарованного в жизни. Кстати, произошло это именно тогда, когда летом 1928 г. в Венгрии т. н. левое, доляльное крыло партии уже открыто начало сближение с Кунфи и его идейными сторонниками в эмиграции. Кунфи ещё продолжал критику лидера СДПВ Кароя Пейера и хортистского режима, но она становилась всё мягче, теряла прежнюю резкость и жёсткость, чем собственно и отличалась от коммунистов. Считается, что в последние годы жизни эмигрант Кунфи уже сам обдумывал возможность возвращения в Венгрию.

Разочаровавшись в достигнутых результатах, эмигрант Кунфи явно стал пессимистом, к тому же появились проблемы в его личной жизни. В одной из его статей, напечатанной 15 октября 1919 г. в его еженедельнике под названием «Трагедия эмиграции», он акцентировал внимание на печальных сторонах жизни эмигранта. В ней уже не оставалось и капли прежнего оптимизма, а собрания эмигрантов он назвал «страшным явлением». «Сидят здесь эти люди,

как все прочие, но их будущее уже в прошлом, и все они в душе оглядываются только назад. Ранее все они представляли собой кого-то, являлись кем-то, но сейчас по их собственным меркам, предьявляемым к жизни, они уже никто, – писал Кунфи, примеряя всё это и к собственной персоне. – Слово *революция* ещё присутствует у них почти в каждой фразе, равно как и *контрреволюция* в сочетании со словами *белые, палачи, виселица, тюрьма, лязг наручников* или *амнистия*. Разговор с ними исчерпывается этими жестокими фразами, которые и составляют их словарный запас»¹⁵³. Видимо, не случайно, что вскоре, 18 ноября 1929 г., после публикации этой статьи Ж. Кунфи решил расстаться с жизнью, покончив собой.

На рубеже 1920–1930-х годов часть видных политэмигрантов из руководства СДПВ решила вернуться в хортистскую Венгрию, признавая тем самым существовавший там политический строй. Первыми предприняли такой решительный шаг самые видные умеренные деятели руководства партии – Якаб Вельтнер, Мано Бухингер и Эрнё Гарами. Они провели в эмиграции 10 лет и на родину возвратились после длительных переговоров будапештской организации СДПВ с правительством И. Бетлена, которому немалыми усилиями удалось придать государственно-политической системе страны надлежащий вид. И хотя её так усердно бичевали все политэмигранты, она давала возможность всем легальным силам присутствовать в политической жизни страны, вести оппозиционную деятельность, участвовать в парламентских выборах. Исключение представляли лишь находившиеся под запретом коммунистические организации. Характерно, что в 20-е годы даже им, сменив название партии, удавалось на некотором этапе легально функционировать (параллельно с подпольем). Все прочие политические силы, в том числе оппозиционные, такие, как Независимая партия мелких хозяев (НПМХ) или СДПВ, свободно действовали в стране. Вернувшиеся из эмиграции социал-демократы также вели открытую и активную оппозиционную деятельность именно через парламент. Следует, правда, отметить при этом, что легально действовавшие оппозиционные силы уже больше не думали о немедленном революционном свержении утвердившегося в стране строя, а являлись сторонниками эволюционного развития и преобразований посредством парламентской борьбы. СДПВ направляла свои усилия на реформирование системы в духе буржуазной демократии. Вернувшиеся из эмиграции социал-демократы, кроме всего прочего, добивались также общей «амнистии для всей эмиграции», хотя на том этапе зримых результатов и не достигли¹⁵⁴.

В отличие от упомянутых нами видных деятелей СДПВ, которым после десяти лет посчастливилось вернуться в Венгрию, несколько иначе сложилась судьба такой ключевой фигуры венской эмиграции, как Ш. Гарбаи. После мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и поражения февральского восстания 1934 г. австрийских рабочих, его задержала венская полиция и он, подобно многим другим политэмигрантам, был вынужден покинуть пределы

Австрии. Из Вены Гарбаи окольными путями направился в Чехословакию, но, не имея гражданства страны, там не мог включиться в местное социал-демократическое движение. Тем не менее, в 1935 г. в Братиславе ему удалось издать свою книгу на венгерском языке под названием «Новыми путями за власть»¹⁵⁵, в которой настаивал на необходимости коренного переустройства экономики Венгрии. К решению этой задачи он считал необходимым привлечь не только индустриальных рабочих, но и все прочие слои трудового народа.

В 1936 г. Ш. Гарбаи совершил поездку по США, где в качестве бывшего главы Венгерской Советской республики 1919 г. делился своими воспоминаниями, выступал с лекциями перед венгерскими эмигрантами в промышленных центрах и местах их массового расселения. Вскоре после его возвращения в Чехословакию произошёл развал этого, лишь недавно образованного «национального» государства, и Гарбаи пришлось искать новое пристанище. Вместе с женой 20 февраля 1938 г. он прибыл во Францию, где также скопилось немало трудовых мигрантов из Венгрии, функционировали коммунистические и социал-демократические группы, существовал даже филиал группы «Вилагошшаг». Но в Париже он уже не сумел включиться в работу местной венгерской эмигрантской организации. Ему, как бывшему политическому деятелю революционных лет, со временем всё реже приходилось публично излагать свои позиции и взгляды. Он лишь однажды, в 1939 г., счёл своим долгом заявить о себе. Произошло это после заключения советско-германского договора («пакта Риббентроп-Молотов»). Гарбаи, который ранее по целому ряду вопросов был готов следовать советскому примеру и образцу, перестал скрывать своё суждение и однозначно осудил этот пакт и событие. В своём публичном выступлении он провёл параллель между фашизмом и большевизмом, указав на их подчеркнутое родство. Впрочем, в социал-демократических кругах того времени такая позиция и оценка считалась тогда уже общепринятой¹⁵⁶.

С началом Второй мировой войны многим эмигрантам пришлось покинуть Францию, но Гарбаи решил остаться. В 1940 г. он обратился в парижское консульство Венгрии с просьбой о восстановлении венгерского гражданства, но война затормозила решение данного вопроса. Реализовать своё намерение в условиях войны ему так и не удалось. После освобождения Венгрии Гарбаи с идентичной просьбой обратился к новой коалиционной власти страны, но её представители не особенно торопились с ответом, впрочем, как и послевоенное руководство СДПВ. Только его бывший коллега по эмиграции В. Бём, уже вернувшийся в страну, снабжал его информацией о кардинальных переменах, происходивших в жизни Венгрии, вёл с ним переписку с лета 1945 года.

Между тем, Ш. Гарбаи ещё 8 октября 1944 г. из освобожденного Парижа обратился с письменным меморандумом к советскому правительству, направив его в Наркоминдел СССР. В нём он сначала напомнил о своей роли в ВСР

1919 г., о первых документах советско-венгерских отношений, на которых стояла его личная подпись. Затем изложил советскому руководству своё видение тех политических проблем, решение которых считал актуальными и неотложными в новой демократической Венгрии, а вслед за этим обозначил основные аспекты социального развития страны, предлагая их учитывать. Гарбаи ходатайствовал о справедливом мире для своей многострадальной родины, ратовал за достойный подход к решению её проблем. В этом документе он сжато изложил также свои основные взгляды и позиции по многим другим животрепещущим проблемам, но ответа на них так и не получил.

Эмигрант Ш. Гарбаи отреагировал также на советские заявления, приветствуя желание СССР иметь в сопредельных с ним странах после войны дружеские и демократические правительства. В своём меморандуме, поэтому он представил также краткий анализ социальной и экономической ситуации Венгрии, конкретно указав на те преобразования, в которых остро нуждается страна. С учётом личного опыта 1919 г. Гарбаи подчёркивал, что при существовавшей тогда социальной структуре страны в ней нельзя проводить немедленные преобразования средствами и методами пролетарской диктатуры. Он отмечал, что хотя перемены и надо осуществлять революционными средствами, делать это следует всё же посредством демократических институтов. Гарбаи, ссылаясь на свой опыт, предостерегал от попыток перепрыгнуть через фазу буржуазно-демократического развития, подчёркивая, что её необходимо пройти.

Обращаясь к вопросу о грядущих революционных преобразованиях, Гарбаи пытался изложить, какие перемены нужны венгерскому народу. Среди прочих он считал особенно важным найти достойное решение аграрной проблемы для Венгрии. При этом он указал также, с чего следует начинать. «Наше крестьянство желает получить землю от революции, причём землю желает взять в частную собственность. Крестьянство отвергает любые формы её кооперативного или общественного использования. В нашем народе сильна тяга к частной собственности»¹⁵⁷, – подчёркивал он. В своём меморандуме Гарбаи изложил также основные аргументы за необходимость проведения справедливых государственных границ послевоенной Венгрии. При этом он так и не дождался ни ответа на свой меморандум, ни возвращения на родину. Гарбаи 7 ноября 1947 года скончался в Париже.

4. Вена – Берлин – Париж: основные места базирования коммунистической эмиграции

После разгрома ВСР часть представителей коммунистического движения Венгрии, будучи задержанной австрийской полицией, на какое-то время нашла убежище на территории Австрии в качестве беженцев и интернированных. Многие из них, в том числе Б. Кун, оказались в лагерях для интерниро-

ванных, и лишь впоследствии были высланы из страны либо обосновались там, образуя наряду с социал-демократами не столь многочисленную, но всё же коммунистическую политэмиграцию. Впоследствии в австрийских условиях они взялись за реанимацию КПВ. Именно в Австрии (сначала в лагерях или в качестве работавших там под прикрытием коммунистов) находились тогда такие известные в коммунистическом движении деятели, как Йозеф Погань, Йозеф Реваи, Ласло Рудаш, Золтан Санто, Бела Кун, Эрнё Герё, Дёрдь Лукач, Матяш Ракоши, Енё Варга, писатели Бела Иллеш, Янош Маца, художник Бела Уитц и др., часть из которых разными путями выехала затем в Советскую Россию.

Коммунистическая эмиграция в Австрии начала складываться и оформилась именно из числа задержавшихся там или уже работавших в Вене коммунистов. Она, подобно социал-демократической, сосредоточилась, прежде всего в столице страны Вене, где её представители в относительно благоприятных демократических условиях могли впоследствии взяться за реорганизацию компартии Венгрии. Эта работа сочеталась с другими аспектами коммунистической деятельности. Партийное строительство осложнялось тем, что коммунисты, прибывшие туда из советской эмиграции ещё до 21 марта 1919 г., практически даже в самой Венгрии не сумели создать свою развёрнутую организационную структуру, да и численность членов партии была не столь значительной. Соответствовало этому и влияние коммунистов в массах, хотя революционные условия того времени тем не менее весьма стремительно вынесли на вершину политической власти горстку коммунистов во главе с Куном. Благодаря сложившейся политической ситуации и содействию части левых социал-демократов коммунистам удалось провозгласить Венгрию второй в мире республикой Советов. Поражение же «коммуны» 1919 года коренным образом изменило положение этой разнородной политической группировки, которая оказалась в вынужденной эмиграции или частично интернированной.

К началу 20-х годов XX века коммунистическая эмиграция в Центральной Европе встала перед проблемой восстановления КПВ и создания её структуры. Воссоздание компартии для Венгрии началось в Австрии с 1922 г., и происходило путём образования небольших подпольных групп из 3–5 человек, которые впоследствии пытались действовать в Венгрии в рамках профсоюзного и социал-демократического движения. Об их легальной деятельности не могло быть и речи, ведь ситуация контролировалась венгерской полицией. Положение мало изменилось и в последующие десятилетия. О масштабной организационной работе с охватом всей страны, говорить в начале 1920-х годов не приходилось. Коммунисты стремились, но в венгерских условиях так и не смогли развить активную самостоятельную деятельность и оставались в подполье. По этой причине единственным местом для формирования партийных ячеек и воссоздания КПВ собственно и оставались зарубежные эмиграционные центры в странах по соседству с Венгрией – в Австрии, Чехосло-

вакии, – а также в Германии и отчасти во Франции, т. е. там, где политическая обстановка это позволяла. Создание коммунистических групп в Венгрии и руководство ими поэтому осуществлялось преимущественно из-за границы, где собственно и произошло повторное оформление КПВ. Среди ведущих деятелей коммунистического движения, в руках которых было сосредоточено руководство этой работой в Центральной Европе в 1920–1930-х годах, выделялись Бела Кун и Енё Ландлер.

Среди них наиболее известным стал Б. Кун. Он ещё перед приближавшимся неизбежным поражением ВСР в последний момент сумел выехать в Австрию, где сначала скрывался, но вскоре также оказался в лагере для интернированных. С августа 1919 г. он целый год провёл в этом лагере, и поэтому лично не мог участвовать в возрождении компартии, но его товарищи связывались с ним и согласовывали свои действия. В Австрии и Чехословакии был образован и действовал своего рода оргкомитет возрождаемой компартии, который стремился осуществлять руководство как эмиграцией, так и подпольем. В состав нового временного руководства КПВ вошли такие известные легально работавшие в Австрии коммунисты, как Енё Ландлер, Дёрдь Лукач, Йозеф Погань и др. Сам Б. Кун, хотя и находился в лагере интернированных, заочно был избран в его состав. Он сохранил членство в Центральном Руководстве КПВ вплоть до 1936 г. Кроме того, Кун несколько сроков подряд представлял партию также в III Интернационале (Коминтерне).

Лидеры КПВ своей первостепенной задачей в условиях венской эмиграции считали именно возрождение партии и руководство ею. Коммунистическая эмиграция в Центральной Европе, – впрочем, как и социал-демократическая, – в 1920-е годы закономерно обращалась к анализу опыта революций 1918 и 1919 гг., выявляла уроки и причины поражения «коммуны». Не менее важным стало также изучение реальной обстановки, сложившейся в Венгрии, выяснение легальных и нелегальных возможностей для работы в новых условиях, а также перспектив сотрудничества с другими политическими силами. При всём этом коммунисты по-прежнему рассчитывали на близость новой общеевропейской революционной волны.

Вена и Прага предоставляли благоприятные возможности для подготовки и образования партийных ячеек с последующей их отправкой в Венгрию для подпольной деятельности. Наряду с Москвой, где находился главный центр и основной кадровый состав коммунистической эмиграции, австрийская столица оставалась вторым важным местом для размещения также и такого руководящего органа, каким являлось Загранбюро КПВ. Оно начало функционировать там уже с осени 1919 г. под соответствующим прикрытием (бюро лишь на коротком этапе пребывало в Берлине), поддерживая при этом постоянную связь с Коминтерном.

Летом 1920 г. по инициативе В. И. Ленина и в результате советского дипломатического вмешательства Б. Кун был освобождён из австрийского лагеря

для интернированных и выехал в Советскую Россию. В августе он прибыл в Петроград, откуда продолжил путь в Москву. После встречи с Лениным Кун в качестве представителя Коминтерна был направлен в Баку на первый съезд народов Востока. В октябре уже находился на Южном фронте гражданской войны, где вместе с братом Ленина участвовал в разгроме Врангеля и освобождении Крыма. Будучи членом Реввоенсовета Южного фронта, как то утверждают некоторые российские историки, он ответственен за совершённые там жестокости. Весной 1921 г. Кун прибыл в Германию, где в мартовских боях считался приверженцем левацкой «теории наступления», получившей тогда широкое распространение в германской компартии. И это не удивительно, ведь данная теория вполне вписывалась в его представление о надвигающейся европейской революции. За это, как известно, Кун впоследствии на III конгрессе Коминтерна подвергся справедливой критике со стороны Ленина. Однако его вскоре избрали членом Президиума ВЦИК, и он в декабре 1922 г. уже принимал участие в работе Всероссийского съезда Советов, который провозгласил образование СССР. В 1922–1923 гг. Кун – член Уралбюро ЦК РКП(б), где по заданию Ленина участвовал в проведении в жизнь новой экономической политики (НЭП).

В советской эмиграции Б. Кун, наряду с активной и многогранной политической деятельностью, сохранил своё членство в руководстве ЦК КПВ и в качестве его представителя затем часто выезжал в Вену по делам партии. Для большинства эмигрантов в Австрии и СССР, для коммунистического подполья в Венгрии Кун олицетворял «не только Венгерскую Советскую республику», но и активного «борца против антинародного режима» в самой Венгрии. Впрочем, именно таким считали его «венгерские товарищи и руководители III Интернационала»¹⁵⁸. Начиная с 1924 г. Кун возглавил Отдел пропаганды Коминтерна (КИ), отвечал за направление его деятельности в глобальном масштабе, курировал печать, теоретическую работу и партийную учёбу всех компартий. В его ведении находились теоретические журналы, партийные школы, книгоиздания на разных языках. Являясь членом Исполкома Коминтерна (ИККИ), Кун принимал участие в его заседаниях, в разработке политического курса этой международной коммунистической организации. Занятость в названных органах и сферах не исключала его активной деятельности также по руководству КПВ в эмиграции. По просьбе таких выходцев из Венгрии, как Енё Ландлер и Дюла Алпари, которые работали в Центральной Европе, руководство КИ с осени 1924 г. разрешило Куну использовать часть своего времени для пребывания в этом регионе в интересах КПВ и международного коммунистического движения. Ему предоставлялась возможность часто выезжать из Москвы и нелегально действовать в Вене и Берлине по несколько месяцев ежегодно.

После возвращения в Москву из австрийского лагеря Кун впервые в ноябре 1924 г. выехал в Вену, а впоследствии по 5-6 месяцев находился в Централь-

ной Европе в Загранбюро КПВ. В 1926–1928 гг. выделенное для него время он проводил, в основном, в Вене и Берлине. Как упоминалось, середина 20-х годов в Венгрии ознаменовалась заключением «пакта» о сотрудничестве между руководством СДПВ и правительством И. Бетлена. Кун и часть руководства КПВ, дождавшись тогда проявления недовольства рабочих своим положением, сочли возможным перейти к легальной работе непосредственно в Венгрии и попытаться укрепить идейно-политическое единство с компартиями стран целого региона, опять-таки в надежде на новую революционную волну.

Летом 1925 г. в условиях эмиграции в Вене прошёл I съезд КПВ. В его подготовке и проведении ведущую роль играл Б. Кун. Он участвовал также в создании и налаживании работы теоретического журнала КПВ «*Új Március*» («*Уй марциус*» – «*Новый март*»), легально издававшейся в Вене на венгерском языке. Кун прилагал усилия также по формированию политического курса новой, созданной на родине по инициативе местных коммунистов легальной *Социалистической рабочей партии Венгрии* (СРПВ). По сути, она была партией прикрытия, которая в 1925–1928 гг. легально действовала в стране под руководством столяра *Иштвана Ваги* (1883–1940). С ним Кун встречался в Австрии и давал ему необходимые советы. Небезразлично отметить, что новая партия подготовила даже свою аграрную программу «За новую земельную реформу», которая предусматривала привлечение крестьянства на свою сторону. В то же время нельзя не учитывать, что создание и деятельность СРПВ, – её часто называли «партией Ваги» – стали одновременно попыткой коммунистов усилить давление на СДПВ, а это в условиях продолжавшейся между ними конкурентной борьбы заведомо грозило провалом для СРПВ. В 1927 г. руководитель партии И. Ваги, был арестован и приговорён к четырём годам заключения, а после освобождения эмигрировал в Советский Союз. На сей раз коммунистическая эмиграция во главе с Куном (как и в 1927 г. в случае с арестованными коммунистами) организовала международную акцию за освобождение заключенных.

Частые аресты коммунистов в Венгрии вызывали далеко не однозначную реакцию и в руководящих кругах политэмиграции. Разными оказались суждения и в самом руководстве КПВ относительно правильности оценки текущего момента и возможностей организационного строительства и дальнейших действий партии, т. е. появились расхождения в вопросах тактики, которой полагалось следовать. Как следствие, с самого начала разошлись мнения и по другим вопросам, что в итоге привело к появлению в КПВ двух фракций. Одну из них возглавил Енё Ландлер (1875–1928), в прошлом социал-демократ, нарком внутренних дел ВСР, а затем главком венгерской Красной Армии. Обитая в Вене и став одним из руководителей КПВ в центрально-европейской эмиграции, он раньше остальных убедился в успехе консолидации власти М. Хорти в Венгрии. Поэтому, желая избежать арестов и тюремных заключений, его фракция предлагала не создание в стране самостоятельных коммунистиче-

ских парторганизаций, а деятельность в рамках легально действующих организаций СДПВ и профсоюзов. Такой подход, хотя несколько переоценивал возможности деятельности в легальных структурах, казался многим сторонникам Ландлера наиболее реальным и целесообразным. Фракция же Б. Куна, наоборот, посчитав слабостью хортистского режима создание в стране многопартийной парламентской системы, при которой допускалась легальная оппозиция (СДПВ и Независимой партии мелких хозяев), настаивала именно на образовании развёрнутой подпольной структуры компартии и добивалась переизбрания ЦК и его перевода из Вены в Будапешт. Приводя эти расхождения между фракциями, нельзя не считаться с уже отмеченным подходом – необоснованным ожиданием новой европейской революционной волны. Спор между фракциями в КПВ по этим вопросам, в конечном счёте, был вынесен на обсуждение в Коминтерне, но долгое время так и не находил удовлетворительного решения.

Деятельность венской коммунистической эмиграции оказалась в целом весьма плодотворной. На первом съезде КПВ в августе 1925 г. в австрийской столице делегаты подвергли критическому анализу ситуацию в самой партии, обсудили положение в Венгрии и в эмиграции в целом. Решения съезда положили конец противостоянию фракций, наметили задачи и меры, направленные на сочетание легальной и нелегальной работы в соответствии с рекомендациями Коминтерна.

В 1920-е и начале 1930-х годов для эмигрантов, покинувших Венгрию по политическим причинам, наряду с Веной, широкие возможности предоставлял Берлин, а несколько позже – также Париж. Именно эти европейские столицы стали в те годы основными центрами венгерской коммунистической эмиграции в Центральной и Западной Европе. Объяснялось это нейтральным и терпеливым отношением Вены к политэмигрантам или либеральным подходом Берлина к ним, включая благоприятные условия работы даже для коммунистов в условиях Веймарской республики (1919–1933 гг.). В Берлине, как и в Вене, сосредоточилась деятельность преимущественно левых политических сил эмиграции, размещались отдельные институты международного коммунистического движения, действовали многочисленные советские представительства, в которых работало также немало бывших венгерских политэмигрантов, принявших советское гражданство. В этой связи достаточно напомнить хотя бы об активной деятельности там отдельных советских и коминтерновских организаций при участии выходцев из Венгрии. Это, в частности, первое советское торговое представительство за рубежом, которое открылось именно в Берлине. В нём сначала заместителем торгпреда, а затем руководителем этого учреждения стал бывший эмигрант Дюла Лендел, вместе с которым годами работали также Ласло Хайи и его брат Михай, Режё Крейчи, Пал Араньоши и др. К числу таких учреждений относился также *Институт экономико-статистической информации*, возглавлявшийся Енё (Евгений)

Варгой, *Крестьянский комитет* Коминтерна в Европе, руководство работой которого было поручено Акошу Хевеши. В германской столице издавался также информационный бюллетень Коминтерна «*Internationale Presse-Korrespondenz*» («*Интернационале пресс-корреспонденц*»), сокращённо: «Импрекорр»), который выходил под редакцией уроженца Венгрии Дюлы Алпари, активно участвовавшего также в возрождении КПВ. Хорошие профессиональные знания этих и многих других эмигрантов из Венгрии, оказавшихся в СССР, были использованы и в ряде других стран Европы, где открылись советские торгпредства (в частности, в итальянском Милане, где его в 1929–1931 гг. возглавлял Йожеф Халас). И тем не менее, именно Берлин продолжал оставаться и не без основания считался «главным очагом исходившей из Москвы коммунистической политики»¹⁵⁹.

В связи с *Дюлой Алпари (1882–1944)* целесообразно отметить, что этот журналист, родившийся в семье торговца в венгерском Дунафёльдваре и владевший рядом европейских языков, ещё в юности сблизился с социалистическим движением, стал членом СДПВ, а затем КПВ. Во время «венгерской коммуны» он стал заместителем Б. Куна, тогда наркома иностранных дел ВСР. С осени 1919 г. до весны 1921 г. Алпари работал в Чехословакии, принимая активное участие в создании КПЧ. Затем, по предложению В. И. Ленина, в 1921 г. он был назначен руководителем издания упомянутого бюллетеня Исполкома Коминтерна «*Импрекорр*», который предоставлял соответствующую информацию компартиям западных стран, вел борьбу против социал-реформизма. Бюллетень под редакцией Алпари сначала выходил на трёх, а затем на многих иностранных языках. С 1923 по 1933 гг. он издавался в Берлине, затем в Швейцарии, а с 1933 г. – в Париже¹⁶⁰. Характерно, что в мае 1924 г. в связи с выпуском «Импрекорра» в Германии государственный комиссар, ответственный за соблюдение порядка в Берлине, написал донесение в высшие инстанции. В нём он отмечал, что бюллетень стал «важнейшим западноевропейским [печатным] органом Коминтерна, еженедельные издания которого выходят на нескольких языках», и что его содержание «по существу, носит информационный характер»¹⁶¹.

В берлинской редакции «Импрекорра» работали такие венгерские коммунисты, как Аладар Комят и Ирен Комят. Столица Германии привлекла и таких эмигрантов, деятелей культуры, как, в частности, поэт и журналист Андор Габор, киновед Бела Балаж, художники Ласло Мохой-Надь, Шандор Эк и др., которые годами находились в эмиграции в Берлине и поддерживали интенсивные связи с коммунистами. С осени 1921 г. там же обосновался и работал Шандор Радо (несколько позже в Вене), возглавлявший телеграфное бюро „*Intel*” («Интел») – отдел советского РОСТА), созданное для связи КИ с компартиями на Западе. Небезразлично отметить, что в годы Второй мировой войны картограф Ш. Радо уже проводил активную и весьма успешную разведывательную деятельность для Советского Союза в Швейцарии¹⁶². В Берлине

некоторое время жил и философ Д. Лукач, который занимался преподавательской работой в марксистской школе для венгерских горнорабочих. С начала 30-х годов Лукач был членом КПГ и долгое время возглавлял также коммунистическую группу союза писателей Германии.

В середине 1920-х годов, по оценочным данным, в Германии в общей сложности находилось свыше 100 тыс. эмигрантов-выходцев из Венгрии¹⁶³. Приводя эти данные, следует учитывать, что они охватывают не только беженцев ВСР, но и трудовых мигрантов, а также часть бывших венгерских военнопленных. Последние возвращались из России, где стали коммунистами, но в Германии сошли с поезда либо по уговору своих товарищей, либо опасаясь продолжить путь в хортистскую Венгрию и временно пополнили ряды эмигрантов в Веймарской республике. И это не удивительно, ведь руководители КПВ даже стимулировали их на подобные действия в расчёте на приближение упомянутой революционной волны. В Германии с 1921 г. существовала венгерская секция КПГ, работала партийная школа КПВ, где среди прочих преподавал интернационалист Ференц Мюнних. Наряду с коммунистами, оказавшимися в Германии по политическим причинам, в горнодобывающей отрасли страны работало также порядка 4–5 тыс. трудовых мигрантов из Венгрии¹⁶⁴, на них коммунисты также рассчитывали.

В Вене, наряду с Е. Ландлером и Б. Куном, с ноября 1924 г. некоторое время жил и работал Д. Алпари, возглавлявший Оргкомитет по возрождению КПВ. Венский центр эмиграции привлекал коммунистов возможностью свободно печатать свои теоретические и политические издания. С июля 1925 г. по ноябрь 1933 г. именно в Вене издавался на венгерском языке такой широко известный и уже упоминавшийся печатный орган КПВ, как журнал «*Új Műrcsúsz*» («*Уй марциуш*»- «*Новый март*»), среди авторов которого были представлены практически все наиболее известные политэмигранты-коммунисты из Венгрии.

Представители коммунистической эмиграции, находясь на партийной работе в других странах, – будь то Москва, Вена, Берлин или Париж, – становились на партийный учёт в компартии страны пребывания. Так, в частности, в Вене членом местной австрийской компартии стал окончивший Будапештский университет юрист Арпад Хаас. Работая долгое время в этой стране, он сделал даже партийную карьеру в КПА. В 1925 г. стал одним из её руководителей, сотрудником центрального аппарата партии. Хаас годами редактировал главный печатный орган австрийской партии, газету «*Rote Fahne*» («*Роте фане*» – «*Красное знамя*»)¹⁶⁵. Вместе с ним в газете трудились и другие эмигранты из Венгрии. Некоторое время в венской и берлинской эмиграции находился хорошо подготовленный в теоретическом отношении бывший социал-демократ, видный представитель социалистической мысли Йозеф Погань (1886-1938). В своё время он эмигрировал в Россию, где в 1920 г. стал коммунистом, а затем выполнял разные задания в Германии и Австрии. Впо-

следствии Погань, по поручению КИ, был направлен на партийную работу в США. На V и VI конгрессах Коминтерна под именем *Джон Поппер* именно он представлял компартию США. В 1930-е годы, когда американские коммунисты уже не нуждались в подкреплении кадрами извне, Й. Погань возвратился в Москву, где работал советником в Госплане СССР. В июле 1937 г. во время массовых арестов и сталинских репрессий он также оказался в лагере, а в феврале 1938 г. его уже не стало¹⁶⁶.

Находившегося изначально в венской эмиграции участника революционного движения, писателя и поэта Андора Габора, который часто печатался в издаваемых венгерских газетах левых сил, в 1924 г. выдворили из Австрии, и он также обосновался в Берлине. Будучи журналистом, Габор объездил всю Германию, Францию, Бельгию и Чехословакию, а с 1927 г. неоднократно публиковался также в московских газетах и журналах, в частности, в «Правде» и «Огоньке». Весной 1933 г. после высылки из Германии он эмигрировал в Советский Союз, где и жил в последующие годы. С 1938 г. он вместе с учёным, историком Элеком Болгаром редактировал в Москве венгерский эмигрантский литературно-политический журнал «*Új Hang*» («*Уй ханг*» – «Новый голос»)¹⁶⁷. Когда в Берлине и Вене коммунистам стало уже небезопасно, для них особое значение приобрёл Париж как центр эмиграции.

После упомянутого разоблачения венгерскими властями в 1927 г. легальной деятельности коммунистов в рамках «партии Ваги», эмигрантскому руководству ВКП всё же удалось несколько оживить работу в подполье, а также в профсоюзах шахтёров, строительных рабочих, кожевников, столяров и служащих частного сектора. Коммунистические группы действовали также в организациях СДПВ под руководством Йожефа Маджара и Шандора Фюрста, которым удалось наладить тесные связи с венской и московской эмиграцией. Тем не менее, наступивший экономический кризис 1929–1933 гг., вызвавший протестные выступления рабочих, показал, что единственной реальной силой, которая сумела овладеть ситуацией и массами, оставалась СДПВ, а не КПВ. Росту влияния коммунистов среди рабочих мешал сектантский подход и закостенелость самой КПВ, да и успешное противостояние социал-демократов коммунистическому напору. Кстати, то же самое происходило и в рядах эмигрантской части СДПВ. Позицию последних достаточно чётко выражал бывший эмигрант Э. Гарамы, центристский политик и открытый оппозиционер режиму Хорти и даже правому крылу руководства СДПВ. Он призывал деятелей партии к сближению, к заключению союза с буржуазной оппозицией, предостерегая при этом от любого сотрудничества с коммунистами, которых именовал «фашистами слева»¹⁶⁸. Нельзя не отметить также, что его позиция имела особое значение и оказывала ощутимое влияние на социал-демократическую эмиграцию.

Непосредственное руководство работой коммунистов в подполье и в эмиграции фактически осуществляло Заграничное бюро КПВ во главе с Е. Ланд-

лером и Б. Куном. Кончина Ландлера в феврале 1928 г. прибавила работы и забот последнему по руководству бюро в Вене, которое располагалось на Нойбаугассе, куда стекались все секретные сведения о партийных кадрах, местах их работы с точными адресами и явками как в условиях подполья, так и в эмиграции. Из этого центра отправлялись в Москву зашифрованные данные о кадрах, всех участниках коммунистического движения в Венгрии, собирались и накапливались отчёты о работе всех партгрупп и организаций¹⁶⁹. Случилось, что во время очередного приезда Куна в Австрию 26 апреля 1928 г. его задержала полиция на квартире крупного торговца Георга Майерхоффа. И хотя коммунистическая деятельность в Австрии не преследовалась законом, компартия страны действовала легально (в Вене на венгерском языке открыто печатался и журнал «Уй марциуш»), арест Куна стал крупным провалом для КПВ. Ему, как уже однажды выдворенному из Австрии иностранцу, грозило заключение за «недозволенное возвращение» в страну и использование подложных документов. В общей сложности за это Кун мог оказаться в заключении до 2–3 месяцев. Кроме того, его теоретически могли выдать властям Венгрии, хотя к таким мерам австрийские власти не прибегали. Реально, как сообщалось в печати, австрийцы намеревались после отбытия им наказания снова выслать его из страны.

Конечно, дело Куна оказало влияние на работу коммунистов и несколько осложнило их положение. Венская полиция провела обыски на квартирах таких членов руководства КПВ, как Д. Лукач, Д. Алпари и др. Арест лидера компартии в Вене к тому же совпал с обнаружением полицией забытых или утерянных в городском транспорте копий части тех секретных документов Загранбюро КПВ, которые хранились на Нойбаугассе¹⁷⁰, а это также усугубило ситуацию для всей эмиграции. Ведь весной 1928 г. в руках венской полиции оказалась настоящая «бомба» с точными адресами и ценными сведениями о всей структуре коммунистических организаций как в Австрии, так и в Венгрии, об их деятелях и членах КПВ. Полиция, однако, решила распорядиться этими сведениями по-своему и не обнародовала их. Тем не менее, данное обстоятельство и арест Куна вызвали тогда весьма решительную и бурную реакцию с советской стороны, что нашло выражение на страницах «Правды» и «Известий» того времени. В советской печати была развёрнута шумная кампания в интересах «спасения» Куна.

Судебное разбирательство по делу Б. Куна состоялось 26 июня 1928 г. Материалы процесса печатались и на страницах венского эмигрантского журнала «Уй марциуш». Они свидетельствуют о стремлении Куна превратить судебный процесс в пропагандистскую кампанию. Он отнюдь не опасался за свою судьбу и подчёркивал, что лично он намерен жить, по крайней мере, «до повторного утверждения власти Советов в Венгрии». Свой приезд в Вену Кун мотивировал тем, что для работы ему «пока ещё нельзя приезжать в Будапешт». Подчёркивая, что КПВ не является тайной организацией, он показал

книги, разложенные в зале суда, и отмечал, что они «все открыто напечатаны в Вене издательством ЦК КПВ» и составляют всего лишь «пятую часть того, что издано там же за последние три года». Тем самым Кун опроверг обвинения в адрес КПВ, что она якобы ведёт скрытую деятельность в Австрии. Говоря о центральных органах партии, он заявил, что КПВ, как политическая партия, не обязана предоставлять властям информацию «о своих интимных делах». Далее подчёркивал: «Ранее весь Центральный Комитет находился за границей, а теперь только часть его. Иными словами: руководители партии жили в Вене, в Москве, в Берлине, в Париже, потому что политические беженцы вынуждены жить в рассеянии. Члены же ЦК, живущие за границей, выступают открыто, хотя при этом на свои заседания полицию не приглашают. Органы же печати выходят легально...»¹⁷¹. Кун хорошо понимал, что всё это не противоречит австрийским законам и ему за это ничего не угрожает. Между тем для «спасения» Куна, находившегося якобы в большой опасности, была развита международная кампания, мобилизованы силы известных деятелей культуры в СССР и на Западе. В частности, в его защиту подняли свой голос М. Горький, В. Маяковский, Ромен Роллан и многие другие. Вернувшись летом 1928 г. в Москву, Кун на VI конгрессе Коминтерна был избран в состав Президиума ИККИ и оставался там до 1936 г. включительно, продолжая при этом руководить КПВ.

Коммунистическая эмиграция продолжала свою деятельность и в Центральной Европе, хотя основным местом её пребывания по-прежнему оставалась Москва. В 1930 г. в СССР прошёл II съезд КПВ, решения которого вновь подтвердили, что ближайшей целью партии остаётся утверждение «диктатуры пролетариата», т. е. неизменным являлся курс на установление «второй советской республики» в Венгрии. Эмиграция жила надеждой, что мировой экономический кризис даст толчок появлению новой революционной волны и реализация намеченных партией задач станет возможной. На рубеже 1920–1930-х годов эмигранты нелегально завозили в Венгрию и распространяли там свои печатные издания, в том числе журналы «100%» и «*Társadalmi Szemle*» («*Таршадальми семле*» – «*Общественное обозрение*»), которые пользовались особой популярностью в 1927–1930, а затем в 1933–1935 гг.

С появлением угрозы фашизма в Центральной Европе, с разгромом в 1933–1934 гг. немецкого и австрийского социалистических движений, компартии практически утратили свою опору в этом регионе. Единственным надёжным местом для коммунистической деятельности и базой для соответствующей эмиграции оставался СССР. В Венгрии определённую возможность для нелегальной работы коммунистов предоставляли профсоюзные организации. В изменившихся условиях с неизбежностью менялся и политический курс компартий всего центральноевропейского региона, и политэмигранты в соответствии с решением VII конгресса Коминтерна (1935 г.) развернули работу по созданию антифашистских национальных фронтов. Коренным изменениям

же в составе КПВ мешали сектантские позиции и возобновление фракционной борьбы, конец чему положили лишь небезызвестные массовые сталинские репрессии, которые распространялись и на политэмигрантов. Летом 1936 г. Секретариат Коминтерна принял решение о замене Б. Куна во главе ЦК КПВ. Было создано временное руководство партии, после чего и она приступила к разработке политики народного фронта для Венгрии.

Глава 4

Политэмигранты и трудовые мигранты из Венгрии в СССР

1. Участие уроженцев Венгрии в экономической жизни Советского Союза. Трудовая эмиграция – «инорабочие» 20–30-х годов

О бывших венгерских военнопленных, ставших воинами советской Красной Армии, интернационалистами или участниками коммунистического движения на территории России, как отмечалось, историками написано немало. Гораздо меньше материалов и достоверной информации имеется в распоряжении исследователя о тех гражданах Венгрии, которые по разным причинам остались в Советской России и после гражданской войны так или иначе участвовали в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. Это относится также к иностранным рабочим и специалистам, которые приехали в страну в качестве мигрантов или эмигрантов, где внесли свой вклад в развитие советской экономики в 20–30-е годы XX века. Об этих и некоторых других группах бывших венгерских военнопленных и гражданах, а тем более об оказавшихся по какой-то причине в советских трудовых лагерях, располагаем лишь довольно скудными данными и фрагментарными сведениями. Они тем не менее позволяют провести краткий анализ сюжетов о трудовой деятельности отдельных групп «невозвращенцев» и эмигрантов, дают возможность, по крайней мере, на постановку отдельных неизученных проблем. Отмеченные обстоятельства, естественно, затрудняют создание полномасштабной панорамы экономических аспектов деятельности названных и некоторых других, оставшихся в СССР групп уроженцев Венгрии, которых также можно отнести, на наш взгляд, к числу представителей не вполне традиционной эмиграции.

Трудовая деятельность выходцев из Венгрии в советских условиях 20–30-х годов, как и судьба отдельных эмигрантов и эмигрантских групп, складывались по-разному. Большинству венгерских военнопленных, как отмечалось, удалось вернуться на родину. Те же, кто по не зависящим от них обстоятель-

ствам не могли это сделать, либо стали политэмигрантами (венгерские политзаключённые, спасённые советским правительством, коммунисты, интернационалисты и пр.) и обосновались в советской эмиграции, так или иначе были вовлечены в сферу активной трудовой активности и работали в самих разных отраслях советской экономики, науки и культуры, участвовали в общественно-политической жизни страны Советов.

Следует учитывать, что в начале 1920-х годов жизнь даже в лагерях военнопленных нередко была связана с трудовой деятельностью. По сравнению с бывшими венгерскими военнопленными, которые не выходили из лагерей на работы и там дожидались обмена, в более выгодной ситуации оказались те, кто с самого начала изъявил готовность участвовать в какой-то полезной для молодой страны Советов работе. К последним, безусловно, принадлежали интернационалисты и бывшие красноармейцы, а также представители венгерского аграрного пролетариата, многие из которых ещё до начала 1920-х годов привлекались к сельскохозяйственному труду.

Характерно, что для части бывших военнопленных в разных регионах страны выделили земельные участки для обработки, где они могли заняться сельскохозяйственным производством. При этом были случаи, когда некоторые из бывших военнопленных венгров остались на этих землях вплоть до начала коллективизации, иногда заводили семьи и создавали даже новые поселения. В качестве такого примера можно назвать бывших пленных венгров и австрийцев, выпущенных из Никольского лагеря на Дальнем Востоке, которые создали там не только семьи, но основали даже новые населённые пункты с характерными венгерскими названиями (Мадьярфалу, Эртелеп, Михайлак, Вендегеш). В них они возводили церкви (евреи – молельные дома), строили школы для детей, а русских жён обучали венгерскому языку. В Михайлаке, например, проживало 150 венгров и 200 русских, а в Мадьярфалу, где поселилось более 300 венгров и 40 австрийцев, жители посёлка наладили даже выпуск своей газеты на венгерском языке «*Távol-Keleti Magyar Újság*» («*Таволкелети мадьяр үйшаг*» – «*Дальневосточная венгерская газета*»), которая финансировалась властями г. Никольска¹⁷².

Часть бывших венгерских воинов, демобилизовавшись из советской Красной Армии, также брала земельные наделы и в условиях начавшейся с 1921 г. новой экономической политики (НЭП) занялась частным производством. Бывшие солдаты, как наиболее организованная сила, нередко создавали свои коллективные хозяйства – сельскохозяйственные «коммуны» – и налаживали совместное производство, а другие образовали даже «рабочие дружины» промышленного профиля. Работавшие в коллективных хозяйствах венгры имели определённое преимущество по сравнению с теми соотечественниками, кто был занят частным делом или работал в индивидуальном хозяйстве, особенно вдали от крупных городов. Это выяснилось, однако, позже, когда появилась возможность вернуться на родину либо потребовалось документальное под-

тверждение личных данных (а их необходимо было запрашивать из Венгрии) для оформления советских паспортов, в случае принятия гражданства страны. Нужную информацию первыми получали именно члены наиболее организованных «дружин» и «коммун». Часто такая информация, напр., о необходимости подать письменное заявление о своём намерении вернуться на родину, не всегда доходила до частных лиц или хозяйств, особенно в местах, отдалённых от крупных городов. В результате некоторые бывшие венгерские военнопленные становились если не вынужденными эмигрантами или трудовыми мигрантами в прямом смысле этих слов, то, во всяком случае, своеобразными поселенцами.

Советское народное хозяйство в условиях НЭПа также остро нуждалось в рабочей силе, а рабочих рук не хватало для восстановления разрушенной экономики. Поэтому демобилизованные тогда венгерские красноармейцы, интернационалисты, прибывшие из Венгрии бывшие политзаключённые, политэмигранты свободно находили себе применение в самых разных областях деятельности. Наряду с тем, что многие трудились на заводах и фабриках, нередко в созданных ими же промысловых и сельскохозяйственных кооперативах, часть из них была назначена даже на руководящие должности, а имевшие соответствующее образование и способности устраивались в госучреждениях и организациях. Так, бывший нарком ВСР Элемер Варьяш, досконально знавший по венгерскому опыту проблемы кооперации, с 1923 г. успешно применял свои знания по организации и налаживанию деятельности российского кооперативного движения. Ему принадлежит создание сети потребкооперации РСФСР. Варьяш впоследствии некоторое время работал в международном отделе московского Кооперативного Центра, а затем возглавил республиканский отдел по экспорту и импорту. В те годы многие венгерские эмигранты направлялись на ответственную работу за границей, назначались руководителями объектов советской промышленности либо трудились бригадирами и инженерами на заводах и фабриках страны¹⁷³.

В условиях НЭПа эмигранты из Венгрии, получив широкие возможности для проявления инициатив в сфере кооперативного движения, создавали свои промысловые и сельскохозяйственные коммуны. Одной из таких наиболее известных коммун тех лет стала *Венгерская рабочая коммуна* (её называли также *дружиной*), которая располагалась в Бауманском районе г. Москвы (ул. Красносельская, 65). В её цехах работало несколько сот эмигрантов, которые довольно успешно удовлетворяли социальные и бытовые потребности москвичей вплоть до 1928 г. Коммунары выполняли строительные, столярные, ремонтные работы, оказывали транспортные услуги, занимались слесарным делом, бытовым обслуживанием населения столицы, а их специальный цех по пошиву одежды вскоре превратился в швейную фабрику. Решением Моссовета на базе этой фабрики вскоре открылись по всему городу ателье пошива модной одежды. В пригородах Москвы на 50 гектарах комму-

нары разбили огороды, построили теплицы, круглый год снабжавшие свежими овощами общественные столовые и население Бауманского района столицы. Венгерские коммунары были представлены также в Моссовете двумя депутатами, а в Бауманском районном Совете их было несколько. В районном комитете РКП(б) коммунаров представлял упоминавшийся Р. Гарашин¹⁷⁴, который в годы Второй мировой войны служил в советской армии, а затем, став полковником венгерской, командовал погранвойсками Венгрии. При коммуне работал Венгерский клуб, где для эмигрантов ставились драматические спектакли на венгерском языке, выступали народные и симфонические оркестры.

Демобилизованные интернационалисты и политэмигранты, прибывшие в своё время в Россию по обмену, в августе 1924 г. также создали свою коммуно сельскохозяйственного профиля. Она именовалась *Булычевской венгерской* или же «*Можайской коммуной*» по месту её расположения в Можайском районе Московской области. Руководил её работой Янош Кайзер. Коммунары построили свой клуб, при котором открыли кинотеатр и библиотеку с газетами и книгами на венгерском языке, а также школа для детей эмигрантов.

Разумеется, не только в Москве и Подмосковье, но и в разных республиках СССР трудились бывшие венгерские военнопленные и эмигранты. Более того, их ряды в 1920-е годы пополнили венгерские трудовые мигранты, причём даже выходцы из отделённых от Венгрии территорий. Так, жители г. Жолны (ныне г. Жилин, который с 1920 г. вошёл в состав Чехословакии) сначала вели переписку с *Венгерским клубом* в Москве, после чего по линии «Интерхелпо» (организации, созданной для международной помощи России) из числа добровольцев образовали целый кооператив, который в начале 1925 г. с полным комплектом инвентаря выехал в СССР. Его организатором являлся венгр Янош Сабо, который был избран председателем будущего промышленного кооператива. Члены кооператива на своем собрании приняли решение окончательно переселиться в Среднюю Азию и участвовать в налаживании экономической жизни советской страны. Первая группа промышленников этого кооператива в составе 303 (по другим источникам – 418) человек, 29 марта прибыла в г. Фрунзе (Бишкек в Киргизии), и за ней последовали ещё 20 товарных и 13 пассажирских вагонов с необходимым оборудованием. Наряду с венграми в кооператив вошли также несколько словаков и представителей других национальностей. Кооператив за короткое время превратился в огромный многопрофильный трудовой комбинат. Его впоследствии часто показывали прибывшим в СССР делегациям, представляя в качестве образцового предприятия. Члены кооператива первым делом наладили производство шерстяных тканей и костюмов, кожаных изделий и обуви, мебели и изделий из металла. Кроме всего прочего, комбинат занимался также строительством и сельскохозяйственным производством. В г. Фрунзе кооператив во главе с Я. Сабо построил фабрики и жилые дома, поликлинику и больницу, водо-

проводную станцию, школу на 400 детей, клуб на 1000 посадочных мест, занимался озеленением киргизской столицы, посадкой фруктовых садов¹⁷⁵. Подобные венгерские коммуны сельскохозяйственного профиля с 1922 г. были созданы и успешно действовали также в Азербайджане вблизи Баку, а также в Карачале и Лаки¹⁷⁶.

В Средней Азии на базе размещённых там бывших венгерских военнопленных сформировались разного профиля производственные организации. Они создавались там преимущественно из тех 13 тыс. венгерских военнопленных, которых ещё решением царского правительства направили в Туркестан¹⁷⁷. Часть из них уже в 1918 г. начала там работать на военных заводах и на строительстве железных дорог. Другая часть, численностью порядка 7–8 тыс. человек, стала красноармейцами и воевала против басмачей, а после демобилизации надолго, некоторые даже навсегда остались в тех краях. К числу последних относился, в частности, *Андраш Короукаи*, окончивший Ташкентскую военную школу красных командиров и награжденный впоследствии советским орденом боевого Красного Знамени. Он в 1919–1920 гг. вместе с руководителем воинов-интернационалистов *Кароем Боцом* остался в Самарканде и Бухаре. В последующие годы они вместе с остальными 22 тыс. демобилизованными и «забытыми» там венграми активно участвовали в восстановлении народного хозяйства Туркестана. В 1921 г. большинство туркестанских венгров вернулись на родину. По заданию КПВ среди них находился и К. Боц. Оказавшись, однако, в Венгрии, он вскоре был арестован хортистской полицией. Ему затем удалось сбежать и окольными путями вернуться в Москву, а затем в Самарканд, где он и остался работать до конца жизни¹⁷⁸. Автору этих строк, в начале 1970-х годов удалось встретиться с ним в Узбекистане на научной конференции. К. Боц сразу после гражданской войны стал первым секретарем одного из обкомов РКП(б), а затем республиканского обкома компартии в Самарканде. Позже Боц был директором Хлопкоперерабатывающего комбината, а затем возглавил Хлопковый трест УзССР. Выступивший на конференции академик республиканской академии наук К. Е. Житков в своём докладе подробно анализировал трудовой вклад венгерских эмигрантов в налаживание мирной жизни в Средней Азии. Он рассказал о роли венгров и Первой трудовой армии на строительстве железной дороги в Семиреченске, Фергане, Бухаре, а также на Ташкентском механическом заводе, на возведении хлопкового комбината вблизи Ташкента. Оставшиеся в Средней Азии венгры принимали активное участие также в создании системы артелей и предприятий по производству предметов первой необходимости для населения республики, столь нужных и важных в послевоенные годы.

В 1920–1930-е годы представители эмиграции, возникшей на базе бывших военнопленных из Венгрии, практически повсеместно активно включились в экономическую жизнь советской страны. Они трудились не только в упомянутых коммунах и артелях, но и на возведении объектов крупной промышлен-

ности Москвы и других городов, индустриальных центров. Необходимо отметить примечательный факт основания венгерскими эмигрантами в столице СССР авторемонтной коммуны АМО, которая со временем выросла в крупнейший и широко известный советский автомобильный завод ЗИЛ (известно, что музей завода долгими десятилетиями бережно хранил память о своих основателях и об их деятельности). На АМО в 20–30-е годы работали бывшие политзаключённые и квалифицированные рабочие из Венгрии, получавшие по тем временам высокую зарплату. Один из них, бывший зам.наркома ВСР Петер Агоштон, обмененный в 1922 г., в письме жене в Будапешт в 1923 г., в частности, писал: «Хорошие промышленные рабочие получают здесь очень много. Так, Хаубрик [Йожеф Хаубрик, бывший нарком торговли и военный комендант Будапешта, обменен в 1922 г. – Б. Ж.] и Довчак имеют установленный максимум, что в декабре составлял 1000 рублей, причём им постоянно повышают зарплату. Рабочие-печатники почти все без исключения получают столько же. Они внешне не отличаются от буржуа, носят золотые часы, золотые цепочки, перстни, у них серебряные портсигары. Словом, никогда им раньше так не жилось, но они при этом ещё и недовольны, поскольку еду готовят себе сами, т. к. русской кухней пользуются неохотно»¹⁷⁹. Многие из эмигрантов-основателей автозавода АМО, особенно инженеры и специалисты машиностроения, в последующие годы часто выезжали в другие регионы России для налаживания производства. Уроженцы Венгрии, среди которых были специалисты разного профиля, в одной лишь Москве участвовали в строительстве или реконструкции таких объектов как Электрозавод, завод «Фрезер», 1-й Государственный подшипниковый завод, обувная фабрика «Буревестник», Московский государственный электроламповый завод и др.

В годы восстановления народного хозяйства и мирового экономического кризиса не только возникшая на советской земле эмиграция уроженцев Венгрии, но и многие трудовые мигранты, прибывшие из западных стран (туда они эмигрировали после поражения ВСР 1919 г.), находили применение своим силам в СССР. Следует учитывать, что самые разные отрасли советской экономики предлагали им возможности для трудоустройства. Работая по найму на советских предприятиях и на строительстве, они внесли свой вклад в создание советской экономики. При этом часть из них проявляла интерес к социалистическим идеям. Эмигранты и трудовые мигранты из Венгрии работали в те кризисные годы и на других, ещё не упоминавшихся советских предприятиях. Так, они стояли за станками и таких крупнейших заводов и фабрик, как московский «Серп и молот», Горьковский автомобильный и Сталинградский тракторный завод. Трудились на строительстве Магнитогорского металлургического комбината, города Комсомольска-на-Амуре, Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали, нефтяных промыслов Грозного и Баку, на возведении крупных промышленных объектов Новосибирска,

Омска, Иркутска, Саратова, Краснодара, Харькова, Ростова-на-Дону, Мариуполя, Калуги и др.

В условиях эмиграции многие венгерские интернационалисты и специалисты разных отраслей возглавили материальное производство, становились руководителями предприятий, директорами, заместителями директоров ряда заводов и фабрик¹⁸⁰. Директора предприятий, конечно, отбирались главным образом из числа бывших эмигрантов, пользовавшихся особым доверием советского и партийного руководства. Так, например, такой политэмигрант, спасённый советским правительством из заключения в Венгрии, как один из основателей КПВ, бывший политкомиссар венгерской Красной Армии Фридеш Карикаш стал директором текстильной фабрики «Кардолента», а Иштван Бирман в 1920-е годы занимал руководящие посты в металлургической промышленности, а затем в Главметалле и Югостали. Заслужив признание самого Г. К. Орджоникидзе, Бирман был впоследствии переведён на должность руководителя Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР, затем в 1930-е годы назначен директором крупнейшего советского металлургического комбината в Днепропетровске. Руководящие посты занимали и другие известные интернационалисты. Так, в частности, Р. Гарашин возглавил Трест московской полиграфической промышленности, Ф. Мюнних руководил Контрольным комитетом Наркомата нефтяной промышленности, Эрнё Пор стал заместителем директора Ленинградского комбината «Красный треугольник», Эрнё Зайдлер – директором Треста цветной металлургии, Шандор Витез – Московского химзавода, Ференц Лоранд – завода «Изолит», Игнац Клейн – 3-го Московского хлебозавода, Армин Гельфготт – техдиректором Электролампового завода «Светлана» и т. д.¹⁸¹ Часть наиболее способных специалистов на производстве и особенно представители руководящего звена, имели возможность совершенствовать свои профессиональные знания и обучаться в советских вузах без отрыва от производства. Многие из них получили в СССР дипломы инженера, экономиста и представителей других профессий.

Часть эмигрантов стали директорами сельскохозяйственных предприятий и участвовали в реорганизации сельского хозяйства страны. Небезразлично назвать здесь также имя бывшего батрака Яноша Гулачи, который, окончив Новочеркасский сельскохозяйственный институт, был назначен на пост директора Цимлянского совхоза по виноградарству, на базе которого со временем вырос Цимлянский завод шампанских вин. В 1930 г., оставив партийную работу в Секретариате ЦК ВКП(б), политэмигрант Режé Санто возглавил советский Зернотрест. Работавший с 1932 г. директором Армавирского совхоза Калман Новак позже был переведен в Наркомат сельского хозяйства РСФСР, где курировал совхозы Северного Кавказа. Директором совхоза в Крыму стал бывший эмигрант Йозеф Ковачик, награждённый в 1932 г. орденом В. И. Ленина¹⁸². Инженерами производственных процессов работали Дёрдь Халас на Дорогомилловском химзаводе и Ференц Рот на Бобруйском деревообрабаты-

вающем комбинате, а Иштван Сюч стал инженером-наладчиком на станкостроительном заводе «Можорез» (им. Мориса Жореза), где его изобретения позволили увеличить производительность труда на 50%¹⁸³.

Немало вынужденных эмигрантов из Венгрии, которые после 1918–1919 гг. оказались на Западе, со временем переехали в СССР. Работая в западных странах, они стали хорошими специалистами и затем, уже на рубеже 20–30-е годов совершили свою повторную, т. н. ступенчатую эмиграцию, выехав из Франции, США, Германии и Австрии в Советский Союз. Из 20 000 трудовых мигрантов, находившихся в 1932 г. на территории СССР из названных стран, численность уроженцев Венгрии, по некоторым подсчётам, колебалась от 600 до 1000 чел.¹⁸⁴ Среди эмигрантов широкую известность приобрёл опытный специалист по автомобилестроению, венгерский инженер Миклош Кадорян. Он прибыл в Советский Союз из США, куда эмигрировал ранее и где получил хорошую профессиональную подготовку на заводе Форда. Приобретённые там знания и опыт он в СССР использовал на строительстве и налаживании производства Горьковского автозавода. За заслуги по введению в строй этого предприятия, налаживанию выпуска первого советского автомобиля Кадорян удостоился высокой награды советского правительства – был награждён орденом В. И. Ленина. Другой венгерский эмигрант, Ференц Сюч, приехал в СССР из Франции в 1932 г. и стал модельером московской обувной фабрики «Парижская Коммуна»¹⁸⁵.

Разумеется, приведённые сведения о конкретном трудовом вкладе венгерских мигрантов и отдельных деятелей, занимавших руководящие посты на разных участках материального производства в СССР, далеко не полны, фрагментарны. Но они свидетельствуют об активном участии эмигрантов, как в промышленном, так и в сельскохозяйственном производстве страны. К сожалению, мы вынуждены считаться с отсутствием более полных, исчерпывающих сведений о трудовом вкладе эмигрантов из Венгрии. Впрочем, это касается также численности и профессиональной структуры трудовой эмиграции 1920–1930 гг. в целом, равно как и оставшихся на советских просторах бывших венгерских военнопленных, но так или иначе тоже вовлечённых в сферу трудовой деятельности. Казалось бы, материалы первой советской переписи населения СССР (1926 г.) хотя бы отчасти должны были пролить свет на эти вопросы и стать ориентиром для определения их точной численности. Однако, как выяснилось, опубликованные данные не позволяют определить конкретно какие группы венгров, находившихся тогда на территории СССР, в них собственно учтены. Составители материалов переписи учитывали скорее только те группы бывших венгерских граждан, которые уже приняли советское подданство. Если это так, то за пределами учёта явно остались определённые категории бывших или ещё считавшихся эмигрантами венгерских граждан на территории СССР. Они ещё могли сохранить статус политэмигранта, трудово-

го мигранта или бывшего военнопленного (часть из которых могла оказаться в разных лагерях или на свободном поселении) и, как таковые, не были взяты на учёт при переписи населения. Если при переписи учитывались лишь венгры, принявшие советское гражданство, то эти материалы, не могут служить надёжным статистическим источником для определения общей численности всех бывших граждан Венгрии, оставшихся в СССР. Уже не говоря о том, что они не содержат данных о числе прибывших в страну с конца 1920-х годов, т. е. после проведения переписи.

И всё же, это не исключает необходимости обратиться к важнейшим показателям этой переписи в отношении венгров, находившихся в СССР. Приведём здесь некоторые данные, составленные на основе анализа опубликованных материалов переписи населения 1926 г. одним из венгерских статистиков того времени. Согласно этим подсчётам на базе переписи, в СССР тогда проживало 5469 венгров, назвавших себя именно *венграми по национальному признаку*. Являлись ли они гражданами Венгрии в её старых или новых пределах, эмигрантами или бывшими военнопленными, по материалам этого сжатого статистического анализа не представляется возможным определить. Характерно, что в анализе присутствовал ещё один критерий определения национальной принадлежности – критерий *учёта родного языка*. По этому показателю численность венгров оказалась несколько больше – 6300 человек. Каким же был конкретный статус этих венгров, к какой группе они принадлежали, чётко определить не позволяют ни материалы переписи населения, ни их анализ. Известно, однако, что большинство из них проживало на территории РСФСР и УССР, остальные – в Узбекистане, Туркмении, Белоруссии, на Дальнем Востоке и Кавказе. Среди жителей Москвы тогда насчитывалось 1089, а в Ленинграде – 307 венгров. При этом приводились данные о том, что 1620 венгров являлись членами компартии¹⁸⁶. По другому же источнику, среди уроженцев Венгрии в СССР тогда насчитывалось 1828 членов ВКП(б), среди которых числилось также 464 бывших члена СДПВ¹⁸⁷.

Приводя статистические данные, составленные по материалам советской переписи населения о численности *венгров* (5469 или 6300), проживавших тогда на территории СССР, следует учитывать их относительную точность, как и существующие в литературе терминологические различия данного понятия. Ведь при сопоставлении этих данных с уже приведенными выше расчётами о примерной общей численности *всех уроженцев Венгрии* в Советском Союзе (65–70 тыс.) невольно бросаются в глаза значительные расхождения между ними. А это явно связано с неточностью использования понятийного аппарата в литературе (часто не различаются *венгры* как граждане страны и как национальность). В отношении всех выходцев из довоенной Венгрии, несомненно, следует исходить из многонационального состава эмигрантов, хотя их вместе упрощённо часто именуют просто *венграми* (применительно

к ним в литературе широко использовались термины «венгерская эмиграция», «венгерские интернационалисты», «венгерские военнопленные», «красные мадьяры»). При этом очевидно, что в большинстве речь идёт о бывших венгерских гражданах исторической Венгрии, что как пленные, так и возникшая на их базе эмиграция в равной мере были многонациональны. Однако наиболее вероятно, что венгров (по национальной принадлежности) в общей массе эмигрантов из Венгрии, тем не менее, насчитывалось несколько больше, чем обозначено в указанном анализе переписи населения 1926 года. Если же брать политическую часть венгерской эмиграции в СССР, то в ней при её общей интернациональной структуре, наоборот, преобладающим компонентом (как и основной силой в коммунистическом движении) так или иначе являлись венгерские евреи.

Приведённые материалы, таким образом, ненамного приблизили нас к исчерпывающему определению конкретной численности и состава участников восточной «венгерской эмиграции» (формировавшейся ещё на базе военнопленных бывшей монархии), а тем более к дифференцированному пониманию всех её структурных компонентов. Тем не менее, они проливают свет на её многоликость и неоднородность (особенно, если учитывать примыкавшие к ней группы бывших военнопленных, волею судьбы «застрявших» в СССР с не вполне определённым статусом). Уроженцы Венгрии на советской земле в 1920–1930-е годы вообще представляли собой далеко не классический тип эмигранта (если, конечно, не считать бывших политзаключённых, спасённых советским правительством). Эта эмиграция, кроме всего прочего, включала в себя также немало случайных эмигрантов, которые, являясь бывшими военнопленными, по стечению обстоятельств ещё годами оставались таковыми. Они официально не являлись, но кое в чём становились подобием эмигрантов, ведь оставаясь в стране, впоследствии постепенно «врастали» в советскую жизнь, адаптировались к ней.

Эмиграция уроженцев Венгрии в Советском Союзе в 1920–1930-е годы не была статичной, она находилась в постоянном движении, и судьба её отдельных групп под воздействием различных факторов складывалась по-разному, менялась их численность, дополнялась структура. Конкретно сколько бывших военнопленных, выходцев из довоенной Венгрии остались надолго в советской эмиграции, сколько из них становились обитателями лагерей или поселенцами вдали от больших городов, сколько бывших интернационалистов приняло постоянно или временно советское гражданство, сколько за последующие десятилетия по разным каналам прибыло к ним трудовых мигрантов? Эти и некоторые другие вопросы ещё требуют дальнейшего изучения, однако, все эти факторы имели место и, несомненно, влияли на эмиграцию. Из всех отмеченных групп эмигрантов советское гражданство приобрели, прежде всего, представители той части политэмигрантов и деятели компартии, которые

принадлежали к неким «элитным» кругам эмиграции. Правда, некоторые выходцы из Венгрии, работавшие в международных коммунистических организациях, в ВКП(б) и заграничном руководстве компартии, хотя нередко лишь формально, но продолжали сохранять статус политэмигранта и не принимали иностранное гражданство.

Обращение руководства КПВ начать изучение деятельности и судьбы видных представителей венгерской классической политэмиграции в советских условиях характерным образом появилось только в 1932 г. по случаю 10-летия их приезда в СССР в качестве спасённых политзаключённых. К ним тогда обратились с просьбой «написать свои воспоминания не только в связи с их участием в венгерском рабочем движении, но и рассказать о своей жизни и деятельности в годы после обмена»¹⁸⁸. Руководство КПВ своих членов и интернационалистов держало на особом учёте.

История же *экономической эмиграции* и трудовых мигрантов, прибывших в СССР на рубеже 1920–1930-х годов, а также судьба бывших военнопленных, которые надолго «застряли» в отдалённых местах страны и не участвовали в активной политической жизни, гораздо меньше интересовали руководство КПВ. Разумеется, они также были привлечены к трудовой деятельности, но в результате отмененного подхода о них сохранилось несравненно меньше конкретных сведений, чем о видных политэмигрантах, интернационалистах и деятелях коммунистического движения. Судить о них поэтому можем только по некоторым косвенным источникам. Трудовая эмиграция априори делилась на две группы: а) выехавшие в СССР по идейно-политическим убеждениям для участия в строительстве социализма; б) прибывшие в Советский Союз по социально-экономическим причинам в условиях мирового экономического кризиса. Первые стремились оказать стране Советов посильную помощь в строительстве новой жизни, вторые эмигрировали в поисках работы, по трудовому найму (договору) или прибывали по разным каналам, чтобы заработать средства к существованию в условиях кризиса и безработицы на родине и в других странах.

Следует отметить, что после двух первых революций XX века власти Венгрии не сразу регистрировали выезд своих граждан на заработки. Некоторые из них, чтобы избежать регистрации и выехать в СССР, пробирались через третьи страны. Ехали, как отмечалось, также из стран Западной Европы, США и даже Турции. Когда рынок труда в Турции с 1926 г. оказался переполненным, часть работавших там венгерских гастарбайтеров, которые к тому же подозревались властями в коммунистической деятельности, были выдворены из страны. Из их числа 44 коммуниста весной 1928 г. обратились к Е. Ландлеру и просили его содействия выехать в СССР, и вскоре оказались эмигрантами в Одессе. К 1935 г. число подобных эмигрантов достигло 400 человек¹⁸⁹. Часть венгерских трудовых эмигрантов прибыла в СССР по линии МОПР или через

третьи страны, другие вербовались преимущественно в Вене или же, являясь хорошими специалистами, приглашались на работу. О трудовой деятельности оставшихся в стране *бывших венгерских военнопленных* (но не членов коммунистической эмиграции или интернационалистов), о них сохранились лишь скудные данные, не позволяющие определить даже их примерную численность. К тому же они жили разбросанно по отдалённым регионам СССР.

Попытки определения общего числа венгерских трудовых мигрантов, которые в сохранившихся малочисленных документах нередко назывались *«иноробочими»* (иностранными рабочими) или *«иноспециалистами»*, появились давно. В одном из документов, составленном в феврале 1933 г. после принятия директив ЦК ВКП(б) и ВЦСПС, направленных на улучшение руководства работой иностранных специалистов, предусматривалось всестороннее использование опыта «рассеянных по всей территории СССР иноробочих»¹⁹⁰. На том этапе эмигранты и трудовые мигранты из Венгрии, как и сами советские граждане, в духе времени активно привлекались к участию в соревнованиях на «трудовом фронте». Среди них было немало удостоенных высоких званий *ударников труда* и *новаторов производства*. Они выделились своими изобретениями и рационализаторскими предложениями. По данным московского Венгерского клуба, только среди его официальных членов в 1933 г. оказалось 282 ударника. Одним из них был Йозеф Калман, руководитель строительной бригады сталелитейного завода «Электросталь» в Подмосковье. Многие изобретения этого ударника социалистического труда были внедрены на ряде советских предприятий. В 1932 г. на встрече делегатов II съезда иностранных инженеров и техников Й. Калмана избрали членом Московского городского и областного комитетов изобретателей. Венгерские эмигранты, ударники труда работали на разных предприятиях советской столицы, на заводе «Красный путь», на сооружении конвейерных линий Московского мясокомбината (они в январе 1935 г. в присутствии А. И. Микояна были введены в строй), на строительстве московского метрополитена, на промышленных предприятиях других городов¹⁹¹.

Небезразлично отметить, что согласно архивным документам, в октябре 1933 г. руководители венгерской эмиграции во главе с Б. Куном предприняли попытку созвать в марте 1934 г. *Всесоюзный съезд венгерских ударников труда*, работавших в СССР. Проведение съезда, по мнению инициаторов, имело бы «исключительно важное значение с точки зрения компартии Венгрии» и позволило бы получить более полные сведения об уроженцах Венгрии и иноробочих, которые тогда трудились на советских стройках и промышленных предприятиях. Председатель КПВ при Исполкоме Коминтерна Б. Кун в своем ходатайстве секретарю ВЦСПС т. Аболину, в частности, подчёркивал, что проведение слёта «даст нам возможность проверить наши кадры путем ознакомления с *рассеянной по всей территории СССР венгерской эмиграцией*

(курсив наш – Б. Ж.), самыми ценными рабочими-мигрантами, каковыми, безусловно, являются рабочие-ударники, авангард которых будет выбран делегатом на слёт»¹⁹².

В ходе подготовки этого форума предполагалось получить по возможности более полные сведения об участниках «*политической и экономической эмиграции* из Венгрии, а также о бывших военнопленных, находящихся на территории СССР». К съезду ударников, приуроченного к 15-ой годовщине венгерской пролетарской революции, *Клуб венгерских политэмигрантов* подготовил специальный документ «Проект по созыву Всесоюзного съезда». В нём, среди прочих, подчеркивалось: «В последние годы число венгерцев из политэмигрантов и *бывших военнопленных* выросло с массовым прибытием *экономических эмигрантов*» (курсив наш – Б. Ж.). К сожалению, каких-либо конкретных сведений о численности трудового отряда венгерских мигрантов не содержат и цитируемы нами архивные документы. В проекте была поставлена только задача «вовлечения новых эмигрантов в социалистическое строительство и общественную жизнь». Руководство политэмиграции во главе с Куном стремилось помогать экономическим эмигрантам в преодолении трудностей начального периода. Оно подчёркивало, что «венгерская эмиграция в СССР не только пополнилась новой силой и не только усвоила пути социалистического строительства, но и нашла тот, пройденный русским пролетариатом путь, который ведёт к свержению венгерской буржуазии и к провозглашению второй венгерской социалистической Советской Республики»¹⁹³.

Не находя среди архивных документов другие свидетельства о дальнейших шагах КПВ, направленных на реализацию предпринятой Б. Куном инициативы, не располагая необходимыми данными о результатах попытки осуществить задуманный подсчёт общего числа всех венгерских эмигрантов, а также бывших военнопленных и «инорабочих», которые трудились на территории СССР, трудно судить об успехе этого начинания или о причинах невозможности выполнения намеченного. Так или иначе, такие устремления со стороны руководства КПВ имели место, предпринималась также попытка объединить под своим руководством самые разные отряды политической и экономической эмиграции. К сожалению, архивные материалы не сохранили ни разрешение, ни сведения о возможном проведении названного съезда. Они, безусловно, позволили бы несколько расширить наши знания как о самой эмиграции, о её отдельных группах и отрядах, так и о трудовой эмиграции и бывших военнопленных или конкретных местах их разрозненного обитания. Исследователю проблемы явно не достаёт этих сведений не только о численности и составе экономических эмигрантов, но и о процессах и трудностях их адаптации к советским условиям, об их вхождении в новую общественную среду. Они ведь, несомненно, сопровождают любую эмиграцию. Поэтому здесь можно лишь констатировать необходимость дальнейшего исследования проблемы.

2. Специалисты и интеллектуалы на ответственных постах и участках общественно-политической и культурной жизни СССР

Находясь в советской эмиграции, немало уроженцев Венгрии занимало довольно высокие и ответственные посты не только на производстве, но и в самых разных других местах, куда их направляли. Это касалось сфер также партийно-политического, внешнеполитического и внешнеторгового представительства, вооруженных сил, различных областей научной и культурной деятельности. Здесь достаточно назвать имена нескольких наиболее известных эмигрантов. Так, в сфере *международных политических и экономических отношений* успешно трудились: юрист-международник Эрнё Ландлер в должности уполномоченного Наркома внешней торговли СССР, а затем советского представителя во многочисленных международных арбитражных комиссиях; Дюла Бошквич – на посту консула, а затем внешнеторгового представителя СССР в Германии, занимавшего впоследствии также важные ответственные посты в Совнархозе СССР; Эрнё Пор – уполномоченный Экспортгеса в Лондоне, работавший затем в Наркомате внешней торговли СССР, руководил рядом промышленных предприятий; Йожеф Халас – возглавлявший в 1929–1931 гг. советское торговое представительство в Милане; бывшие эмигранты Шандор Сабадош, Ласло Хай, Карой Гараи, Д. Лендел стали работниками советских торговых представительств в Вене и Берлине. Последний, по возвращении из Берлина в Москву, с 1930 г. являлся одним из руководящих работников Наркомата внешней торговли СССР. Бывший строительный рабочий, интернационалист Йожеф Габор после гражданской войны находился на дипломатической и партийной работе, а в годы Отечественной войны возглавил школу венгерских военнопленных-антифашистов.

Отдельные эмигранты из Венгрии назначались на ответственные партийно-государственные посты в СССР. Среди них находились, к примеру, бывшие деятели ВСР, банковский работник Арманд Мюллер или руководитель профсоюза учителей Шандор Сатмари (бывший политкомиссар Военной академии республики, осуждённый к 6 годам заключения и в 1922 г. выехавший в СССР по обмену; он только в 1956 г. возвратился на родину, уже будучи пенсионером). Важные и ответственные должности занимали в советской *партийно-хозяйственной структуре* бывшие политкомиссары полков венгерской Красной Армии Дежё Силади и Фридеш Карикаш, интернационалисты Ференц Янчик, Иштван Дёндёш (Лёви) и другие.

Нельзя не отметить выполнение ответственных *партийно-государственных* функций бывшими венгерскими эмигрантами в ходе образования и деятельности отдельных советских автономных республик. Так, в 1924 г. с провозглашением Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в её столицу, Тирасполь, было направлено около 30 венгерских коммунистов-интернационалистов, многие из которых владели румынским языком. Среди

них выделялся Михай Балог, который работал под именем *Вазул Паца*. Он занимал разные руководящие посты в республике, затем стал заместителем Центрального Исполнительного комитета республики и удостоился высоких советских наград. Там же трудились Шандор Сатмари и Мозеш Каган на ответственных партийных должностях, прилагая значительные усилия по развитию сельского хозяйства республики. Директором Тираспольского консервного завода работал Рудольф Фекете. Руководящие посты в Автономной Советской Социалистической республике немцев Поволжья занимал Ференц Хусти, который избирался там делегатом XXV и XXVI съездов ВКП(б). В эту же республику были отправлены на работу Имре Шаллаи, Йозеф Грейнер, Маргит Паллош, Режё Сатон, Игнац Хуйбер¹⁹⁴.

Среди представителей *военных специальностей* следует назвать имена бывших красных командиров – действовавшего в начале 1920-х годов начальника Петербургского Особого венгерского высшего военного училища Андраша Кендры, преподавателей этого учебного заведения Яноша Калдора и Дюлы Фаркаша, оставшихся после окончания гражданской войны на военной службе в рядах советской армии. Последний, окончив в 1927 г. Военную академию им. М.Ф. Фрунзе, с 1932 г. командовал 63-м кавалерийским полком. К этому же ряду военных специалистов следует отнести интернационалиста Лайоша Гавро (1894–1941), дважды награжденного советским орденом боевого Красного Знамени, командовавшего после гражданской войны Киевским военным округом, а впоследствии занимавшего другие высокие посты в советской армии. В погранвойсках, в армии и в системе госбезопасности работали: Иштван Варга, заместитель комиссара, а затем нарком военных дел Хорезмской Народной Советской республики; Дюла Андраш Варга – в отделе разведки Генштаба Красной Армии; Дюла Лёви – на руководящих должностях в Наркомате обороны; Рудольф Фекете, Андор Келемен, Эмил Брандейс, Фаркаш Лебович, Ференц Патаки, Шандор Кёрёши, Шандор Беркович, Геден Хорват и другие служили в органах госбезопасности на ответственных постах; Иштван Картали, Иштван Зилахи, Дюла Сабо, Карой Кишма занимали руководящие посты в системе МВД СССР¹⁹⁵.

Разумеется, это далеко не полный перечень тех бывших интернационалистов и эмигрантов из Венгрии, которые полностью вписались в советскую среду и принимали самое активное участие в жизни советского общества. Простое перечисление имён этих политэмигрантов, получивших широкое признание в самих различных сферах деятельности, свидетельствует о том, что в СССР были востребованы и получили признание не только политики, – упоминавшиеся основатели и деятели КПВ или работники аппарата Коминтерна (Бела Кун, Йозеф Реваи, Эрнё Герё, Михай Фаркаш, Матяш Ракоши, Йозеф Погань, Ласло Рудаш, Фаркаш Лебович и др.) и Профинтерна (Йозеф Рабинович, Бела Санто и др.), – представлявшие основное ядро коммунистической политэмиграции из Венгрии, но и представители целого ряда других

специальностей, многие из которых сумели завоевать широкое признание своей профессиональной деятельностью.

В массе эмигрантов из Венгрии в Советском Союзе насчитывалось немало людей, занятых исключительно интеллектуальным трудом, и все они исповедали преимущественно коммунистические взгляды и убеждения. Из числа эмигрантов, занятых *в сфере интеллектуальной деятельности*, фамилии которых в 1920–1930-е годы были на слуху, здесь сошлёмся лишь на имена наиболее известных людей, которые были вынуждены покинуть пределы Венгрии после поражения «коммуны» 1919 г. и обосноваться в СССР. Это, прежде всего, такой весьма авторитетный и влиятельный политэмигрант, как бывший нарком ВСР *Енё Варга* (впоследствии видный *советский академик Евгений Самуилович Варга*, учёный-экономист) и другой бывший деятель ВСР, будущий философ, литературный критик и эстет *Георг (Дёрдь) Лукач*, ставший впоследствии всемирно известным, а наряду с ними многие другие писатели, представители науки, культуры и искусства, которые в советской эмиграции провели десятилетия.

Жизненный путь учёного и *экономиста Енё Варги (1879–1964)* – бывшего социал-демократа, деятеля коммунистического движения – начался с венгерского поселка Надьтетень, что под Будапештом. В буржуазно-демократическом правительстве графа М. Каройи он стал государственным секретарем, а в ВСР – народным комиссаром по финансовым и социальным делам, а затем председателем Высшего совета народного хозяйства республики. В советской эмиграции Е. Варга сделал успешную научную карьеру, став видным советским ученым-академиком в области экономических наук. Прибыв в Советскую Россию в августе 1920 г., Варга вступил в ряды РКП(б) и принял участие в работе II-го конгресса Коминтерна, познакомился с В. И. Лениным и стал членом ИККИ. В Москве Варга некоторое время работал в этом главном центре международного коммунистического движения, но как экономиста, его вскоре направили в Берлин с целевым заданием – создать там Институт статистической информации и наладить работу этого учреждения. В 1927 г. Варга вернулся в Москву, где и работал в последующие 20 лет в качестве бессменного директора Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР. Написанные им и сотрудниками института научные труды, аналитические и информационные материалы, – впрочем, как и часто оправдывавшиеся экономические прогнозы мирового развития, особенно на рубеже 20–30-х годов, – завоевали популярность и признание, пользовались спросом у советского политического и хозяйственного руководства. Сотни научных работ, среди них монография Е. Варги о мировом экономическом кризисе 1929–1933 гг., стали весомым вкладом в развитие советской экономической науки. Не удивительно, что с мнением действительного члена АН СССР, каковым Варга являлся с 1939 г., считался, как известно, и советский руководитель Й. В. Сталин.

Дёрдь (Георз) Лукач (1885–1971) – бывший нарком ВСР, далеко не однозначная фигура коммунистической эмиграции, в биографии которого немало загадок и белых пятен. Родившись в Венгрии в семье состоятельного банковского служащего, венгерского еврея Йожефа Лёвентала (?), который в 1890 г. уже в зрелом возрасте сознательно принял христианство и сменил фамилию на Лукач, будущий философ учился у Георга Зиммеля в Германии, где стал членом кружка Макса Вебера¹⁹⁶. Философ и эстет Д. Лукач прошёл в своем идейно-теоретическом и политическом развитии нелёгкий путь от представителя леворадикального движения «новых левых» до неомарксиста, а затем – от частичного критика марксизма-ленинизма до всемирно известного аналитика марксистской эстетики. Лукач ещё до своей московской эмиграции в 1920-е годы долгое время жил в Вене, а в начале 1930-х – в Берлине. Он уже в 1918 г. вступил в ряды КПВ, в условиях ВСР стал наркомом образования, где его левый радикализм проявился в прямой причастности к расстрелу группы людей. После поражения «коммуны» Лукач в Вене вместе с Ландлером участвовал в «возрождении» компартии Венгрии, а затем вплоть до эмиграции в СССР (где его нередко называли ревизионистом и правым «уклонистом», хотя при этом он упорно продолжал считать себя марксистом) изучал раннего Маркса.

Находясь ещё в Вене, Лукач в 1923 г. опубликовал книгу «История и классовое сознание», которая стала своеобразной «библией» западных неомарксистов. Несколько позже (1928 г.) ему было поручено составить новую программу КПВ, которую он и изложил в виде «Тезисов Блюма»¹⁹⁷. Стремясь соответствовать указаниям VI конгресса Коминтерна, Лукач в них применительно к странам со средним уровнем капиталистического развития по-новому обозначил стратегическую задачу партии. Он отмечал, что на повестке дня сначала снова должна стоять задача образования буржуазно-демократической республики, а не непосредственное провозглашение власти пролетариата. Иными словами, в его «Тезисах» не предусматривался прямой переход к диктатуре пролетариата, а предлагалось создание демократической диктатуры рабочих и крестьян в качестве переходного состояния на путях к социализму. В то же время в тезисах Лукача оставалась законсервированной прежняя сектантская и ошибочная в целом тактика КПВ в отношении социал-демократии и профсоюзов. Эти положения составленного им документа, которые вызвали в рядах КПВ острую критику, шли вразрез с тогдашней генеральной линией ИККИ.

В советскую эмиграцию Д. Лукач попал в 1929 г. Прибыв в Москву, он начал работать в Институте Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б), где занялся изучением идейно-теоретического наследия и эстетических взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, участвовал в подготовке публикации рукописей экономического и философского наследия К. Маркса, «Философских тетрадей» В. И. Ленина. В 1931 г. Лукача направили в Германию на партийно-пропа-

гандистскую работу среди немецкой творческой интеллигенции, где он провёл полтора года. Кстати, это и позволило ему избежать идеологической чистки, развернувшейся в названном институте (ИМЭЛ). Вернувшись из Берлина в Москву весной 1933 г., Лукач стал научным сотрудником Института литературы и языка Коммунистической академии, которым руководил бывший советский нарком просвещения, литературовед А. В. Луначарский. В 1936 г. при реорганизации научных учреждений Лукач перешёл из партийной структуры в Институт философии АН СССР. Правда, в 1938 г. его уволили из этого научного учреждения, и ему пришлось заниматься литературной критикой и публицистикой, а затем работать в литературно-теоретическом журнале «Литературный критик». В 1939 г. он опубликовал книгу «К истории реализма», которая вызвала широкую дискуссию в СССР. Между тем, решением партийных инстанций журнал, в котором он работал, в 1940 г. был закрыт, а его самого тогда же заподозрили в неблагонадёжности и шпионаже. Лукача задержали, и ему пришлось два месяца провести во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке¹⁹⁸. Обвинения не подтвердились, и после освобождения он мог провести некоторое время в Ташкенте с семьей. Вернувшись в 1942 г. в Москву, Лукач был восстановлен в должности в Институте философии АН СССР, где в конце года защитил докторскую диссертацию («Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества») и продолжал работать до самого возвращения в Венгрию в 1945 г. В эмиграции Лукач, параллельно с партийной деятельностью, принимал самое активное участие в литературной и научной жизни, публиковал статьи на страницах эмигрантской печати, в журнале «Литературный критик» и в «Литературной газете», которые нередко вызывали живой отклик и дискуссии.

Разумеется, не только учёный-экономист Е. Варга и философ Д. Лукач представляли в Советском Союзе интеллектуальную элиту среди эмигрантов из Венгрии. Многие другие эмигранты (ученые, врачи, преподаватели, писатели и художники) участвовали в культурной жизни страны и были заняты в сфере советского высшего образования, науки, здравоохранения, литературы и искусства, хотя при этом и не стали так широко известны.

Приводя важнейшие сведения о них, следует учитывать, что большая часть политэмигрантов, подобно Лукачу и Варге, параллельно со своей профессиональной занятостью в той или иной мере привлекалась также на разного рода общественную и организационную деятельность под эгидой компартии Венгрии, РКП(б) или по их заданию выполняли поручения по линии Коминтерна. И это касалось не только представителей гуманитарных профессий. Уже упоминавшийся *Енё Гамбургер (1883–1936)*, который профессию врача получил в Будапештском медицинском университете, наряду с другими медиками в условиях советской эмиграции был занят в системе здравоохранения и также работал на руководящих должностях этой сферы. Он после окончания вуза проходил специализацию в Берлине, уже с дипломом хирурга овладел также

специальностью рентгенолога. Вернувшись в Венгрию, Гамбургер некоторое время работал окружным врачом, а в годы Первой мировой войны, будучи призванным на службу, военврачом в госпитале г. Надьканижы. Как член СДПВ, в период ВСР стал наркомом земледелия и членом Правительственного Совета. Находясь на этих постах, Гамбургер, как в своё время и Лукач, принадлежал к числу радикально настроенных левых политиков ВСР и вовсе не считал нужным наделять венгерских крестьян землёй, к тому же до последнего настаивал на защите режима диктатуры. Подобно другим наркомам республики, Гамбургер также стал беженцем в Австрии, где попал в лагерь для интернированных. После освобождения он сначала эмигрировал в Италию, но за попытку ведения революционной деятельности его вскоре выслали из страны. Вернувшись нелегально в Австрию, он участвовал в восстановлении КПВ, а вскоре был задержан полицией и выслан из страны вместе с семьёй. Политическое убежище ему тогда предоставил Советский Союз. Прибыв в советскую эмиграцию вместе с наркомами в 1923 г., Е. Гамбургер, будучи врачом по специальности, легко устроился работать рентгенологом. Через некоторое время он стал заместителем, а затем бессменным директором Центрального института рентгенологии и радиологии в Москве, оставаясь на этом посту вплоть до своей кончины в 1936 г. Одновременно с руководством этого советского медицинского центра, Гамбургер являлся также редактором одноименного научного журнала. Он завоевал широкое признание в своей профессии, доказательством этого явилось его избрание в 1933 г. председателем Общества рентгенологов СССР¹⁹⁹.

В числе других медиков-эмигрантов, занятых в сфере советского здравоохранения или успешно проводивших медицинские и медико-биологические исследования в разных советских лабораториях, научных и лечебных центрах, следует назвать хотя бы имена Ласло Гортваи, Дюлы Вайсфельдера, Андраша Хаваши, Альфреда Лантоша, Йозефа Якаба и др. В их ряду отдельного упоминания заслуживает Эрвин Бауэр, один из основателей теоретической биологии, работавший во 2-ом Московском медицинском институте советской столицы. Ему в 1934 г. было поручено организовать биологическое отделение Всесоюзного института экспериментальной медицины, что он успешно и осуществил.

Среди бывших эмигрантов из Венгрии директором ещё одного советского института стал *инженер-химик Дюла Хевеши* (1889–1970). Этот уроженец города Унгвара (ныне Ужгород в Украине) высшее образование получил в Будапеште, где в условиях «венгерской коммуны» стал коммунистом. После поражения ВСР он остался на родине работать в подполье с заданием принять участие в реорганизации распавшейся компартии. Его, однако, вскоре выявила и арестовала полиция. Когда же Хевеши удалось бежать, он при поддержке коммунистов через Вену и Берлин эмигрировал в Советскую Россию. В Москве он с 1921 г. начал работать на Первом электроламповом заводе, где

поначалу наладил, а затем и возглавил производство специального стекла для электрических ламп, завоевав тем самым признание советских коллег и эмиграции. Спустя некоторое время инженер Д. Хевеши стал руководителем Отдела по изобретениям и новаторству при Высшем Совете народного хозяйства СССР. В годы первой пятилетки он – организатор конвейерного промышленного производства, а впоследствии руководитель Центрального института научно-технической и экономической информации²⁰⁰.

Вместе с Гамбургером в период ВСР первые венгерские сельскохозяйственные кооперативы колхозного типа в области Шомодь начал создавать агроном *Акош Хевеши (1884–1937)*, получивший специальное образование в Сельскохозяйственной академии в Коложмоношторе. В августе 1919 г. за действия в этом направлении он был арестован и суд приговорил его к тюремному заключению на один год и 8 месяцев. Хевеши также оказался среди тех заключённых, которые в феврале 1922 г. в составе третьей транспортной группы спасённых советским правительством бывших заключённых выехал в СССР. С апреля 1922 г. А. Хевеши уже работал в Москве секретарем аграрной секции ИККИ и в конце года в этом качестве присутствовал на IV конгрессе Коминтерна, а в октябре 1923 г. участвовал в создании Крестьянского Интернационала. В 1920-е годы, когда произошёл пересмотр аграрной политики КИ, Хевеши был привлечён к разработке новой аграрной программы КПВ. В 1929–1933 гг. его направили в Берлин работать в руководстве Европейского Крестьянского комитета. В марте 1930 г. он принимал участие в работе 1-го Европейского крестьянского конгресса. Приход к власти Гитлера в Германии заставил его вернуться в Москву, где он сначала работал в референтуре ИККИ, а затем по своей просьбе перешёл в Международный Аграрный институт. Одновременно он преподавал и в международной Ленинской школе, а в 1936 г. поехал добровольцем в Испанию, где весной 1937 г. погиб²⁰¹.

Отдельные выходцы из Венгрии, оказавшись в советской эмиграции и имея соответствующую подготовку, получали возможность работать в системе высшего образования, заниматься *преподавательской деятельностью* в высших учебных заведениях СССР. Среди преподавателей такого уровня были, в частности, инженер-электрик *Отто Бенедикт*, работавший на заочном отделении Всесоюзного института технического образования (после 1945 г. – академик Венгерской академии наук); один из основателей КПВ в 1918 г., юрист и историк *Элек Болгар* (впоследствии также член ВАН) и философ *Шандор Варьяш*, которые преподавали в Московском государственном университете. Преподавательской и научно-исследовательской работой занимался в эмиграции и юрист, ставший со временем известным ориенталистом *Эндре Шик* (1891–1978), который годами читал курс лекций по истории Востока. Он, подобно другим образованным политэмигрантам из Венгрии, работал в разных советских вузах и научных учреждениях. Попав в 1915 г. в российский плен и, находясь в Иркутске, он уже в 1920 г. вступил в ряды РКП(б), после чего был направлен

в Читу для работы в составе революционного трибунала. Там он находился недолго, так как вскоре Б. Кун пригласил его работать в Коминтерне. Э. Шика, имевшего юридическое образование, в 1923–1926 гг. направили для повышения квалификации на философский факультет Института красной профессуры. После окончания учёбы он стал преподавателем Коммунистического университета трудящихся Востока, где заинтересовался историей народов Африки и занялся её подробным изучением. Со временем он подытожил свои научные исследования в двухтомном труде «История чёрной Африки». Некоторое время Шик являлся также научным сотрудником Института истории, а затем Института этнографии Академии наук СССР, а в 1938–1945 гг. преподавал в МГУ. Параллельно с этой деятельностью в годы Второй мировой войны он был также редактором радиостанции им. Кошута, которая вела радиопередачи из Москвы на венгерском языке. После возвращения на родину Э. Шик работал в Министерстве иностранных дел ВНР, был послом в США, в 1949–1954 гг. руководил политотделом венгерского МИДа в должности заместителя министра, а во второй половине 50-х годов возглавил всё внешнеполитическое ведомство ВНР. В 1968 г. Э. Шик удостоился высокой награды – Ленинской премии мира.

К числу других эмигрантов, занимавшихся педагогической деятельностью в СССР, принадлежал поэт, писатель и эстет кино *Бела Балаж* (1884–1949). Он после поражения ВСР сначала эмигрировал в столицу Германии, где в то время было много коммунистов из Советского Союза. По словам графа М. Карройи, Берлин в 1920-е годы являлся настоящим «византийским Западом». С конца 1931 г. Б. Балаж оставил Берлин и осел в Москве. В 1933–1941 гг. он вёл преподавательскую работу в московском Всесоюзном государственном институте кинематографии. Оценивая своё положение эмигранта в Германии, он в 1922 г., в частности, писал: «Мне больно не от того, что оказался на чужбине, а от осознания того, что это так и должно быть. Осознание же того, что это в порядке вещей, означает, что я чего-то окончательно лишился»²⁰². Во время пребывания в Берлине Балаж знакомился с советскими кинофильмами эпохи немого кино, работал над книгой о роли звука в киноискусстве. В московской же эмиграции он, кроме прочего, занимался проблемами эстетики кино, писал сценарии для советских кинофильмов, воссоздал новую версию уже изданной им книги «Дух кино» (она была издана на русском языке в 1935 г.). Балаж, вернувшийся в Венгрию, считался одним из основателей послевоенного венгерского социалистического киноискусств и удостоился высокой государственной награды – премии им. Л. Кошута. Свой непосредственный вклад в развитие советского киноискусства внёс также эмигрант *Енё Енеи*, который в 1924–1971 гг. работал главным художником-декоратором киностудии Ленфильм и впоследствии был награжден орденом В.И. Ленина.

В Советском Союзе отдельные эмигранты из Венгрии были задействованы в сфере *изобразительного искусства*. К числу именитых мастеров этого жан-

ра принадлежал художник *Бела Уитц* (1887–1972), известный основатель стиля и школы конструктивного экспрессионизма. В дни ВСР он возглавлял Мастерскую пролетарских художников и написал свой знаменитый плакат «Красные солдаты, вперед!». После поражения диктатуры художнику пришлось эмигрировать. Он оказался в Вене, где в 1923 г. создал монументальные фрески и серию антивоенных гравюр на меди под названием «Генерал Лудд». Позже, вслед за кратковременным пребыванием в Париже, художник Б. Уитц с 1926 г. обосновался в СССР. В Москве он вскоре стал деканом факультета живописи Всесоюзного института прикладного искусства и удостоился звания заслуженного художника РСФСР. В 1930-е годы Уитц принимал самое активное участие в движении прогрессивного советского искусства. Им была подготовлена серия эскизов фресок для проектируемого грандиозного Дома Советов, который планировали возвести в Москве. Здесь целесообразно отметить, что после того, как в 1968 г. Венгерская национальная картинная галерея организовала ретроспективный показ произведений мастера, он решил вернуться на родину. Впрочем, одним из его учеников стал художник *Шандор Эк*, известный своими графическими работами и политическими плакатами. Последний в 1919 г. также эмигрировал, и уже в Германии издал свои графические работы под именем А. Кайл. В 1933 г. Эку пришлось, однако, покинуть эту страну и поселиться в СССР. На родину он вернулся в конце 1944 г. в качестве офицера советской Красной Армии.

В советской эмиграции творил, правда, в другой области изобразительного искусства, талантливый *скульптор Ласло Месарош* (1905–1945), на творчество которого сильное влияние оказало монументальное египетское искусство. Профессиональную подготовку он получил в Будапеште и Риме, но, будучи связанным с коммунистическим подпольем, скульптор Месарош в 1935 г. выехал в Советский Союз. С 1936 года он жил и работал в столице Киргизии г. Фрунзе (ныне Бишкек). Там он основал первую в Средней Азии школу скульпторов и принял самое активное участие в создании мемориального центра новой киргизской столицы.

Касаясь деятельности и интеллектуального потенциала эмигрантов из Венгрии в СССР в 20–30-е годы прошлого века, нельзя пройти мимо основных представителей эмигрантской *художественной литературы*, творчество которых имело ярко выраженную социалистическую и коммунистическую идейно-политическую направленность. Если даже большинство этих писателей и поэтов не внесло какой-то существенный вклад, выдержавший испытание временем, в развитие венгерского литературного процесса, их творчество всё же вдохновляло эмигрантов левой политической ориентации, которые знали и ценили своих писателей и поэтов. Эмиграция нуждалась в публицистике и литературном творчестве, в создании художественных произведений, выражавших устремления и ценностную ориентацию её представителей. К плеяде литераторов, развернувших творческую деятельность в Советской России,

принадлежали участники гражданской войны Матэ Залка (Бела Франкл), Пал Шомоди, Иван Дёндеш и др. Среди них наиболее известным стал писатель *М. Залка* (1896–1937), попавший в плен и затем ставший на сторону большевиков. Он впоследствии командовал интернациональным полком и остался в советской эмиграции, где писал статьи и литературные произведения о героике гражданской войны. В 1936 г. Залка добровольцем отправился в Испанию, где стал известен под именем «генерал Лукач», участвовал в боях на стороне республиканской армии и погиб в 1937 году. После поражения ВСР ряды писателей-эмигрантов из Венгрии пополнились свежими силами. В московской эмиграции оказались, в частности, Андор Габор, Лайош Кишш, Шаролта Лани, Янош Матейка и др., а через некоторое время из Австрии, Германии, Чехословакии, США, Франции и других стран за ними последовали и другие, избравшие местом своей политэмиграции СССР.

Главным местом, где с самого начала собирались и обсуждали свои проблемы писатели и поэты, являлся *Венгерский клуб* в Москве. Он стал одновременно основным общественно-политическим и литературным центром всей эмиграции, поскольку именно в нём под эгидой руководства КПВ готовился и издавался важнейший печатный орган эмиграции на венгерском языке. Это был журнал «*Sarló és Kalapács*» («*Шарло эш калапач*» – «*Серп и молот*») со специальным литературным приложением «*Proletár Irodalom*» («*Пролетарская литература*»). Эти издания давали возможность широкому кругу читателей в эмиграции получать на родном языке информацию о жизни в СССР, о событиях в Венгрии и в мире, читать печатавшиеся на его страницах публицистические и художественные произведения, написанные самими эмигрантами.

Группа литераторов в эмиграции ещё в 1926 г., до основания журнала выпустила в Вене под таким же названием антологию произведений пролетарских писателей и поэтов. Среди авторов антологии были тогда и отдельные представители эмиграции из Москвы. Наиболее популярными и читаемыми в эмиграции писателями и поэтами стали Матэ Залка, Бела Иллеш, Антал Гидаш, Шандор Балог и др. Конечно, успехом пользовались произведения и некоторых других литераторов. Так, в частности, работы Андора Габора, поэта и писателя чёткой социальной и идейной направленности (публицистика, поэтическая лирика, а также роман «*Доктор Никто*» с его острой социальной сатирой), киноведа и писателя Белы Балажа (его лирические произведения и драма «*Доктор Маргит Селтал*», либретто к опере Б. Бартока «*Замок герцога Синяя Борода*»).

Работавшие в Москве писатели-эмигранты М. Залка, Б. Иллеш, Я. Матейка, а также зять Б. Куна поэт А. Гидаш, в 1925 г. стали непосредственными участниками создания Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), а в 1926 г. – Союза венгерских писателей в СССР. В 1920–1930-е годы почти все венгерские литераторы в советской эмиграции являлись участниками всех

международных конференций пролетарских и революционных писателей, тем более, что такого рода форумы часто проводились в Советском Союзе. Бела Иллеш, пользовавшийся славой новатора социалистической литературы, в 1925 г. был даже избран секретарем Международного бюро пролетарской литературы, которое с 1928 г. наладило выпуск журнала *«Вестник иностранной литературы»* (гл. ред. А. В. Луначарский). В создании и работе журнала в 1928–1930 гг. активную роль играли эмигранты Б. Иллеш и А. Гидаш. Среди эмигрантов в те годы наибольшим спросом пользовались произведения М. Залки (его рассказы и особенно роман «Добердо») и Б. Иллеша. Драматическое произведение последнего *«Продаётся пистолет»* в 1925 г. было поставлен в Московском Художественном академическом театре, а его романы *«Карпатская рапсодия»* и *«Туса горит»*²⁰³ с юмористическими воспоминаниями о революционном времени на родине, содержащими критическое изображение борьбы 1919 года, были переведены на многие языки.

Небезразлично обратить внимание здесь на жизненный путь этого преуспевавшего в советской эмиграции литератора. Член редколлегии журнала «Октябрь» Бела Иллеш (1895–1974) стал одним из секретарей Союза писателей СССР и в этой роли являлся также весьма активным участником и организатором литературной жизни советской страны. Родился он в зажиточной мелкобуржуазной семье провинциального служащего в г. Кашша (ныне Кошице в Словакии), а его школьные годы прошли в городах Бергсас и Сойва (ныне Берегове и Свалява в Украине), неизменно находившихся до 1920 г. в составе Венгерского Королевства. Семья Иллеша в 1909 г. переехала жить в Уйпешт, где будущий писатель после окончания гимназии продолжил учёбу на факультете государства и права Будапештского университета. Во время ВСР, весной 1919 г., Б. Иллеш – уже дипломированный адвокат, в 24-летнем возрасте – член КПВ и местного Директория в Уйпеште, а также председатель реввоенсовета этого пригорода венгерской столицы.

После поражения «коммуны» Иллеш эмигрировал в Вену, затем в Подкарпатье (нынешнее Закарпатье), которое к тому времени уже было оккупировано чешскими войсками, чтобы затем включить его в состав создаваемого тогда нового государства Европы – Чехословацкой республики. В начале 1920-х годов Б. Иллеш вместе с интернационалистом Ф. Мюннихом по заданию партии начал работать в венгерской газете родного края, в *«Kassai Munkás»* (*«Кашшаи мункаш»* – *«Рабочий Кашши»*), но чехословацкие власти его вскоре выслали из страны, и он снова оказался в Вене. Однако ему не повезло и там – его выдворили из Австрии, и он в 1923 г. эмигрировал в СССР, ставший его второй родиной.

В Москве Иллеш на короткое время стал заводским рабочим, но уже в 1924 г. опубликовал свой первый сборник литературных очерков на русском языке и в дальнейшем занимался литературным творчеством. К 10-летию ВСР вышло в свет новое произведение писателя, роман *«Туса горит»* о революциях

1918–1919 годов, предисловие к которому написал Б. Кун. За ним последовала трилогия «*Карпатская рапсодия*». Они и принесли ему широкую известность и славу (были переведены на 32 языка).

С началом Второй мировой войны Б. Иллеш ушёл на фронт воевать под Москвой в народном ополчении, став вскоре политкомиссаром и военным корреспондентом. После битвы под Воронежем, в которой 2-я венгерская армия была разбита, Иллеш занимался политпросвещением и перевоспитанием попавших в плен венгерских военнопленных. Под его редакцией началось издание для пленных газеты «*Magyar Újság*» («*Мадьяр уйшаг*» – «*Венгерская газета*»). В Венгрию Б. Иллеш вернулся в форме майора советской армии и затем стал главным редактором «*Irodalmi Újság*» («*Иродальми уйшаг*» – «*Литературная газета*»). В 1950 г. писатель опубликовал свой новый роман «*Обретение родины*», посвященный освобождению Венгрии советскими войсками²⁰⁴.

К совершенно другой категории писателей-эмигрантов принадлежал *Йожеф Лендел* (1896–1975). Он, в отличие от выше названных, обласканный коммунистами и советской властью «инженеров человеческих душ», творил в те же годы в совершенно иных условиях, да и сама эмиграция оказалась несравненно более тяжёлой для него. Признательность и заслуженная слава к нему пришли гораздо позже, уже после возвращения на родину во второй половине 1950-х годов. За четверть века, проведённую писателем в советской эмиграции, ему пришлось пройти все круги ада. Он прошёл через ГУЛАГ и лишь накануне венгерской революции 1956 г. возвратился в Венгрию, где получил заслуженное признание – премию им. Л. Кошута, а заодно и почётное звание «венгерский Солженицын».

Лендел начал свою литературную деятельность в условиях ВСР. Будучи одним из основателей и организаторов компартии на родине в 1919 г., после поражения республики он был вынужден покинуть страну. Он эмигрировал сначала в Австрию, слушал лекции в Венском университете, занимался партийной работой, но затем, имея определённые мировоззренческие расхождения с линией партии, вышел из КПВ и лишь в 1924 г. вернулся в её ряды. В 1927–1930 гг. он жил в Берлине, а затем выехал в СССР. В Москве Й. Лендел работал референтом в Красном Профинтерне и занимался редактированием венгерской газеты политэмиграции. В 1932 г. он написал исторический роман «*Вишеградская улица*», в котором критически, но в литературном исполнении достоверно отразил историю становления компартии в Будапеште, а также процесс утверждения пролетарской диктатуры в 1919 г. Предисловие к его роману, как отмечалось, написал Б. Кун. По линии Межрабпрома писатель создал также ряд драматических сценариев для кино. При всём этом среди успешных писателей-эмигрантов он оставался малоизвестным и по сути отстранённым от их литературного процесса. Продолжая творческую деятельность, Лендел весьма критично оценивал и литературные произведения своих

преуспевающих коллег-писателей по эмиграции, как и философа Д. Лукача, которого впоследствии больше всего уважал как «последнего живого наркомана»²⁰⁵ Советской республики 1919 г.

Находившегося в эмиграции писателя Й. Лендела не обошла волна ложных обвинений и арестов времён сталинских репрессий. В мае 1938 г. его арестовали, и он оказался в длительном заключении. Освободившись в 1947 г., он вместе с семьей жил в г. Александрове Владимирской области без права пребывания в Москве. В 1949 г. писателя снова, причём без судебного решения и приговора, задержали и сослали в Сибирь на полтора десятка лет, которые и пришлось ему провести в тяжёлых условиях советского ГУЛАГа. Знакомство с лагерной жизнью на личном опыте лишь позже, спустя годы, нашло отражение в его литературном творчестве. В 1955 г. писателя реабилитировали, и он получил возможность вернуться на родину, где развил успешно творческую деятельность. Он завершил начатый ранее роман «*Беспокойная жизнь Ференца Пренна*», в котором нашли отражение писательские впечатления от Первой мировой войны и революций 1918–1919 гг. Пережитые им тяжелейшие испытания последующего периода писатель изложил в литературной форме в сборниках рассказов, раскрывающих отдельные аспекты его участия в рабочем движении и в эмигрантской жизни в СССР. В романах и рассказах Лендел поначалу лишь весьма сдержанно и в аллегорической форме излагалось пережитое. Писатель опасался, что кадаровская Венгрия может его понять не так, но затем всё более откровенно и отчётливо, – как и в его публицистике, – нашли отражение в его произведениях беззакония и тяжёлые последствия культа личности И. В. Сталина в СССР.

В московской коммунистической эмиграции было и немало *журналистов*, которые писали для эмигрантов на венгерском языке, а также на русском – для советской, и на иностранных языках – для зарубежной печати. Среди них выделялся *Лайош Мадьяр* (1891–1940) уроженец с. Иштванди вблизи г. Печа, где он окончил среднюю школу и готовился получить юридическое образование, но прервав учёбу, в 1910 г. начал работать журналистом. В начале Первой мировой войны Мадьяр стал военным корреспондентом и выступал в печати со статьями на антивоенные темы. В период ВСР он возглавил Объединение журналистов-коммунистов и социал-демократов, а после поражения республики в августе 1919 г. был арестован и приговорён судом к 10 годам заключения.

Освобожденный по обмену советским правительством, Л. Мадьяр в 1922 г. также оказался в Советской России, где тогда же вступил в ряды РКП(б). Он был привлечён к работе по созданию Российского телеграфного агентства и *Окон РОСТА*, а затем регулярно публиковался в газетах «Правда» и «Известия». Он направлял свои корреспонденции также нью-йоркской коммунистической газете на венгерском языке «*Új Élére*» («*Уй Элэре*» – «*Время вперёд*»). Для эмигрантов в Москве Мадьяр учредил «Живую газету», которая предо-

ставляла им свежую информацию о событиях в мире, а в 1923 г. по его предложению с согласия Исполкома Коминтерна был налажен выпуск библиотеки «Труда и знаний». В ней издавались книги для эмигрантов на разных языках, печатались произведения писателей, а также теоретические и познавательные материалы.

С осени 1923 по май 1924 г. Л. Мадьяр работал корреспондентом РОСТА в Берлине, а затем до 1926 г. представлял ТАСС в Китае, где одновременно исполнял функцию секретаря советского консульства по печати в Гонконге и Шанхае. Работая в Китае в условиях революции и гражданской войны, он собрал богатый материал для книги об этой стране. После возвращения в Москву в начале 1928 г. Мадьяр возглавил Отдел по изучению Востока в Международном Аграрном институте и опубликовал книгу об экономике Китая на русском языке. Она была издана и в Китае в двух томах (в 1930 и 1933 гг.), вызвав большой интерес и резонанс.

Журналист Л. Мадьяр с 1928 г., наряду с занятостью в названном научном учреждении, привлекался к работе в ИККИ, а в сентябре 1929 г. был назначен заместителем зав.отдела Ближнего Востока Восточного Секретариата Коминтерна. Он участвовал в выработке программы VI конгресса КИ, привлекался к подготовке съезда компартии Китая. В 1930 г. Мадьяра избрали членом Моссовета, он преподавал в партийной школе, в ряде университетов и институтов. В 30-е годы, в условиях роста фашистской опасности, его неоднократно направляли в Германию с легальным и нелегальным заданием. Он побывал и в других странах Европы, участвуя в работе Международного антивоенного комитета. После выполнения этих поручений он вернулся в Москву, где в последние дни декабря 1934 г. был арестован по ложному обвинению и, подобно многим своим соотечественникам, занимавшимся политической деятельностью в советской эмиграции, в 1940 г. скончался в тюремном заключении²⁰⁶.

Ввиду специфики профессиональной деятельности к числу малоизвестных представителей эмиграции из Венгрии, но вписавших своё имя в историю становления и защиты советской власти в России (СССР) принадлежал уже упоминавшийся бывший интернационалист, впоследствии советский гражданин *Ференц Патаки* (1882–1944). Ему ещё в июле 1920 г. была доверена организация охраны госучреждений Иркутской губернии. (Кстати, схожие поручения выполняли тогда коммунисты-интернационалисты Лайош Гавро, Рудольф Фекете, Дюла Варга, Дюла Бошкочич и некоторые другие). Патаки в 1924 г. был приглашён в Москву для работы в непосредственном подчинении Ф. Э. Дзержинского во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК). Он возглавил отдел по борьбе с бандитизмом, кроме того, по его инициативе началось создание в 1922 г. советской пограничной службы, а ему самому было доверено командование Войсками внутренней службы РСФСР.

В годы Второй мировой войны (август 1943 г.) Ф. Патаки во главе группы разведчиков был заброшен в тыл гитлеровцев на территорию Венгрии, где

осуществлял руководство разведывательной, подрывной и партизанской деятельностью. С конца 1943 г. он из Будапешта регулярно направлял в Москву свои ценные разведданные. Однако в феврале 1944 г. его группа, действовавшая в Карпатах, была арестована, а затем в марте задержали и его самого. В августе состоялся военно-полевой суд, приговоривший Патаки к смертной казни. Советское правительство в 1983 г. посмертно наградило его орденом боевого Красного Знамени²⁰⁷. В этой связи уместно отметить, что многие уроженцы Венгрии, интернационалисты-политэмигранты (Лайош Гавро, Бела Кун, Матэ Залка, Рудольф Фекете, Дюла Бошкович, Иштван Бирман, Аладар Ласло, Рудольф Гарашин, Ференц Мюнних) за свои заслуги перед советской властью ещё в 1920-е годы также были награждены самой высокой на том этапе советской наградой – орденом В. И. Ленина. Наряду с ними, значительное число эмигрантов из Венгрии, находясь на территории СССР, стали известными специалистами в своем деле, сделали политическую или профессиональную карьеру в разных областях деятельности и удостоились разных других советских наград. Часть из них, вернувшись впоследствии на родину, заняла достойное место и ведущие позиции в самих разных сферах жизни послевоенной Венгрии. Другие, наоборот, навсегда остались в СССР, который стал для них второй родиной.

3. Представители эмиграции в идеологических учреждениях и организациях. Судьба уроженцев Венгрии в СССР в 30-е и начале 40-х годов

Эмигрантов из Венгрии, особенно политических, как надёжных специалистов и профессионалов с хорошим знанием иностранных языков в Советском Союзе часто использовали в самых разных сферах интеллектуальной деятельности. По некоторым данным, только в аппарате КИ в 1920-е годы в общей сложности работало 250–300 бывших венгерских граждан, правда, часть из них была занята и выполняла различные задания за пределами СССР²⁰⁸. Их численность значительно сократилась только в 30-е годы. С созданием в 1926 г. *Международного Аграрного института*, в задачу которого входила разработка крестьянской политики и аграрной программы Коминтерна, для работы в нём было привлечено немало венгерских эмигрантов. В частности, секретарём Аграрного комитета КИ уже несколько раньше стал Акош Хевеши, а среди работавших в этом институте эмигрантов 1930-е годы числился и Имре Надь.

Другим учреждением, которое также привлекло на работу несколько эмигрантов из Венгрии, стал Институт Карла Маркса и Фридриха Энгельса при ЦК ВКП(б). Его директор Д. Р. Рязанов пригласил в Институт, в первую очередь, такого известного венгерского специалиста по истории Германии, как

Эрнё Цобел. Он принадлежал к числу спасённых советским правительством в 1922 г. политзаключённых. Учёный возглавил соответствующий отдел института, став заведующим отделом. Впоследствии он приобрёл к сотрудничеству также ряд других эмигрантов, которые занимались выявлением, собиранием, систематизацией, переводом или подготовкой произведений, статей и материалов переписки Маркса и Энгельса к изданию на русском и иностранных языках. Из числа венгерских эмигрантов к сотрудничеству или для работы было привлечено 13 человек. С образованием в 1931 г. *Института Маркса–Энгельса–Ленина* (ИМЭЛ), который был создан в результате слияния Института Маркса и Энгельса, Института Ленина и Центрального партийного архива в единое учреждение, Цобел в сентябре 1933 г. был назначен заведующим сектором Маркса–Энгельса, а затем стал заместителем директора ИМЭЛ. Под его руководством и редакцией был начат выпуск избранных произведений основоположников марксизма, создавались архивные фонды²⁰⁹. С 1927 г. решением ВЦИК СССР профиль института был расширен и коллектив нацелен на изучение исторического опыта всего мирового пролетариата. Это позволило Цобелу реализовать собственное предложение о создании в ИМЭЛ венгерского кабинета, развернувшим сбор материалов по истории венгерского рабочего движения. К выполнению работы по сбору документальных материалов также привлекались или использовались силы эмиграции.

Наряду с КПВ, в жизни уроженцев Венгрии в условиях московской эмиграции, как уже упоминалось, важную идейную, информационную и культурно-просветительскую роль выполняли также эмигрантский центр *Венгерский клуб* и издававшийся там же печатный орган, журнал «*Sarló és Kalapács*» («*Шарло эш калапач*» – «*Серп и молот*»). Журнал начал выходить в Москве с декабря 1929 г. под редакцией Пала Хайду, в прошлом одного из учредителей КПВ и редактора газеты «Вёрёш уйшаг» («Красная газета»), а также командира батальона Красной Армии ВСР. Он принадлежал к числу спасённых советским правительством венгерских политзаключённых. Идея создания журнала исходила от кружка *Боевое содружество интернационалистов*, прежде всего, в лице Л. Гавро, а также группы писателей и журналистов в эмиграции. Они надеялись сделать издание не только общедоступным литературным и общественно-политическим журналом, но и звеном, связывающим между собой эмигрантов из Венгрии, живущих в разных странах мира. Своим названием журнал был обязан венскому альманаху, изданному в 1926 г. В состав редколлегии журнала вошли отобранные руководством КПВ литераторы, языковеды и художники. Это Ш. Барта, А. Габор, А. Гидаш, Б. Иллеш, А. Комят, З. Липпай, Я. Маца, Я. Матейка, Б. Уитц. Впоследствии их ряды пополнили отдельные журналисты, партийные политики и интернационалисты Д. Бокани, Л. Гавро, Э. Б. Кун, Л. Мадьяр, Ф. Янчик, Э. Хлепко, а несколько позже – Р. Гарашин, Ш. Гергей, М. Залка, Ф. Мюнних, Л. Рудаш. Со временем меня-

лись и главные редакторы этого периодического издания. С уходом П. Хайду на работу в Главлит (откуда он продолжал контролировать журнал) ими поочерёдно были Ф. Мюнних (1931 г.), И. Ревес (1932), Ш. Регей (1932), Й. Лендел (1933), Б. Ваго (1934), Ф. Карикаш (1936).

Журнал по своему профилю вначале являлся скорее литературным, чем политическим изданием, хотя при этом в 1929–1931 гг. на его страницах, кроме прочего, по заданию руководства КПВ публиковались очерки по истории рабочего движения и отрывки из воспоминаний самих политэмигрантов. Прибывшего в Москву в 1930 г. писателя Й. Лендела в литературных кругах венгерской эмиграции в советской столице не удостоили радужного приёма, хотя в 1933 г. он стал новым главным редактором издания. Ему ещё удавалось сохранить в журнале прежнее соотношение художественного и политического характера материалов. Правда, это не изменило взаимоотношений писателя Лендела и уже давно обитавших в Москве литераторов. Сам Лендел, в свою очередь, не стал добиваться расположения знатных московских коллег-эмигрантов и, по возможности, избегал встреч с ними. Он не посещал Венгерский клуб, число членов которого в то время составляло 400 – 500 человек²¹⁰. Писателю ещё удалось наладить выпуск журнала с двухнедельной периодичностью, и его читали не только в СССР, но и во Франции, США, Канаде, Чехословакии и Румынии, а отдельные номера нелегально доставлялись и в Венгрию. С весны 1934 г., когда на посту главного редактора его сменил приехавший из Парижа Б. Ваго, была предпринята попытка превратить журнал в издание иллюстративного типа, но это привело к отходу от него большинства писателей и поэтов. Правда, цензор П. Хайду в 1933 г., уже в конце пребывания Лендела на посту главного редактора издания, обратил внимание руководства Главлита на некоторые проблемы с журналом. Следствием этого стало усиление контроля за публикуемыми материалами в этом периодическом издании эмиграции, а с ростом всеобщей подозрительности в стране почти каждый материал подвергался предварительному согласованию с цензурой. Летом 1937 г. журнал «Шарло эш калапач» прекратил своё существование.

В *Главлите*, как идейно-политическом учреждении и главном контролирующем органе, следившем за печатной продукцией, почтовыми отправлениями и личной перепиской граждан (эта функция данного органа начала стремительно возрастать с середины 1920-х годов), было занято около 30 выходцев из Венгрии, работавших преимущественно на венгерском и немецком направлениях. Они проверяли, прежде всего, поступавшие из-за рубежа печатные издания, которые направлялись в библиотеки и институты. Их переводили или анализировали, а также выступали в роли цензоров издававшейся в Москве и Ленинграде художественной и общественно-политической литературы, следили за газетами и журналами на иностранных языках. В этом госучреждении, наряду с уже упомянутым цензором П. Хайду, некоторое время работали

также Я. Маца и Э. Шик. Впоследствии, однако, более строгим стал подход и к кадрам, работавшим в Главлите, и туда впредь допускали исключительно проверенных и надёжных эмигрантов. При поступлении на работу, как правило, требовались рекомендации ответственных лиц (так, например, Ш. Сабадошу рекомендацию давал Б. Кун). Среди лиц, пользовавшихся в Главлите особым доверием, числились А. Береи, возглавлявший один из отделов учреждения, а также Б. Иллеш, Э. Андич, Ш. Барта, Д. Сабо. Начиная с 1937 г., однако, иностранцев вообще уволили из Главлита²¹¹.

Нельзя не отметить, что в Москве уже с 1931 г. была начата подготовка к ведению радиовещания на иностранных языках *радиостанцией Коминтерна*, к работе на которой также привлекались эмигранты. Первая передача на венгерском языке с Шаболовки в Москве прозвучала 6 сентября 1932 г. Она выходила в эфир по понедельникам с 1 до 2-х часов ночи. Материалы первых радиопередач готовил редактор П. Хайду, а зачитала их в эфир Ирен Хохфельдер. Позже к работе были привлечены такие известные в эмиграции люди, как Д. Бокани, Б. Иллеш, А. Гидаш, М. Залка, Ш. Лани, И. Липпай, И. Дэнэш и др. В радиопередачах давалась информация о жизни в СССР, о международных событиях, об эмиграции, передавались интервью с приехавшими из Венгрии новыми эмигрантами, а в годы экономического кризиса давались советы слушателям, отдельная рубрика информировала о бывших военнопленных. Со второй половины 1930-х годов подходы и требования к текстам радиопередач стали более строгими. На радио были направлены цензоры П. Хайду и Й. Рабинович.

Руководство КПВ и коммунистической эмиграции особое внимание уделяли подготовке кадров, которые направлялись на работу в условиях подполья. С этой целью в 30-е годы по линии КИ в Москве работала т. н. *Ленинская школа* (её директор К. И. Кирсанова), которая принимала и готовила одновременно 400–500 слушателей из разных стран мира. На эти курсы руководство КПВ из Венгрии, Чехословакии и Румынии ежегодно набирало и принимало по 20–25 слушателей, которые после их окончания, уже подготовленные к соответствующей деятельности, должны были возвратиться на родину. Из Венгрии в Москву, где их лично принимал Б. Кун, будущие подпольщики приезжали через Вену, Чехословакию и Польшу. В школе, наряду с советскими преподавателями, лекционные курсы читались и эмигрантами на венгерском языке – по мировой и венгерской истории, по истории международного и венгерского рабочего движения, по экономике и философии. Их читали Б. Кун, Е. Варга, Л. Рудаш, Л. Гавро, Э. Андич, А. Береи, П. Хайду и др. Небезразлично отметить, что некоторые слушатели школы (Э. Герё, Д. Немеш и И. Фришш, впоследствии партийно-политические деятели) после окончания курсов остались в аспирантуре и затем они стали преподавать для будущих слушателей²¹². В январе 1936 г., когда фракционная борьба в партии, растущая подозрительность и недоверие ко всем начали сопровождаться неожиданными исчезно-

вениями и участвовавшимися арестами как по стране, так и в эмигрантской среде, известный деятель КПВ, политэмигрант Й. Реваи известил выпускников последнего набора Ленинской школы о том, что решением КИ лишь некоторые из них могут вернуться в Венгрию и они вообще должны оставаться в эмиграции.

Для эмигрантов из Венгрии, как политических, так и экономических, да вообще для оставшихся по разным причинам в СССР (включая бывших военнопленных, гражданских лиц и даже получивших советское гражданство), вторая половина 1930-х годов была полна неожиданностей и серьёзных испытаний. Центром общественно-политической и культурной жизни эмигрантов и членов их семей в московских условиях, как отмечалось, с самого начала стал и оставался *Венгерский клуб* в Леонтьевском переулке столицы. Подобные клубы существовали и в ряде других крупных городов, где находились эмигранты. В них, как правило, читались лекции, проводились встречи, дискуссии и культурно-просветительские мероприятия. Клубы играли важную объединяющую и сплачивающую роль для эмигрантов, особенно на первом этапе, в условиях адаптации их к советской жизни. Эти клубы имели своих постоянных членов, но не только они, но и многие эмигранты посещали их. В 1935 г. московский клуб насчитывал 765 постоянных членов, но их число менялось, показывая тенденцию к росту. Правда, отмеченные события второй половины 30-х годов прервали этот процесс. Обострившаяся фракционная борьба в КПВ, последовавшие за ней в 1929 и 1933 годах одиночные, а затем массовые аресты среди эмигрантов в 1936–1938 гг. создали совершенно другую обстановку. В результате Венгерский клуб и московская эмиграция в целом больше не сумели вовлечь в свои ряды ни новых экономических мигрантов, ни бывших военнопленных, которые стремились обходить его стороной. Теоретическая дискуссия, которая была проведена в клубе по «тезисам Блюма»²¹³, как справедливо считают историки, не способствовала росту авторитета клуба, да и компартии в целом. На нём отразилась и общая обстановка, связанная с убийством С. М. Кирова в Ленинграде, вызвавшая волну роста бдительности и вообще привела к сокращению числа проводимых в клубе мероприятий. Вскоре по инициативе Г. Димитрова деятельность клубов вообще начала свёртываться.

Венгерский клуб в 1935 г. благодаря стараниям сторонников Б. Куна ещё удалось спасти. Летом была создана специальная комиссия во главе с Д. Бокани, которая провела перерегистрацию (по сути, чистку) членов клуба. Эта мера однако не решила проблему и, как показали объявленные на 25 июня 1936 г. выборы руководства, голосовать явились лишь сторонники Куна (250–300 чел.). В результате в состав избранного тогда нового руководства во главе с Эрнё Мюллером вошли 35 чел. (среди них Б. Кун, А. Гидаш, Д. Самуэли, И. Уйхазы, Ш. Сатмари, Б. Ваго и др.)²¹⁴. Вскоре настало время очередной перерегистрации и членов ВКП(б), в ходе которой лишились членства в партии либо были

возвращены в кандидаты некоторые венгерские коммунисты (в частности, Ф. Баяки, Э. Хлепко и др.). Бокани, который к тому времени уже стал новым председателем Венгерского клуба, от исключения из партии спасло лишь личное вмешательство Б. Куна. Клубная жизнь при всём этом вскоре вообще прекратилась, она в сентябре 1937 г., почти одновременно с закрытием журнала «*Шарло эш калапач*» фактически сошла на «нет».

В 1930-е годы, особенно в условиях сталинских репрессий, представители разных групп эмиграции (включая всех выходцев из Венгрии, оставшихся по разным причинам в СССР), независимо от их статуса, вместе с советским народом подверглись весьма тяжёлым испытаниям. Многие политэмигранты-коммунисты, а среди них даже весьма известные деятели КПВ, в т. ч. бывшие члены Правительственного Совета Венгерской Советской республики 1919 г. становились жертвой сталинских чисток и репрессий. Такая участь постигла, в частности, лидера КПВ и коммунистической эмиграции, одного из руководящих деятелей Коминтерна *Б. Куна*. Он 9 августа 1938 г. также стал жертвой произвола и беззакония²¹⁵. Схожей оказалась судьба и лидера уже упоминавшейся и легально действовавшей в 1925–1928 гг. в Венгрии в условиях хортизма «партии прикрытия» – Социалистической рабочей партии Венгрии, – *Иштвана Ваги* (1883–1940). За свою деятельность он на родине был осуждён и 4,5 года провёл в тюремном заключении. После освобождения в 1932 г. он наиболее надёжным местом своего дальнейшего пребывания посчитал Москву. В советской эмиграции Ваги работал в Профинтерне, в 1935 г. был избран депутатом Моссовета, однако, подобно многим политэмигрантам из Венгрии, не избежал волны массовых арестов 1937–1938 гг. Не выдержав холодных объятий сталинизма, он также скончался в тюрьме²¹⁶.

Определить точное число жертв сталинских репрессий среди находившихся в СССР политэмигрантов из Венгрии, а тем более среди всех задетых волной жестоких преследований сегодня не представляется возможным. Однако, если судить хотя бы по наиболее известным именам пострадавших, то их число, безусловно, было весьма внушительным.

Репрессивный фактор не менее ощутимое влияние оказал и на остальную часть выходцев из Венгрии, на беспартийную эмиграцию и на «застрававших» в стране помимо своей воли бывших венгерских военнопленных. Дело в том, что некоторые из бывших пленных женились и создали свои семьи. При этом часть из них, в зависимости от отношения к ним местных властей, стали советскими гражданами, подобно тем, кто оставался служить в рядах советской Красной Армии. Всех остальных, кто этого избежал и сохранил венгерское гражданство (это касалось также части эмигрантов), в начале 1930-х годов призвали срочно, до 15 февраля 1932 г. документально подтвердить свою венгерскую гражданскую принадлежность. А её по истечении 10 лет пребывания вдали от родины многие уже утратили. Новая ситуация вызвала поток запросов и обращений к венгерским властям за подтверждением гражданства

или по поводу репатриации. Дополнительной причиной этому стало то, что в СССР вводилась новая система налогов, болезненно затронувшая интересы мелких ремесленников и частных крестьянских хозяйств, уже не говоря о начавшемся кооперировании на селе и паспортизации населения. В сложившихся условиях многие состоявшие в браке бывшие венгерские граждане стремились выехать в Венгрию вместе с членами своих семей, что поставило в затруднительное положение их жён и детей, которые имели советское гражданство и поэтому их не выпускали из страны. К тому же по венгерским законам, гражданские браки в Венгрии были не действительными, да и отношение к долго остававшимся в эмиграции невозвращенцам не было однозначным. В негласных инструкциях МВД страны в этой связи эмигрантов делили на две категории: а) совершившие «преступные действия в период коммуны» и разыскиваемые полицией (к ним требовалось проявить особое отношение); б) те, против которых ранее не возбуждалось следствие либо дело уже было закрыто²¹⁷. Венгерская общественность в целом, судя по газетным материалам тех лет, считала, что если военнопленный или эмигрант раньше не вернулся в страну, то он «убеждённый коммунист» либо продолжал служить в советской Красной Армии и поэтому опасался привлечения к ответственности.

В Советской России (СССР) со времени Первой мировой войны и вплоть до 1934 г. Венгрия не имела своего внешнеполитического представительства и поэтому все возникавшие проблемы, включая репатриацию, решались между двумя странами посредством Международного Красного Креста или посольств других государств. Лишь в марте 1934 г., когда этого потребовали экономические интересы и решение отмеченных проблем, послом в Москву был направлен Михай Юнгерт-Арноти. Свою верительную грамоту он передал в апреле 1934 г., а свой пост занял 4 апреля 1935 г. Это было время, когда новый советский закон о гражданстве и принятые властями ограничения на передвижение иностранцев по стране уже приводили к осложнению жизни основных групп эмигрантов и застрявших там бывших военнопленных. В тех условиях судьба иностранцев, в том числе венгров, не принявших советское гражданство и ещё не получивших документальное подтверждение о своём венгерском гражданстве, становилась весьма неопределённой. Тем не менее, в 1935–1936 гг. многие эмигранты и бывшие пленные ещё надеялись получить необходимые документы, хотя эти надежды в 1937–1938 гг. становились всё более призрачными. А между тем с конца декабря 1935 г. правила передвижения и пребывания в стране иностранцев значительно ужесточились, и они всё чаще стали «бесследно» исчезать.

Венгерское посольство в Москве в 1936 г. располагало сведениями лишь о 487 бывших венгерских военнопленных, а координаты ещё 250 уточнялись, но выявить остальных не удавалось. В донесениях посольства в МИД Венгрии, как выявила К. Петрак, отмечалось, что большинство из них женаты

и состоят в гражданском браке, так как с 1921 г. церковные браки в стране не заключались. Все они имели большие семьи, более двух детей, которые обучались в школах. При этом дети и жёны, за исключением одной семьи, венгерского языка не знали. «Около 60% венгерских военнопленных являются мелкими частными хозяевами, имеют свои дома и земли, коров, лошадей, — отмечалось в одном из донесений. — Около 35% из них мелкие ремесленники (сапожники, столяры, кузнецы, маляры) или заводские рабочие, а 5% заняты интеллектуальным трудом»²¹⁸. Все эти «застрявшие» в разных регионах СССР бывшие военнопленные между собой почти не общались, в большинстве проживали в Российской Федерации в Ленинграде, в Сибири и на Урале, а на Украине — в Крыму. Кроме того, немало осталось их также в Барнауле, в окрестностях Ташкента и Алма-Аты. Непосредственной причиной, заставившей этих людей обращаться в посольство за помощью и содействием в возвращении на родину, стали введение высокого налога на частное предприятие или хозяйство, насильственная коллективизация и требование принятия советского гражданства.

Посольство исходило из необходимости дифференцированного подхода к разным категориям этих, к тому времени уже бывших венгерских граждан, оставшихся в СССР, к вопросу их репатриации, и предполагало при этом соответствующие подходы. По утвердившейся классификации, различались уроженцы трианонской Венгрии и отделённых от страны бывших венгерских территорий. Кроме того, в совершенно разные группы причисляли бывших рядовых *военнопленных* и *политэмигрантов*, *спасённых коммунистов* и *членов их семей*. Экономические *эмигранты* рубежа 1920–1930-х годов (инженеры, горняки, техники, слесари, литейщики, каменщики, столяры и прочие), численность которых определялась цифрой в 400–500 чел., составляли самостоятельную группу. *Коммунисты* и *бывшие политзаключённые*, которых в своё время советское правительство обменяло на венгерских пленных офицеров, автоматически утратили своё гражданство, и в большинстве уже стали советскими гражданами. Их венгерские власти уже не собирались пускать в страну. К группе *политэмигрантов* посольством причислялись лишь те, кто «играл политическую роль в период венгерской коммуны и покинув страну, уехал в СССР, чтобы избежать привлечения к ответственности», а также те, кто «состоял на службе в коммунистических учреждениях»²¹⁹. Последних, как правило, считали привилегированной группой среди эмигрантов, но те практически и не обращались с просьбой о возвращении в страну.

Все остальные оставшиеся в СССР уроженцы Венгрии, не имея документов, подтверждавших их гражданство (будь они бывшими военнопленными или эмигрантами, включая трудовых), с 1937 г. задерживались властями и оказывались в лагерях разного рода, расположенных вдали от железных дорог и шоссейных путей. Выявить и разыскать их представителям посольства уже не предоставлялось возможным, если даже пришли для них документы

с родины. Часть представителей коммунистической эмиграции в 1937–1938 гг. также подверглась аресту и попала в лагерную систему ГУЛАГа. Они нередко задерживались по ложным, часто надуманным обвинениям. После тяжёлых допросов, в ходе которых их принуждали признавать несовершенные ими деяния, приговоры выносили не суды, а, как правило, т. н. «тройки». Многие из них оказывались в московских тюрьмах (Лубянка, Бутырка и Таганка), в ленинградских Крестах или во владимирском Централе, где собственно и завершали свой жизненный путь либо были отправлены в трудовые лагеря Магадана, Караганды, Колымы, Туркестана и Сибири для отбывтия длительного наказания, где подверглись соответствующему переспитанию.

Конкретно сколько уроженцев Венгрии, коммунистов и упомянутых категорий эмигрантов, бывших военнопленных побывало в этих лагерях, точно не известно. Однако, как справедливо отмечалось в одном из донесений венгерского посольства в Москве по этому поводу, «число осуждённых и задержанных определить невозможно, советские органы никогда не извещали посольство при аресте ими кого-либо из венгров; большинство из них приняло советское гражданство и для советских органов они не считаются венграми»²²⁰. Характерно, что по состоянию на 1 января 1944 г. в советских исправительных лагерях в общей сложности, по имеющимся сведениям, содержалось 4789 иностранцев, из которых 542 являлись уроженцами Венгрии. Последние исследования подтверждают, однако, что даже 1 января 1951 г. из содержащихся в системе ГУЛАГа 12 085 иностранных граждан, 3 949 были выходцами из Венгрии²²¹. Разумеется, за истекшие годы число заключённых венгров, побывавших в лагерях ГУЛАГа, несколько пополнилось новыми арестантами. Последние состояли преимущественно из молодых мужчин, которые в годы Второй мировой войны, спасаясь от призыва на военную службу, покинули пределы Венгрии. Причём часть из них состояла из людей левых политических убеждений, которые искали убежища в СССР. В основном это были венгерские граждане еврейской национальности, которых, кроме прочего, на этот шаг толкало принятие в 1940–1941 гг. закона о евреях. Такая «добровольная эмиграция» поэтому имела место, главным образом, уже в начале 1940-х годов. При переходе советской границы беженцы задерживались советскими пограничниками и оказывались в ведении органов НКВД. Впоследствии за нелегальный переход границы они тоже были осуждены упоминавшимися «тройками» и в итоге также становились обитателями советских лагерей. Как недавно показала в своей монографии, написанной на базе изучения архивных источников сибирских лагерей, венгерская исследовательница проблемы Ева Варга, этих новых обитателей лагерей сегодня практически нельзя отделить от тех бывших венгерских граждан, которые попали туда во второй половине 30-х годов XX века. Исследоване ею документальных материалов на местах позволило определить, в частности, что только в одном Воркутском

лагере системы ГУЛАГа насчитывалось порядка 1000 осуждённых, которые называли себя венгерскими гражданами или венграми по национальности²²².

Незатронутая лагерями часть политэмигрантов, членов КПВ (по некоторым подсчётам около 800 чел.)²²³ в годы Второй мировой войны вместе с советским народом активно участвовала в борьбе против фашизма, вовлекалась преимущественно в агитационно-пропагандистскую работу на линии фронта, участвовала в партизанском движении в тылу врага, а также занималась просветительской деятельностью среди венгерских военнопленных. Многие из эмигрантов решением Московского горкома КПВ были мобилизованы именно на политико-просветительскую и пропагандистскую работу в армии. Эмигранты выступали на волнах московской эмигрантской радиостанции им. Кошута, выступали в печати, выпускали и распространяли газету на венгерском языке «*Igaz Szó*» («*Игас Со*» – «*Правдивое слово*»), первый номер которой вышел 10 октября 1942 г. тиражом 5 тыс., позже 10 тыс. экземпляров и распространялся среди военнопленных.

Созданная в сентябре 1941 г. радиостанция «Кошут», работавшая в тесном сотрудничестве с Коминтерном, играла важную роль в информировании как эмигрантов, так и населения Венгрии. Постоянную связь с М. Ракоши в аппарате КИ и редакцией радиостанции поддерживал член руководства КПВ Йожеф Реваи, выполнявший также обязанности редактора венгерского радиовещания. В начале войны, кроме этих двух ведущих представителей политэмиграции, на радиостанции работали также Эрнё Герё, Шандор Ногради, Михай Фаркаш, Иштван Фришш, а несколько позже Андор Габор, Имре Надь, Золтан Сабо и др. О режиме и содержании работы редакции радиостанции «Кошут» можно судить по воспоминаниям Ш. Ногради. Согласно им, Реваи по утрам составлял программу передачи на текущий день, сам ежедневно писал краткие комментарии к важнейшим событиям, которые были похожи на передовые статьи газет, объёмом в 30 машинописных строк. Ежедневное вещание начиналось в 18 часов и продолжалось 20 минут. Передачи в целом состояли из 200 строк дикторского текста, которые, кроме комментариев, содержали также новости и свежую информацию о событиях на фронте (30 строк). После оккупации Венгрии гитлеровцами весной 1944 г. объём передач и частота их выхода в эфир увеличились с трёх до десяти выпусков ежедневно. Следует отметить, что в условиях, когда фашистские войска приблизились к Москве, радиостанция из советской столицы была эвакуирована и вещание с октября 1941 г. до весны 1942 г. велось из г. Уфы²²⁴. Впоследствии редакция возвратилась в Москву.

Несмотря на то, что в начале 1942 г. венгерских солдат в советском плену ещё не было, проводимая политэмигрантами радиопропаганда на венгерском языке уже велась целенаправленно. В начале мая 1942 г. решением того же московского горкома партии 9 писателей-эмигрантов составили специальное обращение к венгерским солдатам на линии фронта. Подготовленное ими

«Обращение живущих в Советском Союзе венгерских коммунистов-эмигрантов к венгерскому народу» в итоге подписали 39 известных в литературной среде эмигрантов. Впоследствии растиражированный документ разбрасывался с самолётов по линии фронта в виде листовок, а его текст передавался по радио на Венгрию. Чтобы поддержать движение венгерских антифашистов на родине, решением Московского горкома КПВ по радио периодически зачитывались также 10 пунктов *Программы Венгерского фронта национальной независимости (ВФНН)*. В начале 1943 г. с появлением первых венгерских военнопленных политэмигранты решили усилить воздействие на них. Они добивались их присоединения к программе ВФНН. Им удалось привлечь порядка ста солдат и офицеров к участию в партизанском движении на территории Белоруссии и Украины и тем самым включить их в борьбу против гитлеровцев. В советских и многонациональных партизанских отрядах впоследствии действовало свыше 400 бывших венгерских военных, перешедших на сторону советских войск²²⁵. В начале 1943 г., после катастрофического поражения 2-ой венгерской армии на Дону, в подмосковном Красногорске начала работать партизанская школа антифашистов, в которой преподавали политэмигранты, закончившие ранее командирские курсы и советские военные училища. Среди первых 39 слушателей школы с мая 1943 г. проходили обучение известные впоследствии командиры партизанских отрядов (Иштван Декань, Йозеф Бобри, Мартон Сёни, Дюла Уста и др.).

Немало венгерских военных, оказавшихся в плену и прошедших соответствующую подготовку, изъявили готовность с оружием в руках бороться против фашизма, участвовать в освобождении Венгрии. Тогда весьма перспективной казалась идея сформировать на базе венгерских военнопленных движение, которое привело бы к образованию в рамках советской Красной Армии отдельного *Венгерского легиона им. Л. Кошута* (наподобие чехословацкого корпуса генерала Л. Свободы). Инициатива поначалу встретила поддержку со стороны руководства КПВ и политэмиграции в целом, тем не менее не была претворена в жизнь. Организаторы движения намеревались, прежде всего, созвать на 15 августа 1943 г. в подмосковном Красногорске совещание делегатов от разных групп военнопленных и создать общий Венгерский антифашистский комитет. Они полагали, что комитет станет организующей силой будущего венгерского легиона. Для реализации намеченных целей уже тогда набралось много добровольцев из числа пленных венгерских солдат и офицеров, достаточных для формирования целого венгерского полка. Однако вдруг утром 15-го числа командир красногорского лагеря по ранее неизвестным причинам неожиданно отменил проведение совещания, намеченного на вторую половину дня. Собравшихся же делегатов от разных групп военнопленных 16 августа отправили обратно в расположение своих лагерных подразделений. По имеющимся архивным сведениям, спустя две недели, т. е. в начале сентября 1943 г., в Красногорск из Москвы прибыл новый глава КПВ и коммунистической

эмиграции Матяш Ракоши. (По договорённости с советским правительством, этот бывший политзаключённый в 1940 г. также был освобождён из тюрьмы в Венгрии и вместе с некоторыми другими коммунистами в 1941 г. обменян на знамёна венгерской революции и освободительной борьбы 1848–1849 гг.)²²⁶. Приехав в Красногорск, Ракоши выступил перед венгерскими военнопленными офицерами. Он развеял их иллюзорные представления о возможности демократическим путём организовать антифашистское движение, а вместе с тем подверг резкой критике политику хортистской королевской Венгрии²²⁷.

Несмотря на это, по свидетельству российских архивных документов, отмеченная попытка создания Венгерского легиона с целью его участия в борьбе против гитлеровцев на этом не закончилась. Сама идея явно пользовалась поддержкой в партийных кругах КПВ и коммунистической политэмиграции, поэтому она имела своё продолжение. Другой вопрос, что ввиду сложившихся обстоятельств говорить о её успешном завершении не приходится. Тем не менее, следует отметить, что спустя 9 месяцев после несостоявшегося учредительного совещания в августе 1943 г. она не утратила своей актуальности, не снималась с повестки дня и могла претвориться в жизнь. Во всяком случае, в одном из найденных нами архивных документов остался след, свидетельствующий об этом. Причём руководящие представители КПВ и венгерской эмиграции добивались её осуществления. «Уже около года среди венгерских военных, находящихся в лагерях в СССР, ширится движение за их участие в качестве венгерской военной части в войне против гитлеровской Германии, — отмечалось в одной из докладных записок, которая весной 1944 г. легла на стол В. М. Молотова, зам. председателя ГКО СССР, зам. главы советского правительства, наркома иностранных дел. — В Управлении НКВД по делам о военнопленных и интернированных имеются десятки коллективных заявлений по этому поводу, причём некоторые из них содержат сотни подписей. В последнее время в связи с оккупацией Венгрии немецкими войсками в венгерской армии усилились антинемецкие настроения... Эти настроения растут с большей силой, чем раньше, среди венгерских военнопленных в СССР»²²⁸. Далее в записке отмечалось: «В связи с этим обстоятельством и тем фактом, что в дальнейшем Красная Армия будет приближаться к границам Венгрии, представляется целесообразным и своевременным формирование на территории СССР *венгерской добровольческой бригады*, которая, безусловно, может сыграть положительную роль после вступления Красной Армии на территорию Венгрии». Внимание Молотова было обращено также на то, что «рядовой и строевой офицерский состав венгерской бригады может быть подобран из числа венгерских военнопленных», а «*политический состав* может быть выделен из рядов *венгерской политэмиграции*»²²⁹. В ходатайстве содержалась конкретная просьба разрешить формирование венгерской бригады численностью до 3000 человек.

Небезынтересно отметить здесь также, что 20 мая 1944 г. был подготовлен даже соответствующий проект Постановления ГКО СССР из двух пунктов:

«1. Разрешить формирование венгерской бригады численностью в три тыс. человек из числа венгерских военнопленных, добровольно изъявивших желание бороться против гитлеровской Германии, а также венгерских политэмигрантов-антифашистов;

2. Формирование бригады возложить на Комиссара государственной безопасности тов. Жукова Г. С., поручив ему в течение 7 дней представить Наркму обороны штаты и смету на содержание бригады»²³⁰.

Казалось бы, после таких, уже значительно продвинутых подготовительных действий, направленных на создание венгерской бригады, ничего не могло помешать осуществлению этих планов. Ответственные круги КПВ в советской политэмиграции уже явно выделили и подготовили своих политруков и вместе с представителями будущей *бригады венгерских добровольцев* из 3 тыс. воинов-антифашистов готовились к предстоящему участию к вооружённой борьбе за освобождение Венгрии. Однако несмотря на все эти подготовительные действия и продвинутый процесс оформления документов, необходимых для конкретного образования бригады, реализация идеи была торпедирована тогда ещё неизвестными силами, которые действовали за кулисами политической сцены. В результате советское политическое руководство заблокировало претворение в жизнь этой идеи. Как следствие, Венгерская бригада не могла быть создана. Отдельные ведущие политэмигранты из числа руководящих деятелей КПВ (в частности, З. Ваш и Д. Немеш) впоследствии, несколько упростив ситуацию и не объяснив её причины, мотивировали это тем, что высшее советское руководство просто не пожелало сделать этого²³¹. Между тем, многие исследователи вопроса убеждены, что это произошло вследствие того, что советское внешнеполитическое руководство, – идя навстречу настоятельной просьбе чехословацкого экс-президента Э. Бенеша, опасавшегося, что создание венгерского легиона или бригады может помешать осуществлению его послевоенных планов, направленных на массовое выселение венгров из Чехословакии, – предпочло снять вопрос о Венгерской бригаде с повестки дня.

В партизанских школах антифашистов в эмиграции, тем не менее, продолжали готовить кадры, которые впоследствии участвовали в боях с гитлеровцами. К осени 1944 г. эти школы окончили 700 уроженцев Венгрии, которых отдельными группами забрасывали в тыл немецких войск для участия в антифашистском движении сопротивления в Венгрии. С начала августа по начало октября 1944 г. на северо-востоке и севере Венгрии было высажено 11 смешанных советско-венгерских партизанских групп. Представители эмиграции одновременно вели также агитационную работу среди военнопленных и радиопропаганду среди населения страны. В ходе боёв за территорию Венгрии чис-

ло венгерских солдат и офицеров, перешедших на сторону советских войск, исчислялось уже десятками тысяч²³². Свидетельства об этом нашли отражение также в известной книге немецкого генерал-полковника Ганса Фриснера, отметившего, что «у Чопа венгры в массовом порядке переходили на сторону противника», а в дальнейшем «вблизи Будапешта появились первые признаки разложения» венгерской армии²³³. Руководство венгерской политэмиграции в СССР после этого уже не без основания считало, что своим личным участием и пропагандистской деятельностью (наряду с более глобальными факторами воздействия, коренным образом изменившими военно-политическую обстановку в регионе) политэмигранты также внесли свою весомую лепту в дело освобождения Венгрии.

Коммунистам и политэмигрантам, выжившим и возвратившимся в Венгрию вместе или сразу вслед за советскими войсками, командование оккупационных властей (а они присутствовали в стране до подписания мирного договора в 1947 г.), оказывало всестороннюю помощь и содействие во всех делах. Эти репатрианты получили приоритетное право и исключительную возможность начать реорганизацию всей общественно-политической жизни страны. В Венгрии на первом этапе, кроме возвратившихся из советской эмиграции коммунистов, не было другой активной организованной политической силы, которая пользовалась бы такой же поддержкой советских войск и имела бы подобную подготовку для реализации программы, направленной на восстановление и демократическое переустройство страны. В тех исторических условиях инициатива могла принадлежать только компартии. В этой связи излишне привести образную констатацию ситуации одного из венгерских киноведов о том, что со второй половины 40-х годов прошлого века в Венгрии «погоду всегда определяли» возвратившиеся из советской эмиграции бывшие интернационалисты и коммунисты²³⁴. После изгнания гитлеровцев из Венгрии лидеры коммунистической реэмиграции, в самом деле становились организаторами возрождения политической жизни, а затем и подлинными хозяевами страны.

Вернувшимся из московской эмиграции в Венгрию ведущим деятелям компартии, которые уже принадлежали ко второму поколению её руководящих кадров, прошедших соответствующую подготовку и закалку в недрах Коминтерна, предстояло решать стоявшие перед ними непростые, а главное, непривычные задачи. Изучение уроков 1919 г. заставило их на сей раз не ставить целью прямое и непосредственное утверждение в стране пролетарской диктатуры (эта задача на время была отложена), их программой предусматривался некий переходный период для овладения полнотой власти. Ситуация, сложившаяся после войны, привела к кратковременному становлению в Венгрии парламентской демократии на коалиционной многопартийной основе, но при влиятельном участии во власти компартии, которая в этой стране прежде находилась вне закона.

Примечания

- ¹ *Puskás Julianna*. A magyarországi kivándorlás sajátosságai a két világháború között (1920–1940.// Magyar Tudomány, 1980., 10.sz., 735. o.
- ² Népszabadság, 2008., december 10.
- ³ *Puskás Julianna*. Op. cit., 737. o.
- ⁴ *Ibidem*
- ⁵ *Kulcsár Kálmán*. A magyar szociológia történetiszemlélete // Látóhatár, 1984. augusztus, 104. o.
- ⁶ Parasztors – parasztgond. 1919–1944. Bp., 1960, 10. o.
- ⁷ *Ibidem*, 88–89. o.
- ⁸ *Ibidem*, 77–78. o.
- ⁹ *Ibidem*, 104–105. o.
- ¹⁰ *Ibidem*, 109–110. o.
- ¹¹ *Balogh Sándor, Gergely Jenő, Izsák Lajos, Jakab Sándor, Pritz Pál, Romsics Ignác*. Magyarország a XX. században. Bp., 1985, 58. o.
- ¹² *Ibidem*, 67. o.; *Józsa Antal, Milei György*. A rendíthetetlen százezer. Bp., 1968, 8. o.; *Józsa Antal*. Osztrák-magyar hadifoglyok Oroszországban és részvételük az Októberi forradalom harcaiban. Különnyomat. Bp., 1968, 217. o.
- ¹³ *Kulcsár Kálmán*. Op.cit., 738. o.
- ¹⁴ См.: наши подсчёты на базе того же источника, 738–739. o.
- ¹⁵ *Gergely Jenő*. Magyarország története 1919-től a második világháború végéig. Bp., 1990, 33. o.
- ¹⁶ Világtörténelmi Kisenciklopédia. Bp., 1973, 372. o.
- ¹⁷ *Puskás Julianna*. Op.cit., 740. o.
- ¹⁸ Nagy István. A magyarság világstatisztikája. // Jancsó Benedek Emlékkönyv. Bp., 1931, 382–384. o.
- ¹⁹ См.: *Madarász László*. Kossuth brazíliai hívei // Látóhatár, 1983. augusztus, 116–117. o.
- ²⁰ Népszabadság, 2008. május 22.
- ²¹ Подробней см: *Puskás Julianna*. Op. at., 380–382. o.
- ²² *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban. Bp., 1970, 87. o.
- ²³ *Ibidem*, 96–100. o.
- ²⁴ *Ibidem*, 129. o.
- ²⁵ Подробней см.: *Желицки Б.Й.* Регент Миклош Хорти // Новая и новейшая история, № 2–3
- ²⁶ *Hazánk, Magyarország*. Bp., 1970, 48. o.
- ²⁷ Статья в переводе на венгерский опубликована в качестве приложения к книге: *Károlyi Mihály*. Egy egész világ ellen. Bp., 1965, 484. o.
- ²⁸ *Hajdu Tibor*. Károlyi Mihály Prágában.// Valóság, 1972. 9. sz., 36–58.o.
- ²⁹ *Ibidem*, 39. o.
- ³⁰ *Hajdu Tibor*. A két világháború közötti magyar történelem amerikai forrásairól // Valóság, 1973., 10. sz., 79. o.
- ³¹ *Ibidem*
- ³² *Ibidem*, 27. o.
- ³³ *Jászi Oszkár*. A Habsburg-monarchia felbomlása. Bp., 1983, 63. o.
- ³⁴ Károlyi Mihály levelezése, 1905-1920. I. kötet., Bp., 1978, 458. o.
- ³⁵ *Borsányi György*. Válságos évek krónikája, 1929-1933. Bp. , 1986, 122.o.
- ³⁶ *Hajdu Tibor; L. Nagy Zsuzsa*. A baloldali gondolat válsága Magyarországon a két háború között // Valóság, 1985., 9. sz., 84–85. o.
- ³⁷ *Borsányi György*. Op. cit., 120. o.
- ³⁸ *Кун, Ирена*. Из воспоминаний // *Кун, Бела*. Избранное. Воспоминания о Беле Куне. М., 1986, С. 256
- ³⁹ Там же, С.265–267

- ⁴⁰ Там же
- ⁴¹ *Jászi Oszkár*. Magyar Kálvária, magyar Föltámadás. A két forradalom értelme és tanulságai. Bp., 1989., 125. o.
- ⁴² Цитата из документа, который хранится в венгерском Архиве Института политической истории (PTI Archivum, 600, fond 3/5), взята из статьи: *Hajdu Tibor; L. Nagy Zsuzsa*. Op. cit., 85. o.
- ⁴³ Politikatörténeti Intézet Archivuma, Ágoston gyűjtemény. Magyarország története 1918–1919, 1919–1945. Bp., 1976, 343. o.
- ⁴⁴ *Lukács György*. Történelem és osztálytudat. Bp., 1971
- ⁴⁵ См.: *Бела Кун*. Избранное. Воспоминания о Беле Куне. М., 1986
- ⁴⁶ См.: Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948, М., 2002, С. 175–208
- ⁴⁷ *Balogh Sándor, Gergely Jenő, Izsák Lajos, Jakab Sándor, Peritz Pál, Romsics Ignác*. Op. cit., 124. o.
- ⁴⁸ *Puskás Julianna*. Op. cit., 743. o.
- ⁴⁹ *Ижак, Лайош*. Политическая история Венгрии 1944–1990. М., 2006, С. 35–36
- ⁵⁰ *Józsa Antal, Milei György*. A rendíthetetlen százezer. Bp., 1968
- ⁵¹ *Petrák Katalin*. Magyarok a Szovjetunióban 1922–1945. Bp., 2000
- ⁵² *Varga Éva Mária*. Magyar hadifoglyok a Szovjetunióban (1941–1956). Az oroszországi levéltári források tükrében. Bp., 2009
- ⁵³ Tanúságtevők. Visszaemlékezések a magyarországi munkásmozgalom történetéből. Magyarok a Nagy Október győzelméért 1917–1921. Bp., 1977, 8.o.
- ⁵⁴ Интернациональное сотрудничество КПСС и ВСПП: история и современность. М., 1987, С. 94
- ⁵⁵ По страницам биографической хроники Владимира Ильича Ленина // *Кун, Бела*. Избранное... С. 47
- ⁵⁶ См.: VIII съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1919, С. 385–391
- ⁵⁷ Интернациональное сотрудничество... С. 117
- ⁵⁸ *Кун, Бела*. Избранное... С. 93.
- ⁵⁹ Там же, С. 109.
- ⁶⁰ Интернациональное сотрудничество..., С. 110
- ⁶¹ Tanúságtevők..., 28. o.
- ⁶² Перевод документа венского Военного архива - *Hanák Péter*. Népi levelek az első világháborúból // *Világosság*, 1973., 3.sz., 74. o.; Оригинал документа: AOK. GZNB. Z. Abteilung, E. Nr. 5942 – 12110
- ⁶³ Интернациональное сотрудничество..., С. 111; Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965, С. 297–336; *Zsilák András*. Az OKP(b) Magyar Csoportjának szerepe a Vörös Hadsereg internationalista egységeinek szervezésében (1918–1919) // *Társadalmi Szemle*, 1961., 3.sz., 352. o.
- ⁶⁴ Интернациональное сотрудничество... С. 121
- ⁶⁵ Tanúságtevők... 22. o.
- ⁶⁶ Интернациональное сотрудничество... С. 106–107.
- ⁶⁷ *Немеш, Дежэ*. Пятидесятилетие Советского государства и Венгрия. М., 1967, С. 38
- ⁶⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., Т. 38, С. 148.
- ⁶⁹ Tanúságtevők..., 194. o.
- ⁷⁰ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 2, М., 1968, С. 52–53.
- ⁷¹ Интернациональное сотрудничество... С. 122–124; Orosz internacionalisták a Magyar Tanácsköztársaságért. Bp., 1973, 9. o.
- ⁷² Там же, С. 126
- ⁷³ Там же, С. 124–125; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 333, Оп. 10, Д. 11, Л. 49–59
- ⁷⁴ Интернациональное сотрудничество... С. 108.

- ⁷⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 549, Оп.5, Д. 62, Л. 47.
- ⁷⁶ *Petrák Katalin*. Op. cit., 116. o.
- ⁷⁷ *Ibidem*, 114-115. o.
- ⁷⁸ Интернациональное сотрудничество... С. 140-141
- ⁷⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1960, Т. 4, С.240–244
- ⁸⁰ *Petrák Katalin*. Op. cit., 38–41. o.
- ⁸¹ *Történelem és jelenkor*. Вр.,1989, 127. o.
- ⁸² Интернациональное сотрудничество...С. 167; *Történelem és jelenkor*, 125. o.
- ⁸³ *Petrák Katalin*. Op. cit., 55. o.
- ⁸⁴ *Ibidem*, 54. o.
- ⁸⁵ *Ibidem*, 55–57. o.
- ⁸⁶ *Держалюк Н.С.* Венгерские интернационалисты в Великой Отечественной войне. Киев, 1985, С. 15–16
- ⁸⁷ *Történelem és jelenkor*, 126. o.
- ⁸⁸ Интернациональное сотрудничеств..., С.168; *Történelem és jelenkor*, 126.o.
- ⁸⁹ *Petrák Katalin*. Op. cit., 131–132. o.
- ⁹⁰ *Йожа А., Милеу Д.* Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977, С. 329–330.
- ⁹¹ *Borsányi György*. Op. cit., 109. o.
- ⁹² РГАСПИ, Ф. 549, Оп. 1, Ед. хр. 41, Л. 17; *Йожа А., Милеу Д.* Указ. соч., С. 330
- ⁹³ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1, С. 290
- ⁹⁴ Интернациональное сотрудничество... С. 148
- ⁹⁵ Там же... С. 146–149
- ⁹⁶ Там же
- ⁹⁷ *Йожа А., Милеу Д.* Указ соч., С. 355–356; *Tanulságtevők...* 48. o.
- ⁹⁸ *Borsányi György*. Op. cit., 122–123. o.
- ⁹⁹ Интернациональное сотрудничество..., С. 171–172; *Történelem és jelenkor*, 128. o. ;
- ¹⁰⁰ *Petrák Katalin*. Op. cit., 127. o.
- ¹⁰¹ Там же, 173–174; *Ibidem*, 129–130. o.
- ¹⁰² Там же, С. 176–178
- ¹⁰³ Там же, С. 23
- ¹⁰⁴ *Hajdu Tibor*. *Károlyi Mihály Prágában*, 40–41. o.
- ¹⁰⁵ *Ibidem*, 42–43. o.
- ¹⁰⁶ *Ibidem*, 45. o.
- ¹⁰⁷ *Károlyi Mihályné*. *Együtt a forradalomban*. Вр., 1967, 334. o.
- ¹⁰⁸ *Köves Rózsa, Erényi Tibor*. *Kunfi Zsigmond életútja*. Вр. 1974, 384. o. Оригинал письма в РТИ Arch., 676. f., 2/18. ö.e.
- ¹⁰⁹ *Jászi Oszkár*ról, *Illyés Gyuláról beszélget Litván György*. *Dokumentum // Kortárs*,1983. 11. sz.,1790. o.
- ¹¹⁰ *Köves Rózsa, Erényi Tibor*. Op.cit., 155. o.
- ¹¹¹ *Károlyi Mihály*. *Válogatott írásai*. I. köt., Вр. 1964., 77–79. o.
- ¹¹² *Hajdu Tibor*. *Károlyi Mihály Prágában*, 45–46. o.
- ¹¹³ Цит. по: *Litván György*. *Irányzatok és viták a bécsi magyar emigrációban // História*, 1989., 6. sz., 14. o.
- ¹¹⁴ Документ хранится в венгерском Архиве Политической истории, Ф. 676, ед. хр. 2/18.; См. также: *Hajdu Tibor*. *Károlyi Mihály és az MKP kapcsolatáról a huszas években // Párttörténeti Közlemények*, 1971, 2. sz., 145. o.
- ¹¹⁵ *Ibidem*, 50–52. o.

- ¹¹⁶ *Major Ottó*. Az ember. Portrévázlat Lengyel Józsefről // Látóhatár, 1982. november, 20. o.
- ¹¹⁷ *Károlyi Mihály*. Hit, illúziók nélkül. Bp., 1977, 395. o.
- ¹¹⁸ Подробнее см.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., С.113–309.
- ¹¹⁹ *Károlyi Mihály* Válogatott írásai, 1920-1940. II. köt. Bp., 1964, 177–178. o..
- ¹²⁰ *Janek István*. Károlyi Mihály a csehszlovák-magyar viszony és lakosságcseré rendezéséért 1945–1948 között // Századok, 2004., 1. sz., 210. o.
- ¹²¹ Об этом подробнее см.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944–1948. М. С. 211–284
- ¹²² *Károlyi Mihály harca* // Kortárs, 1966., 1. sz., 152. o.
- ¹²³ *Jászi Oszkár*. Magyar Kálvária és magyar Föltámadás. Bp., 1989.
- ¹²⁴ *Ibidem*, 37. o.
- ¹²⁵ *Ibidem*, 42. o.
- ¹²⁶ *Ibidem*, 127–128. o.
- ¹²⁷ *Ibidem*, 128–129. o.
- ¹²⁸ *Sükösd Mihály*. Jászi elvei // Élet és Irodalom, 1991. június 14.
- ¹²⁹ *Jászi Oszkár*. Magyar Kálvária..., 38. o.
- ¹³⁰ *Hajdu Tibor, L. Nagy Zsuzsa*. Op. cit., 90. o.
- ¹³¹ *Hajdu Tibor*. A két világháború..., 80. o.
- ¹³² *Ibidem*, 82 - 84. o.
- ¹³³ *Jászi elvei* // Élet és Irodalom, 1991. június 14
- ¹³⁴ *Ibidem*
- ¹³⁵ *Ibidem*
- ¹³⁶ *Ibidem*
- ¹³⁷ *Ibidem*
- ¹³⁸ *Köves Rózsa, Erényi Tibor*. Op. cit. 7- 389. o.
- ¹³⁹ *Mucsi Ferenc, Szabó Ágnes*. Kunfi Zsigmond.// Kunfi Zsigmond válogatott írásai. Bp., 1984, 18. o.
- ¹⁴⁰ *Ibidem*, 20–21. o.
- ¹⁴¹ *Varga Lajos, Szabó Ágnes*. Op. cit., 53–59. o.
- ¹⁴² *Ibidem*, 68. o.
- ¹⁴³ *Tanuságtevők*. 4/a. Bp., 1981, 154. o.
- ¹⁴⁴ *Varga Lajos, Szabó Ágnes*. Op. cit., 69. o.
- ¹⁴⁵ *Ibidem*, 70. o.
- ¹⁴⁶ *Mucsi Ferenc, Szabó Ágnes*. Op. cit., 23. o.
- ¹⁴⁷ *Köves Rózsa, Erényi Tibor*. Op. cit., 146. o.
- ¹⁴⁸ *Ibidem*, 150. o.
- ¹⁴⁹ *Varga Lajos, Szabó Ágnes*. Op. cit. 79-80. o.; Előre, 1929. május 1
- ¹⁵⁰ *Ibidem*, 80-81. o.
- ¹⁵¹ *Mucsi Ferenc, Szabó Ágnes*. Op. cit., 29. o.
- ¹⁵² *Garbai Sándor*. Kunfi Zsigmond // *Varga Lajos, Szabó Ágnes*. Garbai Sándor. 1879–1947. Bp., 1987, 186. o.
- ¹⁵³ Статья полностью опубликована в документальном приложении книги: *Köves Rózsa, Erényi Tibor*. Op. cit., 348–349. o.
- ¹⁵⁴ Подробнее см.: *Zselicki Béla*. A Bethlen-kormány és a magyarországi ellenforradalmi rezsim konszolidációjának politikája. // Közép-és Délkelet-Európai államok a két világháború között. Bp., 1986. 130–143. o. ; *Borsányi György*. Op. cit., 29–33. o.
- ¹⁵⁵ *Köves Rózsa*. A kiátkozott emeber // *Valóság*, 1987., 6. sz., 80. o.
- ¹⁵⁶ *Varga Lajos, Szabó Ágnes*. Op. cit., 90. o.
- ¹⁵⁷ *Ibidem*, 92. o.; Документальное приложение к книге: *Garbai Sándor levele a Szovjet kormánynak Magyarország helyzetéről és békefeltételek kérdéséről*. 206–207. o.

- 158 См.: Кун, Бела. Избранное... С. 20.
- 159 *Petrák Katalin*. Magyarok a Szovjetunióban, 1922–1955. Bp., 2000, 71, 154. o.
- 160 Alprái Gyula // *Pártélet*, 1982., 1. sz., 78–80. o.
- 161 *Комат, Ирен*. История «Инпрекора». Бюллетень мирового коммунистического движения. М., 1981, С. 56–57.
- 162 См.: *Radó Sándor*. Dóra jelenti... Bp., 1978
- 163 *Petrák Katalin*. Op. cit., 66. o.
- 164 *Ibidem*, 67. o.
- 165 Haasz Árpád // *Pártélet*, 1986., 7. sz., 88–90. o.
- 166 *Varga Lajos*. Pogány József // Pogány József válogatott írásai. Bp., 1987., 5–26. o.
- 167 Gábor Andor // *Pártélet*, 1984., 1. sz., 90–91. o.
- 168 *Gergely Jenő*. Op. cit., 56–57. o.
- 169 *Borsányi György*. Kun Béla 1928-as bécsi letartóztatása. // *Párttörténeti Közlemények*, 1975., 2. sz., 169. o.
- 170 *Ibidem*, 170., o.
- 171 Кун, Бела. Избранное... С. 348–349.
- 172 *Petrák Katalin*. Op. cit., 118–119. o.
- 173 *Ibidem*, 142. o.
- 174 Интернациональное сотрудничество... С.180–181; Garasin Rudolf // *Pártélet*, 1985, 3. sz., 88–89. o.
- 175 Там же, С. 181–183; *Történelem és jelenkor*, 134–136. o.; Подробнее см.: *Szabó János*. Internacionisták Kirgíziában. Bp., 1975.
- 176 *Petrák Katalin*. Op. cit. 140. o.
- 177 Tanúságtévők, 42. o.
- 178 *Ibidem*, 386. o.
- 179 *Ibidem*, 141. o.
- 180 Интернациональное сотрудничество... С.183–184; 186–187
- 181 Там же, С. 187–188
- 182 Там же, С. 193–194
- 183 *Történelem és jelenkor...*, 139. o.
- 184 *Petrák Katalin*. Op. cit., 155–156. o.
- 185 Интернациональное сотрудничество..., С. 189–190; *Történelem és jelenkor...*138–139. o.
- 186 *Nagy István*. Op.cit, 382. o.
- 187 *Petrák Katalin*. Op. cit., 145. o.
- 188 *Ibidem*, 237. o.
- 189 *Ibidem*, 231–234. o.
- 190 ГАРФ, ф. 5451, Оп. 18, Д.13, Л. 318–319
- 191 Интернациональное сотрудничество... С. 188–189
- 192 ГАРФ, Ф. 5451, оп. 18, д. 13, л. 319
- 193 Там же, Л. 320–321
- 194 *Petrák Katalin*. Op. cit., 160–161. o.
- 195 Интернациональное сотрудничество..., С/ 195–196
- 196 Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Дёрдь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001, С. 3,7; Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. М., 2001, С. 80–84, 166–170;
- 197 A magyar forradalmi munkásmozgalom története, 2.. köt. Bp., 1967, 89. o.
- 198 Беседы на Лубянке..., С.12–61
- 199 *Hamburger Jenő* // *Pártélet*, 1983. 5. sz. 85.o.
- 200 *Hevesi Gyula* // *Pártélet*, 1980., 7. sz., 81–82. o.
- 201 *Hevesi Ákos* // *Pártélet*, 1984., 7. sz., 93–94. o.
- 202 *Zoltán Vince*. A rajongó. A „filmес” Balázs Béláról. // *Filmvilág*, 1984., 8. sz., 20. o.

- ²⁰³ Там же, С. 200–201; *Benedek Marcell*. Világirodalom a XX. században. Világirodalom III. Bp., 1969, 113–114, 123–125. o.
- ²⁰⁴ Illés Béla // *Pártélet*, 1985., 3. sz., 89–91. o.
- ²⁰⁵ *Kritika*, 1982. 9. sz., 9–10. o.
- ²⁰⁶ *Magyar Lajos* // *Pártélet*, 1981., 11. sz., 90–91. o.
- ²⁰⁷ См.: *Párttörténeti Közlemények*, 1968., 1. sz., 185. old ; *A legendás Mirkó*. *Lapok Pataki Ferenc életéből* // *Szovjetunió*, 1984., 5. sz., 54–55. o.
- ²⁰⁸ *Petrák Katalin*. *Op. cit.*, 193. o.
- ²⁰⁹ *Ibidem*, 188–192. o.
- ²¹⁰ *Ibidem*, 178–179, 235. o.
- ²¹¹ *Ibidem*, 197–200.
- ²¹² *Ibidem*, 201–205. o.
- ²¹³ *Ibidem*, 248–249. o.
- ²¹⁴ *Ibidem*, 250–252. o.
- ²¹⁵ См.: *Бела Кун*. *Избранное...* М., 1986; *Б. И. Желицки*. *Бела Кун* // *Вопросы истории*, 1998, № 1, С. 58–81
- ²¹⁶ *Vági István* // *Pártélet*, 1983., 7. sz., 86–87. o.
- ²¹⁷ *Petrák Katalin*. *Op. cit.*, 217–221. o.
- ²¹⁸ *Ibidem*, 272. o.
- ²¹⁹ *Ibidem*, 276–277. o.
- ²²⁰ *Ibidem*, 291. o.
- ²²¹ *Ibidem*, 289. o.; *Zemskov V. M.* *A gulag tényekben, adatokban*. Bp. 1991, 58. o.
- ²²² *Varga Éva Mária*. *Op. cit.*, 199–201. o.
- ²²³ *Держалюк Н.С.* *Указ. соч.*, С. 16; *Dombrády Loránd, Tóth Sándor*. *A Magyar Királyi Hadsereg 1919–1945*. Bp., 1987, 444. o.
- ²²⁴ *Nógrádi Sándor*. *Új történet kezdődött*. Bp., 1966., 147–145. o.
- ²²⁵ *Dombrády Lóránd, Tóth Sándor*. *Op. cit.*, 444–445. o.
- ²²⁶ *Дёркеи Енё, Комра Дёрди*. *Славные революции. История боевых знамен венгерской революции и освободительной борьбы 1848–1849 годов*. Будапешт, 2000. С. 11
- ²²⁷ *Magyar Nemzet*, 1995. április 2.
- ²²⁸ *РГАСПИ*, Ф. 495, Оп. 74, Д. 118, Л. 2–3.
- ²²⁹ Там же, Л. 3.
- ²³⁰ Там же, Л. 4.
- ²³¹ *Немеш, Дежё*. *Пятидесятилетие Советского государства и Венгрия*. М., 1967, С. 89–90
- ²³² *Dombrády Lóránd, Tóth Sándor*. *Op. cit.*, 175–185. o.
- ²³³ *Фришнер, Ганс*. *Проигранные сражения*. М., 1966, С.176
- ²³⁴ *Nemes Károly*. *Sodrásban... A magyar film 25 éve 1945–1970*. Bp., 1972, 57–60. o.

Раздел III

ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИОННАЯ ВОЛНА: ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ ВЕНГРИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава 1

Венгерские беженцы новой мировой войны и размещение эмигрантов по странам мира.

1. Геополитическая обстановка и миграционный процесс.
Предвоенный уход из страны интеллектуалов –
предвестник новой эмиграционной волны

Геополитическая обстановка второй половины 1930-х годов характеризовалась явными изменениями баланса политических сил в Центральной и Восточной Европе, укреплением и возрастанием роли и влияния гитлеровской Германии и Советского Союза в регионе. Восходящий потенциал этих государств сопровождался появлением и расширением их идеологической экспансии и ростом политического влияния, а также явной несостоятельностью и шаткостью конструкции европейской системы безопасности, созданной версальскими миротворцами. Причин тому было немало. Если посмотреть на исторические аспекты данного явления, то нельзя пройти мимо констатации того ключевого обстоятельства, что расформирование Австро-Венгерской монархии не решило проблемы Центральной и Юго-восточной Европы. Конструирование на её развалинах в Версале системы малых, так называемых национальных государств, по сути, даже усугубило национальные противоречия в регионе (новые государства, которые возникли на её месте, на деле оказались такими же многонациональными, как бывшая империя). При этом с исчезновением монархии был нарушен важный, веками существовавший фактор европейского равновесия.

Версальские миротворцы, осуществляя в 1920 г. государственно-политическое переустройство на континенте, мотивировали свои действия, кроме всего прочего, стремлением искоренить межнациональную рознь в Средней Европе. Однако, перекроив политическую карту региона по-своему усмотрению и без достаточной дальновидности (практически пренебрегли веками

сложившимися этническими границами), они, по сути, не разрешили существовавшие противоречия, а лишь на некоторое время заглушили их. Более того, ликвидировав монархию и создав систему малых «национальных» государств, миротворцы не только ослабили регион, но и заложили под него новую этническую мину замедленного действия, которой впоследствии воспользовалась окрепшая и восходящая в 30-х годах гитлеровская Германия. История показала, что разрозненные малые государства новой европейской конструкции не способны выполнять ту функцию европейского равновесия, баланса сил, которую веками играла на континенте расформированная и поделённая миротворцами на части бывшая монархия. И ещё одно обстоятельство: желая того или нет, к концу десятилетия все малые государства Срединной Европы оказались в тени упомянутых двух окрепших, восходящих и мощных держав, в зоне противостояния двух колоссов – Германии и СССР.

В условиях 30-40-х годов XX столетия отмеченный географический и исторический фактор не замедлил отразиться на судьбе каждой из малых стран Срединной Европы. При этом, находясь вблизи или между двумя окрепшими и восходящими гигантами («между Гитлером и Сталиным»), они сами не могли избежать своей участи – оказались в зоне их влияния и соперничества, в сфере их идеологического, политического и силового воздействия. Страны региона становились объектом территориальных претензий или жертвами агрессии, другие в той или иной форме были вовлечены в вынужденные союзнические отношения, становились «сателлитами».

Окрепшая Германия с приходом к власти А. Гитлера сразу же взялась за «собрание немецких земель» и под знаком восстановления германского единства приступила не только к расширению сферы своего влияния, но и увеличению «жизненного пространства» (Lebensraum). Первыми жертвами на его пути оказалась Австрия («Аншлюс», март 1938 г.), а затем (с октября 1938 г.) и сотворённое Версалем в 1920 г. новое «национальное» государство, Чехословакия. Она обладала значительным немецким населением и поэтому не пережила даже 20-летие своего образования. В дальнейшем, как известно, гитлеровской Германии удалось поставить себе на службу значительную часть Европы, которая не сумела противостоять её экспансии. А ведь малые «национальные» государства Срединной Европы, раздираемые межнациональными противоречиями, как отмечалось, на противостояние оказались не способны.

Германское внимание не была лишена и Венгрия, которая со второй половины 30-х годов постоянно ощущала на себе растущее идеологическое и политическое воздействие гитлеровского национал-социализма, сопровождавшегося также политическим давлением со стороны третьего рейха. В середине десятилетия венгерское правительство Д. Гёмбёша (он лично симпатизировал идеологии национал-социализма и явным успехам новой германской власти в сфере социальной политики, считал их образцом для подражания) было готово открыть пути для экспансии этой идеологии в страну. Однако, пришед-

ший ему на смену в 1937 г. кабинет К. Дарани уже счёл необходимым перекрыть каналы перед её дальнейшим распространением в Венгрии и решил ограничить деятельность такого рода организаций. При нём была запрещена созданная отставным армейским генералом генштаба Ференцем Салаши (Салашьяном) (1897–1946) профашистского толка *партия скрещённых стрел* (отсюда её название – нилашистская) и её символика. Однако «вождю» этой партии, который пользовался гитлеровским покровительством, уже в самом конце года удалось возродить её под другим, распространенным тогда в регионе названием – *национал-социалистической партии*, которая проповедовала при этом те же идеи и также прибегала к социальной демагогии.

Весной 1938 г. к власти в Венгрии пришло правительство во главе с Бела Имреди, которое представляло интересы крупной буржуазии и финансового капитала. Чтобы оградить Венгрию от фашистского влияния извне и ограничить возможности распространения в стране нилашистских взглядов и устремлений, помешать деятельности подобного типа организаций, это правительство решилось на вынужденные и срочные меры. Одновременно был принят закон, в соответствии с которым государственным служащим запрещались членство и деятельность в организациях и союзах, устремления которых противоречили «законному порядку». Судебным решением сам Салаши тогда же оказался на три года в тюремном заключении. Осуществлённый нацистской Германией «аншлюс» Австрии и не безызвестные дипломатические успехи фюрера в Мюнхене (29 сентября 1938 г.), которые привели к отделению от Чехословакии и воссоединению с Германией территорий с немецким населением, изменили ситуацию в регионе. Эти сдвиги, как известно, придали силы и венгерским правящим кругам, стимулировали их на активные *дипломатические* акции, преследовавшие возвращение Венгрии части территорий, компактно населённых венграми в сопредельных странах. Однако, как выяснилось, это было неосуществимо без поддержки Германии. Отмеченные перемены и, прежде всего, стремительный рост политического веса и влияния фюрера в регионе, в свою очередь, привели к оживлению и росту активности прогерманских элементов и групп в самой Венгрии. Это особенно ощущалось среди этнических немцев (Volksdeutsch), в результате чего нилашисты в 1939 г. уже стали одной из *оппозиционных* партий страны, пользовавшихся внешним покровительством самого фюрера.

В сложившихся условиях не удивительно, что из Венгрии в канун Второй мировой войной, вопреки благоприятной экономической конъюнктуре, снова началась эмиграция на Запад. Правда, ею тогда были охвачены преимущественно представители интеллектуального труда, опасавшиеся роста нацистской угрозы. И это не удивительно, ведь некоторые из венгерских граждан еврейской национальности, работавшие до 1933–1935 гг. на территории Германии и Австрии, уже испытали на себе давление нацизма. Вернувшись в Венгрию, они после «аншлюса» (1938 г.) уже не чувствовали себя и там

в безопасности, и в поисках более надёжного убежища отправлялись в эмиграцию. Такой предвоенной эмиграцией были охвачены, однако, лишь малочисленные группы населения, которые стали предвестниками предстоящей эмиграционной волны, вызванной новой мировой войной. Тем не менее, в этом потоке эмигрантов оказалось немало известных в будущем людей, занятых преимущественно в области науки, культуры, искусства, торгово-промышленной и финансовой деятельности.

Предвоенный эмиграционный поток, хотя и не приобрел значительных масштабов, а тем более массовости (ограничения въезда в США сохранились), – поэтому несравним даже со всплеском экономической или политической эмиграции начала 1920-х годов, – тем не менее, проявив себя в 1938 – 1941 гг., он оставил заметный след в истории эмиграции, исходившей из Венгрии. Причиной тому были именно задействованные в этом потоке эмиграции интеллектуалы, уроженцы страны, которые уже являлись либо впоследствии стали широко известными личностями, проявившими себя в разных областях знаний. Эмиграция многих, выехавших тогда из Венгрии представителей науки и культуры, – помимо того, что за рубежом их ожидали более благоприятные условия и технические возможности для проведения научно-исследовательской работы и прочей творческой деятельности, – тем не менее, была вызвана явным предчувствием ими надвигающейся беды. Вместе с этой категорией учёных-эмигрантов и деятелей культуры из страны эмигрировали также представители свободных профессий (преподаватели, инженеры, врачи, артисты, предприниматели и деловые люди, занятые в торговле и бизнесе). Основная часть эмигрантов из Венгрии направлялась в Великобританию либо через неё выезжала в другие страны мира, совершая т. н. «ступенчатую эмиграцию», в результате которой в итоге оказывалась преимущественно в США.

Хотя этот предвоенный эмиграционный поток непосредственно ещё не был связан с приближавшейся мощной волной эмиграции, вызванной Второй мировой войной, он так или иначе уносил из Венгрии *вынужденных эмигрантов*. При этом они далеко не обязательно исповедали левые политические взгляды, но по убеждению, безусловно, принадлежали к антифашистским кругам городских интеллектуалов. Как справедливо отмечала в этой связи исследовательница Ю. Пушкаш, изучавшая специально данную проблему, – ссылаясь при этом на конкретные данные венгерской эмиграционной статистики, – около 25% всех эмигрантов, выехавших в США за 1938–1941 гг., составляли интеллигенты, а почти половину – предприниматели и торговый люд. Характерно также, что по религиозной принадлежности 50% граждан, уехавших из страны на Запад в те же годы, составляли венгерские иудеи. По мнению исследовательницы, это лишний раз подтверждает вынужденный характер их эмиграции. Для сравнения целесообразно отметить, что венгерские крестьяне и сельскохозяйственные рабочие были представлены среди эмигрантов за те же годы всего 8,1 процентами. Среди оказавшихся в США

эмигрантов их удельный вес был ещё меньше¹. Иммиграционная служба Соединенных Штатов в конкретном исчислении зарегистрировала за 1939 г. в общей сложности 1348 прибывших туда венгерских граждан, а в 1940 г. число прибывших в эту американскую страну иммигрантов составлял 1902 чел. В дальнейшем разразившаяся Вторая мировая война полностью перекрыла возможность венгерской эмиграции в США.

С 1930 г. американская иммиграционная служба, судя по данным литературы, предоставляла европейцам визу на въезд в США лишь в случае наличия у эмигранта денежных средств, достаточных для его проживания в стране. При этом не учитывалось, что с середины 30-х годов всё больше евреев, в том числе из Венгрии, намеревалось обосноваться именно в этой богатейшей стране Америки, стремясь оказаться как можно дальше от основного источника нацистской опасности. Учитывая такую ситуацию и пытаясь оказать содействие своим, желавшим эмигрировать из Венгрии евреям, но не располагавшим достаточными средствами для въезда США, официальные венгерские власти в конце 30-х годов по просьбе еврейских организаций страны обратились к правительствам разных стран Южной Америки с целью выяснения возможностей приёма ими венгерских евреев. Однако, как свидетельствуют донесения, поступившие из стран этого региона в венгерский МИД, «правительства южноамериканских государств больше на словах, чем на деле выражали готовность принять иммигрантов без расовых и религиозных различий». В то же время в устной и доверительной форме они сообщали о своём нежелании принимать их, хотя при этом были согласны на приём как можно больше венгерских крестьян в качестве «колонистов для работы исключительно в сельском хозяйстве». Лишившись надежды договориться с южноамериканцами принять значительные группы евреев, МИД Венгрии так информировал об этом представителей еврейских организаций: «Все страны, которые мы ранее могли считать целевыми, ввели ограничения на приём, что делает почти невозможным массовый выезд туда бедных еврейских слоёв... Нашими же односторонними мерами удовлетворительно решить вопрос о выезде туда евреев невозможно»². По сути это означало, что правительственные круги Венгрии, если не могли оказать эффективного содействия и материальной поддержки для эмиграции представителям этих слоёв, то, всяком случае, не чинили препятствий их возможному выезду из страны.

В отношении общего числа эмигрантов, покинувших тогда Венгрию, следует отметить, что оно за несколько предвоенных лет и в первые годы новой мировой войны хотя и выросло, всё же оставалась на довольно низком уровне. В этом плане показательны некоторые сведения иммиграционной службы США об иммигрантах, прибывших в эту страну из Венгрии в 1938–1940 гг. Служба иммиграции зарегистрировала в общей сложности 3276 прибывших из Венгрии. За те же годы венгерская статистическая служба зафиксировала в целом 5166 эмигрировавших из страны³. Иными словами, приток эмигран-

тов в США на рубеже 30-40-х годов по ряду причин так или иначе оставался незначительным. Соединенные Штаты тогда по-прежнему принимали преимущественно богатых и состоятельных людей с соответствующим капиталом, либо весьма известных и выдающихся личностей и специалистов, деятелей науки и культуры, но никак не массовых эмигрантов.

Среди покинувших Венгрию между двумя мировыми войнами (включая выехавших на рубеже 30-40-х годов) интеллектуалов было немало видных представителей культуры и искусства, а также науки (ученые-физики и математики, экономисты и химики), имена которых впоследствии стали известны всему миру. Здесь достаточно назвать хотя бы некоторые наиболее известные имена представителей науки, культуры и искусства. Большинство из них покинули страну именно в те годы, и уже за пределами Венгрии, в эмиграции стали известными, внося свой весомый вклад в развитие тех или других отраслей знаний. К таким, в частности, принадлежали:

– выдающийся венгерский композитор, пианист и педагог *Бела Барток* (1881–1945), ушедший в добровольную эмиграцию в США, где жил и творил вплоть до своей кончины в 1945 г. Уже в годы мировой войны, находясь за океаном, композитор стал активным участником движения «За независимую Венгрию», организованного графом М. Каройи. Композитор призывал своих коллег и соотечественников по эмиграции к участию в этом движении, в антифашистской борьбе, добиваясь свободы и независимости для Венгрии. Особенно актуальным стало это после оккупации страны гитлеровцами весной 1944 г. Правда, Барток и ранее, ещё в июне 1942 г., в одном из своих писем, которое направил двум деятелям венгерской культуры, работавшим в Голливуде Енё Задору и Йожефу Ремени, живущему в Кливленде, в частности, подчёркивал: «Нам, деятелям венгерской культуры, живущим в Америке и имеющим возможность свободно выражать своё мнение, пора отказаться от той, свойственной нам традиционной сдержанности, с которой мы относимся к политике»⁵;

– родившийся и получивший образование в Будапеште, а впоследствии приобретший мировую известность, как выдающийся американский математик и физик, *Янош (Джон) Нейман* (1903–1957). Он в 1930 г. эмигрировал из Венгрии в США, где внёс свой весомый вклад в теорию квантовой механики, в создание первых ЭВМ и в разработку методов их конкретного применения;

– ученый-биохимик, один из основоположников биоэнергетики, бывший профессор Сегедского университета *Альберт Сент-Дёрди* (1893–1986), в 1937 г. удостоенный Нобелевской премии за открытия в области биологии, в 1947 г. избранный также иностранным членом АН СССР, но затем эмигрировавший в США;

– химик, Нобелевский лауреат *Дёрдь (Георг) Хевеши* (1885–1966), получивший премию за свои открытия в области радиохимии. Над своими исследованиями он также работал в Германии, Дании и Швеции (премии удостоен в 1943 г.);

К ряду известных американских атомщиков, выходцев из Венгрии принадлежат такие еврейского происхождения ученые, как один из «отцов» американской атомной и термоядерной бомбы, физик *Эде* (Эдвард) *Теллер*⁵ (рожд. 1908 г.), работавший вместе с ним с 1939 г. в США *Лео Силард* (1898–1964), который обосновал возможность цепной реакции деления урана и вместе с Э. Ферми определил его критическую массу, участник создания первого в мире атомного реактора (1942 г.), выступивший впоследствии за запрещение ядерных испытаний.

Среди других учёных, выходцев из Венгрии, которым также приходилось заниматься проблемами «атомной галактики» уже за пределами своей страны и удалось достичь в своих изысканиях выдающихся результатов, числится также физик-теоретик *Енё* (Евгений, Эуген, Юджин) *Вигнер* (1902–1995). Он после окончания в Будапеште лютеранской гимназии по желанию отца был направлен на учёбу в тогдашнюю цитадель современной физики, в Берлинский университет, где посещал семинары А. Эйнштейна, М. Планка, М. фон Лойе. Получив специальность инженера-химика, Вигнер под руководством известного венгерского учёного Михая Полани, который преподавал в этом университете, написал докторскую диссертацию изнакомился с квантовой химией. На некоторое время вернулся в Венгрию и работал там, но, узнав об открытиях в квантовой механике, он снова уехал в Берлин, где по рекомендации своего руководителя начал работать в институте императора Вильгельма, затем написал книгу «Методика теории групп в квантовой механике». В 30-е годы XX века Енё Вигнера пригласили за океан преподавать в Принстонском университете, где впоследствии он и остался и работал на протяжении 60 лет. Его имя неотделимо от зарождения атомной эпохи в годы Второй мировой войны, равно как и от безопасного использования атомной энергии в мирных целях в послевоенный период. Вигнера с полным основанием называли первым в мире инженером по реакторам. За научные открытия в области теории атомного ядра, а также за участие в разработке первого американского ядерного реактора, Нобелевский комитет в 1963 г. удостоил его Нобелевской премии (вместе с М. Гёпперт-Майером и Д. Йенсенем) с мотивировкой «за развитие теории атомного ядра и элементарных частиц, а также открытие и применение основных принципов симметрии в квантовой механике»⁶.

Все названные выдающиеся учёные не только родились, но и получили базовое университетское образование (кроме Вигнера) в самой Венгрии. Некоторые из них какое-то время сначала работали в Германии, а затем эмигрировали в США. Список ряда других, несколько менее широко известных миру уроженцев Венгрии, которые также в межвоенные десятилетия оказались в западной эмиграции и впоследствии достигли выдающихся результатов и широкого признания в различных областях, можно бы продолжить. Характерно,

что многие из них выехали из Венгрии именно в преддверии Второй мировой войны, а затем, уже находясь в западной эмиграции, стали известными специалистами своего дела, профессионалами в самых различных сферах науки и техники, образования и культуры. Они, как и большинство названных нобелевских лауреатов-уроженцев Венгрии, также жили и работали преимущественно в США. Немало было и тех, кто уже в условиях эмиграции обосновал свою научную карьеру и работал в некоторых других странах мира. К их числу принадлежал, в частности, такой достаточно широко известный в мире науки выходец из Венгрии, как ученый-физик *Денеш (Деннис) Габор* (1900–1979). Он с 1927 г. работал в Германии, а затем в Великобритании, где совершил свои открытия в сфере голографии. Им была создана общая теория голографии и получены первые голограммы, за которые в 1971 г. также удостоился Нобелевской премии. Но в итоге Д. Габор характерным образом с 1967 г. также обосновался и жил в США. Среди других венгерских эмигрантов, которые увековечили своё имя за пределами своей родины, принадлежит и учёный *Янош (Джон) Полани* (род. 1929). Этот известный учёный физик и химик, также стал Нобелевским лауреатом (1986 г.), который совершил свои открытия в области динамики элементарных биохимических процессов. Он жил и работал в Канаде.

Называя имена этих видных учёных, выходцев из Венгрии, следует учитывать, что высшее базовое образование они получили на родине, но сделали свои открытия и стали широко известными в подавляющем большинстве уже за её пределами, в условиях эмиграции либо в качестве граждан других государств. Основной причиной эмиграции этих и многих других учёных, – помимо отмеченных обстоятельств, – стало, как правило, стремление к осуществлению своих научных идей. Но поскольку для их претворения в жизнь у Венгрии обычно не хватало средств и оборудования, должной материально-технической базы, условий для проведения научно-исследовательской работы и испытаний, они уезжали из страны. Как следствие, их открытия совершались далеко от родины, в более богатых и в научно-техническом отношении лучше оснащённых странах, где были возможности и условия для раскрытия научного таланта, для проведения необходимых опытов и испытаний. Характерно, однако, что хотя признание пришло к ним за пределами родины, они не забывали о своих преподавателях и годах учёбы, никогда не отказывались от своей принадлежности к Венгрии и всегда поддерживали связь с ней.

Отмечая эти обстоятельства, представляется целесообразным обратить внимание на некоторые принципиальные выводы, сделанные в этой связи американскими исследователями истории мировых научных открытий. Изучая и анализируя эти процессы, они зафиксировали, что среди выехавших из Венгрии на Запад эмигрантов, получивших высшее образование на родине,

весьма высок удельный вес людей, которые добились выдающихся успехов в ряде областей научных знаний. Констатируя этот факт и задаваясь вопросом о причинах такого явления, одни исследователи научных достижений не без основания отмечали, что хотя открытия совершались выходцами из Венгрии за её рубежами, а признание пришло к ним уже в других странах, базовые знания, на которых совершались их открытия, основываются и были получены ими на родине. Другие же аналитики истории научных открытий объясняют названный феномен с эмигрантами из Венгрии тем, что эта страна расположена на перекрестке дорог между Востоком и Западом, и поэтому на её подрастающие поколения благотворное воздействие оказывают различные европейские школы и ценности, взаимовлияние культур. Именно в этом они и видят секрет данного явления и богатство совершенных выходцами из Венгрии научных открытий, особенно удостоенных Нобелевских премий. При этом исследователи феномена подчёркивают, что в Венгрии всегда были и существуют хорошие научные школы, подготовленные педагоги, способные дать молодёжи прочный фундамент научного образования. Зарубежные же хорошо оснащённые научные центры позволяют воспитанникам этих школ проверить свои теоретические знания и реализовать свои идеи на практике⁷.

В связи с предвоенной эмиграцией из Венгрии мы лишь мимоходом затронули эти вопросы научной миграции на Запад, и хотя они, безусловно, заслуживали бы подробного освещения, как и деятельность каждого из названных Нобелевских лауреатов, сейчас ограничимся здесь всего одной цитатой из упомянутых анализов американских исследований по истории научных открытий. Она связана с попыткой объяснения причин и роли венгерской научной эмиграции, оценкой её вклада в развитие мировой науки: «Удивительно, что такая небольшая страна, как Венгрия, дала миру так много выдающихся людей в самых разных областях. Любое объективное исследование покажет, что в этой части света очень высок их удельный вес... Возможно, секрет заключается в венгерском плавильном котле, который годами притягивал к себе представителей многих национальностей Дунайского бассейна. А может быть, такая удивительная плодотворность является результатом взаимовлияния Востока и Запада. В большинстве случаев, однако, эти плоды созрели уже за пределами Венгрии, ученые, деятели искусства и писатели которой стали великими в чужих странах»⁸.

В дополнение к данному умозаключению здесь, видимо, уместно отметить, что настоящим и крупнейшим «плавильным котлом» с конца XIX века всё же являлись США, которые тем более притягивали к себе немало выходцев не только из Венгрии, но и самых разных регионов мира. Ведь у многих, вовлечённых в американскую эмиграцию европейских талантов, в т. ч. венгерских, подлинные способности нередко раскрывались именно в американских условиях, где для этого были созданы необходимые предпосылки. Характер-

ным образом не только первое поколение эмигрантов, выходцев из Центральной Европы, но и их дети также доказали свои способности в условиях США. Ярким примером тому является такой видный представитель второй генерации эмигрантов из Венгрии, каким был недавно скончавшийся крупный американский экономист XX века Милтон Фридман (1912–2007). Он вместе с Фридрихом Хайеком удостоился Нобелевской премии по экономике уже в 1974–1976 гг. В своё время родители Фридмана выехали в США из небольшого венгерского городка Бергсас (ныне Берегове в Украине). Правда, высшее образование он получил уже не в Венгрии, а в Чикагском университете, где впоследствии преподавал. Его поэтому и называли представителем «чикагской школы» экономики. Созданная им теория посвящена, как известно, вопросам монетаризма в политэкономии (исследованию взаимосвязи между прибылью и сбережениями). Именно он выдвинул и разработал монетарную теорию национального дохода и новый вариант количественной теории денег. Книга М. Фридмана «Капитализм и свобода» выражает идею, согласно которой эффективным может быть только та экономика, которая функционирует по принципу свободного рынка и без излишних регуляторов⁹. На деле это означало, что его теория одновременно базируется как на дополнении, так и на отрицании учения небезызвестного экономиста Дж. М. Кейнса. Профессиональный авторитет обоих учёных, как известно, в равной мере высок в современной экономической науке. С другой стороны, нельзя не отметить, что следование неолиберальной экономической философии Фридмана, – по следам которой в 80-90-е годы XX века государства стали выходить из сферы экономики и всё предоставлять саморегулирующемуся рынку (без госрегулирования), – к 2008–2009 годам привело к современному финансовому кризису как в США, так и в мире.

Некоторые из известных эмигрантов и учёных, покинувших Венгрию до Второй мировой войны, после её завершения возвратились на родину. К числу таких относился, например, упоминавшийся А. Сент-Дёрди, который стал затем действительным членом Венгерской академии наук. Однако, большинство ученых-эмигрантов из Венгрии пустило корни и окончательно обосновалось на Западе, где условия для их научно-исследовательской работы были несравненно более благоприятными. Конечно, не только учёным, но и эмигрантам многих других, особенно редких интеллектуальных профессий, оставивших пределы Венгрии, удалось не только развить полученные в юности на родине знания, добиться выдающихся успехов в своей области, сохранив при этом родной язык. Большинство из них, несмотря на послевоенный раскол мира на два лагеря, на «железный занавес», сумело сбегать и сохранить свои связи с научной средой и культурным сообществом Венгрии, а некоторым временами удавалось даже побывать на родине (так поступил, в частности, Э. Теллер в 90-х годах XX века).

2. Война и её воздействие на миграционный процесс. Потенциальные источники западной венгерской эмиграции

Исходившая из Венгрии *вторая мощная волна венгерской миграции на Запад*, развернувшаяся под воздействием Второй мировой войны, унесла из страны значительную часть населения. Этот процесс наблюдался в середине и во второй половине 40-х годов XX века. Волна этой массовой эмиграции началась осенью 1944 г. в виде нарастающего потока политических беженцев и части гражданского населения, уходивших в западном направлении и насильно эвакуированных властями, а за ними следовали ещё и отступавшие воинские формирования. Эта весьма значительная и сложная по своей структуре гражданская миграционная масса, не дождавшись прихода линии фронта, передвигалась в западную часть страны, а затем пересекла государственную границу с Австрией и продолжила своё движение. Впрочем, этот многолюдный миграционный поток на территории Австрии и Германии постоянно пополнялся беженцами других стран и народов, ведь этим процессом был охвачен весьма обширный регион Европы.

Массовый уход значительной части гражданского населения Венгрии из страны, который и положил начало *второй волне венгерской эмиграции*, явился далеко не организованным (если не считать людей, насильно вовлечённых в эвакуацию), а во многом стихийным процессом. Им была охвачена, выведена из страны значительная масса населения, многие из которых больше не вернулись в страну. Вынужденная миграция стала более-менее организованной только для военных, представителей госаппарата, для госслужащих разного уровня, чиновников административного аппарата и инженерно-технического состава эвакуированных предприятий. Правда, она затронула в основном только столицу и Задунайский край Венгрии, который после отстранения от власти главы государства М. Хорти оказался под властью ставленника фюрера, новоявленного «вождя нации» Ференца Салаша, основателя крайне правой нилашистской партии («скрещённые стрелы»).

Конкретные причины и исторические обстоятельства, вызвавшие массовую миграцию части населения страны, – а тем самым и *новую эмиграционную волну*, – так или иначе связаны со Второй мировой войной, в которую страна по ряду исторических обстоятельств оказалась вовлеченной. Чтобы понять, каковы были исторические предпосылки и какие конкретные обстоятельства толкали хортистскую политическую элиту Венгрии на вступление в антисоветскую войну, что заставляло часть населения на завершающем этапе войны покинуть родные места, стать беженцами и эмигрантами вдали от родных мест, необходимо их здесь хотя бы кратко обозначить. Для этого раскроем ключевые моменты истории.

Будучи одним из малых государств Средней Европы, Венгрия в предвоенных условиях и в годы начавшейся мировой войны упорно пыталась отсто-

ять свою независимость и избежать вовлечённости в разгоревшийся мировой конфликт. При этом не забывала о единокровных соотечественниках, оказавшихся после Первой мировой войны искусственно отделёнными от неё новыми государственными границами, надеясь добиться их возвращения в лоно материнской нации исключительно мирными политико-дипломатическим средствами. Именно эти два принципа – сохранение независимости страны и стремление к мирной ревизии в соответствии с этническими границами – определяли долгое время курс и внешнеполитические устремления Венгрии.

В начале марта 1938 г. Венгрия, практически не имея вооружённых воинских формирований (кроме ограниченных сил, необходимых для поддержания внутреннего порядка и защиты границ – 35 тыс. человек), способных защитить себя в случае внешней агрессии, в условиях возросшей военной опасности приняла оборонительную концепцию «вооружённого нейтралитета». С этой целью в 1938 г. была принята Дьёрская программа вооружения, которой предусматривалось формирование до середины 1940 г. небольшой национальной армии численностью до 85 тыс. человек для защиты страны от возможного внешнего вмешательства¹⁰.

Если захват Австрии гитлеровской Германией вызвал настороженность в политических кругах Венгрии, то принятые в Мюнхене – с одобрения четырёх великих европейских держав – решения об отторжении от Чехословакии населенной немцами Судетской области (это явилось явной уступкой Гитлеру и открыла перед ним путь к дальнейшему собиранию немецких земель), наоборот, также побудили хортистское политическое руководство к активным дипломатическим действиям в интересах возвращения стране населённых венграми территорий, утраченных в 1920 г. На примере Германии оно убедилось в возможности мирным путём добиться разрешения этой острой и болезненной для венгров национально-территориальной проблемы. Руководство страны сочло возможным, – а, исходя из национальных интересов, даже необходимым, – тоже поднять вопрос перед великими державами о пересмотре решений мирного договора с Венгрией в отношении компактно населённых венграми территорий вдоль границ страны, которые в трианонском зале Версаля в 1920 г. были отделены от неё. Ходатайство о венгерских территориальных коррекциях было подано на рассмотрение после того, как представители Франции и Англии, уставшие от долгих мюнхенских разбирательств, больше уже не проявили прямой заинтересованности в дополнительных заседаниях четырёх великих держав. Проведение разбирательства и принятие решений они поручили специальному арбитражному суду с участием Германии и Италии, министры иностранных дел которых, вместе с представителями заинтересованных государств (Чехословакии и Румынии), за столом переговоров рассмотрели конкретные вопросы и с общего согласия пришли к взаимной договорённости об удовлетворении просьбы Венгрии, что получило затем одобрение великих держав.

Первый Венский международный арбитраж 2 ноября 1938 г. вынес окончательное решение о возвращении Венгрии пограничной полосы на юге Словакии и равнинной части нынешнего Закарпатья – соответственно, с городами Кошице (Кашша), Ужгород (Унгвар), Мукачево (Мункач) общей площадью 11 927 кв. км. Население этих районов на 86,5% составляли венгры, 9,8% словаки¹¹.

Следует отметить, что решения арбитража не касались редко заселённых горных районов Подкарпатского края (части современного Закарпатья), с X века также постоянно находившегося в составе Венгерского Королевства, границы которого проходили по восточному хребту Карпат, соприкасаясь с Польшей. Венгерское население этих горных районов края составляло меньшинство (немногим более сорока тысяч человек) и проживало, в основном, в долинах и равнинных местах. Жителями гор являлись преимущественно подкарпатские русины, которых после Второй мировой войны официально стали называть украинцами.

После того, как в 1920 г. Подкарпатский край миротворцами Версаля был отдан Чехословакии, в его истории произошли крутые повороты. Население края, которому тогда Прага обещала, но затем так и не предоставила национальную автономию, после развала Чехословакии в 1938 г. заняло особое место в геополитических расчётах Гитлера. Фюрер на одном этапе вынашивал планы превратить населённое русинами горное Подкарпатье в своеобразную приманку, с помощью которой собирался реализовать идею отделения Украины от Советского Союза и присоединить её (Украину) к этому краю. Для реализации своих намерений фюрер был склонен предварительно создать в Карпатах, на восточной окраине распавшейся Чехословакии, карликовое украинское государство. К нему и полагал присоединить впоследствии всю Украину, предварительно превратив этот край в будущий плацдарм для своей восточной экспансии. Хотя в данном направлении при активном содействии подкарпатского украинофила Августина Волошина были сделаны определённые шаги¹², к весне 1939 г. ситуация в регионе в целом изменилась. Поменялись и планы Гитлера, который вслед за расчленением Чехословакии взял курс на захват Польши. Поэтому в изменившихся условиях, когда Словакия уже стала отдельной страной, интерес фюрера к горному Подкарпатью, как плацдарму будущей германской экспансии на Восток, окончательно отпал. Фюрер и его военные стратеги больше не интересовались этим краем. Они не возражали против его воссоединения с Венгрией, что и произошло 17–18 марта 1939 года. Венгерское политическое руководство с удовлетворением встретило возможность выхода страны к её прежним довоенным, исторически сложившимся вековым границам с Польшей, с которой Венгрия имела традиционно хорошие, добрососедские отношения. Кроме всего прочего, это позволило Венгрии разорвать сложившееся вокруг неё в межвоенные годы замкнутое

кольцо далеко не дружественных государств Малой Антанты, в которых проживало значительное венгерское национальное меньшинство.

Столь желанное для Венгрии соседство с Польшей оказалось, однако, не долговечным. Ведь осенью 1939 г. очередным объектом гитлеровской экспансии становилась именно Польша. Для этого предвительно создавались, как известно, соответствующие предпосылки и условия, в том числе дипломатическими средствами, а в итоге привели к её очередному разделу, причём уже посредством вооруженного захвата. Германия ещё в ноябре 1938 г. предъявила полякам свои претензии, среди них включение Гданьска (Данцига) в состав третьего рейха, что уже не раз было отвергнуто Польшей как требование, нарушающее суверенитет страны. Проведённые по этим вопросам трёхсторонние переговоры с участием Англии, Франции и СССР не дали результатов. Но 23 августа 1939 г., неожиданно для мировой общественности, в Москве было подписано советско-германское соглашение о ненападении с прилагавшимся секретным протоколом («пакт Молотова – Риббентропа»). Тогда же была достигнута договоренность по будущей совместной советско-германской границе. Спустя неделю после подписания этих документов гитлеровская Германия напала на Польшу, и началась Вторая мировая война, которая привела к оккупации и практически к новому разделу Польши. В результате непосредственным соседом Венгрии по линии старой вековой польско-венгерской границы стал Советский Союз, и между ними были восстановлены дипломатические отношения.

Осенью 1939 г. на территории Венгрии оказалось до 140 тыс. польских беженцев, значительную часть которых составляли военные. Первые группы беженцев там появились 10 сентября 1939 г., а с 17 сентября уже прибывали десятками тысяч. В отличие от сбежавших в Румынию поляков (где интернировали даже польское правительство), в Венгрии они нашли надёжное убежище. Весной 1940 г. польские военные (около 70 тыс. солдат и офицеров) под руководством генерала Ст. Дембиньского и при содействии венгерского правительства окольными путями в большинстве своём были переправлены в Англию. При этом в Венгрии вплоть до конца войны оставалось также значительное число польских гражданских беженцев, размещённых в отдельных поселениях вблизи Балатона. Как эмигранты, они пользовались покровительством венгерских властей даже в условиях гитлеровской оккупации страны и имели свои собственные организации, а для польских детей венгры открыли школы с преподаванием на их родном языке. В Венгрии всю войну работали 30 начальных школ с польским языком обучения, несколько гимназий и лицеев, а 500 молодым полякам предоставлялась возможность обучаться в венгерских университетах¹³.

Между тем прошёл и второй Венский международный арбитраж, который при участии венгров и румын разбирал венгерские территориальные претен-

зии к Румынии. Им 30 августа 1940 г. был вынесен вердикт о возвращении Венгрии территории Северной Трансильвании вместе с землями секейев (венг. этническая группа), проживающих отдельным этническим массивом. Общая территория, возвращенная Венгрии решением арбитража, составляла 43101 кв. км с населением 2,4 млн., из которых 51,4% составляли венгры, 42,1% румыны, а остальные – преимущественно трансильванские немцы¹⁴. Южная Трансильвания, которая до Первой мировой войны также находилась в составе Венгрии, была оставлена за Румынией. Там проживало свыше 400 тыс. венгров.

Отмеченные выше национально-территориальные коррекции, осуществлённые в результате двух международных Венских арбитражей и ознаменовавшиеся возвращением Венгрии большей части населенных венграми территорий, были с удовлетворением встречены не только политическим истеблишментом, но и всем населением страны. Они закономерно воспринимались венграми как акт восстановления, торжества справедливости. Вместе с тем, нельзя пройти мимо одного небезразличного обстоятельства. Урегулирование, хотя и было достигнуто при поручительстве и с молчаливого согласия Англии и Франции, но всё же благодаря активному участию в конкретном арбитражном разбирательстве Италии и Германии. А это не оставляло сомнений в том, что гитлеровское руководство (влияние и воздействие которого на регион Серединой Европы существенно возросло) раньше или позже предъявит свой счёт и хортистской Венгрии за своё участие в разрешении проблемы. Собственно сам факт возвращения стране части населенных венграми территорий повлиял и не мог не отразиться на позициях и дальнейших действиях венгерской политической элиты в отношениях с Германией. Венгерские официальные круги, безусловно, становились более уступчивы и склонны к сближению с Германией, тем более, что без её участия больше не решалась ни одна проблема в Европе. Здесь достаточно сослаться на уже упомянутое предоставление Фольксбунду прав на исключительное представительство интересов немецкого меньшинства в самой Венгрии. Венгерская политическая элита ранее ещё отказывала фюреру не только в участии в военной кампании против Польши, но даже в пропуске через свою территорию гитлеровских войск для проведения военной агрессии против этой сопредельной страны. В новых условиях, однако, руководство рейха уже легко получило согласие на свободную переброску через венгерскую территорию в Румынию танковых колонн и 45–50 тыс. немецких солдат, направленных якобы для защиты нефтяных скважин этой страны (впоследствии они использовались в антисоветской агрессии). И ещё одно далеко не безразличное обстоятельство, правда, достигнутое уже под прямым гитлеровским давлением. Оно свидетельствовало уже о многом. В конце ноября 1940 г. Венгрия в Вене вместе с Румынией и Словакией присоединилась к выросшему на базе Антикоминтерновского пакта (1936 г.) тройственному военному союзу, который был заключён в сентябре 1940 г.

в Берлине между Германией, Японией и Италией. А это по сути уже означало отказ хортистского политического руководства от провозглашённого курса на «вооруженный нейтралитет», что в итоге со временем привело к вступлению страны в антисоветскую войну.

После того, как 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на СССР и к ней присоединились Италия, Финляндия и Румыния, венгерское политическое руководство, оказавшись под немецким давлением, вначале попыталось ограничиться лишь разрывом дипломатических отношений с СССР. Сделав 24 июня такой жест в сторону Берлина, официальные круги Будапешта надеялись тем самым избежать вовлечения страны в антисоветскую войну. Однако данный шаг явно не удовлетворил фюрера, и Венгрия тут же ощутила не себе возросшее давление со стороны германской военщины. Кстати, на это впоследствии указывалось также в меморандуме главы венгерской делегации Габора Фараго советскому руководству от 29 октября 1944 г. во время переговоров о перемирии в Москве: «Венгерские генералы немецкого происхождения также оказывали величайшее давление на регента [Хорти] и правительство, чтобы добиться участия [Венгрии – Б. Ж.] в русско-германской войне, причём их действия координировались из Берлина, откуда сообщали премьер-министру Бардоши, что нейтральная позиция Венгрии будет расцениваться как недружественный акт» в отношении Германии¹⁵. Вслед за Румынией 25 июня 1941 г. в антисоветскую войну на стороне Германии вступила и Словакия. На следующий день, 26 июня, на востоке страны произошёл провокационный налёт неизвестных самолётов на венгерскую железнодорожную линию на участке Рахо–Мункач и бомбардировка ими же города Кашша (число жертв: 32 убитых, 60 раненых). При том, что две соперницы Венгрии уже стали участницами войны на стороне Германии, а совершившие налёт самолёты были признаны советскими, в политических кругах Венгрии всё это сочли достаточным основанием, чтобы правительство Ласло Бардоши (при рождении фамилия Бадэр) 27 июня заявило о *наступлении состояния войны* (casus belli) Венгрии с Советским Союзом. Венгрия, таким образом, оказалась вовлечённой в антисоветскую войну, и для демонстрации участия в ней 1 июля 1941 г. направила на восточный фронт войска численностью 45 тыс. человек¹⁶.

Приводя эти сведения об обстоятельствах втягивания Венгрии в войну, небезынтересно сослаться на его мотивы. Они обозначены в памятной записке начальника генштаба венгерской армии Генриха Верта от 16 июля 1941 года. Генерал-полковник объяснял необходимость вступления Венгрии в войну тем, что она не должна отставать от соседей, ибо только так может уберечь целостность государства. Он считал также важным способствовать ослаблению восточного соседа и участвовать в борьбе против большевизма¹⁷. Такой подход вполне соответствовал идеологическому настрою хортистской политической элиты, представители которой однажды (в 1919 г.) уже пережили утверждение в стране коммунистической диктатуры. При этом следует подчеркнуть, одна-

ко, что у Венгрии никогда не было никаких притязаний на территории восточнее Карпатского хребта. В сложившихся условиях 1941 г. у хортистского руководства возникли явные опасения пренебречь германскими ожиданиями, полагая, что это вызовет недовольство Берлина и приведёт к потере доверия фюрера. Оно не могло оставаться сторонним наблюдателем, когда в войну на стороне Германии уже выступили румыны и словаки. Это руководство опасалось, что ситуация может обернуться повторной утратой лишь недавно возвращённых стране территорий с венгерским населением. В результате Венгрии благодаря дипломатическим действиям (два Венских арбитража) удалось мирным путём, за столом переговоров с Прагой и Бухарестом, добиться урегулирования государственных границ с этими соседями, провести их так, чтобы они больше учитывали национально-этнические особенности. Рисковать этими завоеваниями хортистская Венгрия не хотела. В результате, летом 1941 г. она также оказалась вовлечённой в бессмысленную для неё антисоветскую войну. Она вступила и участвовала в ней уже вместе с возвращёнными ей за столом переговоров землями (её территория вместо трианонских 93 тыс. кв. км занимала 171 тыс. кв. км) и возросшей численностью населения (она выросла с 9,3 млн. до 14,6 млн. человек)¹⁸. Так или иначе, политическое руководство Венгрии по отмеченным причинам не сумело противостоять гитлеровскому давлению. Была втянута в антисоветскую войну. После разгрома немцев под Сталинградом хортистское руководство страны, подчинившись неоднократно требованию Гитлера, направило на восточный фронт 2-ю венгерскую армию (180 тыс. чел.), которая в январе 1943 г. на Дону потерпела катастрофическое поражение¹⁹.

Вслед за этим хортистские круги начали стремительные поиски выхода Венгрии из войны. В этом направлении активно действовало уже новое правительство страны во главе с премьер-министром Миклошем Каллаи, считавшим «основной целью своего кабинета отход от Берлина». При этом он пользовался поддержкой Хорти, который и сам добивался «отзыва войск из России»²⁰. Иными словами, он предпринимал попытки вернуть остатки венгерских войск на родину, искал возможности заключения сепаратного мира. В этом направлении были сделаны шаги и предпринимались конкретные действия с тем, чтобы вывести страну из войны, однако все они, по ряду независимых от Венгрии обстоятельств, кончились неудачей. Но эти действия были замечены гитлеровцами и вызвали ответную реакцию. Фюрер, не желая терять контроль над стратегически столь важной, а в военном, продовольственном и даже в энергетическом отношении ключевой для немецкой обороны Венгрией, он решился на далеко не привычный шаг в отношении своей вынужденной и поэтому ненадёжной союзницы, которую её недруги впоследствии часто именовали «последним сателлитом» Германии.

В середине марта 1944 г., стремясь помешать выходу Венгрии из войны, гитлеровские войска оккупировали её. Многие представители национального

антифашистского сопротивления были арестованы гестапо и оказались в заключении или в концлагерях вместе с венгерскими евреями, депортация которых началась с восточных регионов страны (с территорий современного Закарпатья, Юго-Восточной Словакии и северо-восточной Трансильвании). Согласно отчёту неизвестного гитлеровского агента Венгрии Э. Везенмайера до июля 1944 г. из страны в общей сложности вывезли до 440 тыс. венгерских евреев. Из выживших после германских концлагерей больше половины неохотно возвращались в страну и эмигрировали на Запад. В трудовые лагеря Германии были впоследствии отправлены и некоторые другие группы венгерского гражданского населения.

Осенью 1944 г. в результате активных наступательных действий советской армии положение гитлеровских войск сильно осложнилось, стало критическим. Гитлер в тех условиях, посчитав недостаточно надёжной даже оккупированную Венгрию, ради упрочения своих позиций в стране счёл важным избавиться от самого М. Хорти, который формально оставался главой государства и продолжал тайные поиски вывода страны из войны. Сначала, чтобы удержать захваченную войсками Венгрию в невольных союзниках, в роли упомянутого «последнего сателлита», гитлеровцы задумали, и во главе с неизвестным Отто Скорцени успешно реализовали спецоперацию по похищению М. Хорти-младшего, чтобы затем сломить волю правителя страны. Единственный оставшийся в живых сын М. Хорти был, как известно, причастен к подготовительным акциям по выводу страны из войны и имел связи с партизанским движением. Пользуясь этим, гитлеровцы заманили его в ловушку. Он был приглашён якобы на встречу с представителями югославских партизан, где его оглушили и, завернув в ковёр, вывезли из страны. Вслед за этим с помощью шантажа заставили Хорти-старшего подписать подготовленный текст о своём «добровольном» отречении от власти и о передаче поста гитлеровскому ставленнику, во всём послушному исполнителю воли фюрера, отставному офицеру Ф. Салаши.

Бывшему правителю Венгрии обещали встречу с сыном в Вене, куда он и выехал с супругой. Встреча, конечно, не состоялась, ведь их сын тогда уже находился в концлагере Маутхаузен, но сам М. Хорти также стал пленником гестапо. Его вывезли в Германию, изолировав от внешнего мира, держали под охраной десятка эсэсовцев и сотен немецких солдат с овчарками в одном из замков под Вайлхеймом. Хорти освободили американцы 1 мая 1945 г., и он считался военнопленным, затем перевели в Аусбург в спецлагерь для политиков высокого ранга. Там он впервые узнал, что его сын жив и также был освобождён из концлагеря. В сентябре 1945 г. американцы доставили Хорти в Нюрнберг, где находился до 17 декабря. Его допрашивали и на процессе заслушали в качестве свидетеля по делу Э. Везенмайера. Отпущенный на свободу, М. Хорти некоторое время жил вместе с семьей под Мюнхеном на спонсорские средства, полученные от папы римского Пия XII и бывшего посла США

в Венгрии Дж. Монтгомери. Позже семейство Хорти эмигрировало в Португалию, где окончательно обосновалось в приморском г. Эштироле, вблизи Лиссабона.

В Нюрнберге М. Хорти не предъявлялись какие-либо обвинения, не выдвигал их и сам И. В. Сталин. В условиях эмиграции престарелый Хорти не претендовал, да по возрасту уже и не мог претендовать на роль главного политэмигранта, вокруг которого группировалась бы основная часть венгерской эмиграции 1945 года. От такой роли эмигрант Хорти сам отказался и держался в стороне от политики, хотя при этом не перестал следить за развитием событий на родине.

Ознакомив читателя с важнейшими историческими аспектами и обстоятельствами вовлечения Венгрии в войну, из-за которой так много людей было вынуждено бежать из страны, вернёмся к характеристике основных потоков беженцев и эмигрантов, в массовом порядке покидавших страну. Подавляющее большинство венгерского гражданского населения в условиях приближения линии фронта новой мировой войны, конечно, оставалось на местах, хотя и внутренняя миграция была значительной. Но покидавшие страну и охваченные страхом *стихийные* людские потоки определяли тогда общую картину на дорогах Венгрии. Сливаясь воедино и двигаясь, перекачываясь в западном направлении, эти потоки и образовали ту миграционную массу, из которой выросла впоследствии военная и послевоенная западная венгерская эмиграция. Людские потоки беженцев, вовлечённых в эту массовую волну, на время задержались на западной периферии страны, другая же часть пересекла границу с Австрией и продолжала продвижение на запад, где её участников и застало окончание войны.

Исходившие из Венгрии массовые потоки беженцев как по характеру, так и по своему составу были разнородны, представляя разные социальные группы и слои населения. Волна инстинктивного бегства охватила, прежде всего, представителей имущих слоёв и образованного класса Венгрии, которые не обязательно принадлежали к высшим кругам общества. Это были выходцы из буржуазных и мелкобуржуазных кругов, членов столь характерного для межвоенной Венгрии т. н. господского среднего класса, а также разного уровня и ранга чиновники бывшего хортистского административного аппарата, которые в послевоенных условиях не могли надеяться на сохранение своего прежнего положения. Но в потоках беженцев находились также люди, просто поддавшиеся панике, поверив средствам пропаганды о надвигающейся «красной опасности» с озвученными штампами о неминуемой конфискации и обобществлении собственности, об общности жён, о всеобщем атеизме и пр. Когда же на западной окраине Венгрии скопилась небывалая масса беженцев, искавшая временное спасение в самом передвижении, не имея иного выбора, в итоге она и перешла на территорию Австрии и отчасти Германии, надеясь оказаться в зоне оккупации англо-саксонских войск.

В этой разнородной массе людей присутствовали также беженцы *организованного типа*. К ним можно отнести эвакуированных граждан (инженерно-технический персонал демонтированных и вывезенных из страны предприятий, штат действовавшего государственно-управленческого, чиновничьего и партийного аппарата нилашистов во главе с Ф. Салаши), а также солдат отступавших войск. Насильно эвакуированные салашистами граждане и попавшие в плен военные низшего звена в своей массе затем возвратились на родину. Все остальные и часть стихийных беженцев становились той основой, на которой впоследствии сформировалась правоцентристская эмиграция на Западе (эмиграция 1945 г.). В составе этой основной массы беженцев и будущих эмигрантов присутствовали из числа организованных беженцев также немногочисленные, крайние правые воинствующие элементы, из которых со временем возникли разного рода маловлиятельные радикальные группы, которые в условиях эмиграции были лишены поддержки со стороны остальной части эмигрантов.

Констатируя эти данные о структуре и факте неприятия основной частью эмигрантов 1945 г. крайне правых элементов (как в рядах беженцев, так и эмигрантов), следует признать закономерным отторжение последних бывшими хортгистскими кругами. И это закономерно, ведь Хорти, как отмечалось, был отстранён от власти гитлеровцами при активном содействии нилашистов, которые представляли чужие интересы. И хотя последние захватили власть, когда советские войска уже очистили от оккупантов восточные и южные регионы Венгрии, а приспешник фюрера Ф. Салаши контролировал только западную часть страны, именно его указами и распоряжениями предписывалась эвакуация не только «правительственного корпуса» (чуть более 200 чел.), но и штата всех официальных госучреждений и институтов власти, а также трудовых коллективов важнейших промышленных и стратегических объектов. Все они подлежали эвакуации вместе с демонтированным оборудованием предприятий и государственными ценностями. Подобным мерам подверглись университеты и институты, не говоря уже о силовых органах с их полным штатом, о военнослужащих, отданных под германское командование. Нилашисты использовали все средства и методы, чтобы заставить максимально очистить остающиеся после себя территории и угнать массы людей на запад. Можно лишь догадываться о реальном масштабе этой искусственно разогретой массовой миграции людей, перемещении материальных и культурных ценностей.

Волна вынужденной миграции охватила громадную для Венгрии массу населения. По имеющимся приблизительным подсчётам, в этом стихийном (а в какой-то части организованном) процессе перемещения массы беженцев на рубеже 1944–1945 гг. приняло участие в общей сложности *свыше одного миллиона венгров*²¹, что является весьма внушительным показателем для 9-миллионного населения страны. В результате из такого значительного скопления

их на территории Австрии и Германии, где были взяты под контроль войсками союзников, образовалась массовая база для будущей эмиграции. В составе отмеченного миллиона находились, однако, не только стихийные беженцы и эвакуированные, но и венгерские военные, которые попали в плен к западным союзникам и затем становились одним из потенциальных источников венгерской эмиграции на Западе. Хотя перемещение военнослужащих по всем критериям следует отнести к учтённой, организованной и управляемой форме передвижения, на самом деле трудно определить реальную численность военных в общей массе венгров, оказавшихся тогда на территории Австрии и Германии.

Для определения численности военных, которые попали на территорию названных стран и стали источником эмиграции, обратимся к некоторым косвенным показателям. Известно, что *первая* венгерская армия, которую ранее, вопреки требованиям Хорти настаивавшего на «необходимости защиты рубежей Венгрии», гитлеровцы так и не отпустили на родину с восточного фронта, к концу войны оказалась на словацкой территории, где «рассеялась» и частично попала в советский плен. Только *третья* армия, отступавшая на запад, дошла до Австрии и Германии и на бумаге насчитывала ещё 214 тыс. воинов, на самом деле её реальный личный состав оказался гораздо меньшим. Во всяком случае, если судить по её технической оснащённости (по описи от 2 февраля 1945 г. она имела всего 142 335 винтовок, 1290 автоматов, 159 миномётов и 115 орудий), то это, несомненно, так. К тому же нельзя сбрасывать со счётов падение боевого духа воинов, оставивших за собой западные границы страны, что не могло не сопровождаться бегством солдат из армии. Об этом свидетельствовали, в частности, аресты беглых дезертиров, которых нилаштысты арестовывали тысячами²². Эти факторы и обстоятельства косвенно подтверждают отсутствие надёжных сведений о реальной численности венгерских солдат и офицеров, дошедших до Австрии или Германии, где сдались в плен западным союзникам, а затем часть из них, безусловно, пополнила ряды эмиграции.

Затронув вопросы частично *управляемых* массовых перемещений венгров на Запад, нельзя пройти мимо главного организатора и дирижёра этой массовой вынужденной миграции, Ф. Салаша. Он вместе со своим «штабом» покинул Будапешт в декабре 1944 г. и перебазировался в г. Кёсег, а полный штат министерств последовал за ним в города Шопрон и Сомбатхей, что на западе Венгрии. В результате население этих городов, по меньшей мере, удвоилось. Салашистское правительство некоторое время из указанных мест имитировало живую «государственную» деятельность на стремительно сокращавшейся под его властью территории. Объявленная им мобилизация всех сил и ресурсов касалась собственно уже лишь части Задунайского края Венгрии, но она всё отводила фюреру, снабжению продуктами питания Германии. При этом были приняты также меры, направленные на «окончательное реше-

ние» еврейского вопроса. Так, из столицы, где проживало до 200 тыс. евреев (из них только 30 тыс. имели какие-либо документы, обеспечивавшие им защиту), создавались гетто, обитателей которого отправляли в германские концлагеря.

Салашисты предприняли также попытку тотальной мобилизации практически всего гражданского населения. В соответствии с приказом «вождя», юноши старше 10 лет использовались на ликвидации последствий воздушных налётов, а мужчины и женщины старше 70 лет отбывали трудовую повинность. Кроме того предусматривалось переселение части людей в Германию. Однако, уже 29 марта 1945 г. самому правительству Салаши пришлось оставить Кёсег, куда в тот же день вошли советские войска. Поезд с членами его кабинета долго и с трудом пробирался по Австрии, чтобы затем в Зальцбурге провести своё последнее заседание. Сопровождавший его имперский наместник Э. Везенмайер тогда советовал Ф. Салаши «добровольно» сдать американским войскам, но не успел и 10 мая был взят под стражу вместе с правительством. При этом он гордился тем, что официально так и «не капитулировал». До конца июля Салаши держали под охраной в американском лагере Маркос Кэмп, откуда 3 октября 1945 г. вместе с другими военными преступниками доставили в Венгрию и передали новому временному правительству страны. Венгерский суд приговорил его к смертной казни.

В связи с изложенными выше обстоятельствами следует обратить внимание на сложившуюся ситуацию. Венгрия, видимо, оказалась тогда единственной страной Европы, у которой вся руководящая государственно-административная прослойка, высшие чины армии, офицерского корпуса полиции и жандармерии в полном составе покинули пределы страны. «Это был исключительный случай, когда вся государственная машина страны, её политическое и хозяйственно-экономическое руководство, парламент, остатки армии, все учреждения переселились в другое государство, увлекая за собой немалую часть элиты общества, уводя даже тюрьмы, по крайней мере, политических заключенных из Шопронкёхиды»²³, – с полным основанием констатировал в этой связи известный венгерский историк Дюла Юхас. Эти чиновники, конечно, не вернулись на родину и в своей массе стали политэмигрантами.

Не располагая какими-либо официальными данными о точной численности всей массы беженцев (вместе с эвакуированными и бывшими чиновниками, военными), – ведь такого учёта не существует, – мы принимаем отмеченные выше приблизительные подсчёты специалиста. Нельзя при этом не отметить, что подавляющее большинство этой миллионной массы людей, покидая страну, вначале было уверено во временном характере своего вынужденного пребывания вдали от родных мест. Забегая вперёд и судя по имеющимся материалам, можно определить, что с завершением военных действий большая часть стихийных беженцев, насильно эвакуированные и рядовая солдатская масса при первой же возможности спешили вернуться в страну. Остальная часть по-

сле некоторого выжидания пополнила ряды *западной венгерской эмиграции*, основав в ней самостоятельный пласт эмигрантов 1944–1945 г.

Для определения того, как сложилась и что представляла собой эта эмиграция в численном и структурном отношении, какие социальные и профессиональные группы вошли в её состав, какими путями и из каких источников она формировалась, обратимся к имеющимся материалам, содержащим сведения об отдельных составляющих частях и отрядах оказавшихся в Австрии и Германии беженцев. В соглашении о перемирии с Венгрией (оно подписано с ее стороны от имени Временного Правительства, которое было создано в конце 1944 г. в освобождённом г. Дебрецене), приводились конкретные сведения о том, что салашистское МВД, в соответствии с пожеланием высшего государственного руководства, заблаговременно переселило в Германию 1733 члена семей госчиновников. К сожалению, подобного рода столь точной статистической информации о других категориях граждан, покинувших пределы Венгрии и оказавшихся в 1944-1945 гг. на территории третьего рейха или других государств, не зафиксировано. Существуют лишь приблизительные, в основном, оценочные данные о численности отдельных отрядов беженцев. Хотя и не абсолютно точны, но более реальны также сведения о солдатах и офицерах третьей венгерской армии (порядка 100 тыс. солдат)²⁴, которые, вынужденные подчиниться приказу Ф. Салаша, отступали в западном направлении. При этом те воинские формирования, которые оставались под венгерскими командованием, впоследствии сами сдались англо-американским войскам, тогда как переданные в прямое германское подчинение и распределённые по немецким частям, вместе с ними попали в плен. Кроме приведённых выше конкретных цифр, некоторых других сведений о самом «штабе» кабинета Салаша и примерной численности дошедших до Германии венгерских военных, научная литература располагает лишь малочисленными достоверными данными о контингенте лиц, оказавшихся на территориях, подконтрольных западным союзникам. Их дополняют уже приведённые нами подсчёты о венгерских евреях, вывезенных из страны в германские концлагеря. Все прочие сводные материалы о венгерских гражданских беженцах, скопившихся к концу войны на территории Австрии и Германии, почти исключительно оценочны и весьма приблизительны. В ходе дальнейшего анализа составных элементов (групп и отрядов) потока беженцев эти цифры нами будут уточняются либо конкретизироваться на базе источников разного характера. Правда, наиболее достоверные сведения касаются всё же категории «военнопленных», хотя к ней оккупационные власти на территории Австрии и Германии нередко причисляли также часть гражданских беженцев из Венгрии.

Таким образом, можно констатировать вполне определённо, что в 1944–1945 гг. Венгрию, по сути, покинули все прежние *официальные политические элиты и структуры*. Причём это касалось как основных представителей прежних хортистских управленческих и политических кадров, побывавших

во власти между двумя мировыми войнами, членов их семей, равно как и всей последующей салашистской «правящей» партийно-политической верхушки, управленческих кадров и репрессивного аппарата. Всем им было что терять и опасаться. Это означало, что за пределами Венгрии оказались практически все представители прежних властных структур, включая действовавшие в конце войны *силовые органы* режима Салаша – армию, полицию и жандармерию. Это, естественно, касалось и представителей армейского командования, и остатков личного состава войск, выведённых за пределы страны и предоставленных в распоряжение немцев по приказу «вождя». И, наконец, третью, самую многочисленную часть беженцев составляла в социальном и политическом отношении наиболее разнородная масса. Она состояла из никем точно не подсчитанных сотен тысяч *мирных граждан*, преимущественно выходцев их средних и зажиточных городских слоёв венгерского общества, а также представителей сельской буржуазии. На базе этих трёх крупных массовых компонентов и произошло впоследствии формирование *новой послевоенной западной венгерской эмиграции*, включая её политическую часть. Следовательно, из страны ушли тогда не только бывшие и действующие государственные и политические деятели, сошедшие с политической сцены и задействованные ранее в управлении страной, т.е. государственные чиновники высокого и среднего ранга, но также немало образованных, богатых и состоятельных людей, прежде активно участвовавших в экономической и культурной жизни страны. В ближайшей перспективе они пополнили ряды эмиграции.

При всём этом следует особо отметить, что среди всей разнородной массы беженцев 1944–1945 гг., – как, впрочем, и среди эмигрантов этого потока в дальнейшем, – вначале практически не были представлены ни национальная аристократия и высшее дворянство, ни крупная еврейская буржуазия Венгрии. Это объясняется рядом исторических и социально-политических факторов, раскрыть которые здесь нет возможности, хотя кратко всё же следует их обозначить. Дело в том, что в исторических традициях венгерской *аристократии и высшего дворянства* было служение своей стране, а это вытекало из их материального положения и той роли, которую они играли прежде в политической жизни государства. Крупная земельная собственность аристократов оставалась непомерно великой даже в предвоенные годы, кроме того многие из них входили в состав руководства банков и предприятий, являлись министрами (только в 1930–1945 гг. из 80 министров разных правительств 11 принадлежали к этому сословию). Небольшой численностью, но присутствовали представители аристократии и в рядах высшего офицерства и церковных иерархов²⁵. Правда, в годы правления Хорти аристократам, хотя они имели некоторое отношение к формированию политики государства, определяющая роль в этом уже не принадлежала. Поэтому, в отличие от политиков и буржуазной знати, аристократы не покинули Венгрию ни в условиях гитлеровской оккупации, ни позже. Некоторые из них в годы войны участвовали

в антифашистском сопротивлении, а отдельные прошли даже через концлагеря.

Не эмигрировали из Венгрии в условиях войны даже самые состоятельные представители крупной промышленной и финансовой *буржуазии*, среди которых было много выходцев из еврейских семей. Предки последних приехали в страну с Запада и обосновались там с XVII века, причём многие из них (32 семейства) в условиях дуализма (1867–1918) приобрели даже ранг баронов. Эта часть крупной буржуазии в период между войнами играла важную, в чём-то даже определяющую роль в экономической жизни Венгрии, так, в частности, семейства Вайс, Манфред, Корнфельд, Хатвани-Дайч, Ульман, Мадарашши-Бек и др., выполнявшие также военные заказы. По этой причине из числа еврейской крупной буржуазной экономической элиты Венгрии до 1944 г. практически мало кто эмигрировал. Лишь оккупация Венгрии и проведённая под руководством Адольфа Эйхмана депортация евреев из восточных регионов страны, затем аресты, начатые и в Будапеште, заставили их задуматься. В столице многим из них удавалось скрыться, запастись визами или «защитными паспортами» (Schutzpass) от иностранных дипломатических представительств, но некоторых гестапо депортировало под Вену. Видному представителю наиболее богатой еврейской экономической элиты в лице Ференца Хорина удалось, однако, договориться с гитлеровцами, заключить соглашение с ними об освобождении 50 членов семейств Хориных-Вайсов-Корнфельдов-Гейнрихов-Маутнеров и в итоге вывести их 25 июня 1944 г. в Португалию²⁶.

Представители же венгерской национальной аристократии, равно как и городской крупной экономической буржуазии, хотя по-разному оценивали свои шансы и возможности на послевоенный период, в отличие от политиков и представителей зажиточного «господского среднего класса», не эмигрировали и остались в Венгрии.

В общих чертах таким был социальный и политический состав беженцев войны из Венгрии, из которого и выросла эмиграция 1945 года. Представить более подробный структурный портрет социального среза всей разнородной массы беженцев, оказавшихся тогда на Западе, показать её отдельные составные части по группам, дать им соответствующую характеристику по политическим и образовательным критериям, ввиду отсутствия необходимых на то материалов, весьма затруднительно. С большой вероятностью можно, однако, предположить, что в вызванный военными действиями миграционный процесс, вылившийся в массовую эмиграционную волну, были вовлечены самые разные по своему социальному положению и профессиональному составу, по своим политическим убеждениям группы людей. Что же касается представителей элит и административно-управленческого персонала страны, то в отношении их даже без специального изучения проблемы допустима, на наш взгляд, констатация того, что большинство беженцев третьей группы состав-

ляли выходцы из довольно состоятельных и образованных слоев населения Венгрии. Она вполне уместна также в отношении командного состава армии и представителей прочих силовых органов второй группы, выведенных за пределы страны, где впоследствии они пополнили ряды западной эмиграции. С большой вероятностью это относится также к некоторой части состоятельных *гражданских беженцев* из третьей, самой многочисленной и разнородной массы, которая оставила Венгрию, спасаясь от надвигавшейся войны. Сложнее, однако, получить даже относительное представление о социально-структурных параметрах и уровне образования остальной части представителей третьей группы (все прочие категории беженцев, эвакуированные, выпущенные из трудовых и концлагерей). В равной мере относится это и к рядовому и низовому командному составу военнослужащих, среди которых явно имелось немало выходцев из сельского и городского населения страны с невысоким уровнем образования.

Приходится констатировать отсутствие соответствующих источников, конкретных достоверных статистических данных или аналитических материалов научного характера, которые позволяли бы составить более полную и адекватную картину социальной и партийно-политической структуры оставившей Венгрию миграционной массы 1944–1945 гг. Данное обстоятельство, конечно, затрудняет составление подробного описания политической ориентации и социальной принадлежности большинства гражданских беженцев. Однако, вряд ли ошибёмся, высказав наиболее вероятное предположение, что в своей массе они представляли собой достаточно состоятельных и зажиточных людей, которые придерживались правой и право-центристской политической ориентации, что среди них было мало представителей левых политических взглядов. К тому же, в этой разнородной массе гражданских беженцев на территории Австрии и Германии явно преобладали правоконсервативные буржуазные и национальные силы. По сравнению с ними, праворадикальные и воинствующие силы венгерского политического спектра (нилашисты) оставались в незначительном меньшинстве. В лагере беженцев, будущих эмигрантов тогда ещё полностью отсутствовали представители левых и лево-демократических политических сил. Их приход с этим потоком в западную венгерскую эмиграцию казался невероятным, хотя спустя несколько лет стал реальностью.

Отъезд из Венгрии значительной массы образованных и богатых людей, включая представителей всего прежнего государственно-управленческого аппарата со своим персоналом, с одной стороны, безусловно, нанёс определённый урон послевоенному кадровому потенциалу страны. Данное обстоятельство, учитывая значительные человеческие потери в боях и во время войны, несомненно, сказалось также на демографическом состоянии и повлияло на положение разрушенного войной венгерского народного хозяйства, которое остро нуждалось в рабочей силе и срочном восстановлении. С другой сто-

роны, такое положение было благоприятно восходящей политической силе, компартии, представители которой возвратились на родину из длительной московской эмиграции и, после некоторого выжидания, готовились стать не только определяющей, но и единственной правящей политической партией страны. Для неё сложилась идеальная ситуация, которая характеризовалась не только полным разрушением существовавшей пирамиды власти, всей властной структуры старой Венгрии, но означала также почти полное очищение страны от радикальных и правых политических сил. Это значительно облегчило для коммунистов и представителей демократических партий предстоящую реализацию новых задач по её переустройству.

Охарактеризованная выше разнородная масса людей, которая оставила Венгрию далеко не по своей доброй воле, а под давлением вынужденных обстоятельств, квалифицировалась за её пределами в качестве беженцев войны, насильно эвакуированных и военнопленных. Эти три категории, вместе взятые, составляли около *десятой части всего населения* Венгрии. Они, как отмечалось, представляли собой ту массу, из которой и развернулось *формирование новой послевоенной венгерской эмиграции на Западе*. Дело в том, что настало время, когда каждый беженец, эвакуированный, депортированный или военнопленный оказался перед неизбежным выбором и для себя должен был решить, вернётся ли на родину либо станет эмигрантом (такого выбора были лишены только обличённые в военных преступлениях, которые привлекались к ответственности). Иными словами, всей массе перемещённых лиц, попавших в разные оккупационные зоны союзных войск на территории Австрии и Германии, после войны пришлось индивидуально принимать судьбоносное решение. Цели и намерения, как и сам выбор, у различных групп беженцев оказались разными, и они соответственно воспринимали открывшиеся перед ними возможности и предложения. Как отгремела война, основная масса беженцев и пленных была готова к возвращению домой. Но среди одного миллиона венгров немало было и таких, кто не мог вернуться по политическим причинам, либо из осторожности или других соображений воздержался от такого шага, опасаясь неизвестности, предвидя коренное общественно-политическое переустройство страны. А кто из них это предвидел, осознанно выбирал единственно возможный для себя путь – эмиграцию на Запад, считая её недолговечной.

В целом характерно, что из миллионной массы венгров, которая под воздействием войны переместилась на территорию Австрии и Германии, в итоге лишь меньшая часть пополнила ряды эмигрантов. При этом следует учитывать также, что хотя они оставили Венгрию *по политическим мотивам*, оказавшись в других странах уже в качестве эмигрантов, далеко не все из них включились в работу национальной *политэмиграции*. Забегая вперёд, отметим, что основное ядро послевоенной *организованной венгерской политической эмиграции* возникло не на базе эмигрантов 1945 г., а несколько позже,

получив новое, свежее и активное пополнение непосредственно из Венгрии в 1947–1949 гг. Лишь после этого эмигранты 1944–1945 гг. были вовлечены в политическую деятельность. Основная масса политэмигрантов второй массовой эмиграционной волны собственно также обосновалась в уже традиционных местах обитания венгерской эмиграции на Западе. При этом общая численность *политэмигрантов*, выделившихся из массы беженцев войны, оценивается исследователями в 200 тыс. человек²⁷.

Итак, Вторая мировая война, в которую по ряду исторических причин и обстоятельств на стороне гитлеровской Германии оказалась втянутой и хортистская Венгрия, вызвала вторую по счёту крупную волну венгерской массовой миграции, в которую по названным причинам вовлекались значительные пласты населения страны. В результате не только представители бывших политических кругов и военные, но и довольно весомая часть гражданского населения поднялась с мест своего проживания, и в качестве беженцев войны продвинулись на Запад. Процесс массового перемещения людей в западном направлении закончился на территории Австрии и Германии. Оказавшись на положении гражданских беженцев, эвакуированных и военнопленных, все они были взяты под контроль союзными войсками. В своей массе их разместили в лагерях для военнопленных. С окончанием войны преобладающая часть беженцев и перемещённых лиц, как отмечалось, уже вернулась на родину. Другие же временно остались в тех местах, где их застал конец войны, а затем оттуда их отправляли по разным странам мира в *вынужденную эмиграцию*.

Какое место занимали венгры в общей массе беженцев войны? Каковы были их численность и отношение к ним оккупационных властей, как складывалась их судьба на территории Австрии и Германии? Какие страны предоставили им временный или постоянный приют? Что стало с оставшимися в этих странах беженцами, сколько венгров эмигрировало и в какие страны? Как они адаптировались к новым условиям, где жили и чем занимались венгерские политэмигранты на Западе? Какие печатные органы были ими основаны, о чём они писали и спорили? Какие цели и задачи ставила и решала их политэмиграция? Что представляли собой основные эмигрантские организации и центры, где они размещались, и кто ими руководил? Поиски ответов на эти и другие вопросы, безусловно, представляют определенный научный интерес. Он помогает понять причины эмиграции, самого процесса превращения беженцев в политэмигрантов, позволяют определить географию их размещения по миру, раскрыть проблемы их вхождения в новую жизнь и адаптации к новой среде, а также выяснить цели и задачи, осветить деятельность национальной политэмиграции. Эти вопросы, на которые лишь в меру своих скромных возможностей пытаемся найти ответы, так или иначе имеют непосредственное отношение к становлению и функционированию *западной венгерской эмиграции* в послевоенные десятилетия.

3. Беженцы и военнопленные в Австрии и Германии – массовая база эмиграции. Численность и размещение в лагерях

Приводя весьма внушительные для Венгрии данные об общей численности и удельном весе всей миграционной массы (1 млн. или же более одной десятой части населения), покинувшей к концу Второй мировой войны пределы страны (в её нынешних пределах!), следует обратить внимание на значимость этих цифр для её 9-миллионного населения²⁸. Столь масштабная миграция людей за границу стала так или иначе результатом мирового катаклизма, глобального воздействия мировой войны на Венгрию. За пределами её трианонских границ оказалась, таким образом, громадная масса мирного гражданского населения (не считая угнанных на войну мужчин самого трудоспособного возраста), а также вывезенных из страны гитлеровцами в концентрационные и трудовые лагеря граждан. Покидая в 1944-1945 гг. Венгрию, многие из беженцев ещё надеялись вернуться на родину. Гонимые войной, пройдя по её дорогам до Австрии и Германии, они оказались на чужбине. Основными местами их временного сосредоточения стали именно сопредельная Австрия и южная часть Германии, где их продвижение было остановлено войсками союзников.

Союзное командование оккупационных зон первоначально причисляло гражданских беженцев и сдавшихся в плен венгерских военных к военнопленным и по мере возможности стремилось разместить в наспех возведённых лагерях. Однако мест в них не хватало, и поэтому даже часть венгерских военнопленных, добровольно сложивших оружие перед западными союзниками, оставляли на свободных поселениях, на «вольных хлебах». Многие гражданские беженцы и даже часть освобожденных из концлагерей не изъявили желания вернуться в Венгрию, поэтому при появлении свободных мест в лагерях, были временно размещены в них, где ещё долго ждали своей отправки в эмиграцию. Конкретно сколько из одномиллионной массы венгров вернулось на родину по окончании войны, сколько задерживалось в Австрии и Германии до выяснения послевоенной ситуации в Венгрии, скольким пришлось оставаться и ждать своей отправки в зарубежные страны? Из какого контингента беженцев набиралась и оформлялась будущая эмиграция, куда и в какие страны отправляли эмигрантов организованно? На эти и другие вопросы, связанные с численностью, источниками и самим процессом становления венгерской эмиграции 1945 г. далеко не просто дать, как отмечалось, чёткий и однозначный ответ. Ситуацию осложняет отсутствие конкретных и вполне достоверных сведений, необходимых источников и статистических материалов. Они в условиях смутного времени конца войны, как правило, никем не составлялись, не говоря уже о последующем долговременном молчании вокруг проблем, связанных с беженцами и эмигрантами Второй мировой войны. Как следствие, исследователь проблемы вынужден считаться с малочисленно-

стью и фрагментарностью статистических данных, появившихся в научном обороте отрывочных сведений, прибегать к примерным подсчётам о стихийных беженцах, военнопленных и эмигрантах. Не имея возможности воспользоваться чёткими данными официальной статистики и непосредственно первоисточниками самих эмигрантов, разбросанных по всему миру, приходилось искать ответы на поставленные вопросы, опираясь на доступные материалы разного характера, если в них содержались или затрагивались хотя бы частицы необходимых сведений или подсчёты, пусть даже оценочного характера, относящиеся к отдельным отрядам беженцев и эмигрантов.

Обращая внимание на эти трудности и подчёркивая тем самым относительную точность приводимых нами ниже подсчётов, нельзя лишний раз не отметить, что они касаются территории лишь нынешней, а не всей Венгрии военного времени. В 1945 г. по населённым пунктам уже послевоенной Венгрии были проведены экстренные статистические опросы населения. Во всяком случае, они показали, что в связи с войной только нынешнюю территорию страны пришлось покинуть конкретно 1 млн. 40 тыс. венграм. Сбор подобных статистических сведений за её пределами не проводился. Если общая численность мирных граждан страны, подвергшихся вынужденной миграции, только в этих пределах достигла указанного масштаба, то она явно насчитывала гораздо большее число с учётом возросшей накануне войны территории страны. Венгерская научная литература на базе статистики и авторских расчётов показала, что в конце войны только с территории нынешней Венгрии в Австрию и Германию собралось от 900 тыс. до 1 млн. 300 тыс. венгерских беженцев. Но с учётом других частей страны периода войны, входивших тогда в её состав, следует принимать во внимание ещё порядка 500 тысяч венгров, также покинувших пределы страны²⁹.

Венгерский историк Лайош Фюр, описывая характерную для того времени общую ситуацию в Центральной Европе, в одной из своих работ, посвящённых анализу людских потерь Венгрии в мировой войне, в частности, отмечал: «Венгрия и Австрия стали своего рода шоссе-дорогой, по которой, пересекая друг друга, двигались вереницы людских потоков, уводивших за собой громадные массы, оставлявшие за собой западные пределы страны». Он по праву назвал эти нескончаемые людские потоки настоящим «переселением народов, которое затронуло судьбы миллионов»³⁰. Обращаясь к этой же проблеме, венгерский журналист Миклош Санто в одной из статей о беженцах и прочих группах, настолько вовлечённых в этот массовый миграционный процесс, писал: «Как только умолкли пушки, тысячи людей поднялись на поиски своих родных и родственников. Находя их, многие возвращались на родину, другие же вместе с ними пустились по миру. Много евреев, освободившись из концлагерей в 1945–1947 гг., также уезжали... Пересекая открытые погранзащиты, сотни тысяч измученных войной людей совершали маятниковую миграцию, передвигаясь с востока на запад и с запада на восток. Чтобы это

бушующее море народов успокоилось, потребовалось немало времени»³¹. Потоки добровольно возвращавшихся на родину людей, как отмечал Фюр, «начались сразу же после войны весной и летом 1945 г., а к концу года в основном и завершились»³².

Добровольным процессом стихийного возвращения домой части венгерских граждан из Австрии и Германии, естественно, были охвачены, прежде всего, бывшие заключённые, освобождённые из гитлеровских трудовых и концентрационных лагерей, а также насильно эвакуированные. Они самостоятельно или организованными группами первыми отправлялись в обратный путь, а за ними последовала и часть стихийных беженцев, кроме тех, кто ещё не определился или не был готов совершить этот шаг, а возможно, просто выжидал или решил окончательно эмигрировать. Последние, вместе с военнопленными, оставались в лагерях или на свободных поселениях до начала своей реальной эмиграции в 1946–1947 гг. Организованное возвращение в Венгрию началось несколько позже. Оно охватило, прежде всего, бывших военнопленных, правда, в своей массе уже без офицерского корпуса, представители которого вместе с оставшимися там беженцами готовились к эмиграции в разные страны мира.

Судить о конкретной численности разнородных групп, оказавшихся на территории Австрии и Германии венгров, не просто. Существующие подсчёты не дают достаточно полного представления о них. Число тех стихийных *беженцев*, которые имели возможность вернуться домой ещё до конца 1945 г., но по каким-то причинам не сделали этого, по данным венгерского демографа Золтана Давида составляло порядка 60 тыс. человек. Наряду с ними находилось, однако, немало других, кто не мог или опасался вернуться в Венгрию и с самого начала ориентировался на эмиграцию. Воздержались от возвращения часть офицерского корпуса армии и прочих силовиков, уже не говоря о представителях властных структур, сбежавших из страны, и, как отмечалось, даже часть заключённых, освобождённых из различных германских лагерей. В целом, по вполне обоснованной оценке Л. Фюра, *преобладающая масса* венгров из Австрии и Германии всё же вернулась в Венгрию. По его расчётам, оставшиеся там и настроенные на эмиграцию беженцы представляли собой «лишь толику числа тех, кто вернулся на родину»³⁴. При этом «оставшиеся на Западе окончательно» составляли меньшинство в той массе. Это, разумеется, так. Однако констатация этого несомненного факта не продвинула нас к определению даже примерной численности той «толики». За определение конкретного или примерного числа оставшихся в Австрии и эмигрировавших в другие страны венгров он тоже не взялся. При этом, однако, подчеркнул, что впоследствии многие из граждан Венгрии, даже прошедшие гитлеровские лагеря и вернувшиеся в страну, были не удовлетворены положением дел на родине, и также эмигрировали. Затем Фюр, разделяя примерный расчёт демографа З. Давида об *одном миллионе* венгров, которые

в 1944-1945 гг. «оставили свои дома» и стали беженцами, отреагировал принципиальным уточнением их числа. Он сделал, прежде всего, индивидуальную оговорку, подчеркнув, в своей массе это были люди, покинувшие родные места и территорию страны, *не будучи военными и вне состава армии, а являясь частью мирного гражданского населения*. Производя собственные расчёты применительно ко всей территории «военной Венгрии», он численность покинувших пределы венгерского государства определил в 1,5 млн. человек³⁴. Учитывая, что в этом вопросе абсолютно точные расчёты объективно невозможны, с его определением следует согласиться. Тем более, что в научном обороте нет других данных, к тому же, все они базируются исключительно на примерных оценках и подсчётах.

Приводя эти сводные характеристики, следует отметить также, что вызванная войной миграция венгерского населения являлась частью более широкой и мощной *европейской волны вынужденной массовой миграции* такого же рода, действительно напоминавшей новое «*великое переселение народов*». Такая оценка массового перемещения гражданских лиц вполне оправдана, если учесть, что этим процессом были охвачены и другие страны Европы. Разумеется, точных данных об общей численности людей, вовлеченных в этот общеевропейский процесс далеко не добровольной массовой миграции, тоже не существует. Применительно к странам Центральной и Юго-Восточной Европы имеются, однако, некоторые приблизительные расчёты. Так, венгерский историк Шандор Орбан определил их суммарное число для данного европейского региона в 10 млн. человек³⁵. При этом он подчёркнул, что они вопреки своему желанию в подавляющем большинстве были вынуждены временно или постоянно перебраться на территорию других государств. Вся эта огромная многонациональная масса беженцев-инородцев (среди них и венгров), размещённая в основном на территории Австрии и Германии, – как то показал наиболее сведущий в этих вопросах бывший венгерский эмигрант Дюла Борбанди, – тогда вместе называлась *перемещёнными лицами (Displaced Persons – DP)* или же просто «дипи». Правда, такая терминология первоначально использовалась только применительно к лицам, вывезенным гитлеровцами на принудительные работы, к политзаключённым и евреям, освобождённым их концлагерей, а также попавшим в немецкий плен солдатам и офицерам союзных армий, освобождённым англо-саксонскими войсками. Но затем так стали называть и гражданских беженцев и насильно эвакуированных, а позже, после соответствующей фильтрации, даже тех военнопленных, которые сами добровольно сдались войскам союзников.

Для определения общей численности «дипи» разных национальностей, Д. Борбанди обратился к малочисленным, но содержащим конкретные сведения трудам учёных ФРГ по этой проблематике. Он пришёл к выводу, что на территории одной лишь Германии в июле 1945 г. их насчитывалось до 8 млн., а в августе, т. е. уже после возвращения части людей на родину, там всё ещё

оставалось 6,5 млн. «дипи-персон». Приобщив к ним находившихся на территории Австрии, а также освобожденных из гитлеровских лагерей в Бельгии и Франции бывших заключенных, он в общей сложности насчитал примерно такое же число, что и венгерский историк Ш. Орбан. В результате *численность иностранцев*, сбежавших или угнанных из Восточной и Центральной Европы в эти страны, по его подсчётам, составила в итоге 10,8 млн. человек³⁶. Следует здесь отметить, что тех «дипи», которые не воспользовались возможностью вернуться на родину и остались на территории Германии, вскоре стали официально называть «*безродными иностранцами*» (*heimatlose Ausländer*) или иностранцами без родины, а в Венгрии – «западниками».

Определив примерную численность собравшихся на территории Австрии и Германии иностранцев, и предоставив необходимые терминологические разъяснения к понятийному аппарату того времени, вслед за Д. Борбанди, здесь целесообразно отметить, что для содержания и обеспечения временного приюта для столь значительной массы «дипи» (но, прежде всего, для военнопленных и нуждавшихся категорий беженцев), западные союзники сразу же приступили к возведению в зоне своего контроля 1500 лагерей, размещая в каждом из них по 3000 человек. Лагеря представляли собой огороженную в поле территорию с палатками и бараками. Они, однако, не могли принять даже всех военнопленных, и это обстоятельство заставило оккупационные власти форсировать процесс фильтрации «дипи» и, по возможности, скорее отправить на родину хотя бы часть гражданских беженцев. Одновременно начали действовать комиссии по репатриации, которые в исключительном порядке даже принуждали часть гражданских беженцев скорее вернуться домой, а иногда целые группы военнопленных также передавались послевоенным властям соответствующих государств. Некоторых на родине ожидало суровое наказание, вплоть до заключения в лагерях или применения смертной казни. Такие крайние случаи Д. Борбанди в своей книге иллюстрировал на примере 2200 власовцев, отметив, что среди них само известие о предстоящей выдаче их американцами советским военным властям уже накануне вызвало трагедию – в районе Юденбурга несколько сотен русских офицеров предпочли покончить с собой³⁷.

После проведения фильтрации в лагерях в апреле 1945 г. союзное командование провело определенное разграничение среди «дипи» по группам, чтобы различить и подготовить их к отправке на родину. Разграничение проводилось с учётом их гражданской принадлежности. При этом сами страны и их граждане были разделены на отдельные категории: а) выходцы из стран-членов Лиги Наций; б) из вражеских государств (немцы, австрийцы, японцы); в) из бывших вражеских стран („*Ex-enemy DP*“, к которым причислялись итальянцы, финны, румыны, болгары и венгры)³⁸. Отправку добровольно возвращающихся на родину «дипи» планировалось осуществить организованно, хотя сделать это оказалось сложно. Особенно трудно было удерживать осво-

бодившихся их гитлеровских лагерей и насильно угнанных, которые с окончанием войны не желали оставаться там. «Распоряжение генерала Эйзенхауэра всем оставаться на своих местах оказалось невыполнимым, – писал в этой связи Д. Борбанди. – ”Дипи” оказались нетерпеливы, не хотели ждать, чтобы о них, об их транспортировке позаботились другие. Они заполнили шоссе-ные дороги, по велению сердца шли домой или на свою новую родину [немало евреев направлялось в Палестину – Б. Ж.]. В то же время многие остались в Германии и Австрии, правда, уже не там, где их застал конец войны»³⁹. Другой автор, дополняя характеристику ситуации на дорогах Центральной Европы, писал, что «по шоссе-ным дорогам бродили сотни тысяч скитальцев, ранее угнанных с родины»⁴⁰.

Содержание «дипи» в лагерях требовало немало средств, поэтому союзное командование было заинтересовано в их скорейшей отправке на родину и в эмиграцию по разным странам. Во временных лагерях *американской и английской зон оккупации* Германии, где скопилось больше всего перемещённых лиц, мест не хватало, поэтому большинство гражданских беженцев и даже часть военных, как отмечалось, оставались на вольном поселении. Вместе с тем исследователи отмечают, что англосаксы в целях воздействия на немецкое население даже в таких условиях демонстрировали пример отличного снабжения «дипи» продуктами питания, чего немцы не могли себе позволить.

В *западных секторах оккупации Австрии* все пришедшие иностранцы проходили по категории «дипи», а их в общей сложности там насчитывалось около 1,5 млн. человек. Это были, в основном, беженцы и перемещённые лица (включая фольксдойч и «имперских немцев» численностью до 600 тыс., итальянцев и венгров по 113 тыс. чел. и пр.), а также разоруженные военные (немцы, хорваты, венгры, русские «казаки», вместе взятые, до 250 тыс. чел.). Разного рода гражданских беженцев и военных, оказавшихся в *советской зоне оккупации Австрии*, во избежание их большого скопления (по свидетельству Д. Борбанди с ссылкой на австрийские исследования) распоряжением «сверху» почти сразу же отправляли на родину либо перебрасывали в другие зоны оккупации. Впоследствии к подобной практике прибегали также англичане, которые, подобно американцам, из Австрии без предварительного согласования передали советским военным органам 46 тыс. «казаков» и сопровождавших их 11 тыс. «попутчиков», а новым югославским властям – 160 тыс. хорватских солдат и словенских домобранцев. При этом 24 ноября 1945 г. верховный управляющий британской зоны, генерал Р. Макрерри предложил специальной организации ООН, созданной для оказания помощи и реабилитации беженцев, UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) насильно «репатриировать всех „упрямых советских” беженцев, венгров и румын»⁴¹. И хотя с февраля 1946 г. решением ООН был наложен принципиальный запрет на дальнейшую насильственную репатриацию», до лета 1946 г. из Австрии

80% всех военнопленных солдат и перемещённых гражданских лиц были возвращены на родину.

Процесс же организованной отправки «дипи» на родину из Австрии и Германии, а тем более *в эмиграцию*, продолжался ещё годами. Осуществлялось это как индивидуальном порядке, так и отдельными группами или партиями (главным образом для военнопленных солдат). В западных секторах оккупации Германии, по имеющимся сведениям даже спустя год после окончания войны ещё оставалось около одного миллиона «дипи» разных национальностей, включая венгров. Только в американской зоне летом 1948 г. их насчитывалось до полумиллиона. Правда, это были чужестранцы, не пожелавшие вернуться на родину, но и не располагавшие необходимыми средствами для эмиграции в избранные ими целевые страны. Эти «безродные иностранцы» либо остались в ФРГ, став впоследствии её равноправными гражданами, либо со временем всё же эмигрировали в другие страны.

Всё изложенное касается «дипи» разных национальностей, но в этом отношении венгры мало чем отличались от всех остальных. С мест их первоначального пребывания в лагерях или вольного поселения в Австрии, а также из западных секторов оккупации Германии большинство венгров стремилось вернуться на родину. К числу таких принадлежали, прежде всего, рядовой и младший командный состав военных, часть гражданских беженцев, насильно вывезенный инженерный и административно-технический персонал эвакуированных предприятий и др. Не пожелала вернуться в Венгрию часть обитателей гитлеровских лагерей, в основном, венгерские евреи, ориентированные на эмиграцию в Палестину. На фоне устремившегося домой большинства венгерских «дипи» меньшинство составляли те, кто дождался выяснения ситуации на родине или уже готовился к эмиграции в другие страны, хотя таковых тоже было немало. К последним, естественно, принадлежали преимущественно представители бывших правящих классов и сошедших с политической сцены элит. Прежде они в разной степени и на разных участках были задействованы в управлении государством, в руководстве экономикой или партийно-политической сферой, а теперь, некоторое время ещё оставаясь в Австрии и Германии, дожидались своей очереди на выезд в эмиграцию в избранные ими страны, предпочитая уже традиционные для венгерских эмигрантов места. Для многих наиболее предпочтительными являлись США и Канада, где уже давно возникла диаспора, сложились центры венгерской эмиграции. Однако возможность попасть им туда оказалась весьма ограниченной и маловероятной. Определённой привлекательностью пользовались также Франция и Бельгия, где уже между мировыми войнами собирались как трудовые, так и политические эмигранты из Венгрии. Правда, тогда они представляли политические движения левого толка (леворадикальных буржуазных партий, социалистов и коммунистов), каковых в новой послевоенной венгерской эмиграции не оказалось, ведь преобладали представители правой политической ориентации.

С годами лагеря гражданских беженцев и прочих «дипи» постепенно ликвидировались, но в них на территории Австрии и американской зоны Германии в 1949 г. всё ещё оставалось около 130 тыс. человек⁴². Общей характерной чертой для большинства оставшихся там венгров, не пожелавших до начала 1950-х годов вернуться в Венгрию, естественно, являлся антикоммунизм. Будущих эмигрантов впоследствии распределили по разным странам Западной Европы или отправляли за океан. Там им предстояло обрести полноценный статус эмигранта – стать политэмигрантами либо просто пополнить ряды уже осевших там с времён прежней мировой войны венгерской национальной эмиграции и диаспоры.

Если в отношении числа *всей массы венгерских беженцев, эвакуированных и перемещённых лиц* на территорию Германии и Австрии располагаем, как отмечалось, лишь оценочными данными, то применительно к военным ситуация несколько иная. Об их численности существуют более конкретные и достоверные данные, хотя тоже не абсолютно точные. Имеющиеся сведения касаются, прежде всего, *военнопленных*, точнее солдат и офицеров венгерской армии, которые на юге Германии и в Австрии сами сложили оружие перед англо-американскими войсками, либо попали в плен, находясь под германским командованием. *Общая численность венгерских солдат, оказавшихся к концу войны у союзников на Западе*, – судя по «Белой книге», составленной *Боевым содружеством венгерских бойцов* в 1950 году, т. е. ещё по свежим следам событий, – определялась в 280 тыс. человек⁴³. Правда, эти цифры явно охватывают также подростковый контингент *безоружной допризывной молодёжи («левенте»)*, который салашисты силой вывезли из страны, рассчитывая на его будущую военную подготовку. Этот контингент, по разным источникам, насчитывал от 60 до 130 тыс. подростков. По сведениям бывшего военного инспектора Л. Таубингера, занимавшегося в 1945 г. делами венгерских беженцев в *американской зоне оккупации Германии*, из уже упомянутых 280 тыс. венгерских военных, попавших в плен к западным союзникам, порядка 120 тыс. капитулировали перед войсками США в районе Пассау, Регенсбурга и Бад Айблинга. Они были там же расквартированы. Сложив оружие перед американцами, из них лишь часть (около 30 тыс.) попала в лагеря для военнопленных. Остальные оставались на свободе под контролем и командованием венгерских офицеров⁴⁴.

Забегая вперёд, следует отметить, что рядовой состав венгерских военнопленных, в отличие от командного, с самого начала выразил готовность вернуться на родину. Офицерский корпус, как отмечалось, был настроен преимущественно на эмиграцию в страны Запада. Послевоенная власть в самой Венгрии не имела реального представления о том, сколько военнопленных вернётся в страну с Запада. Характерный факт, что венгерская делегация, прибывшая в Австрию в августе 1945 г. для согласования с американским командованием вопроса о возвращении военнопленных, находясь в Зальцбурге, так

и не сумела определить их общую численность. Вернувшись в Венгрию, глава делегации, госсекретарь внутренних дел коммунист Михай Фаркаш заявил, что хотя и побывал в основном лагере военнопленных, так и «не располагает конкретными данными о них, поскольку венгры живут не в одном месте и не в крупных лагерях, а многочисленными группами по мелким сёлам и хуторам». Он тогда оценивал «число венгерских военнопленных в Австрии свыше 100–110 тысяч»⁴⁵. Не располагая точными сведениями в этом вопросе, власти на базе первичной информации рассчитывали на возвращение в страну военнопленных больше их реальной численности. Историк Михай Кором в одном из своих исследований показал, что МВД Венгрии в августе 1945 г. полагало, что из Австрии и Германии следует ждать возвращения в общей сложности порядка 400 тыс. военнопленных⁴⁶. Но эти расчёты оказались ошибочными, и в их основу, видимо, легла оценка западных союзников, которые под термином «военнопленные», по сути, подразумевали почти всех оказавшихся у них венгров.

Часть попавших в плен венгров в конце 1945 г. была размещена американцами в *французской зоне* оккупации, где к началу 1946 г. они уже все были на свободе. В самом французском секторе в плен попало всего 7 тыс. венгерских солдат. Венгры, сложившие оружие перед *англичанами* на территории Австрии и Германии, вообще оставались на воле. Ведь в этой зоне оккупации, венгры вообще не считались военнопленными⁴⁷, и в начале 1946 г. им всем разрешили свободно вернуться домой. Этой возможностью многие охотно воспользовались, хотя некоторые дожидались групповой отправки на родину. Правда, тех, кто возвратился в родные места на восточные окраины Венгрии, ожидал сюрприз. Им, как и взрослой мужской части мирного населения, не повезло: они были собраны под предлогом необходимости принять участие в выполнении *трёхдневных общественных работ* (прозванных впоследствии в народе «маленьким роботом») и вывезены в лагерь уже на советской территории. С окраинных регионов, включая нынешнее Закарпатье и Сабольч-Сатмарскую область, на основании приказа № 0036 Главкома 4-го Украинского фронта от 13 ноября 1944 г. в «целях профилактики» в лагерь НКВД было отправлено на советскую территорию порядка 40–60 тыс. венгерских граждан, мужчин 18–60-летнего возраста⁴⁸.

Приведённые выше общие сведения о численности венгерских военнопленных в зонах оккупации западных войск союзников в дальнейшем несколько корректируются, в структурном плане дополняются и конкретизируются на базе других источников. Правда, их тоже нельзя считать абсолютно точными и официальными, хотя приводятся нами из достаточно достоверных материалов, некогда принадлежавших весьма компетентной в этих делах личности. Это записки одного из высших венгерских офицеров, бывшего генерал-полковника, впоследствии эмигранта в Канаде, Ференца Фаркаша (Кишбарнаки), которые только в 1969 г. были опубликованы на Западе. В условиях плена

этот генерал официально занимался делами всех «перемещённых венгров» и представлял их интересы перед военными властями США в Германии (такая должность ему досталась в условиях плена по ходатайству 26 других венгерских генералов, обратившихся к американскому командованию с просьбой поручить именно ему представлять перед ним интересы всех венгров). В соответствии с данными Ф. Фаркаша, в 1945 г. на Западе оказалось 100 тыс. венгерских военных, 150 тыс. *левенте* (упоминавшиеся уже 13–20-летние подростки одноименной юношеской организации, проходившие обязательную допризывную физическую и полувоенную подготовку по школьной программе, которых на основании приказа Салаша депортировали в Германию перед отступавшими войсками), 300 тыс. гражданских лиц (включая 40 тыс. нилашистов), а также 250 тыс. фольксбундовцев⁴⁹ (членов союза этнических немцев Венгрии). Судя по этому источнику, в 1945 г. на территории западных оккупационных зон в общей сложности оказалось, таким образом, 800 тыс. граждан Венгрии. Эти сведения весьма близки к отмеченным подсчётам венгерских историков (1–1,5 млн.), но их также нельзя считать абсолютно точными. В них ведь явно не учтены некоторые категории граждан страны, которые пребывали в изгнании или были вывезены ранее на работу в Германию, а также депортированные летом 1944 г. евреи (число которых историк Тамаш Штарк оценивает в 440 тыс. чел.)⁵⁰.

Проведённый анализ материалов статистики и литературы о массе венгерских граждан, оказавшихся вследствие Второй мировой войны за пределами Венгрии (они в 1945 г. были сосредоточены преимущественно на территории Австрии и Германии), даёт достаточно цельное и относительно адекватное представление как об общей численности, так и об отдельных группах венгерских «дипи» в самом широком понимании этого термина. Он позволил выделить и определить структурные компоненты всей этой разнородной массы (гражданские беженцы войны, люди, угнанные гитлеровцами в разные лагеря и насильно эвакуированные салашистами, военнопленные), обозначить их примерную численность, выделить общие политические и социально-структурные признаки, а что особенно важно, даёт возможность судить об основных источниках эмиграции 1944–1945 гг. Вместе с тем, проведённый анализ проблем, определение соотношения и примерного числа вернувшихся в Венгрию людей, ещё не дают возможность определить *конкретное число* венгров, занявших выжидательную позицию и по разным причинам ещё оставшихся в местах, где их застал конец войны, равно как и тех, кто впоследствии пополнил ряды *венгерских эмигрантов в разных странах мира*.

О реальной численности венгров, не возвратившихся на родину из Австрии и Германии, а затем эмигрировавших на Запад, существующая литература не даёт необходимых сведений и располагает лишь скудными фрагментарными данными, которых тоже мало. В этом вопросе характерно достаточно обтекаемое оценочное определение бывшего генерального секретаря Всемирного

Союза венгров Яноша Гостони, который в 1984 г. справедливо отмечал, что основная масса людей, покинувшая пределы Венгрии на завершающем этапе Второй мировой войны, со временем возвратилась домой, но «довольно многие остались в эмиграции». Он признал, что «мы точно не знаем, сколько людей ушло из страны между двумя мировыми войнами и в конце второй мировой войны». При этом, однако, сославшись на подсчёты Института демографии Оксфордского университета, он добавил, что тогда «около 550 000 говорящих на венгерском языке людей оставили свою родину»⁵¹. Судить об объективности этих расчётов или оценочных данных при отсутствии документальных свидетельств не представляется возможным. Однако, если применительно к современной территории Венгрии эти демографические расчёты в целом и могут показаться достоверными, то в отношении Венгрии военного периода такой полумиллионный исход эмигрантов явно представляется заниженным.

В начале 1946 г., когда *лагеря для военнопленных* в Австрии и Германии практически уже были расформированы, их обитателям, как и всем группам гражданских беженцев, была снова предоставлена возможность для свободного выбора: возвращаться в Венгрию или эмигрировать. При этом каждый «дипи» принимал решение самостоятельно, по своему усмотрению. Такого права выбора были лишены только подозреваемые в преступлениях против человечности. Их выявляли ещё в ходе фильтрации и брали под стражу. К числу таких принадлежали явные пособники фашистов, в частности, вождь нацистской партии «скрещённые стрелы» Ф. Салаш, путчеобразно сменивший М. Хорти на посту главы государства. Что же касается бывшего правителя Венгрии, то его, вопреки искажённому представлению, которые десятилетиями внедрялись в общественное сознание коммунистической пропагандой, союзники не причислили к такой группе лиц и, как отмечалось, он был только заслушан по делу Везенмайера на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля⁵².

Подавляющее большинство рядового и младшего командного состава венгерских военных, отмеченный подростковый контингент левенте, вынужденные гражданские беженцы и переселенцы, которых конец войны застал на территории Германии и Австрии, как уже отмечалось, торопились вернуться на родину. Существуют конкретные сведения о возвращении в Венгрию к середине декабря 1946 г. из западных секторов оккупации этих стран 187 889 бывших венгерских *военнопленных*. Остальные, если исходить из их, уже отмеченной нами, общей численности (примерно 280 тыс.) в западных секторах оккупации, то порядка 30–35%, а по другим данным до 40% больше не вернулись в Венгрию. Иными словами, они сначала явно дожидались приемлемого для себя политического поворота в Венгрии, а затем отправлялись в эмиграцию в страны западного мира. Среди оставшихся военных определяющей силой являлся офицерский состав, но были представлены и рядовые⁵³. Вместе с гражданскими беженцами (точная численность которых не столь определённая) военные так или иначе также представляли существенную массу направ-

являвшихся в длительную западную эмиграцию уже действительно «безродных» венгров.

Всем венграм, оставшимся в странах Западной Европы, как и направившимся в дальние заокеанские страны «безродным иностранцам», предстояло *стать настоящими эмигрантами*. Они не только пополнили ряды западной венгерской эмиграции, но наряду со «старозападниками», в её составе, образовали свою собственную прослойку с её специфическими чертами и структурой. Что представлял собой этот новый контингент эмигрантов уже можно было судить по изложенным выше сюжетам исследования. Здесь достаточно его лишь суммарно обозначить, чтобы затем рассмотреть, в каких странах мира они обосновались. Эту эмиграцию набора 1944–1945 годов представляли, прежде всего, отстранённые самой историей от управления Венгрией члены государственно-административной и партийно-политической власти, их структур разного уровня – кадры салашистского госаппарата и нилашистской партии, готовые эмигрировать в самые отдалённые страны; представители бывших политических структур межвоенного хортистского периода, исполнявшие тогда различные управленческие функции; выходцы из «господского среднего класса» и силовых органов (офицеры армии, полиции и жандармерии) и пр., которые вместе с членами своих семей отправлялись в эмиграцию. Во-вторых, это представители разных зажиточных слоёв и групп состоятельных беженцев, которые опасались вернуться в страну, интуитивно почувствовав или предвидя перспективу становления в Венгрии единовластия коммунистов. В политическом отношении к этой группе относились не только антикоммунистически настроенные радикальные и крайне правые элементы, но и часть освобожденных из лагерей антифашистов, буржуазных демократов и даже социал-демократов. В результате среди эмигрантов этой волны оказались и некоторые известные политики-антифашисты, консервативного и либерального толка демократы, отдельные аристократы, прошедшие через гитлеровские лагеря. Возвращению на родину они предпочли эмиграцию, прежде всего, в страны Западной Европы и США. Приводя эти обобщения, нельзя пройти мимо упоминания того факта, что определённая часть освобожденных из концлагерей венгерских евреев также выбрала эмиграцию в страны Запада или в Палестину, где тогда создавалось государство Израиль. В это государство на Ближнем Востоке с территории исторической Венгрии, по некоторым подсчётам выехало около 115 тыс. венгерских евреев⁵⁴. Получив соответствующую поддержку от американских сородичей, их немало эмигрировало и в США, где они стремительно создали свои собственные организационные структуры.

Вся основная масса «безродных» венгров, которая не возвратилась на родину из австрийских и германских лагерей, после соответствующих подготовительных процедур при поддержке международных организаций помощи беженцам направилась в эмиграцию преимущественно за океан.

4. Регистрация и отправка эмигрантов по странам Западной Европы, в США и Канаду

Размещение венгерских беженцев войны на территории Германии и Австрии, последующее трудоустройство оставшихся там или отправка их, как эмигрантов, в другие страны Западной Европы и за океан, адаптация последних к новой жизни на чужбине, естественно, занимали годы. Проблемами беженцев или «безродных иностранцев» из стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы изначально занималась уже упоминавшаяся организация UNRRA, которая опекала всю массу «дипи-персон». Правда, на начальном этапе венгерским беженцам она не оказывала никакой помощи и поддержки. Им приходилось заботиться о себе самим, она лишь установила с ними контакт и фиксировала их присутствие. Однако с 1 июля 1947 г. все функции UNRRA перешли к *Международной организации беженцев (МОБ) – International Refugee Organization (IRO)*, которая регистрировала, устанавливала личность и гражданскую принадлежность беженцев, оказывала им правовую и политическую защиту, содействовала их возвращению на родину, занималась поиском мест для расселения эмигрантов по странам мира. Регистрация в МОБ (IRO) стала обязательной для беженцев, необходимой для официального оформления документов их эмиграции, поэтому все «безродные иностранцы», кто добивался выезда в другие страны, должны были пройти через эту организацию.

Претенденты на эмиграцию регистрировались, а затем именно через МОБ отправлялись по разным странам. Вся официальная документация потенциального эмигранта оформлялась не по принципу его национальной или языковой принадлежности, а с учётом того, в каком государстве оказалось после войны место рождения конкретной «дипи-персоны» (displaced person), т. е. с учётом снова изменившегося государственно-территориального деления в Европе. Данный подход в нашем случае затрудняет более-менее точное определение реальной численности венгерских эмигрантов уже на этапе их отправки из Германии и Австрии в другие страны, вызывает проблемы при необходимости определения этнического состава выезжавших за океан, где собственно и оказалась основная масса венгров. Ведь как МОБ, так и иммиграционные службы заокеанских стран венграми считали лишь тех уроженцев Венгрии, места рождения которых находились в пределах нынешних границ страны, а это явно искажает данные об их реальной численности. При таком подходе приходилось считаться с тем, что этнические венгры, родившиеся в Трансильвании, Словакии, Закарпатье, югославской Воеводине или в австрийском Бургенланде, в официальной статистике уже не считались венграми (это касалось и эмигрантов, поселившихся в США). Отмеченное обстоятельство важно отметить и учитывать при анализе данных эмиграционной статистики, поскольку венгров-эмигрантов фактически было гораздо больше,

чем можно судить о них на основе статистических материалов такого характера.

Эмиграция венгерских «дипи», как и всех прочих беженцев, осуществлялась посредством МОБ, которая выполняла также посреднические функции и оказывала реальную помощь в организации выезда эмигрантов в другие государства. В результате как переселение за океан, куда направлялась значительная часть эмигрантов, так и их расселение по отдельным странам Европы, происходило при её содействии. Венгерские эмигранты стремились в такие места на континенте, которые меньше пострадали от войны, давали предварительное согласие на приём определённых групп и могли им обеспечить приемлемые условия (исключение представляла Италия, куда вопреки исторически сложившимся хорошим отношениям, они не особенно стремились). Направляясь в эмиграцию, они учитывали также реальные возможности для трудоустройства. Нельзя не отметить, что после войны сама Германия и Австрия тоже нуждались в рабочей силе, поэтому в них также осталась небольшая часть находившихся там венгров, хотя им вначале по-прежнему приходилось ещё ютиться в лагерях.

В результате эмиграционных перемещений численность венгерских «дипи» в Австрии и Германии стремительно сокращалась, но в американской зоне оккупации даже в 1949 г. их оставалось ещё 181 тыс. человек. При этом 108 тыс. проживали в лагерях и лишь 73 тыс. могли разместиться в другого рода жилищах. В Австрии же в 1950 г. из оставшихся там беженцев венгерской национальности лишь 21 тыс. являлась выходцами с нынешней территории Венгрии, остальные были уроженцами вновь отделённых от неё земель, т. е., их родные места оказались в сопредельных государствах⁵⁵.

Франция, как и Германия, привлекала венгров-эмигрантов в качестве рабочей силы. Из лагерей французы приняли значительное число венгров (впрочем, как и беженцев-немцев из восточного сектора Германии и других стран Восточно-Центральной Европы). Все они устроились преимущественно на сельскохозяйственных работах, в шахтах и на промышленных предприятиях. Трудоустроенные во Франции по предварительной договоренности между МОБ и нанимателями рабочей силы получали право на расторжение трудового договора через месяц и могли вступать в новые трудовые отношения по своему усмотрению. В Англию же венгерские эмигранты начали прибывать в начале 1948 г. как организованно, так и в индивидуальном порядке, устраиваясь на работу в шахты, на заводы и в сельском хозяйстве. При этом они предпочитали эмигрировать в такие места Англии, где уже ранее существовали венгерские колонии (до осени 1949 г. из Германии и Австрии туда прибыло ещё около 4000 венгров)⁵⁶.

Венгерских беженцев-эмигрантов принимали и другие европейские страны. В частности, Бельгия, где они появились уже после Первой мировой войны. Численность венгров в середине 1940-х годов составляла там порядка

12 тыс. человек, а в результате новой эмиграции их ряды пополнились. Бельгия после Второй мировой войны сразу же приняла ещё около 5 тыс. венгерских беженцев, переселённых туда из лагерей в Австрии и Германии. Спустя три года после окончания войны их ряды пополнились ещё одним отрядом, в котором насчитывался порядка 2500–3000 человек⁵⁷. Характерно, что этот новый приток эмигрантов уже исходил непосредственно из послевоенной Венгрии. Эта небольшая по размерам европейская страна привлекала их как возможностью трудоустройства и заработка, так и своим, во многом схожим с венгерским, образом жизни и бытом. Бельгия в тех послевоенных условиях принимала венгерских эмигрантов исключительно на физическую работу, в шахты и на промышленные предприятия. Исключение делалось только для молодых людей студенческого возраста, которым предоставлялась и другого рода работа в сочетании с возможностью продолжения учёбы в Лёвенском университете. Впрочем, молодые венгры-эмигранты вскоре создали там даже свою студенческую организацию. Молодёжный контингент этой эмиграции впоследствии довольно быстро и успешно «вписался» в новую бельгийскую общественную среду.

Другой европейской страной, в 1945-1946 гг. принявшей группу венгерских эмигрантов из числа беженцев в Германии и Австрии, была Швеция. Она сначала приняла всего 300 человек, но затем, подписав соответствующее соглашение уже с новым послевоенным венгерским коалиционным правительством (ещё до установления режима пролетарской диктатуры), шведы согласились дополнительно пригласить к себе ещё 500 семей венгров, предоставив им работу преимущественно в сельском хозяйстве. Такое решение значительно облегчило для них адаптацию к новым условиям в начале эмиграции. По истечении двухлетнего срока, зафиксированного в соглашении, эти эмигранты имели право вернуться на родину. Из них, однако, в Венгрию реально возвратились в 1949 г. лишь 174 семьи. По состоянию на 1955 г. в Швеции осталось 2500–3000 венгерских эмигрантов. Остальные воспользовались возможностью «ступенчатой эмиграции» и отправились в третьи страны.

Для эмиграции весьма привлекательной казалась и нейтральная Швейцария, но обосноваться беженцам в этой стране было затруднительно. Швейцария, в отличие от многих стран, пострадавших от войны, меньше нуждалась в притоке свежей рабочей силы, но её правительство всё же решилось принять три небольшие группы венгерских беженцев из Германии. Ими оказались преимущественно венгерские евреи, освобожденные из концлагерей, а также некоторые богатые венгры, приехавшие туда на собственные средства. Всех прибывших разместили в гостиницах, где им приходилось самим оплачивать расходы. Среди оказавшихся там групп эмигрантов находилось и небольшое число малоимущих, безденежных эмигрантов, которым временную материальную поддержку оказали международные организации помощи. Общая численность осевших в этой стране венгерских эмигрантов неизвестна, одна-

ко сам факт временного принятия их правительством страны был проявлением гуманизма со стороны швейцарцев. Новые венгерские эмигранты впоследствии успешно влились в ряды уже проживающих там ранее венгров (по статистике 1920 г. их насчитывалось 1485 чел.)⁵⁸ и успешно адаптировались к местным условиям.

Для большинства оставшихся на территории Германии и Австрии венгерских «дипи», ожидавших своей отправки в эмиграцию, конечно, самой желанной целевой страной оставались Соединённые Штаты Америки. Об отправке их за океан, и особенно в США, о приёме этой богатейшей страны мира беженцев войны следует сказать особо. Однако эмиграция в эту страну оставалась резко лимитированной, как и после Первой мировой войны. Строгие иммиграционные правила и законы, по-прежнему жёстко ограничивали въезд туда иностранцев, и они оставались в силе вплоть до середины 60-х годов XX века. Опираясь на существующие законы, американские законодатели в июне 1948 г. определили общую квоту иммигрантов для каждой страны. В них было строго оговорено, сколько готовы принять иностранцев власти США до июля 1950 г. В соответствии с этим, до данного срока иммиграционная служба не могла пустить в страну более 202 тыс. человек, включая беженцев войны. Следует, правда, отметить, что впоследствии правительство США всё же согласилось принять сверх указанной общей квоты ещё 3000 детей-сирот войны из Европы. Очередной новый закон, позволивший увеличить приём европейских «безродных иностранцев» до 341 тыс. человек, был принят только летом 1950 г. Он одновременно продлил сроки допуска в страну новых иммигрантов до конца июля 1951 г.⁵⁹

Тем не менее в 1948–1949 гг. к берегам Америки и Австралии из генуэзского и ряда северогерманских портов отдельными партиями регулярно отправлялись многочисленные корабли, на борту которых находились в основном восточноевропейские и центрально-европейские «дипи» (среди них венгры), которые направлялись в эмиграцию за океан. По данным МОБ, из Германии и Австрии через эти порты только за ноябрь 1948 г. эмигрировал 6681 «безродный иностранец», в декабре – 5056. Согласно сообщениям печати в январе 1949 г. из Европы теми же путями пересекли океанские просторы ещё 6819 «дипи». При этом больше всего эмигрантов высадилось на берегах Бразилии (2438 чел.), Канады (2099), США (1441) и Австралии (841)⁶⁰.

Следует отметить, что иммиграционные законы США не только регулировали число принимаемых этой страной иностранцев (в качестве поселенцев и эмигрантов), но строго очерчивали и предъявляемые к ним требования, обозначив даже круг лиц, для которых въезд в страну был заказан. Так, по закону 1948 г. в США не допускались фашисты и пособники гитлеровцев, представители ультраправых политических сил, а также лица, совершившие в прошлом акты бесчеловечности. Закон 1950 г. ещё больше расширил круг этих ограничений, которых иммиграционные власти страны строго придерживались,

предъявляя и новые, ещё более строгие требования к желающим поселиться в США. К числу организаций и кругу лиц, которым в страну въезд был закрыт, дополнительно были отнесены и члены нацистских (фашистских) и коммунистических партий, а также некоторых других крайних политических группировок, если прокурор США посчитал их таковыми. Запрет на въезд касался также сторонников свергнутых политических режимов с нерыночной экономикой, а также лиц, публично одобрявших расистские принципы или выражавших сочувствие с ними, подозреваемых в разжигании религиозной розни или национальной ненависти. Не допускались в страну также лица, воевавшие против США, начиная с 8 декабря 1941 г.

Беженцы войны, изъявившие желавшие эмигрировать в США, проходили соответствующую фильтрацию как перед отправкой из Европы, так и по их прибытии в страну. Отмечая названные ограничения, следует обратить внимание на то, что поначалу у американских иммиграционных служб возникли определённые затруднения в связи с определением своего отношения конкретно к бывшим венгерским военным, особенно к офицерам, которые изъявили желание эмигрировать именно в США. Эти затруднения были связаны с тем, что одной из статей иммиграционного закона 1948 г. предписывалось не пускать в страну тех, кто во время войны с оружием в руках воевал против Соединённых Штатов. Венгерская армия, как известно, не вела непосредственные боевые действия против американских войск, более того, добровольно сложила оружие перед ними (хотя в то же время Венгрия формально всё же находилась в состоянии войны с США как членом антигитлеровской коалиции). Поэтому для преодоления противоречий и с целью выработки необходимых позиций в этом вопросе была образована специальная комиссия, которая рассматривала каждое отдельное ходатайство бывших венгерских военных и принимала решение. В связи с этим не удивительно, что даже в мае 1950 г. перед названной комиссией всё ещё лежали дела 4700 венгерских военных, ожидавших своего решения.

В конечном счёте из венгерских «дипи», расквартированных в одной лишь американской зоне оккупации Германии и Австрии, разрешение на въезд в США в течение 1947–1951 гг. получили 17 тыс. человек⁶¹, хотя желающих эмигрировать в эту наиболее богатую и благополучную страну мира, естественно, насчитывалось гораздо больше. На самом деле, как уже отмечалось, среди всей массы выехавших и обосновавшихся в США эмигрантов этнических венгров могло быть больше, ведь по существовавшей системе учёта венграмми считались лишь уроженцы нынешней территории Венгрии. Приводя эти сведения, целесообразно отметить также, что хотя законы США в отношении эмигрантов из Восточной и Восточно-Центральной Европы не изменились, которые в 1948 и 1953 году всё же были приняты отдельные поправки позволили несколько расширить их приём сверх лимита и разместить их дополнительно на территории страны (в скобках отметим, что подобная практи-

ка имела место и после венгерской революции 1956 г.). Благодаря комплексу мер число венгерских эмигрантов в этой стране значительно выросло. По данным некоторых венгерских исследований, с ссылкой на материалы американской официальной статистики, число венгров – беженцев войны, воспользовавшихся возможностью эмигрировать или окончательно поселиться в США, в общей сложности достигло 70 тыс. человек⁶².

Приводя эти цифры, необходимо учитывать, что новая венгерская эмиграция (набора 1944–1945 гг.) в США и других странах Америки в профессиональном и образовательном отношении существенно отличалась от малообразованных поселенцев и трудовых мигрантов первой эмиграционной волны и даже от прибывших туда в межвоенные годы. И ещё одна отличительная черта этого массового исхода беженцев-эмигрантов из Венгрии в конце Второй мировой войны: его участники, как правило, представляли собой преимущественно выходцев из наиболее зажиточных и образованных слоёв венгерского общества, в прошлом политически активных и задействованных в административно-управленческих структурах и культурной жизни страны. Как справедливо отмечала в этой связи исследовательница Ю. Пушкаш, они были более «урбанизированы» и в своем большинстве состояли из интеллигентов и квалифицированных кадров. Ко всему прочему, в отличие от эмигрантов первой массовой эмиграционной волны, они и думать не могли о скорейшем практическом возвращении на родину в ближайшие годы, хотя на это надеялись. Впрочем, следует здесь напомнить также о том, что представители первой волны эмиграции к приходу в США этого нового военного пополнения уже находились в пожилом возрасте. У многих эмигрантов уже там родились и выросли дети, которые по ряду критериев и показателей также существенно отличались от своих родителей, особенно от основателей первых поселений венгерской национальной эмиграции в этой стране. Их предки ещё создавали сельскохозяйственные поселения, основывали рабочие кварталы в крупных промышленных городах, держась компактной массой, образовывали отдельные этнические островки, национальную диаспору, а они сами уже не придерживались этого.

Для условий венгерской эмиграции (как для её нового пополнения, так и для выросших уже в Америке поколений венгерских эмигрантов) характерным оставалась одна общая черта – все они старались, по возможности, сохранить свои национальные традиции и обычаи. Во всяком случае, как показала практика, первые два поколения венгерских эмигрантов ещё по-прежнему продолжали считать Венгрию не только родиной своих отцов и дедов, но и своей прародиной, проявляя к ней живой интерес и стремясь сохранить свой язык. Другой вопрос, что время брало своё и неизбежная ассимиляция так или иначе прогрессировала в их среде. Для детей и внуков эмигрантов, обосновавшихся в крупных городах и промышленных центрах США и других стран Америки, этот процесс оказался более стремительным. Они скорее «раство-

рвались» в новой социальной и многоэтнической среде Америки, которая не без основания считалась «плавильным котлом» народов. Жителям мелких городов и основанных ещё в XIX веке самостоятельных поселений (колоний) дольше удавалось сохранять и беречь как родной язык предков, так и обычаи, национально-этнические и культурные ценности.

Вторая мировая война и, особенно вступление Венгрии в неё, для всех живущих в США венгров означали поворот в их американской жизни. Им пришлось пережить не простую ситуацию, связанную с проблемой своей национальной идентификации, в которой произошёл некий перелом. Венгры тогда чувствовали себя неуютно в этой стране западной демократии, ведь становилось небезопасным называть себя венгром. И хотя отношение к ним всё же было несколько иным, более благоприятным, чем, скажем, к японцам, которые в своей массе оказались, как известно, в резервации. Но американские венгры, а тем более эмигранты, болезненно переживали морально-политическую атмосферу тех лет. Представителям поколения молодых американских венгров приходилось осторожничать и скрывать или, по крайней мере, не подчёркивать свою национальную и языковую принадлежность. Такая психологическая атмосфера влияла на процесс их вступления в межэтнические браки, вызывая ускорение ассимиляции.

Канада, подобно США, также приняла некоторое число венгерских беженцев войны в качестве эмигрантов, прибывших с территории послевоенной Австрии и Германии. В этой североамериканской стране уже до Второй мировой войны проживало порядка 50 тыс. венгров, поселившихся там на рубеже XIX–XX веков преимущественно на табачных плантациях штата Онтарио и в крупных городах страны. Канада с тех времён также считалась традиционным местом венгерской эмиграции. После Второй мировой войны Канада согласилась принять часть венгерских беженцев, находившихся в Австрии и Германии. Для этого уполномоченные представители канадского правительства, приехав в Европу, осуществили отбор среди венгерских «дипи» нужных им работников физического труда, проверив предварительно их физические данные. Отобранные эмигранты были направлены на лесоразработки, на работу в сельском хозяйстве и на промышленные предприятия. До 1950 года в Канаду прибыло около 5 тыс. новых венгерских эмигрантов-поселенцев. Шефство над ними по приёму, размещению и трудоустройству и приобретению к новым условиям брали на себя, как правило, этнические общины живущих в стране венгров, их церковно-религиозные и культурные организации. У канадских венгров давно и традиционно существовали такие структуры – свои церковные приходы, различные общества и союзы, а также школы, в которых подрастающие поколения бывших эмигрантов обучались родному языку и литературе, усваивали традиции национальной культуры, изучали историю родины своих предков, хотя при этом их тоже затронул неизбежный процесс ассимиляции. Общественная и культурная жизнь венгерской эмиграции в этой се-

роамериканской стране была достаточно организованной: в 1952 г. в Торонто был создан и впоследствии успешно функционировал даже свой высший представительный орган – Союз канадских венгров, с которым власти страны считались.

Как в США, так и в Канаде роль церкви, религиозных и национально-культурных объединений в организации общественной жизни венгерских эмигрантов и поселенцев всегда была значительной. Они выполняли особенно важную функцию в деле единения сил эмигрантов и национальной диаспоры, просвещения, сохранения родного языка и национальной культуры. Поэтому не удивительно, что как католическая, так и протестантская церковно-религиозная жизнь с самого начала сопровождала венгерских эмигрантов и переселенцев в Северной Америке даже в крупных промышленных центрах, уже не говоря о некоторых маленьких, с преобладающим и поныне венгерским населением. Прежде таких было немало. К их числу, в частности, относились Картерет, Трентон или Вудбридж в штате Нью-Джерси, Кливленд в штате Огайо, Буффало под Нью-Йорком, Филадельфия в Пенсильвании, Детройт в штате Мичиган и др. В них в своё время эмигранты из Венгрии возвели даже крупные церкви, ставшие одновременно и центрами культуры. Чтобы получить представление об основных проблемах венгерских церковных институтов и религиозной жизни венгерской эмиграции в США в послевоенные годы, обратимся к одному из конкретных примеров.

Среди венгерских эмигрантов и уже давно проживающих в США американских венгров широко известно имя реформатского пастора Имре Берталана, бывшего выпускника многовекового знаменитого Шарошпатакского реформатского колледжа Венгрии. Он со второй половины 1940-х годов находился на церковной службе в Америке, а впоследствии занимал пост председателя *Реформатского объединения американских венгров*. Жизненный путь и деятельность этого духовного пастыря хорошо отражают те проблемы, с которыми сталкивалась эта церковь, работая с венгерскими эмигрантами и поселенцами в период и после Второй мировой войны в условиях Соединенных Штатов. Сам И. Берталан не был беженцем войны в прямом смысле этого слова, но именно война изменила его жизнь, определила его судьбу. Она застала его в нейтральной протестантской Швейцарии, в Базеле, где он совершенствовал свои знания. Военные события не позволили ему вернуться в Венгрию, поэтому молодому реформатскому пастырю в 1942 г. по церковным каналам предложили выехать в США и возглавить небольшой венгерский реформатский приход. Предложение Берталан принял и вскоре начал службу духовника в одном из небольших венгерских поселений под Нью-Йорком. Однако его вскоре прикрепили к более многочисленной пастве венгерских эмигрантов и поселенцев, которые жили и работали в одном из городов штата Нью-Джерси. Со временем И. Берталан стал широко известным в США служителем всей американской реформатской церкви, который за много лет рабо-

ты с венгерскими эмигрантами и поселенцами приобрёл богатый опыт и ценные знания как о реальном положении дел в церкви, так и о проблемах поколения американских венгров. За сорок лет церковной службы среди соотечественников в США, Берталан мог составить весьма компетентную характеристику состояния церковной жизни и живущих там венгров.

Вспоминая годы своей работы и излагая основные проблемы венгерской эмиграции, Берталан, в частности, отмечал: «Приход, куда я впервые попал, находился под Нью-Йорком и состоял из 60 семей. Наши паствы там вообще маленькие. Позже я перешёл в Пэссейк (Passeic), где стал духовником уже 400 венгерских семей, а на последующем месте службы моими прихожанами уже являлись 600 семей... Я руководил также церковным хором на английском и венгерском языках, работал с группой молодёжи, проводил регулярные занятия по изучению Библии. Для первых американских венгров церковь, церковный приход были всем, представляли собой буквально всё. В них они жили, рождались, плакали и молились. Ими даже физически было многое отдано для церкви, они содержали её, содержали священника. Там велась, шла крепкая работа... Приходы, не имеющие свежего венгерского пополнения, медленно, но угасают. Поэтому важно, чтобы церковь жила и пользовалась не только одним языком. Мы не можем сказать нашим верующим, чтобы приходили в церковь только при владении венгерским языком. Голландцы в этом плане уже сдались, немцы и поляки гораздо более стремительно теряют свой родной язык, чем мы, венгры. Мы больше оберегаем свой родной язык, но нельзя отрицать, что в крупных общинах служба часто ведётся уже и на английском языке. Так, например, в Детройте, где служителем самой большой реформатской церкви является мой сын, уже 200–300 прихожан посещают службу на английском и лишь 100–150 на венгерском языке»⁶³. Эти слова венгерского пастыря, зафиксированные уже в 80-х годах XX века, убедительно характеризуют влияние американского «плавильного котла» на венгерских эмигрантов и поселенцев. Он, несомненно, повлиял и продолжает оказывать серьёзное и стремительное воздействие и на осевших там венгров, продвигая процесс языковой и этнической ассимиляции их представителей. От него не застрахованы не только довоенные, но и послевоенные поколения венгерских эмигрантов США. И этому процессу, – даже при самой активной поддержке церковей, национальных языковых школ, культурных и прочих обществ, – трудно успешно противостоять в иноязычном окружении.

Венгерская эмиграция в Западной Европе и в США, которая только в 40–50-х годах прошлого века дважды получила весьма серьёзное массовое вливание свежих сил беженцев-эмигрантов, тем не менее сумела выстоять и сохраниться, возможно, именно благодаря этому. Более того, здесь нельзя хотя бы не отметить, что она вырастила и своих отдельных, широко известных личностей, среди которых имеются даже представители уже второго поколения эмигрировавших из Венгрии в 1944–1945 гг. граждан страны. В этой связи

здесь сошлёмся на имена лишь отдельных, наиболее именитых и влиятельных представителей эмиграции, деятельность которых на виду у современников, с мнением и позицией которых считались и продолжают считаться в официальных кругах как США, так и Европы. К таким наиболее известным наследникам эмигрантов, покинувших Венгрию в те годы, точнее представителям их *нового поколения*, самостоятельно завоевавших общественную признательность и авторитет на их «второй родине», относятся некоторые учёные, общественные и политические деятели. Это, в частности, Максимилиан Телеки, выходец из венгерского аристократического рода (сын графа Гезы Телеки, учёного, бывшего члена венгерской делегации на переговорах о перемирии в Москве в 1944 г., который из Венгрии спустя три года эмигрировал в США). Он долгое время, находясь во главе *Американской ассоциации венгров*, пользовался известностью в политических кругах США, представлял и защищал интересы венгерских эмигрантов и сложившихся там общин. Другим не менее представительным и влиятельным американским политиком стал Джордж Патаки, у которого ещё дед по отцовской линии эмигрировал в Соединённые Штаты из восточного венгерского комитата (области) Сабольч. Д. Патаки три срока подряд занимал пост *губернатора штата Нью-Йорк*, а с 2007 года является представителем США в Генеральной Ассамблее ООН. Ещё одним не менее известным американским политиком был конгрессмен Том Лантош, который на протяжении многих лет (вплоть до своей кончины в 2007 г.) занимал пост *председателя Комитета по внешней политике* верхней палаты конгресса США, будучи депутатом от Демократической партии⁶⁴.

Отмеченные карьерные и общественно-политические успехи представителей *второго (послевоенного) поколения* беженцев-эмигрантов, покинувших Венгрию в 1944–1945 гг., были бы не полны без обозначения ещё одной известной политической фигуры нашего времени, президента Франции 2007–2012 гг., Николя Саркози (Nicolas Paul Stéphane Sarkozy de Nagy-Bocsa). Его отец, Пал Шаркёзи, родом из Надь-Бочи принадлежал к числу зажиточных беженцев, который, спасаясь от надвигавшейся на страну с востока линии фронта Второй мировой войны, в 1944 г. эмигрировал на Запад и некоторое время находился на территории Франции. Во время своего пребывания в этой стране он женился на матери будущего президента страны Андрэ Маллах (дочери гречанки и парижского еврея, врача по специальности). В браке П. Шаркёзи и А. Маллах родился Николя Саркози, отец которого остался во Франции лишь до 1959 г. Он, оставив семью, продолжил свою эмиграцию и жил в США. Свои связи с сыном отец восстановил только в 90-е годы XX века. Николя Саркози, как известно, в возрасте 21 лет вступил в партию бывшего друга своего отца, Жака Ширака, премьер-министра и президента Франции⁶⁵, но уже в 1995 г., порвав с ним, начал строить свою самостоятельную политическую карьеру. Н. Саркози вскоре стал успешным министром внутренних дел Франции, а весной 2007 года выста-

вил свою кандидатуру в президенты страны. В результате успешно проведенной избирательной кампании в истории Французской Республики он стал её первым таким президентом, предки которого являлись выходцами из эмигрантских семей.

5. Венгерские эмигранты в Австралии и Южной Америке

Об эмиграции венгерских беженцев Второй мировой войны в Австралию, которая берет своё начало с 1948 г., следует сказать особо. Ведь подобно Канаде и США эта страна, занимающая целый континент, на том этапе все ещё не прошла стадию формирования своей собственной австралийской нации, сплочения населения на базе живущих там и ещё продолжавших прибывать туда новых эмигрантов уже не только из Великобритании, но из разных стран мира. Венграм, как и всем остальным эмигрантам, направившимся из Европы в Австралию после мировой войны, на начальном этапе приходилось считаться с необходимостью преодоления немалых трудностей и довольно суровыми условиями, соответствовать требованиям, которые были выдвинуты правительственной программой ближайшего развития страны, предусматривавшей ускоренную ассимиляцию всех прибывавших туда иностранцев.

Инспектора австралийской иммиграционной службы, проводившие набор свежей рабочей силы среди европейских беженцев войны, оказавшихся «безродными иностранцами» на территории Австрии и Германии, отбирали для отправки на пятый континент новых поселенцев и эмигрантов не только с учётом их хороших физических данных и соответствующих возрастных критериев, но и наличия у них признаков инициативности, самостоятельности и предпринимательских качеств. Среди прочего они одновременно выясняли также готовность претендентов к окончательной оседлости на этом далёком континенте. «Австралия планирует заселение страны на длительный период и готовится к этому. Правительство ещё при жизни одного поколения намерено увеличить численность населения с 7,5 до 20–25 миллионов человек, — отмечал тогда один из австралийских вербовщиков поселенцев и эмигрантов. — Ныне в Австралии существует 200 000 рабочих вакансий в разных отраслях промышленности и торговли, в сельском хозяйстве, в органах полиции, в сфере свободного предпринимательства, на строительстве и в металлургической промышленности». Австралийские инспектора не скрывали те цели и задачи, которые поставило перед ними политическое руководство страны. При подборе эмигрантов и новых поселенцев они открыто говорили о том, что ждёт от каждого из претендентов их правительство. Один из инспекторов, отвечая на заданный ему вопрос, откровенно заявил: «Главной целью правительства является полная ассимиляция приезжих, стремление сделать иммигрантов австралийцами. Правда, молодым при этом будет предоставлена возможность учиться в высших учебных заведениях и на специальных курсах на своём род-

ном языке. Новые иммигранты станут для Австралии не временными гостями, а новыми гражданами, которые должны помочь построить нашу страну, сделать её свободной и счастливой»⁶⁶. Это были довольно чёткие и конкретные условия и ориентиры, ясные требования и обозначенные перспективы. Беженцы, желавшие выехать в качестве эмигрантов в развивающуюся Австралию, с выдвинутыми условиями должны были согласиться и принять их.

Хотя намерения многих эмигрантов и предлагаемые им первые рабочие места в Австралии не всегда или не вполне соответствовали их запросам, а также представлениям о будущем, оказавшимся после войны без родины и работы венгерским, да и прочим другим беженцам выбирать особо не приходилось. Значительная часть венгерских эмигрантов после Второй мировой войны, – как справедливо и с полным правом отмечал впоследствии в этой связи посол ВНР в Австралии и Новой Зеландии Ласло Пордань в одном из своих интервью, – «не просто уезжала в эти страны, а оказалась там по вынужденным обстоятельствам, ведь с ними обращались как с представителями бывшего вражеского государства»⁶⁷. Он подчёркивал также, что принятие Австралией определённой части европейских беженцев и эмигрантов (и это касалось, прежде всего, бывших офицеров армии, полиции и жандармерии, обанкротившихся политиков нилашистского толка и пр.) с точки зрения политического руководства этого государства явилось тогда не столько желанным для страны приобретением, сколько необходимостью выполнить соответствующие обязательства, взятые на себя правительством страны. Названные категории эмигрантов, вместе с некоторым числом бывших чиновников государственно-административного аппарата, а также врачами, инженерами и представителями прочих гражданских специальностей, нанимались на работу сначала по контракту лишь на два-три года, чтобы иметь затем возможность менять её. Многие эмигранты вовсе не собирались оставаться окончательно в самой Австралии. Такой подход к австралийской эмиграции был характерен для большинства беженцев и впоследствии находил своё подтверждение в следующей констатации одного из компетентных венгерских эмигрантов, который прожил много лет в Австралии: «В начале 50-х годов мы, эмигранты, все были вынуждены два года отработать там, куда направил нас государственный посредник... либо приходилось работать подсобным рабочим на подхвате без знания языка, но работа, так или иначе, поглощала всю нашу жизнь. Правда, по истечении двух лет мы уже все могли свободно выбрать себе другое место работы»⁶⁸.

Из австрийских и германских лагерей в Австралию до 1954 г. эмигрировало в общей сложности около 14 тыс. венгров. Половину из них действительно составляли крепкого телосложения холостые мужчины и незамужние женщины, которые оказались способны выдержать нелёгкие испытания дальнего плавания. Они приняли предложенные тогда инспекторами условия. Большинство эмигрантов было размещено и трудоустроено в портовых городах Ав-

стралии, в Сиднее (4000 чел.) и Мельбурне (3000), но также в Аделаиде (1200), Брисбене (600) и Перте (600). Основную массу приплывших туда венгерских эмигрантов разместили сначала во временных лагерях, где им пришлось преодолевать не только стартовые трудности обустройства и налаживания быта, но и непонимание и неприятие их со стороны англо-австралийцев (Австралия до второй половины XIX века использовалась Великобританией в качестве места ссылки своих заключённых). Последние не были подготовлены к безоговорочному принятию, а тем более к интеграции в свою среду большой массы эмигрантов-переселенцев из Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Бывшие колонисты, некогда заселившие Австралию, от прибывающих европейцев вначале стали требовать принятия своей австралийской версии английского языка, а затем усвоения обычаев и жизненного уклада⁶⁹, что усложняло жизнь представителей новой эмиграции. И эта ситуация менялась далеко не сразу.

Со временем, однако, произошли и некоторые положительные сдвиги в позициях и планах австралийского правительства. Оно решило отказаться как от первоначально намеченного столь масштабного проекта, предусматривавшего стремительное увеличение числа народонаселения на континенте, так и от намерения искусственно форсировать процесс ассимиляции прибывших в страну иностранцев. Правда, для руководства государства ассимиляция как цель, при этом продолжала оставаться не только желанной, но и неизбежной и поощряемой тенденцией, которая, безусловно, затрагивала и венгерских эмигрантов вместе с остальными европейцами. Вопреки всему этому, венгерская национальная эмиграция с самого начала пыталась, и далеко не безуспешно, сохранить родной язык и собственное лицо. Хотя венгры в Австралии вначале не имели самостоятельного статуса национального меньшинства, а часть из них осознанно и целенаправленно стремилась интегрироваться в австралийское общество, тем не менее венгерское меньшинство сумело объединиться и почти с самого начала создало свои национальные организации, культурные союзы и разные общества. К началу 60-х годов XX века венгерская эмиграция в Австралии уже насчитывала по стране свыше ста своих организаций, в том числе политические⁷⁰. При этом, естественно, лишь отдельные из них декларировали политический характер, в большинстве случаев это были разного рода клубы, культурные союзы и общества взаимопомощи (членами последних являлись преимущественно пожилые эмигранты). Наиболее известными организациями венгров в Австралии стали *Союз венгров Нового Южного Уэльса* и две другие подобного рода организации в штате Виктория. Названный союз был образован ещё в 1954 г., также как и церковь и школа при нём, которые в равной мере способствовали сохранению национальной идентичности венгров на пятом континенте, сдерживали процесс упоминавшейся ассимиляции⁷¹. Эмиграция вскоре наладила также выпуск своей газеты на венгерском языке. Всё это свидетельство того, что венгерские эмигранты от-

носителем быстро сумели организовать и наладить свою собственную общественно-политическую и культурную жизнь в условиях Австралии. При всём этом, параллельно с налаживанием быта на собственный лад и созданием своих национальных организаций, они довольно успешно включились и в новую для них австралийскую среду. Впоследствии, как справедливо отмечалось в одном из венгерских эмигрантских журналов, многие венгры в Австралии уже в 50-е годы успешно работали даже преподавателями местных университетов, лекторами, библиотекарями и научными сотрудниками, музыкантами и художниками на пятом континенте⁷².

Несмотря на то, что в общей массе венгерских эмигрантов-переселенцев в Австралии оказалось мало известных людей, эта эмиграция, как, впрочем, и американская, сумела довольно быстро и успешно организовать и наладить выпуск своих печатных органов. Ею выпускались газеты, были налажены религиозная жизнь и радиовещание на родном языке, открыты воскресные школы для детей эмигрантов. Наряду с местным значением газетами, выходила также довольно высокого уровня еженедельная центральная газета на венгерском языке «*Ausztráiai Magyar Élet*» («*Венгерская жизнь Австралии*»). Предпринятые эмигрантами меры по организации быта, культурной и общественной жизни, в конечном счёте способствовали сплочению своих сил, сохранению родного языка и духовному развитию подраставшего в австралийских условиях нового поколения венгров, всей формировавшейся там национальной диаспоры. К венгерским эмигрантам в Австралии спустя некоторое время прибыл бывший посол Венгрии в Лондоне Дёрдь Барца. Он вскоре выделился среди основной массы эмигрантов и, став наиболее видным представителем всей австралийской венгерской эмиграции, успешно защищал интересы этого национального меньшинства на континенте. В 1953 г. именно он был избран председателем *Объединенного Совета австралийских венгров*.

Венграм, эмигрировавшим после Второй мировой войны в *страны Латинской Америки* (Аргентина, Бразилия, Венесуэла), не пришлось встречать и преодолевать трудности и испытания, подобные австралийским. Их встречали и принимали без каких-либо условий, оговорок или ограничений. Такому приёму явно способствовали экономические эмигранты и поселенцы из Венгрии рубежа XIX–XX веков, заложившие там основы национальной эмиграции и создавшие доброе имя венграм. Беженцы Второй мировой войны, прибывшие с эмиграционной волной 1944–1945 гг. в названные страны Южной Америки, только освежили память о почти уже исчезнувших там трудовых мигрантах из Венгрии, некогда основавших венгерские сельскохозяйственные колонии и рабочие поселения. Новый эмиграционный поток по своему характеру существенно отличался от прежних. В нём оказалось немало представителей интеллигенции, работников умственного труда (инженеры, врачи, учителя, предприниматели, преподаватели, деятели искусства и пр.). Лагиноамериканские страны довольно остро нуждались в специалистах само-

го разного профиля, поэтому прибывшие к ним образованные венгры, хотя и без знания языка страны, имели возможность на более выгодных условиях устроиться на работу, чем эмигрировавшие в США или Австралию.

Эмигранты, попавшие, например, в *Бразилию*, сразу же после высадки на бразильскую землю могли свободно заняться любым видом деятельности, включая предпринимательство. И это вопреки тому, что ещё незадолго до этого в условиях Второй мировой войны официальные власти этой страны довольно сурово отнеслись к живущим там венграм из прежних эмиграционных потоков. Достаточно отметить, что в 1942 г., объявив войну Венгрии, правительство Бразилии сразу же издало распоряжение, наложившее запрет на продолжение деятельности всех венгерских школ и организаций по стране. Отметим, что первые венгерские эмигранты поселялись и жили в этой южноамериканской стране, начиная с середины XIX века. Ими ещё тогда были созданы первые самостоятельные национальные поселения и возведены целые улицы в крупных городах. Отдельные группы венгерских эмигрантов прибывали в Бразилию и в межвоенные годы с разными политическими и мировоззренческими характеристиками, но все они внесли свой весомый вклад в развитие своей второй родины, предоставившей им приют. Вступление же хортистской Венгрии во Вторую мировую войну значительно осложнило положение этих, обосновавшихся там, ни в чём не повинных венгерских поселенцев, многие из которых уже давно влились в структуры бразильского общества. Им в тех условиях пришлось нелегко. Власти страны тогда закрыли не только венгерские школы и гимназии, но под запретом оказались также печать и радиовещание на венгерском языке, а эти меры мешали сохранению и усвоению подрастающим поколением венгров родного языка своих предков, приводили к их общей языковой деградации.

После окончания войны ситуация резко изменилась. То же самое правительство, которое несколько лет назад наложило отмеченный запрет на работу венгерских школ и общественных организаций, после войны уже охотно принимало в стране новое пополнение беженцев-эмигрантов, невзирая на их прошлое. И хотя среди прибывших в Бразилию венгров встречались группы людей совершенно разной, но в основном всё же правой политической ориентации и разной социальной принадлежности (начиная с выходцев из крестьян и кончая бывшими помещиками, от рабочих до бывших фабрикантов и заводчиков, а в политическом отношении – от демократических до крайне реакционных элементов и бывших госчиновников), бразильские властные структуры не препятствовали их размещению в стране. Правда, – и это тоже характерно для ситуации тех лет, – наложенные в 1942 г. запретные меры на деятельность даже нейтральных и в своей массе демократических общественно-политических организаций венгров, впрочем, как и официальных школ с венгерским языком обучения, так и не были отменены, и их работа не подлежала восстановлению в прежнем виде⁷³. А ведь с 1927 г. таких школ с род-

ным языком обучения венгерскими эмигрантами только в столице страны и в штате Сан-Паулу было основано 14. Все они со времени Второй мировой войны были переведены на бразильскую систему преподавания. Последняя официальная венгерская школа закрылась в 1950 году⁷⁴.

При всём этом, однако, в годы войны также продолжали существовать либо восстановили свою деятельность различные социальные и религиозные организации венгров, которые фактически заменили, либо в некоторой степени компенсировали отсутствие школ с венгерским языком обучения, закрытых правительственным решением. Языковым обучением занимались, в частности, созданные в 1926 г. в Сан-Паулу первое *Венгерское Общество взаимопомощи* и *Социальный дом*, а при нём *Большая Реформатская церковь*. Последняя была возведена в бразильском городе венгерскими эмигрантами в традиционном трансильванском стиле. К церкви прилегал богатая библиотека с залом для заседаний и клубом. Реформатская церковь стала настоящим духовным, культурным и образовательным центром для венгерской национальной диаспоры в Бразилии. При церкви был создан и с 1950-х годов успешно функционирует *Венгерский хор им.Белы Бартока*, занимаясь также популяризацией великого венгерского композитора и его творческого наследия.

К числу других значительных объектов венгерской культуры в Бразилии, возведенных эмигрантами (при полном отсутствии *самостоятельной* венгерской католической церкви, созданию которой помешали бразильские католические церковные иерархи), относится католический *монастырь Св. Геллерта*. При нём был создан и поныне функционирует основанный в 1949 г. *Свободный венгерский университет* им. Калмана Кёньвеша с венгерским языком преподавания и обучения, во главе которого стоит сменяемый венгерский ректор из числа священников ордена бенедиктинцев. В этом университете десятилетиями успешно обучались родному языку, литературе и национальной истории поколения бразильских венгров. В 50-е годы XX века, по имеющимся сведениям, на курсах университета ежегодно обучалось по 50–70 слушателей⁷⁵, которые затем передавали усвоенные знания жителям различных венгерских колоний. В Сан-Паулу с середины 50-х годов всё же официально была открыта снова начальная и средняя школа для венгерских детей под названием *Колледж Св. Имре* (Colegio Santa Americo – Szent Imre Collégium). Все названные центры культуры и венгерской духовной жизни, вместе с их языковыми курсами, литературными кружками призваны содействовать сохранению и усвоению венгерского языка, развитию родной речи у подраставших поколений бразильских венгров.

Приводя эти конкретные сведения о венгерской эмиграции и её культурно-образовательной и религиозной жизни в Бразилии, следует считаться также с тем, что в годы мировой войны, – когда самостоятельная венгерская школьная система оказалась под запретом, – бразильские венгры нашли ей временную замену. Эту систему, хотя и не в полной мере, для юношества частично

заменило *Движение бойскаутов*. Оно не находилось под запретом и продолжало функционировать, поэтому в сложившихся условиях взяло на себя часть функций школы, выполняя также миссию по языковому обучению подрастающего поколения венгров в эмиграции. Причём, наряду с усвоением родного языка и венгерской литературы, бойскауты изучали также историю и географию Венгрии.

В целом же, как об этом лаконично говорится в одном из современных кратких описаний, состояние венгерской эмиграции в Бразилии (а её численность ко второй половине XX века, по имеющимся сведениям, составляла порядка 100 тыс. человек) характеризуется следующим: «Поколения венгерских эмигрантов, прибывших в Бразилию в прошлом веке [в XIX-ом – Б.Ж.], уже утратили свой язык. Эмигранты ассимилировались с живущими там, рядом с ними, более многочисленными национальностями – немцами, итальянцами и португальцами. Но многие из них... в своём сознании ещё сохранили живую историческую память о своём происхождении, об истории эмиграции, о своих предках. Сохранился у них и подчёркнутый интерес, а также уважение к своей европейской прародине».⁷⁶ Отмеченный процесс естественной и неизбежной ассимиляции представителей венгерской эмиграции в этой южноамериканской стране, безусловно, закономерен. Ведь без периодического вливания свежих национальных сил, этнического пополнения и языкового развития любая эмиграция, тем более, если она малочисленна и рассеяна по большой территории, окружена преобладающим инородным массивом, не в состоянии долго противостоять этому процессу даже при систематической языковой подготовке подрастающего поколения эмигрантов.

В таких странах Южной Америки, как Венесуэла и Аргентина, жизнь венгерской эмиграции в колониях и на предприятиях была схожей с бразильской. Она встречала и преодолевала подобные проблемы. Сохранению языка и культуры венгерских эмигрантов в Венесуэле во многом способствовали мероприятия, проводимые *Венгерским домом* в Каракасе, а также деятельность детских садов и школ, религиозных организаций, которые существовали со времени основания бывших венгерских колоний в этой стране и, конечно, газеты, среди которых выделялась «*Caribi Újság*» («*Кариби Уйшаг*» – «*Карибская газета*»). В Аргентине, где столица страны – Буэнос-Айрес – стала основным центром венгерской эмиграции и наиболее крупной национальной диаспоры, между прибывшими туда после Второй мировой войны эмигрантами разного идейно-политического толка (ярыми антикоммунистами и сторонниками христианского мировоззрения) до 1956 г. трудно налаживалось взаимопонимание особенно в политических вопросах. Между ними возникали разногласия и противоречия также в связи с их разным отношением к чинам, рангам и званиям. И от этого груза прошлого сумели избавляться лишь новые, уже выросшие в стране, поколения эмигрантов 1944–1945 гг.

Общая численность попавших в Аргентину в 1947–1951 гг. венгерских беженцев-эмигрантов, согласно данным разных литературных источников, колебалась от 12 до 14 тыс. человек. Характерно, что эта новая эмиграция почти исключительно состояла из дипломированных специалистов, государственных служащих разного уровня, офицеров, журналистов, деятелей культуры и искусства. Она, так или иначе, состояла из интеллектуалов, которые своей первой задачей, наряду с удовлетворением материальных и бытовых потребностей, считали обеспечение своих семей и детей нормальными условиями для духовного и морального развития⁷⁷. Поэтому не удивительно, что в центре внимания представителей этой послевоенной эмиграции вставали задачи по созданию образовательных и культурных учреждений. Практически за первые два года пребывания в эмиграции в Аргентине ими уже были основаны воскресные венгерские школы и библиотеки, свободный венгерский университет, налажено книгоиздание, образовано *Аргентинское венгерское общество*, а в столице страны открыт *Венгерский дом*. Все последующие годы активную работу проводили основанные эмиграцией *Венгерская академия науки и культуры им. Й. Миндсенти*, *Свободный католический университет им. П. Пазманы*, *Южноамериканское венгерское общество артистов*, *Кружок инженеров и техников*, *Молодёжный кружок им. М. Зрини*. Выходившая с 1929 г. в аргентийской столице венгерская газета «*Délamerikai Magyarok*» («*Деламерикаи Мадьяршаг*» – «Южноамериканские венгры») с приходом послевоенного пополнения эмигрантов приобрела новых владельцев и редакторов, которые наладили выпуск газеты «*Magyarok Útja*» («*Мадьярок утья*» – «*Путь венгров*»). В Аргентине в 50-е годы венгерская эмиграция уже имела семь своих книжных издательств, которые обеспечивали художественной литературой на языке не только себя, но и венгров во всех странах Южной Америки. Все эти интеллектуальные действия, наряду с образованием и функционированием разных венгерских обществ и союзов, движений, религиозных и научных организаций, свидетельствовали об оживленной общественной и культурной жизни эмиграции. Однако для эмигрантов из Венгрии в странах Латинской Америки со временем всё более актуальной и жгучей становилась характерная для всех политэмигрантов проблема – отсутствие национального пополнения и, как следствие, этническая и языковая ассимиляция. Ведь представители нового поколения бывших эмигрантов и поселенцев, родившиеся и выросшие уже в тех дальних странах, которые некогда стали целевыми странами для эмиграции их родителей, далеко не всегда могли приобщить своих детей к венгерскому литературному языку и культуре. В лучшем случае они становились обладателями двойной этнической и культурной привязанности. Последующие же их поколения в инородном окружении уже неизбежно подвергались языковой и этнической ассимиляции, особенно в оторванности от прародины отцов.

Глава 2

Коммунисты-реэмигранты и основные причины новых потоков политэмиграции из народно-демократической Венгрии (1947–1949 гг.)**1. Второе «обретение родины» коммунистической эмиграцией. Её ведущие деятели на венгерской политической сцене**

Представленная в прежних главах «старо-венгерская» западная эмиграция в середине 40-х годов XX века получила новое массовое пополнение, прежде всего, за счёт беженцев Второй мировой войны, перемещённых лиц и военнопленных, оказавшихся на завершающем этапе войны на территории Австрии и Германии, впоследствии переправленных в разные страны мира в качестве эмигрантов. Этим, однако, ещё не исчерпались все запасы исходившей из Венгрии второй мощной эмиграционной волны. Спустя несколько лет после окончания войны, уже в условиях новой, ещё не окрепшей молодой венгерской демократии из Венгрии на Запад устремился ещё один, дополнительный эмиграционный поток. Он был вызван политическими причинами и, несомненно, представлял собой эмиграцию, которая отличала её от прежней части второй эмиграционной волны. Обстоятельства, вызвавшие этот новый поток, как и анализ его состава, несомненно, представляют особый интерес.

После того, как пределы Венгрии в результате второй массовой эмиграционной волны покинули представители правящих кругов межвоенного хортистского периода и кратковременного господства Ф. Салаша, страна, по сути, очистилась от основных политических сил правоконсервативного и крайне правого спектра. В послевоенных условиях на совершенно новой социально-политической базе началось формирование и возведение демократического общественно-политического строя, который в исторической литературе именуется *народной демократией*. Казалось бы, при нём в Венгрии уже не осталось каких-либо организованных сил, которым по политическим мотивам следовало бы бежать из страны, образуя новый эмиграционный поток. Тем не менее это произошло, причём уже в условиях функционирования народной демократии, когда под влиянием определённых факторов образовался ещё один *новый поток венгерской политэмиграции*, состоявший из представителей послевоенных демократических сил. Правда, этим заключительным всплеском второй эмиграционной волны уже не была охвачена столь значительная масса людей, как её прежними массовыми потоками в 1944–1945 гг. И в этом смысле они, конечно, несравнимы. С другой стороны, ведущие деятели, главные представители именно этого потока стали важнейшей и определяющей силой всей послевоенной венгерской политэмиграции. Многие

бывшие партийно-политические и государственные деятели народно-демократической Венгрии, оказавшись в вынужденной эмиграции, представляли собой ту организующую и главную сплачивающую силу, которая сумела объединить вокруг себя активную часть политэмигрантов на Западе и, став её основным ядром, десятилетиями во многом определяла деятельность всей западной венгерской политэмиграции.

Участниками этого свежего демократического потока второй эмиграционной волны в 1947–1949 гг. становились, прежде всего, ещё действовавшие венгерские политики, руководители государственных органов, ведомств и учреждений, представители разных антифашистских и демократических партий народной Венгрии. Они были представлены, в первую очередь, правящими коалиционными партнёрами компартии, руководящие деятели которой возвратились в страну после длительного пребывания в советской эмиграции. Коммунисты, сменив 1 сентября 1944 г. название своей партии на *Венгерскую коммунистическую партию (ВКП)*, прочно утвердились на политической арене послевоенной Венгрии в качестве уже новой *легальной* политической силы. Чтобы понять, какими причинами был вызван, под влиянием каких факторов возник упомянутый *эмиграционный поток* 1947–1949 гг., необходимо обратиться к некоторым определяющим моментам и аспектам внутривнутриполитического развития страны второй половины 40-х годов XX века.

Здесь сразу же следует отметить, что участниками этого нового потока политэмиграции стали основные представители довоенных и оппозиционных хортистскому режиму антифашистских и демократических, а также образованных уже в послевоенных условия новых политических партий, которые на этом новом этапе истории вместе с коммунистами управляли страной. Эмигрировать их с 1947 г. заставили изменившиеся внутривнутриполитические обстоятельства, непосредственно связанные с переменной политического курса ВКП и деятельностью её лидеров, стремившихся к монополии на власть. Именно смена политического курса компартии, целенаправленные действия её лидеров, направленные на свёртывание в стране демократии и вытеснение из власти (а, заодно, и из страны) своих коалиционных партнёров, заставили с 1947 г. целый ряд видных венгерских политиков оставить пределы Венгрии. Среди тех, кого в первую очередь заставили тогда эмигрировать, были действующие государственные деятели и официальные лица, а также руководители демократических партий страны. Им пришлось отправиться в продолжительную политическую эмиграцию в западные страны. Дело в том, что после временного сотрудничества с демократическими силами в рамках совместного коалиционного правления страной руководящие деятели компартии взяли курс на ликвидацию многопартийной парламентской системы в Венгрии. Они совершили крутой отход от заявленного ранее политического курса на долговременное сотрудничество с демократическими партиями страны и, используя методы и средства, далеко не характерные для политической борьбы

в условиях демократии, взялись за преднамеренную дискредитацию своих союзниц. Это предусматривало удаление из политической власти наиболее влиятельных деятелей демократических партий страны. Именно такие действия деятелей ВКП провоцировали появление упомянутого *нового витка политэмиграции* из страны. В них выразилось также стремление к повторному утверждению режима коммунистического единовластия от имени пролетариата.

Такое краткое суммарное изложение основных предпосылок и причин появления нового эмиграционного потока из послевоенной демократической Венгрии, безусловно, требует некоторой конкретизации действий коммунистов и обстоятельств изгнания ими из страны названного круга политических деятелей. После того, как Красная Армия очистила Венгрию от гитлеровцев, в стране установилась и первые годы успешно функционировала народно-демократическая власть, базировавшаяся на многопартийной парламентской системе. С ней были связаны успехи по коренному преобразованию всех сфер общественно-политической и хозяйственной жизни, а заложенные тогда основы открывали многообещающую демократическую перспективу венгерского послевоенного развития. Сложившаяся система многопартийного общественного управления с 1947 г. перестала удовлетворять представителей компартии, и они посчитали возможным развернуть наступательные действия против своих демократических союзников.

Определяющие личности компартии десятилетиями отсутствовали в стране, работая в основном в Коминтерне, и плохо знали венгерскую реальность. Из московской эмиграции они начали возвращаться в Венгрию вместе с советскими войсками или сразу вслед за ними, имея за плечами знание одного лишь советского опыта руководства общественно-политическими процессами, которым стремились воспользоваться в венгерских условиях. До 1945 г. в самой Венгрии в условиях подполья лишь малочисленные группы коммунистов действовали под руководством Ласло Райка и Яноша Кадара.

Резмиграция или *репатриация* коммунистов-политэмигрантов в послевоенных условиях имела весьма специфическое проявление. Дело в том, что большинство из них венгерского гражданства лишились, как правило, после первых 10 лет пребывания в эмиграции. К тому же, после долговременного пребывания в СССР многие уже стали советскими гражданами. Вернувшись после войны в Венгрию, эти представители левых политических сил по ряду обстоятельств официально далеко не сразу проходили соответствующие процедуры, необходимые для резмигранта или репатрианта. Часть из них, прибыв в Венгрию или даже отработав годы в стране, продолжали сохранять советское гражданство либо приобрели двойное подданство.

Руководящие кадры компартии, прибыв в страну с Красной Армией или вслед за ней, пользовались, как правило, широкой поддержкой советских военных властей в Венгрии. Условия того времени позволили бы им реально

взяться за установление «второй Венгерской Советской республики», однако, от реализации такой идеи по ряду причин внешнего и внутривластного характера коммунисты тогда воздержались. Им сначала предстояло продемонстрировать своё активное участие в восстановлении страны из руин, завоевать поддержку хотя бы части населения, показать внешнему миру свою готовность к созданию новой демократической государственной системы. Поэтому тогда вместе с демократическими силами страны они пошли сначала на создание многопартийной парламентской системы, отказавшись от прямого провозглашения «второй пролетарской диктатуры». Характерно, что сами лидеры компартии (М. Ракоши, Й. Реваи и Э. Герё) ещё в московской эмиграции, – явно не без советской рекомендации, – предусмотрительно воздержались от прямого утверждения своего единовластия, хотя при этом продолжали считаться с такой необходимостью.

Ещё в конце 1944 и начале 1945 г., готовясь к отправке из Москвы в Венгрию, эти деятели коммунистической эмиграции не особенно заботились о массовом возвращении на родину политэмигрантов. Ими для начала был определён довольно узкий круг лиц, которым в этом отношении отдавался приоритет. Они решили, что поначалу в Венгрию должна вернуться лишь определённая группа лиц, специально отобранная ими из числа наиболее подготовленных и лояльных им кадров эмиграции. Это были, прежде всего, коммунисты, полностью преданные руководству во главе с М. Ракоши, на которых безоговорочно можно было бы опереться при возвращении на родину. Как свидетельствуют документы, лидер компартии предусмотрительно отказался отправлять в Венгрию с первыми группами реэмигрантов даже некогда спасённых советским правительством деятелей Венгерской Советской республики 1919 г. Характерно также, что сам Ракоши и его ближайшее окружение в дальнейшем также не вспомнили о тех эмигрантах, своих бывших соратниках и коммунистах-интернационалистах, которые оставались ещё в разных регионах советской страны с времён гражданской войны, чтобы содействовать их возвращению на родину. В данном случае речь идёт о нескольких сот членов партии, которые если остались живы после сталинских репрессий 1937–1938 гг., томились в ГУЛАГе, а также о непартийных венграх из числа бывших военнопленных и оказавшихся в многочисленных трудовых лагерях. О них в высших партийных кругах ни тогда, ни позже не вспомнили, забыли. В самой Венгрии они им были не нужны, а с их жизненным опытом, приобретённым в эмиграции, даже опасны.

Эмигрантское руководство КПВ перед возвращением в Венгрию удовлетворилось формированием и высадкой в Венгрии весьма ограниченного партийного «десанта», призванного с самого начала развернуть активную организационную работу в стране. В специальный список, составленный ведущими представителями московской коммунистической эмиграции ещё в 1944 г., было включено всего около 300 политэмигрантов, которых Ракоши был на-

мерен направить в Венгрию на первом же этапе, сразу после её освобождения. Список лиц, отобранных для этого, они предварительно представили Г. Димитрову на утверждение с тем, чтобы затем можно было обратиться с ходатайством к соответствующим советским органам отпустить и отправить их для работы в Венгрии. Другой вопрос, – и на это справедливо указывают венгерские исследователи, – что советские органы и организации далеко не всех включённых в этот список венгерских эмигрантов были готовы отпустить, особенно, если те обладали исключительными знаниями или являлись специалистами редких профессий, ведь в послевоенные годы они сами остро нуждались в них. Правда, оказались и такие, кто по ряду других причин не захотел вернуться на родину. В результате даже спустя полтора года после окончания войны из упомянутого списка лишь порядка 200–250 коммунистов вернулись в Венгрию, преимущественно на партийную работу. Приводя эти данные, следует отметить, что против возвращения в Венгрию отдельных представителей эмиграции (как из числа тех, кого обменяло в своё время советское правительство, так и бывших военнопленных) выступил сам Ракоши. Он мотивировал это тем, что они уже давно «оторвались от венгерского движения»⁷⁸, т. е. отстали от реальной жизни, и поэтому ему будут там бесполезны.

Собственно, такую же мотивацию выдвинул в отношении ряда эмигрантов, не включённых в список на возвращение в страну, Й. Реваи, также возражавший против их появления в Венгрии. Прибывшему в 1946 г. в Будапешт на съезд ВКП в качестве наблюдателя от советской ВКП(б) Режё Санто (в прошлом он тоже венгерский политэмигрант, затем советский гражданин, несколько позже – репатриант) он рассказал, что лично сам возражает против возвращения на родину старых эмигрантов. Реваи отмечал, что, ещё находясь в Москве, он мотивировал свою позицию словами: «они оторвались от страны» и на «90% уже ни на что непригодны». По имеющимся сведениям, с осени 1945 г. до 1956 г., в основном через посольство Венгрии в Москве и по некоторым другим каналам, на родину вернулись ещё 522 репатрианта из советской эмиграции, число же оставшихся в СССР бывших венгерских военнопленных и эмигрантов точно неизвестно до сих пор. Все официальные запросы, направленные по этому поводу венгерской стороной в адрес советского партийного руководства за подписью М. Ракоши (последний имел место в 1952 г.), были связаны с выяснением их численности и вариантами их возможного возвращения в страну. Однако, как отмечает К. Петрак, все эти запросы остались без ответа⁷⁹. Многие из оставшихся в СССР бывших военнопленных и эмигрантов, если не затерялись в каких-то лагерях, стали советскими гражданами, поэтому достигнув пожилого возраста или уже не имея близких родственников на родине, предпочли остаться на своих местах.

Готовясь к возвращению из Москвы на родину, ведущие деятели венгерской коммунистической эмиграции, безусловно, учитывали международную

обстановку, внутривнутриполитическую ситуацию в Венгрии и, конечно, учитывали свои реальные возможности. Всё это нашло отражение в тактике и в уже отмеченной новой политической линии компартии, которая посчитала необходимым отложить решение задачи, связанной с повторным установлением в стране пролетарской диктатуры. Данная позиция нашла своё отражение, прежде всего, в разработанной ещё в Москве лидерами компартии программном документе, которым сначала предусматривалось коренное демократическое переустройство и послевоенное восстановление страны, а построение социализма считалось перспективной задачей. А затем в первоначальных активных организационных действиях коммунистов уже в самой Венгрии такой подход позволял коммунистам, не имевшим в Венгрии сколько-нибудь значимой собственной политической и социальной базы, заручиться хотя бы временной поддержкой других антифашистских и демократических сил, которые и стали на первом этапе их партнёрами по установлению народно-демократического строя страны.

Между ВКП и демократическими партиями в Венгрии наладилось сотрудничество и даже коалиционное партнёрство, чтобы на первых порах совместно управлять государством на принципах многопартийной парламентской демократии. Как показала политическая практика последующих лет, всё это так и не означало, однако, окончательного отказа коммунистов от своих истинных намерений, реализация которых началось несколько позже. В этой связи один из современных венгерских историков, характеризуя действия М. Ракоши в связи с выходом в свет его «Воспоминаний», в частности, подчёркивал: «Хотя он знал, что в новой, демократической Венгрии надо (!) создать многопартийную парламентскую систему (её необходимость вытекала из нового советского партийного предписания), он в начале 1945 г. лишь „просто принял к сведению“, что коммунисты должны помогать, а не мешать возрождению остальных антифашистских партий. Выполняя долг, ему пришлось собрать все свои силы, чтобы проводить многопартийную политику, которая никак не соответствовала его сущности»⁸⁰. Коалиционная политика действительно была чужда самой природе Ракоши и возглавляемой им тоталитарной по духу компартии. В своих воспоминаниях он признал, что уже летом 1945 г. у него начались «трудности в сотрудничестве с возрождавшейся партией социал-демократов, а тем более с партией мелких хозяев»⁸¹, поэтому не удивительно, что лидер компартии лишь дождался более благоприятных условий и возможности для избавления от них.

Отмечая эти принципиальные позиции и факторы послевоенного венгерского политического развития, связанные с *возвращением в Венгрию главных представителей коммунистической эмиграции*, следует хотя бы кратко обозначить некоторые ключевые моменты их деятельности, а также представить их самих. Ведь именно их конкретные действия вызвали *новый эмиграционный поток*, заставили бежать из страны на сей раз уже представителей демократи-

чешских сил послевоенной Венгрии. Разумеется, в этой связи целесообразно составить хотя бы краткую биографическую характеристику или политический портрет ведущих представителей компартии, первыми вернувшихся из московской эмиграции. Собственно они и стали главными организаторами новой послевоенной власти в Венгрии, сумели укрепить свои позиции, а спустя пару лет, в 1947–1949 гг. генерировали упомянутый *эмиграционный поток* из страны. Коммунисты-репатрианты именно тогда решили избавиться от демократической многопартийности Венгрии. Они изгнали в эмиграцию ведущих деятелей других политических партий и привели страну к однопартийной тоталитарной системе.

Первая группа *руководящих деятелей ВКП* во главе с Э. Герё (в составе М. Фаркаш, Й. Реваи, И. Надь, З. Ваш и др.) уже в начале ноября 1944 г. прибыла из московской эмиграции в освобождённый на юге Венгрии город Сегед, и сразу же активно взялась за реорганизацию партийных рядов. Она тут же создала партком, призванный выполнять функции временного Центрального Руководства (ЦР) партии, а затем, на рубеже 1944-1945 гг. сформировала партийные структуры и районные секретариаты. Отчёт о начале деятельности группы в стране содержался в письме Й. Реваи от 22 декабря 1944 г. в адрес задержавшегося ещё в Москве лидера венгерской коммунистической эмиграции М. Ракоши (вместе с его новым партбилетом №1 члена уже *венгерской* компартии – ВКП). Послание было передано адресату начальником VII Управления ГлавПУ РККА генерал-майором М. И Бурцевым. Документ интересен тем, что содержит достоверные сведения о конкретной численности коммунистов в стране и о распределении функций и задач между членами группы. В нём сообщалось, что в Венгрии *«в настоящее время партия имеет 3.058 членов»*, но выражалась надежда, что если *«смелее отнестись к приёму»*, то *«можно полагать, через несколько недель численность членов партии достигнет 10–15 тыс. человек»*⁸². Свои заверения о том, что примерно такой же рост членов компартии будет обеспечен к указанному сроку, прислал для Ракоши и Герё в своём письме от 28 декабря 1944 г., с просьбой передать пламенный привет Г. М. Димитрову⁸³. Целесообразность стремительного наращивания рядов партии явно была вызвана тем, что компартия готовилась стать такой политической силой, которая призвана определять судьбу страны. А такая роль предполагала более весомую численность членов партии, что и было достигнуто – в феврале 1945 г. она уже насчитывала 30 тыс. членов.

В письме Реваи при всём этом выражалось недовольство тем, что *«значительная часть товарищей, приехавших из Москвы, не оправдала себя и пригодна только для выполнения более мелких функций»*. Но автор не забыл и обрадовать лидера партии сообщением о том, что *«созыв Временного Национального собрания и образование Временного Национального правительства [Венгрии – Б. Ж.] вызвали по всей стране волну энтузиазма и в значительной мере способствовали оживлению политической жизни»*⁸⁴.

Имена далеко не всех вернувшихся из Москвы руководящих кадров компартии были тогда известны в Венгрии. О них страна узнала лишь в последующие годы. Сегодня же мы можем конкретно обозначить важнейшие этапы их жизненного пути и политической деятельности.

Руководителем этого первого «десанта» ведущих деятелей компартии, вернувшихся в Венгрию из длительной московской эмиграции, был *Эрнё Герё* (1898–1980) – партийный политик, коминтерновец, офицер НКВД, член руководства КПВ в эмиграции. Он всегда оставался верным соратником лидера партии М. Ракоши, принадлежал к узкому кругу его приближённых и считался вторым лицом в партийной иерархии, суровым «серым кардиналом» партии. Родился Герё в венгерской еврейской семье банковского служащего Морица *Зингера* в одном из промышленных районов Будапешта. Окончив гимназию, готовился стать врачом и поступил на медфак столичного университета, но после второго курса бросил учёбу и в 1918 г. вступил в ряды КПВ. Во время «коммуны» 1919 г. работал в аппарате Коммунистического союза молодёжи. После поражения республики бежал в Вену, где участвовал в движении венгерских коммунистов-эмигрантов, выполнял их поручения в Братиславе и Бухаресте, неоднократно подвергался арестам, а весной 1922 г. выдворили в Венгрию. В сентябре Э. Герё снова задержали вместе с группой партийных активистов и весной 1923 г. приговорили к 15 годам заключения за коммунистическую деятельность. В ноябре 1924 г. при содействии советского правительства Герё освободили, и он выехал в СССР, где обучался в международной Ленинской школе, получил советское гражданство. В 30-е годы работал в руководящих органах Коминтерна и по этой линии направлялся во Францию, Бельгию, Швецию, Югославию и др. страны. Герё участвовал в гражданской войне в Испании в качестве советского политрука интернациональной бригады и представителя НКВД, стал известен под псевдонимом «Педро». Считается, что при его активном содействии был подобран непосредственный исполнитель покушения на Л. Троцкого – Рамон Меркадер («Джексон»), захороненный впоследствии на Кунцевском кладбище г. Москвы под именем Рамон Иванович Лопез).

С 1938 г. Герё снова в Москве, где включился в работу коммунистической эмиграции из Венгрии, редактировал газету *«Új Hang»* (*«Уй Ханг»* – *«Новый голос»*), а с 1939 г. представлял КПВ в Коминтерне, занимая этот пост до прибытия в московскую эмиграцию М. Ракоши. Из числа венгерских политэмигрантов именно Герё имел наиболее тесные связи с лидерами КИ – Георгием Димитровым и секретарем ИККИ Д. З. Мануильским. В годы войны Герё был заместителем Димитрова, главного редактора журнала «Коммунистический Интернационал», а также близким сотрудником Мануильского в Исполкоме КИ. Он оставался заместителем последнего и в Главном политуправлении (ГПУ) Наркомата обороны СССР после роспуска Коминтерна.

Накануне приезда в Венгрию 5 ноября 1944 г. Герё участвовал не только в разработке новой программы компартии страны, но фанатично трудился над реализацией намеченных в ней целей и задач. Большой опыт, приобретенный им в коммунистическом движении, большая работоспособность и хорошие организаторские качества позволили ему до прибытия в Венгрию М. Ракоши взять на себя обязанности руководителя партии. Впоследствии он упорно добивался взятия коммунистами полноты власти и утверждения в Венгрии советского типа системы.

Небезынтересно отметить, что в роли лидера первой группы прибывших в Венгрию из московской эмиграции руководящих деятелей компартии Герё занимался оргвопросами. Тогда он лично привлёк к ответственности Я. Када-ра, обвинив его в ликвидаторстве за то, что тот в период хортистского правления ради обеспечения легальной деятельности компартии на время переименовал её в «Партию мира». В этом, как и в других делах, ярко проявилась присущая черта Герё – болезнь левизны. В 1940–1950-х годах он, работая в высшем руководстве венгерской компартии, занимал также министерские посты (в 1945–1949 гг. – министр транспорта, в 1952–1954 гг. – зам. главы правительства, в 1954–1956 гг. – председатель Комитета по экономической политике, где усердно добивался отмены реформаторских нововведений премьер-министра И. Надя). С июля 1956 г. Э. Герё при поддержке советского партруководства стал первым секретарем ЦР *Венгерской партии трудящихся* (ВПТ), сменив на этом посту обанкротившегося Ракоши. Оказавшись во главе ВПТ, он не сумел предотвратить нарастание народного недовольства, более того, своими действиями и выступлением по радио 23 октября 1956 г. во время массового митинга в Будапеште, Герё лишь усугубил ситуацию. В результате вспыхнувшее народное восстание стремительно переросло в революционную борьбу, которая смела его с партийно-политического олимпа вместе с ненавистным народу ракошистским режимом. Будучи причастным почти ко всем противозаконным деяниям, совершённым в Венгрии узкой группой Ракоши в 40-50-е годы, ему пришлось повторно эмигрировать в СССР. В Венгрию он возвратился в 1960 г. без права дальнейшего участия в политической жизни, а в 1962 г. был исключён из рядов партии. Знавший его бывший премьер-министр коалиционного правительства народно-демократической Венгрии Ференц Надь (один из изгнанных коммунистами в эмиграцию), в своих воспоминаниях характеризовал Э. Герё как «человека большой трудоспособности, целеустремлённого и фанатичного коммуниста, готового до аскетизма выполнять поручения» своих хозяев⁸⁵.

Другой член названной группы, *Йожеф Реваи* (1898–1959), урождённый *Ледерер* – публицист, член КПВ с 1918 г., считался теоретиком и идеологом партии. Вынужденный эмигрировать в Австрию после разгрома ВСР 1919 г., он в Вене не только сблизился с философом Д. Лукачем и публиковался в коммунистических газетах 1920-х годов, но был делегатом I съезда КПВ и одним

из учредителей теоретического журнала партии «*Új Március*» («*Уй Марциус*» – «*Новый Март*»), а с 1925 г. стал его издателем. Теоретические разработки Реваи, сделанные в 30-е годы, легли в основу проведения политики народного фронта. С 1934 г. он с небольшими перерывами жил в Москве, работал референтом австрийской секции аппарата Исполкома КИ, а с 1939 г., подобно многим другим ведущим политэмигрантам, часто выступал на волнах радиостанции «Кошут». Осенью 1944 г. он вместе с Герё принимал активное участие в разработке программы действий партии.

Вернувшись в Венгрию, Реваи стал членом высших руководящих органов ВКП, курировал пропаганду, науку и культуру. В качестве главного идеолога партии он способствовал активной реализации сектантско-догматического курса, разработанного совместно с Ракоши, Герё и Фаркашем. Будучи приближённым к вождю партии и являясь членом правящей «четвёрки», этот бывший политэмигрант при ракошистском режиме занимал левацкие позиции, что отразилось также на его характере и работе руководимых им отраслей. С апреля 1945 г. Реваи – главный редактор газеты ВКП «*Szabad Nép*» («*Сабад неп*» – «*Свободный народ*»), сохранив этот пост до конца коалиционного правления. Вместе с тем в 1948 г. в споре о характере власти он считал, что народная демократия ещё выполняет функцию диктатуры пролетариата, чем вызвал резкую критику со стороны Герё. В июне 1950 г. Реваи был избран заместителем генсека партии, в 1949–1953 гг. являлся министром народного образования. Хотя и входил в состав самой узкой группы Ракоши, во время сфабрикованного политического процесса по «делу» Л. Райка, он вёл себя несколько сдержаннее своих коллег. Летом 1948 г. им даже подвергались критике методы работы органов госбезопасности, но затем, когда встал вопрос об их ответственности за совершённые противозаконные действия, Реваи отметил, что «в Управлении ГБ происходило лишь то, чего хотел сам Ракоши»⁸⁶. При этом он возражал против роспуска органов УГБ. В дни венгерской революции 1956 г. ему пришлось уехать из Будапешта и снова стать политэмигрантом в Москве. Но уже весной 1957 г. он снова вернулся в страну, где до своей кончины оставался членом ЦК ВСРП, заместителем председателя Президиума ВНР и главным редактором журнала «*Társadalmi Szemle*» («*Таршадалми Семле*» – «*Общественное обозрение*»).

В составе группы прибывших в Венгрию партийных деятелей был *Михай Фаркаш* (1904–1965), урождённый *Герман Лёви* – по профессии печатник, политик компартии. Этот выходец из еврейской семьи г. Кошице начал свою политическую деятельность в 1920-е годы в чехословацком коммунистическом молодёжном движении, где к началу 30-х годов стал известен под именем *Мишель Вольф*. Неоднократно подвергался арестам и был приговорён к нескольким годам тюремного заключения. После освобождения в 1929–1937 гг. Фаркаш являлся одним из деятелей Коммунистического молодёжного Интернационала, участвовал в гражданской войне в Испании, затем эмигри-

ровал в Советский Союз. В годы Второй мировой войны включился в работу московской венгерской коммунистической эмиграции, вступил в ряды КПВ, но в Венгрии оставался неизвестен. Прибыв в страну вместе с группой Герё в конце 1944 г., он вошёл в состав партийного руководства (ЦР, Политбюро и его Секретариата), занимая с 15 июля по ноябрь 1945 г. пост госсекретаря МВД Венгрии по политическим вопросам. С октября 1946 г. он стал заместителем генсека ВКП и занимался оргвопросами, затем с августа 1953 г. – секретарём ЦР партии (с 1948 г. – ВПТ), и одновременно с 9 сентября 1948 по 4 июля 1953 гг. являлся министром обороны Венгрии сначала в чине генерал-полковника, а затем в ранге генерала армии. В его ведении находились также тайная полиция и органы госбезопасности, которыми до конца 1952 г. руководил генерал-лейтенант *Габор Петер (урождённый Бенямин Айгенбергер)*.

Являясь одним из руководителей политической полиции, Фаркаш вместе с Г. Петером стал организатором ряда противозаконных актов и сфабрикованных обвинений против невинных граждан страны. Но если партийный ареопаг с Петером уже в марте 1954 г. был вынужден пожертвовать (Верховный военный суд приговорил его к пожизненному заключению, но уже в 1960 г. был отпущен на свободу и впоследствии работал библиотекарем), то Фаркашу некоторое время ещё удавалось избежать заслуженного наказания. Впоследствии вполне обоснованно характеризовал его бывший интернационалист Шандор Ногради (урожд. Келлерман) как человека, который, обладая большой властью, «потерял всякое чувство объективности и умеренности», отметив при этом, что «людей такого сорта никогда не следовало бы наделять какой-либо властью»⁸⁷. Однако именно ему, принадлежавшему к узкой группе лиц партийной «четвёрки» (Ракоши, Герё, Фаркаш, Реваи), и его всесильному ведомству было доверено или поручено организовать отмеченные заведомо сфабрикованные (в Венгрии они назывались концептуальными) обвинения и противозаконные действия, в ходе которых преследовались, запугивались сотни безвинных граждан Венгрии, включая отдельных лидеров компартии, предполагаемых соперников Ракоши.

Репрессивные деяния режима Ракоши, осуществлённые при активном содействии ведомства Г. Петера и М. Фаркаша в 40-50-х годах прошлого века, привели к многочисленным арестам и сфабрикованным судебным процессам в стране, а в итоге вызвали поток политэмиграции демократических сил. По свидетельству сына М. Фаркаша (полковника госбезопасности Владимира Фаркаша), названная четвёрка «регулярно обсуждала все важные вопросы, прежде чем вынести их на обсуждение в Политбюро»⁸⁸. Подконтрольный М. Фаркашу репрессивный аппарат стал, таким образом, в руках этих деятелей важным инструментом политической борьбы, посредством которого навязывались венгерскому обществу определённые решения и утверждался тоталитарный режим диктаторской власти. Не удивительно, что впоследствии не только Г. Петер и М. Фаркаш, но и М. Ракоши были признаны ответственно-

ными за противозаконные, по сути, преступные действия, совершённые во второй половине 1940-х и начале 1950-х годов. Летом 1956 г. Фаркаша исключили из партии, затем арестовали, а в июне 1957 г. приговорили к 8 годам тюремного заключения (но уже в 1961 г. он оказался на свободе и работал лектором в книгоиздательстве).

След за Б. Куном наиболее известным и признанным лидером коммунистов Венгрии, побывавшим в московской эмиграции, являлся уже упоминавшийся *Матяш Ракоши (1892–1971)*. Он родился в Австро-Венгрии в селе Ада (ныне в Сербии) шестым по счёту ребёнком в еврейской семье с 12 детьми. Ему было всего 12 лет, когда его отец, торговец-лавочник решил сменить фамилию *Розенфельд* на Ракоши. Молодой Ракоши в 1910 г. окончил гимназию в г. Сегеде с отличием, затем на стипендию Восточной академии с 1912 г. продолжил учёбу в Гамбурге, а в 1934 г. – в Лондоне. Он ещё в студенческие годы вступил в ряды СДПВ и стал секретарем Кружка Галилея, объединявшего вольных каменщиков, которых впоследствии было немало и среди коммунистов.

Ракоши, призванный с началом мировой войны на военную службу, уже в 1915 г. попал в российский плен, а в 1918 г. оказался в лагере для австро-венгерских военнопленных на Дальнем Востоке. Ему удалось сбежать из лагеря и добраться до Питера, а затем выехать в Венгрию, где он вступил в ряды КПВ. В 1919 г. Ракоши на посту замнаркома ВСР по торговле, а позже – наркома социального производства. Поражение «коммуны» заставило его эмигрировать в Вену, затем по заданию Коминтерна ему пришлось выполнять разные поручения в комдвижении ряда стран Центральной Европы. В 1924 г., направленный в Венгрию, он участвовал в воссоздании КПВ. В 1925 г. Ракоши был арестован хортистскими властями и приговорён к 8 с половиной годам заключения, а затем на повторном процессе – к пожизненному заключению. До 1940 г. он отбывал наказание в Сегедской тюрьме «Чиллаг» для политических заключённых, где им разрешалось даже собираться и проводить свои совещания и дискуссии. О тюремных годах Ракоши в своих воспоминаниях, в частности, писал: «Октябрь 1940 г. Уже 16 лет сижу в тюрьме. По венгерским законам приговорённые к пожизненному заключению, если этот срок для них первый, после 15 лет могут просить условное освобождение... Об этом в моём случае не могло быть и речи, я совершил много нарушений»⁸⁹.

В 1940 г. Ракоши, вместе с группой венгерских коммунистов, был освобождён из заключения советским правительством, обменён на трофейные венгерские знамёна, взятых 1849 г. российскими войсками в Венгрии (помогавшими Габсбургам в подавлении венгерской национально-освободительной борьбы), перед которыми венгры предпочли сложить оружие. После торжественной встречи в Москве оказавшийся на свободе М. Ракоши, 40-е годы проработал в Коминтерне, представляя там КПВ, сменив на этом посту Э. Герё. Став фактическим лидером партии, Ракоши сыграл важную роль в жизни всей полит-

эмиграции. В годы Второй мировой войны он занимался также венгерскими военнопленными, организацией радиовещания на Венгрию, участвовал в разработке программы КПВ на послевоенный период.

Вернувшись из советской эмиграции в Венгрию, Ракоши 30 января 1945 г. официально занял ключевой пост в ВКП, которая с лета 1948 г. – после объединения с ней СДПВ – называлась *Венгерской партией трудящихся* (ВПТ). Став генеральным секретарём этой партии, Ракоши одновременно занял должность заместителя главы правительства, а с 1952 г. – премьер-министра страны. Тем самым он сосредоточил в своих руках огромную власть. Его начитанность и опыт, знание иностранных языков, хорошая память и ораторские способности производили впечатление на его собеседников и участников послевоенных митингов. Являясь политиком знающим, внешне любезным, но расчётливым, хитроватым и мстительным, он не ценил бывших коммунистов-подпольщиков, не доверял им. Последние, хотя и были представлены в ЦР партии, Ракоши считал их второсортными коммунистами, что однако не мешало ему видеть в них своих потенциальных соперников и соответственно относиться к ним⁹⁰. Один из премьер-министров послевоенной Венгрии, Ференц Надь, которому Ракоши формально подчинялся в период демократической многопартийности, впоследствии так отзывался о нём в своих воспоминаниях: «Ракоши образованный и сведущий человек. За 15 лет в тюрьме многое прочитал и запоминал. Московская подготовка и работа в Коминтерне развили его тактическое чутьё к политике. С венгерским народом он не имеет никакой духовной общности. Политикой занимается профессионально и является надёжным орудием в руках Москвы. Нет сомнения, что среди посланцев, направленных Москвой в Юго-Восточную Европу, Ракоши наиболее масштабный политик»⁹¹.

Упрочив свои позиции в партии и стране, Ракоши приступил к методичному удалению из политической жизни ведущих представителей правых и центристских демократических партий страны. У них не оставалось другого выбора, как искать убежища на Западе. Ракоши, окончательно ликвидировав многопартийную парламентскую демократию, утвердил в Венгрии аналог советской системы. Вместе с узкой группой своих единомышленников, следуя во всём сталинскому образцу, он сумел создать тоталитарный режим с подобной диктатурой и собственным культом личности. Кончина И. В. Сталина несколько поколебала его позиции: благодаря вмешательству нового советского политического руководства Ракоши в 1953 г. был вынужден поделиться властью, уступив на время пост главы правительства другому бывшему эмигранту-коммунисту Имре Надю, который попытался несколько скорректировать режим, но вскоре был сменён, удалён с поста и исключён из партии.

Накопившиеся в стране и ВПТ проблемы, рост недовольства догматической политикой «вождя» (особенно после XX съезда КПСС), его причастность к сфабрикованным судебным «делам» и процессам, к противозаконным дея-

ниям вскоре снова вызвали необходимость повторного советского вмешательства в жизнь братской партии. В результате решением ЦР ВПТ Ракоши был освобождён с поста партийного лидера, который занял его верный соратник Э. Герё. Но этого, – как показали события осени 1956 г., – уже оказалось недостаточно для решения проблемы страны, тем более, что политика и позиции последнего вызвали народное возмущение, которое вылилось в венгерскую революцию, и им обоим снова пришлось искать убежище в новой советской эмиграции. Характерно, что впоследствии в качестве одной из основных причин, вызвавших стихийную вспышку массового недовольства венгерского народа, самой компартией был признан культ личности М. Ракоши и политика его ближайшего окружения. Не удивительно, что вооружённое подавление революции извне, уничтожение её завоеваний и нежелание масс вернуться к ракошистским порядкам вызвали массовое бегство венгров из страны, новую волну эмиграции по политическим причинам.

Представив эти биографического характера краткие политические портреты основных деятелей коммунистической реэмиграции, целесообразно в общих чертах обозначить также реальную послевоенную обстановку, в которой развернулись их действия. Это важно для понимания последующих политических процессов, которые вскоре привели к изгнанию из страны в политэмиграцию целого ряда венгерских политиков, представителей антифашистских и демократических сил. В свою очередь, необходимо хотя бы в краткой форме и в хронологической последовательности отобразить процесс укрепления сил и позиций прибывших в страну коммунистов, ставших в итоге подлинными хозяевами послевоенной Венгрии.

Ведущие представители коммунистической реэмиграции, прибыв в Венгрию, сразу же становились (по уже отмеченным причинам) весьма влиятельными фигурами политической жизни. Присутствие советских войск, поддержка Москвы и ряд других факторов с самого начала обеспечили им реальную возможность для развёртывания активной деятельности и решающим образом помогали им влиять на формирование и развитие ситуации в стране. До неблагоприятных действий и «перегибов», совершённых отмеченными лицами, о чём упоминалось в биографических справках, тогда ещё было далеко. Да к тому же они совершались за кулисами политической сцены, и широкая венгерская общественность узнала об этом со значительным опозданием, но тогда они уже вызвали самое широкое осуждение.

Поначалу же предложенные реэмигрантами-коммунистами проекты по коренному демократическому переустройству страны встретили одобрение и поддержку самых широких масс, практически всех антифашистских сил и демократических партий страны. Процесс упрочения позиций компартии в послевоенной Венгрии был ожидаемым в ВКП. Её руководитель, М. Ракоши из московской эмиграции прибыл в Будапешт 23 февраля 1945 г., являясь в ней уже определяющей личностью. С его приездом, объединением московского

и будапештского партийных центров, образованием единого временного Центрального Руководства ВКП становилась более компактной, цельной и организованной политической силой. Руководящие деятели партии, рассчитывая на будущую роль партии в жизни страны, как отмечалось, с самого начала взялись за активное наращивание своих рядов и расширение своего влияния по стране. К майской партконференции 1945 г. в рядах ВКП уже насчитывалось до 150 тыс. членов (при этом только за один месяц рост составил 50 тыс.), а к октябрю уже почти полмиллиона⁹². Ряды ВКП пополнялись также коммунистами, которые переселились в Венгрию из районов Закарпатья, южной Словакии, Северной Трансильвании и Воеводины. Эти территории снова были отделены от Венгрии. Кроме того, как отмечают венгерские историки, ряды ВКП росли также за счёт люмпенизированной части общества (включая даже бывших рядовых нилашистов, которые таким способом уходили от привлечения к ответственности)⁹³.

После двух партсъездов, проведенных в эмиграции за четверть века (Вена, 1925 г. и Апрельевка под Москвой, 1930 г.), 20–21 мая 1945 г. ВКП уже свободно могла проводить свой очередной форум в самой Венгрии. Это было партийное совещание коммунистов в Будапеште, на котором избрали уже постоянное ЦР ВКП из 25 членов. В её Секретариат вошли три представителя московской эмиграции (М. Ракоши, Й. Ревай, М. Фаркаш) и два секретаря (Л. Райк и Я. Кадар), которые в условиях подполья работали в стране. Генеральным секретарём партии остался М. Ракоши, который вместе с соратниками по Коминтерну решал задачи формирования намеченного политического курса, определял характер и направление деятельности партии. Бывшие подпольщики в новом руководстве ВКП играли второстепенную роль. Такая ситуация во многом объяснялась отсутствием доверия и даже подозрением со стороны «москвитов» к коммунистам, работавшим в годы войны на родине. И хотя последние лучше ориентировались в реальных венгерских условиях, сами считали, что Ракоши и его коллеги с приобретённым в Москве опытом лучше знают, как надо действовать. У бывших подпольщиков сомнения появились только тогда, когда уже было поздно, когда сама партия и страна оказались под неконтролируемой властью узкой группы ракошистов. Это уже было время «систематического нарушения самых элементарных прав человека», когда «было достаточно одного доноса, ненависти 1–2 недоброжелателей, чтобы люди становились обитателями лагерей для интернированных»⁹⁴, время, когда они сами очутились в застенках ракошистских лагерей и тюрем.

Бывшим лидерам политэмиграции во главе с Ракоши в Советском Союзе удалось усвоить многое. Находясь в стране и работая в Коминтерне, они наблюдали за ходом социалистического строительства, многому научились и приобрели богатый политический опыт. При всём этом они усвоили, однако, и сталинские приёмы искусственного обострения классово-борьбы, обучились репрессивным методам управления обществом и воздействию на него при по-

мощи силовых органов, отстранению своих потенциальных или предполагаемых соперников, их вытеснению из власти. У лидеров этой реэмиграции не оставалось и тени сомнения в правильности своих действий и поступков, они с самого начала были убеждены, что только им суждено играть определяющую роль в жизни послевоенной Венгрии. С учётом этого и действовали «московиты», старательно внедряя не только усвоенную ими теорию, но и пересаживая на венгерскую почву советскую практику социалистического строительства с применением указанных приёмов и методов утверждения тоталитарной власти. Вскоре это нашло выражение в интернировании классовых врагов и прочих «нежелательных элементов», в установлении атмосферы всеобщей подозрительности, в действиях подконтрольных им органов политической полиции и госбезопасности, направленных на преднамеренную компрометацию и методичное отстранение из политической сферы наиболее влиятельных и авторитетных деятелей всех прочих демократических партий (включая своих же коалиционных партнёров и даже представителей традиционной рабочей партии, СДПВ), в их изгнании в эмиграцию. Вслед за ними Ракоши и его ближайшее окружение взялись за устранение предполагаемых потенциальных соперников «вождя», к преследованию всех неугодных, в результате чего множились сфабрикованные «дела» и специально инсценированные судебные процессы, призванные демонстрировать «нарастание классовой борьбы» в стране.

Такое явное подражание советскому образцу и опыту началось ещё по следам восстановления разрушенного войной народного хозяйства Венгрии, на фоне первых успехов по налаживанию мирной жизни и заметных достижений по демократическому обустройству страны. На опасность, которая уже в ближайшей перспективе угрожала Венгрии в результате копирования советского опыта, тогда одним из первых обратил внимание венгерский политэмигрант, научный сотрудник московского Института мировой экономики и мировой политики АН СССР Золтан Липпай (кстати, включённый в упомянутый список лиц, предлагавшихся к раннему возвращению на родину). Словно предвидя грядущие проблемы и коллизии, которые может вызвать деятельность в Венгрии лидера компартии и его ближайшего окружения, он, судя по архивным источникам, пытался обратить на них внимание советского партийно-политического руководства. Липпай, видимо, после посещения страны, 27 июля 1945 г. подал в ЦК ВКП(б) специальную аналитическую «Докладную записку о положении в Венгрии», отразив в ней основные проблемы, которые уже тогда становились актуальными. Следует отметить, что Липпай даже в условиях Второй мировой войны, вопреки предвзятым измышлениям своих же коллег эмигрантов, твердивших о заговоре Хорти с Гитлером, смело и вполне обоснованно отверг эти эмигрантские констатации, раскрывая руководству советского МИДа реальное положение дел в данном ложно толкуемом вопросе и настаивал на объективной оценке ситуации⁹⁵. Он и на сей раз решился довести до советского руководства информацию о проблемном состоянии дел

в послевоенной Венгрии. Охарактеризовав основные достижения в экономике и общее положение вещей в стране, он пытался обратить внимание советского политического руководства и предупредить его о тех опасностях, которые грозили стране в связи с наделением М. Ракоши и его ближайшего окружения руководящей ролью в ВКП⁹⁶.

В записке Липпай уже тогда указывалось на то обстоятельство, которое впоследствии стало острой проблемой для компартии в связи с тем, что в составе высшего руководства ВКП почти не оказалось венгров по национальности. Этой проблемой, как известно, летом 1956 г. напрямую пришлось столкнуться и заниматься М. А. Суслову во время его специальной миссии в Венгрии⁹⁷. Эмигрант Липпай, среди прочего, тогда подчёркивал также, что Ракоши «вводит в заблуждение коммунистов Венгрии», «в компартии и стране создал масонскую ложу», членов которой он назвал поимённо⁹⁸. Характерно, что впоследствии Ракоши в своих «Воспоминаниях» признал справедливость его выводов: «Действительно, была не совсем здоровой та обстановка, которую товарищи еврейского происхождения играли в партии, и мы это уже давно знали, но не занимались этим вопросом в степени, соответствующей его важности. (Сталин уже в 1951 г. после съезда ВПТ сообщил мне, что делегация КПСС, которая во главе с т. Юдиным была на съезде, убедилась в том, что там и в партии очень много еврейских функционеров и мы должны позаботиться об изменении положения). Впрочем, Сталин в 1944 г. придерживался такой позиции, чтобы в первое правительство [Венгрии] ни в коем случае не попали евреи-коммунисты. По его мнению, их очередь может наступить позже, после того, как их узнает народ. Этот вопрос в мае 1945 г. снова затронули в связи с кандидатурой Герё на пост министра торговли, и тогда было выражено мнение, что теперь уже *sum grano salis* [латинская фраза означает «щепотка соли» – Б. Ж.] можно пойти на это»⁹⁹.

В 1945 г., и это здесь также следует отметить, к самому Ракоши также скептически отнеслись некоторые известные венгерские политические деятели, отказав ему в выражении доверия и предупредив советские военные оккупационные власти о нежелательности его использования на руководящих государственных постах. Правда, это не имело никаких последствий. Так, в частности, бывший премьер-министр 1920-х годов граф Иштван Бетлен, который в условиях гитлеровской оккупации Венгрии долго скрывался от гестапо, а затем при появлении советских войск в конце 1944 г. добровольно явился к командованию 3-го Украинского фронта, где состоялся его опрос советскими офицерами-политруками. В ходе этой беседы Бетлен, отклонив возможность своего участия в будущем правительстве страны, высказался за целесообразность привлечения представителей всех антифашистских демократических партий в его состав. При этом, однако, он выразил нежелательность того, чтобы новое демократическое правительство страны возглавил М. Ракоши или М. Каройи. Мотивировал он это так: «Такие эмигранты-коммунисты, как Ра-

коши, подобно графу Каройи, который последние 20 лет провел в Лондоне, не пользуются авторитетом у народа»¹⁰⁰. Конечно, советы и предупреждения, ни коммуниста З. Липпай, ни графа И. Бетлена соответствующие службы не приняли во внимание, а, возможно, и не довели эту информацию до высшего советского руководства. Последствия известны: хотя первые послевоенные правительства Венгрии и не возглавили упомянутые лица, бывший деятель Коминтерна, политэмигрант М. Ракоши всё же стал определяющей политической фигурой в послевоенной Венгрии и пользовался полным доверием и поддержкой советского руководства, а граф Бетлен закончил свой жизненный путь в Бутырской тюрьме Москвы.

2. Утверждение коммунистов-реэмигрантов во власти и основные политические силы венгерской народной демократии

Руководство ВКП во главе с М. Ракоши, обосновавшись в Венгрии и взяв на себя обязательства по восстановлению многопартийной парламентской структуры страны, на некоторое время было, таким образом, вынуждено отложить реализацию идеи второй пролетарской диктатуры. Для решения предстоявших целей и задач уже упомянутый первый коммунистический «десант» ведущих реэмигрантов взял с собой в Венгрию подготовленную программу действий. Имея согласие советских войск и заручившись поддержкой демократических сил страны, коммунисты сразу же приступили к её осуществлению. Дело в том, что компартия была заранее и лучше подготовлена, чем остальные антифашистские и демократические партии Венгрии к грядущим переменам. Она уже 30 ноября 1944 г. опубликовала в газете «Неплап» (г. Дебрецен) «Программу демократического восстановления и взвышения (*Предложения ВКП*)», которая встретила одобрение и поддержку со стороны всех демократических партий страны. Именно на платформе этой программы пошли на сотрудничество с коммунистами такие политические силы Венгрии, как СДПВ, НПМХ, Национально-крестьянская и Буржуазно-демократическая партии, а также Свободные профсоюзы, т. е. практически все основные демократические организации страны. Их совместными усилиями и закладывались основы новой венгерской народно-демократической государственности и развернулись соответствующие демократические преобразования во всех сферах жизни общества.

Коммунисты-реэмигранты вместе с бывшими подпольщиками уже в начале декабря 1944 г. провели работу по созданию в г. Сегеде *Венгерского национального фронта независимости*, в который вовлекли представителей названных партий. Затем вместе с ним 21–22 декабря в Дебрецене организовали созыв *Временного Национального собрания* (парламента), который избрал *Временное национальное правительство* Венгрии на многопартийной основе.

В новых учреждённых органах власти, как и планировалось, оказались представители всех групп населения страны (рабочие, крестьяне, городская мелкая буржуазия, интеллигенция, антифашистская буржуазия, представители тех хортистских кругов, которые не скомпрометировали себя в годы войны).

Временное правительство уже в середине марта 1945 г. приняло декрет об экспроприации крупных землевладений размером свыше 1000 кадастровых хольдов и приступило к осуществлению земельной реформы. Её реализация, вместе с другими преобразованиями в экономике, коренным образом изменила общественные отношения страны, что нашло выражение, прежде всего, в исчезновении крупной буржуазии как класса в венгерском обществе. Наиболее крупные землевладения были у Католической церкви (825 тыс. кадастровых хольдов), у графов Эстерхази (223 тыс.) и Фештетич (69 тыс.), у семейства Паллавичини и др. Все они, как и земельная собственность банков, и прочая капиталистическая собственность, подверглись экспроприации, но при этом богатые и зажиточные крестьяне сохранили свои земли. В результате была ликвидирована экономическая база как венгерской земельной аристократии, так и крупной городской буржуазии, которая практически не пережила войны и её последствий. Основную и самую могущественную часть городских капиталистов Венгрии составляла крупная еврейская финансовая и промышленная буржуазия. Она была представлена такими известными семействами как Вайсы, Хорины, Корнфельды, Маутнеры и пр., которые находились между собой в тесных родственных отношениях. К концу войны эти семьи, оставив на 25 лет свою собственность в «доверительное пользование» оккупировавшим Венгрию гитлеровцам, достигли договорённости с ними о свободном вылете из страны, и вывозе с собой в Португалию значительной суммы финансовых средств¹⁰¹, покинули страну и в Венгрию больше не вернулись. В отличие от некоторых венгерских аристократов, они не стали, однако, участвовать в деятельности послевоенной венгерской эмиграции за границей.

Если до войны интересы буржуазных кругов в политической жизни Венгрии выражала аристократия и т. н. «господский средний класс», то после войны ситуация изменилась. Крупная буржуазия и её остатки в политической жизни страны уже не имели веса, потеряли свои позиции. Представители городской средней буржуазии в послевоенных условиях практически отошли на задний план, тогда как сельские зажиточные и середняцкие слои крестьянства упрочили свои позиции, став важной движущейся социальной силой в венгерском обществе.

Зарождению демократического государства на многопартийной основе и перспективам его развития благоприятствовали как внешнеполитические, так и внутренние условия. Уже к лету 1945 г. оформились и окрепли политические партии, представлявшие разные социальные слои. Характеризуя изменившуюся в Венгрии ситуацию, З. Липпай в своём упомянутом анализе справедливо констатировал: «В момент прихода Красной Армии в Венгрию

преобладающая часть чиновничества и партийных деятелей [т. е. правые и крайние силы – Б. Ж.] сбежала или скрылась. Восстановление администрации, организаций социал-демократов и мелких хозяев находилось в руках компартии. Ведущая роль компартии и её гегемония обеспечивались в Венгрии благодаря Красной Армии... Руководство компартии в Венгрии проводило на практике собственную политику. В своей главной линии она была правильно намечена и получила кредит доверия»¹⁰². Он отметил также, что ВКП ещё в Москве наметила чистку госаппарата. Это считалось само собой разумеющимся, равно как и то, что коммунисты скрыто начали действовать и в рядах других партий, на их левом фланге.

Хотя ракошистскому руководству ВКП действительно удалось расставить свои кадры на левом крыле разных демократических партий и приступить к реализации намеченных для первого этапа задач и действий, а также ведения столь непривычной для себя политической линии в условиях многопартийности, всё это было явно не по нутру самому Ракоши. Лидер партии далеко не без основания жаловался в этой связи Г. М. Димитрову. В своём письме от 23 июня 1945 г., отмечая, что «четыре-пять месяцев назад мы имели до известной степени монополию [курсив наш – Б. Ж.], потому, что все другие партии были расшатаны, но теперь положение коренным образом изменилось: сейчас партии работают... и положение у нас труднее»¹⁰³.

В канун первых послевоенных свободных демократических выборов, состоявшихся в начале ноября 1945 г., дух соревнования между партиями усилился. Коммунисты на выборах надеялись на свой «оглушительный» успех, рассчитывая, по словам Й. Реваи, не менее, чем на 70% голосов, но такой поддержки не получили, что сильно огорчило Ракоши. Придя в себя, он своеобразно объяснял Димитрову полученные коммунистами на выборах в парламент итоги. «17% произвели всеобщее ошеломление», – писал Ракоши. Затем, сославшись на оценку одной из газет и частично цитируя её, он прокомментировал итоги так: «Теперь все могут убедиться в том, что партия, которая пришла извне (считай: её привезли русские и посадили на шею народа), возникла из народных глубин и опирается на широкие народные массы, становится одной из созидательных сил венгерской жизни... И это важнее всего для нас». В заключении же он мимоходом отметил, что «социал-демократам всего на 21000 голосов досталось больше, а мелкие хозяева получили 57,6%»¹⁰⁴.

Ракоши тем самым затронул весьма важный вопрос реальной расстановки политических сил в стране и их поддержки населением. После таких результатов, для понимания причин последующего отъезда из страны в эмиграцию (спустя всего пару лет!) основных деятелей победивших на парламентских выборах демократических сил, – впрочем, союзных с коммунистами коалиционных партий, – требуется учитывать одно важное обстоятельство. Если ВКП и СДПВ с самого начала выступали в качестве защитников рабочего класса, а Национальная крестьянская партия (НКП) – интересов беднейшего крестьян-

ства, то победившая на выборах НПМХ предстала защитницей более широких социальных пластов населения страны. Она являлась даже по своему полному названию (*Независимая партия мелких хозяев, земельных рабочих и горожан*) партией-накопительницей, к которой, не имея собственных организаций, стали примыкать самые разные слои общества, включая малочисленные остатки буржуазии. Поэтому не удивительно, что в дальнейшем, когда началось наступление коммунистов на представителей других политических сил, лидеры этой крупнейшей правящей политической партии страны стали первыми объектами их атаки. С них началось поочередное изгнание лидеров разных политических партий в эмиграцию. Вслед за ними настал черёд также видных социал-демократов, т. е. те силы, на которых собственно и держалась многопартийная демократия второй половины 40-х годов в Венгрии.

Вслед за определяющими деятелями ВКП, вернувшимися из московской эмиграции и активно вторгшимися в политическую жизнь Венгрии, целесообразно представить также некоторых лидеров других политических партий, прежде всего СДПВ и НПМХ (с выделившимися из неё затем новообразованиями). По ряду причин именно они стали главными изгнанниками, а затем ведущими представителями политической эмиграции 1940–1950-х годов на Западе.

Социал-демократическая партия Венгрии, исторически сложившаяся на базе промышленных и городских рабочих и традиционно опиравшаяся на профсоюзы, возобновив свою деятельность летом 1945 г., насчитывала в своих рядах порядка 350–400 тыс. членов. Партия в качестве своей стратегической цели обозначила построение социализма. Её основным девизом стал лозунг: «Сегодня демократия, завтра социализм!». Среди деятелей СДПВ выделялись такие руководители, как упоминавшийся традиционалист Карой Пейер со своими консервативными взглядами, центристы Анна Кетли, Антал Бан, Ференц Седер, Имре Селиг, а также готовые к широкому сотрудничеству с коммунистами левые силы партии – генсек партии Арпад Сакашич, Шандор Ронаи и Дёрдь Марошан (скрытый коммунист). При этом правые традиционалисты и центристы относились к коммунистам с определенным недоверием, а в 1948 г. не пошли на объединение с ними, после чего были вынуждены эмигрировать.

Национальная крестьянская партия (НКП), насчитывавшая в своих рядах летом 1945 г. около 170 тыс. членов, выражала и представляла интересы бедных и безземельных крестьян. Характерно, что она выросла из движения писателей-народников 1930-х годов и озабочена присутствием в её рядах не только крестьян, но и широкого слоя представителей народной интеллигенции, которая хорошо знала жизнь села и была озабочена положением крестьянства. Её видными деятелями являлись такие известные личности, как писатели Петер Вереш, Имре Ковач, Йозеф Дарваш, Ференц Эрдеи, Дюла Ййеш, философ Иштван Бибо и др. Некоторые из них пошли на компромисс

и сотрудничество с коммунистами, но отдельные стали вынужденными эмигрантами.

Независимая партия мелких хозяев со своими крестьянскими и антифашистскими традициями межвоенных лет возобновила свою деятельность сразу же после освобождения Будапешта. Организационная сеть НПМХ к лету 1945 г. уже охватила практически все сёла Венгрии. К ней стали присоединяться, наряду с бедным, средним и зажиточным крестьянством (для которых она являлась традиционной партией), также лишившиеся своих жизненных устоев представители сельской и городской мелкой буржуазии, надеясь в ней найти защитницу и выразителя своих политических интересов. Партия уже тогда насчитывала в своих рядах свыше одного миллиона членов. В результате в этой далеко не однородной партии оформились и присутствовали три политические группировки:

а) секция горожан, или *гражданская секция* оформилась в качестве *левого крыла* партии, представители которой целиком разделяли программу *Венгерского фронта национальной независимости*, и во главе с Золтаном Тилди были готовы поддерживать тесные отношения с коммунистами. Левое крыло состояло из городских левых интеллигентов (Ш. Барч, Д. Гулачи, Э. Михайфи, Д. Ортутаи), из бедных крестьян во главе с Иштваном Доби, а также из интеллектуалов (Арпад Сабо, Янош Дёндёши, Шамуэл Фило, Лайош Диннеш и др.). Но это крыло представляло собой меньшинство в партии;

б) *центристы* во главе с Ференцем Надем, Белой Ковачем, Белой Варгой представляли собой основной, самый сильный отряд НПМХ, который пользовался поддержкой не только зажиточного крестьянства, но и значительной части середняков и мелких крестьян. Центристы имели хорошие связи с выходцами из городской буржуазии и с католической церковью, привлекли в ряды партии немало представителей среднего класса, особенно из его низшего слоя;

в) *правое крыло* в партии было представлено Золтаном Пфейффером, Палом Ауэром и Иштваном Солноки, которые пользовались поддержкой крупных землевладельцев и крупного бизнеса. Последние, а также определённые круги католической церкви считали для себя перспективной фигурой в партии Дежё Шуйока, а богатое крестьянство – Иштвана Б. Сабо и Иштвана Вашари.

Общий облик НПМХ всё же определяло её центристское ядро, которое работало над построением в стране т. н. *крестьянской гражданской демократии*, при которой в условиях послевоенной многопартийности сохранилось бы гражданское общество, а его ведущей силой стало бы растущее по своей численности зажиточное крестьянство.

Выявить степень доверия масс к различным политическим силам Венгрии, определить их приоритеты были призваны парламентские выборы 1945 г. И хотя у каждой из политических сил оставались свои цели и устремления, все участвовавшие в выборах партии признали и приняли предложенную ком-

мунистами программу *Национального фронта независимости* и выступали за её осуществление. НПМХ, победившая на выборах, также разделяла все антифашистские, антифеодальные и демократические требования программы, стремясь реализовать их в рамках сохранения демократического строя. Хотя эта партия и завоевала право на образование собственного, самостоятельного кабинета министров, её руководство с учётом послевоенных реалий решилась на формирование коалиционного правительства страны, вовлекая в него другие демократические силы и коммунистов.

Новое коалиционное правительство было сформировано 15 ноября 1945 г. В нём НПМХ оставила за собой 7 постов (половину министерских кресел), причём в состав кабинета ввела лишь одного своего известного политика – генсека партии Бельи Ковача. Руководитель партии, реформатский священник *Золтан Тилди* (1889–1961) стал премьер-министром, а должности вице-премьеров заняли М. Ракоши (ВКП) и А. Сакашич (СДПВ). Коммунистам кроме того достались три портфеля (министра внутренних дел, транспорта и народного благосостояния), а три отдали социал-демократам (министра юстиции, промышленности, торговли и кооперации). Независимая партия мелких хозяев, приняв предложения коммунистов, с одобрения СДПВ и Национальной крестьянской партии (НКП), вместе с правительством взялась за решение самых неотложных социально-экономических и политических задач. А представитель НПМХ Дежё Шуйок уже в конце января 1946 г. подал в парламент законопроект об учреждении республики.

Национальное собрание страны упразднило королевство и, осуществив 1 февраля 1946 г. смену формы государственного правления, провозгласило Венгрию республикой. Её президентом тогда же был избран З. Тилди, которого на посту главы правительства заменил другой известный политик НПМХ Ференц Надь, продолживший курс своего предшественника. Новое правительство первым делом взялось за решение экономических проблем (преодоление инфляции, восстановление народного хозяйства, завершение земельной реформы, поддержка крестьян-фермеров и пр.) при одновременной демократизации системы государственной администрации и сокращении чиновничества. Коалиционные партнёры совместными усилиями осуществляли все эти процессы.

Между руководством НПМХ и ВКП, однако, с самого начала существовали некоторые трения, связанные с тем, что, одержав внушительную победу на парламентских выборах, представители мелких хозяев попытались добиться от коммунистов несколько мест в руководстве силовыми органами страны (Минобороны, МВД, тайная полиция, позже – госбезопасность), которыми практически с самого начала полностью овладели коммунисты. Кроме того, в конце декабря 1945 г. НПМХ возразила против образования в стране под эгидой ВКП *Высшего экономического Совета* с весьма широкими правами и полномочиями, позволявшими вмешиваться в управление экономикой, да-

леко не без основания оценивая это как попытку создания коммунистического «теневое кабинета». Коммунисты же, в свою очередь, скооперировавшись с левыми в составе СДПВ и НКП, в ответ развернули пропагандистскую борьбу «в защиту» земельной реформы. Они, необоснованно обвинив НПМХ в устремлениях возвратить национализированные земли бывшим владельцам, и сопровождая это шумной кампанией под лозунгом «Землю назад не отдадим!», одновременно инициировали чистку госаппарата от «фашистских» и «реакционных элементов»¹⁰⁵.

Приводя последние формулировки, нельзя не учитывать, что в послевоенных условиях «фашистскими» могли квалифицировать «любую защиту гражданских ценностей, привязанность к свободе слова, а затем почти все формы попыток защиты интересов меньшинства». По признанию газеты «Непсабашаг», даже слово «антифашизм» стал тогда понятием, которое «потеряло всякое реальное содержание и стало пустым аргументом для коммунистического террора». Причём обвинённые в фашизме «могли исчезнуть без всякого колебания, ибо любой сомневающийся в обоснованности такого обвинения сам автоматически попадал под подозрение [соответствующих органов] и мог стать жертвой коммунистического террора»¹⁰⁶. С учётом всего этого не следует удивляться тому, что Ракоши и его окружение не стесняясь воспользовались названной терминологией как ярлыком в отношении своих политических соперников, добиваясь не только их компрометации в глазах населения.

Руководящие деятели ВКП, контролировавшие и в условиях коалиционного правления все силовые структуры страны, всегда располагали нужной им секретной информацией о других партиях и были хорошо осведомлены об их намерениях. Подтверждением тому могут служить зафиксированные слова начальника политической полиции (УГБ) Г. Петера в беседе с Г. Я. Короткевичем, возглавлявшим со второй половины ноября 1944 г. венгерскую референтуру Информационного отдела ЦК ВКП(б). «Венгерская политическая полиция на 80 процентов состоит из коммунистов. Поэтому она, по сути, находится в наших руках, – говорил в апреле 1947 г. Петер своему советскому собеседнику. – Правда, два заместителя начальника полиции страны теперь уже члены других партий: один социал-демократ, другой из партии мелких хозяев. Но они занимаются лишь второстепенными вопросами, и мы делаем всё, чтобы они ничего не узнали о том, чего им не следует знать... Мы многому научились от советских товарищей. Нам большую помощь оказывал генерал Белкин [генерал-лейтенант А. М. Белкин, работавший в Венгрии советником от МГБ СССР; в 1949 г. выделился своим активным участием в подготовке сфабрикованного процесса по «делу Л. Райка» – Б.Ж.]... Своей основной задачей мы считаем всё разузнать заранее и информировать об этом своих руководителей. С этой целью мы создали развитую сеть информаторов. Мы имеем своих людей во всех политических партиях. Располагая компроматами на них, нам

удалось завербовать функционеров из других партий. Люди боятся разоблачений и склоняются к сотрудничеству с нами... Политическая полиция оказывает большую помощь партии. Мы уже накануне межпартийных переговоров знаем намерения наших политических противников и благодаря этому *своевременно информируем обо всём руководство коммунистической партии* [курсив в документе наш – Б. Ж.]. Мы организовали подслушивание телефонов. *Сейчас прослушиваем все важные телефонные переговоры премьер-министра и партийных руководителей, и о наиболее важных докладываем товарищу Ракоши»*¹⁰⁷.

Имея в своём подчинении с самого начала политическую полицию, лидеры компартии, безусловно, пользовались её материалами, давали ей поручения, спецзадания по дискредитации и нейтрализации своих политических соперников, и даже союзников. Спецслужбы использовались ими как для упрочения позиций партии в стране, так и в личных и политических интересах, включая вытеснение из власти неугодных им, популярных в народе политиков. Таким образом, они становились в руках компартии инструментом не только в политической борьбе. Во второй половине 40-х годов при непосредственном активном использовании этих служб осуществлялось удаление ими из политической жизни Венгрии целой плеяды самых влиятельных венгерских политиков и видных представителей демократических партий, которым в итоге пришлось эмигрировать. Начатое коммунистами с 1947 г. активное вытеснение из венгерской политической жизни руководящих деятелей коалиционных партий изначально предусматривало последующее разложение возглавляемых ими демократических сил. С этого времени такие целенаправленные действия становились органической частью политической практики ракошистского руководства ВКП. В арсенале использованных им средств давления и запугивания своих политических партнёров и соперников всё чаще появлялись ложные, искусно сфабрикованные обвинения, преследовавшие преднамеренную дискредитацию руководящих деятелей правящих демократических партий страны с тем, чтобы вынудить их уйти из политической жизни. Разумеется, такие действия являли собой одновременно и подготовку почвы к «мирному отмиранию» т. е. к ликвидации всех некоммунистических партий как важных ячеек гражданского общества страны. Такие приёмы становились органической частью политической тактики и стратегии ракошистов в борьбе за овладение абсолютной властью, а, по сути, предназначались приближение утверждения *коммунистического единовластия*. И хотя такого рода активные действия были начаты вернувшимися из эмиграции коммунистическими деятелями не сразу, а лишь спустя 2–3 года обнадёживавшего демократического развития, они всё ярче и чаще проявляли себя и в итоге, привели к утверждению в Венгрии копии сталинского тоталитарного режима.

Временное воздержание от введения диктатуры, сохранение многопартийности в 1945–1949 гг. имели свои, далеко не только внутривнутриполитические при-

чины, они диктовались международными обстоятельствами. Конкретные шаги и последовательность методичного вытеснения коммунистами из политической жизни *народно-демократической* Венгрии наиболее значимых представителей некоммунистических партий были направлены на ликвидацию послевоенной демократической многопартийности. А это обстоятельство заставляет обратить внимание также на те приёмы, методы и средства, с помощью которых Ракоши и его окружение подталкивали представителей основных демократических партий страны (включая НПМХ и СДПВ) к эмиграции в конце 40-х годов XX века.

3. Коммунистическое воздействие на эмиграционный процесс (1947–1948 гг.)

Представив руководящий состав коммунистов-реэмигрантов, рост потенциала возглавляемой ими компартии, её реальную силу и роль в формировании многопартийной политической структуры Венгрии, мы попутно обозначили также тактику, которой следовали коммунисты во имя достижения ими намеченной цели. А конечная цель была недостижима при сохранении демократической многопартийности, поэтому, как отмечалось, уже в 1947 г. предпринимались шаги по вытеснению из политической жизни сначала лидеров, а затем и самих политических партий. Так или иначе, именно упрочение позиций коммунистов во власти, предпринятые их ведущими деятелями меры и действия, направленные на постепенную ликвидацию демократической многопартийности, стали причиной, которые привели к возникновению *нового, исходившего из Венгрии эмиграционного потока*. Этим потоком были охвачены практически все некоммунистические политические силы послевоенной венгерской народной демократии. Как действовали коммунисты, в какой последовательности происходило вытеснение ими из страны в западную эмиграцию основных политических деятелей этой демократии? Известно, что этот новый, искусственно вызванный эмиграционный поток имел *политический* характер и начал развёртываться, в основном, с 1947 г. Он возник в результате силового давления, репрессивного воздействия коммунистического руководства на демократические партии. Первой жертвой при этом стал крупнейший коалиционный партнёр коммунистов – НПМХ, затем последовали остальные, включая самую старую традиционную рабочую партию, СДПВ. Часть известных деятелей социал-демократии летом 1948 г. отвергла давление коммунистов осуществить фузию двух рабочих партий и не приняв предложение о слиянии с компартией, предпочла уйти в эмиграцию.

Развернувшийся новый поток политэмиграции основных сил многопартийной народной демократии привёл к оттоку на Запад почти всех, по сути изгнанных коммунистами из страны, наиболее представительных деятелей

некоммунистических партий Венгрии. Этот поток эмигрантов возник в результате искусственно созданных ситуаций, появлению которых самым активным образом способствовали подконтрольные руководству ВКП силовые структуры. С их помощью конструировалась ситуация, которая заставила представителей некоммунистических партий уступить место коммунистическому единовластию, утверждению тоталитарной диктатуры.

Если несколько конкретизировать этот процесс и определить главный фактор, вызвавший новый эмиграционный поток в 1947–1949 гг., то необходимо обратить внимание, прежде всего, на следующие обстоятельства. Ракошистское руководство ВКП до подписания Венгрией Парижского мирного договора (1947 г.) практически пользовалось неограниченной поддержкой советских оккупационных властей для решения своих проблем. Это и позволило ему в первом же демократическом правительстве Венгрии взять, а в дальнейшем сохранить за собой контроль над силовыми структурами государства и, прежде всего, над Управлением госбезопасности (УГБ). Контроль над органами, как было показано, и позволял компартии осуществлять наблюдение за деятельностью руководящих кадров всех других политических сил. Кроме того, ВКП сумела своевременно внедрить в левое крыло других партий своих людей (скрытых коммунистов), которые регулярно информировали ракошистское руководство о ситуации в партиях и в нужный момент мобилизовали в них левые силы. Последние использовались также для оказания внутреннего давления на партийное руководство в целях коррекции политического курса и становились важным рычагом нанесения удара по неудобным или негодным коммунистам партийным деятелям. Так, после того, как в марте 1946 г. коммунистическое руководство МВД взяло курс на свёртывание низовых ячеек венгерского гражданского общества (только до конца года было расформировано около 1500 молодёжных и религиозных обществ, организаций, союзов, ассоциаций и пр.), началась также чистка политических партий от представителей правых сил. В результате «зачисток» были уволены со своих постов губернаторы от НПМХ, а также госсекретарь юстиции Золтан Пфейффер. Коммунисты уже несколько раньше сумели помешать выдвижению Дежё Шуйока на пост премьер-министра от НПМХ. Затем этот партийный политик весной 1946 г. по требованию коммунистов был исключён из НПМХ, вместе с другими 20 членами партии¹⁰⁸. Коммунистам при этом активную поддержку оказывали председатель СКК в Венгрии К. Е. Ворошилов и его заместитель генерал-лейтенант В. П. Свиридов¹⁰⁹. Удалённые из НПМХ представители правого крыла партии некоторое время ещё пытались удержаться в политической жизни страны, создав свои оппозиционные формирования, но в конечном счёте им так и не оставалось другого выбора кроме эмиграции на Запад.

С 1946 г. Ракоши и его окружение всё чаще пользовались отмеченными возможностями и приёмами в борьбе против своих политических соперников, причём не только в отношении малочисленных правых элементов в основных

демократических партиях, но в растущей мере именно против самых влиятельных и авторитетных деятелей союзнических сил демократической коалиции, включая партии левого блока. Настало время, когда Ракоши и его сторонникам всё меньше хотелось считаться с мнением своих партнёров и соблюдать правила демократической многопартийности. После первых лет вынужденного сотрудничества руководство ВКП весьма изобретательно освобождалось от «демократических уз», переходя к масштабным акциям по «ликвидации своих правых политических соперников и левых союзников» в лице таких партий, как НПМХ, НКП и СДПВ. При этом для достижения своих целей ракошистское руководство использовало не только политические методы и средства борьбы, но особое внимание уделяло приёмам, получившим известность в послевоенной истории Венгрии как «тактика салями». «Нарезка салями» в политической практике лидеров ВКП представляла собой преднамеренную, причём беспощадную дискредитацию наиболее авторитетных деятелей демократических партий, которых сначала ложно обвиняли, «разоблачали», чтобы затем уже заклеимённых, легче было запугать или добиться их поочерёдного отстранения от партии. Это, как правило, осуществлялось в расчёте на то, чтобы опорочить наиболее влиятельных партийных политиков, обезглавить и расшатать, а затем окончательно развалить партию.

Такая тактика впервые была использована против самой авторитетной демократической НПМХ. Именно она стала первым объектом методичного и целенаправленного разложения спецслужбами коммунистов. Причём первый опыт оказался довольно успешным и привёл к *вынужденному отъезду в эмиграцию* целого ряда видных политиков и руководящих деятелей этой партии. Вслед за НПМХ пришла очередь остальных коалиционных партнёров компартии. В итоге *в изгнании на Западе оказалась целая плеяда самых именитых политиков народно-демократической Венгрии*. Характерно, что впоследствии они расценивались коммунистами не как центристские политики, какими они являлись на самом деле, а как реакционные силы, которые готовились якобы к свержению демократии.

В вынужденную эмиграцию, таким образом, уходили не только представители правого крыла, но и центристские силы демократических партий, ряд действующих государственных деятелей, видных политиков и партийных лидеров народно-демократической коалиции. Наиболее заметным и ярким проявлением вынужденного ухода на Запад стала почти одновременная эмиграция премьер-министра Венгрии Ференца Надя и главы венгерского парламента Белы Варги¹¹⁰ (к анализу их удаления из страны, как будущих лидеров всей западной венгерской эмиграции последующих десятилетий, ниже ещё вернёмся). Эмиграции этих политиков предшествовало сначала ложное обвинение руководителя НПМХ Белы Ковача, а затем, связав его сфабрикованное «дело» с именами других деятелей партии и государства, коммунисты вынуждали их эмигрировать из страны. Именно «дело» Ковача стало началом масси-

рованных, фронтальных наступлений коммунистических органов на наиболее авторитетные и влиятельные демократические силы послевоенной Венгрии.

Отмеченные действия против ведущих деятелей НПМХ, как самой влиятельной демократической партии страны, предусматривали подрыв авторитета и дискредитацию главной определяющей силы венгерской народной демократии. Её силовое «вытеснение» из политической жизни означало для коммунистов устранение основной преграды на путях продвижения к диктатуре. Сославшись на преднамеренные действия коммунистов, направленных на дискредитацию видных деятелей партии мелких хозяев, обратимся к наиболее типичным случаям и методам отстранения и «отправки» в эмиграцию наиболее известных венгерских политиков того времени.

Дискредитация ведущих политиков некоммунистических партий началась уже на рубеже 1946–1947 гг. в связи со специально развернутой лживой газетной кампанией. Затем в декабре 1946 г. военная контрразведка во главе с коммунистом Д. Палффи напала на след группы высших офицеров и политиков, помышлявших оживить деятельность *Венгерского сообщества*, организации, которой приписали подготовку «заговора против республики» и мятежа в целях восстановления королевства. На самом деле в прошлом это была антифашистская организация. В её рядах насчитывались, в частности, такие известные личности, как Д. Сентивани, бывший член официальной делегации, которую Хорти в 1944 г. направлял в Москву для подписания перемирия, генерал Л. Далноки-Вереш, назначенный исполнять обязанности главы государства на случай ареста Хорти гитлеровцами (сделать этого он не сумел, так как был арестован нилашистами одновременно с захватом немцами правителя страны). Лидеры ВКП уже 30 декабря 1946 г. приняли решение заявить о «заговоре», после чего глава МВД, коммунист Л. Райк проинформировал об этом президента страны, премьер-министра и председателя парламента. Президент Золтан Тилди допускал наличие недовольства в буржуазных кругах, но исключал существование заговора. Официальные лица государства, хотя и не приняли предлагавшуюся силовиками формулировку об «антиреспубликанском заговоре», всё же дали согласие на проведение следствия¹¹¹. По этому «делу» было арестовано несколько сот человек и проведён шумный сфабрикованный судебный процесс, в ходе которого предпринималась попытка доказать связь «группы заговорщиков» с некоторыми членами парламента, деятелями НПМХ.

Начатая против членов названной организации акция фактически преследовала цель создать впечатление о причастности ведущих деятелей НПМХ к этому, первому в Венгрии сфабрикованному делу о «заговоре», с далеко идущим прицелом – нанести уничтожающий удар по крупнейшей партии страны. Лидеры партии мелких хозяев с самого начала 1947 г. стали замечать за собой слежку и давление органов госбезопасности, проявления попыток их «разоблачения» и, наконец, обвинение в причастности к «заговору». Премьер-

министра страны Ф. Надя 20 января 1947 г. посетил М. Ракоши вместе с лидером левого крыла СДПВ А. Сакашичем и, сославшись на то, что «заговорщики» знакомы с генсеком НПМХ Б. Ковачем, настаивали на его уходе со своего поста. И хотя прямо не утверждалось, что Ковач лично причастен к «заговору против республики», это было равносильно такому обвинению. Кроме того, они потребовали немедленного очищения НПМХ от правых и «заговорщических» элементов.

Ответственным за ситуацию в партии, таким образом, сначала был назначен генеральный секретарь НПМХ *Бела Ковач (1908–1959)*. Этот бывший крестьянин-середняк, впоследствии известный политик своей партии и депутат парламента, ещё в 1933 г. вступил в ряды партии мелких хозяев. В 1939 г. стал зам.генерального секретаря этой, тогда оппозиционной хортистскому режиму партии, а с сентября 1941 г. – генеральным секретарём Венгерского крестьянского союза. В декабре 1944 г. Ковач – член Временного Национального собрания страны, в 1945-1946 гг. занимал министерские посты в новом демократическом правительстве, затем с августа 1945 г. – генеральный секретарь НПМХ, с марта 1946 г. – главный редактор газеты партии «*Kis Újság*» («*Kis Újság*» – «*Малая газета*»). Как друг и доверенное лицо премьер-министра Ф. Надя, Б. Ковач представлял особый интерес для разработки коммунистическими органами безопасности. Тогда они уже готовились к вытеснению из власти всех основных деятелей НПМХ методом «нарезки салями».

В искусственно сфабрикованное дело о «заговоре против республики и демократии» ракошистское руководство ВКП в феврале 1947 г. решило «вовлечь» Ковача. Сначала он был ложно обвинён лишь в связях с *Венгерским сообществом*, но коммунистические органы дознания преследовали цель возложить в дальнейшем на него и на других членов руководства НПМХ более существенные сконструированные обвинения. Ковач, не чувствуя за собой вины, сам явился в коммунистические органы дознания, чтобы развеять недоумение. И хотя против него так и не могли найти каких-либо доказательств причастности к названному «делу», всё же пытались привлечь его к уголовной ответственности. Когда кампания клеветы против этого деятеля НПМХ начала выходить за рамки приличия и законности, набирать недопустимые масштабы и наносить вред авторитету партии, друзья Б. Ковача, не желая портить отношения с КПВ, предложили ему эмигрировать, но он отказался. Так и не находя доказательств виновности Б. Ковача силами своих органов дознания, Ракоши прибег к уловке, попросив советские военные власти задержать его. Просьба была выполнена. Ковача арестовали, обвинив в шпионаже и попытке организации контрреволюционного правительства.

Ходатайства официальных правительственных кругов Венгрии об освобождении Б. Ковача или хотя бы о передаче венгерским властям не имели успеха. Его вывезли сначала в Австрию, где добивались от него компромата на некоторых руководителей НПМХ и особенно на Ф. Надя, а затем он надолго

оказался в СССР. До 1955 г. Б. Ковач был заключённым советского ГУЛАГа, откуда тяжелобольным вернулся на родину, где в 1959 г. скончался¹¹².

Такие методы запугивания и воздействия на лидеров политических сил, последующие «отсечения голов» руководящих деятелей влиятельных демократических партий страны стали своеобразной «прелюдией» к уничтожению ракошистским руководством ВКП народно-демократической многопартийности послевоенной Венгрии. Развернулось активное расшатывание сил всех коалиционных партий. Неожиданное и бесследное «исчезновение» Б. Ковача вызвало открытый протест заместителя председателя *Национальной крестьянской партии* Имре Ковача. Он в знак солидарности с арестованным политиком решил выразить свой протест демонстративным уходом из своей партии. События и новые аресты по делу об «антиреспубликанском заговоре» наводили страх на руководителей политических партий. Растущее давление на них со стороны органов коммунистической тайной полиции, последующие концептуальные процессы против некоммунистических и даже религиозных деятелей страны стали свидетельством полномасштабного наступления на демократические силы, вынуждали их искать спасение в бегстве из страны, в эмиграции.

Член руководства СДПВ Вилмош Бём, вернувшийся на родину после войны из продолжительной эмиграции, накануне своего назначения на дипломатическую службу за рубежом некоторое время провёл в Будапеште. В связи со сложившейся тогда в Венгрии ситуацией он в своих «Воспоминаниях» зафиксировал слова лидера своей партии *А. Сакашича* (1888–1965), обращённые к её руководящему составу: «Коммунисты обвиняют тех, кого хотят, поскольку у них в руках полиция... Мы должны быть осторожны, чтобы как не понаравившиеся им социал-демократы, не оказались замешанными в каком-нибудь заговоре. А по моим данным у них такие планы уже имеются»¹¹³. Бём утверждал, что, по сведениям руководителя СДПВ, коммунисты уже тогда готовились к очередным действиям против НПМХ, причём лично против премьер-министра Ф. Надя. И в самом деле, именно Надя стал очередной жертвой коммунистической «тактики салями».

Ракоши и его окружение исходили из того, что если добиться от Б. Ковача нужного компромата на Ф. Надя и умело «замешать» его в «заговор», дело будет выиграно: самый влиятельный и авторитетный коалиционный партнёр, основная опора всех демократических сил Венгрии – НПМХ – не устоит и развалится. Лидер ВКП был полон решимости любым способом вовлечь премьер-министра Ф. Надя в «дело» об антиреспубликанском заговоре, а для этого он добивался от находившегося в ГУЛАГе Б. Ковача необходимых признаний и доказательств того, что якобы сам глава правительства лично давал указания «заговорщикам». Ракоши в письме в ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1947 г., переданном через секретаря ЦК А. А. Кузнецова также И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. А. Жданову, Л. П. Берии, Г.М. Маленкову и др., информировал

Москву о том, что для ВКП «центральным вопросом и в дальнейшем остаётся свёртывание фашистского заговора». При этом он отмечал, что, несмотря на достигнутое межпартийное соглашение с руководством НПМХ о прекращении противостояния между двумя партиями, «мы попытаемся продолжить кампанию с тем, чтобы на них возложить ответственность за возобновление вражды». В письме подчёркивалось также, что главу правительства Ф. Надя во что бы то ни стало следует «втянуть» в этот «заговор», сославшись на то, что якобы подтвердилось, а, точнее, «можно предположить, что в последнее время он давал политические советы заговорщикам». «Вопрос только в том, – писал Ракоши, – как нам выступить против него. Он ведь является последним бастионом политического руководства мелких хозяев и нет сомнения, что борьба станет более ожесточённой, чем в случае с Белой Ковачем»¹¹⁴. Он сослался при этом на то, что от компетентных советских органов уже получил доказательство – долгожданное «признание» Б. Ковача, которое можно использовать против Ф. Нады.

Вскоре Ракоши прибыл в Москву и 29 апреля 1947 г. доложил В. М. Молотову о «причастности» Нады к заговору. При этом он отметил, что это позволит разоблачить не только Надя, но и другого выходца из НПМХ, президента страны Золтана Тильди¹¹⁵. Впрочем, личное стремление лидера коммунистов поскорее покончить с Ф. Надем документально зафиксировано и в записи их беседы под грифом «совершенно секретно»: «Мы хотим разоблачить Надь Ференца, у нас есть показания Ковач Белы, но Ковач Б. сейчас находится в советских руках. Мы хотим, чтобы вы дали его нам... хотя бы на один день или хотя бы на 2–3 часа, чтобы он мог выступить перед венгерским народом в качестве свидетеля и дать показания. Но для этого требуется Ваше разрешение... Тогда вопрос о заговоре мы снова выведём на первый план, и будет доказано, что Надь Ференц имел связь с заговорщиками». Ракоши затем добавил: «Жаль только, что у заговорщиков не оказалось оружия, тогда мы могли бы их разоблачить. Нам нужно что-то драматическое!»¹¹⁶.

Раскрытие «заговора» против республики, «исчезновение» Б. Ковача, обвинения в адрес других деятелей НПМХ, растущее давление на её руководство партии привели к вынужденному уходу из неё 50 политиков и членов парламента, среди них весьма именитых, многие из которых впоследствии стали эмигрантами в странах Запада. Вскоре после этого Ракоши в Москве уже мог информировать советское руководство о наметившемся сужении социальной базы НПМХ, которая действительно оказалась после всего этого на грани развала. Лидер ВКП, несомненно, рассчитывал на то, что предпринятые им меры по дискредитации деятелей этой партии приведут к массовому оттоку от неё рядовых членов и существенно ослабят её силы. Он полагал, что находящиеся правее от НПМХ политические силы привлекут к себе как можно больше членов этой крупнейшей партии, и она развалится. Ракоши рассчитывал на то, что «большинство недовольных пойдут вправо, в сторону фа-

шистской партии Шуйока». Отметим, что этой чисто эмоциональной оценкой бывшего деятеля правого крыла НПМХ (кстати, по требованию коммунистов уже ранее удалённого из партии за открыто выраженное им недовольство продолжавшимся сотрудничеством её руководства с ВКП даже после «исчезновения» Ковача), предназначенной для информирования советского руководства, Ракоши явно добивался одобрения своих планов.

Ракоши в беседе с Молотовым не забыл сослаться на то, что «до разоблачения антиреспубликанского заговора положение коммунистов было очень тяжёлым, но разоблачение существенно изменило ситуацию». В то же время он решил пожаловаться на поведение социал-демократов. По его словам, в СДПВ также мобилизовались антикоммунистические силы, причём, как он выразился, не только «такие полуфашистские элементы, как Пейер, но и целые группы старых, опытных профсоюзных деятелей»¹¹⁷. Разумеется, ни партия Д. Шуйока – *Венгерская партия свободы*, ни СДПВ Пейера не имели никакого отношения к фашистского типа партиям, но, как отмечалось, данным эпитетом коммунисты охотно пользовались для уничтожения своих соперников.

Служка за руководящими деятелями других партий, их запугивание, разного рода приёмы компрометации и дискредитации, выведения из строя руководящих кадров, активные действия по расшатыванию партийных рядов, равно как и согласование своих действий с Москвой стали важными элементами фронтального наступления ракошистов на демократические силы Венгрии. Они предусматривали подрыв доверия населения к ним, а в конечном счёте преследовали их удаление из партий, что неминуемо приводило к уходу последних в эмиграцию. В результате многие представители демократических кругов, деятели политических партий, уловив перемены в политическом курсе ВКП, ощутив на себе рост давления на ещё слабую, недостаточно окрепшую венгерскую демократию, не видя реальных возможностей противостоять её надвигавшемуся свёртыванию и утверждению коммунистического единовластия, сами стали искать пути спасения в эмиграции. Так поступили многие видные представители венгерской демократической общественности, ученые, писатели, деятели культуры и искусства, журналисты и пр., уход в эмиграцию которых стал ярким выражением протеста против коммунистического наступления на демократию. Все они, так или иначе, пополняли ряды уже находившихся на Западе политэмигрантов, принося с собой в эмиграцию приобретённый в 1944–1947 гг. политический опыт и свежие впечатления от временного сотрудничества с коммунистами, а также реальное знание ситуации в стране. Этот новый эмигрантский поток, направившийся на Запад с 1946 г., существенно усилился в 1947 г.

В результате в странах Запада, наряду со старой и послевоенной эмиграцией беженцев, постепенно сформировалась и *новая демократическая политэмиграция* из эмигрантов 1947–1949 гг. Новые эмигранты этого потока по ряду показателей существенно отличались от тех, кто покинул пределы Венгрии

в 1944–1945 годах. И это при том, что их в равной мере сделали эмигрантами политические причины. Но если эмигранты, покинувшие страну сразу в конце войны, опасались оставаться на родине и не принимали наступившие с 1945 г. перемены, то эмигрировавшие в 1947–1949 гг., наоборот, сами были деятельными участниками демократических преобразований, сторонниками установления демократических порядков. Представители нового эмиграционного потока ранее сами участвовали в установлении республиканской формы государственного правления страны, в проведении земельной реформы, национализации предприятий и финансовой системы, в расширении демократических прав и свобод для широких масс, в ликвидации прежних привилегий и отмене аристократических титулов, рангов и т. п. Всё это находило отражение в их взглядах и позициях во время пребывания в западной эмиграции. Эмигранты же 1944–1945 гг. не принимали и открыто осуждали присутствие в Венгрии оккупационных, а после подписания в 1947 г. Парижского мирного договора иностранных войск. Они не желали мириться с растущим советским влиянием в стране, выразителями которого по праву считали вернувшихся из эмиграции коммунистов, которые с 1947 г. уже открыто взялись за утверждение своей диктатуры от имени пролетариата. Эмигранты же 1947–1949 гг. до своей вынужденной эмиграции всё ещё надеялись на длительный этап демократического развития в Венгрии. Они поэтому соглашались на сотрудничество с коммунистами и признавали перспективу последовательного продвижения страны к социализму, которую те предлагали им раньше. При этом у них была возможность сохранения и развития парламентской демократии при категорическом отрицании коммунистического единовластия. В отличие от эмигрантов 1944–1945 гг., новые эмигранты уходили на Запад уже не в качестве лагерных беженцев, которых там связывали с политическим классом, окончательно сошедшим с политической сцены, а эмигрировали непосредственно из Венгрии. Их закономерно считали сторонниками новой демократии, которые оставили страну, протестуя против развернувшихся нарушений законности, ничем не обоснованного наступления на демократию со стороны подконтрольных коммунистическому руководству органов насилия.

Эмигранты 1947–1949 гг. обладали, таким образом, рядом преимуществ по сравнению с эмигрантами прежних лет. Они имели конкретные знания и ценный опыт кратковременного политического сотрудничества с коммунистами, багажом возведения основ новой демократической Венгрии, парламентской борьбы 1945 и 1947 гг. и последующего отстаивания и защиты демократии. Когда же сотрудничество на принципах плюралистической демократии становилось невозможным, возникли угроза для личной свободы и реальная опасность для самой демократии, они стали эмигрантами. Подобными личными впечатлениями и опытом, реальными знаниями ситуации на родине эмигранты прежнего массового исхода (1944–1945 гг.) не располагали. Они не имели конкретных знаний о трудностях отстаивания демократии в стране и обладали

лишь некоторыми абстрактными представлениями о них на основании опыта 1919 г. Эмигранты же нового потока, отправляясь на Запад, ещё надеялись встретить там в политических кругах не только понимание, но и реальную поддержку, рассчитывали с их помощью отстоять завоевания венгерской демократии. Правда, покидая Венгрию и надеясь на внешнюю поддержку, они не осознавали, что политики западных стран в тех исторических условиях не пойдут дальше предоставления им политического убежища и пустых обещаний, не станут рисковать ради спасения венгерской демократии.

Прошедшие в самой Венгрии в конце августа 1947 г. новые парламентские выборы зафиксировали существенные нарушения, но привели к значительному усилению позиций ВКП, набравшей 22,3% голосов избирателей (использовались приёмы и манипуляции с открепительными талонами). В результате коммунисты вышли на первое место среди политических сил¹¹⁸. НПМХ, победительница прежних выборов (в 1945 г. имела 57%), с весны 1947 г. лишилась целого ряда видных и авторитетных представителей, которые были вынуждены эмигрировать из страны. Эта партия из главной соперницы коммунистов в рамках Народного фронта (коалиции) стала своей тенью, набрав всего 15,4% голосов и заняв на выборах третье место¹¹⁹. Выделившиеся же накануне из демократических партий новые правые оппозиционные силы (*Демократическая народная партия* И. Баранковича, *Венгерская партия независимости* З. Пфейффера и *Независимая венгерская демократическая партия* И. Балого), хотя общими усилиями и набрали 39% голосов, в парламент не попали.

ВКП, хотя и заняла первое место на выборах, это ещё не означало решения вопроса о власти в её пользу, чего она упорно добивалась. А это требовало устранения не только оппозиционных сил, но и дальнейших действий, направленных на ослабление своих союзниц по коалиции. «Мы, конечно, ликвидируем остающиеся правые или полуфашистские партии. Мы добьёмся их ликвидации, введя несколько полезных людей в партию Баранковича, а самого Баранковича в партию мелких владельцев, как и Балого и несколько других тоже, а затем обеспечим исчезновение со сцены остающихся реакционеров»¹²⁰, – отмечал Ракоши на совещании партаппарата в марте 1948 г.

Анализ внутривнутриполитической ситуации и отношений между политическими партиями в Венгрии не является задачей исследования, поэтому мы коснёмся здесь лишь тех аспектов проблемы, которые необходимы для понимания обстоятельности эмиграционного процесса. В реальной политической жизни Венгрии на этапе 1947-1949 гг. наступил окончательный перелом, приведший к коренному изменению провозглашённого ранее политического курса ВКП, к кардинальному сужению возможностей дальнейшего существования *реальной* многопартийной демократии. Рубикон был перейдён, коммунистами совершён решительный прорыв к утверждению в стране «второй пролетарской диктатуры». Победа ВКП на парламентских выборах 1947 г. укрепила пози-

ции партии, и её руководство перешло к фронтальному наступлению против правых и центристских сил. Развернулось их изгнание из политической жизни страны. Так, партия Пфейффера была уничтожена чисто административными мерами, а против остальных оппозиционных сил использовались политико-административные приёмы ликвидации.

Летом 1948 г. под давлением коммунистического руководства настало время силового слияния, фактически «поглощения» компартией имевшей в Венгрии сильные исторические традиции социал-демократической партии (СДПВ), в результате чего была образована *Венгерская партия трудящихся (ВПТ)*. Для коммунистов такое объединение становилось одним из центральных вопросов, решение которого требовалось для предстоящего кардинального изменения характера власти в сторону диктатуры. После изгнания из демократических партий правых и центристских сил, лишения НПМХ её авторитетных руководителей и последующего наступления на центристских лидеров социал-демократии, приведшего к отстранению и изоляции К. Пейера и таких известных деятелей партии, как А. Кетли, Ф. Седер, И. Селиг, А. Бан и др., наступил период уничтожения демократической многопартийности. Названные деятели СДПВ категорически возражали против объединения с коммунистами, отказывались признать коммунистические методы и результаты такого силового «восстановления» единства рабочего класса, т. е. далеко не добровольного слияния с компартией. Тем не менее это произошло. Видному деятелю СДПВ, Анна Кетли, предлагали высокие посты в объединённой партии (ВПТ), а после её отказа – загранпаспорт для выезда из страны. Она, однако, упорно не соглашалась и занимала принципиальную позицию в этом вопросе, оставшись в стране. Для большинства же руководителей остальных некоммунистических партий не оставалось другого выбора кроме эмиграции. Для оставшихся реальной стала угроза быть ложно обвиненными и оказаться в заключении. В сложившихся условиях основные представители иных политических партий предпочли эмиграцию.

Обозначая эти кардинальные перемены в публичных позициях лидеров коммунистов, нельзя пройти мимо того, чтобы не обратить внимание на ключевой политический вопрос, т. е. вопрос о власти, так или иначе связанный с изменениями толкования соотношения *демократии и диктатуры*, характера *народной демократии*. Эволюция взглядов в этом вопросе хорошо прослеживается в позициях и оценках двух основных теоретиков и идеологов компартии, Д. Лукача и Й. Реваи. Вернувшийся из московской эмиграции Лукач в 1945–1949 гг. являлся ведущим теоретиком ВКП. В августе 1945 г. в споре с философом Иштваном Бибо он чётко выразил убеждённость в том, что *народная демократия* станет длительным процессом поступательного, но медленного перехода к социализму. Он тогда категорически отверг измышления о возможном утверждении *пролетарской диктатуры*, а в одном из писем советскому философу М. Лифшицу, отрицая подобные предположения, он

чётко заявил, что народная демократия в Венгрии просуществует как минимум 10–20 лет, подчеркнув при этом, что для этой страны «диктатура пролетариата лишена политической актуальности»¹²¹.

Вопреки утверждению, что народная демократия станет относительно длительным периодом венгерского демократического развития, руководство ВКП уже в 1947 г. сочло необходимым скорректировать свою позицию по этому вопросу. Произошло это осенью, после возвращения Й. Реваи и М. Фаркаша с учредительного заседания Информбюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро) в Варшаве. Во всяком случае, в руководстве ВКП об этом начался продолжительный спор, в ходе которого Э. Герё настаивал на отказе от прежнего подхода к многопартийной демократии. Нет необходимости отмечать, что эти устремления мотивировались не столько теоретическими, сколько практическими соображениями, желанием поскорее вытеснить из власти своих демократических партнёров и ликвидировать многопартийный Народный фронт. Ведь происходило это уже в условиях активных наступательных действий против НПМХ и других политических партий, а в 1948 г. и СДПВ. Однако характерно, что Й. Реваи, говоря о характере власти и подчёркивая специфику Венгрии, даже в конце сентября 1948 г. на одном из совещаний партактива ещё ратовал за многопартийную *народную демократию* (правда, тогда союзнические партии уже были «очищены» от элементов, несогласных с коммунистами), которая *постепенно вырастёт в социализм*¹²².

В продолжавшемся внутривнутрипартийном споре о демократии и власти Герё как аргумент привёл работу И.В.Сталина «Вопросы ленинизма», заявив, что главным в революции является диктатура пролетариата. На этой основе принятую до этого формулировку (кстати, тоже сталинскую!) о том, что «народная демократия выполняет основополагающую функцию диктатуры пролетариата», он посчитал уже неактуальной. Дискуссия привела к тому, что Герё, вернувшись 26 декабря 1948 г. со съезда ПОРП, подал в Секретариат ВПТ письмо, в котором отмечалось: «Наше определение по сути означает, что мы в определенном смысле пересмотрели суть ленинизма, утверждая, что без пролетарской диктатуры возможно строить социализм»¹²³. Герё тем самым бросил вызов и обвинение в адрес руководства партии, подчеркнув, что в теоретическом плане она «не разработала проблемы народной демократии и советского государства, народной демократии и диктатуры». Реваи в ответ заявил, что если постоянно твердить об этом, то это станет «призывом к применению административных методов». Затянувшегося спору положил конец мартовский пленум ЦР ВПТ, который одновременно с ликвидацией Народного фронта принял новое толкование о характере существовавшей власти: «Народная демократия – это пролетарская диктатура без советской формы»¹²⁴. Возведённый в Венгрии коммунистами режим на самом деле стал именно полной копией советского образца. На закрытом заседании политбюро ЦР ВПТ 20 июня 1953 г. тот же идеолог Й. Реваи не без основания определял суть этого режима

такими словами: «В старом понимании мы стали полицейским государством»¹²⁵. А философ Д. Лукач впоследствии в одном из интервью признавал, что «власть, которая утвердилась в 50-е годы, с самого начала была диктатурой, и неправда, что ей предшествовал демократический период»¹²⁶. В этих словах бывших партийных идеологов содержится немалая доля отрицания своих же прежних оценок.

Обратившись за некоторыми разъяснениями к трудам М. Ракоши о трактовке понятия «государственный строй народной демократии» и о том, почему же сами руководители компартии долгое время открыто не признавали, что на самом деле стремятся к ликвидации демократической многопартийности, к установлению системы пролетарской диктатуры, а сделав это, по-прежнему продолжали именовать режим «народной демократией», удалось найти следующее объяснение. Оно было сформулировано так : «До тех пор, пока вопрос о власти не был решён, да и некоторое время после того, этот вопрос мы преднамеренно не поднимали, ведь открытое признание того, что мы стремимся к утверждению не пролетарской диктатуры, хотим создать государство пролетарской диктатуры, во всех отношениях осложнило бы наше положение... В соответствии с этим и в других странах народной демократии этот вопрос лишь тогда поставили перед партийной общественностью, когда внутренние и внешние условия уже позволяли»¹²⁷. Сам Ракоши только в январе 1949 г. в статье «Некоторые проблемы народной демократии» впервые заявил открыто, что «народная демократия по своим функциям и есть диктатура пролетариата». Небезразлично привести здесь и следующее признание лидера ВПТ: «Коммунистической партии у нас только после двух с половиной лет упорной работы удалось привлечь на свою сторону промышленных рабочих и основную массу крестьянства, прогрессивной интеллигенции и рядовых граждан. Пока мы своей, почти трёхлетней очень тяжёлой работой не убедили трудовой народ в справедливости своего дела, у нас не был решён вопрос станет ли страна на путь народной демократии или буржуазной демократии»¹²⁸.

Изменения в толковании теоретических постулатов, победа компартии на выборах 1947 г., объединение с ней СДПВ стали факторами, повлекшими за собой изменение самой политической системы. Осенью 1948 г. на заседании ЦР ВПТ А. Сакашич, занявший пост председателя новой, объединённой Венгерской партии трудящихся, поставил вопрос о целесообразности отказа от *старых форм и институтов народной демократии*. При этом он сослался на необходимость выполнения указаний генерального секретаря партии, тов. Ракоши, который считал, что «нет самостоятельного венгерского пути к социализму», и призвал во всём следовать примеру СССР.

Ракоши, расшатывая устои НПМХ, с лета 1948 г. начал систематическое давление и на самого президента Венгерской Республики З. Тилди, выходяца и по сути последней опоры НПМХ. Напомним, что ему уже давно хотелось совершить «нечто драматическое». Ракоши вынашивал идею предьявления

обвинения самому президенту страны, организации показательного судебного процесса (в итоге ограничился его отстранением от власти). Причём он шёл на это, хотя Тилди всегда был готов на уступки, на компромиссы и сотрудничество с коммунистами. Другое дело, что это не спасло ни НПМХ, ни его самого. Лидер коммунистов считал президента республики более «не соответствующим изменившейся расстановке сил» в стране. В своих воспоминаниях Ракоши об этой проблеме выразился кратко: «встал вопрос, как быть с ним самим»¹²⁹. К отстранению Тилди от власти подошли через его зятя, адвоката и дипломата Виктора Черноки, бывшего первого секретаря посольства Венгрии в США, а затем посла в Каире. Летом 1948 г. его вызвали в Будапешт, арестовали и по ложному обвинению в государственной измене приговорили к смертной казни, что сразу же привели в исполнение. Президент республики о «шпионском деле» своего зятя узнал из сообщения по радио. В июле 1948 г. Ракоши посетил Тилди с подготовленным текстом заявления о его «добровольной отставке», которое тот подписал¹³⁰. В конкретном изложении Ракоши данного случая, Тилди «вёл себя разумно и сказал, что подаёт в отставку», которая, естественно, была принята¹³¹. Экс-президенту, однако, не было дано право эмигрировать, и он с августа 1948 по май 1956 г. находился под домашним арестом, в полной изоляции и под постоянным контролем органов ракошистской госбезопасности.

Отстранение Тилди от власти ознаменовало собой печальный конец системы народной демократии. На посту президента его заменил А. Сакашич, а Иштван Доби возглавил правительство страны. В марте 1949 г. на заседании ЦР ВПТ с полным основанием констатировалось: «Формально у нас ещё сохранились элементы разделения властей,... существует коалиция. На самом же деле, товарищи, у нас власть находится у пролетариата, а фактически лишь одна наша партия руководит страной. То, что премьер-министром является не товарищ Ракоши, а Иштван Доби, имеет лишь формальное значение, ведь на практике даже теми министерствами, во главе которых ещё нет коммунистов, управляем мы»¹³². Собственно, это касалось уже всей страны, которую публично продолжали именовать *народной демократией*. Новая конституция 1949 г., составленная по образцу советской, назвала Венгрию Народной республикой, но о реальной многопартийной парламентской демократии было забыто. Её ликвидировали, о ней не вспоминали. Режим Ракоши не нуждался в многопартийности, даже формальной, остатки бывших партий свою деятельность свели на нет и были обречены на «отмирание».

Оставшиеся в стране представители аристократических кругов и высшего дворянства, которые вначале ещё предлагали свои услуги новой власти, лишившись основной части своей собственности, ещё выжидали и воздерживались от активности, но впоследствии искали пути к эмиграции. Нельзя не привести здесь ту уничтожающую критику, которую дал тогда представителям своего сословия вернувшийся на родину граф М. Каройи, ставший на службу

коммунистическому режиму. Об аристократии он, в частности, писал: «В этой среде ещё встречаются отдельные добропорядочные люди, но если ранее даже самые худшие из них сохраняли определенное достоинство, были обязательны и последовательны, то ныне аристократия как класс не устояла и катится по наклонной плоскости... Пришла пора её исчезновения раз и навсегда»¹³³. По сути это и происходило. В условиях проводимой ракошистами профилактической «чистки» аристократы, как и представители буржуазии, в обязательном порядке подвергались выселению и интернированию, как «нежелательные» и «классово чуждые» элементы. Сам Ракоши на политбюро ЦР ВПТ 28 июня 1951 г. подчёркивал: «Ликвидация остатков буржуазии – неизбежная часть строительства социализма, а к ликвидации буржуазии относится и выселение». Согласно одному из недавно опубликованных документов того времени с грифом «совершенно секретно», к кругу лиц, подлежавших тогда выселению, относились бывшие «аристократы, функционеры хортистского периода, министры и ведущие чиновники министерств, генералы, высокого ранга офицеры армии и полиции, жандармерии, банкиры, землевладельцы и прочие капиталисты и эксплуататоры». Число лиц, которые подлежали выселению только из Будапешта, с 21 мая по 17 июля 1951 г. в соответствии с приказом министра внутренних дел Венгрии А. Хази составляло 12 430 человек или же 5182 семей. Согласно списку МВД ВНР, среди них находились: 21 бывший в прошлом министр, 25 госсекретарей, 190 генералов, 1012 кадровых офицеров армии, 274 офицера полиции и 88 жандармерии, 812 госслужащих высокого ранга, 176 заводчиков, 157 банкиров, 347 директоров, 40 владельцев магазинов, 163 графа, 9 герцогов, 121 барон и пр.¹³⁴. После выселения и интернирования представители этих кругов также искали возможности эмигрировать в страны Запада.

4. Новые изгнанники: политические деятели и лидеры демократических партий. Эмиграция дипломатов (1947–1949 гг.)

Вернёмся, однако, к времени, когда силовые органы народно-демократической Венгрии, полностью находившиеся в руках или под контролем коммунистов, при личном участии М. Ракоши активно готовились к нанесению сокрушительного удара по крупнейшей и самой многочисленной политической партии страны, приступив к удалению ведущих политиков НПМХ, фактически толкая их к вынужденной эмиграции. Вслед за случившимся с Бела Ковачем для этой цели наиболее подходящей кандидатурой оказалась фигура премьер-министра страны, видного представителя этой партии. Глава коалиционного правительства *Ференц Надь* (1903–1979) выходец из крестьянской семьи, с октября 1930 г. по август 1945 г. был генеральным секретарем НПМХ.

В годы гитлеровской оккупации Венгрии он полгода провёл в гестаповских застенках, а после освобождения страны занимал пост председателя партии. В 1945 г. он стал министром по делам восстановления, а с 4 февраля 1946 г. председателем Совета министров. Для отстранения от власти и вытеснения из политической обоймы этого премьер-министра Венгрии коммунистическое руководство воспользовалось случаем его ухода с 14 мая 1947 г. в очередной отпуск, который тот хотел провести у дочери в Швейцарии. Оставив дома малолетнего сына, Надь уехал к ней. В его отсутствие, – словно по заранее предусмотренному сценарию, – коммунистические следственные органы вдруг, якобы «случайно», обнаружили свидетельства его причастности к упомянутому «антиреспубликанскому заговору». При этом, как ни парадоксально, в этих органах даже не задумались над тем, нужно ли действующему премьер-министру страны участвовать в каком-то «заговоре» против собственной же власти, т. е. власти, во главе которой он и стоял. Начавшиеся тогда против Надь действия стали, таким образом, продолжением заранее продуманного и подготовленного наступления как лично против премьер-министра страны, так и самой массовой и влиятельной демократической партии Венгрии в целях её методичного разрушения.

После случившегося с Б. Ковачем премьер Ф. Надь легко разгадал умысел коммунистов, как и цель предпринятых лично против него и НПМХ комбинаций и действий. Не видя другого реального выхода из ситуации, он после некоторого раздумья согласился уйти в отставку. В обмен на предложенное официальное отречение от поста главы правительства и возвращение в Будапешт автомобиля, на котором он выехал из страны, Надю привезли сына, и они остались в Швейцарии. На капоте автомашины ЗИС (она была подарена ему И. В. Сталиным)¹³⁵ Ф. Надь подписал подготовленные для него бумаги о «добровольном» уходе с поста премьер-министра и стал эмигрантом. Правда, в Женеве Надь надолго не задержался и вскоре выехал в США, где на дипломатической службе состоял его старший сын¹³⁶.

Ференц Надь, оставив Венгрию, избежал необоснованных обвинений и преследований. Он ушел с поста премьер-министра страны и стал первым высокопоставленным государственным деятелем, которого *вынудили стать эмигрантом*. Отправляясь в эмиграцию на Запад, он надеялся найти там опору и внешнюю поддержку в политических и демократических кругах, с помощью которых полагал остановить дальнейшее наступление тоталитарных сил на демократические институты Венгрии. Расстанова же сил на международной арене была, однако, такова, что его ожидания не могли реализоваться. Впрочем, находясь в Швейцарии, Ф. Надь написал свои воспоминания, в которых изложил причины и обстоятельства своего ухода в эмиграцию и описал реальную ситуацию в Венгрии. Он опубликовал их под названием «Борьба за железным занавесом». Книга вышла в 1948 г. на английском языке уже в Нью-Йорке в переводе с венгерского. Излагая в ней обстоятельства своего

ухода в эмиграцию, будущий политэмигрант Ф. Надь, в частности, писал: «Маленькой нейтральной Швейцарии было бы трудно принять, чтобы я отсюда вел политическую деятельность, которая с учётом ситуации была направлена также против Советов, поэтому я попросил визу на въезд в классическую страну политических свобод, в Соединенные Штаты. Визу я получил, а после того, как мои друзья скинулись мне на перелёт, я вместе с семьёй улетел в Соединенные Штаты, где, наконец, мог быть вместе со всеми тремя детьми»¹³⁷.

И всё же, основной причиной перебазирования в США этого ведущего впоследствии венгерского политэмигранта стали в действительности не столько семейные мотивы, сколько его решимость и попытка найти там политическую опору в руководящих кругах этой страны для отстаивания молодой венгерской демократии. Он рассчитывал на то, что политические деятели этой могущественной и влиятельной великой державы смогут повлиять на ситуацию в самой Венгрии и помогут сохранить там остатки зародившейся демократии. На взгляд Нады, это становилось актуальной и даже неотложной задачей, тем более, что вслед за его уходом из страны эмиграционный поток политических беженцев из числа представителей демократических сил стал нарастать. Из страны уходило всё больше известных политических деятелей, представителей демократических партий и широкой общественности, работников разных институтов венгерской демократии. Причём нарастание этого процесса происходило по той же причине – из-за дальнейшего нарушения демократических принципов и законности, вследствие фронтального наступления на многопартийность и начавшегося утверждения коммунистического тоталитаризма.

Причиной эмиграции другого видного высокопоставленного действующего политика венгерской народной демократии также стали весьма схожие обстоятельства и угрозы для жизни. Вслед за Ф. Надем 2 июня 1947 г. был вынужден оставить свой пост первый председатель полноправного Национального собрания (парламента) Венгрии, также выходец из руководящей когорты НПМХ *Бела Варга (1903–1995)*. Чтобы не повторить судьбу Б. Ковача, не стать очередной безвинно опороченной жертвой манипуляций, т. е. коммунистической политики «нарезки салями» (а это, как отмечалось, на практике означало поочерёдное удаление лучших руководящих голов союзнических партий, вытеснение их из политической жизни страны), он также предпочёл эмигрировать, последовать за Ф. Надем. Таким образом, Б. Варга стал вторым высокого ранга государственным деятелем послевоенной Венгрии, который оказался вынужденным политэмигрантом.

После кратковременного пребывания в Швейцарии Б. Варга также перебазировался в США и обосновался вблизи Нью-Йорка. За его плечами было также богатое политическое прошлое: бывший католический священник, один из основателей НПМХ, с 1937 г. являлся заместителем председателя этой, тогда

оппозиционной партии. В годы войны Б. Варга по заданию премьер-министра страны опекал польских беженцев в Венгрии и основал для их детей единственную в Европе польскоязычную гимназию, участвовал в венгерском движении за независимость и антифашистском сопротивлении, в условиях оккупации страны был вынужден скрываться от гитлеровцев. После освобождения Венгрии он избирался в состав Временного Национального собрания, с ноября 1945 г. стал депутатом, а с 7 февраля 1946 г. председателем Национального собрания Венгерской Республики.

Вынужденная эмиграция названных двух самых видных действующих политиков Венгрии (по версии коммунистов они якобы вступили в «заговор» против собственной же республиканской власти, в которой занимали самые высокие государственные посты) вызвала на Западе весьма широкий политический резонанс. В результате бывший премьер-министр Ф. Надь был приглашён в государственный департамент США. Там его, судя по документам, «выслушали»¹³⁸. В условиях эмиграции на Западе Ф. Надь искал политическую поддержку в демократических кругах, добивался реальной помощи от ведущих политических деятелей разных стран, чтобы попытаться отстоять, защитить демократию на родине от поползновений тоталитарных сил. Но бывшему венгерскому премьер-министру в этом отношении пришлось горько разочароваться. Ни Вашингтон, ни Лондон не пожелали оказать решительного воздействия на Будапешт, чтобы переломить, изменить ситуацию. Они не хотели портить отношения с Москвой ради защиты венгерской демократии. Правда, официальные круги США сначала пообещали и действительно имели намерение разобраться в венгерских делах, но, в конечном счёте, удовлетворились заявлением президента страны Г. Трумэна, который на одной из пресс-конференций осудил действия коммунистических кругов Будапешта и назвал положение в Венгрии ужасным, а случай с Ф. Надем – позорным. Вашингтонская дипломатия сделала и другие шаги, используя в дальнейшем ситуацию в Венгрии против Советского Союза, а в августе 1947 г. на заседании Совета Безопасности ООН заблокировала принятие Венгрии в эту международную организацию. Всё это оказалось, однако, недостаточным для защиты венгерской демократии.

За уходом в эмиграцию названных двух крупных и наиболее известных действующих центристских политиков и государственных деятелей народно-демократической Венгрии пределы страны вскоре были вынуждены покинуть почти все остальные влиятельные ключевые фигуры не только НПМХ (её практически уже обезглавили – Б. Ковач, Ф. Надь и Б. Варга), но и остальных некоммунистических партий, если они не принадлежали к их левому крылу или не являлись скрытыми коммунистами в рядах других партий. Вполне очевидно, что позиции этих прочих партий не совпадали с намерением ВКП, стремлением её руководящей верхушки к установлению режима диктатуры. В результате не только новые правые, но и центристские, левоцентристские

и даже и левого толка партийно-политические деятели из СДПВ, т. е. фактически весь некоммунистический спектр политического истеблишмента Венгрии, иными словами все руководящие кадры основных демократических сил венгерской парламентской демократии в 1947–1949 гг. оказались в зарубежной эмиграции. В условиях тех лет в атмосфере развернувшихся преследований и утверждавшегося беззакония, стремительного свёртывания системы народной демократии ни они сами, ни их партии, если их позиции расходились с намерениями лидеров компартии, не могли сохраниться, были вынуждены уехать из Венгрии.

Бывший редактор общей экономической газеты коалиционных партий периода 1946–1948 гг. «*Közgazdaság*» («*Кёзгаздашаг*» – «*Экономика*») Казмер Надь в этой связи с полным основанием и глубоким знанием дела писал впоследствии: «Главной причиной их ухода в эмиграцию, – правда, не исключительной, – стала непонимающая венгерскую действительность, нетерпеливая и насильственная политика, которую проводил фактический хозяин страны Ракоши. Он планомерно выдавливал из общественной жизни сначала некоммунистических политиков, а затем не понравившихся ему коммунистических. Своей „тактикой салями“, которую называли мудрой, он нанёс громадный вред стране..., довёл её до национальной трагедии. Частью этой тактики стало изгнание из страны коалиционных партнёров»¹³⁹.

В составе нового потока второй эмиграционной волны были известные партийно-политические деятели коалиционного периода Венгрии, которых Ракоши и его единомышленники в 1947–1949 гг. заставили стать политэмигрантами в странах Запада. Там оказались представители практически всех политических течений эпохи народной демократии. Это были, прежде всего, уже упомянутые руководящие деятели НПМХ, которые пытались, но в тех условиях так и не сумели, противостоять растущему коммунистическому давлению. Напуганные изгнанием из страны первых определяющих личностей и желая вывести партию из-под удара, остальные представители руководства пошли на уступки коммунистам. Они предпочли оказать им содействие и способствовать удалению из своих рядов тех, кого лидеры компартии назвали «реакционерами». Последние, имея в своих рядах немало известных политиков, на первом этапе ещё сопротивлялись. Исключённые же их НПМХ, всерьёз восприняв правила демократической многопартийности, решились создать свои новые самостоятельные оппозиционные партии и намеревались продолжить политическую борьбу за собственные идеалы. Среди таких «выдавленных» из НПМХ политиков были адвокаты *Дежё Шуйок* (1897–1965) и *Золтан Пфейффер* (1900–1981), прежде члены руководства НПМХ, с 1945 г. депутаты венгерского парламента. Первый уже ранее публично сформулировал своё предложение об утверждении государственного нейтралитета Венгрии, что тут же вызвало недовольство коммунистов, после чего в марте 1946 г. его исключили из партийных рядов вместе с другими 20 членами Президиума

НПМХ. Шуйоку удалось создать *Венгерскую партию свободы*, с которой он, став её председателем, намеревался отстаивать свою позицию в парламенте. Вскоре он же обвинил ВКП в тоталитаризме и нарушении прав человека, после чего быстро убедился в необходимости покинуть пределы Венгрии и стать эмигрантом. Политик З. Пфейффер, который в 1945–1946 гг. являлся государственным секретарём Министерства юстиции, в июле 1947 г. создал другую партию, *Венгерскую партию независимости*, с помощью которой пытался отстаивать соответствующие принципы, однако ему вскоре также пришлось отправиться в американскую эмиграцию.

В конечном счёте, в эмиграции в США оказался и ряд видных руководителей СДПВ. В числе первых был, естественно, и такой многолетний представитель венгерской социал-демократии как *Карой Пейер* (1881–1956), который ещё в условиях хортизма возглавлял эту оппозиционную рабочую партию. После оккупации Венгрии гитлеровцами весной 1944 г. он был арестован и оказался в концлагере, а после освобождения страны стал депутатом Государственного собрания от СДПВ. С лета 1947 г. Пейер перешёл в ряды *Венгерской радикальной партии*, от которой также получил мандат депутата парламента на выборах 31 августа. Однако ему уже в ноябре 1947 г., во избежание грозившего ареста, также пришлось эмигрировать и обосноваться в США. Не менее тернистым оказался и дальнейший жизненный путь такой известной и авторитетной личности в СДПВ, как *Анна Кетли* (1889–1976), члена партийного руководства с 1922 г., с августа 1945 г. члена политбюро партии, депутата парламента с почти 30-летним стажем. Она оставалась принципиальной противницей объединения СДПВ с ВКП. Её, выходяца их рядов рабочих, поэтому в марте 1948 г. исключили из партии, а в июне 1950 г. уже в условиях коммунистического единовластия арестовали и по сфабрикованному обвинению приговорили к пожизненному заключению. До ноября 1954 г. Кетли 3,5 года провела в тюремном заключении и была освобождена лишь в результате требования ряда руководящих деятелей западных социал-демократов, обратившихся к советскому партийному лидеру Н.С. Хрущёву, после чего она была выпущена на свободу. События 1956 г. застали А. Кетли с партийно-политической миссией в Австрии, а подавление венгерской революции советскими войсками заставило её пополнить ряды западной эмиграции. Она включилась и проводила активную работу в венгерской эмиграции, впоследствии жила, работала и скончалась в Брюсселе. Западная венгерская политэмиграция в 1949 г. ещё продолжала пополняться такими известными политиками, бывшими депутатами парламента 1945–1949 гг., какими являлись основатель *Христианского женского союза*, католический политик, монахиня *Маргит Шлахта* (1884–1974) и журналист *Иштван Баранкович* (1906–1974), генеральный секретарь *Христианской демократической народной партии* (ХДНП) с 1944 г.

Разумеется, это далеко не полный перечень даже самых известных партийно-политических деятелей Венгрии периода послевоенной народной демократии, которые оказались вытесненными из политической жизни страны в условиях утверждения коммунистического единовластия. Большинство из них, лишившись возможности продолжить политическую деятельность, покидало страну, находя спасение в вынужденной эмиграции на Западе. Другие некоторое время ещё сопротивлялись, но в итоге у них также не оставалось другого выбора, как стать участниками эмиграционного потока 1947–1949 гг. с тем, чтобы там подключиться к активным действиям за пределами родины. Так или иначе, именно из этого потока эмигрантов второй волны вышли все основные и наиболее влиятельные деятели, организаторы венгерской политэмиграции 50-60-х годов XX века.

В 1948–1949 гг. из Венгрии в страны Запада ушло и немало представителей самых разных интеллектуальных профессий, в том числе известные писатели и журналисты, юристы и артисты, музыканты и отдельные ученые и пр. Многие из них остались в Западной Европе, а остальные через некоторое времяполнили ряды американской венгерской эмиграции, направившись, в основном, на территорию США. Характерно, что американские власти на сей раз, более благосклонно отнеслись к эмигрантам из Венгрии, впрочем, как и из других стран европейской народной демократии. И это не удивительно, ведь новый эмиграционный поток 1947–1949 гг. не был столь массовым, да к тому же, имел совершенно иной социально-политический состав. Во всяком случае, он отличался от массовой эмиграционной волны 1944–1945 гг. Новые политические беженцы представляли собой совершенно другой пласт населения, в основном демократические силы послевоенной Венгрии, которые участвовали в становлении новой демократии, пытались её отстоять, но были вынуждены эмигрировать под давлением надвигавшегося становления коммунистического режима. Это было время, когда особенно ярко выразилось отношение политически активных личностей и групп, определённой части образованного населения к свёртыванию демократии и утверждению тоталитарных порядков, которые всё сильнее внедрялись в стране коммунистами во главе с М. Ракоши. Среди представителей этих политических кругов и не пожелавшей служить диктаторскому режиму интеллигенции следует назвать, прежде всего, профессиональных дипломатов, находившихся на дипслужбе в самых различных странах мира. Многие из известных на том этапе дипломатов довольно высокого ранга, которые работали в зарубежных внешнеполитических представительствах Венгрии, в МИДе страны, а также отдельные депутаты венгерского парламента, не видя перспектив дальнейшего демократического развития страны, оставляли тогда госслужбу и становились политэмигрантами.

Об уходе в эмиграцию представителей дипломатического корпуса, в частности, чрезвычайных и полномочных послов Венгрии в зарубежных странах,

целесообразно сказать особо, учитывая, что многие из них впоследствии стали активными участниками формировавшейся *западной венгерской политической эмиграции*. Так, вскоре после ухода в вынужденную эмиграцию действующего премьер-министра Ф. Надя и председателя парламента Венгрии Б. Варги венгерские послы в ряде государств мира в знак протеста начали друг за другом оставлять свои посты в зарубежных представительствах Венгрии, отказываясь служить коммунистическому режиму. Их шокировали приёмы, средства и методы, с помощью которых коммунистическое руководство совершало наступление на ещё слабую, но всё же действующую многопартийную парламентскую демократию и утверждало тоталитарную систему. Они не хотели мириться с бесцеремонным силовым «выталкиванием» из власти законно избранных и авторитетных политиков страны.

Послы Венгрии за рубежом, в основном, следуя примеру премьер-министра и председателя парламента страны, почти одновременно и по собственному решению становились диссидентами и политическими эмигрантами. Так поступили венгерские послы в Анкаре, Берне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Париже, Риме и в других столицах стран мира. Правда, руководители отдельных представительств Венгрии за рубежом отреагировали не сразу, и некоторое время ещё оставались на своих постах. О нежелании служить утверждавшемуся в Венгрии тоталитарному режиму первыми заявили и стали эмигрантами такие венгерские послы, как Аладар Сегеди-Масак (в США), который вместе с подавляющим большинством штата своего посольства оставил службу, Ференц Гордон (в Швейцарии), Бела Андахазы-Кашня (в Турции), Пал Ауэр (во Франции), покинувший свой пост вместе с частью дипломатического персонала, Ласло Барток (в Австрии) и другие. *Сегеди-Масак* находился на дипломатической службе с 1928 г., с лета 1943 по март 1944 г. работал в МИДе Венгрии, где заведовал отделом политики и принадлежал к группе дипломатов-антифашистов. После оккупации страны попал в лагерь Дахау. С конца 1945 г. он возглавил венгерское посольство в Вашингтоне, но в июне 1947 г. именно в знак протеста против незаконных действий коммунистов, удаливших законного премьер-министра Ф. Надя и других лидеров демократических партий, ушёл со своего поста и остался эмигрантом в США. По этой же причине покинул свой пост посол во Франции, в прошлом юрист, публицист и политик НПМХ.

Обращаясь впоследствии в своих «Воспоминаниях» к уходу венгерских послов и других представителей дипломатической службы в зарубежных странах, М. Ракоши по-своему истолковал и оценивал влияние такого протестного шага на страну. В связи с поступками послов-отказников он, в частности, признал, что очень многие «из зарубежных послов подряд сбежали или как тогда говорили, стали диссидентами», но, выразив своё пренебрежение к ним, отметил, что «народная демократия эти потери пережила»¹⁴⁰. Что же касается воспоминаний уже упоминавшегося дипломата В. Бёма, который после войны

вернулся на родину и был затем снова направлен на дипломатическую службу, то у него в этой связи имелась несколько иная оценка. Характеризуя ситуацию с протестной эмиграцией венгерских послов, он отмечал: «Массовое диссидентство венгерских послов в мае 1947 г. оказало катастрофическое воздействие на развитие демократии. Политиков западных стран это настроило против режима. При некоторой мудрости, политическом чутье и предусмотрительности можно было бы разрешить уход Ференца Надя и без всемирного скандала и шумихи вокруг него... Какова бы ни была его конечная цель, это событие потрясло мировое общественное мнение. Послы в Берне, Вашингтоне, Париже, Праге, Риме вместе с частью своего персонала стали диссидентами. На своих местах остались только три-четыре посла, назначенные из числа видных деятелей рабочих партий, а также аккредитованный в Советском Союзе посол [имеется в виду известный историк Дюла Секфию – Б. Ж.], которые по понятным причинам не оставили свои посты»¹⁴¹.

Приводя эти сведения и оценки в связи с эмиграцией дипломатов, небезразлично отметить, что в то же время из длительной западной эмиграции в Венгрию, наоборот, возвратились отдельные бывшие политические деятели страны. Они, конечно, были мало знакомы с политической ситуацией и реальным положением дел в Венгрии и, возвращаясь на родину, стремясь помочь новой власти, пошли к ней на службу. Так поступил, в частности, бывший президент Венгерской Республики 1918 г. граф М. Каройи, испытавший нелёгкую многолетнюю судьбу политэмигранта. Он, в отличие от послов-отказников, не желавших служить утверждавшейся коммунистической диктатуре, вернулся домой и предложил свои услуги новой власти, приняв назначение на дипломатическую службу. «Красный граф» некоторое время представлял интересы послевоенной народно-демократической Венгрии в качестве её посла в Лондоне. Он даже после установления коммунистами режима диктатуры, т. е. до 1949 г. включительно, продолжал верой и правдой служить тоталитарной власти М. Ракоши. Лишь когда ракошистское партийно-политическое руководство задумало и уже методично реализовало очередное искусственно сфабрикованное судебное «дело», – причем на сей раз уже против одного из представителей руководства самой компартии, Ласло Райка¹⁴², – граф, осознав горькую реальность и окончательно разочаровавшись, решил отказаться от дальнейшего служения режиму. Граф при этом предпочёл лишь тихо уйти в свою вторую по счёту политическую эмиграцию, но в дальнейшем больше даже не пытался принять деятельного участия в её жизни.

Несколько раньше М. Каройи разобрался в сложившейся в Венгрии ситуации, в сущности политических перемен 1947–1948 гг. другой реэмигрант, уже упоминавшийся социал-демократ В. Бём. Вернувшись на родину из западной эмиграции, он быстрее графа понял, что от коммунистов в Венгрии и на сей раз не дожидаться той «мудрости и большей продуманности», которые ожидал прежде от левого политического поворота. В 1948 г., после силового слияния

двух рабочих партий – объединения ВКП и СДПВ в ВПТ, – его сомнения лишь усилились. Рост числа венгерских политэмигрантов, растущие подозрительность и напряженность в обществе, накалённость внутривластной атмосферы, уже не говоря о самом факте становления коммунистического единовластия, заставили и этого опытного политика задуматься. Вернувшийся из Швеции на родину в последние дни 1945 г., Бём активно содействовал демократическому переустройству жизни страны, участвовал в работе руководящих органов СДПВ. В середине 1946 г. был снова направлен, как и Каройи, на дипломатическую службу. Став послом Венгрии в Стокгольме, а затем в Копенгагене и Осло, он выполнял свои функции вплоть до лета 1948 г., временами приезжая в Венгрию. Разобравшись в венгерских политических реалиях, Бём, подобно другим дипломатам-отказникам, тоже решил оставить свой пост и удалился в повторную западную эмиграцию. Причину своей второй политэмиграции он мотивировал так: «Я ошибался. Венгерская компартия не изменилась. Она поменяла лишь свою фразеологию. Её ненависть к демократии, к социал-демократам ещё больше усилилась. Она стремится к единовластию, к диктатуре. Коммунисты – это бесхребетные служители Москвы. В тактике деструктивны, в средствах – макиавеллисты. Заключать союз с ними подобно смертному приговору»¹⁴³. Бём в таких мрачных тонах оценивал и характеризовал ситуацию, точнее прогнозировал её накануне готовившегося силового объединения СДПВ с компартией.

Характерно, что даже в условиях возникшей острой нехватки послов не согласился принять предложенный ему пост посла Венгрии в одной из зарубежных стран другой, ещё более известный руководящий деятель венгерской социал-демократии Карой Пейер, который в условиях гитлеровской оккупации Венгрии прошёл через пекло концлагеря Маутхаузен. Ему также пришлось эмигрировать и обосноваться на Западе. Не только эти деятели руководства СДПВ, но, наряду с упоминавшейся Анной Кетли, и многие другие представители этой традиционной рабочей партии, которые также выступили против её объединения с компартией, были вынуждены пополнить ряды эмигрантов. Предпочёл эмиграцию и Ласло Йекели, руководитель канцелярии президента Венгерской Республики, проработавший на этом посту в условиях народной демократии полтора года в ранге министра. Получив назначение возглавить посольство в Гааге, он направился к месту дипслужбы, но, проезжая через Швейцарию, поменял намерение. Ему удалось освободиться от следившего за ним и сопровождавшего его надзирателя в чине советника посла и стал политическим беженцем – политэмигрантом¹⁴⁴.

Среди работников дипломатического корпуса Венгрии, которые в те годы эмигрировали на Запад, следует назвать также имя Иштвана Кертеса. Он долго работал в МИДе Венгрии на ответственных должностях, включая пост генерального секретаря венгерской делегации на Парижских мирных переговорах, возглавлял Управление делами президента Венгрии в ранге министра.

Направленный новым послом в Швейцарию уже после изгнания из страны премьер-министра Ф. Надя, он также предпочёл воспользоваться предоставленной возможностью и сразу при прибытии в страну отправил в Будапешт своё первое послание, в котором сообщил о своем отказе служить коммунистическому режиму. Оставаясь в эмиграции, Кертес впоследствии также оказался в США, где стал широко признанным и авторитетным аналитиком международной политики. Кертес в эмиграции опубликовал книгу *«Между Россией и Западом. Венгерские иллюзии о мире, 1945–1947»*¹⁴⁵, содержание которой свидетельствует о глубоком знании автором данной проблемы, а сама книга выделялась своей фундаментальностью и богатой документальной базой. Среди других покинувших Венгрию в те годы через Австрию эмигрантов были также депутаты венгерского парламента от Крестьянской партии Балинт Цупи, Лайош Хайду-Немет и некоторые другие, которые в итоге также осели в США и странах Западной Европы.

Следует отметить, что по существующим сведениям именно методы и средства, которыми пользовались ракошисты, а также тоталитарный характер установленного ими режима, заставили «90 процентов дипломатов и служащих, отправленных на дипломатическую службу, самим подать в отставку либо в случае их отзыва не подчиниться приказу, отказаться от возвращения на родину». Во всяком случае, часть диссидентов того времени являлось выходцами из этих профессиональных кругов. «Только в 1948 г. из числа, находившихся на дипломатической службе 236 чел. 37 процентов стали эмигрантами»¹⁴⁶, – отмечал в этой связи бывший дипломат В. Бём. При этом он со знанием дела констатировал, что они не были контрреволюционерами, и среди них было немало социал-демократов и коммунистов, которые предпочли «остаться без корней», но не стали служить ракошистскому режиму. В качестве примера он назвал имя личного секретаря «министра-коммуниста Золтана Ваша» Петера Келемена, который по этой причине стал эмигрантом. По меткому выражению этого политика, в 1947–1948 гг. «эмиграция стала эпидемией». Им же был подмечен своеобразный парадокс времён приближения «холодной войны», в соответствии с которым «люди, с одной стороны, живут во всеобщем страхе от войны, но, с другой, надеются, что третья мировая принесёт освобождение от коммунистической системы»¹⁴⁷. Так или иначе основной причиной, вызвавшей появление *повторного* послевоенного потока эмиграции из Венгрии после нескольких лет мирного созидания, стало коммунистическое наступление на многопартийную парламентскую демократию, её свёртывание и утверждение однопартийного тоталитаризма. Все политэмигранты периода 1946–1949 гг. фактически уходили в *вынужденную эмиграцию*, спасаясь от преследований и не принимая утверждения коммунистического режима.

Эмиграционным потоком тех лет, естественно, были охвачены не только партийные и государственные деятели, политики и дипломаты, но и предста-

вители научной и культурной жизни страны, а также оставшейся в стране части венгерской аристократии. Характерный для ситуации малоизвестный случай произошёл, например, с пользовавшимся широкой известностью в мире биохимиком, основателем биоэнергетики, лауреатом Нобелевской премии 1937 г. Альбертом Сент-Дёрди. В своё время он не дрогнул даже в условиях гитлеровской нацистской оккупации Венгрии, а в 1947 г. предпочёл удалиться из страны в эмиграцию (правда, об этом официальная пресса того времени умалчивала). Другой Нобелевский лауреат, также упоминавшийся уже Дёрдь Хевеши, покинувший Венгрию ещё до войны и с 1943 г. проживавший в Швейцарии, не принял приглашение коммунистической власти вернуться на родину и остался в эмиграции. Бывший же левобуржуазный радикал, соратник графа М. Каройи, находившийся в американской эмиграции Оскар Яси, наоборот, на короткое время решился посетить народно-демократическую Венгрию с целью изучения её политического и экономического положения, но, ознакомившись с политическими реалиями, предпочёл остаться эмигрантом и вернулся в США. Свои наблюдения о менявшемся характере власти и об общей ситуации в Венгрии О. Яси метко сформулировал для Исследовательского Совета по общественным наукам Университета в Оберлайне (США, штат Огайо) таким образом: «Тоталитарная диктатура, безжалостная и страстная ненависть которой направлена против двух слоев: социал-демократов и мелких крестьян. Против первых по той причине, что те являются убежденными демократами и хорошо знают, что антидемократические и безнравственные средства, используемые против них, лишь порочат сущность социализма, ... а вторых за то, что те не желают жить в советизированной системе, которая насильно подавляет демократию»¹⁴⁸.

Среди эмигрантов, покинувших страну по политическим причинам в ходе становления диктаторского режима, находились, таким образом, представители разных демократических партий. Их судьба в тех исторических условиях была предрешена. В эмиграцию наряду с ними уходили также действующие политики, министры и дипломаты, ученые и журналисты, деятели культуры и представители прочих интеллектуальных профессий, политическая ориентация которых также была разной, но не отвечавшей коммунистическим представлениям. Все они оставили Венгрию, потому что не видели для себя перспектив и не принимали установления коммунистического единовластия. Свертывание демократии, наступление на права и свободы особенно остро чувствовали представители демократической интеллигенции. С эмиграционным потоком 1947–1949 гг. покинул Венгрию, выехав в США, известный и талантливый писатель Лайош Зилаи, который в условиях гитлеровской оккупации не побоялся стать заместителем председателя Общества советско-венгерской дружбы. Покинул Венгрию и пользовавшийся европейской известностью преподаватель и генеральный директор завода ГАНЦ-МАВАГ инженер Д. Ендрашшик, изобретатель двигателя, названного его именем. По-

сле войны вернулся из-за границы левобуржуазный радикал Рустем Вамбери, который пользовался доверием коммунистов и поэтому ещё в конце 1944 г. заочно был избран членом Временного Национального собрания Венгрии, однако побыв в стране в те годы, предпочёл повторную эмиграцию. Этот уроженец г. Пожонь (ныне Братислава), известный языковед-тюрколог прежде совершил путешествие в Бухару, Самарканд, Хиву в качестве дервиша и написал об этом книгу «В одежде дервиша через Центральную Азию», которая была издана на нескольких языках. В знак признания научных заслуг его направили послом в Вашингтон, но спустя 8 месяцев работы в этой должности он покинул пост и остался в эмиграции¹⁴⁹.

Эмигранты этого дополнительного потока второй эмиграционной волны, как отмечалось, по сравнению с представителями массового исхода беженцев 1944–1945 гг. имели определённые приоритеты. Их гораздо охотнее принимали на Западе, включая США, они пользовались доверием в политических кругах, к ним отнеслись иначе, ценили не только их приверженность демократическим ценностям, но также опыт и конкретные знания о новой политической системе, приобретённые ими в период сотрудничества с коммунистами. Им обещали помощь и поддержку, хотя далеко не в той мере, в какой они этого ожидали. Во всяком случае, они были недостаточны для того, чтобы совершить реальный прорыв к защите демократии на родине. И, тем не менее, именно эмигранты этого потока стали той основной политической силой, которая добилась формирования в условиях Запада активного ядра венгерской послевоенной политэмиграции, которая в последующие десятилетия и давала о себе знать. Прежде всего, именно действующие политики и руководящие деятели политических партий, вытесненные из политической жизни Венгрии, стали определяющей силой венгерской политэмиграции на Западе.

Одним из главных политэмигрантов, который олицетворял новую венгерскую эмиграцию с конца 40-х годов и оказался в центре внимания политиков и демократической общественности Запада, а также всей венгерской диаспоры, безусловно, являлся бывший глава правительства демократической Венгрии Ференц Надь. Этот практически выставленный коммунистами из страны крестьянский политик (его семья владела 12 хольдами, т. е. около 6,5 га земли) написал ещё по горячим следам событий свои воспоминания, в которых изложил основные аспекты становления послевоенной народной демократии в Венгрии и конкретные действия коммунистического руководства по наступлению на неё. В его книге анализировались политический опыт нового строя и собственная политическая деятельность, причём наряду с описанием хода событий автор не забыл и о своих ошибках и политических просчётах (как главы правительства и ведущего представителя крупнейшей политической партии Венгрии). В книге, естественно, нашли отражение также некоторые факты и события, имевшие место за политическим занавесом. Излагая свой личный опыт сотрудничества с коммунистами в годы коалиционного правле-

ния, бывший премьер-министр, по вполне понятным причинам, именно с антикоммунистических позиций пришел к следующему выводу: «Я был слишком доверчив, и это моя ошибка... Не надо было верить заверениям коммунистов и Советам, что они хотят видеть Венгрию независимой и свободной. Не следовало верить и Сталину, его заявлениям о том, что Советский Союз покажет пример дружбы великой державы и малых народов без угрозы для их независимости... Не следовало поверить и в то, что советские войска пришли только освободить нас. Нам следовало знать, что гитлеровское иго просто будет заменено на сталинское подавление»¹⁵⁰. В то же время, оценивая произошедшее, бывший премьер-министр отмечал также, что тогда же было сделано многое из того, что уже «десятилетиями требовал венгерский народ». Это совместно проведенные с коммунистами «большие экономические реформы» и, прежде всего, земельная реформа, что способствовала «пресечению большого политического влияния прослойки помещиков», создание рабочих комитетов на промышленных предприятиях и многое другое, что полностью было правильным и необходимым для Венгрии.

Коснувшись этих аспектов и положений книги ведущего политэмигранта Ф. Надя, следует отметить, что в завершающей части этой работы им были подняты также проблемы, связанные с решением основных задач венгерской политэмиграции на Западе. Следует отметить, что Ф. Надя, как политик, четко понимающий глобальные политические процессы и факторы, с озабоченностью и ответственностью перед надвигавшимся разделением мира на два противоположных лагеря, настаивал в своей книге на целесообразности сохранения единства Европы, чему так и не было дано осуществиться. Экспремьер Венгрии, отправляясь в западную эмиграцию, тогда ещё надеялся, что страны западной демократии и, особенно США, смогут защитить народы малых центрально-восточноевропейских стран (между которыми так и не появилось сплочённости и взаимопонимания) от надвигавшегося на них тоталитаризма. Ф. Надя с багажом своего опыта, приобретённого за годы послевоенного сотрудничества с коммунистами, убеждённо заявлял, что в мире «на борьбу с коммунизмом можно мобилизовать только Западную Европу», признавая при этом, что для этого необходим, однако, багаж США. Он призвал страны Запада не допустить разделения Европы и подчёркивал, что «у коммунизма есть лишь один настоящий противник – Америка»¹⁵¹. С учетом выраженных им принципов Надя считал важным, более того, необходимым, чтобы венгерская политэмиграция также делала ставку именно на США. И это не удивительно, ведь за время своего краткого пребывания в Швейцарии, где начал писать свою книгу, он убедился в том, что западноевропейские страны пассивны и сами по себе не способны помешать разделению Европы и стать базой для сопротивления надвигавшемуся тоталитаризму. По этой причине он и решил перебазироваться в США, чтобы там начать организацию рядов венгерской политэмиграции.

5. Основные позиционные различия эмиграционных потоков 1945 и 1947 гг.

Проведённый анализ второй эмиграционной волны (включая потоки 1947–1949 гг.), связанной со Второй мировой войной и её последствиями, позволяет сделать некоторые общие сравнения и выводы об этих процессах политической эмиграции XX века. Он даёт возможность констатировать: если политические потоки исходившей из Венгрии *первой волны* (1918–1919 гг.) эмиграции, – которая возникла вследствие Первой мировой войны и последующих революций, – распространялись как в восточном, так и центрально-европейском направлении, с соответствующим размещением её участников, то *вторая волна* (1945–1949 гг.) направлялась исключительно на Запад (другой вопрос, что венгерские эмигранты, охваченные этой волной, впоследствии рассеялись по всему свету). И хотя почти все уехавшие, унесённые второй волной в конце и после Второй мировой войны, покинули Венгрию по политическим причинам, – что даёт основание считать всех затронутых ею эмигрантов политическими, – в ней были чётко различимы два самостоятельных потока (1945 гг. и 1947–1949 гг.), каждый из которых имел свои характерные особенности и отличительные черты.

Нет сомнения, что представители эмиграционного потока 1947–1949 гг. по своему мировоззрению, взглядам и убеждениям, по собственному политическому опыту коренным образом отличались как от трудовых (экономических) мигрантов прежних десятилетий, так и от основной массы вынужденных беженцев и эмигрантов войны. Это были две различные, отличавшиеся друг от друга категории эмигрантов, которые реально присутствовали в общей эмиграционной массе периода 1945–1949 гг. Оказавшись на Западе, они соответствовали двум формально схожим признакам (уход от коммунистической опасности, от тоталитарных порядков) и общим критериям (негативное отношение к коммунистическому единовластию), но при этом их характеризовали разные политические ожидания. Их представители по-разному оценивали события и перемены, которые происходили в Венгрии после войны. На этой почве по ключевым политическим вопросам и разгорелись между ними и долгое время в условиях эмиграции сохранились соответствующие противоречия и дискуссии. Здесь целесообразно хотя бы кратко обозначить их суть.

Вторая большая эмиграционная волна (1945–1949 гг.), её оба потока, несомненно, внесли определённую освежающую струю в прежнюю обычную спокойную жизнь венгерской эмиграции и всей национальной диаспоры, живущей на Западе. Одной из ключевых проблем, которая взбудоражила и даже потрясла всю венгерскую эмигрантскую среду прежних десятилетий в западных странах, явилось совершенно иное отношение новых «пришельцев» к Венгрии. Дело в том, что представители довоенных эмигрантских кругов, уже давно живущих на Западе, сохранили свое целиком доброжелательное от-

ношение к Венгрии как своей родине, где они выросли, где остались их предки, куда по возможности многие мечтали вернуться. Эти, прежде в своей массе трудовые мигранты в межвоенные годы всегда стремились помочь своей стране чем могли при любом раскладе политических сил в родных условиях. Но вдруг появились новые эмигранты 1945 г., которые в своей массе очень критически отнеслись к тому, что происходило в Венгрии, для неё у них не оставались даже слов признания, не то чтобы помощи. Они не желали признать и не принимали даже те позитивные общественно-политические перемены на родине, которые осуществлялись там за первые годы народной демократии (1945–1948), уже не говоря о становлении коммунистического режима, полностью утвердившегося с 1948 г. К нему они относились враждебно, с явным неприятием.

Несколько иным, более дифференцированным было отношение к переменам на родине политэмигрантов, покинувших Венгрию в 1947–1949 гг. Они, наоборот, принимали демократические перемены первых послевоенных лет, в осуществлении которых сами активно участвовали. В то же время они наравне с эмигрантами 1945 г. выражали принципиальное неприятие коммунистической диктатуры, становление которой и заставило их покинуть родину и испытать судьбу эмигрантов. В этом вопросе позиции двух групп эмигрантов (1945 и 1947–1949 гг.) были схожи. В то же время отношения между ними в эмиграции налаживались с трудом, причём именно по причине расхождений в оценке первых лет становления послевоенной демократии в Венгрии. Как отмечал в своей книге Ф. Надь, он сам, да и эмигранты 1947–1949 гг. не только принимали, но даже гордились теми демократическими переменами, которые удавалось им осуществить в условиях коалиционного правления вместе с коммунистами. С другой стороны, как эмигранты 1945-го, так и 1947–1949 годов в равной степени отказывали в симпатии и какой-либо поддержке тем переменам, которые проводились в Венгрии после утверждения там коммунистического единовластия. Они одинаково осуждали тоталитарный коммунистический режим, представители которого сделали их изгнанниками. При всём этом каждой из сторон было нелегко убедить друг друга в своей правоте, и рознь между ними продолжала существовать десятилетиями, отравляя и осложняя жизнь представителей разных эмиграционных потоков. Третья сторона западной эмиграции была представлена т. н. *старыми американцами* или же массой представителей прежних эмиграций и венгерской диаспоры, включая их детей, которых родители воспитали в любви к своей этнической родине. Они ещё долгое время не могли понять отношения эмигрантов 1945–1949 гг. к Венгрии. Ведь для большинства из них образ родины, а для их детей отечества предков оставался неприкосновенным и любимым. По этой причине старо-американцы сначала не понимали и не принимали не только критику в адрес послевоенной Венгрии, но даже пытались помочь ей, стремились поддерживать с ней дружественные отношения, как и в прежние

времена. Перемены в такого рода отношениях с родиной наступили далеко не сразу.

Представители двух разных лагерей или отрядов новой венгерской политэмиграции, таким образом, по ряду идейно-политических причин относились друг к другу довольно прохладно, предъявляя противной стороне взаимные претензии и обвинения. Так, эмигранты, оставившие Венгрию лишь в 1947–1949 гг., порицали покинувших страну в 1945 г. за то, что в те в своё время попали под влияние Гитлера и в результате страна оказалась втянутой в антисоветскую войну, а также за то, что в условиях её германской оккупации не сумели помешать приходу к власти Салаши и допустили дискриминацию отдельных категорий венгерских граждан. А те, в свою очередь, упрекали представителей народно-демократической эмиграции за то, что в своё время «служили Сталину, приняли оккупацию, способствовали разделу земли среди крестьян (считая это грабежом), участвовали в изменении формы государственного правления... и, тем самым, содействовали превращению ведущей политической прослойки страны в деклассированные элементы»¹⁵². Десятилетиями сохранявшиеся взаимные обиды и обвинения сторон, естественно, мешали налаживанию нормальных, полноценных отношений между представителями двух лагерей послевоенной эмиграции, а, следовательно, и единению всей эмиграции на Западе.

При одинаково отрицательном отношении к утвердившемуся на родине режиму коммунистической диктатуры обе категории венгерской послевоенной эмиграции с самого начала кардинально расходились между собой также в оценке и некоторых других принципиальных вопросов. Они касались общественно-политической ситуации, реального положения дел в Венгрии, а также перспектив самой эмиграции, представлений о методах и возможностях своего возвращения на родину. По этим вопросам также велись соответствующие дискуссии, к которым в дальнейшем ещё вернёмся. Разумеется, более осведомлёнными о ситуации на родине были эмигранты 1947–1949 гг.. Они, несколько позже покинувшие страну, больше знали о новых венгерских реалиях, лучше ориентировались в ситуации на родине. Между тем, хотя представители обоих эмиграционных потоков были заинтересованы в том, чтобы заручиться необходимой поддержкой в политических кругах Запада, эмигрантам 1945 г. об этом можно было лишь мечтать. Ведь их всех, часто без разбора, считали бывшими пособниками немцев. Политэмигранты же потока 1947–1949 гг., которые первым делом стремились помешать окончательному утверждению в Венгрии режима диктатуры и, добиваясь этого, искали влиятельных партнёров, способных защитить демократию в Венгрии, были на другом счёту и имели другую репутацию. Их считали на Западе компетентными во внутренних делах страны и советского блока, стремились использовать их знания. Лидеры этих кругов венгерской политэмиграции поэтому с полным правом обращались к демократической общественности Запада и пред-

принимали попытки убедить её, как и политическую элиту ведущих западных держав, в необходимости активно вмешаться и спасти остатки политической демократии в Венгрии, которой реально угрожал надвигавшийся тоталитаризм.

Касаясь отмеченных принципиальных позиций, особенностей и устремлений основных представителей обеих групп или категорий большой послевоенной венгерской политэмиграции, следует учитывать, что они оставались весьма характерными и прочными, существовали на длительном этапе и разделяли силы эмиграции. Обратим внимание, однако, и на некоторые другие существенные различия двух указанных отрядов эмиграции. Несмотря на численное меньшинство эмигрантов 1947–1949 гг., роль и реальная политическая значимость последних, по отмеченным причинам была более весома и существенна, чем у представителей эмиграции 1945 г. С ними считались в политических кругах почти каждой из стран Запада, где они обосновались, особенно в США. Это позволило им вести активную организационную и политическую деятельность в условиях эмиграции. Кроме всего прочего, народно-демократической эмиграции политический вес придавало то обстоятельство, что её лидеры в послевоенных условиях выполняли важные государственно-политические функции, играли ведущую роль в демократизации общественно-политической жизни Венгрии. Кроме того, они практически вплоть до подписания Парижского мирного договора оставались деятельными участниками демократической власти, приобрели ценный опыт в сотрудничестве с коммунистами, что в определённых условиях могло иметь практическое значение и в перспективе. Таким опытом их коллеги, более многочисленные эмигранты 1945 г., не владели.

Следует учитывать и то, что вместе с политической частью народно-демократической эмиграции из Венгрии на Запад в 1947–1949 гг. ушло и немало представителей культуры и искусства, которые являлись её тылом, укрепляли её потенциал, составляли интеллектуальный резерв. Будучи участниками демократических преобразований первых лет народной демократии, а также живыми свидетелями развернувшегося процесса большевизации и советизации страны, они отвергали диктаторский режим и желали вернуться к демократии на родине.

Представители демократической эмиграции 1947–1949 гг. и особенно её ведущие деятели, безусловно, представляли собой наиболее активную и гибкую часть всех эмигрантов, оказавшихся на Западе после войны. Их гибкость и готовность к компромиссу проявилась у них ещё на родине, во время сотрудничества с коммунистами, в признании и принятии ими курса коммунистов с обещанием осуществлять постепенное продвижение страны к социализму. Что случилось иначе и что им самим пришлось оставить Венгрию в качестве беженцев и изгнанников, это уже на счёт исторических достижений коммунистов и их лидера М. Ракоши, действия которого вызвали соответствующую

реакцию в кругах демократической эмиграции. Впрочем, эта реакция нашла следующую оценку со стороны такого, наиболее объективного знатока проблемы, как бывший член данной демократической эмиграции Д. Борбанди. Он в 1989 г., в частности, отмечал: «Антикоммунизм и антисоветизм венгерских демократов пробудила сама коммунистическая партия, которая стерпела и поддерживала самовластие М. Ракоши, увенчанное впоследствии культом его личности. За антикоммунизм венгерской демократической эмиграции ответственны исключительно те исторические условия, частичное осуждение которых ныне уже не чуждо даже современным коммунистам»¹⁵³.

Политэмигранты народно-демократического набора, последовав за эмигрантами 1945 г. на Запад, имели по сравнению с ними ряд важных и существенных преимуществ, которые помогли им занять ведущее положение в западной эмиграции и заняться организацией и сплочением всех её основных сил. Руководители демократической эмиграции воспользовались возможностями и, исходя из целесообразности объединения своих усилий, сочли важным взяться за создание единой эмигрантской организации или эмиграционного центра, который объединял бы венгерских эмигрантов во всех странах мира. Прибыв на Запад, они решили провести такую организационную работу с тем, чтобы объединить самые разные политические силы (кроме крайних) венгерской политэмиграции в единую организацию. Комплекс постановки и процесс конкретного решения этих важных и ответственных задач по сплочению сил венгерской эмиграции разных стран и континентов – предмет рассмотрения в следующей главе.

Глава 3

Венгерская политэмиграция на Западе: её основные цели, устремления и деятельность. Венгерский Национальный Комитет (40-50-е годы)

1. Действия послов-отказников и собирание сил западной политэмиграции

Ведущие венгерские политики, оказавшись в эмиграции на Западе, считали своей важнейшей задачей наладить политическую деятельность, объединить разрозненные силы эмигрантов, которые были рассредоточены по разным странам мира. Для проведения такого рода организационной работы, для сплочения сил разных эмигрантских отрядов и групп особенно благоприятные возможности открылись в условиях США. Для сил, взявших на себя инициативу организовать и объединить усилия политэмигрантов, там открылись

реальные возможности и, что также не безразлично, им оказывалась поддержка. Они получили возможность свободно критиковать сталинскую модель государственно-политического устройства, утверждение которой развернулось в Венгрии с 1947 г., а впоследствии реализовалось коммунистами во главе с М. Ракоши. Венгерские политэмигранты, нашедшие тогда политическое убежище в США, решили воспользоваться предоставленными возможностями. По указанным причинам именно в эту наиболее богатую страну западного мира устремилась, – правда, как правило, после кратковременного пребывания в западноевропейских странах, – вся основная часть наиболее известных и готовых к активным политическим действиям изгнанников. Это были преимущественно сбежавшие из Венгрии бывшие партийно-политические деятели, так или иначе вынужденные эмигрировать во второй половине 40-х годов XX века.

Практически одновременно с ними начали отказываться от несения службы утверждавшемуся коммунистическому режиму и дипломаты. В США уже с конца 1946 г. находился упоминавшийся ранее дипломат Дёрдь Бакач-Бешшенеи. Он в 1934–1938 гг. руководил политотделом венгерского МИДа, с 1939 по 1941 гг. был послом в Белграде, в 1943 г. – в Виши, а затем до марта 1944 г. работал в Берне. Во время оккупации Венгрии гитлеровцами он в знак протеста покинул свой пост. Наряду с ним, во время наступления на демократию в Венгрии и развернувшегося утверждения в стране коммунистического единовластия, появились и другие венгерские дипломаты-отказники, ряды которых приумножались. С инициативой объединения и сплочения их сил выступил ещё и другой дипломат Дёрдь Барца, который в знак протеста также оставил свой дипломатический пост. Они уже в качестве эмигрантов, вместе взялись за организацию сил отказников и за защиту своих интересов на Западе. Посол Барца в 1927–1938 гг. представлял интересы Венгрии в Ватикане, затем до 1941 г. в Англии, после чего, как и его коллега, стал послом-отказником и остался в эмиграции. Небезынтересно отметить, что в одном из отчётов ЦР ВКП от 3 июля 1945 г. на основе сведений, полученных от Наркомата ГБ СССР о коммунистической деятельности в Швейцарии, в частности, отмечалось: «В настоящее время в Швейцарии нашли себе приют многочисленные венгерские дипломаты. Старшим по возрасту из членов Комитета дипломатов является Дёрдь Барца, человек малоинтеллигентный, реакционер, проживающий в Лозанне»¹⁵⁴. Барца, хотя впоследствии уже переехал в Австралию и вместе с вышеназванными двумя дипломатами-отказниками взялся за объединение сил покинувших свои посты послов и других дипломатов. Затем они приняли самое активное участие в создании единой организации всех венгерских политэмигрантов на Западе.

И это не удивительно, ведь все они уже имели соответствующий опыт работы в условиях мировой войны. С весны 1943 г. добивались разрыва с Гитлером и выхода Венгрии из войны. Их активность с особой силой проявилась

после оккупации Венгрии гитлеровцами, когда многие дипломаты оставляли свои посты и становились политэмигрантами. Бывшие послы, имея связи с правительствами стран Запада, пытались тогда содействовать поискам путей вывода Венгрии из войны. Дипломат Д. Барца, в частности, по поручению венгерской оппозиции, но при этом с личного согласия М. Хорти и премьер-министра М. Каллаи, находясь в Швейцарии, в 1943 г. установил контакты с правительством Великобритании. Эти связи преследовали цель выяснить возможности и конкретные условия сепаратного выхода Венгрии из войны. Кроме него, с согласия Будапешта подобные попытки предпринимали и другие послы и известные личности. К ним относились, в частности, В. Бём, А. Уллайн-Ревички, А. Сент-Дьёрди и др.¹⁵⁵. Преподаватель и учёный Уллайн-Ревички, находившийся до этого на дипломатической службе в Париже и в Турции, а с 1938 по 1943 гг. возглавлявший отдел печати МИД Венгрии, также принадлежал к антимилиитаристской когорте дипломатов. Ревички, будучи доверенным лицом таких двух глав венгерского правительства, как П. Телеки и М. Каллаи, которые не только противились вступлению, но и пытались вывести Венгрию из войны, осенью 1943 г. был направлен послом в Стокгольм. При этом он имел задание наладить контакты с англичанами и американцами, «прощупать» возможности для выхода Венгрии из войны. Оккупация страны гитлеровцами весной 1944 г. заставила этого дипломата стать послом-отказником, но он и в качестве политэмигранта продолжал поддерживать контакты с Хорти и регулярно информировал его о состоянии дел. В эмиграции Уллайн-Ревички написал свои воспоминания под названием «*Германская война – русский мир. Венгерская драма*»¹⁵⁶. Они впервые были опубликованы в Швейцарии в 1947 г. на французском языке (в Венгрии в 1993 г.). В своей богато документированной книге посвященный в закулисные события дипломат раскрыл много неизвестных ранее фактов политической жизни периода Второй мировой войны, в частности, касающиеся гитлеровского давления на Венгрию, а также обстоятельств, которые привели к её вступлению в антисоветскую войну, равно как и самих причин ухода Ревички в эмиграцию.

Группа венгерских послов-антифашистов в эмиграции во главе с Барцой сразу же после оккупации Венгрии 19 марта 1944 г. начала активные политические действия. «В связи с событиями в Венгрии я считаю, что настало время для создания запланированной нами организации венгерских дипломатов, – писал он. – Вместе с коллегой Бешшенеи мы договорились создать в Берне группу дипломатов под названием *Комитет послов (Követi Bizottság – Comité des Ministres)*. В нём должны участвовать те руководители посольств и дипломаты, которые не признают правительство, насильно навязанное немцами нашей стране, а, следовательно, незаконное венгерское правительство. Это дипломаты, которые не признают его и готовы официально порвать все контакты с ним и присоединиться к нам»¹⁵⁷. Инициаторы создания Комитета послов

в эмиграции, таким образом, отвергли гитлеровских ставленников в Венгрии, отказались служить им и призвали дипломатов следовать их примеру. Дипломаты-отказники одновременно поставили целью своего Комитета по всем, касающимся Венгрии вопросам предоставлять необходимую информацию и давать советы представителям союзных держав, участвовать во всех патриотических и демократических движениях, в т. ч. в антифашистском сопротивлении за рубежом, а по мере возможности также на родине. Они намеревались проводить такую работу до освобождения Венгрии, до тех пор, пока страна не сможет сформировать своё свободное и законное правительство. А в дальнейшем дипломаты полагали предложить свои услуги новому послевоенному правительству страны. Комитет послов был официально создан 3 апреля 1944 г. В его работе тогда принимало участие 10 послов и 25 других дипломатических работников.

Характерно, что когда весной 1944 г. посол Великобритании в Москве А. К. Керр попытался обратить внимание советского руководства на некоторые предложения венгерских дипломатов-антифашистов в эмиграции и охарактеризовать их усилия, направленные на установление связей с союзниками, то на это В. М. Молотов 5 мая 1944 г. отреагировал следующим образом: «Что касается венгерских дипломатов в нейтральных странах, то их позиция требует дальнейшего изучения, поскольку до сих пор ни один из них не высказался против клики Хорти. Венгерские дипломаты, за исключением Уллайн-Ревичко, не пытались установить контакты с советскими представителями. Последний в беседе с представителями Советской миссии заявил, что он не признает правительство Стояи, однако, оправдывал сотрудничество Венгрии с Германией, вызванное, по его словам, стремлением добиться ревизии Трианонского договора. Советское правительство... считает, что со стороны союзников нет никакой необходимости связывать себя ответственностью по отношению к любой венгерской эмигрантской оппозиции [курсив наш – Б. Ж.] и что решение вопроса о будущем Венгрии должно принадлежать самому венгерскому народу»¹⁵⁸. При таком подходе не удивительно, что когда в конце 1944 г., – т. е. уже после освобождения страны, – от имени Комитета послов Д. Барца обратился к созданному в Дебрецене Временному правительству Венгрии, а затем сделал это и Д. Бакач-Бешшеней из Парижа, изложив главе МИД Венгрии позиции и предложения Комитета послов, новое политическое руководство страны не пожелало воспользоваться услугами бывших послов-антифашистов, поэтому большинство из них и оставалось эмигрантами на Западе.

Оккупация Венгрии гитлеровцами весной 1944 г., а тем более конец войны в венгерскую западную эмиграцию внесли свежие силы. Они, однако, не могли себе позволить заниматься организационной и политической деятельностью. И не только по той причине, что сперва им приходилось приспосабливаться к новым условиям, трудоустраиваться и налаживать свой быт. Для

представителей эмиграционного потока 1944–1945 г., как отмечалось, было мало шансов для проявления политической активности, тем более для надежд на действительную поддержку своих позиций на Западе. Те из них, кто ещё рассчитывал в будущем на политическую активность, вполне четко разделялись на две группы. Подавляющее большинство из них явно составляли бывшие сторонники консервативного политического курса Хорти, ориентированные на восстановление в послевоенных условиях правоконсервативных представлений и ценностей, хотя на это практически не оставалось никаких реальных надежд. Вторую, весьма несущественную часть эмигрантов 1945 г., как отмечалось, составляли малочисленные группки с крайне правыми позициями, которые оставались в полной изоляции.

Часть эмигрантов 1945 г. ещё в лагерных условиях на территории *Германии* сделала попытку *ранней организации своих сил*. Одна из этих групп, которая возникла вокруг уже упоминавшегося уроженца села Кишбарнак, генерала Ф. Фаркаша, назвалась *Венгерским движением за свободу* и выделялась наибольшей политической активностью. Она оформилась ещё в мае 1946 г. в условиях плена на территории Германии в Мюлтале, что южнее Мюнхена и состояла в основном из сторонников М. Хорти. Отметим, что сам генерал Фаркаш ранее считался доверенным лицом регента, возможным кандидатом на пост премьер-министра на тот случай, если планировавшаяся хортистскими кругами попытка выхода Венгрии из войны 15 октября 1944 г. не окажется удачной. Фаркаш, однако, не оправдал тогда доверия правителя. Впоследствии он и его сторонники ещё до капитуляции венгерских войск добрались до американского командования во Франции и, представив ему сведения о местах расположения венгерских войск и гражданских беженцев, обратились с просьбой к западным союзникам не размещать их в лагерях для военнопленных, мотивируя тем, что венгерские военные не воевали против них. Кроме того, группа Фаркаша просила американское командование оставить на Западе все переданные им венгерские национальные реликвии и ценности, не выдавать их после войны Будапешту.

Приводя эти сведения, следует учесть, что генерал Фаркаш, пользовался доверием среди венгерских военных и законодателей-беженцев войны, поэтому уже в начале 1947 г., приступив к организации движения, в состав его оргкомитета из 60 членов он включил также 27 бывших венгерских парламентариев. Его *Движение за свободу* заявило о «бескорыстном служении национальной идее». Наряду с ним в этом движении ведущую роль играли также депутат верхней палаты венгерского парламента Лайош Липтаи, а также Пал Бокор и Пал Ямбор. Своим почётным председателем они избрали эрцгерцога Иосифа Габсбурга, который находился тогда в Регенсбурге. Представители движения исходили из необходимости заполнить образовавшуюся в государственно-правовой сфере брешь, возникшую в результате ухода в эмиграцию представителей практически всех институтов прежней власти¹⁵⁹.

Эмигрантами 1945 г. в Инсбруке в начале 1947 г. была образована и другая группа со схожими устремлениями. Она называлась объединением *Антибольшевицких национальных сил*. Провозглашенной целью организации стало «объединение основных личностей венгерской эмиграции под знаком борьбы против большевизма» и собирала она силы правых консервативных взглядов, стремилась к реставрации прежних порядков. В Зальцбурге была создана и третья группа консерваторов во главе с судьей Енё Семаком и депутатом Государственного собрания Ференцем Хорватом.

Таким образом, если созданный послами-отказниками Комитет был нацелен на то, чтобы помочь выходу Венгрии из войны и впоследствии служить послевоенной демократической Венгрии, то эти три группы консервативных сил предполагали реставрировать межвоенные порядки в стране. Последние в условиях эмиграции надеялись добиться в основном правопреемственности на базе законодательного собрания 1939 г., т. е. последнего венгерского парламента, избранного ещё без всякого внешнего давления. Представители этих кругов не признавали законными и действительными результаты выборов в Государственное собрание Венгрии 1945 и 1947 гг. Все эти правые политические силы эмиграции отвергли также переход страны к республиканской форме правления. В 1947 г. они по этой причине прибегли к конкретным действиям, пытаясь «решать» государственно-правовые проблемы в эмиграционных условиях. Не считаясь с исторической реальностью, включая провозглашение Венгрии в 1946 г. республикой, они исходили из выдвинутой ими юридической конструкции, в соответствии с которой последним Государственным собранием Венгрии, избранным конституционным путём в мирных условиях, являлся парламент 1939 года. И поскольку его никто не распускал, они считали, что его депутаты формально сохранили свои мандаты, и могут считаться единственными законными выразителями воли венгерского народа¹⁶⁰.

В 1946–1947 гг. представители этих кругов провели между собой серию переговоров и выработали план дальнейших действий, направленных на образование в эмиграции своего *высшего политического органа* и созыва «Государственного собрания 1939 года». Эти консервативные силы эмиграции надеялись на успех своего предприятия, рассчитывая на рост напряженности между СССР и США, а также на некоторое мнимое, иллюзорное смягчение позиций Запада в отношении к ним самим. При этом, однако, они забыли, что многие правительства западных стран к тому времени уже признали коалиционное правительство народно-демократической Венгрии, и не задавались вопросом как реализовать решение своего будущего форума. Созданный ими оргкомитет летом 1947 г. завершил свою работу. Местом проведения намеченного госсобрания избрали южно-баварский городок Альтёттинг. Там 19 августа с предварительного согласия американцев и собрались на это совещание 56 бывших венгерских парламентариев 1939 г., съехавшихся с территории Германии и Австрии. Первый день заседания закончился избранием

генерал-полковника Ф. Фаркаша будущим премьер-министром, которому делегировалось временное исполнение обязанностей также главы государства. Названный форум торжественно заявил о том, что правительство в Будапеште больше не вправе говорить и принимать решения от имени венгерского народа, а следовательно, не имело права менять ни форму государственного управления, ни подписывать мирный договор. На следующий день заседания «парламента 1939 г.» Фаркаш представил состав своего правительства¹⁶¹.

В программном заявлении кабинета говорилось о признании им ООН и её Устава, выражалось одобрение сохранения единой Европы, готовность к тесному сотрудничеству придунайских народов, указывалось на необходимость утверждения реальной демократии и парламентаризма, выдвигалась задача реформирования госучреждений, использования в экономике частной собственности и свободного предпринимательства. В заявлении содержался тезис об отмене республиканской формы правления и выражалась готовность к восстановлению экономики Венгрии с американской помощью. О том, какими конкретными мерами собиралось реализовать свои решения это правительство, в заявлении ничего не говорилось. Американская военная администрация в Германии, однако, распорядились, чтобы о заседаниях госсобрания и о правительстве на было опубликовано никакой информации, мотивируя это тем, что такого рода политическая деятельность запрещена. Спустя две недели после совещания в Альтёттингге, американцы и в письменном виде известили Фаркаша и его сторонников, что в своей зоне оккупации не потерпят существования никакого легального, ни нелегального правительства, что их политическая деятельность противоречит распоряжениям военного командования, и поэтому следует немедленно прекратить всякие попытки функционирования эмигрантского правительства¹⁶². Необходимо отметить, что деятельность правительства Ф. Фаркаша, как такового, – которое больше существовало на бумаге, чем реально, – становилась к тому же невозможной и по ряду других причин. Поэтому, в конечном счёте, на последнем заседании кабинета министров в Мюнхене 29 мая 1949 г. сам Фаркаш решил подать в отставку¹⁶³. Эти политические силы, ориентированные в прошлое, в послевоенных условиях уже не могли стать таким реальным фактором даже в жизни эмиграции, который мог бы повести за собой основную массу эмигрантов. На роль основной определяющей или организационной силы в условиях эмиграции наиболее подходили, как уже отмечалось, именно представители народно-демократической эмиграции 1947 г. Они вместе с опытными дипломатами-отказниками, обосновавшимися в эмиграции и имевшими налаженные в западном мире связи, сумели взяться за решение этих проблем.

Однако, начальные шаги по организации и сплочению сил венгерской эмиграции в разных странах Запады были сделаны ещё в условиях мировой войны. Характерно, что правитель Венгрии М. Хорти, предпринимая определённые действия, направленные на вывод Венгрии из войны, и считаясь

с возможной реакцией со стороны гитлеровской Германии, сам задумался о необходимости попытаться основать эмиграционную базу в западном мире, куда в случае необходимости могла бы переместиться хотя бы часть политического руководства страны. При соответствующих реальных действиях ключевой фигурой такой эмиграции мог бы стать он сам, однако, такой вариант по ряду обстоятельств показался нереальным. В результате возникла идея запасного варианта образования правительств в эмиграции. Отмечая это, нельзя пройти мимо хотя бы упоминания имевшей место попытки её реализации. Посреднической фигурой в такой попытке мог стать один из представителей венгерских правых и правоцентристских сил в венгерской *американской эмиграции* *Тибор Эххардт* (1888–1972). Этот уроженец Венгрии, выходец из рядов среднепоместных джентри с высшим юридическим образованием начал свою политическую карьеру на правом фланге венгерского политического спектра, но затем вступил в ряды НПМХ, став в своё время оппозиционным политиком. В 1932–1939 гг. Эххардт уже возглавлял эту известную партию. В годы хортизма он как политик, считавшийся представителем оппозиционных сил, тем не менее принадлежал к кругу лиц, влияние которых на решение судеб Венгрии оставалось значительным. Его антигерманская позиция базировалась на знании исторических фактов и на выводах о том, что традиционная прогерманская внешнеполитическая ориентация господствующих классов в прошлом всегда приводила к проблемам для страны. Это и сделало его противником Гитлера. Эххардт раньше западных политиков, – а на родине в числе первых, – осознал, что означает для страны угроза со стороны гитлеровской Германии. Тем не менее он ещё надеялся, что Венгрия может избежать трагедии, если сумеет сохранить свой нейтралитет в условиях грядущей войны. С 1931 г. Эххардт стал одним из аналитиков-информаторов, помогавших послам США в Венгрии (Н. Рузвельт, Дж. Монтгомери) разбираться в сложных перипетиях венгерской внутривнутриполитической жизни. Весной 1940 г. он по поручению премьер-министра Венгрии совершил поездку в США и вёл переговоры с президентом Ф. Рузвельтом.

В то время – и это необходимо учитывать для ситуации, сложившейся для Венгрии – близкие к Хорти политические круги во главе с влиятельным лидером консервативной оппозиции графом Иштваном Бетленем на случай, если Гитлер потребует от страны вступления в войну, и планировали образование венгерского правительства в эмиграции, которое назначил бы сам М. Хорти. Предполагалось, что такое эмигрантское правительство возглавит Бетлен, а Эххардт и несколько венгерских дипломатов за рубежом (в частности послы в Лондоне Д. Барца и в Париже Ш. Куэн-Хедервари) станут его членами¹⁶⁴. Эххардт был готов выполнить свою часть задания, и в марте 1941 г., с визой МИД Великобритании на руках, уехал из Венгрии. Условия войны заставили его окольными путями пробираться в Америку, куда прибыл лишь в начале августа. Однако, намеченный план по ряду обстоятельств не сработал и не был реализован.

В США Тибор Экхардт 20 сентября 1941 г. основал движение «*За независимую Венгрию*» с чёткой антигитлеровской направленностью, которое пользовалось полуофициальной поддержкой американского правительства. Однако, хотя американцы и считали Экхардта наиболее желательным представителем всей венгерской политэмиграции в своей стране, тем не менее, проконсультировавшись с другими союзными державами, не поддержали идею создания венгерского эмигрантского правительства в США. Как в этой связи справедливо отмечал историк Т. Хайду, Экхардт был вынужден считаться с тем, что хотя основная часть «старо-американской» эмиграции и была готова встать под его знамёна, «чикагская группа» радикалов во главе с О. Яси, а также коммунисты и социалисты решительно отвергли его. Поэтому, несмотря на то, что Экхардта практически поддержали все венгерские национальные, религиозные, культурные и прочие организации США, а также объединения представителей прежних венгерских эмиграций, которые доверяли М. Хорти, этому инициатору венгерского антифашистского движения в Америке не повезло. Произошло это потому, что Венгрия вступила в войну и в тех условиях поддерживавшие Экхардта основные силы эмиграции были вынуждены отказаться от поддержки «вражеского» правительства Венгрии (кстати, осуществившее вступление Венгрии в войну правительство Л. Бардоши, в октябре 1941 г. лишило Т. Экхардта венгерского гражданства). Миссия этого политика как в качестве доверенного лица Хорти, так и лидера венгерской эмиграции в США, таким образом, не увенчалась успехом. Экхардт сам был вынужден приостановить свою общественно-политическую деятельность на несколько лет, формально прекратило с ним контакты и правительство США, хотя и продолжало считать его лидером всей венгерской эмиграции¹⁶⁵.

Камнем преткновения между различными группами венгерской эмиграции в США со времени войны становились расхождения в оценке ситуации в Венгрии. Экхардт оставался последовательным противником гитлеровцев и их приспешников, но при этом с пониманием относился к Хорти, который оказался в тяжёлом положении. Он понимал и сложности венгерского правительства 1942–1944 годов во главе с Миклошем Каллаи (1867–1967), обоснованно считая венгеро-германский союз навязанным гитлеровцами стране, а Венгрию – жертвой сложившейся ситуации. Не встретив, однако, поддержки со стороны двух отмеченных групп политэмигрантов в США, которые не принимали его позиции, Экхардт был вынужден выжидать.

Левые буржуазные радикалы и либералы, создавшие *Демократический союз американских венгров* во главе с О. Яси и *Демократический Совет американских венгров* под руководством коммунистов, в равной мере осуждали Хорти и Салаша, не делая никаких различий между ними и отождествляя явно разные режимы без какого либо учёта конкретных исторических обстоятельств. Они отвергли позиции Экхардта, называя его «хортистом». Совершенно иначе оценивали ситуацию жившие в США эмигранты, «старо-американцы» и их

объединённая организация *Amerikai Magyarok Szövetsége* (*Ассоциация американских венгров*). Они выпускали авторитетные печатные издания «*Amerikai Magyar Népszava*» («*Американ Магьяр Непсаво*») и «*Szabadság*» («*Сабадшаг*»), которые практически целиком разделяли подходы и оценки Т. Экхардта. В отношении Хорти вплоть до оккупации Венгрии гитлеровцами наиболее нетерпимую позицию занимала газета «*Ember*» («*Эмбер*»), выпускавшаяся в Нью-Йорке под редакцией социал-демократа Ференца Гёндёра¹⁶⁶. Тон газеты после оккупации страны, однако, резко изменился. Характерно, что сведения о деятельности *Ассоциации американских венгров* доходили даже до Москвы. В одном из информационного характера документов НКВД СССР под названием «К вопросу о венгерской эмиграции в США» весной 1944 г., в частности, сообщалось о деятельности *Американской Ассоциации магьяр* с характеристикой её руководящих деятелей. При этом указывалось на то, что «в США ширится движение за создание единого фронта зарубежных магьяр»¹⁶⁷.

Отмеченные обстоятельства способствовали некоторому упрочению позиций тех демократических групп венгерских эмигрантов в США, которые с самого начала отказались стать под знамёна Т. Экхардта, однако им так и не удалось выявить собственного лидера. В этой связи отмеченные группы эмигрантов стали добиваться американской визы для гр. Каройи, который оставался в Лондоне, где по сути не существовало какой-нибудь весомой венгерской эмиграции. Правительство же Рузвельта продолжало отказывать в визе «красному графу», вопреки тому, что в Канаде и странах Латинской Америки многие считали его своим возможным лидером.

В *Англии* существовали лишь три небольшие группы венгерских эмигрантов-антифашистов, проводивших свою деятельность с предвоенных лет. Это были: упоминавшаяся группа во главе с М. Каройи и его Движение за независимость Венгрии, а также *Ассоциация свободных венгров Англии* (*Angliai Szabad Magyarok Egyesülete*) возглавляемая журналистом Андрашем Реваи, корреспондентом газеты «*Pester Lloyd*» («*Pester Lloyd*») в Лондоне и, наконец, *Венгерский клуб Лондона* (*Londoni Magyar Klub*), созданный коммунистами под руководством Миклоша Сюса. Между этими группами однако не было единства и какого-либо взаимопонимания. Коммунисты и Каройи называли А. Реваи и его группу просто «хортистами». Тем не менее эти группы после оккупации страны на завершающем этапе войны также объединились в единую организацию. В апреле 1944 г. они именно благодаря А. Реваи сумели создать *Венгерский Совет в Англии* (*Angliai Magyar Tanács*), председателем которого и стал граф. Среди наиболее известных членов его Совета, кроме названных, были экономисты Т. Балог и М. Калдор, писатели и журналисты П. Игнотуш, Л. Хатвани, Э. Хаваш, Д. Хорват, преподаватель М. Полани, супружеская пара демократов К. Полани и И. Дучиньской¹⁶⁸.

В связи с отмеченными действиями венгерских эмигрантов в США и Великобритании нельзя пройти мимо тех сведений, которые английский дипломат,

посол Великобритании в Москве А. К. Керр сообщил в апреле – мае 1944 года главе советского Наркоминдела В. М. Молотову. Он информировал его о М. Каройи, Т. Экхардте и некоторых других венгерских послых на Западе, обращая внимание Москвы на то, что с их помощью можно бы «собрать группу, не лишённую авторитета, которая могла бы рассчитывать на симпатию некоторых элементов внутри Венгрии», а также о возможностях «организации там движения сопротивления»¹⁶⁹. Предложение, явно исходившее от М. Каройи, видимо, Москву почему-то не особенно заинтересовало. В начале мая 1944 г. Керр в новом сообщении В. М. Молотову о венгерских эмигрантах, действовавших на Западе, подчёркивал, что те «стремятся к объединению сил» и запрашивал согласие советского руководства на возможное оказание содействия этим силам для создания за пределами Венгрии движения *Свободная Венгрия*. Посол при этом подчёркивал, что «венгерскими эмигрантами предприняты новые попытки создания также Единого фронта». Он обращал внимание на то, что «это было достигнуто сейчас образованием Венгерского Совета, который состоит из представителей трёх главных групп»¹⁷⁰. При этом им были конкретно названы новое *Демократическое движение* графа Каройи, *Ассоциация свободных венгров Англии* (эта была наиболее правая сила) и *Венгерский коммунистический клуб*.

Приводя эти сведения о созданных венгерскими эмигрантами антивоенных организациях, следует вновь подчеркнуть, что левые силы политэмиграции на Западе (коммунисты и левые социал-демократы) до самого конца войны несколько ошибочно отождествляли хортистов с салашистами. (Впрочем, до оккупации Венгрии окружение графа М. Каройи и некоторые другие группы эмигрантов также находились в плену таких заблуждений). Первые, напр., опасались, что возможная удача Хорти по выводу Венгрии из войны может привести к тому, что часть хортистов сохранит свои позиции и после войны останется партнёром во власти. Такой позиции придерживалась и венгерская коммунистическая эмиграция в СССР. Очевидно, что советское руководство с учётом этих же опасностей расценивало любые инициативы и предложения, исходившие от представителей венгерской западной эмиграции. Поэтому не удивительно, что осенью 1944 г., когда группа эмигрантов-коммунистов в Лондоне во главе с Сюсом, – имея определенные возможности и контакты с антифашистским сопротивлением на родине, – от имени *Венгерского движения сопротивления* обратилась через бывшего посланника Венгрии в Ватикане, барона Габора Апора к советскому Наркоминделу с предложением согласовать наступательные действия советских войск с действиями их движения, это восприняли в Москве с большими сомнениями. (Участники сопротивления предлагали одновременно двигаться навстречу частям советской армии, а также организовать «захват предприятий и учреждений Будапешта»). Письменный ответ замнаркома НКВД В. Г. Деканозова на такой запрос был дан 18 декабря 1944 г. через британского дипломата Д. Бальфура. В нём отмечалось,

что «Советское правительство не располагает никакими сведениями о существовании и деятельности *Венгерского движения сопротивления*, несмотря на то, что эта организация по заявлению г-на Гезы Сюза [Сюза – Б. Ж.] создана ещё в марте 1944 г.»¹⁷¹. Сомнения и недоверие мотивировали и более чёткое выражение отказа в такой фразе ответа: «Нам представляется, что обращение Сюз и Домокоса к англичанам означает определенную попытку венгерской реакции спасти с помощью англичан режим Хорти»¹⁷².

Во **Франции** эмигранты ещё в годы войны создали *Венгерское движение за независимость* (*Magyar Függetlenségi Mozgalom*). Оно представляло собой антифашистскую группу эмигрантов, которая на страницах издаваемого ими печатного органа «*Magyar Szemle*» («*Венгерское обозрение*») выражала свои позиции. С 1947 г. движение сменило название на *Демократическое объединение венгров Франции* (*Franciaországi Magyarok Demokratikus Egyesülete*) под почётным председательством писателя и журналиста Дёрдя Бёлёни, избрав своим руководителем художника Берталана Пора. Характерно, однако, что по мере наступления коммунистов на многопартийную парламентскую демократию и участвовавшего бегства представителей демократических партий на Запад, число членов этого движения эмигрантов во Франции стало стремительно сокращаться. В итоге в нём остались одни коммунисты, которые без всякой критики принимали и одобряли всё, что делали М. Ракоши и его окружение в Венгрии. Подавляющее же большинство венгерских эмигрантов во Франции уже в 1946–1948 гг. решительно выразило своё неприятие и протестовало против становления на родине нового тоталитаризма¹⁷³.

Небезразлично отметить, что из Франции, Англии и США после войны лишь небольшая часть политэмигрантов (даже из состава лево-демократических сил) возвратилась в Венгрию. Среди вернувшихся наиболее именитых реэмигрантов находились М. Каройи, В. Бём, Д. Бёлёни, а также М. Сюс, Р. Вамбери, Л. Хатвани, Э. Хаваш, П. Игнутош, Д. Хорват и некоторые другие. Правда, и это также следует подчеркнуть, большинство из них впоследствии либо снова эмигрировало, либо пострадало от ракошистского произвола и беззакония. Политические деятели, которые эмигрировали до войны, а также основная часть представителей науки и культуры предпочли остаться в странах Западной Европы, но в большинстве в США. Не возвратились в Венгрию и такие известные в прошлом политики, как О. Яси, Т. Экхардт, Ф. Гёндёр, а также деятели культуры и искусства, в частности, композитор Б. Барток, артисты кино и театра Пал Явор, Каталин Каради, писатели Ференц Молнар, Меньхерт Лендел и многие другие, уже не говоря об упоминавшихся видных учёных, покинувших страну ещё накануне войны.

В связи с двумя послевоенными потоками эмиграции (1944–1945 и 1947–1949 гг.) здесь следует снова отметить, что между их основными представителями не было, да и не могло быть единства и взаимопонимания по ряду принципиальных вопросов. Причём эти расхождения были характерны с самого

начала, и объясняются разнородным составом их эмиграции по идеологическим и политическим критериям. Разногласия между ними, вылившиеся во взаимные обвинения и обиды, особенно на первом этапе мешали налаживанию прочных связей между различными группировками и потоками западной эмиграции. Эмигранты, покинувшие Венгрию в конце или сразу после войны, являлись в своей массе выразителями настроений и ориентации *правого политического толка*. А то обстоятельство, что вместе с ними практически одновременно оставили страну также группы нилашистов и прочие ультраправые элементы, способствовало тому, что на них в эмиграции сначала смотрели не только как на бывших союзников, но и как пособников гитлеровской Германии. Поэтому к ним в некоторых местах относились с определённой настороженностью и недоверием, что поначалу мешало в политическом отношении даже наиболее нейтральным буржуазным и интеллектуальным кругам эмиграции.

Только приход в эмиграцию основных сил нового эмиграционного потока 1947–1949 гг. изменил ситуацию. Его представители, которые пытались отстоять *народно-демократическую систему и её институты* в Венгрии, расценивались Западом как демократы и находились на совершенно ином счёту. Они были приняты западной демократией, им предоставлялись право и возможность вместе с отмеченными дипломатами-отказниками приступить к созданию своей организации и мобилизации сил всей венгерской политэмиграции западного мира. В конечном счёте, они по праву становились основной организующей и во многом главной и определяющей силой практически *всей* послевоенной венгерской политэмиграции. На её политической палитре они представляли собой *новую демократическую эмиграцию*, видимым представителям которой удалось сплотить как центристские, так левоцентристские и правоцентристские пласты всей западной венгерской политэмиграции последующих десятилетий.

Первыми ключевыми фигурами в основной когорте лидеров новой политэмиграции закономерно стали Ф. Надь и Б. Варга, имена которых в равной мере были известны как на родине, так и среди венгров на Западе, а также в политических кругах западных демократий.

Бывший премьер-министр народно-демократической Венгрии Ф. Надь, оказавшись на Западе, имел реальную возможность обратить на себя внимание и шансы завоевать признание подавляющей части находившейся там венгерской эмиграции. После его переезда из Швейцарии в США, вслед за ним туда же устремилось и немало других известных и менее известных партийно-политических деятелей, которые также были вынуждены оставить Венгрию. Вслед за ним и Белой Варгой туда же потянулись другие бывшие деятели НПМХ, которые сплотились вокруг него и стались его опорой. Затем эмигрировали ведущие деятели и других политических партий. В результате дело активизации политической жизни венгерских эмигрантов набирало всё боль-

ше силы. Сам экс-премьер-министр Венгрии автоматически оказался в роли главного и наиболее известного политэмигранта, который вовсе не собирался прекращать политическую деятельность. Все меры, предпринятые им сразу же после ухода из страны, были направлены на спасение дела самой демократии на родине. Ещё находясь в Швейцарии, он опубликовал серию журнальных статей, из которых мир с первых рук узнал о том, что на самом деле происходит и готовится в Венгрии, получил непосредственную информацию о том, как, какими средствами и методами уничтожаются ещё не успевшие окрепнуть новые ростки послевоенной венгерской демократии. Эту же цель преследовало издание Надем уже в США в 1948 г. книги «*Борьба за железным занавесом*»¹⁷⁴. В Америке он поселился вблизи Вашингтона на ферме, купленной им за гонорар от книги.

Другой именитый политэмигрант, Бела Варга, прибывший в США вслед за Надем, в отличие от него, покинул Венгрию, не подав в отставку с поста председателя венгерского Государственного собрания (парламента). По сути это означало, что в эмиграции оказался и другой высокопоставленный государственный деятель Венгрии, который формально сохранил за собой свой пост. Этот фактор при определенных обстоятельствах и соответствующей поддержке извне, безусловно, также мог быть использован венгерской политической эмиграцией и иметь далеко не только символическое значение. Другой вопрос, что конкретные международные условия и реальная расстановка политических сил в мире складывались не в пользу венгерской демократической политэмиграции, которая в тех условиях не могла рассчитывать на действенную помощь со стороны западных демократий.

Из числа других общественных деятелей Венгрии, лидеров политических партий и депутатов парламента, вынужденных эмигрировать в эпоху народной демократии, в США обосновались также Золтан Пфейффер, Карой Пейер, Имре Ковач, Иштван Баранкович, Дежё Шуйок и некоторые другие политики. Их путь в эмиграцию был чем-то схожим.

Д. Шуйок (1897–1965) ещё в Цюрихе опубликовал свои воспоминания с аллегорическим названием «*Две ночи без дня*»¹⁷⁵, в которых сосредоточился на анализе двух иностранных оккупаций Венгрии – гитлеровской и советской, характеризуя и сравнивая их в своей книге. Этот политик с юридическим образованием, адвокат по специальности, с 1924 г. начал работать в г. Папа, впервые в 1935 г. был избран депутатом парламента. С 1937 г. вошёл в состав партии НПМХ и вскоре стал членом её руководства. С 1945 г. Шуйок снова депутат и председатель партии, возглавлявший при этом центр Финансового института страны. Под давлением коммунистов в марте 1946 г. его исключили из партии, после чего он основал *Венгерскую партию свободы*. Нельзя не отметить, что М. Ракоши, как это вытекает из некогда секретных советских партийных документов, добивавшись изгнания Шуйока из партии, рассчитывая на то, что своим уходом из НПМХ этот политик «уведёт за собой половину

членов НПМХ, но эта надежда не оправдалась»¹⁷⁶. А ведь это помогло бы коммунистам скорее развалить самую влиятельную демократическую партию страны! В беседе с советскими представителями Ракоши не скрывал, что он ещё весной просил советского содействия в этом, как и удаления из партии такого типичного, на его взгляд, «реакционера», как Ф. Надь. Следившие за развитием политической борьбы в Венгрии советские представители в одном из донесений в ЦК ВКП(б) в связи с одним из выступлений Шуйока в венгерском парламенте отмечали, что тот назвал Ф. Надя «выдающимся представителем венгерского крестьянства», говорил об отсутствии в Венгрии «свободы печати, свободы слова и собраний», отметив, что страна «стала полицейским государством, в котором все граждане находятся под наблюдением тайной полиции»¹⁷⁷. В документе отмечалось также, что в подобном же духе выступали заместитель Шуйока по партии Винце Надь, а также З. Пфейффер.

В июне 1947 г., когда во внутриполитической борьбе уже практически наступил перелом в пользу компартии и парламент начал дебаты о новой программе правительства Л. Диньеша, Шуйок в своём выступлении, в частности, констатировал: «Мы превратились в полицейское государство, в настоящее полицейское государство, в котором влияние полиции распространяется не только на общественную жизнь, оно также навязывается и давит на частную жизнь... Реальность такова, как я только что выразился: сегодня мы демократия только по названию»¹⁷⁸. Депутат Шуйок тогда остро почувствовал выхолащивание демократии и приближение диктатуры. Когда же больше не осталось реальной возможности для легальной деятельности его партии, Шуйок распустил её и 22 июля 1947 г. сдал свой депутатский мандат. Лишённый затем гражданства, он 14 августа вместе с семьёй пересёк государственную границу с Австрией и отправился в США, сделав предварительно кратковременную остановку в Швейцарии. В США Шуйок вёл активную политическую деятельность, поселившись в Нью-Брунswике вблизи крупнейшего американского города Нью-Йорка, где к тому времени уже обосновался эмигрант З. Пфейффер. Приводя эти сведения о нём, стоит отметить также, что, прощаясь с парламентом и отвечая на обвинения коммунистов в свой адрес, Шуйок, который стал для КПВ явным оппозиционером, 1 июля 1947 г. с трибуны парламента ещё произнёс слова, которые отражали суть происходящего и стали пророческими: «Да, мы с вами целиком и полностью отличаемся друг от друга, ведь мы сторонники демократии, которая базируется на свободе личности, а вы – приверженцы рабства, которое строится на тотальной экономической и государственной системе». Будучи противником всякой абсолютизации и всеислия государства, он там же предскавал, что действия компартии «приведут к отмиранию гражданского общества»¹⁷⁹.

Эмиграция известных партийных деятелей стала тогда распространённым явлением. В 1930-е годы уже упоминавшийся партийный политик З. Пфейффер принадлежал к узкому кругу сторонников Т. Экхардта в НПМХ. В 1945–

1947 г. он входил в состав руководства партии, а после выхода из неё основал *Партию венгерской независимости*. Ему в ноябре 1947 г. также пришлось покинуть Венгрию. Многолетний лидер оппозиционной Социал-демократической партии Венгрии межвоенного периода, *Карой Пейер* (1881–1956) летом 1947 г. под давлением коммунистов был исключён из партии, однако в августе его ещё избрали депутатом Государственного собрания, что позволило ему в октябре того же года создать новую, *Независимую социалистическую партию*. В ноябре, однако, также был вынужден эмигрировать. В октябре 1948 г. в США пришлось отбыть и либеральному политику Беле Фабиану, который только весной 1945 г. освободился из гитлеровского концлагеря. В июле 1947 г. в американской эмиграции оказался также Винце Надь, сопредседатель *Венгерской партии свободы*, бывший министр Венгерской Народной республики 1918 года. Национальный демократ, юрист по специальности, Калман Шалата с 1945 г. – член руководства НПМХ, сторонник Ф. Надя и Б. Варги, в 1947 г. также не видел другого выхода, как эмигрировать. Он тоже обосновался в США. Все эти и многие другие, менее известные венгерские политики коалиционного периода часто по требованию коммунистов были удалены из разных партий эпохи демократии. Отдельные партийные политики некоторое время ещё пытались сопротивляться наступлению тоталитарных сил в составе каких-то партийных новообразований, но остановить их им уже не удавалось. Против них коммунисты применяли далеко не только политические средства воздействия. Если главные демократические партии, пока их силы ещё были целы, вначале совместными усилиями могли некоторое время сдерживать процесс свёртывания демократии в стране, то, обезглавив партии и расколов их ряды, сделать им этого больше уже не удавалось. Сначала их руководители, а затем сами партии оказались изгнанными из венгерской политической жизни. Основные представители некоммунистических партий, если они не принадлежали к прокоммунистическим левым, до конца 40-х годов в своей массе практически были вытеснены в вынужденную эмиграцию. В западных условиях многие из них активно включились в работу новой венгерской политэмиграции. Наиболее известные и активные становились основой для образования в разных странах отрядов *новой венгерской политэмиграции*.

Среди названных именитых политэмигрантов на Западе своими чёткими взглядами и демократическими позициями выделялся бывший генеральный секретарь *Национальной крестьянской партии* (НКП), писатель и журналист *Имре Ковач* (1913–1980). Наряду с такими известными писателями народно-национального направления в венгерской литературе, как Дюла Ийеш, Золтан Сабо, Иштван Бибо и другие, он принадлежал к когорте преданных своему народу центристских политиков в этой партии. Ещё находясь на родине, все они в меру своих возможностей пытались помешать приходу к власти любых крайних политических течений. Сам Ковач, написав в 1937 г. книгу о положе-

нии венгерского крестьянства под названием «*Немая революция*», был приговорён за её публикацию к трёхмесячному заключению. Он стал одним из основателей антифашистского *Мартовского фронта* (1937 г.) и *Национальной крестьянской партии* (1939 г.), оставаясь генеральным секретарём последней до 1946 г. Ковач с 1945 г. избирался депутатом парламента страны, в котором стал выразителем подлинных интересов венгерского крестьянства. И хотя он не был и не стал марксистом, но являлся демократом до мозга костей и придавал действительно глубокое значение союзу крестьянства и рабочих. Под союзом этих двух социальных сил Ковач понимал их реальное сотрудничество, а не союз политических партий. По этой причине в 1945 г. он ещё верил, что коммунисты действительно стремятся достичь подлинного единства рабочего класса и его союза с крестьянством, а не диктатуры. Ковач только после того, как идеолог ВКП Д. Лукач организовал идейную атаку против народных крестьянских писателей (Л. Немета, Д. Ийеша, П. Вереша, И. Шинки), а Жигмонда Морица назвал «реакционным утопистом»¹⁸⁰, осознал многое и у него открылись глаза. Его ещё больше поразило то, что вслед за критикой со стороны Лукача с декабря 1946 г. до конца 1947 г. последовали аресты и лживые обвинения около 150 интеллектуалов, а под запрет попал даже Бела Барток и его призывания.

Имре Ковач в 1946 г., т. е. ещё в условиях, казалось бы, прочного курса на демократию и сосуществование всех правящих коалиционных партий, уже довольно метко подметил: «Крайности в нашем поведении стали сутью нашей трагедии: марксисты последовательно рвутся к власти, считая нынешнее состояние Венгрии временным и ничуть не сомневаются в конечном результате, а политики, настроенные на антидемократический лад, полагают каким-то чудом, вследствие международных конфликтов или путём перегруппировки внутренних сил возвратиться в прошлые времена»¹⁸¹. В 1947 г. Ковача снова избрали депутатом Государственного собрания Венгрии, но уже от *Независимой венгерской демократической партии*. Но и он, будучи ярким сторонником демократии, не мог избежать судьбы эмигранта. В ноябре 1947 г. ему пришлось оставить Венгрию и отправиться сначала в Швейцарию, а затем во Францию, чтобы затем в итоге с 1949 г. также обосноваться в США.

Этот истинный крестьянский демократ, политик с принципиальными центристскими позициями и взглядами, ещё до ухода в эмиграцию определил для себя, что в Венгрии есть две разновидности демократии: а) *глобальная*, которая учитывает всякое мнение, независимо от того, совпадает оно с существующими порядками и мнением власти или нет; б) *тотальная*, сторонники которой понимают демократию узко и готовы считаться с мнением лишь наиболее воинствующих радикалов, в соответствии с требованием нового строя, и при этом ограничивают себя в критике власти. Сам Ковач причислял себя к глобальным демократам, а для компартии считал характерной именно тоталитарность. Он интуитивно подчёркивал, что «тотальная демократия – это постоян-

но сужающийся круг, который в итоге неизбежно ведет к реализации воли одного человека»¹⁸². Эти зловещие предчувствия И. Ковача, как известно, вскоре сбылись. Его недоверие к коммунистам только усилилось после того, как силовые органы, подконтрольные лидерам ВКП, сфабриковали первый предвзятый, концептуальный процесс против *Венгерского Сообщества*. А их последующие действия, которые привели к аресту генсека НПМХ Бельи Ковача в начале 1947 г. и вызвали целую серию изгнания из страны руководящих деятелей демократических партий, вообще потрясли этого писателя и партийного политика. Тогда Имре Ковач в знак протеста против таких действий и перемены политического курса руководства ВКП, ушёл с поста генсека коалиционной НКП. Он оставил её ряды с тем, чтобы перейти в новую, но уже оппозиционную коммунистам *Независимую демократическую партию* (НДП), основанную тогда католическим священником Иштваном Балогом. Последовательный демократ и активный борец против фашизма в годы войны, И. Ковач, несомненно иначе представлял себе народную демократию для Венгрии, чем Ракоши и его сторонники.

В середине ноября 1947 г. перед лицом начавшегося тотального коммунистического наступления на многопартийную демократию (на практике это явилось беспардонным изгнанием из власти коммунистами ведущих деятелей союзных партий) И. Ковач, имея на руках действующий паспорт, пересёк чехословацкую границу, чтобы затем через Прагу добраться до Цюриха, где попросил и получил политическое убежище. Свой уход из страны он считал выражением протеста против сползания к диктатуре и решил обратить на это внимание мировой общественности и показать, что произошло и что творится в Венгрии. Ковач, находясь в эмиграции, надеялся помешать окончательному утверждению в стране тоталитарного режима. Он провёл два года в Швейцарии и там издал свои воспоминания под названием *«В тени Советов»*¹⁸³. В этой книге Ковач первым обобщил основные политические события, имевшие место в Венгрии за последние 15 лет. Книга в октябре 1949 г. вышла на немецком, а затем во Франции на французском языке. Перебравшись впоследствии в США, Ковач остался жить там до своей кончины. Находясь в Америке, он на страницах венгерской эмигрантской печати часто выступал с аналитическими статьями, но поскольку журналистика и писательский труд не обеспечивали ему достойную жизнь, устроился работать сотрудником Исследовательского центра Комитета Свободной Европы. Подобных Ковачу вынужденных беженцев-эмигрантов в рядах венгерских политиков, партийных деятелей, писателей и журналистов было немало. Все они пополнили ряды политэмигрантов, поневоле оказавшихся на Западе, где принимали активное участие в работе эмигрантских организаций. Находясь в эмиграции, Ковач не переставал утверждать, что вместо коммунистического единовластия Венгрии нужна многопартийная парламентская демократия, подобная той, которая существовала в 1945–1947 гг.

2. Новый этап организационного развития сил эмиграции. Роль экс-политиков и дипломатов в создании и деятельности Венгерского Национального Комитета

Почти одновременно с уходом в эмиграцию И. Ковача другие представители венгерской демократической эмиграции, несколько раньше прибывшие в США, 18 ноября 1947 г. опубликовали в Чикаго воззвание к своим соотечественникам. В нём были такие строки: «Мы, венгры, живущие за рубежом, берём на себя *заботу об освобождении страны* и ради этого отказываемся от всякой партийной политики. Мы создаём *национальное единство* венгров, живущих на свободной земле»¹⁸⁴. Именно это сообщение стало первым публичным проявлением решимости небольшой группы новых политэмигрантов попытаться сплотить вокруг себя всю национальную эмиграцию и мобилизовать её для достижения обозначенной задачи. Так началась продолжавшаяся полтора года кропотливая работа, нацеленная на создание единого организационного центра, представители которого заявили о своей готовности выйти за рамки сугубо партийно-политических интересов, подняться над ними и попытаться представлять всю национальную эмиграцию. Вместе с тем это означало решимость взяться за комплексное решение проблемы посредством объединения и активизации сил всей национальной эмиграции в западном мире.

Поставленная задача по ряду причин оказалась далеко не из лёгких. Ведь прежние эмиграции группировались, как правило, вокруг какой-то авторитетной личности, к тому же по определённым идейно-политическим направлениям. Но у послевоенных венгерских эмиграционных групп и отрядов такого единого стержня, вокруг которого сплотились бы все направления эмиграции, практически не существовало. Забегая вперёд, здесь отметим, что в тех условиях инициаторам из демократической политэмиграции, в конечном счёте, пришлось удовлетвориться объединением только основных эмигрантских формирований – прогрессивных, умеренных и консервативных сил, оставляя за пределами своей организации крайние образования и пассивные пласты. При всём этом, естественно, следует учитывать, что эмигрантами сразу после войны становились массы без какого-то общепризнанного руководителя, к тому же они были рассредоточены по разным странам. Кроме того, сами эмигранты 1944–1945 гг., которых сопровождал некий налёт коллаборационизма, на первых порах были больше заняты устройством быта на новых местах, чем созданием своих организационных структур, особенно политического характера. Для определённой части эмигрантов возможность вступления в такие организации появилась лишь с приходом на Запад эмиграционного потока 1947–1949 гг., ведущие представители которого – бывшие политические и партийные деятели послевоенной демократической эры, – уже имели реальные шансы на создание такого рода организаций.

Хотя народно-демократическая эмиграция и не была столь массовой, как прежняя, её основное ядро составляли бывшие государственные и партийно-политические деятели, дипломаты, министры и депутаты парламента двух созывов (1945 и 1947 гг.). Образует главную составную часть новой политэмиграции, они получили определённые преимущества и в организационной сфере. Другой вопрос, что между двумя потоками послевоенной эмиграции существовали уже отмеченные труднопреодолимые разногласия. Вовлечь же представителей старой довоенной эмиграции в политического характера организационные структуры было не легче. Они имели собственные культурно-просветительские и спортивные организации, и новым эмигрантам приходилось их долго убеждать в своей правоте, привлекать на свою сторону, что также требовало времени. Тем не менее, такая работа была начата представителями народно-демократической эмиграции.

В западной венгерской эмиграции, кроме двух отмеченных и не достигших между собой согласия, основных политических группировок и направлений, присутствовали и некоторые мелкие со своей идейно-политической ориентацией. Дело в том, что ранее осевшая правая и прибывшая в 1947 г. демократическая эмиграция с конца 40-х годов начала пополняться коммунистами и социал-демократами. Если бы они оставались в Венгрии, возможно, могли бы оказать положительное влияние на развитие жизни страны. Но их сделали изгнанниками. К тому же, по меткому выражению одного из представителей демократической эмиграции, их уже именно лично Ракоши превратил в настоящих антикоммунистов и антисоветчиков¹⁸⁵. Прибыв на Запад, представители этих левых групп некоторое время продолжали стоять особняком от основных сил политэмиграции. Таким образом, в сложившихся условиях практически лишь представители народно-демократических кругов и послы-диссиденты представляли собой реальное организующее начало, тех, кто и взял на себя инициативу по политическому объединению венгров на Западе в единую эмигрантскую организацию.

Для ведущих представителей эмиграционного потока 1947 г. весьма важным и актуальным, даже неотложным становилась именно организационная работа, привлечение на сторону *политической* эмиграции как можно больше эмигрантов, разбросанных по разным странам. Ведь от создания *руководящих органов и структур* зависела возможность мобилизации сил и концентрация усилий, эффективность действий всей эмиграции. Всё это стало даже жизненно важным. Бывшие политические деятели, лидеры демократических партий в условиях западной эмиграции и сами нуждались в таком объединении, в образовании *единого эмигрантского центра, руководящего или представительского органа*. Поэтому они ставили и активно взялись за решение этой задачи. Её целесообразность первыми осознали, выразили и попытались реализовать в условиях США Б. Варга и Ф.Надь. Ради этого они начали активно добиваться сближения позиций разнородных групп венгерских эмигрантов и одновре-

менно искать иностранных покровителей и партнеров, способных оказать им содействие и поддержку.

Политэмигранты 1947 г. хорошо понимали, что США в финансовом и политическом плане больше чем другие великие державы могут оказать им содействие. Они далеко не удовлетворены свёртыванием демократии в Венгрии, её начатой большевизацией и советизацией. Правда, они не сразу осознали, что задуманный ими вариант помощи посредством прямого вмешательства в венгерские дела не может быть осуществлён, и этого вряд ли стоит ожидать даже от руководящих кругов самой могущественной державы мира. Ради спасения венгерской демократии политические элиты Запада, включая США, не были готовы в тех послевоенных исторических условиях активно вмешаться в происходящие в стране события. Вопреки риторике, на практике они предпочитали вести политику невмешательства и в лучшем случае ограничивались обещаниями и осуждением отдельных нарушений законности. Тем более не следовало ожидать какого-то вмешательства силовыми средствами, на что надеялись некоторые представители правых кругов эмиграции. Лидерам национальных эмиграций из Восточно-Центральной Европы, включая венгерскую, в конечном счёте пришлось смириться и занять выжидательную позицию. В то же время нельзя не отметить, что политическое руководство США, соблюдая международные договоренности с бывшим восточным союзником, пыталось добиться взаимопонимания и с эмигрантскими кругами из указанного региона. Оно предоставляло им убежище и приют, заверяло их в своей поддержке, давало новые обещания, а с наступлением «холодной войны» всё чаще использовало представителей политэмиграции в своих интересах.

Бездействие и начальная сдержанность Запада в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы вызывали в рядах национальных эмиграций, в том числе венгерской, разочарование и даже некоторое раздражение. Ситуация стала причиной даже столкновений между различными группами венгерских эмигрантов. На этой почве на рубеже 40-50-х годов политэмигранты 1947 г. не раз подвергались острой критике со стороны отдельных группировок. Критики справа порицали их за сотрудничество с коммунистами в 1945–1947 гг., а слева – за появление агрессивности в американской внешней политике. Во всяком случае, характеризуя ситуацию, бывший эмигрант Д. Борбанди с полным основанием писал впоследствии, что по этой причине, «как крайне левое (коммунисты), так и крайне правое крыло эмиграции (бывшие налаштисты и прочие скомпрометировавшие себя в 1944 г. элементы) в равной мере бурно отвергали сотрудничество с американцами». Он подчёркивал также, что обоснованность своей критики в адрес эмиграции коммунисты мотивировали тем, что под воздействием их сотрудничества с американскими кругами «советская внешняя политика становилась всё более антиамериканской». А крайне правые силы эмиграции, со своей стороны, объясняли это тем, что такое сотрудничество лишь продлевает присутствие

в эмиграции искажённого, идеализированного представления образа Соединенных Штатов, которые «на самом деле находятся под властью „иудео-капиталистических” сил, и, по сути, не являются подлинными друзьями малых европейских народов»¹⁸⁶.

Правда, следует отметить, что представители венгерской демократической политэмиграции в условиях США с мнением и критикой названных сил мало считались, но споры и критика, отсутствие единства отвлекали силы от решения организационных вопросов. Не имея иных влиятельных внешних партнёров, готовых оказать им какую-то поддержку и помощь в политической борьбе с ракошистским режимом, они не имели другого выбора, кроме того, чтобы выжидать и сотрудничать с американцами, надеясь в будущем на более решительные действия с их стороны. Преследуя свои прагматические цели и вынужденно смирясь с разделением Европы на два лагеря, руководители демократической эмиграции нуждались в политической опоре, пытались оставаться при этом реалистами. Эмигранты 1947–1949 гг. в споре со своими правыми коллегами, эмигрантами 1945 г., продолжали отстаивать свои позиции также по ряду вопросов послевоенного внутривнутриполитического развития Венгрии, её правового и конституционного порядка, в установлении которого они принимали самое активное участие. Это касалось вопросов проведения земельной реформы, изменения формы государственного правления, национализации промышленных предприятий и др.

Политэмигрантам 1947 г., параллельно с защитой своих принципиальных позиций, приходилось решать задачи организационного строительства, направленные на мобилизацию сил и сплочение рядов всей западной венгерской зарубежной эмиграции. Это были вопросы, без решения которых ни одна уважающая себя политэмиграция не могла рассчитывать на успех. Иными словами, инициаторам создания единого специального представительского органа политэмиграции за рубежом приходилось преодолевать немалые трудности даже в лагере центристских сил. Если же учесть, что разбросанные по разным странам мира эмиграционные группы и отряды были разнородны и состояли из различных в политическом и идейном отношении течений и групп, сложность решаемой задачи умножалась. Посоветовавшись с представителями основных отрядов национальной эмиграции из разных стран, Б. Варга (напомним, избранный в 1945 г. председателем венгерского парламента, который уходя в эмиграцию, не сложил свои полномочия и формально оставался на своём посту) взялся за решение этой нелёгкой задачи. Он надеялся на успех создания единого *национального представительского органа* всей зарубежной эмиграции.

Б. Варга и Ф. Надь заручились согласием и поддержкой соответствующих американских кругов и начали с разработки проекта образования *Венгерского Национального Комитета (ВНК)*. Комитет был призван объединить разрозненные силы национальной политэмиграции и содействовать реализации её

основных политических целей. Варга и Надь проработали варианты и юридические аспекты его оформления и создания в качестве форума, который мог бы стать своеобразным *парламентом венгерского народа* за пределами родины. Инициаторы образования ВНК исходили из того, что в Венгрии имеет место насилие – исчез Б. Ковач, премьер-министра Ф. Надя заставили эмигрировать, готовятся сфабрикованные судебные процессы, президенту республики З. Тильди угрожают и препятствуют его свободному волеизъявлению, запугивают людей, коренным образом меняют характер государственно-политического устройства и т. п. С учётом этих обстоятельств они считают возможным, чтобы в сложившихся условиях Б. Варге, который официально не сложил с себя обязанности главы венгерского парламента, следует, – и он вправе сделать это, – созвать за рубежами страны *временный парламента*¹⁸⁷.

О начале подготовительной работы, направленной на формирование ВНК – разумеется, с согласия официальных американских кругов, – было объявлено публично уже 15 ноября 1947 г. Вся эта кропотливая и довольно масштабная организационная работа завершилась, однако, только 21 июля 1949 года. Она потребовала получения предварительного письменного согласия от каждой из венгерских эмигрантских групп и диаспор, находившихся в разных странах мира. Председателем созданного в результате *Венгерского Национального Комитета (Magyar Nemzeti Bizottmány; англ. Hungarian National Council)* был избран Бела Варга. Национальный Комитет, считавшийся своеобразным *временным венгерским парламентом в эмиграции*, свою основную задачу определил в «оказании содействия венгерскому народу в освобождении страны от коммунистической тирании». После продолжительных переговоров и дискуссий в состав ВНК, в конечном счете, вошли представители почти всех, за исключением крайних, политических кругов и направлений венгерской эмиграции в странах западного мира на разных континентах.

В составе Национального Комитета, – что далеко небезразлично, – оказалось немало бывших депутатов венгерского Национального и Государственного собрания трёх последних парламентских циклов (созыва 1939, 1945 и 1947 гг.) – в общей сложности 188 человек¹⁸⁸, а также венгерские дипломаты, которые оставили свои посты и, став отказниками, пополнили ряды политэмигрантов. Избранию членов ВНК предшествовали споры, т. к. большинство бывших членов парламента 1939 г. сначала не только оспаривало, но и отвергало, не признавало законность парламента 1945 г., а это, по сути, исключало бы возможность участия в ВНК самого Ференца Надя и Белу Варги. После долгих споров, кропотливых согласований, поисков и достижения компромисса между различными политическими силами эмиграции проблема всё же нашла своего решения. Бывшим депутатам от ультраправых фракций или от коммунистов доступ в Венгерский Национальный Комитет вообще был закрыт.

При учреждении *ВНК* особо подчёркивалось, что в будущем, когда Венгрия станет свободной от коммунистического единовластия, народ сам избере-

рёт новый парламент. Оценивая проделанную работу по созданию ВНК, Б. Варга в своем выступлении напомнил о том, что в свое время он «по предварительной договоренности с находившимися на свободной земле руководителями венгерской политической жизни, по их просьбе согласился провести подготовительные действия по образованию этого органа, который заменит венгерский парламент». В заявлении, опубликованном летом 1950 г. по этому случаю, отмечалось, что Национальный Комитет *временно* будет исполнять роль венгерского законодательного собрания и своей задачей считает представительство и защиту венгерских национальных интересов. Подчеркивалось также, что он станет «выразителем воли венгерского народа на период советского господства»¹⁸⁹. Приводя эти сведения, следует, однако, отметить, что ВНК как парламент в полном составе никогда так и не собрался. Местом же пребывания центрального офиса новой организации или организационного центра всей западной венгерской эмиграции с 15 октября 1951 г. стал г. Нью-Йорк.

Программой ВНК предусматривалось создание в Венгрии общественно-политического устройства на основе буржуазной демократии. Оно содержалось ранее в прежних программных установках венгерских оппозиционных партий 30-х годов и демократических партий 1945–1947 гг. Основным требованием Программы ВНК стали восстановление прав человека и гражданских свобод, а также «гарантии жизни без страха и лишений». Она позволяла таким образом объединить не только бывших парламентариев 1945 и 1947 гг., но и членов венгерского Госсобрания 1939 г., которые в условиях эмиграции не придерживались исключительных позиций т. н. альтёттингского решения, а признавали законность парламентов послевоенных лет и республиканскую форму государственного правления. ВНК удалось привлечь в свои ряды также прошедших через концлагеря людей, дипломатов и общественных деятелей, не участвовавших после 1946 г. в политической жизни Венгрии.

Большинство руководящего состава ВНК как самого представительного форума венгерских политэмигрантов, естественно, составляли бывшие парламентарии. В 1950 г. в его руководстве числились 90 членов из разных стран мира. Во главе ВНК стоял *Исполнительный Комитет* в составе 13 человек. Исполком, наряду с председателем, имел двух заместителей: в лице бывшего министра МВД Народной республики 1918 г., впоследствии депутата парламента и сопредседателя Партии свободы *Винце Надя* и представителя Социал-демократической партии Венгрии, бывшего депутата парламента *Яноша Домбаи*. Членами *Исполкома ВНК* стали *бывшие* политические деятели Венгрии и послы за рубежом: П. Ауэр – депутат парламента от Независимой партии мелких хозяев, посол во Франции, Д. Бакач-Бешшени – посол в Швейцарии, И. Баранкович – председатель Демократической народной партии, Й. Кёзи-Хорват – председатель Христианского народного движения, депутат Христианской партии, Ф. Надь – премьер-министр Венгрии, К. Пейер – министр,

председатель Совета профсоюзов и Социал-демократической партии, З. Пфейффер – председатель Партии независимости, Д. Шуйок – председатель Партии свободы, Т. Экхардт – некогда председатель Независимой партии мелких хозяйств¹⁹⁰. В специальной декларации Исполкома ВНК говорилось о его намерении вести борьбу за освобождение Венгрии от иностранного гнёта, о её праве на самоопределение и независимую государственность, восстановлении конституционного правления с тем, «чтобы никогда больше не могли повториться страшные дни ни нацизма, ни большевизма»¹⁹¹. Кроме того, в качестве одной из важных задач Исполкома было обозначено возвращение венгерского народа в западное культурное пространство и в политическую систему «свободных народов объединённой Европы». При всём этом одновременно подчёркивалось, что будущая новая Венгрия не может быть продолжением старой довоенной, следовательно, должна считаться с демократическими переменами, осуществлёнными в 1945–1946 гг.

Среди не названных выше прочих членов ВНК (а их в общей сложности было 77) числились и другие известные в стране личности. Это *бывшие*: представитель Партии гражданской свободы граф Д. Аппони; председатель Венгерского Национального банка Л. Бараньяи; министр обороны А. Барта; член верхней палаты парламента, министр финансов Ф. Гордон; депутат парламента от Буржуазно-демократической партии М. Веси; премьер-министр М. Каллаи; член верхней палаты парламента, настоятель Паннонхалмского аббатства К. Келемен; член верхней палаты барон М. Корнфельд; писатель, генсек Национальной крестьянской партии И. Ковач; католический каноник Ж. Михалович; министр иностранных дел, председатель Всеобщего кредитного банка Т. Сцитовски; председатель Союза промышленников Ф. Хорин; председатель Трансильванской партии граф Б. Телеки; посол М. Хорти-младший и др.¹⁹²

Небезразлично отметить, что после образования при Исполкоме ВНК различных комиссий многие эмигранты считали Национальный Комитет настоящим *прообразом венгерского правительства* в эмиграции. Забегая вперёд, отметим, что такого превращения так и не произошло. В тоже время если в 1947 г. при создании ВНК в составе его руководящих органов ещё было мало представителей высшей венгерской аристократии и дворянства, то в 1950 г. их число выросло до 15 чел. или же 17% всего руководящего состава (90 членов)¹⁹³. В свою очередь, это свидетельствовало о том, что в промежутке из Венгрии в западную эмиграцию имел место дополнительный приток представителей этих кругов. Следовательно, до этого они ещё оставались на родине, надеясь быть полезными стране, но после выселения и интернирования предпочли эмигрировать.

Характерно, что почти все упомянутые деятели прошлого – руководители ВНК, оказавшись в эмиграции и считавшие себя выразителями чаяний венгерского народа, его подлинными представителями, которые живут за грани-

цей, не принимали иностранного гражданства и сохраняли статус политического беженца и эмигранта. Так, Ф. Надь вплоть до своей кончины (июнь 1979 г., Херндон, штат Виржиния США) вообще не обращался за американским гражданством и не вернулся на родину; политик правых взглядов Т. Экхардт, выехавший в США ещё в 1941 г., принял гражданство лишь после выхода из состава ВНК (он скончался в Нью-Йорке в 1972 г. после 30 лет пребывания в эмиграции). Бела Варга, бывший председатель Национального собрания Венгрии, дожил в политэмиграции до того времени, когда уже появилась реальная возможность вернуться в Венгрию. В этой связи небезразлично отметить, что весной 1990 г., когда после более чем 40-летнего перерыва в Будапеште снова был сформирован демократический парламент на многопартийной основе, Б. Варга, находясь уже в 87-летнем возрасте, выполняя просьбу первого премьер-министра новой демократической Венгрии Йожефа Анталла, прилетел из американской эмиграции на родину, чтобы открыть первое заседание этого высшего законодательного органа уже посткоммунистического государства. Выступление Б. Варги, по убеждению организаторов этой глубоко символической акции, было призвано тогда продемонстрировать преемственность венгерской демократии 40-х и 90-х годов XX века. Бывший председатель парламента Венгрии, глава эмигрантского ВНК в 1991 г. окончательно вернулся на родную землю и скончался в Будапеште в октябре 1995 г.

Венгерский Национальный Комитет, безусловно, стал для эмигрантов самой представительной эмигрантской организацией на Западе, получившей вслед за США признание в целом ряде других стран мира. В 1950-е годы ВНК в 21 стране имел свои дипломатические представительства, которые возглавлялись главным образом бывшими послами, профессиональными дипломатами довольно высокого ранга. Так, в частности, эту функцию в Австралии выполнял Д. Барца, в Австрии Л. Барток, в Бельгии граф Д. Аппони, в Бразилии М. Хорти-младший, в Великобритании А. Уллайн-Ревички, в Италии и Ватикане барон Г. Апор, в Испании Ф. Мароши, в Канаде Э. Владар, в Мексике Ш. Холлан, в ФРГ Г. Хеннеи, во Франции П. Ауэр и т. д.¹⁹⁴ В столицах западноевропейских стран и в Вашингтоне охотно принимали и выслушивали представителей ВНК. В министерствах иностранных дел этих государств и внешнеполитическом департаменте США, в сенате и политических кругах Западе вообще пользовались их информацией и аналитическими материалами, проводили с ними обмен мнением по разным вопросам, хотя при этом нельзя утверждать, что особенно учитывали бы их в практической работе. Правда, в Вашингтоне всегда уважительно относились к мнению таких бывших политиков, как Б. Варга, Ф. Надь, И. Ковач, Т. Экхардт, а также дипломатов А. Сегеди-Масака, Я. Пелени, Д. Бакач-Бешшеней и их коллег в Париже, Риме и Бонне, с которыми также часто консультировались.

Среди венгерских дипломатов в эмиграции на Западе существовало три группы: 1) диссиденты периода второй мировой войны (Г. Апор, Д. Барца,

Д. Бакач-Бешшеней, Я. Ванштейн, П. Матушка, А. Уллайн-Ревички, Я. Пелени, Д. Чика); 2) покинувшие дипломатическую службу после отставки премьер-министра Ф. Надя (П. Ауэр, Л. Барток, И. Кертес, А. Сегеди-Масак); 3) ушедшие с поста уже после установления в стране коммунистической диктатуры (И. Беде, В. Бём, Д. Шёпфлин и др.). Характерно, что в знак протеста против становления режима Ракоши в Венгрии оставляли свои посты далеко не только представители первых двух групп дипломатов, но и стоявшие на явно левых политических позициях, отказавшиеся служить ракошистскому режиму. Большинство из них в эмиграции занималось политической деятельностью, хотя отдельные, продолжая считать себя политэмигрантами, уходили от активной работы. Примером тому может служить дипломат *Иштван Кертес* (1904–1986). В 1943–1944 гг. он работал в МИДе Венгрии, где в 1945 г. возглавил отдел по подготовке мирного договора, а с 1946 г. являлся активным участником самих Парижских мирных переговоров, возглавлял там венгерскую делегацию в качестве её генерального секретаря, а затем с 1947 г. был направлен послом Венгрии в Рим. С «вытеснением» Ф. Нады из политической жизни Венгрии он в знак протеста подал в отставку и на родину больше не возвратился. В условиях эмиграции Кертес вообще ушёл от политической деятельности на преподавательскую работу в один из американских университетов. Он впоследствии стал широко известен как крупнейший специалист по международному праву и политическим наукам. Кертес оставил за собой объёмную и серьёзно документированную книгу под названием «*Венгерские иллюзии о мире, 1945–1947*»¹⁹⁵, в которой осветил комплекс международных и венгерских проблем своего времени, сосредоточившись на анализе мирных переговоров и Парижской мирной конференции. В отличие от Кертеса, другие послы, в частности, *Пал Ауэр* (1885–1978), в прошлом адвокат, публицист и политик, с 1943 г. член руководства НПМХ, в 1945 г. член Национального собрания, в 1946–1947 гг. посол Венгрии в Париже, после того, как ушёл со своего поста, стал одним из наиболее активных политэмигрантов на Западе.

Из числа представителей левых сил в политэмиграции во второй половине 40-х годов повторно оказался и посол Венгрии в Стокгольме *Вилмош Бём* (1880–1949). Этот уже упоминавшийся известный деятель венгерской социал-демократии, член руководства партии с 1913 г., который в период октябрьской революции 1918 г. стал членом Национального Совета, а при Советской республике 1919 г. членом Революционного Правительственного Совета в качестве наркома военных дел и главнокомандующего венгерской Красной Армией, после поражения ВСР также эмигрировал. И хотя Бём после 26 лет первой эмиграции в декабре 1945 г. вернулся в Венгрию, вскоре предпочёл повторно стать эмигрантом, отказавшись служить режиму Ракоши. Вернувшись из первой эмиграции, он собирался внести свой вклад в демократическое развитие страны, поэтому активно включился в работу СДПВ, но в середине 1946 г.

снова был направлен на дипслужбу сначала в Стокгольм, затем послом в Копенгаген и Осло. При этом Бём часто бывал в Будапеште, где уже готовились сфабрикованные политические процессы, и смог лично убедиться в целях и устремлениях, а также в методах действий лидеров компартии, которые грозили не только силовым объединением ВКП с СДПВ, но и реальным утверждением в стране режима диктаторского характера. Дипломат Бём поэтому и отказался служить дальше этому режиму. Он 2 июня 1948 г. покинул свой пост, удалившись во вторую политэмиграцию, где на следующий год скончался. В Стокгольме он успел написать свои воспоминания в двух книгах («В огне двух революций» и «Повторно в эмиграции...»)¹⁹⁶, в которых отражены как исторические события, в которых он принимал деятельное участие, так и проблемы эмиграции, взаимоотношения между разными политическими группами.

Другой представитель левых сил среди дипломатов, социал-демократ И. Бедо в 1948 г. также покинул свой пост посла в Лондоне, но в состав ВНК не вошел, как и коммунист Д. Шёпфлин, ставший диссидентом в январе 1950 г., когда уже полностью раскрылся тоталитарный характер режима Ракоши. Шёпфлин прежде работал директором программной редакции Венгерского радио, затем стал послом в Осло и Стокгольме. Сфабрикованный показательный судебный процесс коммуниста Л. Райка в 1949 г., арест и тюремное заключение левого социал-демократа и депутата парламента П. Юстуса, проходившего по тому же «делу», заставили посла Шёпфлина не подчиниться срочному вызову в Будапешт. Предчувствуя угрозу, он предпочёл вместе с семьёй поспешно эмигрировать в Лондон. Характеризуя впоследствии тяжёлое материальное положение семьи в эмиграции и опасаясь мести со стороны официального Будапешта, он с горечью констатировал: «Наш жизненный уровень значительно снизился... Первые годы были особенно тяжелыми и горестными, первые 25 лет вообще прошли под знаком выживания. Детям надо было дать образование, и мы метались по Лондону, ездили в провинцию, затем 10 лет провели в Шотландии»¹⁹⁷.

Оставивших службу венгерских послов и дипломатов сначала поддерживал в эмиграции «фонд дипломатов», который был создан ещё в 1943 г. премьер-министром Венгрии М. Каллаи в швейцарском банке «Швайцерише Кредитанштальт». Значительные средства, положенные им на зарубежный счёт, изначально предназначались для обеспечения деятельности венгерского эмигрантского правительства, которое в условиях войны предполагалось сформировать в случае оккупации страны гитлеровцами. Ими распоряжалась специальная комиссия в составе из трёх дипломатов (Д. Бакач-Бешшени, Я. Ванштейн и консул Венгрии в Женеве Э. Владар). После гитлеровской оккупации Венгрии 19 марта 1944 г. комиссия, отказавшись признать профашистское правительство Салаши, начала расходовать часть этих средств на поддержание оставшихся без работы дипломатов. В мае 1946 г. комиссия

впервые отчиталась за потраченные средства лично перед М. Каллаи, также оказавшимся в вынужденной эмиграции, а затем в январе 1947 г. повторно – перед главой бывшего коалиционного правительства народно-демократической Венгрии Ф. Надем.

3. Политические организации и движения эмигрантов в западных условиях. Эмиграционные центры и их отношение с ВНК

Политические партии, как таковые, в условиях западной эмиграции, особенно в американской, не могли быть воссозданы в их европейском виде. Их приходилось заменить разными движениями и обществами. Политэмигранты 1947 г., среди которых важную организующую силу представляли выходцы из крестьянских партий (НПМХ, НКП и выделившихся из них Партии свободы и Партии независимости), с согласия ВНК, в котором они представляли большинство, выдвинули задачу создания единого *Крестьянского союза* (КС). В числе его основных организаторов находим таких политиков НПМХ, как Ф. Надь и Б. Варга. Их основной опорой в Европе считался П. Ауэр, член ВНК и самый влиятельный в Париже посол-отказник с хорошими связями, который поддержал концепцию Нады. В создании Крестьянского союза Надь полностью мог опереться также на бывшего лидера Национальной крестьянской партии И. Ковача. И хотя тот некоторое время взвешивал возможность образования самостоятельной крестьянской партии в эмиграции, как и его бывшие соратники в Европе, но в итоге заявил о готовности поддержать инициативу Нады и вступить в КС. Достичь полного единства в эмиграции по этому вопросу, однако, не удалось.

Ситуация в руководстве эмиграцией также складывалась непросто. Бывший лидер *Партии свободы* Д. Шуйок, который сразу же при приезде в Америку включился в работу органов ВНК, также имел некоторые разногласия с Надем и его окружением. Он обвинил Нады в том, что тот, ещё будучи премьер-министром, поддался советскому и коммунистическому давлению и своей уступчивостью в 1946 г. косвенно способствовал тому, что Ракоши и его сторонники могли начать «нарезку салями». Шуйок своей критикой завоевал симпатию и некоторую поддержку эмигрантов 1945 г. Бывший руководитель *Партии независимости* З. Пфейффер, который в условиях эмиграции оказался неспособен управлять членами своей партии, в руководстве ВНК, подобно Шуйоку, оказался в оппозиции к Нады и также часто порицал его за сотрудничество в прошлом с коммунистами. Амбициозный Шуйок при этом явно рассчитывал на поддержку части правых политических сил, стремясь завоевать их симпатию и использовать их в перспективе, при возвращении на родину. В этом отношении казались обоснованными предупреждения

И. Ковача и графа Д. Алпони в адрес эмигрантов 1945 г. Они говорили о необходимости, избавиться от тех иллюзий и заблуждений, что, приехав на родину, ещё будут иметь шанс вернуться во власть¹⁹⁸. Названные партийные политики, хотя и в более мягкой форме, но удостоились критики в свой адрес и в рамках ВНК. Ковач же критиковал их и на страницах эмигрантской печати.

Представители основных крестьянских партий в условиях эмиграции взялись за создание Крестьянского союза. Эта работа заняла месяцы, т. к. вхождение в КС требовало индивидуального согласия его членов, принятия ими идей и политических целей организации. Надю лишь в ноябре 1949 г. удалось объявить о создании *Эмиграционной организации Венгерского Крестьянского союза*, заменившего крестьянские партии. Провозглашённые цели и задачи нового объединения в формулировке Ф. Надя по сути копировали устремления ВНК. При этом отмечалось, что КС «в подлинно демократическом понимании» участвует в работе ВНК, но «считает невозможным сотрудничество с пособниками нацистской и коммунистической диктатуры или теми, кто [после возвращения из эмиграции – Б. Ж.] мечтает о восстановлении лишь лжепарламентской власти меньшинства, надоевшего венгерскому народу». Касаясь перспективных задач, намеченных программой КС, И. Надь среди прочих выделил также стремление к «спокойствию не только для одной или другой части венгерского народа, искусственно расколотого вследствие исторических кризисов и иностранного вмешательства, но для всей венгерской нации»¹⁹⁹. Он отметил также, что крестьянство никогда не стремилось к классовому господству, подчеркнув при этом, что КС намерен сотрудничать со всеми слоями венгерского общества. В выступлении Ф. Надя отмечалось: «Земельную реформу, осуществлённую в 1945 г., мы считаем важнейшей основой для нашей демократической жизни и намерены её сохранить». Наряду со сказанным он решительно поддержал идею создания «восточно-центрально-европейской федерации» и высказался за сотрудничество с народами всех сопредельных государств²⁰⁰. *Крестьянский союз* был создан, его программа, цели и задачи приняты. Эта организация, как и ВНК, не допускала в свои ряды крайние политические силы и объединила представителей лишь организаций центристского и умеренного толка.

Созданное таким образом крестьянское объединение должно было заменить «крестьянские партии в эмиграции». Его организаторы решили наладить также выпуск собственного печатного органа «*Вестника Крестьянского союза*», главным редактором которого был определён Ф. Надь, а редактором И. Ковач. Его первый номер, где публиковались материалы о КС, вышел в феврале 1950 г. в Вашингтоне. «Вестник» напечатал статью Ковача «*Крестьянское единство – национальное единство*», в которой, в частности, подчёркивалось: «Мы не хотим классовой политики, тем более классовой борьбы, мы намерены вести политику для всей нации с тем, чтобы при этом венгерское крестьянство признавали и принимали как равноправного партнёра. До опре-

деления реальной расстановки сил и политического устройства... ради достижения великой задачи по освобождению Венгрии и её народа мы готовы на сотрудничество со всеми демократически настроенными лицами, группами, движениями или партиями»²⁰¹. Ковач при этом не только настаивал, но требовал полного признания всех, завоеванных крестьянством прав. Следует, однако, отметить, что печатный орган КС не вызвал широкого интереса среди эмигрантов в странах Запады и поэтому не мог выполнить роль, на которую рассчитывали его организаторы.

Наряду с выходцами из крестьянских партий другие политические силы также предпринимали меры по реорганизации своих рядов в условиях эмиграции. Так, за мобилизацию сил христианских демократов взялся священник *Йожеф Кёзи-Хорват*. Этот бывший депутат парламента 1939 г., в своё время открыто протестовавший против гитлеровской оккупации страны, в 1944 г. осудил депортацию евреев, однако летом 1948 г. ему также пришлось эмигрировать. Сначала он стал духовником венгров в Инсбруке, затем жил в Париже, где создал и возглавил *Христианское народное движение*. Затем в июне 1951 г., объединившись с Демократической народной партией И. Баранковича, они вместе создали *Венгерское христианское народное движение*. Кёзи-Хорват, занимавшийся делами беженцев, в 1952 г. отошёл от этих дел и, войдя в состав ВНК, занимался внутренними делами этой центральной эмигрантской организации. Его коллега Баранкович там же возглавил комиссию по делам религии и образования²⁰². По сути, как Крестьянский союз, так и Христианское народное движение способствовали укреплению интеллектуального потенциала ВНК и западной эмиграции в целом.

На левом фланге политических сил эмиграции, наряду с традиционными центристскими силами социал-демократического движения во главе с К. Пейером, появились и другие формирования, которые отказались подчиниться коммунистическому давлению и в 1948 г. осудили силовое объединение СДПВ с ВКП. Известный деятель СДПВ К. Пейер ещё осенью 1947 г. был вынужден эмигрировать. После кратковременного пребывания в австрийском Зальцбурге и в Швейцарии он остановился в Париже, где имел возможность приступить к воссозданию социал-демократической парторганизации. Там в июне уже действовала малочисленная *Эмигрантская Венгерская социал-демократическая партия*, члены которой находились в 9 странах. Пейер и его сторонники в феврале 1948 г. начали выпуск газеты партии «*Szabad Világ*» («*Свободная вилла*») – «*Свободный мир*»), но осенью 1949 г. Пейер уже переехал в США, где окончательно обосновался в Нью-Йорке и представлял социал-демократию в составе ВНК. Вслед за ним перебралась и редакция газеты.

В Европе образовалась и другая, молодёжная фракция социал-демократов во главе с Анталом Баном и Имре Селигом, которая сохранила прежнее название партии. Эта группа социал-демократов, исключённых весной 1948 г. из СДПВ, эмигрировала в Швецию и Англию. Одна из них во главе с Баном обо-

сновалась в Цюрихе, а группа Селига осела в Лондоне. Весной 1950 г. они провели совместное совещание в Стокгольме, где образовали единую партию под названием *Социал-демократическая партия Венгрии в эмиграции*. Её председателем стал И. Селиг, а генеральным секретарем А. Бан. Партия считала себя «независимой», заявила о признании всех реформ 1945 г., но подчеркивала, что режим Ракоши стремится уничтожить все результаты демократических преобразований и представляет собой диктатуру тоталитарную, а не социалистической и даже не пролетарской направленности. Бан исходил из того, что «суверенитет Венгрии после войны не был восстановлен», страна «осталась в политической, экономической и военной зависимости». Печатным органом этой партии в 1949–1956 гг. стала выходившая в Лондоне газета «*Szociál-demokrata Népszava*» («Социал-демократический Голос народа»).

Характерно, что Бан возложил в одной из статей газеты ответственность за ситуацию с венгерской демократией на представителей крестьянских политиков²⁰⁴. Обвинение в свой адрес крестьянские политики не принимали. Имре Ковач пытался его переубедить, но несколько его встреч с А. Баном и И. Пресером так и не увенчались успехом (как считается ввиду скорой кончины Бана летом 1951 г.). Из группы Бана – Селига в 1953 г. выделилось ещё одно социал-демократическое течение во главе с И. Пресером и Ш. Боршошем. Эта была группа левой политической ориентации, которая в равной степени критиковала политику СССР и США, являясь поборником самостоятельной роли Европы в мировой политике и с явной симпатией относившаяся к югославскому лидеру Й. Броз Тито. Под редакцией Боршоша эта группа в Париже выпускала журнал «*Valóság*» («Валошаг» – «Действительность»), среди сотрудников которого впоследствии числились отдельные известные личности (Л. Болгар, Ф. Фейтё, К. Юхас, М. Веси, К. Декань). Группа и её журнал выступали за «третий путь» общественного развития, посередине между советским госкапитализмом и западным частным, считая, однако, последнего «самой прочной опорой против всех диктаторских направлений эксплуатации». Странники данного пути, представлявшие на том этапе ещё молодёжное идейное течение, мечтали о балансирующей роли Европы между СССР и США, об объединении всех государств Дунайского бассейна вместе с Восточной Германией²⁰⁵. По оценке бывшего эмигранта К. Надя эта группа критиковала традиционных социалистов и открывала для себя социализм шведского и западногерманского образца²⁰⁶.

В Крестьянском союзе, как и в других эмигрантских организациях, не было единства, шли споры по программным и организационным, да и по разным другим вопросам, но при этом непререкаемым авторитетом пользовался его председатель Ф. Надь. Внутреннее недовольство в КС, проявившееся в конце 40-х годов преимущественно со стороны европейских групп «автономистов» из Швейцарии, вытекало из сильной ориентации местных руководителей (Пала С. Сабо и Иштвана Микиты) на председателя. Оно было связано

также с подозрением некоторых членов Союза в отношении К. Шалаты, который в ВНК в 1949–1951 гг. возглавлял вашингтонский комитет беженцев. Они считали, что тот имеет сильное влияние на Ф. Надя. Летом 1951 г. для разрешения споров был создан съезд КС в Вашингтоне, где обсуждались также актуальные вопросы эмиграции. Форум подтвердил правильность политического курса Союза. Надя опроверг обвинения в том, что руководство организации якобы противник левых традиций и вновь подчеркнул, что КС стоит на центристских позициях и отвергает лишь крайне левые и крайне правые силы и позиции. Говоря о целях и задачах Союза, он подчеркнул верность традициям, осудил тех, кто «упрямо отгораживается от прогресса и ничему не научился», прося при этом учесть однако, что руководство эмиграции «не располагает независимой Венгрией»²⁰⁷.

Председателем Крестьянского Союза съезд вновь избрал Ф. Надя. В состав его Политсовета вошли П. Ауэр, Б. Бокор, Л. Ватаи, И. Винце, Д. Дежёффи, А. Карос, И. Ковач, П. С. Сабо, Т. Хам, К. Шалата. Было образовано также несколько комиссий. Съезд принял также несколько предложений для внесения в Венгерский Национальный Комитет в форме памятной записки, в которой отмечалось, что «венгерская эмиграция пользуется авторитетом у американского народа и других национальных эмиграций». Президиуму ВНК было рекомендовано «выработать конституцию национального представительства, порядок проведения обсуждений и принятия повестки дня, а также организационного устава», предлагалось активнее добиваться выполнения своих решений, не допускать в свои ряды «пособников ни налашистской, ни коммунистической диктатуры». Членам ВНК рекомендовалось активнее участвовать в реализации политического курса эмиграции, начать подготовку независимых от партийной политики военных кадров и выработать общую программу дальнейшего приёма беженцев. Отметим, что из этих предложений на практике мало что было реализовано, к тому же после съезда не затихала и критика из Европы в адрес руководства КС. В то же время лидеры ВНК и бывшие депутаты парламента активно выступали перед мировой общественностью, отстаивая интересы венгерского крестьянства, которого уже затронула насильственная коллективизация. Из «Заявления», подписанного Б. Варгой, И. Ковачем, Ф. Надем и 28 бывшими парламентариями, западная общественность получала достоверную информацию о наделении венгерского крестьянства землей в 1945 г. и о бесчеловечных условиях проведения коллективизации венгерского села. Они узнали и о том, что крестьянские партии после войны не распались, как многие другие, а, наоборот, сумели объединиться. При этом подчёркивалось, что в те годы половину депутатов венгерского парламента составляли выходцы из крестьянской среды²⁰⁸.

Отдельные положения памятной записки съезда КС, выдвинутые в качестве требований к руководству ВНК, имели прямое отношение к позициям члена Исполкома Национального Комитета Т. Экхардта. Тот, хотя и принимал

активное участие в работе ВНК, по ряду вопросов занимал позицию, которая далеко не разделялась Президиумом. Его статьи и заявления нередко противоречили общепринятым в этой главной эмигрантской организации представлениям и концепциям, не совпадали также оценки и подходы в отношении прошлого и будущего устройства Венгрии. Экхардт не желал признавать республиканскую форму правления, утверждая, что только в республиканских условиях могли появиться «бесчеловечные тираны нацизма и большевизма». Он не признавал и реформы 1945 г., а в земельном вопросе и в отношении национализации предприятий симпатизировал предвоенной Венгрии. Его взгляды, так или иначе противоречили позициям Надя и его окружения. Кроме того, будучи членом руководства ВНК, в 1950 г. Экхардт вступил в ряды боевой дружины радикально правого толка²⁰⁹. Это вызвало соответствующую реакцию в КС и привело к последующему разбирательству с ним уже в ВНК. Конечно, у Экхардта были свои амбиции на руководство, которые ему так и не удалось реализовать, а в 1954 г. ему пришлось уйти с поста члена Исполкома, после чего его место занял экс-премьер Венгрии Миклош Каллаи.

Неудовлетворённые амбиции привели Экхардта к попытке создания, наряду с ВНК, другого внепартийного объединения эмигрантов. В начале 1951 г. им была выдвинута идея образования беспартийного *Всемирного союза свободных венгров (Szabad Magyarok Világszövetsége)* в эмиграции, в котором он мог бы претендовать на роль лидера. В новогоднем номере мюнхенского журнала венгерской эмиграции «Хунгария» он опубликовал соответствующее обращение, в котором сослался на «жгучую необходимость» его создания, полагая превратить его во всемирную венгерскую общественную организацию», способную противостоять «коммунистической раскольнической деятельности и духовным болезням эмиграции»²¹⁰. Членство в его Союзе предлагалось сделать не индивидуальным, а коллективным. Идея создания предполагаемой «целиком независимой и не претендующей ни на какую политическую роль» организации была привлекательной и сначала вызвала неподдельный интерес, однако, такой настрой быстро сменился разочарованием, т. к. местным эмигрантским организациям вполне хватало забот по содержанию стоящего над ними руководящего органа. Средств для его содержания не сумел найти и автор идеи, а без финансового обеспечения она становилась нереализуемой. Вскоре и сам Экхардт потерял к ней интерес и, разочаровавшись, вообще отошёл от участия в общественной жизни эмиграции.

Учитывая, что основные центры послевоенной венгерской западной эмиграции были созданы и действовали в США, небезразлично взглянуть на то, что знали о них и как их оценивали официальные американские круги. Как того позволяют определить некоторые архивные источники, власти США были хорошо осведомлены о структуре и деятельности всей венгерской

эмиграции на своей территории, включая разногласия между отдельными отрядами и группами эмигрантов. В одном из объёмных секретных информационных отчётов внешнеполитического ведомства США под названием *«Венгерские политические эмигранты»* от 13 августа 1951 г., в разделе «Политический характер венгерской эмиграции» в этой связи, в частности, со знанием дела отмечалось: «Общей характерной чертой венгерских эмигрантских организаций является подчёркнутая антикоммунистическая платформа, живая политическая деятельность, не лишённая интриг, весьма ограниченные материальные источники и стремление получить официальную или полуофициальную поддержку западных властей, особенно Соединённых Штатов»²¹¹. В документе среди прочих характеристик эмиграции выделена такая черта, как обычное «соперничество и отсутствие единства между разными группами эмигрантов, да и в рамках отдельных организаций». При этом справедливо указывалось также на то, что «все венгерские эмигрантские организации не допускают в свои ряды старых коммунистов и им симпатизирующих; бывших нацистов, фашистов и коллаборационистов подавляющее большинство также исключает»²¹². При этом составители документа не забыли сослаться на то, что все эмигрантские организации «без исключения утверждают, что имеют значительное влияние на страны Запада, особенно на США» и что являются важным источником полезной для них информации о современном политическом режиме в Венгрии.

Анализируя структуру венгерской эмиграции, составители данного документа госдепартамента США выделили в ней такие составные части, как: малочисленные «авторитарные элементы» из бывшего окружения Хорти; «элементы, которые в прошлом ориентировались на державы оси», а также названные в источнике «группками приверженцев военного террора, клерикалов и неофашистов, солдатами нерегулярных частей» (отметив при этом, что их главари уже выданы Венгрии, казнены либо сидят в тюрьмах); основная и определяющая же часть всей венгерской эмиграции в документе именуется «демократическими элементами». Документ в отношении последних содержит следующее подробное определение: «Это эмигранты демократических убеждений, они стоят на последовательных позициях западной ориентации. Во время войны они преследовались нацистами или находились в заключении, но их ожидала такая же судьба со стороны коммунистов. Эти люди чувствуют сильную ненависть ко всем видам тоталитаризма. Многие из них после мировой войны занимали ответственные посты в системе управления, более того, многие оставались там даже после развала коалиции и выхода коммунистов на передние позиции»²¹³. Следует отметить, что к этому же демократическому пласту эмигрантов причислены все эмиграционные группы социал-демократов, которые удостоились в документе самостоятельной характеристики, также как и выделенные в отдельную группу разного рода

«диссиденты-дипломаты» (авторитарно-консервативные, демократические, независимые). Характерно, что в документе малочисленные коммунисты-эмигранты даже не упоминаются.

Наряду с США к 50-м годам возникли и окрепли венгерские эмигрантские центры и в некоторых странах Европы. Вскоре после перемещения основной части эмигрантов из Австрии и Германии в Швейцарию, Францию, Бельгию, Англию, а также за океан (в США, Канаду, Австралию и страны Южной Америки) почти повсюду оформились такие центры. Для венгерских политэмигрантов в Европе наиболее привлекательной оказалась Франция, где их важнейшим местом базирования стал Париж. Французская столица привлекала политэмигрантов широкими возможностями проведения политической деятельности: свободой слова и печати, организацией политических сил. В Париже находился представлявший ВНК посол П. Ауэр, пользовавшийся авторитетом, широкими политическими связями и возможностями по Франции. Он располагал достоверной информацией и о событиях в самой Венгрии, щедро делился ею с политэмигрантами. По той же причине в Париже обосновались и другие известные политэмигранты, журналисты, – Ш. Боршош, Л. Болгар, Ш. Кишш, И. Ласло, И. Микеш, М. Феньё, А. Радвански, И. Семеш и др. Они там выпускали разные печатные органы, в частности, газеты «*Nyugati Hírnök*» («*Нюгати хирнёк*» – «Западный вестник»), «*Szabad Világ*» («*Сабад вилаг*» – «Свободный мир»), журнал «*Valóság*» («*Валошаг*» – «Действительность»), а также «*Látóhatár*» («*Латохатар*» – «Горизонт»), а под руководством Л. Болгара велось радиовещание на венгерском языке²¹⁴.

Другим европейским центром венгерской эмиграции стала Бельгия, где собрались, в основном, эмигранты физического труда, а занятых в интеллектуальной сфере было мало. Среди последних Золтан Деак в Брюсселе выпускал газету «*Szabad Toll*» («*Сабад толл*» – «Вольное перо»), в 1952–1953 гг. Шандор Сомбаги издавал «*Világ*» («*Вилаг*» – «Свет»), печатался также социал-демократический журнал «*Fáklya*» («*Факия*» – «Факел»). В Англии, где венгерская эмиграция ранее была малочисленной, уже в 1949 г. образовался *Комитет помощи венгерской демократической эмиграции*, а с 1951 г. функционировало *Англо-венгерское культурное общество*. В Лондоне оформился венгерский эмигрантский центр. Он продолжал существовать, несмотря на отъезд в 1952–1953 г. в Канаду и Австралию около 3000 венгров. В Англии ВНК представлял А. Уллайн -Ревизки, а с 1953 г. на венгерском языке издавался журнал «*Kárpáti Magazin*» («*Карпатский иллюстрированный*») под редакцией Енё Надаши. Небольшие центры эмиграции существовали в Испании и Италии. В Мадриде его основным органом стало радио, которое в 1949–1975 гг. вело вещание на венгерском языке в яром антикоммунистическом духе. В Риме, где ВНК представлял посол Г. Апор, функционировали, в основном, католические организации эмигрантов²¹⁵.

В Канаде как традиционной стране венгерской эмиграции, ещё до войны было много разных общественных и культурно-просветительских организаций, работали венгерские школы. Канадская эмиграция венгров поддерживала с родиной прочную связь, которая после войны по политическим причинам, не зависящим от эмигрантов, фактически прервалась. Число школ значительно сократилось, однако продолжала выходить старая газета левого направления «*Kanadai Munkás*» («*Канадаи мункаш*» – «*Канадский рабочий*»). Новый эмиграционный поток способствовал появлению ещё одной венгерской газеты под редакцией Ласло Ф. Кенеша «*Kanadai Magyar-ság*» («*Канадаи мадьяршаг*» – «*Канадские венгры*»). В странах Южной Америки – в Бразилии, Аргентине и Венесуэле, где в своё время образовались венгерские колонии, – действовали не столько политические, сколько общеобразовательные, культурные и религиозные организации эмигрантов, хотя в том регионе их политическая деятельность, как правило, не ограничивалась.

Для оставшихся в Европе групп венгерских эмигрантов весьма привлекательной стала *идея европейского единства*. На её базе возникло соответствующее движение, которое с конца 40-х годов получило распространение и поддержку на Западе. Венгерские эмигранты в Европе с самого начала были готовы подключиться к популярному тогда *Европейскому движению*. Они видели в нём возможность для реализации своих устремлений по восстановлению венгерского национального единства в рамках объединённой Европы. Активным поборником присоединения к движению стал бывший посол Венгрии во Франции П. Ауэр. При его содействии в середине января 1949 г. в Париже собрались венгерские эмигранты, сторонники этой идеи, и образовали *Венгерский Европейский Совет*. Они считали, что страны Центральной Европы не могут оставаться в стороне от развернувшегося процесса объединения на континенте. Исходя из этого, венгерские федералисты в эмиграции, создав свой Совет, органически вошли в состав Евродвижения. В нём Ауэр, который представлял Венгерский Совет, вместе со своими сторонниками развернул активную деятельность по приобщению представителей других национальных эмиграций и в его рамках создал *Комитет Центральной и Восточной Европы*. В дальнейшем он на протяжении 20 лет работал в этом комитете и представлял его в исполкоме Евродвижения.

Федералистские устремления эмигрантов привели к тому, что 11 февраля 1951 г. в Филадельфии (США) собрались 200 ведущих представителей национальных политэмиграций из 10 стран Центральной и Юго-Восточной Европы (албанцы, болгары, венгры, латвийцы, литовцы, поляки, румыны, чехи и словаки, югославы) для обмена мнением, а также для того, чтобы обсудить планы и представления о будущем, о взаимоотношениях между народами региона и торжественно заявить о готовности к единению с Европой. Небезынтересно отметить, что на этой встрече в качестве гостя присутствовал бывший глава

Временного правительства России А.Ф.Керенский²¹⁶. На заседании, организованном Комитетом Свободной Европы и прошедшем в присутствии американского политика, президента Пенсильванского университета Г. Стессена, председательствовал руководитель ВНК Б. Варга²¹⁷. Собравшиеся осудили произвол и насилие, которые постигли парламентскую демократию в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также установление режима коммунистической диктатуры. Участники форума выразили своё недовольство и тем, что американские официальные круги лишь на словах осудили действия коммунистических властей, но так и не приняли никаких решений, а тем более эффективных мер, которые удовлетворили бы представителей национальных политэмиграций. Большинство ораторов встречи, однако, выразило надежду, что европейская разобщённость не может быть продолжительной и окончательно разделяющей континент, они верили, что настанет время объединения Европы.

В итоговом документе встречи, совместно выработанном на форуме группой политэмигрантов во главе с румынским представителем, министром иностранных дел Г. Гафенку, единогласно принятом форумом и вошедшем в историю эмиграций под названием «*Освободительная Декларация*», было 10 пунктов. В последнем из них говорилось о необходимости образования федерации названных государств в рамках *Единой Европы*. Представители эмиграций 10 стран заявили тогда, что «великие державы не достигнут своей цели – защиты Западной Европы, если их устремления по-прежнему будут направлены на принятие нынешнего, угнетённого положения Центральной и Восточной Европы или же на её молчаливое признание»²¹⁸. В документе подчёркивалось, что народы этих регионов с нетерпением ждут возможности занять подобающее место в движении за объединённую Европу. Нельзя утверждать, что эффект от проведенного мероприятия был значительным, однако условия «холодной войны» привели к появлению доктрин, к частичной реализации которых, безусловно, привлекались и политэмигранты из названных европейских регионов.

Приводя эти характеристики из истории эмиграции, нельзя пройти мимо того, чтобы хотя бы не отметить: 21 июля 1949 г. в Нью-Йорке решением *Комитета Свободной Европы (National Committee for Free Europe)* была создана радиостанция «Свободная Европа», которая с лета 1951 г. начала вещание из Мюнхена на разных европейских языках. При Комитете была образована и венгерская секция, которая 6 октября 1951 г. открыла своё радиовещание на станциях «*Szabad Magyarorszag Hangja*» («*Голос свободной Венгрии*») на венгерском языке. Основанная формально частными лицами, с провозглашённой целью оказания помощи политическим беженцам и для «борьбы против коммунизма», она была призвана поддерживать веру и надежду в возможность освобождения стран советского блока от сталинизма и утверждать веру в демократию. Радиостанция, безусловно, давала работу определённой части по-

литэмигрантов, группе журналистов и литераторов, а созданный при Комитете специальный исследовательский центр «духовного сотрудничества», куда набирали также политических аналитиков и учёных, приступили к изучению процессов и ситуации в странах региона, включая Венгрию²¹⁹.

Венгерский Национальный Комитет в США сначала попытался взять под свой контроль радиовещание на венгерском языке, хотел влиять на формирование программы радиостанции, однако эти попытки не увенчались успехом. Правительство США явно не желало в условиях «холодной войны» выпустить из рук контроль над этой работой, тем более передать её ВНК. Оно мотивировало это тем, что в эмиграции нет должного единства и взаимопонимания по ряду ключевых вопросов. В результате радиовещание так и не могло стать трибуной для выражения взглядов самой венгерской эмиграции, тем более её разных групп. Такова была реальность, вопреки тому, что при открытии радиостанции Комитет Свободной Европы формально якобы передал её в руки «американских свободных венгров»²²⁰. На самом деле политику вещания, его программу определяли далеко не эмигранты, которые работали на станции, а те, кто финансировал радиовещание. Первым руководителем венгерской редакции на радиостанции стал бывший политический деятель НПМХ и редактор газеты «*Kis Újság*» («*Kishi újsság*» – «*Малая газета*») граф Дюла Дежеффи, а заместителем – публицист Лайош Тури. Впрочем, в редакции были представлены все политические направления, также за исключением крайних политических сил. Среди наиболее известных сотрудников редакции на начальном этапе числились: Й. Яноши, И. Микеш, А. Ковач, Д. Затурецки, Д. Алберт, Б. Цупи, З. Сабо, Ш. Кёрёши-Крижан, О. Индиг, Л. Бери, Т. Бодяи, В. Станкович, Г. Васари, Б. Хорват, А. Геллерт, Д. Кемень, И. Петрович, но сотрудничали и внешние авторы, как, в частности, писатель и поэт Ш. Марай. Радиостанция вещала из Мюнхена на венгерском языке на волне «Свободной Европы» до конца 1956 г.

4. Периодические издания западной венгерской эмиграции.

Главные дискуссионные темы и проблемы в зеркале эмигрантской печати

В западной венгерской эмиграции, наряду с бывшими политиками и руководителями партий, оказалось немало известных журналистов и писателей, которые также внесли свою лепту в её жизнь. Не секрет, что любая уважающая себя эмиграция, тем более политическая, нуждается в их услугах. Находясь на чужбине, эти группы интеллектуалов не прекратили свою профессиональную деятельность и по мере возможности продолжали заниматься своим делом. Печатное и художественное слово имело большое значение не только как средство информации и пропаганды, но сыграло свою роль и в сохранении

родного языка, заменяло живое общение в иноязычной среде, способствовало поддержке отношений между разрозненными группами эмигрантов, лишившихся родины соотечественников в разных странах. Газеты и журналы на службе разных групп политэмиграции становились весьма важным орудием воздействия на всю национальную эмиграцию, выражения их взглядов и позиций по актуальным проблемам, нередко единственной эффективной трибуной для проведения дискуссий и мобилизации сил. Печать, помимо информационной, художественной и воспитательной роли, позволяла осуществлять обмен мнениями по самым различным вопросам, включая жгучие политические проблемы развития самой Венгрии, излагать идеи и взгляды, связанные с жизнью эмиграции.

С 1947 г. почти в каждой из стран, где обосновались венгерские эмигранты, появились их печатные органы (начиная от малотиражек до серьёзных литературных и общественно-политических журналов), которые так или иначе активизировали и объединяли эмиграцию. По имеющимся подсчётам, на Западе в 1945–1975 гг. на венгерском языке эмиграция выпускала ровно одну тысячу наименований периодики (газет, журналов, ежегодников, календарей и пр.), издававшейся разной продолжительностью и периодичностью. Хотя число периодических изданий к концу исследуемого периода сильно сократилось – сохранилось всего 8 изданий разного характера и идейно-политического направления (1 ультраправое, 3 правоцентристских, 3 центристских, 1 католическое)²²¹, они, так или иначе, сыграли заметную роль в жизни эмиграции. Эмигранты нуждались в них, читали свои газеты и журналы. Печать, её направленность и характер изданий соответствовали структуре самой эмиграции, следовательно, были разными, выражали разные взгляды и позиции. Следует учесть, что наиболее авторитетные эмигрантские издания читались не только в стране, где они издавались, но выписывались и поддерживались всей венгерской диаспорой в самих разных частях мира. За ними наблюдали и в самой Венгрии.

Первой многотиражкой, основанной венгерской эмиграцией 1947 г., стал «*Nyugati Hírnök*» («*Ньюгати Хирнёк*» – «*Западный Вестник*»), редактируемый Имре Микешем в Париже. Журналист в годы войны был парижским корреспондентом газеты «Мадьяр Немзет», но после изгнания Ф. Надя из страны, он в августе 1947 г. решил остаться в эмиграции вместе с послом П. Ауэром и основал эту популярную и авторитетную тогда газету. В «Вестнике», который до осени 1952 г. регулярно выходил дважды в неделю, публиковались многие известные эмигрантские политики и журналисты, среди них Ф. Надь, И. Ковач, П. Ауэр, литераторы Й. Молнар, З. Сабо, Ш. Марай и многие другие. Газета, издававшаяся пять лет подряд также на французском, а с 1951 г. в Мюнхене на немецком языках, весьма достоверно информировала о событиях как в Венгрии, так и в эмиграции. За свою объективность не раз подвергалась грубым нападкам со стороны крайне правых кругов эмиграции.

По материалам печати также можно судить о том, что многие эмигранты 1945 г. так и не простили представителей эмигрантского потока 1947 г. за их бывшее временное сотрудничество с коммунистами на этапе 1945–1948 гг., равно как и за приверженность народной демократии. На критику справа на страницах печати остро реагировал писатель, журналист и крестьянский политик И. Ковач. В эмигрантских кругах особую известность получила тогда опубликованная им в газете 2 июня 1949 г. статья под названием «*Виртуальная Венгрия*». В ней он указывал на то, что каждый эмигрант, безусловно, может по своему усмотрению понимать новые международные реальности, однако настало время перемен и нельзя надеяться на продолжение того, что определяло жизнь при Хорти, а тем более Салаша. Политэмигрант Ковач отмечал, что к прошлому нет, и не может быть возврата. «Никакая реставрация неосуществима не только потому, что международная политика не гарантирует такую возможность, но и по той причине, что сам венгерский народ не желает повернуть колесо истории вспять, а хочет двигаться вперёд», – отрезвляюще констатировал журналист, критикуя позиции ультраправых оппонентов газеты. Он считал, что в ближайшее время нет реальной возможности для свержения большевизма внутренними силами страны, но ещё допускал возможность свержения коммунистических режимов с помощью западных держав. Исходя из этого, Ковач советовал согласовать свои планы и действия с последними, развивать с ними сотрудничество. В то же время, будучи реалистом, он отверг «антирусские измышления» и обвинения крайне правых кругов эмиграции. От имени эмигрантов 1947 г. он подчёркивал: «Мы пытались осуществить действительно демократическое переустройство Венгрии и мы ответственны за то, что этот эксперимент не увенчался успехом, но за него никто не вправе привлекать к ответственности, поскольку именно с согласия и при поддержке – более того, с прямого указания – англосаксов было подписано перемирие, а затем и мирный договор, и послевоенная Венгрия была признана ими своим международным партнёром»²²². Ковач, учитывая повторное послевоенное разделение части венгерского этнического массива по разным странам, рекомендовал эмигрантам обращать внимание и свои взоры не только на Венгрию, но и на венгров, живущих в сопредельных государствах.

Внимание Ковача не обошла и проблема, представлявшая собой вечную болезнь всех эмиграций, – отсутствие взаимопонимания и единства, идейно-политические разногласия и противоречия между её отрядами. Подтверждением правоты этого тезиса писателя стал сам факт идейно-политического многообразия венгерских периодических изданий. А они с 1948 г. десятками стали выходить в странах Запада, где обосновались венгерские эмигранты. Наиболее сильные расхождения во взглядах между отдельными группами, а соответственно и печатными изданиями имели место в отношении оценки тех преобразований, которые происходили в самой Венгрии, а также по ряду акту-

альных политических вопросов, которые вставали перед политэмиграцией в 50-х годах. Разного рода вестники, газеты и журналы издавали политики, журналисты, предприниматели и священники. Первые периодические издания западной венгерской эмиграции начали, как отмечалось, выходить в Западной Европе. Наряду с Парижем в Лондоне с 1948 г. был налажен выпуск ряда венгерских газет, изданию которых способствовал *Комитет поддержки венгерской демократической эмиграции*. Из них наибольшую известность приобрели выходящая с мая 1949 г. газета «*Londoni Magyar Szemle*» («*Лондонское Венгерское обозрение*») под редакцией В. Крухина и издававшаяся с июля под редакцией Л. Салаи «*Londoni Új Magyarország*» («*Новое венгры Лондона*»). Кроме того летом 1948 г. известный в прошлом конферансье Л. Бекеффи, прошедший концлагерь Дахау, начал выпуск «*Hontalan Magyarok Naplója*» («*Дневник безродных венгров*»). Одним из центров венгерской эмигрантской печати стал Брюссель, где с осени 1948 г. выходили газеты «*Szabad Toll*» («*Вольное перо*»), «*Világ*» («*Мир*»), а с января 1950 г. вплоть до 1957 г. Независимое Венгерское социалистическое движение издавало на венгерском языке газету «*Fáklya*» («*Факел*»).

Венгерской эмигрантской периодикой наиболее богатыми были США. К старой нью-йоркской газете «*Amerikai Magyar Népszava*» («*Народный голос венгров Америки*») благодаря ВНК добавился выпуск журнала «*Korszerű Magyar Világposta*» («*Актуальная Всемирная венгерская почта*») и ряд других печатных изданий. Ковач хотел сделать журнал главным политическим форумом всей мировой венгерской эмиграции, но не получилось. В то же время издаваемые в Нью-Йорке общественно-политический и литературный журнал «*Látóhatár*» («*Латохатар*» – «*Горизонт*») и газета «*Szociáldemokrata Népszava*» («*Социал-демократическая Непсава*») стали весьма популярны и пересылались в Европу для молодёжи. Одним из наиболее известных периодических изданий, близким к социал-демократам и буржуазным радикалам, стал еженедельник «*Ember*» («*Эмбер*» – «*Человек*»), выходивший с 1947 г. тиражом в 3,5 тыс. экземпляров. В редакции еженедельника во главе с Ференцем Гёндёром, работала целая плеяда журналистов, а также несколько литераторов, в том числе писатель Ференц Молнар (1878–1952), завоевавший мировую известность и популярность своими драматическими произведениями и романом «*Мальчишки с улицы Пал*».

Характерно, что газета «*Эмбер*» в годы коалиционного правления открыто выражала свои симпатии к венгерской народной демократии и сожалела, что Америка не поверила в её подлинность. Правда, вынужденная эмиграция Ф. Надя и силовое «поглощение» компартией СДПВ заставили еженедельник поменять тональность и критически отнестись к дальнейшей политике Будапешта. Одновременно она стала мягче воспринимать демократов правого политического центра и буржуазных радикалов, чаще вступала с критикой ком-

мунистического единовластия на родине. После слияния ВКП и СДПВ Гёндёр и его газета всё активнее бичевали «будапештский сталинский режим» и больше не делали никаких различий между сталинско-ракошистской и гитлеровско-нацистской системой²²³.

Наряду с печатью широкого центристского и левого спектра в эмиграции в 50-е годы появились также издания, симпатизировавшие довоенным порядкам. Они издавались политиками и журналистами правой политической ориентации, не желавшими признать наступившие на родине с 1945 г. демократические перемены. Среди них следует выделить еженедельную газету «*Hungária*» («*Хунгария*»), которую читали довольно широкие круги эмигрантов 1945 г. Она стала основным форумом для тех, кто сочувствовал отдельным проявлениям хортистской эпохи и лишь с оговорками принимал перемены 1945–1948 гг. Правда, газета при этом чётко отмежевалась от крайних взглядов. «Хунгария» провозгласила себя «органом национальной эмиграции», осуждала Ф. Надя и других демократов за сотрудничество в прошлом с коммунистами, подвергала конструктивной критике отдельные позиции также ВНК и радиостанции «Свободная Европа». На страницах издававшегося А. Ковачем еженедельника, под редакцией З. Макры часто выступали такие журналисты, как А. Радвански, М. Липпоци, Д. Затурецки, Л. Тури, Й. Силади и др. Следует отметить, однако, что и в лагере правых не было желанного единства. Одним из проявлений этого в 1953 г. было разделение редакции на две части, следствием чего стало появление еженедельника «*Új Hungária*» («*Новая Хунгария*») под руководством Э. Раднаи, который занимал позиции несколько умереннее своего предшественника. Новое издание, как считают, выражало консервативные идеи и взгляды, которыми руководствовался лидер венгерской политэмиграции в ФРГ Густав Хеннеи. Он придерживался центристских позиций, как в отношении к США так и ВНК²²⁴.

Венгерская эмиграция имела свои газеты не только в Европе и США, но и в странах Латинской Америки и в Австралии. В Буэнос-Айресе, например, издавались газеты «*Délamerikai Magyarok*» («*Южноамериканские венгры*») и «*Magyar Nép*» («*Венгерский народ*»), в Сан-Пауло «*Magyar Hirlap*» («*Венгерский вестник*»), выходивший в 50-е годы под названием «*Délamerikai Magyar Újság*» («*Южноамериканская венгерская газета*»), а в Аргентине «*Magyarok Utja*» («*Дорога венгров*»). Эмиграция в Австралии имела свой печатный орган, который в 1951 г. основал в Сиднее католический священник Ференц Форро под названием «*Dél Keresztje*» («*Южный Крест*»). В 1954–1956 гг. газета выходила под редакцией Казмера Надя, а с 1957 г. с изменённым названием «*Független Magyarország*» («*Независимая Венгрия*»).

Оказавшиеся в вынужденной эмиграции писатели и поэты не только работали в газетах и журналах, на радиостанциях, но и продолжали творить. Большинство из них эмигрировало в 1947–1949 гг. Наряду с уже упоминавшимся

писателем Имре Ковачем, который покинул Венгрию в 1947 г., а осенью 1949 г. из Европы перебрался в США, уехали и другие литераторы. В 1948 г., не выдержав удушающую атмосферу утверждавшегося в Венгрии тоталитаризма, эмигрантами стали и такие известные литераторы, как Шандор Марай, Лайош Зилахи, Дюла Гомбош, Ласло Ч. Сабо, в 1949 г. – Золтан Сабо и др. Их эмиграция начиналась, в основном, в таких европейских странах, как Италия, Англия и Швейцария, однако впоследствии подобно политикам, они также оказались в США. Часть писателей уже ранее, в составе эмигрантского потока 1945 г., отправилась за пределы Венгрии (Й. Ремени, А. Леснай, Ф. Молнар, Ф. Рейтё, М. Лендел, Д. Микеш, Ф. Кёрменди и др.), но при этом политически причисляла себя к литераторам-эмигрантам последующего, демократического набора, представители которого по оценкам литературоведов и сумели создать в эмиграции произведения, сохраняющие свою художественную ценность. Из писателей другой группы эмиграционного потока 1945 г. такие произведения создали лишь некоторые, в частности, Йожеф Нирё и Альберт Вашш. Писательский и журналистский труд не обеспечивал в эмиграции лёгкую и беззаботную жизнь, не позволяли творческим личностям заниматься чисто литературной деятельностью. Её могли позволить себе лишь те, кто работал в издательствах, в редакциях газет и журналов или на радиостанциях, кто воспользовался предоставленной возможностью²²⁵.

Работа в газетах и журналах, в издательствах и венгерских секциях западных радиостанций («Би-Би-Си», «Свободная Европа», «Голос Америки», «Дойче Велле» и др.) выручала часть творческих работников, но далеко не всех. Кто не имел такой возможности, либо не желал быть задействованными в работе иностранных информационных и пропагандистских служб, устраивался, как правило, не в творческой сфере. Литературная деятельность в тогдашних условиях, особенно в начале эмиграции, требовала от писателей самопожертвования, творчества в ущерб материальному благополучию. Литераторы творили вопреки всему, даже не надеясь на скорую публикацию своих произведений. После того как стали издаваться эмигрантские газеты и литературные журналы, расширились возможности публикации их произведений, которые распространялись среди эмигрантов, читались венграми в различных странах, включая узкий круг лиц и в самой Венгрии.

Создание венгерской литературной периодики на Западе – заслуга эмигрантов 1947–1949 гг. Первый литературный журнал послевоенной венгерской эмиграции был основан в 1948 г. в Париже священником Р. Резаком под названием «*Ahogy lehet*» («Как возможно»). Он, однако, не удовлетворил литературные амбиции писателей. Ещё одно издание выходило в Мюнхене, а в 1952 – 1956 гг. в Вашингтоне издавался литературный журнал «*Új Magyar Út*» («Новый венгерский путь») под редакцией Д. Гомбоша, рассчитанный на протестантскую молодёжь и в некоторой степени отражавший политические позиции и взгляды, близкие Ф. Надю. Его учредителем стал бывший участник

движения антифашистского сопротивления в Венгрии Геза Шоош, работавший затем в женевском центре Всемирного Совета церквей, а издателем – *Венгерское духовное сообщество*. Журнал завоевал популярность по всей Европе благодаря высокому уровню литературно-художественного исполнения.

Наиболее авторитетным, читаемым и поэтому самым влиятельным литературным, а вместе с тем и общественно-политическим журналом всей западной венгерской эмиграции стал, однако, именно «*Látóhatár*», основанный в 1950 г. представителями традиционного народно-национального направления венгерской литературной жизни (чем-то схожего с российскими «почвенниками»). Его издание началось в Швейцарии, но редакция вскоре перебазировалась в ФРГ, где было больше свободы и возможностей для творчества и публикации. Журнал с самого начала взял курс на поддержку народной духовности, на утверждение демократической направленности в литературе и предоставил возможность широкому кругу писателей публиковаться в условиях эмиграции. Его диапазон впоследствии расширился, и он стал «литературным и политическим журналом», занимавшим умеренные центристские позиции. Став важным художественным и общественно-политическим форумом для обмена мнением, журнал печатал также дискуссионные материалы, даже если те выражали не совпадающие с позицией редакции мнения. Учитывая, что большинство эмигрантских изданий придерживалось центристской и правой политической ориентации, спектр журнала можно бы считать в какой-то мере также выразителем относительных левоцентристских взглядов, хотя его розоватый оттенок заключался только в том, что редколлегия отличалась своим последовательным демократизмом²²⁶.

Один из ведущих редакторов этого журнала Дюла Борбанди, – впоследствии он редактировал и его обновленный вариант «*Új Látóhatár*» («*Új Lamohatar*» – «*Новый горизонт*»), – оценивая пройденный журналом путь, уже после того, как вернулся из эмиграции, подчёркивал: «Мы представляли левое крыло политического спектра эмиграции. Мы начинали, имея за плечами опыт 1945 года, привезли с собой его груз в такую среду, которая нас сторонилась и чуждалась всего того, что произошло в Венгрии после 1945 г. Тот почин, в котором мы участвовали, не удался... На Западе многие нас не только избегали, но и решительно отвергали. Нам приходилось завоевывать даже расположение прогрессивных кругов... Мы ведь намеревались создать прогрессивный форум [орган печати – Б. Ж.], который представлял бы не только народное, но и другие направления»²²⁷.

Первый номер журнала «Латохатар», изданный в Цюрихе множительным способом тиражом всего в 320 экземпляров, был подготовлен небольшим коллективом единомышленников (И. Баум, Д. Борбанди, Ш. Боршош, И. Вамош, Й. Молнар). Главным редактором журнала стал Ш. Боршош, а издателем – И. Вамош. Неожиданный успех первого номера и готовность таких авторов,

как И. Ковач, Л. Сабо, Л. Зилахи, В. Юхас, А. Карас, а также политиков И. Баранковича и Ф. Нада, публиковаться на его страницах, определили перспективу журнала. Редколлегию особенно обрадовало согласие на сотрудничество живущего в США О. Яси, бывшего левого буржуазного радикала и знатока национальной проблемы, преподавателя социологии. В журнале публиковались такие писатели, журналисты, ученые, социологи, дипломаты и политики в эмиграции, как П. Ауэр, Д. Кемень, Ф. Фейтё, К. Равас, Б. Хатвани, А. Леснаи, М. Полони, М. Феньё и другие, а после 1956 г. – П. Игнотуш.

Журнал «Латохатар» с 1952 г. издавался уже в Мюнхене, куда переехал его редактор, и где проживало большинство членов редакции. После переезда в номерах журнала особый интерес читателей вызвали статьи О. Яси («Борьба Востока и Запада», «Как готовится мир?»), И. Ковача («О суверенитете духа») и, конечно, стихотворение Ш. Марай («Поминальная речь»). Стремительно завоевавший признание и авторитет, журнал читали самые широкие круги эмиграции, ценившие его высокий художественный уровень и терпимость к иному мнению. В связи с большим резонансом на публикацию стихотворения *Шандора Марай* (1900–1989) в журнале не лишне хотя бы кратко представить самого поэта и писателя. Марай уроженец г. Кашша, предки которого выходцы из Саксонии от венгерского короля получили к своей фамилии дворянскую приставку Марай. Когда после Первой мировой войны Кашша стала чехословацкой Кошицей, только окончивший гимназию Ш. Марай покинул родные места. Он учился литературе и философии в Берлине, Франкфурте и в Париже, зарабатывая на жизнь публицистикой. Получив образование, он обосновался в Будапеште, где печатал свои стихи и многочисленные романы, семейные хроники из жизни венгерского и средневропейского буржуа, посвященные социальным и психологическим проблемам, чем-то сравнимые с произведениями Т. Манна. Принадлежал Ш. Марай к числу наиболее популярных писателей межвоенных лет. Крутой политический поворот 1948 г., но особенно гнетущая культурно-политическая атмосфера утверждавшегося ракошизма заставили писателя эмигрировать на Запад, где он стал одним из самых значительных представителей венгерской эмигрантской литературы. Считая Венгрию страной, полностью находившейся под советским господством, Марай прервал с ней все связи. В результате его произведения в Венгрии не издавались и были поставлены под запрет, несмотря на то, что он не участвовал в политических акциях эмигрантов. «Поминальная речь» Ш. Марай – искреннее признание, исповедь в форме элегии об эмигрантской жизни, выражение боли и оценка бессмысленности существования человека, вырванного из своего родного окружения, национального контекста. Эту боль писатель чувствовал особенно остро и тонко. Его стихотворение по силе выразительности и воздействию на читателя сравнимо лишь с другим, также глубоко

волнующим произведением венгерской литературы XX века, стихотворением Дюлы Ййеша «*Одно предложение о тирании*», опубликованным в начале ноября 1956 г.

Публикации эмигрантского журнала «Латохатар» характерным образом нередко вызывали гнев и осуждение со стороны как коммунистов в Венгрии, так и ультраправых сил в рядах венгерской эмиграции. Первых возмущала критика и неприятие коммунистического режима Ракоши, вторых – недостаточность этой критики и прямого осуждения происходившего в ВНР, уже не говоря об оценке лидерами демократической эмиграции представителей крайне правых групп на страницах журнала. С другой стороны, нельзя не отметить, что даже среди умеренных эмигрантов нашлись люди, считавшие необходимым, чтобы журнал приспособлялся к политическому курсу США, чего тот стремился избегать. По свидетельству редактора журнала Д. Борбанди, именно выступления в печати писателя народного направления, бывшего генсека Крестьянской партии Имре Ковача, вызывали особенно острую реакцию читателей, многие его статьи бурно обсуждались самыми разными группами эмиграции. Поэтому неудивительно, что наряду с Ф. Надем именно И. Ковач стал тем бывшим коалиционным политиком, против которого чаще всего были направлены нападки крайне правых кругов эмиграции. Известный своими принципиальными, негибкими позициями И. Ковач до конца сохранил левоцентристские, радикально демократические взгляды и, не скрывая, открыто выражал их в эмигрантской печати. Этот яркий представитель когорты народных писателей, защитник интересов венгерского крестьянства тоньше других политиков-эмигрантов ощутил, оценил и признал значение тех демократических перемен, которые наступили в Венгрии после войны. Его выступления в печати вызывали самые жаркие дискуссии в кругах эмигрантов. По этой причине стоит полнее остановиться на деятельности и некоторых позициях писателя и политика.

К политическому портрету Имре Ковача здесь следует добавить, что он покинул Европу, поскольку не получил от её политиков ожидаемой им защиты для венгерской демократии. Прибыв в октябре 1949 г. в США, он с 20 ноября 1949 г. стал сотрудником одного из исследовательских институтов Комитета Свободной Европы (КСЕ), учреждённого для «оказания поддержки нефашистским и некоммунистическим политическим беженцам восточноевропейских стран с тем, чтобы во время их вынужденного пребывания в эмиграции они могли содержать себя полезным трудом» и «поддерживать связи со своими соотечественниками, живущими в других странах»²²⁸. Ковач одновременно активно включился и в работу Венгерского Национального Комитета (ВНК)²²⁹. Находясь в Нью-Йорке, он взял на себя редактирование периодического печатного издания созданного в эмиграции Крестьянского Союза «*Parasztszövetség Értésítő*» («*Вестник Крестьянского союза*»). В упоминавшейся статье

«Крестьянское единство – национальное единство» он поставил своих коллег-эмигрантов перед выбором: «Кто стремится к взаимопониманию с нами, тот должен определиться: какова его позиция в вопросах о земле, о заводах, о народе; готов ли он на все сто процентов гарантировать права человека и демократию, либо просто мечтает о национальном единстве для какого-то „абсолютного большинства“ с тем, чтобы признать свою жизнь. Мы готовы к сотрудничеству, но только с теми, кто признаёт права крестьянства – признаёт земельную реформу 1945 г. и не намерен загонять крестьян обратно в народное гетто предвоенного времени». Затем Ковач от себя и своих единомышленников предупреждал: пусть никто в будущем не надеется на такой поворот событий в Венгрии, который означал бы отход от демократии, которая существовала в 1945–1947 гг. Тем самым он провёл чёткую грань между демократическими силами эмиграции и правыми, мечтавшими о восстановлении довоенных порядков, отмежевался от последних. Ковач призывал эмиграцию изучать политические, общественные и культурные процессы в западных странах и равняться на них, чтобы стать их достойными партнёрами, когда наступят грядущие перемены²³⁰.

Неудавшаяся попытка реализовать в 1950 г. идею актуального для всей венгерской западной эмиграции общественно-политического и литературного журнала по линии ВНК заставила Ковача чаще выступать в разных венгерских печатных изданиях Европы и Америки. Этот писатель и политик в то же время активно участвовал в работе журнала «Латохатар». Но в начале 50-х годов его постигла личная неудача. Он имел неосторожность в одном из частных писем откровенно высказаться о существовавших в эмиграции (включая ВНК) расхождениях относительно методов и средств освобождения Венгрии от власти коммунистов. Его оценки реального положения вещей стали достоянием гласности, и Ковач оказался в непростой ситуации. Данное обстоятельство и некоторые расхождения во взглядах с руководством и коллегами в ноябре 1951 г. привели к его увольнению из Исследовательского центра КСЕ. Лишившись основного места работы, он зарабатывал на жизнь садоводом, а затем слесарем на заводе, но появившиеся у него свободное время позволило ему посещать лекции по философии, истории и литературе в Гарвардском университете.

В начале 50-х годов Имре Ковач опубликовал ряд статей, в которых со свойственной ему откровенностью подверг критике американскую действительность и политику США в Европе, изложив при этом собственное видение событий в Венгрии. Его статьи вызвали бурную реакцию правых сил эмиграции и положили начало продолжительной дискуссии, развернувшейся на страницах «*Látóhatár*» по актуальным вопросам. В одной из своих статей, которая была опубликована в январско-февральском номере журнала 1951 года, Ковач, проживший к тому времени всего около года в США, сформулировал свои личные наблюдения об этой стране следующим образом: «Америка твёр-

до противостоит большевизму, однако не знает, что предложить вместо него! Гарантии свободы, демократии и прав человека вообще, их декларирование сами по себе недостаточны и на практике превращаются в пустые фразы. В таком случае бывшие фашисты или „патернализированные” коммунисты в равной мере могут считать себя демократами, защитниками свободы и прав человека. Причины подобного полного краха человеческого общежития, превосходящего все прежние кризисы, лежат гораздо глубже, и их нельзя урегулировать поверхностными мерами»²³¹.

Публикация статьи вызвала со стороны соотечественников шквал критики в адрес Ковача, обвинивших его в антиамериканизме, а часть эмигрантов крайне правого политического фланга обиделась на него из-за обвинения их якобы в фашизме. Печатные органы правых исказили и ложно истолковали ряд положений его статьи, не поняв или не желая понять искреннего беспокойства автора за состояние дел. Будучи политиком и писателем, Ковач не остался в долгу и ответил на выпады своих оппонентов новыми публикациями. В одной из статей, опубликованной осенью 1952 г. под названием *«Контрреволюция в эмиграции»*, он отклонил личные нападки и отверг политические обвинения в свой адрес, предупредив крайне правых, что именно им не следует забываться, даже при всеобщем антикоммунистическом настрое западной общественности. «Было бы политической ошибкой не замечать мобилизацию правых сил эмиграции, их контрреволюционные и путчистские приготовления. Мнение Запада о демократических принципах и о правительстве [ВНР – Б. Ж.] не изменилось, – писал Ковач, – однако, наметившаяся во всемирном масштабе коммунистическая угроза сделала его более снисходительным к всякого рода и звания фашистам, бывшим противникам демократии и сил союзных держав»²³².

В ходе продолжавшейся дискуссии летом 1953 г. Ковач в новой статье *«Проблемы психологической войны»* подверг резкой критике политику «холодной войны», призвав при этом эмиграцию не подражать её тону и фразеологии. Он указывал на бессмысленность антикоммунистической пропаганды, мотивируя это тем, что «люди коммунистического общества всё равно не способны вдохновляться правдой так же, как и уже забытым ими гражданским образом жизни». Ковач утверждал, что «коммунистов можно победить только их собственным оружием», и учитывая, что им тоже «присущи человеческие слабости, следует к ним найти подход и разрушать их партию изнутри»²³³. В то же время Ковач страстно отстаивал необходимость восстановления венгерской демократии. Поскольку в ходе дискуссии проблема неустойчивости демократии 1945–1948 гг. также затрагивалась, Ковач, реагируя на высказывания оппонентов, не уставал разъяснять, что наступление демократии для Венгрии было бы вполне назревшим и своевременным явлением, несмотря на то, что она оказалась «мёртворожденной» по целому ряду причин. Первой среди

них он привёл тот факт, что Венгрия оказалась в сфере советских интересов, а «Советский Союз и её компартия не находились в таком положении, чтобы подарить венгерскому народу демократию». «Тоталитарная система и её институты не способны дать народу то, что не является их сущностью, – аргументировал Ковач. – Союзнические обязательства, необходимость послевоенного урегулирования какое-то время связывали руки Советскому Союзу, и это заставляло его терпеть начатую в 1945–1947 гг. венграми попытку демократического обустройства»²³⁴.

Покинувшие Венгрию в 1947–1949 гг. эмигранты, оказавшись на Западе, «всерьёз верили, что западные державы полны решимости взяться за выдавливание советского коммунизма», – утверждал впоследствии со знанием дела представитель венгерской демократической эмиграции Д. Борбанди. Он отмечал, что эмигранты своим первостепенным долгом считали верить в это, и серьёзно готовились к грядущему возвращению на родину. Он отмечал, в частности, что западное вмешательство в дела Центральной Европы политэмигранты считали настолько вероятным, что Т. Экхардт, Ф. Надь, З. Пфейффер, Д. Шуйок и Б. Варга в начале 1948 г. в одном из своих заявлений даже призвали население Венгрии оказывать «пассивное сопротивление коммунистическому насилию»²³⁵ и рекомендовали не участвовать в общественной жизни до прихода помощи. Эмигрантам же предлагали готовиться к тому, что западные демократии и, прежде всего, США помогут им устранить препятствия, мешающие их возвращению на родину. Эмигранты в своей массе ждали этого, хотя некоторые задумывались над опасностью решения проблемы силовыми методами, тем не менее надеялись, что демократический Запад найдёт возможность для освобождения народов региона от утвердившихся тоталитарных режимов. Эти надежды эмиграции в реальных условиях 40–50-х годов оказались, однако, призрачными, в чём вскоре и пришлось убедиться. Отдельные здравомыслящие политэмигранты, как И. Ковач, заранее обращали внимание на это. Он лично полностью отверг необходимость решения проблемы силовым путём в условиях, когда ведущие державы двух военных блоков в равной мере владели ядерным оружием. Ковач вполне резонно утверждал на страницах печати, что Запад не начнёт «освободительную войну» ради стран региона, хотя при этом допускал возможность координации действий и психологическое давление на советское руководство с тем, чтобы склонить его к большей уступчивости²³⁶.

Для венгерской эмиграции на Западе важными ключевыми датами стали 1953 и 1956 гг. Сама политэмиграция с ракошистской Венгрией прямые переговоры или дискуссию вести не могла. Единственно, в чём вся эмиграция полностью была едина, это оценка коммунистического режима. Представители политэмиграции довольно долго удовлетворялись осуждением и отрицанием всего того, что происходило в Венгрии при режиме Ракоши. Дискуссию же вели между собой, в основном, эмигранты двух послевоенных потоков

(1945 и 1947 гг.), и именно она нашла отражение на страницах эмигрантской печати. Новым элементом тематики дискуссии стал приход к власти в Венгрии летом 1953 г. Имре Надя и провозглашение им нового правительственного курса. Этот фактор привёл к появлению в эмиграции трёх разных подходов в отношении политики премьер-министра. Один был представлен консерваторами и правыми силами, которые выражали своё неверие в какую-либо возможность внесения серьёзных изменений в систему. Они ссылались на то, что Надя, как и Ракоши, на свой пост был «поставлен московским политбюро», и утверждали, что это всего лишь тактический ход. Сторонники другого подхода отдавали должное Надю за его действия, но сомневались что он сможет предпринять реальные шаги по улучшению положения народа. Они не верили в возможность «улучшения коммунизма изнутри» и считали, что если что-то вообще изменится, это произойдёт в результате народного сопротивления. Кстати, такой позиции придерживались, как в ВНК, так и в новых партийных структурах эмигрантов 1947 г., а также в венгерской редакции «Свободной Европы». Третий подход был характерен для самой малочисленной группы эмигрантов: с приходом к власти И. Надя её представители надеялась на внутренние, правда, только частичные и медленные коррекционные изменения режима. Этой линии придерживалась, в частности, редколлегия мюнхенского журнала «Латохатар», австралийской газеты «Южный Крест» и парижского журнала «Валошаг». Наиболее видным выразителем этой позиции был И. Ковач. В одной из своих статей 1954 г. он писал, что с приходом к власти Надя завершился «самый жестокий этап грубой коммунизации и большевизации» страны и, что практические шаги нового премьер-министра, могут привести даже к модификации самой коммунистической теории²³⁷. Арест главы госбезопасности ВНР Г. Петера в марте 1954 г. в эмиграции сочли добрым знаком и восприняли как убедительный шаг к возможным реальным переменам в системе.

Здесь уместно отметить, что в 1954 г. И. Ковача во время «венгерской оттепели», связанной с политикой И. Надя, снова пригласили работать в Исследовательский институт Комитета Свободной Европы. Там ему удалось составить довольно основательный и во многом объективный анализ венгерского политического развития. В отличие от других, задававших тогда тон политиков и публицистов на Западе, он оказался одним из немногих, кто понял и достойно оценил новый политический курс премьер-министра и определил его в качестве подлинного поворота в политике. Ковач заявил, что хотя Надя «тот же коммунист, но по его речи сразу становится ясным, что каким бы ни оказался его новый курс в будущем, возврата к старым порядкам в Венгрии вряд ли можно ожидать». Он, как аналитик, полностью отверг бытовавший тогда в эмиграции ошибочный тезис, согласно которому якобы вместо одного коммуниста всего лишь назначили другого. Согласно прогнозам писателя, произведённые Надем корректировки на деле могут привести к таким пере-

менам в политике и экономике страны, которые «полностью изменяют первоначальный смысл ленинско-сталинских дефиниций и на время повернут вспять процесс большевизации Венгрии»²³⁸.

Перемены 1953-1955 гг. в ВНР заставили эмигрантское руководство поднять вопрос о корректировке политического курса всей западной венгерской эмиграции, несмотря на то, что рассчитывать на достижение согласия между разными течениями было затруднительно. Сам ВНК, занятый своими внутренними проблемами и не имевший вполне адекватного представления о венгерских реальностях, в этом вопросе помочь политэмигрантам, которые не переставали напоминать руководству США о его моральной ответственности перед восточноевропейскими народами. Несомненным результатом явилось, однако, то, что эмигрантская печать стала уделять больше внимания Венгрии и прослеживала реакцию венгерского народа.

Эмиграция отреагировала не только на назначение, но и на удаление И. Нады с поста главы правительства ВНР, на его исключение из партии и наступление ракошистской реакции. Эти события лишь приумножили различия в толковании и оценки ситуации в Венгрии. В перестановках на вершине власти, закулисные пружины которых эмигрантам не могли быть известны, большинство закономерно усматривало не просто рокировку кадров, а проявление внутривластной борьбы, полагая, что это стало результатом сопротивления венгерского народа режиму. Приобретение в 1955 г. Австрией статуса нейтрального государства и вывод советских войск с её территории пробудили надежды венгерской эмиграции, что подобное может произойти и в Венгрии. Отдельные эмигранты-журналисты, в частности, Ласло Ч. Сабо, в конце года выразили свои надежды на страницах эмигрантской печати. Он полагал, что население Венгрии, испытав при правительстве И. Нады свободу, больше не захочет жить так, как прежде. А такие представители политэмиграции, как дипломаты П. Ауэр, Г. Апор, Л. Барток и др., ориентированные на европейское единство, поддержали заявление представителя Совета Европейского движения, француза Р. Шумана, которое прозвучало на европейском конгрессе в Женеве о том, что важнейшим условием нормализации ситуации в Европе должен стать именно вывод войск²³⁹. И хотя вскоре после этого в рамках Евродвижения урегулирование венгерской проблем вышло на передний план, в успех этого начинания не верили и сами названные дипломаты.

В начале 1956 г. среди венгерских эмигрантов на Западе ещё жила идея о возможности их коллективного возвращения на родину вопреки тому, что к тому времени многие из них уже органично вписались в западное общество. Тем не менее они тогда ещё ждали от западных держав помощи, надеялись, что их представители окажут если не освободительное, то дипломатическое содействие в деле демократизации Венгрии. Самой активной помощи при этом они, по-прежнему, ожидали от США. На том этапе, однако, кроме И. Ко-

вача, мало кто из венгерских эмигрантов обращал внимание на реальные изменения в политическом курсе этой ведущей западной державы, а ведь политика Соединенных Штатов уже тогда вступила в противоречие со своей же официальной пропагандой. Реальные расхождения, нестыковки политики и пропаганды с 1955 г., кроме Ковача замечали лишь члены редколлегии журнала «Латохатар» и некоторые работавшие в Комитете Свободной Европы венгерские политэмигранты (Г. Бикич, Д. Борбанди, И. Вамош, Й. Молнар и Б. Хорват)²⁴⁰.

Ковач вскоре опубликовал статью «*Отрезвевшая эмиграция*», которая вновь вызвала бурную реакцию эмиграции. В ней писатель и журналист не только выразил мысль о том, что «холодная война» приходит к своему завершению, но как прогнозист сделал важный, вытекающий из этого для эмиграции вывод. Он решил встряхнуть эмиграцию и заставить задуматься. «Первое, что мы *все должны осознать*, состоит в том, что *наш мандат заканчивается* [курсив наш – Б. Ж.]. Наше политическое представительство и доверие, которыми мы располагали, безжалостно уничтожены временем. Отрицание и упорное противостояние с нашей стороны не стоят ничего по сравнению с теми переменами, которые произошли на родине – при власти коммунистов в венгерском обществе произошло социальное перерасслоение. Там выковалась, сформировалась новая нация, которая лучше нас усвоила и на практике применяет исторические методы повседневного выживания, – писал этот умудрённый опытом венгерский эмигрант. – Своими взглядами, представлениями о демократии, о парламентском правлении и независимости эта нация существенно отличается от нас, имеет другое мышление»²⁴¹. Вне всякого сомнения, Ковач учитывал в статье те реальные экономические и социальные сдвиги, которые были осуществлены довольно жёсткими силовыми методами, грубейшим вмешательством коммунистического режима в жизнь венгерского крестьянства и других трудовых слоёв общества. Писатель и политик уже оценивал конечный результат этого процесса – не только политическое, но и коренное экономическое переустройство страны, преобразование всей социальной структуры населения, т. е. появление «другой» Венгрии. Понимая страдания народа, он ещё возлагал надежду на то, что начатая, но не доведённая до конца премьер-министром И. Надем коррекция экономического и политического курса страны может продолжиться и даст новые выходы, в результате которых страна станет другой, а народ будет жить лучше.

Своей статьей, вызвавшей серию дискуссионных публикаций в журнале «Латохатар», а затем грозную реакцию в других органах печати, Ковач доводил до сознания эмигрантов мысль о том, что больше не следует рассчитывать на военный фактор освобождения, не стоит надеяться на то, что Запад когда-нибудь начнёт активное силовое вмешательство ради стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Он не скрывал, что планы и расчёты венгерской эмиграции безнадежно устарели, отмечал, что в Венгрии к прошлому нет воз-

врата и, что эмигранты должны определиться чего хотят. Он предупредил социал-демократов и коммунистов в эмиграции, чтобы они не особенно надеялись на Тито, поскольку тот также «не принимает принцип свободных выборов», понимая, что это подорвёт его систему.

В дискуссию на страницах журнала «Латохатар» весной 1956 г. включился Д. Борбанди, опубликовав статью «*Новые пути эмиграции*». По сути, он разделял мнение Ковача, что эмиграция больше не может надеяться на вооружённую помощь Запада в освобождении страны от коммунистического режима. Автор писал, что правительства западных стран нацелены на компромисс и мирное сосуществование, но при этом также не исключал самостоятельных дипломатических действий с их стороны в целях изменения положения дел в регионе. Журналист с сожалением отмечал, что венгерская эмиграция недостаточно подготовлена к новым условиям в международной жизни. Выход из ситуации он обозначил в достижении *соглашения между коммунистическим режимом на родине и прогрессивными силами эмиграции*. Борбанди критиковал ВНК за то, что тот недостаточно считается с левыми европейскими политическими течениями и предложил при сохранении прежнего отношения к крайним политическим группировкам, отказаться от иллюзорных представлений установить полное единство эмиграции²⁴².

Статьи Ковача и Борбанди вызвали бурю возмущения в отдельных кругах эмиграции, а критика и обвинения в «коммунистических симпатиях» звучали также в адрес редколлегии журнала «Латохатар». Особое недовольство вызывало заострённое утверждение Ковача о «завершении мандата» политэмигрантов. Отдельные представители правых в ВНК жаловались даже в департамент США и Комитет Свободной Европы, добиваясь нового увольнения Ковача, но на сей раз, он отделался выговором. Борбанди же, как член редколлегии журнала, выпускавшегося на территории ФРГ, оказался под защитой законов республики. Правда, отдельные эмигранты считали, что такие ведущие работники этого журнала, как Имре Вамош и Йозеф Молнар в связи с публикацией статей Ковача и Борбанди были всё-таки в марте 1957 г. уволены американцами с радиостанции «Свободная Европа»²⁴³.

Участвуя в дискуссии, член руководства ВНК Ф. Надь обратил внимание на то, что политика эмиграции ранее была простой и лёгкой, требовалось лишь отрицать всё то, что происходило на родине. С тех пор ситуация, по его мнению, изменилась: какие-то факты и явления эмигрантам по-прежнему следовало критиковать, но были и такие, которые требовалось поддержать. Обратившись к положению дел в Венгрии и в эмиграции, анализируя взаимосвязь между ними, Надь указал на протесты интеллектуалов в Венгрии, которые сопротивляются произволу Ракоши и его окружения. Говоря о них, экспремьер, в частности, отмечал: «В данный момент движением за духовную свободу руководят члены компартии, они в недрах своей партии добиваются

большой свободы. Требования же, связанные со сменой лиц [во власти – Б.Ж.], нацелены лишь на замену одного коммуниста другим. В эмиграции у нас многие отстали от понимания событий: думают, что черед писательских протестов или мощное молодёжное движение „кружка Петёфи” есть не что иное, как борьба коммунистов между собой. Когда кто-то из эмигрантов признаёт существование духовного сопротивления в стране, говорит о смелости и заслугах ведущих протестантов, это может вызвать угрозу для последних; с другой стороны, подвергает себя опасности и тот, кто говорит о них, ведь его могут назвать их попутчиком или титоистом»²⁴⁴. Ф. Надь просил эмигрантов не относиться пренебрежительно к тем, кто в Венгрии пытается противостоять тоталитаризму, и призвал не мешать им в их борьбе. Выступление Ф.Надя в печати внесло некоторую ясность в толкование вещей и актуальных задач эмиграции. Он практически взял под защиту журналистов, обвинённых правыми. В завершающей части своего выступления Надь подчёркивал: «Мы хотим вернуться на родину не для того, чтобы там руководить. Те, кто мечтает вернуть себе прежние функции, сами перекрывают путь к возвращению. Мы хотим вернуться как обыкновенные венгры, в качестве части народа, чтобы разделить с ним все тяготы строительства новой страны, мы предлагаем свой опыт и международные связи тем, кого венгерский народ избрёт себе в руководители»²⁴⁵.

В эмигрантской печати были и другие выступления в рамках дискуссии. Высказался, в частности, бывший посол в Париже П. Ауэр, указав на невозможность и недопустимость столкновения Востока и Запада. Предлагая решать проблемы эмиграции мирными средствами, он при этом уточнял, что «Советская Россия заинтересована в существовании исключительно на основе status quo». Журналист М. Феньё оспаривал позицию Ковача в отношении мандата эмиграции, отметив, что такого мандата никто никому и не давал, поэтому ВНК не может его сдать. По его словам, эмигрантские организации сами по себе ничего сделать или изменить не могут, нежели в своём кругу, а судьбы мира решают великие державы. Историк И. Боршоди высказался так: «Эмигрантская политика освобождения [Венгрии – Б. Ж.] строится на помощи Запада и, в первую очередь, США. Их отрезвлению, наверное, помогло бы изучение американской внешней политики и процесса её отрезвления»²⁴⁶.

С завершением дискуссии в печати консервативные силы Исполкома ВНК в начале июня 1956 г. провели анализ «ошибочных взглядов в некоторых кругах эмиграции». Обсудив отдельные положения дискуссии, они вынесли решение о том, что эмиграция своей «неизменной целью считает восстановление самоопределения венгерского народа и завоевание права на проведение свободных выборов в Венгрии». На критику в адрес Исполкома, прозвучавшую из уст И. Баранковича, в печати ответил И. Ковач. Он выразил надежду, что коммунистические режимы под интенсивным давлением Запада со временем постепенно и без войн возвратят народам свободу в решении своих

дел. Затем отметил: «Мы ушли в эмиграцию, и теперь наш долг сделать всё для нашего народа. Если достичь всего и не получается, то должны сделать хотя бы то, что возможно... Пришло время прогрессивным силам эмиграции с учётом внешнеполитических условий взяться за работу по анализу и составлению правильных планов, таких, которые затем можно будет осуществить»²⁴⁷.

Левая часть социал-демократической эмиграции во главе с И. Селигом, не участвовавшая в дискуссии и в работе ВНК, в несовпадении позиций двух деятелей этого центра эмиграции усмотрела всего лишь «внутренние дразги». Селиг заявил, что социал-демократия не утратила, а сохраняет мандат, полученный от народа, отметив при этом также, что если принять позицию И. Ковача, то это станет «услугой коммунистической системе»²⁴⁸.

Проведённая на страницах журнала дискуссия несколько встряхнула эмиграцию, оживила её, заставила задуматься о собственном положении и возможностях, об эмигрантской судьбе. Значительная часть эмигрантов по-прежнему ожидала активных действий и помощи великих западных держав. Меньшая часть уже разуверилась в эффективности такой политики и заявляла о готовности диалога с Будапештом, надеясь на положительные сдвиги в коммунистической системе. При этом характерным образом в начале 1956 г. практически никто из представителей венгерской эмиграции ещё не допускал возможности спонтанного революционного взрыва в самой Венгрии. Но революция вскоре грянула.

5. Западная эмиграция и Будапешт.

Реакция эмигрантских центров на революцию 1956 г.

Важнейшим звеном, которое с 20-х годов надёжно связывало венгерскую диаспору и представителей прежних эмиграций на Западе с родиной, безусловно, являлась такая организация, как *Magyarok Világszövetsége – Всемирный Союз венгров* (ВСВ) с центром в Будапеште. Будучи организацией влиятельной и вплоть до конца второй половины 40-х годов признаваемой всеми эмиграциями венгров в мире, Союз имел заслуженный им за прежние десятилетия большой авторитет. Между двумя мировыми войнами он поддерживал весьма добрые отношения, тесные и обширные связи с соотечественниками в мире, которых судьба забросила в самые разные страны и континенты. В результате между Венгрией и разными эмиграциями, между потерявшими друг друга родственниками нередко именно благодаря ВСВ восстанавливались утраченные связи, налаживались и поддерживались контакты даже в самые трудные исторические времена. Всё это продолжалось, по крайней мере, вплоть до 1948 г. Через Всемирный Союз осуществлялось снабжение венгер-

ских эмиграционных центров, самих эмигрантов свежими информационными материалами о родине, отечественной художественной литературой, а школ и культурных заведений эмиграции необходимыми учебными пособиями и литературой на родном языке, на которых вырастали, которыми пользовались подраставшие вдали от родины новые поколения венгров. Союз, так или иначе, способствовал укреплению венгеро-венгерских культурных связей между родиной и национальной диаспорой, а случилось, что в трудные, критические времена, которых также было немало, эмигранты оказывали оставшимся на родине родственникам посильную помощь через эту всемирную организацию. Такого рода взаимоотношения были, однако, характерны скорее для прошлого, когда большинство оставшихся в эмиграции состояло из трудовых мигрантов. После того, как в результате массовых эмиграционных потоков, вызванных мировыми войнами, политическими революциями и другими потрясениями, изменился характер эмиграции и в её составе преобладающими стали политэмигранты, произошли перемены и во взаимоотношениях между эмиграцией и официальными властями Венгрии.

Венгры, прибывшие на Запад после Второй мировой войны с массовым эмигрантским потоком 1945 г. и политэмиграцией 1947–1949 гг. (в меньшей степени это имело место и в 1918–1919 гг.), уже с учётом своего политического опыта пытались убедить представителей прежних венгерских эмиграций, осевших в Европе и в Америке, в том, что к установившемуся в Венгрии режиму следует отнестись менее лояльно. Правда, убедить в этом «староамериканских» венгров с их тоской по родине сначала было весьма затруднительно. Утвердившийся же в Венгрии коммунистический режим, желая восполнить значительные демографические потери, нанесённые войной и массовой эмиграцией, да и просто ради саморекламы, пытался одновременно представить внешнему миру привлекательный образ страны, строящей социализм. Кроме того, сначала пытался использовать для этой цели и ВСВ, воздействуя на осевших в странах Запада бывших трудовых мигрантов, приглашая их вернуться на родину. Официальный Будапешт, используя соответствующий приём и средства пропаганды, внушал бывшим соотечественникам, что послевоенная Венгрия стала подлинной «страной рабочих и крестьян». Политическая пропаганда режима Ракоши, несмотря на свои старания, в этом значительных успехов не достигла. Венгерские рабочие и некогда безземельные крестьяне, выехавшие на заработки на рубеже веков и в период между мировыми войнами, к тому времени уже успели обосноваться на Западе, интегрироваться в жизнь и структуру местного общества. У многих уже выросли там дети, а представители новых поколений не всегда спешили приехать на родину своих родителей.

В этой связи следует отметить, что официальный Будапешт, приглашая оказавшихся в западной эмиграции венгров вернуться на родину, применял

дифференцированный подход к различным группам эмигрантов. Он был готов принимать тех, кто покинул страну до войны, но иначе относился к тем, кто эмигрировал в конце войны или в последующие годы. Людей, эмигрировавших по политическим причинам, коммунисты считали своими идейными и политическими противниками. Их и не приглашали в страну, да те и сами не были готовы вернуться при существовавшей власти. Коммунисты фактически считали их предателями и врагами, во всяком случае, пособниками реакции, которые работали на укрепление капитализма, а, следовательно, ослабляли социализм, и поэтому им было отказано в доверии.

С конца 40-х годов режим М. Ракоши уже стремился перекрыть все каналы связи эмигрантов с родиной, причём независимо от того, когда они эмигрировали. Блокировалась личная переписка между родными. Письма чаще всего не доходили до адресата, изымались. И такая практика стала всеобщей в годы «холодной войны», когда страна оказалась герметически закрытой от внешнего мира. С возведением непроходимых кордонов «железного занавеса», изоляция страны от внешнего мира становилась всеобщей, а подход к эмиграции и эмигрантам полностью отрицательным. Правда, всё это не явилось чисто венгерской спецификой, ситуация была характерна для государств советского блока. Государственные границы Венгрии были закрыты, огорожены прежде непривычными для стран региона непроходимыми заборами с колючей проволокой, страна оказалась в состоянии изоляции. По обе стороны границы прервались все живые контакты, личные связи между людьми, тем более с живущими в эмиграции. И это неудивительно, ведь тоталитарный режим, следуя сталинским курсом во внутренней и внешней политике, с конца 40-х годов повсеместно искал, а если не находил, то искусственно конструировал «врагов», фабриковал судебные «дела», подтверждавшие ложный тезис об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму». В результате в Венгрии также воцарилась атмосфера всеобщей подозрительности и недоверия. «Врагов социализма» находили не только среди представителей, сошедших с исторической сцены слоёв венгерского общества, но даже в рядах самой компартии. Внутриполитическая ситуация, безусловно, сама стимулировала воздействие на эмиграцию ещё до утверждения режима диктатуры. К эмигрантам послевоенной волны (1945 г.), включая изгнанников 1947–1949 годов, отношение властей Венгрии вообще было особым, они лишились всякого доверия.

Несмотря на такое отношение к эмигрантам и внешнему миру, на воцарившуюся в ВНР атмосферу всеобщего недоверия, сами официальные круги ракошистской Венгрии не отказывались от попыток идейно-политического воздействия на западную эмиграцию, так и от внедрения в её ряды своих информаторов и агентов. Ведь представители спецслужб не упускали возможности иметь своих агентов и информаторов среди эмигрантов. Пользуясь отсутствием среди них единства и согласия, наличием в любой эмиграции со-

перничества отдельных руководителей, групп и направлений, собирали нужные сведения, а при необходимости распространяли слухи, становились возмутителями спокойствия, подрывая изнутри работу эмигрантских структур. Такого рода воздействие, естественно, осуществлялось и в рядах венгерской эмиграции по разным каналам и направлениям, хотя оно далеко не афишировалось. Наряду с пропагандой имиджа страны рабочих и крестьян, попыткой убедить эмиграцию в прочности и монолитности утвердившейся системы, благополучной ситуации в венгерской экономике и пр., официальные круги ВНР, безусловно, также практиковали внедрение своих агентов в эмигрантскую среду.

О конкретных действиях таких агентов в рядах западной венгерской эмиграции в 50-е годы известно мало, но они, несомненно, имели место. Явное подтверждение тому можно найти в книге бывшего агента коммунистов в западной эмиграции Миклоша Сабо *«Тихая война»*, мимо которой нельзя пройти исследователю проблем эмиграции. Она была издана в Венгрии в 1984 г. и в ней автор раскрыл историю своей деятельности в эмигрантской среде, которую осуществлял годами по заданию спецслужбы. Будучи задержанным тайной полицией, он был завербован и стал тайным агентом коммунистов на Западе. По признанию М. Сабо, его не только завербовали, но и должным образом подготовили, снабдили соответствующей легендой и направили на Запад с тем, чтобы мог внедриться в эмигрантскую среду. Как бывший депутат парламента от НПМСХ, Сабо, как никто другой, подходил для этой роли, и ему действительно удавалось успешно выполнять поручения своих хозяев среди венгерских беженцев 1956 г. и политэмигрантов на Западе. Там и до этого было немало эмигрантов, особенно представителей крупнейшей политической партии Венгрии второй половины 40-х годов, игравших к тому же важную роль в организации рядов всей венгерской эмиграции. Войти в эмигрантские структуры Сабо помогло то обстоятельство, что ранее он был лично знаком с Ф. Надем, поэтому его появление не вызвало подозрений и он мог легко внедриться в эмигрантскую среду, а в дальнейшем более-менее успешно выполнять роль внедрённого агента коммунистов.

Описывая в книге свою деятельность, М. Сабо отмечал, что ему легко удалось войти в доверие ничего не подозревавшего Ф. Нада и занять в структуре эмиграции хотя и не очень яркое, но всё же важное с информационной и организационной точки зрения место. Оставаясь в тени, ему по должности часто приходилось встречаться как с руководителями разных эмигрантских групп, так и с их связными, которые иногда приезжали из Будапешта. Сабо утверждает, что ему удавалось получать секретную информацию разного рода и характера, а затем, умело воспользовавшись ими, при конфиденциальных встречах и беседах сеять сомнение и недоверие, противопоставлять и сталкивать между собой руководителей разных групп политэмиграции²⁴⁹. Представля-

ется, однако, что этот агент, которому Ф. Надя и ВНК в сложных условиях 1956–1957 гг. доверили проведение работы в Европе по организации приёма беженцев венгерской революции, именно тогда имел наиболее широкие возможности воспользоваться своим положением. «Эмигрировавший» в конце 1955 г. М. Сабо, в 1957 г. выдал коммунистическим властям ВНР посланника венского Венгерского Революционного Совета Петера Реннера, которого казнили, добыл список политэмигрантов, которые дали в Вене свидетельские показания членам Комиссии ООН, снабжал Будапешт информацией об эмиграции. Объявление о его возвращении в Венгрию (в качестве человека и «некоммунистического политика», которому якобы надоел буржуазный западный мир и который, как «честный венгр» предпочёл вернуться на родину) было приурочено ко времени принятия в ООН заключительного документа специальной комиссии этой международной организации о событиях в Венгрии осенью 1956 г.²⁵⁰

Если верить этому агенту, именно его действия позволили внести разлад в отношения руководителей венгерской политэмиграции, добиться удаления из состава ВНК отдельных ведущих политиков, а затем оттеснить на задний план и Ф. Надя (с последующим его уходом из этого высшего руководящего органа эмиграции) и такого активного, энергичного и авторитетного члена Национального Комитета, как Имре Ковач, а также некоторых других представителей Крестьянской партии и Христианско-демократической фракции. Сабо утверждает, что было время, когда и «социал-демократы, начиная с Анны Кетли, Имре Селига и до Оливера Бенямина [бывший зам.начальника полиции г. Будапешта – Б. Ж.], уже не говоря о партийных деятелях более низкого ранга, все гражданские руководители эмиграции никому, кроме меня, больше не доверяли»²⁵¹. Возможно, в его словах есть некоторое преувеличение собственных заслуг (отдельные видные представители эмиграции ставили их под сомнение), однако, его агентурные действия безусловно имели место и вносили разлад в работу эмигрантских структур.

Коснувшись этого деликатного аспекта отношений и конкретного соприкосновения одного из агентов Будапешта с ведущими деятелями венгерских эмигрантских организаций на Западе, мы вынуждены отклониться от строгого соблюдения хронологического принципа изложения и, несколько забегаая вперёд, показать, чем в итоге закончилась деятельность М. Сабо среди эмигрантов. Для этого отметим, что вооружённое подавление венгерской революции 1956 г. привело к нарастанию новой, третьей по счёту массовой эмиграционной волны из Венгрии. В результате на Запад хлынули многочисленные беженцы, включая самих участников восстания, революционной борьбы и национального сопротивления. В тех условиях руководство венгерской эмиграции, собравшись силами под влиянием революции, от имени ВНК (но явно не без согласия тогда уже не совсем здорового Ф. Нады) для выполнения весьма ответственных поручений по организации приёма и работы с беженцами в Евро-

пу отправил М. Сабо. Ему было доверено формирование самостоятельного исполнительного комитета, который разместился поближе к Венгрии, на территории Австрии. Всё это позволило этому тайному агенту коммунистов стать официальным лицом в западной эмигрантской структуре. Он участвовал в создании там такого важного на том этапе самостоятельного органа, как эмигрантский Венгерский Революционный Совет (ВРС). Характерно, что к функциям ВРС были отнесены, кроме приёма и фильтрации беженцев, также контакты с председателем Европейского Совета ООН по делам венгерских беженцев-эмигрантов 1956 г. В результате в 1957 г. один из существенных ключевых и влиятельных постов формировавшейся тогда новой эмиграционной структуры фактически оказался не просто объектом воздействия, но и под прямым контролем «агента коммунистического Будапешта»²⁵². У Сабо был свободный доступ к конфиденциальной информации о беженцах и по своему усмотрению мог ею воспользоваться, оказывать воздействие на новое пополнение эмиграции и даже на оценку событий для международных организаций. Позже в качестве доказательства своих блестящих побед этот внедрённый агент не без основания и гордости ссылался на оценку своей роли таким видным политэмигрантом, как Дежё Шуйок. А тот, в книге «Несчастье венгерской эмиграции», изданной в 1962 г. в Нью-Йорке, в связи с образованием под руководством Сабо такого эмигрантского органа, как ВРС, в частности, писал: «Новое образование на самом важном участке, на австро-венгерской границе, в его лице было представлено таким образом агентом коммунистов»²⁵³. Когда в Национальном Комитете действия Сабо были раскрыты, уже было поздно что-либо исправить, время было упущено, да и он сам уже вернулся в Венгрию.

Возвращаясь к проблематике отношений венгерской западной эмиграции и Будапешта, необходимо отметить, что эта эмиграция долгими годами жила надеждами, что наступит возможность и уже близок час её коллективного возвращения на родину. Лидеры политэмиграции с самого сначала рассчитывали именно на это, а затем ожидали благоприятные перемены и более активные действия великих западных держав. Другой вопрос, что этой мечте эмигрантов, так и не получивших ожидаемой ими поддержки и помощи Запада для реализации планов по восстановлению демократии в Венгрии, так и не было дано осуществиться в тех конкретных геополитических условиях. Отсутствие должной эффективной помощи одних эмигрантов огорчало и постепенно превращало их в пессимистов. Взоры других, более осведомлённых в международной обстановке и следивших за переменами в Венгрии, с 1953 г. были обращены на обнадеживающие частичные коррекции в системе, на реформаторские попытки на родине и в некоторых других странах восточного блока. Конечно, на эти возможные перемены возлагали надежду лишь отдельные ведущие эмигранты, которые мыслили категориями мирного восстановления в Венгрии демократии образца 1945–1947 гг. Их ожидания разделяла лишь

демократическая часть политэмиграции. Надежду им давали реформаторские начинания И. Надя, вывод советских войск из Австрии, решения XX съезда КПСС, протесты венгерских писателей и дискуссии в клубе им. Петефи, некоторые уступки внутрипартийной оппозиции, удаление Ракоши с поста лидера ВПТ, т. е. проявления венгерской «оттепели». Эмигранты с надеждой наблюдали за этими изменениями, хотя разные группы эмиграции по-разному оценивали их. Лидер правоцентристского крыла социал-демократов К. Пейер и его окружение в Нью-Йорке, которые признавали коалиционную платформу 1945 г., например, считали все эти сдвиги на родине весьма обнадеживающими, отмечая, что венгерские рабочие близки к своему освобождению. Другие, как в частности, лондонская группа социал-демократов И. Селига, наоборот утверждали что, как действия И. Надя в 1953–1955 г. и писательской оппозиции приведут лишь к смене декораций. В то же время появление на посту генсека ВПТ Э. Герё, которого многие считали для Венгрии худшим вариантом, чем Ракоши, развеяло все надежды этих кругов эмиграции на реальные перемены.

Унынье долгого ожидания, нелёгкая судьба эмигранта уже в первой половине 50-х годов вызвали чувство разочарования и безысходности в эмигрантских кругах. Апатия начала охватывать многих представителей эмиграции, ожидавших реальную поддержку и решение проблемы от демократического Запада. Все эти чувства нашли яркое выражение в одном из произведений выше упомянутого писателя и поэта-эмигранта Шандора Марай. Его стихотворение «Поминальная речь», опубликованное в июне 1954 г., вызвало весьма живую реакцию сначала в эмиграции, а затем и на родине. По названию его произведение идентично одному из широко известных венгерских исторических документов, памятников средневековой национальной культуры. В стихотворении автор в довольно мрачном, пессимистическом тоне изложил свою исповедь о тяжелой судьбе эмигранта вдали от родины. Он выразил всю горечь чувств и переживаний живущего на чужбине венгра, оторванного от своих корней, родной национальной и языковой среды, и в стиле упомянутого документа – памятника древней венгерской письменности – рассуждал о животрепещущих проблемах его бытия, о нахлынувших волнах чувств и памяти, о влиянии на его повседневную жизнь чужой языковой и вообще окружающей среды, о прошлом, исчезающем в тумане... Написанное на болезненно актуальную для эмигранта тему, это литературное произведение, содержащее также обращение к оставшимся на родине интеллектуалам, вызвало бурю эмоций не только в эмигрантской среде, но и в самой ВНР. Недалом впоследствии «Поминальную речь» Марай не раз передавала в эфир и радиостанция Будапешта, а когда она стала доступной в виде опубликованного стихотворения, на него откликнулся известный венгерский писатель Арон Тамаш. «Под воздействием Твоего стихотворения меня всё сильнее

накрывают волны веры и здоровья, протестующие против его гнетущих глаголов, – писал он. – Затем, как только эти волны успокоились, я поставил на весы разума главный вопрос, который встает не только перед нами, венграми, где бы мы ни находились, но и перед всей нацией, пульсирующая звезда которой будет светить гораздо дольше, чем длится борьба наших современников. Ты ответил на этот вопрос обломками веры и обломал крылья надежды. Разум, который спешит понять человеческую душу и ценного друга, пытается найти причину Твоих сумрачных жалоб и упрёков, и понять их»²⁵⁴.

Автор стихов, эмигрант Марай, не медля с ответом, в частности, писал: «Мне, как и всем венграм за рубежом, поразительно было наблюдать, кто выступит от имени венгерской литературы и какотреагирует на родине. Мы ищем оправдание тем, кто вынужден выступать в условиях самовластия. При всём многообразии ностальгии по родине, которую мы испытываем, с тоской вспоминаем тех коллег-писателей, которые остались дома и имеют возможность молчать. Об этих мгновениях и повествует „Поминальная речь“. Но уже прошло пять лет, и представляется, что стихотворение только сейчас дошло до Арона Тамаши, который отвергает пессимизм стихотворения и требует от автора, от живущих на свободной земле писателей вообще, произведений, излучающих веру и надежду»²⁵⁵. В заключение Ш. Марай на сей раз выразил надежду, что придёт час, когда все «народы-невольники» обретут свободу от тирании. И в этом он не ошибся, хотя сам уже и не застал эти перемены, скончавшись в 1989 г. на 90-м году жизни. Кстати, редакция эмигрантского журнала «Латохатар», хотя и не разделяла все позиции, выраженные Марай в его ответном письме, все же решила на повторную публикацию его стихотворения «Поминальная речь», поместив рядом с ним и ответ поэта своему коллеге из Венгрии. Редколлегия журнала в то же время расценила реакцию литературного Будапешта как первый признак готовности официальных венгерских властей к налаживанию контактов с писателями в эмиграции. Ведь тем самым действительно «блеснула искорка надежды» на диалог власти с эмиграцией.

Прошло немного времени, и Венгрия взбунтовалась против сил тоталитаризма, совершив в 1956 г. стихийный революционный прорыв к свободе, точнее попытку завоевать её. Характерно, что венгерская эмиграция, даже её самые информированные руководящие деятели, – впрочем, как и литераторы в эмиграции, включая работавших в редколлегиях журналов, которые внимательно следили за переменами на родине, – не ожидали такого поворота событий. Тем более не была готова к этому революционному порыву и основная масса венгерской эмиграции на Западе. Эмигранты не предполагали такой стихийной вспышки протеста, такого проявления народного гнева и массового выступления против ненавистного режима, которые переросли в революцию, потрясли и удивили весь мир.

Венгерская революция (23 октября – 4 ноября 1956 г.), как и её последующие арьергардные бои (до 11 ноября) по защите, казалось бы, уже достигнутых реальных завоеваний, застали национальную эмиграцию на Западе врасплох. В полном неведении были и её лидеры. «В начале сентября ещё никто и подумать не мог, что из брожения в Венгрии вырастет народное восстание и революция, – писал впоследствии Д. Борбанди. – Число тех, кто летом 1956 г. считал партийную оппозицию и сопротивление венгров достаточно сильными для того, чтобы заставить Москву и Будапешт пойти на уступки, было исключительно ничтожным». Перелистав впоследствии всю эмигрантскую печать, досконально изучив политические заявления, будучи эмигрантом, Борбанди пришёл к заключению, что в эмиграции «никто не рассчитывал на вооружённое выступление» и что революция «застала эмиграцию 23 октября 1956 г. совершенно неподготовленной»²⁵⁶. Революционные события в ВНР стали полной неожиданностью также для представителей Венгерского Национального Комитета. Говорить о каких-либо взаимоотношениях, тем более официальных, между этим главным эмиграционным центром и правительством революционной Венгрии во главе с Имре Надем вообще нельзя, ведь между ними даже контакты не были установлены.

Одним из доказательств, подтверждающих неожиданность для западной венгерской эмиграции произошедшего в Венгрии осенью 1956 г. революционного взрыва и неподготовленность к нему даже руководителей ВНК, является то, что такой ведущий политэмигрант, как Ференц Надь, почти на то же время запланировал участие в международной программе, весьма далёкой от проблем революции. Ему предстояло участие 28–30 октября в работе Международного крестьянского союза, и он готовился лететь в Париж, где предусматривалось его выступление с докладом на конгрессе этой организации. Оказавшись в Европе в указанные дни, он, конечно, попытался воспользоваться случаем и в последний день форума на свой страх и риск выехал в Вену. К нему, однако, сразу же явился представитель от Юлиуса Рааба, федерального канцлера республики, главы Австрийской народной партии, с которым он состоял в дружеских отношениях, и, выразив опасение относительно его возможного ареста советскими войсками, посоветовал немедленно покинуть Австрию. Как выяснилось впоследствии, это было сделано по подсказке американцев, которые хотели избежать возможных дипломатических осложнений и риска для Австрии, лишь недавно получившей статус нейтрального государства. Ф. Надю пришлось сразу же уехать в Базель, откуда 2 ноября 1956 г. он позвонил экс-президенту Венгрии Золтану Тилди, заявив о своей готовности представлять революционную Венгрию в ООН. В ответ, однако, услышал, что это невозможно, т. к. Анна Кетли уже находится в Вене и она будет представлять там венгерское правительство²⁵⁷. Здесь следует отметить, что в условиях формирования многопартийного правительства И. Надя кандида-

тура Кетли была предложена возрождавшейся Социал-демократической партией. Она 2 ноября она стала членом нового кабинета в качестве государственного министра и находилась в его составе по 4 ноября 1956 г.

Политэмиграция на Западе, и на это также следует обратить внимание, далеко не сразу поверила Имре Надю и приняла устремления его правительства. Развитие революционного процесса в октябре 1956 г. создало, однако, условия, когда малочисленные левые и часть центристских политических сил демократической эмиграции постепенно могли удостовериться в том, что Надь стремится к мирному преодолению кризиса, восстановлению реальной многопартийности и суверенитета Венгрии. Таким образом, отнюдь не вся эмиграция и не сразу начала доверять ему. Признание пришло действительно позже, отношение начало меняться постепенно, но сомнения у эмиграции оставались до самого конца. Такая задержка с признанием революционного премьер-министра Венгрии среди прочих причин явно была связана с тем неоспоримым фактом, что западные радиостанции долгое время представляли И.Надя исключительно в качестве исполнителя воли Кремля, именуя его ставленником Москвы.

Впрочем, активность эмигрантов на Западе в дни венгерской революции 1956 г. оказалась не столь высокой, как то можно было бы предположить по устремлениям и прежним лозунгам лидеров политэмиграции. В такой реакции, безусловно, просматриваются такие факторы, как неожиданность революционного взрыва и недоверие к И. Надю. И хотя эмиграция постепенно, но с явным опозданием начала «просыпаться» почти в каждой из западных стран, где были венгры, с 4 ноября 1956 г. так или иначе уже развернулись движения солидарности с борющейся Венгрией. Эмигранты и венгерские землячества в той или другой форме выражали свою поддержку защитникам революционных завоеваний, требовали от правительства стран, в которых жили, вмешаться и поднять голос в защиту Венгрии. И, тем не менее, можно считать, что реакция венгерской эмиграции в целом на революционные события в стране всё же оказалась запоздалой. Эмиграция активизировалась, в основном, уже в условиях второго вооружённого вторжения советских войск и после подавления революции. Как конкретно реагировали отдельные эмигрантские центры в разных странах на революцию, проанализировать здесь по ряду причин нет возможности, однако, некоторое представление об этом может дать, в частности, пример Канады, где венгерская эмиграция и диаспора были довольно значительны иотреагировали, впрочем, в числе первых.

В Канаде к 1956 г. уже выросли целые поколения венгерских эмигрантов, которые с самого начала зорко следили за ходом революции, проявляя не только живой интерес к событиям, но и политическую активность и выразили протест против внешнего военного вмешательства. Венгерская диаспора Канады в лице союза *Монреальских церквей и религиозных общин*, а также культурно-

го объединения «*Венгерский Геликон*» в Торонто, уже 24 октября обратилась к премьер-министру страны Л. С. Лорену, призвав его «принять самые срочные меры против интервенции и оказать всяческую помощь венгерскому народу в его борьбе за свободу и независимость». Днём позже с аналогичным обращением выступила *Первая Венгерская пресвитерианская церковь*, требуя заявить протест в Совете Безопасности ООН и призвать к немедленному выводу из Венгрии советских войск. Большинство венгров Канады при этом решительно отказывало доверять и коммунистической реформистской интеллигенции, которая пыталась вывести страну из кризиса, так и политической элите ВНР. Самые разные организации, общества и объединения канадских венгров пытались оказать давление на правительство страны, отправив в его адрес несколько десятков телеграмм с требованием срочного вмешательства²⁵⁸.

Канадская эмиграция венгров в местах сосредоточения национальной диаспоры, – наиболее крупная община была в Монреале, – проводила собрания и митинги, участники которых уже 27 октября 1956 г. со всех концов страны обращались к правительству с требованием поставить вопрос о защите суверенитета Венгрии в ООН. Официальные круги Канады к активным действиям приступили, однако, лишь после того, как представитель Иммиграционного управления страны В. Г. Агню проинформировал руководителя МИД Канады Л. Б. Пирсона о том, что канадские венгры 28 октября собираются провести митинг протеста перед советским посольством. Глава внешнеполитического ведомства тогда согласился принять делегацию *Венгерского Национального союза* Канады. В результате МИД отправил телеграмму представителю Канады в ООН с поручением «выразить протест против насилия, ущемления прав человека и нарушения мирного договора 1947 г.»²⁵⁹. Кроме того, Пирсон произнёс речь в Торонто, где говорил о «смелости и гордости венгров», выразил надежду, что они «свою борьбу доведут до конца». Глава канадского МИДа отметил заслуги студентов и рабочих Будапешта, но затем задал риторический вопрос: «Что же мы можем сделать в данной ситуации?». Венгерские общины Канады, однако, не сдавались, продолжали направлять правительству новые телеграммы.

В резиденцию премьер-министра Канады в Оттаве 27–28 октября поступило много телеграмм с выражением поддержки и солидарности с венграми также от канадских землячества хорватов, эстонцев, литовцев и финнов. Особую активность проявляла *Венгерская община Монреаля*, организовав у своей церкви на центральном бульваре города поминальную службу в память о погибших в боях за свободу на улицах Будапешта, там же была организована сдача крови для отправки в Венгрию. Все эти действия заставили МИД и премьер-министра Канады уделять Венгрии подчёркнутое внимание. Вечером 27 октября в Торонто более 3000 венгров организовали шествие, завершившееся символическим возложением венков к могиле неизвестного солдата в память о по-

гибших соотечественниках. В другой венгерской церкви города (в храме Св. Елизаветы) 800 венгерских эмигрантов в траурной одежде 28 октября приняли участие в поминальной службе по павшим в уличных боях Будапешта.

Венгерские эмигранты повсеместно выходили на улицы, демонстрируя свою солидарность с борющейся Венгрией. В Оттаве на митингах и в демонстрациях участвовали не только местные венгры, но и около 600 приехавших делегатов, представителей других регионов Канады. И хотя полиция не давала согласия на проведение этих мероприятий, они прошли организованно и без нарушений. Подобные шествия состоялись и в Гамильтоне, Велланде и Виндзоре. Пожилые канадцы венгерской национальности вынашивали планы создания отряда «легионеров свободы» и призывали отправить их в Венгрию, что наводило страх на канадских чиновников. Правда, канадский МИД на словах не возражал против набора добровольцев, но при этом, на всякий случай, посоветовался и с соответствующим департаментом США. На запрос был получен краткий ответ: «американским гражданам с 3 февраля 1956 г. запрещено посещение Венгрии».²⁶⁰

События в Венгрии отразились и на коммунистическом движении Канады. «Пребывание советских войск в Будапеште только возмутило людей и привело к разрастанию восстания. Право на национальное самоопределение – неотъемлемое право всех венгров и каждого демократически мыслящего человека», – писала 1 ноября 1956 г. венгерская газета компартии Канады «*Kanadai Magyar Munkás*» («*Канадаи мадьяр мункаш*» – «*Венгерский рабочий Канады*»). Газета коммунистов, хотя и одобрила вывод советских войск из Будапешта 30 октября, призвала своих читателей оказывать помощь венграм в их дальнейшей борьбе. Она выразила надежду, что мир в Венгрии будет восстановлен и заключила: после случившегося «социализм уже больше никогда не может оставаться непорочным».

Характерно, что со 2 ноября 1956 г. уже вся канадская общественность выражала чувство солидарности с революционной Венгрией, официальные круги, ранее проявившие осторожность, сами присоединились к ней и благодарили своих венгров за активные действия в защиту венгерского народа. Министр канадского правительства Д. Пайкерсджилл, ответственный за иммиграционные и гражданские дела в стране, лично приехал к главе МИДа, чтобы передать ему пожелания канадских венгров. Случилось это в день, когда газеты сообщили о вводе нового контингента советских воинских формирований на территорию Венгрии. На следующий же день указанная газета коммунистов выступила с осуждением США и всего западного мира, обвинив их в медлительности и в упущенной возможности оказать действенную помощь революционной Венгрии.

4 ноября 1956 г., когда советские войска штурмовали Будапешт с нескрываемой целью свержения правительства И. Надя, венгерская община Канады за подписью 500 чел. направила телеграмму главе канадского правительства,

в которой, в частности, отмечалось: «От имени граждан венгерского происхождения, проживающих в Эдмонтоне штата Альберта и на его окраинах, просим Вас предпринять все необходимые меры для помощи нашим соотечественникам в Венгрии, которые сейчас подвергаются советскому вторжению. Все венгры Канады и мира до конца жизни будут благодарны Вам и вашему правительству за любую помощь, которую Вы можете оказать нашей родине в её смертельной схватке. Да здравствует свобода!»²⁶¹

Разумеется, ни венгерские эмигранты в Канаде, ни вся западная эмиграция в целом, сами по себе осенью 1956 г. были не в состоянии оказать реальную помощь и поддержку борющейся Венгрии. Характерно, что директор ЦРУ США Аллен Даллес после 23 октября 1956 г. со своими специалистами долго обсуждал вопрос о том, что можно бы предпринять в интересах восставшей Венгрии. Как утверждает американский дипломат Джеймс Г. Маккергар, в итоге он пришёл к выводу, что «Соединённые Штаты ни в военном отношении, ни секретными путями не могут предпринять ничего, что могло бы оказать положительное воздействие на судьбу Венгрии»²⁶². Решить эту задачу могли бы лишь совместные и согласованные политико-дипломатические действия властных кругов США и других влиятельных великих держав, однако они явно не желали рисковать ради Венгрии и портить отношения с СССР. В этом вопросе достаточно показательна позиция руководства США. Оно, как известно, уже в самом начале появления внутривосточной напряжённости в Венгрии по разным каналам давало знать обитателям Кремля, что регион Восточно-Центральной Европы не входит в зону стратегических интересов Америки. Тем самым оно определило свою позицию и, по сути, предоставило советской стороне полную свободу действий в регионе, включая решение венгерского вопроса. В этой связи достаточно обратиться к записи в дневнике президента США Дуайта Эйзенхауэра, в котором по свидетельству исследователей, в дни венгерской революции характерным образом даже не упоминалась проблема советского военного вторжения в Венгрию. Она возникла лишь 4 ноября при повторном массированном наступлении советских войск, направленных уже на окончательную ликвидацию завоеваний, казалось бы, уже победившей венгерской революции (А. Даллес 1 ноября ещё не без удивления называл её настоящим «чудом») и на отстранение от власти правительства И. Надя. Эта первая запись в дневнике президента США, по свидетельству американского дипломата Р. Л. Гертхоффа, появилась в связи с тем, что, по словам президента, после 4 ноября «советское военное вторжение само собой разумеющимся образом требовало противопоставить что-то этой варварской военной инвазии». Однако в данных географических и военно-тактических условиях США и не думали оказывать военную поддержку Венгрии. По сути, такой вариант и не обсуждался с учётом возможных военных и политических последствий такого шага. В результате 8 ноября президент на заседании Совета национальной безопасности, где проблема стояла на повестке дня, после

оценки ситуации А. Даллесом на базе свежих донесений из Будапешта, дилемму без какого-либо обсуждения закрыл. Он объяснил это тем, что поскольку нет возможности оказать военную помощь Венгрии и вообще ничего нельзя сделать, её обсуждение беспредметно, более того, нецелесообразно даже прерывать «дипломатические отношения с Советами», так как «от этого мы ничего не выиграем», а «Советам это будет безразлично»²⁶³. В этой связи нельзя не отметить, что в тех исторических условиях руководство США (если не считать заявление государственного департамента от 27 октября 1956 г., в котором говорилось о том, что США не собираются сделать Венгрию своей союзницей по НАТО) мало что сделало для того, чтобы повлиять на принятие советским руководством решений в отношении Венгрии, и оставалось наблюдателем событий.

Сошёл же ещё на одну оценку тогдашней ситуации. Её сделал выходец из Венгрии, бывший журналист и эмигрант 1956 г., с 1962 г. преподаватель Колумбийского университета, а позже близкий к высшим политическим кругам США известный американский политолог, в 1995 г. главный советник госдепартамента США Чарльз Гати, автор ряда книг о политике США и СССР, а с конца XX века научный сотрудник Института внешней политики Джона Гопкинса. Касаясь данного вопроса, он, в частности, писал: «Вашингтон так никогда и не признал, какой вред он нанёс венгерской революции». Гати привёл слова Д. Эйзенхауэра, произнесённые во время переизбрания на пост президента в качестве ответа на заданный ему вопрос о венгерских революционерах 1956 г.: «Бедные ребята... Я всё время о них думаю. Если б только им можно было помочь!»²⁶⁴. Изданные позже дневники президента подтверждают, что эти фразы отражали позицию и суть американской политики, которая заведомо исключала любые предупредительные, а тем более решительные действия. Пропагандистские фразы и обещания, данные венгерским эмигрантам правящими кругами этой могущественной державы в 1956 г., лишь обнадёживали, но не исполнялись. Несколько иными, хотя также довольно медлительными и сдержанными, были действия других западных стран во время венгерской революции, да и после её поражения, когда беженцы массами уходили из страны и пополняли ряды эмиграции на Западе.

Затронув эти основные аспекты реагирования политических кругов Запада и самой венгерской эмиграции на революционные события в Венгрии осенью 1956 г., характеризуя их отношение к стране и к борющемуся за свою свободу народу, нельзя обойти и здесь при подведении некоторых итогов существенные расхождения между обещаниями и реальными действиями тех же США. Они особенно остро бросались в глаза во время венгерской революции и национального сопротивления. Тогда политики и официальный пропагандистский аппарат страны давали обнадёживающие обещания о помощи повстанцам, как и ранее политэмигрантам 40-х годов об оттеснении коммунизма (roll back), однако на практике существовало явное несовпадение

этих намерений и обещаний. Освободительная миссия не реализовалась и в 1956 г.

Не преувеличивая роль и значение западных радиоголосов для венгерского национального сопротивления в октябре-ноябре 1956 г., всё же следует отметить, что на их оживлённом фоне несколько странными казались определённая медлительность и запоздавшая реакция самих эмигрантских кругов. Ведь радиостанция «Свободная Европа» (СЕ), выполнявшая явный заказ официальных американских кругов, даже после 4 ноября 1956 г. в условиях массивированного советского вооружённого наступления на силы защитников венгерской революции, продолжала обнадёживать венгерских борцов за свободу. Она вещала о скором приходе реальной военной помощи и поддержки, хотя таковые, как оказалось, вовсе не предполагались. Призывы к дальнейшему сопротивлению звучали и тогда, когда государственный департамент США уже давно занимал совершенно иную позицию. Нельзя не отметить, что во всём этом чётко проявлялась двуличность политических кругов этой страны по отношению к борющейся Венгрии. Явные расхождения между официальной американской политикой и официальной же пропагандой вскоре выявила сама жизнь. Ситуация отразилась и на отношении к США тех беженцев и эмигрантов 1956 г., которые ранее активно участвовали в вооружённом сопротивлении, стали представителями новой венгерской политэмиграции. Они справедливо критиковали радиостанцию СЕ, мягко говоря за далеко не объективную информацию, которую она передавала в эфир, обращаясь к участникам вооружённого сопротивления и призывая их бороться до последнего, обещая им скорой и эффективной помощи в дальнейшей борьбе. С другой стороны, нельзя не отметить, что на тех же радиоголосах уже годами работала некоторая часть венгерских эмигрантов, вовлечённая в процесс ретрансляции недостоверных обещаний американской политики и пропаганды. Правда, многие из сотрудников той же радиостанции СЕ были убеждены в реальности обещаний политических кругов Запада и надеялись, что США не оставят борющихся за свою свободу венгров без действенной поддержки, что в последний момент придут на выручку, спасут дело венгерской свободы и независимости.

Венгерские эмигранты, работавшие на радио СЕ, осознали нереальность ожиданий, двойственность собственного положения и то, что ими воспользовались только тогда, когда уже было поздно. Разочарование у них, как и у участников вооружённого сопротивления, наступило только тогда, когда выяснилось, что обещания, о которых говорилось в передачах, никто и не собирался выполнять, что о вооружённом вмешательстве, поддержке вообще не могло быть и речи. В этой связи сошлёмся на инцидент, который имел место 4 ноября 1956 г. Он описан в книге Борбанди. Все сотрудники венгерской редакции радиостанции СЕ тогда подали заявление о коллективном увольнении с работы. И хотя главный редактор Андор Геллерт не принял их отставки, и по контракту им пришлось продолжить работу, они, как и вся западная венгер-

ская эмиграция, осознали – лимит безграничного доверия к безответственной политике исчерпан²⁶⁵. Поступок радиожурналистов не остался без последствий ни для радиовещания, ни для судьбы всей эмиграции. Прежнее доверие к политическим кругам США было подорвано, его и для эмиграции больше не существовало.

Здесь уместно напомнить, что эмиграцию к «отрезвлению» уже ранее призывал Имре Ковач. В столь неожиданной для эмиграции на Западе венгерской революции 1956 г., хотя и подавленной, он характерным образом узрел «крах политики подавления». В своём эссе к 70-летию крестьянского писателя-народника и партийного политика Венгрии Петера Вереша Ковач показал, что для Венгрии осенью 1956 г. существовала другая альтернатива, которую коммунистам предлагали тогда народные писатели. Они видели её «не в свержении, а в замене коммунизма», предлагали вместо него «новый политический и общественный порядок на базе социализма, причём такого по форме, который напоминал бы порядки английских лейбористов или скандинавских социал-демократов». Писатели-народники, по словам Ковача, искали «не компромисс между капитализмом и коммунизмом», а предлагали третий путь общественно-политического развития. При этом он подчёркивал, что «в революции 1956 г. третий путь означал бы выход Венгрии из блоковых систем Востока и Запада и утверждение страны в качестве нейтрального государства»²⁶⁶. Конечно, оставшиеся на родине писатели, как и эмигрант Ковач в далекой Америке, допуская такой вариант развития Венгрии, недостаточно учитывали реальную международную и блоковую геополитическую ситуацию. Им казалось, что нейтральный статус Венгрии был бы приемлем как для Запада, так и для Востока. Их на это вдохновил пример соседней Австрии, получившей такой статус в 1955 г. Однако, в этом вопросе как писатели, так и эмигранты упускали из виду, что Венгрия – в отличие от Австрии – уже член СЭВ и ОВД, и её выход из этих организаций невозможен по геополитическим причинам, он противоречил бы интересам СССР, чьи воинские формирования, базируясь на территории страны, прикрывали западное и южное направления блокового противостояния.

Венгерскую революцию 1956 г. Ковач считал проявлением «сильного народного заряда» со «стихийно возникшими революционными Советами, которые имели похожие программы». Её подавление потрясло писателя и крестьянского политика, впрочем, как и остальных венгерских эмигрантов на Западе. Взвешивая варианты возможного выхода из уже сложившейся после-революционной ситуации и надеясь на политическое урегулирование проблемы с последующей стабилизацией положения в стране, он надеялся на такой «компромисс между народом и коммунистами», при котором не вынуждали бы народ сдавать свои позиции и поделились бы с ним властью. Самым подходящим вариантом Ковач считал возобновление «рамки коалиции образца сорок пятого года и проведение свободных выборов в удобное на то время»²⁶⁷.

Развитие прошло, однако, по другому пути и далеко не по предполагаемому Ковачем сценарию. Стабилизация положения в ВНР в начале 60-х годов была достигнута, но она осуществлялась по совершенно иным критериям и привела не к восстановлению демократической многопартийности, а ко «второму изданию» социализма советского типа, правда, в его несколько модифицированном, кадаровском варианте. При нём страна в дальнейшем открылась миру и была готова к диалогу с эмигрантами.

Примечания

- ¹ *Puskás Julianna*. Kivándorló magyarok az Egyesült Állomokban 1880–1940. Bp., 1982, 744. o.
- ² Kivándorlás – a „szidőkérdés megoldása”? // *Az 1944. év története*. Bp., 1984, 23. o.
- ³ *Ibidem*
- ⁴ *Zoltay Dénes*. Egy osztatlan életmű // *Társadalmi Szemle*, 1981., 2.sz., 50. o.
- ⁵ См.: Газета «Сегодня», 21 сентября 1994; *Magyar Nemzet*, 1994. július 11.
- ⁶ Факты о Венгрии, МИД ВР. Будапешт, 2004, С.4
- ⁷ См.: *Fermi, Laura*. Illustrious Immigrants. The intellectual Migration from Europe. 1930/41. 2nd Ed. Chicago – London. 1971; *Lengyel, Emil*. Americans from Hungary // *The Peoples of America Series*. Ed.: Louis Adamic. Philadelphia-New York, 1948
- ⁸ Цит. по: *Puskás Julianna*. Op. cit., 744. o.
- ⁹ *Népszabadság*, 2006. november 17.
- ¹⁰ Подробные сведения о программе см.: *Dombrády Lóránd, Tóth Sándor*. A Magyar Királyi honvédség. Bp., 1987. 112–125. o.
- ¹¹ *Fülöp Mihály, Sipos Péter*. Magyarország külpolitikája a XX. században. Bp., 1998, 206. o.; *Gergely Jenő*. Magyarország története 1919 őszétől a második világháború végéig. Bp., 1990, 46. o.
- ¹² *Zseliczky Béla*. Kárpátalja a cseh és szovjet politika érdekerében 1920–1945. Bp., 1998, 37–50. o.
- ¹³ *Kapronczai Károly*. Menekültek Magyarországon... // *Valóság*, 1993, 2. sz., 45–51. o.
- ¹⁴ *Fülöp Mihály, Sipos Péter*. Op. cit. 224. o.; *Gergely Jenő*. Op. cit., 46. o.
- ¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Ф. 077, Оп. 24, П. 112, Д. 2., Л. 101
- ¹⁶ *Gergely Jenő*. Op. cit., 94. o.
- ¹⁷ *Fülöp Mihály, Sipos Péter*. Op. cit., 237. o.
- ¹⁸ *Für Lajos*. Mennyi a sok sirkeszerest? Magyarország embervesztése a második világháborúban. Bp., 1989., 52. o.; *Thirring Lajos*. Terület és népesség // *A mai Magyarország*. Bp., 1947, 68–69. o.
- ¹⁹ *A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál*. Bp., 1959, 9–372. o.
- ²⁰ АВП РФ, Ф. 077, Оп. 24, П. 112, Д. 2., Л. 101–102.
- ²¹ *Borbándi Gyula*. A magyar emigráció életrajza, 1945–1985. Első kötet. Bp., 1989., 14. o.
- ²² *Borús József*. Magyarország felszabadítása. Bp., 1975., 23–25. o.
- ²³ *Juhász Gyula*. Történelmi tapasztalat és történelmi tudat. A Horthy-rendszerrel és a második világháborúról // *Látóhatár*. 1983. november, 115. o.
- ²⁴ *Magyarország története*, 8. kötet, Bp., 1976, 1213. o.
- ²⁵ *Gudenus János, Szentirmai László*. A magyar arisztokrácia sorsa 1945 után // *Valóság*, 1987., 5. sz., 37–40. o.
- ²⁶ *Ibidem*, 41. o.; *Csepel története*, Bp., 1965, 92. o.
- ²⁷ *Санто, Миклош*. Указ. соч., С.77
- ²⁸ *Thirring Lajos*. Magyarország lélekszámának és nyers népmozgalmi arányszámainak számítási módjai a alakulásuk 1930 óta // *Magyar Statisztikai Szemle*, 1937, 6.sz., 549. o.; *Magyarország története*. 1918–1919, 1919–1945., Bp., 1976, 767. o.

- ²⁹ *Für Lajos*. Op. cit., 36–38. o.
- ³⁰ *Ibidem*, 35. o.
- ³¹ *Szántó Miklós*. Gondolatok az emigrációról. // *Vigília*, 1971. 9. sz., 600. o.
- ³² *Für Lajos*. Op. cit., 37–38. o.
- ³³ *Ibidem*
- ³⁴ *Ibidem*, 37. o.
- ³⁵ *Balogh Sándor*. Jelenkori népvándorlás. Kitelepítés és lakosságcsere Magyarországon a felszabadulás után // *Látóhatár*, 1982. március, 197–198. o.
- ³⁶ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 18–19. o.
- ³⁷ *Ibidem*, 19. o.
- ³⁸ *Szántó Miklós*. Op. cit., 600. o.
- ³⁹ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 18. o.
- ⁴⁰ *Szóts István*. Ember a havasokból // *Látóhatár*, 1990. május, 198. o.
- ⁴¹ Цит. по журналу „Régió”, 1993. 2. sz., 202–205. o., с ссылкой на статью *Albrich, Tomas*. Assyländ wider Willen // *Die beformundete Nation. Österreich und die Alliierten 1945–1949*. Innsbrucker Forschungen zur Zeitgeschichte. Bd.4. Innsbruck, 1988
- ⁴² *Brandt, Juliane*. Ungarische Exilliteratur und die ungarisch-ungarischen literarischen Beziehungen – Versuch einer Annäherung // *Hungarologia 4*. Nemzetközi Hungarológiai Központ, Bp., 1993. 205. o.
- ⁴³ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 21–22. o.
- ⁴⁴ *Ibidem*, 22–23. o.
- ⁴⁵ *Stark Tamás*. Magyarország második világháborús embervesztesége. Bp., 1989, 56. o.
- ⁴⁶ *Korom Mihály*. A magyar népi demokrácia első éve, 1944–1945. // *Látóhatár*, 1984. május – június, 204–205. o.
- ⁴⁷ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 20–21. o.
- ⁴⁸ Emlékkönyv a sztalinizmus kárpátaljai áldozatairól (1944–1946). Ungvár-Budapest, 1993, 282–29. o.; *Botlik József*. Közigazgatás és nemzetiségi politika Kárpátalján. II. Nyíregyháza, 2005, 247–254. o.; 60 éve hürcolták el a kárpátaljai férfilakosságot // *Acta Beregsasiensis*. Beregszász, 2005., 8–68. o.
- ⁴⁹ *Kisbarnaki Farkas Ferenc*. Az altöttingeni országgyűlés. München, 1969, 12. o.; *Borbándi Gyula*. Op. cit., 22. o.
- ⁵⁰ *Stark Tamás*. Op. cit., 38. o.
- ⁵¹ *Jósfai János*. Magyarok a nagyvilágban. Beszélgetés dr. Gosztonyi Jánossal, a Magyarok Világszövetsége főtítkárával. // *Új Látóhatár*, 1984. május-június, 331. o.
- ⁵² Подробнее см: *Желицки Б. Й.* Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957) // *Новая и новейшая история*, 1996, № 2-3
- ⁵³ *Stark Tamás*. Op. cit., 57–58. o.
- ⁵⁴ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 129. o.
- ⁵⁵ *Ibidem*, 115. o.
- ⁵⁶ *Ibidem*, 110–112. o.
- ⁵⁷ *Ibidem*, 114. old.; *Nagy Iván*. Op. cit., 381. o.
- ⁵⁸ *Ibidem*
- ⁵⁹ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 115, 123. o.
- ⁶⁰ *Ibidem*, 117. o.
- ⁶¹ *Ibidem*, 122. o.
- ⁶² Kivándorlók – „amerikások” // *Látóhatár*, 1984. augusztus, 141. o.
- ⁶³ *Zika Klára*. Így van együtt a tizenhat millió magyar. // *Magyar Hírek*, 1991. február, 24–29. o.
- ⁶⁴ *Népszabadság*, 2006. december 12.
- ⁶⁵ *Népszabadság*, 2007. január 15.
- ⁶⁶ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 124–125. o.
- ⁶⁷ *Móricz Kálmán*. Szabadság és lehetőség. Beszélgetés Pordány Lászlóval, Magyarország ausztráliai és új-zélandi nagykövétével // *Magyarország és Európa*. Bp., 1993., 1. sz., 63. o.

- 68 Nagy Kázmér. Az én Ausztráliám. Bp., 1976, 144–145. o.
- 69 Borbándi Gyula. Op. cit., 124–126. o.
- 70 Móricz Kálmán. Op. cit., 66. o.
- 71 Borbándi Gyula. Op. cit., 339. o.
- 72 Száznegyven év // Új Látóhatár, 1970., 5. sz. 412. o.
- 73 Madarász László. Kossuth braziliai hívei nyomdokában // Látóhatár, 1983. augusztus, 116, 117. o.
- 74 Haynalné Kesserü Zsuzsanna. Jelentés Dél-Amerikából. // Magyar Kultúra 2., Hága, 2008, 22. o.
- 75 Ibidem
- 76 Madarász László. Op. cit., 119–120. o.
- 77 Haynalné Kesserü Zsuzsanna. Op. cit., 24. o.
- 78 Korom Mihály. A magyar kommunista emigráció vezetőinek tevékenysége a Szovjetunióban a második világháború idején // Múltunk, 1997, 2. sz., 38–39. o.; Petrák Katalin. Magyarok a Szovjetunióban. 1922–1945., 373–374. o.
- 79 Petrák Katalin. Magyarok..., 381–382, 387–398. o.
- 80 Hegedűs B. András. Rákosi szive vagy sajátos ajándékok a magyar forradalom történetéhez // 1956-os Intézet Évkönyv IV. 1998, Bp., 1998, 325–326. o.
- 81 Rákosi Mátyás. Visszaemlékezések 1940–1956., I. köt. Bp., 1997, 194–195. o.
- 82 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф.495, Оп. 74, Д. 119, Л. 32
- 83 Moszkvának jelentjük... Titkos dokumentumok, 1944–1948. Bp., 1994, 11–16. o.
- 84 РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 74, Д. 119, Л. 36–38
- 85 Nagy Ferenc. Küzdelem a vasfüggöny mögött. Bp., 1990, 108, 109. o.
- 86 Urbán Károly. Révai József (1898-1959) // Párttörténeti Közlemények, 1978., 3. sz., 211. o.
- 87 Ижак, Лайош. Политическая история Венгрии, 1944–1990. М., 2006. С. 40.
- 88 Farkas Vladimir: Nincs métség. Az ÁVH ezredese voltam. Bp., 1990, 629. o.
- 89 Rákosi Mátyás. Op. cit., 1. o.
- 90 Ижак, Лайош. Указ. соч. С. 38
- 91 Nagy Ferenc. Op. cit., 108. o.
- 92 Ижак, Лайош. Указ. соч., С. 35; РГАСПИ, Ф.17, Оп. 128, Ед. хр. 750, Л. 194–198.
- 93 Horváth Csaba. Magyarország 1944-től napjainkig. Pécs, 1992, 30. o.
- 94 Új Magyar Központi Levéltár (ÚMKL), XVII – 7, 3. doboz IV, 1. l.
- 95 АВП РФ Ф. 077, оп. 24, п. 112, д. 5, л. 15–28 ; Желицки Б. Й. Венгрия в годы второй мировой войны // Вопросы истории, 2004, № 6, С. 56–57.
- 96 РГАСПИ, Ф. 17, оп. 118, ед. хр. 1019, л. 51
- 97 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Особая папка. Ф. 89, оп. 2, ед. хр. 2, л. 1–4.
- 98 РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 118, ед. хр. 1019, Л. 50–57.
- 99 Rákosi Mátyás. Op. cit., 930. o.
- 100 Romsics Ignác. Bethlen István politikai életrajza. Bp., 1991, 301. o.
- 101 Csepel története. Bp., 1965, 92. o.; Kovács Tamás. Magyar zsidók védelem alatt 1944-ben // Világtörténelem. 2007. ősz - tél, 67. o.
- 102 РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 118, Ед.хр. 1019, Л. 54–55
- 103 Там же, Ф.17, Оп.128, Ед. хр. 750, Л. 194
- 104 Там же, Ф. 17. Оп. 128, Ед. хр.785, Л. 176
- 105 Ижак Лайош. Указ соч. С. 82–92
- 106 Népszabadság, 2007. szeptember 27
- 107 РГАНИ, Ф. 19, оп. 128, Д. 315; Moszkvának jelentjük... 170–171. o.
- 108 Подробнее см.: Желицки Б.Й. Народная демократия и становление тоталитарного режима в Венгрии // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. М., Наука, 2002, С. 185–186.

- 109 *Horváth Csaba*. Magyarország 1944-től napjainkig. Pécs, 1992, 32–36. o.
- 110 Подробнее см.: *Желицки Б.И.* Народная демократия..., С.190–193
- 111 *Vida István*. Koalíció és pártharcok 1944–1948. Вр., 1986, 231–232. o.
- 112 *Желицки Б.И.* Указ соч., С. 192–193
- 113 *Böhm Vilmos*. Másodszor emigrációban... Stockholm, 1990, 67. o.
- 114 Moszkvának jelentjük... 159. o.
- 115 РФАНИ, Ф. 18, Оп. 128, Д. 214, Л.7.
- 116 Там же, Ф. 17, Оп. 128, Ед. хр. 1019, Л. 20–21.
- 117 Moszkvának jelentjük... 160. o.
- 118 *Vida, Иштван*. Международное положение Венгрии после второй мировой войны // Восточный блок и советско-венгерские отношения 1945–1989. М., 2008, С. 39
- 119 *Vida István*. Op. cit., 264–265. o.
- 120 *Ижак Лаïиου*. Указ соч. С. 152
- 121 *Úrbán Károly*. Lukács és a magyar népi demokrácia // Valóság, 1985., 7.sz., 22–23. o.
- 122 *Ibidem*, 24. o.
- 123 Politikatörténeti Intézet Archivuma, f. 720, ő.e. 9, 150. l.
- 124 *Úrbán Károly*. Op. cit., 25. o.
- 125 Подробнее см.: *Желицки Б.И.* Указ соч., С. 205.
- 126 Újra itthon. Eörsi István interjúja Lukács Györggyel // Látóhatár, 1989. május, 56–57. o.
- 127 *Rákosi Mátyás*. Op.cit., 2. köt., 708. o.
- 128 *Ibidem*, 709. o.
- 129 *Ibidem*, 667. o.
- 130 *Vida István*. Tildi Zoltán. // Társadalmi Szemle, 1982, 11. sz., 63. o.
- 131 *Rákosi Mátyás*. Op. cit., 2. köt., 668. o.
- 132 20. századi magyar történelem. Вр., 1997, 307. o.
- 133 *Károlyi Mihály*. Emlékezés az úri Magyarországra // Valóság, 1946, 2. sz. ; *Gudenus János, Szentirmai László*. Op. cit., 37. o.
- 134 Magyar Nemzet, 1997. november 22.
- 135 *Szabó Miklós*. Csendes háború. Вр., 1984, 115. o.
- 136 *Желицки Б.И.* Народная демократия..., С. 192
- 137 *Nagy Ferenc*. Küzdelem a vasfüggöny mögött. 2. köt. Вр., 1990, 162. o.
- 138 *Vida István*. Nagy Ferenc „meghallgatása” az amerikai külügyminisztériumban 1947. júniusán // Századok, 1990, 5–6. sz., 767–876. o.
- 139 *Nagy Kázmér*. Elvesztett alkotmány. A magyar politikai emigráció 1945–1975. Вр. 1984, 56. o.
- 140 *Rákosi Mátyás*. Op. cit., 2. köt., 669. o.
- 141 *Böhm Vilmos*. Op. cit., 98–99. o.
- 142 См.: *Желицки Б.И.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история, № 2 и 3, 2001 г.
- 143 *Böhm Vilmos*. Op.cit. 275. o.
- 144 *Ibidem*, 98–100., 109. o.
- 145 *Kertész, Stephen Denis*. Between Russia and West. Hungary and the Illusions of Peacemaking 1945–1947. University Indiana, 1984
- 146 *Böhm Vilmos*. Op. cit., 239. o.
- 147 *Ibidem*, 140–141. o.
- 148 *Ibidem*, 242. o.
- 149 *Ibidem*, 241–243. o.; Népszabadság, 1982. március 19.
- 150 *Nagy Ferenc*. Küzdelem ..., 179. o.
- 151 *Ibidem*, 192–196. o.
- 152 *Ibidem*, 139. o.
- 153 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 138–139. o.
- 154 РФАСПИ, Ф. 17, Оп. 128, Ед. хр. 1019, Л. 22–23

- 155 *Juhász Gyula*. Magyarország külpolitikája, 1919-1945. Bp. 1988, 303–317. o.
- 156 *Ullein-Reviczky Antal*. Guerre allemande, prix russe. Le drame hongrois. Neuchâtel, 1947
- 157 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 32 o.
- 158 АВП РФ, Ф. 077, Оп. 24, П. 112, Д. 1, Л. 3
- 159 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 51–52. o.
- 160 *Ibidem*, 55–56. o.
- 161 *Ibidem*, 66–67. o.
- 162 *Ibidem*, 68–69. o.
- 163 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 61. o.
- 164 *Hajdu Tibor*. A két világháború közti magyar történelem amerikai forrásaiból // *Valóság*, 1973., 10. sz., 84–85. o.
- 165 *Ibidem*, 86. o.
- 166 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 31. o.
- 167 АВП РФ, Ф. 77, Оп. 19, П. 12a, Д. 13, Л. 24–27
- 168 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 29–30. o.
- 169 АВП РФ, Ф. 077, Оп. 24, П. 112, Д.2, Л. 7–8
- 170 Там же, Л. 10
- 171 АВП РФ, Ф. 077, Оп. 24, П. 112, Д.1, Л. 22–23;
- 172 Там же, Д.6, Л. 89–90
- 173 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 29–32. o.
- 174 *Nagy Ferenc*. Struggle behind the Iron Curtain. New York., 1948
- 175 *Sulyok Dezső*. Zwei Nächte ohne Tag. Zürich, 1949
- 176 РГАСПИ, Ф.17, Оп. 128, Д. 214, Л. 18
- 177 Там же, Д. 314, Л. 2-3.
- 178 *Ижак, Лайош*. Указ. соч.. С. 127
- 179 Magyar Hirnap, 1997. március 27; Magyar Nemzet, 1997. március 28.
- 180 См.: *Bibó István*. Összes munkái. Bern, 1981-1984, 289. o.
- 181 *Valuch Tibor*. Sors és történelem. Kovács Imre pályája 1945 után // *Látóhatár*, 1989. május, 211. o.
- 182 *Ibidem*
- 183 *Kovács Imre*. Im Schatten der Sovets. Zürich, 1948
- 184 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 101. o.
- 185 *Ibidem*, 89. o.
- 186 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 148. o.
- 187 *Ibidem*, 151. o.
- 188 *Ibidem*, 149. o.
- 189 *Ibidem*, 149–153. o.
- 190 *Ibidem*, 157. o.
- 191 *Ibidem*, 154. o.
- 192 *Ibidem*, 157. o.
- 193 *Gudenus János, Szentirmai László*. Op. cit., 41. o.
- 194 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 112. o.
- 195 *Kertész István*. Magyar békeillúziók 1945-1947. Bp. 1995
- 196 *Böhm Vilmos*. Másodszor emigrációban... Iródott a politikus halála előtt, 1948-49-ben Stockholmban. Stockholm, 1990.
- 197 *Györfly Miklós*. Op. cit., 129. o.
- 198 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 90. o..
- 199 *Ibidem*, 184–185. o.
- 200 *Ibidem*, 187. o.
- 201 *Ibidem*, 190. o.
- 202 *Ibidem*, 202–203. o.
- 203 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 93–94. o.

- 204 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 207–217. o.
- 205 Valóság, 1953, 1. sz., 3–5. o.
- 206 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 92–93. o.
- 207 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 193–197. o.
- 208 *Ibidem*, 198–201. o.
- 209 *Ibidem*, 312. o.
- 210 *Ibidem*, 319–320. o.
- 211 Документ выявлен и опубликован венг. историком И. Вида. См.: *Vida István*. Az amerikai külügyminisztérium a magyar emigrációról // *História*, 1989., 6. sz., 24–26. o.
- 212 *Ibidem*, 24–25. o.
- 213 *Ibidem*, 25. o.
- 214 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 324–325. o.
- 215 *Ibidem*, 325–327. o.
- 216 *Ibidem*, 109. o.
- 217 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 274–275. o.
- 218 *Ibidem*, 276. o.
- 219 *Ibidem*, 162–171. o. ; *Nagy Kázmér*. Op. cit., 102, 109. o.
- 220 *Ibidem*, 171–173. o.
- 221 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 11–12. o.
- 222 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 227–228. o.
- 223 *Ibidem*, 234. o.
- 224 *Ibidem*, 237–238. o.
- 225 *Ibidem*, 243–251. o.
- 226 *Ibidem*, 258. o.
- 227 *Gyórfy Miklós*. Op. cit., 204–206. o.
- 228 *McCargar James G.* A Szabad Európa Bizottság és a magyar emigránsok 1956-ban // *Az 1956-os Intézet Évkönyv*. V. 1996/1997. Bp., 1997, 273. o.
- 229 *Tóth Pál Péter*. Önvád és remény. Kovács Imre az emigrációban. // *História*, 1989, 6. sz., 23. o.
- 230 *Valuch Tibor*. Op. cit., 214–215. o.
- 231 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 300. o.; *Látóhatár*, 1951. január-február, 5–9. o.
- 232 *Ibidem*, 301. o.
- 233 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 114. o.
- 234 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 303. o.; *Halva született demokrácia* // *Látóhatár*, 1953. március-április, 111–114. old.
- 235 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 270–271. o.
- 236 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 122. o.
- 237 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 345–348. o.
- 238 *Valuch Tibor*. Op. cit., 216–217. o.
- 239 *Borbándi Gyula*. Op. cit., 367–370. o.
- 240 *Ibidem*, 375. o.
- 241 *Ibidem*, 376–377. o.
- 242 *Ibidem*, 381. o.
- 243 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 122. o.
- 244 *Látóhatár*, 1956. május–augusztus, 145–151. o.
- 245 *Ibidem*
- 246 *Nagy Kázmér*. Op. cit., 123–125. o.
- 247 *Látóhatár*, 1956. május – augusztus, 184–188. o.; *Borbándi Gyula*. Op. cit., 390–391. o.
- 248 *Ibidem*
- 249 *Szabó Miklós*. Csendes háború. Bp., 1984
- 250 *Népszabadság* Hétvége, 2009. október 24.
- 251 *Szabó Miklós*. Op. cit., 289. o.

- ²⁵² *Valuch Tibor*. Op. cit., 287, 312–313. o.
- ²⁵³ *Ibidem*, 313. o.
- ²⁵⁴ *Nagy Kázmér*. Op. cit., 120. o.
- ²⁵⁵ *Vita a Hazáról // Látóhatár*, 1954. július–augusztus, 193–197. o. ; Цит. по.: *Borbándi Gyula*. Op. cit., 261. o.
- ²⁵⁶ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 398–399. o.
- ²⁵⁷ *Ibidem*, 399–400. o.
- ²⁵⁸ *Hidas Péter*. A kanadai viszszhang. 1956. október 23 – november 4. // 1956-os Évkönyv II. 1993. Vp., 1993, 74–76. o.
- ²⁵⁹ *Ibidem*, 76–77. o.
- ²⁶⁰ *Ibidem*, 78–83. o.
- ²⁶¹ *Ibidem*, 90. o.
- ²⁶² *McCargar James G*. Op. cit., 274. o.
- ²⁶³ Подробнее см.: *Garthoff L. Raymond*. A magyar forradalom és Washington. // *Évkönyv*, 1996/1997. 1956-os Intézet. Vp., 1997., 214–216. o.
- ²⁶⁴ *Гати, Чарльз*. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006, С. 29
- ²⁶⁵ *Borbándi Gyula*, 403–404. o.
- ²⁶⁶ *Valuch Tibor*. Op. cit., 218. o.
- ²⁶⁷ *Ibidem*

Раздел IV

ТРЕТЬЯ ВОЛНА ВЕНГЕРСКОЙ МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИИ И ЭМИГРАНТЫ 1956 ГОДА

Глава 1

Массовое диссидентство и политэмигранты 1956 года в странах Запада

1. Беженцы в Австрии: приём, размещение, характеристика структуры. Возможность репатриации и отправка по странам в эмиграцию

Венгрия в 50-е годы прошлого века была изолирована от мировых процессов и являлась, подобно другим странам советского блока, полностью закрытой страной. Если взглянуть на материалы статистических справочников первой половины десятилетия, то можно убедиться в том, что число венгров, пересекавших её границы за год, никогда не превысило сотню человек. Но в 1956 г. ситуация изменилась. Накапливавшиеся годами нерешённые проблемы, ухудшение жизненного уровня масс, неудержимое стремление людей к свободе и демократии привели к революционному взрыву. Завоевания революции 1956 года были, однако, уничтожены в результате вооружённого вмешательства советских войск, что и привело к бегству за пределы Венгрии всего за пару месяцев огромной – для 9,8-миллионного населения страны – массы людей. По уточненным данным, общая численность беженцев составляла 210–211 тысяч человек¹. Их абсолютное большинство превратилось в эмигрантов в странах Запада.

Считается, что столь значительное число беженцев, недовольных насильственным уничтожением завоеваний, казалось бы, уже победившей революции и начавшимся возрождением прежнего общественно-политического устройства, своим протестным поступком, безусловно, выразили отрицательное отношение к реанимации режима, характеризовавшегося ранее вполне определёнными диктаторскими и тоталитарными чертами. Эта масса беженцев располагала реальными знаниями о системе, созданной ракошистским

партийно-политическим руководством в ВНР, и поэтому решительно «проголосовала» ногами против восстановления прежнего режима. Венгерские беженцы стали, как их тогда называли, *диссидентами*^{*}, а по сути эмигрантами. Их массовый исход из страны фактически представлял собой новую мощную, *третью по счёту волну массовой эмиграции* в западном направлении.

О третьей эмиграционной волне имеются более конкретные и довольно достоверные сведения, хотя тоже далеко не полные. Касаются они преимущественно социального среза указанной и довольно разнородной массы эмигрантов, покинувших Венгрию в конце 1956 и начале 1957 гг. Характерно, что о социальном составе этой эмиграции мнение исследователей в целом совпадает. Что же касается общей численности беженцев, то в литературе приводились разные цифры, которые впоследствии уточнялись. О направлениях и интенсивности потока беженцев 1956 г. из ВНР сегодня мы располагаем более достоверными сведениями. Об этом можно судить как по малочисленным, но в целом совпадающим данным существующих публикаций, так и по имеющимся в нашем распоряжении некоторым архивным документам.

Беженцы 1956 г., как свидетельствуют эти данные, появились сразу после вспышки массового недовольства и народного возмущения правящим режимом в венгерской столице. Однако их число стремительно возросло уже после второго советского вооружённого вмешательства, а тем более после уничтожения завоеваний венгерской революции. Разгром очагов венгерского сопротивления завершился к середине ноября 1956 г., вызвав массовый рост числа беженцев, покидавших пределы ВНР. Интенсивность эмиграционной волны нарастала по мере начавшихся преследований и арестов участников революции и национального сопротивления. В нём самое активное участие принимали не только революционеры с оружием в руках, но и венгерская молодёжь, рабочие, представители революционных и рабочих Советов, т. е. стихийно возникших органов революционной власти на местах. Окончательный разгром последних произошёл уже в декабре 1956 г., что послужило новым импульсом для потоков эмиграции, помешать которым новая власть на начальном этапе ещё не могла, а, возможно, и не хотела, предпочитая выпустить из страны своих активных оппонентов и ярых противников режима.

Поток беженцев из ВНР, направляясь преимущественно в сторону сопредельной Австрии, особенно значительные масштабы набрал в ноябре-декабре 1956 г. Уже сама революция и появление первых венгерских беженцев поста-

^{*} Напомним, что в отношении беженцев и эмигрантов 1956 г. в Венгрии принято и повсеместно используется понятие *диссиденты*. Под ним подразумеваются лица, которые противопоставляли себя существующему общественно-политическому строю и с нарушением законов страны оставили её пределы или, выехав легально, не вернулись на родину. Тем самым данное понятие в Венгрии стало синонимом эмигранта. Подобное его толкование (отличное от русского *инакомыслящий* или *правозащитник*) имеет также производную форму глагола – «диссидирует» (*disszidál*). (См. толковый словарь венгерского языка: *A magyar nyelv értelmező szótára*. I. k. Budapest, 1978).

вили политическое руководство Австрии, этого молодого, лишь в 1955 г. получившего статус нейтрального государства перед сложной проблемой, которую, надо признать, оно решало достойно. Руководство Австрии всерьёз отнеслось к подписанной им Женевской конвенции об оказании помощи беженцам, которая вступила в силу в апреле 1955 г., и ответственно выполняло взятые на себя обязательства. Канцлер страны Юлиус Рааб уже 24 октября 1956 г. (в отсутствие главы МИДа Леопольда Фигля, находившегося в Страсбурге на заседании Европейского Совета) созвал чрезвычайное заседание кабинета министров, стремясь избежать возможных «неприятных сюрпризов» для страны. Министр внутренних дел Австрии, социал-демократ Оскар Хелмер 26 октября 1956 г., т. е. на четвёртый день венгерской революции, в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН распорядился «об оказании неограниченной поддержки всем венгерским беженцам, независимо от их политической принадлежности»². В этой связи целесообразно отметить, что первыми попросили политического убежища за рубежом бежавшие от революции партийные функционеры, деятели ВПТ и офицеры органов венгерской госбезопасности, а участники революции – уже потом.

На состоявшемся 28 октября очередном заседании правительства Австрии было решено вдоль границ с Венгрией срочно образовать специальную «закрытую зону», куда – во избежание обвинений в свой адрес – австрийские власти перекрыли доступ иностранцам и эмигрантам с Запада. Их допускали только по специальным разрешениям и удостоверениям. Зона проверялась представителями четырёх стран-гарантов австрийского нейтралитета, а за доступом в неё осуществлялся постоянный контроль. В соответствии с Женевским соглашением 1951 г. правительство Австрии решило тогда предоставить *политическое убежище* всем венгерским беженцам при простом предъявлении ими паспорта гражданина ВНР. Все они получали удостоверение беженца и по возможности размещались во временных лагерях, которые создали в австрийских землях, не имеющих общих границ с Венгрией (в Штирии, Каринтии, Форарльберге). В тот же день стали учитывать прибывавших из Венгрии беженцев. МВД Австрии по первоначальным наметкам предполагало предоставить постоянное убежище максимум 10 тыс. венгерских эмигрантов, с намерением интегрировать их в австрийское общество. Министерство считало, что остальные беженцы – при поддержке организаций ООН и Международного Красного Креста – после кратковременного пребывания на территории Австрии эмигрируют в другие страны мира или вернуться на родину. С нарастанием потока венгерских беженцев, однако, австрийские власти в конечном счёте заявили о своей готовности разместить в экономике своей страны 30 тыс. венгерских эмигрантов 1956 г., а также оказать поддержку желающим продолжить свой путь в другие страны³. Отметим, что в соответствии с Женевскими соглашениями венгры могли свободно выбирать страны, где полагаali обосноваться в качестве эмигранта.

После того как 4 ноября 1956 г. поток беженцев из Венгрии стал неожиданно массовым для представителей западных государств, 7–14 ноября была достигнута договорённость о дополнительном приёме Австрией ещё около 80 тыс. венгров. Местное население встретило прибывших беженцев тепло и окружило их такой заботой, что это вызвало удивление даже среди журналистов⁴.

Точных данных о конкретной численности венгров, пересекших в 1956–1957 гг. австро-венгерскую границу, технические заграждения с которой были сняты ещё в начале 1956 г., не существует. Причиной тому стала «очень высокая численность тех беженцев, кто сознательно или случайно не зарегистрировался»⁵. К тому же венгерские и австрийские официальные данные относительно их численности не совпадают. В этой связи одна исследовательница проблемы для определения числа беженцев решила использовать усреднённую цифру двух источников, отмечая, что 190 тыс. венгров получили удостоверения, подтверждающие их статус беженца в Австрии. Переход государственной границы венгрями происходил поэтапно. Если до 3 ноября 1956 г., т. е. во время революционной борьбы, убежища в Австрии попросили менее 1 тыс. человек (в основном партийные функционеры и 120 работников органов госбезопасности), то на следующем этапе, – а именно с 4 ноября до закрытия границы ВНР с Австрией, – их число скачкообразно возросло. За удостоверениями беженцев обратилось в сотни раз больше людей. На втором этапе эмигрировали уже активные участники революционной борьбы, причём со второй половины ноября к ним присоединился более широкий круг лиц, опасавшихся возмездия со стороны новых постреволюционных властей. Поток беженцев достиг пика 23 ноября 1956 г., когда в течение 24 часов в Австрию прибыло 8 тыс. 537 человек⁶. В то время ещё без особого риска можно было перейти границу. Характерно, что собранные Д. Борбанди данные о 181 тыс. венгерских гражданах, перешедших венгерско-австрийскую границу в 1956–1957 гг., весьма близки к уже отмеченной и зарегистрированной в Австрии цифре – 190 тыс. человек. По его сведениям, наибольшее их число (113.800 чел.) совершили переход границы в ноябре, но в декабре 1956 г. пределы Венгрии оставили ещё около 50 тыс. беженцев⁷.

О численности венгерских беженцев, покинувших страну и оказавшихся в Австрии на определённом этапе, можно судить также по некоторым архивным источникам, содержащим, в частности, сведения, которые в своё время публиковались в средствах массовой информации. Это относится и к сообщению Агентства Франс Пресс (АФИ) от 16 декабря 1956 г. В этот день руководитель австрийского МИДа известил государственное руководство о том, что за последние шесть недель Австрия приняла уже 150 тыс. беженцев из ВНР. При этом он сослался также на то, что ещё около 60 тыс. за то же время приняли другие страны⁸. Глава австрийского МИДа таким образом определил общую численность венгерских беженцев, пересекших до того дня линию венгерско-австрийской границы, а это в общей сложности составляло 210 тыс. человек.

По имеющимся данным, указанные им 60 тыс. беженцев тут же, непосредственно у границы с ВНР в ноябре без предварительного отбора были приняты представителями Швейцарии, Франции и Великобритании и отправлены в эти страны⁹.

Упомянутое агентство печати, характеризуя ситуацию в горняцких районах Венгрии, 15 декабря сообщало о забастовке 45 тыс. венгерских шахтеров, протестовавших против начатой в стране реставрации дореволюционных порядков. При этом в сообщении АФП из Будапешта отмечалось также, что из Венгрии уже «около 15 тыс. горняков были вынуждены бежать на Запад»¹⁰. В материалах Венгерского телеграфного агентства (МТГ) сохранились сведения о венгерских беженцах, об их пребывании в лагерях на территории Австрии. В целом они подтверждают уже приведенные нами австрийские данные о численности беженцев, оказавшихся на территории Австрии в конце первой декады декабря 1956 г. В дальнейшем их число продолжало расти, вплоть до окончательного перекрытия границы со стороны ВНР в середине января 1957 г. Только за первые две недели декабря австрийскую границу перешли ещё 80 тыс. венгерских граждан, причём – как предполагал тогда глава австрийского МИДа Л. Фигль – части из них специально было позволено сделать это с той целью, чтобы их удаление из страны облегчило новому политическому руководству ВНР процесс предстоящей стабилизации режима¹¹.

Спустя некоторое время новая власть ВНР во главе с Я. Кадаром полностью восстановила технические сооружения на границе с Австрией, и «железный занавес» снова опустился. Тем не менее, даже после этого, до конца мая 1957 г. Венгрию в западном направлении покинули ещё 4457 беженцев¹². В то же время, по австрийским сведениям, 500 человек вернулись в страну ещё до появления указа о первой частичной амнистии. До конца января 1959 г. было зарегистрировано 8138 возвращавшихся из Австрии на родину беженцев, тогда как из других стран Европы репатриировались ещё 3802 человека. Таким образом, из 211 тыс. беженцев к тому времени вернулись в ВНР в общей сложности 11940 чел. С другой стороны, кадаровское руководство обвинило австрийские власти в том, что они тормозят свободное возвращение беженцев на родину. В действительности подавляющее большинство беженцев стремилось эмигрировать в западные страны, особенно в США. Осевшим непосредственно в Австрии венгерским эмигрантам для интеграции в австрийское общество по специальной программе ООН была оказана соответствующая помощь в сумме 3,5 млрд. долларов, кроме того, правительство этой страны развернуло специально для них жилищное строительство¹³.

Основная масса венгерских беженцев постепенно покидала Австрию, поэтапно отправляясь в избранные для проживания страны. Правда, министр внутренних дел Австрии Оскар Хелмер в конце января 1957 г. извещал Женеву о том, что несмотря на отправку части венгров в другие страны, в Австрии по-прежнему остаётся ещё 170 тыс. венгерских беженцев¹⁴. Приводя эти дан-

ные, небезразлично отметить, что подавляющее большинство венгерских беженцев, которым пришлось задержаться на австрийской территории ещё на некоторое время, стремилось поскорее выехать в одну из выбранных ими стран «свободного мира».

Австрия как сопредельная с Венгрией страна была заинтересована в этом, ведь она только в 1955 г. восстановила свой суверенитет. Это государство, хотя и выразило готовность принимать беженцев, ввиду недавних испытаний войной и её последствиями ещё не располагало достаточными материальными ресурсами для их нормального размещения и обеспечения, предоставления им соответствующих условий перед наступавшей зимой. Устройство и обеспечение большой массы людей даже в палаточных лагерях требовало серьёзного международного содействия и поддержки. Необходимые для этого меры предпринимала *Организация по оказанию помощи беженцам* при ООН, которая позаботилась о том, чтобы развитые страны, по возможности, приняли у себя большинство оставшихся в Австрии венгерских беженцев-эмигрантов. При этом следует учитывать тот факт, что на начальном этапе такая готовность была минимальной.

В этой связи небезынтересно сослаться на «Воскресное послание» Верховного комиссара ООН по делам беженцев, швейцарца А. Линдта от 21 декабря 1956 г. В нём, в частности, отмечалось: «В настоящее время в Австрии всё ещё находится 130000 венгерских беженцев, покинувших свою родину... Опеку над 45000 беженцами с 1 января берёт на себя Общество Красного Креста. В Австрии останется 60000 беженцев. До сих пор в Австрию прибыли и были размещены в лагерях для беженцев 147000 венгров, из них 75000 уже переправлены в другие страны»¹⁵. Конечно, в лагерях не всем хватало места, поэтому срочная отправка беженцев в другие страны становилась задачей весьма актуальной. Распределение и отправка их в страны Запада были необходимы и по той причине, что выделяемых средств и собираемой международными организациями материальной и финансовой помощи было недостаточно, а Австрия не была подготовлена для долговременного содержания такой значительной массы беженцев, тем более для обеспечения их жильем, работой и пропитанием. В итоге из Австрии в другие государства Запада в последующие четыре года выехала в общей сложности 171 тыс. венгерских беженцев (на родину вернулось 8300)¹⁶. По имеющимся подсчётам, порядка 70% венгерских беженцев 1956 года покинули территорию Австрии, эмигрировав в другие страны мира. Однако с весны 1957 г. приём эмигрантов несколько замедлился ввиду имевшихся или введённых квот для эмигрантов.

Из сопредельных с ВНР государств потоки венгерских беженцев 1956 г. направлялись не только в Австрию, но и в Югославию, правда, в гораздо меньшей степени. Там нашли временное убежище до 20 тыс. венгров, которые в своём большинстве также продолжили свой путь, эмигрируя в разные страны Запада. В самой Югославии на более продолжительное время осталось

около 4–5 тыс. венгерских эмигрантов (из них 2800 затем возвратились на родину)¹⁷. На более подробной характеристике югославских венгерских беженцев в Югославии остановимся ниже.

К сожалению, мы не располагаем официальными и достаточно точными статистическими данными, обобщающими сведениями о конкретной численности венгерских беженцев в лагерях, об их распределении по группам и последующей отправке в эмиграцию в разные страны, но можем судить об их размещении и приёме в соответствующих местах по существующей литературе, дополнив эти сведения некоторыми, также далеко не многочисленными архивными источниками. Один из таких документов датирован декабрем 1956 г. Согласно этому источнику (его составитель сослался на материал радиопередачи из Лондона, который прозвучал в эфире в канун Рождества), лагерь беженцев в австрийском Бургенланде 19–21 декабря посетил представитель США, в будущем президент этой страны Ричард Никсон с тем, чтобы ознакомиться с положением дел в лагерях и определиться, сколько венгерских эмигрантов могут принять Соединённые Штаты. В соответствии с приведенными данными, по состоянию на 20 декабря 1956 г. «Англия до сих пор приняла уже 12000 венгров, или же больше любой другой страны, не считая Австрии, ... куда и сейчас продолжают ежедневно прибывать свыше 1000 беженцев. Западная Европа и Америка до этого времени уже приняли половину всех беженцев, однако около 62000 венгров ещё остаются в Австрии. Из них до конца года 12000 отправят в США, 3500 – в Канаду, но в Австрии всё ещё останется 55000»¹⁸. Никсон тогда пообещал увеличить квоту приёма эмигрантов Соединёнными Штатами и выделить для их содержания 450 тыс. долларов¹⁹.

Следует отметить, что руководящие круги США, которые ещё до советского военного вторжения в Венгрию дали знать Москве и Белграду об отсутствии американского интереса к соцстранам Европы, сначала медлили с принятием венгерских беженцев, затем согласились их принять, но лишь весьма ограниченное число в качестве эмигрантов. Ситуацию впоследствии объясняли тем, что американское государственное руководство не имело права увеличивать строго определённую законом квоту приёма. Впрочем, в 1956–1957 гг. руководство США в этой связи неоднократно подвергалось обоснованной критике со стороны международной общественности²⁰, в результате чего квота для иммигрантов из Восточной Европы всё же была впоследствии увеличена. США в последующие годы приняли и приютили ещё порядка 40 тыс., а Канада – 26,5 тыс. венгров из числа беженцев 1956 г. В итоге уже в 1959 г. основная часть венгерских беженцев 1956 г. концентрировалась именно в этих двух странах (США и Канаде) в качестве эмигрантов. Наряду с Америкой венгры обосновались также в странах Западной Европы и Австралии (США приняли 24, Канада – 16, Англия – 13, ФРГ – 9, а Франция и Австралия по 6% всех венгерских эмигрантов из Австрии, в ВНР возвратилось около 5%)²¹.

Венгерские беженцы 1956 г. стали эмигрантами преимущественно в этих, да и в других странах мира. Их отправкой и размещением занимались международные организации по оказанию помощи беженцам и принимающая сторона. Так, в 1956–1958 гг. из Европы в Австралию было переправлено 11 тыс. венгерских эмигрантов-переселенцев, в Южную Африку – 1300 чел. По сведениям, собранным Д. Борбанди, на долю западноевропейских стран также приходилось немало переселенцев. Так, за это же время из Австрии во Францию переселилось 12700 венгров, в Федеративную Республику Германии – 15500, в Великобританию – 21000, в Швейцарию – 12000, а в Бельгию, Голландию и Швецию в общей сложности около 10000 венгерских эмигрантов²². Приводя эти промежуточные данные, необходимо отметить, что полной и точной статистики нет и в отношении конечных результатов размещения венгерских эмигрантов по странам мира. Ведь имела место т. н. ступенчатая эмиграция, когда беженец, доставленный в одну из стран Запада, мог самостоятельно, без особого учёта переместиться в другую страну, пополняя ряды уже имеющихся там эмигрантов. Напр., вывезенные в Доминиканскую Республику 600 венгров, судьба которых оказалась там весьма незавидной, в итоге покинули её и переселились в другие страны.

Оценивая ситуацию с приёмом венгерских беженцев-эмигрантов в Австрии и их последующим размещением в странах Запада в целом, очевидец М. Сабо дал следующую характеристику данному процессу: «Людей распределили за считанные недели. 70% увезли в Западную Европу и заокеанские страны. Целый воздушный флот осуществлял их доставку в разные страны на основании своеобразного качественного отбора. Отбор осуществляли преимущественно официальные представители США, которые при этом не забывали об отборе для своей страны лучших, что в наши дни иногда принято называть «откачкой мозгов». Они претендовали на лучших специалистов, на наиболее одарённых молодых людей. В результате почти 20% вывезенных венгерских эмигрантов оказались в США. В Канаду, Англию и ФРГ эмигрировали приблизительно по 10%. Остальные поселились в Австрии и других странах Западной Европы и Южной Америки. Мобилизовались и родственники во всех частях света. Они предоставляли гарантии, оплачивали дорожные расходы, брали их к себе, хотя и не было такой необходимости. Значительное большинство эмигрантов получило работу, жильё, могло заниматься на языковых курсах, продолжить учёбу, выбрать новую специальность»²³.

Отсутствие достоверных обобщающих статистических сведений о перераспределении венгерских беженцев 1956 г. между отдельными странами, об их последующих перемещениях (ступенчатая эмиграция) и окончательной оседлости заставляет ограничиться констатацией того факта, что из европейских стран, наряду с базовой Австрией, наиболее значительное число эмигрантов обосновалось в Англии, Германии, Франции, Бельгии и Швеции. Учитывая, что речь всё же шла о политэмиграции, в итоге больше всего вен-

герских эмигрантов приняли США, а также Канада. Немало венгров 1956 г. оказалось также в Австралии и некоторых странах Южной Америки (Бразилия, Аргентина и Уругвай), где уже давно существовали венгерские колонии и диаспоры от прежних волн эмиграции. Выделяя эти страны и географические регионы, до которых докатилась волна эмиграции 1956 г., вполне уместно отметить, что по данным Всемирного союза венгров в мире существует многочисленная венгерская эмиграция и национальная диаспора, которые образовались в результате эмиграционных волн и потоков прошлого. В начале 1960-х годов они насчитывали около полутора миллионов человек. Учитывая, что одной из самых многочисленных венгерских эмиграций считается американская, здесь также небезынтересно отметить, что данные переписи населения США 1961 г. подтвердили проживание в стране 770 тыс. этнических венгров²⁴. И поскольку эти сведения касаются только тех живущих в стране венгров, кто являлся уроженцем Венгрии, их можно считать далеко не полными. Большинство венгров, разумеется, выехало туда не в 1956–1957 гг., а с прежними волнами венгерской эмиграции. Последующие же поколения этих венгров (эмигрантов и граждан страны) уже подвергаются естественному процессу ассимиляции, хотя часть из них сумела ещё даже в условиях крупнейшего американского «плавильного котла» народов сохранить свою национальную идентичность. В ходе социологических опросов и переписей населения выяснилось, что представители второго и третьего поколения американских венгров всё ещё продолжали считать себя венграми по национальности или по языку, хотя уже давно были глубоко интегрированы в американское общество.

Не располагая точными сведениями о численности диссидентов 1956 г. среди 770 тыс. этнических венгров, проживавших в 1961 г. на территории США, обратимся к свидетельству эмигранта третьей волны Чарльза Гати, покинувшего Будапешт сразу же после революции 1956 г. и поселившегося в США, где впоследствии он стал известным американским политологом и преподавателем Университета Дж. Гопкинса. В своей книге *«Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт»*, изданной в Москве в 2006 г., Гати, описывая события 1956 г., утверждает, что американцы, желая в какой-то мере компенсировать «бездействие Вашингтона» в 1956 г., стали помогать венгерским беженцам, приняв их «около 80 000, прибывших после подавления восстания в Америку» и оказали им «искреннюю, щедрую помощь от государственных ведомств и частных организаций»²⁵. К сожалению, из контекста книги не вытекает с полной ясностью, в каком смысле использовано им понятие «Америка», относится ли оно к континенту в целом или только к США. Если цифра, приведенная этим весьма информированным, некогда весьма близким к правящим кругам США политологом, точна и относится только к этой стране, то численность в ней венгерских эмигрантов 56-го года была в два раза больше, чем считалось ранее.

Если же исходить из материалов упомянутой переписи населения США 1961 г., то из 771 337 венгров этой страны 142 834 проживали в штате Нью-Йорк, 106 786 в Огайо, 82 017 в Нью-Джерси, 81 417 в Пенсильвании, 50 506 в Калифорнии, 46 811 в Мичигане, 43 005 в Иллинойсе, 25 367 в Коннектикуте, 17 983 в Индиане, 17 229 во Флориде, 14 982 в Винконсине²⁶. Большинство американских венгров, вместе с эмигрантами 1956 г., традиционно сосредоточены, таким образом, в северном и северо-восточном промышленном регионе страны (во всяком случае, именно там проживало 65% венгров США). Такая ситуация объясняется тем, что и в прежние времена, несмотря на высокую плотность населения этих районов, именно там трудоустраивали большое число эмигрантов из Венгрии, основная часть которых прибыла туда в эпоху экстенсивного развития промышленности. Сосредоточение венгерских эмигрантов и диаспоры в этом регионе США стало своеобразным магнитом, который впоследствии притягивал к себе новые группы последующих эмиграций.

Как в США, так и в других странах венгерских эмигрантов 1956 г. встречали с сочувствием и оказывали им всяческую помощь и поддержку. В них повсюду видели борцов за свободу и участников сопротивления тоталитарному режиму, симпатизировали им, окружали заботой, трудоустраивали, обеспечивали жильём. Причём такое отношение к эмигрантам этой волны проявлялось как со стороны гражданского общества, так и официальных властей принимающих стран. В этом смысле их приём на Западе коренным образом отличался от встречи, устроенной беженцам и эмигрантам 1944–1945 гг. Так или иначе, беженцев 1956 г. в западном мире окружал некий ореол героики²⁷. В этой связи небезынтересно сослаться на слова бывшего секретаря парторганизации Союза писателей Венгрии Тибора Мераи, одного из членов внутрипартийной оппозиции, сторонника реформ премьер-министра Имре Надя. В конце 1956 г. он бежал из Венгрии и, пройдя через Югославию, стал политэмигрантом во Франции. «Когда мы прибыли в Париж, нас встретили с любовью и окружили вниманием. Старые же венгерские эмигранты, уехавшие в 19-ом и в 1945 годах, нам рассказали, что в свое время их принимали с безразличием и даже некоторой ненавистью, – вспоминал он. – Мы, особенно в глазах французов, всегда были не на той стороне... Здесь венгры жили годами, десятилетиями, но они не были готовы говорить на венгерском языке. Стыдились... Быть венгром здесь было плохо, но быть венгром в 56-ом году на Западе стало почётно»²⁸.

Мнение Мераи о тёплом приёме венгерских эмигрантов 1956 г. во Франции полностью совпадает с оценкой, высказанной бывшим членом СДПВ, венгерским мелким ремесленником Эрнё Надем, который после слияния партии с ВКП в 1948 г. отказался от перерегистрации и члены ВПТ. Он даже в последние дни октября 1956 г., когда казалось, что морально поддержанная им революция уже победила, посчитал наиболее важным делом своей жизни активно

взяться за восстановление в стране мелкого ремесла и больше не заниматься партийными делами. Тем не менее после подавления революции его собирались арестовать. Узнав об этом, он 23 ноября 1956 г. ночью вместе с женой и детьми пересёк австрийскую границу, а затем обосновался во Франции. «Французы приняли нас весьма гуманно, дружелюбно, чествовали нас как борцов за свободу, как национальных героев»²⁹, – вспоминал Надь впоследствии. Спустя годы он вместе с группой венгерских политэмигрантов 1956 г. принял активное участие в установлении символической могилы и памятника бывшему революционному премьеру И. Надю на парижском мемориальном кладбище Пер-Лашез. Разумеется, не только французы, но практически жители всех остальных стран мира, куда попали эмигранты 1956 г. из Венгрии, подобным образом встречали венгерских борцов, выступивших против тирании, и всех сбежавших вместе с ними.

Молодым венграм-эмигрантам в странах их пребывания охотно предоставляли стипендии, студентам оказывали поддержку, так что они имели возможность продолжать обучение в вузах, школьникам помогали в получении образования и усвоении языка страны. Со временем многие эмигранты получили гражданство приютивших их стран. Общественно-политические, экономические и прочие условия 1950-х годов на Западе, не говоря уже о моральной атмосфере, в 1956 г. были совершенно отличными от послевоенных. Такая обстановка явно благоприятствовала участникам третьей волны эмиграции. Благодаря оказываемой помощи, им было легче адаптироваться к новой социальной среде. Определенные трудности, конечно, возникали, но преодолевать их эмигрантам третьей волны было легче, чем представителям прежних эмиграций. В результате они быстрее устраивались, добивались материальной стабильности и интегрировались в жизнь своей второй родины. Большинство эмигрантов 56-го года, оказавшись на Западе, как это почти единодушно констатировалось в зарубежной печати, достигло поставленных перед собой целей. В этом отношении представители данного потока существенно отличались от эмигрантов прежних волн, мечтавших скорее вернуться на родину и стремившихся к тому, чтобы молодёжь сохранила родной язык. Относительно венгерских беженцев-эмигрантов, осевших после 1956 г. в Швейцарии, один из официальных представителей этой страны вполне обоснованно отмечал, что они сравнительно быстро интегрировались в швейцарское общество, причём даже не особенно нуждались в какой-то опеке³⁰.

Обращая внимание на благоприятные условия приёма на Западе венгерских эмигрантов 1956 г., на обстоятельства их вхождения в новую общественную среду, необходимо хотя бы кратко обозначить важнейшие аспекты социоструктурной характеристики состава этой эмиграции. Относится это как к социальному составу эмигрантов третьей волны (возрастной структуре, социальному происхождению, семейному положению, культурному и образовательному уровню), так и к выявлению мотивов и причин, заставивших их

оставить свою страну, целей и устремлений различных групп мигрантов. Прежде всего отметим тот факт, что социально-структурные характеристики эмиграции 1956 г. практически отражают структуру самого венгерского общества середины 50-х годов XX века. Во-вторых, основным и во многом определяющим компонентом этой волны эмиграции, несомненно, являлся молодёжный контингент, который в своей массе ещё не успел приобрести большого жизненного и политического опыта, хотя уже обладал знаниями о своей стране. По имеющимся сведениям, около 70% всех диссидентов 1956 г., оказавшихся в эмиграции, составляли мужчины³¹. При этом в возрастной группе до 25 лет было также немало подростков, которые сбежали из Венгрии без ведома родителей и вместе с друзьями по разным причинам подались на Запад. В общей массе беженцев около 1% составляли люди старше 60 лет. Довольно существенным был и удельный вес женщин моложе 30 лет (в своей массе разведённых).

подавляющее большинство эмигрантов 1956 г. составляли работники физического труда (75% мужчин и 50% женщин), гораздо меньше было занятых интеллектуальным трудом (около 20% мужчин и чуть более 30% женщин). Судя по редким публикациям на эту тему, эмигранты физического труда в довольно высокой степени являлись рабочими, недавними выходцами из крестьянской среды при том, что основную массу всё же составляли молодые промышленные рабочие. Среди мужчин этой группы преобладали квалифицированные рабочие, среди женщин – обученные и подсобные рабочие. В профессиональном отношении эмигранты мужского пола в большинстве были слесарями, электромонтёрами и водителями автомашин, а женщины – работницами текстильных отраслей промышленности (ткачихи, швеи и пр.), а также официантками. Среди эмигрантов работников умственного труда больше всего было инженеров, техников и врачей, принадлежавших преимущественно к возрастной группе 30-40-летних³².

В молодёжной прослойке эмигрантов 1956 г. обращает на себя внимание относительно высокий удельный вес школьников и студентов. Часть молодёжи представляли ученики средних школ, другую – студенты университетов и институтов, что вполне логично, принимая во внимание самое активное участие вузовской молодёжи в демонстрациях, митингах, уличных столкновениях в дни октябрьской революции и национального сопротивления. Они ведь далеко не безосновательно опасались оставаться на родине после того, как революция была подавлена. В рядах эмигрантов 1956 г. насчитывалось до десятка тысяч студентов, в подавляющем большинстве выходцев из рабоче-крестьянской среды. Именно эта категория располагала наиболее живыми знаниями и представлениями о реальной жизни венгерских городов и сел, именно она требовала демократизации общественно-политического строя и не хотела возврата к старой системе, поэтому и предпочла уход в эмиграцию. Молодёжь сознательно участвовала в революции и, не имея возможно-

сти отстаивать свободу и независимость страны, была вынуждена покинуть пределы ВНР, хорошо понимая, что над ней нависает угроза быть привлечённой к ответственности за участие в революционных событиях и уличном сопротивлении. Следует отметить также, что хотя студенчество в своей массе и не требовало коренной ломки существующего общественно-политического строя, оно не желало отказаться от намеченных целей по его демократизации и отстаиванию суверенитета страны. Эмиграция студентов и школьников, вообще молодёжи, безусловно, стала для Венгрии весьма ощутимой потерей, уходом из страны значительной части целого поколения. Страна лишилась не только будущих специалистов и квалифицированной рабочей силы, но и весомой части своего национального генофонда.

Наряду с приведёнными социологическими характеристиками эмиграционного потока 1956 г., следует обратить внимание на то, что подавляющее большинство беженцев не состояли в браке. Примерно 75% мужчин-эмигрантов были неженаты, а среди женщин почти половину составляли незамужние, причём около 20% последних принадлежали к возрастной группе моложе 15 лет³³. Среди беженцев насчитывалось и немало разведённых, а также лиц с не сложившимися супружескими отношениями, которые воспользовались уходом из страны для решения своих семейных проблем.

Представляется целесообразным обратить внимание и на географический аспект. Эмигрантами 1956 г. стали, прежде всего, жители Будапешта и выходцы из городов Западной Венгрии. Во всяком случае, около трёх четвертей всех беженцев являлись уроженцами этих мест. Остальные почти равномерно распределялись между районами Северной Венгрии, Большой Венгерской низменности (Алфёльда) и в меньшей степени регионов восточнее р. Тисы. В эмиграцию на Запад уходили в основном городские жители, рабочие, недавние выходцы из крестьянских семей. Жители сел составляли лишь незначительное меньшинство среди эмигрантов и являлись уроженцами, в основном, Задунайского края Венгрии, где местные условия давали мало возможностей для трудоустройства.

Касаясь причин и мотивов бегства массы венгерской молодёжи на Запад в 1956 г., определяя их цели и устремления уже в эмиграции, следует учитывать не только отмеченные и вполне обоснованные опасения за участие в демонстрациях и вооружённой борьбе в дни революции, но и весьма широкий диапазон других факторов. Это, прежде всего, неприятие политического режима, простое любопытство, желание увидеть своими глазами «западный мир», побывать и поездить по миру, что ранее казалось недостижимым, а также изменить свой образ жизни и т.п. Ведь Венгрия в 50-е годы XX века была, впрочем, как и все остальные страны «лагеря мира, демократии и социализма», отгорожена от внешнего мира далеко не виртуальным, а самым настоящим «железным занавесом», который почти герметично перекрывал её границы, как то и полагалось при «лагерной системе». Ссылаясь на это, отметим,

что на границе Венгрии с Австрией в 1948 г. были возведены практически непреодолимые четыре полосы заграждений из колючей проволоки на бетонных сваях длиной 365 км, вдоль которых тянулось минное поле, и это сооружение надежно отгораживало, изолировало население страны от расположенных к западу от него европейских стран. Такое «лагерное» состояние вызывало у части молодежи естественный интерес побывать «за забором», желание своими глазами увидеть, что же представляет собой на деле западный мир. Но такой реальной возможности у них не было.

В середине 50-х годов не только молодежь, но и всё венгерское общество находилось в состоянии ожидания неизбежных перемен. Одних вдохновил вывод советских войск из Австрии (1955 г.), восстановление её суверенитета и провозглашение нейтральным государством, что подпитывало надежды, связанные с ожиданием чего-то подобного применительно к Венгрии, других обнадёживали идеи XX съезда КПСС и стремление к демократизации существующего режима, хотя бы посредством его частичной модификации (прежде всего, отказа от сталинизма). В тех условиях под давлением общественности правительство ВНР согласилось 10 мая 1956 г. начать демонтаж технических заграждений на границе с Австрией. Устранение этого сооружения обнадёживало многих венгров, обещало развитие хотя бы приграничных связей, давало возможность для посещения родственников по ту сторону границы (правда, в австрийском Бургенланде тогда проживало уже около 6 тыс. венгров, а до отделения этой территории от Венгрии в 1920 г. – 26 тыс.)³⁴. Вместе с тем, ситуация порождала призрачную иллюзию, надежду на то, что Венгрия сможет пойти австрийским путем общественно-политического развития, стать нейтральным государством. Разумеется, такие представления никак не вписывались в планы восточного блока.

Характерно, что через разминированные участки австро-венгерской границы уже в мае 1956 г. из Венгрии на Запад ушли 127 чел., а в сентябре, когда завершился демонтаж – 408 чел.³⁵ По сути, эти люди и являлись первыми беженцами-эмигрантами 1956 г., прошедшими на Запад через Австрию. Правда, тогда ещё никто и подумать не мог о том, что осенью в этом направлении Венгрию покинет столь значительная масса беженцев. Но именно это и произошло после стихийного народного бунта, вызванного политикой правящей верхушки, венгерской революции, подавленной советскими войсками. Из ВНР уходили люди, отстаивавшие её завоевания и не готовые принять реставрацию старого режима. Уходила молодежь, гонимая силовиками возрождавшегося старого режима, опасаясь за свою жизнь и наказания даже за минимальную причастность к осенним событиям. Вместе с ней покидали страну и те, кто по личным мотивам решил на эмиграцию, а вслед за ними последовали отступавшие участники национального сопротивления и упомянутых рабочих Советов, какое-то время ещё надеявшиеся договориться с новой властью о возможном сохранении некоторых завоеваний революции.

Возвращаясь к анализу преобладающего молодёжного состава беженцев, отдельных групп разнородной массы эмигрантов 1956 г., нельзя не учитывать, что многие из покинувших страну молодых людей обучались и выросли в условиях народной демократии и утвердившегося режима Ракоши, который строил социализм советского типа. Тем не менее, а, возможно, и благодаря этому существенная часть этой молодёжи и прежде всего студенчество уже накануне и в дни революции 1956 г. сделала выбор в пользу демократизации страны, что, однако, не принималось ретроградными силами партийно-государственного руководства тогдашней ВНР. И хотя не вся покинувшая ВНР молодёжь имела веские причины для вынужденного ухода из страны, почти целое поколение молодых венгров стало эмигрантами. Иными словами, часть молодёжи эмигрировала, опасаясь последствий своего участия в массовых демонстрациях и революционных событиях, другая руководствовалась стремлением побывать в отгороженном от неё западном мире. Одни спасались от преследований, другие мечтали поехать по миру или проявляли интерес к западным ценностям и жизненным стандартам, желая иметь не только хорошо оплачиваемую работу, но и автомашины, собственные дома, жить и работать в более достойных условиях.

Опасения молодых беженцев были не надуманными, ведь практика показала, что многие их сверстники (даже школьного возраста), оставшиеся на родине, не избежали арестов и тюремного заключения, а часть – даже смертной казни. На долю молодых, в какой-то мере причастных к революционным событиям, выпали немалые испытания. Около половины из 20 тыс. раненных в дни революции и защиты её завоеваний составляли именно молодые люди до 30 лет³⁶. Характерно, что весной 1957 г. генеральный прокурор ВНР счёл возможным просить разрешение на смертную казнь даже для молодых людей с 16-летнего возраста, ссылаясь на то, что среди участников вооруженных выступлений было много молодёжи, а затем в своём распоряжении № 12/1957 подчеркивал, что в данном вопросе не следует придерживаться «либеральных тенденций»³⁷.

Ситуация рубежа 1956–1957 гг. в ВНР так или иначе заставляла бывших участников революционной борьбы, включая молодых венгров, причастных к активному сопротивлению, членов стихийно возникших рабочих и революционных Советов на местах искать убежище за границей. И они в рядах беженцев оставили пределы Венгрии и в своем большинстве оказались на австрийской, а отчасти и на югославской территории. Те, кто не успел этого сделать, были арестованы и подвергнуты разным мерам наказания. В послереволюционной ВНР с 11 декабря 1956 г. вплоть до 3 ноября 1957 г. действовали чрезвычайные суды. При этом новая власть, за которой стояли советские войска, была недовольна медлительностью и результатами их работы (28 декабря 1956 г. глава нового правительства Я. Кадар поднял вопрос о проведении ускоренных судебных процедур). В январе 1957 г. Совет народных судей Верхов-

ного суда ВНР, учитывая наличие среди задержанных большого числа молодых людей, принял специальное решение, которым было дано разрешение на «совершение казни молодых людей, когда им исполнится 16 лет»³⁸. Характерно, что в ряде случаев власти специально дожидались достижения совершеннолетия задержанных подростков, чтобы затем иметь возможность привлечь их к судебной ответственности. Общий итог возмездия новых властных структур над участниками революции и национального сопротивления таков:

– с декабря 1956 г. до конца 1963 г. были осуждены в общей сложности 21 588 чел. (в т. ч. с мотивировкой: за переход границы и содействие переходу – 7210 чел.; за подстрекательство – 6673, за участие в заговоре и восстании – 4450, за хранение оружия – 3211 чел.; за измену родине, оказание поддержки врагам и шпионам – 44 чел.). Кроме того, решением суда 339 человек были поставлены под полицейский контроль;

– по политическим причинам были осуждены и казнены 229 человек.³⁹

Примечательно, что по социальному составу 75% всех осужденных в 1957 г. за свои активные поступки в период революции и национального сопротивления являлись представителями тех слоёв венгерского общества (рабочими и крестьянами), защиту интересов которых собственно и провозгласило новое «рабоче-крестьянское правительство». Определяя общее число казнённых за действия, совершённые в дни народного восстания и национального сопротивления, обратимся к словам Я. Кадара, произнесённым им спустя многие годы при встрече с советским руководителем эпохи перестройки М. С. Горбачевым. Лидер венгерской компартии, в частности, заявил, что среди судебных решений, вынесенных в своё время в Венгрии в отношении «контрреволюционеров», «было около 280 смертных приговоров»⁴⁰. Подобные судебные решения и действия властей не располагали к возвращению из эмиграции активных участников вооружённого сопротивления и многочисленной молодёжи.

Наряду с охарактеризованным молодёжным контингентом в рядах эмиграции 1956 г. имелись и другого рода группы и слои диссидентской массы. По своей структуре они представляли собой довольно гетерогенные группы эмигрантов, среди которых были и просто напуганные вторжением в страну громадного числа советских войск и боевой техники. Последние опасались, что события могут привести к гражданской или даже к глобальной мировой войне, поэтому предпочли воспользоваться возможностью покинуть страну как можно быстрее и как можно дальше. Они оставили Венгрию вполне осознанно, как и участники уличных боёв и политических багалий, которым приходилось скрываться от привлечения к ответственности уже после того, как убедились в невозможности отстоять демократические завоевания революции. Эмигрировали также те представители левых сил, кто потерял веру в возможность хотя бы несколько скорректировать общественно-политическое устройство страны путём реформ и предчувствовал угрозу реанимации ракошистского режима. Отдельную группу беженцев составляли деклассированные

элементы из числа «бывших», прошедшие в годы ракошизма по лагерям. Среди эмигрантов находились и люди, просто недовольные своим положением, которые, не видя реальных возможностей для его изменения, направлялись в эмиграцию. И, наконец, присутствовала категория бывших политзаключённых, которые отбывали срок в основном за надуманную «антигосударственную деятельность» а также прочие заключённые, освобождённые революцией из лагерей и тюрем.

Уже в апреле–июне 1957 г. произошло восстановление демонтированных в 1956 г. технических заграждений («железного занавеса») на венгеро-австрийской границе. В Венгрии утвердились порядки и политическое обустройство, характерные для советского блока. Посол Норвегии в Праге Й. М. Финне-Грэн, который уже в ноябре 1956 г. после посещения Будапешта вполне определенно сообщал своему МИДу, что «правительство Кадара без всякого сомнения является чисто советским теневым кабинетом», совершив в апреле 1958 г. поездку в Венгрию, в своём донесении от 25 апреля так описывал ситуацию на венгеро-австрийской границе: «Венгерская пограничная станция Хедешхалом охраняется войсками. Здесь, на венгерской границе восстанавливается забор из колючей проволоки, мины, вышки, словом, всё то, что хорошо известно нам по Чехословакии. В 1956 г. эти заграждения и занавес из колючей проволоки были сняты в австрийском направлении, что во многом облегчало бегство в октябре–ноябре 1956 г. Укрепления на сей раз прочнее, чем когда-либо. Я спросил австрийского пограничника, продолжается ли ещё бегство, и он ответил, что временами ещё переходят к ним сами пограничники, сдают своё оружие и просят убежища. Всего две недели назад двое венгерских солдат покинули свой пост и перешли на нашу сторону»⁴¹. Действительно, хотя и всё реже, но отдельные диссиденты из ВНР ещё и в 1958 г. продолжали появляться на Западе, добираясь иногда окольными путями.

Венгерское рабоче-крестьянское правительство во главе с Я. Кадаром почти с самого начала предпринимало попытки вернуть в страну хотя бы малую часть беженцев (разумеется, лояльных к социалистическим идеям и утверждавшемуся устройству, непосредственно не задействованных в «контрреволюционных событиях»), но особых успехов в этом оно не достигло. Заинтересовано оно было в этом прежде всего из пропагандистских соображений. При этом акцент ставился на то, что за границу ушла «введённая в заблуждение» молодёжь. Присутствовал также расчёт на появление неизбежного и вполне естественного желания вернуться, на тоску по родным местам, родственникам, на стремление восстановить связи с оставшимися дома друзьями и коллегами. Эти и прочие обстоятельства должны были заставить хотя бы часть беглецов вернуться в Венгрию. Разумеется, инициативы и конкретные действия правительства, направленные на возвращение целого «сбежавшего поколения», преследовали не столько гуманитарную, сколько политическую цель — убедить внешний мир в искренних намерениях новой власти и тем самым вы-

вести страну из международной изоляции, в которой она оказалась. Наряду с попытками вернуть на родину хотя бы часть эмигрантов, не участвовавших непосредственно в вооруженной борьбе, началось возрождение *Всемирного союза венгров*, который между двумя мировыми войнами играл весьма важную посредническую роль в поддержании живых контактов родины с венгерскими эмигрантскими центрами и организациями за рубежом, особенно в США и Канаде.

Хотя надежды политического руководства ВНР в полной мере и не реализовались, небольшую часть беженцев-эмигрантов всё же удалось вернуть на родину благодаря обещаниям амнистии. В этой связи характерно, как ответил Я. Кадар на вопросы депутата английского парламента И. Бредимаса об отношении официальной Венгрии к беженцам. 7 февраля 1957 г. он, в частности, заявил: «У большинства людей, которые массами оставили страну, не было оснований для бегства. Очень многих подтолкнула к этому определенная радиопропаганда и, прежде всего, панические слухи, соблазны, заманчивые и лживые обещания радиостанции «Свободная Европа». Позиция венгерского правительства заключается в том, что беженцы могут вернуться на родину, и для этого им дается срок до 31 марта. Уже сейчас более 16000 венгров вернулись на родину. Никто их трогать не будет, если они не совершали наказуемых деяний, и они получают возможность вернуться к прежней жизни»⁴². Следует отметить, что в «эпоху Кадара» на родину из стран Запада в общей сложности возвратились около 50 тыс. бывших венгерских эмигрантов⁴³. Остальные стали невозвращенцами, пополнив ряды прежних волн венгерской эмиграции и национальную диаспору в разных странах мира.

В связи с желанием кадаровской власти вернуть на родину больше беженцев-эмигрантов нельзя обойти молчанием и тесно связанный с этим вопрос амнистии. Об этом в то время публично не говорили, но в правящих кругах, безусловно, принимали во внимание такую возможность, так как амнистия становилась весьма важной и неизбежной задачей, от решения которой зависело получение Кадаром и его сторонниками легитимности своей власти, её международное признание. Поэтому, когда 21 декабря 1957 г. проблема была поднята на закрытом заседании ЦК переименованной компартии (Венгерской социалистической рабочей партии – ВСРП), Кадар по этому вопросу сформулировал свою позицию так: «Амнистия – основной боевой вопрос для наших врагов... Амнистия будет, но только тогда, когда она поможет укреплению наших сил. Если амнистия была бы сейчас, её пришлось бы распространить и на главных виновников, а это ослабило бы народную демократию. Для врагов амнистия очень важный вопрос, вопрос престижа. Она важна и на родине, и в эмиграции для наших сторонников... До врагов нам необходимо донести, что чем больше на нас будут оказывать давление, тем позже будет амнистия»⁴⁴.

Подходящее время для объявления амнистии наступило для Будапешта в 1963 г., после чего постепенно начались сначала краткосрочные поездки

в ВНР отдельных бывших эмигрантов, которые уже стали гражданами западных государств. На такие поездки, правда, на том этапе решались лишь самые отважные, но со временем за ними последовали и другие эмигранты.

Что же касается репатриантов, то ими стали в основном те эмигранты, которые не сумели приспособиться к жизни на Западе, но таких было относительно мало. Коснувшись этого вопроса, следует отметить, что в «эпоху Кадара» на родину из стран Запада в общей сложности возвратились около 50 тыс. бывших венгерских эмигрантов⁴⁵. Бывшие активные участники уличных сражений и военные, ставшие на сторону революции и национального сопротивления, оказавшись в эмиграции, решиться на такое не могли ещё долгое время, ведь им по-прежнему угрожала бы опасность. По самым разным причинам и мотивам не стали репатриантами и представители многих других групп эмигрантов, напр., журналисты, писатели и прочие интеллектуалы, открыто выражавшие в своё время неприятие тоталитарного режима Ракоши и поддерживавшие затем реформаторские инициативы, а также демократические преобразования революционного правительства И. Надя. Перед ними, как и политическими деятелями эпохи народной демократии, пути возвращения на родину открылись только в конце 80-х годов XX века, но главным образом после падения коммунистического режима.

Среди беженцев 1956 г., надолго или навсегда оставшихся в западной эмиграции, было немало весьма известных в условиях революции людей, которым в своё время удалось избежать ареста и выбраться из страны. К их числу принадлежала, в частности, *Анна Кетли* (1889–1976), член революционного правительства Имре Надя в ранге министра, выехавшая в Вену на встречу представителей европейских социал-демократических партий, где и застала её вторая вооружённая агрессия против революционной Венгрии. Возвращаясь на родину 4 ноября 1956 г., она в Шопроне, в городе на западе Венгрии узнала о свержении правительства Имре Надя. Тогда решила вернуться в Вену, а оттуда через Франкфурт вылетела в Нью-Йорк, чтобы принять участие в заседании Совета Безопасности ООН, где обсуждалось положение в Венгрии. Появление А. Кетли на этом форуме мировой политики, где она выступила с отчётом о событиях на родине, стало сенсационным. С этого момента началось и её длительное пребывание на Западе в качестве политэмигранта. Являясь единственным оставшимся на свободе членом правительственного кабинета И. Надя, Кетли в эмиграции с большой решительностью пыталась совершить невозможное. Она добивалась мобилизации мировой общественности и политических сил стран мира, чтобы осуществить вывод советских войск из Венгрии, восстановить правительство И. Надя с тем, чтобы затем можно было бы в мирных условиях завершить процесс начатой им демократизации общественно-политической жизни страны, за которую венгры начали бороться 23 октября 1956 года. Кетли вела переговоры с генеральным секретарём ООН Д. Я. Хаммаршельдем, информировала Совет Безопасности о собы-

тиях истекшего десятилетия в Венгрии, о причинах и обстоятельствах восстания, о политической и вооружённой борьбе, о действиях правительства И. Надя, о советском вооружённом вмешательстве и советско-венгерских переговорах и пр.

Личность А. Кетли, широко известная в демократических кругах Запада, безусловно, обогатила ряды социал-демократических, да и вообще центристских сил западной венгерской эмиграции. Она знакомила представителей Социнтерна с преступлениями режима Ракоши, назвав его главной виной то, что тот своей политикой и действиями скомпрометировал идеи социализма. А. Кетли в условиях эмиграции следовала собственной программе политических действий, которая базировалась на отрицании «так называемой пролетарской диктатуры», на требовании введения санкций против кадаровского и советского режима, была направлена на освобождение членов правительства И. Надя и завоевание полной поддержки национального представительства свободной Венгрии и пр.⁴⁶ Находясь за пределами ещё сопротивлявшейся Венгрии, она на страницах печати и на волнах западных радиостанций разъясняла истинные позиции и устремления правительства Надя, а затем осудила и «жесточайшую форму колонизации» страны. В венгерской радиопередаче из Лондона 14 декабря 1956 г. Кетли, в частности, подчёркивала: «Венгерское восстание было народным движением, и его нельзя клеймить фашистским или контрреволюционным ярлыком. Венгерский народ восстал, ибо ему надоело терпеть нищету и голод»⁴⁷. В начале 1957 г., с созданием в ООН специальной комиссии («Комитета пяти») для расследования событий в Венгрии, призванной собрать свидетельства и подготовить об этом соответствующий отчёт, она прилагала усилия для сбора свидетельств очевидцев.

Подобных этой женщине политиков, которые в эмиграции продолжали заниматься политической деятельностью и отстаивали идею свободы и независимости Венгрии, было немало. В частности, к ним принадлежал генерал-полковник, а впоследствии историк *Бела Курай*. Будучи кадровым офицером, он в 1944 г. перешёл на сторону советских войск, в 1945–1951 гг. занимал высокие посты в венгерской армии, в 1951 г. был арестован и освобождён только в 1956 г. В дни революции он стал главнокомандующим Национальной гвардии. В 1956 г. эмигрировал в США, где до 1989 гг. активно участвовал в жизни новой политэмиграции. Вернувшись на родину, в 1990–1994 гг. он был депутатом Государственного собрания (парламента) Венгрии. Среди известных представителей вооружённого сопротивления был агроном *Гергей Понграц* (1932 г. р.), которого 25 октября 1956 г. венгерские повстанцы в будапештском проезде Корвин (там велись упорные бои в дни революции) избрали своим командиром. Ему удалось выехать из страны 28 ноября и жить некоторое время в Испании, затем в США. На родину он также вернулся только в 1989 г.

Другим, не менее именитым диссидентом 1956 г. стал и офицер венгерской армии, всемирно известный футбольный нападающий *Ференц Пушкаш* (1927–2006), игрок команды «Хонвед», член сборной команды страны. Он покинул Венгрию в 1956 г. на вершине своей профессиональной спортивной карьеры и славы. Наиболее успешный период венгерского футбола, как известно, связан именно с его именем. Он заслужил высокое звание «лучший спортсмен Венгрии XX века». Любителям спорта он запомнился в 1953 г., когда сборная страны при его активном участии в Лондоне со счётом 6:3 победила английскую команду, которая до этого не знала поражения на своём поле в «Уэмбли». В 1954 г. на чемпионате мира в Швейцарии сборная во главе с Пушкашем в финале повторно встретила сборную ФРГ, но венгры смогли завоевать только серебро, хотя в прежнем матче нанесли немцам серьёзное поражение.

На Западе Пушкаш в политической деятельности не участвовал, но его эмиграция стала ярким выражением протеста против подавления революции. В Испании он продолжал заниматься своим любимым делом и добился весьма выдающихся успехов в составе футбольного клуба «Реал Мадрид». На родину футболист вернулся в 1981 г. В качестве нападающего Пушкаш установил мировой рекорд: забил 84 гола за 85 матчей в составе сборных, удостоился олимпийского ордена Международного олимпийского комитета (МОК) и звания почётного посла венгерского спорта; его именем назван крупнейший стадион Будапешта. Когда в конце 2006 г. Пушкаш ушел из жизни, в последний путь своего мира провожали не только жители родного Будапешта, но и всей страны⁴⁸.

Свой протест против подавления революции выразил в 1956 г. также коллектив всей сборной команды спортсменов Венгрии и их тренеры на Олимпиаде в австралийском Мельбурне. Подобно им, массовый протестом против нового военного вмешательства и реставрации старого режима в Венгрии стал отъезд из страны полного штата студентов и преподавателей такого старинного вуза Венгрии, как Высшая лесотехническая школа в Шопроне. Её примеру последовали и некоторые другие учебные заведения с массами учеников в надежде на то, что их поступок будет замечен и сможет привести к изменению ситуации в Венгрии к лучшему, вызовет сочувствие и активную поддержку мировой общественности.

2. Приём венгерских беженцев-эмигрантов в ФРГ и Голландии

Основная масса венгерских беженцев прошла через лагеря на территории Австрии. Значительное скопление беженцев в этой стране уже в ноябре–декабре 1956 г. создало весьма острую, требующую срочного решения проблему, сопряжённую с размещением в лагерях и хотя бы временным обеспечением людей пропитанием перед наступлением холодов, их последующим распределением и отправкой в страны, готовые принять их в качестве политических

беженцев или эмигрантов. Австрия как сопредельная с ВНР базовая страна, куда направилась почти вся масса венгерских беженцев, в той или иной мере задействованных в революционных событиях 1956 г., лишь на время могла стать убежищем для большинства из них. Оттуда, получив статус политических беженцев, при помощи и содействии международных гуманитарных организаций ООН они продолжили путь в те страны, где впоследствии обосновались и стали эмигрантами.

Революционные события октября 1956 г. в Венгрии, вооруженная ликвидация завоеваний революции, последующее массовое бегство людей из страны привели к тому, что наряду с Австрией одной из первых в Европе их приняла ФРГ. Скученность венгерских беженцев в соседней Австрии заставила политическое руководство Западной Германии предпринять необходимые подготовительные меры для приема венгерских беженцев и эмигрантов, оказать им действенную помощь. Официальные круги ФРГ, учитывая, что страна лишь недавно стала членом международной Женевской конвенции, уже 6 ноября 1956 г. – на второй день после второго советского военного вмешательства – обсудили вопрос о приеме вынужденных бежать из страны венгров. Наряду с приёмом восточных немцев из ГДР, которые в 50-е годы вплоть до возведения берлинской стены (1961 г.) регулярно прибывали в Западную Германию ежегодно по 50–60 тыс. человек, они решили рассмотреть возможность принятия также беженцев из Венгрии.

Вечером 6 ноября 1956 г. в МИДе ФРГ собрались ведущие представители внешней политики страны, МВД и специалисты по делам беженцев, чтобы выработать политику федерального правительства по этому вопросу. Руководство МИДа проинформировало собравшихся о просьбе Верховного комиссара ООН по делам беженцев и представителя Комитета по делам европейской миграции (ИСЕМ), обратившихся к правительству ФРГ с просьбой об оказании помощи в приёме беженцев из Венгрии. В результате обсуждения выработали приоритеты и договорились об очередности приёма страной разных категорий беженцев. Было решено, что принимать в первую очередь следует восточных немцев из ГДР и других стран восточного блока. За ними следовали венгерские граждане немецкой национальности (*Volksdeutschen*), а затем студенческая молодёжь, потом беженцы, имевшие родственников в ФРГ, и, наконец, прочие мадьяры⁴⁹. По сути, это означало введение определённых ограничений в отношении отдельных категорий беженцев, а также установление квот. Предложение МИДа принять всех венгров из Австрии в качестве политических беженцев и эмигрантов было отклонено представителями МВД с ссылкой на то, что все они уже были признаны таковыми в Австрии и повторно делать этого не следует. Собрание высказалось за разработку конкретных представлений и планов в отношении беженцев.

На первом этапе официальные круги страны намеревались принимать лишь ограниченную категорию беженцев из Венгрии, которые принадлежали

к числу этнических немцев и некоторую часть венгерской учащейся молодежи – студентов высших учебных заведений и учеников гимназий – независимо от их национальной принадлежности. Общая численность этих категорий, коих западногерманские власти были готовы принять, первоначально определялась максимумом в 3 тыс. человек. В середине ноября 1956 г. такая готовность была конкретизирована и определена следующим образом: ФРГ готова принять 1000 венгерских граждан немецкой национальности и до 2000 венгерских студентов. Правда, специалисты по делам беженцев уже тогда предполагали считаться с необходимостью принятия не только студентов, но и преподавательских кадров уже упоминавшейся шопронской высшей лесотехнической школы. Студентов этого вуза предполагали разместить в здании немецкой Горнорудной академии Клаусталь-Целлерфельда, которое, однако, не могло вместить всех оказавшихся в Австрии студентов венгерского вуза, поэтому им не удалось в эмиграции остаться вместе. Впрочем, в итоге вся венгерская студенческая молодежь из Австрии, как это выявил венгерский историк Т. Черешнеш на материалах австрийского федерального архива, была распределена и направлена в разные страны. При этом полностью учитывались пожелания каждого студента. В результате 60% всех бежавших из страны студентов переехали в ФРГ, 10% – в другие страны Европы, а 30% решились отправиться за океан для продолжения учёбы. В Германии всю работу с беженцами было поручено курировать Федеральному министерству по делам беженцев⁵⁰.

После прибытия из Австрии первого транспорта с венгерскими беженцами, правительство ФРГ 22 ноября 1956 г. на своем заседании повторно обсудило их проблему. Выступивший там министр иностранных дел ФРГ, сославшись на тяжёлое положение беженцев в австрийских лагерях, предложил принять уже не 3000, а 5000 венгров. После дискуссии канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, подводя итоги совещания, определил окончательное число венгерских беженцев, которое реально примет его республика, в 10 тыс. человек. Для изучения опыта работы с беженцами в Австрию был направлен правительственный инспектор, чтобы на месте подготовиться к их приёму, ориентируясь в первую очередь на молодёжные группы венгров. Изучив ситуацию, инспектор впоследствии доложил правительству, что молодые венгры в своём большинстве предпочитают не принимать английские, французские и итальянские предложения, но хотя бы эмигрировать именно в ФРГ (такой выбор сделали, как отмечалось, 60% опрошенных студентов). Отмеченное соотношение явно объяснялось как географической близостью ФРГ к Венгрии, так и знанием языка. Вместе с тем немецкие специалисты выявили недостаточно высокий уровень знания беженцами немецкого языка, после чего было решено организовать для них ускоренные языковые курсы в приемниках и лагерях уже на территории Германии. Кроме того, Общество Красного Креста и Полумесяца приняло решение уравнивать прибывающих в ФРГ венгров в правах

с этническими немцами из ГДР и выделить им одинаковые финансовые средства для начального этапа пребывания на территории Германии («Übergangsgeld und Begrüßungsgeld») ⁵¹.

В первом, прибывшем из Австрии в ФРГ 23 ноября 1956 г. транспорте было 454 эмигранта. После кратковременного пребывания в перевалочном лагере Гёттингена они были распределены по разным землям Германии. Большинство из них (103 чел.) оказалось в лагере под Гамбургом, остальные попали в Бремен (192 чел.) и города Нижней Саксонии (99 чел.), а также Шлезвиг-Хольштайна (25 чел.), Баден-Вюртемберга (14 чел.), Северного Рейна-Вестфалии (11 чел.), Баварии (6 чел.) и в Западный Берлин (3 чел.). Впоследствии одного из беженцев, техника по специальности, по его просьбе возвратили в Вену ⁵². Прибывшие последующими партиями венгры также распределялись по землям Германии.

В целом все перемещённые в ноябре-декабре 1956 г. из Австрии венгры общей численностью 13 тыс. 577 чел., были размещены в пяти основных лагерях ФРГ. За первые два месяца 1956 г. официально зарегистрировали именно столько новых венгерских эмигрантов, причём часть из них (1496 чел.) оказалась в стране, минуя спецтранспорт из Австрии. Большинству беженцев (50,4%) выделялись места в Баварии, остальным в других землях ФРГ, но преимущественно в Нижней Саксонии (22,7%) и Северном Рейне-Вестфалии (15,9%) ⁵³.

Об этой партии беженцев, доставленных в ноябре-декабре, сохранились и другого рода сведения, которые позволяют судить о всей структуре венгерских эмигрантов, обосновавшихся после 1956 г. в ФРГ. Такой анализ, проведённый по заказу венгерского *Исследовательского института 1956 года* исследователем Ф. Черешнешем на базе статистических материалов ФРГ и закрытого отчёта ЦСУ ВНР, показал, что большинство венгерских эмигрантов в ФРГ составляли холостые мужчины и незамужние, одинокие женщины, вместе взятые (57,7 %). При этом статистики ЦСУ ВНР удельный вес этих категорий определили цифрой 59% ⁵⁴. Среди размещённых на территории Западной Германии венгров семейные пары вместе с детьми составили 27,6% общей массы эмигрантов. Причём 75,2%, т. е. свыше $\frac{3}{4}$ общего числа венгерских беженцев составляли мужчины. Нет необходимости особо подчёркивать, что данное обстоятельство, с учетом возрастных особенностей этих групп, имело немаловажное значение для экономики ФРГ, которая спустя 10 лет после окончания войны ещё страдала от существенного дисбаланса мужского и женского населения. Значительная часть венгерских эмигрантов (41,4 %) в этой стране в возрастном отношении принадлежала к группе 19–25-летних. Моложе 18 лет оказалась 20,5%, причём половина из них эмигрировала без родителей, тогда как 10,2% беженцев принадлежали к возрастной группе старше 40 лет. В суммарном выражении это означало, что 90% всех венгерских беженцев и эмигрантов составляла молодёжь не старше 40 лет ⁵⁵.

Небезразлично обратить внимание на профессиональный состав эмигрировавших в ФРГ венгров. Среди них наиболее многочисленную группу составляли квалифицированные рабочие. Характерно, что 22,2% рабочих-эмигрантов имели профессиональную подготовку, являлись специалистами в области металлообрабатывающей промышленности, 5,0% составляли горняки и шахтеры, 4,1% работники сельского хозяйства, 3,0% строители. Среди переселенных из Австрии в ФРГ венгерских беженцев-эмигрантов было по 10,8 % неквалифицированных рабочих и домохозяек, а также 15,3% учащейся молодежи. Приводя эти структурные характеристики, следует отметить, что между данными германской и закрытой венгерской статистики имеются незначительные расхождения и в отношении профессиональной структуры беженцев. Венгерская статистика даёт, в частности, несколько более высокий удельный вес промышленных (34,6%) и непромышленных (11,2%) рабочих, как впрочем, и вспомогательных (17,7%). Все они покинули страну в конце 1956 г. По венгерским данным, среди эмигрантов – лиц интеллектуального труда – преобладали инженеры и врачи (соответственно 10,6 и 4,9%). Кроме того, более высок показатель удельного веса учеников начальных и средних школ (38%), а также профтехучилищ (9,7%), в то время как несколько меньшей оказалась доля вузовского студенчества (6,5%), чем можно было бы предполагать на основании западногерманской статистики⁵⁶.

Анализируя аспекты приёма беженцев из Австрии и некоторые базовые данные о венгерских беженцах 1956 г. в ФРГ (особенно в первые месяцы их пребывания в стране), было бы неоправданным обойти вниманием вопросы, связанные с правовым статусом беженцев. В ФРГ беженцев-эмигрантов встречал германский представитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев А. Рёрхолт. Знакома их с правами и обязанностями, он отмечал, что на территории республики они получают те же права, что и все иностранцы. Кроме того подчёркивал, что после официального признания их беженцами на них распространятся также все гарантии международной Женевской конвенции, которые защитят их от высылки из страны. «Ваши права в области социального субсидирования будут идентичны правам граждан германского государства. Будете пользоваться такими же правами по защите труда, что и немцы»⁵⁷, – отмечалось в обращении представителя по делам беженцев. Вместе с тем А. Рёрхолт призвал прибывших в ФРГ венгров окончательно «обосноваться в Германии», отметив при этом, что за каждым из них сохраняется право на репатриацию и возможность воспользоваться ею, равно как и на легальную эмиграцию в другие страны мира.

В отличие от прежней практики получения статуса политэмигранта, венгры в ФРГ могли получить также промежуточный статус *временного политэмигранта*, который предоставлялся сразу же после заполнения специальной анкеты. Этот статус позволял эмигранту обдумать, оставаться ли ему в стране или уехать в какую-либо другую страну (ступенчатая эмиграция). Такая об-

легчённая процедура была необходимой ввиду массового притока беженцев. С этой целью была создана «система регистрации», пройдя которую каждый беженец получал временное удостоверение, которым подтверждался его новый статус независимо от возраста и семейного положения. Документ служил временным удостоверением личности. Его владелец, в отличие от проживавших на территории ФРГ иностранцев, не был обязан иметь работу. За соблюдением прав беженца-эмигранта и его возможное трудоустройство ответственность брали на себя федеральные министерства – МВД и Минтруда. Временное удостоверение беженца выдавалось на четыре, а позже в порядке исключения на срок до шести месяцев. За это время владелец документа имел возможность окончательно определиться, получать ли ему постоянное удостоверение личности эмигранта, репатриироваться или эмигрировать в другие страны. До истечения официального срока действия временного удостоверения, его замены на постоянное удостоверение личности документ служил подтверждением того, что его владелец является политэмигрантом. В дальнейшем уже приобретённый статус политического беженца или эмигранта продлевался или предоставлялся Нюрнбергским федеративным центром (от этого несколько отличалась процедура получения гражданства ФРГ беженцами, являвшимися этническими немцами).

Процесс интегрирования венгерских беженцев и эмигрантов в западногерманское общество значительно облегчался специальным постановлением, принятым 21 февраля 1957 г. Федеральным собранием ФРГ. Документ уравнивал венгерских беженцев в правах с этническими немцами, «приехавшими из советской зоны оккупации либо сбежавшими из Восточного Берлина»⁵⁸. Решение создавало юридическую базу для приёма и деятельности венгерских эмигрантов на территории Германии, а также их социальной интеграции в западногерманское общество (прежде всего для тех, кто решил окончательно обосноваться в ФРГ). В сентябре 1957 г. федеральное правительство Германии опубликовало отчёт Министерства по делам беженцев *«Венгерские беженцы в Федеративной Республике Германии»*, в котором обращалось внимание на следующие аспекты. На рубеже 1956–1957 гг. ФРГ оказалась в довольно тяжёлом положении, но несмотря на это решила принять как можно больше беженцев из Венгрии, оказавшихся после революции 1956 г. на территории Австрии. Стремясь помочь Австрии в размещении скопившихся там венгров, ФРГ приняла много беженцев, а в дни революции оказывала продовольственную помощь стране, а затем содействие в создании лагерей для беженцев на территории Австрии. Отмечалось, что правительству республики пришлось преодолевать немалые трудности, параллельно решая вопросы размещения и благоустройства как венгров, так и восточных немцев, которые также массами прибывали в ФРГ как переселенцы или беженцы с территории ГДР и Польши.

Властям ФРГ, действительно, было трудно сочетать приём венгерских беженцев из Австрии с хлынувшим в республику потоком этнических немцев.

Достаточно отметить, что практически одновременно с венграми в ФРГ ежемесячно прибывали десятки тысяч переселенцев из ГДР, причём, «пик» переселенческой волны восточных немцев приходился на те же критические месяцы рубежа 1956–1957 гг. Впрочем, этнические немцы переселялись также с бывших германских территорий, отошедших после Второй мировой войны к Польше. Характерно, что в конце 1956 г. в лагерях ФРГ всё ещё проживало 86 тыс. этнических немцев из восточноевропейских стран и 160 тыс. выселенных ранее из советской зоны оккупации. Кроме немецких переселенцев в республике тогда находилось немало беженцев других национальностей, общей численностью 27 тыс. человек⁵⁹, но несмотря на это западногерманское правительство не отказало в приёме венгерским беженцам и вынужденным эмигрантам.

Число венгерских беженцев-эмигрантов в феврале 1957 г. на территории ФРГ достигло 14,5 тыс. человек. Приём дополнительных групп венгерских эмигрантов затрудняли изложенные выше обстоятельства. И хотя преобладавший молодёжный контингент и мужской состав венгерских беженцев оказался экономически выгодным для послевоенной Германии, вряд ли только данное обстоятельство определяло решимость западногерманских властей принять и приютить указанное число венгерских эмигрантов. Стоит отметить, что лишь официальные представители ФРГ и Швейцарии принимали венгров в тех сложных условиях без какой-либо предварительной проверки их трудовой пригодности.

Немецкие власти позаботились также о том, чтобы адаптация венгерских эмигрантов к условиям страны прошла стремительно и как можно более успешно. В итоге венгры трудоспособного возраста были устроены на рабочие места в соответствии с их способностями и учётом профессиональных интересов. Молодежь получила возможность для продолжения учебы. У части эмигрантов, разумеется, возникали временные трудности, связанные с усвоением языка, привыканием к немецким формальностям и социально-экономическим условиям, но со временем они преодолевались. На начальном этапе с беженцами работали переводчики, проводилось обучение на специальных языковых курсах. Немецкие наблюдатели зафиксировали не только страстное стремление молодых венгерских эмигрантов к усвоению языка (что для большинства являлось стимулом к продолжению учебы в университетах), но и к приобретению материальных ценностей. Как власти, так и общество ФРГ, да и сами эмигранты были заинтересованы в плавном и скорейшем приобщении к общественной жизни страны. Для этого методично знакомили венгров с условиями жизни и отдыха, привлекали к совместному проведению свободного времени, приобщали к немецким семьям, вовлекали в различные союзы и общества, включая спортивные. Всё это обеспечивало органичное вхождение эмигрантов в сферу общественной жизни ФРГ, успехи в адаптации к новой среде.

В конце января 1957 г. ФРГ практически завершила прием венгерских беженцев. Официальные органы, ссылаясь на указанные выше трудности, в дальнейшем соглашались принимать эмигрантов из Венгрии лишь при условии их принадлежности к этническому немцам или с целью воссоединения семей. Возникал и обсуждался вопрос также о приеме венгров, оказавшихся на территории Югославии. Для этой группы беженцев была определена квота в 3 тыс. человек, но реализация уже была поставлена в зависимость от их возможной будущей репатриации или дальнейшей миграции, на практике же руководствовались критериями приоритетности и предпочтения приёма этнических немцев.

Официальные круги Голландии несколько иначе, более сдержанно отнеслись к венгерским беженцам 1956 г. Когда после 4 ноября 1956 г. люди массами покидали пределы Венгрии, посольство Нидерландов в Будапеште несколько дней подряд оставалось закрытым, т. к. правительство этой страны заняло выжидательную позицию в вопросе оценки событий и приёма беженцев. Тем не менее на следующий день уже состоялось заседание голландского кабинета министров, где было принято решение представить приют определенному числу венгерских беженцев. Через неделю министр народного благосостояния Голландии М. А. Компле информировал своё правительство о просьбе Верховного комиссариата ООН по делам беженцев принять 13000 беженцев из Венгрии со ссылкой на сложную ситуацию, которая сложилась в австрийских лагерях. Не располагая документальными данными о числе беженцев-эмигрантов, принятых Голландией, мы можем сослаться лишь на сведения, которые были обнародованы через некоторое время тем же министром. Он снова обратился к правительству с просьбой несколько увеличить число принятых страной венгерских беженцев из Австрии на 2000 человек. Предложение было принято премьер-министром В. Дреесом, хотя и без особого желания⁶⁰. При этом на заседании правительства он напомнил о тяжёлом экономическом положении страны и особенно подчёркивал трудности с жильём. Однако министры труда и жилищного строительства тогда же расценили ситуацию несколько иначе, указав на проблемы с рабочей силой и даже на острую потребность Голландии в ней.

Комиссариат ООН по делам беженцев 26 ноября 1957 г. снова обратился к Голландии с просьбой разместить хотя бы временно ещё одну группу венгерских эмигрантов, обещая, что со временем она будет переправлена в другие страны. Премьер-министр Голландии дал согласие на это при условии, что каждый из принимаемых страной новых венгерских беженцев подпишет обязательство, согласно которому его пребывание в Голландии будет временным. В результате голландские власти согласились принять в общей сложности не 2000, а 3000 венгерских беженцев⁶¹. Следует, однако, отметить, что представители голландских властей ещё в декабре 1956 г. по собственной инициативе провели среди венгерских беженцев в австрийских и югославских лагерях

вербовку рабочих для горнодобывающих работ в шахтах. Правда, эта акция не дала ожидаемых результатов, так как методы подбора кандидатов в горняки вызывали среди беженцев возмущение, к тому же агенты-вербовщики предъявили весьма жёсткие требования к рабочей силе. Так, в частности, один из венгерских беженцев в югославском лагере пожаловался представителю венгерской правительственной комиссии на то, что посетившие их голландские вербовщики «вели себя с венграми, как со скотом на ярмарке»⁶².

В целом же по сравнению с другими западными странами политика правительства Голландии в отношении беженцев оказалась весьма скупой и впоследствии с полным основанием была подвергнута критике депутатами верхней палаты парламента страны. Правительство Дрееса старалось не только ограничить возможности приёма беженцев и эмигрантов из Венгрии, но и требовало, чтобы в страну завозили при этом «только самых надежных и не бедных». В самой Голландии специальные агенты наблюдали за тем, чтобы должным образом отфильтровать беженцев и не допускать в страну «не только коммунистов, агентов АВХ [органов Управления госбезопасности – Б. Ж.], преступников, но и цыган»⁶³. Довольно скудным оказалось и материальное обеспечение беженцев в Голландии. Здесь они получили гораздо больше помощи от общественных организаций и граждан страны, чем от самого правительства. Нельзя не отметить, что голландская общественность при этом активно и с протестами реагировала на второе советское военное вторжение 4 ноября и вооружённое подавление венгерской революции 1956 г., а население устроило весьма теплую встречу прибывшим в Голландию венгерским диссидентам.

3. Венгерские беженцы 1956 года в Югославии

В глазах широкой венгерской общественности Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ) во главе с И. Броз Тито имела образ гораздо более привлекательного и гуманного социализма, чем Венгрия с её тоталитарного толка ракошистским режимом, копирующим в деталях советский образец его построения. Венгры недаром пытались его несколько видоизменить. Революция 1956 г. заставила бежать из страны не только ненавистных народу Ракоши и Герё, но и других, также дискредитировавших себя представителей ортодоксальных и консервативных сил высшей партийной верхушки и, конечно, основного органа насилия – госбезопасности. В октябре-ноябре 1956 г. часть последних оказалась на территории сопредельной Югославии. Затем, после подавления венгерской революции, временное убежище в этой соседней стране искала также часть венгерских беженцев, которая в той или иной степени была причастна к революционной борьбе и национальному сопротивлению. Впрочем, нельзя не отметить, что основная часть венгерского революционного правительства Имре Надя в ходе второго

советского военного вмешательства также нашла *временный приют* в здании посольства Югославии в Будапеште. Позднее многие из венгров, напуганных развернувшимися боевыми действиями, искали и находили *временное пристанище* в ноябре–декабре 1956 г. на территории Югославии. Общеизвестно, что наряду с Австрией именно эта социалистическая страна стала местом второго массового скопления венгерских беженцев, где они и «застряли» на несколько месяцев.

До недавнего времени мало было известно о реальной численности и составе венгерских беженцев, нашедших в конце 1956 г. убежище в Югославии. Как их принимали, сколько из них остались эмигрантами в этой стране, сколько вернулось на родину, куда направились остальные? Официальных данных обо всём этом очень мало, долгое время они не находили отражения ни в политической, ни в научной литературе. Лишь в последнее время отдельные исследователи в Венгрии и Югославии начали проявлять интерес к данной проблеме. Правда, в своё время югославская печать устами официальных лиц обнародовала некоторые промежуточные сведения о венгерских беженцах, находившихся в конце 1956 г. в Югославии.

Чтобы несколько восполнить существующий пробел в этом вопросе, обратимся к некоторым доступным нынешнему исследователю документам, публицистическим и литературным источникам, которые позволили хотя бы кратко ответить на поставленные вопросы. Как указывалось в одном из не так давно ещё «строго секретных», а ныне уже опубликованных документальных отчётов, отправленных в МИД ВНР дипломатом Енё Кути, первым после революции 1956 г. временным поверенным в делах Венгрии в Югославии, представлявшим в Белграде правительство Я. Кадара, в эту страну также произошёл «массовый побег людей». Заняв свой пост в Югославии, Кути сразу же побывал на приёме у заведующего Главным политотделом Государственного секретариата ФНРЮ по иностранным делам Ф. Бабича, после чего отправил в Будапешт сообщение, в котором, в частности, отмечалось: «Бабич заявил, что, по его сведениям, от Хоргоша [пограничный населенный пункт – Б. Ж.] до австрийской границы люди действительно повсюду переходят из Венгрии в Югославию. В большинстве это бывшие солдаты Управления госбезопасности, рабочие, крестьяне и в процентном выражении в значительной мере члены ВПТ. Точных сведений о беженцах, оказавшихся здесь, ещё нет, – сказал он мне. – Югославия предоставляет им убежище в духе основополагающих документов ООН»⁶⁴.

Информация Кути датирована 19 декабря 1956 г., но в ней по сути описывалась ситуация того периода, когда ещё казалось, что венгерская революция 1956 г. побеждает, а опасавшиеся революционного гнева сторонники ракошистского режима (партийные функционеры ВПТ, гэбисты, солдаты пограничной службы, часто вместе с семьями) искали спасение в социалистической Югославии. Это был лишь первый этап перехода беженцев в Югославию, про-

должавшийся до 3 ноября 1956 г. Он был связан с распадом созданной ракошистами системы и не набрал массовости, которая не замедлила появиться на последующем этапе. По официальным данным югославской политической полиции, в ряду немногочисленных первых групп беженцев насчитывалось всего 178 представителей указанных кругов⁶⁵.

После 4 ноября 1956 г. ситуация коренным образом изменилась. Резко возросла численность беженцев из ВНР, и коренным образом изменился их состав. Вначале, до официальной просьбы Верховного комиссариата ООН по делам беженцев предоставлять убежище венграм, которые массами оставляли пределы Венгрии, югославские органы пытались возвращать их органам новой власти или же содержали их под стражей. Впоследствии, однако, Югославия была вынуждена принять во внимание подписанные ею Женевские соглашения и оказать помощь беженцам. На начальном этапе, как справедливо писала в этой связи сотрудница библиотеки Белградского университета Катрина Ковачевич, югославские власти пытались скрыть, точнее, несколько приуменьшить число оказавшихся в стране венгерских беженцев. Так, если в ноябре 1956 г. они говорили всего о 471 беженце, то в декабре уже признавали целую тысячу. Но даже эти последние данные вызывали тогда сомнение у иностранных журналистов, которые – впрочем, как и само население страны, – полагали, что в Югославии находится в два-три раза больше беженцев из Венгрии⁶⁶.

Характерно, однако, что спустя всего пять дней (24 декабря) после отправки в Будапешт упомянутого донесения дипломата Кути, к представителю социалистической Югославии в ООН с официальной просьбой о срочном предоставлении конкретных данных о венгерских беженцах обратился недавно назначенный на пост Верховного комиссара ООН по делам беженцев швейцарский дипломат А. Р. Линдт⁶⁷. Отвечая на его запрос, государственный секретариат Югославии 26 декабря 1956 г. отправил телеграфное сообщение своему постоянному представителю в ООН с довольно подробными сведениями. Согласно этому документу: «По состоянию на 26 декабря в Югославии находятся 1227 венгерских беженцев. До настоящего времени репатриировались 132 чел., а 29 выехали в западные страны. Среди беженцев числятся 173 женщины и 138 детей моложе 13 лет, число семей – 65». Кроме этого, в документе отмечалось, что 800 беженцев сообщили о своем желании выехать в другие страны и что югославские органы уже 11–12 декабря передали первые списки 302 беженцев представителям государств, в которые те намерены эмигрировать. Первый список при этом конкретизировал: «133 чел. намерены выехать в США, 40 – в Австралию, 36 – в Канаду, 15 – во Францию, 6 – в Аргентину, 16 – в Австрию, 15 – в Западную Германию, 8 – в Швецию, 7 – в Италию, 3 – в Бразилию, 3 – в Англию, 3 – в Швейцарию, в Чили и Уругвай – по одному, а 15 человек еще не решили, в которой из западных стран хотели бы обосноваться»⁶⁸.

Прибывшему в январе 1957 г. от Линдта в Белград представителю по особым поручениям А. Ховейду югославские власти уже тогда сообщили, что Югославия «может принять максимум 10 тыс. беженцев»⁶⁹. Однако, в связи с продолжавшимся ростом численности венгерских беженцев (1 января 1957 г. она составляла 1748 чел., а 1 февраля уже достигла 15 321, 1 марта – 18 313 чел.), официальные круги Белграда были вынуждены информировать ООН о встающих перед страной проблемах. Они сообщили, что для обеспечения и содержания возросшего числа беженцев ФНРЮ больше всего нуждается в их финансировании. При этом отметили также, что на эти цели уже ранее было потрачено 30 млн. долларов (при суточных расходах на человека всего 3 доллара США)⁷⁰. Таким образом, если официальные круги ФНРЮ вначале возражали против проявления какого-либо интереса к беженцам со стороны Запада, считая это вмешательством во внутренние дела страны, то с массовым притоком беженцев и нехваткой средств на их содержание пересмотрели свою позицию. Нельзя, однако, не отметить, что при этом они давали возможность представителям органов ВНР негласно работать среди беженцев в своих лагерях. Министр внутренних дел Югославии С. Стефанович вскоре вынужден был публично признать, что «дела венгерских беженцев превосходят возможности Югославии, и ООН должна позаботиться о решении их проблемы», отметив также, что и «сами беженцы проявляют нетерпение и не верят, что им когда-либо удастся выехать в одну из стран Запада»⁷¹.

Известный венгерский специалист по истории Югославии XX века Эникё А. Шайти, вслед за К. Ковачевич, выявила, в частности, что 4 декабря 1957 г. на учёте югославского МВД состоял в общей сложности уже 19851 венгерский беженец⁷², покинувший пределы своей страны во время и непосредственно после подавления венгерской революции 1956 г. Конечно, в Югославии их оказалось гораздо меньше, чем в Австрии, ведь основная масса венгров полагала более надёжным переход именно через австро-венгерскую границу. В Югославию же беженцы стали массово прибывать уже после ликвидации революционной власти и особенно после блокирования войсками венгеро-австрийской границы.

Характерно, что современная научная литература, как на то справедливо указывает в своей статье исследовательница Э. Шайти, определяя общую численность венгерских беженцев 1956 г., пользуется *уточненными сведениями* – 211000 человек, причём в южном направлении, т. е. через Югославию (если брать за основу данные югославского МВД) Венгрии покинуло 9,4% всей этой массы беженцев⁷³, а по сути будущих эмигрантов. Это означало, что по численности и удельному весу Югославия приняла почти столько же венгерских беженцев, сколько и ФРГ.

Если конкретизировать состав венгерских беженцев, то первыми беженцами в Югославии в 1956 г., как отмечалось, стали офицеры и солдаты госбезопасности ВНР, а также функционеры компартии (ВПП) вместе с членами се-

мей. После 4 ноября, когда наметился массовый поток венгерских беженцев в западном направлении, австрийские власти принимали их сразу, а югославские сначала возвращали, либо задерживали и передавали их венгерским властям, о чём тогда сообщала западная печать. Югославское правительство лишь по настоятельному требованию Верховного комиссара ООН по делам беженцев изменило практику в отношении беглых венгров и распорядилось принимать их как беженцев. В конечном счёте структурная характеристика венгерских диссидентов на территории Югославии на рубеже 1956–1957 гг. во многом была схожа с составом беженцев-эмигрантов, принятых властями ФРГ. Больше половины беженцев в Югославии составляли одинокие мужчины (24,4%), семейные, прибывшие в полном составе (15%) или дети с одним из родителей (5,7%), а также одинокие женщины (8%). В возрастном отношении наиболее многочисленной группой, как и в ФРГ, являлись молодые люди 18–25-летнего возраста (30,6%), а самую малочисленную возрастную группу представляло поколение старше 45 лет. Бросается в глаза большой удельный вес детей и подростков, не достигших 18 лет. Подростки 14–18 лет составляли одну треть (33,3%) этой возрастной категории, причем их основная часть (67,3%) пересекла венгеро-югославскую границу самостоятельно, без родителей. Социологический опрос, проведённый в Югославии в марте 1957 г. среди 15689 венгерских беженцев, дал интересные результаты. Он показал, что социальная и профессиональная структура взрослой части беженцев была следующей: 56,4% составляли рабочие 18–35 лет с преобладанием рабочих квалифицированного труда, а также горнорабочих, в чём косвенно получила выражение собственно структура участников революционной борьбы; учащаяся молодёжь (школьники и студенты вузов) была представлена 14,4 процентами; среди беженцев незначительный удельный вес имели крестьяне и прочие работники сельского хозяйства (6,0%); занятые же интеллектуальным трудом (преподаватели, учителя, врачи, писатели, журналисты и пр.) были представлены всего 5,0%⁷⁴.

Венгерских беженцев в Югославии размещали в лагерях, среди которых наиболее крупным, содержавшимся под постоянным полицейским контролем, был обнесённый колючей проволокой лагерь в Герове, в 50 км от Риеки, вблизи итальянской границы. Там собирали тех, кто добивался эмиграции на Запад. Лагеря, которых в Югославии в общей сложности насчитывалось 40, возводились в местах, отдалённых от оживлённых транспортных магистралей. Были они и в Воеводине, Словении, Хорватии и Македонии. К наиболее известным относились лагеря в Чаковце, Барле, Осиеке и других местах.

Большинство венгерских беженцев (74%) не собиралось оставаться на территории Югославии и с нетерпением дожидалось возможности продолжить путь в западные страны. Для выезда из лагерей беженцам требовалось, однако, получить предварительное согласие принимающих стран, а также международной посреднической организации по делам беженцев, которая в перво-

очередном порядке устраивала и отправляла в эмиграцию собравшихся в Австрии, где было их гораздо больше. По этой причине время пребывания в югославских лагерях несколько затянулось, несмотря на то, что югославские власти далеко не одобрительно относились к участвовавшим контактам беженцев с местным венгерским населением в Воеводине. Один из жителей этой сопредельной с Венгрией югославской территории, Ласло Вегел, выступивший впоследствии по случаю 50-летия революции 1956 г. на страницах газеты «Непсабадшаг», так описывал свои личные впечатления от пребывания на его малой родине беженцев венгерской революции: «Казарма, расположенная в 200–300 метрах от нашего дома в Сенттамаши по Овербасской улице, была в ноябре 1956 г. переполнена венгерскими беженцами. Тогда я учился в гимназии в Нови Саде, но на выходные регулярно ездил домой. Мой отец, как и все венгры с нашей улицы, днём и ночью слушал радио «Свободная Европа». На улице часто появлялись венгерские беженцы, и местные венгры по выходным нередко приглашали их к себе пообедать или поужинать. Лагерные условия были ведь очень плохими, не хватало даже одеял, питание давали нерегулярно и оно было некачественным... Беженцы, состоявшие главным образом из молодых людей, были более образованными, чем наша местная молодёжь, но очень переживали, были огорчены и озабочены. Им хотелось сократить время ожидания, время своего пребывания у нас и заняться чем-то. Они искали англо-венгерские словари, но их нельзя было достать, и они интересовались исключительно новым, западным образом жизни»⁷⁵. При этом Вегел отмечал также, что местные югославские венгры, – не только из числа интеллигенции, но и простых людей, – прекрасно понимали, что в ВНР имели место «национальное восстание и революция», будучи, однако, искусственно отделёнными от основного венгерского массива, они сначала не могли понять, почему прибывшие к ним молодые венгры «не имели ни единого доброго слова в адрес своей страны и почему стремились как можно скорее забыть своё прошлое» и, бросив родину, ехать на Запад.

По просьбе венгерской стороны 22–23 ноября 1956 г. в Загребе проходило заседание венгеро-югославской правительственной комиссии по беженцам, а 28 ноября в Белграде было подписано соглашение по этому вопросу. В результате были сформированы три комиссии, которые побывали в лагерях и убеждали беженцев вернуться в ВНР. Тогда же был составлен первый список согласных на репатриацию, но в нём числился всего 141 чел. В основном это были офицеры и солдаты органов госбезопасности⁷⁶. Остальные к такому шагу не были готовы, вопреки обещаниям и развёрнутой агитационной работе. Венгерская сторона в ходе переговоров получила возможность ознакомиться со списком венгерских беженцев, изъявивших желание эмигрировать в третьи страны, т. е. продолжить путь на Запад. Все они являлись исключительно гражданскими лицами. Характеризуя их, руководитель венгерской делегации полковник Пал Маник в своём отчёте о переговорах, в частности,

написал, что среди беженцев встречаются лица «с реакционными и профашистскими настроениями, авантюрного склада», но в подавляющем большинстве это «рабочие, среди которых много шахтёров, а также студентов, преимущественно молодёжь, которая участвовала в революционных событиях или была членом Национальной охраны, и поэтому опасаются привлечения к ответственности». Как отмечала в этой связи одна из исследователей, члены комиссии, встречаясь с беженцами в лагерях, пытаясь склонить их к возвращению на родину, обещали им неприкосновенность, но успеха не добились. Беженцы больше всего опасались депортации на родину. Отказываясь вернуться домой, они указывали на случай с Имре Надем, которому были даны «гарантии», но тем не менее его увезли в Румынию, где содержат под стражей. Отказ вернуться в ВНР П. Маник в своём отчёте мотивировал словами самих же беженцев: «В Венгрии революцию подавили, страна оккупирована советскими войсками, а правительство Кадара действует вопреки воле народа и не может называться независимым правительством»⁷⁷.

В январе 1957 г. правительство Я. Кадара тем не менее предприняло новые усилия для возвращения беженцев из лагерей. Была создана специальная *комиссия по репатриации*, но ввиду неэффективности её работы в марте ей пришлось завершить свою деятельность. За это время члены комиссии побывали во всех лагерях, беседовали с беженцами, которых тогда именовали уже не «контрреволюционерами», «предателями» или «классовыми врагами», как раньше или позднее, а просто заблудшимися беженцами и диссидентами. Новая инициатива и пропагандистское обеспечение этой кампании, однако, не принесли ощутимых успехов, в связи с чем временный поверенный в делах Венгрии в СФНРЮ Е. Кути в своём донесении в МИД Венгрии обоснованно прогнозировал: «массового возвращения не будет»⁷⁸.

Такого возвращения беженцев, действительно, не произошло, хотя согласно югославской печати («Политика», 17 февраля 1957 г.) с ссылкой на слова главы МВД Стефановича, к середине февраля 976 венгров заявили о своей готовности вернуться на родину. Этот орган печати 2 апреля 1957 г., вновь ссылаясь на слова того же министра, сообщал уже о 2107 беженцах, готовых к репатриации. Это уже считалось успехом, хотя по-прежнему основной причиной такого довольно невысокого удельного веса пожелавших вернуться на родину из почти 20 тыс. беженцев в Югославию явилось недоверие к новой власти. Беженцы не поверили обещаниям комиссии об освобождении их от ответственности. Недоверие лишь усилилось после того, как в одном из лагерей среди членов комиссии по репатриации беженцы узнали одного из офицеров госбезопасности ВНР, и весть об этом быстро разлетелась по всем лагерям. Именно недоверием мотивировал провал кампании по репатриации и Стефанович, оценивая результаты работы совместной комиссии, но такова была оценка и прибывшего в марте 1957 г. в Югославию нового посла ВНР Лайоша Чеби. Последний в своём отчёте правительству сообщал, что до

6 апреля на родину возвратились всего 2124 чел., а большинство предпочло остаться и дожидаться отправки на Запад⁷⁹.

Весной и летом 1957 г. югославские лагеря беженцев посещали представители разных западных государств (Франции, Бельгии, Швеции, ФРГ и Канады) с целью набора для своих стран определённого числа венгров. Переселение из Югославии 16374 венгерских беженцев в западные страны началось с середины марта 1957 г., но в конце июля всё ещё ждали своей очереди 8320 человек. В итоге из европейских стран Франция приняла 2445 венгерских эмигрантов, Бельгия – 2376, Швеция – 1295, ФРГ – 1131, Швейцария – 744, Австрия – 381, Дания – 212, Норвегия – 344, Великобритания – 287, Голландия – 8. За океан, в США отправились 2509, в Канаду – 1765, в Австралию – 1500 венгерских эмигрантов⁸⁰. В Югославии осталось 830 беженцев, из которых, по словам министра внутренних дел страны, 635 «интегрировались в югославское общество», а судьба 76 неизвестна⁸¹.

В Венгрии в феврале 1957 г. был принят закон № 24/1957, в соответствии с которым власти больше не давали даже формальных гарантий безопасности диссидентам, оставившим ВНР с 23 октября 1956 г. по 31 марта 1957 г. Исключение было сделано только для несовершеннолетних. Правда, правительство Кадара в августе–сентябре 1957 г. сделало ещё один жест, предложив вариант ускоренной репатриации в случае групповой заявки на возвращение. С этой целью в Югославии побывала новая венгерская делегация во главе с Миклошем Барити, но и этот шаг не дал особых результатов. Как отмечалось в отчёте делегации, «практический результат был малым, всего 30–35 человек заявили о готовности вернуться»⁸². Примечательно, что в составе этой делегации находился Иштван Сирмай, будущий руководитель Отдела агитации и пропаганды, секретарь ЦК и член Политбюро ВСРП, который такой незначительный результат работы комиссии объяснил нежеланием «беглых венгров» вернуться на родину, мотивируя это их «поклонением перед Западом и глубоким антисоветизмом». Он зафиксировал также, что «многие беженцы высказывали мысль о том, что настоящий социализм и коммунизм – это то, что строится в Югославии, поскольку здесь Советский Союз не указывает им, как следует развиваться»⁸³.

Таким образом, можно констатировать, что из почти 20 тысяч венгерских беженцев 1956 г. в Югославии на родину возвратились немногим более 2 тыс. человек (т. е. до 12%), остальные стали эмигрантами в странах Запада. Приводя эти итоговые сведения, нельзя пройти мимо того, как объяснял Я. Кадар причины массового невозвращения беженцев. В венгерском МИДе 16 января 1957 г. во время приёма китайской делегации во главе с Чжоу Эньлаем Кадар объяснял ситуацию так: «Сегодня главная проблема уже состоит в том, что западные страны не отпускают их домой»⁸⁴. (Впрочем, характерно, что там же китайскому лидеру была озвучена общая численность всей ушедшей из страны диссидентской массы – 150 000 чел.).

В апреле 1957 г., когда ещё имел место нелегальный переход венгров через югославскую границу, посол ВНР в Югославии Л. Чеби в одной из бесед с заместителем премьер-министра ФНРЮ, членом Исполкома ЦК СКЮ А. Ранковичем и директором газеты «Борба», членом ЦК СКЮ В. Беговичем пытался убедить собеседников в необходимости скорее перекрывать границы и не предоставлять больше убежища венгерским беженцам. При этом он мотивировал своё предложение тем, что бегут из страны в основном подростки 12–13-летнего возраста, которые «не могут считаться политическими беженцами». Он призвал своих собеседников брать пример с чехословацких политиков, которые уже «26 октября арестовали первую же группу повстанцев, прибывшую в Кошице», «перекрыли границы и в Чехословакию больше ни один „беженец” не смог проникнуть»⁸⁵. Ранкович в ответ заявил ему, что хотя югославам «тоже надоели беженцы, которые дорого им обходятся», но объяснил, что «мы не можем поступать таким же образом, как чехословацкие товарищи, поскольку в вопросе о беженцах у нас есть собственные обязательства». При этом он добавил, что «9000 беженцев из гостиниц теперь уже переведены в лагерь»⁸⁶.

Венгрия в августе 1957 г. окончательно закрыла свои границы с этой сопредельной социалистической страной, которая предоставила убежище и дала приют значительному числу венгров. Между высшим политическим руководством двух стран вскоре появились разногласия и трения, связанные с толкованием отдельных событий и аспектов венгерской революции 1956 г.

4. Венгерские эмигранты 1956 г. в Австралии

Часть венгерских беженцев 1956 г. из Австрии была отправлена в эмиграцию на пятый континент – в Австралию. Характерно, что в отличие от эмигрантов прежней волны, в этой стране их принимали охотно и без всякой проверки, встречали как борцов за свободу Венгрии, выступивших против тоталитаризма и тирании. С такой меркой подходили даже к тем, кто покинул Венгрию ещё до 4 ноября 1956 г. по другой причине. Считается, что им добрую славу создали их предшественники из прежней волны эмиграции, которые оказались добросовестными тружениками в местах своего поселения.

Австралийский министр по делам иммиграции 8 ноября 1956 г. выступил с заявлением о решимости своей страны принять 3000 венгерских беженцев. Несколько позже австралийские власти, узнав, что среди венгров в Австрии много молодёжи, имеющей профессиональную подготовку, решили увеличить квоту приёма до 15 тыс. человек⁸⁷. Австралийские власти не без основания полагали, что молодые венгры могут стать весьма ценным пополнением рабочей силы страны, остро нуждавшейся в квалифицированных рабочих кадрах. Поэтому, отказавшись от практики последних лет, когда Австралия принимала в основном только англоязычных переселенцев, обеспечили венгер-

ским эмигрантам 1956 г. радушный прием. По сути, это и явилось отмеченным признанием заслуг как их революционной борьбы за свободу и независимость, так и высокой оценки профессионализма и трудолюбия венгерских эмигрантов, прибывших на континент после Второй мировой войны ещё в условиях начала экономического подъёма Австралии.

Новые эмигранты, в отличие от представителей прежней волны венгерской эмиграции, могли сразу же получить любую работу. Их охотно принимали повсюду, но устроиться им помогли также давно осевшие и работавшие там бывшие соотечественники, численность которых составляла, по имеющимся сведениям, порядка 15 тыс. человек. Их основная часть действительно прибыла в австралийскую эмиграцию после войны, но ряды их пополнялись и на рубеже 40–50-х годов. Соответствующий приём и отмеченные условия способствовали тому, что новое пополнение венгерской диаспоры в этой стране сравнительно быстро и успешно обосновалось на своей второй родине и органически влилось в структуру австралийского общества. Со временем численность поселившихся в Австралии венгров достигла 36 тыс. человек, которые почти в равной мере распределились между двумя крупнейшими городами страны – Сиднеем и Мельбурном⁸⁸.

Следует учитывать, однако, что эти оценочные сведения о численности венгерской эмиграции на континенте, если даже базируются на официальной статистике, далеко не точны и не полны. Достаточно отметить, что, согласно данным упоминавшегося уже венгерского посла в Австралии, на пятом континенте проживают также эмигранты венгерской национальности, которые эмигрировали не только с территории нынешней Венгрии, но немало также тех, кто уехал с территорий, которые после войны снова были отделены от неё (Трансильвания, Закарпатье, Словакия и Воеводина). Австралийская официальная статистика учитывает их по месту рождения, т. е. в качестве румын, украинцев, словаков, сербов, хорватов или словенцев на основании нынешней государственно-территориальной принадлежности тех мест. А это несколько искажает картину о реальной численности и этнической структуре эмиграции. И ещё одно обстоятельство: официальная австралийская статистика вовсе не учитывает этническую принадлежность представителей третьего-четвертого поколения эмигрантов. Это даёт основание признать вполне справедливым выводы бывшего венгерского посла в Австралии о том, что более близки к объективным реалиям те данные о численности венгров в этой стране (даже при условии некоторого преувеличения данных, а это свойственно любой эмиграции), которые приводятся представителями самой национальной диаспоры этой страны. А это означает присутствие в Австралии около 60 тыс. венгров, наряду со 100–150 тыс. хорватов⁸⁹.

Судьба беженцев и эмигрантов любой национальности, включая венгров, волновала впоследствии и представителей австралийской интеллигенции. Среди них следует назвать известного австралийского писателя Томаса Кенел-

ли, который весной 2006 г. совершил путешествие по Европе и побывал при этом в Венгрии. Он довольно определённо выразил свое личное отношение к эмигрантам, включая бывших венгерских, а также эмигрантов 1956 г. Обобщая опыт эмиграций вообще, он отметил, что человечество в отношении эмигрантов со времени Второй мировой войны ничему так и не научилось. Касаясь австралийского опыта, писатель подчеркнул, что его страна именно благодаря эмигрантам из Европы, в частности, «благодаря венграм, грекам и итальянцам сумела освободиться от узкого британского островного детерминизма». Он напомнил о том, что его страна «открыла свои объятия и перед беженцами венгерской революции 1956 года»⁹⁰. Кенелли отметил также, что сама Австралия, принимая у себя людей разных национальностей и разной культуры из Великобритании, с севера, юга и востока Европы, существенно обогатилась и стала страной поликультурной. По его мнению, хотя и существует общая австралийская идентичность, его страна не намерена стать «плавильным котлом» для эмигрантов и в будущем. Такой подход к эмигрантам и вообще стремление сохранить за прибывшими в эту страну инородцами из Европы их национальную (в данном случае венгерскую) идентичность, позволил и даёт им возможность приобщиться также к общей австралийской идентичности, т. е. иметь одновременно двоякую привязанность (свою национальную и австралийскую).

Глава 2

Структурные сдвиги в политэмиграции на Западе после революции 1956 года

1. Политические беженцы 1956 г. и их начальные организационные устремления

Мощная волна венгерского диссидентского потока 1956 г., хлынувшая из Венгрии после подавления революции, так или иначе оказала существенное воздействие на всю венгерскую эмиграцию в странах Запада. Огромное число новых беженцев, оставивших пределы Венгрии преимущественно по политическим причинам (их официально зафиксировали именно как политических беженцев), оказавшись на Западе, тем не менее не торопилось в массовом порядке вступать в существующие там политические структуры прежних венгерских эмиграций. Иными словами: третья волна эмиграции не столь существенно пополнила действовавшие там организации венгерских эмигрантов, особенно политических, вопреки тому, что беженцам, как только они пересекли границу с Австрией, с самого начала была дана возможность выбрать не

только страну проживания, но и выразить своё желание вступать в ту или другую организацию венгров за рубежом.

Эмигранты 1956 г. в своём большинстве по ряду причин предпочитали держаться в стороне от прежних организационных структур венгерской политэмиграции. Такой подход основной части представителей новой эмиграции, безусловно, разочаровал руководителей основных эмигрантских групп и эмиграционных центров, поскольку они явно рассчитывали на прилив свежих сил, на омоложение своих рядов, на оживление и активизацию своей политической деятельности. Но эти надежды не оправдались. И произошло это по ряду реальных причин и объективных обстоятельств. Среди них следует назвать, прежде всего: а) разочарование эмигрантов и особенно участников вооружённого сопротивления политикой США и других западных держав в отношении борющейся Венгрии в дни революции и особенно вооружённого сопротивления; б) недоверие к старым малоактивным и малоэффективным организациям венгерских политэмигрантов; в) возрастной (молодёжный) фактор большинства представителей новой эмиграции и то обстоятельство, что многие из эмигрантов изначально не намеревались стать классическими политэмигрантами и были ориентированы на иное.

Отмеченные причины политической пассивности эмигрантов 1956 г. в отношении уже существовавших эмигрантских организаций, их нежелание стать членами давно функционировавших старых, а тем более послевоенных новых политических центров и объединений вполне объяснимы и обоснованы. Такое поведение и такая реакция сдержанности и настороженности новых эмигрантов, особенно к организациям политэмигрантов прежнего десятилетия, считается следствием малой результативности их сотрудничества с западными политическими кругами. А непосредственной причиной тому стали, прежде всего, двуликая политика правящих кругов западных стран, расхождение между словом и делом в реальной политике и пропаганде, что особенно ярко проявилось в дни ноябрьского вооружённого сопротивления 1956 г. и это на себе реально почувствовали его бывшие участники.

Новые эмигранты и их руководители с активной политической позицией, хотя и представляли меньшинство среди этого пополнения западной венгерской эмиграции, далеко не сразу пошли на сближение с основной частью руководителей политэмиграции 1947–1949 гг. Ведущие деятели эмиграции 1956 г. знали либо предполагали, что руководящие структуры действовавшей тогда западной венгерской политэмиграции в той или иной степени связаны с правящими кругами западных великих держав, которые лишь на словах поддерживали их борьбу, поэтому относились к ним с неподдельным недоверием. Те беженцы-эмигранты, кто ещё недавно с оружием в руках защищал завоевания венгерской революции и ожидал обещанной, но так и не предоставленной им реальной помощи, этого особенно и не скрывали. Отношение новых эмигрантов к старым венгерским эмигрантским структурам неполитического характе-

ра также оставалось проблематичным – они были недовольно их медлительностью, неповоротливостью и даже некоторой архаичностью. Кроме того, исходя из возрастных особенностей эмиграции 1956 г., конечно, нельзя не считаться с тем фактором, что часть новой эмиграции и не была готова к политической борьбе, поэтому и не намеревалась пополнять ряды активных политэмигрантов.

Оказавшись на Западе, молодые люди в подавляющем большинстве были заинтересованы не столько во вступлении в эмигрантские организации и в ведении политической деятельности, сколько стремились заложить основу для своего будущего, что требовало получения ими образования в высших учебных заведениях стран, в которых они оказались, и оставляло мало времени для активной политической деятельности. В этой связи один из бывших эмигрантов, излагая впоследствии свои наблюдения, в частности, отмечал: «Большинство молодых людей 56-го года [эмигрантов 1956 г. – Б. Ж.] не присоединилось к политэмиграции, и не только по возрастным причинам, но и из-за недостаточности уровня своего общего образования. Зато их было легче извлечь из венгерской среды, где они оказались в свободном падении и легко влились в многоязычное море других народов, в лучшем случае посредством заключения брака»⁹¹.

Приводя эти мотивации и аргументы о малой привлекательности прежних эмигрантских организаций для молодых эмигрантов 1956 г., небезынтересно отметить, что, по некоторым оценочным данным, в общей массе третьей волны эмиграции было несколько тысяч венгерских студентов, которые ранее обучались в университетах. Поэтому, оказавшись на Западе, они сразу изъявили желание продолжить учёбу в профильных вузах и не включались в активную жизнь венгерской политэмиграции. Однако, представители этой категории молодых эмигрантов после получения ими диплома и соответствующей специальности становились весьма ценными членами венгерской диаспоры. Отмеченные приоритеты молодёжного контингента эмигрантов дают некоторое объяснение тому, почему выходцы из этих групп беженцев фактически не приумножили ряды политэмиграции. В этой связи следует обратить внимание на общие оценочные данные, приведённые бывшим эмигрантом, журналистом К. Надем в его книге. Если его подсчёты верны, то из всей огромной массы эмигрантов 1956 г. лишь около 2% стали впоследствии активными политэмигрантами. Подавляющее же большинство так и не приобщилось к политическим структурам венгерской эмиграции на Западе. По его же свидетельству, новые эмигранты, хотя «во всех своих заявлениях отвергали коммунизм, причём безоговорочно», и «желали освобождения Венгрии от господства враждебной и чуждой тирании», практически «не имели представления о том, чем же следовало бы их заменить»⁹². Если эти подсчёты и утверждения Нады состоятельны, то массовое пополнение политэмиграции малоподготовленными кадрами не произвело бы ожидаемый эффект.

К той меньшей части новой эмиграции, которая осознанно и целенаправленно включилась в активную политическую деятельность на Западе, принадлежали прежде всего представители вооружённой борьбы октябрьских и ноябрьских дней 1956 г., интеллектуалы и политики, участвовавшие в политической жизни страны в 1953–1956 гг. и особенно в условиях революции. К ним же принадлежали члены и руководители различных, стихийно возникших рабочих, революционных и национальных Советов и Комитетов, если им удалось избежать арестов и эмигрировать. После поражения революции они не могли оставаться в стране и стали вынужденными беженцами, затем политэмигрантами. По оценочным данным К. Надя, из тех, кто с оружием в руках добивался и отстаивал завоевания революции, в эмиграции оказалось *несколько тысяч* человек. Именно эти тысячи и представляли собой «политически сознательную часть» более чем 200-тысячной массы венгерских беженцев-эмигрантов 1956 г. Кроме них, ещё порядка 10 тыс. составляли те, кого революция освободила из лагерей и заключения⁹³.

В целом новая эмиграция в западных условиях сыграла *самостоятельную роль*. На начальном этапе она всколыхнула и освежила всю эмиграционную среду, оживила деятельность различных эмиграционных формирований, по отмеченным причинам стремилась к созданию собственной и независимой организационной структуры. Такая структура была создана, однако условия не располагали к её долговременному сохранению, и её деятельность в организационном отношении оказалась не столь продолжительной⁹⁴. Сами же эмигранты 1956 г. со временем пошли на сближение с другими отрядами западной венгерской эмиграции.

Если обратиться к выяснению обстоятельств, начиная с самого приёма этого потока эмиграции на Западе ведущими представителями существовавших тогда венгерских эмигрантских структур, с их отношением ко всей эмиграции 1956 г., то следует отметить, что все давно существующие организации были готовы принять их в свои ряды. Определяющая и политически активная часть новых эмигрантов, изначально нацеленная на политическую деятельность и самостоятельные действия, проявляла готовность к сотрудничеству только с частью политэмигрантов на Западе. Это были представители бывших коалиционных партий Венгрии, к которым со временем и примкнули организаторы сил политэмигрантов 1956 г., создав вместе с ними новую структуру.

В конце 1956 г. в главном центре венгерской эмиграции, в Национальном Комитете, было распространено мнение, что массовый приход эмигрантов 1956 г. в эту основную организацию укрепит в ней позиции *центристских демократических сил*, что позволит несколько скорректировать направление её политической деятельности. Демократическое ядро полагало, что массовый прилив свежих сил 1956 года укрепит не только демократический центр, но и ВНК в целом, поможет соответствующей политической ориентации всей его структуры, в которой именно демократическое направление станет опре-

деляющим. Однако в этом плане оправдались сомнения И. Ковача и Ф. Надя, которые не поверили в такую возможность. Сомнения этих деятелей демократической политэмиграции подтвердила сама жизнь: основная масса эмигрантов 1956 г. по отмеченным причинам воздержалась от вступления в старые организационные структуры, либо быстро покинула их, а другая часть, как отмечалось, вообще ориентировалась на создание собственной организации.

Ряд бывших активных участников венгерской революции, имена которых стали известны ещё в бурные дни октября–ноября 1956 г., уже в Вене договорился с группой отдельных политиков и представителей бывших демократических партий 1945–1948 гг. (НПМХ, СДПВ и др.) о создании на Западе своей независимой от американского влияния организации или эмиграционного центра. Они решили создать *Венгерский Революционный Комитет (ВРК)*. Для этого сначала создали оргкомитет, в состав которого вошли уже упоминавшиеся М. Сабо, который с 1955 г. жил в Вене, и социал-демократ О. Бенямин; бывшие представители НПМХ Ш. Кишш, Я. Хорват, И. Рац; кроме того, бывший председатель Национального Комитета г. Дьёр Д. Сабо и обосновавшийся в Париже представитель Христианского народного движения А. Ракшани⁹⁵. Последний взял на себя организацию учредительного съезда ВРК, местом проведения которого был определён французский г. Страсбург, что по замыслу организаторов должно было отражать протестное отношение учредителей к политике США и подчеркнуть стремление ориентироваться, опираться исключительно на страны Западной Европы. Организаторы ещё на подготовительном этапе во избежание недоразумений позаботились о том, чтобы будущий Комитет не путали с нью-йоркским Национальным Комитетом, поэтому решили изменить его название на *Венгерский Революционный Совет (ВРС)*. Первое воззвание *Ревсовета* за подписью представителей ряда партий, революционных организаций и борцов сопротивления 1956 г. они опубликовали уже 19 ноября 1956 г.

Излагая обстоятельства и начальные шаги по созданию эмигрантами 1956 г. своей самостоятельной организации на Западе, следует обратить внимание на то, что группа организаторов новой структуры венгерских политэмигрантов явно рассчитывала на определённую поддержку, особенно финансовую, со стороны правительственных учреждений западноевропейских стран. Забегая вперёд, однако, отметим, что эти надежды и ожидания по ряду причин так и не оправдались.

Между тем на рубеже 1956–1957 гг. в западную эмиграцию продолжали прибывать всё новые беженцы, среди которых также оказалось немало известных участников революции и национального сопротивления. Так, в частности, бывший мэр Будапешта Йозеф Кёваго, который сразу же развернул сбор средств для восстановления пострадавших от боевых действий объектов архитектуры венгерской столицы; депутат парламента Йозеф Адорян, который в эмиграции взялся за воссоздание НПМХ (стал её председателем, а М. Сабо –

секретарем). В Вену прибыли также: бывший командир формирований Национальной охраны (гвардии), активный участник сопротивления генерал Бела Кирай; бывший госсекретарь правительства Имре Надя по внешним делам революционной Венгрии Дёрдь Хелтай, а также бывший депутат парламента от НПМХ Ференц Видович, бывший председатель Клуба им. Петефи Пал Йонаш и многие другие⁹⁶.

Взявшись за организацию сил венгерской политэмиграции 1956 г., эта довольно авторитетная группа инициаторов и организаторов, представители которой в дни вооружённого сопротивления на собственном опыте убедились в невыполнении политиками США своих обещаний и разочаровались в политике официальных кругов этой страны, отказались от вхождения в старые венгерские эмигрантские структуры на Западе. Они не без основания полагали, что за этими структурами также стоят американские попечители, которым они более не доверяли. Создавая свою независимую организационную структуру, политэмигранты 1956 г. взяли курс на европейскую ориентацию и намеревались придерживаться её. Это нашло выражение даже в том, что местом проведения готовившегося учредительного съезда стал Страсбург, где заседал Совет Европы, а также в том, что офис центральных органов будущего ВРС предполагалось расположить в Париже. В этой связи Д. Борбанди впоследствии с полным основанием отмечал, что тогда эти группы политиков новой эмиграции, – как в своё время Ф. Надь и Б. Варга, – ещё не понимали, насколько западноевропейские правительственные круги безразличны к судьбам беженцев и эмигрантов из стран Центральной и Восточной Европы. Правда, венские группы новой венгерской политэмиграции тогда тем не менее ещё надеялись, что революционные события 1956 г. в Венгрии несколько изменили линию поведения, произвели некоторый перелом в сознании западноевропейских политических кругов. Но и теперь, в конечном счёте, они, кроме выражения симпатии и приёма беженцев, так и не удостоились другого рода поддержки, включая финансовую. А средства из частных пожертвований, потраченные на подготовку и проведение учредительного съезда, оказались явно недостаточными для успешного функционирования новой независимой эмигрантской организации. Это, в свою очередь, впоследствии не замедлило сказаться и на судьбе ВРС, фактически определив его будущее как самостоятельной и независимой организации.

В связи с отмеченными намерениями и действиями венгерских политэмигрантов 1956 г., их стремлением не быть связанными с организациями, опекаемыми политическими кругами США, а также решимостью создать собственную организационную структуру стоит обратить внимание на реакцию и действия американского центра венгерской эмиграции, то-есть ВНК. В Исполкоме Национального Комитета с предложением пойти навстречу пожеланиям новых политэмигрантов сразу же выступил экс-премьер Ф. Надь. Вместе с Ш. Кишшем он предложил поддержать инициативу, направленную на

некоторое переустройство центрального руководящего органа всей венгерской политэмиграции, и выразил готовность изменить принципы его формирования на базе представителей основных политических партий периода 1945–1948 гг., привлечь в его ряды разные группы участников революции и освободительной борьбы 1956 года. Это предложение нашло сторонников прежде всего в лице И. Ковача и Союза крестьянских партий, включая Партию Петёфи. В доказательство серьёзности своих намерений они вышли из состава Венгерского Национального Комитета и, приветствуя создание ВРС, предложили его организаторам своё сотрудничество. Остальные представители ВНК отреагировали по-разному. Группа И. Баранковича и Демократической народной партии заняли выжидательную позицию. В рядах Христианского народного движения мнения разошлись. Часть его деятелей выразила свою симпатию к борцам 1956 г., а другие, во главе с Й. Кёзи-Хорватом, восприняли предложение довольно сдержанно. Пфейффер и его окружение критически отнеслись к устремлениям эмигрантов 1956 г. создать свою независимую организацию и предлагали интегрировать в ВНК из их рядов лишь тех, кто разделяет его принципы. Создание Революционного Совета они посчитали излишним.

Находившиеся вне ВНК представители социал-демократии, наоборот, поддерживали план создания ВРС как новой и самостоятельной эмигрантской структуры. Такую точку зрения разделяла влиятельная представительница СДПВ, член последнего правительства И. Надя, авторитетная и опытная *Анна Кетли*, что, безусловно, придавало ей вес и некоторую легитимность на переговорах с представителями правительств западных стран. Она была вынуждена оставаться в эмиграции, где официально представляла «другую Венгрию», и имела соответствующий вес и влияние как в дипломатических кругах стран Запада, так и во всей венгерской эмиграции. Кетли и её сторонники поддержали идею создания ВРС хотя бы потому, что ВНК и Комитет Свободной Европы отказывались порвать связи с соперничавшей с ними группой пейеристов, которые после кончины своего лидера вошли в состав ВНК. Впрочем, такие видные деятели левоцентристского крыла СДПВ, как Кетли и И. Селиг, в своё время были также готовы войти в состав ВНК, но только при условии признания их единственными аутентичными представителями венгерской социал-демократии. Так или иначе, создание ВРС предлагало им соответствующую альтернативу.

2. Изменения в руководящих структурах венгерской политэмиграции

Между тем в Страсбурге 5–7 января 1957 г. состоялся учредительный *съезд Венгерского Революционного Совета* под председательством *Белы Кирая* (1912–2009). Этот уроженец города Капошвара, активный участник револю-

ции 1956 г. окончил Военную академию Венгрии (Людовика) в 1935 г., служил в действующей армии. В 1944 г. в Карпатах Б. Кирай вместе со своей бригадой перешёл на сторону советских войск, но его отправили в плен, откуда он смог бежать. Вернувшись в Венгрию, вступил в ряды компартии и в 1945–1951 гг. занимал высокие военные посты, активно участвовал в создании новой венгерской армии. С именем будущего генерал-полковника Кирая связано основание Военной академии им. М. Зрини, первым начальником которой стал именно он. В 1951 г. ракошисты ложно обвинили его в организации антигосударственного заговора, и он был приговорён к смертной казни, заменённой на пожизненное заключение. В сентябре 1956 г. Кирай был освобождён без реабилитации, а в октябре революционная власть доверила ему пост командующего Национальной охраны (гвардии), председателя военного Ревкома и военного коменданта г. Будапешта. После второго советского военного вмешательства Б. Кирай организовал военное сопротивление и с боями отступил в горы, затем бежал в Австрию. В эмиграции он сразу же предпринял усилия с целью создания организации венгерских эмигрантов 1956 г., независимой от американского влияния. В 1958 г., однако, он выехал в США, где стал профессором военной истории. В 1989 г. Б. Кирай вернулся в Венгрию, в 1990 г. был избран и стал независимым депутатом венгерского парламента, а в начале нового тысячелетия занял пост советника премьер-министра В. Орбана по военно-политическим вопросам⁹⁷.

В начале 1957 г. участники съезда Венгерского Революционного Совета в Страсбурге под руководством Кирая выразили верность принципам революции 1956 г., подчеркнув, что Венгрия остро нуждается в свободе, независимости и самостоятельности, и, соответственно, желает избавиться от иностранной оккупации и стремится установить в стране систему демократического правления. В докладе, прозвучавшем на съезде от имени политотдела ВРС, с особой силой подчёркивалось, что революция 1956 г. «преследовала цель достижения свободы и независимости Венгрии». Одновременно была выражена необходимость придерживаться в радиопередачах и других средствах массовой информации исключительно достоверной информации, что, по сути, явилось косвенной критикой американской информационной политики в период венгерской революции и освободительной борьбы. Участники съезда осудили также режим Я. Кадара и призвали правительства западных стран добиваться выполнения решений Генеральной Ассамблеи ООН по Венгрии.

Съезд, заявив об образовании ВРС, избрал его председателем А. Кетли, сопредседателем Й. Кёваго, а вице-председателем Б. Кирая. Работа съезда завершилась принятием обращения к мировой общественности, правительствам стран мира, ООН и общественным организациям не допустить преследования участников революции в самой Венгрии, отметив, что «пока продолжается трагедия венгерского народа, под угрозой находится не только авторитет ООН, но и сам мир подвергается опасности»⁹⁸.

Помимо избрания на съезде трёх ведущих деятелей нового эмиграционного центра, в состав руководства ВРС вошли по 8 представителей от НПМХ, СДПВ, ХДП, Партии Петёфи, Крестьянского союза, возрождение которого началось в последние дни революции 1956 г., а также от Рабочих Советов, профсоюзов и вооружённых сил; по 4 представителя от Клуба им. Петёфи, Революционного Совета венгерской интеллигенции, университетской молодёжи, Союза писателей и Организации политических заключённых. Для претворения в жизнь решений съезда и обеспечения практической работы новых органов ВРС были созданы отделы по политической, культурно-информационной работе, а также по работе с беженцами (последний возглавил упоминавшийся М. Сабо).

После съезда тройка высшего руководства ВРС в лице Кетли, Кёваго и Кирая начала добиваться, в первую очередь, того, чтобы перед странами Запада и в ООН было обеспечено достойное представительство правительства Имре Надя и чтобы членом его кабинета освобождения от заключения. Учитывая, однако, что со временем полномочия А. Кетли на ведение переговоров некоторыми были поставлены под сомнение, для выполнения этой функции в рамках ВРС был создан специальный орган – *Правительственное представительство*. Оно хотя и добилось признания в ООН и со стороны правительств западных государств, включая США, тем не менее не смогло достичь намеченных целей. Руководящая тройка, прилагая серьёзные усилия именно в данном направлении, сумела завоевать доверие в ООН, но из-за того, что именно эта сфера отнимала у нее много сил, мало занималась делами самого Ревсовета, поэтому упускала возможность активного сотрудничества с представителями Венгерского Национального Комитета, что, в свою очередь, не могло не отразиться на дальнейшем развитии их отношений. К тому же ВРС, не имея сравнимых с ВНК богатых американских покровителей, явно проигрывал нью-йоркскому центру венгерской эмиграции и не сумел стать его подлинным конкурентом. Руководство нового эмигрантского центра в Европе ввиду своей занятости на дипломатическом поприще в то же время упускало возможность дальнейшего укрепления своих рядов. Такие авторитетные деятели ВНК, как Ф. Надь, И. Ковач, П. Ауэр и др., проявляли заметную склонность к сотрудничеству, которое могло бы придать определённый вес и авторитет ВРС в более широких кругах эмиграции. К тому же те малые средства, которые в Европе удавалось получить руководителям политэмиграции 1956 г. от отдельных французских парламентских групп и профсоюзов, были, как отмечалось, растрачены на проведение съезда, а остатки стремительно таяли. Кроме того, в Ревсовете зародилось внутреннее недовольство той самостоятельностью, которой пользовались ведущие деятели Правительственного представительства. Хотя второй эшелон руководящего состава ВРС и не выступил против своих более именитых соратников, проявилась и давала о себе знать определённая ревность в отношениях между ними⁹⁹.

В целом же вся обстановка в новой организационной структуре эмигрантов 1956 г., впрочем, как и перспективы её развития, свидетельствовали об обречённости ВРС как нового независимого образования, хотя бы по финансовым причинам. Это, в частности, выразалось в том, что далеко не все западные круги встречали с одобрением присутствие в названии нового Совета слова «революционный». Оно иногда вызывало определённую настороженность. Ситуация толкала самих лидеров ВРС на переименование и преобразование этой, в чём-то ещё и не устоявшейся новой эмигрантской организации. В итоге ВРС стал *Национальным Представительством Свободной Венгрии (НПСВ)*, руководящий состав которого сначала пополнился новыми членами. В него был привлечён Д. Хелтаи, бывший госсекретарь правительства И. Надя по иностранным делам. В середине марта 1957 г. НПСВ уже практически полностью заменил собой Ревсовет. Председателем Национального Представительства осталась А. Кетли, а её двумя заместителями стали Б. Кирай и Й. Кёваго, секретарем – Ш. Кишш. Были совершены и некоторые сдвиги в направлении сближения организации с демократической частью американской венгерской политэмиграции.

Одновременно с этим НПСВ наладило издание информационного бюллетеня «*Szabad Magyar Tájékoztató*» («*Свободный венгерский информатор*») и открыло два своих офиса – в Париже и Нью-Йорке. В первом же номере бюллетеня отмечалось, что новая организация возникла в результате слияния ряда европейских эмигрантских центров и организаций, а также возглавляемого Ф. Надем Крестьянского союза. В самом сближении и объединении эмигрантских групп уже чётко выразилось понимание того, что начиная с лета 1957 г. руководство эмиграции '56 года всё больше осознавало (во всяком случае, на это обращали внимание отдельные исследователи проблемы), что любое национальное представительство в условиях западной эмиграции способно выжить только при поддержке США, т. е. получая от них необходимую политическую и материальную поддержку¹⁰⁰. Руководители НПСВ намеревались привлечь в дальнейшем в свою организацию также бывших членов венгерского парламента периода 1945–1956 гг., находившихся в эмиграции и «сыгравших выдающую роль в становлении демократии в Венгрии»¹⁰¹.

В июне 1957 г. в Вене собрались доверенные лица различных организаций и групп венгерских политэмигрантов с явным намерением найти пути интеграции, объединения сил эмиграции в единую структуру. Причём была предпринята попытка договориться об условиях объединения самых разрозненных сил. На встрече выяснилось, однако, что социал-демократы согласны обсуждать лишь вопрос о расширении Национального Представительства. Остальные же политические силы, особенно те, кто эмигрировал до 1956 г., добивались не только переименования, роспуска Революционного Совета и Национального Представительства, но высказались за создание совершенно новой, единой эмигрантской организации под руководством председателя ВНК Белы Варги.

В этих вопросах не принесла успеха и последующая встреча в Париже, поэтому в октябре–ноябре 1957 г. лидеры разных организаций и групп вновь встретились в Нью-Йорке, где произошло повторное обсуждение проблемы создания общего для всей венгерской эмиграции организационного центра. Сторонникам интеграции, однако, снова пришлось разочароваться и убедиться в невозможности достижения намеченной цели. Основные силы эмиграции, среди них и политэмигранты 1956 г., впоследствии тем не менее встали на путь сближения.

В конце 1957 г. прекратили своё существование нью-йоркский центр ВНК и парижское НПСВ (наследник ВРС) с тем, чтобы в марте 1958 г. объединиться в совместно создаваемый ими *Венгерский Комитет (ВК)*. В руководстве этой новой эмигрантской организации были представлены также бывшие депутаты венгерского парламента 1945 и 1947 гг., а также отдельные представители политэмиграции 1956 г. В состав нового эмигрантского центра отказались войти А. Кетли и её группа социал-демократов, а также «Венгерское движение 23-го октября» во главе с Д. Шуйоком. С другой стороны, с образованием ВК из политического представительства эмиграции были окончательно вытеснены умеренные хортистские политики 1939 г., ранее довольно широко представленные в ВНК, в том числе Т. Экхардт, Д. Бакач-Бешшеней, Й. Кёзи-Хорват, Г. Хенней, М. Каллаи и Б. Фабиан.

Председателем Венгерского Комитета стал Б. Варга, его заместителем Й. Кёваго. В составе нового руководства числились также известные деятели политэмиграции: Й. Адорьян, П. Ауэр, И. Баранкович, Л. Варга, Ф. Вали, Ф. Видович, П. Йонаш, Б. Кирай, Ш. Кишш, И. Ковач, Ф. Надь, З. Пфейффер, П. Сабо и другие. Печатный орган новой эмигрантской структуры с начала 1960-х годов уже издавался на английском языке. Им стал ежеквартальник «The Hungarian Quarterly»¹⁰². Следует отметить, что А. Кетли по принципиальным соображениям не вошла в состав Комитета. Она ещё летом 1957 г., рассуждая о создании единой эмигрантской организации, которая объединяла бы как новых эмигрантов 1956 г., так и всех прежних, отвергла принцип «единство любой ценой». Она считала необходимым заранее оговорить, с кем создавать единство и какое, настаивая на том, что «новая организация не должна отказываться от послевоенных социальных и экономических завоеваний, не должна желать их ликвидации, более того, должна следовать тем же путём, стремиться к их дальнейшему развитию, естественно, демократическими средствами»¹⁰³. Сохраняя верность идеям социал-демократии. Кетли при этом, в отличие от группы социал-демократов во главе с А. Баном и И. Селигом, оставалась открытой для сотрудничества даже с американцами. Правда, она не участвовала в политических конструкциях, если за ними чувствовала руку представителей США, но поддерживала тесные контакты с профсоюзами этой богатейшей страны мира. После кончины К. Пейера профсоюзы США именно в её лице видели своего самого надёжного венгерского партнё-

ра. Кроме того, она до самого конца считала важным поддерживать контакты с Комитетом Свободной Европы и его радиостанцией, на волнах которой она выступала по самым актуальным вопросам. Обосновавшись в Брюсселе, эмигрант А. Кетли пользовалась большим авторитетом, поддержкой и влиянием в Международной ассоциации свободных профсоюзов. Характерно, что хотя власти ВНР в 1962 г. реабилитировали Кетли вместе с другими незаконно осуждёнными и были бы рады видеть её на родине, она не вернулась в Венгрию. Позднее, в 1973 г. эта последовательная и волевая представительница венгерской социал-демократии также отклонила сделанное ей от имени коммунистических властей (МВД ВНР) предложение вернуться в Будапешт и предпочла остаться эмигранткой. Видя, как вокруг неё убывают ряды соратников в эмиграции, она заявила, что Национальное Представительство «будет существовать до тех пор, пока остаётся полдюжина венгров рядом, ну а если не станет и их, я одна буду представительством»¹⁰⁴. Она считала своим долгом продолжать борьбу за восстановление независимости страны. Кетли до самой кончины 7 сентября 1976 г. оставалась верной своей миссии.

Венгерский Комитет, являясь объединённой организацией значительных центристских сил политэмиграции, стал продолжателем политического курса своих предшественников. При этом руководство ВК исходило из того, что утвердившийся в Венгрии политический режим во главе с Я. Кадаром не является законным. Оно требовало вывода советских войск из страны, добываясь этого посредством своих изданий, прокламаций, подписанных Б. Варгой и Ф. Надем, а также политическими заявлениями и выступлениям на разных форумах и конференциях, участием во встречах и беседах с видными политическими деятелями разных стран мира и, естественно, всей своей деятельностью.

В эмиграции помимо ВК, разумеется, существовали не только социал-демократические группы, но и разного рода мелкие разрозненные эмигрантские образования, начиная от крайне правых до крайне левых. Среди них можно отметить легитимистов во главе с Отто Габсбургом, выпускавших в Нью-Йорке газету «*Krónika*» («*Хроника*»), консерваторов и крайне правых сил, представленных *Движением борцов за свободу* и разными группами эмигрантов 1945 г. во главе с Ф. Фаркашем (все они с конца 50-х годов раскололись на мелкие части). Левого политического толка движения и организации действовали в Брюсселе, Лондоне и Париже. Так, напр., брюссельское независимое *Венгерское социалистическое движение* выпускало журнал «*Fáklya*» («*Факля*» – «*Факел*») и соперничало с социал-демократами, объединявшимися вокруг А. Кетли и И. Селига. Последние считали себя законными представителями СДПВ и свободного венгерского профсоюзного движения. В 1957–1964 гг. они издавали в Лондоне газету «*Népszava*» («*Ненсава*» – «*Голос народа*»). В Париже действовало также *Сообщество венгерских народных сил*, которое состояло из двух групп политэмигрантов-социалистов под руковод-

ством Ш. Боршоша и И. Прессера. Они до 1955 г. выпускали журнал «*Valóság*» («*Валошаг*» – «*Действительность*»), который после 1958 г. выходил под названием «*Социалистическая Венгрия – Европа*»¹⁰⁵. Отметим, что все три группировки социал-демократов отрицательно относились к Венгерскому Комитету.

Глава 3

Беженцы-эмигранты 1956 г. глазами Запада и коммунистического руководства Венгрии

1. Изучение массовой венгерской эмиграции и эмигрантов на Западе в 1957 г.

Пребывание в 1956–1957 гг. на Западе громадной массы покинувших Венгрию диссидентов (эмигрантов), которые сначала размещались в лагерях на территории Австрии, а затем рассеялись по разным странам Западной Европы, Америки и Австралии, давало широкую возможность западным организациям для выявления комплекса причин их эмиграции. Оно позволило провести изучение отношения беженцев-эмигрантов к политическому режиму на родине и тем самым расширить познания как об эмиграции и эмигрантах, так и о системах советского типа. В условиях «холодной войны» американские советологи, западные центры и службы по изучению общественного мнения проводили разного рода исследования среди беженцев или их отдельных групп из стран советского блока и раньше. Не отставали в этом и некоторые радиостанции и разведцентры, однако такого уникального случая, такой возможности для массового изучения диссидентов, их взглядов ранее ещё никогда не представлялось. В кругу беженцев и эмигрантов из Восточной Европы наиболее известные исследования с применением научных методов социологии были проведены, прежде всего, учёными Гарвардского и Колумбийского университетов. Такого рода советологическое исследование системы средствами и методами т. н. *глубокого интервью* с использованием проникающего в глубь вещей и явлений интервьюирования было проведено в 1950–1951 гг. Русским Институтом Гарвардского университета по «*Harvard Project of the Soviet System*», который спонсировался американскими ВВС. Тексты 329 глубоких интервью и заполненных диссидентами многочисленных опросных листов сделали тогда эту объемную документацию в 33 тыс. машинописных страниц первой эмпирической базой американской советологии. Дирекция прикладных исследований по общественным наукам Колумбийского университета в 1950-е годы также сделала и обработала 300 интервью с оказав-

шимися на Западе беженцами и эмигрантами из стран восточного блока. Их заявленной целью было выяснение по заданию одного из отделов госдепартамента США разных аспектов «менталитета сателлитов».

Массовая венгерская эмиграция 1956 г. предоставила, однако, самую уникальную возможность западным исследователям для проведения масштабного и фундаментального анализа целого ряда ключевых проблем, связанных с коммунистическими режимами в восточноевропейском регионе. Как результат, появился новый исследовательский проект по Венгрии ученых Колумбийского университета в Нью-Йорке («*Columbia University Research Project on Hungary*»), реализованного в 1957 г. под руководством Генри Л. Робертса при финансовой поддержке Международного фонда Форда. Им предусматривалось комплексное изучение причин эмиграции и мнения венгерских беженцев по широкому спектру вопросов о жизни в ВНР, о влиянии советизации на венгерское общество и отдельных людей, а также обстоятельств и самой истории вспыхнувшего в октябре 1956 г. восстания и революционного процесса. Учитывая при этом важность и новизну материалов, которые социологам предстояло собрать и обработать, составление планов и схем проведения будущих исследований посредством глубоких интервью было поручено классику американской социологии П. Лазарсфельду.

Следует отметить, что прежние анализы социологов, основанные на показаниях эмигрантов из СССР и в меньшей мере из стран советского блока, уже выявили некоторые общие характерные черты отношения людей в этом регионе к тоталитарному режиму. Подмеченные тогда характеристики впоследствии нашли подтверждение и при исследовании венгерских диссидентов 1956 г. Материалы нового проекта содержали более обоснованные и конкретизированные сведения, выводы и обобщения. Если в прежних исследованиях тоталитарная система и общество характеризовались западными специалистами, как правило, довольно односторонне и упрощенно – в них единая и прочная партийная номенклатура представляла как твёрдо и упорно противостоящая массам, то после изучения венгерских беженцев картина становилась более дифференцированной и сложной. Пришлось признать, что прежние подходы к 1956 г. безнадежно устарели.

В заявке, поданной Г. Л. Робертсом в фонд 8 февраля 1957 г., в качестве обоснования, в частности, отмечалось: «Продолжающееся бегство венгров из страны позволит создать такую потенциальную базу данных по Венгрии, государствам-сателлитам Советского Союза, а также по международному коммунистическому движению, которая наряду с уже имеющимися источниками станет доступным и гораздо более основательным источником для западной науки, чем мы получили за все 12 предыдущих лет, вместе взятых (включая трофейные германские и полученные от вывороченных советских граждан и восточноевропейских беженцев материалы)»¹⁰⁶. Отмечалось также, что «эти сведения могут исчезнуть бесследно, если не собрать и не про-

анализировать их». При этом были обозначены исследовательские направления по изучению эмигрантов, подчёркивалось, что на Западе никто не сумел предсказать венгерскую революцию. Опросы венгерских беженцев намечалось проводить сначала в лагерях беженцев в Австрии и США, а затем во Франции, Германии, Швейцарии и Англии, а по возможности даже в Югославии. В заявке отмечалось, что исследователи намерены полностью исключить из участия в проекте представителей спецслужб и журналистов. Получив поддержку и запрошенные на выполнение проекта 211250 долларов, исследователи уже 15 марта приступили к работе на территории США, а массовый опрос венгерских эмигрантов в Европе начали в мае 1957 г. Записи 170 глубоких интервью (каждый из них объёмом по 150–200 машинописных страниц) были сделаны с 15 июня по 6 сентября 1957 г.

Венгерские беженцы-эмигранты 1956 г., вовлеченные в опросы ученых Колумбийского университета, кроме сообщения о себе базовых сведений, отвечали на ряд вопросов, связанных с причинами эмиграции и революции. Они высказывали свои взгляды и позиции по разным идеологическим, политическим и экономическим вопросам, выражали мнение о капитализме и социализме, об отдельных политиках, оценивали различные стороны общественно-политической жизни в Венгрии. Кроме того, они рассказывали о приобретённом во время революции личном опыте. Ценность собранных материалов состоит в том, что подобного рода конкретных социологических исследований об общественно-политических отношениях в социалистическом ареале Европы в 50-е годы больше нигде не проводилось. Объём собранных учёными в ходе глубокого интервьюирования данных составил несколько тысяч страниц. Извлечённые из них для использования в монографии конкретные материалы отражают исключительно позиции и взгляды, оценки и характеристики самих венгерских эмигрантов 1956 года. Они взяты нами из развёрнутого аналитического отчёта, составленного группой венгерских ученых об этом проекте¹⁰⁷. Некоторые из этих данных представляют особый интерес. Ценность этих сведений состоит не столько в большой репрезентативности самого социологического опроса, сколько в том, что в них нашли отражение личные позиции опрошенных, причём выходцев из самых разных социальных слоев венгерского общества, ставших эмигрантами на Западе после революции 1956 г. Иными словами, это важный социологический источник, позволяющий дополнить историческую характеристику эмигрантов третьей волны важными конкретными сведениями, полученными непосредственно от них.

Проект Колумбийского университета был направлен на выявление комплекса сведений посредством анкетных опросов и глубокого интервьюирования венгерских беженцев, и его результаты заранее обещали стать важным фундаментальным дополнением к уже существовавшим на Западе представлениям об общественно-политическом устройстве советского типа, источником богатейших социологических данных о самых разных аспектах жизни

ВНР. Проведение опроса вызвало живой научный интерес среди американских исследователей, ведь оно, несомненно, позволило получить наиболее адекватное представление как о политическом руководстве, так и о венгерском обществе. Готовясь к опросам беженцев 1956 г., предполагая сложность и неоднозначность ситуации в ходе предстоящего общения с ними, ученые Колумбийского университета считали важным избежать неприятных вопросов со стороны опрашиваемых. Деликатная ситуация могла возникнуть, как они то предвидели, в связи с тем, что американское политическое руководство, вопреки своей официальной пропаганде, в октябре–ноябре 1956 г. явно не торопилось реально поддержать освободительную борьбу венгров. Более того, оно, как отмечалось, уже накануне заявило об исключении из зоны своих интересов Центральной Европы, что косвенно было воспринято Кремлём как свобода действий в ВНР. Разумеется, США не были готовы рисковать ради венгров и при втором советском вооружённом вмешательстве, когда они отстаивали завоевания революции. Калифорнийские социологи с учётом этих факторов пытались обходить неприятные вопросы со стороны опрашиваемых венгерских эмигрантов. Правда, оказавшись в положении беженцев, они и сами воздерживались от упреков.

С учётом ситуации уже накануне проведения «большого опроса» в Обществе гуманитарно-экологических исследований в Нью-Йорке 12 апреля 1957 г. был проведен семинар социологов, историков, психологов, антропологов с участием сотрудников различных госучреждений («*Seminar of Research on the Hungarian Revolution*»). На семинаре обсуждались подходы и позиции, согласовались вопросы, подлежащие выяснению при опросе. Руководители исследовательских групп делились опытом предварительного изучения части эмигрантов. Так, одна из групп социологов провела выборочное изучение части беженцев, принимавших непосредственное участие в революции и в боевых действиях 1956 г. Этот опрос, проведённый методом интервьюирования, вряд ли можно считать репрезентативным (опрошено всего 45 чел.), впрочем, как и подборку ответов, хотя они помогли социологам получить первое представление о произошедшем. С другой стороны, он оправдал ожидания организаторов: беженцы подтвердили свой *антикоммунистический настрой*. В сочетании с антисоветизмом они были единодушны в неприятии дореволюционного режима, и это было истолковано организаторами в качестве сильного патриотизма революционеров. Все опрошенные единогласно исключали возможность того, что в ВНР существовал какой-либо организационный центр подготовки восстания и революционного процесса, в один голос подчёркивая их исключительно стихийный характер. Небезынтересно отметить, однако, что большинство опрошенных, по мнению психологов (это указывалось и в отчёте), не имело тесных семейных привязанностей на родине и принадлежало к числу легких на подъём людей. Было определено также, что все опрошенные не принимали существующую в ВНР политическую систе-

му, она представляла для них опасность, поэтому искали спасения в эмиграции.

Обсуждая опыт первого предварительного опроса, исследователи выявили в ответах опрошенных черты антисоветизма, причины которого определили в следующем: а) смешение освободительной и оккупационной роли советских войск (беженцы признавали, что в 1944–1945 гг. Венгрия была освобождена ими, но затем войска оставались там в качестве оккупантов); б) затянувшееся советское присутствие считали ущемлением национальной гордости; в) навязанная стране ускоренная индустриализация, по их мнению, привела к её экономической эксплуатации; г) насаждение в качестве руководителей страны деятелей компартии еврейского происхождения, вернувшихся из московской эмиграции, которые плохо знали венгерскую действительность, имели советское образование и защищали советские интересы¹⁰⁸. Нельзя не отметить, что, обобщив результаты своего предварительного анализа, эта группа социологов необоснованно посчитала их характерными для всех остальных стран лагеря социализма.

Вторая группа социологов, проводившая с 6 по 15 декабря 1956 г. исследования в 20 лагерях венгерских беженцев на территории Европы и США, опросила 1000 чел. с целью выявления *причин их бегства* из страны. В итоге первостепенной причиной эмиграции эта группа назвала *страх и опасение* людей за своё будущее (имея в виду страх на социально-экономической и политической почве). В докладе группы подчёркивалось, что именно страх сделал диссидентами основную массу беженцев. Причиной венгерской революции 1956 г. большинство опрошенных называло социально-экономическое положение (низкую зарплату, высокие цены, товарный голод и пр.). На втором месте упоминались политические причины, причём в такой последовательности: страхи, вызванные повсеместным присутствием тайной политической полиции (органов госбезопасности), полным подчинением страны советскому диктату, ограничением свобод (при этом многие беженцы ссылались на расстрел польских рабочих в Познани). Учёные группы обратили внимание на то, что хотя в ответах все выражали явное недовольство политическим режимом, никто не делал открытых антикоммунистических заявлений. Большинство опрошенных указывало, однако, на лживые обещания властей, а 96% выразило своё разочарование тем, что Запад не оказал венграм должной помощи (при этом 77% понимали под этим вооруженную поддержку или хотя бы демонстрацию силы). Вопреки этому, никто не терял дружеского расположения к Западу в целом, и это успокаивало американцев.

Третья группа ученых ставила перед собой довольно ответственную задачу: на базе 150 глубоких интервью раскрыть *причины самой революции*. К началу семинара с этой целью было проанализировано 35 интервью. Их обработка и обобщение данных подтвердили, что именно низкий жизненный уровень и невыносимые политические страхи, опасения запуганного органа-

ми населения толкнули людей к решительному выступлению, переросшему в революционную борьбу. Опросы позволили социологам сделать вывод о серой и унылой, бесперспективной жизни людей в ВНР в середине 50-х годов прошлого века, о непригодности коммунистических лидеров к нормальному управлению страной. По мнению опрошенных, к просвещению и мобилизации населения ВНР в 1956 г. больше всего сил приложили представители интеллигенции, тогда как проводимые компартией пропагандистские кампании, как правило, вызывали обратный эффект. Это относилось как к оценке событий в мире, так и к стремлению пропаганды дать негативные представления о Западе.

Четвертое исследование социологов проводилось среди 900 венгерских эмигрантов, размещенных в лагере Кемп Кайлмер (Camp Cilmer) в штате Нью-Йорк посредством самостоятельного анкетирования. Анализ материалов анкетного опроса выявил понимание неизбежности *снижения социального статуса* беженцев в США, равно как и минимальную возможность возвращения на родину. По мнению социологов, венгерские эмигранты осознали, что «стали жертвами политической и общественной системы, строящейся на основе коммунистической теории». Один из исследователей Массачусетского университета при обнародовании на семинаре этих выводов отметил, что при всём понимании беженцами ситуации они тем не менее надеются найти в Америке лучшие условия жизни, но при этом обратил внимание на то, что некоторые из них чувствуют угрызания совести из-за того, что оставили своих родных.

Пятое исследование (750 опросов) было направлено на выявление ожиданий и запросов представителей *интеллектуальной части беженцев*, в целях их достойного трудоустройства. Докладчики этой группы на семинаре подчеркивали, что опрошенные не всегда давали откровенные ответы на вопросы, полагая, что имеют дело с представителями правительственных кругов США. Тем не менее многие, будучи очевидцами существенных социальных сдвигов и возросшей социальной мобильности в ВНР, считали естественным и желательным продвижение к бесклассовому обществу, принимали принцип плановости в экономике и были удивлены, что на Западе не всем предоставляется работа и существует конкуренция. Особенно инженеры и врачи, но и представители других интеллектуальных профессий удивились этому. Отвергая коммунистическую идеологию в целом, они воспринимали социальные и культурные сдвиги 40–50-х годов в ВНР как прогрессивное явление. Характерно, что в данном аспекте венгерское общество воспринималось многими беженцами как более развитое, чем западное. Об этом особенно откровенно говорили молодые люди. Они, хотя и считали отдельные «проявления коммунизма» страшными и даже катастрофическими для страны и народа, другие факторы общественной и культурной жизни на родине признавали положительными, более прогрессивными и даже полезными¹⁰⁹.

Отмеченные пять предварительных исследований, анализов мнений среди различных групп венгерских беженцев 1956 г. содержали, таким образом, – наряду с некоторыми заранее известными и прогнозируемыми результатами либо предварительно сконструированными выводами, – вполне определенные прагматического характера ожидания, которые венгерские эмигранты представляли, по сути, Западу.

2. «Большой» социологический опрос: эмигранты о себе, о венгерском политическом режиме и революции 1956 г.

Вслед за предварительным изучением отдельных групп венгерских беженцев калифорнийскими социологами последние провели «большой» социологический опрос. Вовлеченные в него группы опрошенных по структурным, демографическим и прочим социальным характеристикам являлись эмигрантами:

- основная часть которых (54%) состояла из жителей Будапешта и всего 5% являлись выходцами из сел, остальные были уроженцами других городов, в основном западных регионов Венгрии (такая география соответствовала примерной структуре эмиграции 1956 г. в целом). Следует отметить также, что свыше 70% участников «большого» опроса ранее не бывали за границей;

- подавляющее большинство (91%) опрошенных составляли мужчины, в т. ч. 40% в возрасте 22–35 лет, 26% – моложе 17 лет, 34% – старше 35 лет;

- по своей социальной принадлежности 24% относились к верхним слоям венгерского общества, 49% принадлежали к среднему классу, 12% являлись рабочими, а 15 % имели крестьянское происхождение;

- среди опрошенных довольно высок был удельный вес людей с высшим (31%) и с законченным средним (31%) образованием, остальные имели профессионально-техническое либо общее начальное образование¹¹⁰.

В ходе «большого исследования», наряду с уже упомянутыми вопросами, связанными с революцией, причинами и обстоятельствами эмиграции, изучался комплекс проблем, который проливал свет на различные стороны общественно-политического, экономического и культурного развития Венгрии. Затрагивались аспекты, связанные с историческим и национальным самосознанием, идентичностью беженцев, их отношением к различным политическим системам, выяснялись их взгляды и позиции по ряду других вопросов. Сведения, собранные социологами в ходе опроса, выводы, сделанные ими на этой основе, безусловно, богатый и интересный источник, уникальное свидетельство эпохи. Они содержат ценный материал, характеризующий не только общественно-политическую ситуацию середины XX века в одной из стран Центральной Европы, принадлежавшей политически к советскому блоку, но и немало конкретных данных о самих эмигрантах, об их позициях и взглядах.

Для историка, изучающего эмиграцию, они представляют особый интерес, поскольку удачно дополняют наши представления об эмигрантах 1956 г.

Исследователи Калифорнийского университета в своем анализе обратили внимание на отдельные интересные факты, связанные с историческим и национальным самосознанием венгерских эмигрантов. Многие из опрошенных ими в один голос говорили об исторической роли Венгрии как защитнице европейской цивилизации и христианства, о своеобразном щите, веками защищавшем Запад от различных нашествий (в т. ч. татаро-монгольского, османского и пр.). Отвечая на вопросы американских учёных, венгерские эмигранты среди ключевых и наиболее значимых моментов венгерской национальной истории выделяли следующие: создание королем Иштваном I (Стефаном Святым) венгерского государства тысячу лет тому назад, принятие венграми христианства, а также революцию и национально-освободительную борьбу 1848–1849 гг. Для истории Венгрии XX века наиболее значимым, или демократическим периодом, большинство эмигрантов назвали годы народной демократии (1945–1948 гг.) и дни венгерской революции 1956 г. Их отношение к современным границам Венгрии социологи суммарно изложили в такой формулировке: «Лишь четвертой частью опрошенных принимаются границы Венгрии, которые были установлены в результате трианонского и парижского мирных договоров. Да и те признают их только при условии, что венгерским национальным меньшинствам [в сопредельных государствах – Б. Ж.] будут предоставлены основополагающие демократические права и свободы и что не будут нарушаться их права человека. Ирредентизм для них чужд, большинство надеется на какую-то мирную ревизию границ». Учёные отмечали также, что при этом большинство эмигрантов даже не упомянуло о существовании межнациональных конфликтов в центральноевропейском регионе, а «советское присутствие в Венгрии они не относили к межнациональным проблемам»¹¹¹. Социологи обратили внимание и на то, что формирование взаимоотношений между народами в этом регионе Европы большинство венгров представляет себе на конфедеративной или федеративной основе и что идея нейтральной Венгрии их не привлекает.

Интересными оказались ответы, полученные учеными от эмигрантов на вопросы о структуре власти и коммунистической системы. Центральным звеном политической структуры Венгрии опрошенные назвали руководящий орган компартии (ЦК ВПТ), но при этом подчеркивали, что подлинный центр власти находится в Москве и его представляют руководители КПСС. При этом, упоминая М. Ракоши и венгерское Управление госбезопасности, они не считали их автономным фактором власти. На вопросы о том, нуждается ли коммунистическая система в изменении, часть опрошенных (37%) ответила, что её надо менять полностью, другая (47%) считала, что надо менять почти всё, сохранив лишь отдельные её элементы. В качестве достижений, которые следовало бы из этой системы сохранить в будущем, опрошенные называли

раздел земли между крестьянами, национализацию банков и объектов крупной промышленности, а также систему социального обеспечения. Большинство эмигрантов оказалось приверженцами идеи либеральных свобод. Возрожденные политических партий 63% опрошенных считали необходимым, а ещё 23% высказались за их регулируемое восстановление. В то же время свободу слова хотели бы восстановить 74%, остальные склонялись к тому, что это следует делать с некоторыми оговорками. Ещё больше эмигрантов изъявили желание свободно критиковать правительство (81%) и ровно столько же высказалось за свободу собраний и допустимость вооруженного выступления против правительства, если оно не представляет интересы большинства народа либо слугит чужим (внешним) интересам¹¹².

В сфере экономики страны венгерские эмигранты считали бы необходимым снизить удельный вес тяжелой индустрии, частично пересмотреть итоги национализации, разрешить частное предпринимательство и допустить мелкотоварное производство в сельском хозяйстве, перейти к свободному рынку. Оценивая достижения венгерского здравоохранения, 78% опрошенных признали прогрессивными те перемены, которые проводились в этой сфере в 50-е годы, и столько же были удовлетворены доступностью образования. Положительно оценивалось ими и сокращение социально-классовых различий за истекшие годы, подчёркивалось, что почти не стало конфликтов между отдельными слоями венгерского общества. Таким образом, беженцы, признавая отдельные положительные стороны, существовавшие в системе, по ряду вопросов даже удивили американских исследователей и политиков. В то же время половина опрошенных предпочла идентифицировать себя в качестве «постоянного оппозиционера существующему строю», а отдельные из опрошенных, как отмечалось в отчёте социологов, проявили даже «некоторую степень симпатии к коммунизму». Характерно также, что половина опрошенных не симпатизировала ни одной из политических партий периода 1945–1948 гг., но при этом наиболее приемлемой для себя считала СДПВ и НПМХ. Среди опрошенных эмигрантов оказалось 14% членов компартии при том, что 86% никогда не вступали ни в одну партию. Применительно к опрошенным молодым эмигрантам было выявлено, что 48% из них успели побывать в рядах Демократического союза молодёжи¹¹³.

В ходе «большого» опроса социологи выявили также отношение беженцев к существовавшему в Венгрии политическому режиму, уточнили для себя, каков реальный механизм власти и её основные опоры, социальная база. На основе анализа ответов было определено, что наряду с компартией как ядром политической власти «по-настоящему сильной стороной» системы является «всепроникающая деятельность тайной полиции или же неизбежное повсеместное присутствие отечественных и советских органов насилия». В итоге «ахиллесовой пятой» системы социологи определили отсутствие массовой базы и непопулярность в народе руководителей компартии. На основании бе-

сед с беженцами они пришли к выводу, что коммунистической системе по-настоящему доверяет лишь незначительная часть даже самих коммунистов. Не обошло внимание социологов и «значительное присутствие в системе власти евреев», имея в виду их преобладание в руководстве ВПТ, что натолкнуло исследователей на попутный анализ выяснения степени антисемитизма в венгерском обществе. Учёные выяснили также, что многие эмигранты имели среди своих знакомых евреев, но антисемитизма не наблюдали. В то же время некоторые из опрошенных обращали внимание на то, что среди руководителей на рабочих местах и в рядах компартии было немало представителей этого народа и, по сути, «система принадлежала им»¹¹⁴. По оценкам социологов, лишь пятая часть опрошенных не замечала, что в их коллективе на рабочем месте присутствовали агенты АВХ (УГБ). В этой связи социологи пришли к выводу, что многие венгры по этой причине старались «сузить круг своих знакомых до минимума», а в общественных местах избегали разговоров о политике, ограничиваясь беседами о спорте и погоде. В общих чертах таким образом предстал перед американскими социологами коллективный портрет венгерского эмигранта, оказавшегося на Западе после подавленной революции 1956 г.

Согласно проведённому социологическому опросу, основными источниками необходимой информации для венгров до и в период революции 1956 г. на 65% являлась центральная партийная газета «*Szabad Nép*» («Сабад нэп» – «Свободный народ»), хотя ей в целом и не доверяли. Самой популярной на деле была литературная газета «*Irodalmi Újság*» («Иродалми уйшаг»), а из зарубежных средств массовой информации – передачи радиостанции «Би-Би-Си» (гораздо меньше слушали «Свободную Европу»). В дни революции 1956 г. венгры продолжали ориентироваться на последние источники информации, но в убывающем порядке: больше всего доверяли сообщениям, которые исходили из «Szabad Kossuth Rádió» (Свободная радиостанция «Кожут»), «Би-Би-Си», «Свободная Европа», и лишь незначительная часть слушала «Голос Америки».

Непосредственное «деятельное участие» в революции 1956 г., согласно опросам, принимали только 26% опрошенных, они и воевали с оружием в руках против советских войск. Непосредственной причиной народного восстания, вспыхнувшего в октябре 1956 г., опрошенные эмигранты чаще всего называли «культурный и политический гнёт» и лишь меньшинство ссылалось на недовольство своим социально-экономическим положением. Подавляющая часть называла восстание антикоммунистическим, но и остальные признавали, что «тенденция антикоммунизма определенно присутствовала» в венгерской революции. Оценивая Имре Надя, 32% опрошенных эмигрантов подчёркивали, что «хотя он и был коммунистом, в его лице страна могла бы иметь хорошего руководителя»; а 60% видели в нем «политика, работавшего над созданием системы демократического социализма»¹¹⁵. При этом неудивительно, что большинство эмигрантов считало демократическую многопартий-

ность желательной для Венгрии и в случае окончательной победы революции «весьма значительная часть» из них отдала бы предпочтение именно «социалистическому решению». Таким был вывод калифорнийских учёных, сделанный на базе устных и анкетных опросов венгерских эмигрантов. Под «социалистическим решением» при этом понималось, прежде всего, сохранение крупных промышленных объектов, банков и шахт в государственной собственности либо под контролем государства, а также рентабельных сельскохозяйственных кооперативов и даже плановость в экономике (за это высказались 75% опрошенных). На вопросы о том, какого наказания заслуживали бы партийные деятели в случае окончательной победы революции, подавляющее большинство ответило, что их не следовало бы трогать, но при этом 33% предусмотрели бы для них политическое наказание в виде недопущения их к публичной общественно-политической деятельности. Несколько строже отнеслись бы беженцы к представителям органов госбезопасности, считая необходимым привлечение их к ответственности, но в основном ответственно-сти политического характера.

Отдельные высказывания и оценки коммунистического режима стали полной неожиданностью для американских социологов, но более всего удивило их то, что касалось сравнения эмигрантами двух мировых систем – капиталистической и социалистической. Дело в том, что 23% опрошенных эмигрантов ту и другую систему считали неподходящей и предпочли бы какой-то третий путь общественно-политического развития. Многие из них после подавленной венгерской революции, хотя и отвергли коммунистические подходы к решению общественных проблем, всё же выразили мнение, что «в идеале» к социализму как общественной системе относятся положительно (47%), тогда как 9% посчитали её просто хорошей, 19% – средней, а 2% – плохой. Отношение к капитализму было более сдержанным: 13% назвали его очень хорошей системой, 11% – просто хорошей, 49% – средней, а 2% – плохой¹¹⁶.

По завершении опросов и сбора богатого анкетного материала, проливающего свет на разные стороны общественно-политической жизни Венгрии 50-х годов и на систему советского типа в частности, калифорнийские социологи намеревались написать обобщающий труд «Венгрия 1945–1956». На примере этой страны они предполагали дать развернутый, исчерпывающий анализ системы советского типа, охарактеризовать венгерскую революцию и раскрыть её причины, отразив также позиции и взгляды оказавшихся в эмиграции венгерских диссидентов. Учёные предполагали также продолжить исследования по изучению венгерских эмигрантов 1956 года, проследить процессы их расселения и интеграции в западное, в том числе американское общество. Этой идее, однако, не суждено было реализоваться. Повторное обращение калифорнийцев к Фонду Форда не было поддержано, и исследование прекратилось. Из собранных материалов впоследствии лишь отдельные отрывочные сведения были использованы на уровне упоминаний в книге Т. Циннера¹¹⁷ о националь-

ном коммунизме с предисловием руководителя проекта, так и не доведенного до логического конца.

Материалы опросов, как уникальный первоисточник по изучению венгерской эмиграционной волны 1956 г., как богатейшее живое документальное свидетельство современников, полученное непосредственно от беженцев в качестве живого материала о той ушедшей эпохе, хотя и остались доступны доступным исследователям, к сожалению, всё же остались в рукописи. Как полагает группа венгерских ученых, опубликовавшая суммарные сведения, извлечённые из собранного социологами материала, одной из причин незавершённости проекта американцев могла стать непопулярность в США идеи промежуточного «третьего пути» общественно-политического развития, которой придерживалось большинство венгерских беженцев-эмигрантов 1956 г. Эта идея не вписывалась ни в одну из идеологических схем ни на Востоке, ни на Западе. Ведь её сторонники не принимали в чистом виде ни капитализм, ни «реальный социализм», а фактически высказывались за некий конвергентный вариант общественно-политического развития. Для западных политиков «третий путь» не представлял интереса, не говоря уже о том, что его считали, хотя целиком ошибочно, одним из «вариантов коммунизма». Исходя из этого, собранные калифорнийскими учёными материалы также квалифицировались как непригодные для идеологической борьбы против советского блока. Что же касается другой стороны – отношения коммунистических властей к «третьему пути», – то после венгерской революции его поиск расценивался бы как предательство дела социализма.

3. Эмигранты и коммунистическая Венгрия

Отмеченные ранее попытки новой венгерской политической власти вернуть в ВНР хотя бы часть беженцев, покинувших страну после подавления революции 1956 г., естественно, были вызваны не только пропагандистскими устремлениями Я. Кадара и его правительства. Они мотивировались вполне определенными социальными и экономическими причинами. Ведь для частично обновленной партийно-государственной власти, как и для будущего страны в целом, для её развития было далеко не безразличным, что вслед за значительными потерями человеческого потенциала в годы Второй мировой войны, которые превышали один миллион жизней, из страны в эмиграцию дополнительно ушла ещё целая масса беженцев численностью свыше 210-тысячной человек. Причём эти последние покинули Венгрию в знак протеста против уже отвергнутых народом, но снова насаждаемых извне порядков.

Венгрия, таким образом, лишилась многих представителей молодого и подрастающего поколения – учащейся и студенческой молодёжи, рабочих и интеллигентов, т. е. массы энергичных и наиболее активных людей страны. Возвращение на родину хотя бы части этих людей стало вопросом престижа для

правлящих страной после революции руководителей. Новое правительство ВНР во главе с Я. Кадаром, наряду с политическим ущербом для себя, учитывало и другого рода отрицательные последствия такого массового исхода эмигрантов из страны. Оно не могло не осознавать демографические и экономические последствия, поэтому предпринимало меры в интересах частичного возвращения людей на родину. На начальном этапе подобные начинания кадровой власти не давали зримых результатов. Беженцы-эмигранты, даже не замешанные в активных действиях на стороне национального сопротивления, опасаясь реанимации дореволюционных порядков и не желая жить в условиях тоталитаризма, не доверяли декларациям и зову властей. Этим и объясняется, что официальному Будапешту в 1956–1962 гг. так и не удалось добиться какого-либо прорыва на этом направлении. Правительство Кадара, однако, не отказывалось от реализации намеченной цели, дожидаясь более подходящих для себя условий. Будапешт при этом продолжал ориентироваться и рассчитывать, прежде всего, на ту часть эмигрантской молодёжи, которая не воевала с оружием в руках против режима.

Вопреки утверждениям пропаганды, даже беженцы, сознательно покинувшие пределы Венгрии, не являлись «классовыми врагами» или прямыми противниками социализма, но они не могли принять восстановление прежних порядков и тем более не могли согласиться с ликвидацией основных революционных завоеваний октября 1956 г. Своими действиями, равноценными демонстрации открытого протеста, они чётко выразили своё неприятие тоталитарного режима и единогласно «проголосовали ногами» против него в надежде вызвать сочувствие и соответствующую реакцию демократических сил Запада. Представители обновлённой коммунистической власти реально могли рассчитывать на возвращение лишь той части молодых людей, которые стали беженцами из простого любопытства. И то не сразу. Политическое руководство ВНР проявляло по отношению к ним некоторое понимание, считая их «заблудившимися», и приглашало вернуться в первую очередь именно их. Совершенно иным был подход т. н. революционного правительства к участникам вооружённого сопротивления и сознательным противникам социалистического строя. С ними, в отличие от первых, правительство Я. Кадара не было готово вести диалог, а тем более приглашать их на родину. Стремление наладить гармоничные отношения касались только той части беженцев и эмигрантов, которая не брала в руки оружия в дни восстания и венгерской революции. К ней принадлежала преимущественно самая юная учащаяся молодёжь, т. е. те, кто под влиянием накалённой военно-политической атмосферы 1956 г. стихийно примкнул к потоку беженцев, либо просто воспользовался предоставленной возможностью и отправился на Запад, чтобы посмотреть мир за «железным занавесом» и испытать себя. Представители этой части молодёжи, как правило, не имели чёткого представления о том, что будут делать на Западе, а оказавшись там, с готовностью приняли предложенное им гражданство того

или другого государства, чтобы затем, добившись чего-то в жизни, урегулировать свои отношения с покинутой родиной. Они оказались весьма активны, стремились быстро разбогатеть, чтобы затем демонстрировать родным и знакомым свои успехи.

Обобщая опыт эмиграции периода 1947–1956 гг., М. Санто в одной из своих статей писал: «Страну покинуло множество ценных людей – ученые, инженеры, деятели искусства и квалифицированные рабочие, приросшие к земле честные крестьяне, словом, те, кого обидели в те трудные времена. Покидали страну многие даже из числа тех людей, кто не имел прямого столкновения с режимом, но был напуган чередой непонятных перемен... Масштабное же диссидентство было вызвано комплексом политических ошибок 50-х годов, их беспощадной эксплуатацией внешними и внутренними силами, массовым помешательством людей и кризисом доверия»¹¹⁸. По его словам, правительство Я. Кадара вскоре после прихода к власти осознало необходимость изменения подходов к эмиграции, особенно к той её части, которая не воевала против режима. «Нынешняя Венгрия – писал он, – поняла их мотивы и позволила эмигрантам нормализовать отношения с родиной. Широкая амнистия дала тому юридическое оформление»¹¹⁹.

После первоначальных малоэффективных попыток кадаровской власти вернуть в страну беженцев, в 1963 г. в Венгрии была объявлена широкая амнистия, которая освободила их от ответственности за нелегальный переход границы. Следует отметить, что власти ВНР, в отличие от ракошистского режима 40-х – начала 50-х годов XX века, совсем иначе отнеслись к такому виду контактов эмигрантов с оставшимися дома родственниками, как личная переписка. Если тоталитарный режим Ракоши практически напрочь перекрыл все каналы связи эмигранта с соотечественниками, включая переписку, то после революции 1956 г. руководство страны не мешало развитию личной переписки эмигрантов с родственниками, тем более если она не затрагивала политическую сферу. Это стало особенно заметным после 1963 г. Переписка не блокировалась в расчете на то, что её поддержание со временем может привести к возвращению эмигранта на родину. Целью такой политики стало восстановление связей с невраждебными слоями эмиграции, включая тех, кто эмигрировал в 1956 г.

После амнистии 1963 г. появилась возможность и для живых личных контактов, ведь стали возможными поездки эмигрантов на родину, к родным и знакомым, а затем и посещение гражданами ВНР своих родственников в эмиграции. Подтверждением тому могут служить свидетельства уже упоминавшегося Ч. Гати, который, будучи единственным ребенком своих родителей, в 22-летнем возрасте покинул Будапешт и выехал из страны на Запад. Спустя две недели после подавления революции он, по собственному признанию, стал «изгнаником, бежавшим из оккупированной Советами страны» и обосновался в США. «Я всегда имел возможность переписываться с родите-

лами, – писал он. – Но мы никогда не обсуждали политические темы... К счастью, родственников тех людей, кто покинул Венгрию примерно в одно время со мной, не подвергали преследованиям; коммунистические власти оставили моих родителей в покое. В 1963 году моей матери было позволено навестить меня в США – она провела у меня три месяца! Отец должен был остаться в Венгрии как гарант ее возвращения. В 1965 году, обзаведясь к тому времени женой-американкой и двумя сыновьями, я съездил в Венгрию повидать родителей»¹²⁰.

Амнистия, объявленная правительством Я. Кадара в 1963 г. (это произошло в результате договорённости с Западом в обмен на снятие с повестки дня венгерского вопроса в ООН), в конечном счёте освободила эмигрантов от ответственности за незаконное пересечение государственной границы в 1956 г. Вначале только отдельные эмигранты, причём имея гражданство какой-нибудь западной страны, рискнули поехать в ВНР навестить родственников, и лишь позднее, убедившись в том, что это безопасно, за ними потянулись другие. После первых удачных поездок появились и первые репатрианты. В 60-е годы, вслед за посещением наиболее активными эмигрантами своих родных, участились поездки в страну и представителей других групп эмиграции. Начиная с 1965 г. ежегодно уже около 60–70 тыс. живущих на Западе венгров ездили в ВНР с целью посещения родственников и знакомых. Постепенно налаживались более-менее регулярные контакты эмиграции с родиной, что способствовало существенному расширению круга участников поездок в Венгрию за счёт разных слоёв эмиграции.

Со временем многие венгерские эмигранты на Западе начали отделяться от эмигрантской среды чисто политического толка, налаживая взаимоотношения с родиной, в результате чего постепенно нормализовались отношения эмиграции и политического руководства Венгрии. В этой связи следует отметить, что уже в 1965 г., когда *Венгерский институт* в Мюнхене провёл специальное социологическое исследование среди осевших в Западной Германии венгерских рабочих, исследователи пришли к выводу, что завершается период «классической» венгерской эмиграции, «раньше или позже закончится её функция и она уступит место просто венграм, живущим вдали от родины, пребывание которых там уже обусловлено иными мотивами, чем прежде». Этот процесс, по мнению социологов, «не означает ослабления венгерского национального сознания, исчезновения идеологических расхождений, а является непосредственной реакцией на явления, которые вызваны мировой политикой»¹²¹. Политэмиграция, таким образом, со временем начала принимать к сведению неизбежные перемены, а официальный Будапешт – необходимость другого подхода к эмигрантам и диаспорам в разных странах мира.

Эмигранты прежних потоков, представители старшего поколения – включая т. н. старых американцев, которые с возрастом всё больше утрачивали активность и влияние на широкие слои эмиграции, либо по принципиальным

политическим причинам по-прежнему не желали иметь отношений с ВНР и отказывались от поездок на родину – в основном лишь после падения коммунистического режима в 1989 г. изъявили готовность, при наличии сил, посетить родину или вернуться домой.

Наконец, следует обратить внимание ещё на одну, долго сохранявшуюся особенность венгерской зарубежной эмиграции: между представителями её отдельных волн и отрядов изначально существовали и долго сохранялись довольно чётко различимые разграничительные линии. Так, если эмигранты первых двух массовых миграционных волн сразу же создавали образовательные, культурные и религиозные организации, молодёжные и спортивные общества и прочие автономные структуры для своей среды, то основная часть эмигрантов третьей волны (за исключением сознательных политэмигрантов 1956 г.) практически не стремилась к этому. Её представители не торопились со вступлением в уже действующие организации, созданные прежними поколениями эмигрантов, считая их архаичными. Сказывалось и то, что поколение мигрантов 1956 г. применительно к общественным организациям в ВНР 50-х годов пережило не очень привлекательный опыт формализма и, освободившись от прежних пут, не стремилось вступать в какие-либо союзы и общества. Многие из них, нацеленные на ассимиляцию и быстрое обогащение, избрали путь стремительного вхождения в структуры западного общества. Такая поведенческая тактика, в свою очередь, нередко вызывала со стороны венгерских эмигрантов старших поколений если не осуждение, то порицание, а сами её представители заслужили звание «плохо воспитанных сыновей отечества», т. е. молодых венгров, лишённых исторического и национального самосознания¹²².

С другой стороны, такого рода упрощённое суждение об эмигрантах 1956 г. не всегда обосновано. Будучи молодыми и быстро усваивавшими язык страны пребывания, они в своем большинстве, действительно, сумели плавно и стремительно «вписаться» в новую социальную и культурную среду Америки, Канады, Австралии и ряда стран Западной Европы. Относительно лёгкое усвоение ими языка страны, заключение смешанных браков вовсе не означали при этом, что молодые венгры, получив гражданство страны, становились полностью «своими» в инородной среде. Многие из них нередко оставались чужими в новой для себя культурной, а тем более религиозной среде их новой «второй родины». Став гражданами других государств, мигранты первого поколения, как правило, ещё долго сохраняли свою национальную идентичность и лишь со временем у них появлялась двойная привязанность. При этом мало кто из эмигрантов на начальном этапе эмиграции задумывался над тем, что вступив в брак, наладив собственное дело и добившись относительного благополучия, т.е. войдя в социальную структуру другого общества, он так или иначе не станет «стопроцентным» немцем, американцем, канадцем, австралийцем и пр. Ему, как представителю первого поколения эмиграции, с неиз-

бежностью приходилось столкнуться с проблемой двойной привязанности и двоякой идентичности.

Амнистия 1963 г. предоставила значительной части венгерских эмигрантов 1956 г. возможность выбора: оставаться эмигрантом или вернуться на родину. Однако этой возможностью реально могли тогда воспользоваться далеко не все, большинство либо не могло, либо и не захотело этого. Остальным же дорога домой ещё долгое время оставалась закрытой. Подавляющее большинство эмигрантов так или иначе продолжало оставаться на чужбине, став со временем гражданами принявшего их государства и оставаясь одновременно членами венгерской диаспоры, представители которой и поныне присутствуют во многих странах мира. Перспектива восстановления и поддержания нормальных культурных и языковых контактов с прародиной именно для них и их детей приобретало особую важность. Эмигрантские круги и представители диаспор были и оставались заинтересованными в поддержании добрых взаимоотношений между Венгрией и странами, которые дали им приют и стали их второй родиной.

Массовый эмиграционный поток 1956 г. активизировал на время все стороны жизни венгерской эмиграции, оказал воздействие и на литературный процесс, и на публицистику. К рубежу 50–60-х гг. под влиянием кадаровской политики стало меняться и отношение официального Будапешта к эмиграции, что приводило к переменам в настроениях части эмигрантов на Западе. Такой именитый представитель политэмиграции, как Имре Ковач, – ставший одним из основателей образованного в марте 1957 г. *Союза зарубежных венгерских писателей*, а в 1958–1972 гг. активно работавший в литературном журнале «*Új Látóhatár*» («*Уй Латохатар*» - «*Новые горизонты*»), – оказался среди тех, кто первым осознал, что консолидация власти Я. Кадара привела к возникновению совершенно новой ситуации в Венгрии. Он уже тогда сделал вывод о неизбежном сокращении в будущем прежней роли эмиграции. Со своей стороны, Ковач не отвергал возможность и целесообразность диалога с новой властью, но и в новых условиях полагал невозможным отказаться от критики венгерской действительности. «Я эмигрировал с твёрдым решением и четко знал, почему покидаю Венгрию. Я не мог согласиться с коммунистическим режимом, считал бессмысленным жить при нём и сегодня стою на том, хотя его ныне называют социализмом. Из современной Венгрии я, очевидно, не уехал бы, но домой ещё не вернусь, – писал он в своём письме из США Д. Борбанди в Европу 9 октября 1970 г. – Я испытал соблазн и меня уговаривали вернуться на родину, хотя бы ради посещения страны. Однако, ступив на венгерскую землю, я тут же потерял бы свой потенциал и веру тех, кто уже 23 года связывает меня с моими принципами. Вместе со мной одновременно потеряли бы веру многие венгры, ведь это означало бы, что больше не осталось никакой надежды. Мы же являемся частью стойкости и надежды, а это накладывает на нас большую ответственность...»¹²³. Характерно, что сам Ковач только

в 1973 г. принял американское гражданство, но считал это «самым болезненным решением своей эмиграции». Несколько позднее он уже был не столь строг к самому себе и другим эмигрантам, посетившим Венгрию в эпоху правления Кадара. Осенью 1980 г. он совершил поездку по Европе, но 27 октября 1980 г. неожиданно скончался и был похоронен в г. Коламбус (штат Джорджия).

По имеющимся сведениям, к посещению Венгрии готовился и другой ведущий представитель венгерской политэмиграции, экс-премьер Венгрии середины 40-х годов XX века Ференц Надь. К его приёму на родине разрабатывалась детальная программа, однако за несколько дней до запланированной поездки он скончался.

Глава 4

Проблемы адаптации эмигрантов к западной жизни и сохранения их национальной идентичности в 50-е годы

1. Опыт трёх венгерских эмиграционных волн: сходство и различия вхождения эмигрантов в западную среду

После лагерей на территории Австрии основная масса венгерских беженцев третьей волны оказалась в самих разных странах мира, пополнив ряды прибывших туда в прежние годы. Большинство политэмигрантов 1956 года, несмотря на изначально несколько ограниченный приём, в итоге всё же были отправлены именно в США, Канаду и Австралию, а меньшая часть – в страны Западной Европы. По сути, это были преимущественно традиционные места прежних венгерских эмиграций. В этой связи встает вопрос о схожести и различиях, которые приходилось преодолевать представителям разных эмиграционных волн в начальной стадии налаживания ими нелёгкой эмигрантской жизни.

Как они вошли в структуру общества принявших их государств, как разные потоки эмигрантов адаптировались к непривычным для себя условиям? Как принимали эмигрантов 1956 г. и как отнеслись к ним представители старой венгерской эмиграции, давно живущие в этих странах? Как складывались между ними взаимоотношения? Эти и другие вопросы требуют рассмотрения. Ведь с этими жизненно важными проблемами сталкивались сотни тысяч переселенцев, эмигрантов и беженцев и в прошлом, и в 1956 г. В местах давнего массового расселения венгерских эмигрантов (США, Канада, Австралия) к середине 50-х годов выросло новое поколение их бывших соотечественников. Кадры старой эмиграции, как и их дети и внуки, жили своей привычной

жизнью в обществе принявших их стран. Представителями первой волны эмиграции, нередко именуемой в литературе просто *старой американско-канадской эмиграцией*, являлись в основном крестьяне и рабочие, которые в свое время селились компактно, основывая свои самостоятельные поселения (колонии), либо улицы или кварталы в городах. Они, как правило, ещё не знали языка принявшей их страны, да сначала и не особенно старались его усваивать. Когда вслед за ними на Запад начали уезжать отстранённые от власти политические элиты, а затем хлынула вторая мощная волна массовой венгерской эмиграции 40-х годов XX века, ситуация стала меняться. В новых эмигрантских потоках были представлены разнородные в политическом и профессиональном, да и в социальном отношении группы беженцев, являвшихся в подавляющем большинстве людьми с образованием. Главным образом, это были беженцы двух мировых войн и двух венгерских революций, принадлежавшие к категории политических эмигрантов. Мировые войны, крутые политические повороты и потрясения, перекройка государственных границ Венгрии заставили их уезжать в вынужденную эмиграцию. В своей массе они долго, но безнадежно, практически не имея реальных перспектив, ждали политических перемен на родине, которые предоставили бы им возможность на возвращение в страну. Эти группы эмигрантов поначалу также сторонились новой среды и не старались быстро войти в реальную жизнь общества тех стран, в которых они волею судеб оказались. Наконец, в 1956 г. к эмигрантам двух прежних волн прибыли свежие силы, в основном состоявшие уже из преимущественно молодёжных групп, более восприимчивых к новой языковой среде на чужбине. Участникам восстания и защитникам революционных завоеваний 1956 г. тогда не удалось отстоять вариант модернизации общественно-политического переустройства Венгрии, и они стали политическими беженцами, вынужденными политэмигрантами.

Последние две волны эмиграции (1945 и 1956 гг.) существенно отличались от первой, хлынувшей из Венгрии на рубеже XIX–XX веков. По своему социальному составу, характеру, да и по адаптационным показателям они были другими. Если *эмигранты первой волны* уезжали на Запад по социально-экономическим причинам, то Первая мировая война и её последствия привели к появлению первых групп политэмигрантов из Венгрии. Участниками двух последних волн эмиграции вполне определённо стали массы вынужденных беженцев и эмигрантов по политическим и даже геополитическим причинам. Ко времени прибытия на Запад беженцев 1945–1947 и 1956 гг. эмигранты первой волны, покинувшие Венгрию на рубеже XIX–XX веков, уже успели органически влиться в американское и канадское общество, приобрести соответствующий социальный статус, нередко равный общественному положению граждан из местного населения. Причём эмигранты первой волны, создавшие в местах своего проживания собственные национально-культурные, просветительские, религиозные и прочие организации, особое внимание уде-

ляля тому, чтобы их подрастающее поколение могло сохранить родной язык, усвоить культуру и традиции предков.

Характерно, что если перед Первой мировой войной из почти одного миллиона венгерских трудовых мигрантов, находившихся тогда на территории США, порядка полумиллиона ещё намеревалось вернуться на родину и собирало для этого средства, то после войны изменившаяся коренным образом ситуация на родине заставила их отказаться от этой идеи. Большинство решило остаться и принять американское гражданство, не говоря уже об их детях. Как сообщала в 1923 г. газета «*Magyar Hirlap*» («*Мадьяр Хирлан*»), «новые поколения американских венгров уже учатся в английских школах и усваивают родной язык недостаточно». Правда, при этом подчёркивалось, что венгерская молодёжь ещё стремится «заклучать браки в своем кругу, в семье ещё говорит по-венгерски, но писать и читать на родном языке уже не умеет». Газета отмечала также, что старшие, с одной стороны, не имеют возможности заниматься с детьми, так как они много работают, и хотя дома говорят исключительно по-венгерски, этого мало, к тому же «в результате этого они сами плохо знают английский, что отрицательно сказывается на них»¹²⁴. Оставшиеся в США венгерские эмигранты первой волны и особенно их дети в годы мировой войны испытали также отрицательное воздействие геополитического фактора и той ситуации, которую переживала Венгрия после войны, а их дети так или иначе подверглись прямому воздействию американского «плавильного котла». Обосновавшимся в Америке трудовым мигрантам приходилось преодолевать немалые трудности, чтобы сохранить свою языковую и национальную идентичность. Ведь многие из них еще сохранили венгерское гражданство, полагая вернуться на родину, но в годы войны были вынуждены пересмотреть свои позиции и отказывались от прежних намерений (особенно, если трудились на военном производстве). Пришло время, когда они в массовом порядке стали принимать гражданство США¹²⁵.

Положение представителей *второй*, самой массовой волны венгерской эмиграции (по сути, их следует считать беженцами, покинувшими Венгрию по политическим соображениям) с самого начала складывалось несколько иначе. В отличие от эмигрантов первой волны, их не особенно охотно принимали в странах Запада и относились к ним если не враждебно, то с изрядной долей сдержанности и даже подозрения. Уже в лагере для беженцев им присваивалась отметка «дипи» (т. е. «перемещённое лицо»), а на родине их называли «западниками». Как правило, это были выходцы из буржуазных кругов, представители бывших господствующих классов или средних слоёв с достаточно высоким уровнем образования. Среди них было немало политиков, госчиновников, ученых, деятелей культуры и искусства, просто богатых людей, предпринимателей, бывших военных, служащих разного уровня, которые оставили Венгрию именно по политическим причинам, причём часть из них, хотя и самая малая, считалась коллаборационистом периода гитлеровской оккупа-

ции. Многим представителям этих кругов было трудно адаптироваться к новым, непривычным для себя условиям. Несмотря на довольно высокий уровень образования, престиж этих групп беженцев 1945 г. был весьма низок, особенно в цивилизованных странах Запада, что затрудняло их плавное вхождение в новую среду. Эти эмигранты часто вынуждены были сменить профессию. Хотя принадлежность к одному народу, обычаи и традиции объединяли их с представителями первой волны эмиграции и они нередко жили рядом, между ними долгое время было мало общего, как и между их организациями¹²⁶. Неудивительно, что даже язык многих эмигрантов, оставивших страну после Второй мировой войны, заметно отличался от языка их соотечественников, эмигрировавших до Первой мировой войны. Но главное, что если эмигрант не владел языком страны своего пребывания, он чаще замыкался в себе, жил изолированно от окружения с иллюзорными представлениями о мире и возможностях возвращения на родину. По сути, этим эмигрантам чаще всего приходилось доживать свой век в рамках разных эмигрантских групп и организаций, в основном правого политического толка. Добиться общественного признания в новой среде мало кому из них удалось (не считая отдельных представителей науки, культуры и искусства). В основном лишь второе поколение этих эмигрантов сумело добиться реальных успехов на своей второй родине. При этом особой заботой нового поколения венгерской эмиграции становилось сохранение языка предков в иноязычном окружении.

Несколько иным, во всяком случае не враждебным и более благоприятным оказался приём и эмигрантская жизнь представителей последнего, т. н. *народно-демократического потока* второй волны эмиграции. Политэмигранты 1947–1949 гг., принятые в те годы на Западе как борцы против наступавшего тоталитаризма и коммунизма, хотя не сразу и не легко, но получили материальную и моральную поддержку не только демократических кругов, но и официальных властей, правда, не во всех странах западной демократии, а преимущественно в США, благодаря чему долго могли сохранить свой статус политэмигрантов, вести соответствующую организационную и идейно-политическую работу, не принимая гражданства страны проживания, хотя при этом им также приходилось жить параллельной жизнью местного общества.

Иначе складывалась судьба и проходила адаптация большинства беженцев *третьей волны* – венгерских эмигрантов 1956 г. Их принимали на Западе как революционеров, участников национально-освободительной борьбы. Им удавалось легче и быстрее, чем представителям прежних эмиграционных волн, а главное, успешнее преодолеть позиционные и статусные различия с местным населением. «Для большинства венгров, оказавшихся на Западе, относительно легко прошла адаптация к новой среде. Особенно для мобильных и холостых молодых мужчин. Представители этой волны эмиграции легко и быстро устраивались, обеспечивая себе даже состояние, относительно быстро вступали в брак, рано началась их ассимиляция»¹²⁷, – писал в этой связи

один из политэмигрантов. Основная часть эмигрантов 1956 г., действительно, довольно стремительно и органично вошла в жизнь западного общества. Одни стали промышленными рабочими, другие, ориентированные на получение или завершение образования, – работниками умственного труда. Впоследствии многие из них «образовали наиболее влиятельную прослойку венгерского населения США»¹²⁸. Незначительным было число тех, кому трудно давалась адаптация к новым условиям и пришлось испытать социальную деградацию или вернуться в ВНР.

Эмигрантам 1956 г. на Западе тем не менее приходилось осваиваться в непривычных для себя условиях, которые существенно отличались от венгерских. Не обошлось без стартовых трудностей, начиная от благоустройства жилья и быта до приспособления к новому ритму жизни. Вначале необычным казалась жить в кредит, с неременным обязательством своевременного возвращения средств. Для молодых мигрантов 1956 г., успевших привыкнуть на родине к коллективистским ценностям и образу жизни, несколько странной казалась атмосфера холодного западного индивидуализма, что усиливало чувство одиночества и некой изолированности, особенно в начале пребывания на чужбине. Сказывался резкий контраст между скромной, пуританской жизнью на родине с её товарным дефицитом и бросающимся в глаза изобилием в западных магазинах, возможностью при наличии средств приобрести всё, пользоваться неограниченными предложениями для проведения досуга и отдыха. С другой стороны, такая атмосфера заставляла эмигранта больше трудиться, постоянно оценивать свои возможности, подталкивала его к погоне за материальным достатком, чтобы жить, как его новое окружение. Ему предлагалась альтернатива, принятие новой шкалы жизненных ценностей и ориентации, в которых на первое место явно ставились не духовные, а материальные приоритеты, желание скорее разбогатеть. Такая новая для эмигранта поведенческая установка с неизбежностью приводила к появлению в его характере черт, которые со стороны старшего поколения венгерских эмигрантов вызывали подозрение и неприятие, а в ряде случаев даже осуждение. Отмеченные поведенческие стереотипы мешали налаживанию нормальных взаимоотношений эмигрантов 1956 г. с представителями прежних волн эмиграции и особенно с покинувшими Венгрию в конце Второй мировой войны.

Между эмигрантами, уехавшими из Венгрии в 1940-е и в 1956 гг., при схожести их политической мотивации имелись существенные различия. Это выражалось не только в принадлежности к разным волнам эмиграции, разными были и их цели и устремления, социальный состав и возрастные категории, воспитание и уровень образования, структура ценностной ориентации, жизненный опыт и призвание. По-разному относился к ним и официальный Будапешт, долгое время не пускавший эмигрантов 40-х годов на родину даже в качестве туристов, тогда как большую часть беженцев 1956 г. был готов принимать уже с начала 60-х годов. Такое разное отношение венгерских властей

к представителям двух волн эмиграции отчасти объясняется различиями в уровне национального самосознания и их отношением к коммунистическому режиму. Так, эмигранты 1945–1948 гг., имея чёткое и определённое, ярко выраженное национальное самосознание и соответствующую идентичность, открыто и напрочь отвергали общественно-политическое устройство, которое утвердилось в ВНР. К ним официальный Будапешт поэтому относился враждебно, стараясь нередко оптом и ложно представить их даже «фашистами». Другое отношение было выработано кадаровскими политиками к молодёжным группам эмиграции 1956 г., идентификационные характеристики которых оказались не столь выраженными, ослабленными школьным интернационалистским воспитанием конца 40-х–50-х годов (что, кстати, подтверждалось их стремительной ассимиляцией на Западе). На родине их считали в основном «заблудшими», поэтому подходы к ним были несколько иными, более терпимыми.

Эмигранты-*западники*, многие из которых до эмиграции занимали ответственные государственные, административные, экономические и военные посты, потеряли свои привилегии, высокий статус и состояние, не были готовы мириться с коммунистическим режимом. Путь на родину им как «вражеским элементам» был заказан. Совершенно иной была мотивация подхода к эмигрантам 1956 г. с учётом отмеченных факторов их национального самосознания, менее выраженной, более размытой идентичности, а следовательно, гораздо меньшей политической непримиримости к вновь утвердившейся на родине власти. Так или иначе, беженцы 1956 г., хотя и скрывались от преследований, оказались более аполитичными, а в своей массе безразличными и несколько терпимыми к режиму, от которого бежали. Из этого вытекало более снисходительное отношение к ним и со стороны кадаровской Венгрии. Нельзя забывать, что в третьей волне эмиграции присутствовала и младшая возрастная прослойка, которая не имела личного опыта о режиме Ракоши и поэтому не так категорично отвергала возрождавшийся строй, хотя и бежала от него. Безусловно, среди молодых эмигрантов, наряду с младшими и отчасти стихийно сбежавшими из страны подростками, основную часть беженцев составляли вполне осознанно покинувшие её пределы молодые люди, которые опасались ареста либо не желали признать навязанный стране извне режим власти.

Таковыми были основные сравнительные характеристики двух последних мощных волн венгерской эмиграции, прокатившихся на Запад в 1945 и 1956 гг. При этом, конечно, следует учитывать не только обстоятельства вхождения эмигрантов в жизнь западного общества, но и принципиальные отличия политической конъюнктуры тех лет. В отличие от низвергнутых политических элит середины 1940-х годов, борцов подавленной революции в 1956 г. на Западе, безусловно встречали иначе, да и в более благоприятных условиях. Молодых людей, особенно студентов высших учебных заведений, как будущих

квалифицированных специалистов, охотно принимали любые страны Европы и мира. К тому же в 50-е годы экономика многих стран остро нуждалась в свежей рабочей силе. Эти факторы гарантировали подчёркнуто иной приём и принципиально иного характера расположенность к молодёжным группам венгерских эмигрантов 1956 г. Причём это касалось как официальных властей, так и гражданского населения принимавшего государства. У этих эмигрантов была возможность вполне органически влиться в инородную среду по каналам учёбы, трудоустройства и заключения брака в местах их расселения, а также получения гражданства страны пребывания.

2. Адаптационные и интеграционные условия.

Важнейшие аспекты сохранения языковой и национальной идентичности поколениями эмигрантов

При характеристике отдельных волн эмиграции нами неизбежно затрагивались сюжеты территориального размещения и приспособления отдельных групп венгерских эмигрантов к новым, непривычным для них условиям. Это, однако, не исключает целесообразности рассмотрения некоторых общих черт адаптации в несколько иных условиях, характерных для западной эмиграции. Известно, что судьба любого беженца, перемещённого лица, переселенца, эмигранта нелегка и сопряжена с рядом проблем. Адаптация к новой среде всегда связана с немалыми трудностями, начиная с размещения, налаживания быта, трудоустройства на новом месте, приспособления к новым условиям, различных сторон вхождения в социальную жизнь страны, принявшей эмигранта. Перед ним с неизбежностью встают вопросы усвоения языка нового окружения, а, с другой стороны, возникают проблемы сохранения родного языка в иноязычном окружении, в том числе для потомков эмигранта.

Эмиграция вносит резкие перемены в жизнь любого беженца, который отрывается от привычной социальной и национальной среды. Это происходит независимо от того, оставил ли он родину добровольно или под давлением вынужденных обстоятельств. Первыми столкнулись с адаптационными трудностями экономические (трудовые) эмигранты, которые несколько проще, чем участники массового потока беженцев, преодолевали период адаптации. Дело в том, что жизнь и работа компактными поселениями и группами, что выпало на долю экономических мигрантов, относительно кратковременный характер пребывания на чужбине ещё не вынуждали их к глубокой интеграции в иную социальную среду. Политэмигранты же, которым предстояло провести в других странах многие годы без реальной перспективы на быстрое возвращение в страну, проходили этот путь гораздо сложнее и дольше. Трудовым мигрантам на новых местах сообщать гораздо легче было преодолевать начальную стадию эмигрантской жизни. Намного сложнее давалась адаптация и вхождение

в новую среду беженцам-эмигрантам 1945 г. В 2008 г. в Гааге на научной конференции, посвящённой проблемам хунгарологии и венгерской культуры в эмиграции, прибывшая из Южной Америки представительница второго поколения венгерских эмигрантов этой волны Жужанна Кешшерю, в частности, отмечала: «Для наших родителей отрыв от родины, переезд за океан – своеобразный разрыв с Европой, шокирующее воздействие Нового Света, трудности с приобретением жилья, условия труда и особенно полное отсутствие знания нового языка – всё это было травмирующим. К тому же в случае с политическими беженцами Второй мировой войны это дополнялось чувством отстранённости, отсутствия духовного тыла, ощущением постоянной отчуждённости... Они все были убеждёнными антикоммунистами и христианами по мировоззрению»¹²⁹. Для людей, унесённых этой волной эмиграции, в условиях изоляции от внешнего мира адаптация к новым условиям проходила сложно. Мало чем отличалась адаптация этих сил и в условиях Европы. Местное общество по ряду причин долго смотрело на них после войны с изрядной долей осторожности и сомнений. На этом фоне, как отмечалось, гораздо легче шла адаптация к новой жизни на Западе политических изгнанников и беженцев эпохи народной демократии, а тем более молодых эмигрантов 1956 г. Последних встречали дружелюбно, с готовностью помогали им в преодолении трудностей на начальном этапе эмиграции. Условия приёма их обществами разных стран и континентов коренным образом отличались от тех, которые имели место применительно к предыдущей волне эмиграции.

Жизнь в эмиграции ставила каждого человека перед проблемой повторной самоидентификации, требовала определение личного отношения к принявшему его обществу, к стране. Перед ним неминуемо вставал вопрос о его причастности, временной или окончательной принадлежности к той общности, в которой он волею судеб оказался. Эмигрант с неизбежностью должен был принять решение о сохранении или изменении своей изначальной идентичности. Правда, у эмигрантов, как и у искусственно отделённой части любой нации, может проявиться вариант двойной привязанности. Учитывая, что идентичность во многом зависит от наследственности, воспитания и других значимых факторов начального этапа жизненного пути человека, эмигранту бывает нелегко решиться на смену идентичности, не говоря уже о том, что резкая смена самоидентификации нередко чревата кризисом личности.

Как показывает практика, эмигранты легче преодолевают период адаптации к новой среде, если возвращаются по возможности в круг своих соотечественников. Двойственное положение эмигранта в инородном окружении нередко выражается в том, что он не проявляет готовности принять обычаи и стиль жизни нового окружения, не стремится отказаться от своей «особости», своей идентичности. Со временем, однако, уже адаптировавшись к новой среде обитания, он, желая того или нет, всё же начинает жить двойной привязанностью, причём даже при полном сохранении своей первоначальной

идентичности. Наиболее сложна ситуация с политэмигрантами, которые, как правило, не принимают гражданство другой страны. Политэмигрант ведь считает эмиграцию временным явлением в своей жизни и, собирая силы, действует организационно, политически и иными способами для организованного и коллективного возвращения на родину. В центре внимания и постоянного интереса политэмигрантов из Венгрии в XX веке всегда стояли политические и социальные процессы, происходившие на родине. Они анализировались и оценивались ими, но нередко толковали их по собственному разумению и ценностной ориентации.

Венгры, оказавшись на Западе, как справедливо отмечал Д. Борбанди, «вначале и думать не могли ни о чём, кроме себя, об обеспечении своих семей жильём и пропитанием, об устройстве своего бытия и о том, как им войти в новую общественную среду»¹³⁰. Прибывшие в США во второй половине XIX века венгерские эмигранты, будучи в основном сельскохозяйственными рабочими, должны были преодолеть нелегкий путь ускоренного превращения в промышленных рабочих и усваивать приёмы труда на машинах, на конвейерах, работать с техникой. Им компактное проживание вблизи заводов и фабрик помогало преодолеть период перехода и адаптации к новым условиям, но с другой стороны, такая групповая изолированность сдерживала процесс ассимиляции и интеграции в американское общество. Пример США, точнее Флориды и Калифорнии, т. е. штатов, в которые венгерские эмигранты проникли позже чем в другие, показал, что наиболее активные из них, и чаще даже представители второго поколения, старались перебраться в крупные промышленные центры, где уровень зарплаты и групповая (профсоюзная) сплочённость были значительно выше¹³¹.

Большинство неевропейских государств, куда попали венгерские эмигранты в XIX – первой половине XX века (США, Канада, Австралия и латиноамериканские страны), сами находились на стадии формирования наций, готовых интегрировать переселенцев. Эти страны не мешали, а скорее поддерживали стремление венгерских эмигрантов к созданию ими своих неполитических (главным образом, религиозных и культурных) организаций несмотря на то, что их появление несколько замедляло столь желательный для этих стран процесс ассимиляции переселенцев. При этом политическое руководство таких стран исходило из того, что если не первое, то последующие поколения эмигрантов будут стремиться к ассимиляции и окончательно останутся в избранной их родителями стране. Как отмечал один из исследователей проблемы, «второму поколению эмигрантов сделать это было нетрудно, для их представителей уже не существовал языковой барьер, они имели более высокое социальное положение и образование, чем их родители. В своё время они начали покидать пределы венгерских поселений, женились на женщинах из местного населения». Однако там, где сохранялись венгерские колонии, молодёжь заключала браки в своей среде и активно участвовала в общественной

и религиозной жизни диаспоры. В таких местах даже «представители второго поколения сохранили венгерский язык и считали себя венграми»¹³². По имеющимся сведениям, в начале 1960-х годов в Канаде, напр., из 36 тыс. венгерских детей моложе 14 лет уже только 11 тыс. знали родной язык. Интеграция в новое общество, как и процесс ассимиляции, во многом зависели от того, в какой стране оказался эмигрант и его дети. Так, в европейских странах эти процессы проходили быстрее, тогда как в Южной Америке, где «сознание принадлежности к европейской культуре придавало переселенцам чувство собственного достоинства и уверенности в себе», гораздо медленнее. По определению специалистов, процесс интеграции эмигранта в общество другой страны во многом зависит от того, «в каком возрасте он переселился, каков уровень его общего образования и знания иностранного языка, имеет ли он практические навыки по своей специальности»¹³³.

Венгерские беженцы 1945 г. по уже отмеченным причинам не были в почёте ни в Западной Европе, ни за океаном. На родине также никто не ждал их возвращения, да они и сами не хотели вернуться в коммунистическую страну. Их вхождение в структуру западного общества оказалось задачей не из лёгких. Происходило это вопреки тому, что большинство из них (не считая бывших нилашистов) принадлежало, как отмечают отдельные исследователи, к числу достаточно умеренных и весьма трезвомыслящих людей¹³⁴. Впрочем, среди беженцев и эмигрантов 1945 г. были представлены в социальном и в политическом отношении самые разные группы и прослойки. Наряду с незначительными и маловлиятельными ультраправыми элементами, основную часть беженцев-эмигрантов составляли люди консервативных, либеральных, радикально-демократических, социал-демократических, народно-демократических и прочих взглядов, относящиеся в целом к политическим группам с однозначно умеренными позициями. Статус венгерского беженца-эмигранта 1945 г. на Западе безвозвратно означал потерю им прежнего высокого общественного положения и одновременно вынужденный переход от умственного труда к физическому, что объяснялось не столько отсутствием спроса на интеллектуальную рабочую силу, сколько отношением к эмигрантам этой волны и незнанием или недостаточно высоким уровнем знания ими языка принявшей их страны. Являясь в своей основе выходцами из высших и средних буржуазных слоёв венгерского общества (политики, госчиновники разного ранга и уровня, офицеры, представители интеллектуальных профессий), в эмиграции мало кто из них мог при трудоустройстве рассчитывать на должности, хотя бы отдалённо напоминающие те, которые они занимали прежде. В то же время они лишились высоких званий и рангов. Представители этих кругов за границей устраивались на работу преимущественно столярами, плотниками, ночными сторожами, официантами, сапожниками, портными, садовниками, шофёрами, продавцами, коммерческими агентами и пр. Во Франции и Великобритании бывших «дипи» принимали также на сельскохозяйственные рабо-

ты, трудоустраивали в шахты, на заводы и фабрики и в качестве прислуги¹³⁵. Организацией религиозной и общественной жизни венгров в эмиграции – как в США, так и в Европе – занимались католические, реформатские и евангелические церкви, нередко при содействии англиканской.

Со сменой поколений венгерских эмигрантов в странах Запада рос образовательный уровень подрастающего поколения. Так, если первые поколения американских венгров, в основном бывших крестьян и рабочих, имели, как правило, начальное или неполное среднее образование (8 классов), то к 1950-м годам сменившее их новое поколение эмигрантов уже полное среднее образование (11–12 классов). При этом 90% детей венгерских эмигрантов, обучавшихся в вузах, в основном уже закончили их, что позволило им достичь более высокого карьерного роста по сравнению с родителями. Представителям второго и последующих поколений венгерских эмигрантов было уже легче войти в жизнь американского общества. Кроме того, как показал сравнительный анализ, им чаще удавалось добиться более высоких показателей в карьере, чем средним американцам. Что же касается занятости представителей этих поколений американских венгров, то они вместе с молодыми эмигрантами, прибывшими в США с эмиграционной волной 1956 г., были лучше трудоустроены, чем американцы в среднем. Из 705 тыс. венгров США к концу 50-х годов 367890 имели постоянную работу, и этот показатель был выше среднеамериканского уровня занятости¹³⁶. Приведённые данные являются свидетельством не только успешной адаптации, но и интеграции венгерских эмигрантов в жизнь США.

С другой стороны, успешная интеграция имела и свои теневые стороны, выразившиеся, прежде всего, в быстрой утрате новыми поколениями американских и канадских венгров родного языка. Данная проблема, по сути, результат долговременного пребывания семей в эмиграции. Если поселившиеся в XIX веке в США и Канаде венгры в своей массе ещё размещались колониями, и это помогало им и их детям сохранить язык предков, то эмигранты 20–30-х годов XX века уже селились не столь компактно, хотя и в традиционных местах венгерской эмиграции. Интеллектуалы, самостоятельные предприниматели, мелкие торговцы быстрее усваивали язык страны, чем эмигранты прежних десятилетий, причём часть их, стремясь ассимилироваться, не пыталась обучать своих детей венгерскому языку¹³⁷. Такое же явление наблюдалось в годы Второй мировой войны, когда часть эмигрантов из Венгрии, учитывая, что страна оказалась в лагере гитлеровской коалиции, предпочла в условиях США не афишировать свою национальную принадлежность, а подрастающее поколение стремилось к ассимиляции посредством вступления в брак с представителями местного населения. Впрочем, некоторая часть эмигрантов, преследуя цель окончательно обосноваться в США и желая уберечь своих детей от того, чтобы их называли не очень лестным прозвищем «ханки» («hunk»), и до того становилась на путь сознательной ассимиляции.

Правда, большинство венгерских эмигрантов старалось обучить подрастающее поколение родному языку.

Рассуждая о роли родного языка для эмигранта и диаспоры в целом, о его функциональном значении в иноязычной среде, один из американских венгров в изложении венгерского писателя и журналиста Дюлы Фекете, побывавшем в США на рубеже 70–80-х годов XX века, в частности, писал: «Венгерское слово для нас свято. Оно преодолевает нашу изоляцию в диаспоре, связывает нас с остальными венграми во времени и пространстве». Подходя к определению места, занимаемого человеком в обществе и мире, писатель процитировал строки из издававшегося в США венгерского журнала: «Мы прежде всего люди, затем венгры, и лишь потом американцы, немцы, врачи, преподаватели, пожарники, немного правые, немного левые, немного участники событий 56-го года, немного староамериканцы, немного католики, немного реформаты...»¹³⁸.

Создав в свое время свои поселения или колонии, венгерские эмигранты получили возможность не только общаться на родном языке, но построить свои церкви, выпускать венгерские периодические издания, открывать школы для обучения детей, что во многом способствовало сохранению, изучению родного языка и национальной истории, усвоению культуры своего народа, получению необходимой информации об экономике и общественной жизни Венгрии, а также сохранению национального самосознания молодых венгров в эмиграции. Это приобрело особое значение в США, которые далеко не без основания считались «плавильным котлом», преобразующим многонациональные массы эмигрантов в американскую нацию.

Долговременное пребывание в США относительно значительной массы венгров, сохранение ими родного языка и своей идентичности во многом объясняется периодически обновлявшимся притоком новых эмигрантов из Венгрии. Две мировые войны, территориальные изменения, в результате которых треть всех этнических венгров оказалась в составе сопредельных государств, частые смены политических режимов в самой Венгрии в XX веке перечеркнули мечту многих венгерских эмигрантов вернуться на родину. В результате этих исторических коллизий относительно большие массы венгерского населения оставались на положении эмигрантов и представителей национальной диаспоры во многих странах мира.

Хотя приток свежих сил венгерской эмиграции, доставленных новыми волнами и потоками в XX веке, и помогал стабилизировать и освежить языковую среду подраставших вдали от Венгрии новых поколений зарубежных венгров, они уже далеко не так воспринимали страну, где родились, как их родители. Проживая в Америке, дети эмигрантов, хотя и продолжали считаться с исторической родиной, но все больше руководствовались стилем и манерами жизни, вкусами американцев, а со временем также свойственным им мышлением. Процесс полной адаптации молодых венгров к американской

действительности наступил, однако, лишь с очередной сменой поколений, которая уже влекла за собой и смену идентичности. Если первое поколение эмигрантов, живя в своей языковой среде, ещё успешно сохраняло венгерскую идентичность и даже привязанность к родине, представители последующих поколений, всё больше ассимилируясь, постепенно теряли эти черты. Сошлёмся на пример уже упоминавшегося беженца-эмигранта 1956 г., зажиточного мелкого ремесленника Э. Надя, которому посреди ночи пришлось покинуть Будапешт и начать новую жизнь во Франции. В одном из интервью этот эмигрант сделал такое признание: «Меня семейные узы уже связывают с Францией, где живут четверо моих детей, одиннадцать внуков и трое правнуков. Не стоит даже говорить о том, что они являются уже больше французами, чем венграми, и я не могу, да и не хочу переселять их в Будапешт. Я сам уже привязан к Франции»¹³⁹.

Венгерским эмигрантам в США было нелегко противостоять процессу ассимиляции. Часть из них со временем неизбежно теряла частицы своей этнической идентичности и приобретала двойную привязанность, а затем и американскую идентичность. «Оставаться венгром, будучи американцем – вот какова была исходная цель. Сохранение языка – единственная надежная гарантия того, чтобы остаться венгром. После упорной борьбы за это (в семьях, в церкви, в общинах и партиях), через перенесённые поражения спустя десятилетия выясняется безнадежность этих стремлений. Если бы живущие здесь венгры не получали регулярно приток свежей крови с прародины в результате новых волн эмиграции путём вливания новых потоков с родины, здесь несомненно закрылась бы и последняя венгерская газета»¹⁴⁰, – отмечал в своей работе об Америке и американских венграх писатель Д. Фекете. Последний массовый «приток свежей крови» в венгерское эмигрантское зарубежье, несомненно, имел место после революции 1956 г. Западная венгерская эмиграция тогда – независимо от того, к какому социальному слою или идейно-политическому лагерю принадлежали её представители – оказалась на редкость единой. Вначале она была озабочена тем, чтобы с помощью широкой общественности и международных политических организаций остановить преследование на родине участников революционных событий 1956 г., защитить их от расправы. Кроме того, эмиграция проявила заботу о приёме и размещении новых эмигрантов в своих странах, выражала озабоченность судьбой исторической родины, добивалась освобождения политических заключённых в самой Венгрии, а также осуждения вооружённого вмешательства в дела Венгрии. Для этого разрозненные эмигрантские группы по миру создавали свои организации, которые в итоге объединились во *Всемирный союз венгерских борцов за свободу*. Действовавшие и ранее эмигрантские организации, несмотря на их разнородный состав, после 1956 г., пусть и ненадолго, но пополнились свежими силами. И хотя между старыми и новыми эмигрантскими группами по-прежнему сохранялись расхождения по идейным, политическим и органи-

зационным вопросам, почти все они одинаково высоко оценивали суть и ценности ориентиры венгерской революции, в равной мере изучали её опыт, анализировали уроки, оберегая память революционной борьбы 1956 г.

Пополнение рядов западной венгерской эмиграции в 1956 г., с одной стороны, стало значительной потерей для Венгрии и венгерского общества, своеобразным и весьма ощутимым «кровопусканием», равноценным потере целого поколения молодых венгров, а с другой, явилось ценным источником сил для венгерской диаспоры на Западе. Несмотря на значительно меньшую, чем ожидали от них прежние эмигрантские круги, политическую активность этих эмигрантов, учащиеся, студенты и преподаватели, молодые специалисты, спортсмены, деятели культуры и искусства, покинувшие Венгрию в 1956 г., существенно оживили, внесли новую струю в эмигрантскую среду в целом. Ведь и эта эмиграция не была лишена политически активных представителей. В их рядах оказалось немало образованных и талантливых людей, причём часть из них с самого начала приложила усилия, чтобы своими средствами информировать мировую общественность о происходящем на родине. Так, в частности, группа венгерских музыкантов из числа беженцев создала оркестр «Филармония Хунгарика» и под руководством находившихся на Западе венгерских дирижёров организовала турне по странам мира. Добившись профессионального признания, музыканты старались привлечь внимание представителей культуры и широкой общественности стран, где выступали, на ситуацию в ВНР. Другие венгерские интеллектуалы и эмигранты 1956 г. большое значение придавали созданию своих печатных органов, чтобы отразить на их страницах события революции, увековечить память её руководителей. Основанные ими газеты и журналы, другого рода периодические издания popularизировали идеи и ценности революции в эмигрантской среде и даже в левых политических движениях, особенно в странах Европы. Эти издания давали не только простое описание событий осени 1956 г., но анализировали, оценивали их, собирали свидетельства очевидцев событий, создавали документальную базу истории самой революции. С их стороны всё это стало вкладом в дело политэмиграции.

Западная венгерская эмиграция, как отмечалось, и до революции 1956 г. имела свои печатные органы разной идейно-политической направленности, которые также информировали своих единомышленников о событиях в Венгрии. Среди них наиболее читаемым, популярным и влиятельным, завоевавшим авторитет и прочные позиции, являлся уже упоминавшийся журнал „*Látóhatár*” («Латохатар»), издававшийся в Мюнхене группой писателей и журналистов народно-национального направления. На её страницах после революции публиковались самые заслуживавшие внимания литературные и публицистические работы, воспоминания и анализы, связанные с предысторией и судьбой самой революции, общей ситуацией в ВНР. Журнал помогал своим читателям ориентироваться в сложных вопросах актуальной политики

и, несомненно, вносил свой важный вклад также в дело сохранения национального самосознания эмигрантов.

Характерно, что после революции 1956 г. среди разнородных идейно-политических и литературных направлений венгерской эмиграции в Европе появились также коммунисты-политэмигранты, которые именно тогда встали перед необходимостью повторного выбора, определения своей идентичности. Часть из них ранее работала в Венгрии в партийных и литературных газетах и выступала за отказ от сталинизма. Представители этих кругов стали сторонниками премьер-министра И. Надя, отстаивали необходимость частичной демократизации общественной жизни, проявляли активность в известном дискуссионном Клубе им. Петефи. Уничтожение завоеваний революции заставило их эмигрировать. В большинстве своём они поселились во Франции. Эти представители группы коммунистов оказались перед выбором: оставаться сторонниками реформирования существовавшей в ВНР советской модели социализма или, отказавшись от партийных привязанностей и политических пристрастий, полностью отвернуться от социалистических идей. Собственно, именно подавление революции поставило их перед таким выбором, и большинство находившихся в Париже представителей коммунистической эмиграции решительно порвало с идеями коммунизма. Марксистами остались лишь отдельные из них (в частности, философы И. Месарош, М. Крашшо, бывший секретарь Клуба им. Петефи Б. Надь). Видимо, этим объясняется та ситуация, что в венгерской коммунистической эмиграции не образовалось крайне левое крыло. Многие эмигранты-коммунисты из лагеря реформаторов, будучи убеждёнными противниками Ракоши и Герё, а после уничтожения завоеваний революции и Кремля, остались верны идеям И. Надя и демократического социализма¹⁴¹.

Именно эта группа эмигрантов во Франции возродила за рубежом вышедшую в ВНР ещё до революции популярную литературную газету „*Irodalmi Újság*” («*Иродалми Уйшаг*»), которая в свое время была наиболее влиятельной выразительницей реформистских идей. Её новый выпуск начался в Лондоне и был продолжен в Париже под редакцией бывшего секретаря парторганизации Союза венгерских писателей, ставшего членом оппозиции ракошистскому режиму, писателя-публициста Т. Мераи. На страницах этого издания часто звучала критика установившегося после революции режима. Редколлегия понимала, что за публикациями газеты следят в официальных кругах кадровской Венгрии, поэтому часто напоминала о невыполненных обещаниях нового политического лидера страны. Так, в частности, после казни И. Надя и его товарищей летом 1958 г., она не раз ссылалась на то, что «Непсабадшаг», цитируя самого Я. Кадара, обещала «никого не привлекать к ответственности за участие в событиях 1956 г.»¹⁴², подчёркивая при этом, что на деле всё вышло наоборот. Другая эмигрантская группа выпускала газету «*Nemzetőr*» («*Нэмзетёр*») в Мюнхене под редакцией поэта Тибора Таллоша, который в начале

50-х годов провел несколько лет в ракошистском концлагере в Речке. Будучи сторонником демократических преобразований, он и в эмиграции остался верен идеям революции и продолжал популяризировать её идейные и духовные ценности.

Число венгерских эмигрантских газет и журналов после революции резко возросло, но со временем началось их сокращение, ведь не всем удавалось выжить. К тому же по мере стабилизации положения в ВНР эмигрантам пришлось примириться с невозможностью скорого возвращения на родину. Тем не менее эмигрантские группы левых сил также немало сделали для подтверждения своей идентичности, отличавшейся от утверждавшейся в самой ВНР. В сложившихся условиях левым силам венгерской демократической эмиграции в Европе удалось установить тесные связи с западными левыми и сочувствующими им интеллигентами. Это позволило им заняться увековечением памяти венгерской революции и её руководителя. В 1958 г. в Брюсселе был основан *Институт Имре Надя* во главе с бывшим госсекретарём по внешнеполитическим делам революционной Венгрии Дёрдем Хелтаи. Институт приступил к изданию научно-информационного журнала «*Szemle*» («Семле») на венгерском, а также его аналога на английском («*Review*») и французском языках («*Études*»), которые были призваны знакомить западную общественность с идеями и историей венгерской революции. В журнале публиковали свои воспоминания люди, прошедшие через ракошистские лагеря, представители культурной и литературной жизни Венгрии 40–50-х годов, писатели, журналисты, участники сопротивления режиму, анализировались предпосылки и ход революции 1956 г.

Важным моментом в совместной деятельности эмигрантов и европейских левых сил стало ознакомление западной общественности с подлинными целями и задачами, достижениями венгерской революции 1956 г., судьбой её руководителя Имре Надя. В 1958 г. в Париже на французском языке был издан сборник документов и материалов судебного процесса И. Надя с комментариями «*Правда о деле Имре Надя*»¹⁴³, а также книги Т. Мераи «*Жизнь и смерть Имре Надя*»¹⁴⁴ на венгерском, английском, французском и немецком языках. Они содержали документальное опровержение вымыслов сфальсифицированного судебного процесса над бывшим премьер-министром Венгрии и его товарищами. Эти издания, как и упомянутое открытие памятника-кенотафа казнённого И. Надя на кладбище Пер-Лашез в Париже, служили увековечению памяти прерванной революции.

Начавшиеся со второй половины 50-х годов перемены в жизни западной венгерской эмиграции отразились как на организационных структурах, так и на менталитете эмигрантов. Не миновали они и такой важный аспект их жизни, как самоидентификация. Основная часть эмигрантов, хотя внимательно следила за происходившими событиями в Венгрии осенью 1956 г., однако, недостаточно ориентируясь в сложной ситуации, так и не могла принять мно-

гое в революции и идентифицировать себя с политикой её лидера И. Надя. Такая идентификация произошла, правда, позже, уже после поражения революции и казни её руководителя. Революция на время оживила всю западную венгерскую эмиграцию, встряхнула структуру и активизировала её деятельность. Она вселяла надежды в руководителей эмиграции, открывала новые перспективы. Однако поражение революции привело к другим результатам. К тому же последовавший значительный прилив беженцев-эмигрантов на Запад не привёл к массовому росту числа членов политэмиграции. Данное обстоятельство, вместе с неоправдавшимися ожиданиями, результатами обсуждения венгерского вопроса в ООН вызвали в эмигрантских кругах заметное разочарование, утрату надежд и перспектив.

Данное обстоятельство привело к сокращению числа эмигрантских организаций. С уходом из жизни представителей старшего поколения постепенно сокращалась и численность их членов, при этом немало молодых людей из набора 1956 г. становились гражданами стран пребывания. Количество венгерских организаций, основанных в свое время дедами и отцами эмигрантов рубежа 50–60-х годов XX века, также значительно уменьшилось. Так, например, если в 1911 г. в США венгры имели 1339 общественных организаций (религиозных и культурных организаций, касс взаимопомощи, кружков самодеятельности, издательских групп и т.д.), то в 1960 г. их осталось всего 877¹⁴⁵. Следует учитывать, что эти общества представляли собой не связанную воедино каким-либо центром структуру, а разрозненные и действовавшие самостоятельно на уровне отдельных городов локальные организации, в лучшем случае формирования с охватом определённой территории, причём без единого управления. Что же касается больничных касс взаимопомощи и их филиалов, то они десятками функционировали до середины 30-х годов XX века. Наиболее выносливыми оказались независимые религиозные общества на базе реформатских и прочих протестантских церквей. Объединённые ими венгры США в гораздо в большей степени чем католики, сумели сохранить религиозную самостоятельность и национальную идентичность¹⁴⁶. Объясняется это, прежде всего тем, что протестанты, в отличие от католиков, не влились в единую конфессиональную церковно-иерархическую структуру США, а сохранили свою «венгерскость» и независимость, а вместе с ней и свои традиции.

Следует отметить, что церковь и религиозные организации венгерских эмигрантов, при том, что старались отстоять свою организационную самостоятельность, с самого начала играли важную роль как в воспитании подрастающих поколений, так и в сохранении ими своей национальной идентичности. Недаром отправлявшиеся за океан группы венгерских эмигрантов в своё время иногда сопровождал священник, либо его впоследствии «выписывали» с родины и содержали на собственные средства. На новом месте он становил-

ся, как правило, организатором духовной жизни переселенцев и эмигрантов, выполнял весьма существенную и важную для своего времени духовную и культурно-просветительскую функцию. Правда, после Первой мировой войны влияние церкви среди рабочих стало стремительно падать, так как они вливались в ряды социалистических организаций. Тем не менее, последние так и не сумели заменить церковь и полностью заменить их роль в жизни эмигранта.

Эмигранты, оказавшиеся на Западе со второй волной, как отмечалось, были образованными и в интеллектуальном отношении более развитыми, чем основная масса их предшественников, выходцев из крестьянской и рабочей среды, которые эмигрировали в XIX веке и в период между двумя мировыми войнами. Несмотря на сдержанный приём в странах, они внесли в ряды западной венгерской эмиграции, включая американских венгров, свежую струю и новые организационные элементы, а также свой колорит в повседневную жизнь. Наряду с уже существовавшими организациями «староамериканцев», они создали разного рода собственные культурно-просветительские, религиозные, спортивные, военно-патриотические и прочие общества, в основном антикоммунистической направленности. Что же до политэмигрантов 1947–1948 гг., они не торопились «раствориться» в западной жизни и вплоть до конца 1956 г. надеялись на скорое, причём организованное возвращение домой при помощи западной демократии. Именно ими были образованы наиболее влиятельные и серьёзные политические институты и организации венгерской западной эмиграции. Благодаря политической деятельности и печати эмигрантов второй, послевоенной волны, жизнь венгерской эмиграции на Западе стала более пёстрой, разнообразной и выражавшей самые разные идейно-политические устремления и идентичность. Весьма пёстрой и многоликой стала благодаря политэмигрантам и печать после Второй мировой войны. Она отражала дух, идейную и политическую направленность разных групп эмигрантов, становясь их рупором, при помощи которого они пытались влиять на венгерскую эмиграцию и даже на литературный процесс.

В отличие от названных пластов эмиграции, представители третьей волны, т. е. беженцы 1956 г., если не принимать во внимание ядро политэмигрантов в их среде, в большинстве своём торопились в западную, особенно в американскую жизнь и с готовностью меняли свою идентичность. Они, по меткому определению Д. Фекете, не только активно, но и «сознательно и сразу же бросились в американскую ассимиляцию». Более того, многие стремились усвоить даже «массачусетский говор» и пытались пользоваться им, надеясь втайне, что в университетских кругах их примут за настоящих «янки» и не будут считать их «ханками»¹⁴⁷.

Среди лиц венгерского происхождения уже в первой половине XX века не только в США, но и в Канаде наблюдался процесс прогрессирующего сокра-

шения числа тех, кто считал своим родным языком венгерский. Эта тенденция, как показали исследования социологов, в дальнейшем лишь усилилась. Так, в г. Торонто, одном из крупнейших центров венгерской эмиграции в Канаде, по имеющимся источникам, численность лиц, считавших своим родным языком венгерский, только за два десятилетия (данные относятся к 60–70-м годам XX века) сократилась с 86 до 69 тыс. человек. В таком стремительном процессе утраты родного языка представителями новых поколений канадских венгров, т. е. в языковой и национальной ассимиляции молодёжи явно проявила себя смена идентичности. По мнению Д. Фекете, кроме всего прочего, значительна роль таких факторов, как отсутствие у молодых венгров непосредственных личных впечатлений и живого контакта с родиной предков. Для подтверждения своего предположения он сослался на результаты одного из конкретных исследований, посвящённых анализу состояния венгерского национального самосознания. Они показали, что «на североамериканском континенте из *полутора миллионов* граждан венгерского происхождения лишь *десять процентов* имели личные впечатления о Венгрии, причём средний возраст этих лиц колебался от 65 до 70 лет». Было выявлено также, что из первого поколения детей венгерских эмигрантов, родившихся на американском континенте, только 6% прошли обучение в венгерских школах воскресного дня, а среди представителей второго поколения этот показатель составил 1%¹⁴⁸.

Эти сведения являются безусловным свидетельством необратимого процесса утраты новыми, подрастающими поколениями американских венгров своих корней – родного языка и этнического самосознания в результате постепенной и неизбежной ассимиляции, а следовательно, и смены идентичности. Схожие процессы затронули, естественно, представителей подраставших поколений венгров и в других частях света, куда в своё время эмигрировали их предки. Впрочем, приводя отмеченные данные о незнании поколениями американских венгров родины своих отцов и дедов, нельзя пройти мимо схожего факта, характерного для венгерской молодёжи в самой ВНР. Дело в том, что в 50–70-е годы прошлого века там выросли поколения молодых людей, которые не имели даже минимального представления о том, что и в сопредельных странах также живут венгры. Идеологические подходы не давали им возможность получить достоверные сведения о том, что вдоль современных границ страны компактными массивами живёт значительная масса их соплеменников (3,5 млн.). Впрочем, представители молодого подраставшего поколения венгров в 1950–1980-х годах не только не ведали об искусственно отделённых от материнской части меньшинствах, но достоверно не знали и о многочисленных беженцах-эмигрантах конца Второй мировой войны, о политэмигрантах 40-х годов истекшего века, равно как и о судьбе диссидентов 1956 г.

Примечания

- ¹ *Санто, Миклош*. Венгерские переселенцы и эмигранты // Этюды о Венгрии. Том III. Будапешт, 1968, С. 77; *Brandt, Juliane*. См. сноски №42 в разделе III, 204. о.
- ² *Cseresnyés Ferenc*. A nemzetközi menekültjog alkalmazása: Ausztria és az '56-os menekültek // *Múltunk*, 2007. 1. sz. 177. о.
- ³ *Murber Ibolya*. 1956 és Ausztria // *Az 1956-os forradalom visszhangja a szovjet tömb országai-ban*. Вр., 2007. 93., 97., 100. о.
- ⁴ *Cseresnyés Ferenc*. Op. cit., 178. о.
- ⁵ *Murber Ibolya*. Op. cit., 94. о.
- ⁶ *Ibidem*, 95. о.
- ⁷ *Borbándi Gyula*. A magyar emigráció életrajza 1945–1985. Вр., 1989. 406. о.
- ⁸ *Új Magyar Központi Levéltár (ÚMKL)*, XIX – A – 24, 1.sz. doboz, 26.l. (Автору известно, что фонды этого архива впоследствии были влиты в состав Венгерского Национального архива, но поскольку мы выявляли и пользовались этими материалами ещё до слияния архивов, считаем возможным применять их прежние названия).
- ⁹ *Murber Ibolya*. Op. cit., 95–96. о.
- ¹⁰ *ÚMKL*, XIX – A – 24, 1. doboz, 26–27. l.
- ¹¹ *Cseresnyés Ferenc*. Op. cit., 184. о.
- ¹² *Murber Ibolya*. Op. cit., 95. о.
- ¹³ *Cseresnyés Ferenc*. 185–186. о.
- ¹⁴ *Murber Ibolya*. Op. cit., 93. о.
- ¹⁵ *ÚMKL*, XIX – A – 24. 1. sz. doboz, 13. l.
- ¹⁶ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 407. о.
- ¹⁷ *Ibidem*, 407. о.
- ¹⁸ *ÚMKL*, XIX-A-24. 1. sz. doboz, 5. l.
- ¹⁹ *Murber Ibolya*. Op. cit., 105. о.
- ²⁰ *Nagy Kázmér*. Elvesztett alkotmány. Вр., 1984. 130. о.
- ²¹ *Murber Ibolya*. Op. cit., 98. о.
- ²² *Borbándi Gyula*. Op. cit., 407. о.
- ²³ *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban. Вр., 1970. 183-164. о.
- ²⁴ *Санто, Миклош*. Указ. соч., С. 77–78
- ²⁵ *Гаму, Чарльз*. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006. С. 281.
- ²⁶ *Sós Péter János*. Amerikaiak, magyarok // *Valóság*, 1973, 5. sz., 83. о.
- ²⁷ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 408. о.
- ²⁸ *Győrffy Miklós*. Akkor is hazafiak. Emigráns interjúk. [Вр., 1989], 47–48. о.
- ²⁹ *Ibidem*, 81–85. о.
- ³⁰ *Népszabadság*, 2006. szeptember 30.
- ³¹ *Szántó Miklós*. Kivándorlás, emigráció, emigrációs politika // *Társadalmi Szemle*, 1982. 5. sz., 95. о.
- ³² *Ibidem*.
- ³³ *Ibidem*, 96. о.
- ³⁴ *Kocsis Károly, Kocsisné Hodosi Eszter*. Magyarok a határainkon túl. Вр., 1991. 75–76. о.
- ³⁵ *Népszabadság Hétvége*, 2006. szeptember 3.
- ³⁶ См.: *Желицки Б.Й.* Имре Надь // Вопросы истории, 2006. № 8. С. 73
- ³⁷ См.: *Ügyészségi Közlöny*, 1957 április.
- ³⁸ *Magyar Közlöny*, 1957. január 15.; *Zinner Tibor*. Büntetőjog és hatalom // *Múltunk*, 1998. 2. sz., 200–201. о.
- ³⁹ *Ibidem*, 2004. о.
- ⁴⁰ *Zinner Tibor*. Az igazságszolgáltatás irányítása és az 1956–1963 közötti büntető igazságszolgáltatás // *Sortüzek*, 1956. III. jelentés. Lakitelek, 1996. 63. о.

- 41 *Juhász Lajos – Vida István.* Norvég követjelentések Magyarországról 1947–1958. Bp., 1993. 141., 147. o.
- 42 UMKL, XIX – A - 24, 1.doboz, 84/1957.sz., 1. l.
- 43 *Szántó Miklós.* Kivándorlás, emigráció..., 98. o.
- 44 Magyar Országos Levéltár (MOL), XIX - J -1 - j- KÜM, TŰK, Jugoszlávia; Top Secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok, 1956-1959. Dokumentumok. Bp., 1997. 260. o.
- 45 *Szántó Miklós.* Kivándorlás, emigráció..., 98. o.
- 46 Magyar Nemzet, 1990. szeptember 10.
- 47 UMKL, XIX – A – 24, 1. doboz, 84/ 1957., 26. l.
- 48 Népszabadság, 2006. december 9.
- 49 *Cseresnyés Ferenc.* 1956-os magyar menekültek befogadása az NSZK-ban // Múltunk, 2005. 2. sz., 118–119. o.
- 50 *Ibidem*, 119–120. o.
- 51 *Ibidem*, 121.o.
- 52 *Ibidem*.
- 53 *Ibidem*, 122. o.
- 54 См.: A KSH titkos jelentése. Különnyomat. // Régió. Kisebbségi Szemle, 1991, 4. sz.174–211. o.
- 55 *Cseresnyés Ferenc.* Op. cit.,123–124. o.
- 56 *Ibidem*, 126–127.o.
- 57 *Ibidem*, 127.o.
- 58 *Ibidem*, 129. o.
- 59 Данные из Федерального Архива ФРГ (Bundesarchiv, B150/3548. Heft 1.) взяты из статьи *Cseresnyés Ferenc.* Op.cit.,130. o.
- 60 *Duco, Hellema.* Hollandia és a magyar forradalom // 1956-os Intézet Évkönyve, 1993. II. köt., Bp., 1993. 104–105.o.
- 61 *Ibidem*.
- 62 *A. Sajti Enikő.* Ötvenhatos menekültek Jugoszláviában. A magyar-jugoszláv hazatelepítési bizottságok tevékenysége 1956/1957-ben // Az 1956-os forradalom visszhangja a szovjet tömb országaiban. Bp., 2007. 210–211. o.
- 63 *Ibidem*.
- 64 Magyar Országos Levéltár (MOL) XIX-J-1 – j. KÜM TŰK, Jugoszlávia, 17 d.; Top Secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956–1959. Dokumentumok. Bp., 1997. 81. o.
- 65 *A. Sajti Enikő.* Op. cit., 204. o.
- 66 *Kovačević, Katrina.* A menekültkérdés Jugoszláviában // Az 1956-os forradalom visszhangja... 134. o.
- 67 Top Secret... 84. o.
- 68 *Ibidem*
- 69 *Kovačević, Katrina.* Op. cit., 148. o.
- 70 Top Secret..., 85. o.
- 71 *Kovačević, Katrina.* Op. cit., 137. o.; Политика 17. II. 1957.
- 72 *A. Sajti Enikő.* Op. cit., 202. o.
- 73 *Ibidem*
- 74 *Ibidem*, 203. o.; *Kovačević, Katrina.* Op. cit., 141. o.
- 75 Népszabadság, 2006. november 11.
- 76 *Kovačević, Katrina.* Op. cit., 143. o.
- 77 *A. Sajti Enikő.* Op. cit., 205–207. o.
- 78 *Ibidem*, 208. o.
- 79 *Ibidem*, 209. o.
- 80 *Kovačević, Katrina.* Op. cit., 150–152. o.
- 81 *Ibidem*, 134. o.
- 82 *A. Sajti Enikő.* Op. cit., 210. o.

- ⁸³ Ibidem, 210–211. o.
- ⁸⁴ Top Secret..., 110. o.
- ⁸⁵ Top Secret..., 177. o.
- ⁸⁶ Ibidem.
- ⁸⁷ В дали от родины // Венгерское обозрение, Будапешт, 1996. № 4–5, С. 9–10
- ⁸⁸ Népszabadság, 2006. június 12.
- ⁸⁹ *Móricz Kálmán*. Op. cit., 63. o.
- ⁹⁰ Népszabadság Hétféve, 2006. május 13.
- ⁹¹ *Nagy Kázmér*. Op. cit., 134. o.
- ⁹² Ibidem, 129 – 131. o.
- ⁹³ Ibidem.
- ⁹⁴ Ibidem, 56–57. o.
- ⁹⁵ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 418–420. o.
- ⁹⁶ Ibidem, 420–421. o.
- ⁹⁷ Népszabadság, 2009. július 6.
- ⁹⁸ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 424. o.
- ⁹⁹ Ibidem, 425–427. o.
- ¹⁰⁰ Ibidem, 421, 428. o. ; Nagy Kázmér. Op. cit., 135. o.
- ¹⁰¹ Ibidem,
- ¹⁰² *Nagy Kázmér*. Op. cit., 138. o.
- ¹⁰³ Magyar Nemzet, 1990. szeptember 10.
- ¹⁰⁴ Ibidem.
- ¹⁰⁵ *Nagy Kázmér*. Op. cit., 138–141. o.
- ¹⁰⁶ *Csepeli György, Dessewfy Tibor, Dulovics Dezső, Tóka Gábor*. Menekültek és elméletek. Az 1956-os forradalom után Nyugatra menekültek attitűdjeinek befejezetlen vizsgálatá az Amerikai Egyesült Államokban // Évkönyv. VI. 1998. 1956-os Intézet. Bp., 1998. 264. o.
- ¹⁰⁷ Ibidem, 253–295. o. (Материалы проекта и некоторые итоги исследовательского анализа хранятся в библиотеке Колумбийского университета в рукописном варианте. Светокопии части материалов имеются также в Венгерской государственной библиотеке им. Сечени и в Институте социологии ВАН.)
- ¹⁰⁸ Ibidem, 260–261. o.
- ¹⁰⁹ Ibidem, 262–263. o.
- ¹¹⁰ Ibidem, 267–268. o.
- ¹¹¹ Ibidem, 270. o.
- ¹¹² Ibidem, 271–272. o.
- ¹¹³ Ibidem, 272–273. o.
- ¹¹⁴ Ibidem, 273–274. o.
- ¹¹⁵ Ibidem, 274–276. o.
- ¹¹⁶ Ibidem, 277–278. o.
- ¹¹⁷ *Zimmer P.* National Communism and events in Poland and Hungary. New-York, 1957.
- ¹¹⁸ *Szántó Miklós*. Gondolatok az emigrációról // Vigilia, 1971. 9. sz., 601. o.
- ¹¹⁹ Ibidem, 599. o.
- ¹²⁰ *Gamu, Чарльз*. Указ. соч., С. 27–28.
- ¹²¹ *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban, 166. o.
- ¹²² *Szántó Miklós*. Kivándorlás, emigráció..., 98. o.
- ¹²³ *Borbándi Gyula*. Op. cit., 220. o.;
- ¹²⁴ *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban, 112. o.
- ¹²⁵ Ibidem, 84–85. o.
- ¹²⁶ *Várdy Béla*. Magyarok az Egyesült Államokban // História, 1985. 2. sz., 26–27. o.
- ¹²⁷ *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban, 165. o.
- ¹²⁸ *Várdy Béla*. Op. cit., 27. o.

- ¹²⁹ Művelődéstörténet, magyarság, hungarológia, nemzettudat, emigráció // Magyar Kultúra 2, MEK- 06425, 23. o.
- ¹³⁰ Borbándi Gyula. Op. cit., 25. o.
- ¹³¹ Sós Péter János. Op. cit., 84. o.
- ¹³² Санто Миклош. Указ соч., С. 80.
- ¹³³ Там же, С. 81.
- ¹³⁴ Borbándi Gyula. Op. cit., 25. o.
- ¹³⁵ Ibidem, 45., 112. o.
- ¹³⁶ Ibidem, 86. o.
- ¹³⁷ Fekete Gyula. Meditáció Amerikáról, III. // Kortárs, 1983. 11. sz., 1773. o.
- ¹³⁸ Ibidem, 1772. o.
- ¹³⁹ Győrffy Miklós. Op. cit., 98. o.
- ¹⁴⁰ Fekete Gyula. Op. cit., 1776–1777. o.
- ¹⁴¹ Borbándi Gyula. Op. cit., 410 – 411. o.
- ¹⁴² Győrffy Miklós. Op. cit., 48–49. o.
- ¹⁴³ La Verité sur l' Affaire Nagy. Les faits, les documents, les témoignages internationaux. Paris, 1958.
- ¹⁴⁴ Méray Tibor. Nagy Imre élete és halála. Párizs, 1958.
- ¹⁴⁵ Sós Péter János. Op. cit., 86. o.
- ¹⁴⁶ Fekete Gyula. Op. cit., 1777. o.
- ¹⁴⁷ Ibidem, 1778. o.
- ¹⁴⁸ Ibidem.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Завершая анализ массовых эмиграционных волн и потоков, которые исходили из Венгрии в XIX и XX веках, авторы отказались от традиционного подведения итогов исследования, когда только суммируется содержание уже изложенного материала. Рассмотрев основные социально-экономические и исторические причины возникновения и обстоятельства развития эмиграционных процессов широкого исторического периода (1849–1957 гг.), определив характер и проанализировав содержание череды трудовых (экономических) и политических эмиграций, мы преднамеренно уделили особое внимание проблемам политэмиграций XX столетия. И это не случайно. Ведь именно этот век насыщен многочисленными политическими и социальными потрясениями, крутыми историческими поворотами и коренными переменами, наиболее судьбоносными событиями в жизни венгерского народа, которые оставили болезненный след в памяти ряда поколений венгров и не раз вызывали массовые эмиграции. В резюмирующей части исследования поэтому целесообразно не только подытожить изложенное, но и обратить внимание на важнейшие общезначимые позиции, характерные поэтапные особенности эмиграционных процессов и попытаться определить хотя бы примерные параметры того человеческого капитала, которого лишилась Венгрия за рассматриваемые годы в результате исходивших из страны эмиграционных волн и потоков. Правда, следует признать, что определить количественные параметры массовых социальных и политических эмиграций по ряду объективных причин было сложнее, чем обозначить главные направления и конкретные страны, куда в XIX–XX веках устремились, где впоследствии годами трудились представители экономической эмиграции, где были приняты и десятилетиями действовали политэмигранты. Многие из них, как известно, не могли вернуться на родину и становились впоследствии представителями национальной диаспоры.

До Первой мировой войны трудовая (экономическая) миграция, развернувшаяся со второй половины XIX столетия, наиболее глубоко затронула сельское население Венгрии, преимущественно беднейшие безземельные и малоземельные слои крестьянства. Основная масса безработных крестьян,

а с конца века и часть промышленных рабочих Венгерского Королевства направлялись на заработки в страны Запада. Особенно США нуждались тогда в свободной, незанятой на родине рабочей силе, излишками которой Венгрия располагала в избытке. США принимали и трудоустраивали прибывших к ним иммигрантов сначала в сельском хозяйстве, а затем в стремительно развивавшихся отраслях американской промышленности. Эмигранты из Венгрии трудились на сельскохозяйственных плантациях, в шахтах, на заводах и фабриках, занимаясь в основном неквалифицированным трудом. Прибыв в Америку, они по нынешним понятиям стали «гастарбайтерами», которых тяжёлые социально-экономические условия, безработица заставили отправиться на кратковременные или более продолжительные заработки. Большинство эмигрантов намеревалось, заработав средства, необходимые для содержания семьи, благоустройства жилища или приобретения участка земли, вернуться на родину. Лишь меньшая часть эмигрантов той поры, отправившихся за океан на заработки, рассчитывала оставаться на чужбине, тем не менее для многих эмиграция оказалась продолжительной.

Экономическая эмиграция из Венгрии с 1880-х годов нарастала, приобретая к концу XIX века массовый характер и большие масштабы. Если на начальном этапе трудовые мигранты выезжали преимущественно в близлежащие балканские страны и Западную Европу, то с 90-е годы XIX века главным рынком сбыта излишков рабочей силы стали США и сохраняли эту позицию вплоть до Первой мировой войны, прервавшей отток эмигрантов из Венгрии в Америку. После войны трудовая эмиграция за океан возобновилась, правда, уже в значительно меньшем масштабе и с определённой корректировкой направления. В тех условиях новыми целевыми странами эмиграции стали главным образом государства Южной Америки и Канада. На эти эмиграционные потоки повлиял мировой экономический кризис 1929–1933 гг., который вызвал рост безработицы как в США, так и в Западной Европе, закрывших границы перед эмигрантами. Важной особенностью исходивших из Венгрии эмиграционных потоков в межвоенный период стала вовлечённость в этот процесс квалифицированной рабочей силы, которую в небольшом количестве всё же приняли Франция и Бельгия. Там трудовых мигрантов устраивали на работу на шахтах и на промышленных предприятиях. И хотя основным по-прежнему оставалось заокеанское направление экономической эмиграции, некоторая часть венгерских специалистов разного профиля (особенно придерживавшиеся левой политической ориентации), потеряв во время кризиса работу в западных странах, нашла себе применение в СССР. В 1920–1930-е годы они трудились на промышленных предприятиях и строительстве в стране Советов, принимая активное участие в восстановлении экономики и возведении новых объектов советской индустрии.

После Первой мировой войны и сопровождавших её двух венгерских революций произошло, однако, существенное изменение *определяющего характе-*

ра эмиграционных волн и потоков. Все последующие эмиграции, которые исходили в дальнейшем из Венгрии, имели уже ярко выраженные политические черты, становились *эмиграцией политической*. И вообще, вызванные мировыми войнами венгерские политические революции в XX веке не раз кардинально меняли государственно-политическое устройство страны, а это, в свою очередь, приводило к формированию из разных политических сил существенно отличавшихся друг от друга в идейно-политическом отношении потоков и отрядов политэмиграции. Все они возникли и развились, как правило, в сложных исторических условиях и редко взаимодействовали между собой.

Первые отряды политэмигрантов из Венгрии уже в 1919 г. обосновались в странах Центральной и Восточной Европы. Такие последствия Первой мировой войны, как распад Австро-Венгерской монархии, революционные бури, смены государственно-политического строя страны, территориальные переделы в Европе, придали эмиграционному процессу ярко выраженный политический характер. В результате на территории Австрии, Советской России, Германии, отчасти Франции и такого нового государственного образования, как Чехословакия, возникли созданные выходцами из Венгрии базы или эмиграционные центры с ярко выраженными политическими характеристиками. Одни представляли левых буржуазных радикалов, другие – социал-демократов или коммунистов. Все они развернули в эмиграции свою активную политическую и организационную деятельность, направленную на подрыв установившегося в Венгрии консервативного государственного строя.

В России с 1917 г. в условиях революции на базе бывших военнопленных австро-венгерской армии, под воздействием и непосредственным руководством российских большевиков были созданы первые коммунистические ячейки уроженцев Венгрии, оформилось движение «ста тысяч венгерских интернационалистов» в защиту советской власти. На основе этих, оставшихся в Советской России сил и возникла восточная венгерская (коммунистическая) политэмиграция. Её ряды в 1919 г. пополнились уже классическими политэмигрантами из числа бывших деятелей и участников «венгерской коммуны». Таким образом, последствия Первой мировой войны и революций 1918 и 1919 гг. стали весьма пагубными для Венгрии, нарушив её целостность, оказав болезненное воздействие на самые разные слои населения, втянув их в орбиту вынужденной эмиграции. При смене политического устройства страны первыми покинули её пределы бывшие государственные деятели, функционеры правящих политических партий, начиная от буржуазных и леворадикальных демократов до социал-демократов и коммунистов, а за ними следовали их сторонники, которые также становилось политическими беженцами и политэмигрантами. Отстранённые от власти или сошедшие с политической сцены элиты, руководители бывших правящих структур, обосновавшиеся в эмиграции, дожидались политических перемен в Венгрии и в меру своих возможностей пытались содействовать их скорейшему наступлению.

Представителям разных идейно-политических течений эмиграции в период между мировыми войнами было трудно найти взаимопонимание и достичь согласия, что мешало объединению их усилий, эффективности действий по достижению намеченных целей. Им удалось, однако, создать свои эмиграционные центры, главные из которых сложились в Вене, Москве, Берлине, Праге и Париже. В 20–30-е годы XX века наибольшую активность проявляли эти центры в таких странах Центральной Европы, как Австрия и Германия, а также в СССР. Из них, однако, первую половину 40-х годов удалось пережить лишь московскому центру как наиболее жёстко структурированному. Кстати, именно коммунистическая политэмиграция, точнее та её часть, которая выжила в непростых условиях сталинских чисток 1937–1938 гг., оказалась единственной из числа венгерских эмиграций, сумевшей после Второй мировой войны, пусть и со значительными потерями, но сразу же стать одной из правящих политических сил страны.

Новый виток массовой эмиграции из Венгрии связан со Второй мировой войной и её последствиями. Война превратила в беженцев и эмигрантов десятки миллионов европейцев. В их числе в конце войны за пределами Венгрии оказалось более одного миллиона венгров, вынужденных оставить родные места, причём многие из них пополнили ряды зарубежной венгерской эмиграции. Политэмигрантами на сей раз становились не только бывшие политики и ведущие представители правящего класса, но и средних слоёв общества, т. е. более широкие пласты напуганного войной населения страны. Правда, все они относились преимущественно к образованным и зажиточным слоям венгерского общества. Стихийные беженцы, вместе с насильно эвакуированными и организовано отступавшими, образовали невиданную ранее мощную *вторую эмиграционную волну*. В своей массе они покидали пределы Венгрии по политическим причинам. На появлении этой волны, безусловно, отразилась вовлечённость страны в антисоветскую войну, в которую она вступила летом 1941 г., вслед за своими непосредственными соседями. Предпринимавшиеся с 1942 г. неудачные попытки правящих хортистских кругов вывести страну из войны и порвать с нацистской Германией привели к тому, что весной 1944 г. Венгрию оккупировали гитлеровские войска, а осенью того же года она стала прифронтовым государством. Эти обстоятельства заставили большие массы гражданского населения искать спасения в стихийном бегстве из страны, другие же были угнаны силой, либо эвакуированы в западном направлении. Тем самым многие оказались вовлечёнными в орбиту вынужденной миграции. Окончание военных действий застало эту массу на территории Австрии и Германии на положении беженцев и военнопленных, часть из которых осталась на «вольных хлебах», либо была размещена в лагерях (вместе с беженцами других стран). Они с неизбежностью встали перед выбором: возвратиться на родину или стать эмигрантом, отправившись в другие страны

мира. Большинство угнанных и эвакуированных после войны возвратилось в Венгрию, другие стали политэмигрантами.

Ядро политэмиграции 1945 г. составили, прежде всего, представители двух правивших страной прежде политических групп. Одна, более многочисленная, представляла собой правящую элиту межвоенного периода, к которой примыкали разные слои имущего и образованного класса правоконсервативных взглядов. К ней, безусловно, принадлежали управленцы разного уровня и ранга эпохи правления М. Хорти (политическая, государственно-административная и военная элита вместе с их интеллектуальным обеспечением и членами семей). Другую, гораздо меньшую по своей численности, группу бывших политиков и военных составляли представители крайне правых политических сил, которые после отстранения от власти М. Хорти на коротком заключительном этапе войны пытались с применением силовых методов осуществлять управление страной. Во главе этих сил, не пользовавшихся доверием народа, стоял целиком ориентированный на гитлеровскую Германию Ф. Салаши. В своей массе все эти силы опасались или не могли вернуться в послевоенную Венгрию. После временного пребывания в лагерях часть первой группы эмигрантов 1945 г. осталась в странах Западной Европы, но большинство эмигрировало в те страны по ту сторону Атлантики, в которых и прежде селились венгерские эмигранты. Представители же второй группы этой эмиграции предпочли осесть, в основном, в отдалённых странах Латинской Америки.

Социальный и профессиональный состав покинувших Венгрию в 1945 г. беженцев-эмигрантов хотя и различался, но в своей массе они принадлежали к высшим привилегированным кругам и буржуазным средним слоям венгерского общества. Идеино-политическим ориентиром для большинства являлись центристские и правоконсервативные ценности, и лишь незначительное меньшинство придерживалось крайне правых политических взглядов и позиций, которые не принимались остальными. Направляясь в эмиграцию, представители правоконсервативных буржуазных кругов и офицеры, безусловно, осознавали, что в послевоенной Венгрии у них не будет шансов сохранить свои прежние посты и привычный привилегированный образ жизни. Сложные условия начального этапа эмиграции подвергли их тяжёлым испытаниям, и многие из них лишь благодаря своему ближайшему окружению сумели выжить, хотя многим, особенно представителям старшего поколения, весьма трудно давалась адаптация к новой среде. При этом нельзя не отметить, что центристские и правоконсервативные силы в силу своего менталитета даже в нелёгких условиях эмиграции продолжали игнорировать крайне правых, категорически отказываясь от сближения и организационного единения с ними.

В самой Венгрии в послевоенных условиях развернулись коренные социально-экономические и политические перемены, осуществлённые анти-

фашистскими демократическими силами, установившими многопартийную парламентскую систему правления, которая именовалась *венгерской народной демократией* (1945–1948). В создании системы важную роль играли коммунисты, основные представители которых вернулись на родину после длительной советской эмиграции. По сути, именно представители коммунистической эмиграции стали той единственной политической силой Венгрии в XX веке, которой в порядке исключения удалось стать организованными реэмигрантами, вернувшимися в страну после Второй мировой войны. Некоторые из представителей этой политэмиграции возвратились на венгерскую землю уже в качестве офицеров советских войск, изгнавших гитлеровских оккупантов из страны. Вслед за ними последовал специальный «партийно-политический десант» из ограниченного числа избранных представителей компартии Венгрии, которые сразу же активно взялись за реализацию своей программы общественно-политического переустройства страны. Программой, получившей одобрение всех демократических партий страны, первоначально предусматривалось функционирование многопартийной демократии с перспективой построения социализма. В действительности же за кратковременным периодом существования системы народной демократии коммунисты осуществили повторное утверждение режима пролетарской (коммунистической) диктатуры в Венгрии, главные действующие лица которой заранее позаботились о преднамеренной дискредитации и отстранении от власти ведущих представителей некоммунистических демократических партий и изгнании их из страны. На базе основных сил этих партий и произошло формирование на Западе авангарда послевоенной венгерской демократической эмиграции. Отметим, что ещё на этапе многопартийного демократического правления на родину вернулись также тысячи деятелей социал-демократической партии и отдельные представители левых буржуазных демократов, но они вскоре были вынуждены удалиться в повторную политэмиграцию.

В результате вторая волна венгерской массовой эмиграции пополнилась новой и весьма важной составной частью, которую принёс на Запад дополнительный поток 1947–1949 годов. Эта была *народно-демократическая эмиграция*, которая имела совершенно иные качественные параметры, чем массовые потоки 1945 г. И хотя этот дополнительный поток эмиграции по своим масштабам, в численном выражении был на несколько порядков меньше, чем все остальные, вместе взятые, его значение трудно переоценить для судеб венгерской политэмиграции в целом. Эта качественно новая часть эмиграции возникла на почве ещё не окрепшей кратковременной венгерской народной демократии 1945–1948 гг., точнее её некоммунистической части, которая в условиях наступления на неё тоталитарных сил была вынуждена эмигрировать на Запад. Данный эмиграционный поток был представлен рядом видных деятелей послевоенных демократических партий и представителей государственной власти ВНР, которые годами демонстрировали склонность к компромиссу, го-

товность к реальному сотрудничеству с коммунистами, вернувшимися из советской эмиграции, являясь их политическими союзниками. Уступая растущему давлению лидеров компартии, они при этом до последнего отстаивали демократическую многопартийность и парламентскую систему в Венгрии, однако, не сумев в тех исторических условиях до конца отстоять свои позиции, были вынуждены эмигрировать.

Представители этой демократической эмиграции, оказавшись в изгнании на Западе, имели ряд преимуществ по сравнению с предшественниками. Они: а) являлись не беженцами проигранной войны, а защитниками венгерской демократии, которая оказалась в опасности; б) представляли собой легальных политэмигрантов классического типа; в) пользовались доверием демократических сил и политических кругов Запада; г) имели ценный опыт сотрудничества с коммунистами. Ведущим венгерским политэмигрантам этого потока, вместе с видными и опытными дипломатами, отказавшимися работать на режим коммунистического единовластия, удалось мобилизовать силы эмигрантов в разных странах. Они стали главной организующей силой, которая сумела объединить и организационно сплотить практически всю западную венгерскую политэмиграцию вокруг единого центра.

Бывшие ведущие деятели политических партий народно-демократической Венгрии, эмигрировав в 1947–1949 гг. на Запад, надеялись найти не только понимание, но и реальную поддержку западной общественности и правящих кругов в интересах спасения многопартийной демократии в Венгрии. Не найдя эффективной помощи в континентальной Европе, они рассчитывали на содействие Великобритании и США, полагая, что политические деятели этих государств помогут спасти венгерскую демократию. Получив убежище и возможность для активной политической деятельности на Западе, а также обнадеживающие обещания поддержки, они развернули свою деятельность, однако реальных шагов и конкретных действий со стороны западных политиков, которые могли бы помешать утверждению тоталитарного режима на родине, так и не дождались. Политические круги Запада, включая руководителей США, в своих действиях никогда не рисковали и не совершали шаги ради защиты венгерской демократии, которые были бы чреваты конфликтами в отношениях с Советским Союзом как главной опорой коммунистического режима в Венгрии. Наиболее существенным достижением венгерской демократической эмиграции в послевоенные десятилетия стало создание охватившей весь западный мир единой организационной структуры во главе с Венгерским Национальным Комитетом. Он объединял все основные силы эмигрантов и функционировал открыто, имея свои официальные представительства в 21 стране мира. Это стало основным завоеванием и безусловной заслугой венгерских политэмигрантов, покинувших Венгрию в 1947–1949 гг. и сыгравших определяющую роль в сплочении сил и активизации действий венгерской политэмиграции в мире.

Обозначив место и роль двух разных потоков второй массовой эмиграционной волны, нельзя не отметить, что хотя цели и задачи их представителей совпадали в основном – в стремлении к организованному возвращению на родину, их отношения не были лишены взаимных упреков и обвинений, а также расхождений относительно перспектив будущего устройства Венгрии. При этом наиболее трезво и рационально оценивали свои шансы и перспективы представители политэмиграции потока 1947–1949 гг. Достичь организованного возвращения на родину им в 40–50-е годы XX века так и не удалось (да и возможности для индивидуальной репатриации появились гораздо позднее).

В середине 50-х годов XX века Венгрию охватила ещё одна, уже *третья массовая эмиграционная волна*. Она была вызвана уже не мировой войной, а несколько иными, внутреннего характера причинами, хотя и тесно связанными с внешними факторами и блоковым воздействием на ситуацию. Новая волна эмиграции возникла в условиях, казалось бы, мирного «социалистического созидания», которое осуществлялось под руководством компартии страны. Политика её ведущих деятелей привела венгерское общество в состояние недовольства, острого социально-политического взрыва, переросшего в 1956 г. в революцию, которая затем была подавлена внешними силами, что и вызвало новую массовую волну эмиграции. Венгрия в первой половине 50-х годов, подобно другим странам «лагеря мира и социализма», строившим новое общество по советскому образцу, была искусственно изолирована от всего остального мира, разделённого на две противостоящие общественные системы. Государственные границы не просто находились на «замке», они стали подлинным «железным занавесом», наглухо и на долгие десятилетия отделявшим народы восточного блока не только от стран Запада, но и друг от друга в рамках одного лагеря. Все каналы человеческого общения с внешним миром оказались перекрыты. При этом в Венгрии тоталитарный режим М. Ракоши старался в деталях, во всех её проявлениях копировать советскую систему сталинского типа, навязывая народу страны идентичный образ жизни и не допуская принципиального отхода от принятых в социалистическом лагере стандартов. О живых контактах граждан со своими родственниками и соплеменниками, живущими даже в сопредельных с Венгрией социалистических странах, включая СССР, не могло быть и речи. Такая ситуация оставалась неизменной и позднее, в условиях «реального социализма».

В годы «холодной войны» и противостояния двух общественно-политических систем венгерская эмиграция на Западе была не в состоянии оказывать какое-то воздействие на внутреннюю жизнь Венгрии, оставаясь, по сути, сторонним наблюдателем. Она могла лишь надеяться на возможные благоприятные перемены. В политическом отношении наиболее активная часть эмиграции, которая состояла преимущественно из ведущих эмигрантов 1947–1949 гг., после неудавшейся защиты остатков венгерской парламентской демократии

конца 40-х годов сосредоточилась на организации и сплочении эмигрантских рядов, на создании эмигрантских центров и организации выпуска своих периодических изданий – литературных и общественно-политических журналов на венгерском языке. Она издавала общественно-политические, литературно-художественные журналы и даже учебники для подрастающего в эмиграции молодого поколения венгров. Хотя деятели политэмиграции внимательно отслеживали основные изменения политической, экономической и социальной жизни ВНР, они (впрочем, как и представители правящих кругов западных государств, включая США) не сумели предвидеть вспышку того массового народного гнева и революционного всплеска, которые так ярко проявили себя в Венгрии осенью 1956 г.

Стихийный взрыв венгерского народного гнева и возмущения 23 октября, последующая революционная борьба, казалось, в конце октября уже привели к победе революционных сил, однако, завоевания революции без реальной внешней поддержки были обречены. Несмотря на сопротивление и арьергардные бои защитников, до середины ноября 1956 г. их свело на нет второе советское вооружённое вмешательство.

Венгерская революция 1956 г. удивила и потрясла мир, но была жестоко подавлена. Именно её поражение вызвало новую *волну массовой эмиграции* венгров, не пожелавших мириться с возвратом к прежнему тоталитарному устройству страны. Среди беженцев подавленной революции преобладающее большинство составляла молодёжь. С некоторым преувеличением можно констатировать, что Венгрия лишилась целого поколения молодых людей, а это впоследствии весьма ощутимо отразилось на демографическом состоянии страны. Если революция несколько обнадёжила и оживила западную венгерскую эмиграцию, то хлынувшая после её поражения на Запад новая волна беженцев-эмигрантов внесла свежую струю, дополнительные силы в её ряды. Эмигранты 1956 г., подобно Л. Кошуту и его соратникам, также несли с собой по миру не только идею свободы и независимости, но и свидетельство возможности сопротивления силам тоталитаризма. Поскольку надежды борцов-революционеров на реальную помощь извне в ноябре 1956 г. не оправдались, в рядах беженцев и вынужденных эмигрантов этой волны появились серьёзные сомнения относительно того, стоит ли доверять в дальнейшем политическим кругам Запада, ведь за ними остались невыполненные обещания, на которые так надеялись защитники революционных завоеваний. С таким же недоверием отнеслись политэмигранты 1956 г. к старому руководству эмиграций прежних лет, придерживавшихся американской ориентации. Всё это имело свои последствия, связанные прежде всего с организационными структурами западной политэмиграции, которые претерпели определённые изменения.

Таковыми были в общих чертах исходившие из Венгрии массовые эмиграционные волны и потоки, их непосредственные причины, определяющие характеристики и последствия. Рассмотренные в работе процессы являлись, таким

образом, результатом комплекса нерешённых внутренних социально-экономических проблем, либо были вызваны чередой серьёзных внешних политических событий глобального характера. Политические кризисы, мировые войны и катаклизмы, сопровождавшиеся в XX веке серьёзными социальными потрясениями, не раз приводили к революциям и серьёзным общественно-политическим переломам, которые пробуждали массовые эмиграционные процессы. Каждая из волн эмиграции уносила на чужбину сотни тысяч, а иногда и миллионы людей, которые, став политическими беженцами и эмигрантами, редко возвращались на родину. Многократный исход людских масс из страны в итоге оказал отрицательное влияние на демографическое состояние общества. Эмиграционные волны и потоки оставили глубокий след как на социальной структуре, так и в исторической памяти венгерского народа. Нельзя не отметить, что основная часть оставшихся на долгие десятилетия в эмиграции беженцев и эмигрантов впоследствии «растворилась» в инородной среде в разных странах мира, а в лучшем случае образовала свою национальную диаспору, которая, имея на то возможность, отстаивала свою идентичность. Если сами эмигранты и представители их первого, выросшего на чужбине поколения, не сумели вернуться на родину, то последующим поколениям эмигрантов становилось всё труднее усвоить и сохранить язык предков. Им редко удавалось избежать национальной и языковой ассимиляции, и они уже окончательно вливались в структуру общества своей новой родины. Так или иначе, немало эмигрантов, по разным причинам покинувших пределы исторической Венгрии, стали гражданами самых разных государств мира.

Вполне очевидна невозможность полного и абсолютно точного определения общей численности граждан Венгрии, которым довелось стать экономическими и политическими эмигрантами в рассматриваемый в монографии период. Мы можем оперировать лишь доступными для нас приблизительными (относительными) данными, даже применительно к политэмигрантам XX века. В этой связи вновь сошлёмся на отсутствии в официальной статистике и научной литературе каких-либо вполне достоверных сведений, которые содержали бы вполне адекватные сводные данные о всей массе зарубежных венгров, прошедших через эмиграцию за рассматриваемый довольно широкий исторический период. Тем не менее нельзя отказаться от попытки подвести некоторые подсчёты и определить примерную численность людей, вовлечённых в отдельные эмиграционные процессы.

Подводя эти итоги исследования, попытаемся на базе имеющихся в нашем распоряжении данных (статистики, разного рода расчётов и публикаций), определить примерную численность венгерской национальной эмиграции и диаспоры по состоянию на конец 50-х годов XX века. Отметим, что приведённые нами ниже данные, относящиеся к отдельным потокам и этапам эмиграции, касаются исключительно венгерских эмигрантов, покинувших в своё время Венгрию в западном направлении и оказавшихся затем в разных стра-

нах мира. Эти сведения не учитывают венгров – граждан сопредельных с Венгрией государств, как, впрочем, и оставшихся в восточной эмиграции бывших венгерских граждан, а также их детей и внуков, уже родившихся в эмиграции, так как эти сведения неизвестны.

Прежде чем привести эти приблизительные сводные данные об отдельных этапах венгерского эмиграционного процесса, следует учитывать, что после Первой мировой войны эмиграция из Европы за океан в целом пошла на спад. В новых условиях Европа ежегодно отправляла в заморские страны всего немногим более полумиллиона человек, тогда как в первое десятилетие XX века этот показатель ещё равнялся 1,3 миллионам. О существенном спаде свидетельствовал и поток числа эмигрантов, непосредственно отправившихся в США, где за 1901–1910 гг. иммиграционной службой страны было зарегистрировано 8 млн. 795 тыс. 368 прибывавших европейцев. За 1920–1930 гг. этот показатель составил лишь половину этой массы (4 107 204)¹.

Для Венгерского Королевства применительно к предшествовавшим Первой мировой войне десятилетиям общепринятой и достоверной считается общая численность *экономических* эмигрантов в 2,1 млн. человек², часть из которых совершала, однако, маятниковую миграцию. С окончания этой войны до начала 1930-х годов Венгрия в результате эмиграции, в соответствии с подсчётами К. Надя, лишилась в общей сложности более полумиллиона (557447) венгров³. Подсчёты проводились на базе частичной эмиграционной статистики и венгерских оценочных материалов, но преимущественно с использованием расчётов демографа Оксфордского университета Е. Варальяи Чочана. Следует отметить, что в дальнейшем, на этапе до 1944 г. эмиграционные потери Венгрии был незначительны.

В конце Второй мировой войны (1944–1945 гг.), согласно данным проведённого в 1945 г. экстренного учёта, как отмечалось, только с нынешней территории Венгрии по своей воле или по принуждению, не считая военнотружущих, в западном направлении покинуло пределы страны до 1 млн. 40 тыс. беженцев и эмигрантов (кроме того, с учётом возвращённых Венгрии накануне войны населённых венграми территорий следует принимать во внимание ещё порядка 150 тысяч человек)⁴. С завершением войны основная часть стихийных беженцев и насильно эвакуированных, как и бывшие солдаты, возвратилась на родину. Оставшаяся же меньшая часть, по сути, и представляла собой категорию будущих эмигрантов.

До конца 40-х годов в местах, где их застал конец войны, всё ещё оставалось около полумиллиона беженцев войны и эвакуированных, покинувших Венгрию на рубеже 1944–1945 гг. (в этой массе в первые послевоенные годы было около 280 тыс. военнотружущих, из которых 65–70% возвратились в страну). Хотя всех оставшихся нередко учитывают, как будущих эмигрантов, определить число людей, реально эмигрировавших, весьма непросто. Ведь оставшаяся масса была размещена на территории разных оккупационных зон

и лагерей, а также за их пределами, а в эмиграцию их отправляли из разных мест в разные страны, отдельными партиями и неодновременно. Сводных статистических данных нет, а оценочные цифры относительно их численности сильно расходятся между собой.

В отношении эмиграционных потоков уже непосредственно послевоенного периода ориентиром могут служить данные, приведённые К. Надем. Численность эмигрантов, покинувших пределы Венгрии с 1945 по 1955 гг., он определяет в 196 213 чел. Их конкретное распределение по странам, согласно его источникам, таково: в Австралии оказались 13600 эмигрантов, в Аргентине – 10000, в Бразилии – 5000, в остальных странах Латинской Америки – 27000, в Канаде – 17081, в США – 26532, в Австрии – 14000, в Германии – 46000, во Франции – 12000, а в остальных странах Европы в общей сложности – 25000 чел.⁵ Нет сомнения, что основную часть этого потока составляли беженцы и изгнанники, ставшие эмигрантами в 1947–1949 гг.

Последующая, третья массовая волна эмиграции охватила Венгрию, как отмечалось, в конце 1956 г. Тогда на протяжении нескольких месяцев (ноябрь–декабрь 1956 и январь 1957 гг.) страну покинуло более 205 тыс. венгерских граждан, а затем их численность выросла до 211 тыс. На Западе их всех с самого начала считали политическими беженцами, политэмигрантами. География размещения этой массы такова: в Австралии оказалось 20608, в Африке – 20000, в Канаде – 36194, в США – 47643, в странах Латинской Америки – 6000, в скандинавских странах – 12000, в Англии – 13000, во Франции – 10000, в Швейцарии – 15000, в ФРГ – 13000, в государствах Бенилюкс – 9000, в Италии – 3000 человек⁶.

В заключение, таким образом, можно отметить, что в целом за рассматриваемый более чем столетний период (1849–1957 гг.) истории с территории Венгрии наблюдался исход трёх крупных волн массовой эмиграции, которые носили экономический и политический характер. Первую волну вызвали нерешённые социально-экономические проблемы, заставившие людей искать работу преимущественно за океаном. Последующие волны являлись следствием глобальных катаклизмов мирового масштаба. Две мировые войны привели к существенным территориальным переделам в Европе и неоднократным изменениям очертания государственных границ Венгрии. В результате страна лишилась двух третей своей исторической территории и половины населения, в т. ч. третьей части венгерского этноса, оказавшегося на положении национального меньшинства в сопредельных государствах. Все эти процессы сопровождались потрясениями местного значения – рядом политических революций, изменениями государственно-политического устройства и даже сменой общественного строя страны. Все эти процессы в итоге болезненно отразились на судьбе коренного населения Венгрии. Кроме всего прочего, они подвергли суровым испытаниям массы венгерских граждан, вы-

нужденных уходить из страны и менять свой статус на трудового мигранта, эмигранта, беженца и политэмигранта или представителя национальной диаспоры на чужбине.

Вызванные чередой исторических коллизий массовые эмиграционные волны и потоки уносили из страны на чужбину сотни тысяч, а в общей сложности миллионы людей, уделом которых в преобладающем большинстве становилась нелёгкая доля эмигранта, жизнь, полная испытаний вдали от родины. В XX веке эмиграционные процессы приобрели, в основном, ярко выраженный политический характер, который мешал политэмигрантам вернуться на родину. По самым скромным подсчётам, только нынешняя территория Венгрии с конца Первой мировой войны до конца 50-х годов прошлого века в результате *массовых эмиграционных процессов* лишилась более одного миллиона человек.

В завершающей части нашего исследования уместно привести некоторые общие статистические сведения, которые дают дополнительное представление об этой массе венгерских эмигрантов и диаспоры в странах мира по состоянию на конец 50-х годов XX века. Они ценны тем, что позволяют сопоставить их численность с общенациональным этническим контекстом, с основной массой живущих в рамках современной Венгрии и сопредельных с ней государств, но живущих на родине своих предков.

По оценочным данным, на положении эмигрантов и представителей национальной диаспоры в конце 1950-х годов проживало в общей сложности от 1,2 до 1,3 млн. венгров⁷. Этот показатель не включает в себя представителей венгерского этноса, живущих в сопредельных с Венгрией странах, т. е. в пределах исторической Венгрии. Нельзя не отметить, что эти цифры, хотя и близки, но всё же меньше тех статистических показателей, которые в 1971 г. были опубликованы в журнале Всемирного союза венгров «*Magyar Hírek*» («*Венгерские новости*»). Приведённые там сведения базируются на материалах переписей населения стран мира по состоянию на 1960 г., с учётом предоставленных венгерскими эмигрантскими организациями уточнений. Для определения реального числа венгров в той или другой стране в приведённых журналом статистических сводках учитывались не только конкретно прибывшие из Венгрии эмигранты, но и один из родившихся уже в эмиграции детей (как правило, первенец). Этот ребёнок обычно ещё знал родной язык родителей и также считал себя венгром, т. е. имел национальное самосознание⁸. По таким определяющим признакам в то время наибольшее число венгров проживало в США. Согласно официальной переписи населения этой страны, американский отряд венгерской эмиграции и национальной диаспоры в 1960 г. составлял всего 770 000 человек⁹. Правда, при этом учитывались только уроженцы Венгрии, и в это число не входили их дети, рождённые уже в США. Однако, если принимать во внимание результаты одного из самих репрезента-

тивных социологических исследований США, проведённых в те же 60-е годы XX века, можно получить более точные и дифференцированные данные о венгерских корнях американской эмиграции, а они существенно отличаются от показателей официальной переписи. Проводя эти опросы, социологи выяснили также национальную принадлежность родившихся уже в США первенцев некогда обосновавшихся в стране эмигрантов. В результате было выявлено, что при таком подходе 1 млн. 777 тыс. американцев считали себя венграми (причём лишь у 727 тыс. опрошенных оба родителя являлись венграми по национальности). Разумеется, это далеко не означает, что более миллиона американцев владели тогда в совершенстве венгерским языком. В 1980-е годы, по оценкам тогдашнего генсека Всемирного союза венгров Енё Рандэ, число свободно владевших венгерским языком в США составляло порядка 500 тыс. человек¹⁰.

В материалах переписей населения других стран мира численность венгров в 1960 г. определялась следующим образом. В Канаде насчитывалось почти 100 тыс. венгров по национальности, в Бразилии – около 60 тыс., во Франции и Западной Германии – по 50 тыс., в Австралии – 35 тыс., в Англии – 25 тыс., в Бельгии – 15 тыс., в Швейцарии, Голландии, Италии и Швеции – по 10 тыс., в Аргентине – 15 тыс., в остальных латиноамериканских странах, вместе взятых – до 15 тыс. (самые значительные венгерские колонии сохранились в Венесуэле и Уругвае). В государствах Западной Европы тогда проживало в целом 250 тыс. венгров (включая эмигрантов и жителей австрийского Бургеланда), в Австралии – 35 тыс., в странах Африки и Азии – 185 тыс.¹¹

Венгерские специалисты, считаясь с этими данными и отмеченной заниженной статистикой в США, посчитали наиболее реальной определить общую численность венгров, которые на рубеже 50–60-х годов XX века жили на американском континенте, имея статус эмигранта и представителя национальной диаспоры, цифрой в 990 тыс. – 1 млн., а в мире в целом – немногим выше 1 млн. 460 тыс. человек.¹² При этом учитывались также первенцы эмигрантов, которые считали себя венграми. Таким образом, венгерская эмиграция и диаспора, вместе с венграми, проживавшими тогда на родине (немногим более 10 млн.) и в сопредельных с Венгрией социалистических странах (3 млн. 550 тыс.), составляла тогда в общей сложности более 15 млн. человек¹³.

Венгерская эмиграция и диаспора на Западе продолжала существовать и в последующие десятилетия, но со временем она слабела, постепенно теряла свои прежние позиции и особенно политические функции, дробились её организационные структуры. Часть ранее активных ведущих представителей политэмиграции достигла пожилого возраста либо завершила свой жизненный путь, другие, приняв гражданство страны пребывания, осталась на Западе. Со временем немало бывших эмигрантов – если не раньше, то после 1989 г. – возвратилось на родину. Но во многих странах и поныне остаются представи-

тели ряда поколений тех эмигрантов и переселенцев, которых описанные нами сложные обстоятельства, исторические бури и катаклизмы заставили провести часть жизни на чужбине.

Примечания

¹ *Puskás Julianna*. Kivándorló magyarok az Egyesült Államokban 1880–1940. Bp., 1982, 735. o.

² *Hazánk, Magyarország*. Bp., 1970, 343. o.

³ *Nagy Kázmér*. Elvesztett alkotmány. Bp., 1984, 210. o.; Váraljai Csocsán Jenő. La population de la Hongrie an XX-e Siècle // *Revue de l'Est*. Okt. 1974. Vol. 5, p.133–231

⁴ *Für Lajos*. Mennyi a sok sírkereszt? Magyarország embervesztése a második világháborúban. Bp., 1989, 37. o.

⁵ *Nagy Kázmér*. Op. cit., 210. o.

⁶ *Ibidem*

⁷ *Ibidem*

⁸ *Szántó Miklós*. Gondolatok az emigrációról // *Vigilia*, 1971, 9. sz., 599. o.

⁹ *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban, Bp., 1970, 167. o.

¹⁰ *Szabad Föld*, 1987. február 27.

¹¹ *Ibidem*; *Szántó Miklós*. Magyarok a nagyvilágban, 168–169. o.

¹² *Szántó Miklós*. Gondolatok az emigrációról, 599. o.

¹³ *Nagy Kázmér*: Op. cit., 210–211. o.; *Magyarok Világszövetsége a nemzet szolgálatában*. Bp., 1996, 12–13. o.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарон Флориан 73
Аболин 284
Авербух Р. А. 100
Агню В. Г. 464
Агоштон Петер 212, 242
Аденауэр Конрад 499
Адлер Фридрих 214
Адорян Йожеф 519, 525
Аксенте-Север Иоан 73
Алберт Д. 437
Албрих Томас 471
Алвинци Ласло 52
Алмаши Пал 44
Аллари Дюла 137, 229, 232, 233, 235, 282
Амон Ференц 48
Андахази-Кашня Бела 388
Андерле Адам 101, 102
Андич Эржебет 207, 267
Андраши Дюла 6, 34, 35, 45, 69
Анталл Йожеф ст. 424
Апор Габор 409, 424, 434, 450
Аппони Дёрдь 54
Аппони Дёрдь мл. 423, 424, 428
Араньоши Пал 231
Арваи Ласло 101
Асаки Георге 73
Аулих Лайош 29
Ауэр Пал 150, 363, 388, 422, 424, 425, 427, 431, 434, 435, 438, 444, 450, 453, 523, 525
Ач Геден 51
Ач Тибор 53, 101, 102
Ашбот Шандор 39, 50, 52–53
Бабич Ф. 506
Байчи-Жилински Эндре 150
Бакач-Бешшенеи Дёрдь 400, 402, 422, 424–426, 525
Балаж Бела 232, 257, 259, 283
Балог И. 376, 416
Балог Михай (Паца Вазул) 251
Балог Тибор 408
Балог Шандор 259, 278, 279, 471
Бальфур Д. 409
Бан Антал 150, 362, 377, 429, 430, 525
Бандя Янош 31
Баранкович Иштван 376, 386, 412, 422, 429, 444, 453, 521, 525
Бараньяи Л. 423
Бардоши Ласло 299, 407
Барити Миклош 512
Барнуциу Симион 73
Барта А. 423
Барта Шандор 265, 267
Барток Бела 259, 289, 339, 410, 415
Барток Ласло 388, 424, 425, 450
Барца Дёрдь 337, 400–402, 406, 424
Барч Ш. 363
Баттяни Казмер 32–34, 37, 39, 43, 102
Баттяни Лайош 29
Баум Иштван 443
Бауэр Отто 214, 220
Бауэр Эрвин 255
Баяки Ференц 269
Бегович Влайко 513
Беде Иштван 425, 426
Бекеффи Л. 440
Белкин А. М. 365

- Бем Юзеф 32, 33, 34, 35, 40
 Бенедект Марцелл 283
 Бенедикт Отто 256
 Бенеш Эдуард 191–193, 195, 198, 199,
 201, 202, 209, 210, 276
 Беньямин Оливер 458, 519
 Бёлёни Дёрдь 197, 202, 410
 Бём Вилмош 134, 135, 188, 191, 192, 195,
 212, 215, 217, 218, 223, 225, 372,
 388–391, 401, 410, 425, 426, 473, 474
 Бём Карой 99
 Береи Андор 267
 Бери Ласло 437
 Берия Л. П. 372
 Беркович Шандор 251
 Берталан И. 331, 332
 Бетлен Гергей 34, 45, 61
 Бетлен Иштван 133, 224, 230, 358, 359,
 406, 472, 447
 Бёти Эдён 43
 Бибо Иштван 362, 377, 414, 474
 Бикич Г. 451
 Бирани (Шульц) Иштван 48, 52
 Бирман Иштван 243, 264
 Биро Ласло 115, 116
 Бисмарк, Отто фон 68
 Блана Силард 36, 101
 Блументаль Янош 51
 Бобри Йожеф 274
 Бодяи Тамаш 437
 Бокани Дежё 173, 181, 215, 265, 267, 269
 Бокор Бела 431
 Бокор Пал 403
 Болгар Ласло 430, 434
 Болгар Элек 234, 256
 Борбанди Дюла 21, 22, 27, 104, 315–317,
 399, 419, 443, 445, 448, 451, 452, 462,
 468, 470–476, 480, 484, 520, 552, 563,
 565, 566
 Боруш Йожеф 470
 Боршани Дёрдь 178, 278, 280, 281
 Борши-Калман Бела 103
 Боршоди Иштван 453
 Боршош Шандор 430, 434, 443, 527
 Ботлик Йожеф 471
 Боц Карой 241
 Бошкович Дюла 159, 250, 263, 264
 Бошняк Геза 105
 Брандейс Эмил 251
 Брандт Юлиана 471
 Браун Ласло 105
 Бредимас И. 494
 Броз Тито И. – см. Тито (Броз) Иосип
 Будаи Барна 89, 105
 Бурцев М. И. 348
 Бухингер Мано 134, 137, 185, 212, 215,
 224
 Бэлческу Николае 57
 Бэлчану Ион 57
 Ваги Иштван 180, 230, 269, 283
 Ваго Бела 137, 167, 266, 268
 Важони Вилмош 185
 Вайгли Вилмош 51
 Вайда Эмил 101
 Вайсфельдер Дюла 255
 Вайсы семейство 308, 360
 Вали Ференц 525
 Валух Тибор 174–176, 476
 Вальдапфел Эстер 102
 Вамбери Рустем 208, 210, 393, 410
 Вамош Имре 443, 451, 452
 Ванштейн Янош 425, 426
 Варалаи Чочан Енё 577
 Варга Бела 150, 152, 363, 369, 383, 384,
 388, 411, 412 414, 418, 420–422, 424,
 427, 431, 436, 448, 520, 525
 Варга Дюла Андраш 251, 263
 Варга Дюла 163
 Варга Енё 137, 142, 143, 167, 173, 178,
 181, 212, 227, 232, 252, 254, 267
 Варга Иштван 251
 Варга Лайош 20, 27, 281, 282, 525
 Варга Ференц 48
 Варга Эва Мария 156, 279, 283
 Варди Бела 77, 101, 102, 106, 565
 Варьяш Шандор 256
 Варьяш Элемер 239
 Васари Габор 437
 Вагаи Ласло 431
 Ваш Золтан 149, 276, 348
 Вашари Иштван 363

- Вашш Альберт 442
 Вашш Шамуэл 47
 Вебер Макс 253
 Вегел Ласло 510
 Везенмайер Эдмунд 301, 305
 Векеи Антал 53
 Вельтнер Якаб 212, 215, 224
 Вереш Петер 150, 362, 415 469
 Вереш Шандор 68, 71, 100, 101, 102, 103
 Верт Генрих 299
 Веси Матяш 423, 430
 Вечи Карой 29
 Вигнер Енё 290
 Вида Иштван 473, 475
 Вида Иштван Корнел 102, 564
 Видович Ференц 525
 Визнер Ференц 52
 Виктор Эммануил II 61
 Винце Иштван 431
 Витез Шандор 243
 Владар Эрвин 424, 426
 Волошин Августин 296
 Ворошилов К. Е. 368
 Врангель П. Н. 229
 Высоцкий Юзеф 34, 39

 Габор Андор 232, 234, 259, 265, 273, 282
 Габор Денеш 291
 Габор Йозеф 250
 Габор (Юдкевич) Мозеш 162, 165
 Габсбург Иосиф 403
 Габсбург Отто 526
 Габсбурги 29, 30, 31, 44, 55–56, 59, 64, 71, 118
 Гавро Лайош 159, 251, 263–265, 267
 Гавро Ласло 163
 Гал Густав 36
 Галамб Йозеф 109
 Галфи (Галлик) Эндре 53
 Гамбургер Енё 137, 142, 181, 254 – 256, 282
 Гарбаи Шандор 27, 188, 212, 214 –218, 220–226, 281
 Гараи Карой 250

 Гарами Эрнё 134, 137, 186, 188, 194, 195, 204, 205, 212–216, 222, 224, 234
 Гарашин Рудольф 170, 240, 243, 264, 265, 282
 Гарибальди Джузеппе 46, 63, 64, 68, 71
 Гати Чарлз 467, 476, 485, 540, 563, 565
 Гафенку Г. 436
 Гейнрихи семейство 308
 Геллерт Андор 437, 468
 Гельфготт Армин 243
 Генин 50
 Гергей Андраш 103
 Гергей Енё 278, 279, 282, 470
 Гергей Шандор 265
 Герё Эрнё 149, 200, 227, 251, 265, 273, 345, 348–353, 355 358, 378, 460, 505, 558
 Гертхофф Р. Л. 476
 Герцен А. И. 42, 101
 Герштер Бела 81, 104
 Гёмбёш Дюла 285
 Гёндёр Ференц 191, 214, 410, 440, 441
 Гёпперт-Майер М. 290
 Гёргеи Артур 29, 31, 41, 45, 55 Гидаш Антал 259, 260, 265–268
 Гика Ион 57
 Гитлер Адольф 256, 285, 296, 301, 357, 400, 406
 Годжа Милан 191
 Голеску Александру 57
 Гомбош Дюла 442
 Гопкинс Джон 467, 485
 Горбачёв М. С. 492
 Гордон Ференц 388, 423
 Горове Иштван 43
 Гортваи Ласло 255
 Горький (Пешков) А. М. 236
 Гостони Янош 26, 322, 471
 Грейнер Йозеф 251
 Грехенек Дёрдь 51, 53
 Гувер Г. К. 110
 Гуденус Янош 470, 473, 474
 Гулачи Д. 363
 Гулачи Янош 243
 Гюго Виктор 43
 Гүйон Ричард 34, 35, 36

- Давид Золтан 104, 314
Даллес Ален 466, 467
Далноки-Вереш Л. 370
Дамьянич Янош 29
Данисс Д. 26
Данч Лайош 47, 101
Дарани Калман 286
Дараш Войцех Владислав 56
Дарваш Йожеф 150, 362
Деак Золтан 434
Деак Ференц 44, 54, 64, 65, 67, 70, 71
Дежеффи Аристид 29
Дежеффи Дюла 431, 437
Дежеффи Тибор 565
Дежеффи Эмиль 54
Деканозов В. Г. 409
Декань Иштван 274
Декань Карой 430
Дембиньский С. Т. 297
Дембиньский Теодор 50, 51
Дембиньский Хенрик 32–34
Дэнэш И. 267
Дереи Йожеф 87, 88
Держалок Н. С. 280, 283
Дёндёш Иван 259
Дёндёш (Лёви) Иштван 250
Дёндёши Янош 150, 363
Дёркеи Енё 283
Дёрффи Миклош 474, 475, 563, 566
Дзержинский Ф. Э. 263
Димитров Георгий 268, 346, 349, 361
Динер-Денеш Йожеф 191
Динньеш Лайош 150, 363, 413
Доби Иштван 150, 363, 380
Довчак 242
Домбаи Янош 222
Домбради Лоранд 283, 470
Домокос (Домокош) 410
Драхош Эрнё 48
Дреес В. 504, 505
Дуко Хеллема 564
Дулович Дежё 565
Дунёв Иштван 46
Дучиньска Илона 408
Дэри Тибор 198
Дюрман Адольф 37, 39, 51
Енеи Енё 257
Ендрашшик Дёрдь 432
Жданов А. А. 372
Желицки Б. Й. 25, 278, 281, 283, 470–473, 563
Желицки Ч. Б. 25, 111
Жером Бонапарт 60, 61, 63
Жилак Андраш 163, 279
Жилак Шандор 163
Житков К. Е. 241
Жуков Г. С. 276
Жулавски Ласло 53
Заводски Геза 101
Загони Карой 53
Задор Енё 289
Залка Матэ 259, 260, 264, 265, 267
Замойский Владислав 34
Загурецки Д. 437, 441
Зейдлер Эрнё 140, 159
Земсков В. М. 283
Зердахейи Эде 31, 53
Зика Клара 471
Зилаи Лайош 392, 442, 444
Зилахи Иштван 251
Зиммел Георг 253
Зингер Мориц 349
Зичи Отто 31
Золтаи Денеш 470
Золтан Винце 282
Зрини Миклош 522
Игнотуш Пал 408, 410, 444
Ижак Лайош 278, 279, 472–474
Ижо Йожеф 86
Ийеш Дюла 150, 280, 362, 414, 415, 445
Иллеш Бела 207, 259–261, 265, 267, 283
Имреди Бела 286
Имрефи 100
Имреди Бела 286
Индиг Отто 437
Ирани (Хальбшу) Даниэл 42, 43
Ихас Даниел 45, 61, 62
Иштван I Св. 534

- Ёкели Ласло 390
 Йенсен Д. 290
 Йожа Ангал 20, 27, 156, 278–280
 Йонаш Пал 520, 525
 Йошика Миклош 42, 44
 Йошфай Янош 471
 Йошфалуши Янош 26

 Кавур Камилло Бенсо 43, 59–64, 66
 Каган Мозеш 251
 Кадар Янош 149, 350, 356, 481, 492, 494, 506, 511, 512, 522, 526, 538–540, 543, 558
 Кадорян Миклош 244
 Кайзер Янош 24
 Кайлмер Кэмп 532
 Калапса Янош Непомук 51
 Калдор Андраш 251
 Калдор Янош 251
 Калинин М. И. 181
 Каллаи Миклош 401, 407, 423, 426, 427, 432, 525
 Калман Йожеф 248
 Капронцаи Карой 470
 Каради Каталин 410
 Карас А. 444
 Карикаш Фридеш 159, 160, 180, 243, 250, 266
 Каройи Михай 126–133, 147, 187–212, 215, 216, 220, 222, 252, 257, 278, 280, 281, 289, 358, 359, 380, 389, 392, 408–410, 473
 Каройи Михайне 195
 Карос А. 431
 Картали Иштван 251
 Касони Даниел 101
 Катона Габор 48
 Катона Миклош 47
 Каутский Карл 223
 Кейнс Дж. М. 293
 Келемен Андор 251
 Келемен К. 423
 Келемен Кризостом 423
 Келемен Петер 391
 Келен Йожеф 137
 Кемень Дёрдь 437, 444

 Кенелли Томас 514
 Кенеши Ласло Ф. 435
 Керекеш Иштван 111
 Керени Фридеш 48
 Керенский А. Ф. 436
 Керр А. К. 402, 409
 Кергес Иштван 390, 391, 425, 474
 Кергес Стивен Деннис 473
 Кетли Анна 150, 153, 362, 377, 386, 390, 458, 462, 495, 496, 521–526
 Кёваго Йожеф 519, 522–525
 Кёвеш Рожа 20, 27, 280, 281, 521, 525
 Кёзи-Хорват Й. 422, 429
 Кёлбль Карой 51
 Кёнъвеш Кальман 372
 Кёрёши Крижан Ш. 437
 Кёрёши Шандор 251
 Кёрменди Ф. 442
 Киллиан Дёрдь 180
 Кинижи Иштван 51
 Кирай Бела 154, 496, 520–525
 Киров С. М. 268
 Кирсанов К. И. 267
 Кишбарнаки-Фаркаш Ференц 471
 Кишма Карой 251
 Кишш Йожеф 45
 Кишш Лайош 259
 Кишш Шандор 434, 519, 520, 524, 525
 Кишш Эрвин 29
 Клапка Дёрдь 30, 31, 39, 41, 44, 45, 56, 57, 60, 61, 63, 66–69, 101
 Клейн Игнац 243
 Клейтон Джон М. 46
 Кмети Дёрдь 34–36, 39
 Кнежич Карой 29
 Кнефлер Фридеш 53
 Ковач А. 437, 441
 Ковач Бела 363, 364, 371–373, 381–383, 416, 421
 Ковач Густав 53
 Ковач Имре 150, 152, 362, 372, 412, 414–417, 423, 424, 427, 428, 430, 431, 438–440, 442, 444–449, 451–454, 458, 469, 474, 519, 521, 523, 525, 543
 Ковач Тамаш 472
 Ковач Янош 95

- Ковачевич Катрина 507, 508, 664
 Ковачик Йозеф 243
 Козлаи Енё 53
 Козма Ференц 103
 Колман Йозеф 35
 Колтаи-Кастнер Енё 19, 101–103
 Комароми Дёрдь 63, 69
 Комлош Аладар 197
 Компле М. А. 504
 Комят Аладар 232, 265
 Комят Ирен 232, 282
 Кориш Калман 172
 Корниш Карой 48, 52
 Корнфельды семейство 308, 360
 Корнфельд Мориц 423
 Кором Михай 320, 471, 472
 Короткевич Г. Я. 365
 Короцкаи Андраш 241
 Коста Мартон 51
 Костка Лайош 31
 Котра Дёрдь 283
 Кочиш Карой 563
 Кочишне-Надашди Эстер 563
 Кошут Лайош 6, 8, 19, 28, 29, 32–35,
 37–39, 42, 43, 46–51, 53–71, 100,
 100–103, 278, 472
 Кошут Ференц 103
 Крашко М. 558
 Крашко Шандор 163
 Крейчи Режé 231
 Кривачи Гергей 45
 Кристич Шандор 117
 Крухин В. 440
 Куза Александру Ион 60, 64
 Кузнецов А. А. 372
 Кульчар Калман 278
 Кун Бела 126, 127, 130, 131, 140–145,
 159–161, 164–167, 170, 175–177,
 180, 181, 183, 189, 195, 197, 205,
 213, 216, 222, 226–236, 248, 249,
 251, 257, 259, 261, 264, 265–269,
 279, 282, 283, 351
 Кун Ирена 278
 Кун Э. Б. 265
 Кундц Тивадар (Теодор) 96
 Куне Дюла 53, 102
 Кунфи Жигмонд 27, 134–138, 188, 192,
 195–197, 205, 212–216, 218, 219,
 221–224, 280, 281
 Купа Карой 45
 Кути Енё 506, 507, 511
 Куэи-Хедервари III. 406
 Кэмп Маркос 305
 Кэсс Льюис 49
 Кюкемезеи Михай 48
 Лайнинген-Вестербург Карл 29
 Лазар Вилмош 29
 Лазарсфельд П. 528
 Лангер Игнац 48
 Ланер Дёрдь 29
 Ландлер Енё 130, 137, 180, 181, 197,
 200, 212, 215, 217, 222, 228–231,
 233–235
 Ландлер Эрнё 250
 Лани Шаролта 259, 267
 Лантош Алфред 255
 Лантош Том 335
 Ласло Аладар 264
 Ласло Енё 137
 Ласло Иштван 434
 Ласло Карой 51, 100, 101, 102
 Ласлофалви Велич Карой 40, 101
 Лебович Фаркаш 177, 251
 Леваи Лайош 89, 91, 95
 Ледрю-Роллен, Александр Огюст 56
 Лендваи Миклош 79, 103, 104
 Лендел Дюла 250
 Лендел Йозеф 261, 262, 266, 281
 Лендел Меньхерт 410, 442
 Лендел Эмил 470
 Ленин (Ульянов) В. И. 140, 141, 160, 164,
 170, 195, 197, 213, 229, 232, 243, 244,
 252, 253, 279
 Леснаи Анна 210, 442, 444
 Лёви Даниел 101
 Лёви Дюла 251
 Лёвингер Йозеф 253
 Лигети К. 159, 160
 Линдт А. 482, 507, 508
 Липпаи Золтан 265, 357, 358, 359, 360
 Липпаи И. 267

- Липпоци Миклош 441
Липтаи Лайош 403
Липтаи Эрвин 100
Липшиц Эрнэ 177
Лисак Янош 96
Лист Ференц 31
Литван Дёрдь 280
Лифшиц М. А. 377
Ловаси Мартон 185
Лойе М., фон 290
Лопес Нарсисо 47, 51, 101
Лоранд Ференц 243
Лорен Л. С. 464
Лукач Дёрдь 130, 143, 180, 222, 228, 233, 235, 252–255, 262, 279, 282, 350, 377, 379, 415, 473
Лукач Лайош 103
Лукач Паула 104–106
Лукач Шандор 48
Луначарский А. В. 213, 254, 260
Львов В. 75
Людвиг Янош 42, 64
Люллей Мануэл 39
- Мадарас Ласло 48, 278, 472
Мадарашши-Бек семейство 308
Маджар Йозеф 186, 197, 207, 2334
Мадзини Джузеппе 50, 56, 57, 59
Мадьяр Лайош 143, 262, 263, 265, 283
Мадяри 54
Майер Янош 111
Майерхофф Георг 235
Майерхоффер Янош 51
Майор Отто 281
Майский И. М. 201
Майтени Йозеф 48
Макк Йозеф 53, 58
Маккергар Джеймс Г. 466, 475, 476
Мак-Клеллан Джордж Brenton 44
Макра Золтан 401
Макрерри Р. 317
Маленков Г. М. 372
Маллах Андре 333
Манди Карой 53
Мандрик Иван 105
Маник Пал 510, 511
- Манн Томас 444
Мануильский Д. З. 349
Манфреды семейство 308
Мараи Шандор 437, 438, 442, 444, 460, 461
Марки Шандор 101
Маркс Карл 253
Маркуш Пал 178, 179
Маршан Дёрдь 150, 362
Мароши Ф. 424
Мархлевский Ю. Ю. 182
Марш Джордж Перкинс 38
Масарик Т. Г. 190, 192, 195, 196, 199, 211
Матейка Янош 255, 265
Магушка П. 425
Маутнеры 360
Маца Янош 227, 265, 267
Маяковский В. В. 236
Мейер Рудольф Герман 85
Мераи Тибор 486, 558, 559, 566
Мери Мор 41
Меркадер Рамон 349
Месарош Имре 53, 558
Месарош Лазар 32, 33, 34, 37, 41, 43, 47, 52, 101
Месарош Ласло 258
Месленине Жужанна 59
Мессингберд Э. 38
Микеш Д. 442
Микеш Имре 434, 437, 438
Микита Иштван 430
Микоян А. И. 248
Милей Дёрдь 20, 27, 156, 158, 278–280
Михаил III Обренович 64
Михайфи Э. 363
Михалович Ж. 423
Михалоци Геза 53
Модьороди Адольф 46
Мозеш Габор 162
Молитор Густав 47
Молнар Йозеф 438, 443, 451, 452
Молнар Ференц 410, 440, 442
Мологов В. М. 275, 297, 372–374, 402, 409
Монтгомери Дж. 302, 406
Монти Алессандро 34, 38

- Мориц Жигмонд 415
 Мориц Калман 471, 565
 Мохой-Надь Ласло 232, 292
 Мурбер Ибоя 563
 Мучи Имре 111
 Мучи Ференц 222, 281
 Муштарди Янош 36
 Мюллер Арманд 250
 Мюллер Эрнэ 180, 268
 Мюнних Фернц 140, 177, 233, 243, 260,
 264–266
- Надаши Енё 434
 Надь Бела 558
 Надь Винце 413, 422
 Надь Жужа 278, 279, 281
 Надь Имре 149, 154, 264, 273, 348, 350,
 428, 449–451, 462–466, 486, 487, 495,
 496, 505, 511, 520–524, 536, 558,
 559
 Надь Иван 278, 282, 471
 Надь Казмер 21, 22, 27, 385, 430, 441,
 472–476, 517, 518, 565, 577, 581
 Надь Ференц 150–152, 350, 354, 363, 364,
 369, 371–373, 381–384, 388, 389, 391,
 393, 394, 396, 411–414, 418, 420–422,
 424, 425, 427, 428, 430, 431, 438,
 440–442, 444, 445, 448, 452, 453, 457,
 458, 462, 472–474, 518, 520, 523, 525,
 526, 544, 565
 Надь-Шандор Йожеф 29
 Надь Эрнэ 486, 556, 563
 Надъагади-Сабо Иштван 110
 Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт)
 55, 59, 61, 62
 Напхеди Габор 52
 Нейман Янош 289
 Немеди Бодог (Феликс) 51, 52
 Немет Андор 198
 Немет Йожеф 53
 Немет Карой 183, 283
 Немет Ласло 415
 Немеш Дежё 267, 276, 279, 283
 Немешкери Кишш Миклош 41, 46, 61,
 101, 102
 Николай I Романов 29, 34
- Никсон Ричард 483
 Нирё Йожеф 442
 Нистор Дёрдь 181
 Новак Калман 243
 Ногради Шандор 273, 283, 352
 Нюйто Матяш 51
- Обреновичи 60
 Омер-паша (Латас Михай) 34
 Орбан Балаж 43
 Орбан Виктор 522
 Орбан Шандор 316
 Орджоникидзе Г. К. 243
 Орос Надор 180
 Ортутаи Дюла 150, 363
- Пайкерсджилл Д. 465
 Паллавичини 360
 Палош Маргит 251
 Палффи Д. 370
 Пальмерстон Г. Д. 55
 Панцел Енё 111
 Папиу-Илариан Александру 73
 Папп Янош 100, 101
 Паскевич И. Ф. 29
 Патаки Джорж 333
 Патаки (Пирингер) Михай 59
 Патаки Ференц 251, 263, 264, 283
 Паца Вазул (Балог Михай) 251
 Пейдл Дюла 137, 152, 185, 194, 216
 Пейер Карой 136, 137, 150, 152, 223, 362,
 374, 377, 386, 390, 412, 414, 422, 429,
 460, 525
 Пейковска Пенка 103
 Пелени Янош 424, 425
 Перени Бела 92, 96, 105, 106
 Перени Янош 179
 Перцел Миклош 34, 37, 39, 43, 53, 101
 Перцел Мор 34, 37, 39, 43, 63
 Петер Габор 352, 365, 449
 Петёфи Шандор 33
 Петрак Каталин 20, 27, 172, 270, 279,
 280, 282, 283, 346, 472
 Петрович Иштван 437
 Пеханы Адольф 106
 Пёльтенберг Эрнэ 29

- Пивани Енё 53, 102, 105
 Пий XII 301
 Пирсон Л. Б. 464
 Планк М. 290
 Погань Йозеф 143, 181, 212, 227, 228,
 233, 234, 251, 282
 Подманицки Фридеш 67, 103
 Подманицки (Йошика) Юлия 45
 Подхрадски Карой 51
 Покорни Антал 53
 Полани Карой 186, 187, 197
 Полани М. 408
 Полани Янош 291
 Полони Михай 290, 444
 Помуц Дёрдь 48, 54
 Понграц Гергей 496
 Поор (Пор) Эрнё 159, 167, 177, 243,
 250
 Поппер Джон 234
 Пор Бергалан 410
 Поордань Ласло 335, 471
 Прагаи Янош 47, 51
 Прагер Енё 218
 Прессер Иштван 430, 527
 Прик Йозеф 38
 Притц Пал 278, 279
 Пуки Миклош 41, 44
 Пульски Терезия 33, 42
 Пульски Ференц 33, 40–43, 55, 56, 63,
 71, 102, 103
 Пушкаш Ференц 497
 Пушкаш Юлианна 19, 26, 27, 103–106,
 278, 279, 470, 581
 Пфейффер Золтан 150, 363, 368, 376,
 377, 385, 386, 412, 413, 423, 427, 448,
 521, 526
 Рааб Н. 178
 Рааб Юлиус 462, 479
 Рабинович Йозеф 140, 159, 251, 267
 Равас Карой 444
 Радвански Антал 434, 441
 Раднаи Эндре 441
 Раднич Имре 51
 Раднич Иштван 48
 Раднич Янош 51
 Радо Шандор 232, 282
 Райк Ласло 149, 203, 251, 356, 370, 389,
 426
 Райнер Карой 140, 159
 Ракоци Ференц II 7, 114
 Ракоши Матяш 145, 149, 151, 152,
 180, 182, 202, 203, 227, 251, 273,
 275, 345–356, 358, 359, 361, 364,
 368, 369, 371, 373, 376, 379–381,
 388–400, 410, 412, 425, 427, 430,
 445, 448, 449, 455, 456, 460, 472,
 473, 451, 454, 458, 467, 470, 473,
 496, 505, 534, 549, 558
 Ракшани Арпад 519
 Рандэ Енё 637
 Ранкович А. 513
 Рапач Янош 86
 Рац Иштван 77, 104, 105, 519
 Реваи Андраш 408
 Реваи Йозеф 149, 180, 227, 251, 268,
 273, 345, 346, 348, 350–352, 356,
 377, 378, 472
 Ревес Имре 266
 Регей Ш. 206
 Резак Р. 442
 Рейтё Ференц 442
 Рекендорф Тибор 51
 Ремени Йозеф, капитан 51
 Ремени Йозеф 289, 442
 Ремени (Хоффман) Эде 31
 Реннер Карл 193, 198
 Реннер Петер 458
 Рехберг Иоганн Бернанд 62
 Решид-паша 34
 Рёрхолт А. 501
 Риббентроп Иоахим 297
 Робай Янош 36
 Робертс Генри Л. 528
 Рожафи (Рузичка) Матяш 53
 Роллан Ромен 236
 Романовы династия 116
 Ромбауэр Роберт 53
 Ромбауэр Родерик 53
 Ромбауэр Теодор 48
 Ромшич Игнац 278, 472
 Ронаи Золтан 188, 212, 218, 223

- Ронаи Шандор 150, 362
 Ронаи Эржебет 214
 Ронаи (Лейцингер) Яцинт 41
 Рот Ференц 243
 Рошти Пал 52
 Руге Арнольд 56
 Рудаш Ласло 137, 167, 227, 251, 265, 267
 Руднянски Эндре 159, 177–180
 Рузвельт Н. 406
 Рузвельт Теодор 109
 Рузвельт Франклин Д. 406
 Рязанов Д. Р. 264
- Сабадосх Шандор 177, 250, 267
 Сабо Агнеш 20, 27, 222, 281, 282
 Сабо Арпад 150, 363
 Сабо Б. Иштван 363
 Сабо Джон 86
 Сабо Дюла 251, 267, 519
 Сабо Золтан 273, 414, 437, 438, 442
 Сабо Ч. Ласло 442, 444, 450
 Сабо Миклош 457, 473, 475, 484, 519, 523
 Сабо Пал 525
 Сабо С. Пал 430, 431
 Сабо Янош 240, 282
 Сакашич Арпад 150, 202, 362, 364, 371, 372, 379, 380
 Сакки Гаэтано 50
 Салаи Ласло 44, 440
 Салаши (Салашян) Ференц 120, 122, 286, 294, 301, 303–307, 322, 342, 397, 407, 426, 439
 Сальцер Шандор 100, 101
 Самуэли Д. 268
 Самуэли Тибор 159, 160, 268
 Санто Бела 137, 164
 Санто Золтан 180, 227
 Санто Миклош 22, 23, 26, 27, 102, 103, 106, 278, 313, 470, 471, 540, 563–566, 581
 Санто Режé 177, 181, 243, 346
 Сарвади (Хирш) Фридеш 42, 60
 Саркози (Шаркёзи) Николя 333
 Сас Йожеф 117
- Сатмари Шандор 250, 251, 268
 Сатон Режé 251
 Свердлов Я. М. 182
 Свиридов В. П. 368
 Свобода Людвиг 274
 Севольд Андор 51
 Сегеди-Масак Аладар 388, 424, 425
 Седер Ференц 150, 362, 377
 Секач Антал 91
 Секфю Дюла 150, 362, 377, 389
 Селиг Имре 429, 430, 454, 458, 460, 521, 525, 526
 Семак Енё 404
 Семере Бергалан 32, 34, 43
 Семеш Иштван 434
 Сенде Пал 186–188, 191, 192, 194, 200, 205, 207, 218, 223
 Сент-Дёрди Альберт 289, 293, 392, 401
 Сент-Ивани Домокош 370
 Сентивани Ференц 81, 103–105
 Сентирмаи Ласло 470, 473, 474
 Серени Антал 51
 Сечен Антал 54
 Сечени Имре 85, 94, 104, 105
 Сёни Мартон 274
 Сётч Иштван 471
 Силади Виргил 67
 Силади Дежé 250
 Силади Йожеф 441
 Силард Лео 290
 Сирмаи Иштван 512
 Славич Иоан 73
 Смит Д. Б. 41
 Солженицын А. И. 261
 Солноки Иштван 363
 Сомбати Шандор 434
 Сталин И. В. 251, 262, 285, 302, 354, 358, 372, 378, 382, 394, 397
 Станкович Виктор 437
 Стессен Гарольд 436
 Стефанович С. 508, 511
 Стояи Дежé 402
 Стыкалин А. С. 282
 Стюарт Дадли Коутс 41
 Суслов М. А. 358

- Сцитовски Тибор 423
 Сьюард Уильям Генри 49
 Сюз (Сюс) Геца 410
 Сюс Миклош 408–410
 Сюч Иштван 244
 Сюч Ференц 244
- Такач Ференц 53
 Тали Жигмонд 43
 Таллош Тибор 558
 Тамаши Арон 460
 Таубингер Ласло 319
 Тезла Альберт *103–105*
 Тейхнер Луи 86
 Телеки Бела 423
 Телеки Геца 333
 Телеки Ласло 40, 43, 55–57, 61, 64, 65, 67, 102
 Телеки Максимилян 333
 Телеки Пал 401
 Телеки Шандор 43, 43, 46
 Телл Кристиан 73
 Теллер Эде 290
 Теннер Лайош 53
 Тёрёк Игнац 29
 Тёрёк Лайош 51
 Тёрёк Янош 59
 Тильди Золтан 150, 151, 363, 364, 370, 373, 380, 462
 Тирринг Густав 75, 84, 92, *103–105*
 Тирринг Лайош 470
 Тиса Иштван 90
 Тиса Калман 89
 Тито (Броз) Иосип 430, 452, 505
 Титов В. П. 35
 Тока Габор 565
 Торбади Петер *101, 102, 105*
 Тот Лёринц *101*
 Тот Пал Петер 475
 Тот Шандор 283, 470
 Троцкий Л. Д. 349
 Трумэн Гарри С. 384
 Тури Лайош 437, 441
 Тусар Властимир 195
 Тьюкёри Лайош 45, 46
 Тюрр Иштван 39, 45, 46, 63, 67–69
- Уитц Бела 227, 258, 265
 Уйхази И. 268
 Уйхази Ласло 32, 38, 46, 48, 49, 63, 69
 Уллайн-Ревитцки Антал 401, 402, 424, 425, 434, 474
 Ульманы семейство 308
 Урбан Карой 472, 473
 Уста Дюла 274
 Уташши Антал 53
 Уташши Фридеш Дёрдь 53
 Уэбстер Дэниел 46, 47
- Фабиан Бела 414, 525
 Фараго Габор 299
 Фаркаш Владимир 472
 Фаркаш Дюла 251
 Фаркаш Кагалин *103*, 114, 115
 Фаркаш Лайош 48
 Фаркаш Михай 149, 251, 273, 320, 348, 350, 351, 356, 378
 Фаркаш Пал 84, 87, *104–106*
 Фаркаш Ференц 321, 403, 405, 526
 Фейош Золтан *104*
 Фейтё Ференц 430, 444
 Фекете Дюла 555, 556, 561, 562, 566
 Фекете Рудольф 159, 251, 263
 Феньё М. 434, 444, 453
 Ференци Шандор 83
 Ферми Лаура 470
 Ферми Энрико 290
 Фехервари Миклош 49
 Фештетич семейство 360
 Фиала Янош 51, 53
 Фигл Леопольд 479, 481
 Фиделмеши Фюлёп 46
 Филдинг Уильям Стивенс 95
 Филлмор Миллард 50
 Фило Шамуэл 363
 Финнер-Грэн Й. М. 493
 Фриснер Ганс 277, 283
 Форд Генри 109
 Форнет Корнел 47
 Форро Ференц 441
 Франц Иосиф I Габсбург 29, 34, 63, 65, 66, 69–71, 86

- Фридман Милтон 293
 Фримонт Джон 53
 Фришш Иштван 267, 273
 Фут Генри Стюарт 46, 49
 Фюлеп Михай 470
 Фюр Лайош 314, 470, 471, 581
 Фюрст Шандор 180, 234
- Хаас Арпад 233, 282
 Хаваш Э. 408, 410
 Хаваши Андраш 255
 Хази Арпад 381
 Хайду-Немет Лайош 391
 Хайду Пал 177, 265–267
 Хайду Тибор 20, 278–281, 407, 474
 Хайек Фридрих 293
 Хайи Ласло 231, 250
 Хайнал Иштван 19, 100
 Хайналне Кешшерю Жужа 472
 Хайнау Юлиус 29, 30
 Хайнер Игнац 48, 49
 Хайник Пал 50
 Халас Дёрдь 243
 Халас Имре 101, 102
 Халас Йожеф 232, 250
 Хам Тибор 432
 Хаммершельд Д.Я. 495
 Хаммершмидт Карой 36
 Ханак Петер 77, 84, 279
 Хараста Геза 53
 Хатвани Берталан 444
 Хатвани-Дайч семейство 308
 Хатвани Лайош 185, 408, 410
 Хаубрик Йожеф 242
 Хауслаб Франц 36, 70
 Хевеши Акош 232, 256, 264, 282
 Хевеши Дёрдь (Георг) 289, 392
 Хевеши Дюла 137, 181, 255, 256, 282
 Хегедюш Б. Андраш 472
 Хегедюш Лорант 73, 93, 103, 105
 Хей Фридеш 105
 Хелмер Оскар 479, 481
 Хелгаи Дёрдь 520, 524, 559
 Хелфи Игнац 42, 101
 Хеннеи Густав 424, 441, 525
- Хеннингсен Чарльз Фредерик 38
 Херинг Калман 87
 Хидаш Петер 476
 Хлепко Эде 265, 269
 Ховейда А. 508
 Хок Янош 132, 191
 Холлан Шандор 424
 Холлендер Шандор 159
 Хорват Бела 437, 451
 Хорват Геден 251
 Хорват Д. 408, 410
 Хорват Михай 44, 100
 Хорват Дежё 408, 410
 Хорват Ференц 404
 Хорват Чаба 472
 Хорват Янош 519
 Хори Михай 41
 Хорин Ференц 308, 423
 Хорины 360
 Хорн Эде 42
 Хорти Миклош 9–11, 119, 120, 124, 127, 130, 133, 136, 143, 147–149, 185–187, 190, 191, 194, 195, 198, 213, 217, 222, 230, 234, 278, 294, 299–304, 307, 322, 357, 370, 401–409, 439, 471
 Хорти Миклош, мл. 301, 423, 424
 Хоффманн Геза 97, 99, 106
 Хоффманн Гезане 104–106
 Хохгольцер Хуго 48
 Хохлейтнер Карой 53
 Хохфельдер Ирен 267
 Хрущев Н. С. 386
 Хуйбер Игнац 251
 Хусти Ференц 251
 Хюлземанн И. 47
 Цец Янош 39, 52
 Циннер Тибор 537, 563, 565
 Цобел Эрнё 265
 Цупи Балинт 391, 437
- Чайка-Чайковский Константин 34
 Чаки Тивадар 69
 Чарторьский Адам 34, 57
 Чеби Лайош 511, 513
 Чепели Дёрдь 565

- Черешнеш Ференц 499, 563, 564
 Чернатони Лайош 42
 Чеснокне Кукучка Кагалин *104, 105*
 Чжоу Энълай 512
 Чика Д. 425
 Черноки Виктор 380
 Чудаффи Михай 46
- Шайти А. Эникё 508, 564
 Шалата Калман 414, 431
 Шаллаи Имре 180, 181, 251
 Шандори Виктор 53
 Шаркёзи Пал 333
 Швайдель Йозеф 29
 Шварценберг Феликс 39
 Шемшеи Калман 53
 Шёпф 34
 Шёпфлин Дюла 425, 426
 Шигмонд Андор *104*
 Шик Эндре 256, 257, 267
 Шимони Генри 191
 Шинка Иштван 415
 Шипош Петер 470
 Ширак Жак 333
 Шлахта Маргит 386
 Шлезингер Лайош 51
 Шмераль Богумир 198
 Шнайдер Антал 36
 Шоймош Габор 86
 Шомоди Эва *103*
 Шомоди Пал 259
 Шоош Геза 443
 Шош Пал 20
 Шош Петер Янош *105, 563, 565, 566*
 Шпелетич Бодог 48
 Штарк Тамаш 321, 471
 Штахель (Самвальд) Дюла 53
 Штейн Максимилиан 34, 35
 Шуйок Дежё 150, 363, 364, 368, 374, 385,
 386, 412, 413, 423, 427, 448, 459, 474,
 525
 Шуман Р. 450
 Шюкошд Михай 281
- Эбер Нандор 41, 42, 46
 Эберхардт Карл 45
 Эгрешши (Галамбош) Габор 33, *100, 101, 103*
 Эйзенхауэр Дуайт 317, 466, 467
 Эйнштейн Альберт 290
 Эйхман Адольф 308
 Эк Шандор 232, 258
 Экхардт Тибор 406–410, 413, 423, 424,
 431, 432, 448, 525
 Энгельс Фридрих 253
 Эрберлинг Ференц 87, 88
 Эрдеи Ференц 150, 362
 Эрени Тибор 20, 27, 280
 Эрши Иштван 473
 Эстерхази семейство 360
 Эстерхази Пал 31, 43
 Эштван Бела 54, *102*
- Юбал Карой 59
 Юдин П.Ф. 358
 Юнгерг-Арноти Михай 270
 Юстус В. Б. 166
 Юстус Пал 426
 Юхас Вилмош 444
 Юхас Дюла 305, 470, 474
 Юхас Калман 430
 Юхас Лайош 564
 Юхас Ласло *101*
 Юхош Янош 47
- Явор Пал 410
 Якаб Йозеф 255
 Якаб Шандор 278, 279
 Ямбор Пал 403
 Янек Иштван 281
 Янко Агошт 79, 80, 89
 Яноши Йозеф 437
 Яношши Денеш 19, *100–102*
 Янчик Ференц 160, 250, 265
 Яси Оскар 131–133, 186–188, 191, 192,
 194–200, 202–214, 223, 278–281, 392,
 407, 410, 444

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел I	
Исторические предпосылки и начало первой массовой эмиграционной волны из Венгрии (середина XIX – начало XX века)	28
<i>Глава 1</i>	
Беженцы и эмигранты после поражения венгерской национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг.	28
<i>Глава 2</i>	
Экономическая эмиграция с территории Венгерского Королевства (1849–1914)	72
Раздел II	
Эмиграционные процессы после Первой мировой войны. Эмигранты из Венгрии в Восточной и Центральной Европе	107
<i>Глава 1</i>	
Общая характеристика эмиграционных волн и потоков XX века. Эмиграция трудовая и политическая	107
<i>Глава 2</i>	
Уроженцы Венгрии в Советской России: от военнопленных до формирования восточной политэмиграции (1918–1922)	154
<i>Глава 3</i>	
Эмиграция венгерских буржуазных радикалов и левых политических сил в Центральной Европе. Основные эмиграционные центры (20–30-е годы XX века)	184
<i>Глава 4</i>	
Политэмигранты и трудовые мигранты Венгрии в СССР	237

Раздел III

Вторая эмиграционная волна: западное направление массовой эмиграции в конце и после Второй мировой войны (1944–1948) 284

Глава 1

Венгерские беженцы новой мировой войны и размещение эмигрантов по странам мира 284

Глава 2

Коммунисты-реэмигранты и основные причины новых эмиграционных потоков из народно-демократической Венгрии (1947–1949 гг.) 342

Глава 3

Венгерская политэмиграция на Западе: её основные цели, устремления и деятельность. Венгерский Национальный Комитет (40–50-е годы) 399

Раздел IV

Третья волна венгерской массовой эмиграции и эмигранты 1956 года 477

Глава 1

Массовое диссидентство и политэмигранты 1956 г. в странах Запада 477

Глава 2

Структурные сдвиги в политэмиграции на Западе после поражения венгерской революции 1956 г. 515

Глава 3

Беженцы-эмигранты 1956 г. глазами Запада и коммунистического руководства Венгрии 527

Глава 4

Проблемы адаптации эмигрантов к западной жизни и сохранения их национальной идентичности 544

Вместо заключения 567

Именной указатель 582

Научное издание

Бела Йозефович Желіцкі
Чілла Беловна Желіцкі

**ВЕНГЕРСКИЕ ЭМИГРАЦИОННЫЕ
ВОЛНЫ И ЭМИГРАНТЫ**
(середина XIX – конец 50-х годов XX века)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)954-17-52
+7(495)938-01-00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) —
95 3800 5

Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
37,5 п. л. Тираж 800 экз.

В монографии рассматриваются массовые эмиграционные процессы, имевшие место в Венгрии на разных этапах истории начиная с 1849 г. по 1957 г. включительно. В ней впервые в отечественной и зарубежной историографии научному анализу подвергается большой комплекс материалов по экономической (трудовой) и политической эмиграции, позволяющий получить цельное представление об этих сложных процессах. Прослеживаются три крупные эмиграционные волны, исходившие из страны, раскрыты причины и обстоятельства их возникновения, прохождения крупных эмигрантских потоков в восточном и западном направлении, показана география размещения трудовых и политических эмигрантов в разных странах мира, включая Россию (СССР), США и Канаду, ряд государств Европы и Южной Америки, а также Австралию.

